

- [Пикуль Валентин](#)

-

Пикуль Валентин

Из тупика

Пикуль Валентин Саввич

Из тупика

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания в конце текста книги.

Аннотация издательства: В романе отражен сложный период нашей истории, связанный с созданием Мурманской железной дороги и формированием флотилии Северного Ледовитого океана, из которого позже родился героический Северный флот. Русский крейсер "Аскольд" Начал боевую службу в Дарданелльской операции, а вошел в революцию кораблем Северной флотилии. Большая часть романа посвящена борьбе с интервентами на Мурмане, в Архангельске, в Карелии.

С о д е р ж а н и е

От автора

Книга первая. Проникновение

Очерк первый. Годы в броне

Очерк второй. Дорога в тупик

Очерк третий. Предательство

Книга вторая. Кровь на снегу

Очерк первый. Нашествие

Очерк второй. Преддверие

Очерк третий. Мой океан

Комментарии

Примечания

Рожденные в года глухие

Пути не помнят своего,

Мы, дети страшных лет России,

Забыть не в силах ничего.

Александр Блок

От автора

Эта книга - исторический роман-хроника. Необходимого для любого романа вымысла в этой книге столько, сколько требуется от автора, чтобы связать воедино людей и события.

Большинство героев романа - образы собирательные, и если кто-либо

узнает себя в моих героях, то это будет лишь совпадением (совпадением случайным).

Приводимые в книге документы, записи отечественных разговоров, телефоне- и радиограммы (за исключением незначительных или сугубо частных) приводятся мною дословно, лишь иногда подвергнуты сокращениям, которые оговорены в тексте книги.

Хронологическая канва сохранена в романе, по возможности, в точности как можно ближе к фактам, потрясавшим тогда весь мир...

Я писал эту книгу, часто и подолгу думая о моем друге - Андрее Александровиче Хршановском.

Он был редактором моей первой книги и стал моим другом.

Его памяти, светлой для меня и для многих, я и посвящаю этот роман, который он уже никогда не прочтет.

Книга первая.

Проникновение

Очерк первый.

Годы в броне

Дорога первая

Вот этим затупленным ножом форштевня распороты страницы двух великих океанов; воюющие за кормою винты накрутили на счетчиках сотни боевых дней. Пространство и время, время и пространство, часы и лаг. два круглых табло в ровном жужжащем свете. Правда, в этой стихии было еще и третье измерение глубина. Но корабельный лот, наотмашь кинутый в темную тайну, не может прощупать фунтовых хлябей, вечно утопающих в бездонном мраке.

От этого и шутики на крейсере злы, безнадежны:

- Да, в такой речке нашим пескарям делать нечего, одна хорошая мина от немца, и нырнем - как кирпичики...

Громяхающая орбита войны охватывала земной шар от Дувра до Гонконга, и по этой орбите - зигзагами! - двигался русский крейсер первого ранга "Аскольд". Изношенный корпус корабля-ветерана трясла окаянная вибрация, а команду трепали тропические лихорадки; матросов мутило от вератрина и салофена, от дурной пищи и дешевой банановой водки.

"Аскольд" болтало у черта на куличках - там, где Россией и не пахло, между Филиппинами и Японией, от Адена до Коломбо. В погоне за немецким рейдером "Эмден" дошли до Кокосовых островов; вожди диких племен дарили русским морякам свиней. А чтобы свиньи не подошли от голода, их снабжали и кормом - ананасами. По традиции (нигде не писанной, но святой) дары делились сословно: свиней отсылали на камбуз -

матросам, в кают-компанию ананасы. Среди ночи, бывало не раз, крейсер едва не давил японские кавасаки. Сонные рыбаки в белых киримонэ махали "Аскольду" фонарями из промасленной бумаги:

- Русики матросики хоросо, хоросо... Банзай!

И темной, жарко дышащей громадой мимо проносился русский крейсер вперед, во мрак, в неизвестность. Не однажды блуждали и возле проклятой Цусимы, злобно сплевывая в шипящую воду. А назавтра, уже в притонах Сингапура, их встречали дешевые женщины; прически у них - в бамбуковых сеточках, на ногах - мужские носки из германского фильдекоса.

Матросы пьяно рвали на себе рубахи, кисло и неумно плакались:

- Слышь, косая? Платочек-то - во... Грунькин ишо! Кады прощались, Грунька-то и грит: "Ждать, мол, стану, родима-ай..." Доколе ждать-то? Весь я, как есть, моряк Тихого океану, и нету мне никакого спасения. Держи, косая, платочек тебе на память... Он еще не засморкатый!

Команда "Аскольда" состояла из людей послуживших. Пора бы домой вчистую, когда грянул нелепый выстрел в Сараеве, и - прощай, сундуки и чемоданы, на которых намалеваны гордые надписи: "МОРЯК ТИХОВА ОКЕАНУ". Теперь же, в составе особой Эскадры Китайской Станции (под русским флагом, но под британским командованием), ходили в кильватере заодно с хищными японскими крейсерами "Ибуки", "Чикума" и "Накаси́ма". Одно плохо: туго доходят письма из заснеженных деревенок России до тропической Манилы... Ай как туго!

Российский посланник в Токио заверил командира крейсера, что почта нагонит "Аскольд" на заходе в Коломбо. Но разве можно верить дипломатам? На Цейлоне было все, что душе угодно для разгула (мичмана Женьку Вальронда даже нагишом с берега привезли). Но вот писем... увы, не было. Потом консул в Бомбее сообщил, что французский угольщик уже вышел в порт Носси-Бэ, очевидно, союзная служба доставит туда же, вместе с углем, и почту.

Будем надеяться... И три винта снова взорвали воду за кормою крейсера.

Раскаленный тропический купол, пронизанный выстрелами, искрами радиопередач и воплями тонущих экипажей, зыбко нависал над дрожащей палубой. Задраенные в броневых коробках, вахты задыхались. А в кубриках шуршащие полчища тараканов ползали по влажным от пота телам матросов лезли в рот, в уши, в ноздри. Отвращение давно притупилось в людях, и тараканов давили пальцами - на хлебе; хрустели они под пятками - на палубном линолеуме. Зато шесть обезьян-лемуров, купленных

офицерами по пьяному делу, стали друзьями матросов: они беспощадно уничтожали легионы пруссаков. Самца-лемура, охотно крившего самок на вантах под небесами, матросы прозвали точно - Гришкой Распутиным... Постыло все. Окаянно!

Далеко в океане стали выплескивать миски с супом. Причина тому "потемкинская": суп плох, приготовленный из аденских запасов верблюжатины. Командир крейсера каперанг Иванов-6 разволновался:

- А что они хотят после захода в Аден? Не марципаны же будут подавать нам союзники. Впрочем, постройте команду на шкафуте по малому сбору. Офицерам явиться тоже...

Построились. Высохшие от жары. Настилы палуб, словно раскаленные сковороды, обжигали босые пятки. С кормы крейсера, где стояли походные курятники, вдруг запел петух. Так хорошо, так сладко вспомнились русские прохладные рассветы... В белых пробковых шлемах, в прозрачных сетках на голом теле, под покровами тентов сгрудились офицеры. Иванов-6 развернул в руках бумагу, и ее сразу же скомкал ветер океана.

- Претензии команды, - прокричал он зло, - да, основательны: верблюды еще не скотина! Но вы желаете бунта на корабле? В такой час, когда весь мир потрясен варварством новых гуннов... Слушай приказ! Приказ германского кайзера, обращенный к немецким солдатам на Восточном - на русском же, нашем! - фронте...

Ошалело дрогнули ряды. Вытянулись шеи матросов.

Ветер рвал и уносил в безбрежие слова бесноватого кайзера: "...помните, что вы, немцы, избранный народ. Дух божий сошел на Меня, ибо Я - император великой германской нации, Я - орудие Всемогущего, его Мен и Воля... Уничтожение, и смерть всем, кто противится, всем, кто не верит в Мою божественную миссию... Да погибнут все враги германского народа! Бог, вещающий ныне через Меня, требует от вас исполнить Его святую волю!..."

А в группе офицеров были и такие природные "русаки", как фон Ландсберг, барон Фитгингоф фон Шелль и прочие. Что они думали, слушая приказ кайзера, это пусть останется между ними. Иванов-6, пустив бумажку по ветру, кричал уже о своем - кровном, русском, наболевшем:

- Бунтовать... так растак! Бунтуйте. Играйте на руку подлого кайзера. Я недаром прочел вам его приказ. Чтобы вы, сучьи дети, знали - враг жесток и опасен... Россия ведет войну за свое сохранение. Сейчас вершится судьба всего мира, а вы... Верблюда жрать испугались? А в деревне соломка с крыши - что? Разве вкуснее?!

Выкричался. Обмяк. Вспотел. И - уже спокойнее:

- Ребята! - сказал. - Верблюды еще не повод для бунта. Дай нам говядину - тоже стухнет. Спросите у машинной команды: холодильники у нас текут, "Аскольд" три года не был в ремонте. Зачинщиков я не ищу. Бог им судья... Боцман! Свистать команде: по работам...

Иванов-6 был крикун, сумасброд, но мужик добрый. Всю аденскую верблюжатику он велел бросить за борт. И сине-грязные лоскутья мяса, источенные червями, быстро растащили акулы. Неутомимые и юркие, они, будто шатуны гигантской машины, бойко сновали под днищем крейсера, вымахивая хвостами то справа, то слева по борту. Рябило в глазах от порывистости.

- До чего же ловко работают! - дивились на палубах. - Ай да шамают! Будто солдат крупы казенную. Вот, Сергунька, тебя бы туда - к ним, человечинка-то стервам небось нравится...

Трюмный механик мичман Носков заметил за ужином:

- Сегодня я ощутил себя в пятом году, когда прозвучала "альфа" русской революции. Нельзя ли по сегодняшней вспышке судить об "омега"?..

Но ложка в руке старшего офицера Быстроковского звонко брякнула по краю тарелки.

- Господа, господа! Кают-компания нашего славного крейсера не для политических разговоров. Поговорим о дамах...

И до самого Носси-Бэ команда сидела на английских консервах из крольчатины. Хлебали тошную воду из опреснителей, словно касторку. Французский угольщик - да! - ждал их на рейде. В погрузку похоронили двоих: один задохнулся в бункере от угольной пыли, а второго убило разрывом перегнившего топенанта. В конце работы люди падали там, где стояли, прямо на уголь. Черные, они лежали на черном угле, и черные, курицы квохтали из черной пыли. А вечером к борту подгреб вельбот, с кормы его поднялся, зябкий от малярии, лейтенант Корнилов (ревизор крейсера) и хрипло выстрадал в матросские лица:

- Консул обманул: и здесь нет писем. Будут завтра финики, свинина, папайя, бананы. А почта, говорят, ждет в Порт-Саиде... Руку! - выкрикнул он. - Фалрепные, тяните меня, черт возьми, опять трясти начало... Боже, мука какая!

Французское командование велело принять в Порт-Саиде на борт полный комплект боезапаса. Матросы, в ряд с полуголыми арабами, взялись за дело. Арабы кричали: "Эго-эга! Эга-эго!" Русские подхватывали: "Айда! Полундра!" И разнесли по погребам целую баржу жирных снарядных болванок (так, наверно, муравьи гуськом переносят тяжкие

яйца, в которых вся суть и надежда колонии).

А после погрузки - шепоты: мол, письма еще во Владивостоке застряли, на Сибирской флотилии, и направлены прямо во Францию. В кубриках все чаще слышалось:

- Тулон! Братцы, в Тулоне этом на ремонт станем...

Но вместо зеленых берегов Прованса поплыли в мареве миражей берега Палестины и Сирии, нещадно прожаренные солнцем; пустынный хамсин душил матросов - горячо и сухо. Около Бейрута "Аскольд" беглым огнем потопил турецкое авизо; носовая башня мичмана Вальронда удачным попаданием накрыла немецкий транспорт. Началась славная каперская служба крейсера, о которой писали тогда газеты - английские, французские, бельгийские, русские.

В этом большом человеческом мире, где-то на морских перепутьях, затерялись русские письма. Писали их бабы, коряво и неумело, при свете лучинок, клеили жеваным хлебом, мочили слезой... Боже ты мой! До чего же далеко от деревни Ломтяево до обожженной библейской Хайфы! Какой большой мир! Какое страшное время!

Ночь, ночь... Всюду ночь. С берега доносятся запахи оливковых жмыхов и сезама. Вот она, Хайфа, - замерла, дикая. Иудейско-британская, но под сапогом немецко-турецким. Строго отпечатались на небосклоне башни турецких минаретов и плоский купол еврейской синагоги. Давно погасли огни на вышке австрийского Ллойда, тихо-тихо стрекочет вдали мандолина.

Ни возгласа, ни огонька, ни искры...

Такой запомнилась эта ночь под Хайфой, когда команда крейсера совершила каперский подвиг. Закравшись в Аккскую бухту, аскольдовцы дерзко вытащили в море немецкий пароход. Как призрак - вошли, как призрак - ушли, прочь от берега, в ночной простор... Немецкий капитан опомнился только в салоне, когда Иванов-6 преподнес ему бокал с ромом:

- Proxit! Ваше судно в плену. Выпейте, капитан, и можете попрощаться со своим кораблем, который мы сейчас уничтожим...

Одинокая торпеда долго бежала в темноте, вспенивая лунную дорожку керосиновым газом... Взрыв! И долго еще рыскал прожектор над Хайфой, отыскивая пропавший из гавани пароход.

* * *

Крейсер "Аскольд" имел отличную репутацию. Но война не сблизила офицеров с матросами, как это бывало зачастую в окопах. Кастовая перегородка на флоте покрыта броней в три дюйма. Был боевой корабль. Но никогда не было боевой семьи.

С бортов крейсера выдвинули длинные бамбуковые палки с антеннами, и тогда радиотелеграфисты смогли уловить трепетные сигналы с Эйфелевой башни. Париж приказывал "Аскольду" войти в состав англо-французской эскадры - для совместных действий в Дарданеллах. Английский адмирал Гепратт настоятельно требовал от "Аскольда" дать фуль-спит (полный ход).

- Попробуем дать, - сказал Иванов-6.

Дали фуль-спит, и от вибрации корпуса полетели на корме расшатанные заклепки.

Так все начиналось... Чем-то все это кончится?

Глава первая

Галлиполи - длинный жаркий язык земли, высунутый в море и готовый слизнуть любого, кто рискнет проскочить в Дарданеллы, к подступам турецкой столицы.

Тонкие столбики минаретов, словно призрачные пальцы Шехеразады, поют в синем небе о чем-то несбыточно-давнем - почти пропаще, ликуя гибелью оттоманской славы. В орудийных прицелах крейсеров колышется на волне сказка Востока, будто кусочек айвы в прохладном шербете, и так загадочно, и так блаженно мнится каждому укрытая за фортами тихая гаремная жуть.

Где же тот щит славянства, прибитый еще Олегом к воротам Царьграда? Неужели навсегда он обрушен? От этого отзывается в сердце русского болью той, еще ветхозаветной, что стонет в жилах России какой уже век...

Галлиполи - мы уже здесь, в воротах Босфора!

Именно здесь, во взрывчатых бурунах, на жестких каменных пляжах, вдребезги гробились вчера десантные баркасы. Эшелон за эшелон - в пену, в огонь, лицом в песок, пальцами в колючие водоросли. И ходуном ходила, беснуясь, прибойная волна - вся розовая от крови... Там, где прошел когда-то Фридрих Барбаросса с мечом в волосатой лапе, теперь не могла пройти лязгающая броней Антанта: против нее - нищие, с верой в аллаха, турецкие редифы во главе с "воистину османским" маршалом Лиман фон дер Сандерс-пашою.

Но операция по прорыву в Дарданеллы продолжается. Настойчиво, как умеют это делать англичане: сегодня - метр, завтра - метр, глядишь, два метра отвоевали. Через несколько дней готова футбольная площадка для игры: гол, гол, гол! А остальное пусть заканчивают прибывшие из колоний индийцы, арабы, египтяне и прочие...

На рассвете первыми выступают из мрака позлащенные солнцем аэростаты, привязанные к мачтам элегантной яхты "Моника". Дымят,

словно покуривая, мрачные леди-дредноуты "Куин Элизабет" и "Жанна д'Арк"; в отдалении вцепился в грунт лапами якорей молчаливый крейсер русского флота "Аскольд". Корабли еще спят, утомленные вчерашним боем; остывает за ночь гулкая горячая броня. А пока команды не проснулись, надо убрать из их памяти все то черное и ненужное, что будет мешать этим людям, идти на смерть сегодня - так же смело и безрассудно, как ходили они вчера.

И вот точно в четыре тридцать по Гринвичу над рейдом раздается сирена - это спешит французский эсминец под черным вымпелом.

* * *

Вой сирены растет, и мичман Вальронд стряхивает сон. Даже не сон, а дремоту, вернее - остатки дремоты. Первым делом - взгляд на стакан, обмазанный изнутри маслом; стакан доверху полон тараканов - и сразу летит в иллюминатор. Рука привычно дергает грушу звонка, после чего - за переборкой - тихие, но четкие шаги ночной вахты.

- Павлухин, - спрашивает мичман, зевая, - где он сейчас?

- Как всегда, ваше благородие: начнет с англичан, потом французам обойдет, а в конце уж и к нам, православным.

Мичман пружиной срывается с койки; тонкие сиреневые кальсоны плотно облегают его сытые ляжки. Павлухин, пользуясь интимностью обстановки, спрашивает:

- А вот, господин мичман, насчет Тулона-то как?

- Это где напечатано?

- Да на баке у фитиля матросы печатают.

Вальронд отмахнулся:

- "Баковый вестник" - издание нелегальное и цензуре не подлежит... Разве ты не видишь, что Адмиралтейство пустило нас на износ? Коробка старая - жалеть нечего. Пока от нас бульбочка на воде не останется, мы будем плавать, Павлухин... Давай, гальваный, буди попа. А я, кажется, успею под душ!

В офицерской ванной Вальронд разглядывает в зеркало свое лицо молодое, с крупным носом; родимое пятно на щеке мичмана придает лицу особую пикантность, почти девичью. Вскрикнув от холода, он прыгает под соленный дождик забортной воды. С наслаждением моется. Мичман молод и счастлив - ему очень хорошо.

Павлухин тем временем выдирает из ужасной беспробудности крейсерского отца Антония:

- Ваше преподобие! Эй, отец Антоний... Да сколько же трясти можно? Гробовщик сюда режет... полным ходом, говорю!

- Сколько? - И священник нехотя открывает глаз.

- Узлов пятнадцать дает.

Священник сует себе в бороду толстую папиросу, говорит тускло:

- Зафитили! - И глядит в иллюминатор, следя за разворотом эсминца. Рази ж это пятнадцать? Барахло ты, гальванер, а не матрос. Тебе бы в студенты пойти... Да по буруну видать, что узлов десять, не больше...

Павлухин бумажкой берет огонька от божьей лампадки:

- Курите скорей, ваше преподобие. И не засните снова.

- Знаю, - говорит поп. - Все знаю. Без меня и котенка не утопят, ежели он православный. Пошел ты вон...

В отсеках крейсера сладкий дух танжерских фруктов, загнивших в провизионке. Кое-где, особенно в трехдюймовом каземате, запах разложения крови, затекшей под линолеум. На дверях корабельной лавки и сберкасс висят купеческие замки и болтается объявление, писанное рукой отца Антония: "Обмен франков на нашенские рубли и обратно - по требованию верующих".

На трапе Павлухину снова встречается Вальронд.

- Последнее и самое противное, - говорит мичман, и они молча следуют вдоль серой брони, пробитой заклепками.

Дверь душевых для нижних чинов. Вот где хорошо спастись от хамсина: прохладный рай корабельной бани... Рука нащупала выключатель, и брызнул свет. На цементированном полу лежали два кокона, зашитые в парусину, крепко простеганную дратвой. Не сразу угадывалось, что это - люди. Обложенные кусками подталого льда в опилках, они уже были готовы принять последний всплеск чужестранной пучины. И сбоку одного подтекла жидкая кровь...

- В прошлый раз, - сказал Вальронд, - французы заставили перешивать заново. Когда будем передавать с борта на борт, ты, Павлухин, как-нибудь загороди, чтобы кровь не сразу заметили с эсминца... Батька встал?

- Так точно. Тяжело вставал. Видать, с похмелюги.

- Ему не привыкать, - ответил мичман.

Вой печальной сирены послышался совсем рядом. Мягко прессуя пробковые кранцы, миноносец притулился под бортом русского крейсера. Палуба его была устлана пальмовыми ветвями, мачты и снасти обвиты черными трепетными лентами. Собранная с эскадры жатва полегла на минных рельсах, словно побитые колосья. Но все отдельно: католики, протестанты, лютеране, англиканцы (было оставлено место и для схизматов-православных).

Мостик эсминца, жидкий и балясный, качался вровень с бортом

крейсера. Молоденький командир-француз облокотился на поручень мостика - почти лицом к лицу с Вальрондом. Разговор между ними происходил, как в трактире у винной стойки, - не хватало только перезвона бокалов.

- Сколько у вас? - спросил миноносник у мичмана.

- Всего двое. - И Вальронд показал ему два пальца.

- Тре бьен, тре бьен! - восхитился француз, оглядывая сверху свою палубу. - Мы думали, у вас будет больше, и я уже беспокоился, как бы всех уложить респектабельнее... Однако у вас что-то немного сегодня! Вчера было больше.

- О, не волнуйтесь, - ответил Вальронд. - Мы с нетерпением ждем вас завтра. Припасем побольше... как раз сегодня!

Мичман наметанным глазом моряка определил - не слишком, ли навалился "француз" на кранцы, не сдерет ли с борта крейсера окраску. Сверху палуба эсминца казалась узенькой, как тропинка. А трупы убитых, зашпигованные в стандартные мешки, что-то напоминали. Но - что? Похоже на матросские чемоданы, с которыми едут домой вчистую...

Затылок уже припекало солнце. День будет горячим.

Тут ирландский патер, стоя над своими англиканцами, заметил отца Антония, и вспыхнула вдруг самая нежная дружба. Патер заревел на весь рейд, размахивая молитвенником:

- Тони, хэлло... Тони! Уыпьем уодки, Тони...

- Хэлло, Джонище, - отозвался аскольдовский поп. - Камарад ты мой разлюбезный... Дурья твоя башка!

Женька Вальронд посоветовал с высоты борта:

- А вы, святой старче, не слишком-то в бутылку залезайте. Ваше пламенное преподобие потом из запоя лимонадами да молитвами по пять суток всей командой выпрягаем.

- Ты меня не учи... мичманок. Ишь какой вислоухий нашелся! Я-то хоть запойный, оно всем понятно, а с чего ты пьешь?..

Подобрав долгополую рясу, священник ловко спрыгнул на миноносец, и командир ударом ладоней привычно сдвинул телеграф. Сразу взбурлила сонная вода рейда, и два борта разомкнулись.

- Бон вояж! - помахал француз рукою.

- Бон... бон, - нехотя отозвался ему Вальронд.

А на палубе крейсера, словно сброшенный волной из-за борта, вдруг оказался матрос. Весь в черном (в тропиках от черного на "Аскольде" отвыкли), башка уехала в плечи, он жикал дыркой на месте выбитого переднего зуба.

- Откуда? - спросил его Павлухин мимоходом.
- Иж Мешшины...
- Чего? Чего? - не поверил гальванер.
- Шидел там в тюряшке.
- У итальянцев-то? - хмыкнул Павлухин. - За что?
- Жа политику, яти ее...
- Ко мне! - приказал Вальронд.
Подлетел мелким бесом, сорвал бескозырку:
- Штрафной матрош второй штатьи Иван Ряполов, - ешть!
- Не ори, дырявый. Команда еще спит.
- Так тошно!
- Э-э, брат, - протянул Вальронд, заглядывая в пасть матросу, - у тебя в зубах немалый убыток. Слушай, тебя я вижу, а... Где барахло твое?
- Оштавил навшегда в жнойной Италии, - ответил матрос.
- На шкафут! - скомандовал мичман, и Ряполов сорвался с места. - Стой. Замри. Когда объявят побудку, обратись к боцману Власию Трушу, и - в писарскую. На оформление! - Вальронд глянул на часы, повернулся к Павлухину: - Гальванер, я бужу командира, а ты ломай горнистам пятки к затылку. Осталось семь минут до пяти, и... боцмана тоже! Пусть встает, старая ананасина!

Далеко-далеко, разводя высокие буруны, уходил траурный миноносец, и по рельсам его палубы - не мины, а людей! - будут сейчас скатывать по порядку религиозного калибра...

* * *

Иванов-6 - это уже фигура на флоте (без часу контр-адмирал). Правда, где-то под шпилем петербургского Адмиралтейства сидит грозный Иванов-1, чином повыше. Но быть и шестым в свои пятьдесят лет не так уж мало. Один бог знает, как трудно человеку с незначительной фамилией "Иванов" выбиться наверх - при том страшном засилии немецких имен на русском флоте...

Впрочем, помимо номера офицеры на флоте имеют и негласные прозвища, даваемые от матросского остроумия. Командир "Аскольда" за свою позднюю женитьбу на хабаровской девице, дочери видного шулера, получил прозвище "Ванька с барышней". Портрет этой барышни, изменявшей ему с лихими мичманами, висел в салоне, намертво привинченный к переборке шурупами. Весьма добросовестный и честный офицер, Иванов-6, казалось, смолоду был окрашен, под масть корабельной брони - маскировочно-серо. И твердо держался морской традиции: не сближался ни с офицерами, ни с матросами.

От самого днища, тяжело паря, громоздились ряды казематов и палуб - это для матросов. В пятиместных каютах - над матросами! - располагалось буферное государство фельдфебелей и боцманматов, обязанных передавать сверху вниз все тычки и рывканы, оберегая при этом верхние слои от яростных взрывов в нижних палубах. Над "шкурами" размещалось уютное, обшитое бархатом и панелями царство офицерских кают и кают-компаний. И уже совсем высоко, под самым мостиком, сверкал салон Иванова-6 с зеркальными окнами вместо иллюминаторов... Вальронда Иванов-6 встретил уже одетым.

- Спасибо, Евгений Максимович, я давно встал. Мне плохо спится... душно. Эсминец отошел?

- Да, Сергей Александрович. Сдали два номера.

- В трюмах?

- Полтора фута.

- А что Федерсон?

- Инженер-механик лег в три часа. Совсем недавно.

- Все равно - будите. Воду надо откачать хотя бы до фута, иначе динамо заглохнет, как вчера. А сегодня нам опять идти под Ени-Шере, под огонь батарей... Что у нас в погребах?

- Незначительный дефицит влажности. Для порохов неопасен...

Иванов-6 уже знает, что Вальронд - мастер поговорить о порохе и прочем, что касается артиллерии. Командир носового плутонга был списан по болезни еще в Гонконге, и молодой мичман заступил на его место. Очень большая честь - совсем молодым вести носовой сектор огня крейсера первого ранга.

- К тому же, - продолжает Вальронд, - у нас отличный погребной мастер - матрос Бешенцов!

- Это тот, который... баптист? - спрашивает Иванов-6.

- Да, Бешенцов - баптист, я брал у него читать всякую ерунду, вроде прохановских "Гуслей"; ничего в этих гимнах не понял. Но и вредного не нашел тоже... Бешенцов - хороший матрос!

Из-под койки командира вылезает толстый, зажавшийся питон-боа, которому Иванов-6 перебил на охоте в джунглях палкою позвоночник. А потом пожалел гада и теперь таскает на крейсере по морям, изводя на эту рептилию казенное мясо.

- На место! - говорит каперанг, треснув удава шлепанцем по башке, и спокойно спрашивает далее: - Радио?

- Ночью была шифровка, переданная нам с "Куин Элизабет", у англичан станция дальнобойная - они и Лондон могут принять.

- А нам? Откуда?
- Очевидно, был принят Севастополь:
- Отлично, отлично. Ну, я вас более, мичман, не держу. Спасибо за вахту... Кстати, происшествий не было?

- Нет. Только французский гробовщик доставил на борт штрафного. По-видимому, матрос отбился от своего корабля.

- Хорошо, Евгений Максимович, ступайте...

Не накинув даже пижамы, в одной сетке на жирной груди, Иванов-6 проследовал вдоль салонного коридора. Мягкие пыльные ковры глушили его шаги. Походя, каперанг двинул костяшками пальцев в полированную дверь каюты старшего офицера.

- Роман Иванович, - сказал, не задерживаясь, - пора...

И прошел мимо, не дождавшись ответа. Он командовал крейсером, а старший офицер Быстроковский - командой этого крейсера. И от этого у них бывали нелады, ибо методы общения с матросами были разные. Иванов-6 усмехнулся: "Ванька с барышней" - это еще пустяки, милая шутка скучающих людей. А вот известно ли Быстроковскому, что ему дано прозвище "Сопля на цыпочках"? - за его умение подкрадываться к матросам... Иванов-6, как и большинство людей флота, - матерщинник. Но зачем изобретать обидные слова для матросов: рвань, скважина, падаль, как это делает Быстроковский? Пусти матроса по матери до седьмого колена, но... не обижай человека! Тогда служба крейсера пойдет как по маслу.

Коридор салона кончается тупиком, и в нем - узкая дверь, на которой медная табличка, очень броская:

СТОЙ - НЕ ВХОДИ!

Иванов-6 смело толкает эту дверь. Ему, командиру крейсера, морскому министру да еще его императорскому величеству сюда входить можно. Здесь святая святых корабля: шифровальная служба. И навстречу каперангу встает тощий, но крепкий кондуктор{1}, с остро закрученными кверху усами. В руке его (жилистой, как у мужика-хлебороба) изящный японский веер. Он сначала неуверенно подносит его к лицу: фук-фук-фук. Мол, не оскорбит это вас? Нет, Иванов-6 на такие пустяки не обращает внимания, и тогда шифровальщик машет веером - ловко, словно опытная киотская гейша. По телу кондуктора, несмотря на ранний час, струями сползает острый, едучий пот.

- Время получения: три - двадцать. Время: четыре - восемь, докладывает он, - закончил расшифровку. Не осмелился будить вас, ибо ничего спешного не обнаружил.

- Садитесь, Самокин. - И сам каперанг плотно усаживается в плетеную

индийскую качалку под опахалом электроспанкера. Читает: "...существуют ли на крейсере большевистские антивоенные настроения, и если да, то просим..." - Спичку!

- Милости прошу. - И кондуктор чиркает спичкой. Иванов-6 сует шифровку острым углом в огонек. Бумага корчится в руке, быстро сгорая, и пепел брошен в раковину.

- Здесь же, слава богу, не Кронштадт, - говорит командир "Аскольда", пуская воду из крана, и вода сразу уносит пепел в морское небытие под корабельное днище. - Здесь люди воюют! Они устали - так, я согласен. Но воюют не за страх, а за совесть... А ваше мнение, Самокин?

Веер вдруг замирает в руке кондуктора.

- Россия, ваше высокоблагородие, - отвечает Самокин, подумав, - страна военная...

И тут начинают реветь над палубой горны, соловьями-разбойниками разливаются дудки боцманматов: "Вставать! Койки вязать! На молитву товсь!" Первые матюги косяком влетают в иллюминатор секретной каюты ранняя обедня уже началась.

Иванов-6 подцепляет ногой свалившийся шлепанец.

- Это не ответ на мой вопрос, Самокин. Это скорее ответ военного человека...

- Военному человеку! - подхватывает Самокин, и командир "Аскольда", усмехнувшись, оставляет кондуктора в его секретном отшельничестве.

Этот немолодой шифровальщик, живущий по соседству с салоном (полуофицер, полуматрос), казалось, не подлежал карам уставным, а только небесным: случись "Аскольду" гибель, и Самокин, обняв свинцовые книги кодов, должен с ними тонуть и тонуть, пока не коснется фунта. И - ляжет, вместе с книгами, мертвый.

Таков закон! Потому-то надо уважать человека, который каждую минуту готов к трудной и добровольной смерти на глубине. На той самой глубине, куда из года в год уносится пепел его секретных шифровок.

* * *

Борзыми гонялись по палубам и трапам фельдфебели-боцманматы Михальцов, Ищенко, Маруськин, Скок.

- Вставай! - орали. - Уже "Мокку" несут!

Из люков кубриков, откуда душно парило человеческим потом, несло в ответ обратное:

- А, мак-размяк, опять эта какава... А кады же чай?

- Доплавались! Скоро душегубы кофию нам будут заваривать!

- Тише лайся, собака! Труха сверху сыпет...

В жилую палубу уже спускался боцман Власий Труш - грудь колесом (от денег, накопленных еще с Владивостока, которые он всегда под форменкой носит).

- Я вот тебе покажу "труха сыпет"! - с ходу накинулся он на Шурку Перстнева. - Ты у меня сам трухой гадить станешь... А ну, покажь койку свою! Как связал?

Тугой сверток койки (а внутри ее жесткий матрас из пробки) пролетел над палубой - хлоп! - прямо в грудь Труша, на которой тысчонки полторы уже собралось. Власий - мужик крепкий: даже не крикнул, и койка матроса, прыгая, мячиком отскочила прочь.

- Слушай, Шурка, - миролюбиво сказал Труш, - здесь тебе не Кронштадт, чтобы пижонство свое показывать. Здесь тебе Палестина самая настоящая. - И, сказав так, Труш перекрестил свои сбережения. - Слава те, хосподи, помолился он, - сподобились у святых мест побывать. Вот изжарю тебя, закончил он безо всякого перехода, - на солнышке, Шурка... И очень просто!

Погребной мастер Бешенцов был баптистом особого склада: его так долго тиранили за отклонение от веры - и отец Антоний и сами верующие, - что он стал буйным и злобным. Бешенцов никого не убивал, согласно заветам своей веры, но исправно подавал из погреба снаряды, чтобы другие убивали...

- Когда будешь жарить, - сказал он Трушу с лютостью, - не забудь с боку на бок его поворачивать. Чтобы он хрустел потом, язва князя Кропоткина!

- А ты, божия слезка, не капай тут, - оскорбился Шурка.

- Подбери койку, - велел ему Власий Труш.

Подбирать койку, когда накал остыл, было стыдновато. Но пришлось уступить силе и власти.

Пожилой Захаров сказал Шурке:

- Эх ты... ключ от сундука с клопами! Уж коли кидаешься, так надо так шмякнуть, чтобы труха одна осталась...

Перстнев, покраснев, зализывал свою буйную гордость:

- Господин боцман, да ведь злоба берет... Ну скажи на милость. Нас будят в пять. Французов - в шесть. Англичане, их в семь поднимают. Неужто так надо, чтобы одних только русских, словно собак с цепи, среди ночи срывали?

- Поднял коечку? - спросил Труш. - Вот и молодец ты у меня, Шурка... А служить бы тебе прямо на мериканском флоте. Там когда захотят, тогда и

пролупятся. И сразу в бар, к девочкам!

По трапу - тра-та-та-та - Павлухин.

- Боцман! Новый матрос тебя шукает, Ряполов.

Матросы пулями летают по крутизне трапов, словно опереточные бесы, в дыму и в грохоте. Но тут случилось такое, чего уже давненько даже от пьяных не видели на "Аскольде": новый матрос, боясь крутизны, лез в кубрик не грудью вперед, а - задом...

От такого подлого нахальства стало тихо. Только поскрипывали спущенные на цепях для завтрака обеденные столы.

- Корова! - заорали все разом. - Назад! Вниз! Пулей! И новый матрос брякнулся к ногам боцмана.

- Собери свои мослы, - сказал Труш. - Раскидался тут...

- Матрош второй штатьи штрафной Ряполов...:

- А за что - штрафной? - наострился боцман.

- Жа политику поштрадал...

- Ну, пойдем, "штрадалец". - И Труш крепко взял его за ухо.

Вся палуба комендоров так и осела в дружном хохоте:

- Ай да штрафалец! Повели голубя... Теперь ему до конца службы из гальюна не выбраться!

Отправив Ряполова в писарскую, боцман столкнулся с Быстроковским и, сделав преданнейшее лицо, пожаловался:

- Ваше благородие, ну прямо сладу нет с ыми... С эфтой вот палубой, где из носовой "хлопушки" живут. Волки прямо, а не люди. Так и шпыняют, так и шпыняют. И слова им не скажи!

- Хорошо, боцман. Я передам Вальронду, чтобы унял своих оболтусов. Носовой плутонг, и правда, избаловался...

Лейтенант Корнилов, розовощекий юноша, вывел на прогулку своего красавца дога Бима: собака после ночи наделала на палубе, и лейтенант задиристо крикнул:

- Эй, пентюх! Подбери... - первому попавшемуся матросу. Этим "пентюхом" оказался трюмный Сашка Бирюков.

- Ваше благородие! - с хитрецою ответил трюмный. - Вот наделайте вы здесь любую кучу, и Сашка Бирюков уберет. Потому как человек, оно же понятно. А после собаки - никак не могу.

- Будешь убирать? - осатанел молодой лейтенант.

Но трюмный уже стремительно провалился в машинный люк. Корнилов потом с возмущением говорил Быстроковскому:

- Роман Иванович, это черт знает что! Машинные совсем разболтались. Я ему говорю - одно, а он, подлец, прямо в глаза мне

смотрит. И по глазам вижу - дерзость, дерзость, дерзость!

- Хорошо, Владимир Петрович, - ответил старший офицер. - Я скажу Федерсону, чтобы подтянул своих механисьёнов...

Павлухин тем временем, сдав наружную вахту, направился к фитилю - на бак крейсера. Там, возле кадушки, наполненной водою, можно было курить. Но куряк в этот ранний час не было. Только кондуктор Самокин, поставив ногу на край обреза, пытался прикурить от угасающего фитиля.

- Что нового? - спросил он Павлухина.

- Да так... ничего. Жарко вот будет!

- Да, будет. Верно. Ну?

- Матрос тут такой... Ряполов, говорит - за политику.

- Врет, сволочь! - ответил кондуктор. - Я уже узнавал от писарей. Сидел за подлость. От таких подальше... - И поманил Павлухина к себе поближе. - Шифровка была ночью, - сообщил осторожно. - На Балтике негладко. Там наши работают...

- Ну? И что?

- Вот и спрашивали "Ваньку с барышней" - как у нас?

- А как у нас? - засмеялся Павлухин.

Самокин оглядел рейд, заставленный кораблями. Бросил окурок в кадушку, и он зашипел, погаснув.

- Сам знаешь, как у нас... Пока только двое. Эсеры да анархисты, вроде Шурки Перстнева, нас пополам перекусят. А собирать начнут - перепугают. И твою башку, Павлухин, на мою секретную часть жеваным хлебом приклеят...

* * *

Англичане проснулись ровно в семь. Кажется, они даже не позавтракали. А сразу - шарах! - по туркам из главного калибра. Многопудовые чемоданы с шорохом пронесли над эскадрой.

Союзный флагман поднял сигнал, обращенный к "Аскольду":

ДОЛГО ЗАВТРАКАЕТЕ!

- Зато мы раньше всех встали, - обиделся Иванов-6. - Пусть на мостике отстучат: придем на позицию вовремя. Роман Иванович, а не пора ли отправлять катер?..

Быстроковский наспех запил у буфетной стойки порошок хины, поднялся на спардек. Паровой катер с "Аскольда" качался под бортом, готовый отправиться на прикрытие греческого десанта. Виккерсовский автомат "пом-пом" сердито торчал из рубки. В бой уходили смертники, чающие крестов и водки, и возглавлял их чахоточный барон Фиттингоф фон Шелль, минер крейсера.

- Роман Иванович, - сказал он с издевочкой. - В случае чего, не забудьте, что я был лютеранином. Не поручайте завтра моего брэнного тела отцу Антонию... я не хочу быть пропитым!

Бысгроковский не растерялся с ответом:

- О том, что вы лютеранин, я надпишу на бутылке с шампанеей, которая уже заморожена, Карл Фромгольдович, к вашему прибытию... Счастливо, дорогая баронесса!

...Два гальяона в носу и корме - на сорок восемь водостокoв - убирали штрафные Ряполов и Пивинский.

- Вот что я тебе скажу, паря, - внушал Пивинский, как более опытный, Ряполову, всю хлещу вокруг из брандспойта. - Самая легкая работа на флоте его величества - это поганая работа. Везде лезут офицеры в белых перчатках и даже в рыло пушке заглядывают - не запылилась ли она, стерва? А к нам заглянут - нет ли дерьма? Дерьмо убрано, и мы свободны, если считать, что вообще в этом мире существует свобода...

Когда приборку закончили, Пивинский повлек Ряполова за собой, шепча ему на ухо - с нежностью:

- Ша! Мы люди гиблые, штрафованные. Нас замордуют...

Он провел Ряполова в форпик, узенький косой отсек, угол которого составлял форштевень крейсера. Здесь хранились банки с краской и политурами, лаками и эссенциями. Пивинский раскрыл ногой сверток парусины, под которой были скрыты две баночки, проложенные ваткой. И текла по капле желтая муть, назначение которой русскому человеку всегда понятно.

- Пей. Чистенький. Как другу.

- Ждохнем, - ответил Ряполов, принохиваясь. Настроение у Пивинского было добровольно убиенное.

- Сейчас под Кум-Кале пойдем, там и гробанемся. А от этого еще не помирали... Сосай! Все равно подышать.

Ряполов, зажмурив глаза, высосал натошак пол-банки.

- Малиной во рте жапахло. Ждыхай и ты, шука...

Пивинский окосел тут же, не вылезая из форпика, измазался в каком-то вонючем лаке, и Ряполов здорово испугался:

- Шлушай, а ты шлучайно не калаголик?

- Нет, я не калаголик, - ответил Пивинский и, заплакав, стал биться сдуру башкой о броню...

А под ними уже грохотала цепь, бегущая из глубины моря. Крейсер вдевал якоря в клюзы, как серьги в уши. Звучали колокола громкого боя, призывая команду занять места по боевому расписанию. Взлетели к небу

стенговые флаги - готовность "Аскольда" к бою теперь видна всем. По бортам уже разносились антенные сетки, чтобы иметь постоянную связь с кораблями союзной эскадры.

Офицеры не спеша (время еще было) расходились из кают-компаний. Старший артиллерист крейсера, плешивый лейтенант фон Ландсберг, задержал плутонговых Корнилова и Вальронда:

- Володя и ты, Женечка, дальномер у нас расхлябался. В цепи где-то сдвиг синхронности. А потому прошу вас при стрельбе следить и за репетицией по телефонам.

- Есть, - ответили в один голос плутонговые офицеры.

...Завив хвосты колечками, над палубой качаются вниз головами отчаянные лемуры. На мостике раскинут лонгшез. И в нем, покуривая сигару, устроился для боя Иванов-6 во всем белом, словно беззаботный дачник. А на страшной высоте, почти наравне с лемурами, гальванер Павлухин уже срывает чехлы с громоздкой трубы дальномера. Уютное кожаное сиденье, словно ласточкино гнездо, провисает над пропастью... Цепляясь за скобы трапа, по стволу мачты лезет к нему лейтенант фон Ландсберг. Добрался, примерился и плюх запотевшей спиной в соседнее с Павлухиным кресло.

- Ну и мотает, - сказал он матросу. - Особенно на поворотах.

Это верно: площадка дальномера то стоит над самым мостиком, и можно плюнуть на панаму Иванова-6, а то вдруг с ревом рушится при крене за борт, провисая над белыми гребнями.

- Разверни! - говорит фон Ландсберг кратко, и оба они влипают лицами в каучуковую оправу оптики. Что они видят сейчас? В четком пересечении нитей шатается перед ними далекий берег Турции: скалы... камни... минареты... чайки...

- Я же говорил вам! - кричит на ветру Павлухин. - Он еще от самой Хайфы расстроился от вибрации. Нет совмещения! Нету!..

Фон Ландсберг и Павлухин опутаны проводами телефонов, словно каторжники веревками. И в наушниках того и другого уже воркует голос лейтенанта Корнилова:

- Кормовой плутонг к открытию огня готов.

- Володя, - напоминает фон Ландсберг, - прошу тебя: следи за репетицией. Ты даже не знаешь, как трясет на дальномере!

* * *

Броня укрыла людей, сразу ставших сосредоточенными.

На палубе крейсера - ни души; закинута люка, задраены горловины... Кажется, все уже вымерло: жизнь течет под броней.

Взмах острой лопаты, и дог Корнилова уже без хвоста! - с визгом убегает в коридор кают-компания. Тонкий обрубок собачьего хвостика летит за борт.

- Сашка Бирюков свое дело знает, - говорит матрос, сбегая в глубину котельной шахты. - Он еще себя покажет...

Глава вторая

Вальронд протискивает свое тело в узкую щель броневой двери. Самое трудное - не покалечиться. Но когда сел на место, то уже нет ничего уютнее твоего кресла, откуда ты хозяин над этой страшной многотонной башней.

- Все на местах? - оглядел мичман. - Тогда задраить башню к бою... - И в микрофон: - Носовой плутонг к открытию огня, во имя аллаха, готов!

В ответ звонко дребезжит мембрана передачи.

- Женечка! - говорит фон Ландсберг. - Не балагань, золотко. А чтобы ты лопнул от зависти, сообщаю: Володька сегодня свой плутонг приготовил раньше тебя...

Глухо бахнула броневая дверь. С лязгом закинута щиты полупортиков. И теперь божий мир глядел на людей только в узкие смотровые щели. Тускло мигало под сводами башни электричество, сразу неведомо стало от духоты раскаленной стали.

- Раздевайся, братцы, - сказал Вальронд, и первым потянул через голову сетку, противно липнущую к лопаткам.

Обнаженные тела матросов маслянисто отсвечивали литыми мускулами. Они как бы сливались воедино с машиной смерти - этим орудием, занимавшим всю башню. Мичман невольно залюбовался людьми: вот они, словно сошедшие с полотен Микеланджело, воины флота великой Российской империи. Три океана и четырнадцать морей остались за ними. Неутомимые бойцы, они уже в самой пасти турецкой столицы и сейчас покажут, на что способны...

И снова, как будто исцужа, поманила мичмана сладостным пальцем волоокая Шехеразада. Это его, мичмана, она поманила. Но раскрытое горло проливов зазывало матросов иначе; Не пальчиком, нет, какой там к черту пальчик! За воротами Дарданелл и Босфора чудился им прорыв в Черноморье, гавани Севастополя, дальние поезда и тот полустанок, где их встретят забытые родичи... Не пальчиком - калачом и бутылкой, слезой и поцелуем! Конец войне - вот сказка матросской Шехеразады!

Вальронд глянул на приборы:

- Провернуть на девяносто... дать угол. Вертикаль! Так, братцы, хорошо. Теперь - горизонт, па-а-ашел горизонт...

Чудовищный механизм сорвался с места, катясь по барбету на роликах

плавно и журча; все пришло в движение. Защелкали приборы, отмечая любое кивание орудийного хобота, и мичман, довольный, хлопнул себя по ляжкам.

- Замечательно, - сказал. - Сейчас, ребята, начнем... Последние минуты перед боем... Самые последние!

В смотровую щель виден скользкий полубак крейсера, режущий желтый мутный простор. Зарываясь в сверкающую пену, нос "Аскольда" вдруг круто взлетает - весь в движении, весь в тряске крена. И разом отряхивает за борт тяжелую воду.

С воем уходят вдаль снаряды английских кораблей. Взрывов почти не слышно - они далеко отсюда; рвутся снаряды у города Крития, где расположена ставка противника. "Аскольд" медленно обгоняет транспорта, на палубах которых в четких каре застыли войска - новозеландские, австралийские, греческие. Сейчас это "мясо" швырнут с бортов - прямо в трескучий крошечный ад...

Вертикальный наводчик, степенный Данила Захаров, заботливо трет беличьим хвостиком яркую оптику своего прицела:

- Господин мичман, а правду говорят, будто один такой чемодан целые тыщи стоит? Или врут люди?

Вальронд поиграл блестящим носком ботинка, крепко втиснутым, уже наготове, в тесную педаль "залп".

- Да, братец, - ответил он, вытирая пот. - Один бортовой удар с "Куин Элизабет" обходится Британии в тысячи фунтов стерлингов... Пристрелочный! передал мичман по трубе в погребное хозяйство. - Где же ты, моя прелесть?

- Есть пристрелочный, - раздался из преисподней голос баптиста Бешенцова. - Подаем на башню...

В утробе корабля провыл мотор, и воздушный лифт плавно поднял в башню первый снаряд. Наверху он со вкусом чмокнул воздух, словно поцеловался с любимой пушкой. Проклюнувшись наружу зеленой головкой, снаряд застыл - весь в нетерпеливом ожидании. Это и был пристрелочный. За ним, за зелененьким, как огурчик, уже лавиною хлынут через башню боевые, с красными шапочками на головах, нарядные, как игрушки...

- Ну, - опять спросил Захаров, - а ежели этот? Наш?

- Триста пятнадцать до войны, - пояснил Вальронд. - А сейчас - не знаю. Кажется, на Путиловском производство удешевили.

Носок мичманского ботинка нестерпимо сверкал на педали "залп". Сколько тысяч русских рублей перекидает он сегодня этим элегантным

носком в несытую прорву мировой бойни?..

- Ваше благородие, - не отставал от мичмана любопытный Захаров, - а вот ежели бы все это да в деньгу перешпандорить! Ну, стреляли бы, скажем, не снарядами, а деньгами? Как вы думаете, война бы раньше не окачурилась?

Вряд ли ожидал такой вопрос мичман.

- Ну, брат, подумай сам: на позиции турок летит золотой русский дождь... И вообще, Захаров, ты залезаешь в область политической экономики. А я окончил только Морской корпус его величества, и потому в этом ни бельмеса не смыслю.

Жуками заелозили по шкалам указатели целика. Наводка!

- Кончай болтать. Выходим на дистанцию. Башня - товсь...

Низко над водою прошли два аэроплана - в сторону Ени-Шере, где уже были сброшены десанты греческого легиона. По правому траверзу тянулся турецкий берег, изглоданный огнем и рваным железом. В смотровой щели башни скользила муть воды и желтизна пыльного неба.

- На дальномере! Не тяните с дистанцией... давайте!

В ответ - беготня стрелок и голос репетующего Пивинского:

- Сейчас скажу, сейчас... Шестьдесят... Нет, пятьдесят! Но приборы показывали только сорок четыре.

- А! - сказал Вальронд. - Давай первый. Один вколотим...

Прибойник с хлопаньем вогнал снаряд. Прицел. Целик. Гнусаво заблеял ревун, и Женька Вальронд надавил педаль. Пушка сорвалась с места. Неумолимый компрессор, шипя и брызгаясь горячим маслом, плавно поставил, ее на прежнее место.

- А-аткла-ане-ение... - пропел с дальномера Павлухин.

- Триста пятнадцать рублей, - запереживал Захаров. - И собаке под хвост бросили... Надо же так! А?

Башня грянула хохотом. Смеялся и мичман.

- Ты скупердяй, Захаров. Чего жалеешь? У нас полные погреба таких болванок... Не Путиловский, так союзники - подкинут! Боевыми, - приказал он, - клади!..

В прицеле над берегом возникли пять ярких точек, быстро взлетающих вверх. Вальронд понял, что эта пятерка пущена в сторону "Аскольда", но спокойно выжидал результата своих разрывов... Есть! Но... опять мимо.

И сразу - в микрофон, уже раздражаясь:

- На дальномере? Что вы там даете нам лапшу с маслом? Репетующий нес в микрофон чепуху:

- Шестьдесят восемь кабельтовых!

- Заткнись, - велел ему Вальронд в телефон и, повернувшись к прислуге башни мокрым от пота плечом, сказал: - Ну их всех в главный штаб... Ставь на сорок восемь!

Словно часы, настойчиво стучал автомат. Тонкие нити пироксилиновых газов быстро уползали в смотровые щели. Надо лбом мичмана гасли и снова поспешно вспыхивали упрятанные в глазках брони лампы. Шарахнули по берегу боевым, еще... еще!

Дали отклонение - дело пошло на лад.

Купол башни заполнил голос фон Ландсберга:

- Мичман! Куда вы кладете снаряды?

- А когда вы дадите верную дистанцию?

- Дальномер скис. Павлухин лезет на марс.

- На глазок? - засмеялся Вальронд. - Люблю старину-матушку. Я тоже буду наводить через дырку пальцем на три лаптя влево.

- Женечка, не балагань! У нас осколком сняло уже скальп с одного сигнальщика...

Только теперь, когда вода пошла через полубак, вскипая в шпигатах, Вальронд понял, что турки кладут снаряды точно. За спиною мичмана жажнул приборник, и очередной снаряд влетел в дуло красной мордой. С лязгом, отчаянно клацая, сработал громоздкий станок замка. Носок ботинка привычно нащупал упругую педаль.

- Ревун... залп! - И все оседает в грохоте огня и стали. Накрытие... накрытие... накрытие. Молодцы ребята! Теперь их можно вырвать из боя только с мясом.

* * *

А глубоко под палубой - иная жизнь, иная героика.

Здесь ревут котлы; ходуном ходят, чавкая в масле, блестящие суставы машин; люди скользят на мазутных площадках, колотятся на качке ребрами, руками, лбами. Все они в штанах, подвернутых до колен, а на шеях - косынки, чтобы сподручнее вытирать пот. Для них тревоги боя вроде не существует: машина корабля - вот суть их тяжелой службы. Скорость... повороты... дым... пламя... вода... пробоины!

На ходовом реверсе стоит мастер - машинный унтер-офицер Тимофей Харченко, здоровенный бугай. На голой груди его - боженька в крестике, а на руке - тяжелый браслет, самолично перелитый из серебряных ложек, которые он украл в ораниенбаумском трактире (еще в начале службы). Харченко - человек выдающийся: ни у кого нет столько франков на книжке крейсерской сберкассы; Харченко даже чарки не выпьет - берет за вино деньгами; зато у него хуторок на Полтавщине, а выпить можно и на

дармовщинку... Дураков-то всегда много!

Среди грохота машин и воя котлов, невозмутимый, прохаживается инженер-механик Федерсон - долговязый скелет, обшитый нежной голубой кожей альбиноса. Даже в кают-компании не знают, кто таков Федерсон: латыш? немец? эстонец? Механик никогда, не матерится; он ровно вежлив (ненавистно вежлив) с матросами и совсем невежлив ко всему, что отзывается Россией.

- Меньше дыма... меньше дыма, - говорит он тягуче. - Помните, что мы сейчас не в России, где к бардаку все привыкли. Мы в самом центре союзной эскадры... На нас смотрят!

Кто там смотрит - отсюда не видать. Вот когда лопнет снаряд ниже ватерлинии, тогда слышно, как двинет по борту, словно ломом в пустую бочку. Это ощутимо. А там, наверху, пускай смотрят, коли глаза имеются. К тому же англичане снабдили крейсер кардиффом в брикетах. А это такая дрянь, что навозом лучше топить. От кардиффа - ячмени на глазах, экзема на коже, зуд в паху и под мышками. Будет дым... будет! Дым будет нарочно, чтобы нагадить Федерсону, которого ненавидят - люто, неудержимо, как только могут ненавидеть люди, не имеющие иных забот сердца, кроме ненависти. В лучшем случае Федерсона не замечают. Сказал что - ответили ему "Есть!", а отошел Федерсон, - и в спину ему летит, словно нож под лопатку: "Шкура..."

Только Харченко, исправный и хитрый служака, опытным затылком ощущает, что Федерсон стоит рядом, и спрашивает:

- Чи не так, ваши благородия? - Это он нарочно спрашивает, чтобы вызвать механика на редкую похвалу.

- Так, - неохотно хвалит его Федерсон. - Ты молодец...

Из горловины вылезает до пояса трюмный механик мичман Носков, больше похожий на водопроводчика, нежели на офицера. Он трет руки ветошью и сам весь в грязи и в масле.

- Три фута! - кричит Федерсону. - Пора донку врубать...

Федерсон не успевает ответить. Что-то гулкое и ослепительно белое влетает в машину. Сокрушив борт, разрывается со звоном, словно ваза, которой цены нет... И сразу гаснет свет. Свет гаснет, но сознание людей успевает отметить свет иной - свет дневного дня, который вдруг щедро льется внутрь через пробоину.

"Попадание!..." - И люди сразу ложатся, потому что снаряд принес в отсеки острые газы разрыва. Первым бросается в шахту люка Федерсон, но его отшибают в сторону кочегары. Зажатый среди их голых тел, механик крутится на трапе - белый, как противная глиста. Лезут: первый, второй,

третий. Федерсон - четвертым, его подпихивают взад, кто-то блюет сверху на нижних, уже отравленный ядом разрыва...

А на палубе дышат, как собаки после беготни.

- Все? - спрашивает Федерсон, плюясь гадостью, зеленкой.

Нет мичмана Носкова и унтера Харченко - они остались там, в облаке газов. Кочегары, очухавшись от первого испуга, кидаются обратно. По скобам трапа громко щелкают, присасываясь к железу, их сальные пятки. Харченко и Носков живы, теперь хохочут. Мичман, как нечистый дух, сразу нырнул в придонные трюмы; там и выждал, пока вентиляция не вытянула всю дрянь наружу. А Харченко бегал отдыхиваться к пробойне, куда задувал ветерок. Счастье, что пробойна выше ватерлинии - в нее даже брызги редко залетают. И счастье, что никого не ранило, механисьёнам просто повезло.

Федерсону стыдно за свое бегство, и он кричит на Носкова:

- Опять вы, мичман, хуже матроса - паклю раскидали! Воют за переборкой форсунки, аппетитно чавкает донка.

- Чи не так, ваши благородия? - спрашивает опять Харченко.

И - вдруг.

- Братцы, - скулит Харченко, когда Федерсон исчезает. - Ай, братцы! Да что ж это такое? А? Ведь он, хад, в спину мне плюнул или сморкнулся - не понять... И не вытереться! Руки-то заняты...

Руки его заняты: они лежат на ходовом реверсе, чтобы в любой миг исполнить приказ с мостика, а глаза - на телеграфе, чтобы не прохлопать приказа, сообщаемого нервной и подвижной стрелкой на круге циферблата. Ну конечно, беда не с тобой случилась, можно хохотать до упаду. И - хохотали.

- Чи не так, господин унтер? - спрашивали, издеваясь. Мичман Носков подошел и спросил:

- Вытереть, что ли?

- Окажите божецку милость...

Мичман чем-то острым скребет по хребту машиниста.

- Ваши благородия, - жметесь Харченко, - чем это вы скоблите?

- Лопатой! - отвечает мичман, и снова - хохот. Машинёры да кочегары народ веселый. Будто и не было недавнего разрыва. Уже и сами над собой смеются:

- А я, братва, как врежу по трапу. Будто мне там наверху чарку водки наливают...

- А впереди меня - Шестаков, и такая у него кормушка. Как два каравая... Дерг-дерг. Посыпь солью и - ешь!

- А у тебя-то? - обиделся Шестаков. - Оглянись, чумичка... Нажрал на царских харчах, скоро через люк не протащишься!

И время от времени, будто дети, радуясь новой забаве, они подбегают к пробоине, проделанной снарядом, глядят на сияющий мир, словно в окошко, и радуются.

- Братцы, ну чем тебе не Петергоф? Еще бы барышню... Здесь жизнь своя. Особая. А там, выше, пусть стреляют.

* * *

Десанты были сброшены, и крейсер "Аскольд", вызывая зависть англичан, давно перешел на поражение. Британцы еще раз подтвердили славу прекрасных мореходов, но плохих артиллеристов. Однако союзная зависть была побеждена, и на мачтах линейного "Инфлексибл" вспыхнули флаги сигнала:

АДМИРАЛ ВЫРАЖАЕТ РУССКОМУ КРЕЙСЕРУ СВОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ БЛЕСТЯЩЕЙ СТРЕЛЬБОЙ.

Иванов-6 стянул с лысинки панаму, обмахивался. Потом этой же панамой вытер толстые губы, в углах которых скопилась, как у бульдога, пена удовольствия.

- Вахтенный, отвечайте на флагман: "Спасибо".

- Сигнальцы! Поднять "Спасибо" до нока реи!

- Есть поднять "Спасибо"...

И вдруг - вскрик, как всплеск. С высоты салинга сорвался при крене Павлухин. Это видели почти все, стоявшие на мостике. Перевернувшись в полете, падал с мачты матрос. Ударился о ростровые тали и - как в люльку, хлопнулся в растянутый тент. Парусина, пружиняще приняв гальванера, тут же мячиком вскинула его наверх, и Павлухин, снова проделав сальто, лягушкой так и шмякнулся об палубу. Шлепок тела по железу был отчетливо слышан на мостике, словно кусок сырого мяса с размаху бросили на прилавок.

- Конченый, - закрестились сигнальщики. - Молодой парнюга был. Жить бы да жить! В унтера выходил...

- Георгия ему! - закричал Иванов-6. - Второй степени, ежели сейчас встанет...

Павлухин встал и, держась за коленку, поскакал по палубе.

- Дистанция - семьдесят четыре! - орал он, еще в угаре боя.

- Первой степени, - рявкал с мостика Иванов-6. - Две чарки водки... Четыре чарки... хоть залейся!

"Аскольд", выполнив свою задачу, уже выходил из огня.

Откинули щиты и двери, выдавливались наружу из башен поодиночке.

Ныли тела. Белые брюки, с утра свежие, теперь выглядели, как грязные подштанники. Вальронд посмотрел вдоль борта: на мелководе пучились пузыри от взрывов, вся муть грунта была поднята наверх снарядами.

- Фу, - сказал он, усталый. - Ерунда какая-то...

Под козырьком каземата, нахохлившись, стоял Пивинский с эбонитовым "матюкальником" на груди.

Мичман подошел к нему:

- Ты что мне за прицел "репетил"? До ста считать разучился? - Глянул в глаза матроса, затянутые мутной пленкой дурмана, и чиркнул возле его рта английской зажигалкой. - Пока еще ничего. Голубым огоньком не вспыхиваешь...

С кормы уже шатал плутонговый - лейтенант Корнилов.

- Женечка! - кричал издали. - Каково отстрелялся?

- С помощью вот этого вундеркинда.

Корнилов понял все... по запаху. И поднес кулак:

- На другом бы крейсере тебе, рвань, морду набили!

- Оставь матюкальник, - велел Вальронд. - Иди за мной.

- Женечка, - протянул Корнилов, - не связывайся.

- Не мешай! - резко ответил Вальронд. - Дело семейное...

Мичман провел штрафного матроса в офицерскую душевую.

Ослепительно сверкал белый кафель. Пахло здесь замечательно лавандой, хорошим мылом, елочкой и озоном. За спиной плутонгового щелкнула задвижка, и Пивинский сразу забился в угол:

- Ваше благородие... простите... Ей-ей! Не буду...

Вальронд вытянул его из угла - хрясь по зубам. Пивинский перекатился через кадушку ванны и врезался в переборку.

- Встань! Иди сюда... Руки по швам!

Крепко взяв матроса за ворот, Вальронд лупцевал пьяного со всей горячностью молодости. Наконец устал. Крутанул вентиль, и все восемь нарядных душей брызнули с потолка веселым дождичком. В вихре брызг, жестоко бьющих Пивинского по плечам, мичман сказал:

- Вымойся, подлюга... - И ушел.

А в кают-компании чистые перезвоны хрусталя, звяканье ножей и тарелок. Вестовые в накрахмаленных фартуках расставляли посуду по "скрипкам"; тарелки качались в карданных кольцах, не расплескивая содержимого. Возле буфета стоял старший офицер Быстроковский, наблюдая, как доктор крейсера Анапов брезгливо ковыряет вилкой салаты.

- Роман Иванович, - сказал Вальронд негромко, - я сейчас, да простит мне бог, отретушировал на крейсере одну карточку.

- Кому?
- Штрафному.
- Новому?

- Нет. Старому. Пивинскому. Он где-то наэфирился с утра пораньше и гробил нам дистанцию от гальванных. Случись это на полигоне в Золотом Роге - так плевать: люди свои. А здесь на нас смотрит Европа, и мы должны утверждать перед миром отличную боеспособность русского флота.

Быстроковский сыплет в рот хину. Морщась, запивает ее марсалай. Лицо желтое, его лихорадит. Рука с тряскими пальцами парит над рядом закусок. Нет, ничего не хочется, с души воротит, и старший снова наливает себе марсалы.

- Только не говорите нашему старику, - советует Быстроковский. - Он этого не любит... либерал. Доктор, - поворачивается старший к Анапову, - а вы догадались осмотреть того гальванера, что загремел сегодня с мачты?

Вилка врача ворошит салаты, губа оттопырена плотоядно.

- Нет, Роман Иванович, он же встал... побежал!

- В горячке боя и без головы бегают. Осмотрите.

- Катер под талями, - докладывают с наружной вахты.

Старший быстро выходит. Крейсер, застопорив машины, плавно покачивается. Под бортом его прыгает, шарахаясь из стороны в сторону, паровой катер, и Быстроковский сразу же приказывает боцману:

- Труш! Мертвых - в командные душевые... Зашейте их поскорее. И поднимайте катер. Быстро, быстро... Здесь задерживаться никак нельзя, иначе нас могут накрыть турки с берега.

Палубная команда уже разнесла тали по борту, судовой оркестр сыграл быстрый "янки дудль", и чей-то голос взлетел к небу:

Вот на рейд выходит клипер...

Матросы цепочкой наваливаются на конец, хором подхватывая:

Дай, братцы,

дай, братцы,

дай!

И катер, повинувшись могучему рывку сильных тел, повисает над водой; крейсер снова дает ход; матросы напряглись для рывка.

Там знакомый служит шкипер.

Дай, братцы,

дай, братцы,

дай!..

Катер уже качается вровень с палубой крейсера, остался последний рывок, и заводила жалобно выводит:

Он поймал недавно триппер.

Ай, братцы,

ай, братцы,

ай!

Все! Катер плюхается мокрым днищем в кильблоки, но Быстроковский недовольно щелкает крышкой хронометра.

- Полторы секунды лишку. Заленились... Труш! Всех палубных на полчаса вдоль шкафута, чтобы в другой раз было им веселее.

Старший офицер поворачивается, и вот уже слышны голоса:

- Шкура ты! Сопля на цыпочках!

Быстроковский возвращается и, взглядываясь в черные замкнутые лица, произносит совсем спокойно (его смутить трудно):

- Труш! Не полчаса, а - час шкафута... На прожарку!

В кают-компании уже хлопает пробка; на яркой этикетке с шампанским карандашом надписано: "Не забыть, что наша баронесса - лютеранка!" Офицеры со смехом чокаются бокалами с минером Фиттингофом: барон вернулся живым, орден ему обеспечен, он счастлив, теперь будет рассказов на целую неделю. Но славу у барона тут же отнимает корниловский дог Бим, явившийся как раз к разливу шампанского - без хвоста.

- Я знаю, кто это сделал! - в бешенстве кричит Корнилов, лаская свою собаку. - Бим, Бимчик, родной... А, Федерсон!

Федерсон - в дверях. Как всегда, невозмутимый.

- В чем дело? - говорит механик. - Когда у меня случается обруб на ответственной магистрали, я накладываю асбестовый манжет. И машина, мой дорогой, работает дальше!

- Это ваш трюмный Бирюков отомстил мне на собаке...

В разговор вступает мичман Носков:

- Трюмный матрос Бирюков неотлучно был у насоса, а топор на крейсере только один... для рубки мяса! На камбузе.

Звонок на камбуз. Коки клянутся, что топор на месте и об собачий хвост они его не поганили. Коки заняты, идет раздача обеда, фельдфебели уже потащили ендовы с вином. Навстречу казенному вину проносят в душевую убитых с катера. Мертвецы завернуты плотно, словно их где-то украли и теперь ищут место, чтобы получше спрятать. Зато возле ендов всегда веселье. Здесь тебе чарку нальют. Хотя земля тресни, а чарку матрос получит. Год за годом, день за днем - чарочка за чарочкой, так и плывет служба, пока бочек десять не выдуешь. И тогда без чарки уже не можешь - будто червяк в тебе сидит, требует, сосет...

Вино всегда во власти боцманматов, и фельдфебель Скок бережно, словно икону, водружает ендову на палубе:

- Не напирай! Осади! Успеешь свое выжрать... Господин Труш, извольте выпить за наше здоровье.

Власий Труш успевает хватить две сразу, одну за другой, и передает стаканчик кондуктору Самокину:

- Держи, хвороба секретная!

Самокин - интеллигенция: не офицер и не матрос. Живет рядом с салоном, а за чарочкой и жратвой к матросам бегают. Хлоп! - и нет ее родимой. И вытирает лихие усищи.

- Не смаковать, - волнуется Скок. - Тебе тут не трактир с барышней, чтобы губами шлепать. Пей и отчаливай!

Скок по "колдунчику" ревностно следит за выдачей.

- Пивинский, куды лезешь? Ты лишен чарки на сегодня...

- За что-о-о? - ревет тот, совсем уже ошалевший.

- Спроси у старшего. Я-то при чем? Павлухин, тебе по приказу командира пить, пока пузо не лопнет. Ну а ежели лопнет, то наплевать - под бушлатом не видать!

Павлухин хлопает первую залпом и тут замечает жадно устремленные на него глаза Пивинского.

- Браток, - жалобно скулит тот, - оставь... глотнуть бы!

Морда - страшная, в синяках, глаз заплыл.

- За дистанцию? - говорит Павлухин. - А кто поддал?

- Вальронд, собака... Завел в душ и зубы выполоскал.

Павлухин вдруг наотмашь бьет Пивинского кулаком в ухо:

- Мало дали тебе! Я там, как обезьяна худая, под осколками крутился. И укрыться - одна бескозырка! Рубил дистанцию на калибр. А ты, паскуда, гробил нам все... На еще! Утрись!

Их разняли, и Павлухин (он был щедрый, широкий парень) повернулся к Скоку:

- Ендовый, плесни ему за меня! Мне не надо, а ему - прямо в его поганую скважину... Как же, понимаю: башка трещит...

В руке фельдфебеля пузатая чарка из серебра.

- Зальешь обиду? Или отвернешься, шпана гордая? Отвернувшись от матросов, Пивинский заливает обиду павлухинской же чаркой. У этого человека давно уж нет ни стыда, ни совести. Он все пропьет и все продаст. А к ендове продирается коллежский советник Анапов в белом чесучовом платье, неотглаженном:

- Голубчики, кто тут из вас с мачты сверзился?

- Я, ваше благородие, - выступает вперед Павлухин.

- Старший приказал мне осмотреть вас. Самым тщательным образом. Не может быть, чтобы вы невредимы остались.

- Повезло, ваше благородие. На тент заиграл! Мальчишкой и не так падал. Однажды со стога сена прямо на вилы сел.

- Нет, вы уж не отговаривайтесь. Прошу в лазарет...

В лазарете лентяй Анапов сразу загрузил Павлухина работой. Установить станцию "Слаби-Арко" - на это нужны и силы и время. Коллежский только командовал, а Павлухин сам для себя собирал рентгеновский аппарат. Ворочал штатив, вставлял по указке врача круковые трубки, развешивал экран. Под конец взмолился:

- Ваше благородие, да отпустите вы меня...

- Нельзя, мой милый. Приказ. Разденьтесь до пояса, так. Я гашу свет... Внимание, поднимите руку... эту! Дышите...

В мерцающем зеленоватом свете ожил перед Павлухиным человеческий скелет. Темно, таинственно...

- Ваше благородие, не мучайте... На что я вам?

Все было понятно: и высота марса, и свист осколков и даже шлепок о палубу. Но тут... Что-то, жужжало в темноте, и выступали из мрака его ребра и кости. Павлухин двигал свой собственный скелет, и что-то трепыхалось под самыми ребрами.

Крепкие нервы матроса не выдержали.

- Ваше благо... умираю! - И он потерял сознание.

В эти дни доктор Анапов докладывал в Петроград по начальству, что команда "Аскольда" наполовину состоит из людей с расшатанными нервами. Отчаянная служба крейсера отзывалась на здоровье матросов: они редко говорили - больше орали, взгляды их были исподлобья, участились драки, алкоголь подогревал души людей, которые проклинали все на свете. Два года они не видели родины, по восемь лет не знали жизни в кругу родных.

Это была настоящая каторга - почетная каторга под славным андреевским стягом. Зато многие - очень многие матросы с "Аскольда"! - носили на груди ордена и медали: русские, британские, французские, японские.

* * *

В разгар Дарданелльской операции снаряд прогнул вал среднего винта, и теперь винт барабанил по корпусу - так, что на корме никто не мог спать. Захлебывались в трюмной воде насосы, текли холодильники. Наконец случилось засоление двух котлов, и однажды на полной скорости вода

вдруг забурлила ключом...

Но только в начале 1916 года Эйфелева башня передала на "Аскольд" разрешение следовать в Тулон для ремонта. Наконец-то отдых, пусть даже с ремонтом, тяжким и сложным, зато можно спокойно выспаться с открытым иллюминатором, в гавани!

Шли, опасаясь немецких субмарин. В пути были две памятные встречи. Где-то за Мальтой, в крепкую штормягу, заметили два низких эсминца, захлестанных пеной.

- Наши! - доложил сигнальщик. - Сибирской флотилии эскадренные миноносцы "Грозовой" и "Властный".

- Вижу плавмастерскую "Ксению"! - заголосил второй. Сблизились. Болтало изрядно - эсминцам здорово доставалось. Иванов-6 спросил через широкий рупор:

- Сибиряки! Куда идете?

И с ажурных мостиков прокричали - через вой ветров:

- Из Владивостока... на Мурман! Там будет новая флотилия... новый большой флот России!

И еще была одна встреча - странная. Английский крейсер "Психея" конвоировал транспорта "Ярославль" и "Тамбов". А в кругляках иллюминатора? - русские курнофеи милые.

- Ого! - гоготали матросы на крейсере. - Гляди-ка, хари-то нашенские... Эй, крупа-пшено, куда вас везут?

- На фронт... - долетело. - Во Францию!

Война продолжалась - подлинно мировая война. Русские корабли тонули у берегов Индии; дрались как черти под Палестиной; русские мужики ехали умирать на зеленых полях прекрасной Франции.

...Близок уже Тулон; от самого княжества Монако тянутся до Марселя золотые пляжи. За поворотом мыса открылся курорт, и бронзовые тела женщин плеснули в глаза каждому...

Вся оптика "Аскольда" сразу пришла в движение, разворачиваясь на пляж. Как в боевые дни, щелкали визиры и дальномеры, тряслись по барбетам орудийные жерла, блаженно ощупывая в прицелах живые тела. Совсем недавно мужчины купались в подштанниках, а женщины в юбочках. Но война, отбросив стыд, обнажила людей, и теперь четкие линзы выпукло приближали женские тела, едва прикрытые.

- Ой, беда! Ой, беда! - заорал сигнальщик.

Под накатом орудий быстро опустел пляж. В панике разбегались люди, не понимая, что значит эта прямая наводка. До мостика долетел визг женщин, на бегу хватавших свое платье. И только одна - молодая - не

убежала. Она встала на высокий камень и потянулась над морем узким солнечным телом. Это было так прекрасно, так целомудренно, что "Ванька с барышней" первым опустил свой бинокль и хрипло рявкнул:

- Дробь атаке! Всю оптику вернуть в диаметральную плоскость. Орудия на ноль! Чехлы - зааа... кинь!

Вот и Тулон. Здесь - три мешка писем сразу.

Глава третья

Гений Мореплавания, колоссально отлитый из бронзы, парил над набережными Тулона, над его доками и причалами. В уютных бассейнах гавани, ограниченных с моря молами, не было тревог и опостылевшей качки. Пятая флотская префектура отвела "Аскольду" место для стоянки в заливе Petite Rade. Именно здесь, в Тулоне, когда-то прозвучала первая нота франко-русского аккорда; французы еще не забыли, какой был пышный карнавал, когда сюда пришла русская эскадра под командою адмирала Федора Авелана. И вот теперь грозной тенью, подвывая сиреной, вошел в Petite Rade боевой, прославленный крейсер "Аскольд".

Горны пели большой сбор. Мэр города счел своим долгом пожать руку матросам, а перед кают-компанией отделался общим поклоном: республиканец, сразу видать! В кубрики тулонцы натащили всего: каперсов и лимонов, маслин и фруктов, вин и ликеров. О французы! О добрые французы! Как вы очаровательно милы!

"Ванька с барышней" сразу нанял дачу под городом. Женатые офицеры выписали свои семьи из России. А холостяки пустились во все тяжкие, чтобы похвастать внукам под старость: "Что вы! Вот я..." Француженки целовали аскольдовцев даже на улицах. В предместьях Ле-Мурильон и Дю-Лас матросы пользовались такой любовью, что судовой врач Анапов поборол в себе лень и прочел лекцию о предупреждении постыдных заболеваний.

С ремонтом крейсера французы, однако, не спешили. Правда, разболтанную утробу корабля - его машины - разобрали; били в расшатанный корпус воздушные молотки.

По вечерам команда выстраивалась на палубе, готовая сойти на берег, и Быстроковский привычно произносил набившие оскому слова напутствия:

- На берегу вам могут встретиться люди, хорошо знающие русский язык. Люди, извещенные о событиях на родине лучше нас, оторванных от России долгом государственной службы. Они, эти люди, вкрадчивы. И умеют говорить красивые слова о тяжести нашей службы. Это - социалисты, враги отечества. Как узнать их? - вы спросите. Я отвечу.

Социалисты называют службу на флоте "царской каторгой". Как только он эти слова тьякнул - тут и лупи его прямо в рожу! Все переговоры с префектурой и все штрафы я беру на себя...

- Отдельно от других сходит на берег и кондуктор Самокин. Шифровальщик предпочитает статское платье: ладно пошитый в Тулоне костюм с жилеткой, манжеты с запонками из японской яшмы, в руке - тросточка. Никто не знает, где проводит время Самокин, с кем встречается. Женщинами он как будто не интересуется, пьяным его никто никогда не видел. Кондуктор живет своей жизнью...

Корабль пустеет. Остается вахта и люди, имеющие особый интерес в наступившей тишине. Иногда, признаться по чести, этот интерес бывает вынужденным. Вот сидит в каюте, мрачно покуривая, отец Антоний: тишина и святость, лимонад пополам с молитвой... Два военных попа (аскольдовский и бригады Особого назначения) недавно в Марселе, будучи в непотребном доме, рванули такую джигу, что... Да, да, посольство вмешалось: солдатского попа, наградив вторым Георгием, отправили в любезное отечество, а отцу Антонию запретили сходить на берег.

Тогда еще, в кают-компании, Женька Вальронд заметил: "Оказывается, наш батяка - выученик Мариуса Петипа!" Но за священника вступился Быстроковский: "Евгений Максимович, помолчите! Мы ведь не забыли, как вас на Цейлоне привезли с берега нагишом. Я, конечно, не стану утверждать за правду, но консул не сомневается, что вы изображали с какой-то гречанкой античные фрески... Разве не так?" На что Вальронд ответил: "Фрески не помню, консула презираю, а гречанку забыл!"

Кстати, мичман Вальронд тоже, сидит без берега в каюте. Причина тому отсутствие франков в кармане, и мичман почитывает дешевые романчики. Веря в свою звезду, он терпеливо ждет выдачи ему жалованья. Между тем минер крейсера барон Фиттинггоф фон Шелль штудировал газеты, прибывшие из России, и потом в ужасном настроении направляется в буфет кают-компаний.

- Базиль, сделай мне "флаг", - говорит минер вестовому Ваське Стеклову и, боясь одиночества, вытягивает из каюты Вальронда: - Женечка, я тебя не узнаю. Ты одинок? Ты печален? Выпей со мною, дитя мое...

- С удовольствием, баронесса, - не отказывается мичман. - Тем более если календарь не солгал, мне сегодня ударило из главного калибра двадцать пять дюймов. Если учесть, что я желаю прожить целый век, то свою четверть я уже спроворил.

- Что тебе подарить, Женечка? - ласково спрашивает минер. - Орхидеи в ночной вазе? Дать в долг на пламенный дебош? Или просто лизнуть тебя

в румяную щечку?

- Лизни! - сказал Вальронд. - Я с детства был такой сладкий, что моя прекрасная нянька лизала меня на сон грядущий...

Возле буфета они пьют "флаг" - смесь трех вин, лежащих в бокале ровными слоями, но разных окрасок. В кают-компании пустынно, абажуры затемнены, только светят по углам бра; в углу торжественно застыл рояль, сверкая темно-вишневым лаком. Дорогие инкрустации из дерева, вделанные в борта над диванами, сначала отсырели в Сингапуре, потом рассохлись у Хайфы и теперь шелушатся в Тулоне...

Скучно (ой, как скучно!), и минер доверительно говорит:

- Женечка, от нас многое скрывают...

- Жалованье?

- Не хаами. Оказывается, на Балтике был дикий бунт на "Гангуте". И на "Громобое", кажется, тоже.

- Из-за чего? - спрашивает Вальронд.

- Видишь ли, после угольной погрузки, когда по традиции положено давать на ужин макароны, командам в тот раз дали... Что бы ты думал - им дали?

- Угря под соусом крутон-моэль.

- Не угадал - кашу.

- Повод для бунта есть. Любой гурман взбесится!

- А там, на "Гангуте", - продолжал барон, - старшим офицером служит мой кузен, тоже Фитгингоф, только без "Шелль".

- И тоже баронесса?

- Ты догадлив, Женечка. И вот его в бунте ударили... Чем бы, ты думал, его ударили?

- Торпедой.

- Хуже.

- Шлюпбалкой.

- Еще хуже. Его ударили... увы, поленом!

Лицо минера, лощеное и тусклое, заливают чахоточный жар. Это жар стыда и неловкости. Какой позор! Не пуля, не шпага, а - полено! Это по Фитгингофу-то - поленом? Это по Фиттингофу, предки которого вписаны в "Готтский альманах"?

А неунывающий мичман хохочет.

- Послушай, баронесса, откуда на линейном корабле "Гангут" полено? Линкор - это ведь не дворницкая на Обводном канале!

- Не знаю. Наверное, припасли заранее.. Так написано и в газетах... Бази-иль! Еще два "флага", - под-нять!

- Есть два "флага", - репетуют в буфете...

Тут Вальронд, по младости лет, не удержался и ляпнул очередной "гаф" (так называлась на крейсере любая оплошка).

- Баронесса, - сказал мичман, - а ты не боишься за сходство твоей фамилии с фамилией твоего кузена?

И минер, глядя прямо в глаза Женьке, ответил:

- Это - гаф! И нескромный гаф! Твоя фамилия, Женечка, для наших матросов ничуть не лучше моей.

Мичман малость смутился:

- Да, но мы из французов... Мы - тверские французы! Вальронды со времен Екатерины Великой служили на русском флоте.

- О том, кому они служили и с каких времен, это ты можешь рассказывать матросам на уроке словесности.

В кают-компании с крахмальным шорохом свежего белья появился лейтенант фон Ландсберг; сейчас он собирался в Париж дня на три, а вернется оттуда как старая тряпка, которую впору выбросить, и потом будет отсыпаться в каюте.

- О чем, господа? - спросил он, присаживаясь к роялю.

- О немцах, - ответил Вальронд. - О немцах на флоте. Фон Ландсберг небрежно пробежал пальцами по клавишам:

Флот имперской метрополии,

Он не жметя к берегам.

Далеко от Галлиполи

До прекрасных наших дам.

В Гельсингфорсе по эспланаде

Мы пройдемся вечером...

- И еще - гаф! - раздраженно заметил Фиттингоф. - Немцы на флоте, немцы в армии, немцы при дворе... К чему все это?

Хлопнула крышка рояля - фон Ландсберг вмешался в спор:

- погоди, баронесса, мы здесь люди свои, и никакого гафа от Женьки нет. А что есть? Есть: антинемецкие настроения на флоте, которые очень скрытно представляют собой настроения антивоенные. Антивоенные - это почти большевистские. Но известно ли вам, что когда матросов с "Гангута" судили, то прокурор назвал их "неразумными патриотами"? Патриотами, именно патриотами! - подчеркнул фон Ландсберг.

Тут Женька Вальронд встал.

- Комедь ломаете? - выпалил он. - Где это видано, чтобы, в России казнили людей за то, что они искренне любят Россию?

- Они выступали против нас, - сказал Фиттингоф. - Против

офицерского корпуса... А ты ничего Не понял.

- Ну конечно, - обиделся мичман. - Где уж мне, французу из Торжка, понять вас... немцев с Васильевского острова?

Обиженный, он снова заперся в одиночестве. И слышал, как в соседнюю каюту мичмана Носкова тихо кто-то скребся... "Ну конечно же, это опять Харченко!"

Машинный унтер-офицер Тимофей Харченко деловит.

- Ваши благородия, - говорит он мичману Носкову, - самые трохи беспокою. Ежели, скажем, давление пара на площадь котла... опять же и кофициента. Берем мы эту кофициенту и делим ее на удельный вес пара... Потому как я практик и башкою не понимаю... Практик!

Носков, тихий карась-идеалист, выслушивает длинное матросское предисловие, потом хлопает по койке:

- Садись. Растолкую...

Дело в том, что Харченко мучается - уже третий год. Мучается ужасно творчески. Школа машинных подпрапорщиков в Кронштадте манит его, ласково и отрадно. Выбиться! Только бы получить погоны, стать на первую ступеньку той сверкающей лестницы, по которой легко взлетают благородные господа офицеры. А потом, годам к сорока, можно и на торговый флот. Там-то уж хозяин! Только бы вот сейчас... Выбиться!

На толстом запястье Харченки крутится тяжелый серебряный браслет. Унтер, с треском, словно орехи, разгрызает хитрые формулы. Лбом прошибает теоремы, словно баран новые ворота, и сам постоянно удивляется:

- Проник! Осознал! Покорнейше благодарим, ваши благородия. Трохи еще беспокою. А вот старший инженер-механик - даст он заручку за меня или не даст?..

...В каюте старшего лейтенанта Федерсона - чисто, благонаравно, пристойно. И не болтаются в рамках фотографии голых скачущих девок (как, например, у мичмана Вальронда), нет - каюту механика украшают виды Везувия, водопада Ниагара; одинокий путник, что застигнут метелью в Швейцарских Альпах, уже замерзает, - бедняжка, смотреть на него жалко...

Сейчас Федерсон с помощью пинцета кормит двух противных хамелеонов, которых бережно содержит от самого Цейлона. Тараканов на "Аскольде" в избытке, и длинные языки зеленых безобразников жадно сглатывают хрустящую добычу.

Самого Харченки как будто и нет в каюте.

- Итак, мичман... - Федерсон замечает только Носкова. Трюмный

объясняет цель визита: школа подпрапорщиков, сын народа, Кронштадт... такие люди нужны флоту тоже...

- Зачем? - произносит Федерсон, впервые поглядев на Харченку. Объясните, мичман, зачем?

И вдруг механик с ужасом думает, что, случись такому вот Харченке стать офицером, и тогда этот хитрый хохол будет ходить по нужде туда же, куда ходит и он, Федерсон... В каюте механика сразу повеяло запахом чистоплотной карболки.

- Нет, нет, - передернуло Федерсона. - К чему умножать ряды плохих специалистов корпуса машинных офицеров? Не лучше ли, мичман, вашему протеже оставаться нижним чином, но зато... Зато хорошим младшим специалистом!

Хамелеоны сочно хрупают тараканов. Везувий извергается, Ниагара рушится, одинокий путник замерзает...

- Ваши благородия, - почти орет Харченко, - дозвольте теорему господина Гаккеля разрешить? Вот прямо здесь... решу! Только бумажки дайте...

- Тебе это не нужно. Твое дело - реверс машины. Харченко близок к отчаянию и ставит ва-банк.

- Ваши благородия, - говорит он вкрадчиво, - вы же мне сзади плюнули. И - ничего? За плевков этот дозвольте в школу пра... подпра... Это как понимать? Добро бы - в рожу, а то - в спину! И не вытереться. Людей стыдно. Прикажите только, и любую формулу, не сходя с места... Прямо вот здесь, только бумажки дайте!

Федерсон неумолим: чистота офицерского гальюна да будет свята! Тем временем Иванов-6, по-стариковски не торопясь, собирается на берег. Глухие рыдания прерывают его сборы. Кто-то плачет под самыми окнами салона.

Это Харченко, который знает, где именно надо плакать...

Растроганный такой любовью к службе, Иванов-6 обещает завтра же своей волей отправить Харченку в школу машинных подпрапорщиков. Но ставит условие:

- Офицером вы вернетесь только на мой крейсер. Я очень ценю вас, Харченко, как специалиста...

Иванов-6 разговаривал с унтером уже на "вы", как с будущим товарищем по офицерскому корпусу. В этом большая разница между Ивановым и Федерсоном...

Шатающийся от счастья Харченко решил дать своим приятелям хорошую отвальную.

Оставался на крейсере и боцман - Власий Труш, заглянуть в каюту которого просто необходимо. Кюта боцмана примечательна: где только можно, повсюду горят яркие этикетки консервов с ананасами, закупленных еще на Цейлоне. Всего 840 банок, пузатых и нарядных. Полвека существует уже на русском флоте традиция всех боцманов - спекуляция на ананасах. В Сингапуре такая банка обходится в 25 копеек на русские деньги, а в Петербурге боцмана сшибают за каждую по рублю. От этого большой доход и даже привлекательность флотской службы...

На челе Власия Труша - раздумье. "Кто сказал, что по рублю? Это до войны цена твердая. А теперича проценты за рыск получить надо с каждого рыла? Надо хоша бы по полтине накинуть!"

- Рыск! - бормочет боцман и, мусоля карандаш, оцепенело впадает в царство детской арифметики. Ого! Прибыль сразу ощутимее: чего доброго, и курей можно развести. Домик-то у него в Мартышкино вполне располагает к заведению хозяйства. Курей - оно хорошо... Из кают-компания доносится музыка. Граммофон у боцмана уже есть, а вот...

"Рояль?" - думает Власий Труш, весь замирая в истомной сладости.

- Не, - говорит, вздыхая, - до рояля нам ишо не доплюнуть. Вот ежели бы еще по четвертаку на банку набросить, тогда... А почему бы и нет? Драть так драть. Ананас штука редкая, господистая. Ежели даму соблазнить желание имеешь, то без такой ананасины - хрен к ней подкатишься...

От дерзостных мечтаний бросает в пот. Закинув руку за спину, Труш врубаёт виндзейль, чтобы немного остудиться. Ревёт походная вентиляция, и под дуновением тяги три волосинки на челе боцмана встают дыбком трепетные... В тиши боцманской каюты рождаются сейчас такие афоризмы: "Ананас не картошка, понимать надо..."

- Рыск, рыск... Всюду - рыск!

* * *

А в кубриках - тоска зеленая. Опостылели крашенные под шар переборки, железные рундуки с барахлом, столы на цепях, надоедное фуканье насосов, вытягивающих наружу через трубы запахи каши, пота, перегара и мыла.

Наслаждения берега постепенно утихли, письма из России замусолены и изучены, и матросы вдруг сделались задумчивы, рассеянны, даже подавлены. И часто вспоминали, как мэр Тулона пожимал им руки, приподымая перед каждым блестящий цилиндр.

- Говорят, - рассказывал Шестаков, - в Марселе-то еще чище было. Когда наших солдат, крупу несчастную, во Франции высыпали, так сам

Пуанкаре по плечу солдат хлопал.

- Демократы, - переживал комендор Захаров. - У нас на шкафут норвят поставить, а у них - за лапку: мое почтение. Сам видел, подошел матрос-француз к своему офицеру, прикурил у него и... отошел. И даже в ухо не получил!

Сашка Бирюков, зажав меж колен колодку, чинил ботинок.

- Попробуй у нас - прикури у старшого. Он тебя потом до конца на солнышке скурит, даже чинарика не останется.

- А я, братцы, - вдруг сознался степенный Захаров, - еще во Владивостоке три рубля у Вальронда занял...

- Ну-у? - удивились в кубрике.

- Ей-ей. Не вру. Дошел до конца веревки. Баба моя тут как раз разродила ни к селу ни к городу. Масленица! А выпить и закусить - пусто. Обозлился я на судьбу и подошел. "Ваше благородье, говорю Вальронду, отдам... Выручите!"

- И дал?

- Дал. Тут же занял у лейтенанта Корнилова и мне... дал!

- А как ты отдавал?

- Ничего. Мичман покраснел, даже извиняться передо мною стал. "Извини, говорит, Захаров, мне стыдно с тебя три рубля получать обратно. Но, понимаешь, сам без копейки сажу..."

- Вальронд такой, - хмуро рассудил баптист Бешенцов. - Он кутит, почем зря. В любой кабак, как баба в зеркало, так и всунется! Но от него обил, нету: душу еще не испохабил...

- Да, - согласился Сашка Бирюков, колотя по подошве. - Вам, носовому плутонгу, просто повезло на офицера. А вот нам, машинным, так... Бывает, нагнется Федерсон под мотылем, а я думаю: пихни разок - и амба! В котлету!

Захаров мигнул, переводя глаз на Пивинского:

- Не болтай, Сашка!

- А что? Сашка Бирюков себя еще покажет...

Пивинский вдруг ни с того ни с сего спустил с подволока стол, и он закачался на цепях посреди палубы, словно качели в деревне. Бросил подушку и завалился на стол, потягиваясь.

- Сдурел? - сказали ему. - Не велик князь! Дождись часа, и дрыхни до трубы... Это непорядок.

- Выслуживаетесь? - Пивинский привстал на локте, оглядел матросов. Обвешались крестами, словно иконостасы. У кого Георгия, у кого японские солнышки, у кого львята английские... Просто потеха мне с вами!

- Завидно? - усмехнулся Захаров. - Да, русский матрос таков. Если бы мы да деды наши плохо воевали, так от России бы шиш остался. Мы служим честно. А вот тебя, словно сучку базарную, кажинный день по углам лупят.

- Меня не залупишь! - огрызнулся Пивинский. - Я тебе не сучка, а блатной с Лиговки, меня в Питере вся шпана знает. А вы, шкуры, накройтесь в доску до понедельника!

- Бить или погодить? - спросил Сашка Бирюков.

- А учить надо, - заметил баптист Бешенцов.

Шестаков подошел к столу, покачал его.

- Приятно тебе? - спросил. - Только ты нас, старых моряков Тихова океану, ране срока в деревянный бушлат не заворачивай.

И грохнул Пивинского со стола - штрафной гальюнщик так и врезался носом в настил палубы.

- Бескультурье, - говорили матросы, одобряя. - Мы за этим столом хлебушко режем. А ты грязным задом валяешься. Брысь!

Тут, приплясывая, скатились по трапу два матроса из машинной команды, отбили по железу хорошую дробь чечетки.

- Старики! - сказали, танцуя. - Харченко в Кронштадт собирается ехать. Мошну свою развязал, сейчас из сберкассы деньги берет и плачет. А хутор у него, еще при покойном Столыпине строенный, бога-атый... Пропьем! Будет отвальная.

- Пропьем хутор! - загалдели матросы и побежали ставить утюги, чтобы гладиться, вешали зеркала, чтобы бриться.

- Бешенцов, а ты пойдешь с нами? - спросили погребного. Баптист почесался, ругаясь:

- Пойду. Все едино - давно испоганился. Никакой веры у меня с вами, нехристями, не получается... Ладно, отмолюсь!

Выбрали кабак пошикарнее. С портьерами, с музыкой, с кабинетами. Женщин для начала к столу не вызывали, чтобы не мешали вести серьезные разговоры. Решили так: "Ну их... марусек этих. Еще успеется!" Харченко плакал от наплыва счастья, целовал всех по очереди.

- Друга милые, - говорил, - экий год с вами плаваю. Сопляками ишо пришли мы в Первый Балтийский, потом Сибирская, в гроб ее, сколько отмахали... Людьями стали! Слава те, хосподи!

Чтобы коньяк прошел вернее, поначалу ничем не закусывали. Потом желудки потребовали пищи. Но - хорошей.

- Кутить так кутить! Харченко не жалея франков. Давай щец попроси. Может, и сгоношат французские люди?

Щи так щи, Харченко не скупился: послали за щами в русский ресторан. Вызвав удивление проституток, слопали полведра щей. Не без хлеба, конечно. Умяли всё подчистую.

- Ну теперь, - рассудили матросы, - можно и по бутылочке.

- Верно, - кивнул Захаров. - Поговорить напоследки надо! И начали они разговоры - деловые, хорошие.

- Вот ты, к примеру, Тимоха, - начал рассудительный Захаров. - Ты, браток, офицером станешь. Это хорошо. Поболе бы таких офицеров... из народа! Становись кем хошь. Но свое происхождение помни. Матроса чти! Уважай его. Сам хлебнул...

- Братцы, - плакал Харченко, вконец умиленный, - да рази уж мне... Хосподи! Только бы до кают-компаний добраться. Да сесть там. А уж вас в обиду не дам. Постояю! Ей-ей, братцы мои...

Подошел к ним какой-то бородатый дядя в пенсне:

- Какие лица! Какая речь! Вот они, милые русские простодушные лица! Вот она, славная русская речь... Да здравствует русский флот! Да здравствует русская армия! В условиях тягчайшей реакции вы, товарищи, сумели пронести...

Сашка Бирюков рывком уперся в столб, как бык:

- Ты вот что, паря! (И завращались глаза, налитые кровью.) Ежели чарочку задарма ковырнуть хошь - пожалуйста. Дерни и - отваливай! Потому как мы и без тебя речи всякие знаем. А будешь приставать, так я тебе так врежу, что колбаской скрутишься.

Бородатого земляка от стола отвадили. Зачем он им со своими громкими и неумными речами? У них сейчас своя политика - житейская, матросская, затаенная.

- Восьмой уж год... - качался на стуле охмеленный Шестаков, трюмач крейсера. - Братцы! Стыдно мне... молчал. Ныне скажу: баба-то моя родила... Сына, пишет. Это как понимать? С ветру, што ли? А я вот здесь... с курвами? Рази же это жисть?

Взял стакан, сунул его в рот и - скрежет пошел. Крошилось стекло на зубах. Плевал осколки окровавленным ртом, визжали они под каблуками проституток.

Харченко, расслабленный алкоголем, шмякнул на стол еще мятую пачку франков:

- Музыка! Жги...

Заиграли скрипки: "Ах вы, сени мои, сени, сени новые мои..." В разгар гульбы откуда-то появились солдаты - наши же, русские, из корпуса Особого назначения. Их перед отправкой из России принарядили

франтами: суконце на мундиры дали офицерское, голенища сапог - хром, чистый. С бокалом в руке подошел к матросам ефрейтор, вцепился в спинку стула, пьяно вихлялся, брызгаясь шампанским.

- Земляки! Доз... зzzз... вольте. Вот как...

- Чего вы тут, ребята? - спрашивали аскольдовцы. Подгрёб еще один солдат - потрезвее.

- Экскурсия у нас, - объяснил.

- Ну и как? Всё уже осмотрели?

- Да приглядываемся потихоньку...

- Валяй, валяй. Баба-то тебе ничего попалась...

А пьяный ефрейтор все цеплялся за стул Бирюкова, просил:

- Дозzzзвольте... зzzз компанию! Честь имею... Каковашин!

Бирюков вскочил.

- Ты что мне, крупа, шампань за шкуру капаешь?

Тот, что был потрезвее, щелкнул каблуками:

- Извините Каковашина, он ваш боевой товарищ. Мы на деле осуществляем формулу Бриана: единство действий на едином фронте. Сейчас - форт Мирабо, а завтра - фронт... На штык!

А шампанское за синий воротник - кап, кап, кап.

- Да отцепись! - сказал Сашка Бирюков и так двинул пьяного Каковашина, что он под рояль въехал.

А комендор Захаров наседавал на трезвого солдата:

- Ну вот ты, крупа. Расскажи, как ты спишь?

- Очень просто - шинель брошу и сплю, где придется.

Подошли из-за столиков еще солдаты - разные.

- Пойдем, - тянули трезвого. - Ну их всех к бесу, флотских. Они же господа. Разве им понять нас? Живут, сволочи, как сыр в масле катаются. Денег - завались! А нас на убой гонят в окопы, как скотину, вшей давить... У них даже вшей не водится?

- Нет, постой, - удерживал Захаров солдат. - Ты шинель себе кинешь. А я? Ну вот ты, конопатый... Отвечай по всей строгости: как надо свернуть койку?

- На кой мне ее сворачивать?

- То-то! - воодушевился Захаров. - Не знаешь... А тут целая наука, чтобы матросу выспаться. Первым делом беру шкентрос и продеваю его в люверс. Люверсов семь... Ты слухай!

- Отстань, смоленый! На кой мне это сдалось?

- А это к тому, что вы меня должны уважать.

- За что? - спросили солдаты.

- За то, что я есть матрос российского флота. Не чета вам!

Тут пьяный Каковашин выбрался из-под рояля и со словами "Доззззвольте..." дал Захарову прямо в глаз.

Харченко схватил стул - грох его по солдатам. В ответ взметнулись солдатские кулаки. Бутылки тоже пошли в дело: по черепу тебе - трах! только осколки брызнут...

- Наших зови! - орал Бирюков. - В синемо они... фильму о королях смотрют... Крупа зазналась, проучить надо. А Сашка Бирюков себя покажет...

Отовсюду, как мухи на патоку, слетались солдаты и матросы. Началось осуществление формулы Бриана: единство действий на едином фронте. Французские ажаны, разъезжая по городу на лошадях, останавливали офицеров с "Аскольда":

- Просим прервать прогулку: ваши матросы дерутся.

- К тому их и готовили. Но... с кем дерутся?

- С русскими же солдатами, мсье.

- Верно делают: армию надо проучить... армия зазналась! Иванов-6 подъехал на такси, когда дралось человек двести (если не больше). Драка уже захлестнула соседние улицы. Префектура не могла разнять свалки и вызвала пожарные колесницы. Был дан мощный напор, и упругие струи воды хлестали вдоль улицы, вышибая стекла в домах.

Вода несла и кружила солдат и матросов... Ржание лошадей, грохот воды, свистки и крики, звон стекол!

Иванов-6 сказал одному ажану:

- Одолжите мне ваш револьвер. На один только выстрел. Выстрелом в небо он заставил людей на миг остановиться.

- Солдаты меня не касаются, - заявил спокойно. - Но матросы с крейсера "Аскольд" - марш на корабль! Спать!

Его послушались. Беспрекословно. Он протянул револьвер.

- Благодарю, - сказал ажану.

Тут ему предъявили круглый счет:

- Мсье, ваши матросы действительно храбрецы, и Франция всегда их уважала. Но, по русскому обычаю, они неосторожно хватались за посуду и мебель... Наше заведение просит русское доблестное командование возместить убытки.

- Я человек семейный, - отвечал Иванов-6, раскрывая бумажник. - Но я... отец, а матросы - мои дети. Их грех - мой грех!

Толпою валили матросы в гавань Petite Rade, растрепанные, хмельные, в синяках и кровянице.

- Ничего! - орали, утираясь. - Крупа долго будет помнить.

- Саша Бирюков себя показал, - веселился трюмный.

* * *

Харченко, заклеив глаз пластырем, увязал в чемодан нехитрые пожитки. Попрощался, с кем хотелось, и отправился в дальний путь. А на сходне встретился со штабс-капитаном армии.

- Этот пароход и есть крейсер "Аскольд"?

- Шагайте смело, - отвечал Харченко. - Только за борт не заиграйте. Это не пароход, а крейсер первого ранга "Аскольд".

- Вот его-то и надобно мне, - строго произнес армейский.

Харченко вскинул чемодан на плечо, на котором жестко коробился серебряный "контрик", и - зашагал. Путь далек: через всю Францию, потом Норвегия, Швеция, Финляндия...

А там уже и Кронштадт, где свершится переворот судьбы!

Глава четвертая

- Штабс-капитан корпуса Особого назначения, командир батальона Небольсин. Прислан к вам его превосходительством генерал-майором Марушевским!

Иванов-6 склонил лысую голову:

- Весьма польщен. Но у нас на флоте принято называть офицеров не по званию, а по имени-отчеству.

- Виктор Константинович, - представился штабс-капитан.

- Вот и отлично, Виктор Константинович. Прошу садиться... окажите милость. Что вас привело к нам?

Небольсин присел и с некоторым удивлением (он - человек казармы!) оглядывал сейчас обстановку салона. Резные панели мореного дуба, роскошный министерский стол командира крейсера под двумя золочеными бра... Бархатные портьеры, блеск хрусталя и люстры старинной выделки. И вдруг под койкой что-то зашевелилось отвратно, и выползло оттуда нечто страшное.

- Ой! - воскликнул Небольсин, заметив удава.

Иванов-6, вытянув ногу, затолкал питона обратно под кровать.

- Он у меня сыт, - сказал равнодушно. - Итак, я слушаю...

Как и следовало ожидать, штабс-капитан заговорил:

- ...О том досадном недоразумении, которое произошло недавно в одном из кабаков Тулона, и мне...

Но Иванов-6 сразу прервал его:

- Простите, Виктор Константинович, но мне знакомо ваше лицо. Откуда я знаю вас? Где мог видеть?

Штабс-капитан сидел в кресле, уверенно утопая в кожаной глубине. По облику этого человека было видно, что он будет хорош в любой одежде - и в мундире, и в поддевке, и в смокинге.

- Возможно, - улыбнулся Небольсин. - Дело в том, что я офицер запаса гвардии. В отставке! До войны же был актером.

- На любительской сцене?

- Нет, - поморщился Небольсин, будто его оскорбили. - Я был на профессиональной. Играл в Петербурге, в Театре Комиссаржевской... Конечно же, под псевдонимом! И режиссерствовал на сцене провинциальной. Мое лицо, добавил он, - должно быть, оттого и знакомо вам. Да и фотооткрытки актеров расходились по всей России.

- Вот-вот, - кивнул Иванов-6. - Наверное, потому я вас и знаю... Что ж, очень приятно. Теперь снова в армии?

- Да. Знание французского языка. Желание повидать большой мир. Участие в общей мировой трагедии, - вдруг заговорил Небольсин казенными словами. Сейчас вот из форта Мирабо передвигаем части на лагерь Майльи под Шалоном, откуда...

- На фронт! - досказал за него Иванов-6. - Понятно. Ну, а каково настроение ваших солдат? Не считают ли они, что это авантюра - посылать русских сражаться во французские окопы, когда своя земля трещит под ногами?

Небольсин, как опытный актер, остался невозмутим.

- Солдаты - отборные красавцы, молодцы, - ответил он. - Что же касается авантюризма, то... Простите, я не могу расценивать это как авантюру. Несут же в России охранную службу Мурманского побережья британские и французские корабли? Война Стран Согласия и требует согласного единения всех сил Антанты!

- А генерал Марашевский прислал вас ко мне...

- Для того, - ответил Небольсин, - чтобы выразить недоумение по поводу того прискорбного столкновения.

- Впервые слышу! - сказал Иванов-6. - Не может быть! Мне никто не докладывал.

- Однако же это так, - настаивал штабс-капитан.

- Впрочем, - согласился каперанг осторожно, - крейсер не стоит на месте. Портов много, а значит, и столкновения возможны. Драться с кем-то ведь надо! Дерутся же студенты с полицией...

- Генерал Марушевский, - корректно отметил Небольсин, - надеется, что наказанию подвергнутся виновные не только с нашей, армейской, стороны.

- А ваши солдаты уже наказаны?
- У нас дисциплина, и ни один проступок не остается безнаказанным. В условиях республиканской страны, где ни один наш жест не остается незамеченным, иначе быть не может.

- Хорошо, Виктор Константинович, - согласился командир "Аскольда".
- Я разберусь в этом случае. И можете передать его превосходительству, что виновные понесут наказание...

Каперанг известил потом Быстроковского:

- Роман Иванович, узнать виновных, я думаю, будет нетрудно, ибо солдаты свои визитные карточки матросам тоже оставили. Так поставьте всех, кого морда выдаст, под ружье. Часа на четыре. С полной, выкладкой. В ранцы - песок иль кирпичи. Я надеюсь, что военно-морской атташе в Париже останется нами доволен...

Потом, просматривая списки выявленных участников драки, Иванов-6 велел Быстроковскому:

- А теперь, Роман Иванович, распорядитесь, чтобы по этому списку выдавали каждому, кто будет стоять под ружьем, по две чарки водки. Они поймут, что я не осуждаю их за драку.

- Но тогда, - возразил старший офицер, - атташе Дмитриев в Париже или - хуже того - граф Игнатьев не будут довольны.

- Но они же должны понять, что я вынужден поддерживать в матросах боевой дух. Пусть лучше дают волю кулакам, но зато поберегут языки... от политики! Вы ведь знаете, сколько неприятностей приносит русскому флоту эта политика...

* * *

Люди не могли не чувствовать, что в России что-то происходит. И когда накипь гильбы схлынула с них, как вода с гладкой клеенки, они потянулись к живому слову...

А где взять-то его, это живое слово? Шестьсот рублей в год отпускало питерское Адмиралтейство матросам "Аскольда" на это живое слово. Деньга для приобретения литературы были в руках корабельного ревизора лейтенанта Корнилова. Куда он их дел, об этом лучше спросить у тех девочек, которые назывались одинаково, хотя цвет кожи их был различным. За два года войны в библиотеке крейсера хоть бы одна новая книжка появилась. А старые зачитали до дырок. Их было в крейсерской библиотеке всего двести. Любой грамотный матрос в полгода проглатывал библиотеку залпом, а потом... Конечно, от такой тоски пойдешь в кабак как миленький!

Теперь, на заходе в Тулон, Корнилов как-то извернулся с деньгами и выписал команде "Русское слово" (издание патриотическое). Получая же

газеты из России, первым делом лейтенант запирался у себя в каюте, брал ножницы для стрижки ногтей и начинал инквизиторствовать - вырезал из газет думские речи.

Барон Фиттингхоф фон Шелль как-то застал его за этим занятием и строго осудил:

- Володя, это ты нехорошо придумал. Это нечестно!

- А зачем нашим матросам читать либеральную болтовню? О том, что на фронте нехватка снарядов, о том, что в министерствах сидят предатели и шпионы, о том, что Распутин... Зачем?

- Дай, - ответил минер, - прочесть матросам хоть эту болтовню. Не имея даже думских речей, матросы начнут искать новые источники сведений из России. И смотри, как бы не потянуло их на нелегальщину... Россия - такая страна, из которой ножничками для ногтей правды не вырежешь!

- Отстань, баронесса... - сказал Корнилов.

Но даже из раскрытых газет чувствовалось: перелом в настроении русского общества обозначился, и сквозь зазывания к победе уже пробивались возгласы недовольства войной и властью. Цены на продукты в России (как писали тогда) росли в стремительном "crescendo". Внутри страны вспыхивали бунты и забастовки, а в окопах поселилось уныние, от которого еще злобнее грызли солдат фронтовые вши.

Как раз недавно, для поощрения команды, часть матросов отправили в Париж - пусть поглазеют. Но в Париже за каждым не уследишь. Куда он пошел не проверишь. В кабак? Пожалуйста: пьянство даже поощрялось, как занятие бравое. Но там-то, именно в кабачках, и случались нечаянные встречи с русскими эмигрантами-революционерами. Русская колония в Париже буквально разодралась из-за матросов-аскольдовцев{2}. Крепкие моряцкие головы, хорошо выдерживали разливы даровых абсентов, но зато шатались от наплыва программ и зазываний.

Иной час нарывались на оборонца, который, восхваляя матросскую доблесть. Поднимал бокал:

- Война до победного конца! За Босфор и Дарданеллы! Он, дурак, не понимал, что эти люди недавно вернулись из-под Дарданелл, и тогда они отворачивались грубо:

- Ты, видать, куманек, Дарданеллы эти самые в книжке у себя дома выглядел. А сколько там наших в парусину зашили...

Опасались и пораженцев. Многих избили насмерть - люто и зверино, бляхами, по кабакам и тавернам:

- Рази напрасно кровь проливали? Утрися, лярва...

Из мусора политических междоусобиц, раздиравших тогда русскую эмиграцию, трудно было извлечь зерно истины. И не всегда умели матросы, надолго оторванные от России, отличить правду притворную от настоящей. Из Парижа они вернулись задумчивые, в некотором смятении.

"Баковый вестник" на крейсере теперь всю "печатал" свежие новости, и частенько слышалось:

- А Левка-то что сказал? Левка не так говорит... Надобно у Левки про это дело справиться.

Дошло это и до кают-компаний. Иванов-6 как-то спросил:

- Роман Иванович, мне стало известно, что на борту крейсера появляется некий Левка... Что вы знаете о нем?

- Я думаю, - ответил Быстроковский, - что с подобным вопросом лучше обратиться к отцу Антонию.

Аскольдовский поп сказал командиру:

- Левка от церкви отбился и ходит наши службы послушать. Молится исправно.

...Заканчивался ужин в палубе комендоров. Еще не убрали столы, как наказанные за драку похватили винтовки в ранцы с песком, поспешили на шкафут. Это наказание было тяжелым не потому, что тяжел сам по себе ранец. Стоять под ружьем матрос имел право только в свободное время. Другие поют и пляшут или дрыхнут, как сурки, а ты стой - дурак дураком, и песок тебя книзу тянет...

Павлухин вышел на палубу, когда шеренга людей уже выровнялась, вскинув винтовки на плечи. Застыли. Только глаза зыркали по сторонам, тоскливые. Невдалеке прохаживался вахтенный офицер лейтенант Корнилов.

- Эх, дураки вы, дураки, - пожалел Павлухин наказанных.

- Гальванер! - окрик Корнилова. - Не разговаривать, а то я тебя сейчас рядом с ними поставлю.

- Есть! Извините, господин лейтенант.

Павлухин был четок и подобран. Отличный матрос первой статьи. Карцера он не знал. И никогда не был застигнут "шкурами" курящим в неположенном месте. Павлухин курил всегда возле обреза на баке. Но, если бы начальство оказалось повнимательнее, оно бы заметило, что гальванер курит дважды в сутки (дымок пускает) всегда в одно и то же время. И почему-то всегда застает возле обреза шифровальщика Самокина.

Вот и сегодня - встретились. Здесь разговора не вышло.

- Дело, - сказал Самокин, одернув мундир. - Пройдемся, гальваный, тут один кабачок есть... Недалече!

Тут же, не выходя из гавани, забрели в дешевый матросский кабачок. Рыдала мандолина в руках итальянца, спасенного вчера с погибшего танкера. Шумная матросня с французских эсминцев резалась в карты. Пили вино женщины - со зрачками, которые расширены атропином, словно от ужаса. Чад стоял...

- Чего хмурый? - спросил Самокин.

- Устал. Визирную схему сегодня разбирали с Ландсбергом.

Самокин заказал бутылку вина и большого омара.

- Тяни, - сказал, взяв омара за одну клешню.

Павлухин за другую, и растащили омара на куски.

- Выпей... ешь... поговорим!

Долго пили и сосали омара молча. Потом Самокин раздраженно шлепнул клешню на стол.

- Натащили, - сказал, - всякой дряни... Бараньи головы! Ни хрена не смыслят, а тащут на крейсер всякую баланду, что числом поболее да подешевле. В головах - во: шурум-бурум!

И, оглядев дымный зал кабака, в упор поставил вопрос:.

- Левка... ты его знаешь?

- Нет.

- Посмотри. Вылуци его, сколько можно. И мне потом расскажешь. Я знаю: команда тащит с берега нелегальщину. Прямо тюками прет. Литература - дрянь! А у некоторых появилось оружие. Организации в том смысле, как мы с тобой ее понимаем, - такой организации на "Аскольде" нет.

- А что есть? - спросил Павлухин.

- Список, - ответил Самокин. - А какой-то дурак вчера ляпнул, что взорвись "Аскольд" - и война сама по себе для нас, служащих на "Аскольде", кончится.

- Дураков еще много, - вздохнул Павлухин.

- Крейсеров на святой Руси тоже немало... В кубриках составили список того, что им представляется "организацией". Но это - шалтай-болтай. Любой войди и выйди. Как в нужник на углу улицы. А наша с тобой задача, слушай...

- Ну! - наострился Павлухин, весь во внимании.

- Здесь не Кронштадт - Тулон, - говорил ему Самокин. - Вдали от своих, без партии, мы - тьфу! Я ввязываться, сам понимаешь, не могу. Партия никогда не простит мне, если я буду разоблачен. Но попробуй ты сделать так, чтобы всё убрали. И литературу, и оружие. Преждевременное выступление смерть. Да и никто не даст нам сейчас выступить - даже

преждевременно. "Ванька с барышней" мужик с башкой. Не хотели жрать аденскую верблюжатину пожалуйста, он открыл им консервы. Что они могут? Сказать, что не хотят каши, а хотят макароны... Он даст им макароны! Всё? Революция - поминай как звали?

Павлухин смеясь вытер руки о скатерть:

- Они даже макароны просить не могут. Кормят как на убой... Ты прав, Самокин, в Тулоне даже "мама" сказать не дадут. Я догадываюсь, что тут не обошлось без Шурки Перстнева. Если бы князь Кропоткин не был князем, то Шурка бы и мимо анархизма прошел, плюнув на сторону. А тут - князь, дело серьезное, Шурке-то нашему и приятно, что он с князем на одной ноге стоит.

Вышли к причалам. Вдали, среди леса мачт, высились стрелчатые салинги "Аскольда".

- Смотри! - сказал Самокин, взяв Павлухина за руку. Между ноками реи, вдоль антенны, пробежала веселая искра.

- У нас заработало радио... Пойдем!

Придя в свою каюту, Самокин сначала стянул мундир. Аккуратно повесил его, выровняв погоны, на спинке стульчика. А за переборкой, в соседней радиотелеграфной рубке, уже попискивал аппарат. Скоро звякнул звонок, Самокин откинул в борту узкую дверцу, туда просунулась рука, протягивая бланк с шифром.

Всё! Окошечко снова закрылось. Тайна в его руках.

Самокин был педантично обстоятелен. Раскрыл коробку с сигарами. Выложил из кармана спички. Тоненько заточил карандаши. И только потом грохнул на стол кодовую книгу в пудовом свинцовом переплете. Перед глазами кондуктора побежали, строясь в загадочные ряды, жучки таинственных сочетаний:

"...КЧЭ-213... ПТА-7... БРЩ-1089..."

Самокин был шифровальщик опытный, и через полчаса все было закончено: готовый текст лежал перед ним.

"Все ли?" Теперь-то все и начиналось...

Отбросив карандаш, кондуктор захлопнул коды и крутанул себя назад на кресле-вертушке. Глядя в иллюминатор, где розовела вершина Монфарон, Самокин сказал:

- Доигрались, кошкины дети...

* * *

- Войдите, - разрешил Иванов-6.

- Ваше высокоблагородие, - доложил Самокин, - мною в двадцать сорок семь закончена расшифровка.

- Откуда, кондуктор?
- Из посольства в Париже, подписана Извольским.
- О чем там?

Самокин поднес бланк расшифровки к лицу, словно желая еще раз ознакомиться с нею.

- Следует предупреждение от имени посла в Париже, что на крейсере ведется антивоенная пропаганда.

- Вы не ошиблись, кондуктор, во время расшифровки?
- Никак нет, ваше высокоблагородие.
- И что далее?

- Далее сказано: изолировать от команды матросов, зараженных пораженческой пропагандой, которая питается соками немецкой тайной агентуры во Франции...

- У меня? На крейсере? - спросил Иванов-6, прикладывая к груди руки. И чтобы... немецкая агентура? Извольский не знает, что у меня половина команды - Георгиевские кавалеры! - Каперанг справился с волнением и закончил: - Хорошо, кондуктор, благодарю вас. Положите текст на стол и можете идти...

- Есть идти! - Самокин затворил двери салона за собой столь осторожно, словно там оставался покойник...

А за переборкой снова пищал аппарат; в секретное окошечко передачи опять просунулась рука, и блеснул перстенок на пальце, дешевенький, но лица радиста не было видно. Только слышался его голос:

- Эй, Самокин, ты никуда не уходи... На ключе шифровка!
- Еще?
- Да.
- Откуда?

- Из питерского Адмиралтейства, берем ее через Эйфелеву башню. Так что не уходи, сейчас мы ее забланчим!

Пока шифровку перебелили с ключа на бланк, Самокин нервничал. Он умел владеть собою, этот немолодой кондуктор, но столбик пепла с сигары упал на узор японской циновки. Чистоплотный человек, Самокин не допустил бы этого, если бы так не волновался сейчас... Что там в новой шифровке?

В новой шифровке говорилось, что тайная полиция (русская и французская) обеспокоена создавшейся на крейсере революционной ситуацией, и спрашивалось - все ли сделано офицерами, чтобы предотвратить взрыв крейсера?..

Самокин вспотел. Схватил веер - фук-фук-фук.

- Что они там? - сказал. - С ума все посходили?..

Но к кому это относилось - к Адмиралтейству или же к матросским палубам "Аскольда", - было пока неясно.

* * *

Штрафной матрос второй статьи Иван Ряполов на цыпочках шел к трапу, неся в кончиках пальцев миску с борщом. А один палец, самый большой, даже купался в миске.

- Не дожрал, штрадалец? - спросил его Павлухин.

- Не мне, - ответил Ряполов. - Это к нам Левка пришел!

Павлухин не кинулся бежать со всех ног, чтобы посмотреть на Левку. Нет, гальванер остался спокоен. Павлухин еще не знал о предупреждающих шифровках; он сейчас стоял и раздумывал. Да... На крейсере уже завелись какие-то шуры-муры. Игра в молчанку. Шепоты. Намеки... Собрал себя в комок. "Ну что ж... пора!"

- Даже не коснувшись ногами трапа, Павлухин скатился в глубину палубы. На одних только ладонях, по яркой латуни поручней - вшшшшик! А каблуки по железу - щелк, и гальванер уже в жилой палубе кубрика.

Левка же оказался... Никогда не думал Павлухин, что Левка окажется французским солдатом. Молодой парень. Зубы хорошие. Волосы черные. Взгляд открытый. Сидел он, раскинув локти по матросскому столу, и доедал борщ из миски.

Павлухин сделал шаг вперед, протянул ему руку.

- Здорово, - сказал весело. - Здорово... Левка!

Левка поднялся, всматриваясь в Павлухина:

- Привет тебе... товарищ.

- Павлухин, - назвал себя гальванер.

И тогда солдат вышел из-за стола, приударил каблуками:

- Виндинг-Гарин! Земляк и твой соотечественник, коему мать-родина обернулась злой мачехой...

- Солдатствуешь? - спросил Павлухин с улыбкой.

- По маленькой.

- Это что за форма?

- Иностраный легион, - пояснил Левка.

- А фамилия-то... как правильно? Виндинг или Гарин?

Левка даже не мигнул.

- Как хочешь, - сказал, - такая и правильно... В нашем легионе фамилии не спрашивают. И все мосты за спиной сгорели. Так что приятель, если в замазку нагишом влипнешь, так вылетай к нам - примем с бутылкой и маршем...

- Ну-ну, - сказал ему Павлухин и потрепал по плечу. - Давай шамай. Да поделись с нашей серостью... Веришь ли, живем - как в сырой могилке, ни хрена не знаем.

Но подзадорив Левку, Павлухин расчетливо отошел в уголок. Оттуда позыркивал глазами, щипал ус, слушал. Слушал - и не мог уловить партийной сути этого черномазого парня в форме французского солдата. И, когда Левка встал, прощаясь, Павлухин снова похлопал его:

- Ну, ты заходи. Пошамать когда захошь - заходи. У нас этого дерьма-борща кипят котлы кипучие.

Вечером Павлухин стал осторожно выпытывать у матросов, где они прячут нелегальщину. Если узнавал, советовал:

- Выбрось!

- Да ты что? Очумел?

- Ты сам очумел... Выбрось!

Отозвал Шурку Перстнева в сторону:

- Шурка, ты парень-хват, я знаю. Где список?

- Печатают, - отмахнулся Шурка и забежал глазами.

- Верно, что печатать стали. Один напечатал, второй напечатал...

Завтра в Адмиралтействе знать будут.

- Нету списка! - решительно заявил Шурка.

- Ну и дурак... - сказал ему Павлухин. И пошел дальше. А в спину ему заорал Перстнев:

- Стой!

Остановился гальванер:

- Чего тебе?

- А откуда ты про список наш снюхал? - спросил, подбегая.

- Писаря болтали...

- Врешь!

- А ты уничтожь список. Тогда и врать не придется.

- Да нету, - божился Шурка. - Нету ведь, говорю...

- Вот и хорошо, что нету, - закрепил разговор Павлухин. - Тебе, как внуку князя Кропоткина, все равно в кандалах брякать. Так позаботься, чтобы другие своим ходом ходили.

...На мачту корабля уже поднимается флаг "херы", что означает по "Своду сигналов империи" - на корабле идет богослужение (просим не тревожить). Отец Антоний, шелестя фиолетовой рясой, появляется в церковной палубе. И сразу, как по команде, начинается потеха.

- Которые тута верующие, стано-овись!.. Очи всех на тя, господи, уповахом... Пивинской, куда вляился? Смотри сюды!

Офицеры вообще стараются не посещать корабельных богослужений, чтобы отмолиться за все грехи сразу в Андреевском соборе Кронштадта. Только один Женька Вальронд забегают изредка в церковную палубу. Ибо он еще молод, и душа его жаждет бесплатных публичных зрелищ. К тому же мичман тренируется на умении сдерживать в себе сатанинский хохот. Когда вокруг него вся команда уже лопаются от натуги, лицо Вальронда еще хранит удивительное благолепие...

Именно-то этим он и привлекает внимание отца Антония.

- Ты што сюда пришел? - шепчет он мичману. - Посмеяться? Ты думаешь, мичманок, я тебя не вижу? Я тебя наскрозь вижу...

Вальронд, как монашек, с постным лицом мелко крестит себя по пуговицам. Рядом с ним - Ряполов, и мичман ему внушает:

- Мой дорогой, восчувствуем! Старайтесь прожить свою жизнь так, чтобы после вас оставалось одно благоухание...

Гальяунный долго соображает, и вот его ответ:

- Ешть, благоухание!

Отец Антоний шире обычного взмахивает кадилом:

- Я вот тебя сейчас как благо... ухну! А ну, второй статьи матрос Ряполов, пошел вон от греха подальше!

- Ешть, от греха подальше!

Буркалы отца Антония с желтизной вокруг мутных зрачков вперяются в мичмана: выдержит или не выдержит? Минута, вторая, третья... Неужели не прыснет смехом? Нет, не смеется. Уже натренировался.

- Которые туга верующие, - на всю палубу заводит батька, - те да пребудут. Которые тута неверующие - изыде!

Тут матросы, словно того и ждали, сломя голову кидаются по трапу. Наверху они дают волю себе... А в церковной палубе, один на один с батькой, остается Вальронд, которому не привыкать к "святости".

Мичман что-то достает из кармана штанов - остренькое и блестящее. Отец Антоний не сразу догадывается, что это штопор для отдраивания питейных сосудов.

Умильный голос Женьки Вальронда влезает в душу запойного священника, аки змий искушения в дупло райской яблоньки.

- Ваше преподобие, не хватить ли нам на сон грядущий по бутылочке вина церковного?

- С чего бы это? - задумывается отец Антоний.

- Да ведь мне, - смиренно произносит Вальронд, - подлец Володька Корнилов в буфете на долговую книжку уже не пишет...

Последний раз поют горны. Отбой. "Койки брать, всем спать, спать,

спать". Гаснут огни, и загораются ночные фонари. Синие, как в покойницкой. Заступает собачья вахта: от ноль - ноль до ноль - четыре. "Собака" - самая проклятая вахта. И тишина над гаванью, только перезвон склянок в полночь: дин-дон, дин-дон...

В каюте боцмана долго щелкают конторские счеты, взятые им в долг до утра у писарей крейсера. Власий Труш в последнее время тоже ударился в политику. Восемьсот сорок банок с ананасами укладываются рядом в газетные статьи о голоде в России. Труш прикидывает в ночной тишине так и эдак. Ежели сразу по два рубля за банку? Сколько получится?.. Ведь недаром от самого Сингапура пер экую прорву... Спишь, бывало, в штормягу, а глаз сторожит, как бы банки не раскатились... "Хорошо бы, - думает теперь Труш, - пришел крейсер в Россию, а там у населения уже кишки склеились... Тогда бы и по пятерке: отдай и не грехи. Это же тебе не картошка!"

* * *

Павлухину не спалось. Лежал он в своей подвесушке, смотрел на тараканов, падавших с подволока на спящих, и раздумывал. Сейчас можно ожидать любой провокации. А команда конспирации не ведает; надо как-то помочь людям, честным ребятам, чтобы они по горячности не загремели на каторгу. Левка тут крутится, темный человек, Шурка Перстнев баламутит... Так и жди!

Возле Павлухина, храпя в гамаке, качался Захаров - матрос и человек очень хороший, еще с Сибирской флотилии. Гальванер огляделся вокруг кубрик спал. И, вытянув руку, на всякий случай прощупал подушку Захарова. А в подушке нащупал рукоять револьвера. Осторожно развязал тесемки. Вынул оружие... "Вот о чем говорил мне Самокин!"

Тихо спрыгнул, и вдруг - сверху - голос:

- Ты што, гнида, чужое берешь? А?

Павлухин, босой, в одних кальсонах, стоял перед Захаровым с револьвером в опущенной руке.

- Дурак, - зашептал, - ты еще благодарить меня будешь.

- Отдай! Я триста франков платил... В жисть не заработать! Но револьвер, матово блеснув, уже вылетел в иллюминатор и навеки пропал в темных водах Petite Rade. Захаров кошкой бросился на Павлухина с потолка, рванул его за прическу. Павлухин от боли раздернул на нем тельняшку; вжик так и разъехалась до самого пупка. Полуголые, они сцепились. Дрались под гамаками коек, задевая спящих кулаками. Кубрик обалдело проснулся, отовсюду галдели:

- Кончайте вы эту баланду... Среди ночи-то - чего делите?

- ...Триста франков, - хрипел Захаров. - А ты, паскуда, за здорово живешь... На!

Избитые в кровь, подбирая руками подштанники, стояли два человека вчерашние друзья. Их разнимали товарищи:

- Да будет вам. Второй час ночи... Нашли, когда порхать кулаками. Ложись, братва! Они больше не будут...

- Я лягу! - орал Захаров. - Я лягу! Но ты погоди, паразит гальванный, я тебе прицел разыграю... Ты у меня на свой дальномер раком будешь ползать!

- А ты мне еще спасибо скажешь, - отвечал Павлухин. Как и водится, нашлась "шкура" - донесла, что дрались среди ночи, взбулгатили всю палубу. Хорошо, что у Захарова хватило ума не проговориться в пылу драки о причине поединка. И вот обоих потащили к старшему офицеру крейсера.

Быстроковский вызвал сначала Захарова:

- Георгиевский кавалер... ай-яй! Расскажи мне, почему среди ночи развел драку с этим гальванером?

- Из-за бабы, - ответил Захаров.

Вызвали потом и Павлухина, пришел.

- Георгиевский кавалер... ай-яй! Расскажи, за что тебя бил комендор Захаров?

- Из-за девки, - ответил Павлухин.

Оба не сговаривались. Но так уж получилось, что ответы их были почти одинаковы. Быстроковский же, как видно, особой разницы в природе девки и бабы вообще не признавал. Потому и отпустил обоих "кавалеров" с отеческим внушением.

В командном гальюне убрали в тот день, как всегда, два друга-приятеля - Пивинский и Ряполов.

- Прямо героический крейсер, - говорил Пивинский, а Ряполов его слушал. - Били мы японцев, били турок, били немцев... Теперь друг друга колошматить начали. Про солдат я уж и не говорю: на то она и армия, чтобы флот хлестал ее в рыло. Слушай, штрадалец, - спросил Пивинский, - не ты ли накапал старшему о драке в палубе?

- Што я тебе... шкура? - обиделся Ряполов.

- Шкура не шкура, а все мы шкурой обтянуты. И что ни говори папа с мамой, а шкуру свою беречь надо - во как! Лучше пускай чужая шкура трещит... А свою, брат, и погладить можно.

Тень упала от дверей, и, шагая через водостоки гальюна, к ним приблизился Власий Труш:

- Ряполов закончит. А ты - эй! - следуй, вонючка... Боцман отвел

Пивинского в нос крейсера и запер, как таракана, в узкую щель карцера. Не повернуться, не разогнуться.

- За што? - скулил оттуда Пивинский.

Тогда откинулся глазок, в дырку вставились толстые, выпяченные губы Труша:

- Кондер тебе таскать будем - лопнешь! Загляни под банку, там святцы лежат... А ты мне будешь нужен. Но все должны на крейсере знать, что сегодня ты сидел под арестом...

Банка - так зовется на флоте любая скамья. Пивинский заглянул под банку, выискивая святцы, и там блеснул ему чудесный шкалик. Такая красотища - просто ух!

- Это тебе для смелости, - пояснил Труш, наблюдая за радостью Пивинского. - Мы же не звери. И человека, коли он человек, то... Как его не понять? Всегда понимаю...

В этот день из ружейных станков, размещенных в коридоре кают-компания (подальше от команды), пропали две винтовки. Было дано знать в Пятую флотскую префектуру, и на "Аскольд" прибыл комиссар полиции. Комиссар долго слушал путаные соображения Иванова-6, молчал, наслаждаясь прекрасной сигарой из ящика каперанга. Наконец ему молчать надоело:

- Мсье Иванов, я вас понял. Эти винтовки мы уже нашли. Недалеко отсюда. На дворе заводского цеха. Но скажите мне, зачем обращаться к полиции, если вы сами знали, где спрятаны ваши винтовки? Это же - неловкий шантаж...

Иванов-6 выставил комиссара прочь. Он был опозорен.

Но каперанг действительно не знал, куда делись винтовки. Он в этой провокации не участвовал.

Глава пятая

Долго не ложились спать офицеры и команда. Все были возмущены глупой и наглой провокацией. В офицерских каютах крейсера прямо обвиняли в пропаже винтовок боцмана Труша, который действовал по указке... Федерсона!

- Нашему механисьёну, - говорил Женька Вальронд лейтенанту Корнилову, - очевидно, снится аксельбант флигель-адъютанта. Я уже давно к нему приглядываюсь...

- И что?

- И знаешь, Володя, с ним что-то неладное в лунные ночи. Но Федерсон плохо извещен: машинные типы во дворец не вхожи. "Царкосельский Суслик" не переносит запаха мазутного масла.

- Же-енька, - протянул кормовой плутонговый, - ты говоришь о его величестве как матрос, это нехорошо...

Между тем офицеры пришли к согласному убеждению, что матросы распустились, их надобно подтянуть. Слишком много воли дано им! Стоянку в Тулоне надо разумно использовать для внедрения железной дисциплины. А что делают унтер-офицеры? На всех кораблях они друзья и помощники кают-компаний. Они цепные псы флотской логики. На "Аскольде" же они более близки к матросам, нежели к нам, к офицерам... - так рассуждали. А за ужином каперанг Иванов-6 произнес одну фразу, которая - через вестовых дошла, конечно, и до матросских кубриков:

- Меня опозорили свои же офицеры. И перед кем? Перед французской полицией... Стыдно, господа, стыдно!

Утром, еще очень рано, когда зевающие вестовые перетирали хрусталь к завтраку, раздался звонок на расблоке. Электрическое веко закатилось на глазу лампочки. Как раз под табличкой с надписью: "Комкор" (командир корабля).

- Каперанг вызывает к себе... - И, взмахнув полотенцем, вестовой Васька Стеклов поднялся в командирский салон: - Ваше высокоблагородие, явился по вызову... Что прикажете?

Иванов-6, истерзанный сомнениями и бессонницей, сказал:

- Базиль! Завари для меня "адвокат" покрепче. К столу в кают-компанию я сегодня вообще спускаться не буду...

Стеклов бесом скатился по трапу, рассказывал в буфете:

- "Адвоката" просит. К столу не выйдет. Обиделся здорово...

Он заварил каперангу "адвокат", так назывался крепчайший чай. На темно-вишневой поверхности плавал, благоухая, ломтик лимона. И торчала из стакана ложечка с монограммой "Аскольда".

- Хорошо, - сказал Иванов-6, отхлебнув. - Ступай...

Потом кто-то долго царапался в двери салона.

- Кто там? Войдите...

Дверь открылась (неслышно), и в полутемном салоне выросла фигура матроса - незнакомого. В робе, застиранной. На груди его - номер, начинающийся с нуля. По номеру Иванов-6 уже знает, что матрос этот сер, как лапоть деревенский; ноль - это значит у него нет разумной специальности, его дело на корабле самое грязное, ума не требующее.

- Ты кто? - спросил Иванов-6.

- Штрафной матрош второй штатьи Ряполов, ешть!

- Не ори. Еще все спят на крейсере... Знаешь ли ты, что сюда ни один матрос не имеет права входить?

- Так тошно - жнаю!
 - Где тебе, сукину сыну, зубы выставили?
 - Итальяшки... иж Мешшины.
 - Вот как? С какого же времени ты у меня на крейсере?
 - От шамых Дырданелл, ваше вышোকоблагородие...
- Иванов-6 еще раз хлебнул "адвоката" и устало вздохнул.
- Ну, - разрешил, - теперь можешь рассказывать.
- Павлухина тряс за плечо Шурка Перстнев, перепуганный:
- Вставай, дурында... Скочи с койки!

Павлухин открыл глаза - прямо в лоб ему светили лампы с подволока. Качались койки, будто их швыряло штормом, а под гамаками уже строили полуголых матросов, расхаживали офицеры и боцманматы...

Павлухин стряхнул остатки сна.

- Хоп! - И спрыгнул вниз. - Что у вас тут?..

Фельдфебель Ищенко сразу запихнул его в шеренгу.

- Все в сборе, - отпрапоровал он Быстроковскому.

Тут же стоял мичман Вальронд. Руки - по швам, глаза плутонгового - в смятении.

- Мичман, - окликнул его Быстроковский, - вы своих людей знаете лучше нас... Вот и приступайте с богом!

Вальронд шагнул к матросам.

- Ребята, - сказал он сорванно, дребезжа голосом, - на крейсер "Аскольд" проникли немецкие агенты. Прошу вас всех...

- Мичман! Не так надо, не так, - вмешался Быстроковский, беря дело в свои руки. - Внимание, слушай мою команду...

Людей развернули лицом к борту. Держа подштанники, вперились они в стальной борт, пробитый шляпками заклепок. Внимательно изучали в тоске путаницу проводов и патрубков. Там бежит электричество, там грохочет пар, там рвется по трубам вода. А за иг спинами уже рьяно работали боцманматы, ученики Труша.

- Павлухин! Кру... хом!

Гальванер четко обернулся:

- Есть!

- Твои шмотки?

- Мои...

Возле ног Павлухина раскинули матросское барахло: прощупанный пальцами матрас, подушка, запас белья, две книжки по теории электричества, сборник биографий великих людей, открытки с видами Парижа, конверт с письмами от родных, кусок голубого мыла... ну и

прочую ерунду.

- Я его знаю, - промямлил Вальронд, стыдясь. - Полухин хороший матрос, и фон Ландсберг готовит его на унтер-офицера...

Фельдфебель уже перетряхнул вещи, выпрямился:

- Ваше благородие, чисто!

- Павлухин, - велел Быстроковский, - на другой борт, бегом марш! Там и стой... замри.

Шлепая босыми пятками, Павлухин перескочил на другой борт. Замер, как велели, только зыркал глазами.

- Захаров! Кру... хом!

Обернулся Захаров, и не узнал его Павлухин: лицо синее от перепуга, глаза запали.

- Твоя хурда? - спросили его боцманматы.

- Моя... То есть, позвольте номер.

- Гляди: 2-56-43... твой номер?

- Так что, ваше благородие, моя хурда. Павлухин думал: "Боится... Неужто не все выбросил?" Трясли. Летели в сторону тетрадки с грустными виршами собственного сочинения про любовь... Через всю палубу глаза Захарова вклинились в глаза Павлухина - так, словно сейчас опять сцепятся в драке.

И вот выпрямились боцманматы:

- Чисто, ваше благородие.

Павлухин даже вспотел. Легкой рысцой, сияя лицом, к нему уже подбегал Захаров. Поворот - и замер рядом.

- Ну? - шепнул ему Павлухин. - Понял, сучья лапа?

- Спасибо... - долетел вздох облегчения.

Дошла очередь до погребного Бешенцова - баптиста. Старший офицер крейсера пустил по палубе, разметывая страницы, сборник прохановских "Гуслей". В злости рвал афонские книжицы, отпечатанные крамольными имябожцами.

- Несчастный сектант! Тебе - что? Больше других надобно? Ты что на меня, как на Христа, уставился? Я из тебя эту дурь выколочу, а глаза выкручу, как шурупы...

- И выколотили, и выкрутили, - отозвался Бешенцов.

- Ты на что намекаешь? Выверни карманы у робы...

На палубу звонко выпал дубль-ключ от носовых погребов. Тонны взрывчатки в руках этого человека с лютым взглядом, и Быстроковский невольно съезжился.

- Можешь подобрать, - сказал и ногою придвинул к баптисту всю

рвань "божественного"...

Вальронд стоял красный как рак. Мичман страдал за свой плутонг, за его людей - храбрых и сильных бойцов флота империи. Писали о них газеты русские, британские, французские, бельгийские. А теперь, полураздетые, растерянные, они мечутся с борта на борт, и всё наружу - и рундуки, и души этих людей.

Женька Вальронд производил обыск поспешно и неловко, лишь бы отвязаться. С того конца палубы, где он перетряхивал вещи, чаще всего слышалось:

- Перебегай... Ты тоже беги... К борту, к борту! Вальронд стоял внаклонку над вещами, разложенными в ряд; он стоял как раз спиной к шеренге матросов, еще ожидающих обыска. И вдруг мичман ощутил (так страшно, так бедово), как провис у него карман кителя. Тяжесть была такая, как будто в карман опустили ему булыжник с мостовой.

Никогда еще мичман не бывал так испуган, как сейчас. Ему было ясно: кто-то, невидимый из-за спины, спасая себя или товарища, переложил... револьвер. Кто? Но Вальронд еще больше боялся оглянуться, чтобы узнать дерзкого. Кто?..

- Перебегай, - сказал он, и кто-то перебежал...

Вляпался, как и ожидал того Павлухин, Шурка Перстнев.

- Твоя листовка? - радостно спросил Быстроковский. Через плечо старшего офицера Вальронд успел прочесть несколько строчек: "...солдаты, не забудьте, что в лице каждого офицера, приветствуя которого, носит на руках своих темная, часто подкупленная толпа, вы славите свое вековое рабство. Не довольно ли крови, солдаты?.."

- Твоя? - снова спросил Быстроковский.

- Почему же она моя, - ответил Шурка, - если здесь про солдат сказано. А об матросах - ни звука!

- Ты мне тут придурка не выкобенивай... Где взял?

- Дали.

- Кто?

- Да когда в город ходил...

- Я тебя спрашиваю - кто дал?

- А я откуда знаю, ваше благородие?. Барышня одна... собой ничего такая. "На, говорит, почитай, а потом я тебя поцелую!"

Быстроковский волком глядел на Шурку:

- Ну! И... поцеловала она тебя?

- Прочел, - сознался Шурка. - Мне-то что? Тут ведь о солдатах... Так что мне это совсем неинтересно читать было.

- Хорошо, - жестко произнес старший офицер. - Теперь я тебя целовать стану. Влеплю такой горячий поцелуйчик, что ты у меня только в окопах очухаешься...

Вальронд, пока там препирались, наспех перекидал оставшееся барахло. Выпрямился. И, стараясь встать к Быстроковскому не тем боком, где лежало оружие, отпрапортовал:

- Роман Иванович, я закончил. Всё в порядке!

Придя в свою каюту, Женька вынул из кармана ловко сидевший в ладони браунинг. Открыл ящик стола, бросил туда оружие и задвинул ящик снова. Щелкнул ключик. "Кто?" Было ясно, что команда артиллеристов ему доверяла. Предать их он был бы не в силах. Да и к чему? В немецкую пропаганду на крейсере мичман не верил. Другие соображения руководили им...

Морской корпус его величества, славный громкими традициями русского флота, готовил прекрасных офицеров. Но от расчета траектории надо было вжиться - телом и нервами! - в броню: это труднее. Вальронд не забыл, каким растерянным щенком забился он тогда в угол башни. А пристрелочный уже подали с элеватора. А дальномер уже отрубил ему дистанцию. И ревун уже промычал... А он растерялся на "залпе". И тогда матросы, эти многоопытные воины, сделали из него бойца. Благодаря им он вылез из башни хозяином плутонга. Такие вещи не забываются. От этого и отношения Вальронда с прислугой орудия были доверительно добрыми. Матросы это понимали тоже, и вот... результат доверия: подкинули оружие, как своему...

А в палубе, после обыска, долго помалкивали матросы. И ходили, как барахольщики, подбирая свое белье и койки. Но вот откинулся люк и сверху спросили - тихонько:

- Эй, хлопанцы! У вас дым без огня был?

- С огоньком... Шурка Перстнев погорел. А у вас?

- Нашли... револьвер.

- У кого?

- Успели в рундук со швабрами кинуть. Чей - не дознались.

Итак, обыск был проведен только в двух палубах - носовом плутонге и кочегарном кубрике. Павлухин плотно увязал свою койку, вскинул на плечо, чтобы вынести наверх и поставить до вечера в сетки. Сказал он матросам, уже с трапа, так:

- Хорошая была побудка, день прямо табельный... Только знайте, это еще не обыск. Так не обыскивают! И потому еще раз говорю тем, у кого башка вихляется: если имеешь что - убери...

Рядом с ним ставил свою койку Шурка Перстнев, тихонький.

- Ух, и дал бы я тебе в ухо... - сказал Павлухин.

- За что?

- А так, чтобы тень на плетень не наводил. Себя гроишь - это плевать, твое дело, но вот ребят мутишь...

- Каждый за себя, - огрызнулся Шурка.

- Ври! - ответил Павлухин. - А где... список?

- Отстань, чего привязался? Говорю тебе - печатают...

На молитве плохо служил в это утро отец Антоний. Плохо пели и певчие из добровольно верующих. Скверно ели матросы. Потом всех развели по работам. Однако разговаривать с французскими рабочими матросам запретили: мало ли еще какая зараза с языка на язык перескочит? И сразу же, именно с этого дня, между бортом русского крейсера и берегом Франции прошла глубокая трещина: французы стали косо посматривать на "немецких агентов"...

Зайдет аскольдовец в кабачок и попросит, бывало, пива.

- Ступай к немцам своим! - кричит на него трактирщица. - Мы не боши, чтобы пивом надуваться. Пусть тебе сам кайзер нальет.

- Тогда... вина. Прошу, мадам.

- Еще чего захотел! Дай тебе вина, так мне потом по миру идти надо... Знаем мы, как вы, русские, вино пьете...

Да, неуютно стало в Тулоне.

* * *

Над люком раскорякою, словно краб, встал рассыльный с вахты, высвистал руладу "Внимание все" и позвал:

- Павлухин!

- Есть, - отозвался голос из глубины крейсера.

- В писарскую тебя... Чтобы - пулей!

В писарскую добром не вызывают, и Павлухин мысленно перебрал в памяти: все ли было в порядке за последнее время? Кажется, все. Он направился в нос крейсера, конечно же бегом, как и положено матросу, ибо ходить не имеешь права. Хоть гуляешь, хоть в гальюн тебе надо - все равно, матрос, сверкай пятками.

В большой светлой каюте над верхним деком стучал "Ремингтон". Старший писарь, не оборачиваясь, тыкал пальцами в клавиши.

- Явился? Ну, с тебя бутылку.

- За что калым дерешь?

- С унтером тебя. Сейчас, вот видишь, печатаю на подпись командиру... Неужто не поставишь?

- Поставлю.
- Дуй в буфет.
- Дую...

Павлухин покрутился возле иллюминаторов буфетной:

- Эй, Васька! Бутылку свистни, потом расквитаемся... Аскольдовский "базиль" был малый опытный: с того и жил, что воровал. Огляделся - нет ли кого вокруг, и скоро за пазухой Павлухина лежала, бутылка. Вернулся гальванер с нею в писарскую, сказал весело:

- Давай штопор.
- Штопор тебе еще! - И писарь вышиб пробку ладонью. - Задрай двери на резину... Драболоызнем, гори оно все к черту!

Драболоызнули, и Павлухин вышел уже унтер-офицером.

Глянул под полубаком на часы: было время курнуть.

Самокин сказал ему:

- Стало беспокойно. Будем отныне встречаться через день. Если что - я сам найду тебя... Кстати, сегодня я шифровал телеграмму "Ваньки с барышней". О наших делишках.

- И что там за делишки у нас?
- Да неважные. Шкура - Ряполов...
- Штрадалец-то? Он мне с первого раза не приглянулся. На кой ляд, спрашивается, итальянцам сажать нашего брата, русского? Конечно, дело тут грязное... Стащил что-нибудь, а выдает себя за "штрадальца".

- Что с Левкой-то? - поинтересовался Самокин.
- Да куда-то провалился. Раньше все жрать ходил. Видать, в легионе его только марши играют. А жрать на сторону бегают.
- Придет, - сказал Самокин, озираясь. - Вон Труха сюда сыпет. Гаси и отваливай. Я с этим ананасником. один на один побеседую...

- А тебя с контрами? - спросил боцман Труш, намекнув на получение "контриков".

- Так точно. Унтер-офицер первой.
- Махнул, брат! Ну, с поздравкой тебя, Павлухин, - сказал Власий Труш, искренне пожимая руку бравого гальванера. - В нашем полку, как говорится, прибыло... Ну-ка, дыхни!

Труш понюхал - чем пахнет изо рта Павлухина.

- Все правильно, - сделал вывод. - Надо еще не так выпить. А так, чтобы тебя четыре человека посерединке улицы тащили... В люди человек вышел! Надо, чтоб на всю жисть память осталась! А умирать будешь - приятно вспомнить...

Виндинг-Гарин появился через несколько дней. Болтался по крейсеру

до вечера. Он был симпатичный парень - легко находил общий язык с матросами и даже с офицерами. Лейтенант Корнилов видел в нем что-то байроновское.

Вечером, когда офицеры ужинали в кают-компании, Левка появился в коридоре салона. Тихими шагами подкрался к дверям командирского помещения.. Достал из-за пазухи конверт, который ему надо было просунуть под самую дверь Иванова-6. Но солдат Иностранного легиона не учел одного обстоятельства. Корабль - это тебе не изба, где взял да и протиснул письмишко под двери. Нет. Двери на крейсере водонепроницаемы, и высокий, подбитый резиной комингс в салоне мешал Левкиному замыслу: этот комингс плотно закрывал все щели.

В раздумье Левка обернулся и... чуть не вскрикнул.

В другом конце коридора, под яркой дощечкой с надписью: "Стоять - не входи", высился жилистый кондуктор с острыми старомодными усами и пронзительно наблюдал за Левкой.

- А командира - что, разве нету? - спросил Левка. Кондуктор - ни звука в ответ. Только смотрел. Но, чтобы выйти отсюда, никак не миновать этого господина в полуофицерском мундире. Еще даст раза по башке... Черт его знает, что он там про себя думает? Может, за вора принял?

Было боязно, но делать нечего. Левка как-то сразу сгорбился, медленно ступая по коврам. А на повороте вскрикнул: "Ой!" Это кондуктор взял его за ворот в жуткой хватке, довел до выхода и ударом под зад выкинул на палубу...

- Где же Левка? - говорили матросы несколько дней спустя. - Чего-то Левки давно не видно?..

Получив пинкаря с крейсера, Виндинг-Гарин понял, что он разоблачен, и отправил свое письмо по почте. Иванов-6 получил его на пятый день после обыска двух командных палуб - носового плутонга и кочегарной.

* * *

Федерсона задержал у тамбура люка доктор Анапов:

- Гарольд Карлович, куда вы несете водомерную трубку?

- Каперанг просил занести.

- Вот заодно он просил у меня шпатель... Прихватите!

В одной руке - трубка из толстого стекла, в другой - хирургический шпатель. С таким снаряжением старший лейтенант Федерсон заявился в салон командира. Иванов-6 стоял возле стола, зажав, в загорелых руках глотку своего любимого удава.

- Принесли? - спросил он. - Весьма благодарен...

На развернутой газете лежали горками мелко крошенное сырое мясо, лук, фрукты. Иванов-6 попросил механика, чтобы он натискал эту смесь в водомерную трубку - поплотнее.

- Я вызвал вас вот по какому поводу. Сегодня мне доставили по почте письмо от одного русского подданного, живущего во Франции... От некоего Льва Виндинга-Гарина.

Шпаделем каперанг начинает раздвигать челюсти удава, и пасть рептилии отвратительна, словно клоака. Взяв трубку с едой, каперанг осторожно вводит ее по глотке удава прямо в желудок. При этом он спокойно продолжает беседу.

- Конечно, - говорил Иванов-6, - после доноса штрафного матроса Ряполова этот Виндинг-Гарин ничего нового сообщить не может. Но... Помогите мне, Гарольд Карлович!

Федерсон охотно вскакивает, сказав при этом:

- Я могу привлечь к пособничеству нам еще и Пивинского.

- Да нет же, - морщится каперанг, - я совсем о другом... Помогите мне забить все это в глотку. Берите шомпол... Так, осторожно, прошу вас. Теперь - пихайте, пихайте туда!

Шомполом, вдвинутым в трубку, мясо, лук и фрукты медленно проталкиваются внутрь удава, который на глазах офицеров быстро толстеет. Поправляется!..

- Виндинг-Гарин, - продолжает Иванов-6, беря со стола бутылку чудесного коньяку (он не скуп), - настоятельно требует свидания со мною. Но я не желаю встречаться с человеком, личность которого мне неизвестна...

Взболтнув бутылку, Иванов-6 наклоняет ее над трубкой. Рыжий коньяк заполняет ее доверху и медленно струится внутрь удава. Федерсону очень жалко коньяк - хамелеоны обходятся дешевле, тараканы ничего не стоят...

- А он буянить потом не станет?

- Нет, - отвечает каперанг. - Он у меня тихий...

Федерсон следит, как добротный "мартель" оседает в водомерной трубке, заполняя утробу питону и думает. Механик, понимает, что каперанг желает сохранить чистоту мундира строевого офицера флота. Это - каста! И спихнуть грязную работу на машинного офицера (не строевого)...

- Я уже снесся с начальником русской полиции в Париже, - произносит Иванов-6, - чтобы проверить личность доносителя...

Оба смотрят, как коньяк оседает в трубке. Все.

Каперанг вынимает из утробы стеклянную трубку. Берет - и очень ловко удава за шею и забрасывает его далеко под кровать - отсыпаться и

переваривать пищу.

- А вас, Гарольд Карлович, - заканчивает Иванов-6, начиная мыть руки над раковиной, - я убедительно прошу, именно вас, прошу встретиться с этим...

- Виндингом-Гариным?

- Да, именно с этим негодяем. Пожалуйста!

Федерсон не боится; испачкать свой мундир.

- Я это сделаю... - отвечает он даже с вызовом.

Вечером Федерсон переоделся в статское и отправился в укромный ресторанчик на Страсбургском бульваре. На улицах было жарко, пыльно. В пламенных вихрях шелков и шарфов, выбрасывая кверху стройные ноги, кружилась на афишах смуглая женщина с толстыми губами - а внизу начертано:

Сегодня танцую я - знаменитая Мата Хари!

В пустынном ресторане, где Федерсон должен был повидать Виндинга-Гарина, тихо играла музыка. Выбрав по карте дешевенький пинар, федерсон тянул его через соломинку, терпеливо выжидая свидания.

Наконец один из гостей ресторана поднялся из-за стола, решительно пошел прямо на механика.

- Извините, - сказал он по-русски, - но я не подошел к вам раньше, просто опасаясь провокации.

Федерсон осмотрел молодого человека:

- Чем вы можете доказать свою личность и свое русское подданство? Есть ли при вас солдатская книжка?

По документам все было правильно: солдат Иностранного легиона, но подданный Российской империи. Федерсон успокоился.

- Ну-с, господин солдат, отпейте этого благородного пинара и поведайте нам о своих наблюдениях...

Левка рассказал, что на крейсере ведется антивоенная агитация ("Кем?" - спросил Федерсон, но Левка не ответил), что матросы ждут транспорт с оружием и нелегальщиной, дабы потом, уже в море, перебить всех офицеров.

- И, - заключил Левка рассказ, - по получении сведений из Архангельска они приведут свои намерения в исполнение.

- Откуда-откуда? - спросил Федерсон, прищурясь.

- Из Архангельска, - твердо повторил Левка.

Вот тут-то Федерсон и ошалел: при чем здесь Архангельск? Но в этот момент Левка добавил:

- Вы же там будете...

- Где?

- В этом... или Архангельске, или - на Мурмане!

- Молодой человек, откуда у вас такие сведения?

- Как откуда? Россия создает новый флот - Северный, началось строительство морской базы в бухте Иоканьга. Плавмастерская "Ксения" уже там. Эсминцы "Грозовой" и "Властный" давно бросили якоря в Кольском заливе, а с Дальнего Востока вышла на Мурман броненосцы "Пересвет" и "Чесма", откупленные нами из японского плена... Наконец, легендарный крейсер "Варяг" тоже будет скоро на Мурмане... Что? Разве не так?

- Но откуда вам стало известно, что наш крейсер "Аскольд" должен войти в состав этого флота? Честно говоря, меня знобит, как я подумаю об этом ужасе... Льды, холод - бррр!

Левка промолчал, лицо его было загадочным.

- Вы не до конца представились мне, - намекнул Федерсон.

- Что ж, - ответил Левка с усмешкой, - могу и до конца. Я служу при московском охранном отделении, которое и командировало меня во Францию для наблюдения за русскими эмигрантами.

- Позвольте, - придержал его Федерсон. - Может, это и так. Но команда крейсера "Аскольд" не состоит из русских эмигрантов. Как же вы оказались на "Аскольде", если исключить вашу сомнительную любовь к церковному пению?

Левка заказал вина. Не такой благородной дряни, какую ему предлагал скупердяй Федерсон, а настоящего вина. И расплатился как джентльмен.

- Так вот, слушайте. - Он придвинулся поближе к механику. - Я пришел на "Аскольд" по доброй воле. Когда я узнал, что пораженческая пропаганда на крейсере уже ведется, я пришел сам. Вы меня не звали, это верно! Вы провели обыск по точному адресу - у артиллеристов и кочегаров. Но вы плохо искали. К сожалению, сюда наших филеров из Москвы не свистнешь! Они бы нашли, уверяю вас... Ну, какие еще вопросы ко мне?

- Назовите людей.

- Могу. Только не записывайте. Терлеев, Дубня, Захаров, Лепков, Бешенцов, Бирюков, Шестаков...

Записать Федерсон не мог, но и запомнить трудно. В голове механика четко зафиксировались только четыре фамилии:

Шестаков... Бешенцов... Бирюков... Захаров... Это были матросы, уже изрядно послужившие, на хорошем счету у начальства. И, может быть, именно потому Федерсон так точно запомнил их фамилии. Он с удовольствием распил вино (свое и Левкино) и вежливо откланялся

московскому агенту.

Он вернулся на крейсер, и здесь... Здесь случилось нечто неожиданное. Едва Федерсон открыл рот, чтобы доложить каперангу о разговоре с Виндингом-Гариным, как вдруг Иванов-6 поднял ладонь, задержав его речь.

- Не нужно! - сказал. - Ничего не нужно. Читайте, что ответили мне из Парижа на мой запрос...

Русская полиция в Париже (самая точная и деловая) ответила на запрос следующее: "Неизвестный, именующий себя Виндингом-Гариным, на службе в тайной русской агентуре никогда не состоял, являясь мелким авантюристом, и его показаниям верить не следует..."

- Верить не следует, - с удовольствием повторил Иванов-6. - Извините меня, Гарольд Карлович, что я обеспокоил вас этим неприятным поручением... Увы, не верить!

Но все дело в том, что Федерсон-то как раз и верил.

Еще как верил!

Глава шестая

Мало того! Этот сукин сын нашел себе единоверцев в лице старшего офицера крейсера и артиллерийского лейтенанта фон Ландсберга. В узком кругу они договорились:

- Господа, надобно довести это дело до конца...

Но, будучи офицерами строевыми, голубой крови и белой кости, Быстроковский и Ландсберг (подобно Иванову-6) свято берегли чистоту своих мундиров. Грязное дело сыска строевики Морского корпуса его величества препоручили опять-таки инженер-механику крейсера. И вот тут-то во всей своей мерзости и выступила на передний план событий фигура альбиноса с красными веками и с прозрачной кожей.

Гарольд Карлович - это надо признать - был вдохновлен.

* * *

- Господин мичман, потрудитесь встать.

Женька Вальронд с трудом разлепил глаза. Ах, какие чудесные сны показывала ему эта ночь! Было еще рано. Но за переборками, где-то под самой палубой, по всему крейсеру шла странная суетня, хлопали двери, стучали люковницы. А перед плутонговым стоял механик Федерсон.

- В чем дело? - спросил мичман, сладко потягиваясь. - Судя по ранней побудке, мы травим тараканов?

- Обыск!

- Что? - Вальронда так и выкинуло из койки.

- Да, голубчик. В прошлый раз мы плохо искали. В этом же обыске нам

помогут добрые французы.

- Механисъён! - возмутился мичман. - Вы вольны обыскивать самих себя с любых точек зрения, даже в самом неудобном ракурсе. Но забираться в каюту офицера...

- Все офицеры, - сказал Федерсон, - покорились чувству долга. Покоритесь же и вы, мичман.

Французская полиция уже всю рыскала по крейсеру.

- Свинство! - кратко выразился Вальронд и, полуодетый, схватив со стола папиросы, выскочил в коридор кают-компаний, где уже было полно офицеров, таких же, как и он, растерянных и униженных.

- Господа, как вы могли позволить? - спросил мичман.

- А что делать? - пожался в ответ Корнилов. - Не драться же нам с французами... Теперь только ворота растворяй пошире: беда на крейсер поперла!

Тут же, повизгивая, крутился и корниловский дог Бим - без хвоста. Между офицерами проталкивался плечом взволнованный Иванов-6, стараясь на ходу застегнуть мундир.

- Господа, господа, - говорил он потупясь. - Как раз балаган, только вашей ярмарки не хватало... Что вы здесь торгуетесь? Прошу разойтись по командам. В Париж из Петрограда уже выехал военно-морской следователь подполковник Найденов, и скоро он прибудет в Тулон...

Это была новость. Каша, по-видимому, заваривалась крутая. На выходе из коридора кают-компаний мичмана Вальронда задержал барон Фитгингоф фон Шелль.

- Женечка, - сказал минер с опаской, - виноват во всем Володька Корнилов! Я говорил ему, чтобы он не резал газеты...

- Да! Он перестарался и запорол нам всю выкройку. Нет хуже дураков, нежели дураки убежденные. Особенно, если дурак имеет чин лейтенанта, которого не заслуживает.

- Я все продумал, - сказал минер печально. - Этими обысками и подозрениями мы сами революционизируем команду... Верно?

Вальронд пожал плечами, и погоны вздернулись - крылышками.

- Что тебе сказать, баронесса, на это? Я всегда и всем говорил, что ты у нас... умная девочка!

Теперь обыскивали весь крейсер. А это значило - ни один отсек, ни одна машина, ни одна башня, ни один погреб (не говоря о кубриках) не минуют рук опытного сыщика. Команда стояла навытяжку вдоль верхнего дека - и не уйдет отсюда вниз, пока обыск не закончится.

Вальронд подошел к комендорам.

- На этот раз, - сказал, - я могу смотреть вам в глаза, ибо в мою каюту уже залезли. Боюсь, что филеры нескоро вылезут оттуда, ибо у меня много портретов нелегальных барышень...

Матросы весело посмеялись - в общем, настроение было ничего.

- Евгений Максимович, - раздался вдруг окрик Быстроковского, - с командой не разговаривать... Следуйте в башню!

В башне, под креслом вертикальной наводки, полиция обнаружила револьвер. Держа этот револьвер в руке, мичман вернулся к своим матросам:

- Мне ведено узнать - чей это? Я надеюсь, что...

Он хотел сказать далее: "нам его кто-то подсунул", но тут честный Захаров шагнул вперед:

- Мой, ваше благородие.

Матросы переглянулись.

- Лыко... - сказал кто-то сдавленно.

- А ты, - спросил мичман, - придумал ли причину, по которой этот револьвер тебе был нужен?

- Чего уж тут... мой, - упрямо повторил Захаров.

- Ну, смотри, тебе виднее. - И Вальронд задумался, обеспокоенный.

Искали тщательно. Правда, выискали немало нелегалщины (весьма смутной политической окраски); разрозненные номера бурцевского "Былого", парижское "Наше слово"; был обнаружен еще один револьвер - в груди боцманского тряпья, но хозяин этого оружия, конечно, назвать себя не пожелал. К вечеру, когда люди уже измотались от напряжения, вдруг раздался торжествующий выкрик Корнилова:

- Нашли-и-и.

Быстроковский рысцой сорвался с места, побежал гуда:

- Что нашли?

И долетел ответный вопль:

- Список!

- Сколько?

- Шестьдесят девять человек...

- Список... список нашли, - зашептались матросы. И тут Вальронд заметил, что Павлухин пристально глядит на Перстнева. Мичману стало как-то не по себе, и он тоже помчался туда, где нашли этот список.

- Позвольте глянуть. Роман Иванович, - сказал Вальронд, выискивая среди фамилий своих людей, из носового плутонга.

Да, они оказались здесь. Не было, правда, Павлухина.

- Вот она, тайная немецкая агентура, - говорила полиция. - Вот именно

эти люди и хотели взорвать крейсер...

Вальронд вернулся обратно и плачуще сказал матросам:

- Ребята, в уме ли вы? Взрывать крейсер? Как можно?..

И за всех ответил один - Павлухин, оскорбленно:

- Ваше благородие! Неужели и вы поверили в эту басню? Да мы же старые комендоры и хорошо знаем, что "Аскольд" несет в погребах полный комплект боезапаса. Нам свои головы дороже, и мы не хотим лететь к черту задом с крейсером...

Быстроковский лаял матросов матерно, его рука трясла список.

- Попались? - спрашивал он. - Попались, мать в вашу... Очумевший от паники дог Бим лаял тоже, и лейтенант Корнилов тянул его за поводок.

- Мой Бим стоит вас всех! - кричал лейтенант.

- Унтер-офицер Павлухин, - вдруг подскочил Быстроковский к гальванеру, - я давно знаю тебя как исправного матроса... Отвечай: что значит этот список? А вы, Корнилов, уберите своего кобеля, пока я его за борт не сбросил...

Стало тихо. И в полной тишине произнес Павлухин:

- Команда крейсера собирала деньги на граммофон!

По шеренгам пошло шепотом: "Граммофон... говорить, что граммофон... подписка на граммофон". Но в граммофон не поверили, и обыск продолжался. Держа перед собой чертеж продольного разреза отсеков крейсера, комиссар префектуры щелкнул по схеме пальцем и сказал:

- Осталось вот только здесь, и... спокойной ночи! Это "здесь" было каютой шифровальщика Самокина.

- Стойте! - задержал сыщиков Иванов-6. - Входить туда имею право только я, как командир крейсера. Только военно-морской министр. И только его величество - государь-император.

И, "поцеловав" секретный замок, филеры отчалили...

Павлухину накоротке удалось свидеться с Самокиным.

- Что же дальше? - спросил Павлухин.

- Если бы знать...

К ночи Иванов-6 постучался в каюту Самокина:

- Кондуктор, это я... откройте. - И каперанг протянул текст своего рапорта в Адмиралтейство. - Пожалуйста, зашифруйте как можно точнее, и пусть радиовахта сразу передает.

- Есть! - ответил ему Самокин.

Донесение морскому министру Иванов-6 заканчивал так: "Никаких волнений, неудовольствий или тревожного настроения в команде за все

время обыска не замечалось; наоборот, команда, зная о возбуждении дела, чувствовала себя подавленно".

Самокин зашифровал этот текст как можно ближе к подлиннику, старательно отыскав в кодовых книгах такое сочетание ключа, которое точнее всего отвечало бы слову "подавленно". Он хотел предотвратить грозу, нависшую над командой крейсера. Будь это на Балтике, среди товарищей по партии, он бы, может, поступил иначе. Но сейчас кондуктор понимал: боя не будет - будет избиение.

* * *

До приезда следователя из Парижа дело повел сам Федерсон, ретивый и настырный. Никто бы раньше не подумал, что в этом механике кроется такая черная страсть к политическому сыску, омраченная неистовым презрением к России и вообще к русским людям. Через каюту Федерсона, в которой извергался Везувий, рушилась Ниагара и замерзал в Альпах одинокий путник, прошли все шестьдесят девять человек, обозначенные в списке. Теперь как угорелые носились по трапам рассыльные, давали дудки, выкрикивали в распахнутые люки:

- Эй, Захаров... тута Захаров? Стегай к механику.

Два зеленых хамелеона трясутся в банке противными гребнями, стучат по стеклу длинными липкими языками. А сам Федерсон издевательски вежлив:

- Садитесь, комендор... Вы не станете отрицать, что револьвер, обнаруженный под креслом вертикальной наводки носового орудия, принадлежит именно вам?

- Нет, не стану. - Захаров глядит испуганно.

- Объясните, зачем он вам нужен?

- Ваше благородие кой годик служу... Не все же воевать. Кады-нибудь и вчистую пойдем. А деревенька-то моя, Решетиловка, в лесу темном пропала... Почитай, на самой опушке стоит. Конокрады балуют. Опять же, кады и на гулянку пойдешь в соседнее Киково... Мало ли чего не бывает?

- Хорошо. Допускаю такой вариант. А вот расскажите нам, Захаров, какие пораженческие разговоры вы вели в жилой палубе?

- Не! - мотает головой матрос. - Таких не было... Федерсон жмет электрическую грушу, висящую над головой.

- Пусть войдет, - говорит он рассыльному. И входит матрос Ряполов.

- Ряполов, - напоминает ему Федерсон, - не забывайте, что вы тоже обозначены в этом списке подпольной организации. А потому - отвечайте честно... Допускал ли матрос Захаров высказывания антивоенного свойства?

- Так тошно!

- А что говорил? Вспомните... не волнуйтесь, Ряполов! Ряполов, глядя на хамелеонов, вспоминает.

- Шкажу... Говорил так: "Табаним мы тут, табаним. От Рошии шовшем отбились. А на кой хрен воюем? Это Шашка ш Гришкой мутят народ..."

Федерсон машинально впивается в список:

- Ряполов! Кто такие Сашка с Гришкой? Из какой палубы?

Выясняется, что палуба эта - Зимний дворец, Сашка - императрица Александра Федоровна, а Гришка - известный варнак Распутин-Новых, и Федерсон задумчиво поправляет манжеты.

- Ну-с, так что, Захаров? Были такие высказывания?

Захаров встает - руки по швам отутюженных клешей:

- Какие, ваше благородие?

- Ну вот, вроде этого: "на кой хрен?" и так далее.

- Да таких-то матюгов я на дню сотни три-четыре выговариваю, рази ж все упомнишь? Ну да, - вдруг соглашается, - говорил. Потому, как сами посудите, кой уже годик... от дому совсем отбился... матушка без меня померла... баба моя гулящей стала!

- Позвольте так и запротоколировать?

Захаров долго думает и машет рукой:

- Где наша не пропадала... Пишите!

Надсадно скребет перо по бумаге - словно режет по сердцу.

Федерсон зачитывает Захарову его показания.

- Так? Теперь подпишитесь.

- Ваше благородие... Ну да, не отрицаю, говорил: на кой хрен!.. А вы иначе пишете. Будто я кайзеру продался и на деньги германские поражал всех... Так я же не шкура, чтобы за деньги продаться!

- Послушайте, Захаров, вы ведь умный матрос. Между словами "на кой хрен воюем" и словами большевиков "долой войну!" совсем незначительная разница...

Федерсон глядит на большие руки матроса, перевитые узлами пульсирующих вен. Он думает о ночной тиши над деревней Решетиловкой, где живет гулящая баба, а по опушке леса гуляют в красных рубахах веселые конокрады... Представив себе эту картину, далеко неприглядную, механик со вздохом вычеркивает "германские деньги" и снова подсовывает протокол Захарову:

- Может, теперь подпишете?

Захаров долго мечет рукой над бумагой - подписывает.

- Вот и все, - говорит ему Федерсон облегченно.

Запаренным конем несется по палубам рассыльный:

- Шестаков из машинной команды... тебя к Механику!

Вскоре на "Аскольд" прибыл подполковник Найденов - умный, толковый следователь. Он никого не шантажировал, вызывал к себе в каюту изредка то одного, то другого, разговаривал просто, по-человечески. Подавленность в настроении команды (сразу, как только дело было вырвано из рук Федерсона) стала рассасываться.

В один из дней Найденов навестил Иванова-6.

- Господин каперанг, я следствие закончил...

- О батенька, преотлично! Позвольте, я кликну в салон и своего старшего, дабы обсудить выводы сообща...

В салоне три человека: Иванов-6, Быстроковский, Найденов.

- По моему глубокому убеждению, - говорил Найденов, - на крейсере даже подготовки к восстанию не было.

- Не было! - просиял каперанг. - Слышите, Роман Иванович?

Быстроковский суховато кивнул.

- Показания же обормота Виндинга-Гарина явно провокационные. Чего он хотел? Добиться авторитета в агентурных кругах. С тем чтобы, завоевав этот авторитет, впоследствии поступить на службу во французскую полицию. Перед матросами он выставил себя революционером, изгоем, несчастеньким, и команда ему доверилась... Это - отщепенец! Да, он русский подданный. Но, будучи солдатом Иностранного легиона, Виндинг-Гарин давно уже наполовину эмигрант...

- Конечно, - горячо заговорил Иванов-6. - Как не понять и матросов? Оторванные от родины, отбитые от своих семей, они охотно идут навстречу любому земляку. И попался вот этот негодяй!

- А Ряполов? - вдруг спросил Быстроковский. - А Пивинский? Разве их показания - показания "полуэмигрантов"?

- Согласен, - охотно поддакнул Найденов. - Но их показания о взрыве крейсера, который якобы готовится, никак не отражают настроения всей команды. Может, какой-то пьяный дурак и ляпнул так. Но общий импульс крейсера - боевой.

Иванов-6 от такой похвалы "Аскольду" готов был расцеловать следователя и даже вольненько потрепал его по коленке:

- Безусловно так! Благодарю вас, полковник{3}.

Быстроковский, однако, заметил:

- Но, господин полковник, вы не можете не отметить в своем заключении признаки... Да! Именно признаки смуты!

- Признаки существуют, - согласился следователь. - Но, скажите мне,

господин старший лейтенант, где в России сейчас этих признаков революции не существует? Они - всюду...

- Абсолютно так, - подтвердил Иванов-6. - А теперь расскажите нам, что будет далее?

Найденов подмедлил с ответом.

- Далее... Далее будет суд.

Иванов-6 встал - толстый, рыхлый, неуклюжий, словно чурбан. Его бульдожье лицо вдруг сморщилось как печеное яблоко.

- А вот суда, - сказал он, хихикнув, - суда-то и не будет!

- Помилуйте! - возмутился Быстроковский. - Для чего же тогда была проделана вся эта громоздкая работа?

- Не знаю... Но суда, заверяю вас, господа, не будет. Во всяком случае, пока я - командир крейсера. И я сейчас же телеграфирую в Париж графу Игнатьеву и каперангу Дмитриеву, нашему морскому атташе, чтобы суда над "Аскольдом" не было.

- Почему? - спросил Найденов невозмутимо.

- Потому что здесь не Кронштадт! Потому что здесь, во Франции, стране республиканской, существует свобода печати!

Потому что я не желаю пораженческой окраски моих матросов! Потому что я не позволю пачкать честное русское имя...

Найденов подумал и улыбнулся:

- Что ж, по-своему, вы правы... Поддерживаю!

Связавшись с Парижем, командир крейсера нашел поддержку и у графа Игнатьева, и у каперанга Дмитриева. Было сообща решено: неблагонадежных матросов - по усмотрению самого командира - списать подальше от корабля: в окопы!

И вот перед Ивановым-6 лежит список - шестьдесят девять моряцких душ. Выбирай любого. Их надо вырвать с мясом и кровью из брони крейсера и пересадить в унавоженную войною землю. Рано утром Быстроковский по мятому лицу каперанга понял, что командир мучился всю ночь, занимаясь строгим отбором.

- И сколько же мы списываем? - спросил он. - Никого не списываем. Двадцать девять человек я наметил было, но по зрелому размышлению... Никого не списываем!

- Почему? - удивился Быстроковский.

И получил честный ответ честного человека:

- Жалко...

Быстроковский был крут:

- Одного типа вы мне все-таки подарите, пожалуйста! - Кого?

- Есть такой... Александр Перстнев! Я уже обещал ему при всех, что он сгниет в окопах.

- Ну... возьмите, - сказал Иванов-6 вздыхая и переправил писарям для приказа имя только одного человека.

Шурка Перстнев подлежал списанию в дивизию латышских стрелков - в окопы под Ригой, куда ссылали всех матросов "политически неблагонадежных"...

- А вы собираетесь обратно в Россию? - спросил Иванов-6 у следователя Найденова. - Ах, какой вы счастливец!

- Нет, - отвечал ему Найденов пасмурно. - Меня граф Игнатьев срочно просит прибыть в Марсель.

- А что там случилось?

- В корпусе Особого назначения бунт: солдаты убили подполковника Маврикия Краузе{4}.

* * *

На прощание Шурка Перстнев сказал - загадочно:

- Я вся под Ригу сейчас укачу, а вы не думайте, что здесь ничего не осталось. Я-то, может, еще и выживу. А вам бабушка надвое сказала. Тут такие домовые живут, под броняжкой, что проснетесь когда-нибудь на том свете...

Впрочем, Рига ему только во сне показалась. Путь туда слишком долог. Через Францию, Англию, по Скандинавии - влетит он русской казне в копеечку. Не велик барин Шурка: подохнуть можно и во Франции, а потому он был зачислен в ряды корпуса Особого назначения, - далеко ездить за смертью не надо.

Генерал Марушевский был возмущен:

- У нас не погребная яма, чтобы сваливать сюда нечистоты. При формировании корпуса в России людей отбирали словно жемчуг. А теперь всю мерзость на нас спихивают. Хорошо! - решил Марушевский. - Отправьте этого матроса в самое опасное место, а именно - в команду штабс-капитана Виктора Небольсина.

...Самое опасное место - Мурмелон-ле-Гран - зацветает пышными маками, в которых лежат зловонные трупы и звонко стрекочут кузнечики.

Шурка добрался до позиций, присел в окопе. Невдалеке от него пожилой солдат долго целился, выстрелил: трах!

- Эй, дядя! - позвал его Шурка.

Но солдат взял гвоздь и камнем стал засобачивать его в приклад своей винтовки. Только сейчас Шурка заметил, что из приклада уже торчат восемь шляпок. И теперь, сгибаясь под ударами камня, с треском влезает в

приклад девятый.

- Это ты к чему, дядя? - спросил Шурка, невольно заробев. Солдат поднял лицо - цвета земли; глаз вроде и не было.

- А к тому, что вот, когда десятку фрицев нащелкаю, тогда меня на день до Марсея пустят... И напьюсь я там, как свинья! Не мешай на выпивку хлопотать...

В офицерской землянке сидел за бамбуковым столиком штабс-капитан Небольсин и говорил угрюмому фельдфебелю:

- Не надо, Иван Василич, не надо. Она вернется...

- Да вернется ли? - спрашивал тот очумело и дико.

Над головой офицера нависал пехотный перископ, и Небольсин время от времени бросал взгляд в окуляр, приглядываясь к тому, что творилось на немецкой стороне. Лицо штабс-капитана, худое и усталое, невольно располагало к доверию.

- С "Аскольда"? - удивился Небольсин, прочитывая бумаги. - Так-так. Бывал я там, на вашем пароходе. Эсер? Большевик?

- Мы, - ответил Перстнев, - анархистами будем.

- О-о! - И посмотрел на матроса уже с интересом. - Анархизм вещь рискованная и требует высокого интеллекта. Что читал?

- Да я... так. Мы не читали. Мы разговаривали.

- Я признаю и такой метод - мышление в разговоре. Кстати, в анархизме - конечно не в обывательском, а классическом! - очень любопытно отношение к элементу сознания масс... Вы как к этому относитесь, уважаемый?

Шурка Перстнев хлопал глазами:

- Как отношусь? Хорошо отношусь... Мы не читали!

- А я вот читал. И князя Кропоткина, и над Прудоном сидел, и Штирнера проглотил. Ну и, конечно, Бакунина... Однако, как видишь, анархистом не стал... - Подумал немного, поскреб небритый подбородок красивой грязной рукой и сказал: - Думается, что ты тоже не анархист, а просто... дурак!

- Да нет, - обиделся Шурка, - мы понимаем. Вот чтобы власти не было... ходи, куда хочешь... налогов платить не надо.

- Бред! - ответил Небольсин. - Дай вам волю, так вы грабить пойдете. А цивилизованное государство без налогов существовать не может. Каждый обязан подкреплять отечество не только разумом, не только руками, но и копейкой своей... тоже!

- Вернется ли? - приуныл фельдфебель, глядя себе под ноги.

- Потерпи, Иван Василич, она вернется...

Штабс-капитан посуровел. Махнул рукой Шурке:

- Ладно. Черт с тобой! Не для того ты прислан в мой батальон, чтобы я просвещал тебя... Только не мусорь здесь словами! У меня - как при анархизме: набью морду и сдам в архив...

Шурка стоял навытяжку, хлопая глазами: хлоп-хлоп. Все было непривычно и непонятно в этом солдатском мире. Пахло землей, червями, тленом. И плакал, убивался навзрыд фельдфебель: вернется ли? вернется ли? Ну когда же вернется?..

Небольсин вскрыл жестянку ножом, сказал:

- Рядовой Перстнев, сядь и все слопай!

Это была ветчина с горошком. Но... пальцем, что ли?

- Эх вы, флотские! - с оттенком пренебрежения протянул Небольсин. Даже ложки с собой не имеете.

Шурка не спорил и торопливо умял банку с помощью чужой вилки. Потом поверху прошел гул, и Небольсин поманил его:

- Вы ведь как? - сказал штабс-капитан. - Воюете с врагом, часто даже не видя его. Хочешь немца посмотреть? Живого? Теплого? На русском хлебе вскормленного? Вот он - смотри!

В зеркалах перископа Шурка увидел развороченную землю брустверов, а над ними полоскалось на ветру широкое-полотнище:

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПЕРВАЯ РУССКАЯ БРИГАДА!

ВАМЪ НЕ ХВАТИЛО ЗЕМЛИ В РОССИИ, ВСЕ ВЫ ПОГИБНЕТЕ НА ЗЕМЛЕ ФРАНЦИИ!

Но ни одного немца Перстнев так и не увидел.

- Ой, боюсь, что не вернется... - сказал фельдфебель. Небольсин повертел пальцем возле виска, шепнул:

- Спятил вчера... после штыковой. Вот и понес ахинею. - И с убежденностью актера заговорил пылко, обнимая плечи старого фельдфебеля: Иван Василии, сколько ждали... Подожди еще!

Тишину фронта разрубила тонкая строчка пулемета.

- Ну, иди, Перстнев, - сказал штабс-капитан. - Привыкай к новой жизни... Да разыщи ефрейтора Каковашина.

Ефрейтор Каковашин пригляделся к новому солдату.

- Э-э-э, - сказал, - вот ты, паразит, мне и попался! Кады спор в Тулоне сообща решали, чья жистянка лучше, не ты ли, сука, мне по черепушке бляхой от ремня врезал?

- Дело прошлое... - увильнул Шурка от прямого ответа. Каковашин вручил ему грязную каскетку в чехле и винтовку.

В прикладе было девять гвоздей, а десятый торчал наружу

полусогнутый, не до конца вколоченный.

- А где же этот... дядя, что стрелял из нее?

- Хватился, парень! Дядю твоего снайпер кокнул... Вечером, когда закатилось за брустверы солнце, Небольсин решил спровадить из команды сумасшедшего фельдфебеля. Сопровождать его вызвался Каковашин.

- Эй, флотский! - окликнул он Шурку. - У тебя франки е?

- Е, - ответил Шурка.

- Тогда пошли. Заодно и к тетке Марго завернем...

И они пошли. Все через поле маков, в которых догнивали трупы людей и беззаботно трещали кузнечики. Брили сначала ходами траншей - мелких (французы копать их ленились). Печально посвистывали пули. Вот и деревня, полуразрушенная артиллерией. Бегают, поджав хвосты, собаки. И сидит на пепелище черная кошка с зелеными глазами-плошками.

- Брысь, ведьма! - шикнул на нее Перстнев, боязливо крестя себя. Буйный анархизм выходил из него сейчас, словно дурной пот - всеми порами Шуркиного тела.

- Потерпи, Василич, - говорил Каковашин, под руку ведя сумасшедшего. Уж недолго тебе мучиться осталось. Сейчас вот и к тетке закатимся. У флотского франки-то шевелятся...

Трактир, однако, был закрыт. Над дверями болталась бумажка. Каковашин сорвал ее, протянул сумасшедшему:

- Ну-кась, Василич, ты грамотей славный... Прочти! Сумасшедший внятно перевел с французского:

- "Кофейня госпожи Марго Фересьен закрыта на восемь дней, согласно приказу, за то, что владелица, несмотря на запрещение, продолжала торговать вином русским солдатам..." А мы вернемся ли? - спросил фельдфебель, пуская бумажку по ветру.

- У, сволота поганая! - бешено ругался Каковашин. - Загнали нас в эту Европу, чтоб она сдохла вся, а даже выпить негде. Пошли, Иван Василич, сдадим тебя по всей форме в бедлам, и ни о чем, сердешный ты мой, не печалься... Ты-то вернешься, тебе крепко повезло. А мы, видать, здесь пропадем...

Сдали сумасшедшего в лазарет и, печальные, возвращались на позицию. Хуже нет, когда человек настроит себя на выпивку, а выпивка сорвется. Это прямо беда! В глазах темно... В такие моменты сам себя не помнит, слову не перечь, все с глаз долой! И вот шагали они, даже не разговаривая. Молча. Озверело. В середине пути (уже возле деревни) Шурка остановился, швырнул с головы каскетку, всадил в землю винтовку, из которой торчал гвоздь.

- Иди, - сказал. - А я - стоп машина!
- Куда? - спросил Каковашин.
- Куда глаза глядят. Обрыдла мне жизнь. И в ваши червивые окопы не полезу... Пропадай все с треском!
- Это как понимать? - придвинулся Каковашин. - Мы, значаца, в окопах сиди. А ты, анарха флотская, не желашь?
- Не желаю, - ответил Шурка, удаляясь.
- Стой! - гаркнул Каковашин, срывая с плеча винтовку. Шурка уходил все дальше. Топтал багровые маки.
- Стой! Или... стрелю.
- Пошел ты... - донеслось в ответ.
- Я человек нервный, - орал Каковашин, - я людей убивать привык... Мне и тебя не жаль, флотский! Христом-богом прошу - вернись, не заставь грех на душу брать.

- Лупи, коли ты привык, - ответил ему Шурка.
И выстрел грянул. Перстнев взмахнул руками - красные маки вспыхнули, потревоженные, и закрыли его навсегда. Каковашин взрыднул - коротко, как дети в конце своего плача. И долго слушал тишину. Лаяла собака из деревни. Вскинул винтовку.

- Ну и валяйся, - сказал. - Мы тутадохнем не пойми за што, а они там с жиру бесятся... Не понравилось? Ну и лежи теперича. Воняй во славу Франции! Тоже мне... барин нашелся.

Вот и все. Ночью из деревни вышли осторожные, с гибкими телами, мародеры. Они стащили с убитого сапоги, а Шуркины франки пропили ночью у тетки Марго Фересьен.

Шурка уже не вернется, как не вернутся на родину и другие.

А вот под Хайфой или в Дарданеллах, в вое снарядов и плеске волн, когда песок хамсина скрипел на зубах, - там, кажется, как это ни странно, смерть была легче.

Глава седьмая

Понемногу все забылось в улеглось, как дурная муть. Дисциплина на крейсере построжала, учения и приборки не давали людям задумываться ни над чем, кроме насущного корабельного дела. Увольнения матросов на берег резко сократились. Казалось, жизнь "Аскольда" вошла в обычную колею.

Впрочем, не совсем. Матросы о чем-то шептались, но стоило появиться офицеру, как они дружно замолкали. Не успокоились. Что-то затевали. Оружие продолжали находить. И большинство в кают-компании верило, что на крейсере где-то спрятано оружие во множестве. С такой

командой выходить в море опасно. Надо предупредить опасность. Еще здесь, в Тулоне. В море будет поздно.

А для чего существуют боцманматы? Ради чего у них отдельный гальюн и не миски, а - тарелки? И ложки, как у господ, с монограммами?..

Теперь на крейсере обнаружилось новое бедствие. Исправные трезвые служаки вдруг стали запивать так, что пропадали неделями. Полиция доставляла их на борт с ворохом протоколов: там дрался, там разгромил витрину, там свернул ларек, там... Таких разжаловали, и они с облегченным сердцем переселялись жить ниже - в матросский кубрик. Гальюн общий, нет тарелки, а есть миска. И гоняют тебя хуже собаки. Но зато не надо продавать своих товарищей. Так поступали честные унтер-офицеры. Отказаться от сыска они не могли, коли приказывают "шкурить". Но есть выход: десять бутылок вина на брата, на закуску понюхай ленточку от бескозырки, а потом... Что потом? Потом ты свободен от былых заслуг, но зато спишь с чистой совестью.

Кают-компания жила все эти дни в состоянии постоянного страха. На ремонт давно махнули рукой: какой там ремонт? Не дай бог выйти в море сейчас, когда команда ненадежна.

- Нас же убьют, - говорил фон Ландсберг. - Служишь, черт бы его побрал, служишь. А... что тебя ждет в награду? Нет, господа, еще раз надо проверить: довели мы дело до конца или нет? Если - нет, то в море никак нельзя выходить...

Был на исходе день 20 августа 1916 года. Кают-компания и жилые палубы давно закончили ужин. Незадолго до команды "Койки братъ, спать!" мичман Вальронд, как всегда, проверял снаряжные и зарядные погреба.

Вот и сегодня он, вместе с Бешенцовым, долго спускался в самую преисподнюю корабля. Трап за трапом, палуба за палубой - словно этажи высокого дома: все ниже и ниже по крутизне, до самого днища крейсера. Неслышно отворялись люки, хорошо смазанные. По мере спуска все осторожнее становились движения. А снизу уже доносился особый, специфический, запах погребов - запах пироксилина, манильской пеньки и масел.

Нога Вальронда нащупала пушистый ворс мата. Следом за ним мягко опустился в погреб матрос. Здесь постоянно (никогда не угасая) горел яркий свет, ровно гудела станция вентиляции. А в удобных стеллажах, словно бутылки в винном подвале, покоились настороженным сном чушки снарядов. Это - главный калибр. В соседних погребах - калибр послабее: против миноносцев и катеров.

Сама обстановка погребов располагала людей к вежливости и разговорам на полусшепоте, как в храме. Бывали раньше случаи, что старые пороха возносили людей, как ангелов, прямо на небеса - только за то, что они чихнули. Теперь пикриновоаммиачные пороха Брюжера, Дезиньоля и Фонтеня не столь опасны. Но осторожность в таком деле никогда не мешает.

- Проверь, - тихо велел Вальронд, - не разложилось ли сало на снаряжных станках. А я замерю влажность...

Мичман отметил температуру. Там, над палубой "Аскольда", дрожал горячий воздух ночного Тулона, и в погребах было слишком тепло. Вальронд сразу врубил дополнительный "виндзейль", чтобы поскорее вытянуло всю духоту, потом шагнул к гигрометру, замеряя показания влажности воздуха.

Гигрометр системы Соссюра (великого Соссюра!) висел перед ним на пружинах, чтобы никакая тряска боя и шторма не повредила ему, капризному прибору. Еще не глянув на барабан автомата, Женька подцепил кусочек желатиновой бумажки: нет, она не порозовела, что бывает при лишней влажности, а немного посинела, - показатель хороший.

Подошел Бешенцов, вытер о подол робы измазанные маслом пальцы.

- Господин мичман, - спросил, - а правда это, что в гигрометрах работает человеческий волос, как пружина?

Глаза Вальронда прищурены во внимании на шкалу показаний:

- Да. Правда. Причем не просто волос, а - женский!

- Вот те на!

- А разве ты не знал?

- Нет. А почему волос от бабы, ваше благородие?

- Он тоньше мужского и более... Как бы это тебе объяснить? Женский волос лучше мужского, потому что более нервно, если можно так выразиться, воспринимает влагу.

- Чудеса! - сказал Бешенцов, качая головой.

- Причем, - усмехнулся Вальронд, - волос годен только от рыжей женщины. Так что, дорогой, если тебе попадетсЯ рыжая стерва - сразу рви ее за патлы... Нам, бедным россиянам, все пригодится!

Аккуратно заполнил графу в "Погребном журнале", сказал:

- Пошли с богом... Все в порядке.

Обратный путь - такой же осторожный. Но, чем дальше от многотонных запасов взрывчатки, тем смелее становятся ноги. Можно и каблуком приударить. А на верхней палубе их охватила липкая темная духота, вдали пересыпал огни Тулон.

Бешенцов вскинул руку к бескозырке:

- Ой и душно... Спокойной ночи, ваше благородие.

- Спи и ты спокойно, Бешенцов... Действительно, душно.

В коридоре кают-компаний, где висели ковры и старинное оружие абордажного боя, а в проходе стояли пирамиды с винтовками, мичману встретилась корабельная "баронесса".

- Из погребов? - спросил Фиттингоф.

- Да, вылез, аки домовой из подпола. А что?

- Локоть испачкал в масле.

Действительно, мазанул где-то нечаянно локтем по стеллажам, а нефтяное сало не отстираешь. Вальронд забежал в каюту, переменял китель и снова появился в кают-компаний. Не присаживаясь, выпил в буфете вина на сон грядущий.

Быстроковский строго поглядел на него:

- Мичман! Я вот часто думаю: а что, если буфет крейсера раз и навсегда перевести в вашу каюту?

- Роман Иванович, - был ответ, - ваша скромная лавочка давно бы вылетела в трубу, если бы я не оставлял в ней свое мичманское жалованье... А разве меня видели когда-нибудь пьяным?

- Один раз видели, еще на Цейлоне, где вы были удивительно схожи с Аполлоном... полведерским!

- Древние римляне не стыдились наготы и аккуратно хаживали в бани Каракаллы. Однако, Роман Иванович, античный мир до сих пор считается классически образцовым, достойным подражания...

Вальронд еще немного покрутился между роялем и диваном, но собеседника больше не находилось, и, зевнув, он отправился спать. И крепко заснул молодым и здоровым сном.

Ровно в три часа ночи крейсер "Аскольд" был потрясен...

ВЗРЫВ!

* * *

Взрыв произошел в погребах - под офицерскими каютами, и черный дым повалил из-под крышек люков. Хлопали двери. Из своего салона выскочил Иванов-6:

- Тревоги: пожарная... водяная... Затопить погреба!

Боевые вахты срывались с коек. Взлетали по трапам. Пропадали в распахнутых горловинах. Люди - в трещавших робах - молниями прочеркивали темноту. Надрывались телефоны, вспыхивали аварийные лампы. Разом свистали все переговорные трубы, вызывая и вызывая кого-то на разговор.

И наступила тишина - внезапная, как обрыв.

- Ну, господа, - сказал Иванов-6, - доложите...

...По шахте люка текли клубы дыма. Вальронд прыгнул - и сразу по пояс оказался в воде. Погреба успели затопить, и теперь они медленно отдавали воду обратно за борт. И стоял тут, задирая кверху бледное лицо, лейтенант фон Ландсберг.

- Женечка, - позвал он испуганно, - взрыв был здесь... Вода дошла уже до колен, свистя в узких шпигатах. Вальронд развел руками полосы дыма перед собой, спросил:

- Что взорвалось?

- Патрон снаряда... унитарный.

Стремительно уходила прочь вода, и четыре бурлящие воронки по углам погреба указывали места водостоков. Глухо буркнув напоследок по фанам, вода совсем сбегала из погреба, и теперь офицеры стояли мокрые - на мокром мате, и раскаленные осколки, разбросанные взрывом, уже успели остыть. А на стеллажах лежали мокрые снаряды, и с подволока еще падали последние капли.

- Калибр? - спросил Вальронд.

- Семьдесят пять...

Перекрестились и полезли наверх. Быстроковский сразу поставил Вальронда в известность:

- Хозяин погреба, в котором произошел взрыв, матрос Бешенцов, эта божия коровка, обнаружен спящим на корме...

- Ну да. Душно. А что?

- Своя шкура дороже. Подальше от взрыва устроился... Корнилов посмотрел на своего дога с обрубком хвоста:

- Подозрителен и трюмный Бирюков. Он все время хвастал, что "Сашка Бирюков себя покажет!" Любопытно, что он имел в виду?

Иванов-6 велел офицерам крейсера собраться в кают-компании. Они собрались, и каперанг сумрачно оглядел их лица, еще мятые после сна.

- Проверьте, - наказал, - чтобы ни одного вестового тут не было. Даже в буфете. Станьте кто-либо, господа, в дверях, чтобы нас не смогли подслушать...

Все почуяли, что разговор будет весьма опасного свойства.

- Господа, - начал командир "Аскольда", - итак, взрыв, о котором так много говорили и которого все ждали, сегодня произошел... В артпогребах злоумышленной рукой взорван зарядный патрон калибра семьдесят пять.

- Прощу прощения, - сразу заявил Быстроковский, - но следует уточнить: взрыв произведен под офицерскими помещениями.

- Вот именно, - охотно согласился Иванов-6, - под офицерскими помещениями!.. Но самое печальное, что взрыв этот (повторяю: под офицерскими помещениями) произведен самими же господами офицерами!

Гул возмущения прошел над рядами диванов. Словно паровоз, чадил громадной папиросой отец Антоний, щурился от яркого света люстр и абажуров доктор Анапов в туфлях на босу ногу.

Каперанг, пристально глядя на Вальронда, продолжал:

- Задача почти непосильная:, как взорвать корабль, не взрывая его? И задумавший это достиг своей цели: взрыв есть, но офицерские помещения не пострадали.

- Это провокация со стороны матросов, - крикнул Федерсон.

- Провокация со стороны... офицеров! - закончил Иванов-6. - Ибо, чтобы вызвать взрыв такой силы в погребах, где лежат тонны тринитротолуола, нужен расчет математика. А наши матросы - да, они ловко стреляют. Но они, к счастью, незнакомы - нет! - незнакомы с теорией детонации почтенного доктора Бертелло. Знаниями высшей математики и сложных алгебраических уравнений, необходимых для этого расчета, обладаете вы - офицеры. И в первую очередь - артиллеристы нашего крейсера: фон Ландсберг, Корнилов, Вальронд...

Четко встали: фон Ландсберг, Корнилов, Вальронд.

Но при этом смотрел-то Иванов-6 именно на Вальронда, и мичман чувствовал, что лицо его невольно наполняется краской.

- Немцы... - слабенько вякнул Корнилов. - Это их агентура...

- Немцы, - ответил Иванов-6, - взрывали бы нас уже до конца. Наши кишки болтались бы сейчас на реях, словно флаги... Нет, это не немцы. К сожалению - нет! Это провокация, на которой кто-то из нас, господа, задумал сделать себе легкую карьеру. Кому из вас, молодежь, снится аксельбант флигель-адъютанта? Вам, лейтенант фон Ландсберг? Может, вам, мичман Вальронд? Или вам, лейтенант Корнилов?

Но смотрел Иванов-6 опять только на Вальронда - узкими от бешенства глазками. Наконец этот пристальный взгляд, устремленный, словно прожектор к цели, заметили почти все офицеры.

- У нас свои немцы, - закончил Иванов-6 устало и покинул кают-компанию.

Вальронд нагнал его уже на трапе.

- Я требую объяснения, - сказал мичман, глубоко дыша. - Вы оскорбили меня своим взглядом... В чем вы смеете меня подозревать? К чему эти намеки на подлый карьеризм?

Одна нога каперанга стояла уже на балясине трапа, а другая еще

волокла по ковру шлепанец, всегда спадающий.

- Кто последним был в погребке? - спросил Иванов-6.

- Я.

- Этого достаточно - все! Больше я на вас, мичман, смотреть никогда не буду...

И он стал подниматься вверх - в салон, к своему удаву.

- В таком случае, - звонко выкрикнул Вальронд ему в спину, - я не могу долее оставаться на одном корабле с вами! Я сейчас же подаю рапорт о списании меня... хоть на тральщик! Хоть на поганую баржу! Куда угодно, только бы не с вами!

И с высоты трапа, через люк, - спокойный голос каперанга:

- Пожалуйста. Подавайте...

Ночью по каютам пили. Утром, еще раненько, отец Антоний вылез на шкафут. Не скрыл перед матросами своей радости.

- Слава-те богу! - сказал он. - Теперича-то вы попались на самый ноготь. Надавим раза хорошего, и только сок брызнет. Этот кабак давно пора прихлопнуть...

Словам похмельного батеньки тогда не придали особого значения. Но они выражали скрытую радость кают-компаний - отец Антоний сгоряча ляпнул то, что Федерсон, Быстроковский и фон Ландсберг обдумывали в тишине своих кают.

- Эй, молодой! - увидел священник мичмана Вальронда. - Ты куда это поспешаешь? Не здоровкаешься? Хмурый?

Женька, не ответив, проследовал в салон и выложил на стол перед командиром свой рапорт о списании с крейсера. Иванов-6 не удостоил мичмана даже взглядом.

- Господин мичман, - сказал ему каперанг, - я не знаю, вы или не вы взорвали патрон в погребке. Но... Можете забрать этот рапорт обратно. Не вы, а я расстаюсь с "Аскольдом".

Он замолк, сосредоточенный, и отверткой стал аккуратно откручивать от переборки портрет своей жены. Вальронду в этот момент стало очень жаль честного "Ваньку с барышней".

- Да, - продолжил каперанг, - меня убирают после этой дурацкой истории. Вот читайте - свежая радиограмма: на мое место назначен капитан первого ранга Кирилл Фастович Ветлинский... Прощайте, мичман!

Иванов-6 покинул крейсер, исчезая во флотской неизвестности вместе с любимым своим удавом. А на его место прибыл новый командир "Аскольда".

Всем врезалось в память первое появление Ветлинского в кают-

компании крейсера. Он представился офицерам во всем парадном, под локтем - треуголка с плюмажем; медленно стянул - палец за пальцем - скрипящую лосину перчаток.

- Так вы утверждаете, господа, что вас взрывают? Попробуем разобраться в этом вопросе... Проездом через Париж я имел разговор с нашим послом Извольским, и мы пришли к согласному убеждению, что этого так оставить нельзя. Да, господа! Дело надобно довести до конца. После чего отправимся... на Мурман!

У нового командира, смуглого от загара после жизни в Севастополе, были выпуклые глаза с внутренним блеском и острый крючковатый нос - каперанг был похож чем-то на степного беркута.

- Абсолютно согласен, - продолжил Ветлинский, - и с теми господами офицерами, которые считают, что с имеющейся командой, во избежание рецидива потемкинщины, выходить в море, тем более в такой дальний путь - до Мурмана, опасно. В любом случае виновных следует выявить. Наказать. А часть команды раскассировать... К сведению, господа! Взамен арестованных на "Аскольде" из Кронштадта уже выехало к нам пополнение.

Федерсон посмотрел на Ландсберга, Ландсберг глянул на Быстроковского, и все трое воззрились на Ветлинского. Эту перекидку взглядами заметила почти вся кают-компания.

К приезду Ветлинского на "Аскольде" уже было арестовано более ста матросов. И состоялся суд. Краткий, военный...

* * *

Муза провокации парила над мачтами крейсера...

Вот когдагодились доносы блатных паскудников Ряполова да Пивинского. "Задушим" - шептали матросы в ярости, и те боялись спать на палубах: их душила сама темнота ночи...

И на высокой ноте взлетал голос выездного прокурора: "...за создание революционной организации на корабле, в условиях военного времени, организации, которая, будучи подкуплена тайными немецкими агентами, пыталась произвести взрывание крейсера первого ранга "Аскольд", приговариваются к смертной казни через расстреляние матросы: Захаров Даниил, Бешенцов Федор, Бирюков Александр и Шестаков Георгий..."

- Да будет вам! - закричал Захаров. - Ищите немецких агентов у себя в кают-компании, а в кубриках Россию не продают!

- Господи, за што же мне это? - спросил Бешенцов.

- Сашка Бирюков хлебал вас всех... во такой ложкой!

А лицо Шестакова заливал предсмертный пот. Шестаков заплакал и

ничего говорить не стал... Французские жандармы, обнажив палаши, увели навсегда с крейсера четырех осужденных.

Потом к борту "Аскольда" подтянули баржу и стали выкликать по списку сто тринадцать матросских душ (почти целую роту). Каждый, кого называли, быстро пробежал по сходне над мутной водой рейда, прыгал в широкое горло люка. Баржу подхватили буксиры, потащили ее, чадя трубами, в Марсель, а оттуда лежали пути на родину, которая встретит героев с "Аскольда" тюрьмами, и казематами, да страшными плавучими арестротами{5}...

Озлобленность оставшихся на "Аскольде" часто переходила в уныние. Работа валилась из рук... В один из дней, когда мичман Вальронд пил в офицерском буфете, к нему подошел трюмный механик мичман Носков.

- Женька, - сказал он, - я не верю в этот приговор.

- Угу, - хмельно мотал головой Вальронд. - Это не приговор. Это черт знает что!.. Ведь ясно же как божий день, что силу этого взрыва не могли рассчитать матросы. "Ванька с барышней" прав: тут нужен тонкий алгебраический расчет детонации. Иначе бы мы давно разлетелись на сто кусков.

- А с чего ты пьешь? - спросил его трюмный.

- Мне завтра в караул, - ответил Вальронд не совсем-то логично. - Как говорят матросы, мне все... обрыдло! Однако же я неглуп, нет. Все понимаю. Знаешь - как?

Умница - в артиллерии,

Дурак - в кавалерии,

Прошеляга - в пехоте,

А пьяница - на флоте.

Я пью, милый трюмач, потому что я офицер флота. Но остаюсь при этом умен, как и положено артиллеристу... Ты меня понял?

Носков присел рядом с плутонговым.

- Слушай, Женька, перестань хлестать: сломаешься! Я вот часто думаю: если не свершать благородных поступков сейчас, пока мы с тобой молоды, то когда же их свершать?

- Никогда не поздно, Сереженька!

- Пошли к командиру. Мы должны постоять за матросов.

- Базиль! - позвал Вальронд вестового. - Оторви мне от "флага" его величества лоскут, который покраснее...

Вестовой его понял и налил только марсалы. Вальронд выпил, одернул мундир и стал трезвым: мичман умел пить - недаром его предки со времен Екатерины служили на русском флоте.

Вальронд элегантно обнял трюмного за талию.

- Мы молодцы, и мы благородны... Идем! - сказал он. Ветлинский внимательно выслушал "благородных" мичманов.

- Я вас отлично понимаю, - ответил он. - Но с чего вы взяли, что матросы будут расстреляны? Отнюдь. Матросов надобно поугубить, как детей, которые расшалились. Приговор лишь фикция... Мне очень приятно, что вы столь ревниво относитесь к чести своего корабля. Но... совсем нет причин волноваться. И заступниками бунтовщиков пусть будут не мои офицеры...

Покидая салон, молодые люди облегченно вздохнули.

- Ну вот, трюмач, слава богу!

- А ты куда сейчас, Женечка?

- Туда, куда влечет меня мой жалкий жребий... в буфет!

- Тебе же завтра в караул.

- И потому я хочу вобрать в себя все то, чего нельзя получить, будучи караульным офицером...

Дверь шифровальной открылась, и с чайником в руке (через плечо полотенце) вышел Самокин, кивнул офицерам. Мичман Носков шутиливо ударил его перстом по лбу:

- Во, голова! Она много знает. Да никогда не скажет.

- Ваша правда, господа мичмана. Такова моя служба. Все знать, чтобы другие не знали ничего такого, что я знаю...

Если бы Самокину была известна причина, по которой молодые мичмана приходили к командиру, он бы дал им понять, что Ветлинскому верить не следует. Через руки кондуктора все эти дни шелестели телеграммы. Сверхсекретные. Сверхсрочные. Между Тулоном и Парижем. Между "Аскольдом" и посольством.

Военно-морской атташе во Франции, каперанг Дмитриев, настоятельно требовал аннулировать приговор четверым матросам. И теперь между атташе и Ветлинским завязалась борьба - трещал телеграф за тонкой переборкой шифровальной каюты.

Телеграфная перепалка закончилась совсем неожиданно...

Спустившись вечером в церковную палубу, отец Антоний дольше обычного раздувал кадило. Раздул наконец, и сладкий аромат ладана повеял над головами притихших людей.

- Братцы, - вдруг мягко сказал отец Антоний, - ведь я сегодня последним словом Божиим проводил осужденных. Все четверо расстреляны французами. И они сознались в содеянном...

- Сознались? - ахнула толпа матросов.

- Плакали. И убивались шибко перед кончиной... Помолимся же мы за их заблудшие душеньки...

Именно в этот вечер мичман Вальронд, потрясенный вероломством Ветлинского, заступил в караул Спать - не раздеваясь, только ослабив ремень на брюках. Оружие - на столе, повязка "рцы" - на рукаве. Судовые электрики подключили к его каюте телефон с берега, и телефон сразу же стал названивать.

- Сколько человек у вас в карауле? - спросили французы.

- Взвод, - ответил Вальронд, и разговор на том закончился.

Мучительно долго не мог уснуть.

Разбудил звонок:

- Караулу прибыть на форт Мальбук... Время?

Вальронд зевая разглядел циферблат часов:

- Два тридцать семь.

- Форт откроет ворота ровно в три...

Мичман быстро вскочил:

- Свистать: караул - наверх!

Ежась от ночной сырости, строились матросы. Посверкивали иглы штыков. Звякали о железо трапов приклады винтовок.

- Унтер-офицер Павлухин, ведите караул за мной!

- Есть за вами...

Быстрым шагом рассекали ночной Тулон, уютно спящий в домах. Где-то вдали маяк Латуш-Тревиль давал резкие проблески в сторону моря. Узкими улицами шли мимо освещенных фабрик, которые работали и ночью. В окнах виднелись снующие у машин тонкие руки француженки. Пахло фруктами и винными ягодами. -За казармами морских училищ караул звучно грохал бутсами по булыжнику.

- Агь-два... ать-два... - подсчитывал ногу Павлухин.

Перед аскольдовцами раздвинулись, ржаво скрипя, рыцарские ворота форта Мальбук, в лицо каждому так и ударило плесенью.

- Вам придется подождать, - сказал Вальронду дежурный офицер-француз. - Ваши матросы в бильярд играют?

- Не уверен. Но, если прикажу, то будут играть.

- Тогда пусть пройдут в бильярдные комнаты, а вам я могу предложить кофе...

Со двора форта грянул плотный, насыщенный пулями залп.

- Ого! - сказал Вальронд вздрогнув. - Вы люди не мирные?

- Это нам, французам, удастся с большим трудом. Нелегко быть мирной нацией, имея под боком соседа - Германию.

- Кого это сейчас пришлепнули?

- Так... одного... пойманного на шпионаже. Советую вам располагаться как дома. На выстрелы не обращайтесь.

Сколько можно пить кофе? Это же не вино, и Женька Вальронд выключил электрический кофейник. За толстой стеной казематов сухо потрескивали бильярдные шары. Форт давил на плечи старинной кладкой, от сырости познабливало. Наконец - раздалось:

- Русскому караулу моряков - на полигон! Было еще темно. И в этой темноте Вальронд ощущал черноту бушлатов, холод штыков, тепло жарких человеческих тел. Шли.

Цок-цок - по булыгам. И мерно качались тонкие лезвия.

Полигон...

- Я ни черта не вижу, - сказал Вальронд.

- Сейчас рассветет, - ответили из темноты французы.

И верно: медленно розовел вершиною Монфарон. Над фортами, клубясь в углублениях дворов и бастионов, плавал туман.

Но вот туман распался на волокна, и тогда караул увидел четыре тени...

Четверо висели на столбах, привязанные к ним. Ноги навывтяжку, руки назад, на головах мешки. А перед каждым - яма.

И только теперь стало ясно, что отец Антоний в церковной палубе врал... Что караул завлечен на форт обманом. Что четверо осужденных живы. Вот они, шевелятся в мешках...

- К но-о... хе! - скомандовал Павлухин, и еще раз брякнули прикладами, вглядываясь в рассвет.

А позади уже сходились перебежками, словно готовясь в атаку, террайеры (туземные стрелки).

- Что это значит? - закричал Вальронд, поворачиваясь к французам. При чем здесь мы?.. Караул, кру-у...хом!

Развернулись - и увидели, что аннамиты уже выкатывают тяжелые пулеметы. Оттуда - ответ:

- Приговор прочитан, еще в тюрьме... Они готовы к смерти!

И тогда мешки зашевелились снова.

- Пожалейте... мы же свои! (голос Захарова).

Но его перебил голос другой - буйного Сацки Бирюкова:

- Лучше уж вы, чем союзники... Только скорее!

Бешенцов вдруг завел из-под мешка свою молитву.

Сеется семя, как кончен день,

Сеется семя, как ляжет тень...

А тело Шестакова уже провисло в мешке - беспамятное. Павлухин

шагнул назад, и восемь "шошей" разворотили под ним рыхлую землю. Он отскочил под пулями, крикнув:

- Господин мичман! Вы знали, куда нас ведете?

- Я знаю не больше вас... Со мною никто не считается!

Мешки двигались. Была жуткая минута.

Туман осел книзу, и когда к ним подошел французский офицер, то из тумана смотрела только его голова в высоком кепи, словно обрубленная точно по шее.

- Нам это надоело, - сказал он Вальронду. - Мы знаем русских за мужественных людей... Сверим часы. Если через три минуты вы не закончите, мои сенегальцы ждать не станут. Они - варвары, и могут быть лишние жертвы...

Дали понять точно. Прошла одна минута, вторая...

- Да что же вы, братцы? - кричал Бирюков извиваясь.

А караул плакал... Вальронд, плакал вместе с матросами.

Стрельба продолжалась минут около пяти и затихла.

Мешки шевелились, столбы уже стали качаться над ямами.

- Сволочи! - кричал Захаров. - Стрелять разучились?

- Прикончите, - стонал Бирюков. - Сашка Бирюков вам все прощает...

Сашка все понимает, он уж такой...

А из-под мешка баптиста сочились на восход слова:

Сеется семя позора, греха,

Сеется семя обиды и зла...

Шатаясь, почти падая, к Вальронду подошел Павлухин.

- Патроны, - сказал, - кончились... Амба!

- Сколько же выпустили?

- Все подсумки... А там - двести сорок.

Двести сорок - в божий свет... Мимо!

Черномазый террайер, сверкая белоснежной улыбкой, подтянул к караулу ящик с патронами и убежал обратно... Ящик опустел, как и подсумки до этого. Но мешки шевелились... Караул целил в небо. Прямо на розовый Монфарон. Мимо, мимо, мимо! Пусть добрая Франция отворит свои арсеналы - все пули сейчас мимо!

- Прочь! - кричали французы. - Убирайтесь к черту все...

И сенегальцы, склонив штыки, пошли вперед... Возвращались уже не строем, а гурьбой. Кто-то из матросов нагнулся, подкинул на руке булыжник и сказал:

- А чего тут думать? - И дрызг - по стеклам витрины. Не сговариваясь, облепили плечами фургон - и он полетел на панель, дружно перевернутый.

Ларьки - в щепки. Упряжь ночных ломовиков - на куски... Вальронд не вмешивался, Павлухин тем более: пусть громят... гнев должен найти выход хоть в этом.

Так и шли до самой гавани, круша все направо и налево.

Придя к себе в каюту, мичман опустился на койку. Трещал телефон, но он не снимал трубки. Оглядел серые переборки, и его губы - распухшие от слез прошептали:

- Боже! Ведь еще вчера я был счастлив...

Приговор матросам Ветлинский скрытно подписал 13 сентября. Казнь произошла в четыре сорок пять по местному времени 15 сентября.

* * *

Французы после расстрела торопливо настелили новый линолеум в палубах и стали нагло выживать крейсер из Тулона. Затихли молотки; кое-как собранные машины едва успели провернуть у стенки, и теперь говорили, что "Аскольд" будет доремонтирован англичанами. Линолеум (дрянь!) растрескался, матросы ходили, как по болоту, прилипая к нему каблуками. Крейсер выбежал на "пробную милю", Ветлинский сгоряча дал полный ход, и снова, как год назад, полетели на корме из бортов заклепки.

- Ничего себе! - говорили матросы. - Починили..

Ветлинский в кают-компании заявил:

- Надо смириться. Пойдем на докование к англичанам. У них в Девонпорте прекрасные доки и мастера...

Накануне выхода в море явился на крейсер, опираясь на костыли, сумрачный штабс-капитан. В петлице его мундира краснела ленточка ордена Почетного легиона - еще новенькая, чистая, прямо из магазина. Он достал из-под мундира конверт.

- Дорогие мои соотечественники! - обратился к аскольдовцам. - Я штабс-капитан Небольсин... из госпиталя, после ранения, как видите. Не откажите доставить письмо на далекую родину.

- Да мы же в Девонпорт идем, в Англию!

- Но ведь вы будете в городе Романове-на-Мурмане. Лейтенант Корнилов подержал в руках конверт, на котором было написано: "Россия, Архангельская губерния. Александровский уезд. Город Романов-на-Мурмане. Начальнику железнодорожной дистанции - Аркадию Константиновичу Небольсину".

- Это мой брат. Он как раз там... путейцем!

Корнилов вернул письмо обратно:

- Я не берусь. Когда еще мы будем на Мурмане. И вообще с некоторых пор многое неясно... Где мы будем? Может, на дне!

Печально приуныв, штабс-капитан сказал:

- Такая плохая связь с родиной... Пишу вот, письма не доходят, теряются. Даже с заходом в Англию вы, смею думать, доставите это письмо скорее.

- Зайдите в писарскую... - мрачно посоветовал Корнилов.

Неумело выкидывая костыли, Небольсин шагал по промасленной палубе крейсера. Одна нога его, толстая от бинтов, взятая в крепкие лубки, была согнута в колене. Как природный интеллигент, он постучался в двери писарской и ушиб себе пальцы. "О боже! Куда ни ткнишь - везде железо и железо..." Он вошел в писарскую и улыбнулся:

- А покрашено так, что не подумаешь. Вроде бы - дерево! Старший писарь равнодушно бросил конверт на полочку.

- А вот, - спросил, - был послан к вам такой Перстнев...

- Перстнев? - задумался Небольсин. - Нет, не помню. Ничего не помню. Знаете, у нас было столько потерь... столько потерь! Французы не щадят наш корпус, посылают сидеть прямо на проволоке. И - газы! Разве тут всех упомнишь?

Поковылял обратно. А на сходне сказал часовому:

- Счастливы! Хоть Мурман, но все же родина...

9 января 1917 года крейсер "Аскольд", завывая сиреной, вышел из гавани Тулона и, миновав Гибралтар, устремился на норд. Именно там, в доках Девонпорта, близ Плимута, его и настигла весть из России о Февральской революции. Андреевский флаг с синим крестом на белоснежном поле - флаг громких побед русского флота - с гафеля спущен не был. Но рядом с ним вызывающе расцвел красный - флаг Революции.

* * *

Представителем от кают-компаний в состав ревкома крейсера вошел и был радушно принят матросами мичман Вальронд.

Глава восьмая

Власий Труш - удрученный революцией - сказал:

- Так и быть, уж я пойду сзади. И буду следить, чтобы народец наш, особо из пополнения, по пивным не разбежался.

- Дурень! - ответил ему Павлухин. - Ты сам в пивную не дерни. А ребята толк понимают...

- К маршу-у-у... - залихватски пропел Вальронд.

Глухо замолотили барабаны, бились палки в отсыревшие кожи. Жалобно звякнули медные тарелки, блестя на солнце, которое вдруг на минутку выглянуло, и забубнила выставленная вперед ужасная труба геликона: будь-будь, будь-будь.

Тронулись маршем: по четыре в шеренге, шаг с оттяжкой, клеши плещутся на ветру, ветер стегаёт мокрые матросские ленты.

"Будь-будь, будь-будь, будь-будь... Тра-та-та-та!"

Пошли. Через весь Плимут. Чеканя шаг. Знай наших!

И полоскалось на ветру Красное знамя. А впереди колонны шагал матрос Кочевой, неся над собою ярко начищенный самовар. И на самоваре том была надпись - такая:

От рабочих Плимута - матросам Русской революции

Глухо рокотал судовой оркестр, выпекая в серое небо Англии медноголосые возгласы марша - марша революции...

В шинели, затянутой сеткой мороси, шагал мичман Вальронд и думал. Он думал о крейсере... Вот был крейсер "Аскольд", с отличной боевой репутацией. Плавал, воевал, дрался. О нем писали тогда газеты. Казалось, все так и надо. Но кают-компания, раздраженная страхом перед грядущим, пошла на провокации. Две винтовки, дурацкий взрыв в погребе. Наконец эта ужасная ночь на форту Мальбук! И вот теперь за спиной мичмана весело громыхают тарелки и барабаны...

"Аскольд" дал хороший фуль-спит и теперь на полных оборотах входил в русскую революцию. Отчетливый поворот "все - вдруг!" был завершен крейсером с бесподобной четкостью в одном строю с другими кораблями славного флота России.

А демонстрация плавно лилась через плимутские улицы. Британские власти не мешали людям гулять кому как вздумается. Их только очень смущал... самовар. И даже не самовар. В конце концов, Англия страна свободная и носи каждый, что тебе хочется. Но вот эта... надпись! Что там написано?

И на углу одной из площадей кинулись отнимать.

Колонна аскольдовцев остановилась.

- В чем дело? - спросил Вальронд. - Самовар принадлежит команде крейсера. Вы вторгаетесь в русский быт с его милыми особенностями... Россия без самовара - уже не Россия!

Офицерские погоны, прекрасное английское произношение сделали свое дело. Полиция отступилась, и самовар гордо поплыл дальше. Сейчас он олицетворял солидарность матросов России с рабочими Англии, и это кусалось...

А когда мичман вернулся на крейсер, его встретил заплаканный лейтенант Корнилов и сказал:

- Женя, ты зайди в кают-компанию.

- А что там?

- Наша баронесса... - всхлипнул лейтенант. - Барон Фиттинггоф фон Шелль покончил с собой. Сразу как вы ушли на эту дурацкую демонстрацию с самоваром.

- Зачем минер это сделал? - растерянно произнес Вальронд.

- Ну, а что делать... нам?

- Я только переоденусь. Переоденусь и сейчас приду...

Тем временем Ветлинский ходил по жилым палубам.

- Я не возражаю, - говорил он матросам. - Революция - этот глас божий. Это история, ее вершит народ, и против революционного народа я никогда не пойду. Но хочу сказать вам, ребята, по совести: если вы и дальше будете себя так вести, то нас выставят из доков Англии, как выставили из Тулона, Ради революции, ради России-матери я прошу вас...

- Домой! - орали в ответ матросы, швыряя на рундуки мокрые от снега шинели; впервые за все эти годы в броне отсеков запахло табачным дымом курили уже не возле обреза...

Наскоро переодевшись, мичман Вальронд вошел в кают-компанию. Длинный непомерно, весь в черном, при кортике в золоченых ножнах, лежал на обеденном столе аскольдовский минер. Женька судорожно глотнул воздух, насыщенный ладаном, и, нагнувшись, поцеловал покойника в белый и чистый лоб. Пламя свечей дробилось в орденх мертвого барона Фиттинггофа.

А выпрямившись, Женька вдруг увидел прямо перед собой искривленное злобой лицо Федерсона.

- Кто следующий, господа? - спросил механик. - Россия славится бездарностью решений, и ее уже трудно чем-либо удивить: немец стреляется в своей каюте, а француз таскает по улицам начищенный мелом самовар.

Удар пощечины обрушил механика навзничь. Падая, Федерсон машинально ухватился за мертвеца и раздернул мундир на нем, обнажив пулевую рану возле самого сердца минера...

- Мерзавец! - воскликнул Вальронд. - Ты не думай, что вся кают-компания на твоей стороне. И ты, подлец, не имеешь права говорить ничего... Не касайся нашей России! Не касайся русской революции! Да, он мертв... Да, я таскал самовар!

Это было очень неприятно для всех - ссора двух офицеров над мертвым товарищем, еще не остывшим. Их успокаивали:

- Не надо... сейчас не время... разойдитесь.

Корнилов крепко держал Вальронда за локоть.

- А ты красный, Женечка, - сказал он. - Вот уж не думал.

- Нет! - кричал Вальронд. - Я не красный... Я честный офицер честного русского флота! И не могу терпеть эту гадину, которая на чистой палубе крейсера наследила русскою кровью...

Федерсон застегнул мундир на покойнике.

- Вам недолго осталось, - ответил он. - Вы всегда очень интересовались, господа, кто я таков? Вы даже полагали, что я еврей... Нет, я - швед! Только бы довести крейсер до Мурмана, и меня вы больше не увидите. Меня давно ждет моя родина, а вашему всероссийскому кабаку я более не слуга!

Появился Ветлинский, поправил свечечку в руках мертвеца.

- Я не хозяин здесь, - заметил он резко. - Но коли старший офицер крейсера, истинный хозяин кают-компаний, предпочитает не вмешиваться, то я вынужден нарушить традицию нашего флота. Именем старшего офицера крейсера приказываю: господам Федерсону и Вальронду разойтись по своим каютам...

Здесь же, в девонпортских доках, отец Антоний, не спросясь синода, с бухты-барахты вдруг отлучил команду "Аскольда" от православной церкви. И, отлучив накрепко, столь же крепко заперся в каюте, чтобы его не поколотили те, "которые веруют". Власий Труш возглавил делегацию из числа певчих матросов, чтобы уломать строптивного батьку. "Потому как, - рассуждали верующие, - до России ишо далече, а в море иной раз так хватит, что без молитвы прямо труба тебе выходит..."

- Ваше преподобие, - стучался Власий Труш, - вы не пужайтесь. Тута те, которые верующие... Христом-богом просим! Вы о наших-то душеньках подумали?

- Власий Тру-у-уш, - пропела дверь, - узнаю тебя по гласу твоему смердящему... Изы-ы-ыде!

- Меня-то за што? - убивался Труш. - И меня отлучили? Ну, отец Антоний, прямо скажу - нехорошо вы себя ведете. Кто вам палубу в прошлом месяце красил? Церковь-то - как картинка!

Дверь распахнулась, и отец Антоний, не сходя с комингса, протянул зычным басом, разливая по коридору аромат рома:

- И раба божия Труша Власия, что допрежь сатанинской революции был статьи первой боцманом... о-о-отлу-у-уча-а-а-а... А ежели еще раз явишься, - закончил прозой, - то по ноздрям тебе, вот видит бог, так и врежу. Уйди, ананасник!

Вечером стало известно на корабле, что Рамзей Макдональд{6}, лидер британского социализма, приглашает на ленч в парламенте представителей революционного крейсера. Желательно - матроса и офицера, чтобы этот

бутерброд из двух сословных палуб дал лидеру лучшее понятие о русских настроениях.

* * *

Большой круглый зал парламента Outer Lobby, в котором депутаты назначают свидания для завтрака, уже был полон: гости, журналисты, политики, дамы.

Вальронд оглядел себя в последний раз перед зеркалом. Вот он, мичман русского флота! Под мундиром - белая пикейная жилетка с косым вырезом, на ней - золотые пуговицы; шею подпирает стоячий воротничок; галстук-кисонька; две звездочки на погонах. Ботинки - скрип да скрип, отчаянно сверкая...

Щелкнув крышкой часов, Вальронд сказал Павлухину:

- Ровно час, как и назначено. Пойдем - англичане точны.

Столик для них был заказан заранее. Навстречу морякам поднялся бравый, подтянутый мужчина и сочным голосом пригласил к столу.

Сели. Блеснули седины в голове Макдональда, отразились лучи света на орденах и погонах русских моряков.

- Я вижу, - заметил Макдональд Павлухину, - у вас наша медаль.

- Да, он получил ее от вас, - ответил Вальронд, - за храбрость... еще в Дарданеллах!

- У вас тоже наш орден?

- И у меня, - сказал Вальронд, - ваш орден, а это - от японцев. Орден "Священного Сокровища".

Макдональд, и без того часто привлекавший к себе внимание, теперь словно бросал вызов парламенту - парламенту, в ресторане которого сидели два моряка революционного русского крейсера.

Вальронд шепнул Павлухину:

- Доешь бекон... Дохлый, но все равно - неудобно.

У гальванера лицо собрано в складки - от внимания к лидеру. Павлухин смотрел прямо в рот Макдональду, который вдруг поднялся над столом и закончил свою речь громким возгласом:

- ...Ex Oriente lux!

- Что он сказал сейчас? - спросил Павлухин сквозь шум зала.

- Макдональд сказал, что свет идет с Востока, это почти масонское выражение. Точнее: свет идет сейчас из России...

Потом Макдональд стал беседовать с Вальрондом, и Павлухин заметил, что мичман вдруг съежился. Нервно и резко он отвечал Макдональду, и родимое пятно прыгало на дергающейся от волнения щеке офицера... Улучив момент, Павлухин спросил:

- А чего вы спорили?

- Потом расскажу, - нехотя ответил Вальронд.

Была совершена прогулка по зданию парламента, причем сам Макдональд выступал в качестве гида. Вальронд и Павлухин со смирением проходили по историческим залам, украшенным монументами великих мира британского. Была осмотрена и палата общин, стены которой, отделанные черным от старости деревом, навевали непробиваемую тоску. Лежали там на столе громадные книги в металлических переплетах, а за столом, словно трон, высилось седалище спикера. На одном из диванов было сильно вытертое место - видно, депутат не дремал на собраниях - все время крутился от неустанный волнения.

- Это, - возвестил Макдональд, - место великого Глад-стона!

- Место, где сидел Гладстон, - перевел мичман Павлухину и добавил от себя то, чего Макдональд никогда бы им не сказал: - Если бы этот Гладстон поменьше здесь крутился, нам бы не пришлось, Павлухин, топить своих в Дарданеллах, ибо Россия уже бывала на Босфоре...

В библиотеке Макдональд показал морякам приговор Карлу Первому, подписанный членами парламента, и воскликнул:

- Мы, англичане, всегда были революционным народом!

- Вот теперь пошли, - сказал Вальронд. - Выше этого пафоса ему уже никак не подняться...

Застегивая шинели, они вышли на улицу, и Павлухин спросил:

- Евгений Максимыч, а все-таки что тогда говорил вам Макдональд, когда вы не захотели перевести мне?

Над улицами Лондона летел мокрый снег. Пластами он оседал на флотских шинелях и отпадал прочь - тоже пластами.

- Видишь ли, - не сразу ответил Вальронд, - Макдональд меня спрашивал об отношении команды к нам, к офицерам...

- И что вы ему ответили?

- Я сказал, что думаю. Не все тебе обязательно знать... Не обижайся, Павлухин, но это мое дело.

И долго потом шагали молча - люди плутонгов и дальномеров, стали, огня, порохов и оптики. Люди не близкие, но вроде бы и не совсем далекие. Когда-то, впаянные долгом в общую броню, они хорошо воевали, эти вот люди матрос и мичман.

Павлухин вдруг сплюнул:

- Ленч-то я дожевал... дерьмо такое! Спичку надо, чтобы потом до обеда в зубах ковыряться. Только аппетит наиграл.

- А ведь мы, - огляделся Вальронд, - вышли на Пикадилли. Здесь

много кафе, где подают чудесные бифштексы, изжаренные при тебе на решетках каминов.

- А вы, значит, уже бывали в Лондоне?

- Еще гардемаринном, - сказал Вальронд и загрустил. - Еще гардемаринном, - повторит он, задумчивый. - И был совсем иной мир, чарующий и воздушный... Пойдем отсюда, Павлухин, к черту! Я не верю в качество британских бифштексов военного времени.

- Ну, куда двинем?

- Прямо в "Аквариум", там есть чудесный Music Hall, нечто вроде забавного кафешантана. Да и выпить нам не мешает...

Они так и сделали. "Аквариум" был настоящим аквариумом: за стеклянной стенкой бассейна просвеченные лучами прожекторов торпедами проносились хищные акулы и таинственно шевелились водоросли. А сонному осьминогу было скучно в этой громадной банке, и он печально разглядывал через стекло публику.

- Возле этого товарища мы и сядем, - по-хозяйски сказал Вальронд. - Ты посмотри, Павлухин, какие у этого гада умные глаза. А? Видишь?.. Почти человеческие. Глаза мудреца! Философа! Шахматиста! Попадись такому в лапы, он тебе мат в три хода обеспечит...

Расстегнул шинель, бросил перчатки на дно фуражки.

- Знаешь, Павлухин, я вот иногда думаю... А что, если придет время, и на смену человечеству выползут со дна глубин Тускароры вот такие гады с мудрым взором и покорят весь мир...

- Что с вами, мичман? Еще и не выпивали.

- Ни-че-го, - раздельно ответил Вальронд. - Я продумываю себя... Вызнаю сущность. И - анализирую.

Рыжий коньяк дрожал в узеньких рюмках. Смеялась рядом красивая женщина, бросая к потолку холла пышную муфту.

- Давай, - сказал Вальронд, берясь за бутылку. - Выпьем... А за что мы выпьем, дорогой Павлухин? Ты знаешь?

- За революцию, которая... надвигается.

- Хорошо. Я не протестую. Офицер флота его величества пьет за революцию, которая... А почему ты сказал: надвигается? Ты ждешь еще какую-то другую, приятель?

Выпил и сразу налил коньяк снова.

- Теперь мой тост, - строго произнес Вальронд. - Я пью за славу русского непобедимого флота. Я остаюсь верен своей скорбной персоне: флот и корабли - моя сущность... Выпьем, Павлухин, за погоню за "Эмденом", мы его за хвост не поймали. Но гнались за ним красиво...

Выпил и опять наполнил рюмки.

- Теперь за налет на спящую Хайфу и за Дарданеллы. Пей, Павлухин... не жмурься. Там мы оставили немало "номеров"!

И снова наполнил опустошенные рюмки.

- Наконец за тех четырех, которые закончили свою славную жизнь в мешках... люто и страшно! И я, кажется, виноват.

Павлухин качнул перед собой бутылку.

- Пусто... - сказал.

- Ну и ладно. Ты погоди, - поднялся Вальронд, - я сейчас.

И откачнул тяжелую портьеру. Глядел на матроса скучающий осьминог, блистали лучи прожекторов, за соседним столиком заливалась от смеха женщина, а Вальронд... не возвращался.

Чуя недоброе, Павлухин тоже нырнул за пыльные портьеры. Ногою распахнул дверь туалета. Пусто - мичмана не было. А над умывальником, заткнутая за зеркало, торчала записка. Гальванер сорвал ее, прочел: "Вот так-то, товарищ Павлухин! Не поминай лихом... Вчера мы шагали на демонстрацию, сегодня встречались с Макдональдом. Но по глазам вижу, что гусь свинье не товарищ. И ты, Павлухин, рано или поздно, но к стенке меня поставишь. Я только морской офицер. Но ты говоришь о классовой разности. Что делать, я класс иной".

А ниже торопливая приписка: "К тому же, я ведь помню форт Мальбук, и вы мне этого никогда не простите".

Скомкав записку в кулаке, Павлухин выскочил из туалетной. Жестами и мимикой, крича стал выпытывать у служителя - старенького малайца: куда делся русский офицер? Тот понял и махнул рукой на запасной выход... Павлухин опрометью выбежал на улицу. Вот и двор. С черного неба валила снежная каша. Но здесь, во дворе, снег оседал нетронутой целиной. И на этом снегу четко отпечатались остроносые следы мичманских ботинок.

Следы вели через весь двор, и Павлухин понесся прямо по этим следам. Ворота, а за ними - улица... Здесь также падал мокрый снег, в черной жиже скользили авто и кебы, лоснились зонтики женщин и цилиндры мужчин...

В лондонской суете навсегда затерялся мичман Вальронд.

Павлухин долго еще стоял в подворотне покачиваясь.

- Ну и дурак! - буркнул хмуро, и, вздернув на затылке воротник бушлата, враскачку пошагал, руки в карманах. Гвардейские ленты Сибирского флотского экипажа вспыхивали при свете витрин, как пламя выстрелов; оранжевое с черным - огонь с дымом... Тихоокеанская гвардия! И стегали его эти ленты по лицу - больно, как плети. Так, словно он и в

самом деле в чем-то провинился... "Нет, ни в чем я не виноват!"

- Пропадет мичман без нас, - шептал яростно, - пропадет...

А на крейсере уже не могли сдержать ненависти к Федерсону. Убивать не стали: надавали ему по шее, бросили в катер с чемоданами и велели убираться прочь. Но вмешались англичане и снова водворили механика на "Аскольд". Быстроковский в этот день напился допьяна и орал у фитиля на баке:

- Шкертов не хватит всех перевешать!

Еще откровеннее оказался лейтенант Корнилов:

- Я могу служить только государю-императору, но служить хохлацкой свинье Родзянке не намерен... Бим, голос, голос!

Из британского дока с культижкой вместо хвоста злобно лаял дрессированный Бим на далекую революцию в России. Тогда же англичане и вытурили "Аскольд" из доков, выведя крейсер на открытый рейд. Два эсминца подошли со стороны Глазго и, наведя на крейсер торпедные аппараты, отдали якоря в мутную воду девонпортской гавани...

Ночью "Аскольд" отправился в далекий путь - на глухую полярную окраину отечества. Половина офицерских кают пустовала: владельцы их остались в Англии. Павлухин с мостика видел, как пропадает вдаль чужой берег, весь в тумане и слякоти, и жалел только одного офицера: "Пропадет мичман без нас... пропадет! Жаль, хороший был парень. И никогда с нашим братом он не собачился..."

* * *

БОРТ КРЕЙСЕРА "АСКОЛЬД"

(вахтенный журнал)

Время: 0. 35. - На вахту у бакового среза не вышел матрос Пивинский. Проведенные по отсекам поиски не дали никаких результатов. Матрос Пивинский приказом снят с довольствия, как пропавший без вести.

* * *

Время: 21. 17. - Выстрелом убит в своей каюте старший механик Федерсон. Тело покойного брошено за борт неизвестными матросами. Курс прежний, волнение 9 баллов. Вахтенным на мостике заступил гальваный унтер-офицер Павлухин.

* * *

Время: 16. 04. - При смене наружных вахт исчез на переходе штрафной матрос статьи 2-й Иван Ряполов. Прошли Нордкап. Ложимся на противолодочный зигзаг. Установлена радиосвязь с морским атташе в Стокгольме, который передал телеграмму Керенского для командира крейсера...

* * *

Так весь путь заполняли журнал записями - о курсах, ветрах, штормах и убийствах.

Крейсер "Аскольд", дрожа от напряжения расслабленным корпусом, рвался все дальше - на север, проламывая форштевнем стылые полярные воды. Цепенящие ветры Арктики уже задували - широко и протяжно, от кромки льда, от массивов Шпицбергена, и тугие клубки циклонов разматывались в бездонности неба и океана.

Ветлинский весь переход до Мурмана не сходил с мостика, и четыре тени настигали его, и окровавленные мешки касались его лица.

Это ему еще аукнется. Но - потом. Не сейчас!

Очерк второй.

Дорога в тупик

Дорога вторая

Для начала обратимся к статистике. В этом заброшенном краю в числе редкостей, достойных человеческого удивления, насчитывалось:

фортепьяно - 1,

лошадей - 2,

инвалидов - 6.

Теперь живописуем: фортепьяно брэнчало в доме Кольского исправника, лошади привыкли есть рыбу пополам с сеном, а шесть инвалидов забулдыжно пьянствовали в трактире, который назывался "Заходи!".

Край был громадный, и на каждого жителя приходилось по десять квадратных верст. Иначе - царило такое безлюдье, какое трудно себе представить. Этот край назывался Мурманом, а точнее - Александровским уездом Архангельской губернии...

Вот он - хаос камней, воды, неба. Со звоном летели в море дымные ручьи, а там - высоко-высоко на скалах - цвела по веснам душная полярная сирень и черемуха.

Глубоко врезан в скалы Кольский залив, и в самом конце его, в устье двух рек, с незапамятных времен (с 1264 года) догнивал захолустный городишко - Кола; отсюда бежали поморы на парусах за треской и зверем. Сам же городишко - два амбара да избенки, крытые мохом. Ну и церковь, конечно. И кладбище.

Оглушительно - из века в век! - рыдают над тоской человека гагары, и стонут чайки. И, как в сказке, радуя дедов и внуков, пролетают над глухоманью России прекрасные гуси-лебеди...

Так было.

Но и в этом нелюдимом краю, где редко встретишь человека, случались бобыли-нелюдимы. Один такой бобыль, по прозвищу дед Семен, осел однажды в десяти верстах севернее Колы. На берегу бухта сваял избенку, и с тех пор эта бухта так и называлась - Семеновской. И текли мимо годы...

Тишина. До чего же тихо под сполохами полярной ночи. Тихо и летом, когда светит незакатное солнце. Редко-редко придет сюда посыльное судно "Бакан", со шлюпки соскочит бравый кавторанг Поливанов и крикнет: "Дедушка! Жив?"

Вылезет дед Семен из тупы, спросит: "А ты чой с пустыми-то руками? Нешто старость мою не желаешь уважить?"

Тогда Поливанов ему бутылочку на камень - стук. Так вот, сидя на бережку, будет дед пить водку и рассказывать, кто проходил мимо, где костер горел, что думалось ему...

Но вот однажды приплыли какие-то важные господа. Стояли на берегу, разводили руками, ахали. Деда взяли за локотки и подвели к высокому дяденьке.

- Это, - сказали, - его высокопревосходительство министр финансов господин Витте... Ты, дед, не пугайся!

Дед сказал министру свою заветную фразу:

- Ты чой с пустыми-то руками? Нешто старость мою не желаешь уважить?

Министр расстегнул кошелек, положил в руку деда золотой.

- Дурак ты, што ли? - обиделся дед. - Да здесь тундра, где я тебе разменяю! Ты бы, мил человек, бутылочкой свистнул...

"Свистнули" деду бутылкой и - уехали.

Потом как-то плыли мимо поморы на ёле, позвали с воды:

- Эй, Семен! Не хочешь ли поглядеть - каки города бывают? И повезли деда еще севернее - в Екатерининскую гавань.

А там и впрямь город{7} вырос: Александровск прозванием. Горели там во мраке ночи диковинные лампы, от которых никак не прикуришь сигарки. Господин ласковый открыл фитюльку какую-то, и сама по себе побежала вода. Крутанул обратно - и нет воды. Хотел дед Семен по привычке нужду в сугробе справить, но ему не дали. "Простудишься", - сказали. И отвели деда в тесную комнату, где стояла фаянсовая ваза, в которой бы тесто месить хорошо, и велели в ту вазу гадить.

- А воду надо спускать, - недовольно сказали ему потом, и унеслись грехи деда в пропасть. Ошалел дед: колдуны живут!

Уехал к себе, засел в тупе и затих. И опять текло время. Чадно горел

фитиль, свитый из моха. Плескались в берег волны. Черные.

Проезжал на собаках мимо бухты Семена Кольский исправник и сказал деду, что - война.

- С кем же мы не поладили? - спросил дед.

- Да с немцем, - ответил исправник.

- А-а-а... Немцев я хорошо знаю: они колбасу изобрели.

- Поть-поть-поть! - гаркнул исправник, и собаки увезли его.

Так текло время, пока 3 апреля 1915 года не явились какие-то люди в Семеновскую бухту, и мрачный десятник Адам Бык сказал:

- Ну, дед, вываливайся с потрохами отсюда.

- Чо? - не понял старик, приложив к уху ладошку.

- Проваливай, говорю.

- Куда?

- А куды хошь. Наше дело махонько. Здесь город будет новый. Большая город... А твоя халупа мешает нам!

- Окстись, окаянный! Мало вы городов в Расее своей понатыкали. Так теперича и сюды, в рай земской, лезете?

Не верил дед, что сюда залезут. Но вот понаехали пензяки-плотники, навоняли керосином, сгрудили бочки и доски, а поверху барака водрузили доску:

РОМАНОВ-НА-МУРМАНЕ

Город Александровского уезда

Пришел из Англии пароход и привез складные дома Утром их выгрузили, а вечером - уже печи топят. Целый город хибар.

- Дед, а дед, - снова пришел Адам Бык. - Ты уберешься отседова или нет? Я тебе по-доброму говорю. Здесь паровозы из столицы побегут. Ведь тебя, дурака, паровозом раздавит!

- Век жил... куда ж податься?

- Иди к нам в барак. Жратвы завались - прокормим!

И в бараке отвели деду угол за занавеской. Скоро поселили туда и тех, кто колбасу изобрел, - немецких пленных. Потом понавезли одетых в ватные штаны алеутов, корейцев, маньчжуров. Опытные были землекопы, еще с Амурской ветки. Для них построили кумирню, хлеб для них пекли на особых ситах, амурские на отшибе у города жили, и с тех пор это место так и называется: Шанхай-город...

21 сентября 1916 года заревели иерихонские трубы, жалобно запищали кларнеты, завеселились звонкие тарелки, и состоялось открытие нового для России города. Опять стояли на берегу важные господа в котелках и треуголках. Деду сняли шапчонку.

- Это, - сказали, - товарищ министр императорского двора, граф Нирод, твой ныне попечитель и всего города тоже... Ваше сиятельство, - доложили графу, - а это вот и есть тот чумовой старожил-бобыль, о коем мы вам говорили во время оно.

Граф вытер слезу столичной сентиментальности:

- Как попечитель, прошу вас, любезный, назвать свою фамилию. И вашей фамилией мы назовем одну из улиц этого города...

В кругу статс-секретаря Трепова вдруг заволновались чиновники, требуя от деда паспорт, чтобы выяснить его фамилию. Был дед Семен, но не было у него паспорта. "В эфтакое-то раю... на што пачпорт?" Однако о том, что в России еще с царя Гороха существуют разные каталажки, дед уже не раз слышал от польского исправника, и потому бухнулся в ноги своего попечителя.

- На што я тебе? - спросил жалостливо. - Уважь мою старость: отпусти с миром...

Торжественные трубы ревели за спиной старика. Всю осень дед Семен валялся на нарах в рабочем бараке, выпивал чарку привозного виски, закусывал мясом из жестяных банок и убивался от горя:

- Пропала Расея... доконали... смерть приходит!

И - захворал. Среди ночи, за стенкой барака, вдруг взревело стальное чудо-юдо. С грохотом покатилося мимо, забежали вдоль потолка стоглавые красные тени.

- Чур! Чур! Чур меня! - закричал дед от страха.

- Да лежи, - ответили. - Это порожняк из Колы пришел...

И дед умер.

Он умер, а могилу его безжалостно затоптал улицами, забутил фундаментами и загадил бараками новый город.

Город, как и дорога, бегущая к нему, порожденные войной. Порожденные войной - ради войны, только ради нее... Таково начало славному граду Мурманску.

Глава первая

Свобода кончается там, где человека переселяют в барак. Русский человек барачного житья боится, словно чумы. Потому-то каждый более или менее дошлый старался добыть... вагон.

Вагонов на всех не хватало, и жители дрались. Остервенело и дико бились они под сполохами полярной ночи. Отвоевав вагон, тащили в него печку, воровали доски, чтобы создать уют - дешевый и топорный. Отступившие налаживали жилье из английских ящиков чайной фирмы "Липтон" - тонкую фанерку простегивало морозом и ветром.

Но это была уже жизнь - вполне хозяйская, самостоятельная. Домики из ящиков назывались чайными; если там поселялась женщина, у которой ночью не гаснет свет, то ее называли баядеркой. Все было ненадежно, словно ненастоящее: фанеру раскидывал ветер с океана, маневровый безжалостно пихал вагоны с жителями, перегоняя их по путям куда вздумается диспетчеру. Иные вагоны обросли столь дивными сталактитами нечистот, что примерзли к рельсам намертво. Здесь жили счастливики: они имели постоянный адрес, и таких мурманчан почта уважала. Это уважение само собой заканчивалось весной, когда сталактиты безжалостно и зловонно таяли, а вагон вдруг в одну из ночей срывался с места и его загоняли к черту на кулички...

По ночам с берега стучали выстрелы, метались в сугробах визги пропащих баб, долго тянулось над рейдом ветхозаветное: "Карау-ул, убиваю-ут..." Бандитизм на Мурмане был махров, жесток, пьян; сезонники, зашибив деньгу, швыряли сотенные, шпана кутила тысячно. На самом отшибе России, осатанев от полярной тоски, даже офицеры гарнизона теряли воинскую честь: тоже грабили, резали, насиловали.

А союзные корабли сгружали товары: на снегу, в четких квадратах, стыли консервные горы. Вскроешь одну банку - русские щи, уже с лавровым листиком; вскроешь другую - русская каша, уже подмасленная. Национальные запросы русских желудков Антанта учитывала. За бастионами складов ветер трепал флаги иностранных консульств, над рейдом - вдоль вытянутых орудий крейсера "Глория" - стелился брейд-вымпел адмирала Кэмпена.

Власть на Мурмане принадлежала русской флотилии. Со скал была сорвана моховая подушка. Офицеры флота стали создавать город, попутно вели войну с немцами, конвоировали караваны, тралили мины, строили зимовки-радиостанции - всё, начиная от первого свинарника и кончая креслом дантиста, создали здесь, как хозяева, офицеры славного русского флота. Они работали, карали, сражались. Их слово было законом, без них не была забита ни одна свая под причал. Даже церковь на Мурмане была строена именно в честь Николая чудотворца (хранителя всех плавающих по зыбким водам).

Время от времени, очень осторожно и деликатно, англичане пытались вмешаться в работу гавани, дороги, брандвахты. Иногда им удавалось перехватить власть на Мурмане в свои руки. Но справиться с работой не могли, и тогда союзники отступали (столь же деликатно).

Броненосный крейсер англичан "Глория" бросал по ночам на берег слепящий фиолетовый луч. В этом ярком луче, в котором кружились вихри

снега, с крейсера различали бестолочь русских построек, линии рельсов. Вагоны, вагоны, вагоны... Дымы из труб, бараки команд, ряды колючей проволоки в концлагерях, толстые избы, строенные для начальства. И луч прожектора успокоенно угасал. Все в порядке: русские еще не сбежали отсюда. Город стоит на месте, сэр!

Во мраке жалобно мяукала кошка. Ее дом на колесах, стоило ей на минутку отлучиться, уже уехал. Кошке холодно, а дома все одинаково выглядят и одинаково пахнут.

- Кис-кис-кис, - манит ее кто-то из темноты.

- Ма-а-ауууу...

Задрав хвост, кошка доверчиво жметя к человеку. Ее хватают добрые руки и вкидывают в вагон - в радушное тепло человеческого жилья. На этом вагоне куском угля накорябано:

Начальник дистанции инженер А. К. Небольсин

Утро... Аркадий Константинович открыл глаза и крикнул в промерзлую пустоту своего большого пульмановского вагона:

- Народы мира! Отзовитесь...

Вошла с мокрой тряпкой в красной руке Дуняшка - крепкая девка из местных, уроженка заполярной Колы.

- Ну, цего криците? Ззеся васы народы мира.

Небольсин поглядел на толстые коленки девки:

- Дуняшка, где мы сейчас?

- Да ночью на Колу пригнали. Я своих стариков навестила. Цай ставить? Али как инаце?

Небольсин разворошил под собой подушки, ища папиросы.

- Кликни дежурного! Пускай прицепят к маневровому. Мне, скажи, нужно быть пораньше в конторе...

Потом, когда Дуняшка вернулась, инженер опять поглядел на ее толстые коленки и схватил девку за подол.

- А ну, - сказал, - теперь ты у меня не отвертишься.

- Да у меня цайник кипит! - брыкалась девка.

Лязгнули буксы - маневровый потянул их обратно в город.

Круглое кошачье лицо Дуняшки, красное от страсти, да перестуки колес так начинался этот день. Обычный день начальника дистанции от океана до Кандалакши, которая лежит уже в тихой заводи Беломорья. Дистанция не шуточная: громадный пустынный перегон через тундры Монче, через скалы Хибин, мимо озера Имандра, через бешеные, фыркающие морозным паром реки.

Маневровый подходит к Мурманску еще в полной темени полярной

ночи, хотя было никак не меньше десяти часов утра. Дуняшка пробила ковшиком лед в ведре, сливала в тамбуре на руки инженера. Тот хлопал себя по сытому загривку.

- Сюда! - кричал. - Лей, баба... Ой дура!

Вымывшись, быстро одевался. Рассовывал по карманам богатой шубы записки, портсигар, всякую ерунду, что пригодится. И скатился под насыпь, хрустящую шлаком. Хватил до нутра морозцу, глянул на небо - там хорошо, ядрено и густо бежали краски. И вдруг весь город стал наполняться огнями, хлопали фанерные двери, громыхали затворы теплушек, сирены с подводных лодок подвывали в темноте - словно волки.

- "Варяг", - Орали от гавани, - "Варяг" идет!..

Еще не понимая толком, что произошло, охваченный общим порывом, Небольсин тоже понесся в сторону берега. Брандвахтенный тральщик англичан разводил сетевые боны, что утопали до самого грунта, ограждая гавань от вражеских субмарин. А из черной впадины Кольского залива, прямо с океана, надвигалась на город бронированная темень русского крейсера... "Неужели это он? - думалось Небольсину радостно и захватывающе. - Неужели именно он, легендарный "Варяг"?"

Да, знакомый силуэт корабля, памятный с юности. Сколько лежал на дне в бухте Чемульпо, потом, поднятый с глубины, плавал под красным солнцем японского микадо и теперь - бессмертный! - входит в состав флотилии Северного Ледовитого океана! С поста СНИС{8} ударил проблеск вызова. Какой-то матрос (видно, сигнальщик), стоя рядом с Небольсиным, читал:

- "Дайте... рождественскую... елку..."

С мостика "Варяга" - прямо в пустоту неба - ударили три прожектора, соорудив праздничную "рождественскую елку". На палубе крейсера заиграл судовой оркестр, и толпа, стоявшая на берегу, вдруг восторженно подхватила:

Наверх вы, товарищи, все по местам,

Последний парад наступает...

И Небольсин, едва не плача от небывалой любви к этим теням людей, что мечутся сейчас по берегу, выкрикивал вместе с ними, весь в восторге неподдельного патриотизма:

Врагу не сдается наш гордый "Варяг",

Пощады никто не желает...

Однако крепкий мороз уже душил поющих мурманчан, и Аркадий Константинович бегом помчался к бараку офицерской столовой. В метельных вихрях - тысяча за тысячей, безучастные ко всему на свете -

тянулись серые колонны военнопленных: австрийцы, немцы, эльзасцы. Сопровождавший их на работы прораб дороги Павел Безменов скинул с головы рысий малахай, позвал:

- Аркадий Константиныч! Пятьсот начмурбазы на разгрузку просит. Я дал... А остальных - на подсыпку? Или как?

- Позвони в контору, - ответил Небольсин. - Сообразим... - И, оттирая замерзшие уши, нырнул в духоту столовой.

Первой ему встретилась пышнотелая матрона - Матильда Ивановна Брамсон. Громадное боа и страусовые перья на высокой шляпе как-то плохо гармонировали с фоном этого скудного барака. Брамсixa была в том почтенном возрасте, когда милые усики на верхней губе грозили вскоре обернуться существенным недостатком.

- Ах, мой милый Аркадий, - пропела женщина, томно улыбаясь молодому путейцу. - А вас с утра уже ищет... знаете кто?

- Не догадываюсь.

- Каперанг Коротков.

- Спасибо, дорогая Тильда, - ответил Небольсин, поспешно увиливая от женщины (у него были причины, чтобы увиливать).

По столовой, тускло освещенной, важно выхаживал герр Шреттер ресторатор из Вены, бравший призы на конкурсах поваров Европы; он тоже из пленных, теперь на Мурмане варит гадкие каши и отвратительные щи; что взять с королевского повара?

- Вас спрашивал господин Коротков, - поклонился венец.

- Благодарю, герр Шреттер, я уже слышал...

За общим табльдотом наспех завтракали офицеры гарнизона, инженеры и моряки флотилии.. Кормились тут странно: мозговой горошек, пудинг с изюмом, сыр чедер, сельдерей, уилтширские беконы, новозеландские яйца, пересыпанные сухарями, - все было привозное. В сторонке от табльдота командиры миноносцев, мрачные и бородатые, с утра пораньше "качали хересами". Рядом с ними сидели два англичанина: мурманский консул Холл и офицер связи между союзниками лейтенант Уилки. На стуле мотался, как всегда во хмелю, начмурбазы кавторанг Чоколов.

- Аркашки! - позвал Уилки. - Иди к нам...

- Привет, бродяга. - Небольсин дружески хлопнул Уилки по плечу; поклонился через стол консулу, кивок - остальным.

Чоколов наполнил ему стакан хересом.

- Качай, - сказал. - А мы уже... как клопы. Накачались!

- Небольсин, - заметил консул Холл, - у меня вчера была перепалка с

коллегами из французского консулата... из-за вас! Лятурнер недоволен, что вы отправили на Петроград наш груз аммиачных пикринов, но задержали стальные болванки от фирмы Крезо... Помните?

- Помню, сэр. Груз из Бордо, упаковка фирмы "Венеста"... Только Лятурнер напрасно на вас обижен: ваши пикрины тоже застряли в Кандалакше... на сортировочной!

На такую злодейскую комбинацию миноносники ответили смехом. Между тем красномордый князь Вяземский, командир эсминца "Бесшумный", еще раз наполнил хересом стакан инженеру.

- Качай, Аркадий, - сказал по-приятельски.

- Спасибо, князь... Говорят, ты потопил субмарину?

- Нет, я не потопил. Она ушла под тень берега. Закамуфлирована, словно дикарь племени ням-ням перед свадьбой. Но зато посыльная "Купава" вчера неплохо отстрелялась от немца.

- Как? - воскликнул Небольсин. - Эта жалкая "Купава"? Но у немцев же артиллерия больше нашей... и намного!

Офицер связи Уилки поднял стакан.

- О, мужество русских! - сказал он, обнимая пьяненького Чоколова. Иногда не хватает калибра, но зато в избытке мужества. Мне это, черт побери, всегда в русских нравилось.

Небольсин печально замолк. Уткнулись в тарелки и бравые миноносники. Это правда: мужества было - хоть отбавляй, но зато не было орудий. Их снимали с кораблей и ставили на берегу - жерлами в океан. А надо кораблю идти в море - пушки снова тащат с берега, опять крепят на палубах. И такая чехарда уже надоела, и было стыдно перед союзниками...

Чтобы как-то разрушить гнетущее молчание за столом, Небольсин сказал:

- "Варяг", гордость России, снова с нами, господа!

- Мученики, - вздохнул симпатичный лейтенант Юрасовский, который, кстати, и командовал эскадренным миноносцем под названием "Лейтенант Юрасовский".

- Почему мученики?

- А ты разве не знаешь? - И кавторанг Чоколов объяснил: - Японцы переделали на "Варяге" все гальюны на свой лад. Ни тебе сесть, ни тебе встать. Говорят, ходят по двое, как близнецы. Один гадит, а другой его держит... Потом меняются ролями!

- Я знаю японцев, - добавил Уилки, показав ноготь. - У них на кораблях вот такие громадные муравьи, удивительно кусачие. Это вас еще ждет на флотилии, если они не подохнут от холода!

Британский консул Холл заговорил, а Уилки быстро и смекалисто переводил непонятливому Чоколову.

- Плохие гальюны, - к лучшему, - утверждал консул авторитетно. - Не знаю, как у вас, но на флоте его королевского величества гальюны - нечто вроде клуба для матросов. Меньше будет и у вас вредной политической агитации...

- Чепуха! - возразил хамоватый князь Вяземский. - У нас, консул, есть фитили на баках. Именно там, возле обреза для курения, и возникают все заговоры бунтов. Даю руку на отсечение, что каждого матроса, выкурившего у обреза тысячу папирос, можно смело расстреливать: он уже революционер!

Холл не пожелал развивать эту тему далее.

- Небольсин, - строго посмотрел он на инженера, - можете вы не задерживать союзных грузов?

- Нет, я вынужден их задерживать, - ответил путеец. - У меня железный график движения. Военский график! Четыреста тысяч пудов грузов в одном направлении - вот суточный предел дороги... Я сделал, сэр, все, что мог, с вашими пикринами...

- Перекатил их со своей дистанции на чужую? - захохотал Уилки. Аркашки, ты очень славный парень, но...

- Ты тоже славный, Уилки, - в тон ему ответил Небольсин.

Чья-то рука легла сзади на плечо инженера:

- Аркадий Константинович, я вас ищу...

Небольсин повернулся; перед ним стоял толстенький, упитанный, как боровок, главноначальствующий в Кольском заливе и на Мурмане капитан первого ранга Коротков.

- Да, госпожа Брамсон мне говорила. Я к вашим услугам.

- Зайдите в штаб, - попросил Коротков. - Есть дело...

Прежде чем зайти в штаб, Небольсин заглянул во французское консульство. В медленно сочившемся над заливом рассвете колыхался трехцветный флаг союзной Франции, выше на горе трепетал, вытянутый по ветру, флаг Британии. Не было только американского. Но поговаривали, что Америка тоже ввяжется в эту мировую бойню... Будет тогда здесь и звездный стяг САСШ! В пустынном вестибюле барака консульства - ни души.

- Лятурнер! - позвал Небольсин. - Где вы?

Вышла в халате француженка-секретарша и, повиснув на шее путейца, поцеловала его в щеку:

- Мой Аркашки... мой лубовь...

Небольсин вскинул руки, защищаясь от поцелуев:

- Умоляю тебя, Мари, оставь меня! - И мохнатым медведем, широко ступая, он ввалился в двери барачного салона Французы как раз завтракали.

- Садись! - Майор Лятурнер придвинул ногою стул. Раскинув полы шубы, Небольсин присел возле железной печки, гудящей от быстрого пламени, погрел руки:

- Спасибо... Я зашел только узнать: нет ли чего из Франции? Для меня от моего брата?

- Нет, Аркашки, - ответил Лятурнер. - Сейчас одну из частей русского корпуса переводят под Салоники. Может, твой брат напишет тебе прямо из Македонии?

Небольсин вздохнул. Французы сосредоточенно наедались. Чутьочку просветлело, - пасмурно и хмуро. На фоне берега отпечатался силуэт "Варяга", и Небольсин опять не смог сдержать в себе гордости русского человека.

- Вы слышали? Мурманск пал... пришли сибиряки!

Французы встретили эту новость кисло:

- На "Варяге" надо менять все каналы стволов. Снаряды там болтаются в пушках, как ножка у нашей Мари в русском валенке. Мы уже достаточно потратились на ремонт ваших кораблей. Пусть теперь раскошелятся англичане. Сюда идут еще две ваши развалины - "Чесма" и "Пересвет", тоже откупленные у японцев.

- А на этих кораблях, - заключил Лятурнер, - сибиряков нет. Адмирал Колчак, когда вступил в командование флотом Черного моря, избавился ото всех неугодных ему лиц. Вот они и плывут сюда, если, конечно, их не потопят в дороге немцы.

- Какая осведомленность у вас, - заметил Небольсин.

- "Аскольд", - вдруг сказал Лятурнер. - Вот там команда сибирская, боевая. Хотя уже поддалась большевистской агитации. Когда на нем расстреляют четырех бунтовщиков, он должен покинуть Тулон... Тоже будет у нас!

- Лятурнер, ты лучше нашего Короткова все знаешь. Небольсин сказал это со смехом, но французы народ серьезный - и ответили очень строго:

- Мы не русские, которые умеют брать деньги за службу, которой не исполняют...

Путеец понял, что сейчас ему в голову полетят стальные болванки от фирмы Крезо, которые застряли в Кандалакше, и поспешил откланяться; на выходе из барака ему снова встретилась секретарша. Мари уже успела переодеться в скромный костюм полувоенного покроя. Перестав пудрить

нос, она заявила:

- Ты негодяй, Аркашки!

- Ах, милая Мари, - ответил ей Небольсин не огорчаясь, - всем ты хороша... Но, скажи, зачем так часто ты бегала встречать с моря миноносец "Лейтенант Юрасовский"?

Мари сложила в стол пудру и зеркальце.

- Ты напрасно подумал, Аркашки, что я ревную... Просто я беспокоюсь о нашем грузе стальных болванок от фирмы Крезо. Теперь мне интересно, что подумал ты, когда я назвала тебя негодяем?..

* * *

В кабинете каперанга всю стену занимает громадное полотнище карты Ледовитого океана. На ней курсы кораблей, квадраты минных постановок, отметки о замеченных минах, сорванных с якорей, очень много белых пятен еще не исследованных просторов. Некоторые глубины океана проставлены карандашом - их определили совсем недавно. Театр дикий, еще не обжитый; здесь - на Мурмане - много работы русскому человеку, на века! И все время здесь будет идти борьба, за "талсократию" - за владычество над океаном...

Разговор начал вести Коротков, весьма любезный.

- Аркадий Константинович, - сказал он, - все мы знаем вас как прекрасного специалиста путей и тяги...

Небольсин сразу же внес благородную поправку:

- Прекрасных на эту каторгу и на аркане не затащишь, господин каперанг. А плохие тоже не нужны. Вот и получилось, что на дороге инженеры только среднего уровня.

- Ну, не скромничайте, - отмахнулся Коротков. - А вот, кстати, спросил он вдруг, - вы уверены в том, что наша дорога от Романова-на-Мурмане до Петербурга действительно имеет право называться ответственной магистралью?

Петербурга давно уже не было: из патриотических целей его переименовали в Петроград, но все равно... Петербург! - это звучит как-то роднее и ближе сердцу.

- Магистраль? - переспросил Небольсин. - Туда и обратно в сутки пропускаем только одну пару пассажирских. Остальное все отдано под груз. Одиннадцать пар поездов по тридцать шесть вагонов в составе... Пусть консулы не бесятся: больше вам не пропустить!

Коротков сожмурился румяным лицом:

- Англичане недовольны. И портом. И дорогой... всем!

- Какое нам дело до англичан?

- Французы тоже... - продолжал Коротков. - Американцы, вы знаете, уже подчинили себе Транссибирскую магистраль, и там верховодит Джон Стивенс главный инженер Панамского канала. А к нам прибывает из Франции майор Дю-Кастель, и вот у меня, голубчик, к вам просьба...

Небольсин кивнул крупной породистой головой:

- Заранее говорю, что исполню.

- Этот Дю-Кастель, очевидно, дока по части железных дорог И будет представлять в своем лице союзную комиссию. Чтобы выявить недостатки в нашей работе. - Доброе лицо Короткова стало умильным: - Вы уж, Аркадий Константинович, не ударьте лицом в грязь - сопроводите майора до Званки с почестями...

- Позвольте. Но моя дистанция только до Кандалакши.

- Ну-у, - развел руками Коротков, - не будем считать. Да и кого я назначу? Вы и французский знаете. И человек общительный. И в консульствах вы - друг-приятель. Ящик коньяку вам на дорожку, и - катите! К тому же майору Дю-Кастелю не может не импонировать, что ваш брат воюет за Францию непосредственно в окопах самой Франции!

Небольсин сразу стал грустным.

- Давно уж нет писем... И, боюсь, как бы его действительно не загнали французы в какую-нибудь яму, вроде Салоник! Русскими солдатами стали затыкать самые гиблые дыры на фронте.

- Что делать, - вздохнул каперанг, - ваш брат должен быть счастлив, что не наблюдает того развала в армии, какой вот здесь... в самой России! Коротков поднялся. - Голубчик, Аркадий Константинович, так мы с вами вчерне договорились?

- Я что-то слышал тут относительно коньяка...

- Ящик мартеля! - расщедрился Коротков. - Только залейте глаза этой комиссии. Вы ведь истинно русский человек и сумеете подать товар лицом, с бубенцами и колокольчиками...

Когда инженер вышел из мурштаба, день - едва возникнув! - уже погасал. Но в полном мраке, разрубленном мечами прожекторов, словно в бою, еще долго продолжался трудовой день жителей российско-имперского Заполярья... Был конец 1916 года.

Глава вторая

Контора на горе, а в окнах - рейд и путаница рельсов...

Американское бюро желтого дерева имело раздвижную ширму. А внутри него был тайник, куда Небольсин прятал письма брата, проложенные маками с Мурмелон-ле-Гран, где скрывал письма невесты, пропитанные духами, и вообще все, что считал нужным сохранить от

вагонных жуликов.

Самое главное в тайнике - коллекция! Подборка вырезок из газет всего мира, где тщательно собраны высказывания о титаническом подвиге русских. От лорда Френча до графа Льва Толстого (сына писателя) - все подозрительные таланты спешно приложили свои руки к судьбе этой "русской загадки". Борода и лопата, кайло и лапти, матюги и портянки... Небольсин согласен: все это так. Но подвиг совершен, и никто уже не отрицает этого. Для него, для путейца, "русской загадки" попросту не существует: есть русский народ, и он способен творить чудеса.

История грандиозной мировой бойни связана с этой дорогой, которая кончается вот здесь, и конец ее виден сейчас из окон его конторы... Россия несла на своих могучих плечах всю главную тяжесть войны. И когда было плохо на Западе, Запад обращался к Востоку - к тем лесам и болотам, где мужики в обшарпанных шинелях ходили в атаку на штык, ибо патронов не хватало. Русский солдат вынослив и мужествен, только надо его обеспечить оружием. И союзники взялись за это. Но... как?

Был лишь один путь - морем, к набережным Архангельска. Дорога Архангельск - Вологда строена еще Саввой Мамонтовым на свой страх и риск, для вывоза рыбы на московский рынок. С узкой колеи на станции Вологда драгоценные для войны грузы перегуживались на широкую колею.

Архангельск был расположен на правом берегу Двины, вокзал же и платформы под грузы размещались на левом, вдоль мелкого песчаного пляжа, куда не могли подойти океанские корабли.

И вот грузы, прибывшие от союзников, с городского берега кидали на шаланды, а с шаланд перекидывали на вокзальные пляжи - без пристаней, у самой воды, под открытым небом. Два раза в году мешали ледоход и ледостав; портовые буксиры ломали речной покров, пробивая пути шаландам. Иностранные корабли боялись зазимовать во льдах возле Архангельска, и потому на пристанях царила бешеная спекуляция шаландами.

Это был базар - на крови, на алчности, на спирте и бензине. Вагоны давались только под военные заказы. Но знаменитый Жорж Борман, русский шоколадный король, вывозил из Архангельска какао, тогда как русский солдат погибал в диких штыковых боях, не имея патронов. Появились в Архангельске люди с особой профессией - "толкачи": они проталкивали на фронт застрявшие грузы. Платили им за это (стыдно сказать) сами же военные министерства, ибо даже опытные люди не могли разобраться в этом ужасном хаосе, где банки с икрой перемешались с

патронами, а латунные ленты для гильз находили среди лимонов, давно сгнивших.

Архангельск задохнулся в товарах, сваленных у реки; Архангельск лежал во льдах, и корабли уже начали сбрасывать товары прямо на лед. И прямо с моря - по льду, от аванпорта Экономия - бежали рельсы... чтобы хоть как-то вывезти, спасти тех русских солдат, что отступали перед мощной армией кайзера... Спасти не только боевой престиж России, но и выручить англичан и французов, тоже отступивших. Тогда-то и взялись за работу: надо было срочно (сверхсрочно!) среди карельских болот и утесов пробить новое русло для грузов - от Кольского залива прямо на Петроград.

Аркадий Константинович с любовью шелестел газетными вырезками. Это была история. Полтора года назад никто в мире не верил, что подвиг осуществим. Полтора года назад подняли первую лопату земли. Завязался клубок - шпионажа, подкупов, афоризма и героизма. Полтора года назад русский номер газеты "Times" писал: "А когда на берегу Ледовитого океана засвистит наконец первый гудок паровоза, Россия будет вправе заявить, что ею еще раз - на удивление всего мира! - опять проделана титаническая работа..."

Небольсин щелкнул ключиком бюро, запирая тайник.

На берегу океана свистел паровоз, спешащий из Петрограда, ему отвечала сирена транспорта, бегущего от берегов Америки. И подумалось невольно: "К чему думские разговоры о Дарданеллах, если мы уже имеем Мурманск?.."

Небольсин взял со стола колокольчик, позвонил:

- Никого не пускайте ко мне. Я приступаю к работе...

* * *

В конце рабочего дня канцелярия дороги сообщила ему, что контрразведкой арестован сегодня утром Песошников - лучший машинист дистанции.

- За что? - поднялся Небольсин, сразу вспотев.

Ему, как и многим тогда, часто чудилось нечто черное, вроде немецкой диверсии. Тайная агентура работала заодно с германскими подлодками. У причалов Архангельска разнесло в куски транспорт "Барон Дризен", груженный порохами: погибла полоса набережной и тысячи грузчиков; в порту Экономия загадочно был подорван ледокол "Челюскин"... Всегда что-то самое ценное из союзных грузов горело, пропадало, тонуло, взлетало к небесам.

- За что? - повторил свой вопрос Небольсин.

Ему сказали, что состав, который увел вчера Песошников на

Кандалакшу, оказался разорван; в результате пропал последний американский вагон. А в этом вагоне - состояние почти миллионное: семьдесят шесть пудов чистого каучука, сто сорок пудов аэропланного лака, груз азотной кислоты, ящики с парижской косметикой и... чулки.

- Вы даже не знаете, какая это прелесть! - разволновались женщины в канцелярии. - Новомодные! Ажурные! Тончайшие! Ну прямо из Парижа...

Аркадий Константинович засел на прямой провод с Кемью, где располагалось начальство южной дистанции. К аппарату подключился его друг инженер Петр Ронек.

- Петенька, - кричал Небольсин, - ты не принимал ли в последнее время "американку" на восемь осей?.. У нас пропала...

- Порожняк, Аркадий?

- Нет, с грузом. Сейчас перечислю, что там было... Кемь решительно ответила, что такого груза не поступало.

- Ищи у себя, Аркадий, - посоветовал Ронек...

Конечно же, сомневаться в честности Пети Ронек, этого чистого, идеального человека, не приходилось. Если вагон растрепали, так именно на здешней дистанции: между Мурманском и Кандалакшей, где-то в потемках заснеженной тундры.

Небольсин с руганью сорвал с вешалки шубу, кинул на макушку бобровую шапку-боярку (пышную, как у Шаляпина) и схватил в руки дубину-самоделку, обожженную у костра. Так он ворвался в помещение "тридцатки" - особого барака № 30, где размещалась мурманская контрразведка. Нагрянул прямо в приемную, которая здесь, как в амбулатории, называлась боксом.

- Севочка здесь? - спросил у секретарши.

Севочка - это был поручик Всеволод Эллен, хозяин этого грозного барака № 30. К сожалению, поручика на месте не оказалось. Небольсин положил на стол свою дубину и сказал барышне:

- Передай Эллену от моего имени, что если он будет хватать моих машинистов, то дорога встанет. Я слишком хорошо знаю Песошникова: он способен устроить забастовку на дистанции, но никогда не пойдет на воровство...

Секретарша, элегантная стерва лет тридцати, раскурила папиросу, ответила:

- О'кэй! - И закинула ногу на ногу. Небольсин уставился на ее стройные ноги... и осекся. Чулки были ажурные! Ажурные, последний вопль моды. Но разве мог инженер сомневаться в честности такой идеальной организации, как мурманская контрразведка? Конечно, нет... И,

взмахнув дубиной, Небольсин направился к дверям, сказав на прощание:

- Я еще позвоню Севочке, и пусть он не дурит. Мне скоро принимать союзную комиссию майора Дю-Кастеля, и только машинисту Песошникову я доверю вести локомотив!

Вечером в вагон к Небольсину поднялся Песошников - высокий путеец, уже немолодой и обремененный семьей; он, пожалуй единственный из сезонников, осел на Мурмане прочно - купил под Колою домик, из Петрозаводска навозил в мешках земли, разбил огород. Только у него одного выросла в этом году картошка - каждая калибром с фасолину. Но все же картошка, и ее можно есть...

- Выпустили? - засмеялся Небольсин. - Ну, садись... Дуняшка, поставь нам чаю.

- Домой надо. Баба небось заждалась, - сказал Песошников. - Зашел, вот, Аркадий Константинович, спасибо вам оставить душевное. Спасибо, что вступились. В мире правды нету: кто ни украду, всё на нашего брата свалят.

- Дуняшка! - заорал Небольсин через двери своего купе-салона. - Долго ты там будешь возиться, дура Кольская?

Он заставил машиниста выпить стакан чаю - гольем (сам Небольсин жил по-холостяцки, даже сахар не всегда имел).

- А как это могло случиться? - спросил потом. Песошников аккуратно держал в черных, сожженных у топки пальцах тонкое стекло горячего стакана и не обжигался.

- Я ведь только тяга, - рассказывал. - Фонарем махнули - и потянул. А на хвост некогда оглядываться. Ну где-то посередь перегона и разорвали меня... от хвоста! Американка-то шла последней. И рвать меня удобно - самый последний.

- Кому это нужно? - задумался Небольсин. - Авиационный лак адресован на Москву для вело-самолетной фирмы "Дуко", азотная кислота на Пороховые под Питером. Что там еще? Барахло бабье!

- Эх, Аркадий Константиныч, - вздохнул Песошников, - это вам барахло. Живете, даже сахару не имеете... А другие лаком этим ежели не аэропланы, так табуретки свои покрасят. И азот на какаву сменяют... Барахло! - хмыкнул машинист. - Хорошенькое барахло, коли богатые барыни в Питере за этот ажур мужей своих удавить готовы. Мир в крови, а кто и живет... хоп-хны!

- Песошников, - сказал Небольсин, - я знаю, что ты честный человек. Но я ведь не дурак и знаю, что многие рабочие воруют на дистанции... Разве не так?

- Воруют, - согласился Песошников.

- Только не защищай их, - предупредил Небольсин.

- И не подумаю защищать... Потому как рабочий-то здесь каков? Вы думаете, на Мурмане есть настоящий пролетарий? Черта лысого... Вот еще сормовские, вот еще обуховские, что сюда законтрактовались. Это еще люди. Класс! Но их - раз-два и обчелся. А так - размазня, шпана и пьяницы. Шмоль-голь перекатная. Все, кому тюрьма грозила, да те, кто от фронта хотел бежать. Вот и собрались здесь. Народ несознательный!

На прощание Небольсин сказал машинисту:

- Ладно. Ступай с богом. На днях комиссия прибудет сюда от французов. Мы с тобой прокатим ее до Званки...

В эту ночь спать Небольсину не пришлось. Уже за полночь кто-то забарабанил в окно к инженеру. Это был князь Вяземский.

- Аркадий, - звал он, - вставай скорее.

- Что случилось? Куда?

- Иди в столовую. Будет грандиозное попойще...

- По случаю чего? Победа на фронте?

- Еще какая! - густо хохотал в роскошную бороду командир "Бесшумного". - Только что узнали... В Питере нашлись честные люди и - прихлопнули Гришку Распутана!

На плавмастерской "Ксении" жгли в эту ночь фейерверки. Во хмелю и в песнях, загребая ногами среди ночных сугробов, праздновали мурманчане гибель варнака в проруби. Там, в Петрограде, что-то сломалось. Хрустнуло. Утром просыпались в чаянии каких-то новых событий. Удивило всех сообщение, что государь император, узнав о гибели своего друга, бросил фронт, покинул дела ставки и срочно выехал в Петроград... "Зачем?"

Пришла весть, что на выходе из Порт-Саида погиб, подорванный немцами, броненосец "Пересвет", плывший с Дальнего Востока на Мурман, - флотилия, приспустив флаги, осиротела. Готовился уйти в Англию на замену орудий крейсер "Варяг", и его жаль было отпускать. Но в самом начале января бросил якоря в Кольском заливе линкор "Чесма", громоздкий и обледенелый; три дня потом ходили артелями скалывать лед с брони. Говорили об "Аскольде": мол, придет боевой крейсер, с ним будет легче.

Потом с океана, откуда-то от Лафонтен, подошли немецкие подлодки, и перископы их стали шнырять возле Варде, около Кильдина и Рыбачьего - почти рядом, почти под боком у города.

Казалось, сам воздух, пронизанный морозом, застыл на Мурмане в

выжидательном напряжении. Чего-то все ждали, на что-то надеялись... И только Небольсину мешало ожидание комиссии; впрочем, он надеялся, что выводы ее будут средние.

Наконец майор Дю-Кастель прибыл, и Небольсин сразу дал срочную телеграмму по дистанции до самой Званки, чтобы пути привели в порядок, за трассой следили внимательно, а стрелочникам - иногда не мешает побриться...

- Итак, я везу комиссию. А где ящик с коньяком?

* * *

Майор Дю-Кастель, пожилой седовласый человек с зорким взглядом из-под сурово нависших бровей, появился в вагоне. Вот первый его вопрос:

- Случаи людоедства на дороге не наблюдались? Небольсин ответил:

- Простите, мсье... не слышал!

Это была его первая ложь. Ибо в прошлом году партия сезонников, заброшенная в тундру, была забыта начальством. Люди одичали, и ходили слухи, что одного человека "свинтили", между прочим, поругивая начальство. Небольсин помог Дю-Кастелю закинуть на полку громадный фибровый чемодан.

- Поехали! - сказал француз инженеру таким тоном, словно взобрался в возок и пихнул кучера в спину: "пшел!"

Состав был сцеплен из одинокого пульмана, а позади него болтался вагон с дорожными ремонтниками. Аркадий Константинович вышел в тамбур, махнул рукою на паровоз:

- Песошников! Давай жми на полный цилиндр...

Не заходя в купе, Небольсин достал записку, которую впопыхах вручил ему контрагент Каратыгин. Вот что там было написано: "Исходя из благих чувств признательности, советую вам: старайтесь на полной скорости, не останавливаясь, проскочить через Тайболу: там опять волнения рабочих..."

Разом защелкали под колесами стыки рельсов, широко разведенные морозом. За окном мелькали вагоны, вагоны, вагоны... Вагоны с трубами, вагоны с тюлевыми занавесками, вагоны сдохлыми геранями, вагоны с усатыми кошками в тамбурах, вагоны с собачками, которые лаяли не переставая. Вся путаная русская жизнь, с ее бестолковщиной и неразберихой, проносилась мимо - уже привычная для инженера и совсем непонятная для француза.

Дю-Кастель крепко сцепил в синеватых от холода губах трубку с табаком.

Последовал второй вопрос - вполне естественный:

- Сколько процентов подвижного состава у вас занято под жилье рабочих и служащих?

Небольсину пришлось соорудить вторую ложь.

- Я думаю, майор, - сказал он, изображая на лице подобие раздумья, процентов десять. Не больше.

И, сказав так, покраснел: если бы только десять! "Поскорее бы выскочить в тундру", - думал Небольсин, страдая...

- Когда повысилась смертность? - спросил Дю-Кастель. Небольсин подумал и ответил:

- Высокая смертность на дороге зафиксирована в рамазан!

- Как? - вытянулся Дю-Кастель, весь в удивлении.

- Рамазан - праздник мусульманский.

- Что это значит?

- Охрана военнопленных сплошь состояла из мусульман. Магометане в рамазан, как вам известно, не имеют права употреблять пищу до захода солнца. И вот вам трагическое положение: мы никак не могли объяснить фанатикам, что в Арктике солнце вообще летом не заходит... Когда же удалось втолковать, то было уже поздно: в живых осталась лишь часть дорожной охраны.

"Пора", - решил Небольсин и потащил из ящика бутылку с мартелем, любовно держа ее за тонкое горлышко. Но тут случилось непредвиденное: Дю-Кастель резко отрицательно мотнул головой. Нет, он давно уже не пьет... Известный русский способ - залить любой комиссии глаза - здесь явно не годился. Аркадий Константинович задвинул ногой подальше ящик с коньяком...

Песошников дал гудок. Первая остановка - Кола, тут все в порядке, и Небольсин хорошо знал об этом.

- Может, остановимся? - предложил любезно.

- Я скажу, где надо остановиться, - ответил Дю-Кастель и, достав громадный блокнот в коже, что-то оттуда вычитал. - Станция Тайбола, неожиданно сказал он. - Вот там и будет наша первая остановка... Что значит по-русски "тайбола"?

Осведомленность союзников всегда поражала. Они знали в любое время, где находится крейсер "Аскольд" и на какой станции волнения рабочих. Холодея, Небольсин коряво пояснил:

- Тайбола - слово нерусское, а лопарское. В переводе оно означает тундра, пустая земля, никого нету, безлюдье...

В разговоре выяснилось, что майор Дю-Кастель владеет русским языком в пределах трех фраз: "Ты мне нравишься", "Где ресторан?" и

"Здорово, бабы!" Последнюю фразу майор отточил уже в вагоне, с помощью Небольсина, который предупредил француза, что в Сороке их будет встречать депутация местных жителей. И наверняка будут бабы... не мешает поздороваться с ними!

Решив покорить сумрачного француза, Небольсин толковал без умолку: не мытьем - так катаньем, он свое возьмет.

- Вы не представляете, майор, каковы женщины в местных селениях. Красавицы! Стройные, волоокие, статные... Гребут на лодках пудовыми веслами. Ставят паруса. И ловят беглых каторжников. Обилие жемчуга, выловленного в здешних реках, украшает их достойные лица. Единственный недостаток местных Венер - это низко сидящий тур, и от этого - короткие ноги.

Не вынимая трубки изо рта, майор Дю-Кастель понимающе кивал. Взгляд его был устремлен за окно, где таяла в сумерках неуютная голая земля Мончезерских тундр.

Вот и станция Тайбола.

- Остановка! - поднял руку майор.

И сразу в окна вагона понеслась отборная брань. Сукин сын Каратыгин подсказал правильно: лучше бы здесь не останавливаться. Но уже поздно надо разрешать этот вопрос в присутствии особой союзной комиссии. В этот момент Небольсин пожалел, что имеет дело с французом, а не с Джоном Стивенсом: французы докучливо въедливы, американцы шире и беззаботнее смотрят на вещи... И он решительно распахнул двери купе, а со стороны тамбура уже ломились сезонники - пензяки, тамбовские, вологодские. Сербы австрийские, маньчжуры харбинские, немцы баварские, И каждый что-нибудь тряс. Один показывал валенки, другой отдирал от своего сапога подошву, и без того уже наполовину отвалившуюся.

- Ето жисть? - спрашивал один пензяк, наскაკивая. Небольсин барственным жестом отвел его руку в сторону:

- Где десятник? Я буду говорить только с десятником...

Из купе выглянул Дю-Кастель и заявил кратко:

- Переводите.

- Ето жисть? - И к носу майора подсунули вшивую фуфайку.

- Что он говорит? - спросил Дю-Кастель, отступая. Небольсин перевел на свой лад:

- Рабочий спрашивает у вас - в чем смысл жизни? Не удивляйтесь, майор, все русские люди заражены толстовством...

Через толпу сезонников в узком проходе пульмана протиснулся

десятник крепкий старик с умным лицом:

- Вот что я скажу, Аркадий Киститиныч! Мы противу вас лично ништо за пазушкой не держим. Но контрагент Каратыгин, лупи его в сморкало, ежели попадетс нам на шпалах, так мы...

- Переводите! - вмешался Дю-Кастель.

- Они сорвут ему голову, - озлобленно перевел Небольсин.

- Кому?

- Контрагенту, который обслуживает этот участок...

Положив блокнот на колено, что-то записывал Дю-Кастель, а Небольсин тем временем успокаивал рабочих.

- Я все сделаю, - говорил он. - Не шумите... Обещаю!

Когда отъезжали, мимо проплыла товарная теплушка с надписью "8 лошадей - 40 людей", а выше висела доска:

ШКОЛА

- Вот, - сказал Небольсин, - можете отметить: здесь у нас школа. Дети сезонных рабочих имеют возможность учиться.

Но это майор почему-то не счел нужным записывать. Он взял бутылку с коньяком, наполнил стакан до половины.

- Вам, - произнес вежливо, - я думаю, надо выпить...

Летела за окном плоская запурженная земля. Миновали станции - Лоухи, Имандра, Нива; скоро и Кандалакша; здесь, в Кандалакше, порт и узел дорог, здесь более или менее налажено. Отсюда, до самой Коми, начальствует над дистанцией хороший путеец и славный друг Петенька Ронек.

- Рекомендую остановиться в Кандалакше, - сказал Небольсин.

- Я знаю, где нам надобно остановиться...

Семафор открыт перед высоким начальством: поезд с воем пролетел мимо раскиданных по скалам домишек Кандалакши. Понеслась в мутную даль, ржавая и безжалостная к человеку, колючая проволока... "Щелк-щелк-щелк-щелк" стучали колеса.

- Это? - спросил Дю-Кастель, показав трубкой за окно.

- Здесь были лагеря.

- Какова же продуктивность работы военнопленных?

- На двадцать пять процентов ниже русских. Зато канадские рабочие, завезенные сюда англичанами, выполняли только половину нормы, какая давалась на пленного. Положение выправила тысяча здоровенных девиц из Поволжья, которые были завезены сюда как насыпные землекопы и как... невесты!

Взревел гудок на повороте. Вагон стремительно и сильно мотнуло на

рельсах; Дю-Кастель невольно схватился за столик и заметно побледнел. Был такой момент, когда казалось, что состав уже рухнет под откос.

- Что это значит? - заговорил француз, оправляясь от испуга. - Неужели профиль дороги такой жесткий? Почему его не смягчили? Как же вы рискуете пропускать длинные составы с ценнейшими для войны грузами?

Аркадий Константинович страха не испытал: он уже приучил себя к такому отчаянному риску на поворотах.

- Вполне согласен с вами: повороты опасны. Но для сокращения работ были сокращены и радиусы кривых. Да, - сказал Небольсин, - мы их приблизили до критической цифры в сто пятьдесят сажен. Мы сэкономили на всем: даже низкие потолки на станциях, даже крыши из теса, даже валуны вместо фундамента, и вы нигде не увидите штукатурки... Но все доделаем после войны! А сейчас дорога существует, и смягчать ее профиль будем после победы над врагом.

Дю-Кастель откинулся затылком на валик плющевого дивана, выпустил клуб синего дыма из трубки.

- Мы едем сейчас, - заговорил он, следя за ускользающим дымом, - по самой молодой дороге мира. Этой дороге всего два неполных месяца. Вы хотели построить ее за сто восемьдесят миллионов золотом. Но вложили в нее триста пятьдесят миллионов. Дорога облита чистым сибирским золотом России, но стала ли она лучше от этого?

Небольсин поднялся:

- Может, и так. Мы очень торопились. Ибо вы, французы и англичане, слишком настаивали: скорей, скорей... Конечно, я понимаю, положение на Западном фронте тогда было тяжелое. Я предлагаю вам, майор, встать сейчас тоже. И - выпить...

- Что это значит?

- Мы пересекаем русский экватор - Полярный круг!

Удар колес. Поворот. Гудок паровоза (молодец Песошников - догадался салютовать). И тонко звякнули два бокала.

- Поздравляю вас, - сказал Небольсин.

- Через пять минут, - ответил Дю-Кастель, натягивая на себя русский полушубок, - вы остановите состав. И прикажете рабочим следовать за нами.

- Не доезжая станции Кереть?

- Да, прямо в голой тундре...

Остановились. С кирками и лопатами выскакивали из теплушки ремонтники. Притопнув каблуком мерзлую землю, майор Дю-Кастель

зашагал вдоль рельсов. За ним - Небольсин.

- Ребята! - позвал он рабочих. - Валяйте следом...

Глава третья

На одной из шпал майор поплясал дольше обычного.

- Вот здесь, - сказал. - Поднимите грунт...

В твердую осыпь вонзились кирки и лопаты. Удар, еще удар, и Небольсина зашатало... Под шпалами лежал мертвец, и черная коса обвивала череп. Кто он? Или девица из Самары (землекоп-невеста), или работяга еще с Амуро-Уссурийской ветки?

Вкусно пахло в морозном воздухе хорошим табаком француза.

- Пошли далее, - сказал Дю-Кастель.

Добрались до моста, и майор не поленился пробежать под насыпь. Долго ползал, осыпая ногами завалы рыхлого снега под сваями. Выбрался наверх, стуча сапогами по рельсовым стыкам.

- Мост не фирменный, - сообщил, - и скоро рухнет.

- Катастроф не было, - ответил Небольсин.

- Не было потому, что сейчас злая русская зима. Мороз и лед сковали мост. Но весной он... рухнет!

И, ничего не выслушав в ответ, Дю-Кастель направился дальше.

- Вот здесь, - он опять поплясал на шпалах.

Снова ударили кирки, обламывая лед. Сине-зеленые шинели, вперемешку с костями, выступили из-под полотна дороги. Это покоились вечным сном, кажется, австрийки.

- Хоронить летом негде, - оправдывался Небольсин. - Один неосторожный шаг в сторону - и человек вязнет в трясине...

Стройно шумели вдали леса - все в белых снеговых шапках.

- Но я не вижу русских! - кровожадно заметил Дю-Кастель.

Небольсин повернулся к рабочим.

- Эй, Павел! - позвал он прораба. - Майор прав: а где же русские? Черт возьми, куда вы их всех подевали?

Размахивая киркой в опущенной руке, в рысьем малахае набекрень, к ним подошел Павел Безменов:

- Кладбище одно... на всех. Этот француз может плясать сколько угодно, до наших он не допляшет. Потому как наших-то мы поглубже хоронили, вот они мослами и не выпирают.

- Переведите, - сказал Дю-Кастель.

Небольсин перевел - как есть, всю правду-матку.

Из трубки француза долго сыпались золотые искры.

- Триста пятьдесят миллионов золотом, - заметил француз. - Не

кажется ли вам, господин Небольсин, что это слишком дорого? Летом трупы разложатся, песок над ними осядет, шпалы провиснут. А рельсы уйдут на выгиб...

Гукнул, подъехав к ним, паровоз. Из будки по пояс высунулся Песошников и бросил на шпалы грязную ветошь.

- Аркадий Константинович! Чего он тут шумит?

- Да ну его к бесу! Дурак какой-то... Его бы сюда, на наше место. Мы и без него знаем, что у нас плохо.

Молча разошлись по вагонам. Тронулись далее.

В оправдание Небольсин подавленно сказал:

- Если не ошибаюсь, этот участок был на откупе у британского лорда Френча{9}... Да. Не спорю. Смертность высокая! Песок для насыпей возили издалека...

- Отчего умирали? - спросил Дю-Кастель, невозмутимый.

- Как правило - скорбут. Крупозная пневмония. Потом бугорчатка легких... Ну и сыпной тиф, конечно же!

- Достаточно, - перебил его Дю-Кастель. - Я вас понял. Это и есть ваш... рамазан!

Ехали дальше, и теперь с каждым поворотом колес Небольсину чудился скрежет костей под рельсами. Дорога рассекала тундру по костям и по золоту - дорога чисто военного значения. Об этом и заговорил неглупый майор Дю-Кастель:

- Мурман ближе всего к нашим коммуникациям. Почти в два раза ближе Архангельска! И - не замерзает! Это сейчас почти единственная связь с нами. Скагеррак и Каттегат заняты немцами. Дарданеллы закрыты турками. Мы не отрицаем: да, нам необходимо, чтобы Россия воевала в полную мощь своих возможностей. И поэтому мы, ваши союзники, вправе требовать от России прекрасного состояния этой дороги... Вы согласны?

- Вполне... Вспомните, майор, Чехова.

- ?!

- Позвольте я напомним вам его рассказ "Злоумышленник"...

Небольсин решил развеселить мрачного француза. Но случилось как раз обратное. Вынув трубку изо рта, Дю-Кастель сказал:

- Все русские последнее время напоминают мне вот этих "злоумышленников". Они разбирают пути, не ведая, что по этим путям должна пробежать судьба их нации...

На станции Сорока была подготовлена встреча. Сам исправник поднес Дю-Кастелю хлеб с солью. Почтенно стояли старики поморы, впереди них бабы, в шелковых платках, из-под которых глядели кокошники, униженные

жемчугом. И щелкали семечки.

- Здорово, бабы! - с ходу рывкнул на них Дю-Кастель.

- Мы тебе не бабы, - отвечали сорокские, - мы честные мужние женщины. А сам ты есть мужик неотесанный...

- Что они говорят мне? - нахмурился Дю-Кастель.

- Русские бабы болтливы, - увильнул Небольсин от ответа.

Но бабы, поводя круглыми боками, уже удалялись по тропинке в гору, где стояла их Сорока, - такие торжественные и независимые... Вслед за ними лениво брели, покуривая и судача, мужики-поморы...

Стараясь больше не разговаривать, они доехали до Петрозаводска, и здесь Небольсин решил распрощаться (так и не добравшись до Званки). Дю-Кастель захлопнул свой проклятый блокнот.

- Предупреждаю, - заявил искренне. - Отзыв мой о дороге будет отвратителен. Эксплуатация безобразная! Мы, союзники, должны вмешаться. Я видел только шпалы, только рельсы, по которым катились только вагоны, но я не увидел магистрали - в том значении, как принято понимать это. Именно в таком тоне я и буду докладывать генералу Всеволожскому, который заведует в вашей стране военными сообщениями...

Грустный и удрученный, Небольсин остался стоять на перроне. Если бы доехать до Званки, там и Петроград рядом. Санкт-Петербург! - колыбель его жизни, где на Фурштадтской еще сохранилась старая квартира, наверняка не топлённая, с книгами и удобной мебелью в полосатом тике. А вечером, завернувшись в шубы, мчаться в санях на Ковенский переулок, где поджидает она...

Небольсин навестил Буланова - потрепанного бюрократа-путейца, начальника Петрозаводского узла и вокзала.

- Яков Петрович, выручите. Десять бутылок мартеля - ваши! Буланов сразу начал проявлять волнение, свойственное всем алкоголикам перед близкой выпивкой:

- Десять? Ах, такая роскошь по нашим временам... Вы, мурманские, просто персики, а не люди. Давайте, куда вам надо?

- Соедините: Петроград, семьдесят восемь - пятьдесят шесть, Ядвига Сасская-Лобаржевская.

- Тьфу, гадость! - честно отреагировал Буланов. - До чего же я ненавижу этих полячишек и жидов.. - Но все же соединил Небольсина с Петроградом.

Прислонив к уху трубку, Аркадий Константинович с трудом сдерживал нетерпение. Он так все ясно представлял... Вот разлетаются белые двери ее

комнаты, она пройдет, стройная, вся обструеинная шелками японского халата с чудовищными драконами...

- Господин Тартаков? - раздался в трубке дивный голос.

- Ядвига, это я... презренный Аркашка!

- Аркадий! Где ты, милый? Ты дома?

- Увы, только из Петрозаводска, до Питера не добрался.

- Ах, как это славно, что ты меня вспомнил...

Она говорила ему о своих занятиях: да, Тартаков в восторге от ее голоса, да, Зилотти прослушал ее, да, профессор Большакова находит ее мимику прекрасной...

- Ты не согласишься, - говорила Ядвига, - все от меня в бешеном восторге. Просто у меня нет ни одного вечера свободного. Меня разрывают на части... Целую, милый. Я спешу.

Небольсин оставил трубку в полном любовном изнеможении.

- Вы бы знали, Яков Петрович, какая она дивная, чудная!

- Кто? - тупо спросил Буланов.

- Она...

- Брось ты это дело, Небольсин. Я жил в Варшаве... Такие язвы - не приведи бог! Что тебе, русских мало?

- Нет, - переживал Небольсин. - Она, конечно, необыкновенная женщина. Сейчас вот учится в консерватории. Отец ее видный в Польше сановник... Еще раз спасибо, Яков Петрович.

Поезд из Петрограда, спешащий на Мурман (по костям и по золоту), подхватил и Небольсина в свои уютные вагоны.

Обошел весь состав - в надежде разыскать знакомцев. Встретил только одного - отца Ионафана, настоятеля заполярной Печенгской обители (что на самом берегу океана). Грудь под панагией колесом - бравая. В мочке уха большая, как у дикаря, дырка от долгого ношения серьги. А из-за ворота подрясника выглядывает клочок застиранной тельняшки. Таков был отец настоятель, бывший боцман с бригады крейсеров. Над монахом висела сейчас громадная связка бубликов, а меж ног терхалась пачка потрепанных книжек, перехваченная бечевкой. Среди них Небольсин успел разглядеть четырехтомник лекций Ключевского по русской истории.

Присел рядом, чтобы поболтать:

- Откуда, отец Ионафан?

- Из Питера, путейска-ай. Знал бы, так лучше бы и не ездил.

- Чего же так?

- Дурно жизнь складывается. Народец воет. Воевать ни солдат, ни матрос не желают. Устала Россия... бедная!

- А воевать придется. - Небольсин раскрыл портсигар.

- Давай, согрешу... - Монах сунул в бороду душистую папиросу Когда-то баловался... ишо на флоте! Вот что я тебе скажу, инженерна-ай, по совести: коли народ воевать не желает, так хрен ты его заставишь. Не станет воевать, и все тут! Баранку вот - хошь? Я дам тебе баранку...

- Нет. Не хочу. Спасибо.

- А чего ты сам в печалях? - спросил отец Ионафан. Небольсин вкратце рассказал о своей поездке с Дю-Кастелем.

Настоятель тихой обители пустил всех по матушке.

- Плюнь! - сказал. - Ране, когда у нас здесь один "Бакан" плавал, ну ладно, куды ни шло: позвали крейсера да подлодки английские. А сейчас у нас свой флот вырос - гнать их всех в три шеи... Баранки-то, говорю, кусишь? Поешь баранку!

- Да нет. Спасибо.

Печенгский настоятель с огорчением перебрал в пальцах сухо гремевшую связку бубликов.

- Это очень плохо, - сказал он вздыхая, - что ты не желаешь моей баранки покушать.

- Отчего же так плохо, отец Ионафан?

- А оттого что... зажрался ты! Вот как я тебе скажу. Все вы тут зажрались на английских харчах. Посмотрел бы ты, как сердешные бабы в Питере маются. Дров нет. Керосину нет. С утра, ни свет ни заря, по номерам за хлебом встают.

- Как это - по номерам?

- А так. В ладонь плюнут и номер впишут. По номеру и получишь хлебушко. Во-от! А ты от баранки моей нос воротишь. Нет, инженерна-ай. Видать, тебя еще гусь жареный не щипал за это самое. погоди, - пригрозил, еще сухарику радехонек будешь.

- Отец Ионафан, - поднялся Небольсин, задетый за живое, - пойдемте в ресторан, и обещаю вам, что в этом поезде, вышедшем из Петрограда, вы найдете все, начиная от балыков и икры!

- То ресторан, - разумно ответил отец-настоятель. - А я тебе про очереди на улицах говорю. Простой народ по ресторанам не шлындрает. Это вы здесь деньгу на дороге лопатой гребете. Вам, вестимо, рестораны эти самые не заказаны...

В ресторане было много женщин - как правило, жен морских офицеров, спешивших к своим мужьям, подальше от грозного Петрограда, ставшего вдруг в преддверии грозных событий - неуютным и опасным. Женщины кормили детей; локоны девочек были украшены бантами,

мальчики в фиолетовых матросках чинно вели себя за столом... Слышался французский говор.

Лейтенант флота, удивительно загорелый, сидел в конце вагона-ресторана, доедая жаркое и посматривая в окно. А там, за промерзлым окном, вставали из-под снега "бараньи лбы", источенные шрамами битв в ледниковых сражениях, - поезд громыхал через водораздел между Белым и Балтийским морями... "Карелия, - подумалось Небольсину невольно, прекрасная страна!"

- Вы позволите присесть? - спросил он у лейтенанта.

- Ради бога. Пожалуйста.

Небольсин заказал себе индейку, вина и белого хлеба.

Ему быстро все подали на хрустящих салфетках. Лейтенант флота зорко перехватил взгляд Небольсина, устремленный на него.

- Извините, - смутился Небольсин. - Я обратил внимание на ваш прекрасный загар. Здесь мы от этого давно уж отвыкли.

- Возможно, - ответил офицер. - Я еду из Севастополя. Чего другого, а солнца там у немца не занимать.

- А у вас там есть очереди... Хотя бы за хлебом?

- Нет. На Черном море очередей нет. В Москве - да, есть. Причем очереди теперь называют в народе хвостами.

- Вы едете на нашу флотилию? - спросил Небольсин.

- Да. Позвольте представиться: лейтенант Басалаго, Михаил Герасимович. Бывший флаг-офицер оперативной части при адмирале Эбергарде.

- Но Эбергарда... уже нет, - с улыбкой заметил Небольсин. Черноморским флотом командует вице-адмирал Колчак.

- Я уважаю Колчака, - кивнул ему Басалаго. - Как хорошего минера. Как полярного исследователя. Но... поймите меня правильно: Колчак слишком неразборчиво поступил с офицерами, которые достались ему в наследство от адмирала Эбергарда.

- Разогнал? - спросил Небольсин, и Басалаго поморщился:

- Пусть будет по-вашему: разогнал... И - достойных! Имя каперанга Ветлинского вам ничего не говорит?

- Ни-че-го.

- Ветлинский как раз и был начальником оперативной части штаба Черноморского флота при Эбергарде.

Небольсин иногда умеет быть безжалостным.

- Выходит, - засмеялся, - ваш Ветлинский как раз и оскандалился в борьбе с германскими линкорами "Гебен" и "Бреслау"?{10}

Басалаго задумчиво поиграл на скатерти коробком спичек.

- Может, оно и так: "Гебен" и "Бреслау" мы упустили. Но Колчак лишил нас возможности исправить карьеру в честном бою... Сейчас Ветлинский командует "Аскольдом"... Из Тулона он просил меня перебраться на Мурман, куда и приведет свой крейсер.

- Вина? - предложил Небольсин, наклоня бутылку.

- Благодарю. Достаточно. - Басалаго помолчал и неожиданно признался: Про Эбергарда можно говорить и вкривь и вкось. Но его поставил над флотом его величество. Сам государь император! А кто поставил над флотом выскочку Колчака? Вопрос был неожиданным для Аркадия Константиновича.

- Кто? - переспросил он.

- Думские либералишки, толстосумы, вроде Гучкова. Небольсин на это ничего не ответил, но для себя сделал вывод, что этот загорелый, как дьявол, офицер из Севастополя наверняка придерживается монархических воззрений. И еще непонятно, за что именно изгнал его с Черного моря адмирал Колчак...

Ковыряя спичкой в зубах, Небольсин вернулся в вагон. Проходя мимо печенгского настоятеля, путеец сказал:

- Напрасно не пошли, ваше преподобие. Индейка была отличная, просто прелесть индейка!

- Вот-вот, - махнул отец Ионафан, - шишку с макушки ты сшиб, а елки так и не заметил...

Вечером Небольсин снова встретился с лейтенантом Басалаго. По мере продвижения состава на север заметно принизились к земле деревья, но заметно росло количество и вместимость винной посуды. Еще на выезде из Петрозаводска встречались скромные шкалики. На перегоне до Кандалакши зазвякали объемистые литровки с ромом. А за Полярным кругом поперли открыто в вагоны гигантские четвертухи. Север вступал в свои права, и лейтенант Басалаго заметил Небольсину:

- Говорят, у вас тут здорово пьют?

- Что значит "пьют"? У нас не пьют, а хлещут. Арктика-то совсем рядом. Не выпив, дня не начинают. И вы привыкнете!

- И вина достаточно?

- Мы его не варим, а под полой не прячем. От французов - вина, от англичан - ром и виски... Хоть залейся!

- А как союзники относятся здесь к офицерам нашего флота?

- Превосходно, - ответил Небольсин и, помолчав, добавил: - Правда, они требовательны, с ними не избалуешься...

- Да. Я знаю англичан. Когда они рвались в Дарданеллы, я как раз состоял при штабе адмирала Гепратга офицером связи. Тогда-то я впервые увидел крейсер "Аскольд", правда, лишь через оптику башенных дальномеров!

Так они мило поболтали, после чего решили убить время за картами. Когда поезд приближался к Мурманску, Небольсин успел продуть лейтенанту восемьдесят рублей. Басалаго играл отлично - смекалисто, отчетливо, с риском. Над копейкой не трясся. И по игре можно было ощутить, что у этого офицера из Севастополя большая воля и быстрая хватка ума... Человек острый!

- Если вам затруднительно, - сказал лейтенант Басалаго, - можете сейчас не отдавать. Как-нибудь потом, при случае.

- Нет. Я человек не бедный. Здесь нам платят такие деньги, какие не снились путейцам даже на сибирских магистралях. Если честно говорить, признался Небольсин, - то я только ради денег и пошел на эту каторгу.

- Вот как? - удивился Басалаго, - спокойно принимая выигрыш.

- Точнее, ради одной женщины... Полячка из Вильно. Сейчас учится пению. Все от нее в восторге! И к сердцу красивой женщины, согласитесь, надобно дорожку слегка позолотить.

- Согласен... А что там сверкает вдали?

- Церковь. Мы проезжаем Колу, через десять верст будет Романов-на-Мурмане. Берегите свои карманы, - напутствовал Небольсин, здесь масса деклассированных личностей, переодетых в солдатское и матросское платье...

Басалаго набросил на шею кашне из черного шелка.

- На Черном море таких расстреливают... А здесь?

- Здесь стреляют кому не лень. Даже часовых убивают...

За окном вагона понеслись ряды теплушек. На горе курились дымками "чайные домики", словно неприступные форты, обвитые колючей проволокой. Поезд начал сбавлять ход.

- Где же город? - спросил Басалаго удивляясь.

- Мы уже в городе... Поздравляю с приездом. Перрона нет, еще не успели выстроить. Прыгайте на эту бабу с мешком - вам будет мягче падать... Хэлло, хоп!

Басалаго поставил чемодан на снег. Возле барака станции, покуривая, стоял лощеный поручик в ярко начищенных сапогах. Новенькая портупея обтягивала его тонкую фигуру, словно приводные ремни, опутывающие бездушную машину. Провожая долгими взглядами офицерских дам, растерянно озиравших печальную панораму города, поручик даже не

шевелился. Только глаза бежали...

- Кто этот важный истукан? - поинтересовался Басалаго.

- Сейчас я его расшевелю, - сказал Небольсин и закричал: - Севочка! Идите-ка сюда... Представляю: лейтенант Басалаго, бывалый черноморец, флаг-офицер и прочее.

- Эллен, - назвал себя поручик с легким поклоном.

- Не просто поручик Эллен, - расшифровал Небольсин, - а мурманский Малюта Скуратов, возглавляет тайное "Слово и дело". Извините, лейтенант, я... одну минутку. - И отозвал поручика в сторону: - Слушайте, Севочка, что-нибудь с этим вагоном-американкой у вас выяснилось?

- Откуда? Даже самого вагона найти не можем.

...Первым делом Небольсин отыскал контрагента Каратыгина.

- Господин Каратыгин, хватит! - сказал он ему. - Немедленно, завтра же, отправляйтесь на станцию Тайбола.

- Ни за что не поеду, - сразу заявил Каратыгин.

- Почему, не поедете, черт бы вас взял? Ведь это ваш участок.

- Вы разве не знаете рабочих? - отвечал Каратыгин.

Зиночка Каратыгина (жена его) надула губки.

- Аркадий Константинович, - вступилась хитрая бабенка, кокетничая напропалую, - миленький вы мой, неужели вам так хочется, чтобы я в цветущей молодости осталась вдовой?

Только сейчас - случайно - Небольсин заметил, что чулки-то на ногах у Зиночки были... ажурные. Но какая может быть связь между пропавшим вагоном, контрразведкой и этим ворюгой Каратыгиным - этого Небольсин установить не мог. Как-то невольно инженер стал обращать внимание на женские ноги. Обнаружил ажурные (явно краденые) еще только на ногах своей бывшей пассии Матильды Ивановны Брамсон. Эта дама была женою начальника гражданской власти на Мурмане и многое знала - от своего старого мужа.

Вот и сейчас при встрече она успела шепнуть:

- Приготовьтесь. Вас ждут крупные неприятности...

"А ну вас всех к черту!" - решил тогда Небольсин, и примитивная Дуняшка на время его утешила...

Глава четвертая

Неприятности начались самым неожиданным образом...

Пришел в контору просить прибавки к жалованью печник дядя Вася - из рязанских каменщиков, законтрактованный на дистанцию по договору. Есть такие милые работающие люди на Руси (золотые руки), всякие там дяди Вани, дяди Пети... Никто у них даже фамилии не спрашивает: дядя Вася - и

ладно, этого хватит.

- Дядя Вася, - сказал Небольсин печнику, - управление в Петрозаводске, а я лишь дистанция. Где я тебе возьму прибавку?

- Жить мочи не стало, - печалился старый печник. - Ну вот посудите сами... Все дорожает, быдто прет откедова. Опять же бабе на Рязань послать надо? Надо.

- Ну, а я-то при чем? - развел Небольсин руками. Дядя Вася потоптался у порога кабинета и сказал вдруг:

- Прибавка уж ладно. А... кто же вместо вас будет?

- То есть как это - вместо меня?

- Да болтают тут разное, будто вас не станет...

Настроение испортилось. Путешествие с майором Дю-Кастелем грозило обернуться неприятностями. Виноват будет стрелочник. Эксплуатация дороги из рук вон плоха. Аркадий Константинович и сам прекрасно понимал это. Строили все на живую нитку.

Каперанг Коротков попросил его зайти в штаб. Небольсин отправился как вешаться. Коротков сидел аки бог. слева карта океанского театра, еще не освоенного, а справа - громадный портрет Николая Второго в солдатской рубахе.

Начал он вставлять Небольсину "фитиль":

- Я ведь вас как человека просил. Думал - кто, кроме вас, сможет залить ему глаза? А вы... Эх вы! Лятурнер теперь из французского консулата рычит, будто его сырым мясом кормят.

Ах, мой дорогой Аркадий Константинович! Ну зачем вы останавливались на разных там станциях? Ну зачем вы этому французу про какие-то гайки рассказывали?..

Вечером была очередная попойка на крейсере англичан "Глория", и французы смотрели через Небольсина словно через бутылку: насквозь! Это было обидно.

- Лятурнер, - сказал Небольсин, подвыпив, - я ведь этому Дю-Кастелю только своей Дуняшки не показывал, а так... Он все видел. И все записал, как школьник. Но я считаю, что мы, как союзники в этой войне, должны быть искренни. Не так ли?

Тут лейтенант связи Уилки подхватил Небольсина и заволок его за какую-то пушку (стол был накрыт в батарейной палубе).

- Аркашки, - сказал Уилки, - что ты огорчаешься? Ты не слишком-то доверяйся этим французам. Помни: у тебя всегда есть друзья из английского консульства. Кстати, - вдруг вспомнил Уилки, - ты отправил наши пять вагонов с пикриновой кислотой?

Разумеется, Небольсин их никуда не отправил, но...

- Конечно, отправил! - сказал он Уилки, потому что ему просто захотелось сделать приятное англичанам.

Кто-то сзади закрыл ему глаза теплыми пахучими ладонями.

- Тильда? - съежился Небольсин.

Это оказалась Мари - секретарша из французского консулата.

- Ах, как ты не угадал, мой Аркашки! - засмеялась она. - По старой дружбе хочу предупредить... Не слушайся ты этого Уилки, это черная лошадь в черную ночь и поводок тоже черный. Вряд ли даже англичане знают, кто такой этот лейтенант Уилки. А у тебя есть враг, Аркашка... Хочешь, скажу кто?

На следующий день, мучаясь головной болью с похмелья, Аркадий Константинович пытался вспомнить, кого назвала ему Мари, и - не мог. Потом вспомнил и испугался. Мари предупредила, что Дю-Кастель уже в Петрограде, что он представил подробный доклад о состоянии дороги генералу путей сообщения Всеволожскому... "Жалкий стрелочник!" - думал Небольсин о себе, направляясь в контору. Ему встретился на улице дядя Вася.

- Дядя Вася, сорок рублей... хочешь? Накину тебе на прощание, как старому работнику, если будешь и стекла вставлять.

Дядя Вася обрадовался, и стало приятно, что хоть одному человеку да угодил. С мыслями о том, что надо отправить вагоны с пикриновой кислотой, Небольсин засел в конторе с утра пораньше, и здесь его навестил Брамсон старый питерский юрист.

- Я слышал, - сказал он скрипуче, - у вас на дистанции неблагополучно. Народ разбегается, и дорога сильно может пострадать от этого дезертирства.

- А что я могу поделать, - возмутился Небольсин, - если снабжение рабочих на дороге доверено хищникам? Вы послушайте, что говорят эти воздушные дамочки, вроде мадам Каратыгиной: "мой спекульнул", "я спекульнула"... А дорога - трещит и трещит...

Из-под стекол пенсне глядели на молодого путейца усталые, неприятные глаза.

- Все трещит, - ответил юрист. - Не только наша дорога. Вы не знаете, Аркадий Константинович, что творится сейчас в Петрограде. Там нет хлеба и... возможны волнения!

- Что за чушь! Я никогда не поверю, что в России нет хлеба. Это пораженческие взгляды, злостно привитые большевиками.

- Минутку! - Из-под меха шубы, в браслете гремящей манжеты,

выставилась прозрачная рука юриста с восковыми пальцами. - Минутку, повторил Брамсон. - Если я вам говорю, что хлеба нет, значит, его нет. Разруха власти и страны ожидает Россию. Да, взгляды мои, допустим, пораженческие. Но я ведь не большевик, упаси меня бог.

- Дайте двести пар сапог, - неожиданно сказал Небольсин.

- Зачем?

- Я пошлю их на станцию Тайбола.

- Хорошо. Сапоги вы получите, Аркадий Константинович! Еще не раз вспомните старого мудрого Брамсона: сейчас вы просите для них сапоги, но придет время, и вы будете просить (опять же у меня!) пулеметы...

- Я с удовольствием взял бы и сейчас пулемет, - ответил Небольсин. Чтобы дать длинную очередь по всей этой сволочи, которая окопалась у меня на дистанции.

Брамсон удалился, но дверь за ним снова открылась.

- Я забыл сказать, - заметил Брамсон. - Вам для начала объявляется выговор приказом. Это вроде легкой закуски перед плотным обедом... За что? Ну, сообразите сами. Всего доброго?

Толстый карандаш треснул в руках инженера - пополам.

- Длинную очередь... - сказал он в бешенстве.

А в середине дня вдруг подозрительно замолчал телеграф. Потом по городу и по флотилии заползали странные слухи о безвластии в стране. Никто ничего толком не знал. Взоры многих были прикованы к британским кораблям: может, оттуда придет какая-то весть? На английских крейсерах матросы, выстроившись на палубах, отчетливо и спокойно занимались гимнастикой, потом стреляли по мишеням дробинками и наконец дружно завели гимн...

В самой атмосфере этой тоскливой неизвестности было что-то напряженное, и Небольсин не выдержал: накинув шубу, он поспешно покинул контору. По рельсам главной колеи, считавшейся главным проспектом (и где вчера задавило мужа с женою), слонялись люди. Сбивались в кучки. Шептались. Расходились...

Небольсин шагнул в теплые сени британского консульства.

- Уилки! - позвал он.

В просторной комнате барака, перед раскрытой пишущей машинкой, сидел молодой крепкозубый Уилки.

- Что происходит? - спросил его Небольсин.

Уилки долго смотрел в лицо инженера.

- Бедный Аркашки! Неужели ты ничего не знаешь?

- Кажется, что-то в мире произошло?..

Уилки нагнулся, подхватил с полу бутылку с виски.

- Выпьем! - сказал (и пробка - хлоп!). - Приказ об отстранении тебя и Ронека с дороги уже подписан Всеволожским.

Они выпили, и Уилки опять наполнил стаканы.

- Выпьем! - сказал. - Генерала Всеволожского уже не стало, и приказ его не имеет юридической силы...

Выпили. Спрашивается - почему бы и не выпить?..

- Дело в том, - вдруг признался Уилки, - что из Петрограда есть прямая связь с Лондоном. А из Лондона по дну океана бежит подводный кабель сюда, к нам{11}... Понял?

- Нет, не понял... Что же произошло?

Снова хлопнула пробка, а виски - буль, буль, буль.

- Судя по всему, - улыбнулся Уилки, - ты ничего не знаешь.

- Ничего не знаю, - согласился Небольсин. Два стакана жалобно звякнули.

- Вот уже несколько часов, - произнес Уилки серьезно, - Россия не имеет царя. Николай отрекся от престола. Сам и за своего сына Алексея. Престол перешел к великому князю Михаилу. Но он короны не принял... Тебе не плохо, славный Аркашки?

Небольсин после длительного молчания ответил ему - тихо:

- Нет, мне не плохо. Я никогда не был монархистом... А как относитесь к этому вы, англичане?

- Нам безразлично, - ответил Уилки, - есть царь в России или нету царя. Нам важно сейчас другое: чтобы Россия осталась верна договорам с нами и довела войну до конца. Итак, Аркашки, выпьем за победу над прусским милитаризмом! Русские хорошо дерутся. Но революционные армии дерутся еще храбрее. Пьем. Салют!

- Пьем, - ответил ему Небольсин. - Салют так салют!

* * *

Самая мощная радиостанция Мурмана была на линкоре "Чесма". Сначала она приняла сигнал с брандвахтенной "Гориславы" - шесть немецких субмарин всплыли на Кильдинском плесе. Командир доносил, что может прочесть даже боевые номера на их рубках. По флотилии была объявлена готовность номер один: к бою! Три эскадренных миноносца - "Бесшумный", "Бесстрашный" и "Лейтенант Юрасовский", - отбрасывая назад буруны и клочья дыма, рванулись в океан. На мостике "Бесшумного" реяла, словно вымпел, рыжая борода князя Вяземского.

Миноносцы ушли, а вслед им, цепляясь за прогнутые ветром антенны, летела весть о свержении в стране самодержавия. Эта весть струилась по

проводам, ее отбивала в ушах радистов пискотня морзянки, она - эта весть стучала в машинах.

Наконец заработал и телеграф: монархия свергнута.

В длинных лентах, смотанных с катушек аппаратов, в которых телеграфисты путались, будто в карнавальной серпантине, в каскадах тире и точек билось сейчас только одно, самое главное: революция... революция... революция!

Как же встретили на Мурмане эту Февральскую революцию?

А... никак!

Ну, выпили. Ну, закусили. Ну, поболтали... И все!

В соборе Николы Морского духовенство отслужило благодарственный молебен - по случаю счастливого водворения у власти господ Гучкова, Терещенко, Шингарева и Керенского. Зло сорвали только на городских. Их так затюкали в Мурманске, что они просили уволить их по... "домашним обстоятельствам". Каперанг Коротков (вследствие уважительных причин) распорядился отпустить их на волю вольную, согласно статье No 88 "Устава о пенсиях". Взамен городских создали милицию, которой никто не боялся. На серьезные драки вызывалась по тревоге пожарная команда с крючьями, чтобы этими крючьями растаскивать дерущихся, словно собак (и потому пожарных все боялись и уважали).

Совсем не было на Мурмане той среды, которая могла бы действовать в революции активно. Большая часть офицеров, даже монархисты, приняли свержение царя как должное: им было ясно, что монархия не способна править страной. Пожалуй, один лишь каперанг Коротков выразился энергичнее всех. Сидя под громадным портретом Николая Второго, он плакал и говорил так:

- Тридцать семь лет его величеству служу... Да, служу-у! Но купцам да хохлам служить не намерен! Господа, мы, корпус его величества, аршинникам служить не станем...

Первые дни колобродили матросы с линкора "Чесма". Команда отпетых черноморцев - как правило, сынки богатых мужиков Полтавщины и Черниговщины, - они возглавляли вольницу, порожденную тоскою серой брони и натиском тех событий, которые не могли переварить их тупые головы. И вот заплескались по шпалам широченные клеши. Дулями висли из-под бескозырок обмороженные уши. Бушлаты - до копчика, нарочно подрезанные. Ленты - до ягодич. А в глубоких вырезах форменок - голые груди с татуировками русалок, и там, словно в дамском декольте, броско горели в кулонах драгоценные камни - яхонты, сапфиры, бриллианты.

Это были не матросы славного Севастополя, а шпана с одесских

кичманов, и все они бражно трепались по улицам Мурманска, выкрикивая в сторону затаенных окон контор и штабов:

- Дашь вагоны! Домой хоцца! Надоело кота за яйца тянуть...

Громадное Красное знамя хлопало над бараком контрразведки. С алым бантом поверх шинели стоял на крыльце "тридцатки" поручик Эллен; бледное и узкое лицо его, казалось, ничего не выражало. И когда братва, выписывая кренделя по снегу, зашаталась мимо, гонимая обратно на корабли морозом и ветром, поручик Эллен презрительно выдержал на себе матросские взгляды.

Наконец дошел до флотилии и знаменитый "Приказ No 1": объявлялось равенство чинов, контроль комитетов над распоряжениями командиров, честь можно было отдавать офицерам только на службе, а можно и вообще не отдавать: пошел он к черту, офицер этот... На Мурмане честь отдавали, офицеров не выбирали, каждый был занят собой, и каждый стремился как можно скорее удрать домой. Матросу и солдату нечем было утешить себя в этом краю. Ну как мужику глядеть на этот голый камень? Тьфу его, даже картошки не родит. Землю с юга в мешках возят, по скалам сыпят ее... Урожай - с дробину, курям на смех. И кур здесь нету. Многим тогда все на Мурмане казалось чуждым, гиблым, окаянным и совсем не нужным для России!

Вскоре дошли слухи о кронштадтских событиях. Черные ночи в пламени буйных выстрелов осветили издалека и мурманские скалы. Шепотком офицеры делились:

- В Гельсингфорсе офицеры спят уже на берегу. В каютах режут... Убит адмирал Непенин, командующий Балтфлотом.

- Господа, господа! Вице-адмирал Вирен, вечная ему память, исколотый штыками, брошен матросами в овраг, где и опочил...

- А в Севастополе кидают офицеров в море, привязав к ногам котельные колосники. У меня там приятель, так он - бежал.

- Позор! А что адмирал Колчак?

- Адмирал Колчак оказался ренегатом: его матросы носят на руках до автомобиля, а он митингует. Там комитеты...

Но из-под спуда потаенных страхов и опасений уже пробивалась осторожная догадка: нужен пластырь, чтобы оттянуть горячечный жар от флотилии; если будут создавать Совет и на Мурмане - не препятствовать. В эти дни Совет был создан, в него чья-то рука подсадила эсера-максималиста Шверченко, прапорщика этапного рабочего батальона. Эсер, да еще максималист, - это страшно. Наверняка весь в бомбах, папироска во рту, и стреляет так: хлоп - и нет человека, гасит он свечи пулями...

В клубном бараке флотилии табачный дым оплывал слоями. Кожура апельсинов и расщелканные семечки покрывали пол. Ноги скользили на корках, кожура трещала. Вытянув шеи, сидели солдаты гарнизона, вдоль стен кучками толпились офицеры с линкоров и миноносцев, с тральщиков и посыльных судов.

Шверченко оказался маленьким тщедушным человечком с повадками приказчика из лабаза, - наверняка его призвали в армию из последнего запаса. Дурно смазанные сапоги эсера-максималиста сыро и неприятно чавкали.

- Маркс сказал, - выкрикивал он в толпу где-то слышанное, - что французы начнут, а немцы dokonчат дело революции! Маркс ошибся: мы, русские, начали, мы и dokonчим! А революция наша, товарищи, буржуазная. Желаете вы того или нет - это уж дело последнее. Но таковы законы всех революций: буржуазия всегда берет власть в свои руки...

Потом, когда офицеры вышли под сполохи сияния, князь Вяземский, уткнув подбородок в роскошную бороду, пробурчал:

- Небольсин, а что ты обо всем этом думаешь? Аркадий Константинович подавленно ответил:

- Как-то и думать не хочется. Впрочем, - отшутился он, - я приветствую Временное правительство хотя бы потому, что ему сейчас нет никакого дела до выводов комиссии Дю-Кастеля.

Брамсон был весь в дыму, будто горел: обкурили его офицеры, бедного и некурящего. Из дыма раздалось скрипучее:

- У них какие-то там партии, группы... Они кричат: "народ и свобода", а кто же провозгласит извечные слова: "отечество и армия"? Нельзя же, господа, бездействовать, глядя на хаос...

Офицеры флотилии носили на рукавах черный траур повязок, кокарды с императорскими эмблемами были тоже затянуты черным, печальным крепом (в память об ушедшем Николае Втором).

- Необходимо объединиться, - договаривались тут же, под звездами неба. - Даже и с красным фонарем на клотиках наших кораблей нам необходимо организовать себя. Чтобы на правах свободы и принципов демократии противостоять! Да-с. Здесь, слава богу, не Кронштадт, и здесь нас пока не убивают...

Прошло еще несколько дней, и флотилия Северного Ледовитого океана сразу пошла колотиться, словно сырое полено, - не партийно (нет!), а только сословно, по палубам, по каютам:

ЦЕФЛОТ - союз офицеров флота;

ЦЕКОНД - союз кондукторов флота и

ЦЕМАТ - союз матросов флота...

А в Петрозаводске, наполненном эсерами, был образован Совет железной дороги - СОВЖЕЛДОР, и туда уже пробрался контрагент Каратыгин. Все это выглядело неприлично, отдавало спекуляцией (опять вспомнились ажурные чулки), и Аркадий Константинович Небольсин твердо решил: никогда не мешаться в политику.

Он вернулся вечером в свой вагон, а там уже сидел лейтенант Басалаго и, не сняв шинели, терпеливо поджидал инженера.

- Аркадий Константинович, - начал он, - почему вы стоите в стороне от большого дела?

- От какого дела?

- От дела нашей революции (Басалаго именно так и сказал "нашей революции").

- Я, лейтенант, этой революции не делал. Мне прекрасно жилось и без нее. Если вы говорите, что она ваша, вот вы ею и занимайтесь, - ответил Небольсин с резкостью.

- Вы же умный человек, - снова заговорил Басалаго, - и должны понять, что если мы не вмешаемся сейчас, то потом будет поздно. Я предлагаю вам связать свою судьбу с Совжелдором. Со слов поручика Эллена я знаю, что вы, пожалуй, единственная фигура на дистанции, к которой хорошо относятся рабочие и солдаты дорожных команд. Это доброе отношение обязательно надо использовать в наших же общих интересах... Пожалуйста, обрисуйте мне свое политическое лицо.

Небольсин пожался: "лица" у него не было.

- Я вам помогу... Вы, наверное, кадет? Прогрессист? - Нет.

- Может... эсер?

- Да зачем мне это?

- Ну, кто же вы... меньшевик?

- Еще чего не хватало!

- Простите, но кто же вы?

- Я... бабник! - сказал Небольсин смеясь.

- Вы шутите, - обиделся Басалаго. - А положение в Мурманском крае складывается не так уж блестяще. О кровавых событиях на Балтике вам, наверное, известно. Мы, конечно, не допустим анархии здесь. Но для этого нужна консолидация сил... Нужна гибкость! Если не взлететь до высот утеса орлом, то можно проползти ужом. Этого не следует стесняться... Гибкость!

- Михаил Герасимович... - начал Небольсин.

- Зовите меня просто Мишель, я уже привык.

- Хорошо, Мишель. Я человек сугубо беспартийный.
- Я тоже! - подхватил Басалаго. - Но вмешаться необходимо.
- И мне, - продолжал Небольсин, - как-то не хочется вдаваться в те распри, которые раздирают Россию. У меня - дистанция. Самая ответственная и самая гиблая: от океана до Кандалакши. Вылети одна гайка - и вся дорога треснет. От Петербурга до Мурмана, а точнее - от Петербурга до Лондона. И мне своих дел хватает... вот так! Выше козырька фуражки.

Басалаго щелкнул кнопкой перчатки. Сказал:

- Печально... весьма печально.
- А вы устроились? - спросил его Небольсин совсем о другом.
- Да. Я поджидаю крейсер "Аскольд". Правда, мне нужен не столько сам крейсер, сколько его командир.
- А где они сейчас болтаются?
- Сейчас застряли в доках Девонпорта. Думаю, в начале лета крейсер уже будет здесь... Ну, прощайте тогда! - поднялся лейтенант, быстрый и резкий. - Вы на "Чесму" сегодня придете?
- А что там? - зевнул, Небольсин.
- Пьянка. В узком кругу своих. Будет, кстати, Уилки... он самый приятный из англичан. Верно?

- Да, Уилки парень славный... Приду! Выпивка не помешает...
И никогда еще не пили на Мурмане так много, как в эти дни - дни, следовавшие за Февральской революцией. По ночам суетливо хлопали выстрелы. Но это были выстрелы не политические, это убивались насмерть из-за баб, из-за денег, просто так, от осатаневшей полярной жизни. Нет, никаких потрясений и разливов крови "революция" на Мурмане не ведала... С чего ей ведать?

В апреле вернулся в Петроград из эмиграции Ленин, но его "Апрельские тезисы", столь мощно прозвучавшие в столице, дошли до Мурмана лишь слабыми отголосками в нарочитом искажении телеграфистов-эсеров, засевших на станциях от самой Званки до Колы... Так оно было. И так подготавливалось то, что потом непременно произойдет, и происшедшее потом повернется к людям как бедствие - лютое, неисправимое.

* * *

Из Петрозаводска приехал Каратыгин с красным бантиком в петлице новенького драпового пальто. Встреча его с Небольсиным произошла на улице, недалеко от станции.

- Господин Небольсин! Аркадий Константинович, постойте...

Небольсин выждал, пока запыхавшийся контрагент не доволочил до

него тяжеленный чемодан, стучавшийся об рельсы.

- Ух! - сказал. - А вы напрасно не поехали со мною. Вас бы тоже, наверное, выбрали...

- Куда я должен был ехать с вами?

- В Петрозаводск - на выборы.

- Значит, выбрали тех, кто догадался приехать?

- Нет. Но мы же с вами не последние люди на дистанции. "Что в чемодане? - думал Небольсин. - Спекульнул?"

И такая вдруг тоска заполнила его сердце!.. А вокруг, посреди загаженных сугробов, уже подталых, ржавели груды пустых консервных банок. Ветер шелестел отодранными этикетками, гнал их дальше, через завалы мусора; они копились, мешаясь с окурками, возле плотных рядов колючей проволоки. А там, за проволокой, доски бараков - такие серые, хоть обвейся на них...

Тошно стало, и пошел прочь, отмахнувшись.

- Стойте! - закричал Каратыгин, раскрывая чемодан на земле. - Куда же вы? Я вам сейчас прочитаю... Вы должны знать о позиции нашего Совжелдора.

Любопытство победило, и Небольсин остановился. Чемодан Каратыгина был доверху наполнен свежими листовками, отпечатанными в Олонецкой губернской типографии. Пальцы инженера с недоверием ощупали шероховатую бумагу, такую грубую, что из нее можно было выцарапывать щепки.

- Читайте. - И контрагент потер свои розовые руки с белыми узенькими ноготками. - Это мы, - хвастал, - это мы составили на общем собрании...

Небольсин читал: "Признавая согласие Совета рабочих и солдатских депутатов на избрание состава членов нового правительства и участие в нем представителя трудового класса Александра Федоровича Керенского гарантией и доказательством того, что новое правительство действительно стало на защиту как социально-политических, так и экономических интересов трудового народа..."

- Болтовня! - сказал Небольсин, не дочитав обращения, и разжал пальцы; листовка упорхнула по ветру, на мгновение прилипла к ржавому терновнику и навсегда замешалась в грудке мусора, банок, окурков, дряни.

- А почему вы так думаете? - вдруг вскинулся Каратыгин.

- А потому: стоит рабочим на линии взбунтоваться, и весь ваш премилый Совжеддор полетит вверх тормашками.

- Э-э нет, - наступал Каратыгин, привлекая внимание прохожих.

Глубоко ошибаетесь! Теперь вам не царские времена... Кого рабочие будут свергать? Кого?

Небольсин вспомнил ажурные чулки на ногах Зиночки.

- Вас, мсье Каратыгин! - ответил злобно.

- Но мы и есть власть нового порядка в России... Вы что же, выходите, обратно царя хотите?

- И вас, эту новую власть, надо свергнуть, как и царя!

- Ага! Значит, вы против нашей революции?

- Я проклинаяю и эту революцию и вас, делячески помещенных в эту революцию, которая мне ни к черту не нужна!

Только сейчас, увлеченный спором, Небольсин заметил, что они окружены какими-то подозрительными лицами: расхлястанными солдатами, "баядерками", и бабами-маркитантками; щерились поодаль жители Шанхай-города. Но вот, растолкав всех, подошел здоровенный бугай-матрос с "Чесмы" и, щелкая семечки, шелуху плевал прямо на шубу Небольсина.

- Этот, што ли? - спросил у окружающих.

- Этот, - загалдели вокруг. - Контра... за царя!

Над папахами качнулись штыки, и Небольсин испугался:

- Я не против Совжелдора, но я протестую против...

- Чего там! - орали. - Растрепать его, как в Питере таких треплют, и дело с концом... Начинай, ребята!

Сдернули с головы шапку. С хрустом вывернули пальцы, срывая с мизинца перстень. Дали кулаком в ухо (только звон пошел) и поволокли по снегу... Тогда Небольсин решил драться, благо сил у него было немало. Самое главное - сбить матроса. И вот, извернувшись, инженер нанес ему удар. Солдаты все время покушались на его шубу, горохом рассыпались по снегу пуговицы (империалы, сукном обтянутые).

- Растрепать! - кричали. - Рви его... контру...

И вдруг в этой толпе, обуянной бессмысленной жестокостью, отчаянно закрипела кожа новенькой портупей. Чья-то рука в лосиной перчатке схватила Небольсина за воротник и рванула в сторону.

- Не смей прикасаться к этому человеку! - зывал поручик Эллен. - Он будет осужден народным судом революции... (Толпа раздалась). - Шире, шире, шире! - кричал Эллен, патетически вздымая длинную руку. - Не прикасаться к врагу революции...

Дотащил до крыльца барака и, обмякшего, словно мешок, вбросил Небольсина в бокс "тридцатки". За спиною звонко лязгнули запоры, и поручик Эллен спокойно сказал:

- Садитесь, дорогой Аркадий. Вот вы и - дома... Небольсин рухнул грудью на стол, разрыдался. От боли, стыда и отчаяния.

- Какие скоты... - говорил он. - А этот мерзавец... убью!

Эллен поднес к его лицу стакан. Небольсин жадно выглотал до дна, как воду. И только потом понял, что это была водка.

- Легче? - спросил Эллен.

- Спасибо. Отлегло...

- Все мы, - заговорил Небольсин потом, - так или иначе, каждый по-своему, но ждали революцию. Романовы - вырожденцы! Я же видел, какая мочка уха у Николая Романова, - он явный вырожденец. Она, эта династия, уже ничего не могла дать народу. И вот революция пришла. А меня... какой-то спекулянт... меня, честного русского инженера...

Он не выдержал - снова заплакал.

- Еще? - спросил Эллен, берясь за графин.

- Нет. Спасибо. Не нужно. Это пройдет...

- Это никогда не пройдет, Аркадий Константинович, внушительно ответил Эллен, маятником двигаясь по боксу. - Казалось бы, с образованием нового правительства можно и поставить точку; но точка переделана в запятую... большевиками, и продолжение революции следует. И никто не думает об отечестве. Все, как помешанные, орут только о свободе. А у нас, на Мурмане, и того проще: отсутствие дисциплины принимают за революцию... Так-то вот, господин Небольсин!

Из кармана френча, пошитого в британском консульстве, вынул Эллен кольт, плоский, как черепаха. Спрятал в стол.

- Кто в Совжелдоре? - спросил его Небольсин.

- А вас интересует политическая окраска или?..

- Да.

- Совжеддор поделили правые эсеры и меньшевики.

- Мне тоже рекомендовали.

- Кто?

- Лейтенант Басалаго.

- Напрасно отказались, - заметил Эллен с умом. - Рабочие были бы довольны, видя в составе Совжелдора вас, а не Каратыгина...

Несколько дней мучился потом Небольсин, бессильный от неудовлетворенного мщения. И наконец нашел выход. Запросил в бухгалтерии конторы всю калькуляцию на поставку продуктов и товаров, проделанную Каратыгиным. Уличить мерзавца в воровстве было совсем нетрудно. Каратыгин умудрялся посылать на разъезды бочки с кислой капустой, в которых лежали... мокрые тряпки, пересыпанные вшами,

погибшими в огуречном рассоле.

С этим Небольсин и навестил начальника гражданской части на Мурмане Брамсона, который разместился под боком у капитана первого ранга Короткова.

- Посмотрим, - сказал Брамсон и заточил карандаш, как шило; вчитался в доношение Небольсина.

- Да, - сказал он, смигивая с кривого носа пенсне, - но все это было возможно при старом рухнувшем режиме. А сейчас, когда Каратыгин столь активно представляет северную дистанцию в Совжелдоре...

- Борис Михайлович, - придержал его Небольсин, - режим старый, режим новый. А люди на дистанции по-прежнему голодают. Совжелдор пишет воззвания, но подметки износились. А в школе на станции Тайбола (вот кстати вспомнил) совсем нет карандашей и чернил. И детишки пишут на полях старых газет.

- Хорошо, - ответил Брамсон серьезно, - я разберусь. Появился как-то в конторе прораб Павел Безменов, долго околачивался по коридорам, читая бумажки, расклеенные по стенам. Потом, уловив момент, когда в кабинете начальника никого не было, протиснулся к Небольсину, сказал:

- Доброго здравьица вам, Аркадий Константинович!

- А-а, Безменов, здоров, друг. Откуда?

- До Званки ездил.

- Что у тебя там?

- Баба.

- А у меня вот, - вздохнул Небольсин, - невеста в Питере, ты не можешь представить, какая дивная женщина. Но с этой вот революцией, чтоб она горела, не могу в Питер даже на день выбраться... Тебе что? - вдруг спросил он прораба.

Безменов поскреб в затылке, глядя на Небольсина из-под рысего малахая узкими щелочками глаз.

- Пишут тут, - сказал. - Занятно пишут... Хотите читануть?

- Да смотря что читать...

- Званка-то, - говорил прораб больше намеками, - недалеко от Питера. Не дыра, как у нас. Вести туда доходят.

- Чего ты крутишься? - спросил Небольсин. - Говори дело.

- Дело тут такое. Почитайте, что большевики пишут... - И выложил на стол газету. А в ней черным по белому было сказано, что член Совжелдора "некий г-н Каратыгин" дает взятки Брамсону ("в прошлом царскому сатрапу и прокурору, который ныне возглавляет гражданскую часть на Мурмане").

Небольсин поступил далее с горячностью, присущей большинству честных людей: с этой газетой в руках навестил Брамсона.

- Борис Михайлович, - спросил для начала любезно, - прояснилось ли что-либо с теми пройдохествами мсье Каратыгина, о коих я вам уже имел честь докладывать?

- Вы, - четко ответил Брамсон, - ошиблись в своих наветах на гражданина Каратыгина, который ныне...

Тут зашуршала газета, и палец Небольсина припечатал прискорбное место в колонке строк, где большевики говорили о взятках, которые берет Брамсон.

- Кажется, про вас? - спросил Небольсин. - Поздравляю.

- Возможно, - согласился Брамсон и хорошо натренированным лицом отразил премудрое спокойствие. - Только у меня теперь вопрос к вам, любезный Аркадий Константинович.

- Пожалуйста!

- И вы уже давно... большевик?

Небольсин сочно расхохотался:

- А если я большевик, то, пардон, что вы со мной сделаете? Сейчас, после революции, каждый волен сходить с ума как ему хочется... Не посадите!

- Я никого еще не сажал, - сказал Брамсон, с ненавистью рассматривая красивое молодое лицо путейца. - Но для вас, голубчик, могут быть неприятности. Учтите это.

Между ними на мгновение встала тень усатой Брамсихи, которая каталась по тундре в вагоне молодого инженера, и об этих ночных катаниях многие на Мурмане знали...

- Взяткобравцы! - выговорил Небольсин и выскочил прочь.

Дело происходило при свидетелях. Был вечерний час, и молоденькая секретарша Короткова, взвизгивая, смеялась. Присутствовал и сам Коротков монархист чистой воды, но, в общем, человек тихий и безобидный.

Брамсон рвал и метал:

- Этот пьяница, живущий в своем вагоне с девкой, на которой пробы уже негде ставить...

- И-и-и-их! - взвизгивала секретарша, вся в диком восторге от подробностей скандала.

- Этот грязный распутник, который покушался даже на честь такой порядочной жены и матери, как моя Матильда Ивановна... И он вдруг смеет! Нет, вы подумайте...

Коротков взялся утешать (очень неумело):

- Ну что вы, Борис Михайлович, - говорил каперанг. - Разве про вашу Матильду Ивановну кто скажет дурного?

- И-и-и-их! - радовалась секретарша.

В это время под окнами управления прошли табуном юные мичмана с миноносцев, во всю глотку распевая:

Ванька Кладов - негодяй,

Ванька Кладов - не зевай,

Тильда Брамсон - первый сорт,

Ты прими ее на борт...

Брамсон, побледнев, опустил руки вдоль жидких чресел.

- Ванька Кладов? - еле слышно прошептал он. - Это еще что за новость? Кто такой Ванька Кладов?

- Да успокойтесь, Борис Михайлович, - утешал его каперанг.

- Нет! - осатанел Брамсон. - Я должен знать... правду!

- И-и-и-их!

Тогда каперанг Коротков обстоятельно объяснил:

- Ванька Кладов - мичман с крейсера "Варяг". Крейсер ушел в Англию, а он спяна здесь остался. Оказалось, мастак сочинять драмы и критиковать. Печатался где-то... Вот и поручили ему редактировать "Известия Мурманского Совета". Не понимаю, Борис Михайлович, что вас так взволновало?..

- Вот это было здорово! - сказала секретарша и взяла папиросу не из своей пачки. - Молодцы ребята... Самый лучший народ - на миноносцах!

* * *

Скоро началась отчаянная грызня между разрозненными группками Цефлота, Цеконда и Цемата.

Люди поумнее хорошо сознавали, что эта борьба не была партийной, нет это по старинке грызлись (с приправой барства или анархии) все те же палубы: матросские кубрики, "пятиместки" унтеров и кают-компании кораблей каждая прослойка флотилии хотела теперь загрести побольше власти, чтобы навар для щей был погуще.

Лейтенант Басалаго стал выдвигаться в эти дни как блестящий организатор. Он умел убеждать - рычал, ласкал, отступал, снова бросался в бой, но... делал только то, что ему надо. Авторитет этого человека, уже потерявшего севастопольский загар, быстро рос на флотилии: вокруг него собирались не одни офицеры, но и кондукторы и матросы.

Неимоверным усилием ума, злости и воли лейтенанту Басалаго удалось слить взбаламученные распрями опитки Цефлота, Цеконда и

Цемата в единый коктейль.

Получилась новая организация флотилии - ЦЕНТРОМУР, и там, в этом Центромуре, заплавала юркая и скользкая фигура Мишки Ляуданского, машинного унтера с линкоров.

- Революция, братки, это вам не шлынды-брынды! - кричал Ляуданский на Короткова. - Революция, братки, это - во!

И подставлял к носу бедного каперанга свой большой палец, рыжий от махорки. За такую "революционность" Ляуданского носили на руках чесменные (декольтированные) матросы и рыдали навзрыд - от умиления, от речей, от водки...

- Весь мир разрушим! Во мы какие... Приходи, кума, на нас любоваться...

Глава пятая

Ванька Кладов, негодяй известный, нюхал первый цветок в этом тяжелом для него 1917 году.

- Хороша, язва, - говорил он. - Вот только не знаю, как сия флора называется. В ботанике, прямо скажу, я не дока. Во всем остальном я - да, разбираюсь...

Была весна, и Романов-на-Мурмане, благодаря революции, был переименован в Мурманск (уже официально). Недавно отгремели грозы, вызванные нотой Милюкова о верности России всем договорам и о готовности вести войну до победного конца; Северная флотилия на общем митинге поддержала милюковскую ноту - все это Ванька Кладов запечатлел на страницах своей газетенки. В море шныряли подлодки врага, одну из них, кажется, потопили; телефонный буй с германской субмарины занесло приливом прямо в Александровск, прибило волнами к метеостанции, где ученые мужи долго пялились на буй из окошек, принимая его за мину. Все это Ванька Кладов воспел в красочных стихах, после чего сам для себя выписал гонорар (по рублю за строчку). Потом были и неприятности: Гучков ушел в отставку, и Гучкова было жаль Ваньке - написал элегию на уход Гучкова (по три рубля за строчку). Теперь Керенский вошел в состав нового коалиционного правительства на правах военного и морского министра. Нюхая цветок, Ванька Кладов соображал, как отобразить это событие, чтобы не стыдно было выписать себе по пять рублей за строчку...

Как и положено негодяю, он был мастак на все руки, и жизнь ему улыбалась даже здесь - на распроклятом Мурмане.

Поднялся с нижнего этажа (вернее, из подвала, где размещалась типография флотилии) служитель-наборщик и спросил:

- Ляуданского-то как? Набирать или опрокинуть?

- А чего там пишет Ляуданский-то?

- Да кроет...

- Кого кроет?

- Всех кроет.

- Меня не кроет?

- Вас не кроет. А вот Родзянку с незабудками смешал. Заодно и большевиков туда же... Как?

- Нехорошо поступает гражданин Ляуданский. Родзянку ты при наборе выкинь. А большевиков оставь.

- Господин мичман, да ведь... Знать надо Ляуданского-то!

- Знаю, - сказал Ванька Кладов. - Кто его не знает?

- Побьет ведь.

- Верно. Побьет он тебя. Ибо любой талант не терпит сокращений... Стихи есть в номере? - ревниво спросил Кладов.

- Пишут.

- Кто пишет стихи?

- Эсер какой-то стихи пишет. Уже старый. Приволочился. Первым делом пожрать попросил. Пожрал и теперь катает...

- Это похвально, - заметил Ванька Кладов, наслаждаясь жизнью. - Я ему по гривеннику за строчку выплачу. Тяга к стихотворству благородна... Ты стихов никогда не писал?

- Нет, не писал. Ну их к бесу!

- А эсера этого не отпускай... Спроси - не знает ли он, кто купит у меня бочку машинного масла?

Наборщик развернул макет номера газеты:

- Жидковат, кажись... Здесь пусто. И здесь продуло.

- Все исписали, - присмотрелся Ванька. - Оно верно.

- Бабу вот вчера на Горелой Горке топором угрохали, - призадумался наборщик. - Может, развернуть на подвал? Да в конце вы своей рукой мораль подпустите: мол, разве так надобно относиться к женщине?

- Не надо. Может, англичане к вечерку чего новенького нам подкинут... Телеграф-то стучит?

- Ерунду стучит. Керенский вчера опять на митинге плакал.

- Ну ладно. Иди...

Ванька Кладов остался один. Нюхал цветок. Взгляд его упал на окно и замер. С моря выходил на рейд, готовя якоря к отдаче, плоский серый корабль, с пятью трубами, отчаянно дымившими. Коротко взревела сирена, выбрасывая к небу горячий пар.

Ванька Кладов (негодяй известный) схватил швабру и ну молотить

палкой в пол, чтобы услышали в типографии.

- Погоди набирать! - кричал. - Новости будут... "Аскольд" входит на рейд... из Англии!

От пирса гавани сразу отошел катерок и во всю прыть, разводя белые буруны, помчался в сторону "Аскольда". Это лейтенант Басалаго спешил повидать Ветлинского.

* * *

Носовая пушка "Аскольда" стучала резкими выстрелами.

Салют предназначался согласно традиции флагу британского адмирала Кэмпена. Катер "срезал" корму французского броненосца "Адмирал Ооб"; мимо пронеслись узкие, низко прижатые к воде плоскости миноносцев; под бортом громадного линкора "Юпитер" (на который Кэмпен недавно перенес свой флаг) катерок порта казался маленьким жучком. Исхлестанный полосами засохшей соли борт линкора стал удаляться, а лейтенант Басалаго еще считал залпы: "восемь, десять... одиннадцать..."

Когда он выбрался по штурмтрапу на спардек "Аскольда", пушка уже молчала; воняя пироксилином, затвор орудия выкинул на разложенные под пушкой маты звонкий патрон. Стрельба окончена, и матросы - усталые взялись за чехол.

Пошатываясь, серый и небритый, с мостика спускался Ветлинский. Он так постарел, так изменился за последнее время, что Басалаго с трудом узнал его. Черный походный плащ-"непромокашка" уныло обвисал плечи каперанга.

- Кирилл Фастович, вы... больны?

Ветлинский взял лейтенанта за локоть, пропуская вперед:

- Только не здесь... Обо всем - в салоне.

В салоне открыты окна, и - холод собачий.

Крепления на переходе ослабли, вестовые за ними недоглядели, и теперь полный развал: хрустят на ковре осколки разбитого графина., выскочившего при крене из "гнезда"; книги тоже сброшены с полок, и страницы их отсырели...

- Не надо смотреть на меня, - сказал Ветлинский. - Сам знаю, что сдал. Сильно сдал.

- А как дошли? - вежливо осведомился Басалаго. Острый нос на лице каперанга - как клюв. А глаза запали.

- Как дошел? - переспросил Ветлинский. - Все офицеры разбежались еще в Девонпорте. Счастливы! Они остались жить... А мы вот вернулись. Но... как вернулись? На мостике - я, в машине - мичман Носков, сумевший поладить с матросами... Я уже не командир, - признался Ветлинский, - а

только пособник судового комитета. Слава богу, что не надо было спрашивать "добро" на повороты и перемены в курсах...

- Вы устали, - сказал Басалаго, искренне сочувствуя.

- Не то слово - устал... Поймите мое положение: во мраке океана я веду крейсер, прокладка и пеленгация на мне одном. А под палубой в это время стучат выстрелы. Дошли лишь чудом... Случайно, на заходе в Варде, мы перехватили радио от господина Керенского, переданное нашим атташе в Стокгольме кавторангом Сташевским. Керенский высылает к нам комиссию, дабы судить офицеров и команду за хаос...

Басалаго поставил вопрос ребром:

- А этот расстрел в Тулоне?..

Ветлинский рванул с себя "непромокашку".

- Команда уверена, что приговор подписал полковник Найденков и атташе посольства. К тому же мне пришлось выступить перед судовым ревкомом...

- С чем?

- Я вынужден был признать эту революцию. Я признал ее... Впрочем, задумался каперанг, - мне для этого совесть свою насиловать не пришлось, ибо я отдаю отчет себе в том, что Романовы только занимали место. Они не были способны довести Россию до победного конца. Честно скажу вам, Мишель: да, я буду поддерживать Керенского в его стараниях воодушевить флот и армию к наступлению...

- Что ж, все разумно, - согласился Басалаго. - Вы спасли не только себя. Вы спасли крейсер... для России, для войны.

- Очень рад, Мишель, что вы это сразу поняли. Ради этого я и шел на все. А теперь... спать. Вы меня извините, Мишель, но я забыл, когда спал в последний раз...

Сковырнув с ног громоздкие штормовые сапоги, разбухшие от сырости, Ветлинский рухнул на койку. Его глаза закрылись темными веками, словно пятаками глаза покойника. Серые губы каперанга слабо прошептали:

- Вы можете говорить и дальше, Мишель. Я еще не сплю... Басалаго поднял с палубы опрокинутый стул-раскидушку.

- Я вас очень ждал, Кирилл Фастович, - заговорил он, садясь поближе к каперангу. - Здесь, в Мурманске, вам бояться нечего. Поверьте: наши корабли всегда под главным калибром "Юпитера", англичане никаких бунтов не допустят. Я вас очень ждал, - повторил он, - чтобы совместно...

- Постойте, - сказал Ветлинский, не открывая глаз. - Мне не понравилось, что вы сейчас сказали...

- Что не понравилось вам, Кирилл Фастович?
- Вот это. Быть под наводкой калибра... с "Юпитера".
- Но это же не "Гебен" и "Бреслау"!
- Все равно, - возразил Ветлинский, - Я слишком хорошо изучил англичан: дай им только мизинец, и они... я их знаю!

От лица утомленного каперанга вдруг разом отхлынула кровь. Ветлинский стал белым-белым - он уснул. Басалаго встал и, осторожно затворив двери, поднялся на палубу.

К борту крейсера как раз подошел катер с "Юпитера", и по штормтрапу вскарабкался английский сублейтенант - розовощекий юнец, лет восемнадцати на вид. Заметив флаг-офицера, он вскинул руку к белобрысой голове, ничем не покрытой.

- Адмирал Кэмпен, - сказал дерзко, - выражает неудовольствие, что крейсер салютовал ему только одиннадцатью залпами. Мой адмирал в чине бригадном, ему положено слышать в свою честь тринадцать залпов.

Матросы-комендоры уже начинали расходиться от пушки.

- Первая! - крикнул Басалаго. - Расшнуровать обратно, два холостым добавь...

От пушки - выкрик, совсем невежливый:

- А ты кто такой?
- Флаг-офицер, состоящий при мурштабе.
- У нас свой штаб, - ответили.

Суб-лейтенант с линкора "Юпитер" ждал.

- Мой адмирал тоже ждет, - сказал юноша улыбаясь.

Из люка вылез на палубу унтер-офицер с отверткой в зубах.

- О чем тут спор? - спросил.

- А кто ты такой? - сказал ему Басалаго.

- Гальванный унтер-офицер статьи первой Павлухин, член судового ревкома.

- Вот вас-то мне и надо, милейший! Соизвольте велеть своим матросам расшнуровать первую и добавить два холостых.

Павлухин помахал отверткой:

- Ребята! Традиций флота не нарушать... Два - в небо, чтобы чертям тошно стало, вжарь!

- Пожалте, - отозвались с пушки, срывая чехлы. Дважды, оглушая залив, грохнула пушка.

Понемногу успокоились чайки, опять присаживаясь на воду. Суб-лейтенант глянул с высоты борта (примерно как с крыши трехэтажного дома) и ловкой обезьяной совершил прыжок на шкентель с мусингами.

Быстро и умело спускался на катер.

- Олл райт! - гортанно выкрикнул англичанин на прощание.

Басалаго задумчиво стоял возле борта. Под ним - вода, темная, и мощный отлив выносил от самой Колы в океан водоросли, дохлую рыбу, пустые консервные банки. И вдруг - вспомнил.

- А мичман Вальронд, - спросил, - где?

- Целехонек, - ответил ему Павлухин. - Ваш мичман Вальронд честь честью справил со мною дружескую отвальную в мюзик-холле Лондона и ушел... по-английски не попрощавшись!

Басалаго ответил:

- Вальронд покинул крейсер - в это верю. Но вряд ли мичман Вальронд справлял отвальную именно с вами.

- Как знать... - улыбнулся Павлухин. - Всяко бывает...

Басалаго примерился к броску, криком подзывая свой портовый катер, чтобы моторист подвел его под шкентель с мусингами.

За спиною лейтенанта переговаривались матросы:

- То англичанин, нация морская. А эти... наши... баре!

Один прыжок и тело, пролетев над кипящей водой, повисло в воздухе. Басалаго сначала наслаждался удивлением аскольдовцев, а потом, вися на руках вровень с палубой, прокричал им:

- Я вам не барин... Как представитель Центромюра я приду сюда снова. И наведу порядок на крейсере... ррреволюционный!

- Какой порядок? - кинулись к борту матросы.

- Порядок революции. - И соскочил вниз, балансируя на шаткой палубе катера. - Полные обороты, - велел он в машину. - Подойти под трап "Юпитера"...

Павлухин раскрыл дверь и переступил через комингс, который до революции имели право перешагнуть только командир крейсера, военноморской министр или император России...

Самокин собирал в чемодан вещи: белье, книги, японские безделушки. Придавил чемодан коленом - щелкнули застёжки.

- Вот и все, - сказал, выпрямляясь.

Павлухин глянул в кругляк иллюминатора, где виднелись жалкие строения города-недостройки, и опечалился:

- Дыра...

- Ошибаешься. Это тебе не дыра, а - окно в мир. Такое же, как когда-то Петербург, только еще шире, еще просторнее. погоди, здесь еще будет такое... А вообще-то, - закрутил усы Самокин, - отчасти ты прав: после Сингапура, Тулона, Лондона... дыра!

Помолчали. Ветер из иллюминатора стегал кондуктора прямо в затылок, лохматя ему волосы...

- Значит, так, - заговорил Самокин. - Главное здесь сейчас это Центромур. Но он подчинен Целедфлоту, что в Архангельске. Будет тебе трудненько, Павлухин... Глотки у всех здоровые. И будут драть их пошире. Теперь народ стал смелее. В случае чего, и ножик под ребро пустят... Настоящих моряков-балтийцев здесь нет. Опитки да объедки - возьми, боже, что нам негоже... Рассчитывай на пополнение, что прибыло в команду, советовал Самокин - вот Кочевой, Власьев, Кудинов...

- Понимаю, - кивнул Павлухин. - Кочевой, Власьев, Кудинов Митька. У этих, правда, головы на пупок не завернуты.

Самокин вскинул в руке чемодан - примерился, как нести.

- Совжелдор, - сказал он вдруг, - это в Петрозаводске, и туда нам не статья: дело не морское, а путевское. Питер за дорогу эту ни зубов, ни крови не пожалеет... Будем драться!

- Ты думаешь? - не поверил Павлухин.

- Еще как! А тебе, дружище, дорога прямая - в местный Центромур.

- Да как выберут?

- Пройдешь... Все-таки наш "Аскольд" - посудина первого ранга. Не только матросы, но сама броня и сам калибр за тебя голосуют. И запомни, Павлухин, намертво: боезапаса не сдавать! Что угодно - без штанов останься, а погреба берегите.

- Ясно, - сказал Павлухин.

- И еще, - добавил Самокин, расхаживая по каюте, сразу ставшей для него чужой и пустой. - Старайся попасть в Целедфлот, потому что в Архангельске есть наши. Сцепись с тамошними большевиками в одну хватку. Запомни вот это имя...

- Говори, запомню!

- Николай Александрович Дрейер, поручик Адмиралтейства.

- Поручик?

- Чего вскинулся? - осадил гальванера Самокин. - Сядь, не дури... Поручик Дрейер окончил Морской корпус, но ему даже мичмана ради смеха не дали. А поручика... За что? А вот за то, что он марксист. В Архангельске он главный оратор от большевиков, и ты еще полюбишь его.

- А как найти этого Дрейера?

- Он плавает штурманом на военном ледоколе "Святогор", что построили для нас в Канаде. Организация в Архангельске, - продолжал Самокин, конечно, слабенькая. Но большевики все же есть. А здесь - дыра, ты прав! Кораблей много, верно: Но половина английские да французские.

И заметь, главный калибр все время расчехлен... Черт их там разберет, что они про себя ночью думают!

- Неужто на такой прорве кораблей, - сказал Павлухин, - и все мозги у братвы набекрень?

- Были бы у них мозги нормальные, - ответил Самокин, - так они бы за Милюкова не держались... Пошуруй, конечно. И на флотилии. И на дороге. Путьцы народ бродяжий, на месте не сидят. Катаются. До Питера и обратно... Ну, что закрутил?

- А чему тут радоваться? Дела неважные... И ты улепетываешь.

- Надо. Так надо. - Самокин хлопнул его по плечу и снова вздернул чемодан за ручку. - Тяжеленный, дьявол... Набрал барахла за двенадцать лет службы. Ну, а теперь, Павлухин, должен я сказать тебе одну вещь. Очень опасную: она требует разума, спокойствия и выдержки.

- Это ты к чему меня готовишь?

- К разговору о нашем каперанге Ветлинском.

- А что? Он вроде бы все понял... все принял.

- Верно. И все как будто принял. Но перед этим он, только он один, был повинен в расстреле четырех в Тулоне. И наш атташе Дмитриев в Париже и сам следователь были против расстрела!

Павлухин наступал на Самокина:

- И ты знал? Ты знал? И - молчал?

- Знай и ты. Молчи и ты.

- Как же это?

- А вот так... Через мои руки прошли все шифровки. Помочь я ничем не мог. Вся борьба за жизнь четырех между Ветлинским и посольством была у меня перед глазами.

- И молчал? - не мог простить Павлухин Самокину.

- Правильно, что не сказал. Угробить человека легко. А кто крейсер доведет до Мурманска? Ты, что ли? А корабль необходимо сохранить... для революции. Вот и молчал.

Павлухин потер один кулак о другой:

- Ну теперь-то мы дома... Крейсер он привел.

- Будь разумнее, Павлухин, - сказал ему Самокин. - Революция не состоит из одних расправ и выстрелов. Время еще покажет, что такое Ветлинский. Может, он еще шерстью наизнанку вывернется? И даже будет полезен?

- Кому?

- Службе, дурак ты такой... Службе!

- Да не верю я в это.

- А я и не настаиваю, чтобы ты на каперанга крестился. Но надо еще проверить - что скрывается за его речами.

Звякнул звонок, откинулось в переборке окошечко из радиорубки. Самокин перенял бумагу, как в старые времена.

- Это же не шифровка! - сказал он. - Так чего суете мне?

- Все равно. Тебе ближе. Ты и передай командиру.

- А что там? - вытянул шею Павлухин, подозрительный. Самокин глянул на бланк и хмыкнул:

- Сам Керенский вызывает нашего Ветлинского в Питер.

- Зачем?

- Этого не знает пока и сам Ветлинский. Очевидно, Керенский имеет на него какие-то особые виды... Неспроста!

Самокин поднялся на мостик. В шубе и валенках дрог на ветру сигнальщик. Увидел кондуктора и стал ругаться:

- Ну и закатились мы. Если так на солнце зубами ляскать, так что же зимой-то будет? Во климат, провались он, холера... там уже цветы вижу, на сопках, а за цветами лед не тает.

- Отщелкай на СНиС, - попросил Самокин сигнальщика, - пусть ответят нам, если сами знают: когда питерский уходит?

Под ширмами прожектора узкими щелями вспыхнул ярчайший свет дуги. Сигнальщик проблесками отщелкал на пост вопрос: створки ширмы то открывали, то гасили нестерпимое сияние дуги, устремленное узким лучом прямо в пост СНиСа.

- Есть, - сказал. - Проснулись, сволочи... отвечают.

- Читай, - велел Самокин.

Теперь такой же луч бил в мостик "Аскольда".

- Курьерский... отходит... И спирту просят!

- Ответь им: спасибо. А спирт - в аптеке.

Берег "писал" снова, и сигнальщик прочел в недоумении.

- Эй, Самокин! Советуют нам пушку продать.

- Начинается... анархия, мать порядка, - выругался Самокин.

Уже надев шинель, он подхватил пудовые книги кодов, отнес их в салон. Ветлинский спал, похожий на мертвеца, и ветер стегал бархатные шторы, раздувая их сырым сквозняком. Поверх книг Самокин положил распоряжение главковерха Керенского и вышел из салона... Навсегда! Навсегда!

На трапе он поцеловался со всеми, кто встретился ему. И всю ночь кондуктор-большевик мирно спал в вагоне, бежавшем через лесистые тундры. Самокин не знал еще, что его ждет в Петрограде, как не знали того

и те, кто оставался в Мурманске.

* * *

Вид Мурманска приводил Власия Труша в трепетное содрогание. "Во, лафа выпала! - думал он. - Небось в эдакой трущобе и жрать подадут одни сухари... Ежели, скажем, по три рубля рвануть за каждую банку? Сколько же это будет?.."

Подсчитал и снова впялился в иллюминатор: "Да что там три! Нешто в эдаком краю, где ништо не водится, и по пятерке не накладывают?" И с упоением наблюдал он всю мурманскую разруху и неустроенность окаянной человеческой жизни. "О себе тоже, - размышлял, - забывать не стоит..."

С такими-то вот мыслями, полными самого благородного значения, боцман Труш и вышел в середине дня на каменистый берег земли российской - земли обетованной.

- Эй! - окликнул прохожего. - А главный прощпект где?

- Где стоишь, там и будет главный.

- По шпалам-то?

- Милое дело, - ответил прохожий.

"Пройдусь разведую", - решил Власий Труш и, выпятив грудь, закултыхался по шпалам.

И вдруг... О эти "вдруг"! Как они играют человеком!

Сидела на ступеньках вагона баба, держа на коленях младенца. А сей исторический младенец играл пустой банкой из-под ананасов. Как раз той фирмы, какую закупил в Сингапуре и сам Власий Труш... Боцмана малость подзашатало, и он долго озирался вокруг, словно перед злодейским убийством.

Потом заботливо склонился над младенцем, приласкал его.

- Так-так. На солнышке греется... Балуется, значит!

- Руки все вымотал, - печаловалась баба. - Уж я порю его, порю... Никакого толку!

- Тя-тя... Тя-тя... - пролепетал младенец.

- А баночка-то, - схватился Труш за жестянку, - красивенькая... Где взяла? - вдруг гаркнул он на бабу. - Отвечай!

- О чем ты, родимый? - испугалась баба.

- Отвечай, где взяла ананасью банку?

- Батюшка милый, да пошла до лавки и своему огольцу купила.

Труш развернул в руках платок, остудил лицо от пота.

- Купила? - засмеялся. - Да что ты врешь, баба? Это же господская штука... Три рубля банка стоит. Где тебе!

- Не сочиняй ты, - обиделась баба. - Налетел, будто я украла... Эдакого-то добра у нас много. Вот картошки нет, картошка в этих краях дорогая. Три рубля одна насыпочка стоит. Да вить... насыпать разное можно. А это - тьфу, ананасина твоя!

- И он, твой шибздик... что? Никак съел?

- Съел, батюшка. У него пекит хороший. Все руки, говорю, отмотал мне, проклятый...

- Сколько же ты заплатила за банку?

- А сколько? Как все, так и я... за полтинник. У гличан, слышь-ка, такого барахла много навезено. Вот мы и кормимся...

Власий Труш понял, что он разорен. Видеть не мог более сопливого младенца, что усиленно развлекал себя пустою нарядной жестянкой. Кинулся боцман на станционный телеграф - там народу полно - и растолкал всех ждущих очереди.

- Полундра, мадам... полундра, вам говорят! Я - "Аскольд", только что пришли с того свету. Срочная телеграмма: быть революции или не быть? Прошу не волноваться...

И отбил в Ораниенбаум жене:

СООБЩИ ЦЕНЫ АНАНАСЫ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ТВОЙ ВЛАСИК

- Когда будет ответ?

- Зайдите вечером, - посулил телеграфист.

До вечера, голодный как волк, Власий Труш гулял по шпалам.

Вечером его поджидала телеграмма из Ораниенбаума: АНАНАСЫ НЕ ПОНЯЛА ХЛЕБА НЕТУ КРЕПКО ОБНИМАЮ

Дух взбодрился сразу. Видать, в Петрограде, и вправду говорят, народец с голодудохнет. Сразу отлегло от сердца, будто камень с него свалили: все в порядке, не пропадем! Итак, решено - везти ананасы до революционного Питера...

Труш прибыл на корабль, а на "Аскольде" - беготня по трапам. Порхали раскаленные утюги, болтались, зеркальца, перед которыми, присев на корточки, брились матросы. Гам, хохот, веселье.

- На берег, што ли? - спросил Труш. - Так на берегу этом ни хрена нету. Я был там... Это тебе не Тулон с Марселем: разворота на всю катушку не дашь. Да и барышни тут по нашему брату в штабеля не складываются... себе цену верную знают!

- В отпуск! - орали матросы. - Половину всей команды крейсера командир отпускает до дому... Уррра-а!

- Половину? - почесался Труш. - Многоватенько...

Он отправился к Ветлинскому выпросить отпуск и для себя. Каперанг,

хорошо отдохнувший после перехода, гладко выбритый, в полной форме, сидел за столом перед списками команды.

- Боцман, тебя на три дня... никак не больше... Подсказывай, кто беспокойный, от кого нам лучше сразу же избавиться.

Узкий палец каперанга в блеске обручального кольца скользил вниз по колонке имен, а боцман давал советы:

- Крикун... к бесу его! И этого - с глаз долой. Тоже... пусть едет и не возвращается. Солдаты-то бегут с фронта, а наши разве солдат умнее? Никто не вернется.

- Павлухин? - задержался палец Ветлинского.

- Пуцай едет, - сообразил боцман. - Хоша он и унтер гальваный, но по всем статьям с панталыку сбился и нашему порядку не поспособствует...

Павлухин от отпуска отказался. Матросы ему говорили:

- Дурак, нешто своих повидать не хочется?

- Хочется, - отвечал Павлухин. - Да вы все разбежитесь, кому за кораблем доглядеть? Именем ревкома никто не уйдет в отпуск, пока технику не сдаст в исправности. Смазать все салом, как на походе... А на молодых много ли надежды?

"Молодых" из недавнего пополнения палец Ветлинского не коснулся в списках. Каперанг считал их более надежным сплавом в команде крейсера (еще "тихими"). Но почти всех, кто помнил тулонскую трагедию, Ветлинский безжалостно отпустил прочь - в явной уверенности, что обратно на крейсер они уже никогда не вернутся... Это называлось - самодемобилизация!

И весь вечер между берегом и бортом "Аскольда" шныряли юркие катера. Один отойдет, а на второй уже навалом кидают вниз чемоданы - парусиновые, с боевыми номерами, крепко прошнурованные. Матросы-старички следят за надписями. Если какой салага вздумает начертать суриком на своем чемодане заветные слова: "МОРЯК ТИХОВА ОКЕАНУ", - его тут же заставляют смывать едкую краску.

- Не достоин, - говорят самозванцу. - Что ты видел? Бискай этот тьфу, лужа. Ты бы вот в тайфуне побывал...

Крики, песни и хохот разбудили сонный рейд. На британском флагмане вся оптика развернулась - на "Аскольд". Союзники пристально следили за отъездом отпускных. Три катера, четыре, пять, пошел шестой... И вот не выдержали: на реи "Юпитера" взлетели флаги. В ярком свете полярного дня расцвел сигнал: командиру явиться на борт британского флагмана...

Ветлинский был возмущен.

- Что это значит? - говорил он, делясь с мичманом Носковым. - Я командир русского крейсера, а не собачка, чтобы подбегать к "Юпитеру" на каждый посвист оттуда...

Каперанг дал флажный семафор на берег, адресуя его в штаб: как поступить в этом затруднительном случае? Ответ с берега был таков: адмирал Кэмпен является старшим на Мурманском рейде...

- Пожалуй, что так, - вынужден был согласиться каперанг; ударил треуголкой об локоть, поправил кортик, одна перчатка на руке, другая тиснута за обшлаг. - Традиции флота надобно уважать. Эй, на вахте! Катер под трап...

Адмирал Кэмпен засел на Мурмане с осени 1915 года, сначала как начальник партии траления - английской; потом через консульство он подчинил себе с помощью дипломатии и русскую партию траления, так что права его старшинства на рейде были вполне обоснованы даже юридически, традиции здесь играли лишь роль бесплатного приложения к уставу и законам службы.

Медленно наплывал на катер серый борт линкора. Фалрепные юнги, засучив рукава, подхватили русского каперанга под локотки, как барышню; фалрепных специально тренировали на приеме с берега пьяных офицеров, и они свое дело знали блестяще. С почестями подняли Ветлинского на борт. Одетый в парадное, подтянутый, с острым взором степного беркута, Ветлинский с деликатной внимательностью прослушал, как оркестр сыграл в честь его прибытия веселенький марш. И вот взмах руки для салюта - приветствие флагу союзной Британии уже послано.

Вахта в строю. Медленно, как на похоронах, стучат барабаны. Свисток вахтенного офицера - можно следовать.

Ветлинский идет по чистой палубе - палубе цвета слоновой кости. Спокойные ясные взгляды матросов сопровождают его. И - порядок, какого русский флот уже не имел. Стало на минутку грустно.

Вахта сопровождала Ветлинского до дверей адмиральского дека. С ковра вскинулся породистый сеттер и сделал стойку на входящего каперанга. Один умный взгляд влажных глаз на хозяина - и собака снова легла, бесшумно.

Адмирал Кэмпен встретил Ветлинского стоя.

- Как старший на рейде, - подчеркнул он сразу, - я обеспокоен съездом команды вашего крейсера на берег. Время военное, восемь германских субмарин рыскают на подходах к Кольскому заливу. Наши тральщики износили машины, неся брандвахту, а на русских эсминцах митингуют, кормясь одними семечками, которые я тоже пробовал есть, но не нашел в

них ничего хорошего... Ваши объяснения? - спросил Кэмпен отрывисто.

- Слушаюсь, сэр. Команда уволена мною в отпуск.

- Я не совсем понимаю вас, - резко произнес Кэмпен. Разговор происходил стоя. Оба навытяжку! Один в мундире застегнутом, другой в легкой шерстяной куртке с закатанными до локтей рукавами.

- Объясняю, сэр, - ответил Ветлинский. - Мною уволена в отпуск часть команды, зараженная пораженческими настроениями. Эти люди, можно считать, уже выбыли из кегельбана.

- Но кегли расставлены... Кто будет играть дальше?

- И оставшиеся, сэр, способны наладить службу. Тем более если вредное влияние большевизма исключено, сэр.

Расставив ноги на ковре, Кэмпен качнулся вместе с линкором (мимо как раз проходила посыльная "Соколица" и развела большую волну). Плавный крен влево, где-то внутри корабля грохнула дверь, еще крен вправо... Качка затихла.

- Хорошо, - сказал адмирал, - в этом варианте есть разумный подход к делу... В случае выхода крейсера на театр, мы дополним недостающий состав нашими матросами, которые рвутся в сражение... Вы слышите? Уже заиграли волынки перед ужином. Прошу, каперанг, к столу.

- Благодарю, сэр. Но осмелюсь сегодня отказаться от ужина, Ибо имею телеграмму от господина министра Керенского, призывающего меня в Петроград по делам службы.

- Весьма сожалею, - кивнул на прощание Кэмпен (и сеттер сразу вскочил с ковра). - Надеюсь, мы встретимся после вашего возвращения из мрачной русской столицы.

Четкий поворот. Треуголка под локтем. По бедру колотятся золоченые ножны кортика. Снова играет оркестр. Фалрепные бережно опускают Ветлинского на катер, в ладонях каперанга мягко мнется голубой бархат фалрепов, бегущих до самой воды.

Рука, вздернутая для приветствия, слегка дрожит. Боже мой! Как давно не было... всего вот этого!

* * *

Белая полярная ночь - с движением поезда на юг - медленно отступала. За Петрозаводском уже висли серенькие сумерки. На обнищавших станциях тяжело вздыхал паровоз.

Власий Труш проснулся в Лодейном Поле.

- Эй, - позвал сцепщика, - в Питере-то когда будем?

- К вечеру.

- Чего так поздно?

- А ныне поезда скоро не бегают. И на том спасибо...

Вышла на перрон баба и пригорюнилась.

- Служивый, - сказала Трушу, - не продашь ли чего?

- Эво! А чего надобно?

- Хлебца бы... Третий дён не жрамши сидим.

- А что? - высунулся Труш в окно. - Разве нет хлеба?

- Откеда хлеб?... - засморкалась баба в платок.

Душа Труша выиграла от чужого несчастья. И чем ближе приближался поезд к Петрограду, тем все выше и выше взвинчивал он цены на свои ананасы. На станции Званка ощущался настоящий голод. Здесь, в ста четырнадцати верстах от столицы, Труш впервые увидел красные повязки на рукавах путейцев. Это были отряды Красной гвардии, о которой на Мурмане знали лишь понаслышке. Красногвардейцы гурьбой подошли к вагонам третьего класса, где ехали отпускные аскольдовцы, и, ничего не прося, терпеливо стояли, под окнами. Окна разом опустились. Посыпались оттуда буханки хлеба, испеченного накануне в паровой пекарне "Аскольда". Власий Труш наблюдал, как золотыми слитками порхают тяжелые буханки, - и ликовал: "Эка, голод-то! Чего там по пять рублей... Драть так драть. Недаром от самого Сингапуру тащил... Опять же и рыск, дело благородное!"

Боцман ехал во втором классе, почти полупустом, загрузив свое купе ящиками с ананасами. Крепкие мышцы боцмана, отъевшегося на казенных харчах, играли заранее - скоро он будет сгружать ящики на перрон...

И вот за вечерело над далями, паровоз неторопливо втянул вагоны под закопченные своды вокзала.

Пассажиры гуртом повалили на платформы: матросы - чемодан на плечо убежали, радуясь, свистя и подпрыгивая. Издалека было видно, что на развороте турникета патруль задержал каперанга Ветлинского. Власий Труш вытянул шею, всматриваясь в сутолоку вокзала: что будет? Командир "Аскольда" о чем-то долго спорил, потом зажал портфель между колен, и патруль тут же спорол ему с плеч погоны, сорвал с фуражки кокарду; после чего турникет закрутился дальше.

Боцман сгрузил на перрон ящики с броскими английскими надписями. На заплеванных досках платформы эти ящики расцветали, словно праздничный подарок ко Христову деньку. Устал.

- Фу, - сказал, отдыхаясь. - Ломового бы теперича... Выбил бушлат об стенку - шлеп-шлеп; сорвал погоны с него - от греха подальше; присел на ящики. Тут его окружили. С красными повязками на рукавах пальтишек. Видать, рабочие.

- Знато, - сказал один, присматриваясь. - Вот это, я понимаю, упаковочка... Эй, флотский! Кажи бумагу.

Власий Труш бесстрастно развернул отпускную. Прочли. Вернули. Пока ничего. Подкатился тут и солдат в обмотках.

- Что в эшелоне? - полюбопытствовал.

- Техника, - не мигнул Труш, отвечая. - Причем иностранная, - добавил. - У нас такая разве бывает?

- Всякая бывает, - усмехнулся один рабочий.

- А это секретная, - отвечал Труш. - Для дальних прицелов.

- Ну вези, - сказал солдат. - Технике - мое почтение. Особенно, ежели прицел у тебя дальний, так это - милое дело!

Но тут его спросили:

- С мурманского?

- С него самого... с мурманского.

- Зажрались вы там. Вон ряшку-то какую наел: надави - и сок брызнет. А ну, Федя, берись с конца. Сейчас прицел проверим.

Подняли один ящик и грохнули его о перрон - покатались яркие банки, и вмиг их не стало (набежал народец - растащил).

- Стой! - заметался Труш. - По какому праву?

- Спекулянт! - ответили. - А право одно: революция! Солдат вспорол ножом одну банку. Лежали там нежные золотистые ломти, благоухая необычно. И растерялся солдат:

- Это что же за дичь така? Видать, вкуснятина?

- Не дичь! - убивался Труш. - Эх ты, серость, фрукта!

- Как зовется?

- Ананаса...

Услышав это слово, солдат озверел.

- Буржуй? - хватался за грудки. - Ананасу жрешь?

- Не буржуй, а боцман... - оправдывался Труш.

- Прикидывайся! - орали из толпы мешочников. - Сразу видать буржуя... Рази моряки ананасу шамают? Переоделся под флотского.

Труш совсем ошалел. Тянулись к нему отовсюду руки, рвали его на части, с хрустом выдернули пуговицы из бушлата, которым он укрывался от кулаков.

- Растрепать его! - визжала бабенка в платке. - Зачинай делить... тута же... всем, по совести!

- Товарищи! Граждане! - взывал Труш, отбиваясь. - А ежели я болен? Ежели я не могу? Ежели мне доктор велел? Это как же получается? Выходит, буржую можно, а простому человеку нельзя?

Красногвардейцы уже таскали ящики на ломового извозчика. Грузили. Солдат ткнул боцмана штыком под лопатку - больно:

- Следуй...

Привели на Выборгскую, вслед за телегой. Там, в узкой прокуренной комнате, сидел человек, и жиденький галстук его был завит на шее веревочкой. Тяжело он поднял глаза, красные от недосыпа, как фонари.

- Половину, - сказал, - на Путиловский, другую половину разделить: на Обуховский да на Парвизайнена... детишкам!

- Ты што? Соображаешь?.. Да я от самого Сингапуру...

- Вот и приехал. Спасибо, что сам не съел!

* * *

Когда Россия уже шаталась от голодухи, Мурманск еще не ведал острой нужды в куске хлеба. Англичане и французы взяли Мурманский край на союзный прокорм, и первый кусок - самый лакомый - доставался гарнизону и флотилии. Все продовольствие было в руках британского консула Холла: он мог и задержать его, и тогда на шее Мурманска стягивалась неловкая петля голода. Холл мог и ослабить эту петлю...

Впрочем, все зависело от Петрограда, где существовало двоевластие. Все зависело от политики. Это было время, когда даже консул не знал, что будет дальше... Стянуть ему петлю или, союзно подобрев, распустить ее по старой дружбе?

Глава шестая

Всю ночь мычали коровы, и сны от этого были наивные, пахнущие молоком и детством. А утром, едва Небольсин открыл глаза, Дуняшка положила перед ним письмо:

- Матрос был. Сказывал, что издалека везли...

Сна как не бывало, и Аркадий Константинович, волнуясь, взломал хрусткий конверт. Штабс-капитан Небольсин сообщал младшему брату, что это, очевидно, его последнее письмо из Франции: бригаду направляют на Салоникский фронт, в Македонию (значит, Лятурнер тогда был прав, намекая на новый адрес). За каждой строчкой письма сквозила плохо скрытая досада и какой-то разлад души и разума.

Там, в окопах Мурмелона, брат его мучился неясной отсюда мукой - и, пожалуй, эта мука не шла ни в какое сравнение с теми переживаниями, какие выпали на его долю в Мурманске. Аркадий Небольсин слишком уважал своего старшего брата. Конечно, Виктор Небольсин (ныне штабс-капитан) не был тем актером, который приходит раз в столетие, чтобы потрясти мир. Но зато Виктор Небольсин мог ежевечерне сорвать с публики аплодисменты за добросовестную игру... Игра продолжалась!

Аркадий Константинович вновь перечитал конец письма: "...распахнется окровавленный занавес этой кошмарной трагедии мира, и самые красивые женщины выйдут навстречу нам с печальными цветами воскресшей весны. Именно к нам, ибо мы, русские, останемся победителями".

Игра продолжалась... даже на фронте! И тут Аркадий Небольсин понял, что эти последние строки тоже рассчитаны на то, чтобы сорвать аплодисменты. Значит, бедняга Виктор давно растерял свою публику - "остался у него только я - его брат". И, сидя на развороченной постели в своем вагоне, брат слегка похлопал брату - из Мурманска до Мурманска: "Браво, браво!"

Небольсины, потомственные петербуржцы, выросли без матери. Отец их, чиновник ведомства императорских театров, был человеком начитанным, с настроениями демократа-семидесятника. Братья вырастали самостоятельно, среди книг и музыки. Отец рано научил их гордиться Россией и тем, что они русские. Отсюда и все остальное, как следствие этого воспитания. Для одного, после службы в блестящем полку, - подмостки сцены, а для другого выпала большая честь - быть русским путейцем: романтика дальних дорог страны, которая раскинула свои рельсы от Амура до полярных тундр Скандинавии. В любом случае - все было у братьев прекрасно и патриотично (так им казалось обоим).

Небольсин еще раз повертел письмо: нет, обратного адреса брат не указывал - наверное, и сам не знал его точно. И тут опять замычала корова только не во сне, а наяву. И так близко, где-то совсем рядом, на соседних путях. Откуда корова - думать не хотелось...

Аркадий Константинович пил чай, заваренный Дуняшкой, когда в вагон к нему поднялся дорогой гость - инженер Петя Ронек с Кемской дистанции.

- О! Петенька... Ты с каким?

- С дежурным, - ответил Ронек. - Прискакал за хлебом... Ронек поддерживал честь корпуса путей сообщения и всегда носил элегантную форму путейца, а на голове фуражку с зелеными кантами и молоточками в кокарде. Был аккуратен, подтянут.

- Чаю? - предложил Небольсин.

- Ну давай...

Распивая чай, Ронек спросил:

- Куда ты коров деваешь, Аркадий?

- Ты это серьезно? - задумался Небольсин.

- Вполне.

- Мне, правда, всю ночь снились коровы. И мычит какая-то...

- Видишь ли, - начал Ронек, - нас преследует саботаж. Через голодный Петроград прогнали эшелоны со скотом. Я успел перехватить их на Кемии и часть отослал обратно. Но часть вагонов все-таки проскочила... на тебя! Ты принял?

- Мне никто даже не докладывал.

- Ну я так и думал, - вздохнул Ронек, озабоченный. - Это явный саботаж, это подло, и это враждебно для народа.

- Саботаж... против чего? - спросил Небольсин.

- Конечно же, против революции! - выговорил Ронек. - Все это совершается с нарочитой жестокостью, чтобы голодом задушить революционный народ, и без того голодный... Понял?

Корова мычала где-то на путях - жутко и осипло мычала она.

Небольсин спросил своего друга прямо в лоб:

- Милый мой Петенька, про тебя говорят, что ты большевик. Сознайся: это правда? Или не верить?

- Не совсем так, - ответил ему Ронек с улыбкой. - Я не большевик. Но я, видишь ли; убежденный социал-демократ. И большевики ближе всего сейчас моим взглядам на исход революции. А теперь скажи мне, брат Аркадий, ты ждал революцию?

Аркадий Константинович долго почесывал ухо.

- Я не ждал именно революции. Но каких-то крупных потрясений, ведущих к благу России, - да, ждал... Верил! Наверное, я просто не хотел думать о революции.

- Ну вот, - подхватил Ронек, - революция произошла. Ответь: разве что-либо изменилось?

- Для меня?

- Ну хотя бы для тебя.

- Да я-то при чем?

Худенький, как мальчик, Ронек погрозил ему пальцем:

- Не крутись, Аркашка. Ты - везунчик, счастливчик... Ты избалован. Деньгами. Женщинами. Ты - барин. Но ты не глупый барин... Ты все понимаешь.

- Не все! Вот у меня есть брат. Он умнее меня. Главное отличительное свойство его - это цельность. Цельность патриота. Когда прозвучал первый выстрел, он был уже в седле. И вот теперь из Франции пишет, и я не узнаю его... Он потерял свое лицо. Слова! Голый шарм! Я чувствую, что-то происходит в мире... А - что? Ну, ты, умник! Может, ты знаешь?

- Будет революция, - заявил Ронек убежденно.

- Не лги. Она уже была.
- Будет другая. Настоящая.
- А это какая? - спросил Небольсин.
- Липовая. Она ничего не изменила. Ничего не дала народу. А необходим поворот. Как говорят моряки, поворот "все вдруг*". К миру, Аркашка!

- Но господин Керенский...
- Да знаю все, что ты скажешь. Керенский - социалист, Керенский защитник в политпроцессах, Керенский... снова ввел смертную казнь на фронте! Это тоже он сделал.

- А ты бы не ввел?! - обозлился Небольсин. - Что прикажешь делать на месте Керенского, если фронт разлагается? Не умники ли вроде тебя и разложили фронт?

Ронек выровнял стакан точно по середине блюдечка. Сверху - бряк ложечкой. Казалось, этот маленький человек сейчас развернется и маленькой ручкой треснет громадного Небольсина, сидящего перед ним в пушистом халате. Но они были друзья...

- Пошли, - сказал Ронек. - Посмотрим, что с коровами. Среди нагромождения вагонов, блуждая с ломом в руках, они отыскивали вагон-теплушку. Сковырнули пломбы.

- Взяли! - крикнул Небольсин, и оба откатили двери.

В лицо пахло застоявшейся коровьей мочой, смрадом и гнилью. Обтянутый кожей скелет поднялся из темноты и сказал людям жалобное свое, умирающее свое: "му-у-у..."

Остальной скот лежал уже мертвым.

- Вот, полюбуйся, - сказал Ронек, весь в ярости. - В Петрограде умирают с голоду, а они... эти душегубы!..

- Кого ты обвиняешь? - спросил Небольсин, чуть не плача от жалости к животным. - Я бы сам задушил негодяев... всех! Но я-то при чем здесь?

- Ты ни при чем. Ты просто стрелочник тупика. Наверное, по простоте душевной ты думаешь, что это дорога в мир? Ах, мой милый Аркашка! Это дорога в тупик, здесь она обрывается. И этот тупик, поверь, может для многих из нас обернуться жизненным тупиком!

- Как ты сказал? Жизненным тупиком?

- Я так чувствую, - ответил Ронек. - Осмотрись вокруг, Аркадий, и ты тоже почувствуешь это.

Небольсин рассмеялся - совсем невесело.

- Это очень неприятный афоризм, Петенька! В старые добрые времена за такие пророчества пороли розгами.

- Закрой! - сказал Ронек.

Сильный Небольсин навалился на клинкет задвижной двери, со скрежетом она поехала, закрывая умирающую корову.

- Сена бы... - сказал Небольсин подавленно.

- Откуда у нас сено? Резать? Но кожа и кости. Да и холодильников нет. Они знали, куда надо загонять скотину. И загнали насмерть. Прощай, Аркадий, я пойду...

Теплые ветры широко задували над Мурманом. За сопками - там, где раскинулось кладбище, - обмахивались по ветрам белым-белы черемухи, уже увядающие. Было что-то раздражающее в негасимом мареве солнца, в ослепительном блеске неба, с высоты которого падали чайки на темную ледяную воду. И лежал в низинах твердый, прозрачный лед, никогда не тая.

Жили в ту пору больше слухами: одному сказали, другому нашептали, а третий где-то вычитал (или сам выдумал). Архангельск тяготел к Вологде, а через Вологду - к Москве; Мурманск же был прямо связан с Петроградом, и оттуда по временам налетали буйные вихри...

Сумятица лихорадочных событий, не всегда понятных на Мурмане, вдруг вылилась в резолюцию флотилии Северного Ледовитого океана: "Прекратить постыдное братание! Даешь наступление! Мы за полное доверие к министрам-социалистам..."

И говорили везде так:

- Не беспокойтесь! Вот вернется Ветлинский, и все начнется по-новому, иначе... Мы еще поглядим. Вы еще узнаете.

Небольсин мучился: выходил его брат в арлекинском одеянии, с винтовкой в руке, отдергивая окровавленный занавес войны, а навстречу ему поднималась костлявая шея умирающей коровы и говорила предсмертное, прощальное: "му-у-у-у..."

* * *

- Братцы! Доколе маяться? - поднялся на башню "Чесмы" матрос; сковырнув с башки бескозырку, показал ее всем золотой броской надписью: "Бесшумный". - Командир нашего яминца, князь Вяземский, есть первый хад! А почему он хадом стал - сейчас обскажу по порядку...

- Трухай, Маковкин! - подбодрили его снизу, от палубы.

- Другие яминцы у стенки борта протирают, а наш хад, князь Вяземский, у Короткова сам на походы, будто на выпивку, набивается. Ну, рази не хад? Ему што, боле всех надобно? Опять же, по праву революции, кто давал ему такую власть, чтобы в бой с немцем вступать? У немца, братцы, на подводах пушки в сто пять миллиметров, а у нас - пукалки, в семьдесят пять... Так я вас, ридные мои, спрашиваю: хад он или не хад?

- Долой гада Вяземского с флотилии! - поддерживала толпа.
- И каперанга Короткова - в шею! Почто он социалиста Керенского матеряет? Почто под портретом Николашки у себя сиживает?

Митинг проходил на палубе "Чесмы", под открытым небом, и базарные торговки тут же, под сенью главного калибра, бойко продавали калачи и воблу, семечки и спиртное. Небольсина от скуки тянуло на люди, и он был рад, что Ванька Кладов затащил его на этот митинг. Сейчас Аркадий Константинович сидел на ступенях трапа, рядом с матросом, который ругался глухо и злобно. И вдруг этот матрос сорвался с места, кошкой полез на башню, цепляясь за скобы, вделанные в броню.

И вот вырос над палубой, а под ним трещала шелуха семечек, цвели платки продажных маркитанток, пьяно и неумно колыхалась чернь бушлатов. Начал неожиданно - с упрека.

- Эх, вы-ы-и-и... - провыл он, раздираемый злобой. - Вы сами не знаете, чего хотите. Вчера кричали: "Даешь наступление!" А теперь командира "Бесшумного" с дерьмом пополам мешаете... За что? За мужество? Так его только уважать можно, что он со своими "пукалками" прет на рожон - прямо на немецкий калибр. И не боится... Нет, - продолжал матрос, - не за это надо судить князя Вяземского! А вот за что: монархист он, враг революции, мордобоец был славный... верно! Таких на флотилии не надобно.

- Кто это такой? - спросил Небольсин у мичмана Кладова.

- Аскольдовский ревкомовец... некий Павлухин!

Палец Павлухина вытянул из толпы матроса с "ясминца".

- Вот ты - хад! - сказал ему аскольдовец с яростью. - Даже не в дюймах, а в миллиметрах считать стал. Ишь бухгалтер нашелся... Не матрос ты флота Российского, а сопля, в бушлат завернутая! Команда крейсера "Аскольд", - продолжал Павлухин, - заверяет, что она будет стоять на страже русской революции... своим калибром!

На башню уже лез, срываясь со скоб сапогами, Шверченко.

- Так! - завопил сверху. - Вы все слышали? Вроде бы все гладко сообщил нам товарищ Павлухин. А ежели разобраться?

- Разбирайся, - сказал Павлухин, но с башни не спустился.

Закрыв огонек руками, он на свирепом ветру раскуривал папиросу.

- Большевики, - выкрикивал Шверченко, - разжигают войну гражданскую, они будят зверя, с которым сами потом не смогут справиться!.. Братцы, не верьте в грядущее торжество алчной диктатуры толпы! - И рука Шверченки, вскинутая резко, вдруг вытянулась в сторону океана. - Там, - рывкнул эсер с высоты броневго настила, - там есть

некто!.. Некто третий уже решает нашу судьбу!

Ванька Кладов, потирая руки, толкнул Небольсина в бок.

- Вот сейчас начнется, - сказал плотоядно.

И на весь рейд рвануло криком Павлухина:

- Кто это "некто третий"?!

- Давай первого сначала! - задирались головы с палубы.

- Первый - Ленин! - ответил Павлухин.

- Тогда эторого... давай! - требовали с палубы.

На башню вскинулся Мишка Ляуданский, и толпа братишек встретила его ревом - так встречают чемпионов, любимцев публики.

- Второй, братишки, я знаю, - сказал Ляуданский, - это буржуазия, которая уже кажет нам... Жаль, что тут прекрасные женщины, а то бы я сказал, что она кажет.

Павлухин бросил окурок, и его унесло ветром под небеса. Шагнул прямо на Шверченку:

- А-а-а!.. Боишься назвать своего "третьего"? Так я отвечу, кого ты имел в виду... Вот он, "некто третий"!

И рука аскольдовца выбросилась вперед. Все невольно посмотрели на серый борт британского линкора "Юпитер", на котором, вытягиваясь в нитку, распластался брейд-вымпел Кэмпена.

- Вот он, твой "некто третий"! Он ждет... Он ждет от тебя, чтобы ты завопил на всю гавань: караул, помогите! И ты этот сигнал ему подал. Он, этот "некто третий", тебя сегодня услышал... Услышал и запомнил!

Башня торчала над людьми немym грохотом огня и стали. Наверху ее - над дулами орудий - три маленьких человека. Между ними - ветер. Ветер с просторов океана...

- Мы, - снова заговорил Павлухин, - команда "Аскольда", протестуем против предательской резолюции Центромура... Вы, лиговские да одесские, войны и не нюхали! Недаром вас адмирал Колчак пинкарем под зад с флота высвистнул. Чем хвастаетесь? Тем, что на поезде из Севастополя до Владивостока прокатились? Тем, что оттуда до Мурмана своим ходом притопали? Это не работа. А я войну видел... - закончил Павлухин почти тихо. - От Сингапура до Хайфы наш героический крейсер прошел с боями. И хватит... Мы против вашей резолюции... вот так!

Снизу, с палубы, выкрики:

- Контра! Таких топить будем!

- Топи! - взорвало Павлухина. - Топи, в такую тебя мать!.. Нас в Тулоне стреляли офицеры, а здесь, в Мурманске, свои же топить будут?

Мишка Ляуданский попер на Павлухина грудью, прижимая его к срезу

башенной брони, а там, внизу, баламутились его кореша да приятели, которые любого разорвут зубами...

- Значит, так! - сказал Ляуданский, и ветер расхлестал его гигантские, измызганные в грязи клеши. - Значит, так... Четырех ваших хлопнули, это мы знаем. Но за што их хлопнули? Пусть товарищ Павлухин и расскажет нам, как они продавались за немецкие деньги! Как вино по кабакам во Франции качали на эти самые деньги! Как по бардакам хаживали...

Небольсин весь вытянулся на трапе: даже издали ему было видно, как брызнули слезы из глаз Павлухина.

- Братцы! - сказал Павлухин в толпу. - Неужто вы верите, что кровь четырех матросов с "Аскольда", пролитая напрасно в Тулоне, была кровью... продажной?!

Навстречу ему полоснуло бранью торговков:

- А иде Ленин твой? Он - главный шпион Вильгельма...

- Бабка, - перегнулся Павлухин с башни, - хоть бы ты, дура старая, заткнулась... Тебя-то кто спрашивает? А вы, чесменные, развалили свой корабль. Шмары у вас с мешками да корзинами по трапам ползают. Барахолка и притон у вас, а не корабль революции... Немец придет и раздавит вас, как клопов... Мешочники вы, паразиты и сами продажные суки!

- Круто взял, - шепнул Ванька Кладов, пихая Небольсина локтем. - Пора смываться. Сейчас будет заваруха.

- Ты думаешь? Но мне любопытно. Погоди... Павлухина уже сорвали с башни. Зверино и ненасытно били.

Прямо лицом колотили аскольдовца в броню, и броня стала красной от крови. Базарные бабы, страшные и патлатые, как ведьмы, с хрустом цеплялись в волосы Павлухина.

- Мы тебе не... эти самые! - визжали маркитантки. - Мы тебе за три рубля по каютам не валяемся...

Небольсин с ожесточенным отчаянием вспомнил, как била его на рельсах вот такая же разъяренная толпа, и очень хотел вмешаться. Но он был человеком с берега, а тут нужен моряк.

- Мичман, - сказал он Ваньке Кладову, - вступишь... Ты же видишь человека убивают...

- Ну да! - ответил Ванька (негодяй известный). - Мотаем отсюда скорее. А то, гляди, и нам перепадет по разу... Если бы этот большевик сюда не затесался, так все бы гладко прошло!

И тут на весь рейд могуче взревела сирена. "Аскольд" ожил, и все увидели: вздернувшись, поползли вдоль берега орудия носового плутонга.

Сирена выла не переставая, а накат стволов плоско двигался через гавань. И - замер! Он замер точно, как в бою, уставившись прямо на "Чесму".

Вспыхнули на мачтах "Аскольда" комочки флагов. Опытная рука сигнальщика раздернула фал, и эти комочки распустились вдруг в яркие бутоны цветowych сигналов.

- Читай! - сказал Небольсин. - Что там пишут? С опаской Ванька Кладов перевел значение сигнала:

- Сейчас грохнут. И кажется, им можно верить. Требуют освободить члена их комитета Павлухина, иначе...

- Освободят, как ты думаешь?

Ванька Кладов, весь побледнев, закричал Ляуданскому:

- Мишка! Ты с этой резолюцией не шути... "Аскольд" - посудина нервная. Они люди воевавшие и, видать, боевыми зарядили. Ежели шарахнут, так быть нам всем в туалетном мыле...

- Дорогу, дорогу!.. - раздались вопли. - Полундра! Небольсин отступил назад. Мимо него, с вывернутыми назад руками, провели к трапу Павлухина. Нахлобучили ему на голову бескозырку, бросили матроса в катер:

- Отходи прочь, собака! На полных...

Качаясь на катере, быстро отходящем, задрал кверху окровавленное лицо, Павлухин еще долго кричал на "Чесму":

- Еще вспомните... еще придет время! Революция в опасности, и первые предатели ее - вы, шкуры...

Ветер и расстояние быстро гасили его голос. В сознании Небольсина этот голос избитого матроса неожиданно сомкнулся с предостережением инженера Ронека. Они говорили разное, но одина была суть их речей. Впрочем, обдумать это совпадение до конца мешал Ванька Кладов.

- Пойдем, пойдем, - тянул он инженера за рукав. - Пойдем, я тебя с хорошенькими барышнями познакомлю...

В кают-компании "Чесмы" полно детей и женщин.

В проходе коридора, касаясь пирамид с карабинами, сохли пеленки и подштанники. Вовсю брэнчало разбитое фортепьяно, и солидная дама, закусив в углу рта папиросу, пела - утрбно и глухо:

Распылила молодость я среди степей,

И гитар не слышен перезвон,

Только мчится тройка диких лошадей

Тройка таборных лошадушек, как сон...

Просто не верилось, что под настилом палубы, на которой сейчас спорили и дрались люди, - здесь, немного ниже, даже не вздрогнул

обывательский мир... Ванька Кладов быстро затерялся среди каютных дверей, почти неисчислимых, как в лабиринте, и вернулся, возбужденный от спекулятивного пыла:

- Десять кранцев калибра в пять дюймов. Порох - бездымный. Просят недорого: два ящика консервов и шампанеи. Тушенка-то у меня есть, а вот шампанеи... где достать?

И тут Небольсин понял, с чего живет этот табор. Линкор - мощный завод боевой техники, и на распродаже ее можно безбедно прожить половину жизни... Даже хорошо прожить! И, возвращаясь с "Чесмы" на катере-подкидыше, он долго переживал:

- Как можно? Сегодня - пушку, завтра - торпеду... Что останется? Коробка с тараканами?

- И коробку пропьют! - хохотал Ванька Кладов. - Англичанам только мигни, они тебе черного кобеля ночью темной, даже не щупая, купят. Покупателей на это дело хватает. А на что жить? Ты об этом подумал? У них же ничего не осталось. А семьи - вот они, под боком. И каждый день давай, только давай...

На берегу их ждала новость: немцы вступили в Ригу.

Еще несколько дней - и началась корниловщина...

Страна переживала шторм. Ее валило на борт в затяжном крене - то справа, то слева. Нужен был опытный кормчий. Но всюду, куда бы ни пришел, смотрели наспех отпечатанные портреты Керенского, и глаза адвоката излучали не уверенность, а - напротив - беспокойство...

Для Небольсина это значило беспокойство за Россию. О себе он старался в это время не думать. Раньше помогала работа. Но дистанция вдруг освободилась. Сначала не понимал: в чем дело? Шла такая грызня с консулами из-за вагонов, а теперь... Не сразу, но все же Небольсин понял: союзники сократили (резко сократили!) число поставок в Россию, потому что боялись нарастания революции, которая могла вывести Россию из блока воюющих держав. Тогда зачем же помогать России? Подождем...

В этом Небольсин не ошибся. Прирожденные политики, англичане заранее умели предугадывать события. В один из дней британский консул Холл нажал одну из потаенных кнопок - и сразу началась нужда. Эта нужда еще не была голодом, который валит человека - тем более русского! - на землю...

Но вот ее результат: на кораблях флотилии ввели три постных дня в неделю, и сразу увеличилось число матросов-дезертиров, которые драпали на Мелитопольщину, на Полтавщину - под сень своих сытых кулацких хуторков. "Чесма" обезлюдела первой.

Впрочем, об этом никто тогда особенно не жалел - стало меньше воплей, грабежей, драк и насилий.

* * *

И началась осень, она надвинулась из-за скал - ветрами.

Ветлинский вернулся из Петрограда в сентябре, когда Россия уже была провозглашена республикой. Каперанг возвратился в чине контр-адмирала, заработав лампас на штаны лично от Керенского. Поговаривали, что контр-адмирала ждет высокое назначение. Пока что - слухи, как всегда.

Небольсина однажды вызвали в штаб флотилии, и он был очень удивлен, когда из-за стола под громадной картой навстречу ему поднялся незнакомый контр-адмирал с выпуклыми глазами, ярко блестящими.

- Вы ожидали увидеть каперанга Короткова, - сказал Ветлинский. - Но... увы, каперанг снят ныне с должности.

- За что? - вырвалось у Небольсина. - Такой славный и добрый человек...

Сухие пальцы контр-адмирала отбили нервную дробь, глаза он спрятал под густыми бровями.

- Коротков удален с Мурмана как непримиримый монархист (Небольсин поднял глаза: портрет Николая был убран). Нужны люди, - продолжал Ветлинский, - новых, демократических воззрений. Скоро последует реорганизация всего управления Мурманским краем, и вам, господин Небольсин, очевидно, придется служить со мною... Прошу, садитесь.

Небольсин сел, выжидая: что дальше?

- Я спешу выразить вам благодарность, - говорил Ветлинский, поглядывая с умом, остро. - На дорогах России - развал. Была забастовка. Однако я проехал из Петрограда до Мурманска с полными удобствами. Благодарю, что вы, сознавая всю важность нашей магистрали, не дали забастовщикам воли.

- Уточню! - ответил Небольсин на это. - Я ведаю дистанцией, но никак не забастовками. Заслуга в том, что на Мурманской дороге не было забастовки, принадлежит Совжелдору.

- Разве Совжелдор пользуется таким влиянием на дороге?

- Нет. Совсем не пользуется. Однако именно благодаря Совжеддору наша дорога не примкнула ко всеобщей забастовке дорог в России, ибо забастовка эта, насколько я понимаю в политике, была направлена против Временного правительства...

Ветлинский заглянул в пухлое досье с грифом "секретно". Досье было в шагрене из акульей кожи местной выделки (весьма примитивной, но

очень прочной - на века).

- Где же та мука, которую доставили на флотилию? Брамсон обвиняет вашу дистанцию в утайке муки и... Впрочем, - спохватился Ветлинский, - я человек здесь новый и еще присматриваюсь.

Обвинять дистанцию - значит обвинять в воровстве его, начальника этой дистанции, и Небольсин сразу вспыхнул: "Ну конечно, Брамсон - скотина известная..."

- Мука, - ответил резко, - используется флотилией и железной дорогой как балласт! О доставке на Мурман заведомо гнилой муки надобно спросить у контрагента Каратыгина, сидящего ныне в Совжелдоре, а еще лучше - у того же господина Брамсона, который ведает гражданским хозяйством.

- Разве мука настолько плоха?

- Уверен, будь она лучше, мы бы не грузили ее как балласт для кораблей, идущих в море в штормовую погоду.

- Так, - сказал Ветлинский, захлопнув досье. - Сейчас в Архангельске скопилось пять миллионов пудов хлеба отличного качества, но мы не можем приложить к муке руку, ибо она закуплена англичанами. Уже не наша продана. Однако необходимо, господин Небольсин, решительно пресечь бегство рабочих.

- Не могу, - отметил Небольсин. - Я только начальник дистанции, пусть этим вопросом занимается Совжелдор...

Ветлинский отошел к окну, сгорбив плечи. Долго вглядывался во тьму надвигающейся на Мурман близкой полярной ночи. Проблески прожекторов гасли над рейдом, клотик "Аскольда" горел в отдалении красным огнем революции.

- Я думаю, - начал конто-адмирал глухо, - с вами можно говорить вполне откровенно. Перед моим отъездом из Петрограда Александр Федорович Керенский был обеспокоен представлением английского правительства... Лондон категоричен в своих требованиях. Критическое положение в Мурманске заботит англичан более, нежели нас. И они знакомы с настоящим положением дел в порту и на дороге тоже лучше нас! Устройство зимней навигации союзники собираются брать в свои руки, если мы не способны эксплуатировать нормально и порт, и дорогу...

- Что это значит? - вырвалось у Небольсина. - Подобное вмешательство недопустимо. Оно припахивает... колониями!

- Вот именно! - впервые улыбнулся ему Ветлинский. - Я знаю англичан и знаю, как они хватки. Вмешательства в наши дела не допустим. Мне удалось отстоять перед Керенским иную идею! И уже имеется приказ

Временного правительства о полном подчинении базы, порта, флотилии и магистрали одному лицу. Причем это лицо будет обладать правами коменданта крепости, находящейся на осадном положении... Что скажете на это?

- Скажу, что при такой ситуации англичанам будет трудно просунуть палец под наши двери.

- Не буду скрывать от вас и далее, - сказал Ветлинский, - что этим человеком в Мурманском крае стану я! - И протянул инженеру цепкую руку. Очень рад познакомиться с вами. Чтобы противостоять натиску немцев и союзников, мы отныне должны быть активнее... Нужен один кулак! Диктатура!

Так состоялось это знакомство. А на выходе из кабинета Ветлинского путеец столкнулся с поручиком Элленом.

- Севочка, - сказал Небольсин, - а Короткова-то - тютю! - не стало... Жаль! Не ты ли его убрал?

- А кто ему, старому дураку, велел называть себя публично монархистом?! В стране революция, а он сидел под портретом Николая и, как баран, хлопал глазами. Конечно, мы его убрали. Надо быть гибче, Аркадий!

Небольсин помахал ему шапкой:

- Я и то... извиваюсь как могу! Прощай.

Покинув штаб флотилии, Небольсин испытал смятение. Пять миллионов пудов хорошего русского хлеба, закупленного англичанами, не давали покоя. Не сомневаться он не мог. Временное правительство или постоянное, вся власть Советам или никакой власти Советам - об этом Небольсин старался не думать. Его беспокоил другой, чисто патриотический вопрос - хлеб. Хлеб, который нельзя отдать в руки англичан.

Приплясывая на ветру от холода, Небольсин стоял на шпалах.

"Извивайся, Аркадий, - внушал он себе, - думай, думай..."

Совжелдор для него - чужой. Брамсон - враг и взяточник. Консульства просто ни при чем. А на благородство Мурманского совдепа не следует рассчитывать. Кто? Кто может ему помочь?

В середине дня - панический разговор с Кемью.

- Говорит Ронек. Кто у аппарата?

- Петенька, это я... твой Аркашка!

- Аркадий, - говорил Ронек, - принимай скот. Меня здесь смяли. Я пробовал задержать эшелоны, и у меня пробка.

- Пробка? Бросай вагоны под откос.

Долгое молчание. Потом:

- Аркадий, откос есть у тебя... у меня нет откоса!

- Тогда расталкивайся и отсылай эшелоны назад.

- Не могу. Пути забиты. Осталось только одно: гнать вперед, на тебя...

Если ты не примешь, дорога встанет.

- С ума ты сошел! Свяжись с этим окаянным Совжелдором...

- Совжелдор - ты сам знаешь, какие там люди, - отвечает мне, чтобы мы приняли скот.

- Откуда он идет? Ты узнавал?

- Кто?

- Да этот скот! Из какой губернии?

- В этом бедламе ничего не узнаешь. Во всяком случае, Петроград мяса не получит... Все это - саботаж! Я был прав. Ничего не изменилось, Аркадий: революцию душат. Голодом!

- Кем закончила, - раздался голос телефонной барышни, и Небольсин бросил трубку.

Творилось что-то ужасное. Кто-то (знать бы - кто?), жестокий и мстительный, посылал на верную гибель десятки тысяч голов скота. Эшелон за эшелоном, в голодном реве, входил в полярную тундру, где не было ни сена, ни веток, ни забоя, ни холодильников. "Тупик... - думал Небольсин отчаянно, - мы действительно в тупике. Как бы эти рельсы не завели в тупик и меня!.."

Уже не скот, а скелеты, обтянутые вытертыми шкурами, зловонные и полудохлые, прибывали в Мурманск, где быстро погибали на путях - от холода, без воды, без корма. Спасти не удалось, и в эти дни, под рев умирающих коров, Небольсин вдруг нечаянно вспомнил - будто просветлело: "Павлухин! Да, кажется, так зовут этого парня..."

* * *

Под вечер катера развозили с кораблей базарных торговков и спекулянтов. Небольсин явился на пристань. Сунув руки в карманы бушлатов, стояли поодаль, в ожидании своего катера, матросы с "Аскольда".

- С берега? - опросил их Небольсин.

- Ага. На коробку.

- Меня подкинете?

- А нам-то што? Качнемся за компанию...

Небольсин, путаясь в полах длинного пальто, прыгнул за матросами на катер. В вечернем сумраке стояли на корме, держа один другого за плечи. Мягко причалили. Пришвартовались. Часовой возле трапа вскинул

винтовку.

- К кому?
- Мне хотелось бы видеть Павлухина... из комитета!
- Рассыльный, путейского - до Павлухина.
- Есть путейского!

Шагая по палубе, вдоль борта, Небольсин заметил, что на "Аскольде" еще сохранился боевой порядок, который выгодно отличал крейсер от других кораблей флотилии. Техника была в боевой готовности, вахта неслась исправно.

- Здесь. Стукай, - сказал рассыльный, козырнув. Павлухин сидел в писарской, неумело печатая на пишущей машинке. Допечатал строку до звонка, вжикнул кареткой, спросил:

- Ко мне?
- Да, к вам.
- Прошу...

Аркадий Константинович не знал, с чего ему начать.

- Пусть вас не удивит мой приход, - сказал он. - Просто вы запомнились мне лучше других.

- Это где? - спросил Павлухин.
- Когда вас били на митинге.

Павлухин не смутился.

- Так что с того, что меня они били? Вчера они меня, завтра им все равно быть от меня битыми. Такое уж дело! Пока морда есть - кулаки найдутся... - И, сказав так, засмеялся.

- Я не знаю, - начал Небольсин, - кто и что стоит за вами. Догадываюсь, что вы из числа крайних?

Павлухин охотно согласился:

- Верно, я сейчас с самого краю стою. Могу и скovyрнуться!

- Дело вот какого рода. Мне стало известно (случайно, - добавил Небольсин), что при общем голодании в России, в частности в Петрограде, англичане закупили пять миллионов пудов нашего хлеба...

- Сколько? - не поверил Павлухин.

- Пять миллионов. И лежит этот хлеб в Архангельске. Вот-вот его погрузят на корабли и вывезут...

- Прошу прощения, - сказал Павлухин и вызвал рассыльного: - Узнай с поста СНиС, когда и кто уходит на Архангельск?

- Есть на Архангельск!
- Ну? - снова повернулся Павлухин к инженеру. - И дальше?
- Дальше пока все, - заключил Небольсин.

- Мало знаете, - опять засмеялся Павлухин. - Однако это весомо... пять миллионов! Да это же море хлеба. А почему вы, господин инженер, из всех битых меня, самого битого, отыскиали?

Аркадий Константинович ответил на это так:

- Собственно говоря, даже не вас я разыскивал. Мне показалось, что за вами кроется нечто энергичное. Такое - уходящее далеко и глубже... куда-то! А куда - простите - не знаю. Это, наверное, как раз и есть то, что может и способно противостоять.

- Противостоять... чему? - насторожился Павлухин.

- Разрухе. Хотя бы разрухе.

- Нет, - ответил Павлухин, - не могу я противостоять. Одному только щи можно сварить. Да и то - для себя!

Без стука вошел рассыльный:

- Завтра в шесть утра "Горислава" идет на Иоканьгу.

- А в Архангельск?

- "Соколица". Но когда - сами не знают.

- Вот те на! - приуныл Павлухин.

- От бухты Иоканьги, - утешил его Небольсин, - можно добраться до Архангельска на тральщиках, которые ловят мины в горле Белого моря... Они там болтаются, как челноки.

- Уверены? - спросил Павлухин и наказал рассыльному. - Пускай баталеры мне паек пишат... Командирован от ревкома. Дела не указывать. Печать у меня! Нет, - задумался потом, - на тральцах не пойду, еще прицепятся. "Соколицу" дождусь, там меня в команде знают немножко. Это вернее!

Небольсин поднялся:

- Кажется, я не ошибся в вас, Павлухин.

- Да погодите хвалить. Схожу до Архангельска потому, что там есть организация. Там мои товарищи по партии. Зубами вцепимся, а эти пять миллионов хлеба за границу не выпустим!

Прощаясь, Павлухин вдруг задержал Небольсина.

- Я только не понимаю вас, - сказал он прямо. - Ежели в Архангельске, случись так, меня спросят, то ссылаться на вас? Или не стоит?

- Лучше не надо... Да-да! Не надо! - заторопился путеец.

- Понимаю, - догадался Павлухин. - Где узнал - мое дело.

- Вот именно: ваше дело...

Последний катер доставил его на берег. Темная фигура мурманского филера откачнулась от фонаря. Дуя на озябшие пальцы, филер огрызком карандаша записал на грязной манжете: "Инж. Н-н был на Аск.". И на

следующий день поручик Эллен, встретив Небольсина за табльдотом в столовой, подмигнул ему:

- А ты вчера тоже спекульнул?..

"Пусть будет так. Пусть думают, что я спекульнул. Но неужели тупик дистанции может стать тупиком жизни?.."

Глава седьмая

Просто удивительно, как быстро вызрела на Мурмане диктатура Ветлинского! Это было неожиданно для многих: контрадмирал возымел права наместника громадного края. Отныне он стал властен над душами не только военными, но и сугубо гражданскими. Все, начиная от кораблей и кончая артелями гужбанов-докеров, - все подпало под его суровую, неласковую руку.

Начальником штаба Главнамур стал, как и следовало ожидать, лейтенант Басалаго; да еще начмурбазы кавторанг Чоколов, запивоха известный, сделался помощником Ветлинского в его начинаниях. Возле этих людей, хитрый и нелिцеприятный, околачивался постоянно и Брамсон - как правовед, как администратор.

Англичане сразу почувствовали, что новый главнамур{12} отводит им обширную акваторию рейда, но... ничего больше... Однако Ветлинский нашел противника своей политики справа от себя - лейтенант Басалаго считал, что контр-адмирал перегибает палку. Причем даже во вражде отношения между главнамуром и флаг-офицером сохранялись дружескими, что не мешало им разговаривать достаточно резко...

- Я, - утверждал Ветлинский, - не выживаю англичан отсюда. Их корабли стояли здесь до меня - пусть стоят и при мне. Но нельзя давать англичанам повода для проникновения в наши, русские, дела.

- Англичане могут обидеться и - уйдут!

- Пусть уходят.

- Но без союзников мы погибнем.

- Нет, - настаивал главнамур, - мы не погибнем, ежели будем работать, карать, плавать, воевать. Мы с вами здесь хозяева... мы! При чем здесь англичане? Хотят тралить? Пожалуйста, весь полярный океан к их услугам: тральте. Хотят иметь базу? Я отдаю им половину рейда... Слава богу, Кольский залив - такая гавань, в которой можно поставить на якоря флоты всей Европы! Но за стол, за которым сижу сейчас я, адмирала Кэмпена я не посажу - у него свой имеется... в Англии!

- Вы поймите, - убеждал Басалаго, - у нас котлы едва-едва на подогреве. Флотилия даже не дымит. Никто не хочет нести вахты. Анархия! Не станете же вы отрицать, что союзники сейчас являются на Севере

именно той силой, которая и оберегает нас от немецкой экспансии. Убери отсюда англичан, и с океана сразу войдут сюда германские корабли... Разве не так?

- Потому-то, - отвечал Ветлинский, - я и не убираю британцев отсюда. Пусть дымят сколько им влезет, и пусть этот дым щекочет ноздри кайзеру Вильгельму... Но есть предел. Есть граница во всем, даже в дружбе: от и до! А далее - ни шагу. Далее - Россия! Далее кончается союзная дружба и начинается враждебная интервенция...

Главнамур вызвал к себе командира "Бесшумного". С бородой, завитой мелкими колечками, словно у ассирийского сатрапа, навывтяжку предстал перед ним князь Вяземский.

- Гражданин князь, - спросил у него Ветлинский, - какой номер готовности несет ваш эсминец?

- Готовность - ноль, в уставах не обозначенная. В дополнение ко всему есть реврез (точнее, революционная резолюция), в которой матросы постановили лишить меня командования эсминцем.

- Хватит с них каперанга Короткова! - ответил главному. - Вас я отстоял. Как самого боевого офицера флотилии. Англичане упрекают нас, что мы перестали воевать. Они правы, черт их всех побери: флотилия занята митингами, а немцы в горле ставят мины... Мы пишем резолюции, а немцы варварски топят даже иолы с женщинами. Мы должны доказать адмиралу Кэмпену, что он не одна собака в этой деревне... Есть еще доблесть русского флота. И она всегда при нас, прежняя! Князь, сможете ли вы выйти за Кильдинский плес?

Миноносник запустил пальцы в рыжую бороду.

- Почему так близко?

- До Териберки?

- Можем и дальше.

- Замечательно!

- Но, - сказал князь Вяземский, - известно ли вам, что флотилия самодемобилизована? Вот так... Выйти в море, имея на борту десять человек команды, - это прекрасный способ для самоубийства. Торпедные аппараты в ржавчине, и я не удивлюсь, если при залпе торпеды рванут в трубах. Моя борода будет вознесена прямо к небесам! Вы говорите - немцы у входа в фиорд. В чем дело? Пусть входят... Я готов кричать им: "Хох, кайзер!" Лучше немцы, нежели эти... Вы понимаете, господин контрадмирал, кого я имею в виду!

- Значит, вы отказываетесь вести эсминец?

- Нет, Кирилл Фастович, вы не так меня поняли... Князь Вяземский,

если его воодушевить мадерой (а еще лучше - хересом), выведет свой миноносец в море - даже без матросов! Меня расстреляют немцы. Но это будет смерть на мостике, возле боевого телеграфа. Смерть с мадерой... или с хересом! Во всяком случае, я не буду зависеть от резолюции, принятой на митинге.

- Выйти надо, - закрепил разговор Ветлинский.

- Будет исполнено, господин контр-адмирал. Позвольте мне добрать команду до штатного расписания у англичан?

- Ни в коем случае! Доберите комплект с любого нашего эсминца. И какую бы помощь вам англичане ни предлагали, вы не должны принимать ее... Вы что-то хотите сказать, князь?

- Да. Хочу. Прямо от вас я заверну в британское консульство и возьму у них на время похода, как брал всегда, бинауральный тромбон, без которого мне в море просто нечего делать.

Лицо Ветлинского передернуло судорога.

- Хорошо, - разрешил он. - Один тромбон. И ничего больше.

* * *

За островом Кильдин, что вылезал из океана острым таинственным утесом, напоминая картины Бёклина, с его неземным волшебством, - уже открывался океан; там косо валил снег, облепляя мачты и мостик. Привычно вздыхали машины. На качке порывисто сотрясалась палуба, исхлестанная пеной. Стрелка кренометра гуляла под мокрым стеклом; иногда ее "зашкаливало" - она упиралась до кромки предела; такой гиблый крен - это тебе не качели на ярмарке... Немало уже кораблей перевернулось в полярном океане кверху килями.

Вяземский сидел в рубке, бросая взгляды на матовую картушку компаса, которая плавала в голубом спирте, и пальцем ковырял пробку в бутyli.

- О дьявол! - ругался он. - Я так отвык от моря, что стал забывать штопор... на берегу. - Большие красные галоши (как у дворника) облегали княжеские валенки.

За Кильдином было чисто. Бинауральный прибор для поиска на глубине вражеских подлодок, взятый напрокат у британского консула, неустанно щупал океанские толщи. От гидрофонов, приделанных к днищу эсминца, тянулись провода к тромбонам на мостике. А мундштуки приборов были вставлены в уши князя Вяземского, и он был похож на врача, который прослушивает грудь больного...

"Хлоп!" И пробка наконец вылетела; терпко запахло крепким хересом.

- Слава богу, - перекрестился Вяземский. - Штурманец, где ты,

умница? Пошли на Семь Островов, за Териберку, хоть к черту на рога... Где-нибудь да найдем хоть одного немца!

"Пиууу... пиууу..." - выпевали рупора тромбонов.

- Чисто, - заметил рулевой, малый опытный. - Вот когда пикнет, тогда наше дело швах... У немца-то сто пять, а у нас виноград - дамские пальчики... Дожили!

И, презрев всякую дисциплину, рулевой злобно плюнул в черный квадрат рубочного окошка - туда, где под мостиком тыкалась в ночь маленькая пушка эсминца. Напор ветра отомстил рулевому и вернул плевков обратно - прямо в лицо ему: получи.

- Ну и климат! - сказал матрос, вытираясь.

Эсминец с ревом влезал на волну. Вдали, в ярком фосфоресцирующем свете, заколебалась тень корабля. Неизвестного. Вяземский быстро листал сводки: нет, прохождения судов в это время на русских коммуникациях не значилось. Чужой!

Зубами князь сорвал с руки варезку, нажал педаль на рае-блоке. Колокола громкого боя взорвали тишину душных отсеков. Полминуты - и команда на постах (еще не забыли прошлую выучку). Быстро-быстро каждый матрос опоясывал себя, как ремнем, резиновым жгутом Эсмарха - их носили на случай ранения, чтобы остановить кровь. Дали сигнал вызова прожектором неизвестное судно не отвечало, шпарило дальше на полных.

Шлепая галошами по решеткам мостика, Вяземский велел:

- Магний! - и сам помогал запускать воздушный шар в небо; раздутый от водорода, рыбкой выскользнул шар из рук сигнальщиков, и пакет магния (в фунт весом) разгорелся на высоте нестерпимым сиянием.

В этом безжизненном сиреновом свете все увидели лесовоз, спешащий в ночи куда-то прочь, а штабеля досок, ровно уложенные на верхнем деке, отсвечивали белизной, словно сахар. На приказ остановиться судно увеличило ход, скрываясь.

- Перва-ая... под нос его! Пощекочи...

Выстрелом под нос заставили судно остановиться.

- Абордажную... на борт!

Нет, еще были моряки доблести и отваги... В кромешной свалке волн спустили катер, и Вяземский сам возглавил партию обыска. Судно оказалось под флагом нейтральной Бразилии, но команда состояла из шведов (тоже нейтральных). В каюте капитана - ужин: тарелка, накрытая чистой салфеткой. Вяземский сорвал салфетку - там лежал кусок черствого хлеба. Богатая Швеция отдала все, что могла, Германии, и сама дохла с голоду.

- Команду собрать! Документы... Откуда идете? Карты!
- Идем из Онеги, - пробормотал капитан.
- Неправда! Это лес не онежский, на нем нет тавра онежской компании "Wood"...

В команде оказался лишний: офицер германского флота. Вяземский фонарем осветил перекошенное страхом лицо. Заставил немца встать лицом к борту и ударом ноги перекинул через поручни в кипящее море.

- Привет адмиралу Тирпицу! - И погасил фонарь. - Раскидать весь лес... ничего не жалейте.

Быстро летели за борт гладкие доски. Под ними - сорок семь немецких мин. Гальваноударного действия. Новенькие. Готовые к постановке.

Пистолет взлетел к виску капитана, не успевшего доесть свой последний хлеб.

- Слушай. Сорок семь - цифра сомнительная. Было или пятьдесят, или сто... Где остальные?

- Клянусь детьми, которых у меня четверо! - ответил капитан. - Было всего восемьдесят. Тридцать три мы поставили в Горле... на траверзе маяка Сосковец!

Вяземский сунул пистолет в карман полушубка.

- Я тебя прощаю, - сказал он великодушно. - Можно спускать шлюпки. Я прощаю всех! Всех, кроме вашего корабля...

Капитан глянул в простор океана - гибель в шлюпках еще ужаснее! - и выпрямился.

- Мы знаем ваш эсминец, - произнес с угрозой, - это "Бесшумный"!.. Вы ответите перед международным трибуналом.

- Можете созывать, - хохотал Вяземский, - хоть Священный конгресс! Нам сейчас наплевать, что о нас будут думать...

Оставили гибнущий от взрыва "лесовоз" и пошли далее. Вокруг все было зелено и красиво. Завернувшись в матросские шубы, сваленные в ходовой рубке, Вяземский спал на мостике, громко дыша в свою роскошную бороду. Мундштуки тромбонов торчали из его волосатых ушей, и рупоры выпевали привычное: "Пиуууу... пиууууу... пиууууу..."

И вдруг: "пик-пик-пик-пик-пик-пик..."

Разворошил шубы, вылез - сияли глаза.

- Вот она! - заорал. - Колокола!..

"Пик-пик-пик" - стучали тромбоны, нащупав врага.

Винты уже поставлены на работу "враздрай": левая машина - вперед, правая машина - назад. На голубых табло тахометров рванулись в разные стороны стрелки. Взмыли за кормой смерчи, и эсминец, словно волчок,

развернулся на "пятке" - носом к цели. А цель - вот она, уже видна... Вражеская подлодка нагло всплыла перед "Бесшумным", уверенно сознавая свое преимущество в силе огня.

- Сближение! - командовал Вяземский. - Орудие - товсь! Опутанный проводами телефонов, бегущий с мостика, внизу балансировал комендор. Шарахнула носовая, и белое пламя осветило верхушки волн. В ответ снесло ростры со шлюпками, закрутило в дугу кран-балку, и рулевой панически бросил штурвал, кинувшись бежать с мостика.

- Предали! - орал он. - Братцы убивают! За што?

- Огонь! - Команда с мостика.

Но снизу по мостику - матюгом:

- Куда, мать тебя так, катишь? Креста захотел, хад?

- Огонь!

Огня не было. Второе накрытие - под борт, возле мидельшпангоута. Но эсминец, сбрасывая воду с палубы, выпрямился. На мостик взлетели тени:

- Вертай коробку назад! Будя... отвоевали!

Вяземский одной рукою перехватил брошенный штурвал, другая рука сунулась в карман полушубка - за пистолетом:

- Прочь с мостика! Стоять по местам... застрелю, собаки! Пистолет, выбитый из его руки, сверкнул в последний раз, навсегда исчезая в море. На командира навалились, вращая штурвал в обратную сторону. Кто-то уже командовал по трубам:

- Эй, в машине! Полные обороты... крути, Емеля!

Подводная лодка, преследуя эсминец, рванулась за ним. Снаряды с нее летели вдогонку миноносцу, выходящему из боя. Вяземский, как последний гужбан, хлюпая галошами в мокрой каше снега, начал драться с матросами кулаками.

- Мерзавцы, вы сорвали мне атаку!.. Где русский флот?! Где доблесть?! Вы опозорили имя русских!.. Вы не граждане России! Вы просто взбунтовавшиеся рабы!

Его стали вязать жгутами Эсмарха; тогда Вяземский повернулся в сторону субмарины, рубка которой мерцала точкой огня.

- Ach du deutsche Saue! - заорал он. - Sencke uns mit einer Mine... Ich werde zu Grunde gehen, aber zusammen mit der bolschewistischen Bande!{13}

Дали полный ход - стрелки на тахометрах ползли все выше и выше. Связанный по рукам и ногам, по мостику эсминца катался плачущий командир.

- Штурманец, - велели матросы, - башкой отвечаешь: чтобы к утру были на базе!.. Мы не нанимались главнамуру, чтобы тонуть за здорово

живешь!

Рано утром Вяземский навестил главнамура.

- Приказ исполнен! - доложил он. - Не доходя Териберки, бинауральный поиск засек субмарину противника. С первым же залпом противника команда взбунтовалась...

Ветлинский, опустив голову на стол, долго не отвечал. Потом поднял лицо, искаженное отчаянием, и расцепил плотно сжатые губы, темные, как старая медь:

- Ради бога, никому не говорите о нашем позоре... Если англичане узнают, что флотилия небоеспособна, они усилят свои претензии к нам... Идите отдыхать, князь.

- Есть. Но, сдавая в консульство тромбоны, господин контрадмирал, я убедился, что лейтенант Уилки хорошо осведомлен обо всем, что случилось...

* * *

Сегодня у Небольсина в вагоне гости - славные ребята: майор Лятурнер и лейтенант Уилки, которые вот уже второй год околачиваются на Мурмане при консульствах. Дуняшка сунула в снег бутылки с шампанским и, приплясывая от холода, караулила их, чтобы прохожие не сперли.

- Аркашки, - сказал Уилки, - да зови ты ее сюда. Хватит!

Небольсин был сегодня в чудесном настроении.

- Ты так и не сознался, откуда хорошо знаешь русский язык? - сказал он Уилки, шутливо грозя ему пальцем.

- Ты же знаешь английский. Почему бы мне не знать русского?

Дуняшка выставила бутылки, комья снега растаяли под ними на столе. Лятурнер достал флягу, встряхнул ее перед собой.

- Уберем пока вино, - сказал он. - Я отлично понимаю русских. Вино требует к себе внимания и времени. С вином надо сидеть и болтать, как с другом. А русские хватят вот такой прелести - и летят в канаву... Верно: к чему лишние разговоры?

- Что у тебя там, Лятурнер? - потянулся Уилки.

- Понюхай...

- О! - воскликнул Уилки. - Настоящая самогонка!

- Первач, - нежно выговорил Лятурнер. - Даже горит...

Начали с самогонки (она годилась для экзотики).

- Люблю, когда обжигает, - смаковал Лятурнер. - Если бы, Аркашки, у вас в России все было хорошо так, как эта великолепная самогонка...

- Друзья! - сказал Уилки, ничем не закусывая. - Кто знает новые анекдоты?

- Про царя? - спросил хозяин вагона, благодушничая.

- Это старо, Аркашки... Сейчас анекдоты новые: про Керенского или про Троцкого!

Лятурнер выложил на стол красивые сильные руки; броско сверкал перстень. Заговорил вдруг - открыто, чего с ним почти никогда не бывало:

- Правительство, стоящее сейчас у власти в России, потеряло главный способ воздействия на массы - страх, и Керенского никто не боится. Но это правительство не приобрело и нового способа - действовать за счет доверия, и Керенскому никто не подчиняется. Ни слева, ни справа! Я сторонник Временного правительства, но, кроме жалости, ничего к нему не испытываю. А что скажешь ты, Уилки?

Уилки сочно смеялся, показывая ровные зубы.

- Когда мой консул Холл говорит "болтун", то даже солдаты охраны знают, что речь идет о Керенском...

Небольсин мрачнел все больше и больше.

- Дорогие мои гости, - сказал он, задетый за живое, - вы бы хоть меня постеснялись... Среди вас, как вы сами догадываетесь, нахожусь еще и я русский. А вы хлещете русскую самогонку, Лятурнер, как истинный француз, не удержался, чтобы не пощупать под столом русскую Дуняшку, и... дружно лаете несчастную Россию.

- Прости, Аркашки! Мы не хотели тебя обидеть. Ты славный парень, как и большинство русских. Но никто не виноват, что России давно не везет на правителей...

Небольсин хмуро придвинул к Лятурнеру свой стакан:

- Плесни... Да лей как следует!

- Взорвись, Аркашки. Это чудесная штука. Поверь, я уеду во Францию, увозя самую прекрасную память...

- О чем? О самогонке?

- О тебе, Аркашки...

Гости были без претензий. Они со вкусом ели треску, нажаренную Дуняшкой крупными кусками; сочно обсасывали кости и бросали их на листы газет, разложенных поверх стола. Невольно взгляды иногда задерживались на заголовках.

- Во! - сказал Уилки, ткнув жирным пальцем в статейку. - Это, кажется, "Речь"? Ну да... "Министр юстиции Малянтович, - прочитал Уилки, - предписал прокурору судебной палаты сделать немедленное распоряжение об аресте Ленина".

- А у меня под локтем "Общее дело", - прочитал Лятурнер. - Сообщение из ставки... "Все солдаты с фронта разъехались единичным

порядком самочинно". Молодцы русские! - сказал Лятурнер, беря кусок побольше. Здорово воюют! Извини, Аркашки, но эту статью не я написал в русской газете.

Уилки со смехом вперся глазами в обрывок "Биржевых ведомостей", и прочитал с выражением:

- "Уныло и печально в стенах Петроградской консерватории".

- Где, где? - закричал Небольсин, вскакивая.

- В консерватории, Аркашки.

- Дай сюда. Черт возьми, ведь у меня там невеста!

- Ай как там ей сейчас уныло и печально... Держи!

Небольсин схватил бумажный лоскут, весь в пятнах жира:

- К сожалению, здесь дальше... оборвано.

- А что там? - спросил Лятурнер.

- Да что! Собрали девяносто тысяч рублей взносов. А за дрова заплатили сорок тысяч... Бедная, как она, должно быть, мерзнет! Профессора жалованья не получают совсем. И пишут, что спасти консерваторию сейчас может только Временное правительство. Мне плевать, кто ее должен спасать, но... Вы бы хоть раз увидели мою невесту! Все от нее в восторге. А я даже не знаю, как она?

Лятурнер глянул на часы:

- Знаешь, кто придет сейчас? Мы пригласили лейтенанта Басалаго. Ты не возражаешь?

- Басалаго один не ходит, - заметил Уилки. - Он притащит и Чоколова. И придут не пустыми!

- Да ладно! - сказал Небольсин. - После вас мне посуду не мыть. Хоть вся флотилия пусть забирается ко мне в вагон... Хотите, поедem в Колу?

С гоготом, обнимая в тамбуре Дуняшку, ввалился кавторанг Чоколов, уже хмельной. За ним, абсолютно трезвый, лейтенант Басалаго. Выставили из карманов бутылки.

- Твердо решили напиться? - спросил Небольсин.

- Мы устали. Хуже собак. Иногда не мешает.

- Ну, поехали? Выедем в тундру и будем хлестать до утра, как гусары.

- А не позвать ли нам баядерок? - предложил Басалаго.

- Одна уже есть, - дурачился Чоколов. - Дуняшка, сканканируй нам в своих чулках, вечно спущенных до колен!

- Цего? - спросила Дуняшка, не поняв, и шмыгнула носом.

Уилки пихал Небольсина в бок:

- До чего же у тебя странный вкус, Аркашки.

- Зато она удобна, - застеснялся Небольсин. - Не забывай, что у меня

невеста, и я не имею права транжирить себя направо и налево, словно худой кот...

Дал распоряжение на станцию, и маневровый потащил их за город - на просторы тундры. За стеклами окон качалась жуткая полярная темень; паровоз вырывал из-под насыпи белизну снега, голые прутья ветвей.

Басалаго, выпив, спросил:

- Ты больше ничего не знаешь, Уилки! Что в Петрограде?

Уилки сидел прямо, совсем трезвый, курил спокойно.

- Керенский не удержится. Перестань хвалить его перед матросами и предсказывай им бурю новой революции Ленина - тогда тебя будут считать на флотилии пророком.

- Ты не шутишь? - нахмурился Басалаго.

- Зачем же? Ты спросил - я ответил.

- И что будет дальше?

- Ленин придет к власти.

- Ты пьян! - резко сказал Басалаго англичанину.

Уилки ответил ему ледяным тоном:

- Если я выпил больше тебя, это еще не значит, что я пьян.

- Да хватит вам! - вступился хамоватый Чоколов, игравший всегда под рубаху-парня. - До нас большевики не доберутся. Здесь Россия кончается, обрываясь, как этот стол... в океан!

Уилки внимательно поглядел на Чоколова:

- В этом-то ваше счастье, мистер Чоколов.

Одинокая пуля, пущенная из темноты по окнам, разбросала стекла над головой Уилки, но он даже не обернулся.

- Если меня убьют, - сказал, - это будет здорово. .

Над столом, поверх посуды и объедков, сверкнули браунинги.

Хором заорали на оглушенную девку:

- Дуняшка, свет! Дура, свет погаси...

Темный вагон долго двигался по темной тундре.

- Дуняшка, - не вытерпел Небольсин, - так хуже... включи!

В ярком свете опять проступили лица. Чоколов ползал по полу. Все так же прямо сидел Уилки, и ветер из разбитого проема окна развеивал его жидкие светлые волосы.

- Я пью за крепкую власть в России! - сказал он, поднимая стакан с водкой. - За власть, которая обеспечит России победу в этой войне.

- Не свались, - дружески подсказал ему Небольсин.

- Закуси, - пододвинул еду Чоколов.

Все выпили за "крепкую" власть, хотя каждый понимал ее по-своему.

Долго и молча жевали. Небольсин сильно захмелел.

- Господа, - начал Чоколов, - а Корнилов-то серьезный был мужчина... Как это ему не повезло!

- И дать разбить себя Керенскому? - усмехнулся Лятурнер.

- Я не согласен, - возразил Уилки. - К сожалению, Корнилов был разбит Красной гвардией, и об этом надо помнить..

- А куда мы едем? - отвлеченно спросил Басалаго.

- А тебе не все равно, куда ехать? - ответил ему Небольсин.

- Мне не все равно. Это тебе все равно, куда тебя везут.

- Ты меня не везешь. Это я тебя везу.

- Ты ошибаешься, - сказал Басалаго. - Здесь, на Мурмане, все только катаются. Но вожу-то их я. Куда мне вздумается...

Уилки, подняв лицо, выпустил дым к потолку. Губы его презрительно улыбались. Впрочем, этого никто не заметил.

Под утро вышли в тамбур, чтобы проветриться, лейтенант Уилки и Небольсин, сильно опьяневший.

- Уилки! - сказал Небольсин, распахивая двери мчащегося вагона. Садись, Уилки, рядом. Свесим ноги и поговорим... Ты наверняка знаешь, что будет дальше!

- Дальше, - прозвучал голос англичанина, - будет революция. И только вы здесь ничего не понимаете и не знаете.

- Уилки, я тебе сколько раз говорил: нехорошо много пить и мало закусывать. Ты и правда пьян, Уилки?

- Я тебе, Аркашки, дам сейчас пинка под зад. И ты так и вылетишь из своего вагона...

- За что, Уилки? - пьяно хохотал Небольсин.

- За то, что ты глуп, Аркашки...

Небольсин повернулся в темноту тамбура, где вспыхивал огонек английской сигареты.

- Слушай, Уилки, - спросил просветленно, - а вы уйдете отсюда, если большевики придут к власти?

- Зачем? - ответил Уилки из мрака. - Мы станем союзниками большевиков, если... если Ленин продолжит войну с Германией!

- Я не пророк, но вам придется уйти. Ленин никогда не пойдет на продолжение войны, и ты сам это знаешь, Уилки.

- Тогда, - сказал лейтенант, - мы будем бороться. Мы, англичане, пожалуй, единственный народ в мире, который никогда не знал поражений... Пойдем, Аркашки, поднимайся!

- Куда?

- Допьем, что осталось.

Небольсин встал, качаясь, обнял англичанина.

- Слушай, мой дорогой Уилки! Допить-то мы, конечно, допьем. Но не было еще такой беды, из которой Россия не выкручивалась бы... О-о, ты плохо знаешь нас, русских!

- Пойдем, пойдем... Я их изучаю все время.

В вагоне был погром. Все давно валялись - кто где мог.

Разбросав руки по столу, крепко спал лейтенант Басалаго. Уилки взял его за волосы, грубо и жестоко оторвал от стола, посмотрел в лицо бледное, без кровинки.

- Готов! - сказал с презрением.

Повернулся к Небольсину:

- Худо-бедно, а выдержали только мы двое... Совсем забыл: у меня для тебя, Аркашки, кое-что приготовлено. - И протянул бумажку с надписью: "Бабчор (высота Но 2165). Македония, Новая Греция, фронт Салоникский". Доказательство дружбы, Аркашки... Это новый адрес твоего брата. Можешь писать ему. И не благодари, не стоит.

* * *

Черную шинель раздувал ветер. Черным крепом были обтянуты на погонах императорские орлы, все в тяжелом витом золоте. И черный креп закрывал, словно справляя поминки по ушедшему миру, кокарду национальных цветов. Стоя на башне, Ветлинский заговорил, и три наката стволов линкора, установленные в мутное пространство, казалось, молчаливо подтверждали каждое его слово.

- Матросы! - патетически воскликнул главнамур. - Забудем, что я адмирал. Сейчас я говорю как рядовой член мурманского ревкома... Не вы ли меня и выбрали в его состав? Вы! И вы знаете, что я с чистым сердцем принял, как неизбежное, первый удар колокола свободы - возглас русской революции. Так вот, говорю я вам как боевой товарищ: вы затрепали революцию языками. Вы замусорили ее шелухой семечек... Вы сами уже давно не знаете, чего хотите! А я говорю вам: революция и республика в опасности! Есть только один путь спасти ее от германского империализма - это путь войны...

Стоном отзывалось в палубах: бред ночей, плески волн, шумы и трески, звяканье снарядных стаканов:

- Матросы! - И снова вздернулись крутые подбородки. - Вас, - продолжал Ветлинский почти упоенно, весь в раскачке линкора, стынувшего под ним в пустоте отсеков, - вас, матросы, - выкрикнул он, - никто не тянул за язык, когда здесь же, на палубе "Чесмы", вами была

принята резолюция о войне до победного конца!.. Разве не так?

- Так, - отозвалась "Чесма".

- А на деле? - спросил Ветлинский. - С первым же выстрелом вы бежите, как бабы, и я, - главномур стройно выпрямился над орудиями, - я, ваш адмирал, властью, мне данной от революционного правительства в Петрограде, лично от министра-социалиста Керенского...

- Уррра-а-а! - подхватил Мишка Ляуданский. И когда затихло это "ура", Ветлинский закончил:

- ...обладаю правами коменданта осажденной крепости. А это значит: я имею полномочия правительства расстрелять каждого, кто осмелится не исполнить приказа, отданного во благо революции, но я (пауза)... Но я, подхватил снова, весь в накале, - я не желаю, как член ревкома, подрывать демократию нового свободного мира... Слово за вами! Решайте во имя справедливости и республики, как поступить с изменниками делу революции?

- Адмирал прав, - кричал Шверченко, - хватит губами по атмосфере шлепать!.. К стенке предателей!

- Да здравствует наш революционный адмирал! - призывал Мишка Ляуданский и свистел: - Качать его...

На руках снесли с башни, высоко кидали в небо. И виделись отсюда, с этой вот палубы, узкие теснины Кольского фиорда, а там, в снежной замети, вставали просторы вод - в бешенстве штормов, в гибели рискованных кренов...

Именем главномура кто-то - тихий и властный - отдал приказ о расстреле...

* * *

Ночью за хибарами Шанхай-города выстроили их над ямой.

С бору по сосенке: с "Бесшумного", с "Лейтенанта Юрасовского", с "Бесстрашного"... Они не верили: за что? за что?

Поручик Эллен натянул на руке и без того узкую перчатку, пропел во мрак, в стужу, прямо в людские души:

- Имене-е-ем революции... по врагам респу-у-уб-лики... Потом обошел ряды безмолвных трупов, щупая пульс каждого.

- Вот это стрельба! - похвалил он солдат. - Мне к этому залпу нечего добавить... ни одной пули. Молодцы, ребята! Революция вас не оставит - всем по бутылке водки.

...Князь Вяземский пришел к Ветлинскому.

- Шлепнули? - спросил, садясь без приглашения.

- Да, во имя революции.

- Во имя чего?

Ветлинский раздраженно повторил:

- Я же сказал - во имя революции!

- Так-так, понимаю... Только во имя России, пожалуйста, спишите меня с миноносцев. Я тоже самодемобилизуюсь.

- Ради чего, князь?

Ради этой вашей... революции.

Главнамур прикинул "за" и "против".

- Что собираетесь делать, князь?

- Купил каюту на "Вайгаче", который уходит во льды.

- А что вас привлекло именно во льдах?

- Краткий путь на Печору.

- Не понимаю. Для чего вам это? Вы даже не можете представить отсюда, какая это глушь! Бежать от революции можно... хотя бы в Париж! Но зачем же бежать от нее на Печору?

- Можете быть уверены, контр-адмирал, Печора с моим появлением забудет и думать о революции. К тому же, смею надеяться, Мурману вскоре потребуется прямая связь с Сибирью. А князь Вяземский, ваш покорный слуга, уже там, на Печоре, - вот и Мурманск, глядишь, связан с Сибирью... Что скажете на это, господин контр-адмирал?

Ветлинский подумал. Встал. Подтянулся.

- Что мне сказать доблестному офицеру? Счастливого пути, ваше сиятельство...

Под видом частного лица, заинтересованного в успешном промысле рыбы, князь Вяземский, словно старый сыч, надолго засел на неуютной Печоре, в самом ее устье, где догнивали избы старинной Пустозерской ссылки. Никто тогда на Мурмане не придавал этому побегу князя особого значения: многие удирали по разным местам, самым неожиданным. Но впоследствии оседлость князя Вяземского на Печоре еще сыграла свою черную роль - в борьбе за Советскую власть на далеком Севере.

* * *

Плохо, ежели ты стал офицером в такое смутное время. Нет того блеска, что раньше, и не пенится в твоём бокале шампанское, и не улыбаются тебе барышни, когда ты, впервые надев погоны, пройдёшься по миру эдаким гоголем...

Вот с погонами-то как раз и худо: досрочный выпуск машинных прапорщиков в мундиры принарядили, а погоны... Прямо скажем, нехорошо получается: дали обшитые галуном тряпки, и каждый выпускник химическим карандашом сам себе звездочку нарисовал. Обидно, хоть на

людях не показывайся! Оттого и зовется такой прапорщик времен Керенского "химическим" прапорщиком.

Ну какой бы ты ни был, а все равно служить надобно. И вот в пасмурный день октября, когда пуржило над Кольским заливом, Тимофей Харченко очутился в Мурманске. Остро высмотрел за полосами метели борт родного "Аскольда"... Стоит, подымливает, словно на приколе. И дым нехорош - вроде дровами топят.

Во всем величии своего нового звания, Харченко окликнул одного матроса, трепавшегося с девкой у барака станции:

- Эй, мордатый! Не видишь? Помоги господину офицеру...
- Видали мы таких! - огрызнулся матрос, щупая девку.
- Вы как разговариваете?
- Как можем, так и говорим...

Да, плохо стать офицером во времена Керенского: нет того блеска, что раньше. И не пенится шампанское, и не улыбаются тебе барышни. Ну и так далее... Делать нечего, вскинул Харченко чемодан и потащился, как оплеванный, к берегу. Оно, конечно, обидно, еще как обидно! Волоча чемодан в сторону гавани, Харченко во всем обвинял дворянство: "Эти офицеры из благородных шибко виноваты, распустили матросов. Ранее проще было: дал кубаря по соплям - и все в порядке. Да и карцер тоже, он дисциплине способствовал..."

Бренча железными кружками, матросы на "Аскольде" гоняли жидкие чаи, когда Кочевой прибежал с палубы:

- Какая-то медицина с берега катит... Небось опять вшивых да трипперных искать будет!

Настроение на "Аскольде" было неласковое: казалось, сами мурманские скалы вот-вот обрушатся на корабль. Где-то там, далеко-далеко, Балтика... форты... хлесткий ветер на Литейном... своя братва в пулеметных лентах. А тут сиди как в могиле: в море - немцы и англичане, на берегу - начальство и контрразведка. Гиблое дело этот Мурманск!

- Харченко! - сообщили сверху. - Это не медицина, братцы. Сам Тимоха Харченко в новой фураньке сюда шпарит...

Кое-кто из "стариков" Харченку еще помнил. Бросая кружки, посыпали наверх. Окружив машинного, трепали дружески, гоготали над его "химией", старательно разрисованной на погонах.

- Ну, ваше величество! Дослужились... А повернись, хорош ты гусь... Только Тимоха, правду скажем: в форменке ты был красивше. Опять же и воротник. И ленты... Не жалко?

- Человек расти должен, я так смысл жизни понимаю, - объяснил

Харченко скромно. - Я простой человек. Теперь из скотов серых в люди произошел. Чего и вам, ребята, желаю.

- А ты не шкура? - спрашивали, между прочим.

- Тю тебя! - смеялся Харченко. - Який же я тебе шкура, ежели на одном шкафуте с тобой под ружьем стаивал? Из одной миски шти хлебали... Я - сын народа!

Тогда ему сказали:

- Ну, коли ты сын народа, так и быть: дать народному офицеру каюту... Ту самую, в которой Федерсона убили. И пуцай живет на радость команде. Свой парень в доску!

Тут Харченко впервые ощутил себя офицером: и чемодан ему подхватили, и до каюты провели. А за чаем спросили:

- А чего сюда приволокся? Сидел бы себе на Балтике...

- Непокойно там, - отвечал Харченко, обсасывая конфету. - Уважения к офицерам уже никакого нету. Ну, а на "Аскольде" все свое, привычное... Вот и подался к вам, друга мои!

- Может, поспать ляжешь с дороги? - предложили.

- Нет, - отказался Харченко, - у меня еще дела есть..

До самого вечера болтался Харченко по берегу, выискивая для себя погоны. На барахолке, что шумно и бесцветно шевелилась тряпьем за Шанхай-городом, Харченко подошел к бледному, романтического вида юноше-прапорщику, продававшему два австрийских штыка.

- Господин хороший, с резакими этими ты до ночи простоишь и сам зарежешься. Кому штык твой нужен? А я тебе честную коммерцию предлагаю: мне твои погоны как раз бы подошли. Я человек здесь новый, а ты, видать по всему, парень ловкий - другие себе сварганишь.

- Сколько дашь? - спросил романтический прапорщик, громыхая от холода мерзлыми пудовыми сапожищами.

- Сорок... тебе не обидно ли будет?

- Сто! Половину займом Свободы.

- Пожалте, - распахнул шинель Харченко, - очень уж нам прискорбно с первого дня химичиться...

Отошли в сторонку, будто по нужде. Затаились. Харченко вынул из-под кителя громадный лист керенок, сложенный словно газета. Надорвал на полсотне рублей и обрывок отдал юноше.

- Сейчас, - сказал. - Заем-то Свободы я в ином месте храню. Говорят, тута жуликов много... так я украл.

Достал откуда-то из штанов хрусткую пачку облигаций.

- В расчете? Ну, тады снимай....

Юноша отбросил два штыка и, распарывая нитки, безжалостно сорвал со своих плеч погоны.

- Видал я дураков... - сказал и даже поклонился. Вечером, ног от усталости не чуя, притащился Харченко на корабль. В пустом коридоре кают-компания бродил пьяненький мичман Носков и обтирал плечами переборки, давно некрашенные и грязные.

- Ученик... - пробормотал. - Узнаешь своего учителя?

- Да как же! - расцвел Харченко, обнимая мичмана. - И теорему Гаккеля хоть сейчас, не сходя с этого места... решу! А чего это вы, господин мичман, не в себе вроде?

- Поживешь здесь - и любую теорему забудешь... Павлухин навестил Харченку перед отбоем.

- Здорово, Тимоха! - И сразу, без предисловий, стал заводить о деле. Вот ты и кстати, - сказал Павлухин. - Это хорошо, что явился... Мне, Тимоха, от Центромур хороший мордоворот устроили. Как большевику, мне туда не попасть. Но крейсер наш должен иметь голос в этой организации... Что, если ты?

- А что я? - спросил Харченко. - Я от политики подальше. Задавись она пеньковым галстуком. Пока в Кронштадте науки разные проходил, так я там всякого насмотрелся. Не дай бог!

- Не говори так, - возразил Павлухин. - Здесь тебе не Кронштадт, и революция здесь иная. Если боишься крышкой накрыться, так здесь не убивают. Видишь? Даже погоны носить можно. Но здесь тоже борьба... еще какая!

- За что хоть борются-то? - подавленно спросил Харченко. Павлухин крепко шлепнул себя по коленям - ушиб руки.

- Об этом потом. А сейчас напрямки спрашиваю: согласен ли ты, как революционный офицер, вышедший из народа, представлять в своем лице крейсер "Аскольд" в Центромуре?

- Да... почему бы и не представить? А что делать-то?

- А ничего. Твое дело - сторона. Что мы на общих собраниях постановим, то и тебе следует, как нашу резолюцию, довести до сведения Центромур. И отстаивать ее, пока юшка из носу не выскочит... Осознал?

- Ага, - сказал Харченко и всю ночь не спал: думал.

Впрочем, хитрый, он понимал, что явно сторониться политики в такое время не стоит. И когда матросня выдвинула его в Центромур, он только кланялся, словно девка на выданье:

- Спасибо, братцы... вот удружили! Потому и стремился к вам всей душой - не забыли, благодарствую. Что мне сказать вам в ответ на доверие?

Да здравствует свобода... И, как говорится, вся власть Учредительному собранию! Может, не так что сказал? Так вы поправьте...

- Для начала сойдет, - ответил за всех Павлухин. Ночью на посыльной "Соколице" он отплыл в Архангельск.

Глава восьмая

В раскаленной печурке жарко стреляют березовые поленья. А за жестяной коробкой складского барака, за гофрированными прокладками войлока и фанеры, беснуется полярная вьюга. В узкие амбразуры окошек лезет патлатая метель.

Телеграфист уже немолод, он устал, его клонит в сон.

И вдруг, дергаясь, побежала катушка: "тинь-тинь-тинь!"

Пошел текст:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК, ТЕЛЕГРАФ, ПОЧТУ, ТЕПЕРЬ
ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ. ПРАВИТЕЛЬСТВО БУДЕТ НИЗЛОЖЕНО...

Телеграфист бормочет про себя:

- Провокаторы! - и рвет в пальцах тонкую ленту.

Опять тишина, только воет проклятый ветер. Одинокий выстрел где-то в ночи. И снова, дергаясь, толчками бежит катушка:

ПЕРЕВОРОТ ПРОИЗОШЕЛ СОВЕРШЕННО СПОКОЙНО, НИ
ОДНОЙ КАПЛИ КРОВИ НЕ БЫЛО ПРОЛИТО, ВСЕ ВОЙСКА НА
СТОРОНЕ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА...

Обгорелая головешка, брызгаясь искрами, вываливается на пол, наполняя барак едучим дымом.

- Нет, нет, - бормочет телеграфист. - Этого не может быть. Он рвет и эту ленту. Долго сидит, в отчаянии катаясь лысой головой по столу. Потом нащупывает ногою под столом бутылку. Достает. Наливает. Пьет. Морщится.

- Предатели! - говорит он.

На рассвете приходит сменщик.

- Что-либо важное было за ночь? - спрашивает.

- Нет. Ничего не было, - отвечает ему старый и тряскими пальцами застегивает поношенное пальто.

Под утро телеграф начинает выстукивать целый каскад телеграмм:

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ... ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
НИЗЛОЖЕНО. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ ПЕРЕШЛА В РУКИ
ОРГАНА ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ...

- Так, - произносит телеграфист, читая. - Дорвались? Ну, ладно. Вы погибнете скоро и бесславно, даже не успев добраться до наших краев...

Над головою телеграфиста сонно щелкают часы. Промедление рискованно, надо что-то делать. Радиостанция на "Чесме" очень мощная, и если там радиовахта не дрыхнет, то уже принимает. Консульства имеют свои приемники и прямую связь с Лондоном.

"Замолчать никак нельзя!.."

Телеграфист долго нащупывает под столом бутылку. Встряхивает ее, просматривая темную глубину перед лампой.

- Вылакал все... тоже мне приятель! Ни капли... - И вызывает рассыльную бабу при станции: - Беги до штаба. Если главному Ветлинский еще не встал, можешь передать начштаму лейтенанту Басалаго... Дуй!

В английском консульстве известие о переходе власти в руки большевиков получили гораздо раньше. Консул Холл, завернувшись в халат, беспокойно расхаживал по коридорам барака.

- Кажется, - сказал он, - с Россией надолго покончено.

- Напротив, сэр, - возразил Уилки, быстро одеваясь во все теплое, вот теперь-то с нею и стоит нам повозиться!..

* * *

В тусклых сумерках рассвета заиграла темная медь судовых оркестров. С борта "Аскольда", прямо в котел гавани, рушилась, завывая призывом к оружию, торжественная "Марсельеза", а на линкоре "Чесма" наяривали, как при угольной погрузке в авральный час, лихорадочный "янки дудль денди".

Реакция на события в Петрограде была стихийной, еще не осмысленной. Над рейдом висла шумливая кутерьма голосов, сирен, скрипа шлюпбалок. Трещали как сороки прожектора, ведя переговоры с кораблями.

Многое было неясно - истина еще не отстоялась. Но к середине дня, под жерлами британского "Юпитера", Мурманск ожил и украсился флагами. Топтали порошу, выпавшую за ночь, ноги в матросских бутсах, ноги в солдатских обмотках, ноги в опорках сезонников. Скрипели сапоги офицеров, ухали по сугробам валенки развеселых мурманских баб.

Прячась под стенами бараков от ветра, толпились кучками. Сходились, снова разбегались. Послушать там, послушать здесь.

И снова отбежать к новой кучке, где Шверченко уже выкрикивает - его прямо корчит от ярости:

- Это мы еще посмотрим! Власть Временного правительства худо-бедно, а шесть месяцев продержалась... Шесть часов я кладу на большевиков - больше им не устоять! Раздавим!

На главном "проспекте", вдоль колеи дороги, Каратыгин со своей

Зиночкой гуляет среди путейских канцеляристов.

- Неужели жертвы революции принесены напрасно? - говорит он авторитетно, и ему внимают. - Не верю, чтобы русский народ дал осилить себя кучке политических авантюристов...

На Зиночке новая шубка, она кокетливо опускает глаза.

- Посмотри, кто идет... - И дергает мужа за рукав.

В распахнутой шубе, выкидывая перед собой трость, широко шагает по шпалам Небольсин. Снег залепляет ему глаза, снег осыпает тужурку под шубой. А взгляд - в пространство.

- Аркадий Константинович!. - восклицает Каратыгин, увлакивая за собой и очаровательную Зиночку. - Нам пора помириться. В такой день... в такой ужасный день!

Небольсин круто останавливается.

- У каждого дня бывает вечер, - отвечает хмуро. - Впрочем, извините, спешу... Зинаида Васильевна, кланяюсь!

- Охамел... барин, - бормочет вслед ему Каратыгин.

В конторе Небольсин еще с порога срывает с себя шубу:

- Соедините меня с Кемской дистанцией...

Ему хочется слышать Ронека... Ронека, только Ронека!

- Петенька! - кричит он в широкий кожаный раструб телефона. - Что у вас там происходит?

- Поздравляю, Аркадий, неизбежное случилось - у власти народ и Ленин! У нас уже Советская власть... Что у вас?

- У нас метель, мороз и всякий вздор. Никто ничего толком не может объяснить. Сколько революций у вас запланировано?

- Это последняя, Аркадий. Самая решающая и справедливая.

- Не агитируй меня... Так, говоришь, у вас Советы?

- Да. По всей линии.

- А Совжелдор?

Короткое молчание там, в Кеми.

- Совжелдор против большевиков, - отвечает Ронек.

- Я так и думал, - говорит Небольсин. - Сейчас встретил гниду Каратыгина, он кинулся мне на шубу, чтобы обнять или задушить - в зависимости от моей точки зрения. Я уклоняюсь.

- Не уклоняйся, Аркадий, - прозвенел голос Ронека издалека. - Ты же честный человек.

- Спасибо, Петенька, - ответил Небольсин. - Но мою честность трудовой народ на хлеб мазать не будет... Я все-таки до конца не понимаю: верить ли?

- Верь, Аркадии, верь...
- Во что верить?
- В лучшее.
- Прощай, Ронек, ты старый карась-идеалист...

В этот день было общегородское собрание. Небольсин тоже пришел в краевой клуб и только тут, пожалуй, поверил, что неизбежное случилось. Рабочие дороги и солдаты гарнизона приветствовали новую власть. Небольсину было любопытно - какова же будет резолюция общего собрания? Он решил не уходить - дожждаться ее. Но тут его тронули за плечо и шепнули:

- Ага, вот вы где... Как можно скорее в штаб, быстро.
- В штабе его ждали Ветлинский, Басалаго, Чоколов, Брамсон.
- Я нужен? - спросил Небольсин.
- Да, - ответил Басалаго, не повернув головы.
- Вы прямо с собрания? Какова резолюция?
- Меня сорвали со стула... Но, судя по настроению солдат и рабочих, резолюция будет за поддержку Советской власти. И конечно же, за мир... за любой мир! Только бы мир...
- Это стихия, - просипел Брамсон, ерзая глазами по полу. - Со стихией всегда трудно бороться. Нужен голод, чтобы народ опомнился... Нужен Бонапарт! Нужен Иван Грозный!
- Перемелется, - отмахивался Чоколов (уже хмельной).
- Закройте двери, - велел Ветлинский. - Садитесь...

На зеленом сукне стола, под светом казенной лампы, легли руки заправил Мурманска - руки адмирала, руки флаг-штабиста, руки портовика, руки прокурора и руки путейца. Все они были разные, эти руки, и все не находили себе места.

Ветлинский вынул из кармашка брюк старенькие часы, выложил их на середину стола перед собравшимися.

- Дело, - сказал он, - только дело... Несомненно, резолюция матросов, солдат и рабочих сегодня, когда страсти особенно накалены, будет за Ленина... Говорить всем кратко! У нас три минуты. Повторяю: Главнамур должен быть категоричен и краток. Архикраток, чтобы мы с вами, господа, успели опередить резолюцию... Кто первый? Вы, лейтенант?

Басалаго с хрустом разомкнул сильные пальцы:

- Советская власть не продержится и трех дней.
- Вы? - кивнул Ветлинский в сторону Брамсона. Брамсон сказал, что думал:
- Керенский завтра вернется и свернет шею большевикам.

- Вы? - Кивок Ветлинского в сторону Чоколова. Чоколов только отмахивался:

- Надо признать Советы, чтобы уберечь себя от эксцессов.

- Вы? - Вопрос в сторону Небольсина.

Небольсин подумал и закрепил разговор:

- Новую власть надо признать как неизбежное явление...

Контр-адмирал, явно довольный, убрал со стола часы.

- Вот и все, господа! Я очень рад, что вы отнеслись к разрешению этого сложного вопроса вполне разумно. Без лишнего пафоса, спокойно и деловито. Вот теперь, - сказал Ветлинский, - мы начнем укреплять власть на Мурмане...

- Коим образом? - ехидно спросил его Брамсон.

- Через Советы, - ответил Ветлинский. - Внимание, зачитываю свой приказ... Пункт первый: "Для блага всего края я, со всеми мне подчиненными лицами и учреждениями, подчиняюсь той власти, которая установлена Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов..." Так? - спросил он собрание.

- Допустимо, - согласился Басалаго, нервно вскочив.

- В этом что-то есть, - сказал хитрый Брамсон.

- Прилично, - буркнул Чоколов.

- Вполне... - хмуро поддержал Небольсин.

Ветлинский встряхнул в руке бумагу.

- Пункт второй: "Памятуя об ответственности перед родиной и революцией (выпуклые глаза контр-адмирала обежали лица людей, сидевших перед ним), я приказываю всем исполнять свои служебные обязанности впредь до распоряжений нового, Советского правительства..." Все, господа! Лейтенант Басалаго!

- Есть! - вскинулся тот, всегда в готовности.

- Немедленно поспешите в краевой клуб. Выскажите перед митингом полную готовность Главнамура поддержать новое правительство Ленина. И зачитайте им этот приказ... Сразу! Мы наверняка еще успеем перехватить их резолюцию...

Так и случилось. На трибуну, запыхавшись, влетел лейтенант Басалаго, мокрая прядь упала ему на лоб.

- Свершилось! - выкрикнул начштамур в темноту зала, жарко дышащую на него. - Слабая и немощная власть Временного правительства, власть бюрократии и буржуазии, пала... Мы, представители командования и передового русского офицерства, счастливы заявить здесь, что пойдем в ногу с трудовым народом!

- Уррра-а-а! - всколыхнулся зал.

- И мы надеемся, - продолжал Басалаго, - что Россия, в руках правительства новой формации, даст изможденному русскому народу покой благородного мира (после победы! - добавил он)... и внутреннее устройство в рамках демократии и свободы. Да здравствует власть Советов! - закончил Басалаго.

Мишка Ляуданский, пристроясь на краю стола, быстро перебелял резолюцию, вставляя в нее обороты речи, свойственные лейтенанту Басалаго.

- Совжелдор против! - раздался голос Каратыгина. - Совжелдор призывает не подчиняться большевикам и свергнуть власть узурпаторов.

Басалаго тряхнул головой, отбрасывая с мокрого лба жесткую прядь волос, на которой еще таял снег.

- Я не политик, - ответил он. - Я только выразил генеральное мнение Главнамура, которому принадлежит власть на Мурмане.

- Это предательство Главнамура! - Новый голос. Басалаго впился в потемки зала, выискивая того, кто кричал.

А там, где-то далеко-далеко, в самой глубине барака, мерцали погоны, и он узнал кричавшего. Это был его приятель по штабной работе - тоже лейтенант флота - Мюллер-Оксишиерна.

- Я вас не знаю, - сказал приятелю Басалаго, и зал снова стал ему аплодировать, потому что его-то как раз хорошо все знали...

Но тут от дверей кто-то доложил хрипло:

- Получена телеграмма. В Москве восстание против большевиков... Москва не принимает Советской власти!

- Вот оно! - завопил Каратыгин. - Начинается...

Через толпу, выдирая полы шинели из плотной давки, пробирався на выход лейтенант Басалаго. Глянул на Небольсина, шепнул:

- Пошли, надо подготовить составы новых ревкомов.

Небольсин в растерянности перетаптывался на месте.

- Вы же слышали, Мишель? В Москве...

- Пошли, пошли, - говорил Басалаго. - Здесь больше нечего делать. Это как раз та музыка, которую можно играть с любого конца. А сейчас мы держимся. Мы у власти. И Советы, как и ревкомы, будут наши...

Хлыщеватый лейтенант Мюллер-Оксишиерна подошел к Басалаго и сложенными в руке перчатками хлопбыстнул его по лицу.

- Предатель, - заявил он ему.

Басалаго даже не обиделся.

- Дурак ты, - ответил. - Я думал, что ты умнее...

* * *

Строгая четкость "Аскольда" одним своим видом подавляла неразбериху Мурманского рейда, и потому-то Харченко, как представитель этой мощной боевой машины, легко перескочил в ревком: он уже входил во вкус. Его поперло, его понесло!

- Перьво-наперьво, - заявил Харченко, - я согласен с товарищем Ляуданским, который мудро говорит: "Революция - это вам не шлындыбрынды". И в самом деле, ежели присмотреться, то что мы видим? Кого-то лупят, кого-то давят, что-то кричат. Кого лупят? Конечно, начальство. Кого давят? Конечно, офицеров. О чем кричат? Конечно, о свободе... Вот тут-то я, признаться, и не понимаю. Товарищи! - пустил слезу Харченко. - Ридные мои! Где же та свобода, из-за которой льются потоки трудовой крови? Я кровью своей выслужил себе вот эти погоны, а мне за это - штык в пузо? Так прикажете понимать?

Плаkanie Харченки придержал Ляуданский:

- Стоп, машина! Крути реверс конкретнее... Давай мнение!

Харченко загибал пальцы, перечисляя:

- Жрать надо... пить надо... одеться надо...

- погоди! - с пеной у рта заорал на него Шверченко. - Не надо тебе жрать, не надо тебе пить!.. Ничего не надо! Вся телеграмма Совжелдора из Петрозаводска. Там люди, а не тряпки! Они прямо говорят: не признаем Советской власти - и баста. И мы должны так же. До тех пор, пока в состав правительства полноправно не войдут члены всех социальных партий, о большевиках и говорить не стоит...

- Где Каратыгин? - огляделся Ляуданский.

Доставили Каратыгина.

- Ты что думаешь? - пристали к нему.

- Я как Викжель: Викжель против Ленина - я тоже... Я от революционных масс не отрываюсь, не на такого напали!

- Верно. Не отрывайся, - похвалил его Харченко. - А вот насчет писания... как? Горазд?

- Милейший, - обиделся Каратыгин, - я промышленно-торговое училище чуть было не закончил. А вы, кажется, из этих... из "химических"!

- Ну вот, - недовольно заметил ему Харченко, - сразу вступаем в классовое противоречие. Нехорошо, нехорошо!

Дверь открылась: зацепившись за порог, влетел Ванька Кладов.

- Материал есть? - спросил, озираясь.

- Посиди, - утешил его Ляуданский, - сейчас приготовим.

- Чего пишете? - поинтересовался редактор.

Ляуданский изобразил на руках мельницу-маслобойку:

- Никак не можем обращения спахтать...

- А к кому обращаетесь?

- Ко всем народам мира...

- Ловкачи! - восхитился Ванька Кладов. - Чего же вам, ребята, от народов мира потребовалось? Тушенки? Или водки? Или просто так - пошуметь решили?

Харченко, такой ласковый, словно кот, подсел к мичману:

- Дело-то тут такое, трохи беспокою... Мы ведь люди новой хормации. Может, не так что сказал?

- Ничего. Вы новенькие. Как пятаки. Дальше?

- Язык-то сразу не проворачивается...

- Привыкли, прапор, машину свою проворачивать?

- Оно и так - машину завсегда легче. Потому как сын народа...

Ванька Кладов притянул его к себе и - шепотом страстным:

- Чин лейтенанта хочешь? Могу... И недорого: пятьсот целковых. Георгии тоже имеются... Станислава бы тебе! По двести николаевскими... Хочешь Станислава?

Харченку кинуло в сладостный озноб.

- Не, Погоди, мичман. Меня же знают... Откуда?

- Ну потом. Когда подрастешь из "сыновей народа", тогда помни: мичман. Кладов все достанет.

- Как же? - переживал Харченко. - Вить революция... до орденов ли тут?

- Плюнь, - сказал ему Ванька. - Красный бантик и дурак нацепит. А вот Станислава - не каждому дано. Подумай.

От стола раздалось постукивание карандаша.

- Внимание, внимание, - заговорил Ляуданский. - Послушайте, вы там... в углу! "Народы мира" - под хвост. Теперь начало будет другое: "Всем, по всей России, по всем фронтам, по всей печати..."

Ванька Кладов уже направлялся дверям.

- Куда же вы, мичман? - остановили его.

- Мне это неинтересно. Да и номер уже занят сегодня. Как раз напечатал телеграммы Керенского и генерала Духонина. Чтобы никаким Советам не подчиняться... Вот они знают, что писать. Эти люди не чета вам: с башкой люди, демократы...

Из редакции Ванька Кладов позвонил в штаб Басалаго:

- Мишель, привет.

С другого конца провода взорвался начштамур:

- Я тебе не "Мишель", мичманок! Лейтенант Михаил Герасимович Басалаго окончил Морской корпус его величества. А ты выскочил в мичмана из недоучек студенческого набора...

- Простите, господин лейтенант, - извинился Ванька Кладов. - Я только в интересах дела хотел вам посоветовать, чтобы вы разобрались в делах ревкома... Эти остолопы что-то там пишут и никак не могут написать. Я решил благоразумно не вмешиваться.

- Хорошо. Спасибо. До свиданья.

Это был десятый день после Октябрьской революции, и в Мурманске только что было получено сообщение о создании нового правительства - Совета Народных Комиссаров. В подавленном настроении, с трудом сдерживая ярость, так и kloкотавшую в нем, Басалаго ворвался в барак ревкома...

Оглядел лица. Серые от перекура и недосыпа.

И глянул на себя в зеркало. Вот его и сам черт не берет: всегда подтянут, гладко выбрит, лицо розовое. Щелкнув крышкой портсигара, Басалаго изящным жестом достал папиросу. Продул ее, и вспыхнул огонек зажигалки.

- Или власть ревкома, - сказал, - или...

За столом притихли. Басалаго выдал им долгую паузу - как актер, уверенный в том, что и в паузе есть глубокий смысл.

- Или проваливайте, к чертям! - заорал он, раскидывая с грохотом стулья. - Главнауру нужны люди деятельные! Люди активного настроения! Верные помощники в борьбе за мир и процветание этого края... Ляуданский!

- Есть.

- Читай...

Глаза Ляуданского забегали по шпаргалке:

- "Всем, по всей России, по всем фронтам, по всей печати..."

- Дальше! - рявкнул Басалаго.

Ляуданский щелкнул каблуками и сказал:

- Есть! - но молчал.

- А вот дальше-то... - вставил Харченко и тоже замолк. Басалаго оценил его на взгляд: "Этот "химик" - дерьмо!"

- С революционным народом, - сказал начштамур, разглядывая свою папиросу, - надобно говорить языком революции... Не можете? Ладно. Черт с вами! Пиши...

Он снял фуражку, залепленную сырым комом снега.

- "Уже десятые сутки, - диктовал, - кипит братоубийственная

гражданская война, а в стране еще нет центральной власти... " Чего остановился? Пиши: "... власти нет". Совжелдор, - спросил лейтенант у Каратыгина, - есть власть?

- Нету, - ответил Каратыгин, почтительно привставая.

- "В связи со всем этим, - продолжал Басалаго, - разрушающим страну положением мурманский ревком"... Написал? "Мурманский ревком требует..." Двоеточие, поставь номер один...

Из-под пера Ляуданского, движимого сейчас только голосом Басалаго, выбегали и строились пункты "требований": 1. Немедленного прекращения братоубийственной борьбы за власть и образования сильной всенародной власти.

2. Направления всей политики нового правительства к скорейшему заключению демократического мира при обязательном условии тесного единения с союзниками.

Отойдя к окну, Басалаго оглядел рейд, заставленный кораблями русскими, британскими, французскими.

- Прочти мне последнюю фразу, - сказал он. Харченко через плечо Ляуданского услужливо прочел: "...при обязательном условии тесного единения с союзниками".

- Точка? - спросил Басалаго.

- Точка, - вздохнул Шверченко.

- Переделай точку в запятую и добавь: "...без помощи которых нам грозит гибель". Слово "гибель" подчеркни!

Закончив диктовать, он взялся за фуражку:

- Что вы так на меня смотрите? Вы лучше посмотрите отсюда на рейд. Неужели вам, болванам, никогда не приходила в голову такая мысль, что, если англичане уйдут из Мурманска, флотилию и порт ожидает разруха. Смерть! Кто даст топливо? Где взять масло? Сахар? Петроград не даст - там большевики уже доедают последних собак...

Харченко вскочил снова:

- Вот, не сговаривались, а получилось одинаково... Что я вам говорил? Жрать надо, пить надо, одеться надо...

Дверь за начштамуром с размаху захлопнулась - накрепко.

Ревком передохнул.

- Ну как? - спросил Ляуданский. - Вы согласны?

- Ревкому без Главнамура - крышка, - сознался Харченко. - "Куды уж нам с Басалаго тягаться... Давай, я подписываюсь."

Тогда же лейтенант Басалаго был введен в состав мурманского ревкома и стал управляющим его делами (отныне Главнамур стал одной шайкой-

лейкой с ревкомом).

* * *

Скоро во всей своей первозданности проявилось то допотопное, что и составляло во многом суть жизни большинства людей, населявших в те времена мурманские холодные Палестины: желание загрести копейку, сгношить рубелек, сварганить деньгу на воровстве или спекуляции. Какая там революция? Все словно очумели, забыли о революции и носились со своими кубышками...

Первый сигнал об этом Небольсин получил от Каратыгина.

- Аркадий Константинович, - спросил бывший контрагент, - а вы своих сбережений не забрали еще из конторы банка?

- А зачем я должен их забирать? Куда их дену? Дуняшке под юбку? У меня же в вагоне стащат.

- Лучше уж знать, что украли воры, а не дарить большевикам. Мы вот с Зиночкой свои деньги уже забрали.

Небольсин испытал некоторое беспокойство. В самом деле, не забрать ли и ему? Время шаткое. Действительно, люди побогаче шептались по углам, прикидывали, шуршали, как крысы в норах. Наконец из Архангельска дошла весть, что банки там чистенькие: клиентура уже все выгребла...

Дядя Вася перекладывал в конторе печку.

- Дядя Вася, - спросил Небольсин, задумчиво наблюдая за его работой, а где ты бережешь свои деньги?

- Да в сапоге, Константиныч, - ответил мудрый печник. - Велики ли деньги-то у меня? Мы ведь не баре...

Сказано не в бровь, а в глаз. Небольсин не выдержал и тоже завернул в контору госбанка. Там было пусто, жутковато пусто - и сразу кольнуло сердце. Боже мой! С первой лопатой поднятого грунта, через болота, поедаемый гнусом, дошел по рельсам до Мурманска, все откладывал, все надеялся... На что надеялся? И распахнулись где-то очень далеко высокие белые двери, из которых сейчас выйдет к нему... она.

- Уважаемые! - Инженер постучал в запертое окошечко. Оно откинулось, и Небольсина спросили:

- Вам, сударь, что?

- Нельзя ли мне...

- Денег нет! - И окошечко закрылось.

- Пойдите, - открыл его Небольсин снова, - я вам все эти годы, как последний дурак, вносил... чтобы вы сберегли!

- Все вносили. Но денег нет.

И высокие двери закрылись вдруг, навсегда отодвинулась от него Ядвига в ее японском халате с чудовищными драконами.

- Отдайте мне деньги! - стучал Небольсин кулаком. Высунулась плешь чиновника.

- Русским языком сказано: денег нет... Нет денег!

- Хорошо. Когда будут?

- Когда не будет большевиков...

Опустошенный, сразу потеряв все, на что рассчитывал, Аркадий Константинович отправился в буфет при станции вокзала. Там в уютных потемках, он шуршал керенками, уже обесцененными. Прикидывал - как прожить до жалованья. Решил для начала, по русскому обычаю, как следует выпить... И - выпил!

Прямо перед собой он разглядел широкую спину полковника; толстые уши, багровые от холода; массивная шея упиралась в воротник жесткой шинели. По этим ушам, по этой могучей спине Небольсин узнал полковника Сыромятева человека, появлявшегося в Мурманске только наездами. Сыромятев, полковник генштаба и командир погранохраны полярного района от Пазреки до старинной Печенги, был очень почтенным человеком.

- Господин Сыромятев, - окликнул его инженер, - добрый день. Как здоровье отца Ионафана?

Сыромятев охотно перенес свой стакан с недопитой водкой за столик путейца, уронил бутерброд, помазанный какой-то дрянью, и ожесточенно отправил его в угол ударом громадного сапога.

- Сейчас монахом быть хорошо, - прогудел он басом. - Иисус Христос свою партийность выяснил еще вон когда! И отцу Ионафану теперь остается только ее и придерживаться...

Небольсин рассказал, как его обчистили в банке, и неожиданно Сыромятев выругал инженера:

- Аркадий Константинович, вы же неглупый человек, а несете ахинею... Какие деньги? О чем вы говорите? Да постыдитесь. Неужели вы желаете походить на всю эту сволочь, которая судьбою войны натискалась в Мурманск, словно сельди в бочку... Сейчас, дорогой мой, время думать о России, о судьбах народа, а не о деньгах!

- Поймите же меня, - слабо возразил Небольсин. - Когда человеку за тридцать, ему невольно хочется упорядочить многое в своей жизни.

- Деньгами? - накинулся Сыромятев на путейца. - Бред! Сейчас упорядочить жизнь в России можно только пулей и дисциплиной. Крепкой властью! А не подтиркой, на которой госбанк разрисовал всякие там

глупые цифирки...

Они выпили водки, и Небольсин спросил:

- Вы чем-то сильно озабочены, полковник? Дела? Сыромятев надвинулся на инженера всем своим массивным горячим телом - тепло этого тела пробивалось даже сквозь грубое сукно шинели. Оглядевшись вокруг, полковник шепнул:

- С нашей границы снят замок... Граница открыта!

- Не может быть, - отшатнулся Небольсин.

- Именно так, - кивнул Сыромятев. - Вы, может, спросите, у меня, как это случилось?.. Очень просто. Еще при Керенском солдаты сорвали с меня погоны. Вытерпел. Вы же меня знаете, я не истеричная барышня. Сорвали - и черт с вами! Думаю - уйди я сейчас, на ком граница останется? Потом говорят: не барин, мол, вставай в очередь за кашей. Поверьте: я брал миску и стоял. И ждал, когда мне положат каши... Я человек очень выдержанный, меня трудно вывести из терпения.

- Ну а потом? - спросил Небольсин.

- Потом стали буяннить... России для буянства показалось им мало. Пошли через границу в Норвегию - там пивная торгует. Ну, каковы норвежцы, вам рассказывать не надо. Они так поддали моим молодцам, что те вернулись в красных соплях. А я лежу и радуюсь: вот, думаю, бог наказал вас! Хоть чужая управа, да все-таки нашлась...

Сыромятев печально умолк, размазывая вино по клеенке.

- А дальше? - намекнул Небольсин.

- Дальше... Они все разбежались, бросив оружие. Я проснулся, смотрю один на заставе. Совсем один... На такую границу - один полковник Сыромятев. А немецкие подлодки стоят на Лафонтенах. Что делать? Ушел тоже...

- А вы пытались стукнуть кулаком в Главнамуре?

- А вы думаете - нет?

- Я думаю, что - да.

- Вот именно. Я стукнул. Перед самым носом контр-адмирала Ветлинского. Но этим мерзавчикам, что засели здесь, сейчас не до границы... Только своя шкура! Только свои деньги! Только свои подштанники... Черт бы их всех побрал! А потому и говорю вам, Небольсин, от чистого сердца: не будьте похожи на этих негодяев... А на деньги плюньте, наживете.

Небольсин понял, что его горе еще не горе. Настоящее-то горе сердце вот этого мужественного умного человека, который растерян, который не знает, что делать и куда идти.

"Такие, - думал Небольсин, - стреляются..."

Ночью в вагон к нему совсем нечаянно заскочил Ронек:

- Переспать дашь?

- Ложись. Ты откуда свалился?

- Из Кеми.

- О черт! Разбудил ты меня.

- Ничего. Отоспишься...

Небольсин сидел на постели, долго зевал.

- Слушай, Петенька, я чего-то опять не понимаю. Была одна революция, и ты мне сказал, что она ничего не изменила. Скажи: разве теперь что-либо изменилось? Может, надо крутить сразу третью? Ты мне скажи прямо.

Ронек тянул через голову свитер.

- Это у вас ничего не изменилось, - сказал он. - Тупик! Но из тупика надобно выходить. Выходить придется в борьбе. Первое (и самое главное!) это сломать шею Совжелдору и всем болтунам... Здесь, в Мурманске, победить трудно. Необходимо, чтобы вмешался Петроград! Но Петрозаводск будет нашим. И вот увидишь, в самом скором времени.

- А ты нагрянул сюда по делу? Или так?

- Мне нужно упорядочить с Главнамуrom вопрос о деньгах, чтобы выплатить рабочим, которые уезжают. По договору! Люди стремятся уехать туда, где существует Советская власть. И вот, Аркадий, заметь: вся мерзость и нечисть остается здесь, при Главнамуре. А лучшие и честнейшие уезжают к большевикам... Впрочем, - кашлянул Ронек, - прости, я тебя не обидел?

- Чем? - спросил Небольсин и только сейчас понял, что он-то остается с мерзостью и нечистью, а лучшие и честнейшие уезжают.

- Нет, - сказал Небольсин, привстав на локте, - ты меня, Петенька, не обидел... Каждому надо стараться быть честным патриотом России на любом, самом поганом месте.

- Ну-ну, - ободрил его Ронек. - Гаси свет.

В темноте вагона очень долго молчал Небольсин.

- Сейчас, - заговорил вдруг, - все старые договоры аннулированы. Денег ты не получишь. А почему бросают дорогу рабочие? Разве в России жизнь лучше, нежели здесь - на Мурмане?

- Она, конечно, хуже, - ответил в потемках Ронек. - Но зато внутри России появилось народовластие. Как же ты, Аркадий, этого не понимаешь?

- Они там наголодаются, - сказал Небольсин.

- Еще как! - отозвался Ронек.

Глава девятая

Ваньку Кладова били... Это бы ничего (его не первый раз били), но никогда еще в кулаки не было вложено столько злости. Били на этот раз за политику; за то, что он всю перепечатывал в своей газетенке погромные призывы против большевиков; за то, что... Впрочем, мало ли за что можно бить негодяя Ваньку Кладова!

Били страшно - критик и поэт волчком кружился по снегу.

Потом поволокли, и ноги мичмана тащились по снегу, обутые в новые сверкающие галоши...

- Товарищи, - заговорил Ванька Кладов, очухавшись, - новая власть самосуда не признает. Знаете ли вы, что Ленин велел судить матросов, убивших Шингарева и Кокошкина? Карать надо, пожалуйста, но...

- Молчи, гнида! - ответили ему и потянули дальше..

Втащили на крыльцо барака "тридцатки". Красный флаг трепетал над крышей контрразведки, и долго на звонок никто не отворял. Потом двери вдруг разлетелись настежь, и на улицы Мурманска вырвалась музыка лихого чарльстона. Вышла, приплясывая, элегантная секретарша.

- В приемный бокс, - сказала равнодушно.

Рабочие и солдаты доволокли Ваньку до бокса и шмякнули на пол:

- Контра! Примите и рассудите по закону революции...

Барышня вогнала в машинку бланк на арест.

- Имя? Звание? Время? - глянула на часы. - Кто доставил?

По очереди называли себя матросы, солдаты, рабочие.

- Можете идти, - сказала им секретарша и тоже вышла.

...С унынием разглядывал мичман толстую решетку, переплетавшую окно бокса. Вытер кровь с лица. Нечаянно зачесалась левая ладошка. "К деньгам..." - привычно смекнул Ванька, и вдруг его отбросило в сторону, вжало в угол...

- Не надо! Не надо! А-а-а!.. - закричал он.

На пороге бокса стоял человек, о существовании которого на Мурмане мало кто знал. Это был человек невысокого роста, чахоточный, с длинными руками и высоким лбом мудреца. Впрочем, о мудрости его на Мурмане легенд не ходило. Но зато некоторые догадывались, что это главный палач застенка, человек феноменальной силы и жестокости... Звали его - Мазгут Хасмадуллин.

- Мазгут, - шарахался Ванька вдоль стен, - друг... Ты не смеешь! Ну скажи, ты не будешь, Мазгутик?

Рука палача вытянулась и взяла жертву за шиворот. Через длинный

коридор вбросила его в кабинет для следствия. Поручик Эллен придвинул критику и драматургу стул.

- Ррыба... - сказал. - Попался в сетку? Что пьешь?

- Все пью, что дадут, - сознался Ванька Кладов.

Зубы стучали о край стакана. Вылакал. Прояснел.

- Убери Мазгута, - просил жалобно. - Не могу так...

- Прочь! - сказал Эллен, и палач тихо убрался. - С кем ты живешь? спросил поручик далее.

- С Брамсихой, - сказал Ванька и сам ужаснулся.

- Это с усатой?

- С нею... с усатой. - И снова заплакал.

- Вот видишь, - прищурился Эллен, - какая ты подлая скотина! Я еще и не нажал на тебя, а ты уже продал честную женщину. Мать семейства и прочее.

- Так это же все знают, - всхлипывал Ванька Кладов. - Поручик, что же будет? Со мною? А?

Тонкие губы Эллена сложились в одухотворенной улыбке.

- Расстрел...

- За что? - поник Ванька, ошарашенный совсем.

- Сам знаешь, за что... Власть Советская, а ты, сукин сын, телеграммы Керенского и Духонина к свержению этой власти из номера в номер печатаешь.

- Тогда берите и Главнамур. Всех нас к стенке!

- Вот видишь, какая ты стерва! - снова произнес Эллен со вкусом и смаком. - Я еще и не нажал на тебя, а ты уже и Ветлинского продал... Эй, Мазгут!

- Здесь я, - раздался за спиной глухой голос.

- Не надо... не надо...

- Ах, не надо? - засмеялся Эллен. - Ты, Мазгут, выйди. А то у тебя изо рта плохо пахнет. Поэту, драматургу и критику нашего края это не нравится...

Хасмадуллин покорно удалился. Эллен взял бланк ареста.

Глядя прямо в глаза Ваньке Кладову, он спокойно произнес:

- Ящик английских галет. Два пакета масла. Пулемет системы "льюис" и комплект патронов к нему... Понял?

- И?..

Не отвечая, Эллен взял вечное перо в красивой оправе и начертил в углу бланка: "На прекращение".

- И ты свободен, - закончил он.

Кладов выпрямился, заухал галошами по линолеуму.

- Галеты? Масло? Ладно - жрите... Но "люська"-то денег стоит. Разорюсь! Системы "шоша" не подойдет?

- Давай "шоша", - согласился Эллен. - Сам же потом и стрелять из него будешь. У меня он лучше сохранится. Под красным знаменем революции! - И засмеялся.

- А теперь что?

- Иди с богом... - зевнул Эллен.

Ванька Кладов вышел и вернулся, потрясенный:

- Они там... не уходят. Убьют.

Эллен накинул шинель, шагнул на крыльцо.

- Слушайте! - заявил он рабочим и солдатам, которые гурьбой стояли поодаль, выжидая. - Мурманская контрразведка всегда на посту. Смерть шпионам и врагам трудового народа! Но критика власти в свободной стране наступившей революции не является преступной и не опорочивает лиц, ее критикующих... Пропустите честного гражданина Ивана Кладова!

* * *

- Инженер Ронек, - сказал Ветлинский, выходя из-за стола, - весьма странный господин. Он требует от Главнамур того же, чего требуют и эти саботажники-рабочие...

"Начинается", - мысленно отметил Небольсин.

- Я знаю инженера Ронек как человека справедливого, господин контр-адмирал. А рабочие настаивают лишь на выполнении договорных обязательств дороги...

- Это было когда? - улыбнулся Ветлинский. - Еще при его величестве, а с Керенского денег теперь тоже не получишь. Вот и пусть рабочие обращаются в... Совет!

- Совет - безнадёжная организация, - ответил Небольсин. - Я совсем не оправдываю бегущих рабочих. Но договор подписан дорогой, подписан на то, чтобы его выполнять...

- Но денег нет, - сказал Ветлинский. - Я не протестую против этого саботажа и уже выпустил приказ о массовом увольнении рабочих, которые требуют от нас расчета, чтобы ехать в любезную для них совдепию.

Это было несколько неожиданно: при Керенском главнамур удерживал рабочих, теперь он сознательно оголял Мурманск, чтобы избавиться от дорожников, настроенных большевистски...

Небольсин кратко ответил:

- Могут произойти нежелательные эксцессы.

- Возможно, - не удивился Ветлинский. - Что ж, я согласен на

эксцессы, но пусть они минуют мой кабинет. Дело передано мною в третейский суд, и пусть Шверченко, как истинно революционный товарищ, и рассудит по нормам революции...

Двухэтажный дом конторы, строенный на горе, издалека дымил трубами. Наверх к нему вела обледенелая тропа. Вокруг конторы с утра собрался народ, понаехавший с двух дистанций. Совжелдор в Петрозаводске доверием не пользовался, и потому все разом нахлынули в Мурманск - на штурм твердынь Главнамура.

Когда Небольсин поднимался в гору, рабочие уже шумели:

- Когда деньги? Так и будем стоять? Околеем...

В толпе инженер заметил и Павла Безменова.

- Эх, ты! - укорил он его. - Тоже не сидится?

- Еду... поближе к яблокам, - засмеялся прораб.

- Разбежитесь все - и дорога станет!

- А что здесь нам делать? - хмуро ответил Безменов и, сняв рысью шапку, выбил из нее об колено иней. - Все, что могли, Аркадий Константинович, все уже сделали... без нас!

За этой фразой маскировался иной смысл, враждебный Главнамуру, но вступать в спор Небольсину не хотелось.

- Смотри, Павел, сам, - сказал. - Тебе виднее.

В конторе, засев за стол, он разложил завтрак, завернутый Дуняшкой в газету. Еще раз перечитал "Декрет о мире", "Декрет о земле". Потом в канцелярии спросил:

- Мне писем не было?.

- Нет. А откуда ждете?

- В Петрограде у меня осталась невеста. И - ни слова от нее... Боюсь, что она, при всей своей экстравагантности, не слишком-то понравится большевикам. Им вот декрет о мире, декрет о земле - это они понимают...

- А ведь любовь такое великое чувство! - с пафосом сказала секретарша.

- Я тоже такого мнения, - ответил Небольсин, благодарно поминая при этом Дуняшку за сытный завтрак. - Но...

И тут на всю контору раздался истошный вопль:

- Карау-ул... помо-о-о-гите!

- Кто это так орет? - испугался Небольсин, вскакивая.

- Никак, Шверченко? - засуетились в канцелярии.

Со второго этажа конторы, отчаянно грохоча по ступеням, скатилось что-то. Небольсин приоткрыл дверь. Так и есть: рабочие свергли третейский суд в лице архиреволюционного товарища Шверченко.

- Ревком бьют, - сказал Небольсин, вспоминая чесменский митинг. - И нам, чувствуя, пора подумать о себе...

Нахлобучив на ухо шапку, он успел выскочить из конторы таким жиганом, что опередил даже Шверченку. Председатель мурманского ревкома наявлялся следом, как козел по весенней травке.

- Милицию! - взывал Шверченко, шлепая валенками по талым сугробам. Милицию сюда... пожарных зовите!

Толпа рабочих громила контору. Небольсин остановился, издали наблюдая, как вылетают наружу рамы. Через окна, порхая ножками, рушились в снег столы бухгалтерии. Вот, заодно с ними, вылетел в окно, еще попискивая о чем-то, и главный бухгалтер дистанции (писавший почему-то всегда гусиным пером).

Оттуда, со стороны конторы, доносились возгласы:

- Мы добьемся своих прав!

- Догоняй Шверченку... набить ему рожу!

Шверченко все это, конечно, слышал.

- Скройтесь, - сказал ему Небольсин. - Рожа вам еще пригодится... для митингов и для барышень!

И Шверченко - это новая-то власть! - так застрелял валенками до Главнамур, что только его и видели.

К месту погрома с примкнутыми штыками спешила этапно-флотская рота. Матросы еще издали обгорланивали путейских:

- Эй, костыли! Чего буянишь? Велено разогнать...

Две толпы - пестрая и чеканно-черная - сомкнулись дружелюбно, и над головами людей поплыли дымки сигарок, пущенных вкруговую. Было ясно, что рабочие отсюда не уйдут, пока с ними не рассчитаются по закону. А Главнамур вряд ли сыщет на Мурмане ту силу, которая бы смогла направить штыки против рабочих...

Именно в таком духе Небольсин и выступил сегодня на экстренном совещании, созванном при Ветлинском.

- Таково мое мнение, - закончил он, садясь.

Шверченко мстительно выкрикивал:

- Ни копейки! Захотят жрать - вернутся!

- Стыдитесь, - придержал его Басалаго. - Вы же представитель революционной власти. И... выступаете против рабочих?

- Они меня избили.

- Мало дали, - буркнул Брамсон. - Однако я вполне солидарен с мнением председателя ревкома: ни копейки им не давать. Голод - великий рычаг, им только надо умело пользоваться при всех социальных

поворотах...

В памяти Аркадия Константиновича выросла тощая шея коровы и раздалось умирающее: "мууууу..." И подумалось о Брамсоне: "Не он ли вытащил из голодного Петрограда эти жуткие эшелоны с падшей скотиной?"

На столе главнамура зазвонил телефон. Контр-адмирал снял трубку, долго слушал. Молча повесил трубку. Огляделся.

- Уже разгромлена милиция, - сообщил собранию. - Теперь рабочие вооружены. Они идут сюда... Лейтенант Басалаго, вызовите караул и быстроходные катера из гавани Александров-ска. На мурманский гарнизон я уже не могу полагаться...

Даже из этого светлого зала, пропитанного уютным теплом печей, невольно ощущалось, как там, на снежной замети, копится и бушует дерзкая сила мышц, кулаков, нервов, глоток. Шверченко нашел сучок на столе главнамура и водил пальцем вокруг этого сучка, словно совершая обряд заклинания: "Жизнь или смерть?.."

- Дайте Шверченку! - кричали с улицы. - Мы его в рожу...

- Это вас, милейший! - засмеялся Брамсон, не в силах скрыть своего удовольствия. - Зовут ревком на растерзание. Раньше вот, помню, кричали, что царь плох. Теперь царя нет - кричат, что плох Шверченко... Что вы скажете?

Небольсин с трудом прятал улыбку: и смех, и грех. Контрадмирал, продумав свое решение, отшатнулся от окна:

- Пусть они (это о рабочих) вернут оружие в милицию. А деньги, согласно договору, придется выплатить.

- За что? - возмутился Брамсон. - Неужели мы уступим?

- А вы посмотрите, господин Брамсон. - И контр-адмирал через плечо показал на окно. - Отсюда хорошо видно, что на "Аскольде" набирают пары, и никто не знает, чем они могут зарядить башни! Я не берусь утверждать, что это не фугасные или зажигательные. Выдайте им деньги и не спорьте... Пусть все бунтовщики убираются прочь из Мурманска, а на дорогу будем нанимать солдат гарнизона.

Небольсин поднялся из-за стола в твердом убеждении, что дни Совжелдора сочтены. Все эти рабочие, потрясающие сейчас оружием перед окнами Главнамура, приедут завтра в Петрозаводск и как пить дать скovyрнут с магистрали эсеров и меньшевиков. Но это только там (в Петрозаводске), а здесь все останется по-старому. Шверченко несокрушим, пока он нужен Ветлинскому и его окружению... Это были печальные мысли.

Тупик оставался тупиком.

* * *

Уже подъезжая к Петрозаводску, Небольсин вдруг вспомнил:

- А ведь я состою почетным членом Олонецкого общества спасения на водах.

- К чему это тебе? - улыбнулся Ронек.

- Милый Петенька, я старый петербургский яхтсмен и привык в срок платить членские взносы. Ко мне в обществе хорошо относятся.

- За что? За то, что ты в срок платишь взносы?

- И за это тоже... Но я действительно вытащил из воды одну пьяную бабу. Она так излаяла меня при этом, что я решил больше никого не спасать. Особенно женщин!.. Где мы?

Ронек посмотрел в окно:

- Кигач проехали, сейчас будет Шуйская.

Здесь еще не лежал на полянах снег, было предзимне-пустынно. Оголенный лес наклонялся ветвями над эшелонами, медленно скользящими по насыпи. Ронек и Небольсин, не сговариваясь, ехали в Петрозаводск, чтобы ускорить падение Совжелдора. Ронек желал изгнания эсеров, чтобы сомкнуть дорогу с революционным Петроградом; Небольсин желал (страстно!) только изгнания Каратыгина из Совжелдора и прочих мерзавцев - он не был политиком.

Вдали уже показался Петрозаводск - в дыме депо и завода, и дым жидко слоился над потускневшими садами; тускло отсвечивали вдалеке луковицы церквей и шпиль лютеранской кирхи.

Сразу, как только поезд остановился, из вагонов посыпались горохом беглецы с Мурманской дистанции. Небольсин с тоскою наблюдал, как летят из окон узлы тряпья, громяхают сундуки. Эти люди были уже потеряны для его дороги...

- Куда ты сейчас? - окликнул его Ронек.

- Я загляну к Буланову, - ответил Небольсин.

- Хорошо. Встретимся в Совжелдоре.

Тронулся поезд, оставив беженцев. В последнем вагоне состава неожиданно мелькнуло лицо лейтенанта Басалаго. Вагон прокатился мимо, сверкая зеркальными окнами, и Небольсин в растерянности проводил его глазами. "Басалаго ведь наверняка знал, что я еду с ним... Отчего же не подошел?" Было ясно: начштамур выехал в Петроград... Ехал тайком. Скрытно!

Увидев Небольсина, начальник Петрозаводского узла Буланов с ядом заметил:

- Звоночки-то кончились... Тю-тю!

- Яков Петрович, - взмолился Небольсин, - одну минутку. Невесте! Она ждет, я знаю, тоже мучается... Ради бога!

- Все частные переговоры большевики запретили. Станция просто не соединяет. Вот погодите, - посулил Буланов, - может, немцы придут в Петроград - тогда звоните хоть круглые сутки. Немцев, я знаю, у них порядок... Потерпите немного: Советская власть доживает последние часы.

- Вы думаете? - подавленно спросил Небольсин.

- Конечно. У них же ничего нет. Нет топлива. Нет офицеров. Нет денег. Нет интеллигенции. Пустота и мрак!

Выходя из кабинета Буланова, Небольсин вдруг испытал острое чувство зависти к Басалаго: через несколько часов лейтенант будет в городе, где нет топлива, нет денег... Допустим, там уже нет ничего. Но зато, будь он на месте Басалаго, он бы со всех ног кинулся в Ковенский переулок, из широких рукавов вымахнули бы тонкие руки - ему навстречу...

Вечером пришел на совещание Совжелдора. Ни к кому не присаживался. Стоял отдельно от других, обтирая спиной стенку, явно накапливал злость. Злость против заправил Совжелдора - всех этих скучных и неумных людей, пришедших к власти над магистралью из контор и бухгалтерии. Они, как и он, носили форму путейцев. Но разница между ним и этими людьми была громадная: они - только чиновники, а он, Небольсин, был все-таки бойцом, он пробивался два года через болота и скалы. За ними тянулся ворох бумаг и приказов, а за ним - колея рельсовых путей, по которым бежала серая, неумытая Россия...

Это был извечный конфликт - конфликт начала творческого, созидającego с началом буржуазно-бюрократическим. Партийного отношения к совжелдорцам у Небольсина не было, да и не могло быть, конечно.

В перерыве к нему протиснулся Павел Безменов:

- Аркадий Константинович, ребята говорят, что от Мурманки вас бы неплохо выбрать.

- За что это мне такая честь? - покривился Небольсин.

- Как за что? За... честность.

- Спасибо, - ответил Небольсин уже серьезно. - Но мне это ни к чему. Вот Ронек - его от Кемской линии надо поставить.

- Ронек пройдет! - убежденно ответил Безменов.

В разгар совещания возник вопрос о Каратыгине, о нищете сезонников, о том, что нет столовых, негде учиться детям, о взяточничестве и прочем.

Буланов от стола президиума подал голос:

- К чему споры? Здесь находится представитель Мурманской дистанции... инженер Небольсин! Просим его... на эшафот!

Почти спокойный (и сам дивясь этому необычному спокойствию), Аркадий Константинович поднялся на "эшафот" трибунки.

- Вот был, - сказал он, - начальник военных сообщений генерал Всеволожский. Был министр путей сообщений кадет Некрасов. Они уже - тени. Существует Совет Народных Комиссаров, дорогами в России заправляет таинственный Викжель. А нашу магистраль взял в свои руки Совжелдор... Я не спорю: нет министерства - есть Совет. - Подумал и махнул рукой: - Мне, в общем, это даже безразлично, лишь бы дорога не простаивала...

В зале погас электрический свет, и он выждал в темноте, пока не растеплят керосиновые лампы.

- Хорошо, - сказал Небольсин, когда шорохи утихли. - Давайте будем откровенны. Режущее мой слух варварское слово "Совжелдор" расшифруем. Совет железной дороги - так? Да, так... Кто же собирается давать мне этот совет? Кто? - спросил он у людей. - Может, контрагент Каратыгин, нажившийся на бочках с гнилой капустой? Кому он будет советовать? Мне? Мне?

В острой тоске передернуло его спазмой удушливой злобы, и Небольсин заговорил снова:

- Мне, который пришел сюда, прокладывая первую колею по кочкам? Мне, который с ружьем в руках разгонял волков по ночам от нашей первой станции?

И вдруг зал вздрогнул: потянулись руки в узлах рабочих вен, руки в землистых, черных ногтях, словно в панцире.

- Вон! - сорванно кричали из зала.

Небольсин понял, что это "вон" относится не к нему. Сейчас он с ними с этими вот руками, и ему бояться нечего.

- Встаньте! - сказал он, начиная волноваться. - Пусть встанут те, кто неделями дрогнул по пояс в болотах. Пусть встанут те, кто сыпал и сыпал балласт в трясину, пока не выросла над нею насыпь. Пусть встанут те, кто не спал ночей, ибо не было даже кочки, чтобы преклонить голову... Кто месяцами жил возле костров - хуже солдата на фронте, потому что солдат имел хоть паек. А мы, оторванные сотнями верст от жилья, порою и пайка не имели...

Двигая вдоль стен пудовые лавки, зал начал подниматься. За столом совжелдорского исполкома кто-то сдавленно сказал:

- Это большевистская агитация!

- Помилуй бог! - возразил Небольсин. - Ну какой же я большевик? Но я вот с этими людьми, - и показал в глубину зала, - проделал трудный путь. И теперь я спрашиваю: если варварское сочетание слов "Совжелдор" имеет корень от слова "совет", от слова "советоваться", то я желаю знать и далее: кто же, черт побери, мне будет советовать?!

И резко повернулся к столу исполкома:

- Вы?.. Но я не видел вас в тайге и на болотах.

И опять - в глубину зала:

- А вот этих людей - да, видел. Им я еще могу поверить. Ибо я их знаю, вместе с ними работал, а они знают меня. И вот совет от них я могу принять. Но только не от Каратыгина!

- Долой, вон их! - надрывался зал. - Наша власть!

Буланов все понял и величаво поднялся:

- Викжель будет протестовать. (Снова начался шум.) Господин Небольсин, - продолжил Буланов, - я подозреваю заговор. Вы специально привезли сюда из Мурманска отщепенцев дороги, и вы сознательно... Да! Вы сознательно подхалимствуете сейчас перед ними, чтобы самому пронырнуть в члены Совжелдора!

Удар пощечины прозвучал у тишине как выстрел.

- Я все-таки... дворянин! - вскинулся Небольсин. - И подозревать меня в изменности чувств... Впрочем, можете требовать от меня удовлетворения. Я всегда к вашим услугам.

Буланов отклеил ладонь от красной щеки.

- Хорошо, мерзавец... Мы уйдем, - заговорил он. - Но таких, как ты, мало расстреливать. Таких, как ты, надо вешать...

Небольсин уже покидал зал. Мимоходом шепнул Ронеку:

- Не вздумайте теперь выставять мою кандидатуру. Я буду в "Карпатах"... Заходи, вместе поужинаем.

В ресторане его знали как старого кутилу, швырявшего без жалости когда-то сотенные. А потому из-под полы предложили коньяку, вина, икры чего хочешь. Коньяк не брал его в этот день, и в задумчивости Небольсин дождался Ронека.

- Ну, - спросил, - что там?

Ронек, возбужденный и голодный, потер над столом руки:

- Аркашка! Это было так здорово... Весь старый исполком полетел кубарем.

- И кто же теперь в Совжелдоре?

- Мы... большевики! И сочувствующие. Ты помог нам.

Небольсин открыл портмоне, достал из него зубочистку.

- Я понимаю, - сказал он, - это не моя заслуга, что Совжелдор стал большевистским. Не будь меня сегодня, все равно победили бы вы, Петенька! Я только шевельнул ветку, и плод, давно созревший, скатился в руки - румяный. Но, поверь мне, Петенька, я говорил искренне. Смешон я не был?

- Нет, ты не был смешон, Аркашка! Правда, левые эсеры тоже проскочили в исполком. Но их программа сейчас смыкается ближе всего с нашей... Что с тобою?

Небольсин сделал кислое лицо:

- Вот пью, пью... И никак не могу избавиться от предчувствия. Меня что-то гнетет, не могу понять что.

- Да перестань. Такой здоровый бугай... Не канючь!

- Вот что, Петенька, - поднялся Небольсин, - я уже расплатился. Ты ешь, пей... А я пойду. Мне что-то не по себе.

- Ты прямо на вокзал?

- Сейчас, - посмотрел Небольсин на часы, - я все-таки загляну в это Общество спасания человецей на водах. А с ночным - в Мурманск! Прощай, Петенька... Это очень хорошо, что меня не стали вводить в Совжелдор. Мне этого и не нужно: я далек от политики. А что касается скотины Буланова, то что ж, пожалуйста, я готов стреляться... Слово за ним!

И лакеи отдернули перед ним пыльные, ветхие ширмы.

* * *

В маленьком домике Общества спасания на водах, притулившемся на берегу тихой Лососинки, в одном окне еще горел свет. Незнакомый человек средних лет в офицерском френче, но без погон скучал в конторе. Одного глаза у незнакомца не было, вместо него глядел на мир стеклянный - голубой-голубой.

- Небольсин? - удивился он. - Как приятно познакомиться...

Аркадий Константинович уплатил взносы, а одноглазый взялся за громадный висячий замок.

- Тоже уходите? - спросил Небольсин. - Как удачно, что я вас застал.

- Да. Закрываюсь. Больше никто не придет.

- Ну спасибо. Позвольте откланяться.

- Вы куда сейчас? - спросил одноглазый, вдевая хомуток замка в дверные кольца.

- На вокзал.

- Не желаете ли, - предложил одноглазый, оглядываясь по сторонам, - я

вас на катере общества подброшу?

- С удовольствием, - согласился Небольсин.

Катер - слишком громко сказано. Скорее лайба с подвесным мотором.

Косо взлетели от берега дикие утки. Желтый лист над водою падал, падал, падал - неслышный. И неслышно ложился на темную спокойную воду. Одноглазый молча сидел на руле, направляя моторку вдоль заводи Лососинки. Темно и мрачно вылупились на воду одичалые окна домов обывателей.

Взошла полная луна, и одноглазый сказал:

- Остро декларируют большевики. Благодаря этой остроте Малороссия уже отъезжает от великороссийского перрона в неизвестность.

- Это, конечно, ужасно: потерять Украину, - согласился Небольсин, кутаясь в пальто. - Россия будет раздергана...

Голубой глаз человека во френче сверкал, как драгоценный алмаз в темноте крадущейся ночи.

- Сегодня Украина, - сказал он, - завтра Прибалтика, потом Кавказ, и от России - слабый шпик на мазутном масле!

- Это страшно... - задумался Небольсин, подавленный.

"Чап-чап-чап..." - постукивал мотор. Было тихо и безлюдно.

- А как вы думаете, - снова спросил одноглазый, - победят большевики или нет?

- Думаю, что...

- Нет? - закончил за него одноглазый.

- Может, вы и правы: им очень трудно остаться у власти.

Человек во френче перенял румпель другою рукой.

- А если так, - сказал, - так чего ты суешься?

- О чем вы? - растерялся Небольсин.

- Ты думаешь, Совжелдор тебе простит?..

Удар сапогом - прямо в лицо, и Небольсин отлетел на нос байдары, которая продолжала мерно двигаться через заводь. Офицер прыгнул на него сверху и - удивительно сильный, ловкий! - стал вязать на шее Небольсина веревку.

- Так чего суешься? - приговаривал он. - Твое ли это дело?

Головою, резко привстав, Небольсин ударил его в живот.

- Эк! - задохнулся тот, падая.

И, собрав все свои силы, инженер швырнул человека в воду.

Из-за борта сразу вынырнула голова его, и теперь стеклянный глаз сверкал в ночи жутко, люто и удивительно... Перехватив румпель, болтавшийся на корме, Аркадий Константинович круто развернул, катер по

заводи. И... тяжелый, окованный жестью форштевень утопил одноглазого в илистой глубине.

Небольсину надолго запомнилось это нутряное, противное "эк!" и как потом всплеснула вода...

Он выключил мотор, и лодка с шорохом - по инерции - въехала в шуршащие камыши.

Держась за виски, задворками он побежал в сторону вокзала.

Жизнь в холодном вагоне с толстозадой Дуняшкой казалась ему теперь сказочным раем.

Глава десятая

Зарядили зимние шторма, и посыльная "Соколица" под конвоем британского тральщика долго бултыхалась в котловине Кильдинского плеса. Потянулись по бортам утесы Кольского залива - качка фазу погашала. Справа, пропадая в сером клочкастом небе, высились мачты радиостанции Александровска, оттуда, вытягиваясь к океану, плыл под облаками метеозмей.

За островом Сальный, где жили заразные "баядерки", сосланные сюда еще при Короткове, открылась уже губа Ваенга, вся в наплыве заснеженных сопок. За нею фиорд довершал последний поворот, и за каменистым мысом Росты открывался рейд, заставленный судами флотилии. Пусто и одичало качались тени крейсеров и эсминцев, сонно дымила плавмастерская "Ксения", да на отряде истребителей махали флажкам с мостиков продроглые сигнальщики в бушлатах. Затаенно светились в сумерках четкие ряды иллюминаторов в борту английского линкора "Юпитер" да щелкало на ветру громадное полотнище флага на французском броненосце "Адмирал Ооб"...

"Соколица" подошла к пирсу, Павлухин вскинул мешок на плечо и направился в контору Мурманской дороги. Выбитые окна щербатились осколками стекол, были наспех заделаны фанерой и тряпками. Небольсина в конторе не оказалось: он отсыпался в своем вагоне после поездки. Павлухин с трудом отыскал на путях вагон начальника дистанции. Толстобокая девка долго цокала в тамбуре, ведя допрос по всем правилам военного времени.

- Дапусти ты! - взмолился Павлухин. - Надоела: цаво да цаво? За цем очередь? Цасы в поцинку...

Небольсин не сразу, после просыпу, узнал Павлухина. В окно купе сочился серый, печальный день, и путеец затеплил на столике две высокие стеариновые свечи.

- Вспомнил, - сказал Небольсин, зевнув. - Неужели вы и правда были в

Архангельске?

- Вот прямо оттуда.

- И?..

- И пять миллионов пудов хлеба остаются в России!

- Чудеса, - едва поверил Небольсин. - Я потом даже пожалел о том, что сказал вам о хлебе. Думал, вы погорячились, а для вас могут быть неприятности.

- Сейчас весь мир состоит из одних неприятностей. Архангельские товарищи помогли... Случайно, не знаете ли такого поручика, Николая Александровича Дрейера, который штурманом на ледоколах военных ходит?

- Нет, не имею чести знать.

- Вот он - товарищ толковый, он и помог найти этот хлеб.

- А его надо было искать? - спросил Небольсин. Павлухин подкинул и поймал свою бескозырку, как колесо:

- Э! Видать, вы ничего не знаете, что в Архангельске творится. А там... такое! Черт знает что! Бывало, версты идешь, и все - склады, склады, склады... Чего там нет! Пушки, горчица, аэропланы, пенька, лаки, снаряды, кофе, тряпки для баб, пулеметы, взрывчатка, всякое, что миллиарды стоит. И все валяется.... Так вот и брошено!

- Неужели хуже, чем у нас?

- Не лучше, - ответил Павлухин. - Иду я раз, а под ногами что-то скрипит, трещит, выгибается. Разрыл снег. Мама дорогая! Новенькие аэропланы. Крылья и все такое прочее. Я даже записал для памяти. "Ньюпор-24-бис" - так называются. А моторы завода "Испано-Суиза" тоже в грязи лежат.

- Развал и беспорядок свойствен России, - ответил Небольсин. - Но в последнее время он достиг критической точки. Я, начальник дистанции, езжу по этой дистанции и не буду удивлен, ежели меня угробит скорый встречный на моей же дистанции.

Небольсин присматривался к матросу и никак не мог угадать, какие цели привели его к нему в вагон. Павлухин, кажется, и сам понял, что болтать далее неуместно, сказал:

- Можно с вами напрямки?

- Как угодно... пожалуйста.

Выяснилось, что Целедфлот в Архангельске долго разыскивал на путях от аванпорта Экономия пять таинственных вагонов с пломбами. Два из них гружены алюминием из французских бокситов, в других была аммиачная селитра, выработанная из воздуха.

- Не нашли, - сказал Павлухин. - Должны быть у вас.

- Помню. Стоят в тупике. Назначение - Петроград. Но когда к власти пришли большевики, вмешались консулы - французский и британский. Вагоны велели задержать.

Павлухин склеил аккуратную сигарку, прикурил от свечки. - Надо бы отправить... - выдохнул вместе с дымом. - Куда?

- В Петроград, по назначению...

- Назначение - Керенский, - сказал Небольсин.

- Назначение новое - Ленин, - ответил Павлухин. Небольсин вдруг перешел на "ты":

- Слушай, а ты парень хитрый. По глазам вижу: в рот пальца не клади. А в Архангельске дураки сидят: не понимают всей сложности мурманской обстановки.

- Зато они раскусили обстановку в Совжелдоре, и про вашу речь там уже им известно.

Небольсин кашлянул в растерянности.

- Они еще не знают, что меня в Петрозаводске убивали.

- Убили? - со смехом спросил Павлухин.

- Зачем мне это нужно? - ответил Небольсин.

- Вот и хорошо. Живите себе на здоровье...

Аркадий Константинович выждал минуту, сказал:

- Я не возражаю. Чем больше грузов отправим в Россию, тем лучше для России, так я это понимаю. Но английский и французский консулы - мои приятели, вместе водку сосем.

- Сосите и дальше, - засмеялся Павлухин. - А вагоны нужно отправить...

Договорились так: Небольсин ничего не знает - ничего не знает и знать не желает; Павлухин пусть сам разыщет Песошникова, машиниста паровоза № 213, и тот к составу, идущему с беженцами на Петроград, может прицепить и эти вагоны..

- Только Песошников не согласится, - сказал Небольсин, снова заваливаясь на койку.

- Почему же?

- Вагоны в тупике, и надобно растолкать через сортировочную горку теплушек сотню, не меньше, чтобы до них добраться. Это же адская работа!

Павлухин ушел.

Скоро защелкали стрелки, пошла перекидка вагонов по путям, начались свары и драки. "Дома" срывались с мест, уезжали в Колу, другие

перетягивались обратно. Аркадий Константинович даже не верил: "Ведь это адская работа!" Лязгнули буксы, и вагон Небольсина тоже поехал к черту на кулички. А мимо окон начальника дистанции, смело и решительно, Песошников протащил пять длинных запломбированных вагонов - с алюминием и селитрой. "Не большевик ли он, этот Песошников?" - подумал тогда Небольсин. Но это дела не меняло: завтра пять драгоценных вагонов будут уже в Петрограде...

"С волками жить - по-волчьи выть!" - думал Небольсин; это действительно утешительная поговорка.

* * *

Фронт уже почти развалился, солдаты разъехались по домам, увозя (для укрепления хозяйства) винтовки и патроны; на войну все плюнули как-то разом, и немцы, пользуясь развалом русской армии, быстро наступали на молодую страну.

Невесело это было. Совсем невесело...

Посыльная "Соколица" вырвалась из Архангельска почти последней - в горле за нею уже сомкнулись льды. Но из Мурманска ушел "Иртыш" - ушел с матюгами, с резолюциями, посылая флагами на мачтах проклятие Главнамуру и его главе - контр-адмиралу Ветлинскому. "Иртыш" затерло во льдах - он не смог прорваться в Архангельск. Но этот случай был показателен: настроение на флотилии изменилось.

Павлухин почувствовал это. Что-то сдвинулось. Дружного поворота кораблей "все вдруг" не было. Поворачивали последовательно - поодиночке. Даже буйная "Чесма", размусорив над рейдом пышные декларации, вдруг очухалась и замолкла. Там, в этой громадине линкора, словно просыпались после перепоя: "Братцы, что же вчера было, а? Что же я вчера натворил?.." Правда, команда на "Чесме" уже была - раз-два и обчелся.

Криво-косо, но до Мурманска, стывшего в заснеженном одиночестве, все же доходили сведения, что в России не так, как здесь. Там, в глубинах растревоженного отечества, устанавливалась власть народа. И был во многих головах на флотилии настоящий шурум-бурум: сегодня кричали "ура" большевикам, завтра ругали их на чем свет держится. Но каждый уже начинал понимать, что Мурман отрывается от Российской Эскадры, плывет куда-то одиноким и мрачным кораблем, без флага и без команды. Пока отрывались от революции, некоторые люди политично помалкивали. Но теперь чужалось, что Мурман уплывает прочь и от самой России - это пугало, это настораживало, это смыкало прежнюю рознь...

Накануне возвращения Павлухина главнамур разогнал ревком, передав

всю власть мурманскому совдепу. Тимофей Харченко снова очутился не у дел, а в машину его теперь и веревкой не затащишь: отвык, избаловался, чистый воротничок носить стал. Только за кипятком к матросам бегал - чай заваривал.

Павлухин встретил прапорщика на палубе и сказал ему:

- Башкой бы тебя - да прямо за борт!

- Зашто?

- Только с такими, как ты, и может главнамур делать, что ему хочется.

По всей стране власть Советская, а у нас...

- А я не один! Нас всех выскребли, - ответил Харченко.

- Вот всех вас и надо за борт! - Павлухин притянул к себе машинного за орленую пуговицу. - А кто такой адмирал Ветлинский... знаешь? - спросил. Именно он приказал четырех наших расстрелять в Тулоне...

И вдруг случилось то, чего не ожидал Павлухин.

- Тю тебя! - засмеялся Харченко, потрогав стынувший на ветру чайник. Нашел чем с ног сшибать... Да об этом уже давно балакают на флотилии.

"Ну тем лучше", - решил Павлухин. После ужина велел он свистать - всем в нижнюю палубу. Собрались нехотя, заленились: зараза разложения перескочила с флотилии и сюда...

- Трепаться-то, - начал Павлухин, - мы все горазды, хлебом не корми. А не хватит ли зубы показывать! Главнамур битком набит офицерами самой махровой масти - еще черносотенной! Кто давал Ветлинскому право, чтобы открывать и закрывать наши ревкомы? Ладно. Разогнали они наш ревком, а мы потребуем разгона Главнамур... Вся власть в руки Совета!

И тогда поднялся Кудинов:

- За что воюешь, Павлухин? За совдеп? Пожалуйста, есть у нас совдеп, и всю власть ему Ветлинский передал. А Главнамур их подпирает! Так что с того? На Балтике тоже адмиралы остались, и даже большевикам служат: Ружек, Альтфатгер, Щастный... Выбей всех - кто останется?

Павлухин посмотрел на дружка: молодой еще, у парикмахера давно не был, волосы на синий воротник лезут, бакенбарды себе отпустил, как у Пушкина.

- Закосмател ты, паря, - сказал Павлухин. - Вот оно-то и хреново, что Главнамур Советы подпирает. Кого подпирают? Шверченку? Так его гнать надо.

- Скобарь ты, Павлухин! - кричали ему. - Вон еще лейтенант Басалаго в Совете. Был управделами в ревкоме, теперь делами крутит в совдепе. И ты попробуй туда сунься: мало тебе на "Чесме" поддали? Еще хочешь?

- Мало, - сказал Павлухин. - А вы сами скобари, заросли волосней, как

лешие... Этих шверченков да басалаго главнамур протащил в совдеп на своем авторитете "революционного адмирала". Знаем мы эту лавочку! Вон на Черном море адмирал Колчак, не чета нашему Ветлинскому, тоже по митингам раскатывал. Тоже нашлись дураки по восьмому году службы, которые на руках его до автомобиля носили... А чем кончилось? Пришлось Колчаку шпагу свою на колене ломать перед всей эскадрой, а теперь он к американцам подался. Глядите, как бы и наш главнамур под адмирала Кэмпена не постелился! Благо, и недалеко тут - "Юпитер" всегда под боком стоит, его катером достанешь...

Передохнул и продолжил:

- Еще раз говорю вам, осип уже... Нужен Совет! Без шверченков, без басалаго! Нужны комиссары, назначенные партией, и тогда ни один гад не рискнет пролезть в совдеп, ежели он станет советским по-настоящему... Ясно?

- Нам ясно. Да только здесь не Кронштадт... не навоюешь!

Павлухина извернуло - в ярости:

- А на што намекнул, братишка? Английского дредноута не видывал? Небось вчера только из дярёвни на флот прибыл? Мы ведь тоже не валенками стреляем! И кто бы нам ни приказывал, а наш "Аскольд" погреба свои опорожнить не даст. Боезапас полный, и в этом - сила наших резолюций... На "Чесме" разгребли погреба на берег, теперь мыльные пузыри пускают - кто их, чесменских, боится?..

Вышел матрос Власьев, сочувствующий.

- Сахарок-то королевский... Пока что хлеба ржаного не кушаем, больше крупчатка американская. Корнбиф тоже чужой из банок вилочкой ковыряем. И вот это, - сказал Власьев, - это, братцы? опасно. Тем более сук продажных на кораблях - что тараканов, и голую баланду хлебать не станут! Но нас за тушенку загарманичную не купишь! Павлухин прав: "Аскольд" - посудина старая, но себя покажет... Главнамур тряхнуть надобно, чтобы штукатурка посыпалась. Иначе пройдет еще время, и они нам мозги набекрень вправят... Лейтенант Басалаго хитрый: без погон по улицам шляется. А вот ты, Павлухин, контрики свои рази снял? Сыми...

Павлухин рванул с плеч унтер-офицерские погоны.

- На! - сказал. - Ты думаешь, я лучше стану. Я их для Архангельска нацепил, чтобы не выделяться...

Матросы погогатывали:

- Харченку-то! Харченко скажи о том...

- Скажу и Харченко. - Павлухин враз побледнел и выдернул взглядом из кубрика трех, надежных. - Власьев, Кочевой и ты, Митька (это

Кудинову)... ступай за мной! Будем наводить порядок на флотилии с нашего крейсера... Ходу!

В кают-компании крейсера Харченко играл в поддавки с мичманом Носковым. Посверкивал в углу за роялем самовар, подаренный команде "Аскольда" еще в Девонпорте - от рабочих Англии, ради пролетарской солидарности. Трещала дровами печурка, труба ее, раскаленная докрасна, была выведена прямо в иллюминатор. Кожа с диванов давно вырезана ножами аккуратными квадратами - на голенища и прочие матросские поделки.

- Ну, Тимоха, - сказал Павлухин, - уж ладно мичман, с него спрос иной, а ты... Ты же из наших, свой в тряпочку!

- Це-це-це, - ответил Харченко, - ты про што завел?

- Номера приказов революции уже за сотню швырнуло. А ты, машинный, еще и приказа номер первый не исполнил...

- Ах вот вы о чем? - догадался трюмный мичман и покорно сдернул с плеч серебряные погоны корпуса флотских инженеров-механиков.

- Стой, погодь, - удерживал его Харченко. - Разберемся... Это как понимать?

- А так, приказ революции. Вон мичман умнее тебя: сразу понял... Давай и ты скидывай.

- Отвяжитесь, - сказал мичман и, бросив погоны, ушел. Харченко, набычившись, стоял перед Павлухиным, и кровь заливала ему низкий широкий лоб.

- Пошто говоришь-та-а?.. - спросил он. - Мне сымать? Да я тебе не сопливый мичман. Пуцай их белая кость сымает. А я сын трудового народа, и мне эти погоны... Или забыл, каково доставались матросу погоны офицера? И теперича ты, лярва худая, желаешь, чтобы я тебе их скинул? На! - выкрикнул, наступая. - Попробуй сыми...

- Попробуем, - сказал Павлухин, цепляясь за погон.

И вдруг, низко склонясь, Харченко бомбой пробил брешь в загороди матросов, выскочил в коридор кают-компаний... Схватил с пирамиды винтовку, клацнул затвором:

- Ты мне, Павлухин, не смей... Я тебе не контра, а офицер красной революции. И свои погоны не отдам... Поди-ка вот, сам заслужи их сначала... Не подходи! Убью любого! Черный глазок загулял по грудям четырех, нащупывая сердце каждого. Накал этого мгновения был страшен.

- Снимешь? - спросил Павлухин.

Но едва сделал шаг, как пуля, звякнув о броню, рикошетом запрыгала по линолеуму. Харченко ловко передернул затвор. Выскочила из-под него,

сверкнув, желтенькая дымная гильза. Стремительно перебросил в канал свежий патрон.

- Сымай их с дворянских плеч... А мои не трожь!

И только сейчас заметил, что из кулака Павлухина глядит на него, весь в пристальном внимании, вороненый зрачок нагана. Угар прошел, и Харченко медленно опустил винтовку. Брякнулась она к ногам машинного прапорщика. И протянул он к матросам свои трудовые клешни:

- Вот этими-то руками... потом и кровью своей. Ладно, - сказал. - Я уйду. Оставлю вам свои погоны...

Он и правда ушел с крейсера. А в каюте его остались две плоские тряпочки, на которых слюнявым химическим карандашом были разрисованы корявые звездочки. Харченко скрылся при погонах настоящих, еще царских, купленных на барахолке, и только теперь на "Аскольде" поняли, что у главнамура появился еще один лакей - очень хороший, очень усердный.

- Ребята! - объявил Павлухин в кубрике. - Волею ревкома крейсера отныне разрешается: каждый, кто встретит Харченку на улице, может лупить его как собаку...

И вспомнился ему тяжелый браслет на руке Харченки, перелитый из серебряных ложек, ворованных в ораниенбаумском трактире. И сберкасса крейсера, запертая висячим пудовым замком, - ни у кого из команды не было скоплено столько франков, сколько У машинного унтера Харченки. И хуторок на Полтавщине. И чарку, бывало, не выпьет - все копит, копит, копит, зараза такая.

"Моя вина! - думал Павлухин. - Просчитался я!"

...Однажды сошел Павлухин на берег Шел и шел себе, задумавшись, опустив голову. Вдруг кто-то окликнул его:

- Эй, "Аскольд"! Сбавь обороты..

Повернулся: стоял перед ним матрос, еще молодой, с лицом приятным и открытым. Незнакомый. А на голове - шапка (по ленточке, откуда он, не узнаешь).

- Чего тебе? - спросил Павлухин с опаской.

Незнакомый матрос придвинулся ближе, трепеща клешами по сугробам, и совсем рядом увидел Павлухин серые пристальные глаза со зрачками, слегка рыжеватыми.

- Это вы там шумите? - спросил. - Хороша коробка первого ранга, яти вас всех. Шуму много, а шерсти мало.

- Это кто так сказал?

- Черт сказал, когда стриг свою кошку... Вот и я говорю теперь: разве

вы корабль революции? Вы - котята в бушлатах. Ветлинский - хад? - спросил матрос в шапке.

- Ну гад, - согласился Павлухин.

- Это ваших-то он четырех шлепнул в Тулоне себе на здоровье?

- Ну шлепнул.

- А вы... терпите? Угробить его надо!

Матрос постоял, о чем-то раздумывая, покачался, будто его ветром кренило, и вдруг плюнул под ноги аскольдовца.

- Дерьмо! - сказал. - Кто поверит вашим резолюциям, если вы даже Ветлинского убрать с дороги не способны... Наган есть? Вот и хлопни...

Павлухин пошагал далее. Тогда он не задумался, почему незнакомый матрос подбивает его на анархический выстрел в спину главному.

И это забылось. Как и многое забывается.

* * *

Над главнымуром собирались таинственные тучи... Тихие, грозные. Молнии из этих туч могли разить неожиданно. Но Ветлинский еще не догадывался об этом. По-прежнему отстаивая свою теорию сопротивления перед натиском союзников, контр-адмирал был сейчас обескуражен последними событиями: за бревенчатыми стенами штаба пасмурно чуялось брожение гарнизона и флотилии.

Контр-адмирал еще раз перечитал конец резолюции. "И на этой платформе, - говорилось в решении матросов, - мы будем стоять вплоть до полного подавления неподчиняющихся". Конечно, сейчас очень помог бы лейтенант Басалаго с его быстрым, изворотливым умом. Но приходилось полагаться на себя и на... совдеп!

Главнамур терпеливо выслушал слезливые обиды Харченки.

- Да-да! - говорил контр-адмирал, сведя пальцы в кулаки и похрустывая костяшками. - Слава богу, что вы осознали это падение, всю его глубину... Если погоны имеют такое значение для вас, недавно их надевшего, то, согласитесь, господин прапорщик, каково же расставаться с ними нам, кастовому служивому офицерству?

В завершение беседы Харченко, как водится, поплакался:

- Куды же мне теперича? Ни угла, ни двора - словно после пожара. И это после стольких лет службы...

- Столоваться, - разрешил Ветлинский, - прошу вас за общим табльдотом при офицерском собрании Главнамура. Вот вернется из командировки лейтенант Басалаго и мы подыщем для вас место... Впрочем, стойте! - Контр-адмирал выдвинул ящик стола, разворошил бумаги, извлек оттуда одну и перебросил ее к носу Харченки: - Ознакомьтесь,

господин прапорщик.

Это была очередная резолюция Кольской флотской роты: "Требовать от Мурманского Совета рабочих, и солдатских депутатов немедленно реорганизовать штаб Главнамур, а впредь до разрешения этого вопроса приказаний Главнамур не исполнять..."

- Вот вы, голубчик, и берите под свою команду эту Кольскую роту, сказал Ветлинский.

- Ваше превосходительство, - растерялся Харченко, - а обедать из Колы кажинный день в мурманское собрание ездить?

- Ну, милый прапорщик, всего-то десять верст, ерунда! Десять верст туда, да десять - обратно. Половина службы у Харченки теперь уходила на обеды. Зато не как-нибудь, не мотаться по трапам с чайником, а подадут тебе на тарелочке с золотым ободочком. Салфетки, отдельный нож каждому. Стоит перед тобой диковинка, а в ней баночки: соль, горчица, перец. Посолишь, погорчишь, поперчишь - и кушай, не скоты, чай! И подсядет сбоку герр Шреттер, рассказывая про сияющую огнями Вену, в которой Харченко никогда не бывал...

Между тем англичане не стали ждать, пока флотилия сковырнет Главнамур. Вспыхнули костры на берегу, засновали по рейду британские катера. Рассвело над Мурманом, и мурманчане увидели патрули на улицах. Английские матросы ребята brave: стеганные куртки, белые гетры, на головах высокие шапки из меха, груди в белых накрахмаленных манишках, а на манишках разноцветными шелками вышиты королевские короны.

Служба у англичан налажена. Ровно в восемь, не успели отбить четвертую склянку, встали на берегу громадные термосы с горячим кофе. Матросы густо мазали белый хлеб яблочным джемом, на крепких зубах крошились промзоновые галеты. Англичане следили за порядком в городе (хотя Ветлинский и не просил их об этом) и вели доходную торговлю: иголками для швейных машин "Зингера", сигаретами поштучно. Брали николаевскими.

- Ноу... ноу! - смеялись они, заведев облигации займа Свободы или керенки: это им не годилось.

Под охраной британских штыков главнамур сразу почувствовал себя уверенней. Команды многих кораблей еще колебались.

Иногда там вспыхивали мелкие бунты - не хотим кофе, а желаем чаю... Ветлинский в таких случаях говорил: "Дайте им, стервецам, чаю!" - и все приходило в норму.

Экипажи трех тральщиков отказались нести тральную службу.

- Хорошо! - распорядился Ветлинский, вызвав к себе Чоколова.

Кавторанг, мы не станем требовать от них несения тральной службы. Но, согласно принципу коммунистов: кто не работает, тот не ест, - с довольствия их снять!

- Есть, - ответил Чоколов, на этот раз трезвый.

Три дня голодухи - и перестали дымить трубы. Вечером к бортам тральщиков подошли английские катера. Морская пехота королевского величества, стуча бутсами по железу трапов, зашныряла по отсекам, уже покинутым, растворяла двери и горловины. Пусто! Все ушли.. Только в чреве одного тральщика жарко полыхала печурка, и навстречу англичанам поднялась изможденная женщина, и двое детей цеплялись за ее юбку.

- Только вы? - удивился британский офицер.

- И... они! - Она загородилась своими детьми.

Тральщики с погасшими котлами качались на рейде мертвыми гробами. И с того же дня вахту на них стали нести попеременно матросы английские или матросы с французского броненосца "Адмирал Ооб". Женщину они не изгнали, даже подкармливали. Флагов русских тоже не сняли - это, наверное, для Ветлинского, чтобы не слишком рыпался.

На рассвете к воротам базового склада пять матросов подвезли на себе, словно лошади, громадные сани.

- Эй, баталеры! Открывай, мы с "Аскольда"... Ворота открылись, и береговые баталеры стали выдавать провизию на крейсер. Одновременно прибыли за пайком и солдаты Кольской флотской роты. Посмотрели они, как запасаются матросы на целый месяц, и это им здорово не понравилось:

- Стой, флотские! Грузи половину на снег.

- А в глаз не хошь? - спросил у них Кочевой.

- Потому как революция, - отвечали солдаты. - И вы еще с царских времен паек лучше нашего трескали. А теперь все стали равные граждане, и пайка должна быть одинакова... Грузи!

Солдат было больше матросов, и они тут же перетаскали на свои сани половину провизии крейсера. Это им даром, конечно, не обошлось: снег, утоптаный ногами, покраснел от крови.

Харченко, затая месть против "Аскольда", обрадовался этому случаю:

- Рррота, в ррру-у-у... жо!

Ну, это была уже провокация... Катер с "Аскольда" осыпали солдатскими пулями, и один матрос рухнул за борт. Вынырнул обратно, одним рывком, почти до пояса, - словно тюлень, черный и блестящий, - встал над водой, раскрыл рот:

- Братцы... отомстите! - и ушел навсегда под воду. Самостийно возник десант. Перебежками двигались матросы по снегу, вдоль берега запылили

дымки выстрелов. Началась война, в которой победили солдаты, более ловкие на суше, и аскольдовцы были сброшены в море. Только когда с крейсера защелкали автоматы "пом-помов", солдаты отступили...

Павлухин оказался бессильным остановить это столкновение. Вражда берега с морем - еще стародавняя, еще со времен царя-батюшки, когда одни были "крупой", а другие "смолеными задницами". И теперь эта вражда прорвалась. Но раскол флотилии с гарнизоном пойдет и дальше...

- Ну что? - сказал Павлухин Кочевому. - Теперь контра достигла цели, и помощи с берега не жди...

Ветлинский палец о палец не ударил, чтобы пресечь дикое столкновение в самом его начале. Эта кровавая драка была ему выгодна, ибо она клином входила в общую резолюцию, а резолюция становилась бумажкой, на которую можно плюнуть.

- Однако в одном мы флотилии уступим, - делился он в разговоре с Брамсоном. - Если мы признали власть Советов, то и далее должны следовать по этому пути... Институт комиссаров должен быть создан на Мурмане! Заодно мы уступим и адмиралу Кэмпену, который уже не раз настаивал на введении комиссаров.

- Кэмпен? - удивился Брамсон.

- А что же тут удивительного? Не имея комиссаров, наша флотилия привлекает внимание большевистского центра. Но это внимание будет устремлено не только на нас, но и на англичан. Адмирал не желает ссориться с Советской властью и все учитывает заранее...

Брамсон усмехнулся:

- Любопытно! Где вы их возьмете, этих комиссаров?

- У нас много людей, которым не нашлось применения. Есть и офицеры, которые ранее состояли в партиях различных оттенков, и, чем болтаться без дела, они охотно согласятся стать политическими комиссарами.

- Советую повременить, - заметил Брамсон, - хотя бы до возвращения лейтенанта Басалаго: у него большие связи... Кстати, - спросил Брамсон, как у него проходит командировка?

- Басалаго трудно говорить из Питера по прямому проводу, приходится наши разговоры шифровать. Пока он советует нам занимать выжидательную позицию. Из разговоров с ним я понял одно: Советская власть рушится, нас ждет гражданская война...

В эти дни мурманский совдеп грудью встал на защиту контрадмирала Ветлинского, и Мишка Ляуданский выступал так:

- Признал он первую революцию? Признал. И со второй разве

потянул? Нет, не потянул... Ветлинский блестящий организатор. Вспомните адмирала Колчака! Вот такие же паскуды, как наши горлопаны с "Аскольда", там мутили, мутили... А чего добились, когда Колчака не стало? Черноморскому флоту отныне дорога одна - на фунт... Этого вы хотите на Мурмане? Нет, братишки! Это вам маком...

Потом выступал Шверченко.

- Мы уже знаем, - грозился он, - где завязан узел германских настроений. Сейчас, когда из-за предательства Совнаркома немец топчет русскую землю, когда германский барон скалит зубы на всю Россию.. Да кто посмел сказать, что главнамур не нужен? Ветлинский не виноват, что он начал службу при проклятом царском режиме. Убери его отсюда - и оголится фронт на севере России, уже и без того разодранной по кускам.. Почему крейсер "Аскольд" не сдал боезапас? Обезоружить тайных агентов кайзера!

Ветлинский окончательно успокоился, и тут ему принесли свежий бланк телеграммы из Совнаркома: центр требовал от Главнамура начать эвакуацию из Франции первой партии русских солдат корпуса Особого назначения, которые не желали больше проливать кровь на чужбине. Мурманск должен обеспечить первые эшелоны транспортом. Сорок тысяч солдат - через моря Европы - на родину, потрясенную двумя революциями...

"Сорок тысяч?.." Вопрос был слишком сложен для контрадмирала Ветлинского. Но предписание центральной власти было предписанием той власти, которую он признал. Торжественно и при всех... Он посмотрел в окно: патрули английских матросов с улиц уже убрались. Главнамур существует

* * *

Телеграмма от Совнаркома легла на стол адмиральской каюты линейного корабля "Юпитер" Кэмпен бегло и равнодушно прочитал ее. Отбросил в сторону.

- Мы уже извещены достаточно, - сказал. - Обо всем...

Было неловко: "Выходит, забежка зайцем ни к чему?"

Пели над палубой горны и волынки, и, когда они замолкли, застучали барабаны, под дробь которых адмирал Кэмпен заговорил:

- Известно ли вам, что мы, Державы Согласия, не постоем дать Совнаркому по сто рублей чистым золотом за каждого русского солдата, оставшегося на фронте? Мы и сейчас предлагаем Советскому правительству неограниченный кредит, в который войдет все, начиная от сапог и картошки, чтобы русские опять укрепили свой фронт. Но Ленин

слишком упрямый господин...

Ветлинский молча убрал телеграмму со стола.

Кэмпен придвинул ему ящик с сигарами и ножнички.

- Садитесь к камину поближе, мой адмирал, - сказал он Ветлинскому. Мы, англичане, тоже народ упрямый. В ряду многих славных традиций мы имеем одну, самую уникальную, - мы никогда не мешаемся в чужие дела. Так же и в этом случае, мой адмирал! Дело о русских солдатах во Франции - дело самих русских.

Курчавый ирландский сеттер, вскочив поспешно с ковра, проводил Ветлинского до дверей салона. Вернулся обратно и, печально вздохнув, снова улегся возле ног хозяина, обутых в теплые меховые туфли. Так было приятно дремать возле камина...

Глава одиннадцатая

Из Петрозаводска, из нового Совжелдора, прорвался на Мурман один разговор - по прямому проводу.

- Записывайте, - сказал знакомый голос Ронека.

- Петенька, ты наскочил прямо на меня, - отозвался Небольсин. - Что записывать?

- Аркадий, на этот раз касается лично тебя. Вернее, твоего брата, который... Где он сейчас?

- Кажется, под Салониками.

- Ну вот. А теперь Совнарком требует от стран Антанты возвращения русских солдат на родину... Пиши! Диктую...

Это сообщение слово в слово совпадало с тем, которое накануне получил хозяин Главнамура - Ветлинский, и оно так взбодрило Небольсина, так обрадовало! Если исключить невесту, пропавшую до времени в темнине грозного Петрограда, то брат Виктор, затерявшийся на дорогах войны, был самым близким и родным человеком. И вот скоро они увидятся...

- Записал, - сказал Небольсин. - Петенька, а ваш Ленин, кажется, мужчина серьезный... Выходит, мир?

- Да, будет мир...

В самом радужном настроении Аркадий Константинович направился в штаб Главнамура, куда его вызвали к вечеру. Как и следовало ожидать, вся верхушка была в сборе. Подчеркнуто не разговаривал с Небольсиным каналья Брамсон и, наоборот, весело пошучивал Чоколов (пьяненький). Совсем неожиданно из-за стола собрания поднялся лейтенант флота с моноклем, болтавшимся на пуговице мундира.

- Господа! Моя фамилия - Мюллер-Оксишиерна, и она говорит сама за

себя... Вы мне поверите, надеюсь: ваших секретов я уносить на подошвах не стану. Но отныне возрождается моя новая родина - Финляндия. Я уйду, чтобы служить ей верой и правдой, как служил и российскому престолу. Прощайте, господа! С этого момента я забыл русский язык...

Мюллер-Оксишерна снял с мундира погоны офицера русского флота, безжалостно бросил их в печку и перед каждым защелкал каблуками, произнося подчеркнуто вежливо:

- Прощайте... Ййтаа хувясти!

Все долго молчали, подавленные этой сценой. Человек ушел, и рядом - за метелью - уже лежала граница его новой родины. А здесь остается твое отечество, и бежать в поисках новой отчизны будет тяжело. Небольсин сразу (именно здесь, в Главнамуре) решил, что никогда, ни под каким девизом, он не покинет родного корабля. "Я не крыса!"

- Итак, господа, прошу внимания, - заговорил Ветлинский. - Центральная власть большевиков требует от нас, чтобы мы эвакуировали из Франции, первую очередь наших воинов, сражающихся сейчас за процветание свободного мира...

- Да-да! - восторженно отозвался Небольсин.

На него внимательно посмотрел Ветлинский; а вот скотина Брамсон даже не глянул на глупого инженера.

- Все дело в том, - продолжил Ветлинский, не сводя выпуклых глаз с Небольсина, - что Главнамур не собирается исполнять указания большевистского центра. Почему? Надеюсь, это всем понятно: Главнамур не может обеспечить транспортировку сорока тысяч солдат...

За спиной Небольсина рухнул стул - он встал:

- Позвольте! Но черноморские порты блокированы, Дальний Восток, он и есть... дальний, а приходы в Балтику заперты минами и германскими крейсерами. Мы, работники Главнамуре, единственные, кто сможет эвакуировать армию из Франции.

- Зачем? - спросил Брамсон, словно проснулся.

- Затем, что войне конец! - сорванно крикнул Небольсин. Ветлинский звякнул крышкой чернильницы.

- Я уверен, - сказал, - что, если бы ваш брат не служил в русском загранкорпусе, вы бы проявили больше благоразумия.

- Мой брат - капля в сорока тысячах. Я о них говорю!

- Да, сорок тысяч - это много, - согласился Ветлинский. - Сними их - и фронт оголится. На русском удрали из окопов миллионы, и последствия налицо: Россия погибает...

- Позвольте, дополню, - заметил Брамсон, впервые посмотрев на

Небольсина. - Вам, коллежский советник, - умышленно назвал он инженера по старому чину, - не представляется ли такое стечение обстоятельств? Главнамур вывозит из Франции русские войска, но завтра же Главнамур... погибнет. Ибо англичане и французы уберут, в наказание нам, отсюда технику. Сбросят в море запасы продовольствия. Сюда ворвутся отряды ВЧК{14}, и тогда... Голод, тюрьмы, трупы - вот что ожидает Главнамур!

Чоколова мотнуло на стуле, он едва удержался.

- Да о чем тут говорить! - стал он махать рукою. - Слушай, Аркашка, ты ведь не сможешь на своих рельсах перекатить внутрь России такую ораву. У тебя же в управлении - бардак, и все мы знаем, что ты больше всех в этом бардаке повинен...

- Так что, - мстительно закрепил Брамсон, - лучше бы вам, Аркадий Константинович, помолчать.

Но молчать Небольсин не мог.

- Обещаю! - сказал он, поднимая свой стул и снова усаживаясь. Обещаю, что дорога пропустит всех солдат из Франции! Коли вопрос стал о моей чести, то дистанция будет работать отлично... Совжелдор из Петрозаводска примкнет к моему мнению, и пробки, если вы ее так боитесь, не будет.

Брамсон поднял иссохшую бледную ладонь.

- Одно слово! - сказал. - Я, как заведующий гражданской частью на Мурмане, полагаю за разумное вообще отрешиться от влияния петрозаводского Совжелдора. Отрешиться раз и навсегда! У нас в Мурманске работает филиал Совжелдора, и Каратыгин еще не сдавал своих полномочий...

- Неправда! - воскликнул Небольсин. - Каратыгина выкинули из Совжелдора, и снова никто его не переизбирал.

- Его выкинул Петрозаводск, - ответил Брамсон невозмутимо, - но для нас, для Главнамур, Каратыгин остается полномочным представителем Совжелдора, как уже однажды в эту гопкомпанию попавший...

Небольсин понял, что он, словно саламандра, попавшая в окружение огня, может сейчас кинуться только прямо в пламя.

- Я протестую! - выкрикнул и, хлопнув дверью, выбежал. За крыльцом Главнамур бушевал черный снег. Он забивал глаза, рот, уши. И вдруг разом утих, это не была метель: это был клубок снежного заряда, ветрами прокаченный вдоль залива от самого полярного океана.

Небо сразу прояснело, опять выступили чистые звезды. И во всю небесную ширь, от края и до края, от Новой Земли до Шпицбергена, казалось, чудовищный павлин развернул в бездонности неба свой

роскошный хвост полярного сияния...

- Мерзавцы! - выругался Небольсин, вытер лицо от снега. Шатаясь под ветром, он направился на станцию - в буфет.

* * *

На полках - бутылки с ромом, с виски, с водкой, консервы. Затхлое архангельское пиво, завезенное еще с осени, шибало гнусностью из протекающей бочки. Кусками были нарезаны колбаса и розовая семга. Поперек прилавка лежал в дым пьяный французский матрос с "Адмирала Ооб", и торчали две подошвы с медными шурупами, сточенными от беготни по трапам. Буфетчик отодвинул союзника в сторону и водрузил перед Небольсиным стакан, захватанный пальцами пьяниц.

- Ливни, - сказал ему Небольсин. - Лей, не бойся.

В темном углу сидели двое военных. В кожаных комбинезонах, простроченных швами; на головах - замшевые шлемы. А на плечах погоны: один - юнкер, другой - капитан.

- Садись, молоток, с нами, - предложил старший.

За выпивкой познакомились: юнкера звали Постельниковым, а капитана Кузякиным.

- Он у меня дворянин, - показал Кузякин на юнкера. - Ну я-то сам из мужиков буду. Вылетал себя в капитаны!

- А что это вы так странно одеты? - пригляделся Небольсин.

- Так мы же пилоты. Гробы с заводной музыкой. Сегодня только с аппаратами выгрузились. Вот теперь коньяк нас заводит, чтобы дальше лететь. Только машины на лыжи переставим.

Летчики пили действительно здорово. Как-то отчаянно, словно приговоренные. И стукались лбами. Но пьянели мало. Лицо капитана Кузякина было запоминающимся: правая бровь выше левой, а вверх от переносья тянулась через лоб глубокая складка.

- Чего смотришь? - сказал Кузякин. - У меня карточка такая, верно... теперь не исправишь. Когда четыре года подряд будешь в пулемет щуриться, так и бутылка тебе целью покажется... расстрелять ее, да и только!

А здесь можно летать? - спросил Небольсин.

- Можно, - ответил юнкер. - Вон Нагурский еще в четырнадцатом до самой северной оконечности Новой Земли слетал.

Капитан Кузякин распахнул куртку, и в потемках вдруг засверкала его грудь, обвешанная орденами. Это был не человек, а иконостас, бог войны и гибели под облаками. Небольсин выразил ему свое восхищение.

- Наше дело не шпала с рельсой, - усмехнулся Кузякин. - Я ведь - ас,

обо мне даже в Америке пишут. С уважением, как об адмирале Колчаке, который сейчас там американцев мины ставить обучает... Видать, сами-то не шибко умеют!

- Сколько же вы сбили немцев?

- Тринадцать. Только официально заверенных. А так и больше, конечно. Да не всякого докажешь.

- А вы? - обернулся Небольсин к Постельникову.

- Два, - ответил юнкер. - Но я злой... собью и больше!

- Это верно, - заметил Кузякин. - Он у меня злой плюгавец. Я вот с такими, как он, заслужил от немцев красный круг...

Небольсин очумело мотнул головой - не понял.

- Там, где мы летали, - пояснил Кузякин, - там немцы обводили циркулем по карте триста верст в округе и писали: "Из этих районов наши самолеты никогда не возвращаются..."

- Плесни мне, Коля, - сказал юнкер.

- Хоть залейся, Ваня, - ответил капитан, берясь за бутыль. Они оба очень нравились Небольсину - люди мужества и отваги: юнкер Ваня, капитан Коля, и оба - грозные русские асы (слово тогда еще новое, означало оно "туз", но уже страшное слово).

- Откуда же вы сейчас? - спросил Небольсин, стараясь не напиться, что было нелегко в соседстве с летчиками.

- Сейчас из Англии, - ответил Кузякин.

- Что там делали?

- Да мы с Ванюшкой учили англичан выходить из штопора.

- Выучили?

- Ничего-о... Пять в смятку, а шестой, словно котенок, на свои лапы выкрутился. Теперь дело пойдет. Англичане народ упрямый. Летать умеют.

Капитан Кузякин положил руку на плечо инженера.

- Ну-ка, - сказал, - поведай, что тут творится? Небольсин определил положение на Мурмане одним хлестким словом.

- А куда вам надо? - спросил потом.

- Думаем завтра лететь. На юг! Чего нам тут делать? Семьи у нас в России... Большевики там или белые - это уж потом разбираться станем. А сейчас - домой. Надоело!

- И много наших... там? В Англии? Во Франции?

- Русских-то? Да просто кишит Европа. И все как бараны.

Один - туда, другой - сюда. Сами себя потеряли. Под Парижем траншеи роют - опять русские. А мы вот вернулись. Погибать - один черт И даже везем нечто новенькое на родину.

Юнкер показал Небольсину на пальцах:

- Синхронизация стрельбы с пропеллером... Понимаете?

Небольсин, конечно, не понимал, и Кузякин пояснил:

- Пулеметы у нас прямо через винт стегали. А чтобы пули не разбили пропеллер, на лопастях были отсекатели из твердой стали. Стреляешь, бывало, а половина пуль бьется прямо в пропеллер. И - рикошетит... Вон, - показал Кузякин на свое лицо. - Вот тут, на щеке... тут, под глазом... Видишь? Это меня рикошетом поздравило.

- Ну а теперь, - досказал юнкер, - движение пропеллера идет в расчете с вылетом пуль, и пули пролетают мимо винта... Вот только не знаем как, задумался Постельников. - Лететь к большевикам или все же лучше здесь остаться?

- Летите, - посоветовал Небольсин. - Летите... Главнамур вас здесь не задерживает?

- Да мы у него и спрашивать не станем, - ответил Кузякин. - Слышал, Ваня? - спросил он юнкера. - Вот человек говорит, не станет же врать... Здесь худо. Так что завтра - контакт!

- Есть контакт, - нахмурился юнкер. - Плесни еще!

- Мне не жалко, Ванюшка, как-нибудь дотащу тебя... пей! А завтра уже будем ночевать дома. Эй, инженер! Куда ты?

- Спасибо, друзья. У меня еще дела.

- А то посиди с нами... Еще врежем! Ты, видать, парень крепкий, не свалишься, как вон тот союзник...

И летчики показали на француза. Буфетчик, сердито засопев, передвинул союзника по прилавку. Ярko блестели шурупы обуви.

* * *

В бараке французского консульства притушен свет... Возле окна секретарша Мари, такая стройная, в костюме цвета хаки, рассматривает небо. С легкостью истой француженки она уже забыла любовные обиды и отнеслась к Небольсину душевно.

- Какая странная жизнь, Аркашки! - призналась, не отрывая взгляда от окна. - Я так благодарна этой войне, которая дала мне счастье повидать большой мир... Смотри, какое чудо в небесах! Я вернусь домой, в мой тихий Шарлевиль, выйду замуж за своего кузена-рудокопа, буду вязать по вечерам чулочки детям... Я состарюсь, Аркашки! И буду вспоминать этот дикий Мурманск, тебя и эти огненные небеса... Поцелуй меня!

Он нежно поцеловал ее, как сестру, и спросил:

- Лятурнер дома сегодня, Мари?

- Да. Пройди. Он к тебе замечательно относится.

Ввалившись к майору, Небольсин бросил на его койку шапку-боярку, повесил на крючок шубу. Потер руки с мороза. Лятурнер играл с котенком.

- Ты откуда сейчас? - спросил он Небольсина.

- Если не считать посещения буфета, то из Главнамура. И вот о делах этой почтенной консистории, мой дорогой патер, я и решил переговорить с тобою...

Лятурнер, ни разу не перебив, выслушал все, что рассказал Небольсин: о явном саботаже Главнамура, о первой партии русских в сорок тысяч, о том, что преступно задерживать солдат на чужой земле, и прочее...

-Котенок резво кусал палец французского атташе.

- Так, - ответил майор. - Но при чем здесь... мы?

- Не дурачь меня, Лятурнер, ты же честный парень, я знаю. И не станешь же ты отрицать, что Главнамур целиком находится под вашим влиянием. Под вашим и под английским!

Лятурнер резко сбросил котенка на пол.

- Ты преувеличиваешь, Аркашки! Влиять на Россию после ее двух революций задача непосильная даже... для Талейрана. Мы лишь союзники несчастной, заблудшей России, мы желаем русскому народу одного добра, и наши якоря войдут в клюзы сразу, как только в России водворится порядок и благополучие.

- Порядка вам в России не навести! - ответил Небольсин резко. - Еще чего не хватало, чтобы ваши ажаны стояли по углам наших улиц, следя за порядком... Я говорю о другом: о задержании вами наших солдат.

- Выпьем? - спросил Лятурнер.

Небольсин неуверенно пожался:

- Да я тебе бочку выпью, только что с того толку? Выпили.

- Чего молчишь? - спросил Небольсин.

Лятурнер аккуратно вращал бокал на тонкой ножке.

- Конечно, - сознался он, глядя в глаза инженера, - ты прав, Аркашки, посылка русских солдат во Францию была ошибкой. Но ни ваши, ни наши генералы в этом не виноваты. У нас было много оружия, но не хватало солдат. У вас же, наоборот, ходили в атаки с лопатой, но зато неисчерпаемые людские ресурсы. Это был коммерческий обмен - ради общего дела. И ответственность за эту сделку несут политики, вроде Вивиани, Поля Думера, Альбера Тома... Боюсь, Аркашки, что теперь, после большевизации русских легионов во Франции, моя страна не скоро пойдет на дипломатическое сближение с вашим правительством...

Небольсин ответил:

- Кто виноват, генералы или политики, теперь выяснять не стоит. Но я

знаю: русский легион - не Иностранный легион. И русские солдаты не нанимались умирать за деньги. Они шли на смерть под Верденом рядом с вашими солдатами из чувства союзного долга. И они умирали не хуже вас... за Францию! Но теперь, когда Россия на волосок от мира...

- Волосок слишком тонок, он оборвется, Аркашки! Я понимаю: тебя беспокоит судьба твоего брата.

- Да поверь, - воскликнул Небольсин, - сейчас я даже забыл о нем, я говорю тебе обо всех!..

- Будешь? - спросил Лятурнер, снова берясь за бутылку.

- Нет.

Ладонь майора прихлопнула сверху бутылку.

- Мы немало вложили в этот легион. И в эту... Россию!

- Вложили... чего? - оторопел Небольсин.

- Техники. Опыта. Наши аэропланы. Моторы "Испано-суиза". Наконец, мы достаточно попили наших замечательных коньяков.

- Стыдитесь! Вы едите наш хлеб!

- Германия тоже воюет на вашем хлебе! - дерзко ответил Лятурнер. Ваше правительство поступало как шлюха...

- Этого правительства уже нет в России, есть другое. И пока еще никто не сказал, что оно - шлюха. А вы, французы, за каждую автомобильную шину требовали от нас по батальону солдат...

- С тобою, Аркашки, трудно говорить без выпивки. - И в бокалах снова вспыхнуло вино; выпив, Лятурнер сказал миролюбиво: - Не будем считать, кто у кого больше съел. Пока же в Мурманске вы едите все наше...

Небольсин сдернул шубу, кинул на макушку боярку.

- Ты куда?

- Домой. В вагон.

- Что будешь делать?

- Спать.

- Ну прощай, Аркашки... Да скажи Мари, чтобы затворили двери консульства на ночь.

- Ладно. Скажу. - Он вышел в приемную: - Мари, закройся!

Секретарша проводила его до крыльца:

- Можно я к тебе приду ночевать?

Небольсин притопнул валенками по снегу.

- Я ужасен... - сказал он, морщась. - Ты придешь - и, кроме спальной полки вагона, больше ничего не получишь. Спокойной ночи, Мари!

- Встань здоровым, Аркашки! - Мари не обиделась: она была женщина умная, практичная.

* * *

На рассвете со стороны океана вошел на Мурманский рейд американский пароход. Белый, громадный, сияющий. На палубе его стояли два локомотива для Мурманки, землеройная машина для порта. Матросы, здоровые и рослые парни с закатанными до локтей рукавами, сразу выскочили по сходне на берег. Как малые дети, американцы расшалились в снегу. Лепили, радуясь забаве, хрусткие снежки, и скоро белые мячики заиграли в воздухе над причалом. Поручик Эллен, по долгу службы встречавший прибытие каждого корабля, стоял поодаль от сходен. В форме, при погонах, с оружием. Американцам плевать, кто он такой, и острый снежок больно заклеил контрразведке физиономию...

Эллен на такую демократическую непосредственность тоже слепил ответный снежок и, бросив его, спросил по-английски:

- Откуда пришли?
- Из Балтиморы.
- Пассажиры есть?
- Есть, трое...

Прибыл и союзный военный контроль, который возглавляли от англичан полковник Торнхилл, а от французов - граф Люберсак (оба прекрасно владели русским языком - даже без акцента). Поручик же Эллен затаился в сторонке на перехвате! Он просеивал через мелкое ситечко все то, что проскакивало через сети союзного контроля. Тут-то ему не раз попадались такие рыбины, что союзники долго потом завидовали своему русскому коллеге.

Вот и сегодня...

Контроль пропускал редких пассажиров. Архангельский архитектор Витлин - свой человек. Капитан русского генштаба со стареющей женой тоже не представлял для поручика Эллена никакой ценности. Но вот прыгнул на берег - упруго и крепко - штатский господин ("вольный", как тогда говорилось). Этот "вольный" был еще сравнительно молод. На голове - кепка в крупную клетку. Хороший шарф был пышно взбит из-под ворота пальто. Приезжий сунул в рот короткую трубку, и до Эллена донесся запах гаванского добротного табака. Оглядев печальную панораму Мурманска, приезжий сказал:

- Вот это да-а! Здорово ребята устроились...

Эллен уже шагал вдоль гаванского забора. На выходе из порта он, не задерживаясь, сказал филерам:

- Русский. С трубкой. Вещей нет. Кепка. Взять!

И - взяли... Выпив кофе, Эллен выровнял перед зеркалом идеальный

пробор и шагнул в свой кабинет. Задержанный сидел на стуле и даже не вздрогнул, когда стукнула дверь. Решетка на окне кабинета, как видно, не произвела на него должного ошеломляющего впечатления. Он только перекинул ногу на ногу и выпустил клуб дыма из трубки, когда поручик появился.

- Ну-с, - начал Эллен, уверенно рассаживаясь за столом, - с вашего любезного разрешения приступим?

- Попробуй, - ответил незнакомец с издевкой.

- Чем занимаетесь?

- Человеческой глупостью.

- Кто вы такой?

- А ты угадай...

Эллен протянул руку над столом:

- Документы!

- Пожалуйста... А вы разве грамотны?

- Немножко, - сознался Эллен.

Из документов явствовало, что задержанный - Алексей Юрьев (в скобках на американском паспорте была проставлена еще и вторая фамилия - Алексеев).

- Какая же из них правильная? - спросил Эллен и спрятал документы задержанного в стол.

- Какая хочешь - такая и правильная.

- Партия?! - выкрикнул Эллен.

- Погадай на картах, какая у меня партия...

Табуретка, ловко пущенная, вдребезги разлетелась об стенку. Юрьев перескочил на другой стул и остался цел.

- Ты сядь, - сказал он Эллену - Чего вскочил? У меня ведь чин небольшой, передо мною не маячь... не люблю!

И сколько ни бился Эллен, так и не получил ответа ни на один вопрос. Оставалось последнее средство - самое верное: передать Юрьева в руки палача Хасмадуллина. Сам же поручик был эстетом, поклонником Оскара Уайльда и не мог видеть, как из человека делают котлету.

- Через пять минут, - сказал он Юрьеву, показав на часы, я зайду сюда снова, и вы будете ползать у меня в ногах.

- Хорошо, - согласился Юрьев. - Это даже любопытно. Пропустив Хасмадуллина в кабинет, Эллен проследовал в бокс. Там секретарша "тридцатки", в полном одиночестве, поставила на фонограф валик с новейшим танго и плавала в истоме.

- Сэв! - крикнула она сквозь вопли музыки. - А ты догадался

предупредить Мазгуга, чтобы не перестарался?

- Нет, не предупреждал.

- Ого! - сказала девица, подхватив Эллена, и они поплыли оба, полузакрыв глаза, пока не кончился валик с музыкой.

- Иди, Сэв, - одернула платье секретарша. - Там уже, наверное, от человека остались одни лохмотья и косточки.

Эллен открыл дверь в свой кабинет - и... Мазгут Хасмадуллин, человек необыкновенной силы, валялся без памяти на полу. Решетка на окне была выломана и аккуратно приставлена к стене. В открытое окно задувал ветер. А сам Юрьев равнодушно докуривал свою трубку.

Эллен быстро пришел в себя от потрясения:

- Зачем было ломать решетку, если все равно не убежали?

- Просто я хотел доказать вам, что для меня никаких преград не существует. А бежать мне, увы, некуда.

- Гражданин Юрьев, - сказал Эллен, закрывая окно, - слово остается за вами. Я поручик Всеволод Эллен ("Очень приятно", - ответил Юрьев), глава мурманской контрразведки. Вы, конечно, уже забрали из моего стола свои документы?

- Зачем же? Я жду, когда вы сами вернете мне их.

- Отлично. Как вас зовут?

- Это, если я не ошибаюсь, написано в паспорте.

- И можно верить? - прищурился Эллен.

- А вам больше ничего не остается, как поверить! Раздался глухой стон, это палач обретал сознание. Эллен выкатил его тело за двери, в коридор.

- Вы первый, кому это удалось, - намекнул поручик.

- Мне ли быть вторым? - гордо ответил Юрьев. - Знайте, с кем имеете дело... Я был матросом-китобоем, боксером дрался на рингах, искал золото на Клондайке, пил виски вместе с Джеком Лондоном, издавал в Америке социалистическую газету. Как политический эмигрант, ныне я возвращаюсь на родину.

Юрьев и сам, очевидно, не заметил, с какой фразы он перескочил на английский язык. Американизированный, энергичный!

- Этого мало, - ответил ему Эллен (тоже по-английски). - За ремонт этой решетки вы могли бы рассказать о себе подробнее.

- Мало? - усмехнулся Юрьев. - Что ж, дополню... Я личный друг Троцкого, который ныне состоит при делах Совнаркома.

- Вот это уже точнее, - одобрил его Эллен. - Мне известно, что сейчас англичане, да и мы, грешные, заинтересованы в тех расхождениях, какие

существуют между Лениным и Троцким в правительстве. Например, в делах о мире... Может, что знаете?

Юрьев рассказал, что знал. Охотно и прямо.

- Так. Ну а теперь куда вы едете?

Юрьев встал и протянул руку.

- Я уже приехал, - сказал он.

Эллен вложил в эту руку, висящую над столом, документы.

Юрьев плотно, до самых ушей, надвинул клетчатую кепку, попышнее взбил шарф и, кивнув поручику, удалился, дымя...

Эллен думал долго. Еще никогда он так долго не думал. Наконец медленно (еще додумывая) потянулся к телефону.

- Это ты, старый бродяга? - спросил он лейтенанта Уилки. - Ты меня хорошо слышишь сейчас? Посторонних у тебя нет? Ну так слушай... Конечно, полковник Торнхилл и граф Люберсак самое главное прохлопали. Как всегда! Ну конечно же, что с них взять... А я поймал сейчас одну рыбину. Она мне тут едва все сети не оборвала, пока я тащил. Ага... Так вот, Уилки, с появлением этого человека на Мурмане ни Ляуданскому, ни Каратыгину, ни Шверченке делать больше нечего...

Где не помогали слова, там помогали крепкие кулаки. Прошло несколько дней, и Юрьев, растолкав свору эсеров и беспартийных, прошел в мурманский совдеп...

- Нужен штат, - сказал он соперникам, до ужаса потрясенным. - Как в Америке! Автономия - это очень модно. Не нравится слово "штат", пожалуйста, его можно заменить словом - край. Мурманский край! Чем плохо?

Харченко подал расслабленный голос:

- Трохи беспокою вас... Что же будет? На что надеяться?

- Ты будешь, - утешил его Юрьев. - Я из тебя человека сделаю. Надеяться можешь: каждый человек живет надеждой...

* * *

1917 год заканчивался. Мурман вступал в тяжкий для него год восемнадцатый.

Корабли выходили в море. По рельсам стучали колеса. На станции продавали билеты: от Мурманска до Петрограда. С бывшего Николаевского вокзала можно было выехать из Петрограда в Мурманск.

Люди ездили - как будто все в порядке.

- Ну как там, в Питере? - спрашивали.

- Ничего...

- Ну как там, в Мурманске?

- Да тоже... пока ничего. Жить можно!

Очерк третий.

Предательство

Дорога третья

Петроград... В бывших казармах лейб-гвардии Московского полка, что на Фонтанке, затянутой льдом, - дым, дым, дым.

И в этом дыму, держась рукою за лебединую шею в тощей горжетке, женщина читала стихи. Эта женщина была актрисой. Совсем неизвестной. "Люба... Любовь... Любушка..."

Муж ее стоял неподалеку от эстрады. На нем была солдатская гимнастерка без погон, а ноги - в высоких фетровых валенках. Скрестив на груди руки, он слушал. Слушал, как жена его читает. стихи красноармейцам. А над ними дым, дым, дым... И тишина, только голос женщины, как всплески:

Кругом - огни, огни, огни..

Оплечь - ружейные ремни...

Революционный держите шаг!

Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!

Пальнем-ка пулей в Святую Русь

В кондовую,

В избяную,

В толстозадую.

Это была поэма, и называлась она просто: "ДВЕНАДЦАТЬ".

Ее написал он - муж этой статной женщины.

Теперь он стоял возле стены и проверял по выражению солдатских лиц так ли он написал? Верен ли ритм его стихов, весь в раскачке революции?...

Гетры серые носила,

Шоколад Миньон жрала,

С юнкерьем гулять ходила

С солдатьем теперь пошла?

Эту строчку про шоколад "Миньон" придумала она. У него раньше была другая: "Юбкой улицу мела". Может, вернуть старую? Или уж навсегда - на вечность - оставить эту? Ладно, эту.

В белом венчике из роз

Впереди - Иисус Христос.

Война прекращена, но мира нет. Христа тоже нет. Красноармейцы из зала кричат: "Браво!" Сейчас они встанут, чтобы уйти прочь из Петрограда. Куда? Наверное, на фронт. Они кричат. "Браво!" Но не ему - поэту. А ей,

статной и, как в молодости, очаровательной.

Конец. Солдаты расходятся. Гонорар получен.

Теплая буханка хлеба под локтем поэта.

И локоть жены, промерзлый, слева от него. Уже столько лет!

Была жизнь. Была любовь. И были стихи о "Прекрасной Даме".

Теперь Двенадцать маршируют по ночным улицам Петрограда.

А на Знаменской туман, ночной и черный, за два шага не видно человека. В низинах Офицерской - голубая полная луна.

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек.

Ветер, ветер

На всем божьей свете!

- Не молчи, - просит его жена. - Я не могу слышать больше этой убийственной тишины и безголосья.

- Пойдем, скорее, - отвечает поэт. - У нас пропуск только до одиннадцати.

И жена, отшатнувшись, прислоняется к стене дома:

- Я не могу больше... Ах, Саня! Я не могу... Этот черный город, весь в дырах окон, таких темных, эти пропуска... Эта тьма и тишина! Пусссти...

- Люба, не надо. - И он ведет ее дальше, на Пряжку.

- Ах, Саня, Саня, - вздыхает жена. - Ты никогда не поймешь.

Он отвечает ей не сразу.

- Возможно. Но я пойму гораздо шире тебя.

И пусть я умру под забором, как пес,

Пусть жизнь меня в землю втоптала.

Я верю..

- Чему? Чему ты веришь, безумный?

Я верю: то Бог меня снегом занес,

То вьюга меня целовала

Вот и обледенелая Пряжка, а в излучине ее - большой и уютный дом. Словно корабль, он выплывает в ночь Петрограда острым кирпичным форштевнем. Горит свеча. Поэт ломает на дрова бабушкин столик, что когда-то красовался в Шахматове. И думает: "Бедная бабушка!"

Тишина... выстрел... время... пространство...

"Какое число?".

И бьет двенадцать. Опять - как гибель.

Уйти! Эти мучительные, страшные разлады. Объяснения. А он?

Муки ее! И голова жены, откинута навзничь, словно брошенная на вороха подушек... А что он ей скажет?

Двери - вразлет, в них она:

- Уходишь?

- Да, Люба... - И целует руку жене. - Мне с двенадцати опять на дежурство... Люба, прошу тебя... поешь, Люба!

Опять улица. Но здесь проще: здесь только стреляют. Зато не надо объяснений. Не надо мук... Прочь от них - в улицы!

На самом углу Английского проспекта и Офицерской - костер. Он зовет поэта издалека, машет ему звонким пламенем, брызжет искрами - сюда, сюда, ко мне! И скачет вокруг огня лохматая тень напарника по дежурству.

- Здравствуйте, Женечка, - говорит поэт, подходя.

- Доброй нам ночи, Александр Александрович...

По улицам течет, словно черное тесто, ночь - ночь Петрограда, вся в зареве костров, в звуках осторожных шагов патрулей; иногда проходит путник, зубами тянет варежку с пальцев, сует руки в огонь. И уходит опять, скрипя валенками по снегу.

Напарник поэта по дежурству неожиданно признается:

- Александр Александрович, только никому не говорите: я ведь офицер... офицер флота! Был плутонговым на крейсере.

- Я никому не скажу, - отвечает поэт спокойно и мудро. - Была великая война, и половина России состоит из офицеров, а теперь они остались без работы. И мы еще живы... Завтра моя жена будет снова читать в "Привале комедиантов", там ей платят девятьсот рублей в месяц. А в Москве избирают короля поэтов. Первое место - короля - занял Игорь Северянин, второе Маяковский, а третье... кто бы мог подумать? - Бальмонт. А я, увы, давно уже не король!

- И останется от нас, - вздыхает офицер флота, - только бульбочка на воде. Пшикнет - и нас нету... Идут!

- Идут, - повторил поэт.

Из Дровяного переулка, плавно загибаясь на Офицерскую, идут отряды. Один, другой... Скрипит кожа, заледенелая, на куртках командиров. Болтаются кобуры длинных маузеров. Вокруг - огни, огни, огни, оплечь ружейные ремни...

- Чека, чтоб она задавилась, - пугается офицер.

- Стой! - разносится в тишине, и буханье сапог стихает. - Можно перекурить и поправить выкладку...

У костра - сразу: лица, звезды, зубы, огни сигарок, ружья, фанаты. И офицер, пряча лицо, говорит молодому чекисту:

- Куда лезешь? У тебя на поясе граната Новицкого, целых пять фунтов

пироксилинки, а ты прямо на огонь скачешь...

Чекист отодвигается от костра и, прищурив глаз, поднимает горящую головешку, вглядывается в лицо дежурного.

- Небось офицер? - спрашивает.

- Артиллерист. Нынче член "общества безработных офицеров".

Головешка летит обратно в огонь. Поэта обступают бойцы.

- А мы вас, товарищ, признали, - говорят. - Ваша супруга хороший нам стих прочла. Про любовь да про революцию.

- Да, - глухо отвечает поэт. - У меня жена очень способная.

Перекур окончен и - два голоса командиров:

- Спиридоновцы - становись!

- Спиридоновцы - становись!

- Комлевцы - в колонну!

Отряды ВЧК протянулись мимо, ожесточенно стуча.

- Кажется... на Мурман, - произносит поэт. - Какие еще они молодые, и что-то ждет их там, на самом краю русской ночи?

- Сейчас на Мурмане, - загрустил офицер, - и крейсер первого ранга "Аскольд"... Я это знаю. Точно знаю.

- А я знаю другое: с первого февраля будет введен новый календарь. И первого февраля в этом году не будет, зато будет сразу четырнадцатое... Мы очень спешим, правда?

- Да, узлов тридцать даем. Машина работает на разнос...

Так течет ночь возле костра. Люба давно спит.

И вот - рассвет; приходит смена, и гаснет костер.

Поэт возвращается в свой высокий дом, а бывший офицер флота бредет в купеческий особняк, где его поджидает толстая женщина, которая содержит его при себе за молодость и за эти вот дежурства у ночных костров...

А эшелон уже стелется мимо забытых дач, утонувших в снегу, мечутся за окнами красные сосны, плывет белизна озер.

Едут два отряда ВЧК: отряд Комлева и отряд Спиридонова.

Комлев пожилой, а Спиридонов совсем молодой.

Кто-то останется в живых - кто-то едет на смерть. Поезд тащится, медленно волоча гибкий хвост на поворотах. Их ждет Мурман - загадочный полярный край, который они скоро повидают. Никто еще толком не ведает, что там сейчас, на Мурмане. Говорят, Советская власть признана и все как будто в порядке.

На всякий случай отряды рассыплются вдоль полотна Мурманской дороги от Званки до Мурманска, чтобы поддерживать порядок

революционный.

Комлев степенно говорит Спиридонову:

- Вань, а Вань! Видеться нам не часто придется. Ты от Званки до Кандалакши кататься будешь, а мне сидеть на Мурмане крепко..

В ночи, словно красный волчий глаз, догорает костер.

Костер одиночества, опасности, заговора.

...Эта дорога самая опасная.

Глава первая

Бабчор (высота No 2165). Македония, Новая Греция...

Таково это место.

После провала операции в Дарданеллах англичане заняли провинции Салоник, и унылые холмы Фракии и Македонии запутались в ржавой и хваткой проволоке. Французам же, в ту пору когда "Большая Берта" уже занесла кулак над воротами Парижа, было плевать на Салоники - и тогда в Македонию швырнули русских легионеров. И они застряли здесь - безнадежно, как и' англичане, задубенев в бесконечных убийствах. Над могилами солдат гробились, крутясь с высоты, немецкие "роланды"; сгорали в куче обломков британские юркие "хэвиленды". Начали войну с трехлинейки, штыком да лопатой, а заканчивали, словно марсиане, в противогазовых масках, похожих на свинячьи рыла, и огнеметы извергали на окопы горящий студень...

Был день как день. Точнее - сочельник. Виктор Небольсин встретил этот день уже в чине подполковника. Загнал в коробку пулемета свежую ленту и крикнул вдоль траншеи своим солдатам:

- Именно здесь!.. Про нас, русских, и без того городят черт знает что! Именно по нас будут судить в Европе обо всей России, о славной доблести русской армии...

Он остервенело прилип к прицелу, и плечи его долго трясло в затажной очереди. Острая борода "буланже" клинышком, отращенная от окопной тоски, тряслась тоже. На груди, среди русских орденов, прыгал орден Почетного легиона, звонко брякались английские - "За доблесть", "За храбрость". А сверху неслась душная пыль, и желтый скорпион уползал по брустверу. Прочь от людей - подальше...

Расстреляв всю ленту, Небольсин дернул пулемет за ручки:

- Каковашин, берись... И шпарь вон туда, мне этот пень еще вчера не понравился. Не давай османам вставать.

Обрушив землю, в траншею свалился грек Феодосис Афонасопуло, лейтенант армии Венизелоса, сказал по-русски:

- Ты помнишь, куда нам сегодня?

- Ага. Сейчас.

Расключив замок на подбородке, Небольсин швырнул с головы стальной шлем и натянул фуражку. Национальная кокарда (с тех пор, как Романовых лишили престола) была затянута черным крепом. Красного банта подполковник не носил и, чтобы сделать своим солдатам приятное, украшал петлицу засохшим цветком. Теперь у власти были большевики, но об этом в Салониках старались не думать: ждали со дня на день падения этой власти.

- Пошли, Феодосис, - сказал Небольсин.

Из-за рядов колючей проволоки неожиданно рвануло криком:

- Братушки... братушки мои дорогие!

Это кричал болгарин - с немецкой стороны.

- Каковашин! Чего рот расщепил? Не знаешь, что делать? Хлестнула короткая очередь, и Каковашин злобно продернул ленту.

- Хоть бы ты не орал, дурень...

Мимо громадного плаката: "Русский! Вступай в Иностранный легион, ты увидишь мир, деньги и женщин!" - пронырнули окопчиком в полосу охранения. Под ногами офицеров хрустели обглоданные скелеты копченых сельдей, пучились банки из-под сардинок... Расстрелянные гильзы, тряпье, рвань, бинты, экскременты.

В офицерском лазарете уже собрались: командир британского батальона О'Кейли, итальянец майор Мочениго, сербский четник Павло Попович и русский полковник Свищов. Время от времени каждый из них снимал штаны, и ему всаживали добрую порцию прививок от тифа.

Свищов, морщась от боли, подошел к Небольсину:

- Угораздило же их догадаться прямо в сочельник! А? Впрочем, рад вас видеть. Мы только вчера вернулись на позицию.

- А я не рад, - четко выговорил Небольсин. - И убийцам руки не подаю. Полковник откачнулся назад.

- Ах вот оно что-о... - протянул он. - Вам, видите ли, не нравится один факт в моей биографии? Что ж, мы - верно! - расстреляли большевиков в Ля-Куртине. Работа грязная! Согласен. Всегда противно стрелять в своих. Но для такой грязной работы нужны убежденные, чистые души...

- Полковник! Мне не нравится и тон, которым вы позволяете себе со мной разговаривать, - произнес Небольсин.

Свищов подступил ближе, горячо и влажно дышал снизу:

- Мы здесь не одни. Не забывайте! Нас могут слышать офицеры союзных армий. Или для вас честь русского имени - ничто?

- Однако понимают нас только двое, полковник. Вот одессит

Афонасопуло да, наверное, четник Попович, окончивший нашу академию генштаба. Но, пожив изрядно в России, едва ли они чему-нибудь удивятся!

Потом, сидя на завалинке лазарета, Афонасопуло спросил:

- За что ты сейчас отделал Свищова?

- Это очень стыдная история, Феодосис... Одна наша бригада снялась с позиций, когда узнала о революции в России. Их заперли на форту Ля-Куртин и... Впрочем, нет, не всех! Оставшихся отправили на африканские рудники. В пекло! Но французы сохранили свежесть своих манишек, поручив всю грязную работу нашим доблестным гужеедам, трясогузкам да рукосуям. Ну вот такой Свищов и показал, каков он патриот... Да-да. А ведь среди расстрелянных в Ля-Куртине были и герои Вердена, которых во Франции знали по именам. Как видишь, с нами не считаются..

Небольсин закрыл глаза, чтобы не видеть, как мимо него из лазарета пройдет Свищов. И в памяти вдруг чеканно возник тот первый день, когда они высадились в Марселе, - весь Каннебьер был покрыт цветами, пучки цветов торчали из винтовок, сапоги солдат маршировали по цветам. Дорога почета и славы. "Эти спасут нас!" - кричали французы. Как хорошо было тогда чувствовать себя русским. И как больно сейчас вспоминать об этом...

- О чем ты, друг? - спросил Небольсин, очнувшись.

- Я говорю тебе, - повторил Афонасопуло, - не боишься ли ты, что и твои солдаты завтра откажутся воевать?

И, спросив, грек развинтил флягу с черным как деготь кипрским вином. Небольсин хлебнул античной патоки, вытер рот.

- Они откажутся хоть сегодня, - ответил. - И держат позицию не потому, что я уговорил их остаться. А вон, отсюда хорошо видно, расставлены капониры для алжирцев, которые убьют одинаково любезно и собаку, и русского, который осмелится отойти от своего окопа... - Помолчал и признался: - Они однажды стреляли даже в меня. Потому-то и ношу Почетного легиона на своей шкуре, чтобы видели - кого убивают. Французы совершенно забыли, что мы не аннамиты из их колоний, а союзники...

Из лазарета, держась за уседнее место, волчком выкрутился после укола майор Мочениго:

- Синьор Небольсин, вами интересовался генерал Сэррейль. Прощайте, меня ждет мой храбрый батальон!

- Арриведерчи, капитан, - ответил Небольсин, ломая в пальцах сухую ветку. - Вот он дурак, и такому легко, - добавил потом, когда Мочениго скрылся. - Ничего бы я так не хотел сейчас, Феодосис, как вернуться в Россию... Что там? Ведь живем тут, словно в бочке. Что стукнут - то и

слышим. Говорят, в Париже уже появились эмигранты! Бегут! А мой брат застрял в такой дыре, какую трудно себе представить. И способен на разные глупости. Потому что тоже дурак! И боюсь, как бы не бросил Россию. Не упорхнул бы тоже. Тогда оборвется все. Конец!

Где-то далеко-далеко крестьяне перегоняли отары овец, и белым облаком они скользили вдоль лесного склона, словно по небесам. Надсадно и привычно выстукивали тревогу пулеметы. Косо пролетел австрийский "альбатрос" разведчик.

- Ну ладно! - сказал Небольсин, следя за разрывами в небе. - Воевать все равно надо... А вот вчера у меня, представь, было первое братание. Мои ходили к болгарам. И вернулись пьяные. Что делать? Махнул рукой. Благо все-таки не к немцам же ходили, а к болгарам... Вроде свои - славяне. Да и ночь-то была какая - под самый сочельник... Я пошел.

- А если бы - к немцам? - в спину ему спросил Афонасопуло.

Небольсин резко остановился, бородку "буланже" завернул в сторону порыв горного ветра; глаза сузились.

- К немцам? Ты не пугай, Феодосис... Обратно в свой батальон я бы их не пустил. Одной лентой положил бы всех!

Афонасопуло крепко завинтил флягу с вином:

- Зачем же ты, Виктор, тогда насакивал на Свищова?

- А ты не понял? Очень жаль... - И пошагал дальше. Глава русских войск на Салоникском фронте, французский генерал Сэррейль, сказал Небольсину.

- Мой колонель! Эти странные большевики начали требовать от нас возвращения русских в Россию... Это, конечно, их дело. Но мы не с ними заключали договор о дружбе, и с большевиками вряд ли нам придется соприкоснуться далее. Исходя из этого, французское правительство целиком берет на себя все заботы о русских легионерах. Денежный оклад, питание, одежда и даже отпуска - там, где солдат пожелает. Скажите им, что всех их после победы ждет Ницца! Все это, конечно, при одном условии: вы, колонель, держите позицию до последнего вздоха...

Небольсин на это ответил, что его вздох - еще не вздох солдата. Русский человек словам не верит, ему нужна бумажка с подписью (а еще лучшее печатью), иначе солдаты будут думать, что все это выдумал он сам, - так же, как не верили они и в отречение императора, требуя письменных доказательств.

Сэррейль, смеясь, вручил ему копию приказа.

- Чья это подпись? - спросил Небольсин, приглядываясь.

- Героя Франции Петена, - ответил Сэррейль. - Итак, мой колонель,

присяга и долг остаются в силе.

- Относительно долга, мой генерал, вы можете не сомневаться. Но... присяги более не существует. Ибо наш император покинул престол, так и не попросившись со своей доблестной армией. Этот жест я расцениваю как добровольное разрешение каждого от присяги... Осталось только одно отечество!

- Но у вас было правительство, - заметил Сэррейль. - Пусть временное, но... Керенский жив: он бежал, и теперь его каждый вечер можно видеть в кафе Парижа.

- Какое мне до него дело? - ответил Небольсин. - Временному правительству я не присягал. Я отказался присягать ему. А большевики от нас присяги не требуют. Мы бесприсяжные!

Сэррейль был искренне возмущен:

- Русские - вы как дети! Как можно служить без присяга? У нас любая судомойка в полку знает, кому она служит.

- Я тоже служу, как видите. И, поверьте, мне даже известно - кому я служу...

Сэррейль посмотрел на офицера как-то обалдело и не стал более допытываться, кому же тот служит. Очевидно, решил генерал, русские отчаялись вконец и... с Россией покончено. К дележу победного пирога она уже не поспеет

* * *

Было холодно в блокаде под землей древней Эллады, под накатом из буковых бревен. Он лежал на топчане, укрытый шинелью, и память прошлого настойчиво продиралась сквозь сон: лица... голоса... улицы... рампа... книги... цветы. И очень много поцелуев женщин, когда-то в него влюбленных!

Да, ведь была жизнь - совсем иная. И вспоминалась она теперь, как ласка. Где брат?.. Он еще не забыл, наверное, адреса, где они оба так часто бывали по вечерам: Глазова, дом пять. Здесь жил когда-то "социалист его величества" (как говаривала Марья Гавриловна Савина) Николай Ходотов актер, красавец, друг Комиссаржевской и многих-многих пламенный друг. Приходи, ешь, пей, кричи, спорь - дом, открытый настежь для каждого. Спор о социализме вдруг прерывался ликующим: "Лидочка, только ты... только ты!" И вот красавица Липковская уже на столе. Взмах тонких рук. Улыбка - перлы океана. Вся она, огненно-гибкая, пляшет среди недопитых бокалов аринь-аринь (легко-легко), как пляшут баски. И раздвинуты стены квартиры басом Шаляпина; а в уголке Куприн, щурясь на всех узкими ироничными глазами, допивает десятую бутылку пива. И любезный Корней

Чуковский спорит об английской балладе с седовласым профессором. И все это, напоенное страстью, музыкой, обаянием и блеском, - все это когда-то было частицей и его жизни. Как страшно ощущать себя теперь лежащим глубоко в земле и чувствовать, как из-за уха, путаясь в волосах, ползет по тебе жирная, фронтовая вошь.

Чу! Запел вдали английский рожок - к обеду, и вошел в блокгауз солдат Должной, бренча "полным бантом".

- Разрешите приступить к раздаче винной порции?

- Да. Принеси и мне... знобит!

Выпив коньяку, Небольсин развернул нарядную румынскую конфету, спросил, хрустя карамелью:

- Должной! Ответь только честно. За что ты воюешь?

- А мне чего? - ответил солдат. - Я старый патриот России. Без меня ни одна драка не обходится. И кака бы власть на Руси ни была, мне все едино, лишь бы немцу морду вперед на сотню лет набить, чтобы он не разевал хайло на наш хлебушко!

- А другие? - спросил Небольсин.

- Другие... Очень уж хочется в новой-то России пожить. Устали... Скажи: "Домой!" - сразу два каравай хлеба на штык проткнут, на плечо вскинут и даже денег не надо. Пешком! Как-нибудь дохряпают.

- Далеко, брат, пешком-то!

- Так это как понимать, господин полковник, дальность-то эту? От России до Салоник - и верно, не близко. А вот из Салоник до России - всегда рядом будет..

Солдат ушел, и в блокгауз неожиданно свалился полковник Свищов. Отряхнул землю с синих кавалерийских рейтуз, вынул бутылку, мрачно сказал:

- Чем? Не зубами же..

Виктор Константинович достал из кармана складной ножик, выдвинул из него портативный штопор, нехотя протянул:

- За Ля-Куртин, где вы, полковник, испачкали руки русской кровью, я пить не стану... Можете не открывать!

Свищов со вкусом выдернул из бутылки пробку.

- Не грусти! - сказал. - Найдём и другую причину. За этим дело на Руси никогда не станет. Если голь на выдумки хитра, то алкоголь еще хитрее... Хотя, Небольсин, ты и нахамил мне в изоляторе здорово, но я, как видишь... пришел! Понимаю: чего на дурака обижаться? Нервы у нас у всех словно мочалки из больничной бани. Что же касается пачканья рук и прочего, то все мы здесь отъявленные убийцы. За это нас, к счастью, за решетку еще не

сажают. Но... Стаканы, где? Но, говорю, еще и деньги платят за это. Стало ремеслом! До войны вот, помню, когда на Невском давило человека трамваем, все бежали смотреть: как его раздавило? Суворин об этом писал передовые статьи, не забывая заодно жидов облаять. Вопрос ставился перед Россией так: спасите человечество от трамвая. А сейчас давят миллионы и... Слушай, Небольсин, побежим ли мы сейчас смотреть на попавшего под трамвай?

Небольсин скинул ноги с топчана, съежился под шинелью.

- Ну его к бесу... Я уже таких видел!

- Вот и я такого мнения. С нервами, как мочалки, мы закалены, однако, как крупновская сталь... Итак, позволь первый тост: за убийство вокруг и в нас самих... Причина?

- Бандитская причина, - сказал Небольсин, подхватывая стакан. - Но все равно... Чтоб тебя закопали!

- Чтоб тебя разорвало, - отозвался Свищов, не унывая. Они дружно выпили. Потом долго шевелили пальцами над столам, вроде отыскивая - чем бы им, грешным, закусить? Но стол был пуст, и ограничились тем, что налили еще по стакану.

- Поговорим, - сказал Свищов, раскрывая бумажник. - Побеседуем как русские люди... Душевно. Открыто. Свято! - Он шлепнул на стол десять рублей, чуть не заплакал: - Вот сидит на деньгах наша Россия, единая и неделимая... баба что надо! В кокошнике, в жемчуге, морда румяная. Ты погляди, Небольсин, как здорово нарисовано... Шедевр! За эту вот чудоженщину, что зовется Россией, мы с тобой и погибаем...

Коньяк глухо шумел в голове, отдавая в ноги.

- Нас предали, Свищов, - заговорил Небольсин, весь обостренный к звукам, побледневший от алкоголя. - Почитай немецкие газеты. При всей моей лютой (неисправимо лютой!) ненависти к проклятой немчуре, они все же правы в одном, черт их побери! Битва за Дарданеллы была выгодна для России. Но англичане, вместо прорыва на Босфор, открыли фронт здесь, в Салониках, и затычкой в эту щель, как и положено, засунули нас - русских! И теперь, когда турки лезут на Баку, когда немец готов сожрать Украину и Прибалтику, мы торчим здесь. А может, мы нужны там? На родине? Послушай, Свищов, не правы ли солдаты, что бегут? Нам ли сидеть сейчас здесь?..

- Дернем! - ответил Свищов, приглашая выпить, и потом сказал: Золотые твои слова, Виктор. Коста... станы... станкостико... Тьфу, ты, черт! Неужто ломаться даже от трех стаканов начал? Состарился - прощай, молодость.

- Не трудись. Зови меня просто Виктор.

- Так вот, Витенька, скажи: хочешь ли ты, чтобы великая Россия во всем своем неповторимом блеске всех в Европе переставила раком?

- Хочу, - поднялся Небольсин. - Да, жажду... Мы, русские, столь унижены сейчас. И я хочу отплатить за это унижение. Ибо веры в величие России не потерял... Выпьем, брат, за великий, умный, многострадальный народ русский!

Выпили за народ.

- Почему бы нам не поцеловаться? - спросил Свищов и нежно облобызал Небольсина, обнимая его за тонкую немытую шею. - Мы же русские... Русские! - добавил он, всхлипывая, и спрятал десять рублей обратно в бумажник.

Вот теперь полковник заговорил о деле:

- Небольсин, душа моя! Витенька... Сначала надобно раздавить врага внутри России. Лучшие умы родины, светила академической мысли, уже куют победу... на Дону! Добровольческая армия. Никаких тебе соплей нету! Нету! Приходишь сам. Вот как я к тебе пришел сейчас... Разрешите доложить? Такой-то... Добровольно! Присяга. Полковник - рядовым. Приказ. Зачитали. И сразу в строй. Слушаюсь. Вперед. Ура!

- А кто там? - спросил Небольсин.

Свищов загибал перед ним липкие от коньяка пальцы:

- Корнилов - русский Бонапарт... Алексеев, тот, косоглазый. Деникин! Лукомский, зять Драгомирова... Марков! Кутепов. Кто там еще? Ну, Дроздов Митька... Ты его знаешь?

- Нет. Не знаю.

- Так вот, он тоже там...

- И как же туда пробраться? - снова спросил Небольсин.

- Как? Через Месопотамию, где у англичан новая фронтуха заварилась. Персюки пропустят. Мы ведь не разбойники, слава богу. Почему не пропустить? Я немного по-персидски - шалам-балам, балам-шалам - знаю. Каспием - под парусом! Хорошо! Ну а там... Эх, брат Витенька, там-то балыков пожрем. Цимлянского нарежемся...

Шерочка с машерочкой

Гуляли по станице,

Лизавета с Верочкой

Играли ягодицами

- Поехали? - неожиданно закончил Свищов, оборвав пошлятину.

- Ты что? - вдруг протрезвел Небольсин. - Не допил? Кто же нас отпустит с позиций?

- Да пойми, - убеждал Свищов, - союзникам, чтоб они сдохли, только выгода, ежели мы большевиков со спины огреем... Дело пойдет! Головы-то на Дону собрались какие! Алексеев, Лукомский, да Корнилов... Наполеоны ведь новой России! А кто у большевиков? Назови - кого ты знаешь?

Небольсин пошатнулся на топчане, шинель сползла с плеча.

- Прррапоры...

- Вот! Да мы этих прапоров деревянной ложкой на хлеб мазать будем... Ну чего загрустил, Витенька? Решайся!

- Все это так, - ответил ему Небольсин. - Но куда денутся наши солдаты? Они же мне еще верят...

- Плюнь! - отвечал Свищов. - Сэррейль с Петеном их не оставят. Ты ведь ничего не знаешь здесь сидя. А вот американцы уже выделяют из своей армии курносых!

- Кого? Кого они выделяют?

- Всех славян. В особый корпус. Вот и твоих головорезов прицепят к этим американцам. "Великая славянская армия"! Это будут такие ухари, что мир дрогнет от ужаса.

- Нет, - сказал Небольсин и вылил себе в стакан весь коньяк из бутылки; выпил, съел конфету. - Нет, - повторил, - я останусь здесь. Про нас и так болтают по Европе вздор всякий... Говорят, будто мы разложились... Нет! Нет! Нет!

Вот когда коньяк двинул его по голове. Небольсин даже не заметил, как покинул его Свищов; с трудом вылез навверх из блокауза. Шатаясь, протиснулся в капонир. Дернул на себя пулемет. И ударил слепой ненавистной очередью прямо перед собой, куда глаза глядят.

- Именно здесь! - кричал в пьяном бешенстве. - Мы докажем всему миру, что русская армия не погибла. Она стоит! Существует! Без царя! Без Керенского! Без большевиков! Сама по себе! Ради отечества и победы...

Унтер-офицер Каковашин раскурил длинную сигару и сказал как мог.

- C'est epatant!{15} Но пошел он в... это самое! Эй, ребята, кто там ближе? Оторвите его от пулемета...

Должной навалился сзади, расцепил руки подполковника, до синевы сведенные на оружии.

- Ну, выпили лишку, - сказал хитрый солдат. - Ну, не закусили, как водится. - Но зачем же пулять, как в копеечку? Пойдемте, мсье колонель, я вас под накат оттащу.

В блокаузе Небольсин рухнул на топчан, потянул на себя шинель. Рука его обмякла и упала на земляной пол. Сама цвета земли. Очень красивая рука. Рука актера. Но грязная, с трауром под ногтями..

Это была агония...

В то время, когда по всей Советской стране был почти разрушен могучий аппарат царской армии, когда на смену ей, отжившей свое героическое прошлое, уже зарождалась молодая Красная Армия, - тогда в далеких Салониках, оторванные от родины, униженные, озверелые, еще служили Антанте русские легионеры.

Под вечер, когда Небольсин очухался, на позиции привезли коньяк "Ординар", бразильский кофе, апельсины из Туниса и хороший табак вирджинский.

Вирджиния - штат Америки, армия которой уже вступила в Европу, поначалу больше присматриваясь к тому, что называлось Европой. Армия сытая, неустомимая, прекрасно одетая, с великолепной техникой, звякающая над ухом нищей, разоренной Европы золотом...

Скоро эта армия будет везде.

Даже в Мурманске! Даже во Владивостоке!

Глава вторая

Британский военно-морской атташе капитан первого ранга Кроми встретил лейтенанта Басалаго в Петрограде.

- Понимаете, - сказал он, - подобно тому как борьба на Балканах зависит исключительно от Дарданелл, политическая жизнь России целиком во власти "железнодорожной" дипломатии. Потому я хотел бы обратить самое пристальное внимание Главнамура на сохранение за ним Мурманской дороги. И порта, конечно.

- Каково ваше мнение о мире? - спросил Басалаго.

- Официально мы находим, что Россия в том положении, в каком она находится сейчас, вправе поднять вопрос о всеобщем мире. Ленин - тверд. Но с первой же вестью о мире мы, очевидно, покинем Петроград. Всей колонией дипкорпуса! Куда? Это будет провинция. Я думаю - Вологда, поближе к вам. Вам же следует выждать время. Не раздражайте Совнарком излишне. Это ни к чему. Ну, остальное вы услышите от моего посла.

Дверь из соседней комнаты распахнулась, и на пороге предстал высокий худощавый англичанин лет тридцати пяти, не более; зачесанные назад темные волосы его блестели от бриллиантина, а белый воротничок, не скрепленный запонкой, выделял загорелую шею. Это был Роберт-Гамильон Локкарт, возглавивший недавно британскую миссию в России. Локкарт резко выкинул руку для пожатия и сразу заговорил на чистом русском языке:

- Это очень хорошо, что вы приехали. Я вас ждал. Что на флотилии? Когда вы в последний раз видели адмирала Кэмпена? Пожалуйста,

проходите... Мы будем говорить (взгляд на часы) восемь минут, после чего я вынужден уйти: в Смольном меня будет ждать мистер Троцкий...

В кабинете посла, служившем также и спальней, - только двое: худосочная секретарша в костюме хаки военного покроя и бледнолицый господин.

- Массино, - назвал его Локкарт. - Когда-то строитель военного аэродрома под Москвой, а ныне... ныне проживает жизнь по русским ресторанам.

Секретарша не сводила глаз с Басалаго, словно фотографируя его своими зрачками, а господин Массино, абсолютно равнодушный, листал русские газеты. Лейтенанту, честно говоря, было не по себе. Он глянул на часы: через две минуты Локкарт встанет, чтобы уйти...

- Мурманский консул Холл извещен подробно обо всем, что происходит в Архангельске, - говорил Локкарт. - Не буду скрывать от вас, что на Двине, напротив Сборной площади..

- Не Сборной, а Соборной, - поправил его Массино.

- Да, напротив Соборной площади в Архангельске поставлено на якоря наше судно "Эгба", имеющее дальнюю радиостанцию. Мы не придем в Архангельск, пока нас не позовут. Призвать же нас на защиту демократии может только демократическое правительство. Но нужны усилия с вашей русской - стороны. Например, в Петрограде существует "общество безработных офицеров", которое спекулирует керосином и спичками. А это опытные, боевые кадры. Они должны быть с вами, с вашим движением...

- Генерал Звегинцев... - глухо произнесла секретарша.

- Да, постарайтесь найти генерала Звегинцева, с тем чтобы он поступил на службу в Красную Армию. Звегинцев не успел запятнать себя "контрой", как говорят большевики, которые порою охотно принимают услуги кадровых военных. И в этом случае не откажут... Причин нет! Что еще? - спросил посол.

С улицы гугукнул автомобиль, и господин Массино вдруг протянул руку в сторону Басалаго.

- Ваши документы, - сказал он спокойно.

- Ну, мне пора, - поднялся Локкарт, прощаясь. Разбирая бумаги Басалаго, Массино спросил:

- Оружие при себе?

- Да.

- И, конечно, не заверено. Это нехорошо, - сказал Массино. - Советские порядки установлены прочно, и большевики строго следят за их исполнением. Завтра же зайдите в Военную коллегию Петроградского

Совета и, как офицер, служащий Советской власти, зарегистрируйте свое оружие. А документы у вас в порядке. Пожалуйста!

Снова появился капитан первого ранга Кроми.

- Я забыл вас предупредить, - напомнил он, понизив голос. - Нужны две тюрьмы...

- Где? - спросил Басалаго.

- Одна запланирована на острове Мудьюг, в устье Северной Двины. Для второй место выбрано подальше - на берегу полярного океана, в дикой бухте Иоканьга.

- Простите, но... для кого?

- Об этом еще рано говорить, Но "гости" будут очень высокие. За мистера Ленина я не ручаюсь, что его доvezут до Иоканьги. Но членам его Совнаркома еще предстоит услышать вой арктической метели... Кажется, все! сказал Кроми. - Прощайте. Надеюсь, что мы увидимся уже в Архангельске{16}.

Господин Массино сказал Басалаго:

- Я сейчас дам вам один адрес и пароль к нему. По этому адресу проживают господа не особенно-то вежливые. Но если вы сумеете им понравиться, они поведут вас и дальше. Здесь, в этом прекрасном городе торгуют не только керосином и спичками,.. Запомните: "В чем дело? Я был приглашен". Потом, в разговоре, добавьте "вик!" и коснитесь мочки левого уха...

Дверь не открывали, и лейтенант Басалаго молотил по филенкам каблуками.

- "В чем дело? - кричал он в щелку - Я был приглашен..."

Щелкнула задвижка, и на черную лестницу хлынул свет из прихожей. Открыла женщина - тощая, в желтом халате, рука ее была на отлет, а в тонких пальцах дымилась папироса.

- Кто там? - раздался мужской голос из глубины квартиры.

- Какой-то тип, - сказала женщина. - Мы его не знаем...

В прихожую вышел старик в пенсне. Постоял, о чем-то размышляя, и... браунинг из кармана Басалаго как-то очень ловко вдруг перешел в руки старика. Лейтенант растерялся.

- "Вик!" - сказал он, берясь за мочку левого уха. Старик подкинул браунинг в сморщенной ладошке:

- Нас на мякине не проведешь... Заходи!

Прошли в комнаты. Софа с атласным шелком. Возле абажура дремлет кошка. На столе разложена газета. Поверх нее - объедки воблы и корки хлеба. Неуютно, тягостно. Женщина погасила папиросу и тут же взялась за

другую.

- Ну, ты! - сказала она. - Откуда ты свалился, такой молодой и красивый?

Басалаго решил оставаться вежливым:

- Я приехал из Мурманска. Вот мои документы...

Старик с женщиной переглянулись - и дружно фыркнули.

- Ты бы хоть узнал, куда идешь. Здесь бумагам не верят.

- Но я действительно из Мурманска. И хорошо знаю, куда я шел... Нам нужны вы! Именно вы, способные передать нам опыт, вынесенный вами в борьбе с царизмом. Опыт, которого мы, бывшие слуги этого царизма, никогда не имели.

- Аукнулось! - сказала женщина и вдруг зевнула.

- Кто тебе дал наш адрес? - спросил старик.

- Господин Массино... строитель аэродромов.

В прихожей щелкнул американский замок. Вошел, оттирая замерзшие уши, крепкий человек, одетый в кожанку. Не глянув на Басалаго, он выложил на стол бомбу. Два пистолета. Кусок жареного мяса. Бутылку с водкой. И еще одну бомбу.

- Семь-пять, - произнес загадочно. - На Лиговке с заворотом на Кузнечный переулок. Машина серого цвета. Две досталось шоферу, а всадник откололся в подворотню вместе с портфелем... Кто это? - сказал он вдруг, показывая на Басалаго.

- Ты его знаешь? - спросила женщина.

Незнакомец в кожанке сел за стол, долго присматривался.

- На свалку его! - сказал. - Кто станет искать, тот и определит ценность этого субъекта.

- Однако от Массино, - сказала женщина, твердо гася окурок о крышку стола, среди объедков и оружия.

Эти господа эсеры разговаривали о Басалаго в его же присутствии, словно о вещи, нечаянно доставшейся им в наследство, - о вещи, которую не знают, куда поставить или кому подарить...

- Ты чекист, - неожиданно заявили ему.

- Да нет же! - возразил Басалаго. - Еще раз говорю, что пришел, чтобы протянуть вам руку. Вы нужны! Вы не верите мне, и я могу уйти ("Черта с два они выпустят", - подумал он). Но, на всякий случай, сообщаю, что ваши явки в Вологде давно уже нам известны...

- Докажи! - подпрыгнул старик.

- Доктор Лебедев, живет возле вокзала. Связь с британским консулом в Кеми Тикстоном вы ведете через Юровского...

- Докажи!

- Юровский, - продолжал Басалаго, успокаиваясь, - ему лет двадцать или чуть побольше. Маленький. На лице веснушки. Волосы выются. Рыжеватые.

- Вот тебе - и конец! - решительно объявил женщина, вставая.

- Мы не одиноки, - убежденно говорил Басалаго далее. - А вы... Да, отныне вы одиноки. Новая власть не признает вас. Одними бомбами и выстрелами вы ничего не добьетесь. Методы, пригодные при царе, теперь становятся, по определению большевиков, "контрой"... Не так ли?

- А что у вас? - спросил старик уже заинтересованно.

- А что вам, сударь, надо? - ответил ему Басалаго.

- Нам надо... Нам надо много! Почти все!

- Вот "все" вам и будет.

Человек в кожанке передвинул на столе бомбу:

- Врет. Не верить. Это провокатор из ВЧК!

- Постой, - придержал его старик и снова обратился к лейтенанту:

- Ты, мальчик, верткий... Скажи, а известно ли тебе, что чехословаки сейчас колеблются: куда идти - к вам, на Мурманск и Архангельск, или прямо во Владивосток?

- В любом случае, - ответил Басалаго, - Сибирь сомкнется с нами... Вы и мы! Идти нам врозь, но бить вместе.

- Даже афористично, - заметила женщина и вдруг улыбнулась лейтенанту чуть-чуть кокетливо; но тут же раскурила еще одну папиросу и поднялась: Посиди. Мы переговорим.

Басалаго долго сидел в одиночестве и гладил кошку.

Не тратя времени даром, он обдумывал, как шахматист, дальнейшие перестановки фигур. Ветлинский не мог сейчас помочь ему: все переговоры прослушивались, и надо было быть крайне осторожным, действуя исключительно на свой страх и риск. Ясно одно: люди есть. Если еще и господа эсеры примкнут к ним, тогда победа на севере обеспечена. К тому времени, когда на Мурмане установится краевая власть, Сибирь тоже отпадет от Петрограда. Важно: сомкнуться гигантской дугой с востока и севера России...

Дверь распахнулась - вошли эсеры. Сели.

- Ты, мальчик, чего домогаешься? Стать министром Северного правительства? Но кабинет в общих чертах нами уже составлен. И лишних, тем более лейтенантов, не требуется. Ты обратись прямо в Совет мелиоративных съездов{17}, именно в его северную секцию...

Басалаго кивнул, и старик сдернул с носа пенсне:

- У тебя, мальчик, хорошее зрение?

- Что мне надо - вижу.

Старик нацепил пенсне на нос начштамура.

- Тогда читай, что тебе надо...

Басалаго приник к лампе. Изнутри к стеклам пенсне были приклеены тончайшие пленки слюды, и на них какие-то знаки..

Через минуту он поднялся, возвращая пенсне старику:

- Благодарю. Я прочел, что мне надо... Относительно же Совета мелиоративных съездов скажу так: вы плохо извещены, господа! Я недавно выступал там с особым докладом. И со мною согласились, что на центральную власть нечего рассчитывать. Если мы желаем сохранить Мурман для лучших времен, то следует создавать полномочное краевое управление...

Басалаго покинул явку эсеров, и промозглая тьма быстро поглотила его. На пустынном Английском проспекте было жутковато.

Где-то вдали мерцал костер. Хрустя валенками по снегу, лейтенант дошел до костра, сунул к огню замерзшие руки. Двое дежуривших были закутаны до глаз.

Басалаго пошагал далее, но... остановился. Что-то знакомое было в глазах одного дежурного.

- Если не ошибаюсь, - сказал Басалаго, вернувшись к костру, - то передо мною... мичман Вальронд?

Мохнатый шарф, закрывавший лицо до самого носа, одним движением руки был опущен и...

- Женька! - сказал Басалаго.

- Что, Мишель?

- Греешься?

- Греюсь.

- Холодно?

- Холодно.

- Ну пойдем, - сказал ему Басалаго.

- Не могу. Дежурство до семи утра. Хоть тресни.

- Надо поговорить... Ты даже не представляешь, Женька, как можешь нам пригодиться. Где ты сейчас?

- Увы, состою при женщине.

- Ты все такой же... треплешься?

- А что делать?

- Сейчас-то как раз и делать... Где ты живешь?

- Вон дом, видишь? - показал Вальронд. - Вход с парадной, второй

этаж, квартира мадам Угличаниновой. Зайдешь?

- Завтра. Вечером.

- Жду! - крикнул в ответ Вальронд, и две тени снова застыли возле костра, который быстро таял в глубине улицы.

* * *

Еще в прихожей лейтенанта оглушил разноголосый гам. Куча детей таскала по коридору очумелую кошку. Дрова лежали грудой до потолка, забивая проход. Мокрое белье висело на низко провисших веревках, а из кухни доносился чад: жарили блины из горчицы на пушечном масле. Старинная барская квартира, выражаясь языком революции, была уплотнена...

Басалаго постучал в одну из дверей:

- Мне нужен Николай Иванович Звегинцев... Я не ошибся? Навстречу ему поднялся стареющий красавец с гвардейской выправкой, в узеньких коротких брючках.

- Вы не ошиблись. Но...

- Я тоже так думаю, - сказал Басалаго, затворяя за собой двери. Передо мною генерал-майор и командир тринадцатой кавалерийской дивизии...

После уплотнения комната генерала напоминала мебельный магазин, и старинные шифоньеры стояли один на другом - лишь бы побольше вместить, от остатков былой роскоши. Звегинцев вдруг разволновался:

- Все так ужасно, лейтенант. Места себе не нахожу...

Генерал вынул откуда-то большую бутыл с мутной жидкостью, весьма подозрительной. Широким жестом выставил ее на стол.

- Благодарю, - заговорил Басалаго опасливо, - но я не пью. Извините. У меня еще дела.

- Что вы, лейтенант! Я вовсе не предлагаю вам выпить. Это же карболка! Специально показываю вам: каждый раз, идя в уборную, я должен тащить туда и карболку, чтобы все вымыть перед употреблением. А когда я наконец выхожу из уборной, мне говорят: "Барин!" Ну скажите, лейтенант, вы человек благородный, где же предел издевательства над человеком?

- Николай Иванович, - заговорил лейтенант напористо, - я прибыл с Мурманска... Главнамур предлагает вам занять место технического инструктора при вооруженных силах.

- Мне? Лейб-гусару? И... техника?

- Ах, ваше превосходительство, - сказал Басалаго, - не все ли вам равно, как вас будут называть! У вас не будет ни техники, ни кавалерии. Вам предоставляется возможность снова обрести положение. Мундир.

Чинопочитание. Даже погоны!

- Голубчик! - удивился Звегинцев. - Да уж не с луны ли вы свалились? Откуда все это теперь в России?

- Все это скоро будет на Мурмане.

Звегинцев с тоской осмотрел свои шифоньеры.

- Вагон дадите? - осведомился деловито.

- Никаких вагонов. Добирайтесь до нас сами. Не афишируя. Приедете на место - все будет.

Звегинцев неожиданно рассмеялся.

- А вот, кстати, новенький анекдот о Троцком.

- Извините, - заявил Басалаго, - но я антисоветских анекдотов не слушаю. И вам не советую рассказывать.

- Но почему же? Такой остроумный...

- Вот именно. Ибо существует ВЧК, и нам совсем невыгодно, чтобы вас посадили до того, как вы переберетесь к нам. Приезжайте на Мурман и все анекдоты привезите с собой.

Звегинцев долго молчал.

- А как с восстановлением монархии? Что-нибудь слышно?

- Нет. На Мурмане мы вам царя не обещаем.

- А что же будет?

- Крепкая власть. Наша. И - союзники. Мы лишь звено в длинной цепочке взрывов, которые потрясут и угрожат большевистскую власть. Но это звено очень сильное. Оно сомкнет единый фронт с Сибирью...

Звегинцев выпрямился и вдруг засмутился:

- Один вопрос... нескромный... о командировочных. Мне, поверьте, даже не на что купить билет до Мурманска.

- Деньги? Но сейчас уже не покупают билетов.

- Не ехать же мне... генералу... зайцем!

- Ваше превосходительство, только зайцем и можно сейчас доехать. Бумаги для печатания билетов давно нет. Да и появись эти билеты в кассе их никто уже не станет покупать.

- Значит, зайцем? - задумался Звегинцев.

- Да. Сядьте в вагон и не выходите, иначе ваше место займут другие. Терпеливо ждите, когда вагон тронется. Будьте осторожны до Званки, в Петрозаводске вас уже будет ждать начальник вокзала Буланов, в Кеми британский консул Тикстон встретит как друга и снабдит всем необходимым. В Мурманске же вас ждет жизнь, отличная от этой. Мы вас не уплотним, а даже расширим...

- И все это оставить? - Звегинцев развел руками.

- Так и оставьте.

- Но... пропадет. Растащат! А на этом вот стульчике, на котором сейчас сидите вы, сживала когда-то сама княгиня Чарторыжская, урожденная фон Флемминг, мать знаменитого князя Адама Чарторыжского, сподвижника молодых лет Александра Первого.

Басалаго это надоело, и он встал:

- Ах, ваше превосходительство, все в истории относительно. Пройдет еще сотня лет, и люди будут говорить так: осторожнее, вот на этом стульчике сживал когда-то лейтенант Басалаго...

Звегинцев отвесил изящный поклон:

- Прошу прощения, но я так и не удосужился спросить вас о том, что стоит за вами...

- Управляющий делами Мурманского Совета депутатов рабочих, солдат и матросов! - представился Басалаго.

- Позвольте, позвольте... - вдруг побледнел Звегинцев. - В какую историю вы меня втягиваете, лейтенант?

- В историю, вершащую судьбу России! Мне, видимо, сразу надо было начинать с этого: вам, генерал, предлагается поступить на советскую службу. И впредь вы так и обязаны говорить, ежели спросят... Извините, но я вынужден покинуть вас: меня ожидает прием у зубного врача.

- Я могу предложить вам чудесные капли!

- Благодарю. Но мне надобно сменить пломбы...

* * *

Через некоторое время Басалаго уже сидел в зубном кресле напротив промерзлого окна, под которым лежали мокрые тряпки, собиравшие талую сырость с подоконника. Было холодно в кабинете. Наконец дантист появился и сразу ослепил Басалаго блеском зеркала, укрепленного над креслом так, что лейтенант не мог поначалу разглядеть лицо врача.

- Откройте рот... на что жалуетесь?

- Мне нужно сменить пломбы.

- Вот как! Кто вам это сказал?

- Мне сказали об этом в Вологде.

- Какие?

- Четыре слева.

- А что будет справа?

- Справа - Архангельск...

Яркий свет сразу погас, и доктор сказал:

- Нет ли у вас чего покурить?.. О, какая роскошь! - восхитился дантист при виде раскрытого портсигара. - Откуда?

- Египетские, из Каира. Прошу, забирайте все. У нас на Мурмане этого добра хватает. На союзников пока не обижаемся.

Сидя напротив Басалаго и загораживая заиндевелое окно, дантист долго курил молча. Накурился и сказал:

- Итак... начнем?

- Да. Необходимо пропустить через ваши "комитеты спасения" наших людей.

- Кто эти ваши люди?

- Офицеры... вас это не испугает?

- Отчего же? А цель?

- Они нужны там... на севере.

- Канала три, - ответил дантист.

- Знаю. Все три должны работать. Чтобы офицер, в одиночку Или в группе своих товарищей, знал, куда ехать, где переночевать, Где пересадка, где он будет накормлен. Вооружен.

Дантист спросил:

- Вам известно, что скоро два отряда ВЧК выедут на Мурман?

- Нет. Впервые слышу.

- Оно так. Командирами этих отрядов пошлют двух видных большевиков Комлева и Спиридонова, причем Комлев едет прямо к вам - в Мурманск. Вам предстоит потесниться.

- Мы их примем, - сказал Басалаго, - хотя это соседство и невеселое. Но раздражать Совнарком мы не станем... примем!

Дантист что-то прикинул в уме.

- Вам надо видеть Томсона, - произнес уверенно.

- Как я могу это сделать?

- Томсон! - позвал врач, и дверь открылась.

Из соседней комнаты (откуда до этого не доносилось ни единого шороха) вышел джентльмен, уже с брюшком, низенького роста, лысый, в хорошо пошитом костюме, при часах и жилетке.

- Томсон, - сказал он с порога, представляясь.

Басалаго пулей вылетел из страшного кресла.

- К чему этот маскарад? Георгий Ермолаевич, я узнал вас!

Это был кавторанг Георгий Ермолаевич Чаплин.

- Видите? - сказал он, доставая паспорт. - Английский... Спасибо королю. А что делать? Лучше уж быть живым англичанином Томсоном, нежели убитым русским Чаплиным... Итак, лейтенант, условимся: до победы над большевизмом я остаюсь Томсоном!

Басалаго поговорил с "Томсоном" минуты две и понял, что с этого

человека и надо было начинать все визиты. Здесь уже была организация, ладно скроенная на манер треугольника. Остриями этого треугольника являлись: Петроград - Вологда - Архангельск. В этот же день, в кабинете дантиста, треугольник заговора был преобразован в четырехугольник, и четвертым острием этого заговора сделался далекий Мурманск...

На прощание дантист снова ослепил лейтенанта рефлектором.

- Все-таки откройте рот... я посмотрю, что у вас. На Мурмане, случись больной зуб, и вы наплачетесь. Вот этот зуб, позвольте, я вам почию. Такой красивый молодой человек - и уже успели занять гадкие зубы... Где это вы так?

Губы лейтенанта были распялены толстыми холодными пальцами дантиста, в ответ Басалаго прозвучал так:

- а... оте...

- Понимаю, понимаю: на флоте.. Спокойно! - И дантист показал ему окровавленные клещи. - Его надо было вырвать, - сказал он.

* * *

Вальронд встретил его с распростертыми объятиями:

- Мишель, как я рад... Ядохну от тоски! Проходи. Моя неясная половина куксится. Поговорим наедине...

Обстановка была купеческого пошиба. Еще не уплотнили! Женька Вальронд катался по паркетам на вытертых валенках, поправлял ? печи дымящиеся сырые поленья, рассказывал:

- Мишель, а я дурак. Сам не пойму; зачем я тогда бежал с "Аскольда"? Правда, в мои двадцать шесть лет погибнуть глупо не хочется. Но что я сейчас? Кому нужен?

Басалаго его утешил:

- Правильно сделал, что бежал. "Аскольд" пришел в Мурманск, почти не имея на борту офицеров. Керенский прислал особую комиссию, но она побоялась подняться на борт крейсера. До сих пор не можем подыскать командира на "Аскольд", все пугаются его, словно холеры. И гнить бы тебе, Женечка, на дне северной Атлантики, где-нибудь возле Норд-капа!

- Может, оно и так, - согласился Вальронд. - Но тошно мне было... будто совершил предательство! Ведь матросы ко мне хорошо относились. Они меня даже в ревком избрали. Правда, я командовал караулом, когда были расстреляны четверо в Тулоне!

"Ах вот как! - быстро сообразил Басалаго. - Это хорошо".

- Погоди, Женька! Как ты выбрался из Англии?

- О-о, это было почти невозможно! Но, скажи, кому есть дело за границей до мичмана Женьки Вальронда? Я ведь не Колчак... только

мичман! И как можно прожить без России? Как? Решил вернуться. До Бергена сначала. Оттуда махнул в Швецию. Ну, когда увидел Ботнику - тут уже, близко. Через Финляндию, где меня два раза ставили к стенке... Что там творилось - ты не можешь себе представить. Резня шла дикая, без разбору.

- Как же ты выскочил из финского кошмара?

- Как? - хохотнул Вальронд. - С помощью барона Маннергейма. Группа таких бродяг, как я, обратилась к нему с посланием. Вроде слезницы! Мол, сукин ты сын, ведь мы знаем тебя за русского офицера гвардейской кавалерии... А твои - мясники, сволочи, наемники кайзера. Куда ты смотришь? Кого режете?

- Ну и что?

- Маннергейм спас нашу братию - в том числе и генерала Марушевского с женой... Владимира Владимировича! Того, что командовал нашими войсками во Франции. И вот, - закончил Вальронд, - как видишь, я здесь. Безработный офицер! Биржи труда для нас не существует, ибо Ленин торжественно закрывает эту войну. А меня выручила, естественно, женщина. Дежурю. Стою в очередях. Добываю керосин. Таскаю дрова из подвала. За это она меня кормит и даже, кажется, любит!

- А ты, - спросил Басалаго, - еще не предлагал своих услуг большевикам? Хотя бы как морской артиллерист?

- Боюсь, - сознался Вальронд, краснея. - Начнут трясти меня за холку, узнают всю подноготную и - к стенке... Я ведь еще полон сил. Жить хочется! Как будто и не глуп. Еще могу быть полезен. Флоту. Отечеству.

Басалаго еще раз окинул взглядом пышное убранство квартиры:

- Устроился ты неплохо...

- Еще как! - ответил Вальронд. - Мне просто повезло. Сегодня, поджидая тебя, я был на толкучке. И смотри, какое чудо... чистая ханжа!

Он выставил на стол бутылку - через стекло ядовито просвечивал адский денатурат.

- И заплатил недорого, - хвастал Вальронд. - Сущую ерунду. Всего два ордена: английский "За храбрость" и японский орден "Священного Сокровища"... Теперь выпьем!

Басалаго с робостью взялся за стакан с денатуратом.

- Слушай! А нас вперед пятками не вынесут? В могиле, как известно, похмеляться неудобно.

- Все равно... когда-нибудь да вынесут. Пей! Сначала тебя всего перевернет. Потом будет благородная отрыжка с запахом гнилой кожи. Но зато далее ты испытаешь настоящее блаженство, и не надо тебе никаких

гурий... Понеслась? - спросил Вальронд.

- Понеслась! - Басалаго испытал все, что наобещал ему Женька, и с трудом отдышался. - Это здорово... - сказал задумчиво. - А вот у нас на Мурмане коньяк, любое вино!

- Ну, - подхватил Вальронд, - вы же проклятые аристократы. Буржуи недобитые. До вас революция еще не добралась.

- Да и добраться-то, - засмеялся Басалаго, - трудно... Закусывая денатурат вонючей хамсой, утисканной в роскошную фарфоровую супницу, Женька спросил:

- Помнишь Дрейера?

- Николашу?

- Да, Николашу, которому за его любовь к марксизму не дали на выпуске из корпуса мичмана.

- Помню, - ответил Басалаго. - По чести сказать, мне его тогда жаль было. Все получают кортики, а ему, словно оплеванному, поручика бац на плечи! Тьфу... Кстати, я знаю, где он сейчас. У нас. На военном ледоколе "Святогор".

- Так вот, - подхватил Женька, - я частенько о нем вспоминаю. Бывало, еще юнцами, сцепимся мы с ним. Мне ведь (ты знаешь) до марксизма этого никакого дела! А он убежден был. Крепко стоял...

- Крепко, говоришь? - спросил Басалаго.

- У-у-у... очень. Он верил. И вот теперь, вспоминая о Николаше, я часто думаю: ведь он оказался прав!

- Кто прав?

- Да Николаша Дрейер.

- С чего ты взял, Женька, что он был прав?

- Ну как же! Революция произошла. Как по писаному. Пролетарская, черт бы ее побрал... Почему хамсу не ешь? Она вкусная.

- Раздавим, - сказал Басалаго, отворачиваясь от хамсы.

- О! Ты, я вижу, тоже индивидуум убежденный.

- Да, - согласился Басалаго. - Почти как твой Николаша. Только в другую сторону...

Выпили снова, и Басалаго заговорил о деле:

- Женька, бросай свою хамсу вместе с бабой и - к нам! Хватит! Постыдись. Ты ведь был плутонговым. В твои-то годы...

- Да. Если бы не революция, быть бы мне уже лейтенантом!

- Вот видишь. Приезжай к нам. И будешь лейтенантом. Верь: нам нужны люди... Сейчас все изменится. Ну что ты волинишься с какой-то купчихой? Брось ее к черту... Мы тебя ждем!

- Тебе легко, - ответил Вальронд. - Ты прикатил с Черного, тебя на Мурмане никто не знает. А появишься я на "Аскольде", мне сразу матросы предъявят счет... И - за борт!

- У тебя какие-то кронштадтские настроения. У нас за борт не кидают. Даже в погонах ходим. Не хочешь на "Аскольде" - не надо, всегда найдется работа при Главнамуре... Что тебе тут? За керосином ходить? За дровами в подвал лазать? Глупо ведь.

- Конечно, глупо, - ответил Вальронд. - Давай еще рванем этой голубой декадентской прелести! Я уверен, что Лермонтов, когда писал "Демона", ничего не пил, кроме чистого денатурата. И ты не удивляйся, Мишель, если я потом спою тебе: "И в небесах я вижу бога, и счастье готов постигнуть на земле..."

Отдышавшись после третьего стакана, Вальронд сказал:

- Не могу избавиться от одного ощущения. Весьма странного. Мне кажется, все это временное. Наступит момент, когда в дверь постучат и скажут: "Товарищ Вальронд, во фронт! Советская власть призывает вас на службу". А?

- Все так и будет, как тебе снится, - ответил ему Басалаго. Раздается звонок, ты бежишь открывать двери, там стоит Чека, и тебе говорят: "Ах это вы, гражданин Вальронд? Вот вы нам и попались. Советская власть призывает вас к ответственности!"

- Да ну тебя... не каркай! - загрустил Вальронд.

- По рукам? - спросил Басалаго. - Нам ждать тебя?

И в этот момент (самый решительный) дверь распахнулась. На пороге стояла толстая женщина с нависшими, на кружевной воротник брылями сизых щек. Крохотные бриллианты сверкали в мочках ее ушей, раскаленных от бабьей ярости. Это была мадам Угличанинова.

- Я все слышала, - заговорила она басом. - Но что это значит? За все мое добро, Эжен, вы... Если вы мужчина, Эжен, то вы не покинете меня, одинокую женщину!

Женька Вальронд встал:

- Мадам! Из чего состоит каждая женщина?

- О?! - И брови "мадам" взлетели в удивлении.

- Женщина, как утверждает профессор Скальковский, всегда и неизменно состоит из тела, из платья, из паспорта.

- О! Эжен... Эжен... как вы можете?

- Из чего состоит мужчина? - продолжал Вальронд. - Мужчина состоит из тела, из подштанников и тоже из паспорта. Но, в отличие от женщины, он еще имеет воинский билет. И вот эта последняя бумажка иногда

способна заставить мужчину расстаться с женщиной - даже с такой очаровательной, как ты, моя непревзойденная прелесть!

Мадам Угличанинова добежала до кушетки и хлопнулась в обморок. Женька Вальронд произнес сквозь зубы:

- И вот так каждый день. Жить подло надоело. Ладно. Жди! Я приеду на Мурман. А сейчас я подставляю ножку Леониду Собинову, чтобы не слишком он зазнавался... Слушай:

И в небесах я вижу бога-а-а,

И счастье-е постигну-у на земле...

Глава третья

В штабе Главнамура обнаружена кража - пропали все карты Варангер-фиорда и районов Печенгского монастыря. Сначала неуверенно, потом уже смелее обвиняли в пропаже лейтенанта Мюллера-Оксишиерна, ушедшего в Финляндию, которая недавно получила самостоятельность.

- Возмутительно! - негодовал Ветлинский. - До чего же мы мягкотелы... Большевики правы, что не полагаются на офицерскую честь. Мы погнушались обыскать личные вещи Оксишиерны. А надо было это сделать, отбросив к черту перчатки ложного благородства...

Потом стали ломать голову: почему пропали карты именно одного пограничного района? Как раз того участка, который примыкал к северной Финляндии и Норвегии (его охранял когда-то отряд полковника Сыромятева)? Вывод был неутешителен: барон Маннергейм наверняка, пользуясь смутой, начнет расширять свои владения, и его "мясники" (егеря-лахтари) попрутся и сюда, отыскивая выход к полярному океану...

Басалаго вернулся в Мурманск как раз в те дни, когда в Брест-Литовске возобновились мирные переговоры с немцами.

Басалаго доложил Ветлинскому обо всем, что ему удалось вынюхать в Петрограде (о многом он просто умолчал, ибо многое сделал такое, что Ветлинский и не просил его делать); лейтенант настойчиво пытался вселить в контр-адмирала уверенность, что дни Советской власти уже сочтены.

- Надо, - говорил он, - сохранить Мурман для России лучших времен. Мы сами по себе бессильны, и вы, Кирилл Фастович, это знаете и без меня. Только союзники, только их флот, только их вмешательство могут спасти нас!

- Даже бессильные, - отвечал Ветлинский, - одиноко сидя на этом берегу, мы являемся залогом того, что Мурман принадлежал и будет принадлежать России... Для лучших или для худших времен - я того не знаю. Достаточно мы уже зависим. Не хватит ли? Дальнейшее

проникновение англичан на наш север может обернуться катастрофой.

Басалаго был взбешен упрямством главнамур.

- Но союзники, - выкрикнул он, озлобленный, - не могут доверять нам, пока в стране царит анархия! Если мы сами не позволим им, они будут вынуждены вмешаться силой. Лучше иметь с ними дело как с друзьями, нежели как с хозяевами... Поймите! - горячо доказывал начштамур. - У них уже определены зоны влияния: Франция берет на себя юг России, Англия - север, японцы будут на Дальнем Востоке, американцы будут везде. Разве можно простить большевикам позор Бреста?

- Нельзя! - согласился Ветлинский. - И я солидарен с вами в одном: мы должны встать в горле Советской власти словно кость. Чтобы она продохнуть от нас не могла! Но... Я уже говорил и повторяю снова: англичан, как и немцев, мы должны отринуть от наших дел, насколько это возможно. У нас две угрозы: власть Ленина и власть интервенции, которая надвигается на нас незримо и таинственно.

- Добавьте сюда, - сказал Басалаго, - угрозу немецкого вторжения и угрозу финских егерей под командованием Маннергейма!

Карандаш выпал из руки контр-адмирала. Ветлинский нагнулся, долго шарил под столом. Выпрямился, и лицо было бледным.

- Черт возьми! - заорал он, теряя самообладание. - Чего вы хотите от меня? Куда вы толкаете Главнамур? Я скорее подчинюсь Совнаркому Ленина, но только не власти морской пехоты его королевского величества... Теперь вам все понятно?

- Все, - ответил Басалаго и вышел, хлопнув дверью. Идти было недалеко - до консульства.

...Уилки отложил в сторону журнал и потянулся на койке всем телом.

- Опять? - спросил.

- Да. Опять. Он несгибаем.

- Главнамур?

- Он.

- А ты до конца все продумал?

- Сколько мог, - ответил Басалаго.

- И что будет вместо Главнамур?

- Народная коллегия...

Уилки подумал и легко скинул ноги с койки.

- Садись, - сказал. - Выпьем. У нас есть немало способов, чтобы согнуть его... Ответь: а ты готов?

Басалаго искривил губы - нервно.

- Что спрашиваешь? - сказал раздраженно. - Дело не во мне. Надо

сохранить Мурман для лучших времен!

Уилки звонко чокнулся с начштамуром.

- Готов! - засмеялся он и выпил виски.

* * *

Был вечерний отлив, и могучее течение через весь Кольский залив выносило в океан фуражку флотского образца. Новенькую, с блестящим ремешком, а вместо кокарды, словно в насмешку, чья-то рука прикрепила игрушечного петушка-шантеклера. Павлухин глядел вслед фуражке и ждал, что она потонет. Но, коснувшись борта крейсера, она закачалась дальше. Выбежал с палубы Васька Стеклов, стал мочиться с высоты борта в море.

- Скотина, - сказал Павлухин. - До галюна не добежать?

- Добеги... - ответил буфетчик. - Там вода в фанах замерзла. Надо будку делать на палубе. Вроде бы как в деревне. А не то всем табором по нужде на линкор английский ходить... Мол, примите, мы ваши союзники. Вот будет потеха!

- Дурак ты, - ответил Павлухин; долго он всматривался в черный, словно обугленный, берег; кости скал выпирали над водою, тоже черной. Англичане-то, - сказал даже с завистью, - дело свое знают. У них порядок... какого нам не хватает!

Настроение у парня было отчаянное. Сколько ни выдавай резолюций - все едино: проваливаются, будто в яму худую. Флотилия подхватит резолюцию с голоса "Аскольда", а как дело до Совета дойдет, там сидят шверченки да ляуцанские и сразу - "шабаш, весла!". Басалаго слушают: куда прикажете?..

"Горшки с трупешниками, - думал он про корабли. - Разве это команды? Клопа и того лень раздавить стало. Выдохлись". И поднялся на опустелый мостик, - вахты уже никто не нес. Раскрыл заиндевелый кранец. В гряде биноклей, покрытых инеем, отыскал бинокль Ветлинского - с цейсовскими чечевицами.

Качались вдалеке пустые суда флотилии. Пушки с них уже сняли и пропили, а борта краснели от ржави. Кое-где еще таял дымок над трубами. "Блины пекут, паразиты!" - догадался Павлухин. Это уже не корабли - из котлов вынуты трубки, и с ними покончено. А вдоль полосы причалов притулились тощие плоскобокие миноносцы. Полощется над их палубами выстиранное белье. Кальсоны - нашенские, а тельняшки в крупную полоску французские, кажется. А вот и "Чесма" - посудина что надо. Но редко откинется люк: выскочит матрос, зашмыгает до камбуза сапогами.

Потом промчится обратно с чайником и захлопнет люк над башкою. В кубриках тепло берегут, ибо котлы с подогрева уже сняты: англичане

перестали давать уголь. Словно дворники, матросы колют по утрам дровишки на палубах...

Павлухин опустил бинокль и тяжело вздохнул:

- Пропала флотилия... Голыми руками бери!

Дежурный катер-подкидыш, торкая мотором, обходил рейд.

Собирал "гуляльщиков". Подошел он и к борту "Аскольда".

- Эй, - окликнули, - кто до берега на гулянку?

- Я, - ответил Павлухин и прыгнул на катер.

В сборном доме, связанном из листов гофрированной жести, размещался Мурманский совдеп. Чадно было от дыма, будто горели тут. Павлухин долго "тралил" по коридорам, среди гибло перекошенных дверей, которые трескали филенками, как пулеметы. Метались среди этих дверей матросы и солдаты. Прикуривали один у другого, трясли руки "по корешам", махали бумагами:

- Шверченко подписал, теперь за Юрьевым дело... бегу!

- На "Бесшумном" двое ножиками порезались. Как судить?

- Лейтенанта Басалаго кто видел? На подпись к нему ба-а...

- Кто хочет кишмишу? Команда героического линкора "Чесма" меняет кишмиш на картошку...

И вся эта подлая житуха, где кишмиш да ножики, где Юрьев да Басалаго, - все это претендовало на звание "Советской власти". Дуракам казалось, мол, достигли! Сознательные граждане, мы сами сознательно собой управляем.

Наконец Павлухин добрался до Юрьева... Сел.

- Здравствуй, товарищ, - сказал Юрьев, продолжая быстро писать. - Я сейчас... - Закончил писанину, прилепнул сверху кувалдой пресс-папье и глянул на матроса холодными, спокойными глазами. - "Аскольд", - прочел на ленточке. - Ну давайте...

- Чего давать-то? - обалдел Павлухин.

- Бумагу... Вы на подпись пришли?

- Да нет. Я так... поговорить.

- Говорить некогда. Это при старом режиме болтали, потому что им деньги за словеса платили. А сейчас - дело! Давай дело и отматывай на всех оборотах, чтобы только пена из-под хвоста пшикала... Вот как надо сейчас!

- Постой, товарищ. Не пшикай сам. - И Павлухин поплотнее уселся на дырявом венском стуле. - Говорить придется, и даже за слова денег не получишь. Разрушен флот, корабли наши гибнут... Кому это выгодно, товарищ Юрьев?

- Немцам, - ответил Юрьев, не смигнув.

- Верно. Немцам. А еще кому?

Юрьев нагнулся под стол, высморкался в мусорный ящик, где копились горой черновики решений совдепа, выпрямился и растряхнул в руке чистый платок.

- А ты кто такой? - спросил.

- Павлухин я...

- Ах, вот ты кто. Знаю, знаю. О таком баламуте слышаны.

Юрьев перегнулся через стол, отодвинув чернильницу, и теперь рядом, со своим лицом Павлухин увидел крепкий подбородок боксера, журналиста и клондайкского бродяги.

- Разруха, говоришь? - усмехнулся Юрьев. - Да вас, сукиных детей, всех с "Аскольда" к стенке поставить надо.

- Вот и договорились, - откачнулся Павлухин.

- А кто повинен в разрухе? - гаркнул Юрьев. И сам же без промедления ответил: - Вы, сучье ваше мясо... Кто убил офицеров на переходе из Англии? Чего твоя нога пожелает? Мурка, моя Мурка! Завернись в колбаску, для революции отказу с любого фронта нетути... Так надо понимать позицию вашего крейсера?

- А твою понимать? - спросил его Павлухин. Медленно, словно удав, облопавшийся падалью. Юрьев переполз через стол обратно. И заговорил:

- Чего ты прихлебался ко мне? Пожаловаться, что в кубрике холодно? А что тебе Юрьев? Дрова таскать на себе будет? Вижу, - добавил спокойненько, - сам вижу... Мне с берега все видать. Тип-топ - мокро-топ! Я ваш "Аскольд" с этого места галошами утоплю. Юрьев правду-матку режет. Вы - анархисты все, предатели революции, вы сами повинны в гибели кораблей флотилии!

Павлухин вскинулся, заливхитил бескозырку на затылок.

- Трепло ты! - сказал он Юрьеву. - С анархистами нас не пугай. И не тебе учить, как нам умирать за свободу...

- Сядь! - велел ему Юрьев. - Чего бесишься?

- Сиди уж ты, коли тепло тут в совдепе топят да мухи вас не кусают. Ты, видать, Советскую власть только во сне видел.

Юрьев вскочил - плечи растряс, широкие.

- У нас демократия не лыкова! - сказал. - Могу и в ухо тебе врезать, как товарищ, товарищу, по-товарищески.

- Про боксерство твое слышали. Ежели еще слово, так я тебя этим стулом по башке попотчую...

Юрьев вернулся за стол, посмеялся.

- Давай, отваливай... по-хорошему, - сказал.

- Я вечером докажу, - заявил Павлухин, опуская стул на иол. - Докажу, на что мы способны... Ты нам галошей грозишь? Я тебе из главного калибра все бараки здесь на попа переставлю.

И, раздраженный донельзя, так саданул за собой дверью, что она заклинилась непоправимо... Поднявшись на борт "Аскольда", Павлухин - еще в горячке - домчался до кают-компаний. В стилой каюте, замотанный одеялами, лежал, словно мертвец, мичман Носков. Павлухин принялся: так и есть несет как из бочки. Дернул дверцы шкафчика. Вот оно, изобретение нового Исаака Ньютона: баночки да колбы, и течет по капле "мурмаником"...

Разворошил Павлухин одеяла, тряс мичмана за плечи:

- Мичман, да очухайся! Тебе ли пить? Молодой еще парень. А затынул горькую. Обидели тебя? Пройдет обида... Вставай!

- Не надо... спать хочу, - брыкался хмельной трюмач.

- Надо, надо, мичман! - Вытащил из духоты на палубу, полной пригоршней хватал Павлухин снег с поручней, тер лицо и уши трюмного специалиста. Ожил? - спрашивал. - Ожил?

Потом давал сам дудку - выводил рулады над кубриками, а оттуда крыли его почему зря. "Чего будишь?" - орали из темноты, словно из могилы.

- Вставай все, кто верен революции. Пошел все наверх! Было трудно. Очень трудно было вырвать из апатии людей, осипших от простуды и лени, заставить их снова взяться за привычное дело. Павлухин схватил широкую лопату из листа фанеры, сгребал за борт сугробы снега с палубы. Кочевой срывал чехлы, заледенелые, словно кость, - холодно глянули на божий мир, прощупав полярное естество, орудия крейсера.

Громадный ежик банника с трудом затиснулся в дуло. С руганью протолкнули его в первый раз. Тащили обратно силком: не поддавался, заело от грязи и ржави. Выплеснули на ежик полведра масла. Вставили снова.

- Пошла, пошла, пошла? - кричали (уже азартно). Павлухин, скользя по палубе, тоже налегал на шток банника.

Выскочил шток разом, и сорок человек кубарем покатались с хохотом. Смех - дело хорошее... Глянул наверх - там Кудинов уже метет с сигнальцами снег с мостика. И вот ожила оптика приборов - защелкали визиры дальномера.

- Давай-давай, шпана мурманская! - стали подначивать.

К вечеру все должно сверкать. Корабль медленно преображался.

Ваську Стеклова пинками погнали на камбуз, чтобы заварил в кипятильниках свежий чай. Павлухин верил: это только начало; ребята не дураки, самим понравится. И вот один уже стянул с головы шаль, скатал ее потуже, сунул за рубаху.

- Чего это я? - застыдился вдруг. - Словно баба.

- Бушлаты! - покрикивал Павлухин, летая с палубы на палубу. - Оркестр наверх! Давай веселую - жги... Как она называется? - Он забыл, как называется марш.

Вышли музыканты с мордами, распухшими от безделья. Всего четверо. Разложили свою музыку по борту. Капельдудка спросил у Павлухина:

- Из "Мефистофеля" композитора Бойто... можно?

Жужжащий прожектор ударил в небо. Внизу, в машинах крейсера, запело динамо.

Выбрался мичман Носков наверх:

- Машину на подогрев? А проворачивать будем?

- Будем, мичман, проворачивать... Пусть видят: дым!

Между Главнамуром и английским "Юпитером" началась переписка фонарем Ратьера: вспыхивали и угасали тревожные проблески. Эти проблески были узкими, точными, прицеленными. Их могли прочесть сейчас только Басалаго и только адмирал Кэмпен! Наконец Главнамур не выдержал - и пост СНИС ударил прямо в рубку "Аскольда" сияюще-голубым лучом прожектора.

- Эй! - крикнул с высоты мостика Кудинов. - Главнамур спрашивает: что у нас происходит?

- Сейчас ответим, - сказал Павлухин. - Носовой плутонг - товсь!.. Холостым... прицел... целик... Ревун!

Башня, вздрогнув, осиялась вспышкой огня, и снаряд оторвал угол скалы, нависшей над заливом. Высоко всплеснула вода.

- Я сказал - холостым! - повторил Павлухин в микрофон.

Башня помолчала, и вдруг в трубке кто-то хихикнул:

- А мы боевым, чтобы все видели... Знай наших!

Вечером уже и настроение было лучше. В кубриках светло, чисто. Даже бриться стали. Трюмные с паяльными лампами растапливали лед в фановых трубах. Ложились спать как в былые времена: койки стелили исправно. Присев с краешка стола, Павлухин составлял расписание вахт - наружных и внутренних... Было уже поздно, иные - постарше - давно легли. Красные отсветы плясали среди труб, магистралей и брони.

И вдруг оборвало тишину отсеков - бравурно гроыхнуло из кают-

компании взрывом рояля. И разом опали грохоты, и полилась навзрыд - такой печалью музыка! Кто-то (таинственный) играл в заброшенной кают-компании. Не баловался, нет, - играл. По настоящему. "Кто?.."

Взволнованные, поднимались матросы. Вся команда крейсера неслышно сходилась к офицерской палубе. А там горела на рояле свеча. Перед инструментом, простылым и забытым, сидел какой-то плюгавец мужичонка. В тулупчике, в шапчонке с ушами, которые болтались тесемками. Откуда он взялся? с каким катером? - никто не слышал. Не привидение - человек, и бутылка коньяку стояла перед ним на лакированной крышке рояля. И трепетала свеча, и пламя ее отсвечивало на боках дареного в Англии самовара.

Стояли. Слушали. Ни шороха.

В темные глубины люков, в придонные отсеки крейсера, где затянута льдом вода на три фута, до самой преисподни погребов, где копится для боя гремучая ярость тринитротолуола, сочилась сейчас, затопляя все, торжественная музыка. Казалось, человек этот ничего не замечает, ничего не видит. И матросы не мешали ему: пусть играет... Это для души хорошо.

И резко оборвал! Налил коньяку, а рука дрожала. Глянул в темноту, где затаили дыхание матросы.

- Это был... Рахманинов! - сказал неожиданно. Смахнул с головы шапчонку, бросил на диван тулупчик, под которым оказался мундир капитана второго ранга. Даже погоны!

- Моя фамилия, - назвал гость, - Зилотти. Нет, не бойтесь, ребята, я не немец - я русский. И прислан Главмауром на должность командира крейсера. - Отпил коньяку, прищелкнул языком: - Не буду скрывать, что я бежал от большевиков... с Балтики! - И тронул клавиши, любовно: - А рояль у вас расстроен.

Матросы деликатно промолчали, и тогда кавторанг добавил:

- Обещаю, что мешать вам не стану. Но и вы мне тоже, пожалуйста, не мешайте. Впрочем, когда я играю, можете приходить и слушать. Только тихо...

Это был человек растерянный и потрясенный. Его можно было сейчас повернуть как хочешь. Уже по первым словам Зилотти стало ясно, что он не враг матросам. Бежали от большевиков разное (иногда бежали, когда совсем и не надо было бежать)..

В полночь - резкий стук в двери салона.

- Да-да, войдите! - разрешил кавторанг.

Павлухин вошел в каюту салона и заметил, что Зилотти выдернул из-под подушки пистолет.

- А я к вам с добром, - сказал Павлухин.

- Извините, - смутился Зилотти, пряча оружие. - Но об "Аскольде" так много ходит дурных слухов.

- Отчасти правда, - кивнул Павлухин. - У нас расстроен не только рояль. У нас расстроена служба. Если вы приложите старания, чтобы наладить боевую службу на крейсере, то мы вас, гражданин кавторанг, всегда поддержим...

- Кто это вы?

- Мы - команда крейсера. И мы - большевики.

- Много вас здесь?

- Я... один. И трое сочувствующих. Остальные вне партии, но примыкают к Ленину... Я не шучу, это правда!

Зилотти до самых глаз натянул на себя одеяло.

- Служа, я могу быть только очень требовательным.

- Требуйте... "Аскольд" служит революции!

- Но я бежал от революции. Я бежал от нее...

Павлухин показал рукою на черный квадрат салонного окна:

- Дальше бежать некуда. Здесь Россия кончается, мы живем с самого ее краешка. Дальше - океан, и... все! Амба!

На следующий день дали побудку в семь ("Вставать, койки вязать!"). Был завтрак - на спущенных столах. Нарезали хлеб пайками; одна банка корнбифа на четверых. Ну еще сахар.

Павлухин велел Ваське Стеклову отнести порцию в салон.

- Не спорить! - сказал он. - Командир есть командир! Он имеет право сидеть не за одним столом с нами.

Как всегда, ехали с берега спекулянты, "баядерки" и базарные бабы. "Аскольд" не принял катер под свои трапы.

- Отходи! - велели с вахты. - У нас анархии нету!

- Чтоб ты потоп, проклятый! - ругались бабы, и катер потащил их на "Чесму" (там волокитничали по-старому).

...В штабе Главнамура - в который уже раз! - обсуждался вопрос о полном разоружении "Аскольда". Естественно, дело передали в Мурманский совдеп.

- Можно? - спросил Юрьев.

- Вы уже вошли, - недовольно заметил Зилотти.

Юрьев размашисто отряхнул с кепки растаявший снег.

- Демократическая привычка! - засмеялся. - Вхожу смело.

- Очень дурная привычка, - ответил кавторанг; он не предложил ему сесть. - И так? - сказал, поглядывая с недоверием.

Юрьев выложил перед ним бумажонку.

- Что такое? - спросил Зилотти, не читая.

- Резолюция Мурманского совдепа...

- О чем она?

- Совдеп постановил: крейсеру "Аскольду" сдать боезапас на базу полностью, под расписку Чоколова, начальника базы...

"Вжик-вжик" крест-накрест - и резолюции не стало.

Зилотти швырнул обрывки под стол.

- Еще что? - спросил. - Нет, нет, не нагибайтесь. На это есть на кораблях вестовые - они все подберут... Вы не лакей?

Юрьев выпрямился, задыхаясь от гнева.

- Вы... вы... За мною стоит Советская власть! - выпалил он. - А что, интересно знать, стоит за вами?

- За мною... За мною команда крейсера первого ранга "Аскольд", которым я имею честь командовать. И за мною, как это ни странно звучит, большевистская резолюция ревкома этого крейсера: боезапас НЕ СДАВАТЬ!

Юрьев уже отвык от унижительных положений, его даже зашатало.

- А как вы, сударь, думали? - закричал на него Зилотти. - Ваш дурацкий совдеп чего желает? Чтобы я командовал пустой коробкой? Ваша резолюция это предательство интересов России!

Юрьев повернулся к дверям.

- Стойте! - задержал его Зилотти. - Вы куда?

- На берег.

- Посторонним лицам, - отчеканил кавторанг, - не дано право самостоятельно разгуливать по кораблю. Это не бульвар! Я вызову рассыльного, и он проводит вас до трапа.

В сопровождении вахты, словно под конвоем, Юрьева довели до трапа. Внизу прыгал, стуча обледенелым бортом о привальный брус крейсера, главнамурский истребитель. Юрьев еще раз с сомнением оглядел чистую палубу "Аскольда".

- Мы эту самостийную лавочку прихлопнем! - сказал на прощание. - Гуд бай, братишечки... - И укатил.

Глава четвертая

Брестские переговоры о мире, которые возглавлял с советской стороны наркоминдел Троцкий, имели несколько ступеней, и с каждой ступенькой все наглее становились немецкие генералы. Казалось, еще немного, и терпение русских лопнет: молодая страна снова развернет штыки на кайзера.

Этого ждали и бывшие союзники России. Решительно вмешаться в русские дела они пока не могли: Западный фронт против Германии еще потрескивал, весь в рискованных изломах, - Антанте очень не хватало сейчас именно русского выносливого бойца на фронте Восточном.

Но позиция Ленина была тверда: мир!

Впрочем, мир еще не был подписан. Требования Германии становились невыносимы и...

- И не надо ругать большевиков, - сказал Уилки. - Выругать их мы всегда успеем. Наоборот, надо изыскивать всевозможные случаи для контакта с ними. Кто знает? Нервы большевиков могут не выдержать, они лопнут, и тогда у Ленина останется лишь один путь: в союзе с нами продолжать войну до полной победы...

Адмирал Кэмпен ответил Уилки:

- Я могу только уважать господина Ленина. Видит бог, Ленин христианин лучше всех нас! Но его заповедь нам ни к черту сейчас не годится! Мистер Троцкий, конечно же, склонен к авантурным разрешениям. Однако его выражения о мире легче всего укладываются в нашу обойму. Мы должны быть последовательны... Не правда ли? Какова первая стадия работы?

- Первая стадия, сэр, это Главнамур во главе с Ветлинским.

- Главнамур изжил сам себя... Вторая?

- Мурманский совдеп с Юрьевым во главе.

- Тоже близится к завершению... Третья?

- Вывеска будет приличной: "Народная коллегия".

- Басалаго вполне осознал свою ответственность?

- Да, он готов.

- Тогда в чем же дело?

- Завтра будет метель, - ответил Уилки. - Я говорю: будет, хотя и не ручаюсь, ибо этот прогноз исходит не от меня, а только от службы синоптиков.

Разговор происходил в адмиральском салоне на линкоре "Юпитер". Привычные сквозняки гуляли по растворенным отсекам.

Итак, завтра будет метель. Кажется, она уже начиналась, она уже нападала с океана на неуютный и грязный город, кое-как раскиданный в излохине печальных полярных сопков.

* * *

Метель, метель, метель....

Юрьев долго стучал ногами по полу, вдевая ботинки в узкие галоши. Рассовал по карминам пальто оружие и толкнул двери на улицу. Напором

ветра его сразу приплюснуло к стене барака.

- Ух, - сказал Юрьев и сильно оттолкнулся.

Метель стегнула его в спину. И - понесла. Понесла вдоль улицы, подгоняя в сторону Главнамура. Нащупал, задвижку, залепленную снегом, рванул на себя двери. Долго потом отряхивал воротник и шапку, матрос с вахты обивал ему ноги голиком.

- Ну и ветер! Кирилл Фастович на месте?..

Ветлинский сидел на деревянном диване, топорно сколоченном возле его служебного стола. А возле печурки, растапливая ее, возился на корточках Басалаго.

- Что нового? - спросил начштамур.

- Трудные времена, - ответил Юрьев. - Матросы и рабочие подогреты декретами центральной власти. А советы в Кеми и Архангельске уже стали писать на меня доносы...

- Кому?

- Конечно, в Совнарком, обвиняя меня в том, что я недостаточно твердо стою на советской платформе. Надо ждать чрезвычайного комиссара, которого Центр грозился прислать к нам.

- Я вам привез, - сказал Басалаго. - Только не комиссара, а генерала! Его зовут Звегинцев, Николай Иванович.

- И кем же будет у нас этот генерал? - спросил Юрьев.

- Возглавит, вооруженные силы на Мурмане. Как технический советник. Ибо теперь не принято генерала называть генералом. Я встречался с Николаем Ивановичем в Питере... Он сейчас растерян, выбит из своего положения новым бытом, крахом старого. Но, думаю, по прибытии сюда он быстро оправится...

Ветлинский недвижно сидел на диване, низко опустив голову, на которой блестели первые седины. Он очень быстро состарился, этот мурманский диктатор, - буквально за последние дни.

Басалаго настырно заговорил далее:

- Если мы не захотим воевать, союзники заставят нас воевать силой. Но они должны быть уверены, что найдут поддержку в России. Ты, Юрьев, прав в одном: нам с Центром детей не крестить, пора создавать автономное краевое управление...

- Еще как надо! - отозвался Юрьев охотно. - Впрочем, мы можем гордиться: Мурман давно автономен, он движется самостоятельно... Без большевистских нянек!

Ветлинский прислушался к вою метели.

- Оставьте... Нельзя доводить Мурман до положения отдельного от

России штаба. - И снова, повесил голову. - Мы вовлечены в работу чудовищных жерновов. Между двумя мирами. Если, Мишель, встать на вашу точку зрения, то она тоже ошибочна: ни Англия, ни Франция не способны удержать Россию сейчас. Необходимо вмешательство такой страны, как Америка, - со свежими, несколько наивными представлениями о мире грядущем, о мире христианском... У вас ко мне дело? - вдруг спросил он Юрьев.

- Один только вопрос: какова мощь крейсера "Аскольд"?

- А такова, что два хороших навесных залпа, и от Мурманска останется лишь кружок на географических картах. Могу дополнить, - засмеялся Ветлинский, - из собственных наблюдений: никого не боятся англичане так, как этого крейсера.

Юрьев цепко, как боксер на ринге, ставил ноги по полу.

- А вы разве не можете распорядиться о сдаче боезапаса?

- Вы - совдеп, вот вы и снимайте!

- К сожалению, - ответил Юрьев, - "Аскольд" выскочил из-под влияния нашего совдепа. И я подозреваю... Да, я подозреваю одного баламута. Но неужели Зилотти не послушается Главнамура?

Не отвечая, контр-адмирал скинул валенки и натянул разбухшие штормовые сапоги. Щелкнул застежками из зеленой меди.

- Я не могу оставаться здесь... угарно. Пойду домой.

Он поднял капюшон на меховике, кивнул острым подбородком и, махнув на прощание рукой, вышел...

Ветлинский вышел!

Басалаго закрыл глаза. Так, словно молился.

- Что с тобою? - спросил его Юрьев.

- Нет. Ничего. Пройдет.

Было тихо, и уютно потрескивали дровишки в печи.

- Сколько времени? - спросил Юрьев.

- Не знаю...

И тут с улицы застучали выстрелы: два... еще два... четыре...

- Палят пачками. - сказал Юрьев. - Может, выйти?

Хлопнул еще выстрел - одинокий, и только выла метель.

- Мне это не нравится, - поднялся Юрьев. - Все-таки я выскочу посмотрю. Я сейчас!

Накинув пальто, он выбежал на темные улицы. Мело, мело...

Под ногами вихрило и кружило. Качались вдалеке, словно волны, округленные сугробы. Зорко всматриваясь в темноту, Юрьев шагал по тропке, пробитой еще с вечера бегом прохожих.

Оступился - упал! И рука его с растопыренными пальцами погрузилась прямо в лицо человека, лежавшего перед ним. Это была неприятная минута: пальцы Юрьева ощутили нос, губы... и теплые глазные впадины, уже заметаемые порошей. В руке Юрьева вспыхнул фонарь - луч бил прямо в лицо мертвеца.

Это лежал... Ветлинский? Да, он главнамур!

Кинулся его поднимать, но по вялости рук, по отвисшим бессильно ногам понял - бесполезно. А на груди мурманского владыки болталась прихваченная булавкой записка.

Юрьев сорвал ее, поднес к лучу фонаря. И прочитал:

ОДИН - ЗА ЧЕТЫРЕХ

Тулон - Мурманск

Сгибаясь под напором ветра, Юрьев вернулся в штаб:

- Лейтенант, помощи... Одному не дотащить! Басалаго встретил его уже одетый.

- Пойдем, - хмуро сказал он, деловито и спокойно шагая по коридору Главнамур; он даже не спросил Юрьева, что нести, кого нести; след в след, словно охотник на зверя, Басалаго шагал по сугробам за Юрьевым...

- Беремся! - сказали разом и дружно нагнулись.

В вихрях метели, спотыкаясь и падая, они доволокли мертвеца до штаба.

- Клади! - И шлепнули главнамур на доски его рабочего стола.

Юрьев снял кепку, Басалаго перекрестился... В полночь пурга утихла. Выглянули звезды, словно небосклон посыпали над Мурманом крупной и чистой солью...

* * *

Кто убил главнамур? Официальная версия такова: "Убит неизвестными лицами, переодетыми (?) в матросскую форму". Да, матросы могли быть исполнителями приговора - мечь против Ветлинского они вынашивали издавна: еще со времен Тулонской трагедии. А может, мечью моряков с "Аскольда" прикрылись, словно броней, сами же союзники?

Но мы не располагаем материалами британской разведки... А горячее всех молился у гроба лейтенант Басалаго. Он готов... Готов к тому, на что не соглашался Ветлинский.

Прощальные сирены кораблей, гудки паровозов. Три минуты Всеобщего молчания. На флотилии (и на кораблях союзной эскадры) приспущены флаги, и плывет над рейдом траурная мелодия Шопена.

* * *

Отставив ногу. Юрьев (пальто внакидку) сидел на углу стола и быстро

строчил карандашом по серой бумаге. Его занимала ситуация на Мурмане: кто будет вместо главнамура?..

Дверь открылась - заглянул поручик Эллен, запаренный.

- Фу, дьявол! - удивился он. - А мне сказали, что вы, пардон, смотали с Мурманна удочки. Здесь? Пишете?

- Пишу. Я не тот человек, которого можно уложить спать, когда мне спать не хочется. А разве кто-то уже удрал?

- Да. После гибели главнамура все словно ошалели! Хоть за воротник хватай. Сейчас ищем кавторанга Чоколова.

- Начальника-то базы? Хорош гусь.

- Ну ладно! - козырнул Эллен с порога. - Хоть вы-то на месте, все спокойнее... Имею честь откланяться. Пишите.

Эллен навестил в штабе лейтенанта Басалаго:

- Вечерний отходит через двадцать минут... Успеем! Его нельзя выпускать с Мурманна, ибо он знает немало.

Ветлинский еще лежал на столе, непогребенный, а морское начальство стало разбегаться; по Мурманску был пущен слух, что расправа большевиков со всеми главнамурцами будет жестокой и тайной. "Аскольд", словно зачумленный, был выведен за боны - в карантин: крейсера боялись. Никто даже не подумал, что, не огражденный бонами, он может быть доступной целью для любой немецкой субмарины, которая рискнет проскочить в фиорд...

Торопливо шагая вдоль рельсов, Басалаго говорил:

- Уж кому-кому бежать, так это нам. А кавторанг даже не контрил. Пил и все! Вот состав на Питер... Поручик, я начну с конца, а вы с паровоза. Сойдемся в середине.

Встретились в середине поезда - в темном полупустом вагоне. Пощупали один другого в потемках.

- Это вы, лейтенант? - спросил Эллен.

- Поручик?

- Да. Нашли?

- Нет. А вы?

- Тоже нет.

- Пошли сначала. Он наверняка переоделся...

Чоколова нашли под лавкой. Кавторанг лежал там среди мешков, переодетый под гужбана, что, кстати, очень подходило к нему. Басалаго треснул его по лицу не думая - сразу: бац!

- Мерзавец! - сказал. - Мы-то ведь остаемся...

Проводник обходил вагоны, зажигая в колпаках дорожные свечи, и

объявил, что поезд на Петроград отходит. Чоколов рухнул на колени, заползал среди лавок.

- Отпустите, - умолял он. - Я боюсь... Ну плюйте на меня. Презирайте. Что угодно. Но я боюсь... Вы опутали меня, но я не виноват. Из Петрограда едет Чека, я знаю, что ждет нас!

- Чепуха! - ответил ему Эллен. - Страх очень схож с чувством любви. Как и страстная любовь, страх тоже проходит.

Выволокли кавторанга на снег, мимо них протянулся состав. И когда поезд прошел мимо, кавторанг заплакал:

- Вы еще молоды... а я, старый дурак, ввязался! Мне тоже не простят... Отпустите. Зачем я вам нужен?

Наконец это прискучило, и Басалаго грубо его отпихнул:

- Убирайся прочь... куда хочешь. Ты мне надоед!

- Спасибо, вот спасибо. - И кавторанг побрел в потемки.

Басалаго повернулся к поручику:

- Это же не человек! Он уже ни на что не годится.

Эллен расстегнул кобуру, и два выстрела взметнули тишину.

Чоколов рухнул в сугроб, снежная поземка быстро-быстро заметала его со спины (весной найдут Чоколова, но не узнают).

- Зачем вы так грубо? - И Басалаго, даже отвернулся.

Эллен дыханием отогревал замерзшие от оружия пальцы.

- Все равно, - ответил, - попади он в ВЧК, он многое растряс бы своим языком. Пойдемте. С ним покончено.

И долго пугались потом в снежной замети.

На крыльце штаба Басалаго посмотрел на небо.

- Жаль! - произнес. - Крепкий был пьяница.

- Кавторанг и в покер был неплох, - согласился Эллен.

- Черт его знает! - продолжал Басалаго. - Вот лежит он там и даже снов не видит. И может, в этом как раз его счастье. А что мы, живые? Что будет с нами?..

В этот же день, на самом его исходе, англичане, будто почуяв неладное, созвали экстренное совещание на квартире консула Холла: надо было помочь русским союзникам обрести равновесие, ими потерянное.

- Уилки, - спросил Холл, - что вы там ставите на стол.

- Виски, мой амбасадор. Только виски.

- Уберите. Стол должен быть чист. Мне сегодня русские нужны абсолютно трезвые. Пьяными я их вижу довольно часто.

Появился в черном плаще адмирал Кэмпен и потребовал:

- Виски!.. Уилки, что вы там убираете со стола?

- Именно виски, сэр, я сейчас и убираю.
- Да в уме ли вы сегодня, Уилки? Ведь придут русские.
- Потому-то, сэр, консул и велел убрать виски.
- Оставьте, - сказал Кэмпен. - Нам русских не дано переделать. А сегодня они должны быть совершенно искренними.

- О, сэр, - ответил Уилки, - им, теперь ничего не остается, как быть предельно искренними... даже без виски.

- Уберите, уберите, - настоял консул Холл. - Виски можно предложить и позднее, когда главные вопросы будут разрешены.

Уилки, владеющий русским языком, вел протокол. Консул Британии первым рискнул воткнуть палку в муравейник, и без того сильно растревоженный.

- Нам, - объявил Холл, - необходимо заверение Советского правительства в том, что мы, союзники России, находимся здесь с полного согласия вашего нынешнего правительства. Это согласие имеет теперь для нас особое значение еще и потому, что на переговорах в Брест-Литовске германские генералы требуют именно нашего удаления с побережья Кольского полуострова.

Кэмпен зорко глянул на Басалаго:

- А корабли вашей флотилии немцы требуют разоружить.

- Они уже давно саморазоружились, - желчно заметил Брамсон и повернулся в сторону Уилки: - Лейтенант, будьте добры, переведите своему адмиралу это слово: "саморазоружились".

- Не все! - отвечал Кэмпен. - Погреба "Аскольда" несут полный боезапас. И комплекты снарядов находятся в готовности.

Это было сказано с умом: и нашим и вашим!

Басалаго с неудовольствием заметил Брамсону.

- Почему я не вижу здесь Юрьева?

- Я думал, - ответил мурманский законник, - что партийной демагогии было уже достаточно. Не хватит ли?

Они препирались по-русски, и понимал их в этот момент один Уилки.

Обретая внимание собравшихся, заговорил лейтенант Басалаго, шлепая ладонью по глади стола:

- Ни меня, ни господина Брамсона Советская власть никогда не выслушает. Она признает только Совет депутатов Мурмана, а в этом совдепе председателем Юрьев... Юрьев еще с Америки лично известен Троцкому, а это для нас значит - прямая связь Мурманска с наркоминделом.

Последнее замечание Уилки доверил бумаге, как существенное, а все препирательства офицера с юристом выбросил, как не имеющие значения

для совещания. Басалаго, крутой и упрямый, брал инициативу собрания в свои цепкие руки.

- Я считаю, - продолжал он свою речь в сторону британского адмирала, что работа на Мурмане возможна, сэр, только в том случае, если мы будем иметь поддержку с вашей стороны. Указания центральной власти не могут иметь для нас решающего значения. Мы не пособники большевикам в разорении страны...

- И мы поддерживаем вас, - отвечал ему Кэмлен. - Но (и тут адмирал прищелкнул пальцами)... Уилки, - сказал адмирал, - на торопитесь записывать. Это не обязательно доверять бумаге... Сейчас весь мир потрясен наглостью немецких притязаний. Лично я испытываю к господину Ленину глубокое уважение, как к человеку смелых дипломатических вариантов. И правительство моего короля, не признавая Советской власти ни де-факто, ни де-юре, однако готово прийти на помощь России, если... Если Совнарком Ленина ответит наглцам немцам ударом!

- В том, что Ленин стукнет кулаком, я не сомневаюсь, - невозмутимо произнес Уилки и внес свою фразу в протокол. - Лятурнер, - спросил он потом, - а ты, дружище?

Лятурнер малость помялся.

- Я уже присмотрелся к большевикам, - сказал он. - И заметил, что они очень ловкие политики, которые в целях своей революции умеют использовать и нас, представителей иного им лагеря... Мой вывод: невзирая ни на какие требования немцев в Бресте, нам уходить отсюда нельзя. Мы еще можем здорово пригодиться!

"Обтекаемо", - подумал Уилки, постукивая карандашом.

- Теперь вопрос о Главнамуре, - напомнил лейтенант связи. - С погребением контр-адмирала Ветлинского Главнамур не должен быть погребен в одном гробу вместе с его начальником. Надо что-то срочно придумать. Главнамур не был популярен. Это так!

Басалаго высказал перед собранием давно обдуманное:

- Функции Главнамур следует передать новой организации. С теми же правами, что и Главнамур, но под иным названием... более доходчивым для простонародья.

- Именно? - спросили его.

- Народная коллегия, ответил Басалаго. - Бесспорно, эта коллегия должна существовать от имени Российской Народной Федеративной Республики.

Консул Холл выпрямился на стуле, вытянул ноги.

- Нам, - подчеркнул он голосом, - это безразлично. Вы, русские, вправе

придумывать какие угодно названия. Мы, англичане, не вмешиваемся в чужие дела.

- Это так, но я не согласен с консулом, - строго произнес адмирал Кэмпен. - Точная редакция названия имеет очень большое значение. Так, например, что такое совдеп? Я просмотрел русский словарь - такого слова там нет. Я абсолютно не понимаю этого слова. Не лучше ли нам писать просто: совет? А какой совет - это уже дело власти на местах.

- Мы над этим подумаем, - обещал адмиралу Брамсон, хорошо понимавший разницу между Советом депутатов (совдепом) и просто советом... В совет можно очень просто и назначить людей, а не выбирать их!

Неожиданно, в облаке морозного пара, разматывая на шее громадный шарф, ввалился в комнаты великан - с темной кожей лица, яркогубый и глазастый американец в форме офицера флота.

- Виски! - потребовал он от самых дверей.

Все захохотали. Уилки представил гостя:

- Вот и Америка появилась. Лейтенант Мартин! Военно-морской атташе Соединенных Штатов в Мурманске!

Адмирал Кэмпен смеялся дольше всех.

- Этих американцев никогда не дозовешься! Они приходят к шапочному разбору. Но зато потом никак их не выжать обратно. Уилки, - сказал адмирал, - я думаю, теперь дело за виски!

Первый тост.

- Чтобы флаги Стран доброго Согласия, - сказал Басалаго, побледнев, не были спущены над скалами Мурмане!

Он побледнел не напрасно: эта минута была ответственной в его карьере. И, побледнев, он ждал...

И вот случилось - консул Холл опустил бокал:

- Вы не дипломат, лейтенант. Нашим флагам необходимо документальное подтверждение от большевиков, что они желают видеть эти флаги на Мурмане.

Басалаго сел - как в лужу - и злобно прошипел Брамсону:

- Пожалуйста, оставьте свои старорежимные замашки. Если я говорю, что совдепщик Юрьев нужен, значит, он нужен...

Лейтенант Уилки прислушался к их грызне.

- А почему не пригласили Небольсина? - спросил лейтенант.

- Он для этого не годится, - ответил Басалаго.

- Отчего же? Аркашки - хороший парень. А дорога, начинаясь отсюда, от Семеновы бухты, заканчивается в Петрограде... Так что Аркашки

годится. Вполне годится!

Через весь стол, по направлению к Брамсону, тянулся с бокалом, что-то громко крича, лейтенант Мартин - американец.

- Не обращайтесь на него внимания, - посоветовал Лятурнер. - Разве можно к американцам относиться серьезно? Это же оболтусы, и растяпы, каких свет не видывал!!

- У них техника, - сказал Брамсон.

- У них деньги, - сказал Басалаго.

- И больше ничего у них нет, - сказал Уилки.

- Даже традиций! - заключил Лятурнер.

Глава пятая

- Разъезд сорок три на проводе... Разговаривайте!

Небольсин подышал в кожаный раструб:

- Сорок третий? У аппарата начальник дистанции. Как у вас с заносами после метели? Отвечайте.

Ответ был неожиданным - длинная немецкая фраза.

- Я вас не понял, - сказал Небольсин, растерявшись.

Тогда ему ответили, на финском языке.

- Алло! Алло! - закричал Небольсин. - Это сорок третий? Барышня, с кем вы меня соединили?

Тоненький голосок девушки:

- Как и просили: сорок третий разъезд...

Небольсин был человеком крепким, но тут ему стало худо. Нащупал под столом старую галошу и долго совал в нее ногу.

"Бежать! До мурштаба! Скорее!"

И путеец ворвался в штаб с криком:

- Финны! На сорок третьем уже финны!

- Ошибаешься, - поправил его Басалаго.

- Это не финны, это пошли на нас немцы...

С этого дня на Мурмане только и говорили, что о немецкой угрозе. Об этой же угрозе Юрьев и Басалаго телеграфировали в Центр. "Рука Людендорфа тянется к Мурману", - утверждали англичане.

* * *

На забитых составами путях Басалаго отыскал штабной вагончик, в котором поселился недавно прибывший генерал Звегинцев.

- Николай Иванович, - сказал лейтенант с приятной улыбкой, - наступил момент нацепить старые шпоры. Над Мурманом, кажется, встает солнце Аустерлица... Вы, надеюсь, уже вошли если не в курс, то хотя бы во вкус нашего дела?

Звегинцев с трудом оторвался от казенных бумаг.

- Вхожу, - растерянно произнес он. - Но здесь все так запутанно, такое обилие течений, ситуаций, каналов, и по каждому из каналов что-то несет... Разную дрянь!

- Наша задача, - помог ему Басалаго советом, - поймать только нужное. А остальное пусть уплывает дальше... в небытие. Николай Иванович, нам предстоит прогулка в Совет!

- Мне? - оскорбился Звегинцев. - Под красное знамя?

- Именно так, ваше превосходительство. Под красным знаменем мы сотворим великое белое дело.

- Но там же этот... демагог! С такими, знаете, неприятными, шокирующими приличного человека замашками.

- Не беспокойтесь о Юрьеве, - утешил его Басалаго. - Этот боксер сейчас бьет свои последние раунды. Скоро ему на ринг вообще не выходить.

- Вы такого мнения, Мишель?

- Я знаю точно.

- И кто же его собьет, этого Юрьева?

- Даже не мы с вами. Юрьева сковырнут в канаву сами же большевики. А пока пусть эта мускулистая тля в демократической кепочке наслаждается жизнью и своим показным величием. Ему ведь, дураку, наверное, кажется, что он на Мурмане главный...

...Юрьев болтал по телефону с какой-то очередной своей поклонницей и, заметив гостей на пороге своего убежища, показал карандашом на стулья:

- Садитесь, товарищи, я сейчас... Итак, договорились! - закончил он разговор. - В восемь не могу. Ну ладно, не зачахнешь, если приду и в десять.

Бросив трубку, он энергично выскочил из-за стола.

- Я все уже знаю, - заговорил Юрьев. - Эти финно-германские банды, что двигаются на Кемь и Кандалакшу, как раз кстати! Совнарком должен понять, что грозит сейчас Советской власти на Мурмане. Или - или! Мы не имеем сил противостоять натиску. Честное сотрудничество с союзниками - вот единственное, что спасет нас. Да! Нам осталось последнее: повернуться к рейду, и пусть "некто третий" сойдет на берег со своей палубы...

Пока Юрьева несло, Звегинцев рассматривал его во все глаза - как редкого зверя. Генерал был повержен во прах этой неумной бравадой рыночного зазывалы. "До чего же невоспитанный человек!" - думал о нем

Звегинцев.

- Ну хватит болтать.. Дело! - решительно заявил Басалаго. Юрьев порылся в столе, извлек бумагу:

- Вот дело... Мною составлен, в простоте ума моего, первый эскиз в Наркоминдел о санкции на вмешательство союзников. Я еще раз предупреждаю Центр, что германская опасность грозит нам кулаком! И вот я спрашиваю здесь (далее Юрьев прочитал): "...в каких формах может быть приемлема помощь живой и материальной силой от дружественных нам держав?.." Ну и конечно же, я здесь заверяю Центр в "самом доброжелательном отношении союзных миссий". Так вот, - закончил Юрьев, иссякая словами, - если фраза товарища Троцкого о честном сотрудничестве чего-нибудь да стоит, так ее пора перелить в деловые формы. Теперь, прошу, ознакомьтесь с моим запросом внимательно!

Басалаго бегло прочитал телеграмму, сказал:

- Эскиз удобен. - Взял перо и тут же, не мудрствуя лукаво, подписался. - Ваше превосходительство, и вам!

Конечно, человеку старого воспитания было не просто отдать свою подпись с беззаботной легкостью этих молодых изворотливых дьяволов. Звегинцев еще недостаточно в этом поднатерел. К тому же отсутствие знаков препинания выводило его из себя.

- Вы, как автор, не будете обижены, ежели я исправлю и орфографические ошибки? - спросил он у Юрьева.

- Мы Пажеского корпуса не кончали... Исправляйте!

- Так, - сказал Звегинцев, приведя телеграмму в божеский вид. - Но, простите великодушно, при чем же здесь господин Троцкий и при чем здесь я, бывший генерал гвардейской кавалерии? Я не понимаю, чего вы домогаетесь от меня? Не лучше ли просто сказать англичанам по старой дружбе, чтобы они не валяли дурака и поскорее высаживали свои десанты... Послушайте, вы мне объясните: кому нужна моя подпись?

О, святая простота бывших генералов от кавалерии!..

Пришлось Басалаго деликатно пояснить:

- Видите ли, генерал, товарищ Троцкий - это наркоминдел; раньше, в благословенные времена проклятого прошлого, он назывался бы министром иностранных дел. А вы, насколько я понимаю в расстановке сил на Мурмане, прибыли сюда с санкции того же Троцкого, чтобы возглавить войска на Мурмане.

- Это без подвоха, милейший? - спросил Звегинцев.

- Абсолютно так. Подписывайте!

- Ну что ж, - вздохнул Звегинцев, ставя подпись. - Не я один продал

душу. Вон адмирал Щастный тоже в генерал-адъютанты метил, а попал в советские флотоводцы...

Три подписи - достаточно весомо: председатель Мурсовдепа, начштамур Басалаго и командующий войсками Звегинцев.

Юрьев помахал бумагой, чтобы поскорее высохли чернила.

- Вполне убедительно, - сказал. - Теперь - на телеграф!..

К вечеру телеграф пустынен. От нечего делать Басалаго и Юрьев слонялись по темному барaku, присаживались у раскаленных печек. Курили. Помалкивали. Поглядывали на часы.

- Уже девять, - заметил Юрьев. - Может, ответ придет только утром? Тогда на кой черт мы торчим здесь?

- Подождем еще полчаса, - сказал ему Басалаго.

Телеграф заработал в двадцать один час пятнадцать минут.

Басалаго увидел, как отхлынула кровь от лица Юрьева.

- Что же там? - спросил он, переживая. - Читай...

Юрьев молча повернул к нему ленту с ответом Троцкого.

ВЫ ОБЯЗАНЫ ПРИНЯТЬ ЛЮБОЕ СОДЕЙСТВИЕ СОЮЗНЫХ МИССИИ...

В конце телеграммы наркоминдел призывал Юрьева проявить образец выдержки и революционной преданности делу рабочего класса.

Басалаго с язвой в голосе заметил Юрьеву:

- Преданность ты проявишь, я не сомневаюсь. Но... где же здесь подпись Ленина?

Юрьев аккуратно сложил телеграмму. Спрятал ее в карман широкого пальто, которое отвисало полами от тяжести оружия.

- Ясно, - ответил он, - что Ленин ничего об этом не знает, и надо как можно скорее закрепить согласие - не на словах, а на деле...

* * *

На телеграмме наркоминдела, посланной на Мурман, стояло указание: "Вне всякой очереди!" И это как бы определило всю подозрительную стремительность дальнейших событий...

Еще не рассвело над заливом, а Басалаго уже заторопился:

- Собирайте коллегия! Будите англичан и французов! Петушок давно пропел, и они могут проспять самое интересное...

Прямо из объятий "баядерки" пришел Юрьев, хлебал воду из графина после похмелья. За ним - Каратыгин, Шверченко, Ляуданский...

- Мишка, - сказал Юрьев, принюхиваясь, - чего ног не моешь? Потом от тебя, как от падлы... Неудобно, ведь Европа с нами!

Европу сегодня представляли: от англичан - адмирал Кэмпен и консул

Холл в сопровождении неизбежного Уилки; от французов - Лятурнер и капитан Шарпантье; присутствовала и Америка - в лице румяного жизнерадостного лейтенанта Мартина.

Расселись. Тускло светила лампа под абажуром. На рейде лязгали цепи, выла сирена с подводной лодки, от самой Колы натужно орал паровоз, поспешая к Мурманску.

- Юрьев, - шепнул Басалаго, - тебе разжигать...

- Начнем, - отозвался председатель совдепа.

Юрьев зачитал перед собранием телеграмму Троцкого:

- "...принять любое содействие союзных миссий!"

И сел. Залпом выхлебал еще стакан воды.

- Кем подписано? - спросил консул Холл, тщательно скрывая волнение (и это ему отлично удавалось).

- Телеграмма от имени наркоминдела.

- Разумно, - буркнул Лятурнер, не поднимая лица. Союзники еще не освоились с этой новостью; казалось, они еще не верили в то, что невозможное вчера вдруг стало возможным сегодня. Лейтенант Мартин, в узеньком мундире, широком в плечах, с жиденьким галстуком на шее, вырос над собранием и первым нарушил эту вкусную тишину.

- Телеграмму мистера Троцкого, - сказал он, - я, как представитель президента Штатов, расцениваю пока платонически, ибо за мною (вдруг лягнул Мартин своих союзников) еще не стоят крейсера и линкоры моей страны, как они стоят ныне под самыми дверями консульств моих почтенных коллег англичан и французов...

- Не надо опаздывать, - сказал Кэмпен.

- Их никогда не дождешься, - пожаловался майор Лятурнер.

Басалаго прочел соглашение с союзниками: всего было в нем четыре пункта. На лицах союзных представителей отпечатлелось самое напряженное внимание: сейчас они мысленно взвешивали каждое слово этого соглашения, пока еще "словесного">{18}.

- Повторите второй пункт, - вдруг попросил Уилки.

- Пожалуйста... - Басалаго глянул на Уилки поверх листа бумаги. Пункт второй зачитываю снова: "Высшее командование всеми вооруженными силами района принадлежит Мурманскому военному совету из трех лиц - одного по назначению Советской власти и по одному - от англичан и французов".

- Спасибо, - сказал Уилки, и это его "спасибо" можно было понимать двояко: или он благодарил Басалаго за повторение пункта, или за тот перевес, который союзники получали в этом совете; консул Холл, конечно

же, остался невозмутим; но зато Шарпантье с Мартином, как люди непосредственные, прыснули смехом. А на лице Басалаго заходили острые скулы.

"Сейчас я вам отомщу за этот дурацкий смех", - думал он.

- Пункт третий, - прочел Басалаго. - "Англичане и французы не вмешиваются во внутреннее управление районом..."

И смех угас. "А вы как думали?" - обрадовался Басалаго. Конечно, независимо от соглашения, союзники все равно вмешиваются - и лейтенант знал об этом, - но сейчас ему просто хотелось потешиться над замешательством союзников.

- Пункт четвертый, - читал он далее. - "Союзники принимают на себя заботу о снабжении края необходимыми запасами".

- Всё? - спросил Уилки.

Взгляды союзников устремились на адмирала Кэмпена как самого старшего. Кэмпен был бойцом по натуре. Смолоду плававший на чайных клиперах, он выпил за свою жизнь не одну бочку виски, не раз бывал на волосок от смерти и всегда знал, что ему надо сейчас и что надобно приготовить на завтра. "Сегодня" ему надобно было заручиться согласием Советской власти на оккупацию Мурмана - и этот опасно раскаленный каштан вытащил ему из пламени Юрьев. "Завтра" морская пехота короля двинется дальше - против той же Советской власти, которая как будто и призвала эту пехоту...

Человек дела, Кэмпен и говорил только дело.

- Простыни посланы, - сказал, он, - осталось поймать блох! Меня уже кусает пункт четвертый вашего любезного соглашения с нами: именно о снабжении королевством вашего края.

- Я тоже, - заметил Холл с осторожностью, - позволю себе усомниться в излишней растяжимости этого пункта.

- Мы же, черт возьми, не дипломаты! - вспыхнул Басалаго. - Мы говорим, что думаем. И перед вами не Индия, наконец, а Мурманский край, где не растет даже картошка...

- О картошке вообще не следует спорить, - вступился Юрьев и продиктовал новую редакцию пункта: - "Англичане и французы сделают все возможное для снабжения края необходимыми запасами продовольствия..." Так вы согласны? - спросил Юрьев.

- Это уже точнее, - одобрил поправку Уилки.

Но тут опять поднялся несокрушимый адмирал Кэмпен.

- Теперь, - сказал он, - когда пункт четвертый отрегулирован, я позволю себе вернуться к редакции пункта третьего. Я имею в виду вопрос

о нашем невмешательстве во внутреннее управление районом. - Кэмпен, словно помолодев, выпрямился. - От имени короля торжественно заявляю: мы, англичане, никогда не вмешивались во внутренние дела русского народа. И пусть консул Холл подтвердит от лица британского парламента, что это принцип, присущий всей английской нации...

Басалаго вскочил с места - в злости.

- Я не понимаю сути этой отповеди сэра Кэмпена Если адмиралу не нравится третий пункт, то пусть он обратит внимание на пункт второй - о создании Союзного военного совета, в который войдут представители Англии и Франции... Вам этого мало? Тут Лятурнер подал голос - практический.

- Как же нам согласовать, - спросил он, - взаимодействие таких в корне антипатичных одна другой организаций, как Союзный военный совет и Мурманский совдеп? - И француз посмотрел в сторону Ляуданского, Каратыгина и Шверченки.

Но эти ребята, закатившись с бухты-барахты в такую высокую политику, даже не чирикали: сидели тихонько.

- На ваш вопрос, Лятурнер, - ответил Басалаго, - пусть дает ответ сам председатель Мурманского совдепа.

Юрьев сказал:

- А что вас беспокоит, майор? В оперативном отношении вы будете абсолютно свободны от влияния моего совдепа.

- Тогда я снимаю свой вопрос. - И Лятурнер замолк. "Скорость - самое главное! Скорость..." Это совещание они спроворили за один час и пять минут. Радиостанции мира уже начали передавать в эфир о проникновении союзных армий Антанты в систему защиты социалистического государства. По Брестскому миру, говорилось в этих сообщениях, прекращение операций в русских водах касается только Балтийского и Черного морей, но не Белого моря и не Мурманского побережья; таким образом, германская опасность здесь по-прежнему существует...

- Быстро, лейтенант, быстро, - говорил Юрьев, застегивая пальто. Куем железо, пока горячо.

В четыре часа дня "словесное" соглашение уже было разослано по всей линии Мурманской железной дороги: к сведению! Петрозаводский Совжелдор ответил Мурманскому совдепу: НЕ ВЕРИМ ТЧК
ПРОВОКАЦИЯ ТЧК

Юрьев сунул в рот трубку, сказал телеграфисту:

- Отстучи им, олухам: "Верить. Юрьев".

Так было сковано первое звено в длинной цепи предательств.

Шверченко, Юрьев, Каратыгин, Ляуданский и прочие были приглашены на линкор "Юпитер": банкетировали. А потом с удовольствием фотографировались (как можно живописнее) под жерлами британских двенадцатидюймовок. Смотреть было страшно на эти фотографии: стоит человек - малюсенький, как букашка, а над ним - вот такая дыра, как прорва...

Лейтенант Басалаго был достаточно умен, чтобы не фотографироваться в такой компании, да и некогда ему: дела, дела, дела...

- У меня есть одна идея, - натаскивал он Юрьева, как легавую на понюшку. - Чтобы немного утихомирить страсти на "Аскольде", надо бы посадить в Союзный военный совет представителя как раз от этой хлопотной посуды первого ранга...

- Павлухина? - покорило Юрьева. - Или Зилотти?

- Да ну их к черту!.. Но там есть такой скромный юнец, мичман Носков, который ни прядет, ни вяжет. Матросы его затюкали, и вряд ли он откажется жить на берегу.

Тихоня мичман (трюмный специалист) вошел в мурманский триумвират, где пряли и вязали, конечно, француз и британец.

* * *

Был поздний час. Звонок от Уилки.

- Аркашки, - сказал он Небольсину, - нужен вагон.

- Зачем?

- Мы снимаем сейчас радиостанцию с вашего линкора "Чесма", как самую дальнобойную, она необходима на берегу.

Небольсину стало смешно.

- Послушай, дружище! А наша "Чесма" дала снять радиостанцию так легко, будто это не последние у нее кальсоны?

- Но ты же знаешь, Аркашки, что решения Союзного военного совета отныне закон для Мурмана... Мы будем ставить радио на Горелую Горку... Дашь вагон?

- Бери, - ответил Небольсин, зевая.

Интервенция начиналась словами. Вполне вежливыми. Как бы на правах старой дружбы и взаимопонимания.

Глава шестая

Твердыми пальцами Спиридонов заталкивал в магазин маузера желтые головки патронов. Павел Безменов вслух читал сообщение о наступившем мире. Спиридонов поставил маузер на боевой взвод. Сунул его в деревянный кобур, засаленный и вытертый.

- Мир? - сказал. - Ну теперь держись: драка начнется.

Не сказав "до свиданья", Спиридонов вышел. На складе он получил паек. Подбросив на руке буханку, спросил:

- Эй! Это на сколько же?

- До конца, - ответил кладовщик.

"До конца чего? - подумал чекист. - До конца недели, надо полагать". Подумал, разломил буханку пополам и обе половины распихал по карманам куртки. На дальних путях Петрозаводской станции его уже ждал паровоз. Мимоходом, на прощание, Спиридонов еще раз заглянул в контору Совжелдора.

- Павел, - сказал Безменову, - ежели Ронек меня спросит, скажи, что от Кеми я пойду в лес на финнов!

- А отряд Комлева никак не нагоните?

- Нет. Комлев звонил в четыре утра уже из Кандалакши, он крутит колеса дальше - на Мурманск... Будь здоров!

Мчась в вагоне на север, Спиридонов поглядывал в окно.

Он уже знал, что Кемский и Александровский уезды Мурманск объявил на положении осадном. Полоса дороги тоже была поставлена под ружье.

А за окном тихо... От полустанков - лыжни и следы санных обозов, страшные следы: здесь провезли за границу золото, драгоценный хлеб, дивные полотна Рембрандта, кружевные кубки из царских подвалов. Увезли навсегда из России: хлеб сожрет немецкий солдат, золото пойдет на заговоры шпионов, а ценности загонят с молотка на пышных аукционах...

Такова-то эта Мурманская дорога... Вроде все тихо за окном вагона. Не шелохнется лес, придавленный грузом снега, только черное воронье каркает беду над полянами. А приглядишься к юркому взору начальника станции - волк; а послушай, что говорят на проводе враги-эсеры; а подыши в зале ожидания на вокзале - и почувешь, как среди российской вони самосада "Феникс" крадется сладкий дым иностранной "Вирджинии"...

Вот и Кемь. Здесь Спиридонов покинул вагон. Огляделся. В котловине, по берегам порожистой реки, раскинулся городок - невеселый. Мосты на срубах, по ним тащатся возы с дровами. Сосновые рощи обступают дома, вороний грай над белокаменным собором, над башнями древнего острога. И повсюду груды лежат иссохшие бочки-сельдянки, приплывшие на иолах из Норвегии да с Мурманска... В общем, Спиридонову Кемь даже понравилась: эдакая добротная русская деревня, вот-вот готовая зашевелиться большим городом и портом.

Здесь кончалось Поморье, и от самой Кеми начиналась Карелия...

И тут он заметил человека, еще издали приподнявшего над головой

котелок. Спиридонов чуть не засмеялся. Недавно ему передали список тайной английской агентуры, работающей на севере, и вот что было сказано о кемском консуле: "Английский консул в г. Кемс Тикстон; носит полосатый бархатный костюм английского фасона; сам роста - выше среднего, волосы - стриженные, телосложение - не очень худой, усы светлые, нос большой, горбатый..."

Тикстон подошел к Спиридонову, дружески протянул руку, с трудом и скрипом вытянутую из узкой перчатки.

- Наконец-то! - сказал он по-русски. - Наконец-то мы добились интимности в делах с большевиками. И полковник Торнхилл будет очень рад видеть вас, господин Спиридонов.

Беседуя, они завернули за почтово-телеграфную контору, где пыжились розовыми окошками меблированные номера поморского "Версаля". Еще в прихожей Тикстон скинул пальто, и Спиридонов мог заметить, что ВЧК сработала точно даже в такой мелочи: на консуле был полосатый бархатный костюм.

- Прощу, - сказал он любезно, отворяя двери в номер. Перед русским самоваром, держа блюдечко в растопыренных пальцах, сидел кавалер русского ордена Анны второй степени - британский полковник Торнхилл, человек лет под пятьдесят. Однако поднялся он, как мальчик, проворно - полковник был молодцеват, хотя и полон телом.

- Добрый день, - сказал он. - Мы с вами отчасти коллеги: вы - контроль советский, я - контроль союзный...

Три минуты разговора о делах Совжелдора - и стало понятно, что полковник Торнхилл осведомлен о делах на севере, пожалуй, лучше самого Спиридонова. "Умеют, сукины дети, работать!" - подумал чекист почти с завистью. И тут же успокоил себя: "Я только приехал, а они сидят здесь еще с царя Гороха!" Торнхилл и Тикстон были первыми англичанами, встреченными Спиридоновым. Они совсем не были похожи на тех замкнутых и гордых британцев, о которых чекисту приходилось ранее читать в книжках. И они так дружески хлопали Ивана Дмитриевича по плечу, изображали таких славных парней - хоть за пивом их посылай!..

- Они идут, - говорил Торнхилл. - Четыре колонны сразу, и мы уверены, что Людендорф запланировал большое генеральное наступление, включив в орбиту своих преступлений и Мурманку. Дорога, по сути дела, уже фланкируется немцами.

- Финнами, - поправил Спиридонов.

- А какая разница? - ответил за полковника Тикстон.

- И потому, - продолжал Торнхилл, - мы, англичане, особенно

приветствуем пока еще "словесное" соглашение с Советской властью, к которому мы пришли на Мурмане. Отныне защита дороги и Мурмана будет проводиться совместно!

Спиридонов был поставлен этой речью в неловкое положение.

- Однако вот, - заметил чекист осторожно, - Совжелдор не признаёт вашего "словесного" соглашения с Басалаго и Юрьевым.

Тикстон подвинул стакан чекиста под горячую струю из пузатого самовара - наполнил щедро, по-русски, до краев. Сказал:

- Но это ж нарушение директивы наркоминдела!

Тогда Спиридонов решил выезжать на "простоте".

- Да как сказать... - И почесал загривок. - Знаете, господа, я ведь что? Только охрана дороги и порядка. А там, в Совжелдоре-то, люди с головой... Как они скажут!

- Выходит, - спросил Торнхилл, - вы не станете противодействовать нашим отрядам, если они пойдут на финнов, защищая вашу же дорогу от покушений германского империализма?

- Так они же еще не идут, - ответил ему Спиридонов. - Пока против белофиннов выступаем мы. Наши отряды! Красногвардейские.

Англичане, переглянувшись, прекратили этот разговор. Но тут же завели речь о другом...

- Здесь, в Кеми и даже в Кандалакше, скопилось очень много беженцев карелов и финнов, которые спасаются от немецких зверств в полосе границы (консул сознательно назвал зверства немецкими, и отчасти он был прав, ибо финские егеря-лахтари получили воспитание в Потсдамской школе, возле Берлина). - Наше командование, - продолжал Тикстон, - согласно вооружить и одеть несчастных этих людей, чтобы они могли сражаться за свободу своей прекрасной родины...

"Опять задача!" Как много надо было решить Спиридонову. Прямо вот здесь. В присутствии двух опытных агентов врага. Решить сразу. Точно! Без помощи товарищей из Совжелдора. Без подсказки партийного центра... Ждали.

Ждал Торнхилл. Ждал Тикстон. Ждал и сам Кэмпен.

- Хорошо, - поднялся Спиридонов. - Можете... вооружить!

Беженцы струились по лесным тропам - измученные люди, с детьми, со свертками, с коровенками, которые жалобно мычали на заснеженных кемских пожнях. Спиридонов побеседовал с финнами и карелами и понял: Ухта падет первой (если уже не пала, ибо там совсем не было Советской власти). Он спросил, есть ли среди беженцев коммунисты. Оказалось, что есть. Это его удивило: в глуши карельских лесов, оказывается, большевики

уже были. Они уверяли Спиридонова теперь, что все готовы вступить в отряд, чтобы сражаться с белофиннами.

Одного из финских большевиков, лесоруба Юсси Иваайнена, Иван Дмитриевич назначил комиссаром отряда.

- Атрят? - спросил Юсси. - А финтофка кте?

- Англичане дадут...

- А братъ? Ты ковори, братъ нам финтофка чужой?

- Конечно, бери. Дратся предстоит немало... Может, с теми же англичанами.

- Сапок нет? - наседал на него Иваайнен.

- Будут англичане давать сапоги - бери! Картошку дадут - тоже бери. Все бери, что подкинут, пригодится.

Через несколько дней Спиридонов построил отряд. Явились консул Тикстон и полковник Торнхилл. Красное знамя взметнулось над головами беженцев из лесных чащоб. Командирами взводов были большевики.

- А вот и комиссар, - показал Спиридонов на Иваайнена.

Казалось, что Тикстон и Торнхилл сейчас повернутся и уйдут, сказав: "Мы передумали, не надо!" Но этого не случилось. Торнхилл вскинул руку к фуражке, приветствуя красное знамя, и долго потом тряс руку комиссара-лесоруба.

- Очень рад, - говорил он раскатисто. - Отличные люди... Мы берем! Да, - с улыбкой обернулся он к Спиридонову, - мы берем этот отряд. На вооружение, на экипировку, на довольствие.

И тут Спиридонов задумался: "Чего он так радуется, этот полковник? Уж не остался ли я в дураках?.." Но думать об этом было тогда ему некогда: на следующий же день Спиридонов встал на лыжи и ушел с отрядом под Ухту, чтобы посмотреть: что там? Ни одного немца не встретили. Но финны были. Вооруженные до зубов, они сидели по деревням, наваривали самогонку... И случился один бой - короткий...

А до Ухты было уже не дойти - отрезано.

* * *

Впрочем, Брестский мир утвержден еще не был: ратификация его должна была состояться на IV съезде Советов - тогда же решится и вопрос о переезде правительства из Петрограда в Москву. Древняя столица древней России!..

Небольсин думал обо всем этом, стоя возле окна своей конторы. Причалы да рельсы, вагоны да корабли. Романтика? Но эта романтика уже осточертела. Правда, теперь в мурманском пейзаже появились и новые детали: пришли на днях британские крейсера, и с борта "Кокрен"

прошлепали по сходням первые десанты англичан. Погрузив орудия на платформы, морская пехота короля отправилась прямо в Колу, где уже кишмя кишел табором шумный военный лагерь чехов и сербов.

Аркадий Константинович размышлял о своем брате, застрывшем где-то среди холмов Македонии, думал - сколько русских, хороших и честных, сейчас разбросано по всему миру. "Неужели они навсегда потеряны для России? Чудовищно..."

В середине дня его вызвал на провод Петя Ронек.

- Аркадий, - сказал он печально, - поверь, мне очень тяжело говорить тебе об этом. Но, наверное, мы больше никогда не увидимся. Я хочу попрощаться... Попрощаться заранее.

- Петенька, - ответил ему Небольсин, - что ты говоришь? Мы с тобою старые боги-громовержцы этой магистрали. Мы молоды, и нам предстоит работать и работать вместе!

Ронек сказал ему на это:

- Аркадий, не обижайся: мы работаем розно. Я от Кандалакши работаю на Советскую власть, а... на кого работаешь ты?

- Чепуха! - возразил Небольсин. - Нельзя же посреди дороги разобрать рельсы. Дорога - едина, это выход России в большой мир. Слышишь меня? Дорога в большой мир!

Ронек вздохнул где-то далеко-далеко:

- Не только выход из России, но и вход в Россию тоже. И боюсь, что тебе, Аркадий, скоро предстоит своими же руками передвинуть стрелку перед оккупантами.

Небольсин еще раз посмотрел в окно, где, весь в боевой раскраске камуфляжа, дымил крейсер "Кокрен", и все понял.

- Мне очень грустно, Петенька, - ответил он, - что глупая политика нашего совдепа разрушит старую дружбу. Ты сейчас где?

- В Петрозаводске.

Небольсин в нетерпении потопал ногами.

- Давай так: выезжай мне навстречу, а я бросаю все дела и вылетаю навстречу тебе. Нельзя так расстаться... Нельзя!

Они встретились в морозной Кандалакше и, отыскивая тепло, зашли в чайную. Ронек после голодовки в Петрозаводске густо мазал хлеб бледным маслом. Уши его, синие от холода, подпирал высокий воротник путевой шинели.

- Петя, - начал Небольсин, - ответь: что случилось? Я, может быть, глуп. Но я перестал понимать... Из-за чего вся эта паника в Совжелдоре? Стояли корабли союзников в Мурманске без соглашения - теперь они стоят

по соглашению. Те же причалы, те же якоря, даже погода такая же. В чем разница?

- Разница большая, Аркадий: сходни британских крейсеров уже поданы на берег. Интервенция от глупой бумажки Юрьева, конечно же, не зависит. Но она близко... Мы разглядели ее из Петрозаводска! Как же ты не заметил ее из самого Мурманска? Ты, квасной патриот, который кричит о позоре Брестского мира, скажи - разве тебе не чудится английская угроза?

- Но это же не немцы! Это англичане.

- Ты и правда глуп, Аркадий. Не сердись, так уж сказалось. Но сказать надо.

Небольсин не обиделся.

- Хорошо, - ответил. - Что же вы будете делать дальше?

- Нужна армия, а ее нет... Сейчас Совжелдор официально заявит о своем неподчинении Мурманскому совдепу. Мало того, этот жулик Каратыгин обязан сдать все полномочия.

- Объясни: что значит - официально?

Объясняю: если ты, Аркадий, откроешь свою дистанцию англичанам с севера, тогда я, как начальник следующей дистанции, этот путь перекрою с юга... Теперь ты понял, - спросил его Ронек, - что нам придется расстаться?

Небольсин горько усмехнулся.

- Сейчас, - сказал, - когда дорога вот-вот будет перерезана финнами, очумевшими от нашей слабости, ты, Петенька, желаешь довершить разгром дороги... как большевик!

- Я этого не хочу. Забудем на время о партийности. Как инженер-путеец, я понимаю всю ответственность. Но я это сделаю во имя революции, Аркадий. Во имя ее спасения от интервенции надобно разрезать дорогу!

Небольсин попросил бутылку рому. Выпив, сказал:

- Петя! Иди ты к чертовой матери... Я не желаю с тобой разлучаться. Я знаю тебя как честного человека. Ты убежден иначе, чем я. Но даже твоя убежденность мне нравится... А на Мурмане я одинок. Поверь, там живут волки. Мне иногда жутко с ними. Договоримся так: я буду на Мурмане со своей бандой, а ты в Совжелдоре с большевиками. Ты мне поможешь. Но я тебе, Петенька, тоже могу пригодиться. Разорвать дружбу легче всего. Потом не склеить. Не надо нам этого. Будем умнее...

Ронек протянул через стол маленькую ладошку:

- Может, ты и прав. Давай будем умнее. Кстати, - заметил он, - вот идет сюда нищий или алкоголик, завидевший издали твою бутылку с ромом. Сейчас начнет клянчить!

И правда, из-за спины Небольсина раздался голос:

- Молодые люди, мне очень неудобно... Жизнь, однако, дает немало поводов для огорчений. Извините меня великодушно, но я не ел три дня...

Небольсин вскочил, резко оборачиваясь:

- Полковник Сыромятев... это вы?

Да, перед ним стоял полковник Сыромятев, сильно сдавший за последнее время: на нем была шинель (уже с чужого плеча), бурая щетина покрывала впалые от голода щеки.

- Петя, - сказал Небольсин, - рекомендую тебе почтенного и хорошего человека. Познакомься.

Сыромятев склонил голову:

- Честь имею. Бывший полковник бывшего русского генштаба, бывший начальник бывшей погранполосы вдоль Пац-реки и района печенгских монастырей... Все, как видите, бывший!

- И... простите, - сказал Ронек, - как же вы оказались тут? Разве границы уже не существуют?

Сыромятев с удовольствием расположился за столом. Разморенный от еды и тепла, он рассказывал охотно:

- Граница существует, батенька вы мой. Но Брестский мир внес путаницу; теперь там не поймешь - кто и что... Господа! Как хорошо, что вы мне встретились! Вот уж не думал, что мне придется сегодня обедать. Живу как бездомная собака. Больше по вокзалам... Ах, как это ужасно!

- Почему же вы не в Мурманске? - спросил Небольсин. Сыромятев неожиданно выругался:

- Пошли они все... Я им не слуга!

Потом, думая о Печенге, Небольсин презрительно сказал:

- А где же армия... "великая и доблестная"?

- Армии вечная память, - ответил Сыромятев.

- Создается новая, - сказал Ронек. - Красная Армия.

Сыромятев резко повернулся к нему.

- Я не понимаю большевиков, - заявил полковник открыто. - Им предстоит еще так много драться! А они не только не задержали развал старой армии, но и сами же ему способствовали. А ведь русская армия ("великая и доблестная"), что бы о ней там ни болтали, вступила в минувшую войну отлично! Отлично... Я военный человек, господин Ронек, и могу предсказать заранее: ваша Красная Армия разбежится по домам так же, как разбежалась старая. До тех пор, пока существует принцип добровольности, а не мобилизации, большевики не будут иметь армии как единого могучего организма...

- Вот, - задумался Ронек, - а мы, когда Петроград был в опасности, придерживались как раз принципа добровольности. И это правда: опасность миновала - и все разошлись по домам... даже не спросив ни у кого разрешения.

- Нужна мобилизация народа, - горячо продолжал Сыромятев. - Твердая! И если большевики создадут свою армию, я согласен честно - верой и правдой служить в ней...

- Вы это серьезно, полковник? - удивился Небольсин.

- А почему и нет?.. Неужели вы думаете, инженер, мне не опротивело наблюдать, как в нашу русскую печь лезут с ухватами немец - с одной стороны, а с другой - англичане с французами? Моя жизнь прошла в русской армии. Эта армия выродилась до такой постыдной степени, что даже отступать разучилась - она просто драпала! Большевики не станут ее реставрировать - я это понимаю. Хорошо, тогда я согласен стоять в строю новой армии - Красной. Разумеется, в том случае, если в новой армии сохранится преемственность былых громких традиций армии старой!

Ронек поднялся, весь сияя:

- Господин полковник, поехали к нам.

- К вам? Куда, молодой человек?

- В Совжелдор! Сейчас у нас такое положение на дороге. Мы будем заново создавать отряды, и - я это чувствую! нужна именно мобилизация. Мы вас примем.

Сыромятев отбросил вилку на замызганную скатерть.

- Послушайте... А вы, при всей вашей милой непосредственности, к стенке меня там не поставите?

- За что, полковник?

- Вот именно за то, что я... полковник! Имею отличный послужной список. И при старом режиме меня только медом не мазали. А так... я все имел. К тому же домовладелец. В Лигове!

- Подумайте, - ответил Ронек. - Товарищ Спиридонов не такой человек, чтобы ни с того ни с сего поставить вас к стенке.

- Я не умею думать на людях, - застыдился Сыромятев. - С вашего разрешения, господа, я удалюсь.

Он действительно встал и вышел из чайной.

Ронек сказал:

- И уже не вернется. Мне один такой уже попадался. Какой-то капитан. Еще и пять рублей взял у меня...

- Не говори так, - возразил Небольсин.

Волоча по полу края шинели, Сыромятев вернулся к их столу Куснул

толстую губу.

- Не подумайте обо мне так, что, мол, подобрел от еды. И не за хлеб. Не за положение. Нет! Поехали. Буду служить...

Он повернулся к Небольсину, подавленно молчавшему:

- А вы в Мурманск?

- Да.

- Что ж, прощайте. Я знаю, меня там приласкали бы, как боевого офицера. И все-таки я избираю Петрозаводск. Так уж случилось сейчас, что большевики - это и есть Россия, а я офицер русской армии, и я обязан служить отечеству, оскорбленному и ослабевшему... Реставрации старой армии мне отсюда не видится. Нет. Напрасно хлопчут некоторые мои бывшие товарищи...

* * *

Дымно ревел в те дни гудок Онежского завода: пришло тридцать восемь человек - большевики. Молча построились. Их сразу бросили в бой. Против финских отрядов, рыскавших у дороги. Обратно привезли трех раненых - они были ужалены пулями в спину.

- В спину? - не поверил Спиридонов, вставая.

Полковник Сыромятев держал руки по швам.

- Да, в спину, - ответил. - Впрочем, позвольте сначала задать вам, Иван Дмитриевич, один нескромный вопрос.

- Пожалуйста, - разрешил Спиридонов.

- Вы сами воевали?

- Воевал.

- Так почему же вы бросили в бой людей, - спросил его Сыромятев, даже не объяснив им азбуки боя? Они ранены в спину. Хорошо, что не в затылок. Что получается? Боец стреляет во врага и тут же, по глупости, подхватив винтовку, скачет вперед. А сзади его стегает своя же пуля... Очень смело! - похвалил Сыромятев. - Но зато и неумело.. Вы как дети малые.

Спиридонов был пристыжен.

- Хорошо. Вы, я вижу, человек упрямый и своего добьетесь. Мы с вами, чувствую, сработаемся...

Они действительно сработались - как две шестерни в одной машине. Помог этому сам Спиридонов.

- Вот что, - сказал он как-то. - Меня, как вы знаете, некоторые недобитые бандитом зовут. Сплетни разные по Мурманке ходят. И - боятся... Если я замечу, что вы, полковник, из страха или еще почему-либо служите нам, то я... Да что тут долго размазывать! Просто я вас перестану

уважать.

- Товарищ Спиридонов, - перебил его Сыромятев, - кто вам сказал такую чушь, что я вас боюсь? Зарубите себе на носу: полковник Сыромятев ничего не боится...

В эти дни Совжелдор выделил делегата на IV съезд Советов - Павла Безменова. И был дан ему наказ: доложить правительству, что положение на севере создалось странное. О переменах на Мурмане почему-то извещают исполком Совжелдора в Петрозаводске, но Центр о событиях ничего не знает. И образован для управления краем подозрительный триумвират - из француза, англичанина и одного русского, никому не известного человека (совершенно беспартийного).

Перед отъездом Безменова Спиридонов отозвал парня в сторонку подальше от всех.

- Ежели увидишь, Павлуха, товарища Ленина, то передай ему так: мол, мы здесь опасаемся захвата дороги.

Безменов даже не поверил:

- Неужели?

- Да, - кивнул Спиридонов. - Так и скажи: опасаемся!

- Финны?

- Нет. Похуже. Англичане.

* * *

Небольсин вернулся в Мурманск, навестил лейтенанта Басалаго.

- Мишель, а вы знаете, что граница у Печенги открыта?

- Знаю. Ни души. Только монахи. И - колонисты.

- А финны не пойдут туда?

- Финны уже пошли...

Глава седьмая

Поезда из бывшей столицы стали в Мурманске редкостью: сбитые кое-как эшелоны (половина теплушек, половина пассажирского разнообразия) осаждались мурманчанами, жаждущими свежих новостей. А чья-то рука вырезала клочок газеты, намочила его в воде и намертво приморозила к дверям вокзала. Каждый теперь мог прочесть: "Уезжая из Петрограда, Совет Народных Комиссаров одновременно защищает и позицию революционной власти, покидающей сферу, слишком подверженную немецкой военной угрозе, и одновременно тем самым защищает Петроград, который перестает быть в значительной степени мишенью немецкого удара".

Под вечер в контору заявился, скрипя портупеей, поручик Эллен надушенный, как барышня:

- Читали, Аркадий? - спросил и показал себе за спину отогнутым пальцем.

- Читали эту липу! - ответил Небольсин подавленно. - Петербург - глаз в Европу, а Москва - в темную Азию.

- Да, - посочувствовал Эллен, - докатились мы с вами! Глава "тридцатки" спросил, когда ожидается поезд из Петрограда и на какие пути он встанет.

- Какие там пути! Где освободят, туда и встанет.

- А вы не пойдете встретить?

- Что я, поезда не видел? Да и не жду никого...

С опозданием, вне всякого графика, замедляя скорость еще от Колы, в мурманскую неразбериху путей и стрелок, затесался петроградский поезд: две теплушки, один пульман, три дачных вагона с вытертыми дощечками: "С.-Петербург - Сестрорецк". Видать, наскребли в Питере, что могли. Мимо окон Небольсина уже побежали встречающие: солдаты, матросы, спекулянты, филеры. Суэта этих людей была в тягость Аркадию Константиновичу, который после разговора с Петей Ронеком как-то увял и сник. В самом деле, среди людей - и такое одиночество! От Бабчора в Салониках тянулись тысячи миль, беспросветных; невеста - словно ее никогда и не было - пропала в смутах, в морозах, в молчании телеграфа. "Что осталось, кроме меня?" - спрашивал себя Небольсин и почти с ненавистью оглядывал крытые тесом стены своего кабинета, оклеенные приказами о штрафах, циркулярами по борьбе со снежными заносами...

Двери кабинета вразлет - на пороге Эллен.

- Выгляни, выгляни! - крикнул он.

- Куда?

- В окно, конечно...

Небольсин продышал в заледенелом окне слезливую лужицу. И увидел, как на перроне, под тусклым светом керосиновых фонарей, шевелится какой-то ежик, блестя острыми иглами штыков. Донеслось: "Рррр-авняйсь!" - и вздрогнули головы в шлемах, в ушанках и в кепках. Низенький пожилой человек в кожанке побежал вдоль строя, длинная кобура маузера колотила его по бедру, и вот он сипло, простуженно выкрикнул:

- ...Арш!

Двинулись, бухая в доски перрона, и Небольсин задернул окно плотной, непроницаемой ширмой.

- Не понимаю, поручик Что я должен был усмотреть в этом?

- Как же вы ничего не поняли? - ответил Эллен. - Ведь это не просто

отряд большевиков, а отряд ВЧК!

Небольсин невесело посмеялся.

- Милейший поручик! Вот задача: две карающие руки, ваша и рука ВЧК, должны схватить за горло. Кто кого?

- Только не меня.. - ответил Эллен и, стегнув воздух длинными полами промерзлой шинели, быстро вышел.

А на смену поручику протиснулся в кабинет затрушенный чиновник с кокардой министерства просвещения на фуражке. Уши его были по-бабьи повязаны платком от мороза; за ним возвышалась массивная дама в окружении крест-накрест перевязанных шальями девочек с наивными глазами. Беженцы!

- Сударь, я и моя жена, урожденная фон Гартинг (Небольсин слегка поклонился) и мои девочки, - говорил педагог, - спасаемся от сатрапии большевиков. Приняли мы эстонское подданство и вот спешим на пароход вокруг Скандинавии, ибо в Петрограде кораблей нет и быть не может. Подскажите, сударь, где нам можно переночевать?

- Гостиниц в Мурманске нет, - сказал Небольсин, сочувствуя беженцам. Правда, в Коле существует старинный постоялый двор, но он уже превращен союзниками в притон. Единственное, что я могу вам посоветовать: разыщите на путях вагон с печуркой, разломайте любой забор - и живите в ожидании парохода на вашу новую родину. - Сказал, а сам подумал: "Пропадут они там!"

- Боже! - закатила глаза дама. - Хоть бы поскорее кончилась эта проклятая Россия... эти печки и заборы, нищета и страх! Европа! Как я хочу в Европу... сияющую огнями!

Ни поручик Эллен, ни сам Небольсин не заметили, что поезд из Петрограда оставил на перроне волшебное диво - молодую яркую женщину, одетую с вызывающей роскошью. Ей, видимо, было мало дела до революции, и пышные опосумы струились вдоль узких плеч. А на громадной шляпе, плохо вписываясь в пейзаж станционной разрухи, колыхались под ветром диковинные перья. Поставив на снег баул из желтой кожи, красавица сунула руки в пышную муфту и растерянно озиралась по сторонам.

Ванька Кладов соколиным оком высмотрел пикантную добычу.

- Мадам! - разлетелся он. - Мичман и поэт... драматург и местный критик! Скажите слово, и любое ваше желание...

Красавица ему сказала:

- Ах как это мило с вашей стороны! Мне как раз нужен носильщик. Прошу, мичман, мой баул. Где тут начальство?..

Заглядывая через вуаль в лицо красавицы, Ванька Кладов, вертясь мелким бесом, дотащил баул до самого мурштаба. А там, сразу окруженная ореолом скучающих офицеров, красавица отбросила перчатки, отшвырнула муфту. В руке ее щелкнул миниатюрный портсигар; и лейтенант Басалаго, нагибаясь как можно изящнее, поднес петербургской львице спичку - наподобие факела.

- Извольте, мадемуазель...

Красавица села, и нога ее в тонком сиреневом чулке небрежно перекинулась через другую ногу; под пушистым платьем обозначились круглые коленки. Она опустила глаза, чтобы все офицеры увидели, какие у нее длинные ресницы, и сказала:

- Я невеста инженера Небольсина - Ядвига Саска-Лобаржевска... Странно! Неужели вы обо мне ничего не слышали?

Прибежал ошалевший Небольсин (бледный, без шапки, пальто нараспашку) и, пробившись через толпу заискивателей, взял ее за руку.

- Боже мой, - сказал, - неужели это ты?..

- Аркадий, - воскликнула она, - собирайся! Я уже все сделала. Отныне ты подданный свободной Литовской республики. Разве ты не в восторге?.. Мне здесь хорошо, куда ты меня тащишь... опять на мороз?

- Пойдем, пойдем. - И он увел ее из штаба.

* * *

Ах какой интересный кавалер попался Дуняшке!

Вот уж не думала и не гадала девка, произрастая на убогой Кольской почве, что придется ей принимать ухаживания офицера. Женщин на Мурмане вообще было очень мало, и каждая ценилась на вес золота. Любая харя, на которую двести миль к югу уже никто не посмотрит, здесь, в Мурманске - при страшном засилии одичавшего мужичья, - делала шикарную партию. Себя Дуняшка ценила примерно как тысяч в десять - николаевскими (а керенками и того дороже).

Первое свидание Дуняшки с офицером состоялось в базовом клубе, где крутили на простынях новую английскую фильму. Показывали очень интересное: как индийский царь, похожий чем-то на Кольского исправника, душил своих жен, но потом явился благородный английский моряк и задал этому царю такого перцу, что все остальные женщины повисли на его шее: выбирай себе любую... Дуняшка так засмотрелась, что носом вжикала. Сидевший рядом с ней офицер (и весьма уже солидный), пользуясь темнотой, общупал для начала толстые Дуняшкины ляжки. А потом на улице уже нагнал ее.

- Желаю познакомиться, - заявил. - Очень вы обворожили меня. Не

извольте беспокоиться насчет сопровождения до дому: мы свое благородство всегда понимаем...

Дуняшка вынула из варежки руку, пахнущую керосином.

- Дуня буду, - сказала (сказала и присела).

- Очень нам приятно от этого, - отвечал офицер, польщенный таким знакомством. - А нас зовут Тим Харченко. Чин у нас, правда, еще невелик, но, зато общественное лицо наше всем на Мурмане известно.

- Ой! - пискнула Дуняшка. - Отцего я про вас ранее не слыхивала?

- Ну как же! Спросите любого. Тима Харченку все знают..

Так завязалось это знакомство. Харченко в эти дни действительно был на виду у многих. Дело в том, что при Союзном военном совете дошлый Юрьев образовал "институт комиссаров". Их было пока всего трое на весь Мурман: один комиссар от совдепа, один (другок Каратыгина) от железной дороги, а от Центромюра лейтенант Басалаго посадил в комиссары Харченку, и машинный прапорщик вознесся над флотилией аки ангел..

Что должен делать комиссар - никто толком не знал. Но паек полагался комиссарам внушительный: сыр, икра, масло, коньяки, шоколад и даже баночки с элем. Разложив все это богатство на столе, Харченко пустил слезу от умиления (искреннюю).

- Вот она, революция! - сказал. - Недаром мы постарались. Недаром кровь проливали. Не все господам! Кончилось ихнее время... - И, раскрыв рот, прапорщик с трудом запихнул туда толстый и жирный бутерброд.

Запив съеденное элем, он ощутил себя на самом верху революционного блаженства. А мужская сущность Харченки настоятельно требовала при этом оперативно-срочной женитьбы. Еще раз оглядел стол, заваленный продуктами, и даже пожалел себя:

- Оно, конечно, с такой жратвой да ни хрена не делая без жинки не протянуть долго... Поневоле взбесишься!

Дела, однако, комиссару не находилось: все дела в Союзном совете вершили француз да англичанин, а приданный к ним для "русского духу" мичман Носков возражать остерегался и явно склонялся выпить: чем скорее - тем лучше. Желание окупить щедрый паек привело Харченку к Юрьеву.

- Товарищ, - сказал он, протягивая через стол руку, - ты научи, как власть, что делать-то? Я ведь на все согласен.

- Комиссары, - ответил Юрьев, - должны вызывать доверие масс... Ближе, Харченко! Ближе будь к массам.

- Понятно.

- Контроль, - вразумил его Юрьев. - Также информация...

- Ясно. Ну а писать что-нибудь надо?
- Нет, - подумал Юрьев немного, - того с тебя не надобно.
- Это тоже хорошо. Верно! В этом мы не горазды...

Он ушел, осиянный своим значением в деле революции. Дуняшке, прямо скажем, повезло. Здорово повезло!

Со всей деликатностью, присущей благородному человеку, Харченко в ближайшие же дни пригласил Дуняшку в буфет при станции железной дороги. Дуняшку и раньше, стоило отлучиться ей из вагона, не раз заманивали на огонек. Но только сейчас она решилась на такой ответственный шаг...

- Эй, человек! - позвал Харченко лакея. - А клеенку кто вытирать будет? Я, што ли?

Вытерли ему клеенку.

- Совзнаками не берем, - сказали. - Будут николаевские?

- Будут..

Дуняшке уже надоело штопать носки Небольсину, и теперь она с трепетом принимала ухаживания Харченки и буфетного лакея, стучащего в заплыванный пол деревяшкой вместо ноги.

- Платить сразу! - сказал несчастный калека. - А то наберут всего, напьются, сволочи, и - поминай как звали.

В этот вечер очень интересно рассказывал Харченко Дуняшке, как надо себя вести на людях.

- Есть и книга такая, - говорил, садясь к девке поближе. - Называется она: "Как вести себя в высшем обществе". Обратите внимание, Евдокия Григорьевна, что курочку на глазах общества кушать не принято. Для курочки, как и для любви, следует искать уединения. Отдельный кабинет должен быть для курочки, потому как едят ее не вилкой, а ручками. Опять же и вино! Его не просто так - взял да выпил. Нет, Евдокия Григорьевна, каждое вино имеет свое значение в благородном смысле...

Он притянул к себе бутылку. Этикетка была французская, с надписью "COGNAC". Однако лицом в грязь Харченко не ударил:

- Вот, к примеру, этот "соснао... Подали его не по правилам. Такая шербетина пьется в подогретом виде. Эй, малый!

- Чего орешь? - подковылял культистый служитель Вакха.

- Подогреть надо. Мы тонкости эти понимаем...

- У-у, чтоб вас... Ходють здесь всякие, листократы!

Выбулькал коньяк в чайник. Плита так и пышет от жара - коньяк скоро забурлил ключом.

- Эй ты, химия! Вскипел...

Горячий коньяк двинул прямо в сердце, уязвленное стрелами амура. Прикинув к курносому лицу Дуняшки, Харченко объяснил девке цель своей благородной жизни.

- Едем, - уговаривал он ее страстно, - до Колы на "подкидыше". Евдокия Григорьевна, у меня все приготовлено. Будете хозяйкой. Десять пар простыней из казенного полотна. Одеяло... сам не сплю под ним. Берегу для вас! Кровать с шарами по дешевке высмотрел. Занавесочки там, сервиз - тоже могу... Вы не волнуйтесь: у Тима Харченки все есть. Станете вы жить как у Христа за пазухой.

Дуняшка распустила толстые губы на все эти приманки.

- До войны-то, - сказала ни к селу ни к городу, - был у нас в Коле исправник. Так он шато-икем пил. Другого не признавал. Полтора рубля одна бутылочка стоила.

Харченко совсем размяк - от любви и "соснаса".

- Евдокия Григорьевна, - ответил. - Мы за шато-икем не держимся! Захотите шато-икем пить, только словечко скажите мне: Тим Харченко в лепешку расшибется - достанет!

На маневровом, вместе с "гудящими" солдатами гарнизона, проехали в темноте до Колы. Дуняшка знакомить офицера со своими бабками и дедами побоялась, но дом свой издали показала: светился он оконцем - только одним (керосин берегли).

Харченке дом понравился.

- А старенькие ваши дед с бабкой, Евдокия Григорьевна?

- Куды-ы там! Уже в земельку глядят.

- Это благородный возраст. Небось и помрут вскорости... Сватовство было прервано - совсем некстати! - Юрьевым.

- А! Вот ты и нужен мне, братишка, - сказал он при встрече. - Бери прогонные и мотай на "Соколище" до Иоканьги.

- А чего мне там?

- Поручение ответственное. Там, кажется, тюрьма строится. Так ты высмотри по-хозяйски, чтобы из этой тюрьмы никто убежать не смог. Потом докладную составишь по всей форме...

...Через двое суток, на пасмурном рассвете, "Соколища", потрепанная штормом, вошла под защиту Святого Носа: острый мыс, выпиравший далеко в океан, сдерживал яростный приступ моря. Возле берега ждали редких пассажиров нарты с каюрами, и собаки, взметая вихри снега мохнатыми лапами, с визгом понесли нарты по горам... Вот и сама Иоканьга: барак, радиостанция, контора базы, бочки с горючим, ряды колючей проволоки.

Встретили радисты комиссара - как собаку не встречают.

- Запродался, шкура?

- За что я запродался?

- Известно за что: за банку тушенки.

- Соображай, что говоришь! - окрысился Харченко. - Я не тот, который... это самое! Мы из народа произошли, кровью добыли, так сказать. И как стоишь, когда с офицером разговариваешь? Или забыли, чему вас учили?..

Тюрьма - на острове, вокруг бушует океан. Барак из жести и бревен окружен мотками проволоки. От движка системы Бергзунда, работавшего на пиронафтовом масле, тянулись провода к прожекторам охраны. Охраны пока не было, как не было и самих узников. Глядя на бушующий океан слепыми стеклами зарешеченных окон, тюрьма терпеливо выжидала узников.

На улице поселка подошел к Харченке скромный человек в котелке и пальто, вскинул по-военному два пальца к виску.

- Не угодно ли? - сказал. - Моя жена как раз блины печет...

За блинами выяснилось, что любезный человек - капитан Судаков, бывший начальник Нерчинской каторги. Веером рассыпал он по столу фотокарточки с видами угрюмого Нерчинска. Харченко, макая блин в оленьё сало, почтительно удивлялся:

- Надо же! Хы-хы... из самого Нерчинску. Ай и дела пошли! Трохи обеспокою вопросом: где же, по вашему разумному пониманию, тюрьма всех поганее - чи здесь, чи в Нерчинске?

Капитан Судаков ловко, как шулер картишки, собрал россыпь фотографий, столь родных для его сердца.

- Душенька! - повернулся к жене. - Не дай соврать... Ответь сама по чистой совести господину Харченко.

Жена капитана, раскрасневшись от жара плиты, повела рукою, измазанной тестом, на узкое окно:

- Да в Нерчинске-то - рай! А здесь рази жисть? Как вспомню Нерчинск, так сердечко кровью обливается... Хосподи! Вернемся ли когда обратно? Не дай бог, помрем тут...

* * *

Он никак не мог сознаться Ядвиге, что давно уже разорен.

Дни - в ожидании парохода - мучительные, незабываемые. Ссорились, снова мирились.

- Я сделала почти невозможное, - говорила женщина. - Ради тебя. Ради нашей любви... Ты думаешь, мне было легко вырвать этот паспорт для тебя

от этого идиота Белоусова!

- А кто это такой?

- Ах, matka-бозка! Это литовский консул в Петрограде.

- Белоусов-то?

- Ну да, Аркашка, не мучай меня... Сейчас все Белоусовы согласны стать хоть неграми, только бы выбраться на свободу из этого российского ада!

Конечно, Небольсин догадывался: Ядвига пришлось немало побегать, немало пострелять глазами и немало потратить денег, чтобы этот сомнительный "консул" признал его, Небольсина, истинно русского человека, литовским подданным. Литва получила от немцев-захватчиков автономию и управлялась загадочной Тарибой; там, в сытом Вильно, играла сейчас берлинская опера, там за русский рубль давали сейчас две подлые германские марки. Обо всем этом и, рассказывала Ядвига, явно заманивая его на виленское житье... "Благодарить ее или возмущаться?"

- Пусть дают хоть тысячу марок, - отвечал Небольсин. - Мне противно, что наши рубли так низко пали... Какое они, подлецы, имеют право оскорблять наш рубль!

- Деньги... Разве они краснеют от стыда?

- Деньги - нет! Но зато я краснею за деньги... Ядвига - до чего же неудобное имя! Невозможно тебя выругать. Как? Ядвижища? Ядвижка?.. В любом случае ты, моя дорогая, остаешься всегда безнаказанной!

- Зато ты - презренный Аркашка.

- Вот именно, о чем я и говорю, - соглашался Небольсин.

- Ах, - вздыхала Ядвига, - но кому нужен твой патриотизм?

Она была права, и это наводило на печальные размышления.

- Да. Сейчас, к сожалению, никому не нужен. Но патриотизм не масло! И не каша! Он не испортится. И он всегда пригодится. Не сейчас, так позже... А ты неумна, моя прелесть: глупо делать из меня литвина!

- Не забывай, - грозила женщина, - еще не все кончилось: твою Россию ждет тяжелое время.

- Россию - не тебя же! Я был подданным великой Российской империи. Наконец я стал гражданином Российской республики. Пусть я - чижик, но я сижу на ветвях могучего дуба.

- Дуб твой, Аркашка, подпилен и скоро рухнет.

- Неправда. И вдруг ты желаешь пересадить меня с ветвей дуба на жалкую картофельную ботву... Я не верю в будущее лимитрофов. Рано или поздно эти княжества, искусственно созданные Германией, будут сожраны... самую же Германией! Или они снова примкнут к России. В

первом случае я не желаю подчинять себя прусскому хаму. А во втором - мне будет стыдно как изгою возвращаться в лоно матери-родины уже иностранцем. Я русский и не хочу быть беглецом!

И так вот, в ожидании парохода, оба мучили один другого... Полыхало вдоль неба сияние - такое пламенное! Вагон с Небольсиным и Ядвигой подхватывал маневровый, таскал его по путям, заводил в тупик, снова тащил на просторы тундры. Казалось, не будет конца! Двое - лицом к лицу - не могли решить главного, ласками прерывая мучительные споры.

- Ты не будешь одинок, - шептала она ему, целуя в глаза. - Там много русских. Русские церкви, русские театры, библиотеки, наполненные русскими книгами... Здесь ты состарился, Аркашка. Посмотри, каким ты теперь стал. Разве таким я увидела тебя впервые?

- Не быть русским? - печалился в ответ Небольсин. - Это единственное, что мне осталось. С гордостью говорить всем: смотрите, я несчастный, пусть оно так, но я - русский!

- Ах, что с того? Был ты Небольсин, а станешь, допустим, Небольсинявичус... Только бы не остаться в этой совдепии.

- Совдепия ни при чем, есть еще Родина и Отечество, - эти слова так и пишутся, с большой буквы. Есть народ, есть Пушкин, Ломоносов, Толстой... есть наши сказки, песни, поговорки, привычки, ухарство, гости к вечеру и до утра, свет лампы под абажуром, сирень весной, а клюква осенью, каша со шкварками - она тоже есть. Не-ет, милая! Это не так все просто, как тебе кажется...

Ядвига поднялась, нащупывая ногой туфельку.

- Аркашка, - сказала спокойно, - тогда я... одна.

Небольсин вдруг заплакал, присаживаясь у печки, у родимой печки из ржавого железа, которая гудела ему трубой - неистово.

- Ты меня никогда не любила, - сказал он.

Наступил день разлуки. Дым из трубы парохода, грохот сходней, легкая качка. И косо улетают прочь от берега чайки. Ядвига плакала, а он гладил своей ладонью ее теплый затылок, вдруг ставший таким родным и жалким. Что он мог поделать? "Может, и правда сбежать по сходне навстречу ветру опасных странствий по чужбине?.."

С трудом он успокоил себя.

- Понимаешь, - сказал, глядя на пароход, сверкающий огнями, - есть две теории для спасения. Приверженцы первой утверждают, что лучше спасаться на шлюпках. А другие говорят: нет, вернее оставаться на корабле, чтобы спасти сам корабль. Так вот, моя дорогая, я предпочитаю остаться на корабле.

Она подняла к нему заплаканное прекрасное лицо:

- Но корабль-то... тонет, тонет! Пойми ты это...

- Он накренился. Ничего, откачаем! Он выпрямится.

Мимо них проследовала семья: педагог в фуражке министерства просвещения, его супруга и три девочки, держащие одна другую за озябшие руки. На лицах детей светился испуг перед высоким кораблем, который навсегда увезет их в дальние страны.

- Вот и мы, - сказал чиновник, тоже испуганный, как ребенок, и вытер слезу. - Жаль, - добавил. - Все равно жаль... Ах, если бы не жена!

"Урожденная фон Гартинг", - мысленно досказал за него Небольсин.

А вот и она сама.

- Прощайте! - кивнула сухо.

И пароход взревел...

Небольсин в отчаянии стиснул в своих ладонях руки Ядвиги.

- Я не имею права просить, - заговорил быстро, - чтобы ты осталась. Но я слишком свыкся с мыслью, что все пройдет и где-то, в каком-то волшебном мире, мы снова встретимся... Прощу! Умоляю! Договоримся так: когда в России жизнь наладится (а я верю в это), я вызову тебя из Вильно... Ты приедешь ко мне?

Улыбка сквозь слезы.

- Конечно... - И попросила: - Поцелуй меня...

Замерла на трапе. И повернулась к нему.

- Я так несчастна, - сказала она.

- Я тоже, - ответил он. - Прощай, прощай...

Медленный разворот корабля на рейде. Большой красный крест на борту парохода, чтобы немецкие подлодки его не трогали: груз живой и беззащитный - дети, женщины (военных лет). Ядвига, такая маленькая с берега, еще стоит в толпе. Все машет ему...

"Прекрасная моя! Прощай, прощай..." Неужели эта страница его жизни уже перевернута?!

* * *

А в вагоне Дуняшка собирала свое барахло, мрачно вязала его в неряшливый узел.

- Покидаю вас на веки вечные. Потому как за мной ныне очень вазные господа ухазывают... не цета вам! Комиссары будут!

Небольсин пинками докатил узел до тамбура.

- Проваливай, - сказал со злостью. - Тебе ли дано скрасить одиночество?

И вдруг стало легко-легко. До глубокой ночи топил свою печку, пил

вино, пел и плакал. Ему было хорошо. Даже очень хорошо.

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить,

У ней особенная стать

В Россию можно только верить.

Глава восьмая

Когда они прибыли, эти люди, мир не перевернулся, но заметно посуровел. Таких на Мурмане еще не видели, хотя о них уже ходили легенды. Комлевский отряд ВЧК всю ночь топал по Мурманску, отыскивая себе крышу для ночлега. Но все бараки и вагоны были заняты, и рассвет застал чекистов серых, небритых, плохо и бедно одетых - на улицах города.

Британский солдат в добротной русской бекеше охранял склад, где горкой стояли на снегу банки с корнбифом и серебристые цилиндры французской солонины. Англичанин огляделся по сторонам.

- Хэлло, рашен... - тихо позвал он Комлева и вдруг стал ловко метать в руки чекистов тяжелые разноцветные банки.

- Садись, где стоишь, - скомандовал Комлев и ножом вспорол банку: розовая ветчина, прослоенная пергаментом, - просто не верилось после голодного Петрограда...

Сидя на снегу, красноармейцы штыками и пальцами ковыряли британский корнбиф. Иным попались бычьи языки, загарнированные шотландской морской капустой. Впрочем, им было сейчас глубоко безразлично, как это называется.

Над Кольским заливом всходило негреющее солнце; из высоких труб крейсеров "Кокрен" и "Глория" вертикально врезался в небо черный дым. Наступал день, заревели сирены, и в Семеновой бухте задвигались по рельсам подъемные краны, что-то выхватывая на берег из корабельных трюмов.

Звегинцев пригласил Комлева в управление обороной Мурманского района. Вот он сел перед ним, усталый пожилой человек, сложил на коленях грубые руки слесаря, на которых ногти - словно тупые отвертки.

Звегинцев сказал Комлеву так:

- Вкратце позволю себе объяснить положение. Старые погранвойска разбежались. В наличии у нас всего сто человек. К югу от Кандалакши уже создан отряд Красной гвардии. Возникает новый фронт в стране, ибо белофинны идут на Кемь. На Кемь и на печенгские монастыри. Это - здесь, севернее, совсем под боком у нас. Из Архангельска уже вышел ледокол с отрядом вооруженных портовиков. Нас поддержит союзный десант. В этом краю я воинский начальник и прошу сдать свой отряд под мое

командование.

С мокрых, вдрызг разбитых сапог Комлева натекла грязная лужица. Он размазал ее ногами по полу и устало вздохнул:

- Генерал, надо же иметь голову... Мой отряд создан из рабочих ребят. Присланы мы сюда для охраны дороги и для борьбы с контрреволюцией. Я вам, генерал, сдам свой отряд, и... вы, что ли, станете с контрреволюцией бороться?

Но Звегинцева теперь не так-то легко было смутить, и он хмыкнул в ответ.

- Контрреволюция? - переспросил. - Но ее здесь, слава богу, нет. Контрразведка, созданная на Мурмане для борьбы со шпионами, еще при господине Керенском расправилась с монархистами невзирая на лица. С революционной принципиальностью был удален и, главный начальник на Мурмане, каперанг Коротков.

- А коли так, - ответил Комлев, - то не мешало бы и вас, генерал, попросить с Мурмана! Мне свой отряд сдавать некому. Отчет в своих действиях я буду давать не вам. Не вам, а революции.

Звегинцев, не вставая, щелкнул под столом каблуками:

- Печально... Таким образом, я не включаю ваш отряд в состав мурманской обороны. И следовательно, на основании вышесказанного с довольствия ваш отряд механически снимается. Вот так.

- Вот и спасибо, генерал! Открыли мне глаза. Но я не совсем понимаю: как же вы меня и мой советский отряд можете снять с советского же довольствия?

- А я и снимать не стану. Ибо никакого советского довольствия здесь, на Мурмане, никогда не было. Здесь только союзное...

Союзники не стали долго ждать, и с утра пораньше полковник Торнхилл переслал Комлеву послание: "Адмирал приказал мне Вам напомнить, что он советует Вам, в случае возникших недоразумений, действовать терпеливо и ни в коем случае не прибегать к оружию и насилию, что может вызвать лишь беспорядки и анархию, совершенно недопустимые в местных условиях..."

Тяжело волоча ноги через сугробы, Комлев дошагал до телеграфа. Письмо полковника Торнхилла он нес в руке. Возле крыльца телеграфа вспомнил о нем, порвал в клочки и шагнул внутрь помещения.

- Телеграмма, - сказал. - По дистанции... до Званки!

- Телеграф занят, - ответил чиновник.

Комлев надрывно вздохнул. Жесткие пальцы раздернули кобуру. Длинное дуло маузера вошло в кабину саботажника.

- Я не спал всю ночь, - сказал Комлев. - Поверь, у меня нет сил, чтобы тебя уговаривать. Крути по дистанции до Званки!

По дистанции до Званки проворачивались катушки аппаратов, и вот первая лента - суровая:

- НИКАКИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ ЗПТ ИСХОДЯЩИХ НЕПОСРЕДСТВЕННО ОТ ЗВЕГИНЦЕВА ЗПТ ПО КОМАНДАМ ОХРАНЫ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКИМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ОТРЯДАМ НЕ ИСПОЛНЯТЬ ТЧК КОМЛЕВ ТЧК

До позднего вечера он размещал свой отряд по Мурманску. В барак пяток человек сунет, в вагон - полвзвода кое-как запихает. Плохо! Но под открытым небом еще хуже.

- Давай-давай, ребята, - говорил Комлев, - уплотняйся!.. Мурманск был уплотнен за эти дни до предела. Повсюду селились и веселились разные коммерсанты, весьма молодцеватые, которые, утром приехав, к вечеру уже называли себя поручиками и полковниками. И очень много понаехало в Мурманск знати: встаешь в очередь за хлебом вслед за графиней, а в хвосте уже пристраивается у тебя баронесса, за нею с кошелкой - князь... Чехи, сербы, китайцы, итальянцы, англичане, французы, канадцы - весь этот Вавилон, попеременно с русскими, таскал по путям чайники с кипятком и справлял нужду под колесами города. Иные вагоны, в завале нечистот и отбросов, давно припаялись морозами к рельсам намертво. Весной все это растает, и людей задушит зловоние, но русские разумно говорили иностранцам и себе тоже:

- Весной? Ты еще доживи до весны-то. Ого, милоч!

Весна...

Полярная ночь медленно отступала, и надвинулись с океана синие, скользящие по сопкам рассветы. Солнце уже не спешило укрыться за скалами, нависая над водой - недреманно и холодно.

В одно из таких утр, когда Мурманск еще не пробудился, в доски причалов ткнулся форштевень крейсер "Аттентив" и сбросил на берег десант. Быстро пробежала на вокзал пехота в белых суконных гетрах. Ловко и бесшумно, с оглядкой по сторонам. Пока англичане глаза не мозолили, благоразумно запрятав десанты в Коле, где солдаты с утра до вечера гоняли в футбол. А пушки - это так, вроде украшения. Глядя на британских томми, можно было подумать, что главное для них - футбол.

Комлев навестил Юрьева в его берлоге совдепа.

- Здравствуй, товарищ! - радушно приветствовал его Юрьев. - Вот и до наших краев дотянулась железная десница ВЧК. Кого будешь хватать за горло первым?

- Хорошо бы... тебя, - сказал Комлев негромко.

На выручку Юрьеву пришел телефон, вовремя зазвонивший.

- Погоди хватать, - засмеялся Юрьев, срывая трубку. - Председатель Мурманского совдепа у аппарата... Так. Так. Понятно. Но ничего не выйдет, Николай Иванович ("Звегинцев!" - догадался Комлев). Команды флотских рот и кораблей, - говорил Юрьев, - давно небоеспособны. Абсолютно... Митинг? Но это уже старо! Подвоза семечек нету, и митинги из моды вышли. Попробовать, конечно, можно. Ну чего-нибудь наскребем... Всего хорошего.

Бросив трубку, Юрьев сказал Комлеву:

- Так вот, дорогой товарищ Торквемада! Ты напал не на того боксера, который выбывает из боя в первом раунде. Здесь тебе не Петроград, а Мурманск - во всей своей первобытной прелести. И обстановка здесь (сам знаю) аховая! Вчера вот наряд милиции ночью вырезали. Американского атташе Мартина обчистили, на вокзале до нитки. И два вагона с мясом - ау! Хватай, коли ты по Конан-Дойлю решил здесь работать.

Комлев расставил ноги, словно готовясь к драке:

- Слушай, Юрьев! Ты меня уголовщиной не обстукивай. Сам не маленький я ведь не карманников ловить прибыл. А тебе, видать, Советская власть не так посветила. Ты ее сущности не вызнал! Ежели по дурости - подсказем. Ежели по алому умыслу - будем карать. Сидишь ты, небритый, под красным флагом. Корабли стоят под андреевским, который барон Маннергейм в свой государственный перекроил. А союзники город своими знаменами будто ярмарку разукрасили. Как понимать?

Юрьев все выслушал и ответил спокойно:

- А так и понимай. Если бы не союзники, мы бы здесь давно сковородкой накрылись. Вот и сейчас: финны жмут на Печенгу, потому что кайзеру нужна база для своих подлодок, а наши корабли - громадное им спасибо за то, что печки топят! Хоть на берегу мы видим, что еще не все разбежались. Будем выкликать добровольцев под Печенгу... Твои ребята не рискнут?

- Они здесь рискнут, в Мурманске, - отозвался Комлев.

- А может, оружие сдадите?

- Кому?

- Добровольцам нашим. Потом вернем. Когда возвратятся. Комлев уже застегивал кожаную тужурку.

- Знаешь, Юрьев... как бы это поделikatнее? Вот шел я к тебе и думал: ты хитрый. А поговорил пять минут и понял: глупый ты, Юрьев, и вредный.

...На днях тупик одной стрелки французы окружили высоким забором, охраняемым матросами с броненосца "Адмирал Ооб", и вот сегодня забор этот обрушили; на рельсах стоял новенький бронепоезд. Громыхая стальными блиндами, весь в щетине пулеметов, "бепо" проскочил через Мурманск до Колы и обратно - это был пробный выезд.

Тогда на пороге кабинета Небольсина появился Комлев.

- Вы здесь старший? - спросил угрюмо.

- Садитесь, - ответил ему Небольсин.

- Перекройте пути перед французским бронепоездом!

- Я не имею права, - возразил Небольсин, - закупорить дорогу, дающую России пока единственный выход в мир. Нет, я не имею права.

- Саботаж? - спросил Комлев. - Ты знаешь, что за это полагается?..

- Знаю, - прервал его инженер. - И однако ничего перекрывать на путях не буду. Бронепоезд французов, если вам угодно, можно задержать южнее. Но только не здесь... Там, южнее, ваш отряд Спиридонова, там большевики в Совжелдоре, а с меня - взятки гладки...

Щелкая на стрелках, мимо станции тяжелым чудовищем проскочил бронепоезд - на этот раз уже до самой Кандалакши, и нигде не был задержан.

Небольсин заглянул в консульство:

- Дружище Лятурнер, вы куда собираетесь увеличивать пробеги вашего мастодонта?

Лятурнер сидел в качалке с газетой в руках. Оттолкнулся от пола - и высоко вздернулись его колени в замшевых ляхх.

- Только до Званки, Аркашки... только до Званки!

- От Званки до Петрограда, - разумно ответил Небольсин, - всего сто четырнадцать верст. Большевики вряд ли обрадуются вашим платформам с пятидюймовками!

- А мы здесь, Аркашки, не для того, чтобы их радовать...

Небольсин подумал и неожиданно обозлился:

- Черт бы вас всех побрал! Вы здесь в политику играете, а поставит к стенке Комлев не вас, а меня!

Лятурнер засмеялся.

- Не поставит он тебя, Аркашки. Сила уже на нашей стороне...

На прощание Небольсин сказал:

- Милые французы, все это кончится очень скверно. И для меня. И для вашего бронепоезда... Как начальник дистанции, я заранее снимаю с себя всякую ответственность в случае, если ваш "бепо" будет найден на перегоне колесами кверху...

В командной палубе "Аскольда" хоть топор вешай: накурено. Полундра митинг! На этот раз сидячий и лежащий. Стоячие отошли в область преданий. Матросы - на рундуках, болтаются в подвесушках. Даже не митинг, а беседа, дружеская беседа. Два громадных чайника из красной меди плавают в дыму, по ходу солнышка. Вопрос обсуждается на этот раз очень серьезный: воевать или не воевать за Печенгу?

По дешевке, как было при царе, умирать теперь никто не хочет: все деликатно обмозговывают. Примерно так:

- Финны - белые? Факт, белые. За ними - немец? Он, проклятый. Шпарил немец на красный Питер, теперь по указке кайзера идет белый финн на Ухту, на Кемь, на Печенгу...

В одних кальсонах, с голыми животами, насакивали:

- Да пойми ты, башка от кильки! Войне-то конец! Нет войны! На кой тебе ляд сдалась эта Печенга? Что там - Петергоф, што ли? С барышней и то хрен пройдешься. Волков только морозить...

Все ждали, что скажет Павлухин; перенял он чайник, гулявший по кругу, приник к теплему носику в зеленой окиси.

- Тьфу! - сплюнул чаинку, попавшую в рот. - Братва (и спрыгнул с койки), ежели так судить, братва, то за что же наши рабочие бились под Псковом и Нарвой? Если бы сказали они тогда: "На кой ляд эта Гатчина?" немец давно бы уже гулял по Невскому... Врагов революции надо бить! сказал Павлухин. - По зубам! А пока мы тут губами белье полощем, они нас лупят... Нешто вас, братишки, злость не берет?

- Ну иди, - ответили. - Шустряк какой нашелся...

Павлухин грохнул чайником.

- Я пойду. Мне за вас совестно... Тех же англичан стыдно! Над нами уже смеяться стали: мол, русские трусы... Пойду я, братцы!

Поднялся еще Митька Кудинов, распушил свои бакенбарды.

- Пиши меня тоже. Да. и кончай трепаться - спать надо. И еще Власьев отчаянный:

- Хуже того, что имеем, не будет. Я тоже пойду.. Потом и третий:

- И меня пиши. Хоть штаны проветрю...

Глубокой ночью закончили.

Павлухин босиком прошлепал по холодным линолеумам, откинул люковницу, выставив голову над верхней палубой, глянул поверх броневой стали:

- Эй, на мостике! Просигналь на штаб нашим паразитам - Басалаго да Юрьеву, что "Аскольд" дает тринадцать добровольцев. Командира не будить. А мы - амба, на боковую...

Крейсер его величества "Кокрен" подхватил утром добровольцев с флотилии и, ныряя в сизых волнах, отправился в море.

Вот и первый завтрак - заодно с англичанами. Построились по сторонам бортов - русские и англичане. Качались между ними столы, на которых ерзали при качке сковородки с яичницей, бачки с овсянкой, сдобренной для калорийности порошком натрия с казеином. Каждому матросу, как пай-мальчику, выдали по большому имбирному прянику.

Комендор с "Чесмы" удивился.

- Гляди-ка, - шепнул, - у них, паскудов, палуба чистая..

- А ты к нам приди, - ответил Павлухин. - У нас ничуть не хуже.

Качало, начало, начало... По трубам парового отопления, висевшим над койками, с треском прорывало горячий пар. В ожидании команды стояли англичане и русские - в общем очень похожие один на другого. На груди русских матросов начертаны несмываемым лаком боевые номера: по ним узнают матроса. А на руках английских моряков браслеты с именем и названием корабля: по иным узнают утопленника - кто таков и где плавал. И у всех у них на синих воротниках по три белые полосы...

Три белые полосы у англичан - в знак побед королевского флота при Сент-Винcente, при Абукире и славном Трафальгаре.

Три белые полосы у русских - в вечную память о громких победах при Гангуте, Чесме и Синопе.

Два великих флота - два великих народа.

С волны на волну... веками! Сколько столетий качаются под ними настилы корабельных палуб! Сначала трещали весла галер, гудели потом паруса каравелл, а теперь могуче уносят их в моря воюющие машины. Глаза - в глаза: серые - в серые; одна улыбка - в другую... Но вот запели волюнки, и боцманы дали команду завтракать. Крейсер с ревом влезал на волну: уже выходили в открытый океан.

Павлухин ел британскую овсянку с промзоном, густо мазал белый хлеб яблочным джемом...

К вечеру потишала качка - "Кокрен" затесался в лед, уже разбитый архангельским ледоколом. Потянулись мимо черные берега. Крутобокая махина военного ледокола стыла в глубине фиорда, и по длинным сходням бегали, словно муравьи, архангельские красногвардейцы - к ним, как это ни странно, англичане отнеслись гораздо уважительнее, нежели к мурманским добровольцам: дали сопровождающего и переводчика. Пошли на берег и матросы.

В предрассветной темноте растянулись цепочкой в низине. С верхушек сопков ветер сметал вихри снега, шустро скользили лыжи архангельских

мужиков. Обутые в русские валенки, ровно, как заведенные, шагали британские офицеры. У каждого из англичан был переброшен через шею фитильный шнур для керосиновых ламп, а на этих шнурах болтались громадные рукавицы из собачьего меха.

- Вышли к монастырю! - проголосили от головы колонны. Такого монастыря еще никто не видывал: в низинке лежала притихшая деревенька с церквушкой. Над крышами избенок тянулись электрические провода, торчала на отшибе радиоантенна. Из распахнутых ворот амбара несло едучим дымом. Там молодой послушник, чихая от выхлопных газов, дергал и дергал стартер захудалого дизеля.

- Здорово, машинный бес! - кричали ему матросы.

- Я вам не бес, а отец дизелист, - отвечал монашек.

- Отец дизелист, а мощи у вас имеются?

- Мощи-то? А как же... Это в России вранье про нетленность. Мыши там дохлые, а не мощи. А у нас, где ни копнешь покойника, он везде - как пятак новенький. Даже румянец пышет! Одно слово, православные, вечная тут мерзлота и вечная святость...

Английский офицер с "Кокрена" походя заглянул в амбар, что-то копнул пальцем в дизеле, рванул шнурок на себя, мотор сразу зачепал, и тусклые окошки избенок монастыря медленно накалились электрическим светом.

На самой околице Печенги с непокрытою головою стоял отец Ионафан, настоятель обители. Ветер рвал с него подрясник, и белые штрипки кальсон болтались над галошами архимандрита, надетыми прямо на босые ноги.

- Где русский матрос? - говорил он напутственно (с легонькой матерщинкой, как и положено боцману). - Где веселый вид, бодрость и слава? Эх вы-и! - упрекнул настоятель матросов. - Измельчал народец... Впрочем, спохватился он тут же, - кто самогонки дернуть желает, тот завертайся в бражную келью. Выпей и - вперед за веру и отечество!

Царя уже не было, но - в понятии отца Ионафана - вера и отечество оставались в прежней нерушимой силе.

Крейсер "Кокрен" открыл огонь по площадям. Ровные квадраты тундры покрывались разрывами пристрелки. Снежная крупа, острые камни, голые прутья, моховые проплешины сопки среди обдиристой, как рваное железо, щебенки - и все это было древней русской землей.

Лахтари отстреливались хорошо, и одного англичанина уже волоком потащили на куске парусины обратно - в монастырь.

- Не повезло парню, - пожалел его Павлухин.

Он, как большевик, хорошо сознавал, что к этой операции у стен Печенги англичане... примазались! Им очень хотелось сейчас выставить себя перед миром (и перед Совнаркомом, конечно) защитниками русского севера - чтобы оправдать свое пребывание на Мурманском рейде.

- Вперед! - Павлухин во весь рост, не пригнувшись, с лихостью бесподобной, рванул на врага: его душила злоба (и на англичан, и на белофиннов, и на того отца настоятеля, что попрекал их). - Ура! - хрипло выкрикнул он.

Русские матросы кричали протяжно, с надрывом.

Молча и сосредоточенно наступали архангельские мужики.

- Гил, гип, гип! - подпрыгивали следом англичане. Лахтари удара не приняли. И вот уже согнувшись, они летели в синеве снегов по горам. Раздувались их белые балахоны. Разворот - и один из них воткнул в снег лыжные палки.

- Эй! - закричал он по-русски. - Ты, сволочь красная, все равно вылетишь отсюда... Самому тебе с нами не справиться, так ты англичан привел?

Со стороны бивака сразу подъехал на лыжах переводчик.

- Провокация, - сказал он. - Стреляйте...

Павлухин с положения лежа выстрелил. Перекинул затвор, послал еще одну пулю. Лыжник присел на корточки - широко раскидал палки.

- Готов, - заметил переводчик и отбежал обратно. Матросы в черном на снегу - как мухи в сметане. Вокруг костерка, быстро сложенного, стояли они на коленях, грели над огнем красные, потрескавшиеся ладони. Англичане перетянули к ним два термоса с горячим какао, дали каждому по хрустящему пакету "сухарей Гарибальди".

Обдирая спину, Павлухин съехал вниз по склону горы. Проваливаясь по колено в снегу, с разодранным в кустах клешем, он добрал до убитого. А тот быстро костенел, хватаемый морозом, и смотрел теперь на матроса-большевика жуткими бельмами глаз, в которые уже запал мерзлый иней... Это был лейтенант Мюллер-Оксишиерна. Бывший офицер русского флота, он нашел свою новую родину и сразу пожелал расширить ее владения за счет грандиозных просторов России...

Стараясь не глядеть в лицо мертвеца, Павлухин рванул из рук убитого винтовку. Тот отдал ее - равнодушно. Матрос пошел обратно - на свет костра. Трофеей оказался русской трехлинейкой, но укороченной с дула. Пограничник царской армии бросил ее, а бережливый финн подобрал. Павлухин дернул затвор, и, сверкнув, резво выскочил из магазина патрон.

- Занятная штука, - сказал Павлухин - Смотри-ка, ребята. Патрон был

немецкий, но специально поджат на станках в Германии, чтобы не заедал в русском оружии.

Тут Павлухина отыскал один архангельский, потянул в сторону.

- Земляк, ты, что ли, Павлухиным, будешь?

- Ну я...

- Уматывай, - шепотком подсказал красногвардеец. - Тебе в Мурманске шикарный паек выписан - свинца вот столько. Но этого хватит, чтобы облопаться. Наши радисты связаны с Югорским Шаром, с Иоканьгой и Печенгой. Они, брат, все знают.

Павлухин, кося глаз на костер, быстро досасывал сигарку.

- Куда же мне? - спросил, и кольнуло его в сердце, сжавшееся, словно в предчувствии пули.

- На ледокол. Ребята свои. Езжай тишком...

- Лыжи, лыжи! - заорали от костров.

От самой вершины сопки сами по себе летели на отряд лыжи. Вернее, две пары лыж. Лыжи без людей стремительно неслись вниз. Вот они косо врезались в снег и застыли. К. одной паре была привязана одна половина человека, а к другой паре - вторая. Это был матрос с "Бесшумного", попавший в лапы "мясников"-лахтарей.

Англичане уже деловито, ничему не удивляясь, расстилали на снегу парусину. За один край парусины взялся Павлухин, задругой пехотинец его величества. И потянули разорванного пополам человека - мимо монастыря - в бухту...

- Гуд бай, камарад, - сказал Павлухин на прощание и побежал в сторону ледокола, где качалась, царапая берег, длинная сходня.

Поначалу его спрятали в узком ахтерпике. От запаха краски разламывалась голова. И качался - лениво - рыжий борт, весь в обкрошенной рыхлой пробке. Но вот задвигались барабаны штуртросов, застучали машины. Ледокол тронулся на выход в океан, и тогда Павлухина провели в офицерскую каюту.

"Не скучай", - сказали.

Скоро в каюту к нему шагнул плечистый великан с белокурой шевелюрой. Сбросил с плеч "непромокашку", под ней - мундир поручика по Адмиралтейству. Это был Николай Александрович Дрейер, архангельский большевик, штурман с ледоколов.

- Здравствуй, Павлухин, - сказал он и вдруг строго спросил: - Зачем ты убил контр-адмирала Ветлинского?

- Я? - вытянулся Павлухин. - Это вранье...

И вспомнился ему тот серенький денек, когда шел он себе да шел,

задумавшись, и вдруг нагнал его матрос, совсем незнакомый, и стал подначивать на убийство главнамура. "Кто он был, этот матрос?"

Дрейер помолчал и подал руку:

- Ну я так и думал. Ты человек серьезный и глупостей делать не станешь. Говоришь: не ты, - значит, не ты!

- А что случилось?

- Перехватили сейчас радио. Контрразведка Мурманска требует снять тебя в Печенге и отправить прямо к Эллену. На крейсере им тебя не взять боятся, а здесь удобнее. Честно говоря, я испугался, что тебя прикончат еще в сопках... под шумок!

- А как же теперь... "Аскольд"? - растерялся Павлухин. Дрейер откинул от переборки койку, сказал о другом:

- Это моя каюта. Сиди пока тихо, в Горле выйдешь. А в Архангельске тебе работы хватит: мы не допустим там повторения того, что случилось у вас в Мурманске. Вот, - сказал Дрейер, хлопнув по одеялу, - будешь здесь ночевать.

- А ты?.. А вы? - поправился Павлухин.

- Мое дело штурманское: весь переход на мостике. Дрыхну как сурок на диване в ходовой рубке. Открой шкафчик. Здесь у меня коньяк, сыр, хлеб. Маслины ты любишь?

- Тьфу! - ответил Павлухин.

- Ну и дурак. Шлепанцы под койкой... Что тебе еще? - огляделся Дрейер, как добрый хозяин. - Ну, кажется, все. На всякий случай, Павлухин, я тебя буду закрывать...

День, два - и вот ледакол бросило в грохоте, завалило на борт, и он потащился куда-то, треща шпангоутами: это форштевень корабля уже начал ломать лед в Беломорском Горле.

Весь в снегу, заскочил на минутку Дрейер:

- Все в порядке, Павлухин! Сейчас приняли Петрозаводск. Ленин уже знает, что творится в Мурманске. А все иностранные посольства уехали в Вологду.

- В Вологду? - был удивлен Павлухин.

- Да. И это очень опасно для Вологды, для нашего Архангельска... для всей страны! Я пошел, - сказал Дрейер, поднимая высокий капюшон. - Виден берег, и мне надо на пеленгацию...

В тяжком грохоте льда впервые Павлухин заснул спокойно.

* * *

От делегатов съезда Ленин узнал о некоем "словесном" соглашении между Мурманским совдепом Юрьева и союзным командованием. В

предательство не хотелось верить, и поначалу Совнарком решил, что Юрьев введен в заблуждение, просто обманут. И его надо поправить, помочь ему авторитетом Совнаркома...

Когда разговор Юрьева с Центром закончился, на пороге аппаратной комнаты уже стоял, подтягивая черные перчатки, принаряженный лейтенант Басалаго.

- Не хватит ли тебе валять дурака? - крикнул он. - Стрела на тетиве, сейчас она сорвется с лука...

- А наш блин подгорает, - ответил Юрьев. - Совнарком требует от нас, чтобы мы раздобыли от союзников бумагу... "Словесное" соглашение Центр желает превратить в письменную гарантию от оккупации. Но ведь тогда этим письменным документом будет разрушено и наше словесное соглашение... Как ты думаешь?

Басалаго взбесил этот вопрос: что он думает?

- А почему ты не ответил им, что уже имеется у нас прямая санкция Троцкого?

- Я думал, что Совнаркому это будет... неприятно.

- Передай! - настаивал Басалаго. - Сейчас же!

Юрьев послушно велел снова соединить себя с Центром и стал ссылаться на телеграмму наркоминдела. Ответ пришел сразу "Телеграмма Троцкого теперь ни к чему. Она не поправит дела, а обвинять мы никого не собираемся".

- Передай им, - велел Басалаго, - что мы за собой никакой вины не чувствуем...

Юрьев передал: "А мы за собой никакой вины и не чувствуем. Мы не оправдываемся..." Басалаго вытащил его потом на улицу.

- Пора, - сказал он. - Пора отрываться от Москвы, - ты сам видишь, что нам с ними не по пути. Но прежде надобно наш Центромур отмежевать от влияния Целедфлота в Архангельске...

- Ты так думаешь? - совсем растерялся Юрьев.

- Не перебивай! В сферу чистой мурманской политики попадет Мурман, поморье Кемского и Терского берегов. Ты прав в одном: нужно краевое управление... со своим политическим курсом, со своими договорами, со своей администрацией! Если большевики так щедры на раздачу "самостоятельности", так вот пусть теперь знают: Мурман тоже самостоятелен и автономен... Не жри снег, дурак, горло простудишь. А ты еще нужен... Болтать и огрызаться по сторонам предстоит тебе много.

Глава девятая

Женька Вальронд проснулся от резкого толчка. Паровоз стоял, пыхтя

на путях, синие сумерки сгущались за окнами вагона. Мичману только что снилась аскольдовская каюта с раковиной для умывания, набор зубных щеток, лежавших за зеркалом, и ароматное мохнатое полотенце. Очевидно, сон был подсознательным: мичмана терзали дорожные вши и клопы бывшего министерства путей сообщения.

Спустив ноги с полки, Вальронд прыгнул на какого-то солдата, спавшего внизу. Извинившись (что не произвело никакого впечатления), он вышел в тамбур. Поезд стоял возле полустанка, заснеженные ели подступали к самому перрону. За окнами барака белели занавески, чахли за изморозью унылые герани.

Было пусто.

Косматая лошаденка, прядая ушами, застыла возле шлагбаума. В телеге лежал мертвый человек, убитый страшно - разрывной пулей, ударившей его прямо в лицо. А поперек мужчины была брошена мертвая женщина, ветер заносил ее снегом со спины.

- Видели? - спросил Вальронд у железнодорожника.

- Из Ухты, - ответил путеец. - Оттуда кажинный день таких возят. Ухту, сударик, финны заняли. С ними не шути! Теперь вон на Кемь все рвутся. А тогда дорога наша прихлопнется.

- А почему стоим? - спросил Вальронд, мучительно желая курить.

- Да впереди не пропускают. Может, бандиты шалят. Может, Чека кого-то ищет в составе. Сейчас беспокойно. Ежели вы, сударик, из этих, так погоны до Мурманска не надевайте.

Нет, я не из этих, - ответил Женька.

- А коли не из этих, так красный, бант тоже не носите. У нас тут не поймешь, что творится! Один так, другой эдак... Не стало правды - нет и порядку!

Замерзнув, Женька забрался в вагон. Поезд плавно тронулся, а с перрона на прощание залепили из револьвера, вдребезги разнесло стекло над головою Вальронда.

"Фу, черт! - отшатнулся от окна мичман. - Ну и обстановка. Прямо война Белой и Алой розы на платформе двадцатого века с применением керосина и разрывных газов..."

Однако в Кандалакше обстановка казалась еще сложнее: над крышею Совета колыхался красный флаг, а неподалеку разместился - под флагом Британии английский консул. Отряд рабочих с красными повязками отрабатывал на вокзальной площади прием "коротким - коли!". А рядом с ними маршировали сербы в один ряд с русскими, но уже явно с другими намерениями. Впрочем, английских войск в Кандалакше еще не было

видно.

У старого сцепщика Вальронд спросил:

- Дяденька, а какая тут власть?

- Советская, сынок.

- Что-то не похоже.

- Похоже, да нам негоже... Оно правда: семь пядей во лбу надо иметь, чтобы раскумекать. Кто говорит - правильно. Кто орет, что нас давно уже за тушенку предали. Добро бы тушенка была, а и той нету... Да разве тут, сынок, без бутылки разберешься! Я уже старый, жизнь прожил, хрен с ыми. Молодым, вам, разбираться!

- Когда в Мурманске-то будем?

- Дотянетесь, - хмуро ответил сцепщик.

Дотянулись до Мурманска только к рассвету следующего дня, и Басалаго распахнул перед Женькой объятия:

- Наконец-то... слава богу!

- Осторожно, - сказал Вальронд, - я вшивый...

Басалаго, дурачась, чмокнул себя в перчатку.

- Тогда, - ответил, отойдя подальше, - прими, бродяга, мой воздушный поцелуй. И пошли, пошли. Сразу же...

Сразу катером - на "Глорию"; британские матросы ловко спустили трап, зашкертовали. Мокрый снег мягко таял на теплой палубе английского крейсера, прогретого дыханием машинной утробы.

- Куда? - не мог опомниться Вальронд после дороги. - Куда?

- Будь как дома. Англичане - хозяева радушные. Стюард, весь в белом, распахнул дверь отдельной каюты.

- Твоя, - сказал Басалаго, подпихнув Женьку в спину. - Ты не смущайся. Английские матросы служат на наших эсминцах, а многие наши офицеры уже давно живут на британских шипах...

- Курить дашь? - оторопело попросил Вальронд.

- Господи! Что же ты раньше молчал? Открой ящик стола, там тебя ждет полный набор. Все, начиная от трубочного.

- Ванна, сэр! - объявил вестовой с почтением.

Жизнь завертелась, снова включенная в корабельное расписание.

Белый кафель офицерских душевых сверкал нестерпимо. Никель, хром, зеркала, фаянс... Воздушная мягкость полотенец. И зубные щетки в несессере. Черт бы их побрал, этих англичан! Они везде умеют устраиваться с комфортом, как у себя дома, в Англии...

Ванна - как бочка, только голова Женьки торчала из нее, взирая на британские удобства сквозь мыльную пену. Басалаго дружески

позаботился: старые отрепья мичмана куда-то незаметно унесли вестовые (наверное, прямо в топку котла), а взамен лежало все новое.

Гладко выбритое лицо помолодело. Перед зеркалом, напрягая шею, Вальронд застегнул крючки воротника. Погоны снова привычно, словно влитые, сидели на плечах. Расчесал назад свои волнистые рыжеватые волосы, и вестовой, выплеснув воду из ванны, снова взметнул ее на цепях к подволоку душевого отсека.

- Сэр! - объявил он. - Самое главное в этой скучной жизни вы, узнаете, если откроете четвертую дверь направо по коридору...

Женька Вальронд распахнул четвертую дверь направо по коридору. Там сидели рядом на унитазах молодые суб-лейтенанты, выпускники Дортмутского морского колледжа, и насвистывали, как соловьи, что-то очень печальное.

- Я виноват, будущие Нельсоны, прошу прощения.

- Налево - пятая! - хором ответили ему.

Налево пятая - это уже кают-компания, и стол готовно накрыт.

Как приятно после ванны положить руки на чистую скатерть, а сзади, из-за твоей спины, предупредительный вестовой уже наполняет тебе стакан королевской мальвазией. Резко стучит удар молотка, упавшего вдруг на медную тарелку.

- Джентльмены! - раздается пропитой бас. - Вспомним о короле!

- О-о-о, король, - проносится над закусками.

Женька Вальронд с удовольствием выпил за короля. Тем более что при самых высоких тостах на британских кораблях не надо вставать, ибо подволоки низкие: можно здорово треснуться башкой об железо. Да простит король - они же, слава богу, не солдафоны, чтобы вскакивать навывтяжку...

Басалаго, откуда-то появившись, обнял мичмана за плечи.

- Женька, - сказал многозначительно, - сейчас я представлю тебя лейтенанту Уилки из местного консулата, впредь ты будешь иметь дело с ним. Кстати, - добавил Басалаго, - я уже похвастал ему, что ты награжден орденом Британии.

Вальронд рассмеялся на всю кают-компанию:

- Мишель! Ты забыл про бутылку денатурата!

- Ах, прости! - вспыхнул Басалаго, поворачиваясь в сторону англичанина. - Уилки, вот человек, которого я ждал и на которого можно вполне рассчитывать. Он будет великолепным флаг-офицером на связи.

Вальронд увидел перед собой честное и открытое лицо Уилки и сразу понял, что перед ним - жулик. Но, так как и сам Женька был парень не

промах, то он ошарашил Уилки своим лицом - еще более честным! еще более открытым! И тогда он понравился лейтенанту Уилки, который дружески тряхнул мичмана.

- Я рад тебе, приятель, - сказал Уилки по-русски. - Денатурат хорошая штука. Я его пил тоже... Меня угощала им в Кандалакше одна симпатичная русская барышня.

Снова ударили молотком по медной тарелке.

- Джентльмены! - раздался бас. - Мы никогда не забудем о нашей прекрасной королеве...

- О-о, королева... - вздохнула кают-компания.

Вальронд проглотил вино и за королеву.

Басалаго сбоку шепнул ему:

- Здесь многие знают русский... будь осторожнее.

- Ты про ордена? - засмеялся Вальронд.

- Не только. Я про все сразу... Ты им понравился. Англичане умеют определять друзей по физиономии. А у тебя мордана славная и добрая... Я уже изучил англичан: если они поверят тебе с первого взгляда, то потом будут верить неизменно, хоть ты стань для них самой худой собакой!

- Слушай, - спросил Женька, - ты тут обмолвился о моем флаг-офицерстве и... связи? Скажи, Мишель, что мне предстоит связывать? До такелажных работ я никогда не был охотником...

Басалаго вкратце объяснил, что Вальронду суждено балансировать между Мурманским совдепом и Союзным военным советом; вот тут и необходима связь в руках надежного (своего) флаг-офицера.

- А русские есть в этом Союзном совете?

- Мичман Носков сидит там... Знаешь, он, кажется, спился, бедняга.

Но как раз в этот день тихоня мичман Носков решил более не жить, чтобы не участвовать в предательстве. Клещами он вытащил пулю из патрона и патрон (уже без пули) вложил в револьвер. Дуло же револьвера заполнил водой и выстрелил себе в рот. Так кончали с собой по негласной традиции только офицеры русского флота - опозоренные, проигравшиеся, те, которым уже было не восстановить своей чести: вода вдребезги разносила им череп.

Носковаскоренько похоронили...

Вальронд с траурной повязкой на рукаве провожал трюмача до кладбища. Носков покоился в гробу, закинутый андреевским флагом с "Аскольда", а головы у него совсем не было. И тут же, прямо над раскрытой могилой, Басалаго стал подсаживать Женьку в Союзный совет вместо покойного...

Вальронд еще раз глянул на носовой платок, который лежал на подушке как раз на том месте, где должна бы, по всем правилам, лежать голова человека.

- Ты с ума сошел? - в ужасе отозвался мичман шепотом, чтобы их никто не слышал. - Я на место самоубийцы не сяду ни за что. Я не могу, мне это претит... я суеверный!

Печальный, он возвращался с кладбища.

- Ты остался один... последний! - сказал ему Басалаго.

- Как это понимать?

- А так из офицеров кают-компаний крейсера первого ранга "Аскольд" ты, Женька, уцелел лишь один...

Вальронд был представлен как флаг-офицер связи французу и англичанину, сидевшим в Союзном совете, его познакомили за выпивкой с Юрьевым и всей мурманской шантрапой, которая крутилась вокруг этого Юрьева, горланя и шумствуя. Подвыпив, Женька Вальронд сразу же дал в ухо Мишке Ляуданскому, чтобы не слишком флигельничал с ним - мичманом... Мишка утерся и смолчал: спорить с флаг-офицером, другом Басалаго, было очень опасно.

Все остальное Женька понял со слов Басалаго:

- У нас сейчас образовано краевое управление. С подчинением Москве. Но это - ширма. Потом ты войдешь во вкус здешних обстоятельств и все станешь понимать на верный краевой лад...

- Я все-таки так и не осознал до конца - что же мне предстоит делать? Ради чего, собственно, я приехал, покинув весьма удобную женщину, теплую зимой и прохладную летом?

- Ну, - утешал его Басалаго, - сейчас на Мурмане дел будет выше головы. Жить пока будешь на британском шипе "Глория", там и я столуюсь вот уже второй месяц. Кухня у англичан неважная, но ты привыкнешь...

Однако в состав Союзного военного совета русского представителя не сажали - Мурманом стали управлять англичане с французами. Женька Вальронд присматривался. С большим недоверием! За его, казалось бы, беззаботной болтовней скрывалось незаметное для других, пристальное внимание ко всему, что его окружало на Мурмане...

* * *

Конечно, нашлись на Мурмане честные люди, которые стали протестовать против угрозы нашествия интервентов. И тогда исподволь заблуждали по городу слухи о ночных арестах. Но верить в это как-то не хотелось "Украл что-нибудь", - говорили.

Небольсин тоже обнаружил вдруг в своем ведомстве нехватку в людях:

исчезли десятник и печник дядя Вася - квалифицированные рабочие, жившие в Мурманске с его основания. На всякий случай Аркадий Константинович позвонил в "тридцатку" к поручику Эллену:

- Севочка! Ты опять хватаешь моих людей?

- Помилуй бог. И не думаем.

- Куда же они делись?

- Удрали, наверное. А впрочем, спроси у Комлева. Теперь у нас в Мурманске две инквизиции при двух папах сразу...

Встретившись с Комлевым на улице, Небольсин вежливо приподнял над головой шапку-боярку:

- Почтеннейший, не вы ли арестовали моих рабочих?

- Еще чего не хватало, - грубовато ответил Комлев. - Мы не для того прибыли, чтобы арестовывать рабочих. И никого вообще не арестовывали здесь.

- Отчего же такая гуманность?

- Если уж сажать, так половину Мурманска надо за решетку отправить. А насчет рабочих следует справиться лучше у поручика Эллена!

- Поручик Эллен ссылается на вас.

- Ну и врет ваш поручик...

Комлев был под стать своей фамилии - как комель старого дерева, которое уже и червь не берет. Голова его уехала в плечи, а длинные руки, торча из-под затрепанных обшлагов кожанки, чутко шевелились, словно испытывали весь мир на ощупь. И глаза смотрели на каждого мурманчанина пытливо - мол, каков ты гусь?.. Но эти взгляды никого на Мурмане не пугали... Комлеву выпала задача - почти неразрешимая - раздавить контрреволюцию, которая смотрела на него из каждой щелки барака. Он попробовал наступить на этого гада, но гад тут же обвинил его своими щупальцами и теперь наслаждался бессилием человека, попавшего в его страшные объятия.

Люди похитрее делали вид, что ВЧК просто не замечают. Небольсин же, по горячности характера, однажды сам нарвался на скандал с командиром отряда чекистов.

На телеграфе, где он стоял в ожидании своей очереди, появился Комлев и попросил соединить его с Петроградом.

- Урицкого или Бокия, - сказал он. - Ежели заняты, пусть товарищ Позерн...

- Связи нет, - ответила барышня.

- Другим даете? - обозлился Комлев.

- Но другие имеют разрешение от генерала Звегинцева...

Совать маузер к носу этой стервы-барышни неловко. Комлев натужно вздохнул... в бессилии!

Все, кто был тогда в телеграфной конторе, с удовольствием наблюдали за молчаливой яростью этого пожилого мрачного человека. Тут Небольсин и ляпнул:

- Мсье Комлев! - сказал, не подумав. - А что, если я уговорю наших телеграфистов соединить вас с вашей Чекой? А вы зато не будете вмешиваться в дела моей магистрали?

Стало тихо. Комлев повернулся к молодому путейцу и долго молчал, собирая лоб в морщины.

- Мне, - ответил глухо, - что-то давно не нравится ваша идиотская улыбочка, господин Небольсин.

- А вам не дано ее исправить, мсье Комлев!

Под улюлюканье офицеров и путейцев Комлев направился к дверям. Но от порога он с презрением окинул рослую барственную фигуру Небольсина и ответил:

- Исправим... белая ты тварь!

- А ты красная сволочь! - сорванно крикнул Небольсин. Хорошо поговорили, ничего не скажешь... Как ножами - резанули один другого языками. Теперь, когда им приходилось встречаться в городе, Небольсин продолжал эту "игру" с начальником опасной ВЧК, и было ему от этого сладко и жутко, словно играл с подрастающим тигром.

- Так как же, мсье Комлев? - спрашивал. - Исправим мою улыбку? Или уж оставим ее такой, какая отпущена мне от природы?

- Исправим, гражданин Небольсин, - отвечал ему Комлев поначалу.

Но потом ему эта "игра" надоела, и он просто кричал при встрече:

- Иди ты к черту! Чего привязался?..

Однажды Аркадий Константинович на рейсовом катере выехал в город Александровск - в самое устье Кольского залива, где катер мотнуло раза два на океанской зыби, захлестнутой в горло фиорда. Вот и Екатерининская гавань, такая уютная после развала в Мурманске: чистенькие коттеджи, как в Норвегии, разбросаны среди мшистых скал; библиотека и школа на горе; порядочные женщины на улицах - женщины не пьяные, а чистые, - все это удивляло и заставляло Небольсина переосмысливать многое из того, что осталось в Мурманске, такое жуткое и (к сожалению) ставшее уже привычным...

В колонии ученых, живших в Александровске, поближе к океану, для наблюдения за повадками рыб Небольсина встретили радушно, как своего.

- Аркадий Константинович, какими ветрами?

- Только в библиотеку. Меня интересует мерзлота и оттаивание тундровых фунтов. Боюсь, что у меня насыпи скоро сядут..

До вечера он с удовольствием работал с книгами. Луч света из-под абажура лампы, тихий шелест страниц, волшебная чистота бумаги - все это напоминало ему недалекое былое, что-то славное и милое, как память о прошлой взаимной любви. И вспомнилась ему квартира на Фурштадтской, от пола до потолка забитая книгами; еще дед вывез книги из родовой усадьбы старинные; отец дополнял библиотеку в Петербурге, снабжая каждое издание своей тонкой, как паучок, подписью. Потом и он, уже студентом, заодно с братом Виктором возили с развала на пролетках пыльные весомые связки. Вкусы были различны! Чтобы не ссориться, братья разделили книги, и каждый заказал для себя экслибрис: у Аркадия - обнаженная девушка, закрыв глаза, уходит в даль рельсовых путей; у Виктора, экслибрис иной - подкова счастья, поверх которой брошена трагическая античная маска.

"Боже! Как давно это было... Да и было ли?" Отложив карандаш, он невольно задумался. Теперь, говорят, все частные библиотеки большевики реквизируют в пользу революции. Нет, они, кажется, признают наличие книг в доме каждого, как духовной ценности, но считают, что накоплению духовных ценностей обязательно предшествует накопление ценностей материальных. В самом деле, не разбогатев, никогда не соберешь библиотеки! А коли ты богат (или был таковым) - прощайся с книгами, нажитыми чужим трудом... "Чепуха какая-то!" - подумал Небольсин.

И тут услышал за спиной тихий шорох. Инженер обернулся и чуть не вскрикнул. Привидение? Нет, это он... именно он! Тот самый питерский педагог в потертой шинельке. И сразу уши наполнились прощальным грохотом сходней, и вырос перед глазами борт корабля - с громадным красным крестом! - корабля, сияющего огнями и спешащего в море иных огней - огней Европы...

- Это... вы? - прошептал Небольсин.

На синем воротнике тряслась синяя голова, и синие губы шевелились в синем дыму папиросы Небольсина.

- Я, - ответил педагог тоже шепотом, словно боясь признаться.

- Нет, - сказал ему Небольсин, а почему "нет", сам не понял.

- Я заметил вас еще на пристани,. - долетал до него зловещий голос. Пошел за вами в столовую. Сидел рядом с вами. Но вы меня тогда не заметили. А я... я очень боялся подойти.

Ледяной озноб вдруг прокатился по спине, сразу ставшей мокрой, и сорочка противно прилипла к телу.

- Так что же там? - спросил Небольсин, расслабленный.
- Немцы пустили мину в наш пароход{19}.
- А она... что она?
- Ваша знакомая, сударь, была на шлюпке. Я ее видел. Она плакала... Я тоже уступил свое место детям, остался на корабле, и вот - жив. Но моя жена, но мои девочки...

Небольсин вцепился в синий воротник:

- Поклянитесь, что это так!
- Сударь мой, - ответил беженец, неожиданно хихикнув, - разве можно спастись в шлюпках? Всегда надо оставаться на корабле. Видите? Я жив... Но - зачем жив?

Вокруг лампы быстро разрастался какой-то сияющий нимб, лампа росла, росла, росла... И вдруг лопнула с блеском, словно граната. Небольсин очнулся и снова увидел перед собой этого человека, с синими зябкими руками, покорно сложенными на животе. "Зачем жить?" - спрашивал он.

Небольсин сунул в карман блокнот, сорвал с вешалки шубу и выскочил на улицу. До самой гавани его несло напором ветра. Почти свалился по сходне на катер. Не спускаясь в каюту, он остался стоять наверху... стоять и смотреть на воду.

Кольский залив широк и полноводен: есть где разгуляться волне. Аркадий Константинович смотрел на воду, выпукло вздутую бегом катера, и думал о смерти. О жуткой гибели в этом зловещем царстве глубины и тьмы... Какая она холодная, эта вода! Вода Баренцева моря. Как она ловко и легко переворачивает утлые шлюпки! Человека в ней корчит, свертывают, как акробата, в дугу судороги, и смерть тогда для него только спасение...

"Ведь был подписан мир... мир!" - думал Небольсин, глядя на эту воду, которая заманивала его к себе непостижимо...

Потащились мимо, вдоль берегов, захламленные причалы, пути рельсов, борта кораблей, бараки мастерских. Все было здесь постыло и безнадежно. Склонясь на поручни, он дал волю слезам...

Вот и еще одна страница жизни. И она - перевернута.

Мимо него, лязгая блиндированными вагонами, прокатился на юг французский бронепоезд. "Пусть идет! Мира нет! Нет мира!"

...И несколько дней подряд артели мурманчан выезжали на торговом буксире вдоль побережья на "выкидку" трупов. Где их потом хоронили - никому не известно. Небольсин, конечно же, не узнавал.

* * *

В семи верстах от Мурманска - там, где высится Горелая Горка, и там,

где тянутся к небу мачты радиостанции, снятой англичанами с линкора "Чесма", - именно там, подальше от города, вдруг заплескались однажды, как во времена Мама, громадные шатры...

Это пришли американцы! Красные, белые, зеленые, желтые - раздувались ветром боевые шатры американского лагеря. Нет, никто еще в Мурманске не видел солдат из САСШ на улицах - американцы, верные себе, выдерживали карантин после прививок. Потом разбили в городе санитарные палатки: делали прививки населению.

Они были люди обстоятельные и дорогой вакцины не жалели. Обеды возле их кухонь были таковы, что даже французы не рискнули бы назвать их обедами. Попался ты американцу в гости, он сразу кокает на сковородку десять яиц (именно десять - ни больше, ни меньше). На "черном рынке" Мурманска уже появились новые продукты - заокеанские...

...Каратыгин собирал у себя мурманских "аристократов".

Одни говорили:

- Будет файвоклок...

Другие говорили иначе:

- Будет вечерний раут, как у дипломатов...

Зиночка была в шелковом платье, в длинных, до локтей, перчатках. Гостей она встречала в тамбуре своего вагона, заставленного ящиками со жратвой. Мишка Ляуданский теперь для фасона пенсне раздобыл; пенсне он снял и руку Каратыгиной поцеловал:

- Весна, Зинаида Васильевна! Время любви...

- Входи, входи, - говорил Каратыгин, растопыривая руки.

Посреди вагона уже накрыт стол. Тоненько торчат, навстречу веселью, узкие горлышки бутылей. Вспоротые ножом банки обнажают розовую мякоть скотины, убитой в Техасе еще в конце прошлого столетия: теперь пригодилось - Россия все слопает...

- Так, - сказал Мишка Ляуданский, потирая над столом руки. - Эх и хорошо же мы жить стали!

- Да уж коли американцы ввязались, значит, не пропадем. Англичане не тароваты, больше сами норовят сделать да слопать. У французов даже мухи от голода не летают. А вот американцы, они, как и мы с тобой, люди широкие!

Из тамбура вдруг нехорошо взвизгнула милая Зиночка.

- Постой, - сказал Каратыгин, взвиваясь со стула.

Вернулся обратно в вагон, сопровождая Шверченку.

- Это нехорошо, - говорил обиженно. - Коли уж позвали, так веди себя как положено. И надо знать, кого щупаешь.

- Да не щупал я, - отговаривался "галантерейный" Шверченко.
Подумаешь! Дотронулся только...

- Ну садись. Черт с тобой!

- Кого ждем-то? - спросил Шверченко, присаживаясь.

- Комиссара.

- Это Харченку-то?

- Его самого... Обещал свою шмару привести!

- Это какую же?

- Да Дуньку косоротую, что с Небольсиным пугалась.

- Ой, дела! - засмеялся Ляуданский.

Пришел Тим Харченко - весьма представительный. Где-то под локтем у него торчала голова Дуняшки в новом платке с разводами.

- Хэлло! Мир честной компании, - заявил он.

Зиночка с презрением разглядывала "комиссаршу".

- Миленькая, дайте я вас поцелую... Ах!

Шверченко показал всем, какие у него теперь новые часы.

- Идут, - сказал, - как в Пулковской обсерватории. Тут было отставать малость начали. Так я подкрутил вот эту фитюльку, и опять - ну прямо секунда в секунду. Швейцарские!

- А у меня вперед забегают, - поддержала мужской разговор очаровательная Зиночка. - Прямо не знаю, что с ними делать...

Дуняшка, выпятив живот, обтянутый розовым муслином, напряженно рассматривала иностранные закуски.

- Не будь колодой, - шепнул ей Харченко. - Люди культурные, веди себя тоже культурно. И с тарелки не все доедай.

Сели за стол. С трудом смирляли приятное волнение перед первой рюмкой. Это волнение приятно - как любовное.

- Ну, тост! - сказала Зиночка. - Мужчины, прошу...

Поднялся за столом Шверченко.

- В минуту всенародного торжества, когда силы свободы неутомимо борются с аннексией германского капитала, мы, представители новой власти мурманской автономии, врежем сейчас первую за то, чтобы не была она последней!

Врезали.

- О, грибочки! - обрадовался Мишка Ляуданский, разглядывая через пенсне, мешавшее ему видеть, тарелку с соленьем.

- Это мой собирал, - загордилась Зиночка. - А я солила. Каратыгин с трудом прожевал жвачку.

- Хозяйка! - показал он всем на свою дражайшую.

Выпив по второй, Шверченко нежно обнял Харченку:

- Комиссар, а она у тебя... не тае?

- В самой норме, - ответил прапорщик.

- С икрой, кажись, баба-то тебе досталась!

- Чего?

- С пузом... Ты разве сам-то не замечал? Харченко кинуло в пот:

- Да кто их разберет, этих баб... Вроде и ни!

- Товарищи, товарищи, - засуетился Ляуданский, - новое, сообщение: большевистский Совжелдор в Петрозаводске отказывается признать наше краевое управление. Каратыгин, а вот это тебя касается: Совжелдор просит тебя дела сдать, а мандат твой уже аннулирован...

- Еще чего захотели! - вдруг раскраснелась Зиночка, теряя очарование.

- Мой столько ночей не спал, сил столько на них, сволочей, угробил, свои дела все запустил! А теперь, когда живем слава богу, им дела наши не нравятся?.. Пошли их всех к чертовой матери! - наказала она мужу, распалясь.

- А я теперь плевал на Петрозаводск, - невозмутимо отвечал Каратыгин. - Я знаю, чья это рука... Тут, помимо большевиков, еще два ренегата работают: Ронек из Кеми да наш - Небольсин. Но у нас теперь свое, краевое, управление. И вот его я признаю. И союзники со мной будут иметь дело, а не поедут к большевикам в Совжелдор... Дорога - наша!

- Этот Небольсин - душка, - сказала Зиночка, как опытный провокатор в женских делах, и со значением глянула на Дуняшку.

Дуняшка мигом раскрыла рот:

- Одних носков у него... сколько! Един день поносит, а второй уже не. Постирай, говорит. Все руки обжвьякаешь стирамши. Одних пустых бутылок, бывало, на сорок рублей сдавала в лавку обратно... Во как жили!

- У него - рука, - показал Шверченко на потолок вагона. - С этим Небольсиным сам лейтенант Уилки цацкается.

- Будут цацкаться, - ответил Каратыгин, - коли магистраль в его руках: хочет - везет, не хочет - не везет.

- Баре, - надулся Ляуданский. - Золотопогонники!

- Ну это ты не скажи, - возразил ему Тим Харченко, присматриваясь к животу своей, Дуняшки. - Это как понимать. Есть и такие, что погоны себе на совесть заработали. Вот я, к примеру... До всего достиг сам. Теорему господина Гаккеля кто знает?

Увы, никто не знал теорему Гаккеля.

- Вот! - сказал Харченко довольный. - А я постиг. И потому мне погоны к лицу... Иван Петрович, чего же не наливаем?

Каратыгин бойко схватился за бутылки:

- Вино, вино! Оно на радость нам дано...

- Кушайте, дорогие гости, - напевала Зиночка. - Чего же вы ничего не кушаете? Мажьте горчицу, Тим, погуще, эта горчица не наша - английская, она глаз не выест.

Ляуданский под столом нащупал лядащую ногу Зиночки. Глаза их встретились. Быть беде великой! Великосветскому скандалу, кажется, в Мурманске быть. Просто страшно, как бы не закончился сей "файвоклок" грандиозной и увлекательной потасовкой!..

- Музыки хочу, - выламывалась Зиночка, понимая, что она первая барыня на деревне. - Танцев желаю... огня... простора... света... страсти!

- Будет! - заорал Шверченко, вскакивая. - Зинаида Васильевна, все будет... - И он стал заводить граммофон.

Харченко рывком оторвал от еды Дуняшку:

- Мадам! На один тур...

Дуняшка беспокойно терлась животом о мундир "комиссара".

- Это как понимать? - горячо шептал ей Харченко. - Месяца ишо не прожили! А ты уже икру метать будешь?.. Я этому барину, что на сорок рублей посуды сдавал... Хватит! Попили нашей крови! Кончилось ихнее время, мы господа...

* * *

Из станционного буфета вышли два солдата. Жевали тощие бутерброды с тонкими пластинками привозного сыра "Чедер".

- Гляди, - сказал один. - Власть-то наша гуляет.

- Иде?

- Да эвон, вагон с приступочкой... Развелись баре! На манер новый... партийные все, паразиты поганые! Кто эсер, кто энес, кто анарха, кто максима какой-то. Всякой твари - по паре!

- А большевиков, Ванятка, не видится.

- Оно и верно: большевики враз бы им всем салазки загнули!..

И они долго шли, прыгая через рельсы, дожевывая "Чедер" и разговаривая о жизни.

Глава десятая

Спиридонов выложил на стол свои здоровенные кулаки.

- Вся беда наша в том, - сказал, - что нет на Мурмане, совсем нет рабочего класса. От шпаны-сезонников толку много ли? Народ такой - за банку тушенки продаст себя. Но там, где пролетарии настоящие, хотя бы как здесь, в Петрозаводске, уже можно бороться... Чего ты там изучаешь? - спросил он.

Ронек перекинул через стол свежую телеграмму.

- Иван Дмитриевич, тебе тоже не мешает прочесть. Спиридонов прочел:

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ.

СОВНАРКОМ СВОЕЮ ПОЛИТИКОЙ ПРЕДАЕТ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ.

МУРМАНСКИЙ КРАЕВОЙ СОВЕТ ВМЕСТЕ С ДЕМОКРАТИЕЙ КРАЯ НЕ МОЖЕТ МИРИТЬСЯ С ПОЛИТИКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА, НЕ МОЖЕТ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ВОЙСКА ВИЛЬГЕЛЬМА ЧЕРЕЗ ФИНЛЯНДИЮ ЗАНЯЛИ СЕВЕРНЫЙ КРАЙ.

МУРМАНСКИЙ КРАЕВОЙ СОВЕТ ПРИЗЫВАЕТ ВСЮ ДЕМОКРАТИЮ РОССИИ ЗАКЛЕЙМИТЬ ПОЛИТИКУ СОВНАРКОМА.

ПРИЗЫВАЕТ ВСЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ РОССИИ ОТСТОЯТЬ СТРАНУ ОТ ГИБЕЛИ.

ПРИЗЫВАЕТ ДЕМОКРАТИЮ, ВСЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОТЕСТОВАТЬ ПРОТИВ СОГЛАШЕНИЯ С ВИЛЬГЕЛЬМОМ.

ТРЕБОВАТЬ СОГЛАШЕНИЯ С СОЮЗНИКАМИ ДЛЯ ОБЩЕЙ БОРЬБЫ С ГЕРМАНСКИМ ЮНКЕРСТВОМ.

ПОЛИТИКА СОВНАРКОМА ИДЕТ ВРАЗРЕЗ ИНТЕРЕСАМ РЕВОЛЮЦИИ. МУРМАНСКИЙ КРАЕВОЙ СОВЕТ (ЮРЬЕВ).

Спиридонов повертелся на стуле, который трещал под ним.

- Вот когда мерзавец Юрьев заговорил в полный голос. Ясно: порвав с Архангельском, он идет теперь на полный разрыв с Москвою.

Жесткие пальцы выбили четкий марш по столу.

- Видишь? - сказал он Ронеку. - До чего же изворотлива эта сволочь... Говорит почти как и мы: задержать немца, остановить белофинна! Но за всем этим... Ох и вражина!

Вошел полковник Сыромятев - в солдатской гимнастерке, как простой красноармеец, без погон. Поверх плеч его накинута шинель офицера, обтерханная понизу.

- О! - обрадовался ему Спиридонов. - Ну, что удалось?..

Сыромятев по отношению к большевикам держался с достоинством, взгляд его был чист и светел на лице, задубеневшем от полярной стужи. Сущность натуры этого человека, казалось, составляли две черты, мало совместимые: простота и некоторая величавость.

- Кандалакша и Кемь, - докладывал он, - пока еще наши. Советы на местах. Десантов с моря нет, но англичане кое-где уже появились. Что я сделал? Всех от восемнадцати до сорока двух лет взял под ружье. И вот,

засмеялся Сыромятев, - теперь маршируем: они маршируют, мы тоже маршируем... Строгая дисциплина! - заключил полковник. - Простите, товарищ Спиридонов, но я буду стоять на той дисциплине, какая была и в царской армии... строгая!

- Революционная, - сказал ему Спиридонов на это.

- Вашу революционность, - отвечал Сыромятев, - позвольте мне называть порядком.

Спиридонов улыбнулся, потер щеку:

- Ладно. Согласен. Мне ваш порядок нравится.

- Тогда... дайте поесть, - попросил Сыромятев, смущаясь. Ему дали горячей картошки в мундире. Из стакана на окне, где выцветал в стрелку зеленый лук, он выдернул луковицу, обшелушил и скрошил ее в картошку.

- У меня скорбут, - признался. - Пока под Печенгой стояли, только кишмиш и видели. Да монахи иногда привозную капусту квасили. Новости есть?

- Есть, - сказал Ронек шутливо. - К нам едет ревизор...

- Не совсем так, - поправил путейца Спиридонов, мало расположенный сегодня к шуткам. - К нам едет из Петрограда чрезвычайный комиссар товарищ Процаренус, который, как уполномоченный властью Совнаркома, наверняка потряхнет мурманский муравейник.

Сыромятев встал. Хлопнул себя по широкому ремню.

- Спасибо за угощение. Я сыт теперь до вечера. Что прикажете делать далее, товарищи?

- Пока ничего, - ответил ему Спиридонов. - Отдыхайте, госпо... тьфу ты! Отдыхайте, товарищ полковник. Впрочем, даже не полковник, а военспец.

Сыромятев с грустью ему улыбнулся:

- Полковник... без полка? Военспец? Ну ладно. - И ушел.

- Хороший, кажется, дядька, - заметил вслед ему Спиридонов. - Такому можно верить. Где ты его подобрал, Ронек?

- В чайной, еще в Кандалакше. Он уже совсем отчаялся.

- Много таких сейчас, бродят, как волки. Их можно еще и так и эдак. И за народ, и против народа! Это очень хорошо, - признался Спиридонов, - что Сыромятев с нами, а не с ними. По хватке видать - солдат до мозга костей. И много бы вреда он принес, если бы не с нами! Ронек, - позвал Спиридонов.

- Что? - оторвался тот от работы.

- Послушай, Ронек, - тихо говорил Спиридонов, - надо бы кой-кого спасти из Мурманска. Комлев на Мурмане не воевода. Ему трудно. Нельзя

ли как наших товарищей вывезти оттуда?

Ронек скрутил в своих худеньких пальцах сигарку.

- Я попробую, - ответил. - Через Небольсина.

- Ко-о-онтра, - с недоверием протянул Спиридонов.

- Нет, не контра, Иван Дмитриевич. Просто средний русский интеллигент. Со всем хорошим, присущим ему, со всем дурным, присущим, к сожалению, тоже. Я ведь знаю Аркашку: он иногда придушивается, но он совсем неплохой человек. Поверьте мне.

Зазвонил телефон. Спиридонов послушал. Лицо мрачно замкнулось.

- Финны, - сказал. - Здесь. Уже рядом. Пошли...

Выстрелы застучали на околицах Кандалакши, в пригородных рощах Кеми возле самого полотна железной дороги.

От магистрали Мурманки белофиннов развернули и гнали с боями - по лесам и болотам - до самой Ухты, где в медвежьих буреломах и засели остатки германо-финской "экспедиции". Черт с ними! Пусть пока сидят там и варят самогонку...

Когда же англичане хватились - все было закончено.

Это опоздание было очень неприятно кое-кому, и тогда было решено нагнать упущенное. Как? Очень просто: подкрепив финно-карельский батальон своими бравыми сержантами, англичане поспешно кинулись по лесам, выискивая остатки "экспедиции".

Спиридонов еще раз встретился в Кандалакше с батальоном финских стрелков. Качалось над головами людей красное знамя. Когда чекист подошел ближе, то заметил, что флаг имел какой-то оранжевый оттенок. Скромный цветок трилистника (почти незаметный издали) украшал батальонное знамя. А на фуражках бойцов - тоже трилистники, оттиснутые из желтой меди на заводах Англии. Впрочем, форма батальона была английской, как и договорились. Стоит ли обижаться на консула Тикстона за цветок трилистника?

Но еще долго мучился Спиридонов: "Кто же остался в дураках, создавая этот батальон? Я или... англичане? Что будет далее с этим большевистски настроенным батальоном, над которым развевается знамя, и цвет его из красного начал отливать чем-то загадочно оранжевым?.."

- Товарищи! - спрашивал Спиридонов в Петрозаводске у людей неграмотней. - Кто знает, что может означать цветок трилистника?

Никто не знал, какова символика этого цветка.

* * *

Понемногу Женька Вальронд вжился в обстановку и стал разбираться в делах, как когда-то разбирался в делах своего плутонга. Новенький

аксельбант, привешенный к левому плечу, свидетельствовал о его завидном положении флаг-офицера связи. Адъютант особых поручений между Мурманским совдепом и Союзным военным советом - шишка, в общем, не маленькая... Никогда не унывающий, с улыбкой на лице, не дурак выпить и посмеяться.

Вальронд сразу же пришелся по душе всем: и Юрьеву, и Уилки, и консулам. Даже Брамсон и тот не раз говорил: "С вами легче дышится. Удивляюсь и завидую! Вы, мичман, сохранили всю милую очаровательность теленка, который резвится на травке, не подозревая о существовании бойни..."

Часто бывая в английском консульстве, мичман заметил, что сейчас все внимание союзников устремлено к Вологде, куда переехали члены иностранных миссий; к Архангельску, где влияние большевиков ощущалось постоянно; и, наконец, к далекому Владивостоку.

Чесменская радиостанция, самая мощная на Мурмане, работала круглосуточно. За аппаратом сидел капитан связи Суинтон, присланный из Англии как лучший офицер-радист королевского флота. Было поразительно, как быстро он вживался в русский язык, уже через неделю примитивно на нем болтая. Суингон нравился Женьке; он принимал запутанный русский мир как есть: без критики, без пренебрежения и без похвал тоже. Не снимая наушников с плоских ушей, сейчас Суингон прочитывал дергающийся писк морзянки.

- Это опять Вологда, - говорил он, хмуря брови. - Там осадное положение... после восьми часов вечера в освещенные окна стреляют... Совнарком снова предлагает союзным миссиям переехать в Москву... дуайен Френсис, американский посол, однако, не считает Вологду опасной для миссий...

Суингон резко крутанул ручку настройки - прочь от Вологды.

- А вот и Югорский Шар, здесь ваши несчастные, забытые всеми зимовщики. Передают, что ветер одиннадцать баллов. В полупогруженном состоянии прошла в Карское море немецкая субмарина. Мир взбесился, мичман! Война залезла туда, где раньше ходили только герои - Нансены, Шеклтоны и Де Лонги...

- Чего вы так вцепились в эту Вологду? - спросил Вальронд.

- Это не мое дело, мичман. Я лишь клоподав флота его королевского величества. - И, сложив пальцы в гузку, Суингон постучал ими по ключу, изображая передачу в эфир. - Спроси о этом лучше нашего лейтенанта Уилки, если только при рождении действительно он был Уилки, а не кто-либо другой...

Суингон дал понять Женьке, что Уилки лицо тайное. Сам же Уилки при встрече с Вальрондом доверительно сообщил:

- Юджин, сейчас отправляем эшелон с продовольствием на Кемь и Кандалакшу. Весь этот бутерброд, составленный из нас пополам с большевиками, надо как следует сдобрить маслом. А то южнее Кандалакши есть люди, которые не могут его пропихнуть себе в глотку.

Впрочем, лейтенант Уилки лгал: своего масла у англичан не имелось (или просто жалели на русских). За свое масло они выдавали на Мурмане масло американское: почти белого цвета, безвкусное; упаковка зато отличная: громоздкие аппетитные квадраты в пергаменте.

И все время среди союзников шла грызня.

- При чем здесь мы? - говорил Лятурнер убежденно. - Вы бойтесь не нас, французов, а англичан. Вот у кого действительно богатый опыт хвататься за чужое. Они уже полтора столетия через компанию "Wood" вывозят у вас лес из Онеги, а мы... Разве вы нас видели в Онеге?

Американский же атташе, лейтенант Мартин, терзал Вальронда за аксельбант и говорил:

- Мы, американцы, затем и прибыли сюда, чтобы не давать воли англичанам и французам. Вы даже не представляете, какие это гнусные колонизаторы! Можете быть спокойны: сюда идет еще наш крейсер "Олимпия"... Да-да! Мы не дадим русских в обиду. Мы нейтрализуем влияние европейских шакалов...

- Сюда идет американский крейсер "Олимпия", - доложил мичман Вальронд лейтенанту Уилки.

- Кто это тебе сказал? - удивился Уилки.

- Военно-морской атташе САСШ... он-то уж знает!

- Вот как раз он-то и ничего не знает. Послушай, Юджин! Раз и навсегда договоримся: забывай сразу все, что тебе обещают американцы. Эти люди совсем не имеют традиций. Это такие оболтусы и разгильдяи, что вы, русские, перед ними - все Македонские!..

В эти смутные дни через руки Вальронда прошли коллективные протесты населения. Когда вмешался в это дело (тоже с протестом, грозным) петрозаводский Совжелдор, Женька решил свалить всю груду бумаг на генерала Звегинцева...

- Это что? - спросил тот, даже не раскрывая папки.

- Как ни странно, коллекция протестов... уникальная!

- А что им надобно от нас? - фыркнул Звегинцев.

- Здесь, Николай Иванович, в этом ворохе бумаг, есть одно разумное соображение.

- Какое же, мичман?
- Позвольте мне быть откровенным?
- Сделайте милость, - разрешил Звегинцев.

- Мурманск, - сказал мичман, - всего лишь уездный город. База военная. База союзная. Дорога, мне думается, справедливо считает, что Мурманск не имеет права объявлять себя краевой властью. Если бы так поступил Архангельск, то было бы понятно: Архангельск - исторически сложившийся культурный центр русского севера. Мурманск же - от горшка два вершка, вагоны да бараки, пьяницы да проститутки, - города еще нет, оседлого населения тоже нет, и вдруг - столица?

Звегинцев все это выслушал и спросил:

- А что едят эти протестанты?
- Что отпускает им добродетельное начальство.
- Верно! А дает им Мурманск. Против этого они не протестуют?
- Обедать никто не отказывается.
- А тогда о чем разговор?..

Звегинцев взял папку и, так и не раскрыв ее, сунул в горящую печку. Жесткая папка не лезла в узкую щель между поленьями. Озлобясь, Николай Иванович забил ее в огонь каблуком:

- Вот вам и резолюция, мичман!
- Я не возражаю, - ответил Вальронд. - Но теперь позволю себе заметить: вы сожгли протесты, адресованные даже не вам, а Мурманскому совдепу... Юрьеву!

Звегинцев заглянул в печку, где, охваченная пламенем, корчилась подшивка с бумагами:

- Так на кой черт вы мне их тогда принесли?
- Просто я думал, что вам, как главковерху на Мурмане, будет любопытно знать мнение дорожных рабочих.
- Мне это, мичман, совсем не любопытно. Я знаю, что, случись недоброе, и эти протестанты повесят меня, Басалаго и Брамсона. Вы куда сейчас направляетесь, мичман?

- В совдеп... к Юрьеву!

Звегинцев неожиданно захохотал.

- Скажите этому Юрьеву, что его тоже повесят...

Мичман рассказал Юрьеву, как Звегинцев расправился с протестами населения против интервенции и краевого управления.

- Жаль, - призадумался Юрьев, щуря глаза от солнца. - Им, олухам, кажется, что началась интервенция. А на самом деле никакой интервенции нет! Я уже охрип, доказывая это...

- Там была одна важная бумага, - сказал Вальронд. - От Совжелдора, авторитетная. К вам! Они требуют, чтобы вы, товарищ Юрьев, властью своего совдепа, вывели англичан из Кандалакши.

Юрьев вдруг стал махать кулаками (дурная привычка):

- Пошли они к черту, еще советы мне давать! Я их понял: они хотят проверить, насколько совдеп силен в Мурманске? Послушаются ли нас англичане? Я понял их, - повторил Юрьев ожесточенно. - Но на эту провокацию я не поддамся... Вот скоро соберем первый краевой съезд на основах настоящей демократии и - ждем, мичман, ждем!

- Кого?

- К нам едет чрезвычайный комиссар товарищ Процаренус.

- Не слишком ли много развелось у нас комиссаров?

- Мало! - ответил Юрьев. - Их надобно легион, чтобы к каждому был приставлен комиссар и дудел с утра до ночи в ухо одно и то же: "Не шуми, чего шумишь?.." Обуздать протестующее быдло!

Выйдя на улицу, Вальронд выругался:

- Черт! Куда меня занесла нелегкая?..

Вечером, осатанев от бестолковщины, он отправляется катером на "Глорию", в свою каюту. Наконец-то наступает тишина, сдавленная броней. Тихо и тепло. Покачивается. Можно переодеться в домашний джемпер, стянуть узкие джимми. Ужин в кают-компании, тосты за короля и королеву, потом уютное сидение возле электрокамина, где колышутся розовые ленты из бумаги, как настоящее пламя. И пусть звучат над палубой шотландские волынки, и чтобы бокал с темным пивом приятно оттаивал в руке, лениво ее держащей...

"Это жизнь?"

Кто-то обнял его сзади за плечи - Уилки.

- Новость, - сказал. - Большевики догадались наконец.

- О чем ты, Уилки?

- Они стали брать в Красную Армию кадровых царских офицеров. Это очень разумное решение Ленина: ведь Россия имела отличные штабные кадры и массу боевых офицеров, которые сидят без дела.

- И в эту Красную Армию они идут? - спросил Вальронд.

- Охотно... Что скажешь, Юджин?

"Я бы тоже - охотно... Что ты скажешь, Уилки?"

Но мичман только подумал так, а сказал-то совсем другое:

- Как-то, знаешь, не верится, чтобы большевики решились...

И многое потом обдумывал в одиночку.

* * *

Неожиданно появился печник дядя Вася, которого считали на дороге уже безвестно пропавшим.

- Где тебя носило, дядя Вася?

Печник задрал пальцами верхнюю губу:

- Во! Кусать нечем стало...

- Закрой дверь, - велел Небольсин и спросил: - Чека?

- Не велено рассказывать, Аркадий Константинович. Расписку дал, что претензий не имею... А только моя претензия при мне: я этого палача Хасмадуллина живьем из Мурманска не выпущу.

- За что тебя так? - спросил Небольсин.

- А за что всех? - ответил печник. - Вестимо, за правду. Ныне правда по краешку стола ходить стала... крошками кормится!

- Ты... большевик? Мне можешь сказать.

Дядя Вася перекрестился, за неимением иконы, на график движения поездов.

- Я так скажу вам, Аркадий Константинович: были у меня зубы - не был большевиком, выбили мне зубы в "тридцатке" - стану большевиком. Назло Эллену и Хасмадуллину - стану, вот видит бог! Мне бы только из этого Засранска выбраться, я... я...

Старый печник заплакал. Небольсин выдернул из кармана фляжку с коньяком, протянул ее печнику:

- Сколько душа примет... пей, рязанский. С горя иногда помогает. И прошу, не болтай о своих обидах. А то и ватки не прожухешь... Там, на сорок пятом разъезде, пьяные солдаты все печки разворотили... Поедешь чинить?

- Поеду, - сказал старик. - Хотя и зло на всех берет, а все так думаю, печка не виновата. Опять же людям без печки, особенно в этом поганом месте, никак не прожить. Исправлю!..

В середине дня пришел порожняк. Машинист Песошников загнал состав в тупик и заглянул к Небольсину в контору. Поздоровавшись, сунул инженеру записочку:

- С юга вам кланяться велели. - И вышел.

Знакомый почерк Пети Ронека: "К тебе придет человек. С просьбой очень важной. Доверься ему. Твой П. Р.". Время становилось опасным, и Небольсин тут же порвал записку. Однако никакой человек к нему не пришел. День, два... Небольсин терпеливо ждал.

Наконец явился Тим Харченко собственной персоной. Оглядел обстановку вагона и заговорил:

- Это как понимать? Честная женщина рабоче-крестьянского происхождения. Носки стирала, опять же и... Другое она тоже для вас

делала! Некрасиво получается. Могу кликнуть - она под самым вашим колесом сидит. Убивается. Плачет.

- Чего вы от меня хотите? - спросил Небольсин, сразу поняв, что тут делом Пети Ронека и не пахнет.

- Как - что? С икрой баба-то... Икра-то ваша небось?

- Дуняшка! - крикнул Небольсин, позвав девку в вагон. - Что ты скажешь, Дуняшка?

- Не Дуняшка она вам, - набычился Харченко, - а Евдокия Григорьевна... Вы эти барские замашки оставьте!

- Хорошо, Евдокия Григорьевна, слово за вами.

Дуняшка ответила:

- Как скажут Тимофей Архипыцы. Они - благородство показывают, офицеры будут... как же!

Небольсин, закипая гневом, повернулся к Харченко:

- Господин благородный офицер, конкретнее...

- Конкретно: икра ваша тоже денег стоит. Мы не какие-нибудь, чтобы нас обманывали, мы люди сознательные!

Небольсин был мужчиною опытным.

- Уважаемый, - заговорил он, - я знать не знаю, кто вы такой. Чего вы сюда затесались?

Харченко приосанился:

- Как это вы меня не знаете? Да таких, как я, всего трое на весь Мурман! А вы народных вождей не признаете? Да со мною сам адмирал Кэмпен вчера за ручку здоровкался...

- Вот и пусть он с тобой здоровается... А чего ты ко мне-то вперся? Поздороваться хочешь? Катись отсюда поскорее!

- Евдокия Григорьевна, - закричал Харченко, - пошто молчите?! Скажите, как он вас использовал. Сейчас свидетелей с улицы скликать станем!

Небольсин с ненавистью, какой даже не ожидал в себе, разглядывал сейчас толстые колени Дуняшки.

- Вон! - заорал неожиданно и, выхватив бумажник, швырнул его перед собой: - Держите... Вы этого добиваетесь? Николаевскими?

- Евдокия Григорьевна, - велел Харченко, бестрепетный. - Это аванс... подберите. - И повернулся к Небольсину, угрожая: - Вы эти барские замашки оставьте, по-хорошему вам говорю. Ежели вам контрразведка не помеха, так я могу и в Чека нажалиться...

Небольсина замутило:

- Иди, сволочь! Иди, пока я тебя не размолот тут!

Чета выкатилась, забрав бумажник. Но Харченко, баламутя тишину, еще долго распинаясь под окнами вагона, собирая народ.

- Эсплутатор! Для вас революция - чхи! Не выйдет... Это вам, граждане, не шльнды-брынды...

Небольсин не выдержал - взял браунинг и вышел в тамбур:

- Если не уйдешь - прихлопну... Дуняшка! Уведи своего кобеля подальше, чтобы я морды его поганой не видел...

Тут Харченко треснул Дуняшку кулаком по голове, и она, согнувшись, отбежала, как собака от хозяина. Но не ушла совсем.

- Иди, задрыга! - прошипел Харченко. - Только бы до Колы тебя живой довести. А дома-то уж мы поговорим...

Небольсин с трудом заснул в этот день. А проснулся от присутствия в вагоне постороннего человека. Купе освещалось гаснущей спичкой, которую держали темные короткие пальцы с ногтями тупыми, как отвертки.

- Кто здесь? - спросил Небольсин, холодея.

- Это я. - И Комлев дунул на спичку: стало опять темно. Чекист присел возле инженера, сказал:

- Вам ведь товарищ Ронек писал, что я должен прийти.

Небольсин стремительно оделся, зажег свечку.

- Задерните окно, чтобы нас вместе не видели, - посоветовал Комлев. Мне-то уж все равно погибать, но вам ни к чему...

Они помолчали, тяжело и безысходно.

Небольсин признался.

- Вот уж никогда не думал, что увижу именно вас.

- По чести говоря, - прогудел в ответ Комлев, - я тоже не думал, что это будете вы. Но рабочие отзываются о вас хорошо, и я пришел.

- Какие рабочие? - спросил его Небольсин, весь настороже.

- Ну хотя бы... Песошников!

Песошников был человек серьезный, и Небольсин отчасти успокоился.

Совсем неожиданно прозвучали слова Комлева:

- У вас горе. Я слышал: невеста - говорят, красивая женщина потопла... Немцы - народ подлый. Я вот ездил за Цып-Наволоком на выметку. К прибою океана ездил. И видел: там детишек и баб к берегу до сих пор подкидывает. Я вам сочувствую. Люди, чай!

Это было сказано искренне, без натуги, и сразу расположило Небольсина к ночному гостю. Небольсин решил быть честным. И честно заговорил обо всем, что он думает. Англичане? Да, лично он против интервенции...

- Но почему я, русский, - говорил Небольсин, - должен быть унижен и оскрамлен этим позорным Брестским миром? Почему я, русский, теперь с англичанами? Да хотя бы потому, что они продолжают войну с немцами... Россия на Голгофе! - закончил Небольсин в раздражении. - И вершина Голгофы - мир, подписанный в Бресте.

Комлев в потемках нащупал колено инженера, похлопал.

- Вот, - сказал, - когда мой отряд под Питером дрался, чтобы немца остановить, случилось нам идти на штурм Под деревней Яхново. Может, знаете такую?

- Нет. Не знаю.

- И не советую знать ее. Там колония для сумасшедших. Упаси вас бог знать... Стенки в доме - во такие, из камня. На окнах - решетки, как и положено. И... никак не взять!

- Чего не взять?

- Да бедлам-то этот. В нем же германцы засели. Помогли нам тогда сами психи. Просветлело у них на тот случай или как иначе - того не знаю. Но всех немцев-пулеметчиков они сами связали... Спасибо психам - взяли мы Яхново!

- Это вы к чему мне рассказываете?

- А вот к чему. Привелось мне там после боя разговор иметь с одним старичком. Сам он по себе профессор. Но не тот, который лечит, а тот, которого лечат. Однако большого ума человек. Не то чтобы псих, а так малость заочевряжился. Его жена, язва, затюкала. Но беседовать с ним одно удовольствие. Так вот, - заключил Комлев, вертя сигарку, - он то же говорил - ну почти как и вы. Но он-то ведь... Недаром его за решеткой держат?

От такого неожиданного поворота в разговоре Небольсин расхохотался. С хитрецей посмеивался про себя и "папаша" Комлев. И они еще долго беседовали в потемках, притираясь один к другому.

- Россия, - говорил Комлев, - да разве есть такая сила, чтобы совладать с нею? Ну да, не спорю, временно уступили немцам. Так это же - не на веки вечные. Вернем обратно. Еще прибавим!

Потом Комлев объяснил ему цель своего прихода: надо бы спасти кое-кого из Мурманска - тех, на кого Эллен зубы точит.

- А сколько их наберется у вас? - спросил Небольсин.

- Примерно с вагон.

- Вагон не иголка. Подвижной состав весь на учете.

- Учет ведете вы?

- Контора. А в конторе меня не любят. И гадят мне.

- Чего же так?

- Да потому, что контора есть контора. Какая же контора терпит живого человека? Бумага - это дело, это удобно.

- Верно, чиновники - они такие... Так как же? А?

- Ничего не выищет, - сказал Небольсин. - За мной тоже следят. Я уверен. И мне даром ничего не спустят... Ваш отряд проверяет составы?

- Проверяем. Те, что с юга на север.

- Вот! А поручик Эллен и его шайка проверяют все составы. Как туда, так и обратно. Мы здесь все полетим вверх тормашками, если вагона хватятся. Будут проверять еще тщательней!

- Оно так, - вздыхал Комлев. - Но - люди... Надо!

Небольсин догадывался, что Комлев имел в виду спасти людей, сочувствующих большевистской партии. Но он не говорил, что это большевики.

- Люди, - убеждал он. - Это ж люди, русские.

Деликатность Комлева тронула Небольсина, и он решил:

- Так: давайте ваших людей и больше не появляйтесь здесь. Все остальное я беру на себя... Вагон дам!

Он проводил Комлева до дверей тамбура, они пожали друг другу руки.

- Партия наша, - сказал Комлев, - этого не забудет.

- Рассчитаемся! - засмеялся Небольсин. - На том свете. Угольками... Кипящей смолой... И головешками с искрами...

Все что было дальше, - риск. Ни звука, ни возгласа не раздалось из вагона, где сидели люди, которых Небольсин никогда не видел. Он самолично продел проволоку в сцепление дверей, крепко запломбировал живой груз. Куском угля надписал вдоль всего вагона - наотмашь, небрежно:

Consulate. Tixton-Holl. Kandalaksha.

Распугивая прохожих, задом вперед медленно подходил состав. Небольсин подхватил под локоть тяжеленный крюк сцепления. Мягко отбуксовав, вагон сомкнулся с составом, уходящим к югу.

Эллен в англизированном френчике с четырьмя карманами, поигрывая стеклом, встретил путейца на перроне:

- Что это за вагон... последний?

Небольсин проглотил слюну, которая прошла до самого желудка, словно канцелярская кнопка.

- А черт его знает! - ответил как можно равнодушнее. - Вчера звонил консул Холл, просил прицепить его только до Кандалакши.

Сказал - и затрясся от страха. Один звонок по телефону - и вся его

ложь обнаружится. Небольсин дрожал не напрасно - этот звонок раздался, но... от самого консула Холла.

- Аркашки, - сказал мистер Холл, - спасибо тебе, дорогой Аркашки, что ты не забыл о моей просьбе и отправил вагон.

- Пожалуйста, - ответил Небольсин, невольно похолодев.

Потом сидел как баран, соображая: какой вагон? И вдруг хлопнул себя по лбу: действительно, он забыл отправить один вагон с английским имуществом... Ложь сразу приобрела вид правды.

На следующий день Комлев, проходя мимо, шепнул:

- Спасибо. Они уже дома.

Небольсин прошагал мимо своего бывшего врага:

- Так, говорите, вам моя улыбка не нравится?

- Черт с тобой... улыбайся как хочешь, - ответил Комлев.

Поспешно Небольсин отправил и вагон с английским имуществом: от консула Холла - консулу Тикстону. Все в порядке, не придираться.

* * *

Он остался совсем один. И - никого. Ни души...

"Куда деть себя? Пойду в кабак..."

Выпив на станции рому, Небольсин нечаянно вспомнил:

- "Распахнется окровавленный занавес этой кошмарной трагедии мира, и самые красивые женщины выйдут навстречу нам..."

Незнакомый пьяница оторвал голову от липкой клеенки.

- Сударь, - сказал, - а нельзя ли точнее?

- Можно и точнее: путь на Голгофу с крестом очень труден. Но зато хорошо сесть на задницу и скатиться вниз. Вы согласны?

- Вполне, - откликнулся пьяница.

- Но я, - сказал Небольсин, - не желаю катиться вниз. Эй, маэстро, позвал он калеку-лакея, - еще стаканчик такого же... Тени окружают меня. Тени людей, когда-то живших. Тени людей, живущих рядом. Тень скалы и тень дерева... Тень креста, который мне суждено вынести. Не бойтесь, я не споткнусь. Я не упаду...

Он дал себе слово: никогда не вспоминать о Ядвиге, которую качают и баюкают сейчас на глубине темные зеленые воды. "Была ли ты, Ядвига?" спрашивал он себя.

- Нет, Ядвига, тебя никогда не было. Но... Прости меня, Ядвига, если только ты была: ведь я оказался прав - нельзя доверять свою жизнь слабым шлюпкам. Вот я, например (ты видишь меня, Ядвига?), я остаюсь на палубе. Пока на корабле...

Как его шатало! Как его шатало!

Глава одиннадцатая

- Ты, случайно, его не видел? - спросил Спиридонов. Павел Безменов еще раз оглядел дымный зал:

- Да нет, откуда же? Надо поспрашивать... Вокзальный ресторан в Петрозаводске - скопище бродяг, убийц, авантюристов, подонков, белогвардейцев и беженцев (уже наполовину эмигрантов). Еды в ресторане не получишь. Но не за этим сюда и ходят. Пьют из-под полы самогонку, стучат по краю стола жесткими воблами. Дамские пальчики, все в кольцах и перстнях, выковыривают из пуза тараньки лакомство - пряную икру. Повсюду хохот, визг, пьяные поцелуи (иногда - выстрелы). Мимо чекиста прошмыгнул в ресторан Буланов.

- Начальство! - окликнул его Спиридонов. - Вы не видели товарища Процаренуса? Чрезвычайного комиссара из Питера?

Буланов в растерянности остановился:

- Да, кажется, вон там сидят... какие-то приехали!

- Пойдем, - сказал чекист Безменову.

Крутясь, пробирались между столиками. И вот остановились возле элегантного господина в люстриновом пиджаке; отвороты лацканов, словно у лакея, были сделаны из черной замши. Краешки манжет выглядывали из-под рукавов. На отставленном в сторону волосатом мизинце краснел рубин в старомодном перстне. Усики, острый подбородок, блеклые глаза... А вокруг этого господина расположились франтоватые молодые люди в мундирах и френчах, но без погон. Спиридонову очень хотелось вынуть маузер и арестовать всю эту компанию: для проверки документов.

- Прошу прощения, - сказал он, поправив кобуру на поясе. - Не вы ли будете товарищем Процаренусом?

- Да, я. Чрезвычайный комиссар по мурманским делам. Спиридонов подозрительно глянул на молодых людей.

- Это мои адъютанты, - сказал Процаренус. - И еще на путях стоит шесть вагонов со штабом и канцелярией. Прошу обеспечить охрану. Если что случится, вам будет плохо... Может, сядете?

- Спасибо. Когда можно переговорить?

- Так говорите.

Иван Дмитриевич спросил прямо:

- Вы, товарищ комиссар, помимо вагонов с канцелярией, привезли сюда что-либо существенное?

- А что вы понимаете, Спиридонов, под существенным?

- Бойцов... оружие! Помощь... Нам предстоит драться!

- Затем и прислан, - резко ответил Процаренус, - чтобы оказать вам

помощь! Но не штыками. Воевать, Спиридонов, погодите. Если вы осмелитесь вызвать конфликт, ваша голова первая покатится под откос. Может, все-таки сядете?

Адъютанты подвинулись. Спиридонов нехотя сел.

- Что там, на Мурмане? - спросил Процаренус, потянув себя за галстук-бабочку. - Холодно? Как нам одеваться?

- Там... плохо, - сказал Спиридонов и снова с подозрением оглядел незавидное окружение Процаренуса.

Тогда Процаренус заметил ему - с вызовом:

- Вы не на моих адъютантов смотрите, а глядите правде в глаза... Я вас спрашиваю: что на Мурмане? Какова обстановка?

- На Мурмане есть все, кроме большевиков. Я всегда смотрю правде в глаза, товарищ Процаренус!

- А как это могло случиться? - спросил Процаренус.

Спиридонов глянул на Безменова, и тот подтвердил:

- Нету большевиков на Мурмане...

- А как это могло случиться? - спросил Процаренус и кивнул на своих адъютантов: - Эти люди твердо стоят на советской платформе, а потому можете быть вполне откровенны...

Спиридонов рассказал, как было дело.

- Очень просто: самые сознательные выехали в Петроград, где, как им казалось, они будут нужнее. Менее сознательные разбрелись кто куда. Власть же захватили эсеры и авантюристы. А теперь они эту власть передоверили англичанам и белогвардейцам... Так что, я считаю, положение на Мурмане катастрофическое.

- А это кто такой с вами? - спросил Процаренус о Безменове.

- Прораб с Мурманской дистанции.

- С Мурманской? А чего он здесь?

- Я бежал... - сумрачно пояснил Безменов, стоя за стульями.

- Отчего бежали? - повернулся к нему Процаренус.

- Причин много. А главное - не хочу жить в Мурманске, среди всякой контры. Ну и бежал.

Процаренус высмотрел фигуру начальника вокзала Буланова:

- Позовите сюда этого толстяка.

Безменов подозвал к столику начальника вокзала.

- Милейший, - сказал Буланову Процаренус, - через пять минут я должен быть в пути на Мурманск. Шесть вагонов штаба и один салон-вагон с моим личным конвоем...

- Товарищ, - ответил Буланов, - локомотива под паром нет. С углем

плохо. Пока дровами... да они-то сырые!

Процаренус достал часы, увешанные ворохом брелоков.

- Или через пять минут вы будете расстреляны...

- За что? - в ужасе отступил Буланов.

- За саботаж, направленный против власти. Видите ВЧК? Вот оно, собственной персоной. Товарищ Спиридонов, растолкуйте сказанное мною гражданину саботажнику.

Спиридонов долго подыскивал нужные слова.

- Яков Петрович, - нашел он их, - достаньте, пожалуйста, нам паровоз.

- Если только из депо... если успею... если успею?

- Откуда угодно. И какой угодно. Хоть маневровый. Чрезвычайный комиссар слишком торопится в Мурманск... Там, в Мурманске, - сказал Спиридонов Процаренусу, - сейчас весна, но все равно очень холодно. Советую вам одеться теплее...

Мимо окон ресторана скоро прочухал пыхтящий паровозик с лесопилки, и Процаренус захлопнул свои часики.

- Видите? - сказал он, вставая. - Пистолет к виску - и колеса крутятся... Товарищи адъютанты, прошу следовать за мною на приличной дистанции.

Двигая стульями, все встали и ушли.

- Павел, - сказал Спиридонов, - ты чего стоишь?

- А меня что? Приглашали?

- Ну так я тебя приглашаю. Садись. Потолкуем о разных разностях. Вот ведь какие идиоты бывают на свете... Боюсь, как бы этот комиссар, яти его в душу, не натворил чего в Мурманске!

Остервенело ругаясь, визжала женщина. Бравый офицер таскал ее по заплеванным паркетам. Спиридонов достал маузер и выстрелил в потолок. Наступила тишина.

- Вот в таком разрезе, - сказал Спиридонов. - И чтобы далее не шуметь...

Офицер оставил женщину и, вынув пистолет, тут же пустил себе пулю в лоб. Все произошло стремительно. Вытянулись шеи.

- Доигрались? - сказал Спиридонов. - Чего это он там?

- Да была причина... Она его наградила!

Спиридонов повернулся к Безменову.

- Видал, как офицерик себя шлепнул? Будто до ветру сходил. Просто! Нехороший признак, Павел. Перестали люди жалеть себя. От этого, чувствую, и война впереди будет жестокая - без жалости...

Павел Безменов признался:

- А я вот все думаю... Может, мне вернуться в Мурманск?

- Погоди. Не лезь поперед батьки в пекло.

* * *

Под пение фанфар и дробь барабанов открылся в Мурманске краевой съезд. На сцену клубного барака вынесли знамена: красное на одном древке с андреевским флагом, флаги Британии, Франции, Италии, Бельгии, Японии и Штатов Америки.

Процаренус вздрогнул, когда знамена Антанты взмахнули разом и грубая ткань флагдух коснулась его лица, словно наждачной бумагой. Башни крейсера "Глория" изрыгнули салют, приветствуя съезд, и Процаренус опять вздрогнул: он еще не привык и терялся.

- Товарищи! - провозгласил сияющий Юрьев с трибуны. - Мы счастливы, что наш съезд, скромно проводящий свою работу в тягчайших условиях раздора и провокаций, может приветствовать сегодня чрезвычайного комиссара товарища Процаренуса...

Было много речей, и адмирал Кэмпен сурово чеканил слова о готовности Англии поддержать краевой Совет Мурмана не только башнями крейсеров, но и маслом, досками (кстати, из Онеги), гвоздями, подошвами для сапог и шпалами в креозоте. Лятурнер - более скромный и сдержанный - зачитал заявление правительства Франции к населению Мурмана.

- Правительство Французской республики, - говорил Лятурнер, поглядывая на Процаренуса, - не имеет намерения посягать на целостность русской территории и заявляет, что обладание Россией Мурманским краем представляется ему, этому правительству, вопросом исключительной важности, и оно рассматривает оборону Мурманского порта и железной дороги к нему от посягательств финно-германских аннекционистов как дело первостепенное...

Процаренус встал и пожал Лятурнеру руку.

- Я счастлив... счастлив был слышать! - сказал он.

Но вот на сцене в узеньких брючках, широченный в плечах, появился представитель Америки - лейтенант Мартин; ему хлопали еще до того, как он раскрыл рот; в самом деле, как не похлопать такому парню - красногубый, здоровый, красивый...

- Найдутся недалекие люди, - заговорил атташе, - которые захотят уверить вас в том, что мы пришли сюда с задней мыслью. Мои дорогие друзья! У нас нет задних мыслей... Как только нужда в нашей помощи кончится в России - мы уйдем сами. И мы не сделаем ни одного усилия для захвата вашей территории. Наш долг - приготовить мир для счастья и мира! Нам открыт один путь: мы должны победить, и мы победим!

Юрьев яростно хлопал в здоровенные ладони боксера:

- Товарищи, просим нашего комиссара...

Процаренус, робея, поднялся на шаткую трибунку.

- Что сказать? - начал он. - Я растроган, как никогда. Честно признаюсь, я ехал сюда и мне казалось, что придется лишь карать и вести следствия. И что же я вижу? Радостные лица людей, братские пожатия под знаменами братских наций. И наконец, мне остается только приветствовать этот удивительный контакт горячих сердец в этом ледяном краю и выразить надежду, что Страны Согласия и впредь не оставят в беде этот дикий край, где не родится даже картошка...

В перерыве Процаренус заговорил о флотских делах с Юрьевым, и вывод был парадоксален: в гибели и разрухе кораблей повинен в первую очередь... Совжелдор!

- Если не верите мне, - сказал Юрьев, - можете переговорить с военным инструктором края Звегинцевым, он человек опытный, и он подтвердит, что ликвидация таких организаций, как Совжелдор и Центромур, - первейшая задача в мурманских делах.

- Я подумаю, - ответил Процаренус...

Потом был банкет в батарейной палубе крейсера "Глория", ибо кают-компания не могла вместить все шесть вагонов канцелярии Процаренуса. Палуба казематов сверкала в огнях разноцветных фонариков, замки орудий торчали под столами, а сами стволы пушек уходили в забортное пространство. В полночь по трапам повалила публика с берега. Появился и лейтенант Басалаго, весь в черном, словно на похоронах, и его представили чрезвычайному комиссару.

- Мне о вас так много говорили, - сказал Процаренус, - и так много дурного, что я заранее успел полюбить вас...

Ударил музыка, и, качая тонкими бедрами, подошла, обтянутая сизым хаки, словно чистая голубица, секретарша Мари.

- Комиссар, - сказала она, не откладывая дела в долгий ящик, - один хороший шимми, и - пусть летит ко всем чертям!

- Вы тоже из Мурсовдепа? - ошалело спросил Процаренус.

- Нет, я из французского консульства. Но это дела не меняет, по глазам вижу, что я вам нравлюсь.

Процаренус был очарован.

- Мадемуазель, вот уж никогда не думал, выезжая из темного Петрограда, что здесь, на краю света, буду танцевать с настоящей парижанкой...

- О дьявол побери! - сказала Мари. - Опять этот чулок...

Танцуя, они завернули за пушку; туфелькой французженка встала на

штурвал прицельной наводки и, поправляя чулок, показала Процаренусу, какая у нее длинная и красивая нога.

- Но-но! - отодвинула она его от себя. - Здесь не та арена, чтобы целоваться. Еще, не дай бог, что-нибудь выстрелит!.. А хотите, я вам покажу одно чудо?

Мари вдруг ловко, как матрос, дернула на себя рукоять оружейного замка. С шипением и клацаньем открылось черное дуло, перевитое изнутри кольцами нарезов, и женщина завращала штурвал, гоня пушку вдоль полярного горизонта.

- Смотрите! И вы поймете, какое это чудо...

Процаренус заглянул в дуло. Орудие плавно катилось дальше, а там, через круглое отверстие, виделось сейчас и яркое негасимое небо, и марево солнца, и тени кораблей.

- Половина второго ночи, - сказала Мари, закрывая замок. - Правда ведь? Ну как не ошалеть от такой природы? В такую ночь можно целоваться даже с палачом на плахе...

После танцев генерал Звегинцев подвел к Процаренусу поручика Эллена, пробор на голове которого был столь же элегантен, как у адъютантов Процаренуса.

- Вот, - сказал генерал, - это тот самый человек.

- Я, - ответил Процаренус, - так много слышал о вас дурного...

- ...что заранее успели полюбить меня? - поклонился Эллиен с улыбкой и дружески тронул Процаренуса за локоть. - А что? Ведь здесь собрались славные ребята. Считайте, что Мурману повезло!

На следующий день адмирал Кэмпен дал завтрак в своем салоне для гостей, лично им приглашенных. Был здесь и лейтенант Уилки (молчавший). Была и секретарша Мари, которая (тоже молча) разливала гостям чай. Курчавый сеттер адмирала долго и подозрительно обнюхивал штаны чрезвычайного комиссара Процаренуса и, недовольно фыркнув, отошел к хозяину.

- Экипаж моей эскадры, как и команды французских кораблей, - говорил Кэмпен отчетливо, - полны самых добрых чувств к великодушному русскому народу. Мы нисколько не возражаем и, как видите, не третируем работу Мурманского Совета. Наоборот, мы изо всех сил поддерживаем Советскую власть на Мурмане! Но организация Совжелдора, состоящая из германофилов, и ячейка Центромур, набитая демагогами из состава русской флотилии, явно вредят нашей работе, совмещенной с работой совдепа...

- Дело доходит до стычек, - вмешался Лятурнер. - Белофинны

фланкируют дорогу, а наш бронепоезд, который мы собрали с большим трудом, не может выйти за Кандалакшу: Совжелдор не пропускает. Мы не протестуем и против пребывания в Мурманске отряда ВЧК. Но должны признать, что соседство этой угрюмой и таинственной инквизиции, при наличии на Мурмане контрразведки, порою создает нервную обстановку.

- В конце концов, - дополнил Кэмпен, отхлебнув чаю, - нас отряд Комлева не касается. Хотите держать его на Мурмане - держите! Но присутствие чекистов в городе создает обстановку недоверия и паники. Это в первую очередь. Во-вторых, мы, англичане, усвоили себе за правило уживаться в любой точке земного шара. Однако жизнь в вагонах на колесах становится иногда невыносимой... В то время как на рейде стоят пустые русские "Соколица" и "Горислава", вполне удобные под размещение наших офицеров. Ваши миноносцы тоже... пустуют!

В этот день английский флаг был поднят не только над "Соколицей" и "Гориславой" - морская пехота захватила полностью и русские эсминцы. Приказ о передаче кораблей англичанам подписал лично Процаренус.

- Я вижу, - сказал он Кэмпену, отбросив перо, - что положение здесь сложное. Гораздо сложнее, нежели его представляют в Центре. Я думаю, что мне придется только карать. Однако... Волею чрезвычайного комиссара, я разрешаю вам произвести высадку десантов в Кандалакше. Что же касается Совжелдора и Центромора, то я не могу разогнать их, ибо это выборные организации. Но я приложу все старания, сэр, чтобы ликвидировать или ослабить их натиск на Мурманск...

Когда катер доставил Процаренуса на берег, к чрезвычайному комиссару подошел мрачный человек в кожанке. Посмотрел на него и черными корявыми пальцами раздернул широкую кобуру.

- Ты Процаренус?

- Я.

- Подлец! Ты арестован... именем революции!

- Взять его, - велел Процаренус.

Молодчики-адъютанты скрутили Комлева, выбив из его руки маузер. Процаренус был бледен.

- Тащите этого биндюжника в штабной вагон, - наказал он. - Я с ним поговорю. Он до смерти не забудет...

Разговор начал Комлев.

- Мандат! - сказал он, выкинув жесткую руку.

- Вот тебе мандат! - И Процаренус показал ему фигу. - Я имею распоряжение вообще выбросить твой отряд обратно в Питер. Если не хочешь слопать пулю, убирайся отсюда сегодня же...

Комлев сложил в ответ грубый кукиш:

- Теперь я тебе покажу... На, полюбуйся!

- Хам, - сказал Процаренус, отворачиваясь.

- А я никуда своего отряда с места не строну.

- За отказ исполнить приказ... - строго начал Процаренус.

- Не пужай! - ответил ему Комлев. - Я все равно покойник и к смерти давно готов. Но ежели мы уйдем, здесь все перевернется. Они поставили пока запятую, а скоро поставят точку... Интервенция! Оккупация! Вот что ждет Мурман, и ты их приблизил!

- Не дури, - ответил Процаренус. - Честное сотрудничество еще не интервенция. Это не оккупация. Ты бредишь!

- Мой бред... - горько усмехнулся Комлев, покачав головой. - Так выслушай тогда мой "бред". Здесь враги... кругом враги! Враги, которые прикрылись именем Советской власти. Пишут так: "Российская Федеративная Республика", а слово "Советская" пропускают... Этого мало. Скоро здесь будет фронт. Мурманский и Архангельский. Это - тысячи верст. Леса, тундры, болота, скалы. Большевиков здесь нет, населению на Советскую власть наплевать, лишь бы пузо набить, да выпить! И людей нет. Никто не почешется. Один мой отряд. И ты его хочешь спровадить отсюда?.. Не выйдет, товарищ Процаренус!

Комлев взял со стола свой маузер, пошел к дверям. И все время ждал выстрела в спину. А в тамбуре нос к носу столкнулся с прапорщиком Харченкой и грубо оттолкнул его от себя:

- Куда лезешь? Дай пройти человеку..

Харченко, забравшись в купе, стал выплакивать свои обиды:

- Это как понимать? Скажу по самой правде, как комиссар комиссару... Честную женщину рабоче-крестьянского происхождения берут и используют на все корки. А потом, когда пузо у нее во такое, трудовую женщину выкидывают...

Процаренус ни бельмеса не понял, но, как комиссар, он коллегиально выслушал "комиссара" Харченку.

- Товарищ, точнее: как он ее использовал? Кого?

- Законную супругу мою. Как женщину...

- А ты, когда брал ее в жены, пуза разве не заметил?

- Да не было пуза. И вдруг поехало, как на дрожжах!

- Надо было раньше смотреть внимательней.

Щерились адъютанты над Харченкой - "советские порученцы":

- Весьма оригинальное применение женщины в железнодорожном департаменте мурманского министерства колонизации...

Когда вопрос выяснился, то имя Небольсина навело Процаренуса на кровавые размышления.

- Недобитый, - сказал. - Хорошо, я его успокою...

...Процаренус был у генерала Звегинцева по делам, когда заявился вдруг здоровенный верзила в промасленном полушубке. Бросил на стол лохматую шапку и посмотрел на всех косо.

- Вам, товарищ, меня? - спросил его Процаренус.

- Я инженер Небольсин, начальник этой дистанции. Мне сказали, что вы просили меня разыскать вас.

Процаренус посмотрел на кулаки путеяца, поросшие рыжеватой шерстью, и сказал:

- Вам придется оставить дистанцию.

- Почему? - спросил Небольсин спокойно.

- Пьянствуете... развратничаете...

- Это неправда, - ответил Небольсин и показал на генерала: - Вот и Николай Иванович подтвердит, что здесь все выпивают, выпиваю и я. Это не повод для изгнания. Куда я денусь?

- Мне не нравится ваша фамилия.

- Фамилия русская, старинная. Дай бог каждому такую иметь!

- Верно, - согласился Процаренус с ехидцей. - Фамилия ваша русско-дворянско-реакционная...

- Чепуха! - смело возразил Небольсин. - Фамилия не способна делать из человека реакционера, как не способна делать из него и большевика. А то, что дворянин, - да, не спорю, виноват... Но трудящийся дворянин! Ну? Что скажете дальше? Что я рабочую кровь пью? Так я не пью ее, а, наоборот, есть такие хулиганы-рабочие, которые второй год сосут мою кровь - дворянскую!

- Вот за дворянские настроения я вас и удаляю.

- Хорошо, - согласился Небольсин, снова поворачиваясь к Звегинцеву. Перед нами сидит, - сказал инженер, - его высокопревосходительство генерал гвардейской кавалерии Звегинцев, мать коего, если не ошибаюсь, графиня Тизенгаузен, и пусть он, как главный начальник советских войск на Мурмане, уволит меня за принадлежность к касте дворянства.

Процаренус густо покраснел.

- Не за дворянство, - сказал он, оправдываясь перед генералом. - А за барские замашки... Поняли?

Небольсин не давал себя побороть.

- Простите, - ответил он. - Я стою перед вами в валенках, в полушубке, и вот моя шапка (Небольсин даже шапку ему показал). А вы, господин

Процаренус, развалились передо мною на стуле в смокинге, у вас галстук. И наверное, вам пошел бы к лицу цилиндр. Мало того, вы даже не предложили мне сесть. Так, скажите теперь, кто же из нас барин? У кого барские замашки?

Звегинцев, до этого молчавший, решил вмешаться. Он сильно продул мундштук, посмотрел на божий свет через закопченную никотином дырочку и сказал:

- Небольсин, идите... Чрезвычайный комиссар введен в заблуждение вашими недоброжелателями.

Небольсин нахлобучил на макушку шапку. Долго выискивал слово, которым можно было бы побольней оскорбить Процаренуса.

- Мещанин! - сказал и быстро удалился.

Проходя мимо станции, нырнул под вагоны, чтобы сократить расстояние. И между колес лоб в лоб столкнулся с Комлевым. Оба зорко огляделись по сторонам: нет, сейчас их никто не видел.

- Комлев, - сказал Небольсин, сидя на корточках возле колеса, - если тебе что нужно, я помогу.

- Спасибо, товарищ. Ты уж не серчай, что я тебя тогда окрестил "белой тварью".

- Ты тоже прости меня за "красную сволочь".

Над ними пошел раскатываться вдоль состава звонкий перелязг букс. Вагоны тихо тронулись, и два человека (столь разных!) разошлись, ощутив тепло человеческого доверия.

На пустынном перегоне за станцией Полярный Круг, не доезжая до Керети, в штабной вагон к Процаренусу поднялись Ронек и полковник Сыромятев. Положение на дороге опять становилось катастрофическим: отряды молодой Красной Армии, еще малочисленные, сдерживали натиск озверелых лахтарей, рыскавших возле Кеми и Кандалакши, но им будет не устоять перед буреломным напором морской пехоты Англии!

Об этом Ронек и доложил Процаренусу...

За тюлевой занавеской вагона, растрепанной ветром, проступал в окне затерянный жуткий мир тундры: кочкарник, олений ягель, лопарская вежа, полет одинокой вороны над тихим озером.

- Спиридонов в Петрозаводске? - поинтересовался Процаренус.

- Он опять ушел в леса, и о нем ничего не слышно.

Сыромятев подтянулся и отрапортовал:

- Товарищ чрезвычайный комиссар, позвольте мне, кадровому офицеру, высказать свое мнение?

- Позволяю, - насторожился Процаренус.

- Я, - сказал ему Сыромятев, - все-таки верю в энтузиазм дорожных отрядов. В случае если англичане пойдут десантировать на нас с моря, мы, надеюсь, сможем отбросить их обратно.

- Ваше мнение, - отвечал Процаренус, - враждебно духу пролетарской революции. Вы чего желаете? Ввергнуть молодое социалистическое государство в войну против Антанты?

- Я не желаю этого... они этого желают.

- А собственно, кто вы такой?

Сыромятев стройно выпрямился:

- Я полковник бывшей русской армии, служил начальником пограничной охраны на Пац-реке, по берегам Варангер-фиорда и в районе Печенгских монастырей.

- А что вы здесь - у нас! - делаете?

Ронек шагнул вперед - маленький, ершистый.

- Полковник Сыромятев - военный инструктор при Красной гвардии Совжелдора. Он верой и правдой...

- Стоп! - задержал его Процаренус. - "Верой и правдой" - это слова из казарменного лексикона проклятого царского прошлого. Нам не нужны его "вера и правда"... - И повернулся к растерянному Сыромятеву: - Сдайте мандат!

Полковник не шевельнулся, стоял - как дуб, кряжистый, и медленно наливалась кровью его шея.

- Сдай мандат, контра! - заорал Процаренус.

- У меня... нет мандата.

- Как же ты служишь нам?

- Служу... на честное слово.

- У царского офицера нет честного слова!

И тогда Сыромятев пошел вперед грудью.

- Врешь! - выкрикнул. - Есть!

- Мы не удосужились выписать, - сказал Ронек.

Процаренус жестом подозвал к себе бравых "порученцев":

- Полковника - в последний вагон. Отвезем куда надо. Там он расскажет нам подробнее, каковы его "вера и правда".

- Это подлость! - Ронека даже замутило. - Как вы можете? Человек пришел в Красную Армию по доброй воле, еще до призыва всех офицеров, он честный офицер... Он - хороший человек!

Сыромятев протянул инженеру руку на прощание.

- Петр Александрович, - сказал он, - не надо меня расписывать... Лично вам и лично товарищу Спиридонову я очень многим обязан. И

благодарен! Но... не огорчайтесь: я предчувствовал, что этим все и кончится для меня... Еще раз - прощайте!

Сыромятева под конвоем увели, и Процаренус взялся за Ронека:

- Ну а с вами у меня будет разговор особый... Кстати, совжелдоровец, вы большевик?

- Беспартийный большевик, - ответил ему Ронек.

- Сейчас, - продолжал Процаренус, - следом за мною пройдет на Званку французский бронепоезд. Так вот, не вздумайте дурить и перекрывать перед ним пути.

Ронек стянул с головы путевую фуражку, погладил пальцем молоточки на скромной кокарде.

- А ведь знаете, - ответил спокойно, - я человек предусмотрительный. На всякий случай я перекрыл пути не только перед бронепоездом, но и перед вашим эшелоном тоже. Ибо мне многое не нравится в вас... Может, вы и убежденный человек. Мне, как беспартийному большевику, судить о вас не следует. Но все, что вы сделали, делаете и будете делать, - все это вносит сумбур и путаницу. Есть честные люди на дороге, которые, к сожалению, честно поверят вам.

- Вы это... пошутили? - нахмурился Процаренус.

- Увы, я серьезный человек. И мне не до шуток.

- Французский бронепоезд должен пройти. Я дал слово в Мурманске местному совдепу. И не только совдепу, а и... выше!

- А я дал слово своей совести, что задержу его. Любыми средствами: петардами, завалами, винтовками, гранатами, камнями... Вас я задержу тоже, - закончил Ронек тихо.

И тут Процаренус понял, что этот маленький человек, почти мальчик, с такими нежными ручками, этот инженеришко говорит правду: они будут драться.

- Взять контру, - велел Процаренус.

...Сыромятев сидел в узком купе за решеткой (купе было когда-то почтовым) и видел, как Ронека стащили под насыпь и застрелили тремя выстрелами в упор. Убили зверски, грубо и неумело. Кажется, когда поезд тронулся, Ронек был еще живым - он вдруг перевернулся и скатился по щебенке вниз под насыпь...

Сыромятев подумал и постучался в двери.

- Только до уборной... - сказал он часовому.

Под ногами пружинил пол. Один удар головою назад, и часовой рухнул навзничь. Вырвав из рук его винтовку, Сыромятев распахнул двери на задний тамбур, где стоял дежурный "максим", и штыком сбросил

пулеметчика на свистящие рельсы.

- Всех! Всех! Всех! - остервенело ругался Сыромятев.

На выстрелы уже бежали из первых вагонов brave "порученцы" Процаренуса - слишком горячие молодые люди. Сыромятев срезал их одной очередью вдоль вагона: всех, всех, всех!..

Струя свинца хлестала по коридору, кружились сорванные пулями шторы, летела щепа дверей, вдребезги разлетались зеркала и окна. Вагон был наполнен воем и грохотом.

Поезд дал тормоза. Оставив пулемет, Сыромятев на ходу спрыгнул с площадки, и, когда за ним кинулись в погоню, полковник уже скрылся в густой чаще, и только трещал вдалеке валежник.

* * *

Нагадив где только можно и наследив вдоль Мурманки грязью предательства и кровью честных людей, Процаренус покинул север и где-то затих.

Позже этот человек был разоблачен и судим.

Но это случилось позже. А сейчас...

Сейчас бронепоезд интервентов, пыхтя парами, стоял уже на путях Званки (отсюда до Петрограда было всего сто четырнадцать верст).

Глава двенадцатая

Нет, никуда не сдвинулись - опять то же место: Бабчор (высота No 2165), Македония, Новая Греция.

Здесь агония продолжалась.

* * *

Для него - для подполковника Небольсина - эта агония закончилась ужасно.

Вот как это случилось.

С утра на позиции подвезли подкрепление - стрелков из Ораниенбаумской пулеметной школы (еще старого выпуска, до революции). Выдали батальону завтрак: опостылевшие сардины в оливковом масле, пакеты сморщенных фиников, коньяку - по бутылке на каждого, что значило - атака, ибо в обороне давали по бутылке на двоих.

Над развороченной землей Македонии дымился пар: было очень рано, но земля уже трещала от жара...

- Пить! - стонали солдаты. - Когда уже подбидонят нам воду?

Воду не подвезли - бидоны с водой стояли за позициями, блестя боками, вызывая раздражение. Потом террайеры придвинули свои пулеметы к русским траншеям. Был дан сигнал подготовки, и в ордере на боевое положение батальона было сказано, что воду подвезут после атаки.

Небольсин перед атакой хрипло прокричал батальону из-под железного шлема:

- Вы понимаете! Если мы уйдем отсюда, то после победы Стран Согласия Россия потеряет право на территории, которые ей жизненно необходимы. Екатерина Великая - воистину великая женщина, хотя бы потому, что до конца своих дней стремилась на берега Босфора. Проживи она с Потемкиным еще лет десять, и нам, ребята, не пришлось бы сейчас торчать здесь. Прошло столетие, и мы, потомки суворовских чудо-богатырей, мы снова обязаны стучать и стучать в эти ворота... Вот - цель! Каски надеть, лишнего не брать...

- Сигнал дан, - прервали его.

Шлепнул в небо неяркий фальшфейер, альпийские рожки протрубили тревогу. Небольсин выдернул из кобуры длинный кольт:

- Разом! - и первым выпрыгнул из траншеи.

Пули сразу прижали его к земле, и он ящерицей заполз обратно за бруствер. Снова фальшфейер: повторный - для русских.

- Вперед... за мной!

Он бежал под свист пуль, и земля больно ударила его в лицо. Он заплакал тогда, лежа в расщелине, и понял, что он - один и никто больше за ним не пошел. И никогда уже не пойдет...

Атака сорвалась, а воду не подвезли. В наказание!

Люди умирали от жажды под беспощадными ливнями солнца... Тогда солдат Должной встал и пошел. Но пошел не вперед, а назад - прямо на сенегальцев.

- Тире муа сильвупле! - кричал он, добавив для верности по-русски: Стреляй, мать вас всех...

Должного исполосовали длинные очереди. С груди старого солдата сорвало пулями кресты. И в траншею, прямо в лицо Небольсина, так и шмякнуло "полным бантом", и этот бант, звенящий погнутыми Георгиями, был затоптан сумятицей батальона...

- Каковашин! - в ужасе закричал Небольсин. - Что ты делаешь, Каковашин? Опомнись...

Каковашин поднялся в рост, подкинул на руках тяжеленный "льюис" и грохнул очередью по кордонам ограждения.

- Четвертая, - призвал исступленно, - Особого назначения... не сдается! Герои Вердена! Кавалеры Георгия! Вперед...

Это была та знаменитая русская атака, о которой слагались в народе песни.

Русские пошли на прорыв. Прочь. К черту.

- Домой... домо-о-ой... Уррра-а-а!

Вечером, когда батальон загнали за колючую проволоку, когда они, обстрелянные с неба авиацией, лежали на раскаленной твердой земле, разрывая рубахи, чтобы перевязать раны, - вот тогда Небольсин и встретился с ними. Один на один. И на беду его это случилось возле сарая выгребной ямы...

- Дай пройти, - сказал он, уже почуяв беду.

- Проходи. - И его толкнули.

Весь ужас этого момента не пережить.

В полном одиночестве, мучимый зловонием, Небольсин стягивал с себя ошметки изгаженного навсегда мундира, рвал со своей груди ордена, сбрасывал их с себя, словно вшей. И тогда к нему подошли союзные офицеры. Нет, они люди были тактичные: никто даже не улыбнулся.

Суровый ирландец О'Кейли кинул ему новые солдатские бутсы. Майор Мочению подарил чистое белье - после стирки. Павло-Попович швырнул из бумажника триста - в итальянских лирах. Русских не было, но был один православный - грек Феодосис Афонасопуло.

- Виктор... - сказал он (единственный, кто рискнул подойти к оскрамленному). - Виктор, прощай... Тебе надо было уйти отсюда раньше. Прощай, это тоже пройдет...

И чуткий грек, преодолев брезгливость, протянул ему руку.

Уходя прочь, Небольсин ни разу не обернулся.

В этот день он разлюбил Россию - и русских!

* * *

Так закончилась эта агония. По всей Европе русская армия была разбита и сломлена. Кем? Только не немцами. Русских за границей разбили сами же французы. Не желавшие сражаться были сосланы в Африку - марш-марш, через пустыни; их силком сдавали, как скот, в дисциплинарные батальоны Марокко. Непокоренных заперли в подвалы острова Экс, затерянного далеко в океане на скорбных путях Наполеона в его последнюю ссылку.

Кому теперь нужен офицер разбитой армии?.. Никому. И русский консул в Белграде (куда Небольсин добрался, шатаясь от жары и голода) сказал:

- Таких теперь много. Не вы один приходите к нам. К сожалению, ничем не могу помочь. Но сочувствую...

Военный атташе, генерал Мартынов пожалел его проще:

- Надо выспаться, - сказал. - Идите на конюшню...

На посольской конюшне, разворошив сено, Небольсин уснул под

всхрапывание жеребцов. Утром встал, провел рукой по лицу, отряхнул с себя солому в ушел... В витрине магазина отразилось его лицо. Он не узнал себя. Да, теперь никто уже не скажет ему, как говорили раньше: "Я вас где-то видел..."

"Очень хорошо, - раздумывал Небольсин, покидая город. - И пусть никто меня не знает..."

На пустынной горной дороге дымчатые волы, по четыре в упряжке, волокли куда-то скрипящие возы-каруцы. Военным обозом командовал сербский офицер, и он остановил Небольсина.

- Эй, брат! Ты, никак, русский?

- Русский... будь оно проклято, это имя!

- Садись с нами, брат, - предложил серб. - Имя русского да будет свято на нашей земле. Мы никогда не забудем, что Россия для нас сделала...

"Цо-цо-цо!" Колеса шарпали по щебенке, стегали хвосты волов слева направо. Медленно тащился обоз. Сербы ломали жесткий хлеб, раздваивали пополам с русским овечьим сыр, он пил их вино, говорил по-русски - его все хорошо понимали...

Так он тянулся на волах три дня, пока на дороге ему не встретились двое. Тоже русские. Пожилой полковник артиллерии держал на коленях голову юного поручика; босой, раздерганный, нехорошо дергаясь, поручик задышался:

- Не надо... умоляю... Унесите!

А полковник гладил его по голове и говорил нежно:

- Па-а-аручик! Я пра-а-ашу вас...

Заметив Небольсина, полковник заорал на него:

- Убери проволоку! Не видишь, что ли?

Посреди шоссе лежал ржавый моток колючей проволоки. Виктор Константинович пинком сбросил его в пропасть, и поручик сразу успокоился, блаженно улыбаясь.

- Что с ним? - спросил Небольсин, подходя.

- Бежал из немецкого лагеря... Болезнь многих пленных психоз колючей проволоки. Пойдешь с нами?

- А вы куда?

- Идем... просто так. Пошли! Втроем веселее...

Теперь Небольсин шагал впереди, чтобы предупреждать о проволоке. Но вся Европа была усеяна ржавыми шипами военных терний, и наконец нервы Небольсина тоже не выдержали.

- Поручик, мы вас оставим, вам надо лечиться...

Пошли вдвоем.

Новая появилась мука: по вечерам полковник артиллерии раскладывал перед собой картинку - шишкинских медведей, и был способен часами ненормально глядеть на ровные свечи сосен, на бурых мишек в русской дебряной чаще.

- Россия... - плакал он. - Господи, Россия... что будет?

Небольсин - ожесточенный, отчаявшийся - долго терпел.

Но от привала до привала - одно и то же. Наконец терпение лопнуло.

- То, что вы делаете сейчас, полковник, постыдно! Надо не заменять естественный пейзаж чужбины искусственным русским, а стремиться в свое отечество и быть ему полезным.

- Молодой человек, - грустно ответил ему полковник, - коли вы так храбры, то вернитесь... Я старый киевлянин, родился там и вырос, там был влюблен, женат, счастлив, вырастил детей. И я бежал из Киева, ибо в "самостийной" Украине я стал нежелательным иностранцем. Я подался к генералу Краснову, но он тоже самостийник. "Автономия великого тихого Дона!" Как вам это нравится? И на кого ориентация? На немцев, на кайзера, милостивейший государь. Вот! А после этого еще большевиков упрекают в прогерманских настроениях.

- Если так, - возразил Небольсин, - так почему же вы не остались с большевиками?

- Мне в Севастополе наплевали в лицо матросы. Мне! Сорвали с меня ордена, которые я заработал кровью и честью...

- За что?

- За то, что я имел несчастье родиться в России еще при царе и эту Россию надо защищать от врагов, и вот я совершил ошибку в молодости, посвятив свою жизнь службе в русской армии...

Небольсин зорко вглядывался во тьму чужестранной ночи.

- А как бы они хотели? - спросил. - Чтобы мы плохо служили царю и отечеству? Тогда бы и России давно уже не было.

- Все это вы можете объяснить в Чека, - ответил ему полковник, - если, конечно, вернетесь. А я уж буду пропадать здесь...

В один из дней, как и следовало ожидать, полковник-киевлянин повесился. Небольсин проснулся, костер давно погас. А неподалеку от места ночлега полковник уже застыл в неловкой петле. Видно, он долго мучился, не в силах помереть. Виктор Константинович снял с головы фуражку, постоял возле висельника. Вынимать человека из петли не стал, только перерезал веревку и пошел дальше. Под ноги ему попала картинка с медведями в русском бору, и он поддал ее сапогом:

- К черту! Мазня! Банально!

В одной деревне, где он пил молоко, Небольсин пересчитал лиры. Осталось всего сорок - пустяк. У околицы его нагнали.

- Этого хватит, - сказал какой-то человек, глядя с неприятной улыбкой.
- Есть девочка тринадцати лет, и очень развратная... Она вам понравится!

Жестоким ударом, Небольсин уложил человека в пыль почти насмерть. И не пошел, а побежал - прочь, прочь, подальше... "Боже, - думал в отчаянии, что сделала с людьми война! Будь она проклята!"

Его арестовали в Триесте, где он спал на набережной.

- Я не пойду, - сказал Небольсин. - Можете застрелить меня сразу. Но я... не пойду. И не прикасайтесь ко мне - я русский!

Он сказал это так, словно объявил себя прокаженным. И такая ярость была в словах этого худого, обтрепанного человека со сверкающим лихорадочно взглядом, что полиция расступилась.

- Эй, ты! - крикнули вслед Небольсину. - Проваливай в Швейцарию, там тебя интернируют... Там большевики уже открыли свое посольство!

* * *

В нейтральной Женеве, где находился Международный комитет Красного Креста, свирепствовала испанка. Пансионы, отели, курорты, лодочные станции, вокзал, набережные, скамейки на бульварах - все было забито беженцами, пленными, интернированными, больными. При строгой карточной системе на продукты Небольсин ничего не имел и кормился обедами возле отелей.

Впрочем, он был не один - русскими кишела Швейцария, и Виктор Константинович встретил даже дезертиров из своей Особой бригады: они работали по осушению болот в долине реки Роны и получали в день по триста граммов хлеба и сто пятьдесят граммов морковки. Они-то и подсказали ему:

- Тикайте до Берна, пока ноги не протянули здесь. От Красного Креста хрен доплачешься... И в бумагу впишут, и номерок на шею повесят, и застрянешь тут до скончания веку!

Повиснув между букс вагона, Небольсин зайцем доехал до Лозанны. Под ним струились свистящие рельсы, мчалась чужая земля, и под грохот колес он думал: "Как все просто... Одно неприятное мгновение, и все будет кончено!" Но он вспомнил о брате, беспутном малом, запропавшем в тундрах, и решил, что, пока хоть единая родная душа есть на земле, ему надо жить.

В Лозанне он услышал новенький анекдот:

- Если победят немцы - Европа превратится в сплошной концлагерь; если победят союзники - Европа станет образцовым сумасшедшим домом...

Это было правдой: Небольсин все время блуждал между лагерем и бедламом, между тюрьмой и сумасшествием. Он оборвался и был так страшен, что прохожие шарахались от него. Однажды он увидел, как реденькая толпа провожает гроб с покойницей, и, признав в этой толпе русских, Небольсин пристроился к ней. Зачем? Просто решил побыть среди своих.

- Кого хоронят? - спросил он у соседки по процессии.

- Маня Герихсон... выплыла на середину озера и утонула. Такая молодая! Но... никаких вестей из России, денег нет, просить милостыню стыдно, и что делать дальше нам, бедным русским?

Потом в приделе лозаннской церквушки, бедной и прозрачной, Небольсин наелся кутьи до отвала и спросил у священника:

- Отец, где сейчас место русского офицера?

Ветхий годами попик ответил ему по-французски:

- Советую вам ехать в Берн, а не болтаться по Европе. В Берне вы постучитесь в советское полпредство - и снова обретете родину.

Печальная женщина вздохнула из-под вуали:

- О доблестный офицер, не слушайте отца Амвросия, он уже давно агент большевистской Чека...

Небольсин, где зайцем, где пешком все же добрался до Берна. Досасывал окурки, копался в мусорных ямах. Ему было плевать, что о нем думают. Он даже наслаждался своим унижением, и тень братьев Карамазовых стала музой его странствий.

"Пусть, - думал он, - пусть я страдаю, но такова судьба... Судьба моя - и родины..."

На вокзале в Берне Небольсина жестоко избили французские интернированные солдаты. За что? Это же и так понятно: за то, что он русский и Россия перестала воевать с немцами... Избитый, он лежал возле мусорного ящика, а каждый паулю (храбрец) бросал в него на прощание докуренную сигарету. Непослушными пальцами Небольсин показал им на отвороте куртки упрятанную внутрь ленточку Почетного легиона.

- Мерзавцы! - сказал он. - Я заслужил орден Наполеона на полях сражений за вашу же Францию...

- Свинья ты! - ответили ему паулю.

По улицам швейцарской столицы русские двигались как заведенные в одном направлении - на Юнг-фрауштрассе, где размещалось советское полпредство. Их было немало, этих русских. В толстых шинелях, несмотря на сильную жару, шагали солдаты; выкидывая костыли, тенями прыгали по бульварам инвалиды; скорбно опустив головы, шли люди в статском платье

- каждого толкало в советское полпредство что-то свое: любовь или ненависть, но только бы выбраться на родину...

Пошел и Небольсин.

Стекла в посольстве были выбиты: чиновники-дипломаты, засевшие здесь еще при царе, уступили свои позиции советским дипломатам только с бою. Над фронтоном особняка висел лозунг. "Да здравствует мировая революция!" Небольсин подумал: "Мало вам бардака только в России?.." - и спросил в хвосте длиннющей очереди:

- Кто последний?

В очереди было много офицеров, бежавших из германского плена. Весь мир знал, как жестоко относились немцы к пленным солдатам, но особенно зверски - к русским офицерам. Их содержали, словно крыс, в подвалах древних заброшенных замков рыцарей, мучили, третировали, как могли. И теперь эти люди, жаждущие возвращения домой, обсуждали свое будущее. Особенно волновался один из них, полковник, гордо носивший на рваной шинели значок Академии Генерального штаба русской армии.

- Я это сохранил, - тыкал он на значок. - Отобрали все. Ордена, даже снимки жены и детей... Отдал! Но только не это. Лишь бы не уничтожили большевики прекрасный институт Генерального штаба! Такой институт имели две страны в мире - Россия и Германия, и потому-то наши армии были самые боеспособные...

И молоденький прапорщик-сапер, полуглухой и нервный, заикаясь, говорил взволнованно:

- Господа! Товарищи! Вернувшись в отечество, мы должны создать такую армию, которая никогда не знала бы никаких поражений. Армию на новых демократических - принципах. Без зазнайства, без фанфаронства армию-кулак! Кулак из металла и рабоче-крестьянских мускулов.

Небольсин, глядя в пыльное небо над Берном, сказал:

- Напротив, надо воссоздать армию старую и двинуть оглоблей по вашим рабоче-крестьянским мускулам, которые ныне упражняются в ударах по нас, господа!

Кто-то горячо шептал ему в ухо:

- Молчите, молчите... только бы выбраться в Россию.

Но было уже поздно: лица людей, стоящих под ослепительным солнцем, разом повернулись к Небольсину, и прапорщик, еще больше заикаясь, сказал:

- Ннне... не понимаю! Зачем вы тогда стоите в этой очереди?

- Чтобы вернуться в Россию, как и вы, прапор.

- России нет. Есть новая Россия, и в этой России, не нужны люди с

такими взглядами.

Небольсин вспыхнул:

- Кому ты это говоришь, щенок? Мне? Но я прошел все круги Дантова ада, и сейчас...

Но его уже тянули за рукав - прочь из очереди...

Полковник со значком Академии Генштаба кричал:

- Не пускайте его обратно! Это безобразие... черт знает что такое! Откуда он взялся?

И толпа надвинулась на него - русская, безалаберная, родная, крикливая, хамоватая, грязная, истинно отечественная.

- Пошел вон! Из-за таких негодяев большевики и стреляют в нас... Гоните его!

Небольсина ударили по спине, и он откатился в сторону.

Поднялся - язвительный:

- Хорошо. Я уступаю вам свою очередь. Стойте! Но мы еще встретимся. Только по одну сторону буду я и Россия, а по другую - вы и ваши комиссары...

* * *

На загородной вилле, вокруг которой благоухали розы, польский пианист давал концерт. Торжественно и плавно рушились шопеновские аккорды. В зале было темно: электричество целомудренно погасили, ибо среди слушателей находились сторонники немцев и сторонники Антанты (устроители лагерей и надзиратели из сумасшедшего дома). Облокотясь на изгородь, Небольсин дослушал концерт до конца. Его мутило от голода и от окурка итальянской сигареты, подобранной сегодня на панели. Очевидно, в табак подмешан опиум...

Вот и легкая тень человека с обезьянкой на плече. Мягко светилась среди темной зелени белая рубашка греческого экс-короля Константина. Обезьянка соскочила с королевского плеча и взобралась на дерево.

- Ваше королевское величество, - сказал Небольсин, подходя, - я русский офицер, сражался под Салониками за свободу вашей страны. Я устал и обнищал. Помогите мне выбраться отсюда...

Король подошел к изгороди, посмотрелся в лицо Небольсина.

- Вы сражались не за меня, - ответил по-русски. - Вас англичане науськали сражаться за проходимца Венизелоса, и, если бы не вы, я не потерял бы престола в Греции.

- Ваша мать русская! - горячо сказал Небольсин. - Если имя России хоть немного еще значит для мира...

- Оно теперь ничего не значит, - перебил экс-король. - И я ничем не

могу вам помочь. Даже как христианин.

К ним подошел молодой летчик, держа в руках банку с топленым маслом. Это был инфант Альфонс Бурбонский (тоже родня династии Романовых). Когда король удалился, инфант аккуратно поставил банку на землю.

- Постой, приятель, - сказал он Небольсину, - король не солдат, он не хлебнул окопов, и его не жрали фронтовые вши. А я все-таки воевал...

Тут же, на колене, инфант Бурбонский черкнул записку.

- Германский консул мой партнер в бридж, - сказал инфант. - Передайте ему записку, и он устроит вам визу на проезд в Россию через Германию. Ваше дело - выбрать дальнейший путь...

Инфант Бурбонский взял банку с маслом и откланялся.

Небольсин скомкал записку: что угодно - только не Германия, только не услуги немца. Ночь застала его уже близ границы - впереди лежали густые Безансонские леса. От маленькой станции он двинулся в лес, затянутый сеткой мелкого теплого дождя.

Швейцарский пограничник, пожилой жандарм, объезжал границу на велосипеде. Остановился, не слезая с седла, поправил висевший на руле ягдташ с битой дичью и позвал:

- Эй, бродяга! Я имею право стрелять, остановись!

Небольсин, вскинув пистолет, выстрелил и, раздирая грудью цепкие кусты, долго бежал и бежал. Он даже не заметил, в какой момент пересек границу, и, только увидев французов, остановился.

Солдаты подозвали его к себе:

- Ты русский?

- Да. Русский.

- Особая бригада?

- Да. Особая.

- Тогда получи и не обижайся...

Сильный удар прикладом свалил его в жесткую траву. На запястьях рук щелкнули наручники. Сержант схватил подполковника за цепь и рывком поставил на ноги:

- Стой! Проклятая русская собака... Заварили эту кашу, а теперь забрались в кусты, и Франция расплачивайся за вас...

Иди!

Его отправили на крепостные работы в глубь Франции, снова под свист пуль, и Небольсин был отравлен хлором во время газовой атаки. Ползая среди трупов, французских и русских, он понял, что погибать здесь позорно и глупо. Помочился в платок и, закрывая платком лицо, едва

живой, выбрался из отравленной зоны...

Ему было уже давно все глубоко безразлично.

Куда-то в пропасть провалились прошлое и вся Россия.

Снова безучастно шагал по земле - как оловянный солдатик. Без души и без тела. Глухой и слепой. Ничего не видя. Ничего не слыша.

Так он вышел к морю - перед ним колыхался Ла-Манш, весь в солнечных бликах, и где-то далеко-далеко виднелся берег Англии.

Шла посадка на военный паром под британским флагом. Первыми пропускали англичан. Таможенный офицер спросил Небольсина:

- У вас какие деньги при себе?

- У меня нет никаких денег.

- У вас какой паспорт?

- У меня нет никакого паспорта.

- Национальность?

- Увы, я - русский. Презренный русский!

Таможенный офицер быстро вскочил с места.

- Чья очередь на посадку? - спросил он.

- Идут французы.

- Задержите их, - велел офицер. - Здесь находится один русский офицер, и его следует пропустить...

Задержали всех: французов, бельгийцев, канадцев, итальянцев...

Вслед за англичанами проходит русский. Вот он: смотрите на него, люди, - страшный, с глазами, уже не видящими мира.

Это волк, а не человек... Это - русский, люди.

- Пропустите его...

И он поднялся на борт парома. А следом уже пошли всякие там бельгийцы и прочие. Их, как негров, распикивали по трюмам, безжалостно тискали в отсеки, а Небольсину отвели отдельную каюту.

- Завтрак подан, - объявил стюард.

Небольсин прятал под столом свои грязные руки в замызганных рукавах мундира с чужого плеча. Было стыдно дотронуться до нежного хрусталя бокала, наполненного вином - легким, как музыка, как свет солнца...

- Джентльмены! - объявил старший. - Между нами находится представитель доблестной русской армии.

И когда он так сказал, все дружно встали.

"Зачем?" - подумал Небольсин, продолжая сидеть.

И, уронив голову на стол, он, дергаясь, зарыдал.

* * *

Так англичане собирали по всей Европе кадры для новой русской армии для армии... Колчака. Это были отличные боевые кадры: люди, озверевшие от убийств и крови, униженные и оскорбленные, они теперь все зло, обрушившееся на них, видели только в Советской власти.

Вот их-то - вперед!..

- Джентльмены, - повторили тост, - между нами находится представитель доблестной русской армии.

Небольсин перестал рыдать, нервно сцепил в пальцах бокал.

- Я этого никогда не забуду, - сказал он. - Сочту за честь. Для себя. Для России!

Книга вторая.

Кровь на снегу

Очерк первый.

Дорога четвертая

Когда на Мурмане еще метет снегами, над Сингапуром - дожди, дожди, дожди. Сильные грозы беснуются над океаном. Вода с шумом оmyвает острые перья пальм-нипа; сочные китайские розы прячутся под листвою; мощные соцветия пурпурных рафлезий дрожат под энергичными струями.

Мутно все, и в желтых водах гавани колеблются огни грязных пароходов. Подвывая сиренами, мечутся за волноломами брандвахтенные миноносцы; усталые тральщики вытаскивают на простор коммуникаций свои громоздкие сети, - идет война под дождем.

А в номерах отеля воздух пропитан сыростью, гнилым камышом, крепким ромом; под потолком качаются опахала электроспанкеров, юрко бегают по стенам зелененькие ящерицы-гекконы. С большого парохода, зараженного чумой в доках Гонконга, сошел одинокий пассажир и надолго застрял в отеле.

Дожди, дожди, дожди...

Пассажиру было скучно. Изредка он спускался в бар, выпивал дешевой банановой водки и, вытирая пот, снова запирался в номере. Человеку было лет сорок; щуплый, с длинными тонкими руками; у него был крупный череп с развитыми лобными костями и большой орлиный нос. На правой руке он носил перчатку - узкую, как тиски для пыток.

Изо дня в день слуга входил в его номер и накалывал на гвоздик очередной счет - за прожитое и съеденное нелюдимым человеком с чумного парохода.

- Чит, сэр! - объявлял он.

"Читы" росли, а человек чего-то ждал, никуда не уезжая...

Вокруг буйствовала дикая природа, но его ничто уже не удивляло. За свою жизнь он успел повидать всякого. И зной тропического океана в безветрие, и скрежет полярных льдов за боргом шхуны - все было ему знакомо. Этот человек, застрявший без денег в Сингапуре, умел перекрывать целые моря минами и совершал по снежным пустыням такие путешествия на собаках, какие не снились даже клондайкским бродягам.

Теперь же он, скромный британский офицер, едет на фронт в Месопотамии, где - по слухам - еще держится русская армия, загнанная в пески пустынь чудовищным потрясением мира.

Но вот однажды возле отеля остановился блестящий от дождя открытый "кадиллак", и в холл быстро вошел командующий английскими войсками генерал Ридуайт:

- У вас остановился русский адмирал Колчак?..

Да, этим одиноким человеком был адмирал Колчак. Он улыбнулся Ридуайту, чуть оскалив зубы. Но лицо адмирала, бледное и потное, осталось при этом безразличным (особая улыбка - улыбка настоящего джентльмена).

- Когда я вижу англичанина, - сказал Колчак Ридуайту, - мне всегда кажется, что он явился специально, чтобы сделать для меня нечто приятное.

Ридуайт мельком глянул на наколку с "чита́ми", которые трепетно шевелились под веянием спанкеров.

- И мы это сделаем, адмирал! - ответил он. - Англия высоко ценит ваши заслуги. Вам удалось свершить то, чего не мог сделать даже такой резвый бульдог, как наш адмирал Бита: вы вцепились в ляжку немецкого "Гебена" очень хорошо, и зубов уже не разжимали...

- Не совсем так, - возразил Колчак. - Большевики заставили меня разжать зубы. Мертвая хватка не удалась!

- Она удалась в другом, - утешил его Ридуайт. - На этот раз, адмирал, в ваше путешествие вмешалось авторитетное Интеллидженс департамент. Прочтите...

Телеграмма требовала возвращения Колчака в Пекин, где он был проездом, на пути из Америки.

Колчак был очень выдержанным человеком, но иногда он взрывался - дико, неумно, буйно.

- Я не понимаю! - заорал он на Ридуайта. - Я адмирал великой России и был командующим громадного флота. Я не просил у англичан даже звания мичмана, чтобы командовать жалким британским тральщиком! И теперь, когда я истратил все свои деньги на место в скверной каюте до

Бомбея, в дурном воздухе и в дурном обществе, - теперь вы меня, словно пешку, передвигаете по карте земного шара...

Ридуайт спокойно снял с накладки пачку "читов", надорвал ее - как уже оплаченную.

- Адмирал! Англия ценит ваше желание служить под флагом его величества, но под старым флагом России вы будете нужнее.

- Кому я обязан за это? Лордам вашего адмиралтейства?

- Князю Кудашеву, и адмиралтейство поддерживает в этом случае русского посла в Китае... Итак, адмирал, - Пекин!

...Перед русским посольством в Пекине - открытый глянцис, словно перед фортом, чтобы из окон здания простреливать в глубину все улицы квартала. Князь Кудашев, еще царский посол в Пекине, смигнул с носа стеклышко монокля:

- О! Вот и вы, адмирал... Прошу!

Колчак цепкими пальцами взял из ящика сигару, злобно откусил кончик ее и сплюнул прямо на ковер.

- Вы что же думаете, посол? Со мною теперь можно делать все что угодно? Я уже был далеко от России...

Кудашев слегка улыбнулся. Аккуратные руки аристократа плавно опустились на стол.

- Александр Васильевич, этого требуют интересы родины.

- Но у меня теперь нет родины! И я давно примирился с этим.

- Ее надобно возродить... отсюда, с Востока, - маршем через Урал на Москву! Что вам далась эта Месопотамия? Да там уж вряд ли кто остался из русских. Все ведь разбежались, едва Ленин пришел к власти. А здесь, из окон моего посольства, разве не видятся вам башни Кремля?..

Колчак сложил на груди руки, совсем утонул в глубине кресла; маленькая проплешина отсвечивала на солнце, как новенький империал.

- Я чувствую, - сказал он потом, - что вопрос уже решен?

- Решен, адмирал. Дальний Восток станет базой для дальнейшего продвижения в глубину несчастной России. Вам предстоит утвердить в Сибири основы истинной демократии, и...

- Средства? - кратко спросил Колчак, перебивая посла.

- Для начала у вас на откупе полоса отчуждения КВЖД.

- Собирать выручку билетных касс? Этого мало...

- Японцы, - раздумчиво сказал князь Кудашев, - американцы (у них отличная обувь), наконец, те же англичане... Артиллерия из Канады - самая превосходная! Шестнадцать тысяч чехов уже во Владивостоке. Вы понимаете, адмирал, какая гигантская дуга опоясывает большевистскую

Москву? Не говоря уже о французах, которые на юге поддерживают Деникина... Нужен только блестящий организатор, и союзники единогласно сошлись на мнении, что лучше вас никого нет... Итак, адмирал, - Харбин!

...За низкими мазанками тянулось марево пшеничных хлебов, дымили трубы депо и текла желтая медленная река. Кричал петух, и полоскали белье бабы... Что это? Ростов-на-Дону, или, может, Новочеркасск? И не сам ли тихий Дон уплывает сейчас в хлеба?

Нет, читатель, это - Харбин, и желтая Сунгари, что бросается на равнины с хребтов Сихотэ-Алиня, отдает свои воды в величественный Амур... До чего же страшен город Харбин: притоны, подворотни, переулки, фонари, аптеки, вывеска врача-венеролога. А в воротах подозрительный щелчок кто-то зарядил пистолет для убийства. Мальчики в коммерческом училище курят по углам гашиш, девочки-гимназистки хихикают над "Половым вопросом" знаменитого немца Фореля.

В этом темном мире уже плавал, словно рыба в воде, атаман Семенов в окружении самураев. Город нечистот души и тела был отправной точкой для адмирала Колчака. Из Франции, на подмогу адмиралу, прибыл знаменитый финансист Путилов, прикатил туда и Гойер - глава Русско-Азиатского банка...

Японский генерал Накасима ласково улыбался адмиралу.

- Мы дадим вам оружие, но... Какие пространственные компенсации можете вы предоставить нам за это?

Колчак был сдержан и притворился, что не понял вопроса. Он был сторонником "единой и неделимой". Но японцы как раз не желали иметь у себя под боком сильную русскую армию, к организации которой приступил адмирал. Они хотели, чтобы только японская армия была в Сибири, и науськивали атамана Семенова против Колчака. Ядовитая ханжа, дымчатый опиум, больные проститутки - все было брошено японцами в дело, чтобы разложить первые отряды Колчака...

Адмирал отплыл в Японию, чтобы пожаловаться на японцев русскому послу в Токио - Крупенскому.

Крупенский ему сказал:

- Не надо было вам, адмирал, так круто ставить себя в независимое от Японии положение.

- Самурай для меня - не джентльмен! - ответил Колчак. - Я должен повидать самого Ихару.

Начальник японского генштаба Ихара долго кланялся русскому адмиралу, крупные зубы его были обнажены в усердной улыбке.

- Адмиралу надо отдохнуть. Адмирал наш приятный гость...

Фактически это был арест Колчака: печальный домик в горах, певучий звон ручьев по ночам. К адмиралу приставили молоденькую японку с сонным взглядом печальных глаз. Она приходила по утрам и, сняв туфли, долго кланялась адмиралу, замирая в поклоне на шуршащей циновке; разливала чай и подавала халат; когда Колчак мылся в ванной, она терла ему лопатки и потом сама залезала в горячую воду... Колчак смотрел на ее тугое желтое тело, ловил взгляд сонных глаз и думал: "Шпионка... Любопытно, сколько ей платит генерал Ихара за все это?"

Здесь, в горах, его нашел британский генерал Нокс, заверивший адмирала, что формирование армии возможно лишь под наблюдением английских организаций. Колчак согласился: джентльмены - не самураи.

За спиною Колчака встала и Америка: адмирал был выгоден ей, ибо он являлся врагом и большевизма и японцев! Колчак выехал в Омск, и его стали выдвигать на пост всероссийского диктатора. Но это случилось позже...

А сейчас, в лето 1918 года, Англия бережно подбирала на задворках войны каждого русского. Одевала, кормила, лелеяла. Их готовили к тому, чтобы швырнуть на этот гигантский фронт, что на тысячи беспросветных миль протянется через Россию - от Владивостока до Мурманска, и оба эти направления сомкнет рыжебородый князь Вяземский, уничтоживший Советы на далекой Печоре.

Именно туда, на Печору, чтобы подкрепить князя Вяземского, генерал Звегинцев из Мурманска бросил караваны кораблей, груженные отрядами чехов и сербов...

Задумано все было прекрасно!

Глава первая

Если птицей взмыть в заоблачное поднебесье, то увидишь со страшной высоты, как бежит от Вологды к западу узенькая ленточка рельсов - на Петроград; в глухомани дебрей совсем затерялась дорога к северу - на Архангельск; через веселые костромские леса тянется к югу дорога на Ярославль, откуда уже и Москва - рукой подать; а на восток от Вологды стынут рельсы под талым снегом - на Вятку, на Пермь, на Екатеринбург, а там уже Урал, там и Сибирь-матушка - величественная.

Вологда - подвздошина русского севера. Ударь сюда кулаком, и северная боль сразу отзовется в Москве, а вслед за Москвою пошатнется и вся Россия, - вот что такое Вологда!

А если птицей, сложив соколино крылья, рухнуть с высоты прямо над Вологдой, то увидишь, как над крышею одного дома плещутся флаги различных стран. Рано еще, и по улицам, крытым булыжником, не спеша

прогуливается после завтрака дипломатический корпус... Честь имею, господа дипломаты!

Суровый дуайен, американский посол Френсис, беседует с Жозефом Нулансом, послом Франции. Английский атташе Гилезби нежно держит под локоток сербского посланника майора Спалайковича. Итальянский маркиз Торретта что-то очень веселое рассказывает японскому посланнику Марумо. Стройный и элегантный, выступает за ними бразильский поверенный Де Вианна-Кельч. А позади всех, с извечным оскалом желтых зубов, поспешает китайский дипломат Чен Гиен-чи... Все уже в сборе.

Может, пора начинать? Да, кажется, пришло время...

- С чего начинать? - волнуется Нуланс. - Сначала Мурман, потом Архангельск. Но тут еще... Ярославль! Наконец, Котлас ничуть не маловажнее Архангельска, ибо там собраны миллионные запасы вооружения для резерва армии - еще старой, царской!

А мимо дипломатов пробегают на вокзал мешочники.

- Эй, Павлуха! Ты куды... до Архангельску?

- Оно бы и ништо, да вот закавыка... в Котласе-то, говорят...

- А может, паря, рванем сразу на Ярославль?

- Кто куда, а я - в Архангельск! Может, даст боженька, и разживусь... хоть рыбкой бы! А то совсем пропадаем...

Конечно, мешочники не дипломаты - им гораздо легче.

* * *

Архангельск - город мещанский. Здесь любят часы с кукушкой, пасхальные яйца на комодах и живучие фуксии на подоконниках. Нерушимо стоят древние лабазы, пасутся в переулках козы, и дощатые мостки приятно пружинят под ногами прохожих. В чистенькой Немецкой слободе, как и в портовой Соломбале, газоны и клумбочки украшены глазированными шарами. За узорными занавесками окон таится мир пароходных контор и щелкают (еще со времен Петра Первого) купеческие счеты.

Когда Павлухин появился в Архангельске, городом управляла городская дума, а под боком у этой думы, совсем незаметные, пристроились совдеп и губисполком. Всюду висели старые золоченые вывески. Священники еще получали жалованье, в гимназиях преподавался закон божий, и рьяно трудились всевозможные общества: "Борьба с дороговизной", "Союз мелких торговцев", "Общество северного луча". Газеты выходили только антисоветские: "Наше дело" (эсеров) и "Северный луч" (меньшевиков)...

Положение же Павлухина было сейчас таково: он состоял при войсках

северной завесы. Но эта "завеса" существовала лишь на бумаге, а войск не было. Некоторые из архангельских рабочих (как правило, дезертиры из царской армии) в Красную Армию тоже не спешили записываться - пока они больше присматривались ко всему с недоверием...

Штаб Беломорского военного округа находился в здании бывшей гимназии. Огромный актовый зал был заставлен партами, а парты были завалены каргами "зеленками". Сидел там внушительный здоровяк - царский генерал Алексей Алексеевич Самойлов - и мрачно ругался. Это был очень опытный штабист и тайный разведчик прошлой России, кавалер двадцати двух орденов. По вечерам к нему приходила молоденькая жена с двумя девочками, генерал убирал свои "зеленки" и со всей семьей гулял по прохладной набережной.

Павлухину однажды удалось услышать, как генерал Самойлов (из Архангельска) беседовал по прямому проводу с генералом Звегинцевым (в Мурманске). Это навело матроса на мысль, что здесь дело нечистое: эти два генерала могут сделать "короткое замыкание" в длинной цепи Архангельск - Мурманск. О своих подозрениях Павлухин стал высказываться повсюду открыто. "Контра, - говорил он своим новым друзьям Мише Боеву и Теснанову. - Уж каков генерал Звегинцев, я еще по Мурману знаю. Да и этот, видать, хорош, гусь лапчатый..."

Случайно они встретились в пустом зале гимназии, и толстый, багровый от полнокровия генерал Самойлов медленно вылез с "Камчатки" - из-за парты.

- Попался... щенок! - сказал он Павлухину. - Какое ты имеешь право болтать своим поганым языком про меня по Архангельску? Кто ты такой, чтобы подвергать сомнению мою честность? Честность русского офицера?.. Сопляк! Убирайся отсюда!

Это было так сильно сказано, что Павлухин не нашел что ответить. Но еще больший нагоняй аскольдовец получил от Павлина Виноградова.

- Павлухин, - сказал Виноградов спокойно, - в честности бывшего генерала Самойлова Советская власть не сомневается. Именно этот генерал, как военный эксперт, помог нашей партии при заключении Брестского мира с немцами. И если ты еще раз назовешь этого человека "контрой", то вылетишь из Архангельска, как весенняя ласточка...

Потом, как ни странно, Павлухин даже сошелся с генералом Самойловым. Сообща они двигали парты, листали подозрительные "зеленки", беседовали о разном, и эти разговоры немало дали Павлухину...

- Алексей Алексеевич, - спросил как-то матрос, - разрешите я задам вам один вопрос. Может, и глупый вопрос. Человек вы, видать, горячий -

как бы в ухо не врезали.

- Даже самый глупый - выслушаю... Давай!

- Вот как это объяснить? Вы - генерал. При царе только черта лысого не имели... И вдруг перешли на нашу сторону. Так?

- Верно. Перешел, - согласился Самойлов с улыбкой.

- Вот этого я и не понимаю, - сказал Павлухин.

- Чего не понимаешь?

- Да вот этого... Почему перешли? Искренно ли?

Самойлов вобрал большую голову в толстые плечи, шея его, красная, как бурак, сложилась в трехрядку.

- Переходят к большевикам, - ответил не сразу, крякнув, - только те, кто понимает, что над Россией нависла смертельная опасность. Не скрою, Павлухин, этот переход дается нелегко и совершается во имя отечества! На стороне большевиков нам не будет громких чинов, наград, подъемных, квартирных и прочих благ. Тут есть одно: желание служить родине. Но, к сожалению, понятие о родине разное укладывается в головах. Вот и генерал Звегинцев, например! Я ведь его хорошо знал прежде. Он звонит мне с Мурманска... Я жду, Павлухин! Жду опять разговора со Звегинцевым, у которого, мой дорогой, совсем иные представления о нашем отечестве.

И, помолчав, Самойлов неожиданно спросил:

- Ты охотник?

- Нет.

- Я тоже не охотник... Собирайся на охоту. Павлухин!

Зарядили два дробовика. Конечно же, никого не убили. Но честно ползали по раскисшим снегам, среди болот и кочек. От станции Исакогорка пешком прошли лесами до Никольского монастыря, где уже виднелось за Яграми море и где набрали лукошко клюквы - ядреной, ледяной, подснежной. А когда "охота" закончилась, генерал Самойлов сказал:

- Хорошая была... рекогносцировка! Готовься, Павлухин: скоро заварится здесь фронтуха... Ай-ай, какая гиблая будет фронтуха! Ни дорог, ни связи просто караул кричи. Только одна магистраль, только течение Двины: две нитки, протянутые внутрь России. И никто не знает, когда все это начнется... Русскому солдату, Павлухин, пожалуй, впервые предстоит воевать в таких условиях. Кампания восьмьсот девятого года в счет не берется, ибо там условия были все-таки иными...

Над Северной флотилией начальствовал в Архангельске "красный адмирал" Виккорст: поджарый и легкий на ногу старец, славный мордобоец в прошлом, когда еще командовал на Балтике бригадою линейных кораблей. Виккорст был выхолен в адмиральских салонах

дредноутов: чтобы ему свежие булочки к утреннему чаю, чтобы вестовой матрос побрил его к подъему флага, чтобы пели торжественные фанфары, когда он отвалит от борта на катере.

Теперь всего этого не было. "Красному адмиралу" дали комнатенку в Соломбале, он занимал очередь в парикмахерской, чтобы побриться хоть раз в неделю, завтрак и обед проходили у него в общей столовой полуэкипажа, и только ужин Виккорст позволял себе в ресторане "У Лаваля". И не линкоры выстраивались теперь в кильватер по одному лишь движению бровей адмирала Виккорста - нет, собирались на митинги галдящие и растерзанные команды ледоколов, буксиров, посыльных судов и тральщиков. Впрочем, в дела митингов Виккорст разумно не вмешивался. Ему приносили бумагу и говорили:

- Завтра на Якорной и Соломбале митинг.

- Пожалуйста. - И адмирал подписывал: быть по сему... Один из таких митингов остался памятен Павлухину на всю жизнь... Митинг, организованный Целедфлотом, проходил, как всегда, на площади перед полуэкипажем Соломбалы, - здесь тянуло ветром морских просторов, вихрились ленты матросских бескозырок, а из-за стен экипажа, что покоятся в старинной кирпичной кладке, волнующе вырастали мачты кораблей и тревожно вспыхивали огни сигнальных клотиков...

Тема митинга была провокационной, ее подпихнули в Целедфлот агенты Антанты: "Какой ориентации держаться? Германской, с большевиками заодно? Или... идти заодно с союзниками?".

Павлухин так и начал свою речь.

- Это провокация! - сказал он. - Какая паскуда посмела нам, советским морякам, предлагать на обсуждение эту темочку? Неужели мы, моряки флотилии Северного Ледовитого океана, должны выбирать себе батьку-кормильца между Вильгельмом Вторым и Георгом Пятым? У нас есть одно сейчас знамя - это Ленин! И пока нам хватит, братишки... Кончай вихляться!

Ему хлопали. Но Павлухин по собственному опыту знал, что аплодисментам в 1918 году верить нельзя. Этот проклятый шурум-бурум в задуренных башках, эта сумятица бестолковых мнений, памятная гальванеру еще по митингам на "Чесме", - все это сказывалось сейчас и здесь, в Архангельске: кренило митинг, шатало и болтало, как в качку. Договорились братишечки до абсурда: послать приветствие германскому послу в Москве - барону Мирбаху. И снова хлопали! Конечно, хлопали! Люди посознательнее да поумнее просто уходили с митинга, как уходят трезвые из пьяной компании. Радист с бригады тральщиков большевик

Иванов тоже тянул Павлухина прочь.

- Пойдем! - плевался. - Разве ж это люди собрались?.. Но тут на ящик из-под чая, заменявший трибуну, вскочил один матрос, скомкал в кулаке бескозырку и закричал - неистово:

- Полундра, братишки! Доколе нас обманывать будут? Кой там хрен Мирбах? Пиши ему, как запорожцы султану турецкому писали. А кто мне скажет: чем большаки флотилию кормить станут? У них в России давно собак съели, каждый с себя блох ловит да с того кормится... Разве не так?

- Так, - ответили. - Так-растак, и трухай дальше!

Павлухин впился взглядом в лицо говорившего матроса. Что-то очень знакомое было в его разухабистости. Головой и локтями, срывая с бушлатов орленые пуговицы, Павлухин продирался ближе...

- Мурманск-то... в порядочке? - говорил матрос, дергаясь, а ящик под ним: скрип-скрип, скрип-скрип. - Было три дня постных в неделю. Пришли союзники - жри не хочу. А сколько голодных бунтов потрясли губернию? Сколько восстаний в Вологде было? Нет, нам глаза не замажешь... Что несет большевизм народу, кроме ярма бесправия и голода?

Наступила тишина, и только скрипел ящик под оратором.

- Долой Мирбаха! - выкрикнул матрос злобно. - Убить его, как собаку поганую! Долой и тайных его агентов и послушников - большевиков! Мы, моряки Ледовитой флотилии, не признаем власти предательского Совнаркома...

Этого оратора отодвинул в сторону поручик Дрейер, и матрос сразу затерся в толпе, словно его и не было. И тогда заговорил Дрейер, и никто не прерывал штурмана, ибо ему верили.

- У российского пролетариата вообще, у военморov севера в частности, ориентация одна - это социальная революция и героическая борьба против всех империалистов, какую бы форму они ни носили. И никакого союза у рабочих, крестьян, солдат и матросов Советской России не может быть, - отчеканил Дрейер, - ни с императором Вильгельмом Вторым, ни с королем Георгом Пятым... Кто посмеет сомневаться в этом - тот предатель! Я больше ничего не могу добавить. Но каждый, кто осмелится выступить против, тот может сразу, здесь же, снять форму русского военмора!

После митинга Павлухин еще долго "тралил" в толпе, выискивая того говоруна, очень знакомого. И когда разределo матросню, спешившую по кораблям и камбузам экипажа, тогда он запеленговал провокатора - по походке, по клешам, по тому, как сплевывал тот, лихо цыкая... Павлухин нагнал его на речном трамвае, который неторопко курсировал по Кузнечихе

между Соломбалой и городом. Рассыпалась братва от набережной по пивным шалманам да по бабам-марухам.

Сунув руки в карманы бушлата, Павлухин быстро нагонял...

Нагнал!

- Стой, приятель... - сказал, забегая вперед.

Матрос повернулся, и Павлухин сразу узнал его. Лицо приятное и открытое, а серые глаза смотрят пристально, и зрачки слегка рыжеватые.

- Меня ищешь? - спросил он Павлухина, не волнуясь.

- Эге... тебя, суку! Не ты ли еще в Мурманске меня подначивал, чтобы мы, аскольдовские, адмирала Ветлинского доской прикрыли? Теперь здесь подначиваешь?..

- Так что? - спросил тот и огляделся по сторонам - пусто. Павлухин вытянул руку, в жестких пальцах аскольдовца винтом закрутилась тельняшка на груди незнакомца.

- Ты кто такой? - спросил его Павлухин.

- Разве не видишь? Свой парень я... в доску!

Павлухин для начала треснул его в глаз.

Но страшная боль тут же обрушила аскольдовца на мостки. Рухнул как подкошенный. Затылком - в доски - хрясь! А когда очнулся - никого. Встал. Схватился за изгородь палисада. Плыла перед ним Двина, рушились дома, ходуном ходили заборы, падали деревья, все цвело в россыпях радуги... Вот это был удар!

* * *

Кавторанг Георгий Ермолаевич Чаплин послушал, как стучат. На всякий случай сунул в карман пиджака браунинг и спросил: - Кто?

- Мистер Томсон, откройте, - раздался голос.

Лейтенант Уилки еще в дверях сорвал бескозырку, швырнул ее от себя - и она тарелочкой закатилась под диван. Молча потянул через голову тесную синюю форменку. Отстегнул клапан, и широкие клеши упали к его ногам, как женская юбка.

- Кажется, - сказал, - у меня будет синяк под глазом. У меня нежная кожа, и синяки долго держатся...

Открыв шкаф, Уилки быстро переодевался. Прямо поверх тельняшки надевал пластроновую сорочку. Вдел запонки в манжеты и только тогда успокоился.

- Это не так-то просто, - сказал Уилки. - К сожалению, настроение матросов здесь все-таки иное, нежели в Мурманске.

- Ты говорил на митинге? - спросил его Чаплин.

- Да. Но моя речь провалилась, словно слепой мул в глубокий колодец.

На флотилии существует некий поручик Дрейер. Флотский экипаж и команды кораблей к его голосу прислушиваются.

Чаплин водрузил на лысину цилиндр, взмахнул тросточкой.

- Пошли, - сказал. - "У Лаваля" поговорим...

В ресторане "У Лаваля" они заняли угловой столик. Здесь голода губернии не ощущалось, только цены были высоки непомерно.

Расплачивался за все Уилки; он сидел спиной к публике, а обо всем примечательном докладывал ему Томсон-Чаплин.

- Адмирал здесь, - подсказал Чаплин. - Нас ждет какая-то новость!

Официант ресторана, закупленный разведкой Германии в 1913 году и перекупленный в 1915 году разведкой Англии, перенял карту-меню от "красного адмирала" Виккорста, с поклоном развернул ее перед новыми гостями.

- Есть семга свежего улова, - сказал он интимным голосом, взлягивая при этом ногою, будто борзой конь.

Ловкие пальцы Уилки извлекли из-под карточки меню записку от Виккорста: "Сюда выезжает из Центра советская ревизия видного ленинца Михаила Кедрова, чтобы утвердить в Архангельске Советскую власть. Мы опоздали! Подробности потом".

- Вы хуже американцев, - разволновался Чаплин, - вас, англичан, не дождешься. Теперь все гораздо сложнее. Советы придется свергать.

- Чего ты боишься? - ответил Уилки. - Адмиралу Виккорсту гораздо труднее.

- Адмирал пришвартовался к Советской власти. А - я? Мне надоело это мотание по теплушкам между Петроградом, Вологдой и Архангельском. Я создал для вас организацию, которую вы боитесь пустить в дело... Одни офицеры! Люди с богатым опытом! Дело только за вами: когда же, черт побери, вы соберетесь двинуть сюда эскадру? Вы закисло на Мурманском рейде, только пережигаете уголь...

Уилки ругань не трогала. Взяв бутылку из рук лакея, он наклонил ее над бокалом кавторанга, сердито сопевшего.

- Нас задерживают... - сказал, когда лакей удалился.

- Кто?

- Борис Савинков, - с ледяным спокойствием пояснил Уилки. - Пойми наконец, мы не можем просто так, если ты поманишь мизинчиком, высадить с моря свои десанты.

- Но именно здесь, - ответил кавторанг Чаплин, - большевик Кедров установит Советскую власть, и тогда...

- Правительство, - перебил его Уилки, - будет создано в Архангельске

за одну ночь вполне демократическое, и нам нужно, чтобы это правительство призвало нас в Архангельск, прося о защите от Советской власти и от твоего товарища Кедрова... Ну кто такой кавторанг Чаплин? - засмеялся Уилки. - Да еще живущий под чужим именем?

- С эсерами лучше не связываться, - хмуро заметил Георгий Ермолаевич. - С ними потом возни не оберешься... Даже большевики хлебают от них огорчений полной ложкой! Что они там у вас копаются? Заставьте их работать.

- Савинкову, - ответил Уилки, - сейчас взбрела дурь в голову: он ждет сигнала, когда мы высадимся в Архангельске, чтобы начать мятеж в Ярославле. А мы ему не верим: эсеры уже не раз деньги брали и нас обманывали... Пусть они начнут сначала мятеж в Ярославле, тогда мы придем сюда с Мурманского рейда.

- Вы... жулики тоже! - неожиданно сказал Чаплин. - Вы, британцы, честны только в денежных расчетах. Но там, где дело касается слова, вы его никогда не держите.

Уилки не обиделся.

- Чья бы корова мычала, но твоя бы молчала, - ответил он хорошей русской поговоркой. - Не будем спорить. Не решен еще один вопрос - с генералом Самойловым: или Звегинцеву удастся уговорить его, или... генерал Самойлов останется верен новому режиму, и тогда он выстроит прочную оборону на нашем фарватере. И эскадра застрянет за баром...

Покончив с ужином, мимо них проследовал адмирал Виккорст, и Чаплин кивнул ему в спину.

- Кому, как не ему, - сказал, - руководить минными постановками? Что вас страшит? Точная карта минных заграждений будет на столе адмирала Кэмпена раньше, нежели мины полетят за борт на мудьюгском фарватере...

Прямо из ресторана Уилки отправился на пристань, чтобы возвратиться в Мурманск, а кавторанг Чаплин вышел на двинскую набережную. Вечерело над городом, и возле изгороди, глядя в темную воду реки, стоял человек, которому вскоре суждено стать губернатором этого города, что зажигал сейчас в домах уютные огни к чаепитию.

Это был французский полковник Доноп, и на отвороте его сюртука посверкивал жетон лейб-гвардии Драгунского полка.

- Вы не слишком-то доверяйтесь англичанам, - сказал Доноп на сносном русском языке. - Весь узел сейчас завязан нами в Вологде. Архангельск только младший брат Вологды. Если падет Вологда, настанет очередь за Ярославлем, тогда и англичане рискнут прийти сюда... Вы не слишком-то им доверяйтесь!

- Вологда, - задумался Чаплин-Томсон. - Опять эта Вологда! Как мне надоело, полковник, туда таскаться... Доброй ночи, полковник!

* * *

Ах ты, сукин сын, камаринский мужик,
Ты зачем, скажи, по улице бежишь?..

Мужик не камаринский, а вологодский бежал с мешком по улице, чтобы взять с бою вагон на вокзале и ехать куда глаза глядят в поисках хлеба насущного. Вологду одолели мешочники. Ставить их к стенке как спекулянтов и врагов революции было нельзя: честный пролетарий, не в силах видеть своих голодных детей, тоже брал мешок, тоже виснул на подножке вагона и ехал, развозя по голодной стране весть о голоде в Вологде...

А над нищим городом, выплывая через окна Учительского института, ревели из трубы граммофона музыка:

Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спят Касьяны на земле;
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно...

В большой зал института, застланный коврами из дома последнего губернатора, вошел секретарь миссии и доложил:

- Прибыл большевистский комиссар мистер Самокин!
- Простите, - сказал посол. - И, пожалуйста, выключите...

Яркая труба граммофона проревела напоследок в пыль улиц:

Именинника поздравить мы не прочь,
Но куму мою напрасно не порочь.

А кума кричит.

- Ударь его, ударь!

Засвети ему под глазом ты фонарь...

С другого конца зала появился Самокин. Никто бы теперь не узнал бывшего шифровального кондуктора с крейсера "Аскольд". В ладном костюме (пошитом еще в Тулоне), манжеты с запонками (из японской яшмы), аккуратный галстук (купленный в Девонпорте), - Самокин выглядел очень представительно, как и следовало выглядеть человеку, которому предстоят визиты... Высокие визиты!

Американский посол Френсис поднялся навстречу.

Со стороны губисполкома донеслись отчаянные выкрики:

- Хлиба! Когда хлиба дадите, яти вас всех? Чтоб она передохла, эта проклятая власть...

Секретарь миссии, очень ловкий малый, тут же перевел послу смысл

этих воплей. Френсис протянул руку - Самокин пожал ее.

- Мы дадим вам хлеб, - сказал посол. - Сколько нужно для Вологды? Три парохода? Пять? Десять? Америка богата.

- Подобные вопросы, господин посол, решаю не я, - отвечал Самокин. При губисполкоме работает продотдел, которым руководит товарищ Шалва Элиава. Но я, от себя лично, выражаю благодарность Красному Кресту вашей страны за его желание поделиться с Вологдой хлебом...

Не это было главное, ради чего пришел сюда сегодня Самокин.

- Я обращаюсь к вам, - говорил Самокин, - как к старшине дипломатического корпуса, - корпуса, который, не имея на то никакого согласия Советской власти, избрал своим местопребыванием этот старинный, но весьма захудалый город. Как видите, - учтиво произносил Самокин, губисполком относится к вам превосходно. Самая лучшая посуда, самые пушистые ковры, самая удобная мебель - все, что нашли в губернии, мы с радостью передали вам. Но (и Самокин разгладил старомодные усы) не будем скрывать от вас: обстановка в Вологде сейчас такова, что губисполком не может считать пребывание дипкорпуса здесь безопасным. Наше правительство опять настаивает на переезде господ дипломатов дружественных нам стран в Москву!

Френсис широко повел рукою навстречу входившему в зал послу Франции Жозефу Нулансу:

- Вот и мой коллега и сосед по дому...

Как и следовало ожидать, Нуланс сразу резко вмешался в беседу.

- Пребывание наше в Москве, - заговорил он вежливо, но едко, - более опасно для нас, представителей стран доброго согласия, ибо в Москве сейчас находится германский посол барон Мирбах, и весь мир знает, что именно Мирбах управляет вашим правительством. Мы имеем точные сведения, что в Москву уже введены германские войска...

- Это правда? - спросил Френсис, обратиться к Самокину. Самокин ответил - как можно спокойнее:

- Я удивлен. Кто-то умышленно и чудовищно искажает действительность; кому-то очень выгодно, чтобы дипломаты единого блока находились именно в Вологде... Господа, - спросил Самокин сдержанно, - мне кажется, вы аккредитованы при Советском правительстве?

Отчетливый кивок голов - и Френсиса и Нуланса.

- Но получается так, что вы сами себя аккредитовали при нашем Вологодском губисполкоме. Конечно, губисполком высоко ценит это доверие. Но вся беда в том, что мы, увы, никак не можем представлять всю Россию... Правительство наше в Москве, господа, и в Вологду вслед за

вами не поедет. И вот еще раз повторяю (Самокин внутренне усмехнулся: "Сколько можно повторять?"): когда вы будете в Москве, которой немцы ни в коей степени не угрожают, никакие интриги не коснутся вас. Ваше дальнейшее пребывание здесь уже невозможно. На нас - скромных работников губернии - лежит международная ответственность, и нести ее мы, поглощенные своими внутренними делами, далее уже просто не в силах... Извините, господа!

Центр снова и снова напоминал Вологде, чтобы партийные работники на местах проявили максимум внимания к дипкорпусу. Чтобы вели себя в высшей степени корректно. Чтобы никаких поводов для дипломатических осложнений. Чтобы самый любезный тон с послами...

* * *

Поздней ночью мимо Вологды прогрохотал поезд, уходящий дальше - на север: это ехала укреплять Советскую власть в Архангельске "Советская ревизия народного комиссара М. С. Кедрова".

Глава вторая

"Кажется, началось", - подумал Женька Вальронд.

- Мишель, - доложил он, - только что получена архисекретная телеграмма из Москвы...

- О чем? - спросил Басалаго, сладко потягиваясь.

- Прочти лучше сам. Она подписана уже не Троцким, а господином Чичериным.

Вот что было сказано в этой секретной телеграмме:

НИКАКАЯ МЕСТНАЯ СОВЕТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕ ДОЛЖНА ОБРАЩАТЬСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ К ОДНОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОАЛИЦИИ ПРОТИВ ДРУГОЙ. В СЛУЧАЕ НАСТУПЛЕНИЯ ГЕРМАНЦЕВ ИЛИ ИХ СОЮЗНИКОВ БУДЕМ ПРОТЕСТОВАТЬ И ПО МЕРЕ СИЛ БОРОТЬСЯ. ТАКЖЕ ПРОТЕСТУЕМ ПРОТИВ ПРЕБЫВАНИЯ В МУРМАНСКЕ АНГЛИЧАН. ВВИДУ ОБЩЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ОБРАЩЕНИЕ ЗА ПОМОЩЬЮ К АНГЛИЧАНАМ СОВЕРШЕННО НЕДОПУСТИМО. ПРОТИВ ТАКОЙ ПОЛИТИКИ НАДО БОРОТЬСЯ САМЫМ РЕШИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ. ВОЗМОЖНО, ЧТО АНГЛИЧАНЕ САМИ БУДУТ БОРОТЬСЯ ПРОТИВ НАСТУПАЮЩИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ, НО МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ВЫСТУПАТЬ КАК ИХ СОЮЗНИКИ И ПРОТИВ ИХ ДЕЙСТВИЙ НА НАШЕЙ ТЕРРИТОРИИ БУДЕМ ПРОТЕСТОВАТЬ.

ЧИЧЕРИН.

- Что скажешь, Мишель? - спросил Вальронд.

- Что скажет адмирал Кэмпен? - ответил Басалаго.

- Но ведь... Это же разглашение тайны государства!
- Где ты видишь в России государство? Ты просто глуп, Женечка, и скажи - когда поумнеешь?.

Вальронд ответил ему:

- Скоро, Мишель. Скоро я, на радость тебе, стану совсем умным. Вроде новоявленного мурманского Спинозы или Сенеки!

Это было сказано со злостью. Но что мог поделаться мичман Вальронд? Конечно же, секретная телеграмма Чичерина попала на стол адмиральского салона Кэмпена... А после ужина, когда в кают-компании "Глории" притушили огни, адмирал Кэмпен вдруг появился возле камина.

- Флаг-офицер! - позвал он, и Женька вскочил. - С сего дня, пожалуйста, не оставляйте вниманием Юрьева и все его подозрительное окружение в совдепе. Москва начинает вести натиск на нас, а этот малый понемножку ошалевает... Не буду более беспокоить вас, мичман. Спокойной ночи!

- Спокойной ночи, сэр!

Он остался один возле камина, и рука его, протянутая к бокалу с пивом, слегка дрожала. Мичман и сам заметил эту дрожь. "Да, я не ошибся, началось..."

* * *

Как хороши мурманские вёсны, - только человек, проживший возле семидесятой параллели, может оценить это расплывчатое сияние неба, этот перламутр воды и теплое присутствие Гольфстрима. Скоро, уже скоро брызнет поверху аспидных скал черемуха, упруго провиснут над водою сочные ветви сирени... Закружится голова от наплыва счастья. А ночь-то, ночь, какая впереди - белым-бела, светлым-светла...

Никто и не заметил, как облетела черемуха, как обсыпалась сирень, надвинулся июнь, почти душный для Заполярья. Вальронд умудрился загореть и под скудным северным солнцем. Его болтало все это время по рейду, между кораблями эскадры, и по улицам, между совдепом и союзными консульствами.

Из таинственной отлучки скоро вернулся Уилки с хорошим синяком под глазом; рассказал о восстании чешского корпуса в Сибири и Поволжье, задумался.

- Не рано ли? Теперь предстоит расшифровка всех наших предположений. Кстати, что слышно с Печоры?

- Славяне тихонько сидят в Усть-Цильме, а борода князя Вяземского внушает им достойное уважение.

- Вполне, - согласился Уилки; несмотря на синяк, он был в отличном

настроении, поиздевался над Юрьевым и Басалаго, из чего Вальронд сделал вывод для себя: эта лавочка скоро прикроется.

Потом, потягивая виски, Уилки сообщил доверительно:

- Никак не могу разгадать, куда делся американский крейсер "Олимпия", который должен быть в наших краях. Эти разгильдяи янки болтаются по морям безо всякого плана.

- На тебя это не похоже, - ответил Вальронд, - ты славишься на Мурмане как раз тем, что все и всегда знаешь.

- Не всё, - скромно сознался Уилки. - Я вот, например, не знаю, где находится американский крейсер "Бруклин", недавно вышедший из Гонконга. А он необходим во Владивостоке!

- Это так важно? - Спрашивая, Вальронд казался рассеянным.

- Да. На рейде во Владивостоке уже отжимовали японские крейсера "Ивами" и "Асахи", там стоит наш броненосец "Суффолк", одна китайская канонерка и... Куда-то провалился этот растяпа-американец. А мы должны привлечь к работе в этих краях и наших заокеанских друзей.

Вальронд задумчиво перевел взгляд на окно:

- Пари! Для начала - на десять шиллингов. За "Бруклин" я не ручаюсь, но могу сказать, где сейчас находится "Олимпия".

- Давай, - согласился Уилки с удивлением.

- Американский крейсер "Олимпия" у третьего пирса.

- Откуда тебе, Юджин, это стало известно?

- Я посмотрел в окно. Посмотри и ты, Уилки... Видишь, они уже высаживают матросов. С тебя десять шиллингов!

Действительно, с моря незаметно подошел крейсер "Олимпия". Броско горел на фоне скал штандарт САСШ - кусок синего неба, на котором рассыпаны золотые звезды штатов.

- Я проиграл, - сказал Уилки, берясь за телефон. - Но я сейчас отыграюсь... Лейтенант Мартин? Здорово, приятель. Как военно-морской атташе, сознайся по дружбе: где ваш крейсер "Олимпия"?.. Не знает, - шепнул Уилки Вальронду. - Я же говорил, что они болтаются по морям без плана... Хочешь пари, Мартин? - сказал он американцу. - Ну, для начала полсотни долларов, и так и быть: я тебе скажу, куда пропал забулдыга-крейсер.

Так Уилки рассчитался за проигрыш с Вальрондом.

- В дураках все равно остался американец, - сказал при этом дружески. - Янки люди богатые, их надо грабить без жалости. До чего же бестолковый народ: то их не дождешься, то появятся, когда их не ждешь. Этим горлопанам еще учиться и учиться... у нас! Ты Юрьева сегодня увидишь?

- Я его вижу каждый день, и он мне осточертел...

Все последние дни мичман провел в тесном общении с Юрьевым, от которого Москва потребовала, чтобы он властью совдепа запретил пребывание союзных кораблей в русских заполярных водах. Вальронду было даже интересно наблюдать, как Москва начинает поджаривать Юрьева: этот проходимец теперь шипел и брызгался, как плевков на раскаленной сковородке.

И - надо же так! - как раз в это время высший военный совет в Версале решил создать на Мурмане главную базу для проникновения в Россию с севера. Причем командующим всеми союзными войсками на севере (генерал Звегинцев, вам больше делать нечего!) был назначен опытный солдат и дипломат - генерал Фредерик Пуль. Ходили слухи, что Пуль уже в пути на Мурман.

* * *

Юрьев страдал головной болью. Делал себе малайский массаж, растирая пальцами виски и темя под белобрысыми волосенками. Брамсон стоял над ним как воплощение духа зла и таскал из портфеля бумаги - все важные. Сказал:

- Архангельск тоже протестует... Не чуется ли вам влияние Москвы на Целедфлот?

- Ну да. Там есть большевики. Чего они требуют еще?

- Архангельск настаивает, чтобы Мурманск - в вашем лице! - издевался Брамсон, - поделился с Целедфлотом углем и продовольствием, завезенным сюда добрыми союзниками.

- Конечно, - отозвался Юрьев, - я их знаю: они сами не сожрут, а отправят в Петроград... ради пролетарской солидарности; Павлин Виноградов для того и сидит в Архангельске, чтобы собирать куски там, где они валяются. А чем, - спросил Юрьев, - я буду свою шантрапу кормить? Кстати, адмирал Кэмпен еще не дал "добро" на разгрузку транспортов с продовольствием. Вон стоят на рейде. Видит око, да зуб неймет...

Вошел Шверченко, похвастал:

- Сейчас перчатки купил. У одного янки! Посмотри, Алешка, какая шкура... Говорят - лосевые. Такие бывают?

- Иди ты к черту! - заорал Юрьев, вспыхив. - Дурак ты, что ли? Нам только и дела, что до твоих перчаток... Борис Михайлович, - сказал Брамсону, - это не вам, извините... А вы, мичман, - повернулся к Вальронду, - прошу, оставайтесь.

Они остались вдвоем. Юрьева мутило.

- Вляпался я в эту политику... Теперь бы кишки отрыгнуть! Прополоскать их в тазу с тепленькой водичкой. Да с мыльцем! И потом заглотать обратно...

- Как жаль, Юрьев, что вы не птица ибис!

- Это еще что такое?

- Птица ибис имела столь длинную шею и такой формы клюв, что сама себе ставила клизмочку. Вам бы это тоже подошло.

Юрьев не понял, что Вальронд над ним издевается.

- А вы знаете, мичман, - сказал он вдруг с опаскою, - Басалаго-то хитрый малый: он втихую выторговал для себя охрану у англичан. Звегинцеву они тоже дали.

- Что ж, просите и вы. Дадут.

- Придется. Мне уже подкидывают анонимки. Ветлинского-то, - поежился Юрьев, - убрали чистенько. Из-за угла избушки...

- А кто убрал? - спросил Вальронд.

- Заугольники, - ответил Юрьев непонятым намеком.

...Был теплый июньский день (слишком теплый для Мурмана), когда на британском крейсере с войсками прибыл в Кольский залив генерал-майор Фредерик Пуль. В тот же день новый командующий провел совещание в узком кругу приближенных лиц о срочном формировании на Мурмане Славяно-Британского легиона.

Конечно же, он пожелал встретиться и с Юрьевым, как с председателем краевого совдепа. Генерал Пуль - бродяга, солдат, колонизатор, атташе, шпион, стрелок и драчун - с пренебрежением отнесся к Юрьеву, сверкавшему вытертыми сзади штанами.

Первое замечание Пуля:

- Что вы ответили Москве в связи с нотой Ленина?

- Я ответил, - покорно подхватил вопрос Юрьев, - что симпатии краевого населения несомненно на стороне союзников, с которыми оно привыкло с 1914 года вести дружеские отношения. И я заверил Центр, что военная сила, неоспоримо, на вашей стороне.

- Сэр! - добавил за него Пуль.

- Да, сэр, - обалдело согласился Юрьев, теряя остатки своего бахвальства и гонора.

- И впредь, - настоял Пуль, - когда разговариваете со мною, прошу вас добавлять: сэр! Мне так хочется. Москве же вы... напугали: позиция краевого населения, насколько мне известно из верных источников, враждебна не только к нам, но и к вам тоже, товарищ Юрьев...

Слово "товарищ" Пуль произнес отчетливо по-русски. Еще в чине

полковника он служил атташе при русской армии, и язык Пушкина и Толстого был ему относительно знаком. Надо признать: англичане умели подбирать людей, которые бесстрашно входили в русские условия, как рыба в воду.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Пуль уже извещен о большевистской позиции Совжелдора, о протестующей тени башен крейсера "Аскольд", о том, что отряд чекистов. Комлева не ушел, он здесь, он не уйдет...

- Отныне, - заключил генерал Пуль, - мы, союзные вам державы, в моем лице, берем власть на Мурмане в свои руки.

- А я? - удивился Юрьев. - А совдеп?

- Мы, - ответил на это Пуль, - будем укреплять ваш совдеп!

- Но чтобы укрепить влияние совдепа, - пояснил Юрьев, - необходимо обеспечить край продовольствием. Однако транспорта с продуктами еще не поставлены вами под разгрузку. Они стоят на рейде... давно стоят!

Пуль задержался возле иллюминатора. Транспорта с продовольствием - под охраною катеров - тягуче дымили за Ростой.

- Мы их поставим к причалам, - согласился Пуль, - но тогда, когда положение прояснится.

- А когда вы думаете, сэр, оно прояснится?

- Тогда, когда население края выразит нам свои симпатии. Юрьев уныло опустил плечи. Кувалда его боксерского подбородка вдруг жалко отвисла. Он... думал. Соображал. Взвешивал.

- Вы меня оставляете одного? - спросил вдруг тихо. - Вы берете власть на Мурмане, отняв ее у меня, и... Тогда объясняйтесь с Москвой и Лениным сами.

- Сэр! - гаркнул на него Пуль.

- Да, сэр. Сами, сэр.

- Переговоры с Москвой, - отвечал Пуль, пристукивая каблуком, - будете вести вы, как и вели их раньше. Для нас же время торжественных слов кончилось. Нам теперь понятно, что такое большевизм... Мы уже в Кеми и в Кандалакше. Завтра мы будем в Архангельске - сразу, как только окажутся в безопасности члены дипломатических миссий, которые сейчас томятся в руках опытных вологодских инквизиторов... Постарайтесь, - намекнул Пуль, вырвать у Совнаркома признание нашего пребывания в этих краях как... де-факто! Больше, - закончил разговор Пуль, - я вам ничего посоветовать не могу...

При этой беседе присутствовал и Вальронд, как офицер связи. Но мичман не проронил ни единого слова. Зато каждое слово постарался

осмыслить и запомнить. Он понимал - это история, и он, мичман Вальронд, свидетель ее беспристрастный. Пуль уедет потом в Англию и, чего доброго, выпустит мемуары, такие же безапелляционные, как и сам автор; что же касается Юрьева, то ему вряд ли предстоит писать мемуары. А вот ему, Женьке Вальронду, надо сохранить правду о предательстве...

Вскоре на весь Мурман раздалась первая речь Пуля.

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ПУЛЯ В СОБРАНИИ ЦЕНТРОМУРА:

- Я, главнокомандующий всеми союзными силами в России, говорю вам... Мы здесь нашли способный совдеп, который не только способен, но и желает работать. Но способности работы этого совдепа препятствуют - население и моряки. Мы не можем работать с совдепом, если он не может проводить в жизнь те заключения, к которым он пришел... А потому мы намерены помогать совдепу, чтобы он был в состоянии проводить свои резолюции.

Союзники пришли сюда для работы. Эта работа необходима России! Мы желаем делать дело. И если нам и тем, кто работает с нами рука об руку, будут чиниться препятствия, то мы сумеем их устранить.

До сегодняшнего дня матросы на Мурмане достигли своего первенства в делах тем, что они, вооружены. Сейчас здесь находится власть сильнее матросов - это союзники! Союзники имеют силы. И, если это потребуется, мы готовы применить эти силы.

Мы сумеем заставить работать бездельников! И если матросы, особенно матросы с крейсера "Аскольд", будут продолжать мешать вашей созидательной работе, то скоро им придется убедиться, что сила уже не на их стороне - на нашей...

После этой речи многие задумались. Даже Ляуданский почесывался за столом президиума. Но зато бешено аплодировали Пулю контрагент Каратыгин и "комиссар" Тим Харченко (тоже сэр).

Женька Вальронд навестил лейтенанта Басалаго.

- Мишель! - заявил мичман решительно, берясь за аксельбант флагоффера. - Эту удавку я, пожалуй, сниму. Мне уже надоело бегать с чайной ложечкой и перетаскивать дерьмо словесных упражнений из русской бочки в английскую, а из французской тащить его в американскую.

- Погоди. Мы тебе подыщем что-либо... По специальности!

* * *

Три дня! И все три дня англичане кидали и кидали с бортов кораблей войска и технику. Наконец 23 июня подошел серый, будто обсыпанный золой, крейсер "Суатсхэмптон" и затопил мурманские причалы новыми боевыми десантами.

- Я придумал! - воскликнул Юрьев, глядя, как сбегает на берег ловкая морская пехота. - Я придумал: для того чтобы унять англичан, нам надо усилить привлечение американцев!

Он так и телеграфировал в Москву: "Считаю необходимым нейтрализовать неизбежную пока исключительность англичан привлечением американцев к большему участию в событиях".

С этого момента Вальронд говорил с Юрьевым на "ты".

- Никак не пойму - дурак ты или умный? Что ты за человек - тоже непонятно. Центр требует от тебя изгнания всех союзников, а ты, наоборот, еще и американцев призываешь сюда - числом поболее англичан. Но англичане перевеса такого не допустят и бросят еще десанты. Наконец, это может не понравиться французам, - народ такой: песенки веселые, на столе канканчики, а... пальца им в рот не клади! Откусят начисто и, заметь, никогда не выплюнут.

Юрьев затравленно огрызнулся:

- Должен же понять Совнарком, что мы, дабы сохранить инициативу, не способны уже опереться на реальную русскую силу. У нас нет своих сил, чтобы противостоять даже финнам...

- Финнам? Ты, Юрьев, сознательно преувеличиваешь финскую угрозу. Южнее с финнами уже расправился Спиридонов.

Это было так. Но французский крейсер, приняв на борт двести британских "томми", уже пошел через океан, минуя Горло, в Белое море - прямо на Кемь, против... финнов. Сейчас решалась судьба всего русского севера, и Владимир Ильич Ленин лично ответил Юрьеву такой телеграммой:

АНГЛИЙСКИЙ ДЕСАНТ НЕ МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ ИНАЧЕ, КАК ВРАЖДЕБНЫЙ ПРОТИВ РЕСПУБЛИКИ. ЕГО ПРЯМАЯ ЦЕЛЬ - ПРОЙТИ НА СОЕДИНЕНИЕ С ЧЕХОСЛОВАКАМИ И, В СЛУЧАЕ УДАЧИ, С ЯПОНЦАМИ, ЧТОБЫ НИЗВЕРГНУТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКУЮ ВЛАСТЬ... ВСЯКОЕ СОДЕЙСТВИЕ, ПРЯМОЕ ИЛИ КОСВЕННОЕ, ВТОРГАЮЩИМСЯ НАСИЛЬНИКАМ ДОЛЖНО РАССМАТРИВАТЬСЯ, КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА, И КАРАТЬСЯ ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ. О ВСЕХ ПРИНЯТЫХ МЕРАХ, РАВНО КАК И ОБО ВСЕМ ХОДЕ СОБЫТИЙ, ТОЧНО И ПРАВИЛЬНО ДОНОСИТЬ.

Женька Вальронд подчеркнул ногтем слово "измена".

- Видишь? - спросил. - Ты об этом помни.

- Ну и что?

- Устоишь?

- Пока держусь, - ответил ему Юрьев.

...Он заметался, путаясь в проводах. То рвался на связь с Наркоминделом, то снова вызывал Процаренуса, прося у него защиты от Ленина, то требовал к аппарату Чичерина.

- Если наш Совет, - убеждал он Москву, - посмеет выступить против союзников, то жизнь всего Мурманского края потечет помимо советских организаций... Если мы не будем проявлять инициативы в совместных действиях с союзниками, то мы полетим к черту, как полетели уже во Владивостоке... Поняли? Так вот, дайте нам точные и такие, какие можно исполнять, указания!

Аппарат молчал. Москва не отвечала.

Вальронд сквозь зубы сказал:

- Сукин ты сын, Юрьев! Чего же ты добиваешься от Центра? Чтобы тебе благословили разрешение на оккупацию Мурмана?

Юрьев сгоряча выдал правду-матку:

- Если угодно знать, то оккупация уже есть. Мы давно оккупированы, пожалуйста!

- Тогда именно так и доложи. Так, как просил тебя Ленин: "точно и правильно". А не морочь голову людям в Москве, благо им из Кремля наших дел не видно... Нет такого дальномера еще!

Вбежал совдеповский дежурный матрос.

- В аппаратную! - крикнул он. - Опять... Москва!

Ленин дал Юрьеву окончательный ответ:

ЕСЛИ ВАМ ДО СИХ ПОР НЕУГОДНО ПОНЯТЬ СОВЕТСКУЮ ПОЛИТИКУ, РАВНО ВРАЖДЕБНУЮ И АНГЛИЧАНАМ И НЕМЦАМ, ТО ПЕНЯЙТЕ НА СЕБЯ... С АНГЛИЧАНАМИ МЫ БУДЕМ ВОЕВАТЬ, ЕСЛИ ОНИ БУДУТ ПРОДОЛЖАТЬ СВОЮ ПОЛИТИКУ ГРАБЕЖА.

Юрьев смахнул пот, посмотрел на Вальронда:

- Это значит... война?

- А чего ты еще ждал? - ответил ему Вальронд и вышел.

...Больше он Юрьева никогда не увидит.

* * *

Дело было в "тридцатке". В узком и длинном коридоре, где плинтусы прожраны крысами, где стенки забрызганы людской кровью, Хасмадуллин поставил Сыромятева к косяку двери.

- Стоишь, полковник?

- Стою, пес худой... Стою, и тебе меня не свалить!

К ним приблизился Эллен, благоухая духами.

- Оставь его, - вступился он за Сыромятева. - А вы, подпрапорщик,

можете пройти ко мне и сесть.

- Я тебе не подпрапорщик! Я был, есть и буду полковником. Я это звание заслужил не в палаческих застенках, а с оружием в руках... Честью! Кровью! Усердием к службе!

- Вытрите... это, - сказал Эллен, брезгливо морщась.

С разбитого лица полковника струилась кровь. Страшный рубец от плетки пересекал его выпуклый лоб. Сыромятев взялся за графин с водой.

- Я вам предложу портвейну, подпрапорщик, - сказал Эллен, наклоня бутылку. - Портвейн не мой, а казенный. Чтобы офицеры всегда могли выпить за короля Британии, когда они о нем вспомнят. И вот посеребренный молоток, дабы вызвать подобающую тишину при произнесении тоста. Одним ударом этого молотка можно сделать так, что вокруг станет тихо. И никто никогда не узнает, что хотел сказать перед смертью бывший полковник Сыромятев. Ну, а теперь давайте выпьем с вами казенного портвейну и, убрав молоток, поговорим о наших королевских делах...

- Декадент! - сказал Сыромятев. - Дерьмо собачье!

Эллен, не обращая внимания на ругань, что-то писал.

- Что ты там пишешь? - спросил полковник.

- Заполняю анкеточку для опроса.

Сыромятев выхватил протокол из-под локтя Эллена и порвал его в мелкие клочья:

- Не мудри! Что тебе от меня надо?

- Мне надо, Сыромятев, знать в точности, как ты очутился у большевиков? Тебя заставили?

- Конечно, в моем положении... - И, вытерев лицо, Сыромятев поглядел на красную от крови руку. - Конечно, - продолжил он, - мне было бы лучше сказать, что меня принудили силой. Но это не так!

- Не так? - обрадованно спросил Эллен, качаясь на стуле.

- Не так, - бросил ему в лицо Сыромятев. - Я пришел к большевикам. Честно! Верой и правдой...

- Ты сказал все? - Все.

- Тогда вопрос: к нам вернулся ты тоже честно?

Сыромятев подумал и тихо ответил:

- Да, тоже честно. У меня... тупик!

Эллен выпрямил под собой стул и сел ровно, как палка.

- Так что же ты за дерьмо такое, полковник? И там честно, и здесь честно? Вот у французов есть зонтики - для дождя и для солнца. Но есть один - "en-tout-cas". Это зонтик универсальный, и годится для любой

погоды. Скажи: и ты такой же, что годен при любой погоде?

- Не оскорбляй меня! - выкрикнул Сыромятев.

- Ах, простите, сударь. Я совсем забыл, что вы истинно русский офицер и всегда готовы драться на дуэли.

- Дурак ты, - сказал ему Сыромятев. - Чего ломаешься? Если неугоден, так вели поставить к стенке. А не выкобенивайся, словно девка худая. Рад, что власть получил?

Эллен раскурил сигару и положил поверх стола бумагу.

- Приношу вам, полковник, - сказал деловито, - глубокие извинения за то, что мой идиот Хасмадуллин не отнесся к вашему званию с должной респектабельностью. Подпишите вот эту бумагу, и даю вам слово: вы останетесь полковником русской армии. В случае же, если я вернусь через пять минут и бумага не будет подписана, вы... Одно могу сказать: время сопливого гуманизма на Мурмане кончилось. Впрочем, не буду мешать. Подумайте!

Оставшись один, Сыромятев притянул к себе лист.

"Славяно-Британский легион!

Славяне-Британский Союзный легион формируется Великобританией и ее союзниками с целью помочь России прекратить политику посягательства и аннексий, преследуемых Германией и ее союзниками. Офицеры, унтер-офицеры и рядовые, которые поступают в этот легион, должны воздержаться от всякой партийной политики и служить, подчиняясь всем правилам и положениям, установленным для Британской армии.

Я, нижеподписавшийся, сим обязуюсь служить в названном легионе и подчиняться упомянутым правилам до объявления всеобщего мира воюющими в настоящее время державами.

(место для подписи)".

Эллен вернулся в кабинет, глянул на подпись Сыромятева.

- Ну, вот и отлично, полковник! Полковник старой и доброй русской армии!.. Впрочем, если угодно, я позову сюда Хасмадуллина, и вы ото всей души набьете ему морду по всем правилам!

- Бей сам, - ответил Сыромятев, и на выходе из "бокса" палач Хасмадуллин помог ему натянуть шинель.

Глава третья

Впрочем, эту шинель пришлось выбросить. Шинель в легионе была английской, только погоны русские. Полковничья папаха, как в старой армии при царе, но каракуль афганистанский. Мундиры шились по форме френчей, с квадратными карманами. Галстук, черт его побери! Жалованье

бешеное - в британских фунтах...

А в Мурманске, при английском консульате, открылся специальный магазин-бар, где легионеры могли тратить фунты. Транспорта с продовольствием англичане еще не разгрузили, в городе и на дороге царил голод. А здесь любые товары в избытке: и сам будешь сыт, и любую ерунду, вроде парижских духов, для своей "баядерки" приобретешь по дешевке. В Славяно-Британский легион шли тогда многие - от паники, от безделья, просто так, а иные - шкурнически...

Каюта на крейсере была тесной; от паровых труб, вмонтированных в переборку, исходил угарный жар. Дали ход, и полковник Сыромятев поднялся на верхнюю палубу. На мачте британского "Суатсхэмптона" вздернули сигнал, обращенный к уходящему крейсеру: "Желаем воды три фута под киль!" Крейсер с войсками легиона ответил сиреной, проыв над скалами и над водою свое железное нутряное "спасибо".

Вот уже и выход в океан. Полковник Сыромятев вытер слезу.

Он и сам не знал - откуда эта слеза? Или от жалости к себе? Или просто напор жестокого ветра выжал ее из глаз?

А русский океан был необозрим и пустынен...

* * *

Капитан Суинтон сбросил с головы наушники.

- Боже мой! - сказал он. - Как бы все это не обернулось позором для моей Англии!

- Можно? - спросил Вальронд, протягивая руку за бланком.

- Читай, - разрешил Суинтон.

Это была нота Советского правительства, адресованная Локкарту, который представлял Англию в России, - протест был выражен ярко и убедительно, становилось ясно, что конфликт на Мурмане разрастается в опасность вооруженной борьбы.

- Это уже вторая, - пояснил Суинтон. - А три дня назад я перехватил первую ноту. Ленин, конечно, прав: мы слишком самоуверенны... Ты знаешь, Юджин, кому это надо передать?

- Кому?

- На борт "Суатсхэмптона", лорду нашего адмиралтейства.

- А разве?.. - начал Вальронд и вовремя осекся.

К чему лишние вопросы? Стало ясно, что англичане доставили в Мурманск, заодно с войсками, и лорда адмиралтейства. Значит, мичман не ошибся в своих предположениях: стрелы из Мурманска полетят и дальше... до Архангельска, до Вологды!

- Ты не извещай, Юджин, - переживал Суинтон. - А я знаю, что в

Кандалакше мы уже стали расстреливать большевиков. Какое мы имеем право это делать? Неужели нет разума?.. Это так ужасно! Я хотел вернуться в колледж. Меня давно волнует проблема фототелеграфирования на расстоянии. А вместо этого я осужден прозябать в Мурманске...

До лорда британского адмиралтейства флаг-офицера не допустили Вальронд сдал радиogramму наружной вахте, после чего посетил в штабе генерала Звегинцева. "Сейчас решается и моя судьба", - подумал мичман. В штабном кабинете, напротив Звегинцева, сидел лейтенант Басалаго и писал, лица обоих были мрачными. Вальронд доложил о второй ноте Совнаркома к Локкаргу, и лица сразу оживились.

- Это очень хорошо, - заметил Басалаго, - что большевики столь активны. Может, это заставит и генерала Пуля стать активным. Англичане упрямы: они боятся двинуться дальше. Мы должны заставить их сделать второй шаг... До сих пор мы балансировали на туго натянутой струне, готовой вот-вот оборваться. Ныне же, в связи с этой нотой, обстоятельства изменились, и мы ставим перед союзниками вопрос ребром...

- Михаил Герасимович, - воскликнул Звегинцев, - как вы всегда хорошо говорите и занудно пишете! Ну почему бы вам так и не написать, как вы сейчас сказали? Убедительно, весьма!

Вальронд сунул два пальца за тесный воротничок, крепко накрахмаленный, передернул стиснутой шеей.

- Мишель, - спросил он, - что творишь во вдохновении?

- Обращение к союзникам. На этот раз - угрожающее.

- Вот как? Не забывай пророчества: "Братья писатели, в вашей судьбе что-то лежит роковое..."

- Мы не писатели, - ответил Басалаго. - А сегодня вот соберем совещание президиума. И поставим решительный вопрос: или союзники пошевелиятся, тогда мы с ними заодно, или...

Вальронд заглянул ему через плечо, прочел: "Положение, ставшее сложным после переговоров с Москвой, теперь сделало развязку неизбежно близкой... Последствия ясно вырисовываются..."

- И каковы же эти последствия? - спросил Вальронд.

- Ах, мичман! - завздыхал Звегинцев. - Наступает самый критический момент. Мы объявляем сейчас перед всем цивилизованным миром о разрыве с Москвой - окончательном! Мурман - государство автономное, и пусть союзники защитят это государство всеми своими силами от гнева большевиков.

"Все ясно, - решил Вальронд. - Пора. Я надеюсь, что меня не расстреляют!" И он еще раз оглядел унылые штабные стены: торчала меж

бревен пакля, а в пакле жили клопы.

- Простите, генерал, - вытянулся Вальронд. - И ты, Мишель, тоже выслушай меня... Вторичная просьба: я бы хотел избавиться от флагофицерства. Я ведь был неплохим плутонговым.

- Вот-вот, - перебил его Басалаго. - Когда пробьет час, ты снова встанешь у орудий.

- Но... когда? - спросил Вальронд.

- Скоро.

Потом мичман долго соображал: "Расстреляют меня или нет?"

Черт возьми, но так ли уж нужно меня расстреливать?.. Он спал всю ночь спокойно. Звонок побудки на крейсере разбудил его. Но только на один момент - Женька Вальронд завернулся в одеяло с головой и снова заснул...

День наступал пасмурный, с неба сыпал сеянец-дождик...

Юрьев вышел на балкон краевого Совета. Вздернул воротник пиджака. Внизу, под ним, задрав головы, стояло человек сорок - пятьдесят (никак не больше). Он кашлянул в рупор, укрепленный на перилах балкона, и кашель его прозвучал над рейдом, где мокли русские суда, наполовину уже разворованные; один лишь крейсер "Аскольд" еще посверкивал издали чечевица-ми дальномеров - непокорный и таящий угрозу.

Юрьев сказал:

- Товарищи! Открываем общегородское собрание... Мурман ожидает от союзников продовольствия, топлива и рыболовные снасти. И вот они прибыли. Но союзники не выгружают их на берег. И они правы, ибо своими нотами Совнарком большевиков предает интересы трудящихся нашего края. Ленин требует от союзников удаления их с Мурмана. Пожалуйста! Союзники согласны уйти хоть сегодня. Но они увезут с собой и продовольствие. Нам угрожают голод и потери промысла. Мы снова стоим перед угрозой германского нашествия... Союзники, - прокричал Юрьев, - должны остаться с нами! Чтобы помочь нам пережить тяжелое время. Чтобы оформить ту армию, которая защитит наши краевые интересы от покушений германо-финской аннексии... Товарищи! призывал Юрьев. - Довольно жить с московскими няньками! Мы те же сыны родины, что и наше центральное правительство. Наша обязанность - сохранить этот край для лучших времен... Крайсовет, вкупе с Центромуром, постановляет: отвергнуть протесты большевистского Совнаркома и разорвать связь с Москвой!

В этот день проворачивали, как и положено по уставу, башни "Аскольда", и орудия как бы случайно вцелились в окна Мурманского

крайсовдепа. Крейсер поднял (и уже не спускал - до самого конца) флажный сигнал: "Мы протестуем". Но Юрьев не верил в угрозы орудий. Сегодня ему казалось, что все нерушимо как никогда. Дело сделано. Словно камень свалился с сердца...

И - вдруг:

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МУРМАНСКОГО СОВДЕПА ЮРЬЕВ,
ПЕРЕШЕДШИЙ НА СТОРОНУ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ
ИМПЕРИАЛИСТОВ И УЧАСТВУЮЩИЙ ВО ВРАЖДЕБНЫХ
ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ОБЪЯВЛЯЕТСЯ
ВРАГОМ НАРОДА И СТАНОВИТСЯ ВНЕ ЗАКОНА.

ЛЕНИН.

* * *

За толстым стеклом иллюминатора холодно качалась зеленая зыбь. Ровно и глухо ревели машины. На килевой качке с грохотом хлопали бронированные двери. Англичане оставались верны себе и в Заполярье - бешеные сквозняки пронизывали крейсер насквозь, шторы в коридорах были вытянуты по ветру, словно в ураган.

Сыромятев накинул шинель, выбрался по трапу на верхний дек.

Крейсер напористо разрушал океанскую волну. Позади мелькнул забитый ветрами и штормами огонек "мигалки" Иоканьги; скоро уже войдут в просвистанный шалонниками пролив - Горло Белого моря. Вот оно, это проклятое Горло: здесь кладбище кораблей, и на черных камнях, кверху китовым пузом, колотится пустая русская подлодка, покинутая командой... Мимо, мимо! Скорость, скорость...

Было холодно, но в Белом море чуть растеплело. Потянуло новым ветром он нес в себе запахи смолы, земли, сена; вдоль Терского берега, принадлежавшего когда-то знаменитой Марфе Борецкой, крейсер рвался на Кандалакшу. Первые деревеньки поморов - кричат петухи, полощут бабы на камнях бельишко...

Сыромятев лежал в каюте, скогорготал зубами.

- Негодяи! - бросал он в пустоту время от времени.

Но вряд ли ругань его относилась сейчас к Эллину. Чтобы полегчало, полковник надолго приткнулся к фляжке. Пахучий ямайский ром освободил сердце от стыдной боли. Над каютой уже громыхали трапы-сходни, приготовленные к отдаче на берег. Сейчас он поведет десант... "Вешать? Топить? Расстреливать?"

- Ну и сволочь! - сказал Сыромятев и надвинул папаху. На берегу их ждал британский консул Тикстон.

- Они в столовой, - подсказал он. - Как раз обедают...

- Бего-о-м... арш! - скомандовал поручик Маклаков, и, когда колонна тронулась, Сыромятев припустил за нею...

Отряд охраны, подчиненный мурманскому чекисту Комлеву, взяли безоружным во время обеда. Построили, погнали. Сербский разъезд арестовал членов Кандалакшского Совета. Все поезда, идущие к югу, были задержаны, и десант легионеров погрузили в эшелон, который сразу двинулся в сторону Кеми...

Был вечерний час, и жемчужная ночь над морем разливалась далеко-далеко. В зыбком мареве безночья, с высоты Кемского берега, Сыромятев разглядел купола Соловецкой обители, утонувшей за горизонтом. Это теплый воздух поднял над горизонтом отображение древних башен и храмов... Мимо полковника погнали прикладами к стене собора членов Кемского Совета. Казнь совершали легионеры из маньчжуров и сербы, озлобленные на все на свете за то, что из Мурманска их не отпускали на родину...

Выкликнули первого:

- Каменев! - И тень человека выросла на фоне стены...

Очевидец свидетельствует: "Каменев мужественно встал на место, достал из кармана часы, посмотрел на время, наверное желая запечатлеть последнюю минуту своего земного существования, и, снявши с головы шляпу, поклонился присутствующим тут же товарищам из Совета и сказал: - Прощайте..."

- Вицуп! - И качнулась тень второго на фоне белой извешки древнего собора...

Очевидец свидетельствует: "Участь была такова же, но с более тяжкими мучениями, так как после первого залпа он еще несколько раз подымался, пока окончательно не был пристрелен".

- Давай третьего, - велел Сыромятев. - Доктор, а вы проверьте еще раз...

Доктор прощупал пульс Вицупа, расстрелянного трижды.

- Да. Кажется, готов. Можно третьего...

Вицупа оттащили за ноги от стены и положили рядом с Каменевым.

Вызвали третьего:

- Малышев!

Сыромятев сказал:

- О черт! Сколько же ему?

Малышеву было всего девятнадцать лет, и он - заплакал.

Он тоже видел сейчас далеко-далеко - и ширь Белого моря, и

жемчужную ночь, и паруса шхуны, мирно уходившей к монахам на Соловки...

Сыромятев резко повернулся и зашагал прочь.

Очевидец свидетельствует: "Малышев, жизнерадостный и горячий защитник трудового народа, закончил свою жизнь со словами на устах:

- Жил я хорошо. Спасибо судьбе! Все для народа, и пусть оно так... И жизнь свою за народ отдаю".

* * *

Вместо Совета в Кеми воссоздали старую городскую думу. Когда один из думцев полез на крышу, чтобы сорвать с нее красный флаг, неожиданно вмешался британский консул Тикстон:

- Эй, на крыше! Что вы там делаете?

- Как что? Сами видите.

- Слезайте оттуда! - заорал на него Тикстон. - Это не ваше дело... Красный флаг должен висеть. Совдеп в Мурманске продолжает свою работу. А вам не все ли равно, под какую тряпкой сидеть в думе?..

Сыромятев вернулся к себе в вагон, присел за столик. "Товарищ Спиридонов, - писал он, - сейчас легионерами в Кеми убито трое из местного Совета. Завтра будет расстрелян крановый машинист Соболев. Трупы я передаю населению. Приказа о расстреле чекистов (твоих и комлевских) на руках еще не имею. Разоружив, отпускаю их, вместе с семьями, пешком по шпалам. Если можешь, вышли навстречу им вагоны. Англичане, как видно, еще не решились окончательно рвать с Москвою и флагов здесь ваших не снимают, а Локкарт еще представляет Англию. Если же хочешь повидаться в последний раз, то давай где-нибудь на пустом разъезде встретимся. Со мною еще не кончено.

П-к С."

В купе к полковнику вошел Торнхилл (тоже полковник) Теперь два полковника - русский и британский.

- Идет эшелон, - сказал Торнхилл обеспокоенно. - Кажется, это эшелон с частью отряда Спиридонова, и он уже близко, на подходе к Кеми, просит освободить пути... Вы разве не слышите?

Сыромятев прислушался к мощному реву локомотива, бегущего из окраинных тундр к Петрозаводску.

- Полковник, - сказал он Торнхиллу. - Я не хотел бы сейчас встречаться с этими людьми. Разоружите их своими силами.

...Среди арестованных Спиридонова не оказалось. Красноармейцев прогнали по шпалам мимо, и Сыромятев открыл окно.

- Эй, рыжий! - позвал он одного. - Передай товарищу Спиридонову.

Башкой ответишь! Лично ему в руки! Больше никому!

Торнхилл вернулся в вагон:

- Женщины, жившие с большевиками, с разъезда ушли. Я не стал их удерживать: это дело личное. Теперь надо ждать реакции Москвы на наши действия... Может, выпьем, полковник?

Они выпили.

- В ближайшие дни, - ответил Сыромятев, разворачивая на коленях у себя газету с бутербродами, - все неясное определится. Или - или! Как вы думаете?

- Налейте еще, - попросил Торнхилл. - Я отвратительно чувствую себя в этих краях. Вот уже третий месяц не могу заснуть. Просыпаюсь среди ночи прямо в глаза лупит солнце. Да еще какое солнце! Когда будет тьма?

- Скоро, - ответил Сыромятев. - Прощу, полковник.

- Благодарю, полковник.

И они - чокнулись.

* * *

Был уже поздний час, но в британском консульстве лампы не зажигали. Уилки сидел у себя на постели, пил виски и заводил граммофон с русскими пластинками. Особенно ему нравился Юрий Морфесси, - пластинка кружилась, и лицо красавца Морфесси, изображенное на этикетке, расплывалось, как в карусели.

Вернись, я все прощу - упреки, подозрения.

Мучительную боль невыплаканных слез,

Укор речей твоих, безумные мученья,

Позор и стыд твоих угроз...

Дверь тихо отворилась, и вошел бледный Юрьев. Остался на пороге, не вынимая рук из карманов, и по тому, как обвисли полы его короткого пальто, Уилки определил: "В левом - браунинг, в правом - кольт".

- Погоди, - сказал ему Уилки. - Очень хорошая песня.

Мы так недавно так нелепо разошлись.

Но я был твой а ты была моею.

О, дай мне снова жизнь

вернись!

Пластинка, шипя, запрыгала по кругу. Уилки снял мембрану. Налил себе виски, взбудоражив спиртное газом из сифона.

- А хорошо поет, верно? - спросил равнодушно.

- Мне нужно видеть консула Холла, - мрачно ответил Юрьев.

- Консул спит. Зачем тебе?

Юрьев шагнул на середину комнаты:

- Звегинцеву - дали? Басалаго - дали? А мне - кукиш?

Уилки ответил ему - совсем о другом:

- Мы очень много пьем здесь. Хорошо ли это, Юрьев?

Юрьев молчал.

- Я думаю, - продолжал Уилки, - что это, наверное, очень плохо...

Кстати, ты хочешь выпить?

- Дай!

Уилки налил ему чистого виски, и Юрьев жадно выхлебал.

Широко взмахнув рукавом, вытер рот и заговорил:

- Ленин по всей стране объявил о том, что я поставлен вне закона. Завтра "Известия" уже разойдутся по всей России. А знаешь ли ты, Уилки, что значит быть "вне закона"? Это значит, что любой человек может убить меня, как собаку... Дайте же и мне охрану! - потребовал Юрьев.

Уилки закрыл глаза. Ему ли не знать, что это такое. Когда его последний раз объявили вне закона? Кажется, в Палестине. Да, там. И горячий песок пустыни скрипел на зубах, и арабы стреляли в него с высоких верблюжьих седел, и эта турчанка с маленькими трахомными глазами... Она-то и спасла его! Именно она! А когда он сунулся в свое консульство, то ему сказали там спокойно: "Консул спит".

- Консул спит, - сказал Уилки бесстрастно и жестко. Юрьев сцепил в зубах черешневый мундштук канадской трубки.

- Завтра, говорю я тебе, "Известия" разойдутся. Сейчас ночь, и я знаю: наборщики уже тискают обо мне приказ Ленина... Звегинцеву-то вы дали? Басалаго дали? А я - что? Хуже их?

Уилки опять посмотрел на карманы юрьевского пальто: "Нет, я, пожалуй, ошибся: кольт - в левом, браунинг - в правом". И снова молчал, думая... Турчанка с трахомными глазами завернула его тогда в душные верблюжьи кошмы... а консул спал, подлец!

- Консул спит, - повторил Уилки и снова выпил. - Он ужасно лягается, но разбудить его... можно! Пойдем, Юрьев...

Холл действительно спал. Его разбудили.

- Вот, - сказал Уилки, смеясь, - пришел представитель Советской власти и просит спасти его от Советской власти...

Консул даже не улыбнулся.

- Что же вы так, Юрьев? - спросил он. - Не побереглись. Уилки, я не возражаю: выделите для совдепа охрану.

- Спокойной ночи, сэр. Я очень благодарен вам, сэр!

Из коридора раздался сочный голос лейтенанта Уилки:

- Выпустить совдеп с охраной. Запечатать двери на ночь. Откинуть

щиты в окнах. Пулеметы - к огню...

Глава четвертая

Ломкий валежник хрустел уже далеко.

- Нашли! - издали крикнул Безменов. - Товарищи, вот он...

Спиридонов стянул с головы фуражку. Ронек лежал глубоко под насыпью, и муравьи ползали по его лицу, тронутому нещадным тлением. Потрогав голову, перевязанную грязным бинтом, Иван Дмитриевич сказал:

- Прости, товарищ... Простишь ли? - И отошел, заплакав. Тело Ронка вынесли наверх, уложили между рельсами. Ох, эти рельсы! - стонут они, проклятые; приложись к ним ухом - и услышишь, как идут эшелоны карателей, как грохочет вдали бронепоезд врага, а вот и взлетели звонкие рельсы, искореженные взрывом, - это работа лахтарей...

Безменов первым надел шапку.

- Товарищ Спиридонов, хоронить надо.

- Надо... - ответил чекист.

Но места для могилы не было: чавкала под ногами торфяная жижа. Хлябь, кочкарник, тростник...

- Давай вот здесь, - сказал Спиридонов. - Вечный ему памятник. Все порушится, все пожжется. Никакой крест не выдержит времени и сгниет, а дорога будет эта... пока мы живы!

Подрыли с боков насыпи шпалы, вынули их осторожно, углубили яму, над которой тянулись рельсы. Тело путейца, завернутое в шинель красноармейца, опустили в глубину насыпи, снова уложили шпалы. Попрыгали на месте могилы, чтобы песок утрамбовался. Спиридонов поднял над собой маузер, пуля за пулей опустошил в небо всю обойму.

- Салют... салют... салют... Пошли!

Неподалеку их ждал маневровый паровозик с лесопильного завода "Беяев и К°", к тендеру которого был прицеплен единственный вагончик. Спиридонов подождал, пока красноармейцы заберутся в вагон, и махнул машинисту:

- Давай, приятель, крути... на Кемь!

- Там англичане, - ответил ему машинист из будки.

- Знаю. Но мне плевать на них...

Спиридонова сопровождали в этой поездке всего лишь девять бойцов дорожной охраны. Иван Дмитриевич хотел проскочить на Кемь, чтобы вывести оттуда разобщенные и обезоруженные части. Он потерял Ронка, которого успел полюбить, но вспоминал и о бегстве Сыромятева. "Ронка не вернуть... а за Сыромятева, - размышлял он дорогою, - неплохо бы и побороться. Нельзя этого дядьку врагам оставлять: слишком опытен...

вояка хитрый!"

- Курева нет? - спросил Спиридонов наугад.

- Откуда? - ответили бойцы.

- Оно верно: откуда?..

Под колесами вагона вдруг взорвалась петарда. Машинист резко затормозил, и сразу в вагон к чекистам полезли сербы и англичане. Спиридонов сунулся к окну - все уже было оцеплено. Тогда он распахнул дверь купе и грудью пошел на штыки.

Говорил он при этом так:

- Я - Спиридонов, что вам надо? Я - Спиридонов, Спиридонов!

Своей грудью и авторитетом своего имени Спиридонов заградил своих бойцов от лавины пуль - стрелять уже никто не решился.

Оцепление возглавляли английский капитан и сербский поручик, которых чекист однажды встречал в Кандалакше. Интервенты уже схватились за винтовки бойцов. Но спиридоновцы не выпускали оружия из своих ладоней. Каждую секунду могла вспыхнуть жестокая потасовка. И она плохо бы кончилась для чекистов, ибо слишком неравны были силы... Нужно быстрое решение!

Вот оно, это решение.

- Сдайте, - сказал Спиридонов бойцам, и тогда они послушно разжали ладони, отпуская оружие (все обошлось без выстрелов).

Английский капитан как-то обедал в красноармейской столовой Кандалакши рядом со Спиридоновым и сейчас чувствовал себя неловко. Сербский поручик оказался смелее: хлопнул чекиста по кобуре и сказал с улыбкой:

- Пиф-паф не надо! Жить надо!

Спиридонов с руганью расстегнул пояс, на котором болтался маузер, отдал его и спросил, обращаясь к англичанину:

- А что, Комлев в Мурманске?

- Комлев цел. Но с ним осталось мало людей.

- А кто вам приказал арестовать меня?

- Пуль!

Спиридонов, продолжая ругаться, сказал:

- Завтра я с вашим Пулем поговорю особо - пулями!

Его отвели на паровоз: изолировав от бойцов, приставили конвой и велели машинисту ехать на Кемь. Машинист выжидал.

- Да крути ты! - велел ему Спиридонов. - Я ничего не боюсь, им этот арест еще боком вылезет, вот увидишь... завтра же!

В Кемь его встретил полковник Торнхилл.

- Добрый день, товарищ Спиридонов, - сказал он ему, как старому знакомому, даже дружески. - Чтобы вы на меня не обижались, ставлю в известность сразу: вы задержаны по личному распоряжению нашего адмирала Кэмпена.

- Послушайте, полковник, какое дело британскому адмиралу до русского большевика Спиридонова?

Торнхилл одернул френч, взмахнул черным стеклом.

- Я тоже такого мнения, как и вы, - ответил спокойно. - И лично к вам я ничего не имею. Вы мне даже нравитесь, товарищ Спиридонов. Но таков приказ, а я волею всевышнего только полковник и обязан исполнять приказы. Я вас не обыскиваю.

И это было очень хорошо, потому что Спиридонов, уничтоживший в топке паровоза все подозрительное, пожалел спалить записку от Сыромятева - очень важный для него документ.

- А чего ждете? - спросил Спиридонов у Торнхилла.

- Жду дальнейших распоряжений из Мурманска, что делать с вами. Пока я разрешаю вам остаться со своими солдатами...

Его вернули обратно в вагон, где сидели бойцы и курили американский табак, а для заправки сигарок рвали французскую "Пель-Мель-газет".

Спиридонов плюхнулся на лавку рядом.

- Дай и мне курнуть, - попросил. - И не робей, ребята. Англичане, судя по всему, боятся нас. И так и эдак крутят, в глаза еще никто из них мне прямо не посмотрел. Оно и понятно: рядом Совжелдор, близко Петрозаводск... А вот с Комлевым, видать, дела неважные: он ведь совсем один!

Звонко лязгнули буксы: их сцепили с паровозом. Англичане повезли чекистов далее. На 30-м разъезде конвой покинул отряд Спиридонова, и чекисты - уже свободно - добрались до станции Шуерецкая. Там Спиридонов сразу же стал обзванивать все соседние станции.

- Сорока! Барышня, мне Сороку... Сколько у вас пулеметов в Сороке? Два? Кати их сюда. Сейчас начнем все крушить! Война так война... Барышня, давай Совжелдор! Петрозаводск, слушай: высылай прямо на меня дорожных техников... Я двигаюсь сейчас на Сороку, мне нужно смотать всю проволоку за собой... Много проволоки! Сотни километров проволоки...

За эти дни Спиридонов безжалостно загонял и себя и других. Сжевав на бегу горбушку хлеба, хлебнув в соседней деревне молока из крынки, он открыл войну с Мурманом и интервентами. Прямо от Шуерецкой начал битву, чтобы задержать продвижение врага на юг - в сторону

Петрозаводска, столицы красной Олонии. Первой полетела вверх тормашками водокачка, потом рухнул в реку мост. Прибыли пятьдесят бойцов из Сороки, и Спиридонов самолично расставил в засаде два пулемета. В прицелах стареньких "максимов" дрожали, плавно выгибаясь, узкие рельсы.

- Как пойдут, - велел, - так и крой их на всю ленту. Слово "союзник" забудь! Не союзники они, а навоз на вилочке...

Прибыв на станцию Сорока, Спиридонов заскочил в контору беляевских лесопилок. Там сидела машинистка и пудрилась.

- Ты и так красивая, - сказал чекист. - Копирка есть?

- Есть.

- Сколько можешь зараз напечатать?

- На воцанке - двадцать экземпляров.

- Суй все тридцать, - распорядился Спиридонов. - Может, десять последних и бледно получатся, да кому надо - тот глаз жалеть не будет: прочтет как миленький...

- А что печатать? - спросила барышня.

- Приказ! Стукай... Диктую: "Извещаю пролетариат всего мира, что империалисты тесным кольцом душат власть рабочих и крестьян... Просим пролетариат всех стран прислушаться к голосу честных бойцов Мурманской железной дороги и воздействовать на политику своих министров..."

...За отступающим отрядом Спиридонова бушевало пламя.

Отправили на Петрозаводск два эшелона с продовольствием. Станки с острова Попова тоже погрузили в вагоны.

- Ничего не оставляйте. Что не вывезти - пали... Вернувшись в Петрозаводск, ослепший от дыма, в зрачках еще плясали огни пожаров и взрывы, Спиридонов сразу стал вызывать Петроград на прямой провод:

- Путиловский... мне Путиловский! - И когда Путиловский завод ему ответил, он прохрипел: - Броню... высылайте броню...

Трубка выпала из его руки. Голова рухнула на стол.

- Будет броня... десять листов, - ворковала трубка.

- Хорошо, - ответил Безменов, подходя. - Спасибо... - И вышел, затворив дверь. - Тише, - сказал. - Он уже спит...

Этот молодой парень ("пацан", как называл его Комлев) принял на себя всю ответственность: своей волей, никого не спрашивая, он открыл для страны новый фронт - первый фронт для борьбы с интервентами. Вся Антанта стояла сейчас против, и два одиноких "максима", выставив из кочкарника дула, простреливали вдоль рельсов каждого, кто появлялся на

путях с севера...

* * *

Вода в котелке закипела, и Комлев высыпал в бурлящий кипяток горсть мучицы. Размешал ложкой, посолил. Гвоздь в сапоге натер ему ногу - было больно...

Еще раз Комлев перечитал послание от полковника Торнхилла: "...адмирал (надо понимать - Кэмпен) присовокупляет, что на берегу находятся многие сотни иностранных подданных и вооруженные отряды, а потому всякие действия, которые могут причинить вред окружающим, будут им немедленно прекращаемы и порядок будет восстановлен. Адмирал имеет распоряжение от своего правительства охранять подданных союзных нам держав, которые неминуемо окажутся в опасности, если Вы осуществите Ваши намерения".

Слова "Вы" и "Ваши" были написаны с большой буквы: уважая, угрожали. Комлев сложил письмо полковника Торнхилла, сунул его под пятку в сапог, чтобы не мешал гвоздь. Понюхал пар над котелком: пожалуй, скоро обедать.

Неожиданно дверь теплушки поехала на роликах в сторону, и в проеме дверей выросла фигура Тима Харченки.

- Есть, - сказал он, запрыгивая в вагон, - такая картина у моего земляка, профессора Репина. Называется она "Не ждали". Очинна проникновенная картина, прямо так и шибает в душу...

- Шибай и дальше, - ответил Комлев, сидя на корточках возле печурки. Это ты прав: мы такого хрена к столу не ждали.

Харченко, приосанясь, пошелестел бумажкой: формат бумажки и печать были такие же, как и в письме Торнхилла.

- Вот и мандат! - заявил. - Прислан в твой отряд комиссаром. Ты да я нас двое, ррравняйся!

- Выровняй и этих, - показал Комлев.

Из глубины вагона торчали черные пятки отдохавших бойцов. Они, как побитые, вповалку лежали на нарах, обнимая свои винтовки: с оружием здесь не расставались - жизнь была начеку.

Гвоздь в сапоге проколол письмо полковника Торнхилла и снова жалил ногу. Комлев, морщась от боли, добавил в свое варево соли и брякнул ложкой по котелку:

- Ну что ж! Ты, комиссар, как раз к обеду явился. Сидай! Харченко принялся:

- Клийстир, што ли? Брандахлыст мое почтение, как на каторге. Толичко благодарствуем покорно. Встал я сей день раненько, Дунька моя

как раз оладьи спекла, мы уже сыты...

- А коли сыт, - ответил Комлев, - так чего притащился?

- А мы не побираться ходим... Вот и мандат!

- Дай твой мандат сюда, - протянул руку Комлев.

Сложил мандат и сунул его в сапог поверх письма Торнхилла; вот теперь было хорошо, гвоздь не мешал. У Тима Харченки даже глаза на лоб полезли от такой наглости.

- Да ты... Знаешь, кем подписано? Сам генерал Звегинцев меня в эту вашу поганую житуху окунул.

- Потому-то и не нуждаемся, чтобы ты "комиссарил". Мы таких, как ты, даже на племя оставлять не станем. Прямо на убой посылать будем... Не нравится? - засмеялся Комлев. - Проваливай!

Харченко выскочил из вагона, крикнул на прощание:

- Железной рукой революционной справедливости мы задушим власть насильников и посягателей... вот как!

Поезда еще выходили из Мурманска, во всяком случае - при оружии и смелости - за Кандалакшу выбраться было можно. Комлев похлебал баланды, достал маузер, натискал обойму желтыми головками патронов.

- Эй, ребята! - обратился к нарам. - Я пошел... Ежели не вернусь живым, разрешается отряду отойти вдоль дороги.

Шагая по шпалам, завернул в буфет, попросил пива. К нему из потемок подступил Небольсин - небритый.

- Я разговаривал с Песошниковым, - сообщил таинственно. - Сейчас перегоняем к югу порожняк. Пока не обыскивают. Здесь - конец. И тебе. И отряду... Хочешь?..

- Хочу, - сказал Комлев. - Песошникова я знаю, тебя тоже знаю, вы мужики ничего, с вами жить можно... Да только, инженер, посуди сам: уеду я, ведь радоваться все гады станут. Нет, брат, спасибо, моя статья - здесь оставаться.

- Глупо, - возразил Небольсин. - Кому и что ты докажешь?..

* * *

Звегинцев был занят - Комлеву пришлось обождать в "предбаннике". Тем временем Звегинцев обламывал командира "Аскольда" - кавторанга Зилотти.

- Вы понимаете, - убеждал он его, - что крейсер, которым вы командуете, несет отныне угрозу Мурманску и той власти, которая всенародно установилась на Мурмане.

- Угрозу? Не понимаю.

- Необходимо сдать боезапас!

Зилотти искренне возмутился:

- Крейсер "Аскольд" - единственный на рейде, который сумел при всеобщей анархии и развале на кораблях флотилии сохранить боеспособность и традиции русского флота{20}.

- Русского флота, кавторанг, давно не существует!

Лучше бы Звегинцев не произносил этой фразы - Зилотти даже передернуло в бешенстве.

- Генерал! - сказал он, шагнув к столу. - Вы чего от меня добиваетесь? Чтобы я пошел на сговор с вами и своими же руками снял орудия и опустошил погреба? Нет! Меня поддерживает команда, а я буду поддерживать ее, как командир этой команды...

Звегинцев тихо объяснил:

- Там большевики... Орудия вашего крейсера поддерживают и большевистский Совжелдор, и бандита Комлева, который, вооруженный до зубов, сидит в нашем городе.

Но даже это предупреждение не могло остановить сейчас кавторанга Зилотти - честного человека, глубоко страдавшего за позор разоружения кораблей русского флота.

- Я не знаю, кто там у меня в палубах - большевики или черти завелись. Но даже пусть нечистая сила, резолюция у них на шабашах правильная. Лишь мой "Аскольд", единственный из всей Северной флотилии, способен ныне принять бой с честью, если придется, и разоружить крейсер я не дам!

Выскочив в приемную штаба, Зилотти увидел Комлева. Кавторанг накинул на плечи черный плащ; литые из меди львиные головы отчетливо горели на черном габардине. И совсем неожиданно он выкинул руку для пожатия.

- Я бежал от большевиков... от вас! - сказал Зилотти Комлеву. - Но вот как странно все в жизни: я солидарен с большевиками здесь... в Мурманске! Прощайте, товарищ Комлев. - И черный плащ по-байроновски взметнулся за кавторангом.

Комлев, вздохнув, шагнул в кабинет к Звегинцеву, который приветливо поднялся навстречу:

- Я очень рад, что вы явились, не артачься, на большевистский манер, благо дело, по коему я желал бы беседовать с вами, не терпит отлагательства... Советская власть, можно считать, уже рухнула. Оставим политику! Я русский аристократ, вы русский простой человек. Но на протяжении многих веков мы, аристократы и простолюдины, стояли рядом. Все испытания, выпавшие на долю России, ложились столетиями поровну

на ваши и на наши спины. Иногда даже больше на наши спины, а вы только подкрепляли нас снизу... Так вот что я хотел вам сказать; еще раз предлагается вам, вернее, всему вашему отряду включиться в состав Мурманской краевой армии, и тогда... Сначала сдайте оружие!

- Для начала я его не сдам, - ответил Комлев. - Еще что?

Звегинцев потускнел и хмыкнул:

- Вы знаете, что в Москве убит германский посол Мирбах?

- Я плюю на барона Мирбаха!

- А в Москве восстание левых эсеров, и Ярославль, и Муром, и Рыбинск тоже восстали.

- Плюю на левых эсеров!

- А у нас на Мурманске вводится осадное положение.

- Плюю на вашу осаду!

- Так мы ни до чего не договоримся...

- А неужели ты думаешь, генерал, что мы с тобой когда-нибудь договоримся? Наш расчет сейчас - пулями... - Рука Комлева, черная и жесткая, полезла в кобуру: - Могу и сейчас... Хлопну, как барона Мирбаха, а потом разбирайся. Нет! - И пальцы злобно застегнули оружие. - Нет, повторил Комлев, - это слишком хорошо для тебя. Меня уже не будет. Я знаю. Но пусть тебя осудит народ... Черт с тобой, генерал, живи!

... В этот день забастовала железная дорога. Расчет Комлева был верным: пока его отряд находится в Мурманске, рабочие не побоятся выступить против интервенции. Вагонников поддерживали тяговики, и дорога встала. Над тундрой вдруг замычал и гудок лесопильного завода "Дровяное" (там поддержали дорогу стачкой).

Небольсина вызвали в Военный союзный совет, и майор Лятурнер сказал ему дружески:

- Аркашки, что у тебя с дорогой?

- Забастовка!

- Некстати!

- Она всегда некстати. Тем более на дороге.

- Надо что-то сделать.

- Лятурнер, ты всегда даешь премудрые советы. Если ты находишь, что надо что-то сделать, так возьми и... сделай.

- Сделай ты, как начальник дистанции.

- Пожалуйста, - согласился Небольсин. - Только прошу выплачивать мне два миллиона франков в месяц. Потому что обойти шесть тысяч рабочих и каждого уговорить я не в силах на свои русские рубли, которые уже ничего не стоят.

- Почему шесть тысяч рабочих? - поразился Лятурнер. - Мы всегда считали, что на дороге шестнадцать тысяч.

- Я тоже так считал. Но рабочие разбежались. А каждого тянуть на работу за воротник я не могу...

Тогда в Мурманске были закрыты все хлебные лавки. Но стачка продолжалась.

Комлев пришел в мурманскую контору Совжелдора, где верховодил Каратыгин. Вынув нож, чекист обрезал провода телефона.

- Ежели ты, гнида, - сказал он протрясенному Каратыгину, - хоть пикнешь, то я тебя... Созывай свою говорильню!

Комлев выступил с речью, - он не мастер был говорить.

- Еще они не победили, - сказал Комлев, свистя простуженными бронхами. - Еще мы победители! Советскую власть так не спихнешь, как вагон под откос... Я предлагаю: собрать честных людей, аскольдовцы пойдут за нами, грохнуть из главного калибра. И пойти прямо на Кемь, вдоль полотна, чтобы освободить наших товарищей... Кто против?

- Мы! - ответили из-за спины, и Комлев испытал страшную боль, когда ему вывернули руки назад.

- Кто же это "вы"? - кричал он, склоненный, стоя на сцене барака и глядя в зал, где измывались над ним мурманские совжелдорцы. - Кто же это вы такие, что против? Так сдерните тогда красный флаг с крыши - не позорьте его... Вам смешно? Но, погодите, я еще не все сказал... Я плюю на вас, вот так!

И он плюнул в этот продажный зал, где щерились, под масть Каратыгину, предатели. И тогда его потащили в "тридцатку".

Поручик Эллен уже поджидал его и встретил даже приветливо:

- Коллега, позвольте вам представить моего секретаря Хасмадуллина... Удивительный тип! С одного удара вышибает четыре зуба. У вас зубы-то очень хорошие.

Комлев посидел. Подумал. И усмехнулся:

- Зубам моим позавидовал? Так я тебе все зубы здесь на столе и оставляю... Не жалко! На, бери...

И вынул вставную челюсть. Положил ее перед поручиком. - Мне настоящие зубы еще в девятьсот пятом году при полицейском участке выстегали. По причине вполне уважительной: потому как я был забастовщиком, и сейчас... Ну что сейчас! - И Комлев, встал. - Я ведь знаю: живым мне не быть...

Хасмадуллин закинул сзади звериную лапу, сдавил Комлева хваткой под горло и потащил вдоль длинного коридора.

Мимо проходила секретарша, посторонилась:

- Мазгутик, кого это ты потащил?

- самого главного... Добрались!

Комлева не убили. Небольсин встретился с ним еще один раз, но уже в другом месте...

Не дай бог никому такой встречи!

* * *

Женька Вальронд спросил у Спиридонова:

- Вы и есть эта самая ВЧК?

- Да. Что вам, гражданин, надобно?

Мичман сел, не дожидаясь приглашения.

- Значит, - спросил снова, - вы и есть тот самый, который карает и так далее?

Спиридонов потянул на шинели своей пуговицу: пора пришить.

- Гражданин, - сказал, - или дело, или выматывай! Вальронд закинул ногу за ногу. Носок мичманского ботинка еще хранил блеск, но подошва была отбита начисто и болталась длинным, несуразным языком, усеянным изнутри гвоздями-зубьями.

- Я взволнован, - признался мичман. - И должен объяснить вам все по порядку...

- Давайте по порядку, - согласился Спиридонов. Женька Вальронд глубоко вздохнул и начал с чувством:

- Весной этого года я провожал одного покойника, слишком для меня дорогого, на кладбище. Была чудесная погода, и душа ликovala в предвкушении близкой выпивки...

- Прощу конкретнее! - остановил его Спиридонов.

- Вот вы, большевики, не терпите лирических отступлений. А ведь это очень важно.

- Некогда, - сказал ему Спиридонов.

- Понимаю. Тогда лирику отодвинем. - Вальронд поднялся и шаркнул по полу оторванной подошвой. - Предлагаю себя Советской власти в качестве кадрового артиллериста. Бог все видит: я, ей-ей, был неплохим плутонговым на крейсере.

- Садитесь. - И Спиридонов усмехнулся забавности этого молодца, - Чем, - спросил он, - вы руководствуетесь в своем желании служить Советской власти?

- Исключительно декретом Ленина.

- Так. А что вы делали в семнадцатом, мичман?

- Да как сказать... - смутился Вальронд. - Семнадцатый год я посвятил

одной немолодой женщине. В толстой книге "Весь Петербург" она значилась как почетная гражданка Санкт-Петербургской губернии.

- Точнее?

- Можно и точнее: я охранял ее имущество от засилия диктатуры пролетариата...

- А ты, мичман, весельчак, - прищурился Спиридонов и подумал: "Мы, наверное, одногодки". - Почему же не обратился ты в губком? В военком? А сразу ко мне?

- Честно?

- Только так и надо.

- Хорошо. Скажу честно. Я решил заглянуть в пасть самого страшного зверя - прямо к вам. Если меня уж и здесь не расстреляют, дальше я как-нибудь и сам выгребусь...

Спиридонов громко расхохотался:

- Это действительно честно сказано... Только вот, товарищ, моря у нас здесь нету. Артиллерии кот наплакал. Да и скажу на твою честность не менее честно: сбежишь ведь!

- Кто?

- Да ты и сбежишь от нас, мичман.

- Куда?

- На Мурман... как и все... к англичанам! Там тебе и море, там тебе и артиллерия. А я тебе даже закурить не могу дать...

Женька Вальронд поспешно стал расстегивать китель.

- Если ты такой бедный, - сказал, - так я тебе дам закурить. - И потянул из-под кителя длинный шнур аксельбанта, перевитый золотой канителью. - Кстати, такой кнут видели? - спросил.

Спиридонов хлобыстнул жгутом аксельбанта по столу.

- Много вас таких, - ответил раздраженно. - Место получают, паек наш едят, а с первым выстрелом - бегут... к своим!

- Бывает и такое, - поддакнул ему Вальронд. - Но вот этот кнут я носил как раз на Мурмане, будучи флаг-офицером связи. Следовательно, я уже имел место. Имел шикарный паек. Но бежал-то я в обратную сторону. И, если хочешь знать правду, то первый выстрел по англичанам - за мной! Вот, полюбуясь...

И он расправил перед Спиридоновым удостоверение, подписанное генералом Звегинцевым, а там было сказано: мичман Е. М. Вальронд командирован флагманским артиллеристом на батареи острова Мудьюг, что расположен на подходах к Архангельску, в личное распоряжение адмирала Виккорста...

- И какое задание? - спросил Спиридонов, напрягаясь.

Ответ Вальронда поразил чекиста:

- Когда британская эскадра пойдет на Архангельск, я должен сделать так, чтобы батареи ни разу не выстрелили.

Спиридонов с минуту сидел молча. Резко встал. Врезал ножом буханку хлеба. Огурец выложил. Два яйца вареных. Соль развернул в бумажке. Подумал - и вытянул из-под стола бутылку с мутной самогонкой.

- Такую марку пьешь? - спросил. - Чем богаты, тем и рады... Ну, а теперь ешь-пей и рассказывай, как до нас добрался. На Мурмане все уверены, что ты отбыл на Мудьюг?

- Да. Отбыл на Мудьюг. А как добрался... смотри! - И с гордостью показал оторванную подошву. - За Кандалакшей мосты уже взорваны. Щебенка острая. Где пешком, где на кобыле, где на подкидыше. Вот добрался. И... что я вижу? - Вальронд взялся за бутылку. - Русский "мартель", просто не верится... обожаю! А ты, отец-чекист, не ковырнешь со мной за компанию?

- И ковырнул бы. Да, понимаешь, некогда.

- Понимаю. Стоишь на страже ревбдита.

- Что это такое?

- Революционная бдительность. Сокращенно! Ваше здоровье...

Не чинясь, Женька Вальронд съел огурец и два яйца, оставив Спиридонова на весь день голодным. Так же исправно осушил полбутылки, но оставался трезв, аки голубь.

- Здоров пить, - заметил Спиридонов.

- Привычка флота. Мы несгибаемые люди... Хочешь анекдот?

- Валяй. Только повеселее.

- Зима в Кронштадте сто лет назад - не приведи бог! И вот доблестные офицеры флота, сильно тоскуя, решили выпить все вино, какое было в Кронштадте. И выпили... за одну ночь! Весь зимний запас вина! После чего участники этой героической пьянки получили особые ордена и стали "кавалерами пробки".

- Ну-у? - не поверил Спиридонов.

- Точно так. Причем винная пробка носилась ими на владимирской ленте. И вот я, просматривая журнал "Русская старина", в числе этих кавалеров обнаружил и своего дедушку... Каково?

- Иди отсыпаться, - сказал Спиридонов, пряча бутылку. Вечером он пришел в казарму бойцов охраны, разбудил мичмана.

- Выйдем, - предложил. - Разговор имею...

Они вышли на крыльцо. Над крышами Петрозаводска ветер ломал

ветви деревьев, березы вытягивались метелками.

- Я думал, ты так... мичман и мичман... А ты, оказывается важная птица с Мурман! Пока ты спал, я позвонил в Петроград, и тебя просят доставить в ВЧК. Так что бери свои бумаги, дрезину я тебе приготовил. И езжай как барин... Ну, будь!

Спиридонов помолчал немного и добавил:

- Хороший ты парень вроде! Только извини, брат, мне велено к тебе приставить конвой...

* * *

Через восемь часов, прямо с дрезины, Вальронд был доставлен на Гороховую, два, в бывшее помещение Санкт-Петербургского градоначальства, где теперь размещалась Петроградская ВЧК. Всю дорогу мичман сильно нервничал. Его сразу же провели в комнату для допроса, и незнакомый человек спросил:

- Ваш переход на сторону нашей армии не обусловлен ли какими посторонними обстоятельствами?

- Нет.

- Не было ли у вас родственников, когда-либо примыкавших к народолюбцам или иным революционным организациям?

- Нет.

- С программой нашей партии и политикой Ленина знакомы?

- Нет...

Человек за столом вздохнул, тяжело и протяжно.

- Что ж, - сказал, доставая бумагу, - тогда приступим по всем правилам... Итак, вы присутствуете перед Всероссийской Чрезвычайной Комиссией. Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной следственной комиссией, не давать нам ответов на те или иные вопросы. Вам также принадлежит право вообще не давать ответов на наши вопросы... Вопрос первый: вы - мичман Вальронд?

- Да, я - мичман Вальронд.

- Вопрос второй: назовите ваш возраст.

- Погодите, дайте сообразить, - растерялся Вальронд. - В Тулоне мне было двадцать пять лет, значит, сейчас - двадцать семь.

- Позвольте так и записать?

- Да, пожалуйста, так и запишите: мичман Евгений Вальронд, в возрасте двадцати семи лет, бывший носовой плутонговый крейсера "Аскольд", бывший флаг-офицер связи при интервентах на Мурмане, явился добровольно для службы на стороне Советской власти...

Глава пятая

Англия, Ньюмаркетский лагерь близ славного Кембриджа, неподалеку Гринвичский меридиан, не менее знаменитый.

Красная черепица коттеджей, красный кирпич офицерских казарм, красный песок на дорожках и строевых плацах, красные розы за изгородью. Офицеры же - белые.

Так все выглядело вкратце. Подробности же таковы.

* * *

Стоило Небольсину ступить на землю Британских островов, как он сразу почувствовал себя устойчивее, нежели на земле Европейского материка. Беспощадная подводная война, которую вели немцы (ее называли "неограниченной"), не смогла довести Королевство до голода, и англичане имели если не всё, то почти всё.

Небольсин был невольно подкуплен распорядком и деловитым темпом жизни на Островах: люди здесь говорили спокойно (и только о главном); каждый англичанин твердо знал свои обязанности; веря в победу Англии, британец был уверен и в том, что его жизнь нужна для этой победы...

Чудеса начались сразу, как только Небольсин сошел с военного парома. Без мотания по кассам, без поисков начальства его быстро провели в нужный вагон, и поезд сразу тронулся. Быстро и бесшумно - без гудков. И никто не бежал за поездом вслед, тряся чемоданами: здесь люди не умели опаздывать.

- Кембридж, Ньюмаркет, - объявила проводница, оторвавшись от чтения газеты, и прямо направилась к Небольсину:

- Вам следует сойти именно здесь. Прошу вас, сэр!

Он был еще страшен и оборван. Но сон продолжался...

Длинный коридор склада уходил вдаль, словно кавалерийская конюшня. И вдоль всего цейхгауза тянулся гладкий прилавок. Виктор Константинович шагнул в прохладу помещения, и сразу женщина сняла с него мерку по талии. Другая вежливо обмерила ему череп. Третья спросила о размере обуви. Тут же ему подогнали по фигуре новую форму, и Небольсин сразу помолодел, подтянулся.

Снова почувствовал себя воином - бойцом великой России. И пусть мундир не русский, а британский френч: не в этом дело, казалось Небольсину, и он с радостью продолжал досматривать этот чудесный английский сон...

Цейхгауз протянулся на полверсты, и казалось, ему не будет конца. Небольсина последовательно снаряжали: наручный компас, пистолет в элегантной плоской кобуре, полевая сумка, офицерский несессер, в котором

было все - от куска туалетного мыла до пилки для подравнивания ногтей.

Вот уже и конец длинного сновидения.

- У русского офицера есть часы? - спросили его в самом конце длинного прилавка.

- Нет, потерял, - сказал Небольсин.

На самом же деле он их проел. И ему дали часы, затянутые сеткой от ударов в бою. На выходе встретил офицера любезный парикмахер, и Небольсин расстался со своей бородкой "буланже".

- Как зачесать вам волосы?

- Пробор...

Ему сделали точный пробор английского джентльмена, указали номер казармы, дружески хлопнули по плечу.

- Теперь русский офицер готов хоть сейчас на Москву.

- Готов, - ответил Небольсин и с забытым удовольствием вскинул руку к козырьку.

- Я буду в Москве... непременно!

Волоча тяжелый парусиновый чемодан, набитый новенькими вещами, Небольсин даже не верил, что это он... Опять он!

В прохладном коттедже казармы высились в три этажа кровати, уже застланные свежим бельем, повсюду царил порядок, гуляли приятные сквозняки, и одинокий хорунжий с босыми пятками играл на гитаре.

Вянет лист, проходит лето,

Иней серебрится.

Юнкер Шмидт из пистолета

Хочет застрелиться:

Пиф-паф!

В паузе между куплетами Небольсин спросил:

- Где будет моя койка?

- Не мешай! - И, шевеля пальцами ног, словно ему сладостно чесали пятки, хорунжий брызнул по струнам. - Слушай, Кембридж, слушай:

Погоди, безумный, снова

Зелень оживится,

Юнкер Шмидт, честное слово,

Лето возвратится.

Чик-чирик!

- Тебе чего? - спросил хорунжий, оставив гитару.

- Где мне придется спать?

- А вон... кидай чемодан на эту. Как раз вчера юноша Чеботарев благородным выстрелом в висок покончил счеты с земной юдолью, и я так

думаю, что сегодня он уже не придет ночевать.

Небольсин закинул чемодан на койку самоубийцы.

- Много здесь наших?

- С тысячу будет. Даже бабы есть. Первый сорт бабы, и что мне в них нравится, так это то, что они с нас за удовольствие деньгами пока не берут... А ты откуда?

- Из-под Салоник? А - вы?

- Я подальше, - ответил хорунжий. - Прямо из Багдада!

- Тоже неплохо, - хмыкнул Небольсин. - А что у вас там было, в Месопотамии?

- Было дело. Как под Полтавой. Мы попробовали соблюдать там единство действий, согласно формуле мсье Бриана.

- И чем закончилось?

- Закончилось тем, что все разбежались. Англичане, конечно, остались. Но мы, гордые сыны великой России, растеклись по миру в изыскании праведных путей в несправедное отечество.

Небольсин присел рядом, тронул тихие струны гитары.

- Да, - призадумался, - проклятые большевики испортили русский дух. Им это еще зачтется... А где же все господа офицеры?

- Где же им быть, как не в баре?

- Оно верно. Я бы тоже выпил... Только - с чего?

Хорунжий подскочил:

- Судя по всему, ты еще фунты от англичан не получал? - Нет.

- Так чего же ты сидишь здесь?

- А чего ты сидишь?

- Я уже свои пропил. Пойдем и пропьем теперь твои...

Нечитайло (так звали хорунжего) потащил Небольсина в канцелярию, где тот незамедлительно обзавелся двумя фунтами, - немалые деньги для начала. Но сон, видимо, еще продолжался: хорунжий подсказал, что два фунта - это только за одну неделю.

- Так что, - сделал он вывод, нежно обнимая Небольсина, - ты не копи денег. Слава богу, дорвемся до матушки-России, там-то уж все будет бесплатно!

В баре пол усыпан чистыми опилками. Вкусно пахнет вином и пивом. Орава пьяных офицеров всех мастей и возрастов встретила Небольсина, как новенького, диким ревом:

- Господа, господа! Штрафную ему... пусть догоняет!

Сильные руки подхватили Небольсина и воздели над головами. Ему всучили большой бокал и стали плясать, опрокидывая стулья и посуду:

- Пейдодна, пейдодна, пейдодна..

Последние капли из бокала Небольсин стряхнул на лысину генерала Скобельцына, и его снова поставили на ноги.

- Рассказывай! Откуда?

- Был в Особой... из Салоник - пешком!

Флотский офицер поцеловал его взасос - пьяным поцелуем.

- Черт! Но откуда я вас знаю?

- Наверное, - ответил Небольсин, - если вы были театралом, то я вам запомнился по сцене. Когда-то я играл.

- Нет. А в Тулоне вы не бывали?

- Бывал. На крейсере "Аскольд".

- Верно, - сказал моряк. - Честь имею: старший офицер крейсера "Аскольд". Мне удалось спастись, и теперь я стал умнее. Теперь, только бы добраться до Сибири, я буду с матросами поступать так: завернул в мешок, запечатал, "Господи, благослови!" сказал и - бух в воду!{21}

Небольсин поднял бокал с вином.

- Сибирь... - И задумался. - Господа, но при чем здесь Сибирь? Нам сначала нужны Петербург, Москва, Киев...

Стаканы звонко брякались о его бокал.

- Нет! Англичане готовят нас для Сибири. Надо слушаться: они лучше нас знают все, что творится в мире. И на Москву мы придем через Урал... Виват! Салют! Урра-а!

Какой-то полковник жарко дышал в ухо Небольсину перегаром:

- Даю вам слово... Точные сведения, я ими обладаю. Скоро адмирал Колчак станет императором - Александром Четвертым, и нам необходимо признать... признать... признать...

- Бредите, полковник?

- Не верите? Так будет... Самые точные сведения!

Из этого пьяного хаоса и сумбура мнений Небольсин (пока он был еще трезвым) уяснил одно: вся эта орава, сбежавшаяся в Ньюмаркет, еще не имеет определенной, четко выраженной идеи. Но зато она имеет цель - борьбу против большевизма, и это Небольсина вполне устраивало сейчас. А потом он напился как свинья и больше ничего не помнил...

Проснулся. Было рано. По белому потолку скользили солнечные блики. Проехал где-то автомобиль. Ветер раздувал кисею занавесок на окнах, и пахло гвоздикой.

- Хорунжий! - хрипло позвал Небольсин дремавшего рядом с ним Нечитайло. - Что вчера было, хорунжий?

- Вчера? - очухался тот. - Вчера ты читал монолог Чацкого, и никто

тебя не понял, кроме моей возвышенной души.

- А как я дошел?

- Мы здесь сами не ходим. Нас водят сержанты полевой полиции.

- Черт! Но я помню, - сказал Небольсин, - что была еще какая-то женщина... рядом!

- Вот видишь, - заметил Нечитайло, - ты крепче меня на выпивку. Ты даже женщин помнишь... А я как дорежусь до полиции, и больше... никогда и ничего!

В казарме пробуждались офицеры.

- Небольсин! Вставайте... Пойдем получать фунты.

- Но я вчера уже получил.

- Неделя-то кончилась. Сегодня можно опять "пофунтить"...

Виктор Константинович отправился в канцелярию, получил еще два фунта (непонятно за что?), и там ему сказали:

- Оказывается, вы еще при Керенском были представлены к званию полковника. Мы проверили - этот приказ затерялся... Позвольте поздравить вас с новым чином, а погоны русского полковника вы можете приобрести в лавке колониальных товаров...

* * *

Скоро англичане забили в барабан, и бар стали открывать только под воскресенье. Юный барабанщик бил на рассветах, будя для занятий; тугая шкура барабана колотила тишину под самыми окнами, взбадривая ленивых. Юные поручики и старые генералы, сварливо ругаясь из-за места в шеренгах, неряшливой колонной маршировали в столовую: завтрак, ленч, обед, ужин, жрать захочешь, так будешь маршировать как миленький...

Был обычный день, и Небольсин в кругу офицеров выскребал ложечкой из стакана остатки компота, когда генерал Скобелыцын выглянул в окно и обозленно крикнул:

- Англичане совсем обнаглели! Еще чего не хватало, чтобы большевиков сажали за один стол с нами...

В столовую вошли: прапорщик женского батальона, скромная девица в гимнастерке, в штанах и обмотках, пышнокудрая, а следом за нею, волоча ноги и опустив голову, - полковник Свищов.

- Свищов! - закричал Небольсин, вскакивая. - Полковник Свищов, как вы сюда попали?

Забыв про еду, Виктор Константинович подошел к столу, за которым отдельно от других - сидели "большевики". Свищов разломил кусок хлеба в тряских пальцах и едва не заплакал:

- Виктор Константинович, скажи хоть ты... Ты ведь меня знаешь! Ну

какой я к черту большевик?.. Спятели они, что ли?

- Вы... арестованы? - спросил Небольсин в полном недоумении и поглядел сбоку на девицу-прапорщика; придвинув к себе тарелку с овощным супом, она стала есть, замкнуто и спокойно.

- Ну да! - рассказывал Свищов. - Меня тут как барана... да хуже барана! И теперь, говорят, отвезут в Сибирь, чтобы сдать тамошней контрразведке. Конечно, англичане рук пачкать не желают. Но какой же я большевик? Вот госпожа Софья Листопад (полковник показал на девицу), она, кажется, и правда - грешит по малости... А я-то при чем?

Небольсин еще раз пытливо глянул на госпожу Листопад. Девушка принялась уже за жаркое. По тому, как она держала нож и орудовала вилкой, Небольсин точно определил, что женщина эта из интеллигентной семьи.

- Полковник, - спросил Небольсин, волнуясь, - но ведь что-то вы сделали такое, что дает право обвинять вас в этом?

Свищов ответил:

- Дорогой мой! Я... устал. И в башке у меня что-то отвинтилось. Я не большевик, нет. Но я считаю, что Ленин поступил все-таки правильно, закончив войну. Я сказал тогда, что мы умеем убивать, но воевать мы разучились. Вот, а мне заявляют, что я проникнут германским духом... что я большевик... чепуха!

Небольсин поднялся над обеденными столами.

- Господа! - объявил он громко. - Я знаю полковника Свищева по фронту как верного солдата России, это ошибка.

Генерал Скобельцын требовательно постучал ложкой:

- Небольсин! Вы не в театре... Сядьте!

Виктор Константинович опять взялся за компот.

- А что с ними будет? - спросил у соседей.

- Поедут с нами на родину. Если нас большевики стреляют, то почему бы и нам не повесить этих... если они большевики?

- И девицу?

Пламенный грузин Джашвили, когда-то сотник из конвоя его императорского величества, сверкнул отличными зубами.

- Па-а-алнагрудый батальон... - сказал со смехом. - Дали бы ее мне, и я бы мигнул казачатам. В кусты - хором ее! Забыла бы думать про свой большевизм.

Небольсин вспыхнул:

- Сотник! Вы не имеете права говорить так о женщине, о русской женщине, которая в час опасности для родины встала под знамена и надела

эту серую солдатскую гимнастерку!

- Все они... - выразился Нечитайло, и Небольсин понял, что напрасно будет метать бисер перед свиньями: здесь отношение к женщине только одно...

За отдельным столом, отобедав, поднялись двое - всеми презируемые полковник Свищов и прапорщик женского батальона; отвратительно шаркал ногами униженный полковник, и совсем спокойно прошла девушка... На фоне солнечно распахнутых дверей, среди красных бутонов шиповника, она вдруг показалась Небольсину удивительно женственной, и даже эти обмотки на ногах ничуть не портили ее облика.

- Как ее сюда занесло? - спросил он.

- А черт ее знает... Вон, вон! - стал показывать Нечитайло. - Видишь, катится сюда бочка с фамилией под стать бочке, Бочкарева Машка, это и есть командир бабьих "ударников", которая охраняла Керенского... Бежала сюда через Финляндию!

- А что она здесь делает?

- Э-э, брат, ты нашей Машки еще не знаешь. Наша Машка получает от англичан фунтиков больше нас с тобой. Хотя мы, брат, всю войну фронт держали, а она даже Зимнего дворца удержать не сумела... Взял бы я ее за ногу да размотал как следует!

С другого конца столовой вошла толстая накрашенная молодуха с широким лицом крестьянки; на выпуклой груди ее бренчал бант солдатских Георгиев. Взглядом, тупым и упорным, она обвела лица офицеров, которые помоложе. Джиашвили, пламенный грузинский дурак, подбоченился, как для свадьбы...

Эта сцена отдавала чем-то порочным, и Небольсин отвернулся.

- И за что же она получает больше нас? - удивился он.

- А за то, стерва, что ведет здесь, в Англии, как крестьянская демократка, агитацию за активное вмешательство союзников в дела России. Может, ей и надо платить побольше... Об этом, Небольсин, спроси не у меня, а у министра Черчилля! Мы умеем только убивать, и за это нам - два фунта... Спасибо! Мы люди не гордые, берем не отказываясь.

* * *

Немецкая армия уносила из России в свой родной фатерлянд не только шпик, холстину, уголь и сало, - под стальную каску Фрица запала мысль о солдатских Советах, сама идея обращения войны империалистической в войну революционную.

Перелом в борьбе на Западном фронте уже обозначился - резко, и до Ньюмаркета, где несуразным скопищем засели русские белогвардейцы,

доходили слухи, что фронт надвигается на Германию, что немцы уже сыты войной по горло и кричат тем, кто еще сидит в окопах: "Штрейкбрехеры! Вам мало досталось?.." Как ни странно, настроение от этих вестей в Ньюмаркетском лагере было подавленное.

- Мир воспрянет! - говорил со злостью. - Но что Россия? Ограбленная, голодная, изнасилованная, - ей не бывать на пиршестве всеобщей победы. Большевики свой мирный пирог слопали еще в Брест-Литовске, и Россия разодрана на куски.

- Вешать, вешать! - горячо ратовал Джашвили. - К чему разговаривать, надо вешать... Это очень хороший способ!

По вечерам жутко и мрачно резались в карты. Озлобленно шмякали на стол истерзанные картишки. В соседнем коттедже однажды раздался выстрел прихлопнули шулера. Англичане начали следствие. Но офицерская община рьяно вступилась:

- Не лезьте в русские дела! Еще чего не хватало, чтобы вы нам указывали - кого можно, а кого нельзя убивать. У нас свои законы российские: за шулера нам ничего не будет...

Сон - волшебный сон! - постепенно рассеивался, и Виктора Константиновича мучила тоска. Он сделался нелюдим и резок. В один из дней английский комендант лагеря объявил, что охрана большевиков - дело самих русских: пусть они и несут посменно дежурство. Однако желающих дежурить не находилось.

Долго препирались в коттедже:

- А ну их к бесу - не убегут. Мы, русские офицеры, не станем унижать себя полицейскими обязанностями. Это нам не пристало... Хорунжий, чего задумался? Рвани злодейскую!

Нечитайло - уже хмельной - вскинул гитару, сипло запел:

Ей чернай хлэб в абэд и ужын

Ея штраштей нэ усыпыт,

Ей па-а-ачелуй горящий нужэн...

И вся ватага дружно подхватила:

Но нэ в крэдыт,

Но нэ в крэдыт...

Небольсин размашисто спрыгнул с койки.

- Ладно, - сказал. - Я пойду... навещу Свищова. Англичане не держали арестованных за решеткой. Две уютные комнаты, почти дачные, с выходом в садик: в одной Свищов, в другой - Софья Листопад. К девушке Небольсин, конечно, не зашел, - для начала заглянул к полковнику. Свищов лежал на постели, не сняв обуви, расшвыривал окурки по всей комнате.

- Как в душе, так и вокруг, - сказал он, мутно глянув на Небольсина. Не подбирай, черт с ними... Когда меня станут увозить, я нагажу им в этом углу громадную кучу. Пусть все знают полковника Свищова, который этого англичанам не простит... А ты чего? Чего пришел?

- Да ничего, - ответил Небольсин. - В казарме тоска смертная. Играют. Поют ерунду какую-то. Вот и... пришел.

- Охраняешь? - насупился Свищов. - Не стыдно тебе?

- Стыдновато, - сознался Небольсин. - Но я, слава богу, не хожу вдоль забора с винтовкой. Я пришел как товарищ.

Кряхтя, полковник Свищов поднялся и сел.

- Небольсин, - спросил, - что же это будет с нами... а?

- С тобою выяснится.

- Пока еще до Сибири доберемся... Дай спичку!

Он раскурил папиросу и ткнул пальцем в стенку.

- Витенька, - спросил шепотом, - а вот ее-то как?

- Жалеешь?

- Да так... чисто по-мужски. Все-таки баба! Пропадет по тупости... Ты зайди к ней потом. Она - дикая.

- Мне нравятся дикие.

- Тише ты! Стенка тонкая. Она все слышит...

...Позже Небольсин все-таки зашел к госпоже Листопад.

- Чаю хотите? - предложила девушка. - Я вчера купила электрический чайник. Это смешно, правда? Еду сама не знаю куда, а так уж устроен глупый человек, что обрастает всякими житейскими ракушками... И зачем мне, спрашивается, этот электрический чайник, если в Сибири нет электричества?

В комнате, похожей на келью, царил порядок, присущий русской курсистке: все чистенькое, прикреплены к стенам портреты (тут и неизбежный Блок, со взглядом прокуратора, и Диккенс, и Максим Горький в мятой шляпе). Небольсину вдруг стало так стыдно, так неловко за вторжение, что он растерялся и понес какую-то солдафонскую чепуху...

- Ах, опять эта казарма... - поморщилась Соня. - Отчего вы, офицеры, не бываете естественны? Что за тон?

- А что вы хотите от фронтового офицера?

- Вы мне так не говорите, - ответила девушка. - Декабристы прошли с боями от Бородина до Парижа. Но они после фронта стали... декабристами, а не пошляками!

- Другое время, - ответил Небольсин, поникнув.

Мимо окон коттеджа в пудовых сапожищах протопала Машка

Бочкарева, а за нею быстроногой ланью пронесся по клумбам нежно-пламенный грузин Джиашвили, соблазнительно напевая:

Весь мир - гостиница, Динжан,
А люди - длинный караван;
Придут - уйдут, придут - уйдут,
Придут - уйдут, придут - уйдут...

- Хи-хи, - ответила "ударница" Бочкарева из кустов жасмина, и все эти звуки, долетавшие в чистоту этой комнаты, налипали на душу, словно грязь...

С большим опозданием Небольсин решил постоять за себя.

- Извините, - сказал, - но я офицер не кадровый. Вы правы, однако: налет этой жизни еще долго будет сходить с меня слоями, словно парша с негодной собаки. - Подумал и добавил: - Я верю: жизнь была бы невыразимо прекрасна, если бы на земле не было человека...

- Как можно?! - ужаснулась девушка.

- Можно! - дерзко отвечал Небольсин. - И не делайте, пожалуйста, таких больших глаз. В жизни каждого бывают моменты, когда он ненавидит все человечество! Вот такой момент как раз переживаю и я. И я не прошу у вас прощения.

- Не надо, - сказала она.

Молчание стало тягостным, и Небольсин заговорил дальше:

- Я ведь когда-то жил очень хорошей и разумной жизнью. Были вот на Руси интересные квартиры... Да, не надо этого слова избегать. Именно не семьи, а - квартиры. Семья - это нечто обособленное, замкнутое. А когда человек владеет квартирой и открывает ее для всех, кто обладает оригинальностью ума и сердца, тогда...

- Вот у моего папы в Москве как раз и была такая квартира, - сказала Соня. - Я все-таки поставлю чай...

Они пили чай с неизбежным в Англии джемом. Небольсину было очень уютно, и тонкие руки Сони двигались над столом, как взмахи крыл. И он невольно рассмеялся, смутившись.

- Знаете, Соня, ведь это впервые за четыре года я пью чай вот так хорошо и спокойно. Чистая скатерть, присутствие женщины, запахи увядающего сада... Не хватает нам с вами только России! Вы, значит, москвичка?

- Да. Я работала в лаборатории на фабрике гирь и весов Арндта и компании. Может, знаете? Это на Большой Дорогомиловской... Очень хочу в Москву, просто - очень!

Сцепив пальцы, она отвернулась. Кажется, слезы подступили к ее

глазам. Небольсин смотрел, как печально провисли на узких женских плечах погоны прапорщика, и думал: "Ведь мы везем ее в Сибирь, чтобы убить... Так ли уж надо нам это?"

Девушка подняла лицо:

- Простите, господин полковник. Вы сами по себе, может, и очень милы. Но по вечерам до меня доносятся ваши голоса, ваши угрозы народу. Вы говорите о России как о каком-то преступнике, которого надо пороть. Убивать... Вешать... Разве не так?

- Пожалуй, вы правы, - согласился Небольсин. - Мы судим о народе резко. Но вы должны понять и нас. Четыре года, в крови и навозе (он содрогнулся), и после этого... Куда? Куда нам идти? Россия нас отвергла. Европа прокляла. Что мы способны еще сделать? Только одно: ворваться в отечество - с бою! Вот за этим мы и собрались здесь. Мы действительно очень злы. Но народ нужно спасти.

- Народ, - сказала ему Соня, - это еще не сумма людей одинаковой национальности. Народ - это скорее сумма идей одного направления. Сейчас идея такая есть - идея создания первого в мире народного государства. И вам не удастся задушить эту идею!

Небольсин промолчал. "Бедная, она не знает, что ее ждет..."

- Ходят слухи, - сказал он потом, - что скоро в Ливерпуль придет какой-то таинственный пароход и первую нашу партию отправят путем Фритьофа Нансена - вокруг России северным маршрутом, через льды... Вы любите путешествовать?

- Люблю, - улыбнулась она. - Это, наверное, будет увлекательное путешествие... во льдах! И как жаль, что льдами все и закончится. Я ведь, господин полковник, хорошо понимаю англичан: там, в Сибири, со мною сделают то, чего англичанам нельзя сделать у себя на родине...

- Я надеюсь, - сказал Небольсин, подымаясь от стола, - что благоразумие восторжествует. Все обойдется. Благодарю вас за чай, и позвольте пожелать вам спокойной ночи. Всего доброго!

В коридоре ему встретился Свищов, без мундира, в подтяжках.

- Чего же кровать не скрипела? - спросил, хихикая. Небольсин щелкнул кнопкою на перчатке.

- Полковник Свищов! Хотя вы и мой товарищ по фронту, но в следующий раз за подобные намеки я, простите меня великодушно, дам вам...

- По морде? - спросил Свищов.

- Нет. По харе! - поправил его Небольсин.

* * *

Ледокол "Соловей Будимирович" пришел в Ливерпуль, и белых офицеров стали распахивать по палубам и каютам. Близился уже конец войны в Европе, но для них война еще только начиналась - война гражданская, война братоубийственная. Ледокол был давно захвачен англичанами, команда на нем была латышская, а ходил он по морям под флагом Украинской рады (в те времена в Стокгольме размещалась ярмарка кораблей - там продавались и покупались суда русского и военного флота).

В отсеке фор-пика разместили арестованных: Свищова и Софью Листопад. В ожидании "добра" на выход ледокол стоял очень долго на швартовых. Капитан беспокоился: навигация подходила к концу, как бы их не затерло льдами за Диксоном.

- Чего ждем? - волновались офицеры.

Оказывается, ждали даже не погоды. Радиотелеграф принес из далекого Омска известие потрясающее: власть директории была свергнута, и над Сибирью выросла щуплая фигура человека в адмиральском мундире, - это пошел на Москву адмирал Колчак!

Тогда пошел и ледокол "Соловей Будимирович". Впереди дальний путь за Диксон, потом из низовьев Енисея спуститься на баржах, прямо в армию, прямо в бой, чтобы через хребты Урала, минуя Ярославль, шагнуть в златоглавую и первопрестольную...

А сейчас мы снова возвратимся на русский север - в самый разгар лета 1918 года.

Глава шестая

Сразу нашлось дело и Павлухину, когда в Архангельске появился этот человек с узким лицом природного интеллигента, с бородкой, в полувоенном костюме, скромный и проницательный; большевик с большим стажем, издатель трудов Ленина, узник царских крепостей - Михаил Сергеевич Кедров! А весь служебный аппарат, который Кедров привез с собою в Архангельск для установления здесь диктатуры пролетариата, назывался несколько громоздко и странно для многих: "Советская ревизия народного комиссара М. С. Кедрова".

Ревизия началась как раз с того, на что больше всего зарились интервенты в Архангельске, - с многомиллионных запасов оружия, военной техники, различных порохов и обмундирования. Даже окинуть взором эти гигантские хранилища было невозможно, - нужен был самолет, чтобы облететь всю грандиозную панораму складов, и Кедров сказал:

- И все это валяется здесь? Под дождями, под снегом? При том ужасном положении внутри страны?.. Начнем вывозить. Павлухин, тебе, как парню боевому, с бескозыркой набекрень, придется для начала

подрататься с иностранцами, которые гуляют здесь как у себя дома...

Дело было ответственное и сложное, ибо склады заборов не имели, замки можно было пальцем расковырять. И лазали здесь, среди порохов и техники, кто угодно: англичане, французы, румыны, белополяки, американцы. Брось спичку - и фукнет так, что от города плешь останется. Бывший генерал Самойлов, которого Кедров назначил командующим всеми сухопутными и морскими силами, внес поправку - совсем неутешительную.

- Ты ошибаешься, - сказал он Павлухину, - если думаешь, что плешь от тебя останется. Случись взрыв - и земля Архангельска, вместе с домами, уйдет к небесам, а на это место выплеснет Белое море... Россия просто не будет больше иметь такого города, как Архангельск! Понял? Ну так торопись...

Торопились: денно и ночью громыхали составы, вывозя в Котлас и на Сухону взрывчатку - первым делом взрывчатку! Ревизия Кедрова задыхалась без людей: большевиков в Архангельске было мало, а Центр, словно назло, высылал на подмогу специалистов, которым нельзя было верить. Но - за неимением других - приходилось работать и с этими. Угроза взрыва подгоняла людей, и создавалось в городе странное положение: коммунисты рука об руку работали в эти дни с офицерами, среди которых было немало белогвардейцев. Особенно старался капитан Костевич - один из лучших артиллеристов России. Комиссар Кедров выхлопотал ему в Москве даже премию в три тысячи рублей...

- Армию! - настаивал Самойлов на собраниях губкома. - Надо создавать армию посредством строгой мобилизации!

А вот армию было не создать. И случалось так, что не командиры командовали полками, а полки командовали своими командирами.

Когда разгрузили склады, вывезя из них главное, Павлухину дали 1-й архангельский батальон - как комиссару. Он явился в казарму, увидел кислый сброд и стал подтягивать людей, но ему сказали - вполне авторитетно:

- Чего шумишь? Ты нашего беспорядка не нарушай... Кончилось все это бунтом, стихийно ставшим антисоветским.

Батальон разоружали, чистили, снова вооружали. И снова он был на грани возмущения. Армии не было. Обратились за помощью в Петроград, и оттуда прислали конный эскадрон ингушей из "дикой дивизии"; командовал этим эскадроном ротмистр Берс - весьма нахальный тип, выдававший себя за левого.

- Я левый! - говорил Берс убежденно, но какой "левый" - времени

тогда разбираться не было.

Прибыл из Петрограда и опытный штабист полковник Потапов, работавший еще при Керенском военным советником. Ему поверили - и Кедров, и Самойлов, и гарнизон. Не верил Павлин Виноградов.

- Птичка, - говорил Виноградов, - упорхнет...

Потапов сразу же удалил Павлухина из батальона.

- Вы не умеете руководить людьми, - сказал он.

Это было обидно, но отчасти и справедливо. От казармы у Павлухина осталось мерзостное впечатление; один запах портянок приводил его в бешенство. Чистоплотный, как большинство матросов русского флота, он не выносил смрада полковой кухни, роскошных чубов, завитых щипцами, вечернего кобелячества и утреннего похмелья... "Это не армия!"

Вопрос о создании армии в сотый раз перемалывали на собраниях.

Самойлов стоял на своей точке зрения - еще старой:

- Армия нужна не такая, что кто захотел - тот и пришел. Не волонтеры! Нужна армия по мобилизации...

Убедил. Объявили мобилизацию.

Военком Зенкович доложил:

- Товарищи, в армию никто не идет.

- Нужно взять, - жестко ответил Виноградов.

Когда попробовали взять, начались бунты. И самое опасное волнение - в Шенкурске. Правда, к бунтам уже привыкли: Архангельская губерния по числу антисоветских восстаний занимала первое место в Союзе коммун Северной области. Изнутри губернию подымали на бунт, словно дрожжи густую опару, эсеры различных оттенков - как правило, из народных учителей; сами вышедшие из мужиков, они пользовались громадным авторитетом в деревне.

Час решающего удара был уже близок, и в один из дней бывший генерал Самойлов поднялся за столом губкома:

- Одно сообщение. Короткое. Позвольте?

Ему дали слово, и он объявил:

- Сегодня на рассвете мне снова предложили с Мурмана предать оборону Архангельска и перейти на сторону интервентов. Причем переговоры со мною вел опять генерал Звегинцев.

Кедров помял в руках бородку, спросил одним словом:

- Когда?

- Не знаю, Михаил Сергеевич, - ответил Самойлов. - Генерал Звегинцев не дурак, и он, конечно, не проговорился о сроках наступления англичан.

- Хорошо, Алексей Алексеевич, - сказал Кедров. - Товарищи, продолжим совещание...

А после совещания стремительный Павлин Виноградов нагнал Павлухина в коридоре исполкома.

- Собирайся, - велел. - Начинаем отбирать землю у попов. А в Шенкурске восстание растет. Боюсь, что снова придется подавлять силой оружия. Эсеры люди крутые...

Выехав в губернию, Павлухин не утерпел и на часок заехал в Вологду, чтобы повидать Самокина.

Когда Савинков - вслед за чехами - поднял восстание в Ярославле, Муроме и Рыбинске, эсерам не удалось перекинуть искры пожара на вологодские крыши, - планы сбились: англичане еще не высадились в Архангельске, и мятеж был подавлен.

- А у нас в Вологде, - рассказывал Самокин, - не как у вас: здешний рабочий встал как стенка. Из пушки не прошибешь! Не посмотрели, что и послы под боком. Ввели осадное. Ходить по улицам не смей, как стемнело между волком и собакой. Вот и не удалось им притащить Вологду к Ярославлю!

- Ну, а дипломаты? - спросил Павлухин.

- Сидят?

- Сидят. Как гвозди.

- Ну, и что дальше?

- Ничего. Мы люди вежливые, гостеприимные. Потихонечку мы их из Вологды выдавливаем. Засиделись, мол, пора и честь знать...

- А куда их? В Москву выдавите?

Самокин провел по усам.

- С ума ты сошел! - ответил Павлухину. - Как можно дипломатам указывать? Это народ особый: куда хотят, туда и поедут... Так вот, в Москву-то они, кажется, и не собираются. Им сейчас, на мой взгляд, больше архангельский климат подходит. Теперь, Павлухин, положение создалось такое: миссии заявляют, что они и согласны бы убраться отсюда, но, понимаешь, говорят так, что нету у них прислуги, которая бы чемоданы им увязала. Дотащить дипбагаж до вокзала тоже ведь нелегко.

Самокин говорил без улыбки, но за всем этим скрывался юмор. Тогда Павлухин встал и поплевал себе на ладони:

- Такелажное дело знакомо. Хочешь, я им помогу? Черт с ним, даже на чай не возьму, а все сундуки допру до вагонов!

- Не надо. У меня уж есть бой-команда. Из балтийцев! Коли нужно, так они из-под черта голыми руками горящую печку вынесут. Придет срок, и

они мне этих дипломатов - как пушинку... На воздушных! Даже земли не дадут ногами коснуться! Выпрут!

В разговоре со старым другом Павлухин рассказал о поручении, какое ему выпало: наблюдать за раздачей поповских земель тем, кто мобилизован в Красную Армию...

Самокин поразмыслил.

- Ты это серьезно? - спросил.

- Вполне.

- А кто поручил тебе это?

Павлухин назвал Павлина Виноградова.

- Павлина я знаю. В его преданности никто не сомневается. Но он слишком горячий человек. И рубит зачастую сплеча... То, что он тебе посоветовал, политическая ошибка. Дом горит, а он шапку примеряет. Не выполняй этого приказа, Павлухин!

- Теперь я тебя спрошу, Самокин, - ты это... серьезно?

- Вполне. Когда в России делили громадные пространства помещичьих угодий между крестьянами, это имело революционную цель. Это доказывало народность нашего дела. А теперь оцени положение здесь... Помещика в этих краях и во сне не видели. Барства никогда не знали. Тебя, как большевика, будем говорить прямо, они не уважают. А священника - да, уважают. И у попа... Ну, сколько у попа земли? Как у богатого мужика, - верно ведь? Не больше! И вот является такой Павлухин в бескозырке набекрень и начинает делить... А кто ты такой? Не веришь ты мне? Тебе кажется, что Самокин осторожничает? Что ж, я могу ответить тебе: мы во многом совершаем ошибки. Мы, свершив великую революцию, торопимся в один месяц сделать все то, что можно спокойно разложить на труд целого поколения. От этого и ошибки, и левизна. И... кривизна! Хорошо, - закончил Самокин, - попробуй делить. Я посмотрю, что у тебя получится.

Распростились они холодно.

- На всякий случай - прощай, - сказал Самокин. - Я занят. Кручусь как белка в колесе... Вот и сейчас надобно подготовить здание для приема Кедрова и штаба Самойлова в Вологде.

- Как? - удивился Павлухин. - Из Архангельска... сюда?

- А вот так и будет. Положение сейчас аховое. Штабы переносятся в Вологду. А дипломаты - в Архангельск. Мы ближе к Москве, они ближе к интервенции. И когда пробьет час - еще неизвестно. Но как только моя бойкоманда начнет вязать чемоданы дипломатам, значит - петушок пропел: война...

...Скромная церквушка на косогоре, а возле раскрытых дверей ее - три

гроба, плохо оструганные. Павлухин соскочил с телеги, снял бескозырку, подошел.

- Вечная память! - сказал. - А что тут случилось?

- Да топорами один другого перестукали.

- За что же?

- Да приказ такой вышел: поповскую землю делить... Вот они и поделили ее. Каждому теперь ровно по аршину досталось.

В одной деревне поповскую землю забрал себе богатый мужик, и пришлось трясти наганом, забирая ее обратно. А в другой деревне - сразу пять дезертиров из Красной Армии (узнали, что им земля полагается, и рванули по домам, только пятки засверкали); Пришлось Павлухину забрать у них и землю и винтовки. И теперь вся мужицкая жадность, вся ее тщета и злоба, до времени затаенные под спудом кулака станового пристава, вдруг прорвались наружу. Павлухин понял, что Самокин был прав: раздел поповских земель взбаламутил губернию, посеял раздоры, и это как раз в такое время, когда вот-вот жди удара...

А еще в одной деревне - девушка, с глазами синими. Дочь священника. И сам священник - старенький попик захудалого прихода.

- Ну, рвите! - сказал он Павлухину, чуть не плача.

А на полках - книги юной поповны: Чернышевский, Пушкин, Есенин, Герцен и Плеханов... "Как рвать?" Павлухин вырос в деревне, ему с детства памятли леса и поля вымершего рода дворян Оболмасовых. Там - да, было что делить! А здесь...

Дочь священника сбегала на огород, нарвала луку с грядки, сбрызнутой веселым дождиком.

Павлухин взял ложку и склонился над ботвиньей.

- Я неверующий... - буркнул, потупясь.

- Я тоже, - сказала девушка, и глаза ее полыхнули такой яркой синью, так глубоко запали в душу.

- А я верующий, - произнес попик. - Бог все видит. Рвите!

- Ну и бог с вами, - ответил Павлухин. - В деревне без огорода разве проживешь? Я понимаю...

С киота он перевел взгляд на книжную полку.

- А вы любите классиков? - спросила девушка.

- Уважаю, - ответил Павлухин. - Даже очень уважаю.

- Странно, - заметила поповна. - А вот до вас был один большевик тут. Так он говорил, что все классики дворяне и коммунисту читать их не к лицу.

- Так он дурак был! - сказал Павлухин и закусил краюху.

- Не уверена... - задумалась поповна.

Попик подкрутил фитиль лампы, чтобы виднее было, и спросил матроса в упор:

- Ты мне, полосатый, зубы тут классиками не заговаривай. Отвечай как на духу: когда рвать станешь - утром или поужинав?

- Да не буду я вас рвать. Чего мне рвать-то?

И попик дунул под стекло лампы:

- Тогда неча керосин прожигать. И так отвечаешь... Ложка не ружье, не промахнешься, чай, стреляя!

А вот стрелять Павлухину в этой поездке пришлось. Причем стрелял в Шенкурске, в эсера Ракитина, которого знал по собраниям в Архангельске, и даже пива однажды вместе по две кружки выдули...

Сейчас встретились на улице.

- Чего шумите?.. Вы, шенкурята! - спросил Павлухин.

- Ах это ты, большевистская шкура! - ответили ему.

И за словами - трах, трах. Мимо... Павлухин достал наган, рванул по ногам... По ногам! По башке боялся - все еще думал: может, ошибка? может, пьян? может, не надо?..

Пришлось удирать из уезда. Приехал в Архангельск, а там штабы уже собирались в дорогу. Главное командование в городе поручалось полковнику Потапову. А поручик Дрейер при встрече шепнул Павлухину по секрету:

- Не проболтайся. Мы уже ледоколы готовим к затоплению на фарватере. На случай, если они пойдут...

- Неужто?

- Молчи. Своими же руками на дно пустим. Здесь кругом предатели. Но не пойман - не вор. Вчера вывалили мины на фарватере, а разве можно ручаться за адмирала Виккорста, что он не передаст плана постановок англичанам?..

Павлухин забежал в исполкомовскую столовую, глотал, обжигаясь, раскаленные постные щи; и такие же щи ел за другим столом народный комиссар Кедров; подальше сидел ротмистр Берс ("левый") и тоже хлебал щи. А в душе Павлухина, словно незабудки, долго цвели синие глаза юной поповны...

Берс передвинул к нему свою тарелку.

- Откуда ты? - спросил.

Павлухин рассказал о поездке, пожалел поповну.

- Такая тоска там, - сказал, - хоть вой... Жалко мне ее!

- А знаешь, что говорят коммунисты? - спросил его Берс, показывая в

улыбке отличные зубы. - Тебе, как большевику, любая панельная шлюха должна быть ближе и роднее, нежели дочь служителя религиозного культа... Осознал?

- Осознал. - И Павлухин дал Берсу по морде.

Берс оказался человеком выдержанным. Он только огляделся по сторонам не заметил ли кто его позора? Нет. Кажется, не заметили. И ответного леща давать матросу не стал. Он сказал Павлухину так:

- Стоит мне чирикнуть моим ингушам, и тебя изрубят на куски. А мясо твое, Павлухин, завтра же продадим в лавке, а выручку прогуляем в ресторане "У Лавалей"... Ты это учитывай!

Было ясно, что "выручка" - самое насущное дело в карьере ротмистра Берса, гордого своим родством с одним очень знаменитым на Руси писателем. Впоследствии эта "выручка" обрела трагический смысл в судьбе самого ротмистра Берса и в судьбе Архангельска, совсем недавно ставшего советским городом...

Так складывались дела. Неважно они складывались.

* * *

Ледокольный буксир с отрядом латышей и архангельских коммунистов шпарил по волнам, отчаянно дымя. Миша Боев, сидя на мостике, играл на гармонии вальсы, и музыка - вся в дыму - так и отлетала за корму вместе с угаром дыма. Командовал буксиром старый заслуженный помор-шкипер по имени Элпидифор Эккезиастович, - не сразу выговоришь.

- Ты для меня, отец, будешь просто "батькой", - рассудил Павлухин, - я тебе по возрасту в сыновья гожусь.

- Оно и ладно, сынок, - согласился шкипер и спустился в каюту, где как следует насосался рома...

Это были дни, когда англичане уже вышли к Сороке, спустившись с Мурманска к югу вдоль полотна железной дороги. И уже блуждали возле берегов таинственные, как призраки, корабли.

Буксир кувырало на зыби, он тяжело плюхался во впадины между волн своим круглым, как пузатая миска, днищем. Его давно не чистили в доках, и он переползал сейчас по воде, волоча за собой длинные бороды водорослей. Одинокая пушка "гочкиса" сверлила мутное пространство. Миша Боев крепко спал на мостике, раскинув ноги и руки, а гармонь ползала по решеткам, то сжимаясь, то растворяясь мехами. На рассвете, где-то далеко за Яграми, на траверзе солеварен Неноксы, заметили странное судно.

Павлухин протер линзы бинокля: флаг не "читался". Но когда "прочел" расцветку, то совсем ошалел - государства с таким флагом он не знал, и

"Своды" не давали ответа...

- Эй, батька! - заорал Павлухин, и первым проснулся Миша Боев, застегнул гармонь на ремешок.

- Чего орешь? - сказал.

- Да вон, видишь... Какой-то иностранец ползает!

Вылез ромовый "батька" из люка, аки домовый из погреба.

- Шибко авралишь, сынок. Мы ведь не пьяные...

- Эвон! - показал Павлухин. - Что это за коробка, знаешь?

Старый шкипер взгляделся в рассвет:

- Это "Святой инок Митрофан" под флагом флотилии Соловецкого монастыря. Флаг у них тоже святой: под ним монахи богомольцев до угодников Зосимы и Савватия перевозят.

- Кажись, не время сейчас молиться, - заметил Миша Боев. Дали позывные гудки - никакого впечатления. На "Святом иноке Митрофане" никто даже не почесался.

- Эй, на "гочкисе"! - велел Павлухин. - Один - под нос!

Да наводку поточнее: не в нос, а под нос... Жарь!

Выстрелом под форштевень разбудили и тишину моря и "Митрофана". С мачты корабля убрали монастырский флаг и подняли взамен другой - еще императорский, трехцветный.

- Пугаются ребята, - причмокнул Павлухин. - Ну-ка, сигналец отмахай им, чтобы начальство на борт прибыло.

- Давай! - сказал сигнальщик, сорвал с головы Павлухина бескозырку, в другую руку свою бескозырку взял и ими, вместо флагов, отмахал грозный приказ... Подействовало!

Подгреб вельбот, а в нем - монашек, хиленький.

- Элпидифор Экклезиастыч, какого тебе хрена надобно?

- Какой флаг? - спросил Павлухин, перегибаясь с мостика.

- А какой тебе надобно? - ответили ему с воды. - Большевики еще не удрали с Архангельску?

- Да нет. Не удрали.

- Тогда погоди, милок, самую малость. Мы тебе красный до нока реи подыдем. Жалко, что ли? У нас все своды имеются.

- Стой! - задержал Павлухин отходящий вельбот. - Пойдем на вашу лоханку вместе с нашими шлюпками...

Высадили десант. В кубрике, вперемежку с матросами-монахами, почивали соловецкие "богомольцы" - английские солдаты и один офицер. Пришлось их разбудить.

- Эй, Антанта! Вставай... заутреня началась!

Пленных выстроили на палубе. И тут один англичанин подмигнул Павлухину - дружески, как приятель. Павлухин сразу вспомнил Печенгу, объединенный десант и этого парня: они вдвоем тащили тогда в бухту на куске парусины разорванного пополам матроса. И сейчас мигнул ему англичанин - как другу:

- Хэлло, камарад!

Павлухин почесал светлую, выгоревшую на солнце бровь.

- Как бы это тебе сказать? Тогда союзничали - можно было и руку пожать. А теперь, брат, не камарады мы с тобой...

Это были первые англичане в Архангельске.

- Всех их в Москву, в Москву! - говорил Павлин Виноградов.

Этого простить большевикам было никак нельзя, и в кабинет Павлина Виноградова пылящей бомбой, которую зарядил наверняка посол Нуланс, ворвался его консул Эберт. Он протестовал!

Виноградов спокойно ответил, что этот дипломатический выпад является вмешательством во внутренние дела Советской Республики. При разговоре были свидетели. И тогда Эберт - при свидетелях же! - ответил Виноградову такой дипломатической резкостью, которая более смахивала на хамство.

Эберт сказал ему:

- Скоро вы, как представители Советской власти, ответите за все перед трибуналом той страны, которая завтра придет в Архангельске к власти!

Наступила тишина... Эберт ждал. Поблел и ждал.

- Господин консул! - прозвенел голос Павлина Виноградова. - Аудиенция окончена! Прошу вас навсегда оставить зал исполкома!

И, забежав вперед, весь в горячке нетерпения, Виноградов пинком распахнул двери перед французским консулом... Война объявлена!

Глава седьмая

Недавно прибыла группа офицеров - потрясенных!

Они не ушли из Гельсингфорса, когда большевики уводили оттуда корабли Балтики через лед в Кронштадт, они остались, и им было суждено пережить там позор и унижение от захватчиков - немцев и егерей барона Маннергейма. Эти офицеры, по-своему понимая воинский долг, каким-то чудом (почти невероятными усилиями) вырвались из германской зоны в Мурманск - поближе к союзникам.

Вот они: юнцы мичмана и пожилые морские волки, левые и правые по своим воззрениям, холостые и женатые, - они чуть не плакали, увидев над рейдом флаги своих добрых союзников. Как они были счастливы пожать руку британского офицера, с каким волнением они говорили сейчас по-

английски.

- Мы счастливы, - слышалось повсюду, - мы снова чувствуем себя дома, в кругу старых друзей...

Всех этих офицеров гуртом отправили в кают-компанию "Аскольда", очевидно, нужен был политический противовес для команды, настроенной пробольшевистски.

Запомни этих офицеров, читатель! Они очень искренни сейчас, их словам можно верить. Потрясенным позором Гельсингфорса, им уже приготовлен позор именно здесь... в Мурманске!

Сущего пустяка не хватало сейчас англичанам - повода. Ибо хорошо известно: англичане - джентльмены, они не бьют в морду без повода, как это делают иногда русские, - по дружбе, по вражде, просто за выпивкой. Но дай англичанам только повод, - и они тебя ударят. Причем мастерски ударят...

Изба-пятистенка (бревна в обхват) стояла на склоне горы: несколько комнат, оштукатуренных изнутри. В холодных сенях, где приходящие вешали пальто и снимали галоши, всегда в готовности две бочки морошки с Айновых островов (именно с этих островов издревле шла морошка к столу царя и его семейства - очень крупная, очень чистая). Здесь, в этой избе-пятистенке, селился управляющий делами краевого совдепа Басалаго.

Сейчас лейтенант сидел за столом, без кителя, в свежей сорочке, и листал последнюю сводку. Итак, интервенция на Мурмане проходит удачно. Уже созданы военные округа. Какой округ к какой части принадлежит - все было учтено заранее.

МУРМАНСК - к пехотной роте 29-го Лондонского полка;

КАНДАЛАКША - к Сербскому национальному батальону;

КЕМЬ - к британской морской пехоте его величества и

СОРОКА - под наблюдение особого английского офицера.

- Come in, - сказал Басалаго. - Кто там? Входите.

Вошел Уилки в егерской куртке из непромокаемого габардина-бербери; быстро глянул на часы, спросил:

- Ты один?

- Да.

- Выйдем. У тебя душно... Я тебе расскажу подробности о мятеже Муравьева. У большевиков появился новый Бонапарт - некий поручик Тухачевский, и этот поручик сорвал все замыслы командарма Муравьева...

Избу-пятистенку рвануло нестерпимым сиянием взрыва. Сила взрыва была рассчитана неумело: Басалаго получил шестнадцать осколков, был ранен и сам лейтенант Уилки (они успели дойти только до порога).

Оглохший и весь в крови, поднялся Басалаго.

- Уилки! - заорал он, сразу все поняв. - Это сделал ты... сознайся. Я знаю: вам нужен повод... только повод!

С пола застонал лейтенант Уилки:

- Что ты орешь, дурак?.. Посмотри! - И показал ладонь в крови: - Это опять аскольдовцы... это они!

Был день - как день. Точнее, - серое, дождливое утро. Где-то далеко, на Горелой Горке, промокшие насквозь, поникли шатры американского бивуака. И торчала, уткнувшись в небеса, радиостанция с линкора "Чесма": там капитан Суинтон держал связь с Архангельском и Лондоном. По рельсам, в прибрежном слякотном тумане, ползали портовые краны, вылуцивая из люков транспортов запасы обещанного продовольствия, - все прошлое Мурмана теперь окупалось тушенкой и рыбой, табаком и ромом, дамскими туфлями и парижской пудрой...

А над лежащим Уилки стоит сейчас Басалаго и плачет.

- Скажи, подлец Уилки, тебе не стыдно взрывать меня?..

Обоих молодцов отвезли в лазарет. Никаких особенных событий в этот день больше не было. Только, незаметные с бортов кораблей, проходили в порту и на дороге аресты и обыски.

На следующий день - приказ: "Я, главнокомандующий всеми союзными войсками в России, желаю уверить всех в мирных намерениях союзников, а также в нашем искреннем желании помочь России освободиться от немцев, белых финнов и всех враждебных агитаторов. В течение вчерашнего дня мне пришлось обыскать в полном согласии с гражданскими властями (и это было тяжелой обязанностью для меня) некоторые здания с целью отобрания оружия и для временного задержания некоторых лиц... для охранения лояльных граждан России, а также, чтобы обеспечить спокойную базу, с которой могут предприниматься ваши и наши военные действия против врагов, вторгшихся в Россию. Я прошу всех граждан вернуться к своим занятиям спокойно и без боязни и усердно содействовать нашим войскам в достижении нашей общей с вами цели, т. е. воссоздания свободной и великой, нераздельной России. Да поможет бог России!

Главнокомандующий союзными военными силами в России
генерал-майор Пуль.

Мурманск.

13 июля 1918 г."

А на мачтах флагманского крейсера адмирал Кэмпен поднял строгий сигнал:

СЪЕЗД С КОРАБЛЕЙ ВОСПРЕЩЕН

Этот сигнал видели все на рейде. Но русские команды решили, что он относится только к кораблям английским, французским, американским. Отбубнили свое окаянное время склянки флотилии.

Вот и чистая ночь, вот и чистый рассвет...

* * *

На рассвете от борта "Аскольда" отвалила шлюпка-шестерка. Это была первая за день - семичасовая, как ее называли на крейсере. Под напором матросских тел трещали ясеновые весла.

Матрос Митька Кудинов сидел на транцевой доске, командуя:

- А-а-а... рвок! А-а-а... рвок! Левая - потабань...

Пулеметная очередь сбросила его с транца в воду. Загребной Власьев успел перехватить дружка рукою; мокрого и мертвого матроса втащили обратно в шестерку. Разворот под веером пуль, и теперь на руле сидел Власьев.

- А-а-а.. рррвок! А-а-а... рррвок! Навались...

...Матрос Кудинов, совсем еще молодой, лежал на железном палубном настиле, и мокрые бакенбарды, отращенные от полярной тоски, казались такими несуразными на его лице, ставшем вдруг строгим, словно он заступил в караул.

Из кают-компания сбежались офицеры, недавно прибывшие на крейсер. Они еще не освоились с обстановкой рейда и, глядя на убитого, растерянно озирали союзную эскадру, говоря:

- Неужели это сделали англичане? Господа, неужели наши добрые союзники могли решиться на такое вероломство?..

Команда:

- Во фронт! - И все развернулись лицами внутрь корабля.

Четкими шагами стремительно направлялся и спардеку кавторанг Зилотти. Остановился над убитым. Долго крестил себя. И - прямо в толпу матросов:

- С некоторых пор, - сказал громко, - сыны гордого Альбиона стали представлять себе русский народ вроде какого-то дикого племени! Им кажется (повернулся кавторанг к офицерам из Гельсингфорса), что мы, избегая большевизма, будем счастливы прибегнуть под защиту британской колонизации. Они ошибаются! Я еще раз повторяю всем (снова к матросам): они ошибаются!

Двенадцать пулеметов сразу открыли огонь по крейсеру. Очереди хлестали над палубой, срезая такелаж, туго обтянутый, и тросы лопались со свистом концы их стегали броню корабля.

- По местам! - раздался призыв.

- Стойте. - задержал команду Зилотти. - Разве вы не видите, что мы давно под прицелом? Смотрите: с "Адмирала Ооб" - четыре трубы с торпедами... Повернитесь: "Глория" - четыре по восемь дюймов... Наводка по нашему борту! - Надел фуражку и приказал: - Катер - под трап! Я пойду на "Глорию" сам...

Катер домчал его до флагманского крейсера англичан. Очевидно, через сильные чечевицы британцы разглядели офицера, и стрельбы не было. Катер оттолкнули от борта, не приняв от него швартового шкентеля, но фалрепные юнги услужливо переняли на адмиральский трап кавторанга.

Зилотти настойчиво объявил вахте:

- Мне необходимо видеть старшего на рейде... Кэмпена!

- Пожалуйста. Адмирал ждет вас...

Узкие переходы. Трапы. Люки. Вниз, вниз, вниз! "Почему вниз?"

Вестовой распахнул двери:

- Прошу.

Зилотти недовольно взмахнул старорежимной треуголкой:

- Ах ты, сын собаки! Добавь: сэр!

- Да, сэр.

- Вот так уже лучше...

Нравы британского флота ему были известны. Потребовав уважения к себе, Зилотти шагнул вперед через высоченный комингс, и двери были с лязгом задраены за спиною кавторанга. Так они задраивались по водяной тревоге. Намертво.

Он огляделся в изумлении. Перед ним - броня. Справа и слева от него броня. Борт... борт... переборка. И - никого!

И даже не было иллюминатора - мигала над ним лампочка.

Но заранее был приготовлен стул. Стул, чтобы сидеть.

Этот стул был для него, и кавторанг сел...

Все это называлось так: арест.

* * *

Из бокса "тридцатки" проследовала до кабинета поручика элегантная секретарша.

- Сэв! - сказала она. - Кажется, взяли за "Аскольд".

- Я знаю, - ответил Эллен. - Но пусть англичане разбираются с крейсером сами. Мы люди скромные, и от главного калибра подальше...

Секретарша перебрала в руках бумаги:

- Протест... протест... Я уже устала от этих глупостей. Но есть один протест, достойный внимания.

- От кого?

- На этот раз, - засмеялась секретарша, - протестует настоятель Печенгской первоклассной обители - сам отец Ионафан: ему не нравится, что в монастыре размещена тюрьма!

- Да, тюрьма получилась первоклассная, как и сам монастырь: из Печенги не удерешь... Не отвечать!

Брамсон пригласил Эллена на "Чесму", давно разоренную. Орудия с линкора были уже сняты, пустые станки башен заросли красной ржавью. Вдвоем с юристом поручик обошел гулкие пустые отсеки. Шарахались из-под ног крысы, испуганные светом. Переговаривались.

- Если здесь шестнадцать камер, - говорил Брамсон, - да еще по левому борту для предварительного заключения...

- Обратите внимание: вот отличное помещение для караула!

- Согласен, поручик. Лучше "Чесмы" труднее придумать тюрьму. Они даже рифмуются, - пошутил Брамсон, - тюрьма-Чесма... И что самое главное, никуда отсюда не вырвешься: броня!

Когда они поднялись на палубу, мимо "Чесмы" - в сторону "Аскольда" проходил паровой катер с британскими матросами.

- Женщина там, что ли? - пригляделся Брамсон через очки. ...Катер заметили и с борта "Аскольда". Нескладная высокая женщина привлекла внимание сигнальщиков. Вот она поднялась по трапу и оказалась шотландцем здоровенным малым в короткой юбочке и берете.

Шотландец на чистом русском языке заговорил:

- Вы давали радио на "Глорию"? Я адъютант генерал-майора Фредерика Пуля... Что у вас тут произошло, ребята?

- Вот, полюбуйтесь, - отвечали ему офицеры, показывая на мертвого матроса. - За что вы его убили? Что он вам сделал?

Вся команда крейсера толпилась на верхнем деке, лицом к трапу, возле которого лежал Кудинов; над ним остановился шотландец в юбочке, с крепкими волосатыми ногами футболиста. И вдруг "Аскольд" слабо дрогнул: это пришвартовались к нему с другого (совсем другого) борта сразу два тральщика. Один - с пустой палубой, будто там все вымерло, а другой - с абордажной партией морской пехоты. Заклацали затворы карабинов, и шотландец перестал рассматривать убитого.

- Кто здесь старший? Офицеры, команду - вдоль борта! Осталась только вахта, а весь экипаж замер в строю. И было объявлено, что возле совдепа состоится общий митинг, где генерал Пуль выслушает от аскольдовцев все претензии к британскому командованию. Велели прыгать на тральщик с пустой палубой, и тральщик сразу отдал концы.

Возле совдепа аскольдовцев встретил язвительный Юрьев:

- Попались, баламуты? Я вам еще тогда говорил: мы вашу лавочку прихлопнем!

Качая штыками, сошлись две роты морской пехоты и взяли матросов в кольцо - не вырвешься. Короткие драки, однако, вспыхивали: люди перли грудью на штык... Но офицеры крейсера, которых свезли на берег вместе с командой, не вмешивались. Хотя, кажется, они и сами были бы не прочь сейчас подраться с союзниками. Стоило ли бежать от позора Гельсингфорса, чтобы окунуться здесь в позор мурманский?..

- Клейми презрением! - орали матросы, а это значило: можно материть союзников на все корки, можно свистать, заложив в рот два пальца, можно цыкнуть плевком, можно всё...

И вот, в окружении конвоя, на дамбе показался Пуль. Через переводчика он заговорил о немецкой заразе, о разложении, о большевизме крейсера, - все это он высказал матросам. Потом повернулся к офицерам, прибывшим из Финляндии в его добрые союзные объятия. Сказал без помощи переводчика:

- А среди вас, балтийцы, имеются германские шпионы... Да, да! Не спорьте со мною, я знаю: вы - германские шпионы!

Перекинул стек из одной руки в другую. Картинно оперся.

- Английское командование, - произнес вдруг Пуль, - приносит свои извинения за убитого. Впрочем, ваш баркас...

- Шестерка! - поправили из рядов матросов.

- Ваш баркас, - настоял на своем Пуль...

Но тут уже не вытерпели сами балтийские офицеры.

- Шестерка, черт побери! - заявили они хором.

- ...этот баркас, - продолжал Пуль, - был обстрелян нами в семь часов утра только потому, что на дне его скрывалось много большевиков-террористов. А мы, ответственные за жизнь лояльных граждан, не можем позволить, чтобы по Мурманску разбрасывались бомбы...

Команду держали в оцеплении на берегу, пока крейсер подвергался разоружению. На борту корабля оставались только вахта и два офицера, совершенно затюканные хаосом событий, поначалу для них непонятных. Здесь "Клейми презрением!" не подходило: здесь люди дрались.

* * *

Вахта, верная долгу, не принимала швартовы, брошенные с тралыщика. Борт "Аскольда" брали на абордаж, а вахтенные спихивали десантников обратно в воду - кулаками и отпорными крючьями. Но силы были слишком неравны, и вахту обезоружили.

Но крейсер - это даже не дом в пять этажей, это целый квартал домов в миниатюре, со множеством "подвалов" и тайных перекрытий. По этой узости люков и шахт, вдоль придонных отсеков, почти ползком, прилипая телами к броне, аскольдовцы растворились по всему кораблю, не желая сдаваться...

Уговоры не помогали - матросов выкуривали, словно крыс, дымовыми шашками. Ослепших от дыма, кашлявших и очумелых, всех загнали в батареиную палубу, задраили за ними люки и горловины.

Появился французский офицер из Союзного совета.

- Вы напрасно думаете, - сказал он, - что мы к вам плохо относимся. Зачем нам это нужно? А газ этот безвреден, поплачете немного - и все... Просто мы хотели собрать вас всех вместе. И вот что мы вам предлагаем в доказательство нашей дружбы: записывайтесь в состав союзного флота. Я вам, братцы, от души говорю это: не прогадаете... весь мир лежит перед вами!

Ни одного! В полной темноте, подавленные, сидели матросы, и только блуждал по кругу огонек сигарки... Ни одной шкуры!

Снова задраили. "Черт с вами, - думали, - задраивайте. Нам не привыкать сидеть в броне, по колоколам громкого боя..."

Трудно было судить из глубины каземата, что происходит сейчас на крейсере. Но броня передавала гул и грохот, словно "Аскольд" ломали на куски. Морская пехота разоружала корабль: на подошедшие баржи перекачивали боезапас из погребов, французы при этом размонтировали схему центральной наводки, без которой крейсер сразу становился беспомощен. Отомкнули от орудий замки и зашвырнули их за борт. За каких-нибудь два часа боевой ветеран русского флота превратился в пустую, бессильную гробовину, внутри которой задыхалась арестованная вахта...

Потом опять прибыл на борт шотландец, адъютант генерала Пуля, и предложил матросам:

- Если не желаете служить в иностранном флоте, то мы, уважая ваши патриотические наклонности, советуем подумать о службе в русских отрядах русской национальной армии...

И снова - тьма.

И вдруг люк открылся, хлынуло острым голубоватым сиянием дня, а по ступеням трапа с дребезгом, почти взрываясь, скатилось что-то звонкое, пламенно воняя дымом.

- Бомба! - заорали матросы. - Бомба!

Отхлынули массой горячих тел на борт. Сжались. "Бомба" не

взрывалась, - только раскатились красные уголечки.

- Тьфу, черт! - стали смеяться. - Самовар... Ай да англичане! Вот уж правду говорят про них - политики хоть куда...

Вернули самовар, подаренный "Аскольду" еще в Девонпорте на заре революции. Теперь конфорка его отвалилась, носик согнулся от удара. Но все же самовар; и по сияющему ободку его начертаны слова о дружбе рабочих Англии с матросами русской революции. Подарок что надо, но в дружбу сейчас не верилось...

Власьев долго колотил в крышку люка, пока морская пехота не соизволила ее откинуть.

- Фенкью... спасибо! - заорали матросы англичанам, и англичане этот юмор вполне оценили: над палубой крейсера долго перекатывался их дружный гогот - с перекатами, словно стрелял заедающий, плохо смазанный пулемет.

Разоружение закончилось. С берега - на том же самом тральщике доставили на борт команду. Матросы вышли на палубу, заваленную старой рваной обувью, и тут... Впрочем, стоп!

Иногда документ говорит лучше автора. Сейчас мы передоверим слово... Кому? Да тем же офицерам, которые бежали от большевиков и плакали от счастья, увидев британские корабли на русском рейде. Вот пусть они теперь и расскажут нам обо всем, а мы не имеем права не верить им, - это источник вполне беспристрастный...

Итак, слово офицерам из Гельсингфорса!

ПИСЬМО КАЮТ-КОМПАНИИ КРЕЙСЕРА "АСКОЛЬД",

обращенное к кают-компании английского корабля "Глория" (флаг старшего на мурманском рейде){22}.

"...Крейсер подвергся грандиозному грабежу. Все вещи разбросаны по палубам, перевернуты, и почти все они сознательно приведены в негодность. Весь офицерский состав и вся команда остались без денег. За малым исключением, все новые брюки, ботинки, бритвы, золотые, серебряные и иные вещи оказались раскрадены.

Офицеры кают-компания крейсера "Аскольд" всего неделю тому назад прибыли из Балтийского флота, где присутствовали при разоружении кораблей германцами... и, сочувствуя союзникам, они уехали оттуда, не желая работать в сфере немецкого влияния. Но все же мы никогда не видели и не слышали о таком отвратительном грабеже со стороны германцев!..

Ключи от помещений крейсера неоднократно предлагались при обыске. Но никто из англичан не пожелал ими пользоваться: все

вскрывалось топорами и ломами. Большинство денежных ящиков и шкатулок взломано, а все деньги расхищены. Особенно поразило нас, что союзные нам офицеры, руководившие разоружением, покинули корабль с полными карманами!

Многие из команды союзных войск надели на себя по трое брюк сразу (!) из числа ими украденных. На корабле, словно в издевательство над нами, оставлена масса старых иностранных ботинок, замененных новыми (русского производства). Составленная опись установила, что с "Аскольда" увезено деньгами и имуществом на сумму свыше 40 000 довоенных царских рублей (!)...

А между тем среди личного состава крейсера имеются еще многие из числа тех, которые совместно с союзниками работали против общего врага в Дарданеллах. Среди матросов есть тяжелораненые и получившие за войну высшие знаки отличия от тех же союзников. А теперь все они до последней степени ограблены теми, с кем и за кого они когда-то сражались..."

К этому письму можно еще добавить, что французы и американцы в грабеже не участвовали. Воровской пример своим матросам подали британские офицеры (именно британские офицеры!). Имен их назвать нельзя - они не сохранились. По документам того времени известен только один майор, который хвастался потом украденными финским фонарем и финскими марками, да еще один британский лейтенант, носивший на руках заячьи перчатки. В этих мякonych перчатках он унес из каюты механика логарифмическую линейку очень тонкой работы...

Офицеры "Аскольда" выразили желание не служить.

- Мы не можем работать в сфере британского влияния, - честно заявили они. - Лучше уж мы поедем к большевикам...

В команде крейсера, не без ведома кают-компаний, созрел заговор: взорвать или затопить корабль, чтобы он не достался англичанам. Но было уже поздно... Только небольшой кучке аскольдовцев удалось вырваться на Балтику; кого загнали в тундру, и там они пропали бесследно; кого отправили в Печенгу, а иных запрятали в гулкие продроглые трюмы "Чесмы"; самых опасных матросов, больше всех возмущавшихся, посадили на буксир, и буксир пошел в океан.

* * *

Качнуло на океанской волне, и тогда Кочевой сказал:

- Амба! Топить будут... крышка!

Вместо этого дали каждому по три галеты с плазмоном, по одной банке корнбифа на двух человек. Болтало их в трюме буксира как

проклятых, - на угле, в самой глубине бункера. На качке, особенно на бортовой, уголь перемещался с борта на борт, и матросы ездили вместе с углем, царапаясь об острые куски антрацита...

Был ранний час, когда затихала качка. Стоп, машина! И увидели они остров: почти скала, выпирающая из моря, а там, дальше, берег - совсем неласковый, скалы да кочкарник тундряной, и мох всюду, и бегут по горизонту олени, гордо закинув на спины тяжесть рогов.

С этого дня банку корнбифа делили уже на пятнадцать человек, каждый получал вместо хлеба по четверти фунта сырого теста: делай с ним, матрос, что тебе хочется, - пеки, жарь, так лопай... Суп заправлялся здесь не солью - его просто варили на морской воде. И жили в бараках из фанеры, которую простегивал насквозь ветер с океана. А иных селили в ямах, крытых дерном. Рядом бушевал океан, закидывая на остров брызги, и когда шла на берег штормовая волна - вал за валом! - тогда перекачивало пену через бараки, заливало через трубы печки-временки.

И никто - никто! - из аскольдовцев не мог узнать, где они находятся. Били здесь людей палками по спинам, а прикладами по ногам. Просто ломали ноги! Били молча. По виду люди из лагерной охраны были русскими. Но кто такие - не догадаешься: на лбу у них не писано. Спрашивали - не отвечают. Только скалятся.

Одна параша приходилась на сто человек, и карболку, которой эту парашу дезинфицировали, добавляли и в тесто (кто помрет, а кто выживет). Заболевших сажали в ледник; вместо лекарства давали им хлеб, оставшийся от покойников; в печи его пережигали в порошок, и этот порошок заставляли глотать как снадобье, а запить можешь соленой водой из моря...

- Где мы? - спрашивали матросы. - Куда завезли?..

Среди ночи открыли стрельбу по баракам. Пули пробивали фанеру, живые и мертвые падали с нар, - все были голые (тут перед сном людей раздевали донага). Кровь, кровь! Она особенно страшна на обнаженном теле!

Хлопнула створка дверей, и вошел к матросам человек - совершенно незнакомый.

- Здравствуйте, - сказал. - Пора уже познакомиться. Я - капитан Судаков, бывший комендант Нерчинской каторги. Как старый сибирский варнак, скажу вам по чести: эта тюрьма пойдет вам в такой пропорции - месяц за год старой тюрьмы, монархической...

Кочевой - голый - шагнул к нему:

- У нас убитые! Мы все изранены...

- С чего бы это? - хмыкнул Судаков. - Хотя - да! Ведь сегодня как раз именины моей жены, и был маленький салют. Ладно, ребята, чего вы хнычете? Ложитесь спать. Я пришлю фельдшера...

Пришел фельдшер - солдат из корпуса Довбор-Мусницкого:

- Что же это с вами делают, палачи проклятые!

И стал рвать на бинты какую-то тряпку. Кочевой подставил ему руку, - с пальцев текла кровь. Спросил:

- Ты арестант или вольный?

- Здесь вольных нет. Я поляк, и мое дело - сторона. И не хотел мешаться в ваши дела, да вот и стал... вольным!

- Где мы? - спросил его Кочевой.

- Как? - удивился поляк. - Разве вы не знаете?

Никто не знал.

- Вы же в Иоканье! А тюрьма эта построена специально для членов большевистского ЦК и членов Совнаркома... Так что не хочу вас пугать, но живым отсюда мало кто выйдет...

Это верно: вышли отсюда живыми только несколько заложников, которых отправили во Францию - в тюрьму города Ренн, в крепости на затерянных в Атлантике островах - Иль-де-Груа или Экс, где саживал когда-то еще Наполеон... И долго еще Советское правительство вырывало из тюрем Антанты заложников-матросов, и только редким одиночкам, постаревшим и отчаявшимся, удалось вернуться на родину.

Таков был конец крейсера первого ранга "Аскольд".

"Аскольд" выполнил свой долг перед революцией: он, сколько это было возможно, сдерживал натиск интервенции... После "Варяга" и после "Авроры" крейсер "Аскольд" - третий в России, который имеет право быть причисленным к легендарным.

Три крейсера - это уже дивизион. Легендарный дивизион!

* * *

- Уилки, - сказал лейтенант Басалаго, - я ведь все понимаю: нужен был повод, чтобы расправиться с "Аскольдом". Но сознайся, Уилки, тебе разве не было стыдно взрывать меня!

Уилки опустил глаза:

- Мне очень стыдно, Мишель, что ты снова начал этот дурацкий разговор... Тебе сейчас неудобно. Ты хочешь свалить всю вину на нас. Но следственная комиссия уже сделала свой вывод: взрыв был произведен тобою же!

Басалаго со стоном поднялся на койке, весь в бинтах:

- Я не дурак, - чтобы рвать бомбу под собою.

- Ты не дурак. Но взрыв тебе был нужен... Тебе, а не нам! Для самореабилитации! Об этом все так и говорят в Мурманске...

Басалаго рухнул на подушки, потрясенный:

- В чем я должен оправдывать себя? И перед кем?

- Ты виноват выше головы, - внушал ему Уилки, сосредоточенный и внимательный. - Не ты ли был связан с совдепом? Не ты ли управлял Мурманом под руководством Совнаркома? Теперь ты взрываешь себя, чтобы мы думали: смотрите, как к нему плохо относятся матросы... смотрите, как они рвут его на куски! Кого ты собираешься обмануть; Мишель? - спросил Уилки. - Нас?

И, спросив так, УИЛКИ поднялся, чтобы уйти. За это мгновение Басалаго успел все продумать и все рассчитать.

- Уилки! - задержал он его. - Стой, не уходи... Хорошо, я согласен: я сам взрывал себя. А что дальше?

- Дальше все пойдет как по маслу: к ответственности привлекаются все горлопаны, начиная с Ляуданского; генерал Звегинцев тоже обесчестил свой мундир связью с большевиками. Юрьева, пожалуй, эта история пока не коснется. Но только в том случае, если он перестанет надоедать нам. А тебя... ведь тебя взрывали, кажется, большевики с "Аскольда"? Ты уже реабилитирован!

В этот день ворвались к Шверченке:

- Попался, эсеровская сопля! А ну, пошли...

Когда брали Ляуданского из Центромюра, он долго брыкался, его вели по улице, и он матерно требовал:

- Юрьева, растак вас всех! Тогда и Юрьева, гада, хватайте. Почему меня берут? Берите его тоже... за компашку!

Юрьев эти вопли с улицы слышал в своем совдепе.

- Мишку, конечно, жаль, - вздохнул Юрьев. - Но он даже сейчас продолжает трепаться. Ничего, еще молодой: на "Чесме" плавал - на "Чесме" и отсидится, обстановка ему знакомая...

Взяли и снова выпустили: Каратыгина, представлявшего Совжелдор в Мурманске, и "комиссара" Тима Харченку. А в своем штабном вагоне смертельную обиду переживал генерал Звегинцев.

- Понимаю, - говорил он просветленно. - Нас можно судить. Однако не мы ли сделали все для того, чтобы флаги Антанты сейчас реяли над Мурманском? Мы... Только мы теперь не нужны: Мурманск давно не наш, и дела в Архангельске поважнее... Ну, ладно, судите, господа! Что ж, судите.

Глава восьмая

Когда в камеру, где сидел под арестом мичман Вальронд, принесли лист бумаги, он сказал:

- Этого мало.

Конвойный перевернул лист, показал обратную сторону.

- С этой-то сторонки тоже можно исчиркать.

- И все равно мало, чтобы описать все...

Он составлял свой доклад как можно подробнее - все, вплоть до мелких деталей, какие сохранились в памяти. Сидя в изоляции на Гороховой, два, мичман восстанавливал на бумаге картину мурманского предательства. Служба флаг-офицером связи дала ему богатейший материал для наблюдений... Поставив последнюю точку, Вальронд придумал название: "Из дневных записок мичмана Евг. Вальронд" (старомодно, но зато вполне прилично). Еще немного подумал и водрузил на титульный лист рукописи великолепный эпиграф из Фаддея Беллинсгаузена: Пишем - что наблюдаем.

Чего не наблюдаем - того не пишем.

После чего Вальронда снова вызвали на допрос, вернули ему золотистый жгут аксельбанта и все документы.

- Садитесь... У нас к вам только два частных вопроса. Первый: можно ли рассчитывать на инженера Аркадия Небольсина, что он станет честно сотрудничать с нашей властью?

- Не знаю, - ответил Вальронд.

- Вопрос второй: что вы скажете о полковнике Сыромятеве?

- Полковников на Мурмане так много, что если волки ежедневно будут съедать по одному полковнику, то никто и не заметит их убыли... Извините, но я даже фамилии такой не слыхал!

Ему позволили отправиться на остров Мудьюг.

- Вы должны, - внушали мичману, - обязательно поспеть к месту назначения в срок! По возможности, без опоздания. Чтобы не вызвать никаких подозрений - раз. Чтобы не опоздать к моменту боя - два. И... как вам было наказано в Мурманске?

- Чтобы батареи Мудьюга молчали.

- Мы надеемся, что теперь они заговорят...

Вальронд очень спешил, но все же опаздывал.

* * *

Застрял он, как и следовало ожидать, в Вологде. На неизбежной пересадке вылетел из вагона как пробка, но в следующий эшелон, идущий на Архангельск, было уже не прорваться. Вокзал был оцеплен чекистами и красноармейцами. Дело дрянь: командировка подходила к концу, и это

грозило для него особыми осложнениями, - по плану Вальронд должен был еще вчера явиться к адмиралу Виккорсту.

Плотный барьер спекулянтов, мешочников и дезертиров был так спрессован оцеплением, что Женьку Вальронда, при дыхании толпы, то поднимало, то опускало, словно рыбачий поплавок на речной зыби. В один из моментов, когда его снова вздыбило над толпою, он увидел...

- Чудеса! - сказал мичман, вытягивая шею - и без того длинную - от искреннего любопытства к жизни.

В узком проходе оцепления шествовали на посадку дипломаты. Шагали атташе миссий - почти невозмутимые; дамы в жиденьких мехах несли курчавых болонок, и перепуганные японские собачки остервенело лаяли на мрачных русских спекулянтов. Роль носильщиков исполняли бравые матросы в клешах. Обливаясь потом, перли они на посадку дипломатические баулы, деликатно подсаживали дамочек под худенькие англизированные задницы.

- Мадам, только не имейте сомнения: фукну - и вы в вагоне!

- Доброго вам пути, сэр...

- Матюшенко, кидай в окно собаку ихнюю.

- Кусается, стерва!

- А ты сам ее укуси, чтобы помнила...

Все стало ясно: поезд занят дипломатами. Вальронд кое-как выбрался из толпы. Подергал себя за пуговицы - нет, еще держатся. Передохнул... Задумался: что же ему теперь делать?

Мичман знал: переезд дипкорпуса является сигналом для интервентов на Мурмане. Тронется сейчас этот эшелон с миссиями - и с Мурманского рейда, выбирая якоря, отправится эскадра Кэмпена на Архангельск. Черт с ним, с этим адмиралом Виккорстом! Но ему непременно надо быть на Мудьюге в срок...

Возле вокзала стоял открытый автомобиль.

- Откуда? - спросил Вальронд.

- Из губвоенкома.

- Подвезешь?..

В здании губвоенкома ему показали дверь, в которую надо стучать. Он постучал и вошел в кабинет. Какой-то дядя в кожанке, стоя спиной к Вальронду, разговаривал по телефону.

- Нет, - говорил он, - американский посол Френсис отбыл еще раньше... прямо в Архангельск! Да, провожу посадку. Не беспокойтесь, еще раз повторяю: мы достаточно корректны и не дадим ни одного повода для дипломатических интриг и капризов. И этикета также не нарушим... Ага, до

свиданья!

Закончив переговоры, он повернулся и спросил:

- Так что вам от меня, товарищ?

Женька Вальронд так и отшатнулся: это был Самокин.

- Если не ошибаюсь, мичман Вальронд. Добрый день, мичман. Рад видеть. Что привело ко мне?

Вальронд справился с волнением.

- Мне очень нужно попасть в Архангельск, и тут, как назло, вмешались дипломаты с явным намерением загубить мою карьеру в самом начале. Они заняли весь эшелон - мне уже не пробиться!

- Один вагон будет прицеплен для частных пассажиров.

- А вы видели, что там творится? Бумажку бы, мандат!

Самокин засмеялся.

- Да брось, - сказал. - Какие там к черту сейчас мандаты? Такой сильный, молодой и красивый, и вдруг просит бумажку. Да постыдись, мичман! С такими кулаками, как у тебя, никакого мандата не надобно...

Самокин вдруг сел за стол, перелистал какие-то дела.

Мичман неуверенно помялся:

- А разве вы ничего не хотите спросить у меня?

Самокин поднял лицо - абсолютно спокойное.

- Спросить? О чем? Нет, мичман, мне ничего не хочется спрашивать. Мне и без того все давно понятно.

И как-то странно они простились. Совсем неожиданно, уже в коридоре, Самокин окликнул мичмана.

- Пстой, добрый молодец! Вот что, - сказал Самокин, нагоня Вальронда. - Тут ко мне с такой же просьбой обращалась одна дама. Я большевик, работник местного губисполкома, и не смог оказать ей содействия. Хотя бы потому, что эта дама, насколько я понял, принадлежит к высшей аристократии и сейчас рвется в Архангельск, чтобы эмигрировать за границу. Но она с ребенком, мучается, - пожалел женщину Самокин и вдруг улыбнулся: А тебе, мичман, сам бог велел ей помочь.

- Если встречу на вокзале, то - как узнать мне ее?

- Ну-у, - протянул Самокин, - эта женщина такова, что ты ее не сможешь не заметить. Если, конечно, она сама не уехала...

От Вологды у мичмана остались какие-то странные, дикие воспоминания. Странно вел себя Самокин - чего-то он мудрил там... Женька Вальронд бежал сейчас через улицы, стараясь не опоздать, и собаки ловчились хватить его за штаны. Ворота все были заперты, словно в осаде, за изгородями зрели яблоки. Вологды он так и не увидел, - его

занимал Архангельск, только Архангельск: никак нельзя ему опоздать на Мудьюг...

Посадка в единственный вагон, приданный дипломатическому эшелону, уже началась.

После первого натиска, в котором Вальронд потерпел постыдное поражение, он отбежал назад, чтобы взять разбег для второго таранного удара по мешочникам... Отбежал назад и тут заметил женщину, почти оцепеневшую в отчаянии. Она стояла поодаль от костоломной давки, не в силах пробиться к вагону. А к ней испуганно жалась маленькая девочка...

Вальронд был рыцарем.

- Мадам, - сказал он, - ваш чудесный облик воодушевил меня на свершение благородного гражданского подвига. Позвольте, я возьму девочку на руки. А вы цепляйтесь за мой хлястик. Если же хлястик, не дай бог, оторвется, то я не стану возражать, если вы меня тут же страстно обнимете... Прошу, мадам!

Все началось сначала. Но присутствие женщины необходимо флотским офицерам так же, как необходима канифоль для скрипки. Впереди Вальронда вшивый солдат-дезертир пер в вагон ("про запас", наверное) пулемет системы "люис", и опасное дуло рассматривало мичмана в упор черной жутковатой дырочкой.

- Пуссти! - орал солдат. - Не видишь? У меня же "люська"!

- А у меня - княгиня! - подхватывал Вальронд и уже ступил на подножку. С хрустом что-то лопнуло сзади, но руки женщины обняли его, а девочка уже проникла в тамбур.

- Пропусти с "люськой"!

- Пропусти с княгиней... - хохотал Вальронд.

Боковым зрением - вдоль состава - мичман видел, как из открытых окон вагонов, покуривая трубки и сигары, наблюдают за посадкой члены иностранных миссий. В руках дипломатов щелкали "кодаки", и Вальронд тоже был запечатлен, наверное, навеки - в самый героический момент своей биографии...

И вот они в вагоне. Даже пробились к окну. Сели. Красавица, смущенно улыбаясь, оправляла волосы.

- Вы меня поразили... - сказала она, обнимая дочь.

- Мадам, к чему слова благодарности?

- Нет, - ответила женщина. - Поразили не тем, что помогли проникнуть в поезд. Но вы назвали меня княгиней...

- Мадам, это моя очередная фантазия! Извините.

- Но я и есть княгиня... княгиня Вадбольская.

- Ах, - догадался Вальронд, - так это, значит, вы приходили в Вологодский губисполком к товарищу Самокину?

Женщина посмотрела на него с каким-то испугом и ответила:

- Нет. Не я...

Вальронд спросил потом у нее:

- Очевидно, вы спасаетесь от большевиков?

- Да. Пробираюсь в Архангельск и... дальше.

Поезд тронулся, а за вагоном еще долго бежали кричащие люди, подбрасывая поклажу на спинах; хватались за выступы, и напором скорости их сшибало под насыпь. Вальронд печально погладил девочку по льняным волосикам. "Вот и еще одна эмигрантка... Что-то ждет ее там? Наверняка забудет и русский язык..."

- Тебя как зовут? - спросил он.

- Клава...

- Какое славное имя... Сахару хочешь?

Маленькая княжна посмотрела на мать.

- Дайте, - согласилась Вадбольская, отвернувшись.

- Вот тебе кусочек сахару, маленькая княжна с красивым именем Клава. А мы с твоей мамой будем смотреть в окно.

- Я тоже буду смотреть в окно, - ответил ребенок.

- Хорошо. - И Вальронд пересадил девочку поближе. - Уступаю тебе место. Смотри в окно, а я, с твоего разрешения, буду смотреть на твою маму. Пожалуй, это интереснее любого пейзажа, ибо такой красивой мамы, как твоя, я еще не встречал в своей удивительной жизни...

Женщина действительно была очень красива. С тонкими, благородными чертами. И зубы испанки на смуглом лице. Улыбка - словно перлы океана.

Звали женщину - Глафира Петровна.

- А вас? - спросила она, ради знакомства.

Вальронд вздохнул:

- Евгений Максимович... Но, поймите меня правильно, княгиня, во мне что-то есть такое, что мешает людям называть меня так. Меня почему-то все зовут просто Женька...

Так они и приехали. Вальронд опоздал.

Какая ширь! Какой простор! Какая синь!

Ах, как высоко взмывают чайки над Северной Двиною! И какая она величавая, гордая, плавная, - эта река, несущая гулкие утробы океанских транспортов и косые паруса поморской шхуны. Вот он, красавец Архангельск, до чего же хорош этот город, весь в зелени бульваров, весь

ромашковый и древний, какая стать в таможенных башнях, как залиvistо поют петухи от Соломбалы, как звонко подпевают им паровые веселые пины от Маймаксы...

Город был на другом берегу, и с вокзала пришлось плыть на речном трамвайчике. Вальронд еще раз погладил девочку по головенке, и она доверчиво прижалась щекой к его черной флотской штанине. Вадбольская стояла на палубе, под белым тентом, - женщина смотрела на наплывающий город жестко, недоверчиво, мрачно...

- Глафира Петровна, - сказал ей Вальронд, - у меня к вам есть одна просьба, не совсем обычная.

Вадбольская ответила, не повернув головы:

- У вас просьба, мичман, как раз обычная. Но вам это не нужно, как не нужно и мне... В переписку же я не вступаю. Через несколько дней моей ноги не будет в совдепии.

- Вы ошиблись, - ответил Вальронд. - У меня просьба к вам иная... Я очень опоздал. И попрошу вас пройти со мною до штаба. Не сердитесь, Глафира Петровна, но присутствие такой очаровательной женщины, как вы, оправдывает мое опоздание.

Вадбольская долго и залиvistо смеялась.

- Ах, мичман! Вы бы знали, до чего же вы милы... Хорошо! Я согласна пройти вместе с вами до штаба. Но - не больше...

Так оно и случилось. Адмирал Виккорст при виде Вальронда сразу рассвирепел, словно бык, которому показали красную тряпку.

- Мичман, когда вы были обяза...

И - всё, выдохся.

- Однако вы немножечко опоздали мичман, - промямлил адмирал, не сводя глаз с молодой красавицы.

Вадбольская игриво выгнула руку, словно перед зеркалом.

- Я думаю, - сказала, - что не стоит мешать чисто военным разговорам. Мой дорогой! Итак, до вечера.

Вальронд принял "игру" и поцеловал ей руку.

- До вечера, моя прелесть! - ответил он весело, с вызовом. А сам думал: "Пусть почернеет старый адмирал Виккорст..."

В благодарность за вологодскую посадку княгиня Вадбольская отлично разыграла роль любимой и влюбленной женщины.

И, сделав свое дело, она величаво удалилась...

Адмирал Виккорст уцепился в Вальронда взглядом, гневным от несправедной мужской зависти.

- Где вы болтались, мичман? Вам когда надо было быть на Мудьюге?

Впрочем, - снова помягчал он, - расскажите, откуда вы раздобыли такую красавицу?

Вальронд вдохновенно спросил, адмирала:

- Могли бы вы, адмирал, в молодости пожертвовать ради такой женщины тремя днями службы?

- Вы меня плохо знаете, мичман! Ради такой женщины я бы вообще не являлся на службу... лет пять - не меньше!

- Вот! - захлопнул Вальронд ловушку. - А я просрочил, увы, только три дня.

- Это непорядок, - заметил Виккорст, но, сменив гнев на милость, подписал командировочную задним числом. - Через два часа, - сказал напутственно, - отходит на Мудьюг буксир со снарядами. От соломбальской пристани. Прошу никаких "До вечера, моя прелесть!". Все эти прелести, заключил Виккорст, потирая руки, - остаются с нами... в Архангельске! Мичманам таких женщин по уставу иметь не положено. Ибо это пахнет распродажей казенного имущества на подарки... Всего доброго, мичман!

Вальронд вышел из штаба флотилии, и свежак упруго ударил его в лицо. "Как удачно все обошлось!" - думал он, радуясь, что остался вне всяких подозрений. Возле соломбальской пристани, вровень с буксиром, качался пузатый военный ледокол "Святогор". Ну как было не заскочить на минутку, чтобы повидать старого приятеля по корпусу?..

И долго стояли в тесной каюте, хлопая один другого по спинам: кто крепче? кто больнее?

- Николаша! - говорил Вальронд.

- Женька! - говорил Дрейер.

- Ну, как ты, поручик чертов? Лед колешь?

- Колю. А ты, мичман дымный? Наводишь?

- Навожу... Накрытие за накрытием...

Но уже ревел буксир, спешащий на Мудьюг. Пришлось прощаться.

- Мы увидимся. Нам надо о многом поговорить.

- Конечно, - отвечал Дрейер. - Нам есть о чем поговорить!..

Буксир, груженный боезапасом, тихо плыл заводями двинской дельты, мимо островов и пожней, на которых паслись коровы. Скрипели по бортам корабля колодезные журавли, и волна реки, разведенная буксиром, пригибала осоку и вскидывалась до буйных ромашковых разливов. Купала их, клонила и снова выпрямляла...

Белое море чуть-чуть качнуло привычно, но вскоре и Мудьюг показался. Очень удобный остров для обороны Архангельска. Две батареи

(по четыре ствола в каждой) пронизывали морскую даль темными орудейными жерлами...

Долго шагал по песку. Очень глубокому - едва ноги вытягивал. Два скучных офицера в блиндаже хлобыстали дрянной норвежский ром, называемый норвежским только потому, что в Норвегии его половинили с водкой и продавали потом в Россию. Пахло в блиндаже нехорошо - как-то подло и грязно.

Встретили Вальронда офицеры совсем неприветливо:

- С Мурманана? Ого, морячок... А мы вот армейские. Тебя к столу не зовем, у вас паек лучше нашего.

- К кому мне обратиться? Кто командир батареи?

- Здесь все командиры. Теперь так: кто главный большевик, у кого глотка шире, тот и мудрит над нами... Анекдоты знаешь?

- Нет. Глупостей никогда не запоминаю.

- Ну, валяй тогда к комиссару. Он тебя живенько проагитирует, какая Советская власть мудрая, хорошая и благородная. И мы все здесь от нее счастливы... Просто упиваемся от этой власти, чтоб ее за ноги разорвало!

Вальронд вылез из блиндажа в препоганом настроении. Конечно, на Мурмане он о Советской власти и не такое слышал, этим его не испугаешь. Но эти затерханные армейцы наверняка только табанят. И могут ли они понимать в наводке по движущейся морской цели? Наверняка лупят в белый свет, как в копеечку...

- Где командир? - спросил Вальронд на батарее.

- Командир-то? Да у Лаваля гуляет.

- Это как понимать?

- Ресторан есть такой в Архангельске... Мы там не были, дело такое не наше, мы больше по пивным шлындраем.

- Ладно, - сказал Вальронд. - А комиссар есть у вас?

- Есть, - ответили. - Вон как раз идет от погребов.

Вальронд бессильно опустился на кочку, сорвал травинку.

Он эту травинку грыз, грыз, грыз... "Как быть?.."

Может, и ничего? А может, повернуть да бежать? Стыдно...

Но Павлухин уже подошел и сорвал с головы бескозырку.

- Привет, Максимыч! - сказал он, радостно сияя. - Вот уж кого и рад видеть, скажу прямо по чести. Ну, отойдем в тенек, нам потолковать по дуплам надо. Ты тогда здорово утекнул от меня в Лондоне, даже не попрощались... Куда спешил тогда?

Вальронд медленно встал, отряхнул штаны от песка.

- Ну что ж! Пошли, Павлухин... поговорим, комиссар!

* * *

Предгрозовые тучи плыли над заводами и запанями, облетали сады, и тяжело ухали паровые мельницы. Казалось, затишью скоро конец. Слишком много подозрительных людей болталось вдоль набережной, загадочно вглядываясь в разлив Северной Двины, уносящей свои холодные воды в дельтовые протоки, между путаницей островов. Где-то там, за Мудьюгом, где плещет тихими волнами жемчужное Белое море, уже надвигалась на город гроза.

Странную картину представлял в эти дни Архангельск: большевики вооружали рабочих Маймаксы и доков Соломбалы, а по городу расхаживали, как дома, толпы иностранцев. Гостиницы Архангельска - "Троицкая", "Франсуаза", "Золотой якорь" и комнаты г-на Д. Н. Манакова - трещали от наплыва русской аристократии, спешившей в эмиграцию: князья, графы, бароны. В трактирах ночевали под лавками какие-то подонки, издерганные и в лохмотьях, но с прекрасным французским произношением. Иногда, бросив на лавку (или - чаще под лавку) свои лохмотья, они говорили трактирщику.

- А ведь ты, дурень, не знаешь, кто у тебя ночует сегодня?
- Никак нет, ваше высокоблагородие, не могу знать.
- Оно и видно, что дурак... А если я тебе скажу, что раньше ключ золотой камергера носил, - согласишься?
- Так точно, ваше сиятельство, охотно поверю!..

По ночам некоторые из подонков грабили (очень вежливо) одиноких прохожих:

- Один брелок оставляю вам на память...
- Мадемуазель, что вы? Нам нужен только кулон с вашей очаровательной шейки. Снимите, пожалуйста, сами. Мы уважаем вас... как женщину!

Что-то затаенное чудится в осаде старинных особняков. Изредка отдернется на окне занавеска, и кто-то с тщательным пробором на черепе выглянет на улицы - боком, искоса. Оглядит взлохмаченный простор реки, и занавеска снова задернется: нет, рано еще... рано показываться на улице!

А по вечерам "чистая" публика отдыхает в ресторане "У Лавалья", который с незапамятных времен известен в Архангельске за обитель всех плавающих. Вот и сегодня, как обычно, собрались после служебного дня "спецы" из штабов и управления. Сорваны погоны, проедены кортики, офицеры флота поблекли. Многие направлены в Архангельск уже от имени Советской власти, служить которой они обязались.

Среди "спецов" и полковник Потапов - главком:

- Внимание, господа, такого вы давно не видели...

В скромном платье появилась в ресторане княгиня Вадбольская (без девочки). Присев к столу, она одиноко ужинала. И очень скромен был ее ужин, - видно княгиня небогата. Один ее кивок в сторону адмирала Виккорста решил все дело, - ах, оказывается, она знакома адмиралу! - и скоро Вадбольскую окружили офицеры, наперебой предлагая красавице свои услуги.

- Благодарю вас, господа, - отвечала она с достоинством. - Но я уже устроилась... Нет, не в "Троицкой", а сняла две комнатки на Немецкой слободе. Я ведь здесь только проездом.

Флотская молодежь исподтишка переговаривалась:

- И сегодня приехала? Одна? Мичман Вальронд? Не знаю такого, но вот же - повезло человеку... Какая женщина, какое обаяние!

Вадбольской представили и поручика Николая Дрейера.

- Кстати, - сказали с намеком, совсем недобрым, - поручик Дрейер у нас большевик, княгиня.

- Да что вы? - удивилась Вадбольская.

- Господа, - заметил Дрейер, - как бы вы себя почувствовали, если бы я, представляя вас княгине, сказал: "Познакомьтесь, ваше сиятельство, вот эти офицеры - сплошь монархисты..."

Княгиня рассмеялась, с любопытством разглядывая рослого и плечистого великана Дрейера; поручик вскоре удалился, и по настроению офицеров было заметно, что они даже рады его уходу. Смущенно пытались оправдать себя:

- Вы не смотрите на нас, княгиня, как на... Впрочем, мы, конечно, советские. Но это - пока... Осмелимся спросить, какими ветрами прибило вас к нашему берегу?

- Я, господа, вырвалась из совдепии. Меня, слава богу, не арестовывали. Но по Тамбовской и по Курской все, что осталось от мужа, отобрали. А меня держать не стали, чем я и воспользовалась охотно...

- А что вы им сказали, княгиня, на прощание?

- Я им сказала: "Негодяи! Разбойники... Я еще вернусь в Россию, и чтобы вы не вздумали разорять здесь!"

Потапов, сам владевший имениями, спросил с интересом:

- А как они вели себя при этом, княгиня?

- Хохотали как помешанные. Я ничего не поняла в этом диком смехе и уехала... Вот, теперь доживаю последние дни на родине. Уезжаю совсем, как это ни печально. Но - прочь, прочь...

Вокруг нее заволновались:

- Как можно? Не покидайте нас... Архангельск сегодня расцвел с вашим появлением. Мы информированы точно: еще все может измениться, княгиня, к лучшему!

В окружение офицеров флотилии по-свойски затерся полный и круглолицый англичанин.

- Мистер Томсон, - представили его княгине. Вадбольская плавно протянула ему руку.

- Добрый день, - сказала по-английски. - Как приятно... В руке ее щелкнул портсигар, кто-то уже подносил ей спичку.

Она раскурила папиросу и выдохнула - вместе с дымом:

- Я действительно очень рада встретить вас именно здесь, Георгий Ермолаевич, - сказала она уже по-русски.

От лица Томсона отхлынула кровь. Конечно, вокруг люди свои. Можно не опасаться. Но кавторанг еще не привык к таким разоблачениям... Он присел:

- Откуда вы меня знаете, княгиня? - и заглянул ей в лицо.

- А я удивлена, что вы меня не узнали сразу.

- Подскажите.

- Вы меня вспомните и так, - печально улыбнулась в ответ Вадбольская. - Я ведь знала, еще девочкой, и вашего батюшку, Ермолая Николаевича, когда он управлял Санкт-Петербургской таможней. И сестру вашу Марию хорошо помню.

- Удивительно, - растерянно произнес Чаплин, напрягая память. - В самом деле, какая приятная встреча...

С появлением Чаплина бутылки выстраивались, как снаряды на батарее. Пьяненько поглядывая глазками, смолodu испорченными штабной работой, Чаплин завладевал вниманием Вадбольской; и ему это было совсем нетрудно, ибо за этим столом он был самым старшим, если не считать еще одного человека - адмирала Виккорста, который доедал в скорбном одиночестве большую семгу.

- Вы не должны уезжать, это абсурд - покидать отечество, - горячо толковал Чаплин. - От чего вы едете? От большевиков?

- Причина веская, Георгий Ермолаевич.

- Но, княгиня, это неразумно: большевики доживают здесь последние дни...

- Часы, а не дни, - осторожно подсказали сбоку. - Оставайтесь с нами. А вскоре мы обещаем отправить вас в Москву, где тоже не будет большевиков...

Розовые от вина губы Вадбольской были сложены в улыбке.

- Боже, - прошептала она, - какие соблазнительные истории вы мне рассказываете... Верить ли?

- Верьте, верьте. Вам совсем незачем рисковать таким дальним путешествием. Мы, офицеры флотилии, хорошо знаем: море наполнено минами, наши тральщики ловят их, как галушки из супа, и не могут вычерпать, германские субмарины топят суда жестоко... К чему проделывать такое опасное путешествие, чтобы потом опять вернуться?

В этот момент с той стороны, где бедная семга доживала свои последние минуты, послышался резкий, как звонок, голос адмирала Виккорста ("красного адмирала"):

- Мистер Томсон, вы разве не слышите? Я вас прошу...

- Извините, княгиня... - спохватился кавторанг.

- Сядьте, - сказал Чаплину седовласый линейный адмирал. - А вы, Чаплин, разве так уж хорошо знаете эту женщину, чтобы мило болтать с ней обо всем, что вам удалось узнать от офицеров моего Беломорского штаба?

Тут кавторанг посадил на место адмирала.

- Простите, ваше превосходительство, - с легкой издевкой произнес Чаплин, - но даже шнуркам от моих ботинок известно гораздо больше, нежели вашему штабу. Что же касается этой женщины, то... Представьте себе, адмирал, - знаю! Не могу вспомнить откуда, но - да, да! Удивительно что-то знакомое в ее облике. Еще с юности...

- Надеюсь, - примирительно заметил Виккорст, - вы еще не сказали княгине Вадбольской, что скоро здесь, на Двине, будет полно британских кораблей?

- Дали понять ей... чтобы не уезжала. Чего скрывать?

- Откровение необходимо в меру, Георгий Еромолаевич. Мы проникли очень глубоко. Но агентов ВЧК все же надо остерегаться... даже здесь, "У Лавалы"! Мне очень жаль эту красивую княгиню, но пусть она сама проснется завтра в новом мире. Без большевиков! Извините, и можете вернуться...

Провожая княгиню Вадбольскую по тихой улочке Немецкой слободы, Чаплин-Томсон сказал ей на прощание:

- Глафира Петровна, завтра Россия возродится... отсюда, из Архангельска. Видите на рейде огонек? Это яхта "Эмба", и бежит по антенне искорка радиопередачи. Я могу вам сказать заранее, что сейчас принимают радисты в Мурманске.

- Вы меня совсем заинтриговали. Я так полна впечатлений...

- В Мурманске сейчас принимают и расшифровывают сигнал, который

станет историческим: "Все готово, приходите немедленно".

Глава девятая

- Все готово, - сказал Суинтон, сбрасывая наушники. Архангельск настаивает, чтобы эскадра выходила немедленно.

Уилки куснул себя за палец - мечтательно.

- Хорошо, - поднялся он. - Я пошел...

Он заперся в своей тесной комнате, налил в стакан виски. Перед ним станция телефонных подключений. Прихлебывая виски, он соединился с телеграфной службой.

- Барышня! Кто это? Лизанька... Здравствуй, моя сладкая девочка. Ну-ка воткни меня в Кандалакшу... Да, из консульства!

Он пил виски и, глядя в потолок, ожидал соединения.

- Тикстон? Здорово, старый бродяга! Когда прибыл дипломатический корпус из Архангельска?

- Он уже на подходе, - сообщил Тикстон.

- Значит, в полной безопасности?

- Да. В полной.

- Будь здоров, Тикстон... Лизанька, солнышко мое, отключи, я разговор закончил...

Просунул ноги в матросские боты, надел высокую меховую шапку.

Кэмпен встретил его посреди адмиральского салона, - над головой адмирала качалась клетка с черным мадагаскарским попугаем.

- Архангельск? - спросил он сразу.

- И Кандалакша, - ответил ему Уилки. - Наши миссии в безопасности?

- Да, можно начинать...

...Генерал Пуль поднялся при появлении Кэмпена:

- Итак, адмирал, что-нибудь с "Эгбы"?

- Да. Нас ждут...

Пуль прошел в соседнюю с салоном каюту, где проживал под большим секретом один из лордов Британского адмиралтейства. Загнув страницу на недочитанном романе, он испытующе посмотрел на входившего Пуля.

- Что? - спросил лорд, не выдержав молчания генерала.

- Боевой курс, - кратко ответил Пуль. - Мы идем...

- Сколько единиц?

- Семнадцать вымпелов, сэр.

- Людей?

- Много не надо, сэр. Там уже все готово к нашему проходу. Архангельск будет взят голыми руками...

- И вот, понимаешь, - говорил Юрьев, кладя голову на грудь Зиночке

Каратыгиной, - чувствую с первого же удара, что мне до гонга не дотянуть... Бэкс, бэкс! Меня этот негр бьет...

- Ой, как страшно! - сказала Зиночка.

- Тогда я бью. Бэкс, - хукк справа... Раз! Не берет. Неф меня слева апперкот. Но я устоял. И вот беру его на свинг.

- Мне все так интересно с вами... - сказала Зиночка, изображая волнение. - Но что скажет муж? Наверняка он меня уже ищет...

- И не найдет! - говорил Юрьев, заваливая Зиночку на свою неряшливую постель. - Ты это брось... Знаю я вас, дамочек...

Зиночка успела только сказать: "Ах!" - и тут в дверь громко забухали кулаками.

- О черт... - выругался Юрьев.

- Это он! - заметалась Зиночка по комнате. - Боже, защитите меня. Я зашла к вам по делу. Ради бога, придумайте поскорее - зачем я к вам заходила?

- Сейчас... бэкс! - сказал Юрьев, распахивая двери.

- Ой... - испугалась Зиночка.

Старый Брамсон, не переступив порога, снял котелок:

- Добрый вечер, госпожа Каратыгина. Как вы хорошо выглядите сегодня. Так хорошо, что можно позавидовать вашему мужу...

Потом посмотрел на Юрьева с ненавистью и сквозь зубы, укрепленные пломбами, просвистел:

- Сссразу же... сссоро... без нассс не обойдутся!

Зиночку оставили с ключом от комнаты Юрьева, чтобы сама закрыла за собой двери и убиралась к своему скучному мужу. Начинались дела мужские дела чести; Брамсон всю дорогу негодовал.

- Это, наконец, свинство, - говорил он. - У нас с вами такой богатый опыт по борьбе с большевизмом, и - что же? На эскадру берут лейтенанта Басалаго, а нас оставляют в Мурманске. Но я и моя Матильда Ивановна давно мечтаем перебраться в Архангельск, поближе к фруктам... Сколько же можно есть ананасы в жестянках?

- Пошли, пошли, юрист, - волновался Юрьев. - Мы, слава богу, не последние парни на деревне. Без нас не обойдутся!

В консульстве их встретил сияющий Ванька Кладов.

- И я, - сказал. - Меня тоже берут.

- Тебя-то куда... поет?

- Представитель прессы при генерале Звегинцеве.

Брамсон даже побледнел от зависти:

- Видите? Даже старая кавалерия в ход вошла...

- Консул занят, - задержали их в приемной.
- Уилки? - спросил Юрьев.
- Он занят тоже.
- Подождем, - сказал Брамсон, плотно усаживаясь.
Уилки все-таки принял бедных просителей.
Выслушал.
- Мы же так много сделали для вас! - говорил Брамсон.
- Я не считаю себя вправе не ехать, - убеждал Юрьев. - Я не могу быть спокоен за все, что произойдет в Архангельске.
- Вы его займете, этот Архангельск, - горячо ратовал юрист. - Но разве сможете вы без нас управлять им? Без нашего богатого опыта управления целым краем?
- Вы уже знаете нас, - добавил Юрьев. - И то, что в Мурманске было проделано нами почти безболезненно, в Архангельске может обернуться для вас боком. Кто вас поймет так хорошо, как понимали мы вас в Мурманске?..
Уилки весь вечер пил виски. Пил и сейчас.
- Вы все Сказали? - спросил он, когда просители замолкли.
- Примерно все...
- Теперь буду говорить я, - произнес Уилки. - На что вы претендуете, господа? Здесь вы мелкие царьки на Мурмане, теперь вам хочется побыть царями в Архангельске? Так вот, доложу я вам, милейшие: правительство уже составлено... Без вас!
Он выждал минуту, дав им возможность оправиться.
- Да, - заговорил снова, - что было пригодно для мурманской автономии, то совсем неудобно для Северного правительства, которому суждено управлять громадной территорией от Печенги до Ярославля, включая Петрозаводск и Вологду... Вы растерялись от таких масштабов? - спросил Уилки, мило улыбаясь (он умел быть милым парнем). - Ничего, - утешил их лейтенант, это пройдет... Нужны правители демократические, не запачкавшие себя позорным клеймом соглашательства с большевиками. И по одной этой статье вы... Простите, но вы не подходите.
Юрьев был оскорблен.
- Мы же порвали отношения с Москвою... чего еще надо?
- Поздно порвали, - ответил Уилки. - А в Архангельске в состав правительства войдут настоящие бойцы - такие, как Лихач, Маслов, Иванов, Дедусенко, Гуковский... А кто ты такой, Юрьев? - спросил Уилки. - Что ты сделал? Написал две-три статейки в никому не известной газете Троцкого, которая и выходила-то не в России, а в Америке... Будем считать,

что тебе в Мурманске просто повезло, Юрьев!

Брамсон был явно подавлен чужим величием и собственным ничтожеством. Он спросил (очень робко спросил):

- А кто же решится возглавить Северное правительство?

- Чайковский, Николай Васильевич, член оборонческого ЦИКа. Товарищ не чета вам, старый народник, выпестовавший целую плеяду народовольцев, друг князя Кропоткина.

Юрьев за минуту успел все взвесить.

- Но мы-то здесь остаемся! - сказал он, и ему вдруг стало легко: черт с ним, с этим Архангельском, - видать, каждый сверчок должен знать свой шесток.

Уилки аккуратно поставил стакан на поднос.

- А почему вы должны оставаться здесь? - удивился он. - Мурманск теперь будет подчинен Архангельскому правительству. Вам, Юрьев, на Мурмане делать больше нечего. Найдите применение своим способностям в другом месте.

Вощеный пол английского консульства заходил под ногами.

- Предательство! - выпалил Юрьев. - Я же поставлен Лениным, самим Лениным, вне закона: меня убьют, как собаку последнюю...

Уилки уже что-то быстро строчил в блокноте. Вырвал листок, протянул его удельным мурманским князьям.

- С этой бумажкой, - сказал он любезно, - пройдете на авиаматку "Нанинэ", где вам дадут каюту. Вы можете посетить Архангельск в качестве гостей. Но британское консульство слишком погружено в свои дела и снимает с себя всякую ответственность за вашу жизнь, Юрьев. За вашу тоже, господин Брамсон!

- Возьмем? - неуверенно спросил Брамсон, растерянный.

- Возьмем, - согласился Юрьев, и они взяли эту записку. ...На все лады, прикинув к раструбам радиотелефонов, переговаривались над рейдом "клоподавы" его величества:

- Волнение - пять баллов, ветер - норд-тень-ост. Походный ордер клин, эсминцам лежать на зигзаге номер четырнадцать, готовность к бою первая, германские субмарины замечены только у Канина Носа, в Горле Белого моря - тральщики работают со вчерашнего дня... Мины замечены на подсечке!

Стылая вода размыкалась перед форштевнями, и кормы кораблей, бросаемые волнением, будоражили глубину, заставляя ее фосфориться самыми чудесными красками - как в тропиках...

Баренцево море - очень красивое море, только его трудно полюбить:

для начала оно из тебя десять душ вымотает!

* * *

Служба на тральщиках, как известно, каторжная. Коробки маленькие, их валяет справа налево, кидает вверх и вниз, борщ летит из миски куда-то в потолок, кислая капуста потом сочными лохмами падает тебе на голову, ты все время мокрый, спать можешь привязавшись. Но этого мало: тральщики ходят там, где другие стараются не ходить, - по минам! От этого ко всем неудобствам жизни надо прибавить и постоянное ожидание смерти. Здесь смерть - в одной ослепительной вспышке - может прийти внезапно, если борт тральщика сломает мягкий свинцовый колпак мины. Тогда - на глубине брызнет из пробирок электролит, замкнет гальванные контакты, и... Пстой, читатель, не пугайся! Человек ко всему привыкает. Так как ждать смерти ежесекундно человеку несвойственно, но на тральщиках к смерти никогда не готовятся. "Плевать нам на все!" - говорят.

...Это случилось в Горле Белого моря, где придонные тралы рвались не об острия грунта, - нет, тралы, нащупывая минрепы, рвались об мачты затонувших кораблей. Все было спокойно в этот день, толкучка волн (поморская суволя) не качала, а швыряла две коробки под флагами молодого советского флота. Флота слишком молодого, чтобы можно было успеть навести на нем порядок...

- Вижу дым, - доложил сигнальщик с мостика в рубку. В рубке предсудкома хлестал ром с минером.

- Чего видишь? - спросил он, на полную мощь закусывая. Из переговорной трубы - репетиция сигнала:

- Дым со стороны океана!

- Перестань курить на мостике, и дыма не будет, - захохотал в трубу предсудкома.

- Я не курю, - ответил сигнальщик. - А дым большой...

- Хрен с ним! - сказал минер. - В море без дыма не бывает. Поехали дальше, пред! Наклоняй ее, стерву, бережно...

На мостике так качало, что сопитухи, словно няньки, бережно держали бутылку: один за доньшко, другой за горлышко, - не дай бог уронить, тогда выпивка сорвется.

- Был случай, - сказал минер, выпив. - Еще в Кронштадте. Поступил к нам в команду вологодский...

- Вологодский?

- Ага.

- Я тоже вологодский.

- Нет, это не ты поступил... И такой здоровый бычок был - щелчком

пальцев сворачивал у мины взрывной колпак. Так сворачивал, будто на нее корабль напоролся. Ну и потеха! Как шибанет - так свинец мнется. Мины, конечно, были учебные. Но вот однажды пришли на минный форт для занятий, туды-т их... Он возьми да и шибани одну пальцем. Для потехи!..

- Семнадцать вымпелов! - медноголосо пропела труба, и в этот же момент колпак штурманского бра над картой, брызнув осколками, разлетелся к чертовой матери.

- Эх, не дали допить... - пожалел минер.

Предсудкома всунул ему в руки бутылку.

- Береги! - крикнул, выскакивая. - Потом дососем...

На палубе возле орудия стоял потрясенный комендор и показывал туда, где раньше была пушка. Теперь остался один станок; еще торчали, словно рогульки, острые цапфы с прицелом, а самой пушки как не бывало: сорвало и забросило в море. Когда англичане спустили на тральщиках флаги, минер с аппетитом вылакал ром, швырнул бутылку за борт и сказал:

- Эй, великая пиратская держава! Кто у вас тут главный корсар? Я хочу с ним перемигнуться в отдельной каюте...

Его доставили в салон адмирала Кэмпена, и минер вдруг преобразился. На хорошем английском языке он сказал, что все эти годы вынужден был таиться, опростившись под матроса; на самом же деле он офицер бывшего царского флота.

- К сожалению, - сказал он, - в Архангельск, сэр, вам не пройти. Фарватер для прохода эскадры имеется лишь один. Но он простреливается батареями с острова Мудьюг. А на фарватере будет затоплен, в случае вашего приближения, военный ледокол. И этот задержит вашу эскадру, сэр, по крайней мере на целую неделю, пока вы не освободите фарватер и не сровняете батареи с землей...

- Скажите, - спросил Кэмпен, - вы сейчас не ждали нас?

- Нет, и ваши выстрелы были для нас неожиданными.

- А в Архангельске нас ждут, - заключил Кэмпен. - И батареи острова Мудьюг не сделают ни единого выстрела. Что касается военного ледокола, то...

..Ледокол дал прощальный гудок - больше он никогда не увидит зелени русского берега, не пробьет льдов (серых - речных, голубых - океанских): его ждет смерть под водой. Добровольная гибель!.. Плыли мимо зеленой набережной, где циркачи из раскинутого шاپито купали медведей; ревел гудок над мастерскими Соломбалы - рабочие-портовики отвечали кораблю на возгласы прощальной сирены.

Комиссар ледокола (из матросов-большевиков), сняв фуражку, время

от времени тянул на себя шнур, и сирена брызгала на него горячим паром. Пасущиеся у воды коровы, заслышав рев громадного железного быка, плывущего на них по воде, испуганно шарахались в стороны родимых деревень, задрав хвосты столбиками.

Раскинулся впереди широкий плес моря: слева по борту мерцала искорка Никольского монастыря, справа - плоским блином, продутым ветрами, вытянулся остров Мудьюг. Где-то вдали, в мареве утреннего моря, косо прочертил след неизвестный аэроплан.

- Штурман, - сказал комиссар, оставив сирену, - можно давать счисление места. Команде - еще раз обойти отсеки и проститься с кораблем, после чего машинные - к кингстонам, а прочие - наверх к прощальному построению...

В штурманской рубке - сияние и перещелк точных приборов. Из длинных ящичков плоско летят карты: одна, другая... Принадлежности несложны: карандаш, циркуль, параллельная линейка; особо сдвоенная - она скользит по вощенной карте на шарнирах. Штурман - голова, математик, астроном. Самая древняя профессия в мире! Губы его беззвучно нашептывают цифры.

Циркуль бежит по карте быстрыми шажками, словно маленький человечек на ходулях.

- На мостике! - говорит штурман через трубу. - Поворот на шестнадцать градусов вправо, три кабельтова - точка!

На карте его, в скрещении пеленгов, стоит эта "точка", проставленная карандашом. Именно здесь, в этой "точке", ледокол закончит свои счета с этой неуютной жизнью в морской сырости, в объятиях льдов. Корпус его массивен, отсеки просторны и примут немало воды, - интервентам предстоит как следует повозиться, пока они освободят фарватер. Новый же фарватер так скоро не пророешь, - для этого нужны годы и годы...

- Команде - в шлюпки, кингстоны открыть... именем революции!

Нет, все было очень спокойно в море. Кричали в синеве неба чайки, задувал легкий ветерок; шлюпки с командой уже отошли далеко, когда трюмный машинист, спокойно вытирая руки ветошью, очень спокойно доложил комиссару:

- Приказ исполнен: кингстоны отдраены!

- Хорошо, - ответил комиссар и велел трюмным тоже отгребать на шлюпке. Теперь у кормы остался только "тузик" с двумя веслами, чтобы подобрать оставшихся на ледоколе - комиссара, рулевого и штурмана: они уйдут последними...

Ледокол сидел на воде ровно и тяжело, а где-то внизу, по узким

придонным отсекам, уже гремела, беснуясь, вспененная вода. Стрелка кренометра показывала пока "ноль".

- Штурман, - сказал комиссар, - теперь и закурить на-последки можно. Прямо на мостике, дисциплина ныне не пострадает...

Они закурили и, облокотясь на поручни, смотрели на темную воду: в глубине острыми мечами рубили мрак громадные рыбины.

- Семга, - сказал рулевой, тоже подходя к срезу мостика. - Ее здесь прорва. Поморы сразу как поймают, так пузо ножом вспорют, посолят со спины и - давай шамать... Сырую!

- Нет, это треска гуляет, - задумчиво отозвался штурман. Он бросил окурок за борт, и ветром его отнесло за корму.

- Вот, - сказал, - кажется, поехали к едреней фене!

Комиссар глянул на кренометр: пять градусов на правый борт ледакол уже дал. Еще минута, и крен стал ощутим на мостике: ноги шагали, как по горушке. Где-то вода уже врывалась в машину.

- Ватерлиния под водой, - глянул рулевой за борт. - Уже ее не видать. Пора смываться, как бы нас винтом не засосало...

- Штурман, - велел комиссар, - ты карты там, хозяйство свое научное перекинь в тузик, чтобы потом с ним не вожжаться.

- Сейчас, - отозвался штурман и ушел к себе в рубку. Рулевой вдруг вытянулся... Бросился к компасу, откинул на пеленгаторе светофильтры, чтобы его не слепило солнце. Взял первый пеленг на искорку далекого монастыря...

- Ошибка! - заорал он как ошпаренный, тараща глаза. - Счисление неверно... Мы в стороне от фарватера тонем! Тонем!

Штурман держал под локтем сверток карт, в другой руке деревянный чемоданчик с секстантом. Нервы его не выдержали, он бросил ящик и карты, головой плюхнулся с мостика прямо в море. Пока он плыл на глубине, комиссар успел зарядить наган.

Вот вынырнула голова и, встряхнувшись, отбросила на затылок длинные мокрые волосы...

- Белая тварь... на! на! на!

Наган точно стучал в руке. Фонтанчики пены выпрыгивали из воды то возле правого, то возле левого уха предателя. Отбросив наган, комиссар крикнул рулевому:

- Ванька! Дуй в туза... а я... Сейчас!

И по трапу - вниз: тра-та-та... тра-та-та...

"Остановить, задраить обратно, спасти..."

В командном коридоре с ревом неслась вода. Преодолев встречный

поток, комиссар добрался до машинных отсеков. Он знал, что там - под сводами должна быть воздушная подушка из спертого воздуха, сжатого страшным напором воды. Мутная зелень сквозила в шахте, по которой он нырнул на затопленную глубину.

Водоворот вышвырнул его как пробку, ударив об угол горячего котла. Вот она - подушка! Комиссар нырнул в нее головой, хватил воздуха, и уши сразу лопнули, пошли кровавыми пузырями: давление пробило барабанные перепонки. Он оглох и больше не слышал самого страшного шума для моряка - шума воды...

И он, этот герой, сумел добраться до штурвала кингстонов. Он сумел даже провернуть штурвал несколько раз. Он сдвинул заслонки, сколько мог. Но надо спешить наверх, чтобы снова глотнуть воздуха из подушки. От его ушей розовыми слоями плыла, медленно и тягуче, кровь...

И вдруг... Вдруг ледакол мягко вздрогнул! Корабль коснулся дна, а он остался здесь, запертый навсегда. Дыши, пока можется. Дыши, пока твое дыхание не отравит запас подушки.

- Предатель, - сказал комиссар и пошел прямо вниз, вниз...

Там, присев на корточки, он вцепился в манипулятор скоростей и, раскрыв глаза во мраке, стал жадно заглатывать в себя соленую воду. Чтобы не мучиться! Чтобы не сойти с ума!..

А наверху все так же спокойно светило солнце, кричали в небе чайки, когда штурман, весь опутанный водорослями, доплыл до косы острова Мудьюг. Оглянулся - за ним сверкало чистое море. Он лежал на горячем песке, а грязные сизые водоросли тянулись за ним по песку - отвратительные...

Отдышавшись, штурман встал. Его качало на земле, и в ушах еще стоял неумолчный звон воды. Сплюнув горечь, не спеша побрел вдоль тропинки. Где-то далеко, на желтых буфах, росли сосны. Мудьюг отделяло от матерой земли Сухое море: пролив, через который в мелководье, говорят, даже ходили коровы.

Скоро среди песчаных увалов показались крыши бараков. Штурман шагал, опустив голову, пока не напоролся на ряды колючей проволоки. Это была тюрьма, заготовленная впрок - на будущее. Пустые вышки для пулеметов просвистаны ветром с моря. Теперь штурман знал, что делать дальше. Обошел проволоку, толкнул незапертую дверь тюремной конторы. Здесь все было начеку, и полевой зуммер приветно прожужжал, когда штурман крутанул ручку.

- У аппарата адмирал Виккорст, - ответил далекий голос.

- Это я... - сказал штурман. - Ваше превосходительство, приказ

исполнен: ледокол затоплен мною в стороне от фарватера.

- Отлично, - прожужжал зуммер. - На батареях пока спокойно? - спросил "красный адмирал" из Архангельска.

- Вроде бы - тихо.

- Я подожду у аппарата, а вы поднимитесь на вышку...

Штурман вернулся с вышки, откуда он высмотрел устремленные в море орудийные стволы и блеск Голых тел артиллеристов.

- Ваше превосходительство, на батареях будничные порядки.

- Что они там делают? Не заметили?

- Загорают, ваше превосходительство.

- Хорошо, - сказал Виккорст, - отлив начнется через сорок восемь минут, Сухое море можно тогда переходить. Где вброд, где вплавь доберетесь. Надеюсь, штурман, завтра увижу вас в Архангельске... Уже в нашем Архангельске!

Глава десятая

- Какой самый страшный зверь на севере? - спросил Павлухин.

Женька Вальронд подумал:

- Медведь, наверное...

- Врешь - комар! - И Павлухин хлопнул себя по лбу. - Даже на солнце кровососит, а вечером - хоть беги...

Они лежали, обнаженные, на раскаленном песке, подставив солнцу белые спины, и море ласково подкатывало к ним вихристые гребни, от которых прохладило. Хорошо им было, очень хорошо! Далеко-далеко, лоснясь жирной шкурой, очень похожий на всплывшую гремучую мину, проплыл тюлень... "Недохлый ли?" - подумалось тогда каждому. - Нет, живой..."

- Север, конечно, прекрасен, - лениво говорил Вальронд, разнежась на ветерке. - Вот, знаешь, комиссар, закончится зга гражданская заваруха, и... Есть у меня мечта. Вполне осуществимая, кажется.

- Какая же, мичман? - спросил Павлухин, потянувшись к своим штанам за папиросами.

- Здесь флоту не миновать быть. Вот посмотрел я Мурман, и он меня потряс. Представляешь, весь этот хаос камней, воды, неба? Все так угрюмо, мрачно - словно циклопы нашвыряли скалы куда попало. И ушли прочь, лентяи, так и не закончив своей работы... Хотелось бы здесь, на севере, послужить. Честно скажу: подальше от высокого начальства.

- Послужишь, мичман. Сам будешь начальством. Ты - спец, тебе дело всегда найдется. А я вот в оптику подамся. Был у меня старик один в Питере, мы с ним по субботам в баню ходили и шкалики потом распивали.

Так вот, он мастер по линзам... Тонкое, скажу тебе, дело! Дураку ведь как - чечевица, и всё. А сколько труда в каждой линзе, а сколько высмотреть через нее можно и хорошего, и всякой дряни, что по нам иногда ползает.

- В нашем деле, - согласился Вальронд, - хорошая оптика - первое дело. Цель, точность наводки - вот главное!

- Не только, - ответил Павлухин. - Ученый микроба берет и под чечевицу кладет. Астроном тоже на звезды - через цейсса!

- Своего-то цейсса у нас пока нет, - причмокнул Вальронд. - Все у немцев покупали. А свое стекло с пузырьком варили... Такое не годится...

Издавек, от самых батарей, взбивая босыми пятками рыжую пыль, бежал боец.

- Видим дым!.. - кричал он еще издали.

- Сколько? - вскинулся Павлухин.

- Не разобрать. Под ветром дым слоится, как пирог... Вальронд уже натягивал черные широкие штаны. Павлухин просунул тело в тельняшку, мичман накинул на голые плечи легкий офицерский кителек. С этого момента они иначе смотрели на море, на чаек, на тюленя... Все это, волшебное и чарующее, останется в этом мире навсегда - нерушимо.

Но их (вот их-то как раз) может и не остаться...

- Ну, пошли, комиссар? - спросил Вальронд и подхватил с песка свою мятую фуражку. - Ничего не забыли?

Они шли на батареи даже не торопясь.

Молча. Вальронд прыгнул в окопчик, завращал штурвал корабельного дальномера с эсминца, заброшенный теперь для служения на берегу. В пересечении нитей скользила зеленоватая рябь, плоской нитью был отбит, как по шнуру, отчетливый горизонт.

- ...восемь... девять... одиннадцать, - считал Вальронд, четырнадцать... Всего семнадцать вымпелов! Это - они.

И толкнул дверь командного блиндажа:

- Офицеров просят... - и осекся.

В пустом блиндаже валялись бутылки и банки. Ни чемоданов, ни офицеров. Это было сделано по-английски: господа ушли, не попрощавшись, - способ отличный при таких обстоятельствах.

Вальронд был потрясен, но сдержался.

- Пехтура! - сказал, презрительно оттопырив губу. - Они же не знают стрельбы по морской движущейся цели. Ушли, как крысы, и тем лучше для нас. Не будут мешать... Построить прислугу!

Построились. Босые. Наполовину армейские, наполовину флотские. Пересчитались по порядку номеров.

- ...тридцать пятый! - выкрикнул левофланговый. Вальронд строго посмотрел на Павлухина:

- Почему не все, комиссар?

- Все, - сумрачно ответил Павлухин. - Остальные утекли, а других в двенадцать десять забрал катер, за продуктами ехать в Архангельск. Таков приказ главкома Потапова, - неспроста...

Вальронд смотрел, как наплывал с моря дым эскадры, и прикидывал... Прикидывал не мощь навесного залпа, а - людей. Как ему тридцать пять человек разделить на две батареи, если в каждой из батарей по четыре ствола? Задача непосильная даже для академика. На подноске снарядов людей сократить, а в наводке оставить всех - так он решил, и это было правильно.

- Будем принимать бой, - сказал Павлухин команде. Люди невольно обернулись назад. Через плечо каждый видел, как в струях дыма, отброшенного ветром за горизонт, растет громада - громада огня, брони, мощи...

- Павлухин! - позвал Вальронд. - Тебе комиссарить уже не придется. Давай садись за дальномер, и вспомним, как бывало в старые времена на "Аскольде"... Мы неплохо умели драться и раньше. Теперь до вечера, пока погреб не очистим, будем стоять здесь, как кнехты!

Комиссар подчеркнуто (пусть команда видит своего командира) вскинул руку к бескозырке:

- Есть на дальномер! - и пошагал...

Вальронд провел ладонью по шерстистой рыжеватой щеке.

- Я успею еще побриться, - сказал мичман...

* * *

Он появился снова на батарее ровно через пять минут, весь в белом и гладко выбритый. Белые брюки с отутюженными складками, белый китель застегнут на все пуговицы.

- Чего так парадно, мичман? - удивился Павлухин.

- Да понимаешь... как-то неудобно. Я все-таки офицер, и на меня смотрит прислуга. Я должен сейчас сверкать, как новенький пятак... Так уж положено. Не мной! Еще нашими дедами!

Дым наплывал, и Вальронд отдал первый приказ:

- Батарея - к бою! Орудия провернуть, дистанцию взять, боевые телефоны врубить...

На пункте управления стрельбой сразу зазвонил телефон. Рука мичмана парила над ящиками телефонов, не зная, какой из них вызывает батарею. Ага, вот этот: звонил архангельский.

- Мудьюгская позиция, - сказал Вальронд в трубку и выглянул за брестер: перед ним уже обозначались вымпела эскадры.

- У аппарата кавторанг Чаплин, - ответил Архангельск. - Осмелюсь говорить от имени Целедфлота... Власть большевиков свергнута, исполкомы и всякие губкомы драпают. Образуется в городе новое правительство во главе с истинным социалистом - Чайковским, ветераном русской революции... Алло! Мудьюг, Мудьюг!

- Да, да, - ответил Вальронд. - Я вас слушаю дальше.

- Что же вы молчите?

- Жду указаний, если таковые будут.

- Указания получите от адмирала Виккорста, он у аппарата.

- Указания таковы, - заговорил Виккорст, - фарватер чист, эскадра союзной помощи спешит, она на подходе... Не вздумайте, мичман, открыть огонь! Это вызовет страшные осложнения в судьбе всего российского отечества.

Вальронд ответил:

- Отечества не посрамлю, господин адмирал. Будьте на этот счет спокойны. Тут собрались такие патриоты, что любо-дорого, приезжайте вечером на них любоваться...

И хлопнул трубку обратно в ящик.

- Комиссар! - гаркнул. - Руби дистанцию до флагмана...

- "Аттентив" под флагом адмирала Кэмпена, - звонко выпевал над дюнами голос Павлухина, - дистанция... Головным идет французский "Адмирал Ооб", дистанция... Авиаматка "Нанинэ"...

- Протри стекла! - в бешенстве заорал Вальронд.

Павлухин высунулся из окопчика.

- Протри глаза, - ответил. - Я репетю как надо: авианосец "Нанинэ" идет в кильватер за "Аттентивом", и я вижу самолеты на палубе. Им приставляют крылья! Значит, сейчас полетят...

- Ладно, - сказал Вальронд, опуская бинокль. - Самолеты так самолеты... В самом деле, век двадцатый, на что я обижаюсь?..

Первый гидроплан, взлетев над островом, рванул землю бомбами, и с шорохом посыпались с неба листовки. Вальронд поймал одну прокламацию на лету, - она была подписана генералом Пулем.

"Приказываю батареям беспрекословно сдаться. На размышление дается 30 минут, и если в течение этого времени батареи не выкинут белого флага, то они будут сметены огнем союзного флота..."

От батареи хлопнул винтовочный выстрел.

- Эй, кто там горячку порет?

- Пришили одного... трус! Бежать намаслился...

Итак, осталось тридцать четыре. На пункте - он, на дальномере Павлухин. Итого тридцать шесть.. Как чугунные кнехты!

Все они прочли запугивания генерала Пуля.

- Читай скорее! - орал Павлухин, почти весело. Дистанция между батареей и армадой эскадры, уже развернувшейся для прохода на фарватер, быстро сокращалась, и теперь можно было начинать.

- Пристрелочным... огонь!

Первый снаряд лег тютельница в тютельница, под самым бортом флагмана, и там вздернулись на мачте флаги. Отсюда было не прочитать, что "пишут", но и читать не хотелось. Было ясно - союзники возмущены до глубины души большевистским "пристрелочным".

- Боевыми! Клади... Отклонение., целик... залп!

Снова вызывал Архангельск:

- В уме ли вы, мичман? Что вы делаете? Мы сейчас получили радио с эскадры... Прекратите огонь!

Вальронд, не отвечая, схватил ящик и швырнул его под ноги себе: все! С Архангельском он больше говорить не станет...

Восемь стволов медленно накалялись. Краска на них сначала вздулась, будто ее ошпарили, потом стала шелушиться и отпадать слоями при каждом выстреле. Эскадра открыла ответный огонь, и земля сразу встала на дыбы: "чемоданов" не жалели. На зубах хрустел колючий песок, все плавало в дыму. Убитую чайку закинуло к Вальронду в окоп, и он заметил птицу, когда уже затоптал ее под собой ногами...

Павлухин исправно, как автомат, рубил дистанцию.

- Перехожу на поражение! - крикнул ему Вальронд.

- Давай...

И все время какой-то отчаянный звон висел в ушах.

Англичане отвечали деловито: тщательно прицеливались и торопливо кидали на Мудьюг главнокалиберные снаряды, которые разом подкашивали сосновое редколесье, напрочь срывали бугры.

Вальронд стоял, до самого живота засыпанный песком. Сверху на него летел всякий хлам, поднятый взрывами. Батареи стали реже стрелять, и он подсознательно понял: уже есть убитые...

И вдруг все стихло, только продолжался этот звон. Казалось, звенит в ушах. Но - нет, это из ящика зуммера, забитого землей, давно трещал звонок... Разгребая песок, Вальронд нащупал трубку местного телефона. Странно: Мудьюг вызывал... сам Мудьюг!

- Кто там еще? - спросил он, не узнавая своего голоса.

- Вы еще живы? - И в интонации вопрошавшего было что-то очень знакомое. - Кто у аппарата?

- Канцлер, - хрипло ответил Вальронд. - У аппарата великий канцлер, светлейший князь Горчаков.

Недолгое молчание - и голос лейтенанта Басалаго:

- Это ты, Женька?

- Здорово, Мишель, - ответил Вальронд.

- С краснофлотским тебя приветом, Женька... Сволочь ты большевистская! Вот уж не ожидал от тебя такой подлости... За сколько же ты продался, ренегат несчастный!

Вальронд ответил так:

- Каюсь, что предал тебя. Каюсь, что предал лейтенанта Уилки. Каюсь, что предал адмирала Кэмпена... Но я никогда не предавал своей родины. И ты, дурак, соображай, что говоришь! Меня на голой мякине пафоса не проведешь...

- Мы тебя будем судить. Даже без пафоса!

- Ты меня сначала поймай, а потом суди... хоть с пафосом! Вспомни, Мишель, бутылку с денатуратом...

- Иди ты к черту со своим денатуратом! Очень жалею, что пил с тобой, с подлецом...

- Я тоже оплакиваю тот день, Мишель! Мне бы надо, дураку, поставить два литра столярной политуры. Закусывая хамсой, я бы выжил, а ты бы почивал сейчас на Митрофаньевском кладбище. Кстати, - спросил Вальронд, - откуда ты говоришь со мною?

- Англичане уже высадили десант на вашем Мудьюге, - ответил Басалаго, - и я состою в этом десанте. Звоню тебе из барачной тюрьмы, в которой тебе сидеть, Женечка, пока не подохнешь. Отсюда до ваших батарей - рукой подать. Сейчас придем...

- Шестидюймовый, - ответил Вальронд в ярости, - фугасного действия... в глотку тебе - принимай!..

На этот раз авианосец пустил на них самолеты. Вот когда начался кромешный ад. Били с кораблей, теперь и небо осыпало их пулями. Мертвых оттаскивали в сторону, в расчетах оставалось по два бойца. Орудия, одно за другим, замолкали, чудовищным жаром несло от горящего порохового погреба. Наконец и дальномер покорежило взрывом, - тогда Павлухин вытянул мичмана из командного окопа.

- Пошли! - крикнул в ухо...

Вальронд взялся за рукоять замка. Она была жирной, и блестящий горячий металл забрызгало мозгами, перепутанными чьими-то волосами.

Это было противно, но тогда он даже не заметил этого.

- Подноси, - сказал, и Павлухин, согнувшись, подтащил тяжелую болванку снаряда. Смачно лязгнул замок, затворяя снаряд в канале; оба плюхнулись в пружинные кресла: один - на вертикаль, другой - на горизонталь.

- Совмещаю, - проорал Вальронд, - по "Глории"!..

- У меня тоже есть совмещение... - ответил Павлухин, и мичман остервенело послал в пространство снаряд.

На корме крейсера выхлопнул дым, и в розовом облачке огня, круто описывая циркуляцию, корабль вышел из строя: попадание! Другой корабль противника, сильно поврежденный, уже пошел, спасая себя, прямо брюхом на берег. От горящих погребов летели искры, они обсыпали китель, спина горела...

- Заряжаю, - сказал Павлухин, снова подтащив снаряд. Вальронд поднял голову. Низко-низко летел британский "хэвиленд". Вот до пояса высунулась из кабины, чуть не выпадая наружу, фигура пилота, а в руке его - кругляш бомбы...

- Совмещаю, - сказал Вальронд.

Рукоять крутилась в ладони, как скользкая рыбка.

Бомба из руки пилота с воем неслась вниз... Трубка прицела вдруг больно ударила мичмана в глаз. Орудие опрокинулось назад, и в яростном блеске разрыва Вальронд увидел в последний раз и синеву неба, и плоский горизонт, и чаек...

Это был конец. Пока для него. Для Вальронда...

* * *

Советская власть еще жива в Архангельске, от Маймаксы строятся вдоль берега вооруженные рабочие, - и адмиралу Виккорсту приходится с этой властью считаться.

- Не знаю, как это получилось, - смущенно признался адмирал, с хрустом сворачивая карту. - Но выяснилось, что фарватер еще не закрыт. Совет комиссаров, исходя из этого, настаивает на срочном затоплении двух ледоколов: "Святогор" и "Микула Селянинович". Приказано на этот раз, для вящей уверенности, взорвать их перед затоплением. Заряды вы получите от товарища Костевича... Вы его, конечно, знаете?

Дрейер знал, что Костевич за быструю эвакуацию порохов получил от Советской власти премию в три тысячи рублей, хорошо проявил себя тоща, и не верить этому человеку было нельзя. Из рук в руки перешли взрывные запалы.

- Вами проверены? - спросил Дрейер.

- Мной... взорвутся!

Еще вчера стало известно, что интервенты заняли город Онегу, и теперь их подвижные отряды двигаются старинным трактом на Обозерскую - в обход, чтобы отрезать пути отступления большевикам. Архангельск уже срочно эвакуировал губернские учреждения.

А два ледокола, разбрасывая буруны, рванулись зигзагами дельтовых протоков, чтобы отдать свою мощь глубине. Офицеры с кораблей еще накануне разбежались, почуяв неладное, и остался один поручик Адмиралтейства Николай Александрович Дрейер. Черная крылатка реяла за его спиной, как крылья, он закусил в зубах ремешок фуражки.

- Аврал! - сказал Дрейер боцману. - Большая приборка. Команде быть по первому сроку...

Ах, какая печаль струится из-под картушки компаса! Ах, как жаль расставаться с привычным уютом штурманской рубки! За Бревенником развалины Новодвинской крепости, строенной еще при Петре Первом. И вот так всюду: куда ни выйдешь - всюду глядят на тебя остатки былой славы России...

- Пора! - И Дрейер склонился над столом за расчетами.

Ну, за этого человека можно ручаться: он затопит корабли точно на фарватере... Два ледокола сверкают чистотой. И матросы кричат "ура". Сейчас разрывы искорежат борта кораблей, чтобы вода ринулась в отсеки, все сокрушая...

- Взрыва нет, - сказал минер.

- Проверьте цепь еще раз!

- Проверил... два раза. Запалы - курям на смех.

- Но их вручил мне сам Костевич!

- Значит, и он предал...

Ледоколы тонут с открытыми кингстонами: это ненадежно, но необходимо хоть как-то преградить доступ эскадре.

Когда на буксире-подкидыше команды ледоколов вернулись в Архангельск, от пристани как раз отходил минзаг "Уссури".

Дрейер сразу созвонился с военкомом Зенковичем:

- Куда пошел "Уссури"?

- А черт его тут разберет...

- Немедленно! Отдайте приказ, чтобы "Уссури" затопили.

- Где?

- Между ледоколами - как раз между ними. Это совсем нетрудно: там глубина малая, и наши ледоколы хорошо видны на грунте... А как Мудьюг, держится?

- Держится Мудьюг, держится...

Пока Мудьюг держится, Архангельск будет советским. Казалось, еще не все потеряно, если бы... Если бы нашелся человек, который мог бы возглавить оборону. Но главком Потапов скрылся, и напрасно трещал телефон в его кабинете: любой, кому не лень, подходил, снимал трубку, и выслушивал за Потапова доклады - самые строгие, самые секретные. Потапов служил царю, был порученцем при Керенском, потом перешел к большевикам, и теперь новый флаг распускался над его головой - флаг британский. Слишком много флагов для одного человека!..

Не хватало Павлина Виноградова - сильного, резкого, пусть даже склонного к рискованным решениям, но зато человека, преданного делу революции. Настоящего ленинца! Павлин Виноградов расхлебывал сейчас в Шенкурске ту кашу, которую заварили сиятельные господа эсеры, и наверняка не знал, что творится сейчас в Архангельске. Маймакса вооружилась, это так, но сборные пункты бойцов пустовали: опора Советской власти, пролетарий закопал винтовку на огороде и выжидал, что будет дальше.

Самые надежные части предательски были переброшены из Архангельска на левый берег Двины, - там они томились в бездействии. В городе остался конный эскадрон "диких" ингушей во главе с "левым" ротмистром Берсом и 1-й архангельский батальон, издавна известный бунтами против Советской власти. Сильнейший же отряд обороны - 1-й полк - был до мозга костей пропитан партизанщиной, самой махровой. Хотим - умрем, не хотим - не будем. В этот трудный день они воевать не желали. Митинг за митингом, речь за речью, истерика за истерикой! И с бесподобной лихостью таскали по лестницам казармы свои винтовки за... кончики штыков; пусть дребезжит приклад по ступеням, пусть летит прицел к чертовой матери; пусть выпал из винтовки затвор и рассыпались по земле патроны.

- Не жалам! - орали, и точка...

Наконец стало известно, что Мудьюг пал: англичане огнем сровняли батареи с землей. И теперь, за баром, они быстро спускают водолазов, которые вот-вот снова закроют кингстоны. А тогда заработают на откачку помпы, и ледоколы всплывут снова, как поплавки, освобождая фарватер для интервенции...

Эвакуация продолжалась. По реке, сталкиваясь и трубя, сплывали пароходы с беглецами. На палубах навалом было навалено: архивы губисполкома, ящики с патронами, конторские столы; бабы качали детишек, ревели на палубах коровы, на мостике одного буксира блеяла

коза, привязанная к нактоузу компаса. А над этим табором людей, стронутых с насиженных мест, уже пошли барражировать британские "хэвиленды", прилетевшие с авиамамки, и нет-нет да и сбрасывали бомбу...

К вечеру в городе остались из большевиков только одиночки: или выполнявшие ответственные поручения партии, или те, кто тревожился за свои семьи. Не была вывезена из Архангельска и казна исполкома. Среди редких одиночек-большевиков остался в городе и поручик Дрейер.

- Я устал, - говорил он. - Завтра... завтра утром еще можно выехать. Англичане хотя и прекрасные мореходы, но ночью не пойдут. Фарватер захламлен, дельта сложная, и они не рискнут...

Ужинал он, как всегда, "У Лавалья", где уже началась пьяная вакханалия. Безвластие! - появилось безвластие. Делай что хочешь. И впервые, именно с этой ночи, кавторанг Чаплин скинул визитку, - облачился в царский мундир. Из-за стола он посматривал на Дрейера - с усмешкой, с наглым вызовом...

Среди общего разгула и пьяных речей вдруг широко распахнулись двери, и в зал ресторана вошли оборванные подонки, место которым раньше было в пивных шалманах. Чернобровый человек в отрепьях вскинул руку над головой, приветствуя сборище.

- Имею честь, - сказал он, - полковник генштаба - Констанди, Сергей Петрович.

Выступил здоровенный детина с черной повязкой на глазу.

- Капитан Орлов, - назвал себя хмуро...

Это были будущие полководцы Северной армии.

Твердыми шагами к Дрейеру подошел адмирал Виккорст.

- Па-аручик, - сказал он, - я думаю, вам лучше уехать отсюда.

- Я это сделаю, адмирал... Мозолить глаза вам не стану!

* * *

Мурманск! - К нему была приложена тактика постепенного "обволакивания", задурманивания, тактика посулов жратвы и лозунгов.

Архангельск! - Здесь все было гораздо проще: мятеж.

Глава одиннадцатая

Человек бежал по вымершей улице. Мимо заборов, мимо палисадов, мимо домов, слепо глядевших на него закрытыми ставнями. Тонкий переплеск шашек резал за ним воздух, и плясали по мосткам чеченские кони. Один рывок руки, только взмахнули рукава грязного бешмета, - и человек, хватаясь пальцами за голову, рухнул на землю... Медленно разжались его пальцы. Всё!

И спокойно вытирается шашка, - для следующего...

Эскадрон ротмистра Берса еще с ночи стал захватывать учреждения, вырубая коммунистов, грабя напропалую. Утром "дикие" дорвались до казны. Их встретили огнем из наганов, по загаженной лестнице лениво и тягуче стекала кровь.

С боем пробились к сейфу, где лежало 4 000 000 рублей.

- Выручка! - заорал Берс в исступлении.

"Дикие", словно перед священной Каабой, сняли папахи. Блестели их гладко бритые черепа, щерились ровные зубы на коричневых потных лицах, сверкали кинжалы в шерсти рваных бешметов.

- Дэнга! Дэнга! Дэнга! - говорили они, радуясь.

Берс от счастья испытал слабость.

- Как будем делить? - спросил он, садясь на ящик.

- Иншаллах! Иншаллах! (как угодно аллаху).

Аллаху угодно было так: офицеры получили, в зависимости от звания, от ста пятидесяти до четырехсот тысяч, рядовые же всадники сложили себе в папахи по двадцать тысяч рублей. И, сразу успокоенные исходом событий, разошлись по казармам, бережно ведя в поводу взмыленных лошадей. Но сам ротмистр Берс был далек от успокоения:

- Будем принимать союзников. Оркестр! Цветы! Хлеб! Соль! Звоните по телефону епископу Павлу... Я не слышу колоколов!

Хорошая затрещина обрушила Берса наземь.

- Мерзавец! - сказал ему Чаплин, брезгливо вытирая длань. - Кто тебе давал право определять себя в главнокомандующие? Главнокомандующий здесь я, только я, и генерал Пуль уже утвердил меня в этой должности... Где деньги?

Город с утра был пьян... от вина, от крови, от барышей.

Чаплинцы вступили в перестрелку с рабочей Маймаксой, пулеметы дробно жевали ленты, прочесывая иллюминаторы кораблей, стоявших у Соломбалы. Жажнула с "Финлянки" - от тюрьмы - мортирка. Большевики-одиночки, засев на крышах, отбивались наганами и гранатами. Они отходили, огрызаясь огнем, на другой берег. Кавторанг Чаплин, по совету Констанди, сразу бросил свои отряды на занятие Бакарицы и Исакогорки; десант интервентов уже маршировал от Онеги - прямо на станцию Обозерская; капитан Орлов (не дворянин - из кулаков) кинулся на пригородные огороды и там сразу сбил в банды местных купцов и лавочников.

На автомашинах носились по городу, затянутые в кожу, боевые эсеры, произнося речи на перекрестках; красные знамена развевались над ними, но чаплинцы эсеров не трогали (была договоренность). С этого дня все

эсеры делились на две партии.

- Хвостатые и без хвостов! - объяснил Чаплин своим людям. - Хвостатых мы прощаем: они отвадились от Советов и пришли к нам, приведя за собой отряды... Без хвоста - дело сложнее. Это значит - эсер явился под наш скипетр в едином лице. Такого можно под горячую руку и шлепнуть. Я не возражаю, даже поощряю...

Последний буксир отходил под огнем. Стремясь попасть на него, через полноводную Двину плыли люди. И повсюду, куда ни глянешь, поверхность реки покрыта людскими головами - плывут, плывут, плывут, кто как умеет, - больше всего саженьками. И пулеметы стервенеют от ярости: вдоль бульвара, вдоль реки - грохот...

Убивают!

Буксир взревел последний раз - торопитесь, люди. Уже убрали сходню. И вдруг раздался выкрик - отчаянный:

- Дрейер уходит... хана нам, братцы! Все нас предали... Николай Александрович обернулся: стояли на берегу матросы с ледоколов. Мокрые, иные в кровище, лица в пятнах мазута и нефти, они только что выбрались из воды. И тогда Дрейер подумал: "А правильно ли я делаю, что ухожу? Покинуть их... в такой момент. Какова же цена моих речей? Люди так верили мне!"

И он решительно прыгнул с трапа на берег:

- Кто сказал, что я ухожу? Я остаюсь.

* * *

В двенадцать часов дня появилось на горизонте правительство Северной области во главе с "премьером" (он же министр иностранных дел) Николаем Васильевичем Чайковским. Глава всей этой лавочки был уже вельми немощен и отягощен годами. Белая патриархальная борода его, выглядевшая вполне патриотично, внушала уважение даже чаплинцам. Не всякий ведь истинно русский способен отрастить такую бороду, чтобы потом авторитетно вознести ее над миром от самой Печенги аж до самой Печоры...

Проходя через толпу, принаряженную, словно к пасхе, старик сердито тыкал вокруг себя суковатой палкой и покрикивал:

- Да здравствует свобода! демократия! право голоса! Товарищи, чтобы не было никаких кривотолков, я сразу заявляю перед почтенной публикой: я народный социалист!

Только секретарь правительства Зубов был кадетом. Все остальные портфели быстро расхватили эсеры. И все в Архангельске отныне делалось только "во имя спасения родины и революции".

Чаплин морщился, недовольный:

- Гнать бы их всех... поганой метлой. Нужна диктатура!

"Во имя спасения родины и революции" правители призвали в Архангельск эскадру интервентов, стоявшую за баром, и это был первый политический акт нового правления.

С утра бойко торговали кабаки и пивнухи; никогда еще не видел Архангельск столько пьяных офицеров; звенела посуда, навзрыд рыдали гитары, и отовсюду несло - лихое, забубённое:

У нас теперь одно желанье

Скорей добраться до Москвы,

Увидеть вновь коронованье,

Спеть у Кремля:

"Алла верды!.."

Это пели "хвосты", притянутые эсерами к Архангельску.

Вечером была вынесена на пристань хлеб-соль... Ждали!

И вот завывали трубы, забубнили барабаны, звякнули, полыхая медью, полнозвучные тарелки... Пошли, пошли, пошли! - королевско-шотландские, ливерпульские, дургамские, Йоркские, хваленый 339-й полк американской пехоты, покатались по булыжнику пушки канадской артиллерии, лихо промаршировал французский полк колониальной гвардии... Чайковский широко крестился при этом.

- Слава богу, слава богу, - шептали из густой бороды губы. После прохода частей на трибуну взбежал эсер Лихач.

- Граждане! - возвестил он. - По случаю чудесного избавления Архангельска от большевиков мы, социалисты-революционеры, преданнейшие борцы за свободу рабочего дела, объявляем торжественное молебствие в соборном храме с епископом Павлом...

Всю ночь опять пили. Хлопали выстрелы. Кого-то убивали. Вовсю разгулялись чаплинцы. Попался им на глаза "министр юстиции" Гуковский эсер, конечно. Приставили к пузу ему револьвер, и вдрызг пьяный поручик Лермонтов сказал, заикаясь:

- А знаете, господин эсер, вот эта штука... Вот эта! Черт ее знает почему, но иногда она стреляет...

"Министра юстиции" увел от греха подальше "министр промышленности и торговли" Дедусенко (тоже эсер). По всему Архангельску искали ротмистра Берса, который называл новое правительство "узурпаторским" и говорил, что именно он, ротмистр Берс, есть глава нового правительства, а всех остальных никто не звал сюда, и потому их надобно - в шею!

Среди ночи раздался на улице истошный вопль:

- Который казну упер... вот он! Хватайте его, граждане... Дело плохо: ротмистр Берс - "левый!" - удирал по левой стороне улицы, только газыри сверкали. Он, конечно, не станет ждать, когда его поймают.

- Держи-и-и... - несло следом.

А ну, ротмистр, поднажми, докажи, что ты левый! Вот и Банковский переулок. Под блеклым светом фонарей летят, словно птицы, номера домов. Четыре... шесть... восемь. Ага, вот номер четырнадцатый! Звонок, - и дверь, приняв Берса, тут же захлопнулась. Погоня остановилась и прочитала вывеску. Британское консульство, вот те на! Именно за этими дверями ротмистр Берс и пропал навсегда для русской истории...

На следующий день, раненько утром, под благовест колоколов, подошла к пристани яхта, и на берег Архангельска сошел молодцеватый генерал Фредерик Пуль. Его встретили по-европейски - с корреспондентами. Поглядев на опухшие с похмелья морды, генерал Пуль дал краткое интервью:

- Мы бы, конечно, сами никогда не пришли. Мы пришли только потому, что нас пригласили. В русские дела мы, как всегда, не вмешиваемся. У вас есть свое революционное правительство. Но, - заявил Пуль, подумав, - желательно иметь дело с правительством, построенным по европейскому стандарту, с филиалами министерств и прочее. Желательна и оппозиция, вполне благородная, при этом правительстве. Пусть это будут даже большевики, как на Мурмане! Через десять дней, - закончил Пуль совсем неожиданно, - мы уже будем в Вологде...

Впервые в жизни Пуль ел архангельских рябчиков. Сколько он съел их учету не поддается. Весь день ушел на приемы, на визиты, на званые обеды и речеговорение. Почти как в Европе!

В тот же день было выпущено обращение к населению.

* * * ОБРАЩЕНИЕ АНГЛИЧАН К НАСЕЛЕНИЮ
АРХАНГЕЛЬСКА{23}

"Ваши союзники не забыли вас. Они помнят ваши услуги, которые оказали им ваши геройские армии в первые годы войны.

Мы пришли к вам на помощь, как друзья, помочь вам спастись от развала и разрушения в руках Германии, которая старается поработить вас, используя громадные богатства вашей страны для своей пользы.

Судьбы России - в руках русского народа... Ваши настоящие интересы, как независимой нации, есть поддержание свободы, которую вы завоевали революцией... Мы всё еще ваши союзники, и мы встали рядом с вами на защиту этих великих задач? без которых не может быть окончательного

мира и настоящей свободы всех народов.

Мы торжественно заявляем, что наши войска вступили в Россию не потому, что мы хотим захватить хотя бы одну пядь русской земли, а для того, чтобы помочь вам... Мы оплакиваем гражданскую войну, которая разделяет нас.

Русские люди! Присоединяйтесь к нам для защиты ваших же свобод, ибо наше единственное желание видеть Россию сильной и свободной.

Русские люди! Мы хотим... принести экономическую помощь вашей разоренной и страдающей стране. Мы послали уже припасы в Россию, еще большие количества их идут нам вслед.

Мы хотим... содействовать вам занять достойное вас место среди свободных народов мира".

* * *

Поздно вечером Пулю доложили:

- Капитан Дайер, раненный сегодня у станции Исакогорка, находится при смерти и желает вас видеть, сэр.

- Я не священник, - ответил Пуль устало.

- Дайер имеет нечто секретное. Только для вас...

...В палате американского госпиталя на Троицком проспекте - мутный и желтый цвет. Вытянувшись, лежал на койке умирающий капитан Дайер. Слабо шевельнулась рука, испачканная ружейным маслом.

- Генерал, я многое обдумал... еще накануне, в Мурманске, Пуль присел и нагнулся к губам капитана.

- Большевики очень тверды... не отрицайте, генерал!

Пуль кивнул: он не отрицал этого.

- Нам, - продолжал Дайер, - их не победить. Да, я все продумал... заранее. Не уничтожайте пленных, генерал. Соберите всех красноармейцев. Не тех, которые переходят к нам... Нет! Такие не нужны. Нам нужны те, которые бьются до последнего патрона. Их надо приласкать. Переучить. И создать железный батальон. Из большевиков - против большевиков! Вы меня поняли? Отлично вооруженные новейшим нашим оружием, одетые и сытые, они принесут победу вам и вашей доблестной армии...

Голова Дайера упала на ворох жарких окровавленных подушек.

- Как жаль, - простонал капитан, - что я уже не смогу стать во главе этого батальона. Меня убили... убили большевики!

Пуль поднялся. Постоял молча. Взялся за край простыни и широким жестом задернул лицо мертвеца... "Во всем этом, - сказал он себе, - есть нечто разумное: Дайеровский железный батальон".

На выходе из палаты генерал Пуль столкнулся со спешившим к

умирающему полковым капелланом Роджерсоном; большой крест из авиационного алюминия качался на груди священника.

Пуль сказал ему:

- Вы опоздали, патер, напутствовать его в иной мир. Но зато я успел получить напутствие в мире этом...

А в матросской Соломбале вечером был митинг. Эсеровский.

Но поручик Дрейер выступал как большевик. Он опять говорил о верности русской революции. Ее традициям! Ее идеям! И все время, пока бросал в толпу слово за словом, лопатки его спины были сведены в предчувствии удара - пули за пулей. Но нет, его не убили. В толпе митингующих было много американцев, и при каждом возгласе "Ленин" они ему аплодировали, как и русские...

Потом к поручику подошел сумрачный французский полковник.

- Архангельский губернатор - полковник Доноп, - представился он. - Это вы большевик?

- Да, я большевик.

- Говорят, вы заграждали фарватер перед нашими кораблями?

- Да, это я делал.

- Почему вы остались в Архангельске, когда другие ушли?

- А почему вы появились в Архангельске?

Доноп помялся.

- Надо носить погоны... - заметил он вдруг.

- Флотилия наденет - и я надену, - ответил ему Дрейер.

В потемках тихой улочки, невдалеке от кладбища, где осели в болото могилы безвестных мореходов, кто-то окликнул поручика:

- Николай Александрович... стойте!

Это был радиотелеграфист Иванов, член партийной ячейки. Он подошел к Дрейеру, дососал окурков, притопнул его каблуком.

- Что передать-то? - спросил, оглядевшись. - Куда?

- Да нашим... в Вологду?

Дрейер обнял и поцеловал матроса.

- Передай главное: Архангельск на месте, а мы в Архангельске тоже на месте... Как хорошо, что я никуда не ушел!

* * *

Что сделали англичане, заняв Архангельск? Они закупорили подходы к этому городу двумя пробками (одна пробка - на Двине, другая - на железной дороге), чтобы спокойно, отсиживаясь взаперти, провести мобилизацию белой армии. "Пробки" же эти, пока белая армия не создана, удерживали сами интервенты.

По реке, взбаламученной и задымленной, ещё тянулись в Котлас караваны беглецов. Теперь держи этот Котлас зубами, вцепись и не разжимай зубов, ибо за Котласом - Вятка, за Вяткою - Пермь, а за Уралом - Сибирь, и оттуда скоро поперет адмирал Колчак... Ленин отдал суровый приказ: держать Котлас во что бы то ни стало!

Самокин сбежал по сходне на горячую палубу буксира "Элеонора". В низенькой каюте Павлин Виноградов что-то быстро писал.

- Садись. Я пишу как раз Кедрову в Вологду доклад! Хотя мне сейчас не до докладов. Но должны же они всё знать точно...

Через открытый иллюминатор долетал гам голосов, треск ломаемых пристаней, плач детишек, мычанье коров: на реке - паника.

- Ты откуда сейчас? - спросил Самокин.

- Был в Шенкурске, там же узнал, что Архангельск пал. На этой вот посудине проскочил верст семьдесят к северу и англичан еще не встретил. Река чистая! Но и наших не собрал. Военкома Зенковича, говорят, на улице зарубили шашками. А кое-где по лесам да по кочкам шляются группами. Человек по пять, по десять. Собирать их в армию - мука мучная!

- Хоть кто-нибудь из военспецов ушел за нами?

- Почти все остались у англичан в Архангельске... Но эти трусы! Эти проклятые шкуры...

- Кого кроешь, Павлин? - спросил Самокин.

- Весь исполком Архангельска надо поставить к стенке как предателей революции! - ответил Виноградов. - Ты посмотри, какие негодяи: им даже Котлас кажется теперь опасным, и они подрапали на кораблях дальше - на Устюжну... Нагоню! Наганом и кулаком заставлю их вернуться^{24}. Ведь все ясно: они рвутся на Котлас, пока реки еще не замерзли. Значит, мы должны, Самокин, победить их на воде. Именно на воде! Когда лед встанет, тогда можно ударить по суше - лесами...

- Верно говоришь, Павлин... А ты ничего не слыхал, как там с Мудьюгом? Ходят слухи, что мудьюгские дрались.

- До Мудьюга ли теперь?

- Жаль, - призадумался Самокин. - Там двое наших, еще с "Аскольда". Наверное, погибли... Вокруг предательство.

- Теперь из этого предательства надо вылезать, - сказал Павлин. - Ты пойдешь со мною?

- А куда ты сейчас?

- Рвану на Котлас, соберу всех, кого можно. Сколочу эскадру и брошусь с нею вниз по реке - будем брать Архангельск с бою!

Самокин нежно взял руку Виноградова в свою:

- Павлин! У тебя слишком горячая голова. Не надо тебе брать Архангельск, а надо держать Котлас...

- Ты на какой коробке прибыл? - спросил Павлин.

- На "Повезухе".

- Сколько она дает?

- Узлов тринадцать вниз, а вверх - меньше.

- Дай мне ее! - стал просить Павлин. - Мне нужна скорость, скорость и скорость... Пулеметы есть?

- Не дам, - твердо ответил Самокин. - У меня дело, и дело препоганейшее. Нумерной полк бросил позицию, зашел в деревню. Командиры пьянствуют, а бойцы грабят... Пойду усмирять!

Павлин Виноградов резко провел рукой по горлу:

- Вот так! Без ножа режемся. Все надо начинать с самого начала... Скажи: сколько штыков мы можем выставить?

- Две тысячи наскребем... на весь фронт!

- Я пошел, - заявил Павлин. - Времени терять нельзя.

- Постой! - задержал его Самокин. - Забыл тебя спросить: у тебя ведь в Архангельске остались жена и сын... Как они?

Стоя на сходне, Виноградов удивленно пожал плечами:

- Что ты мне задаешь идиотские вопросы? Неужели в такой момент я могу думать о жене и сыне? Ну, соображай сам... Жена не дура, как-нибудь выкарабкается... Прощай, Самокин!

Этот человек (даже не военный - учитель) волею революции стал командиром флотилии и с боями повел ее по рекам, - таким чудесным и милым рекам... Мостик под ногами его был как решето от града осколков, вокруг падали мертвые люди, из деревень стреляло по ним кулачье, экипажи пароходов поднимали бунты, разливанное море самогонки дурманило самых стойких, - а он, скромный народный учитель, неуклонно продолжал держать фарватер.

После боев, вспоминая, как в дыму уходил от него английский монитор, Павлин Виноградов мучился:

- Черт! Ведь я мог его еще таранить. Почему не сделал этого?

Это был человек риска и феноменальной отваги. Настоящий боец революции. Уже через несколько дней Павлин Виноградов пал, сраженный взрывом на мостике. Его много обвиняли тогда и потом в излишней рискованности, которую называли авантюризмом. Штабы брали с него расписки, что он не будет жертвовать кораблями. Ему угрожали приказами, чтобы он не двигал свою флотилию дальше. Он лежал на мостике, уже мертвый, когда его мертвого! - еще продолжали сдерживать...

Именно этот человек. Павлин Федорович Виноградов, своей безумной отвагой выполнил приказ Ленина: он спас подступы к Котласу... "Безумству храбрых поем мы песню!"

* * *

Самокин выстрелил из маузера в землю - раз, два, три.

- Вперед!.. - звал он.

И думал: "Ну какие сволочи... таких еще поискать надо!"

Полк - без командиров. Пьют. Хохочут. Никакой ответственности.

- Вперед, мать вашу так-растак!

Такие вещи не забываются... полк пошел вперед на врага. Опять с этим дурацким хохотом. Потом поднял руки и четким марш-маршем всем составом сдался противнику. И оттуда, уже из вражеских окопов, они продолжали смеяться над ним... над Самокиным!

Самокин повернулся к своим матросам:

- Пошли, ребята. Найдем командиров...

Командирами этого нумерного полка, которого больше не существовало, были сплошь эсеры и анархисты... Хорошенький "хвост" они перетащили сейчас на сторону врага. Надо разобраться с ними!

Пять матросов, обливаясь потом, катили пулемет по лесной тропинке. Было жарко в лесу, по верху - где-то вдаль - шел пожар, и глаза слезились от дыма. Самокин шагал, слушал птичий гай и присматривался. Деревни на севере раскиданы "камницей": не в две линии вдоль дороги, а каждый хозяин строит себе дом, где хочется ему, оттого-то и глядят окошки в разные стороны. Избы - в два этажа, и на верх каждой ведет бревенчатый скат, словно в гараж; по этому скату вечерами ходят с пастьбы на второй этаж коровы и телки. А меж раскиданных домов - тропинки, и такие путанные, что сам черт ногу сломает. Живут на севере по старинке...

- Вот они! - сказал Самокин. - Ставь здесь...

Матросы поставили пулемет, продернули ленту. Залегли.

Широкие лопухи росли вокруг дома. Самокин вынул маузер и дрызнул по окошку. Стекла - дзинь! Понесло наружу хороводом пьяных голосов, покатались ругань и звон стаканчиков. Пировали.

- Выходи! - приказал Самокин. - Кончай балаган...

Выдерживая гранаты, стреляя наотмашь вокруг себя, на крыльцо выбегало пьяное воинство.

- Огонь! - крикнул Самокин, и всех командиров положили тут же, на крыльце...

У одного на губе еще долго курилась сигарка. Подошел петя-петушок, золотистый, и, захлопав крыльями над свежими трупами, запел гордо и

важно:

- Ку-ка-ре-куууу...

Самокин сунул маузер в кобуру. Встали от пулемета матросы, отряхивая широченные клеши. По витым тропкам сходились мужики, поглядывали на флотских косо.

- Эй! - позвал их Самокин. - А где взвод, что у вас стоял?

- Стоял, стоял, да надоело... Ушел!

- Куда ушел?

- На англичанку позарился. Там лучше... Опять же курево! У вас, большаков, ни хрена нетути...

Когда выбирались на опушку леса, пуля из обреза, вжикнув, срезала сочную ветку. Матрос быстро развернул пулемет, чтобы прочесать очередь вдоль ненавистных окошек "камницы".

- Отставить, - велел Самокин. - Мы уходим. Но мы еще сюда вернемся. Это не враги, это - дураки. Вот пускай они поживут с англичанами, тогда увидишь, как тебе хлеб да соль на подносе с расшитым полотенчиком вынесут. Да еще поклонятся: прими, мол!

Самокин оказался прав: отбунтовав сколько можно против Советской власти, северный мужик скоро уже начал точить топор на интервентов. Очевидно, такие парадоксы истории закономерны: надо было пройти через горнило интервенции, чтобы лотом ждать прихода Красной Армии, как ждут манны небесной.

Глава двенадцатая

Женька Вальронд открыл глаза, и его сразу затрясло от лютого холода. Он лежал в воде, а кто-то тащил его за ноги через кочки. Мичман задрал голову и увидел над собой круглую луницу, блеск ковша Медведицы и лицо Павлухина.

- Стой, - сказал он. - Я жив...

- А мертвых и не таскали, - ответил ему Павлухин.

Мичман сел, разглядев перед собою обкатанные морем камни; ершилась под ветром вода Сухого моря, вдали чернел Мудьюг, уже чужой для него и далекий. И он опять упал на спину.

- Что со мною? - спросил безжизненно.

- Ничего, - ответил Павлухин. - Это бывает... контузия! Я тебя, мичман, всего общупал. Ты, слава богу, без дырок...

- Нет, - ответил Вальронд, - я умираю...

- Пройдет, - утешил его Павлухин.

- Я и правда умираю... У меня все болит.

- Все отбито, потому и болит. Шваркнуло нас прилично. Это с

аэроплана. Ты бы видел, какой у тебя глаз...

Только сейчас Вальронд заметил, что ночной небосвод просвечивает над ним вполонину - второй глаз (правый, прицельный) затек в крови от удара.

- Спасибо каучуку, - продолжал Павлухин. - Если бы не каучук, то прицел так бы и въехал тебе в глаз... Ослеп бы!

Вальронд долго лежал молча, а болотные кочки под его телом медленно, словно губка, выжимали из себя воду, и мичмана опять затрясло от холода. Знобило.

- Как ты меня через пролив перекинул?

- Дотянул... доску нашел.

- Спасибо, - сказал Вальронд. - Ты слышишь, что я говорю?

- Слышу... Мы люди свои, к чему благодарить?

- Англичане прошли? - спросил он снова.

- Уже в Архангельске.

- А как же... фарватер?

Павлухин ничего не ответил. Потом сказал:

- Евгений Максимович, как хошь, а подыхать здесь смыслу нету. Вставай, и - поволокемся.

- Куда? Ты знаешь, куда нам идти?

- Да ничего я не знаю. Вот только штаны у тебя, мичман, ни для города, ни для дачи. Белые да грязные. В кровище твоей... Ведь нас заберут сразу, как увидят... За штаны твои и заберут!

- Их можно снять, - рассудил Вальронд, отстегивая клапан.

- Так что же ты? Совсем без штанов пойдешь? Совсем худо... Иди уж так, в этих. А коли деревня какая встретится - попросим.

- Так тебе и дали, только попроси!

- А не дадут - с тына скрадем. Нам терять уже нечего...

На рассвете, бредя вдоль топкого берега, выбрались к Корабельному устью, - начиналась дельта Северной Двины, и были уже видны рабочие пригороды. Там запани, лесопилки, рушатся там в воду накаты сахарных бревен. Немного обсушились после ночи; обкусанные комарами, потащились далее.

Было чудесное утро. В заплесках тихо и сонно ворочалась сытая рыба. Шелестели камыши. И вдруг за островами выросли знакомые трубы и мачты. Пять труб - все с дымом: кочегары шуровали...

- Смотри, смотри, мичман... "Аскольд"!

Да, это был "Аскольд". Он прошел совсем рядом, направляясь в Архангельск, и английская речь долетела с его высокого мостика, и под

гафелем колыхался флаг Британии...

- Фасон держат, - скрипнул зубами Павлухин. - Будто в очко наш крейсер выиграли...

Вальронд - словно онемел. Долгим взглядом проводил "Аскольд", пока он не скрылся в зеленых излучинах дельты.

- Этого, - сказал, - я им никогда не прошу... Идем!

Теперь он перестал говорить о смерти. Оживал.

Одинокий рыбак сидел в баркасе, ловил рыбу удочкой на Кузнечихе. Павлухин пристал к нему как банный лист:

- Слышь, дед, махнемся штанами! Белые - на твои... а?

Старый рыбак с подозрением глядел на двух людей, вылезших, словно лешие, из кустов. Штаны у старика были из полосатой нанки - самые простецкие штаны, все в пятнах дегтя.

- Ты что, мил челаек? - кипятился он. - Моим штанам износу не предвидится. Еще до войны справил, и даже сзади не протерлись... Да меня старуха из дому высвистнет, коли я белые надену... Кальсоны это, а не штаны... Куда хоть путь-то держите?

- Да в Архангельск вроде бы... А что?

Дед присмотрелся к ним внимательнее:

- А этот приятель твой... из каких народов будет?

- Национальность-то? Да большевик, - соврал Павлухин.

- Так на кой вам ляд сдался Архангельск? Вашего брата там еще с вечера повыловили. Такая облава была, что не приведи бог. Уже все баржи забили арестантами...

- Дай ты штаны нам! - прицепился Павлухин. - Ну, если совесть жива в тебе, снимай портки.

- Ой, молодой человек, - вздохнул старик, расстегивая ремень. Опозоришь ты меня на старости лет...

Перекинулись штанами. Вальронд надел стариковские, рыбак со стыдом и отвращением натянул, на себя белые. Сказал: "Тьфу ты!" - и отгреб поскорее на середину реки: как бы чего еще не попросили.

Пошли дальше. Павлухин шел-шел и вдруг расхохотался.

- Ну и вид у тебя, мичман! Жаль, зеркала нету... Под глазом фонарь, во такой, сам ты - словно швейцар с похмелюги, а штаны на тебе в деликатную полосочку...

Вдоль всей Кузнечихи долго высматривали лодку, чтобы переправиться в Соломбалу, где Павлухин надеялся на матросов или на Мишу Боева - помогут. Вальронд же настаивал на свидании с Дрейером, но Павлухин справедливо решил, что Дрейер вряд ли остался с белыми в

Архангельске. Лодки для переправы, однако, не нашлось. Сами не заметили, как очутились среди крестов и надгробий чистенького лютеранского кладбища. Осторожно вышли за ограду и оказались на улочках Немецкой слободы, - это уже Архангельск.

- Я засыпаю, - сказал Вальронд.

- А я жрать хочу, - отозвался Павлухин.

Итак, сами того не желая и даже боясь этого, они попали в Архангельск, но Соломбала лежала за рекой Кузнечихой, и пройти через весь город было рискованно: сцапают. Вальронд снова затянул Павлухина за ограду кладбища. Сначала он присел, а потом и лег - прямо на могилу коммерции советника фон Шмутцке, закрыл глаза.

- Поспим до вечера, - предложил, - а когда стемнеет...

Надгробная плита, чуть-чуть поросшая мягким мохом, казалась ему такой удобной, так хорошо ее прогрело солнышком, век бы лежал, не вставая... И, закрыв глаза, мичман стал задремывать. Наисладчайше!

- Ну, это маком, - тянул его с могилы Павлухин. - Надо что-то делать. Вставай, мичман, нашел время дрыхнуть. Будем искать.

- Ищи. Ты же партийный. У тебя должны быть связи.

- Есть связи, и Мишка Боев, и Карл Теснанов... Неужели так уж всех переарестовали? Пойдем, - решил Павлухин. - Нарвемся коли, так я буду палить, живым не сдамся. А ты - как хочешь...

- Разговорчики, - потянулся Вальронд, вставая с могилы. - Эх ты, энтузиаст! Надо выбираться сразу на юг - к армии...

Немецкая слобода - тихая. Прохожих немного: мир обывателей и контор. Прошел сводный патруль: чехи, англичане, русские. Посмеялись над Вальрондом, одетым странно, и миновали без задержки.

- Я, кажется, становлюсь смешон, - оскорбился мичман. Сзади - крик, хриплый, пропитый:

- Господин Вальрондов, стойте-кось!

Рывком вжался в забор, в руке Павлухина блеснул наган-За ними, не спеша переставляя ноги обутые в теплые валенки, шаркал по деревянным мосткам дворник. Обратился он к Павлухину:

- Господин Вальрондов, вас просят...

- А кто это его просит? - спросил Павлухин, озираясь.

- Барыня просят. Сама собой - просто объединение барыня... Вадбольская встретила их стоя посреди комнаты; из жесткого воротника фасона "медици" поднималась ее стройная шея; где-то за стенкой стрекотала швейная машинка, и печально пела швея:

Уеду я в Норвегию,

Поплачу у елей,
Не нежили родители
Нет неги от людей...

Тонкая улыбка тронула губы молодой женщины.

- Я видела вас обоих у окна. И по тому, как вы вели себя при встрече с патрулем, я поняла... Я поняла то, чего не понял союзный патруль. Что ж! Княгиня поправила на плечах мантильку. - Услуга, мичман, за услугу... Итак, куда вам надобно?

Вальронда скрутило от стыда перед красавицей.

- Я не совсем презентабелен сегодня, - сказал он, покраснев. - И мне не совсем-то удобно перед вами...

Он посмотрел на Павлухина:

- Гась-падин паль-ковник, куда нам надобно?

- Да хоть в Соломбалу, - мрачно ответил Павлухин, прощая и "гасьпадина" и "пальковника".

Он думал о Женьке так: "Дурит? Или... хитрит?"

- Всего-то? - усмехнулась женщина и показала рукой на двери, чтобы они прошли в соседнюю комнату.

Там Павлухин шепотком спросил мичмана:

- Кто такая?

- Белогвардейская дамочка.

- Сдурел?

- Да нет...

Их покормили, и - отчаянные - они долго отсыпались в обнимку. Держа в руке керосиновую лампу, Вадбольская разбудила их вечером своим певучим голосом:

- Пора вставать, молодые люди... - И сказала потом: - Напротив таможни вас ждет катер. Сейчас темно, идите прямо к реке...

Они вышли на улицу.

- Давай, - сразу напрягся Павлухин, - мотаем в лес.

- В лес? Зачем?

- Как же! Приди к таможне - там и схватят... Бежим!

Вальронда в темный лес было не заманить.

- Знаешь, - сказал он, - лучше дойдем до таможни, и если катер на месте... Чего же тогда бояться?

Внизу, на темной воде, качался катер, забранный капотом из парусины. Возле мотора возился неизвестный. Он ненароком поднял голову, разглядел две подозрительные тени и сказал:

- Быстро... под капот!

И сразу завел мотор - полетела вода за кормой. Сидя в потемках, они видели только пенный разворот катера и фигуру человека, лица которого было не разглядеть. Пахло керосином и рыбой.

- Куда катишь? - зашипел Павлухин, хватаясь за наган. Вальронд глянул: огни Соломбалы, отражаясь в воде, мягко колебались уже вдали, - катер выходил на середину реки и шпарил далее. Незвестный нажал стартер, и вода взбурлила похлеще.

- Убери, дурак! - сказал он.

- Поворачивай! - грозился наганом Павлухин.

- Сиди, сиди... Ты малый горячий. Да толку-то что? Вальронд схватил Павлухина сзади за бушлат, рванул на себя, и матрос плюхнулся на засаленную банку, всю в рыбьей чешуе.

- Тихо, комиссар... Товарищ, вы куда нас доставите?

- А вам куда хочется? - спросил незвестный.

- Да мы надеялись на Соломбалу.

- Вам там нечего делать, - ответил катерник. - Вон, видите, один уже такой плывет... прямо в Соломбалу!

За кормой катера забросало на волнах человеческий труп.

- Пароля не знал, - спокойно констатировал незвестный. - Вот и накрылся. Там, ниже по реке, всех идущих стреляют...

- А вы пароль знаете? - спросил Вальронд.

- Знаю... Чего же курить у меня не просите?

- Ну дайте, - сказал Павлухин, убирая наган.

- Может, и выпить найдется? - поинтересовался Вальронд.

- А как же! - И в руках катерника блеснула бутылка. - Для вас специально запасаю. Вы у меня - пассажиры первого класса!

- Я не буду пить, - сказал Павлухин (опасливый).

- Да брось ты, - шепнул ему мичман. - Он свой в доску.

- Все у тебя "свой". Княгиню какую-то подцепил. Сейчас катим незнамо куда... Тоже мне: "гась-падин паль-ковник"!

В темноте Вальронд нащупал бутылку.

- Что тут? - спросил на всякий случай. - Не керосин ли?

- Пей, - прозвучало с кормы, - не ошибешься...

Вальронд глотнул из бутылки.

- О-о, "ямайка"!

С берега - выстрел; бежали тени солдат, и оттуда - возглас:

- Stop! Who is coming?

- Пароль, - сказал Вальронд. - Быстрее отзовитесь.

- Пошли вы!.. - крикнул катерник в сторону англичан и под пулями,

пригнувшись, прибавил на мотор оборотов; а когда выпрямился, сказал: - Вот вам и пароль - самый безотказный...

Павлухин протянул руку к бутылке:

- Дай и мне глотнуть. - Он пил "ямайку", смотрел на силуэт человека на корме и теперь (только теперь) поверил...

Было еще темно, когда катер, раздвигая носом таинственные камыши, ткнулся в берег.

- Ну вот, - сказал неизвестный. - А отсюда вдоль дорога выберетесь к нашим. А то вбили себе в голову Соломбалу...

Вальронд задержал в своей руке ладонь человека, и она была жесткой рабочей.

- Я не понял лишь одного, - сказал мичман. - Княгиня, когда мы ей сказали...

- Княгиня? - удивился неизвестный. - Но я не знаю никакой княгини. Впервые слышу!

- Кто же тогда просил вас помочь нам?

- Николай Александрович... Прощайте, товарищи!

Из-за облаков вынырнула луна, и человек, поспешно надвинув кепку на глаза, запрыгнул обратно на катер. Завел мотор.

Павлухин в темноте нащупал руку Вальронда:

- Николай Александрович... да это же Дрейер?

- Верно, - кивнул Вальронд. - Но теперь я уже совсем запутался. Спали и обедали у ее сиятельства, "ямайку" хлопнули с каким-то неизвестным, а теперь вдруг объявился и Дрейер...

Босиком они бодро шагали по тихой лесной дороге.

- Я понял только одно, - говорил Вальронд. - Мы с тобой молоды. Мы с тобой неотразимы как мужчины, и нам, Павлухин, здорово повезло... Шагай, комиссар, шире. Дыши чудесным озоном. Мы живы, черт побери, и после нас бульбочка. на воде не останется!

Очень хорошо было им так шагать. Просто замечательно.

* * *

Еще издали светилась огнями баржа-ресторан - теперь столовая для красных частей... Котлас!

Спрашивается, что такое Котлас? Да ничего особенного - деревня, настолько разросшаяся, что из-за обилия домов коров заменяют здесь козами, а пашни постепенно превращаются в огороды. Вчерашние мужики стали матросами, механиками, клепальщиками, - и под окнами пятистенки величаво проплывает река...

Вернее - три реки: здесь смыкаются Сухона и Вычегда, отсюда, от

самого Котласа, начинается Северная Двина, и здесь же она кончается. Именно отсюда, где трещат молотки судоремонтных мастерских и где бродят среди пакгаузов козы, можно попасть в Архангельск, в Вологду, в Вятку. Следовательно, Котлас - пуп всего севера, и его надо беречь.

Таков был приказ Москвы: предвидя худший исход, Ленин велел вывезти из Котласа все самое ценное. Но чтобы история с Архангельском не повторилась, велел укрепить весь этот район. Нельзя было допустить соединения в Котласе двух вражеских армий - с севера и из-за Урала.

...Вальронд с Павлухиным прибыли в Котлас в самый неподходящий момент: город бомбили с воздуха аэропланы. Разбрасывая бревна, как бы сама собой разобралась баня, и выскакивали оттуда голые распаренные бойцы. По английским самолетам били с земли из английских же "виккерсов".

Вальронд сказал Павлухину:

- Воспринимаю на слух - сорок миллиметров. Но у кого-то, видно, заедает автомат. Сукины дети, не следят за техникой!

Горящую баржу оттолкнули от берега, и она пошла факелом по течению. Голые стыдливо прятались за углы избенок, садились в картофельную ботву. Самые смелые и бывалые, презрев ложный стыд, дули что было сил через весь город прямо в реку - смывать мыло...

- Веселая обстановка! - сказал Павлухин.

Для начала пошагали на баржу-ресторан, где с бою добыли для себя две воблины и чайник кипятку. Не съели только хвосты и головы, но чайник выдули весь - с разговорами. Рядом сидел пожилой боец, крутя сигарку. Перед ним лежал коровий блин, уже засохший. Боец был добрый человек, и коровье дерьмо передвинул по столу к Вальронду и Павлухину.

- Опосля еды, - сказал он, клая сигарку языком, - ничего нет лучше, как курнуть. Ломай, кроши в пальцах... Бумажка-то е?

Навоз трещал и вспыхивал, словно порох. Это была жизнь, трудная жизнь, и от нее никуда не уйдешь. Каюта на крейсере "Глория" вспоминалась теперь как легкомысленный роман из чужой жизни...

Самокин был уже в Котласе, чтобы организовать оборону, и он принял Вальронда на следующий день. Велел подождать в кабинете, а сам спустился во двор. Из окна кабинета мичман видел необычную картину. Вдоль поленницы дров стояли на дворе офицеры бывшей царской армии. Старые и юные, общипанные от погон и прежнего блеска, иные в солдатских гимнастерках и обмотках, но с добротными чемоданами или с мешками. Это были офицеры - кадровые, боевые, военная косточка. Самокин в разговоре с ними опускал обидное слово "военспец" и

обращался просто: "товарищи командиры"...

Вернувшись в кабинет, он искренне поделился с Вальрондом:

- Беда нам с ними! Много честных людей. Отлично воюют против немца и белого финна. А как только вступят в соприкосновение со своими, сразу теряются. Не у многих хватает сил, чтобы вести бой со своими старыми товарищами... Но получается кривенько, - говорил Самокин. - Вот у нас бывший генерал Самойлов. Сидит в штабе, тихо и незаметно. Все наши операции разрабатывает, об этом никто на фронте не знает. Хотя Самойлов лично известен товарищу Ленину. А какой-нибудь плюгавец поручик перемахнет к белым - об этом весь фронт говорит. И от этого, конечно, большое недоверие к вам... к бывшим!

- Что мне делать теперь? - спросил Вальронд, подумав.

Самокин ответил ему:

- Ну, ты, мичман, из утиной породы. И любишь воду, аки гусь лапчатый. Так вот. Сейчас из Кронштадта привезли двадцатипятимиллиметровки. Их надо установить и сплавить вниз по реке, как мониторы... У англичан уже работает целая флотилия! Они привезли мониторы из Англии! Необходимо и нам создавать свою флотилию. Поговори с местными инженерами, они здесь все саботажники. Поставили вчера одну пушку на пароход, а он после первого же выстрела перевернулся кверху пузом. И обратно его, как ни мучились, никак на киль не поставить. Так и плавает, как дохлая рыбина...

Когда разговор подходил к концу, Вальронд спросил:

- Самокин, а разве ты ничего не хочешь узнать у меня?

- Нет, вроде бы ничего...

- Неужели так уж и ничего не спросишь?

- Да нет, мичман. Все нам ясно с тобою.

- Ну, ладно. Тогда я пойду...

С первого же дня Вальронда тоже сделали "саботажником". Он категорически восставал против установки орудий (тяжелых, почти крепостных пушек) на хилых колесных пароходиках. Но губисполком вмешался: у англичан мониторы бегали своим ходом, и хотелось в Котласе, чтобы советские "самоделки" тоже забегали...

- Конечно, - убеждал Вальронд упрямых товарищей, - это выгодно. Но лучше уж, при всей нашей бедности, таскать мониторы на буксире. Как плавучие батареи. Но зато будет надежнее...

Исполняя приказ, явно задетый за живое, он установил одно орудие на "Святом Чудотворце". Орудийный ствол велел обвязать канатами и подал канаты на берег.

- Зашвартуйте их удавкой на кнехты! - приказал и велел всем убираться с палубы прочь. - Вы мне не верите? - обозленно крикнул он в сторону губкомиссии, стоявшей на пристани. - Ну так смотрите, что сейчас будет... Фотографировать не разрешается: дело это секретное и довольно стыдное!

В ярости дернул рычаг на себя. "Святой Чудотворец" такой подлости не ожидал. Когда пушка выстрелила, старик, будто не поверив сначала, как-то подпрыгнул из воды, а потом стал распадаться на куски. Палуба его разъехалась, словно старая подошва, и Женька Вальронд подождал, когда "Чудотворец" совсем уйдет из-под его ног. А потом мичман выплыл на берег и сказал:

- Теперь, моя дорогая комиссия, тащи канатами пушку, чтобы по глупости кое-каких товарищей она не пропала. Если вы хотите иметь монитор, тогда дайте мне... Дайте ресторан-баржу!

Дали. Покривились, но дали...

Отовсюду, стекались на Северный фронт молодые отряды, прислал и Кронштадт своих братишек. Вот эти-то братишки немало испортили крови Вальронду. Один вид их вызывал раздражение. Клеши - в полметра, со свинцовым грузилом на складке, чтобы мотало пошире. Вдоль штанов - ряд перламутровых пуговиц. Ленты длиною в метр, и чубы завиты (для этого у матросов были щипцы, как у женщин). Первым делом они собрали митинг и поклялись пролить за дело революции всю свою кровь до последней капли. Некоторые даже плакали при этом. Вальронд похлопал на митинге в ладоши, потом сказал:

- А теперь, товарищи, за работу!..

На работу они не пошли: их дело кровь проливать, а не работать. Столовку на барже уже закрыли, и баржа - железная, прочная - стояла под берегом. Надо было укрепить ее лесом и поставить орудия. Но матросы относились к этой барже со звериной ненавистью и крыли ее почем зря. Привычные к уюту кораблей, они панически боялись всего, что связано с берегом и неизбежной грязью. Потом придумали шуточку: ловили у себя вошь и старались перекинуть ее на мичмана.

- Беленький, - говорили, - на тебе серенькую! Особенно был неприятен один, конопатенький, - так и лез, так и насккивал на бывшего офицера. Вальронд аж зубами скрипел.

- Мне бы только волю, - говорил он, - так я такую шантрапу, как вы, топил бы в аптечной пробирке... Разве вы - моряки?

- Контра!! - визжал конопатенький.

Взмах руки - и зубы клацнули. Матрос - с копыт долой.

Поднялся, обвел всех мутными глазами.

- Братцы! - рвал на себе тельняшку. - Это как понимать? Это где видано? Ревматов бьют?..

Спасла от пуль железная дверь баржи, которую Вальронд успел за собой захлопнуть. После чего мичман попросил для себя комиссара, именно Павлухина. "Один я не могу", - сказал он Самокину. Павлухин пришел на баржу и сразу сунул наган в нос конопатому:

- Ты шире всех разинулся? Вот первый и слопаешь...

Вальронд потом сказал ему:

- Слушай, Павлухин, так и я умею: наган сунуть.

- Иногда это надо, - ответил Павлухин. - Они же грамотные... Только форс на себя наводят. Пошли они все подальше. Нам не таких надо...

И случилось вот что: морских специалистов, которые готовы были кровь пролить, отправили на передовую, а взамен на баржу прислали питерских рабочих. Эти работы не боялись, кровью своей не хвастались, люди были золото. Вальронд, раздевшись до пояса, тоже работал с топором, как плотник. Парень он был здоровый, и этот труд в тягость ему не был.

- Откуда, мичман, ты это дело знаешь? - удивился Павлухин.

- У меня была умная мама. - ответил Вальронд, смахнув пот со лба, Когда мне исполнилось три годика, она привезла мне из Торжка детский топорик, кучер обеспечил меня чурбачками. И вот я с детства тюкал и тюкал, даже не знал, что детям положено иметь игрушки. У меня, Павлухин, игрушек не было никогда!

Поверх баржи сделали бревенчатый настил, укрепили его от днища подпорами-пиллерсами, сверху еще раз покрыли железом. Готово, - можно, ставить орудия. Поставили, и снова собралась на берегу губкомиссия...

- Нет, - сказал Вальронд, - теперь идите на палубу...

Дали пробные выстрелы. Баржа - как влитая.

- А кто же у вас за артиллеристов?

- Вот товарищи... плотники! Путиловские мастера. Здесь река, а не море: наводка больше прямая, это и мальчик разыграет...

Вечером опять налетели вражеские аэропланы. А баржа уже приняла внутрь боезапас, и настроение у Вальронда было от этого паршивое. Как бы не загреметь! На берегу все разбежались по огородам, а на причале осталась телега, и лошаденка понуро фыркала в торбу. Четыре колеса телеги, залепленные грязью, навели мичмана на архимедовы размышления.

- Павлухин, - позвал он комиссара, поглядывая то на колеса, то в небо, - знаешь, Павлухин, эти обода могут пригодиться. Что, если кобылу

оставить в распоряжении частного капитала, а колеса нам реквизируют в пользу соцреволюции?..

Голь на выдумки хитра: калибр 37 мм укрепили на колесах, которые крутились теперь на тумбах, словно зенитки. Вальронд очень огорчился, узнав, что это не он первый придумал: ниже по Двине корабли флотилии уже давно стреляли по самолетам с тележных колес. Пора было отправляться вниз по реке, и перед отплытием мичман навестил Самокина: доложил, что сделано.

- А табаку нет, - сказал, почесавшись.

- Чего чешешься? - спросил Самокин.

- Да, кажется, уже того... завелась!

Самокин подарил ему пачку кременчугской махорки "Феникс".

- Тут о тебе, мичман, разговор был серьезный. Все офицеры флота ушли к англичанам. Ты остался с нами. И потому тебе решили простить, что ты кубаря под нос матросу сунул.

Вальронд с наслаждением курил трещавшую сигарку.

- А ты бы, Самокин, разве не сунул? Издеваются ведь надо мною... Что я, если был офицер, так из другого мяса сделан? Чешусь вот... У меня своих не было. Это - чужие! Братишкины! Как поймают, так на меня перекинут... Ну, как тут не сунуть?

Самокин даже не улыбнулся.

- Помнишь, - спросил, - тех офицеров, которые прибыли сюда в прошлый раз? Вот, многие уже... Как правило, их - в спину, свои же - в спину... Эх! - крепко выдохнул Самокин. - Ну что тут делать? Пришлось всех убрать с позиций на штабную работу.

- В спину? - спросил Вальронд, сразу осунувшись.

- Да. Некрасиво. Пришли они, построились вот тут на дворе. И я честно им объяснил, что удаление их с фронта не есть акт недоверия к ним Советской власти. Напротив, мы сберегаем им жизнь от самосуда со стороны своих же бойцов, которые не доверяют им, как бывшим офицерам царской армии...

Вальронд задрал ногу, ткнул окурок в подошву.

- И когда все это кончится, Самокин?

- Это уже кончается. Сейчас много царских офицеров служит советской армии, и вырастают в народных полководцев...

- Самокин, - сказал Вальронд, - неужели тебе так и не хочется меня ни о чем спросить?

- О чем? О чем мне тебя спрашивать?

- Ну вот... Сам знаешь: и с "Аскольда" тогда бежал, и при англичанах

на Мурмане волянился... Почему молчишь? Ты - что? Больше других обо мне знаешь?

Самокин ответил:

- Что ты меня третий раз за язык тянешь?.. Бежал с "Аскольда", и правильно сделал, что бежал. Сдержать матросов нельзя было, и крейсер пришел на Мурман, почитай, с одним Ветлинским... Это был опытный демагог, а ты ведь, мичман, честный человек. И не стал бы языком вихляться. Потому-то тебе и сейчас доверяем. И больше вопросов к тебе у нас нету!

- Дай еще пачку махорки, - сказал Вальронд на прощание.

- Так я ж тебе дал.

- Это мне дал. А теперь Павлухину дай...

Не знал тогда Вальронд, что эта пачка махорки была последней, которую они скурили на пару. Вскоре партия отозвала Павлухина на другой фронт, и больше они никогда не увиделись...

...Шлепая плицами по воде, утлый пароходик (с гордым именем "Не тронь меня!") подхватил плавбатарю и потащил ее через плес.

- Стой! - заорал Вальронд, хватаясь за голову. - Как это мы забыли? Названия-то нет... Не могу воевать без названия!

Название тут же придумали и вывели его вдоль борта.

"Красная беднота" - так окрестили плавбатарю.

* * *

Английский монитор в 654 тонны, крытый листовую броней, под названием "Сесиль Родс", на 12 узлах резво шел против течения. Здоровенная пушка калибром в 190 мм - торчала с бака монитора, борта которого и без того были хорошо ошестинены "помпами" и пулеметами.

Лейтенант Басалаго совершал на этом мониторе нечто вроде дипломатической прогулки. Дипломатической - потому, что пребывание его в Архангельске было сейчас нежелательно. Сам "президент" Северной области, старый Чайковский, был бы и ничего, но окружение его составляли люди агрессивного толка. Басалаго уже встречал их однажды, еще в Петрограде, когда ездил на связь по поручению покойного Ветлинского. И этот старик в пенсне, с нервными худыми руками, и этот угрюмый убийца в кожанке - все они теперь оказались в окружении Чайковского... Конечно, всем им противостоит сейчас кавторанг Чаплин со своей организацией офицерского подполья, но... "Чаплину будет трудно", - думал Басалаго.

Мало того! Эсеры так взъярились на Советскую власть, что начали преследование лиц, так или иначе связавших свою судьбу с Советами.

Эсеры совершенно затюкали Юрьева, как-то сумел выйти сухим из воды Брамсон, теперь копали яму под Басалаго и генерала Звегинцева, - им, видите ли, не нравится бывшее сотрудничество Главнамура с совдепом! Чудовищно и парадоксально! А в Архангельске был на подозрении Виккорст, который имел несчастье называть себя "красным адмиралом"... Своя своих не познаша!

Потому-то Басалаго и укатил - подальше от греха.

Англичане по-прежнему относились к нему превосходно, но и здесь, на мониторе, он чувствовал себя в уютной безопасности. Броня в три дюйма, наверху - жерла орудий, на столе - графин с королевским портвейном на чистой скатерти, будто врисован в полотно чудесного старинного натюрморта...

- Клайк, - сказал лейтенант командеру, - если тебе нужны меха, ты пройди монитором на Пинегу, там много звероловов, а пушнина в деревнях всегда стоит дешевле виски.

- Ты плохо осведомлен, - отвечал командер Клайк. - Одна наша канонерка "Cockchafer" сунулась туда недавно. Но там, на Пинеге, сидели немецкие снайперы; крови было пролито из-за этих мехов больше, чем виски перед экспедицией...

Басалаго смолчал: это - не снайперы и тем более не немцы; это охотники, бьющие белку в глаз, они плачут от горя, если одна дробина пролетит мимо. Им потом стыдно показаться в своей деревне, таких обсмеивают девицы в зазорных частушках...

- Десять дней, обещанных Пулем, - сказал Клайк, - давно миновали, а до Вологды так же далеко, как отсюда до Типерерри... Не придется ли нам зимовать при свете русской лучины? Я знаю точно: знаменитый полярник Шеклтон уже прибыл на Мурман и сейчас при штабе Мейнарда разрабатывает зимние операции на санях. Черт побери! - воскликнул Клайк. - Мы давали королю клятву на выпуске из колледжа, что будем нести свой флаг над палубами кораблей. Король не благословлял нас для службы на санях!

Графин рухнул - красная струя портвейна брызнула на скатерть. Басалаго по инерции хода врезался грудью в ребро стола.

- Кажется, мы сели, - сказал Клайк, поднимаясь с дивана. - На мостике! - позвал он через трубу. - Бросьте лот...

Бросили лот, доложили:

- Тридцать два фута, сэр!

- А какая осадка у твоего "Родса", Клайк?

- Сидим на пять с половиной... Чепуха какая-то!

Вышли на палубу. За зубцами далекого леса садилось багровое солнце. Рябь на реке была с барашками. Стоя возле борта, всматривались в темную глубь реки. Постепенно выступили со дна очертания затонувшего парохода, парохода, в который монитор врезался на двенадцати узлах хода... Хорошие их ждали перспективы!

- Проклятье, - бормотал Клайк, перегибаясь через поручни. - Эти большевики захламили весь фарватер... Ты видишь?

- Вижу, - ответил Басалаго. - Мы затерлись как раз между трубами. А пароход наверняка старый, и трубы на нем чугунные. Теперь твой "Родс" попал в клещи... Попробуй вырваться!

- Фуль-спит - назад! - прогорланил Клайк, и монитор, содрогаясь корпусом, стал бешено рваться из зажима пароходных труб; винты взбаламутили грунт, а с "утопленника" сейчас всплывали наверх двери корабля, швабры, скамейки для пассажиров. И, наконец, пулей вылетел из каюты гуттаперчевый "Вовочка" - детская игрушка - в штанишках в тубетейке на голове. Выпучив голубые глаза, "Вовочка" запрыгал на ряби, как поплавок, с интересом разглядывая прошитую заклепками броню монитора.

- Клайк! - посоветовал Басалаго. - Лучше машину - на стоп, а завести концы на берег, чтобы тянуться винтами и брашпилем...

- Проклятая река, - сплюнул Клайк, целясь в пучеглазого "Вовочку". Ни фарватера, ни карт, ни маяков; только хитрые русские лоцмана, которые не встанут за штурвал, пока я не накачаю их виски... О! - вдруг вытянул руку командер. - Вот сверху идет посудина, сейчас мы ее запряжем на выручку...

Басалаго вскинул бинокль: пыхтел по реке пароходишко-самотоп, и на скуле его блеснуло название "Не тронь меня!". Лейтенант не разглядел одной подробности: за "Не тронь меня!" тянулся по воде буксирный трос, который волок за собой "Красную бедноту". Заверотив за мыс, пароходишко остановился, густо дымя, и для британского монитора плавбатарея оставалась невидимой. Напрасно англичане ждали, когда же самотоп приблизится, чтобы передать ему конец для буксировки.

- Что-то они горячки не порют... ваши русские!

Басалаго вступился за своих соотечественников:

- Вы же не даете им угля, они топят дровами. Видать, попало сырое полено. Давай подождем, пока оно разгорится...

Но "Беднота" уже освоилась с обстановкой и шарахнула через мыс пристрелочным... Да так удачно, что при всей нечаянности попадания поручни вдоль борта монитора снесло, словно сбрило. Это было так

неожиданно, что на палубе остолбенели.

Клайк рыжими глазами обвел горизонт на все тридцать два румба, пытаюсь выяснить - откуда же, черт возьми, их накрыли?..

Он не нашел ничего умнее, как показать на деревню:

- Большевики... там!

И орудия монитора развернулись на деревню, ни в чем не повинную. Семь с половиной дюймов обрушились на "камницу"... В зареве пожаров заметались люди. Было видно, как скачет по кособоку лихая тройка с мужиком в красной, как пламя, рубахе. Среди взрывов бегали коровы... Но вот брызнули стекла рубки, и рулевой монитора выпал наружу длинным телом, кровавыми сосульками провисли его волосы. Третий снаряд рухнул под самое днище и наконец-то взорвался между трубами парохода, освободив монитор...

Клайк велел кидать лот, и - полные обороты!

Деревня медленно отходила назад, догорая. Но вот стало видно, как натянулся буксир за "Не тронь меня!", и тогда из-за зеленого мыса, поросшего тихими елочками, вдруг выползло страшное чудовище. Конечно, никому и в голову не приходило, что это - баржа-ресторан...

- Вот кто стрелял! - крикнул Басалаго. - Куда же вы? Но Клайк на дальнейшую игру не согласился:

- Пора обедать... к Лавалю! - И монитор поспешно сорвался вниз по течению. - К тому же я вспомнил, что мое завещание еще не заверено нотариусом...

Забежав под козырек мостика, Басалаго тщетно уговаривал:

- Одно накрытие... только одно накрытие! Одно удачное, и с ними будет покончено...

Клайк ответил ему с бесподобной честностью:

- Одно дело - утонуть в море, но только не в этой канаве, по которой плывет всякий мусор. Загадайте сразу: что мы будем пить сегодня у Лавалю?..

В Архангельске "У Лавалю" кавторанг Чаплин сказал:

- Не нравится мне этот эсеровский... социализм. Как бы поскорее свернуть ему шею? Нужна диктатура! А вашему Мурманску, милый лейтенант, здорово не повезло... Вы не знаете подробностей?

- А что случилось? - побледнел Басалаго, настороженный.

- Ваше краевое управление никого здесь не устраивает. Отныне Мурманский совдеп - лишь исполнительный орган здешних эсеров. Но вопрос о совдепах вообще остается открытым... вплоть до решения британской контрразведки! Все зависит от нее! Кажется, их вот-вот

прикроют, и тогда на Мурман пришлют генерал-губернатора Ермолаева... Симпатичнейшая личность!

- Неужели даже Звегинцеву англичане не доверяют?

- Но он ведь испачкал себя служением при большевиках...

- Кто такая? - вдруг вытянулся Басалаго, заметив входившую в зал женщину, молодую и удивительно красивую.

- Пойдем, - сразу поднялся Чаплин, - я тебя представлю. Это княгиня Вадбольская, хотела бежать из России от большевиков, но теперь, кажется, остается...

Басалаго был очарован. И влюблен с первого взгляда.

* * *

Легкий свист по лесу - идут американцы. Ребята хоть куда: здоровые, рукава закатаны, каски переброшены за спину. Ноги у них длинные, и идут они хорошо. Налегке идут.

- Черт возьми! Мне это нравится!.. - говорят.

Еще бы не понравиться: старинный тракт от Онеги, что выходит теперь прямо к железной дороге, открывает за каждым поворотом свои красоты... Лес, лес, лес.

- Почти как за океаном, - переговариваются солдаты. - Ты посмотри, Джо, это похоже на Ориноко. И даже белки скачут, как у нас... И сосны, сосны, сосны!

Красные багряные отсветы на стволах вековых сосен. Крепкий смоляной дух, от которого ноги шагают еще бодрее. Легкий свист по лесу - идут пятьсот парней, молодых и здоровых. Неслышно топчут мхи крепкие бутсы. Хлещут по лицу ветви - колючие, и хвоя так пахнет, так хорошо пахнет, так хочется жить...

Пятьсот американцев вошли в леса где-то за Онегой.

Больше их никто и никогда не видел. Пятьсот молодых американских парней исчезли так, словно их никогда не рожали матери. Ни следа на моховых подушках (мхи пружинисто распрямились), ни единой зарубки на дереве, ни клочка бумаги, даже пустой банки из-под консервов не осталось... Их было пятьсот!

Ровно пятьсот, говорю я вам. Половина тысячи.

Их ждали - на Плесецкой, где режут обгорелые паровозы, где стреляют отходящие заслоны красных бойцов. Их ждали - даже в Онеге, думая, что они заблудились и выберутся из леса хотя бы обратно. Нет, - и когда проехали по тракту разведчики-мотоциклисты, тоже никого не нашли: тракт был абсолютно пуст.

- Где же они, эти пятьсот? - спрашивали в штабе.

- Болота, сэр.

- Болото - может быть. Но нет такого болота, из которого не выбрался бы хоть один из пятисот...

Был чудный осенний день, когда они вышли из Онеги по древнему тракту, и лес таил для них столько заманчивой прелести. Легкий свист по лесу - вот и все, что слышали белки. Они были очень молоды, эти пятисот. И ни один ни один! - никогда не вернулся за океан.

Так начиналась эта война. На молодом Северном фронте не было еще создано Красной Армии. Но зато были люди - сусанинского толка, и мы вполне согласны.

Да, болото... Но ведь надо знать, где такое болото, которое засосет, в чарусную падь сразу пятисот...

Я не знаю, что писалось тогда в газетах за океаном по поводу этой трагедии в русских лесах. Но даже нам, русским, до сих пор неизвестно, где таится это болото и каково имя того человека, который стал новым советским Сусаниным!

Легкий свист по лесу - это идут американцы.

Еще пятисот... Давай, давай! Шагай веселей, ребята...

Вы пришли позже всех - вы первыми и уйдете отсюда.

Глава тринадцатая

В ряду всех белогвардейских правительств правительство Северной области - самое анекдотичное. Документы иногда вызывают смех, как забавная клоунада... С чего начать наш рассказ?

* * *

Начнем с пакли, - это вопрос серьезный. Причем кудель и пакля в делах архангельских тесно переплетены с бородой самого "премьер-министра" Чайковского.

Старик был известен в России как народник; на самом же деле сектант-утопист, который бродил в эмиграции нагишом, словно Адам, и слизывал по уграм росу с цветков. Англичане, среди которых Чайковский прожил потом четверть века, приучили его к смокингу. В феврале 1917 года американцы вспомнили о "святоше", когда он, после долгих лет блуждания по заграничным городам и весям, вернулся на потрясенную родину. Князь Кропоткин считался другом Чайковского; но князь был умным человеком - за ним стояла слава ученого-географа с мировым именем.

Не то было с Чайковским! Прибыв в Петроград, Николай Васильевич встретил здесь свою старую, но весьма энергичную подругу Екатерину Брешко-Брешковскую; еще энергичнее выглядел молодой адъютант Керенского Давид Соскис; вот эта троица создала "Комитет гражданского

воспитания". Воспитывали крепко, - через семнадцать газет сразу, и все, как одна, были погромные - противу большевиков. Корреспондентами были эсеры. Вот уж не думали американцы (люди тароватые), что бывший адамист, лизавший нектар с цветков, хапнет сразу двенадцать миллионов рублей из кассы американского Красного Креста. Даже Джон Стивенс, строитель Панамского канала, через руки которого пересыпалось немало миллионов, и тот говорил тогда в Петрограде:

- Это слишком! Нельзя давать ему власти...

Но вот он власть получил. Власть пока без денег. На что надеялся "премьер"? На паклю, главным образом. Дело в том, что на причалах Архангельска скопились громадные запасы льна, кудели, пеньки, смолы, пека, марганцевых руд, спичечной соломы, фанеры, конской щетины, поташа, льняного семени. И - пакли, черт ее подери! Ежели все это перепродать, будут немалые деньги. Но только было Чайковский взлелеял эту мечту, как явился Дедусенко и доложил, что паклю уже вывозят...

- Как вывозят?

- А вот так: в счет погашения российского долга...

Старика чуть удар не хватил! А военный губернатор Доноп подверг жесточайшей цензуре "Вестник верховного управления Северной области". За что? Конечно, со зла. Французам от пакли достались один клочки; только к самым остаткам великобританского грабежа успели американцы (ребята бойкие).

И пошли международные обиды - из-за пакли.

- Конечно, - выразил свое неудовольствие американский посол Френсис, где нам тягаться с британцами? Они имеют вековой опыт в колониальных делах. А мы только вступаем на этот трудный путь... деловой торговли!

Чайковскому надо было теперь изыскивать иные доходы. Любезные французы предложили ему открыть в Архангельске свой банк, который выпускал бы свою же валюту. Англичане прислали проект финансовой реформы, больше похожий на удавку. Американцы не стали ломать себе головы над созданием проектов, а просто раздраконили оба предложения - и англичан и французов. Но победили, конечно же, англичане: в Архангельске открывалась эмиссионная касса, чтобы обменивать фунты на рубли, и таких рублей собирались отпечатать двести миллионов - под гарантию британского правительства.

- Слава богу, - крестился Чайковский, - деньги будут...

Все заседания "правительства" проходили в бывшем губернском присутствии. Чайковский сживал в конце длинного стола, нерушимо

стоявшего в глубине темного зала; на зеленом сукне таинственно посверкивало старинное петровское "зерцало", и сбоку его можно было прочесть изречение Петра Великого: "Всё законы писать, когда их не хранить или играть ими, как в карты..." Это очень мудрые слова, но законами здесь играли, как в карты, законы "всё писались" за этим столом. Эсеры выпускали отсюда декларации о свободе слова, печати, собраний. А генерал Пуль приводил в действие свой приказ, запрещавший "всякие собрания, митинги и прочие сборища, как на улицах, так и в частных квартирах". За этим вот столом в конце августа родились два указа: о призыве в белую армию пяти возрастов и о введении смертной казни...

Круг замкнулся! Дни текли - серые, как облака над морем. Здание присутствия украсилось полотнищами иностранных флагов, - длинные, они спускались с крыши четвертого этажа, почти касаясь земли. А над фронтоном гигантский аншлаг. "В борьбе обрешь ты право свое!" (девиз эсеров).

Вечерело. Старый "народник" клевал носом в своем кабинете. А кабинет такой мрачный и темный, что, сорвись с потолка зловещая летучая мышь, никто и не удивится: так положено в подземелье. Под окнами здания, под облетающей листвой, стоял голый и лысенький Ломоносов, отлитый из бронзы, и вдохновенно играл на классических цимбалах. Скорбящие зубами бабы, принимая его за святого, брали щепоть земли у подножия памятника и прикладывали ее к щеке. Говорят, что здорово помогало от зубной хвори!

А из канцелярии "премьера" - голоса секретарш-беженек:

- Не откажите в любезности, графиня, переписать на машинке эту важную государственную бумагу из папки № 123-А...

- Миленькая баронесса, не составит ли для вас труда дать мне справку по делу № 765?..

По улицам пылили грузовики "фиат", едко воняли перегаром броневики "остин"; первые десять танков "рено", вывертывая из почвы бульжники, прошли вдоль набережной. Трамвай курсировал между Архиерейской и Пермской, после чего поворачивал обратно. Старый "народник" отходил ко сну раненько, как дитя, и спал вполне спокойно: в самом деле, кто покусится? Кто посмеет нарушить его покой? Справа? - но он же против большевиков. Слева? - но он же народный социалист, слуга народа...

О, горькое заблуждение старости!

Чайковского среди ночи схватили в постели, вывели полураздетого вниз, где уже поджидала машина, задержали шторы на окнах, автомобиль

сорвался с места. Потом была пристань, и под ногами заскользила палуба корабля "Архангел Михаил". По каютам, как по клеткам, распихали все правительство (только двум "министрам" удалось избежать ареста: ночевали они не дома в эту ночь). И чья-то рука, весьма злорадная, начертала куском угля по борту:

Груз - скоропортящийся,
порт назначения - монастырь,
цель - бессрочная ссылка.

Народный социалист очнулся, когда корабль входил в незнакомую гавань. Древняя кладка вековых башен наводила его на мысли о "железной маске". Но дружно звонили колокола храмов и умильно пели заутреню монахи. Это были легендарные Соловки...

Вы думаете - кто-нибудь знал об этом перевороте?

Никто. Никто, кроме... англичан!

* * *

Безработица в Архангельске при интервентах - ужасная. Но изо дня в день газета "Голос отечества" печатает объявления: срочно требуются тюремные надзиратели. Только им не грозит безработица. По этим призывам можно судить, каково будет царствование эсеров. Архангельск по ночам страшен: тюрьма на "Финлянке" давно переполнена, арестованных во мраке вывозят на остров Мудьюг, стучат залпы на Мхах - там расстреливают: цокот патрулей не дает уснуть обывателям. Город засыпает только под утро, тяжело и похмельно, чтобы пробудиться к разводу...

Рано утром на гарцующих конях прошли поляки из остатков корпуса Довбор-Мусницкого. Полякам - плевать на Архангельск, они идут грузиться на транспорта: конфедератки набекрень, усы лихо закручены, и - упоенно распевают:

Плыне, Висла, плыне
По Польской крайне,
А допуки плыне
Польска не загине...

Совсем невесело чувствуют себя сербы: им транспорта на родину от англичан не доплакаться. Они обвисают первый в это утро трамвайный вагон, и он с дребезгом тянет их на Пермскую, откуда сербы идут гуртом, зло сжимая винтовки. Спешат на развод говорливые итальянцы в беретиках (ни в каких итальянцев обыватель Архангельска не верил, а принимал их всех за цыган). Спокойно двигаются по улицам солдаты из далекой Австралии.

Французы на ходу поглощают свои завтраки. Высоко взмахивая

ладонями, англичане четко маршируют по бульварам, не стуча резиновыми подошвами.

Все уже построены, но... нет американцев.

- Конечно, - слышится из рядов, - эти оболтусы всегда опаздывают. А нам - жди их...

Русские стараются не выказывать своего нетерпения: сейчас они скромны, как никогда. Правда, они стоят в рядах легиона Славяно-Британского, созданного англичанами; они застыли в бравых шеренгах Иностранного легиона, что создан французами - в нарушение статута легиона - не в Африке, под нещадным солнцем пустыни, а в самом Архангельске, близ моржей и тюленей. По свидетельству современника, "отлично поставленная кухня много содействовала успеху дела". Это верно: кухня Иностранного легиона призвала в этот легион даже царских генералов... рядовыми солдатами! Посмотрите, как в нитку тянется, чтобы заслужить похвалу сержанта, генерал (а ныне солдат) Самарин!..

Но вот по одному, по трое, группами, собираются и американцы. Они что-то еще дожевывают, никак не могут расстаться с окурками, выбегают из строя и шнуруют свою обувь. Наконец кое-как, совместными усилиями Антанты, американцев удастся выровнять под общую мерку. Застыли... тишина. Кричат чайки: "Чьи вы?.. чьи?"

В руке полковника Донопа взлетает шпага.

- К маршу! На церемониал!

Оркестр сразу начинает играть веселое: "У моей девочки есть одна штучка..."

Американцы не выдерживают и дружно разевают рты:

Покажи да покажи

Маленькую штучку...

- Прекратите пение! - волнуются офицеры.

Френсис прибыл на развод, и Пуль его сразу ошарашил:

- Поздравляю, посол. Здесь ночью была революция!

- Чайковский?..

- Всех! Спаслись только Иванов и Дедусенко.

- Черт побери! - разволновался американский посол. - Кто посмел это устроить без нашего ведома?

- Конечно, русские... Чаплин!

Чаплин здесь же - как ни в чем не бывало. Перчатки в левой руке, в правой - сигара. Мундир сверкает. Улыбка от уха до уха. Ровные зубы.

Френсис кивком головы подзывает к себе кавторанга, и тот не спеша приближается.

Пуль между тем шепотом подсказывает Френсису:

- У него уже готова прокламация. Пока мы спали, он все сделал, что мог, и прокламация выйдет из типографии к одиннадцати...

Френсис смотрит на часы: через пятнадцать минут заборы Архангельска будут обклеены листовками. Надо спешить.

- Чаплин! - кричит Френсис. - Это вы не спите по ночам?

- С тех пор, - отвечает кавторанг, - как большевики пришли к власти, я привык не спать по ночам...

- Кто вам дал право свергать законное правительство?

- Ого! Когда я свергал власть большевиков, вы, посол, кажется, не возражали. А почему эсеры - законное правительство? Я это правительство сам породил - я его и придушил. Нужна диктатура из военных людей, а не краснбайство в передних... К черту это правительство! Наконец, эсеры мешали генералу Пулю.

Пуль сияет как медный таз; это подозрительно.

- Наконец, посол, эсеры становились поперек дороги и военному губернатору Донопу...

Услышав свое имя, Доноп подходит ближе.

- Вот, - говорит француз, - первый оттиск...

Френсис читает чаплинскую прокламацию:

"...только мощная армия и организованная военная сила смогут дать нам свободу от германского ига и надежду на светлое будущее России. Верховное управление Северной области не смогло справиться с этой задачей, его усилия ни к чему не привели, и оно ушло от власти..."

- В чем дело? - продолжает Чаплин с уверенной наглостью. - Я соберу вам еще десять таких правительств! Пока же главой области буду я, а гражданской частью пусть управляет Старцев: он - кадет старой закваски, и болтать лишнего мы не станем...

Доноп подозрительно глядит на генерала Пуля:

- Вы, генерал, кажется, сегодня тоже не выспались... Конечно, бормочет он потом куда-то в сторону, - эти англичане забрали себе всю паклю и не дают нам подступиться к Онеге, где столько бревен и досок, что...

- Перестаньте, полковник! - морщится Пуль, который прекрасно расслышал это бормотание француза. - Существуют зоны влияния, и не наша вина, что мы высадились в Онеге первыми.

- Мы согласны высадиться и вторыми. - Доноп явно обижен.

Чаплин хохочет. Остается три минуты до одиннадцати.

А из строя развода уже горлопанят американские солдаты:

- Вы долго еще будете болтать? Мы устали ждать.

- Чаплин, - произносит посол Френсис, разрывая прокламацию, премьер-министр области - старейший революционер в России. А вы - только капитан второго ранга. Никаких воззваний! Чайковского необходимо вернуть самым быстроходным крейсером...

Со стороны Троицкого проспекта, заворачивая на набережную, движется демонстрация протеста. Возглавляют ее члены правительства Иванов и Дедусенко, избежавшие ареста, ибо ночевали не дома; теперь они тащат за собою хвост кулаков из пригородных огородов, черносотенцев из лавок. Над головами полощется наспех изготовленный плакат:

ТРЕБУЕМ ВЕРНУТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИЗ МОНАСТЫРЯ

- Видите, Чаплин, что вы наделали? - волнуется Френсис. - Население стоит не за вас, а за Чайковского...

Быстроходный крейсер доставил свергнутое правительство обратно в Архангельск. Чайковский благодарил население за "нравственную поддержку", призывая всех возвратиться к "спокойному и воодушевленному труду". Но букет из эсеров уже стало невмочь нюхать местной буржуазии. Каждому дали по шее, и портфели были расхвачены тут же другими руками - руками местных тузов и крезов. Остался в правительстве только один социалист - сам Чайковский, а вокруг него - кадеты и монархисты; появился даже князь Куракин - на посту министра финансов.

- Помогите! Помогите! - взывали эсеры к обществу.

И очень хорошо ответил им биржевик Кыркалов:

- А кто ты такой, чтобы тебе помогать? Мы что? Разве тебя звали? Нам и без тебя гладко было...

Эсерам бежать из Архангельска некуда.

- При каждом демократическом правительстве, - заявил Лихач, существует, и не может не существовать, благородная оппозиция... Хорошо, мы согласны! Мы согласны отныне на роль этой оппозиции!

Теперь, охраняя сон и покой Чайковского, у ворот его дома стояли часовые. Часовые набирались только из американцев, и, конечно, они всегда опаздывали. "Премьер" спал тревожно: его беспокоил Чаплин, и тогда кавторанга арестовали. Ему было сказано:

- Конечно, за свержение законного правительства вас бы следовало расстрелять. Но... учитывая ваши заслуги в борьбе с большевизмом, мы вас, по решению правительства, только ссылаем.

- Ссылаете куда? - спокойно осведомился Чаплин.

- На станцию Обозерская. Там работает буфет, там бывают танцы, и

туда же ездят английские офицеры на охоту. Запаситесь книгами, дохой, ружьем и терпением.

- Терпением... на сколько?

- До вступления нашей армии в Москву!

Георгий Ермолаевич весело потер руки:

- Заковывайте. Сами же и раскуете мои кандалы!

Как и каждый порядочный ссыльный, Чаплин время от времени совершал дерзкие побег... в Архангельск, конечно! Чтобы погулять. Пожуировать. Посекретничать. В такие дни город объявлялся на осадном положении, и Чайковский старался из дому не выходить. Мало ли что бывает! Да и на часовых-американцев надежды плохие: приставив винтовку к крыльцу, они уходят пить пиво в пивную...

Очень уж в Архангельске боялись "дворцовых переворотов"! И как-то совсем не заметили, поглощенные своими делами, что под боком у них выросла накануне зимы героическая армия большевиков, которая называлась так Шестая.

* * *

Из-за Канина Носа, где беснуется полярный океан, пролетев метелями над затихшей Мезенью, подкрадывалась к фронту зима. Скоро она ляжет на эту землю гиблым снегом, уже и сейчас посинели носы у бедных итальянцев.

А недавно пригнали в Архангельск с верховий Двины баржи с пленными красноармейцами. Здесь были и те, кого взяли по лесам еще в августе; и те, кто бился до последнего патрона у Обозерской; и те, кто попал в плен при наступлении от Котласа. На пристань съехалось начальство, прибыли врачи. Когда люки открыли, то увидели, что придонная вода в баржах покрылась коркою льда и мертвые плавали среди острых льдинок...

О, капитан Дайер! Вы, убитый на станции Исакогорка, теперь почиете мертвым сном за Обводным каналом на пустынном архангельском кладбище. Как вам холодно там, как неуютно! Если бы вы могли сейчас встать из своей могилы... Капитан Дайер, ваша предсмертная мечта сейчас осуществляется...

Происходит невероятное: пленных красноармейцев под руки, словно долгожданных гостей, выводят из баржи на пристань. Смотрите, - им улыбаются, их хлопают по плечу, их расхваливают на все лады: какие они стойкие, какие они смелые!.. А что там делает генерал Пуль? Доблестный генерал встряхивает в руке фляжку.

- Выпей, приятель, - говорит он красноармейцу дружески.

Пленных грузили на автомобили, везли через весь город в американский (лучший в городе) госпиталь - тот самый, где умерли и вы, капитан Дайер! Там, в госпитале, красноармейцам лили в рот обжигающий коньяк, врачи растирали их тела спиртом. Рентген и хирургия, кухня и гигиена. Тихая музыка улаживала их слух. Так удивительно приятно потрескивали дровишки в печах. Милые улыбки сестер, славные лица вокруг, приятное обращение союзников... "Ах, черт побери, до чего же хорошо жить на белом свете!"

Пленных красноармейцев из героической Шестой армии - той самой армии, которая шаталась от голода, которая, не имея даже штыков на винтовках, умудрялась ходить в атаки... на штык! - вот этих пленных стали откармливать. Так кормили, как им и не снилось: ветчина и компоты, свежие фрукты из Танжера, новозеландские яйца, душистый горошек, сушеный инжир, какао экстра от Раунтри, лимонный сок "Монсератт"... Русские белогвардейцы, которые пошли в легионы к французам и англичанам, получали паек, как туземцы: их приравнивали в правах к диким, необразованным пленным. А пленный большевик, во исполнение последней воли капитана Дайера, каждый день съедал куропатку. Это была политика - дальновидная...

Когда красноармейцы поправились, их одели в британские шинели с повязками русского андреевского флага, поставили по ранжиру.

Перед строем смятенных людей было сказано:

- Отныне вы - Дайеровский батальон! Мы, ваши друзья, восхищены вашим мужеством. Вы отлично сражались За большевиков, и мы искренне оплакиваем войну, которая разделяет всех честных русских людей... О нет! Мы пришли сюда только помочь вам спастись от развала и разрушения старой доброй России! Вы завоевали себе свободу революцией, и мы уважаем вас за это. Не думайте о нас плохо: мы стоим теперь рядом с вами на защите тех же великих задач, за которые боролись и вы, только вы неверно избрали себе сторону. Эту ошибку надобно исправить... Да здравствует героический Дайеровский батальон!

Им выдали оружие - они взяли его с боязнью. Гулко били британские барабаны, вынесли на плац знамя батальона с голубым крестом, и вчерашние красноармейцы опустили на одно колено. Над рекой, над мачтами кораблей, над головами людей раздались слова клятвы:

- Обещаю и клянусь всемогущим богом, перед святым его Евангелием и животворящим крестом, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни ожиданием выгод или иными какими причинами, я по совести стану служить...

О, капитан Дайер, вы еще перевернетесь в гробу! В жестокие времена самые святы клятвы ничего не значат...

* * *

И напрасно генерал Пуль клялся, что, вступив в Архангельск, он через десять дней будет сидеть в Вологде, - сорвалось. После чего Версаль решил, что генерал Пуль, с его способностями, лучше всего подойдет для армии Деникина на юге России, а на место Пуля англичане прислали в Архангельск очень смелого человека - молодого, энергичного колонизатора Айронсайда... Время союзного оптимизма не кончилось. Оно, это время необузданного оптимизма, еще только начиналось!

Вслед за Айронсайдом въехал и русский генерал Владимир Владимирович Марушевский. который когда-то командовал во Франции русским корпусом. Потом в его жизни много было зигзагов и преломлений: сидел в Зимнем дворце при Керенском, сидел также и в Смольном при большевиках (но уже не наверху, а в подвале, как арестованный). Теперь же он должен возглавить русскую армию на севере России...

Марушевский прибыл прямо из Стокгольма налегке, имея при себе малый джентльменский набор: колоду карт, походные шахматы и два литра коньяку. Человек он был неглупый, и когда извозчик прокатил его вдоль гостиного двора в гарнизонное собрание, Марушевский сказал своему адъютанту князю Гагарину:

- А помните, Ленечка, как начинаются похождения Чичикова у Гоголя в его незабвенной эпопее "Мертвые души"?

- Забыл, ваше превосходительство.

- Ну как же! Я вот смолodu помню... В ворота гостиницы губернского города N въехала однажды довольно красивая бричка, в какой ездят холостяки, отставные полковники и вообще господа средней руки... Кажется, так у Гоголя?

- Но к чему это, ваше превосходительство?

- А к тому, милый князь Леонид, что как бы мне не оказаться здесь на положении Чичикова, закупающего дутые мертвые души. Я желаю бороться с большевиками, но - увы, да простит мне бог! - я не совсем уверен в нашей победе...

Первый рябчик, съеденный генералом в Архангельске, колом стоял в горле. Марушевского окружала чичиковщина.

Глава четырнадцатая

Уже закрутилась поземка над полянами, а далеко от Архангельска - во Франции - было тепло. И был ранний час, когда в вагон к французскому маршалу Фошу поднялись германские парламентареры; в Компьенском лесу

вовсю заливались горластые птицы...

Фош руки немцам, конечно, не подал.

- Чего вы хотите? - рявкнул он.

- Мы хотим получить ваши мирные предложения, - был ответ.

- О! - захохотал Фош, довольно сияющий. - Но вы ошиблись: у нас нет к вам, немцам, никаких мирных предложений. Напротив, нам, французам, очень нравится продолжать эту войну...

Но в двери Германии уже стучались матросские кулаки революции, и немецким генералам ничего не оставалось, как униженно умолять победителей о снисхождении.

- Нам, - говорили они Фошу, - очень нужны ваши условия. Мы, немцы, более не в силах продолжать борьбу.

- Ах вот оно что! - воскликнул Фош. - Значит, вы пришли, чтобы просить о мире? Вы уже не способны воевать... Ну что ж, вот это мне нравится! Это совсем иное дело...

Так заканчивалась первая мировая война.

Белая птица мира коснулась своим метельным крылом и тех, кто пропал сейчас на фронте Мурманской дороги, кто гибнул в лесах под Архангельском. Весть о Компьенском перемирии врезалась в сердце каждого солдата интервенции болью.

- А мы? - спрашивали в блокгаузах. - Для всей Европы уже мир, а мы осуждены ещедохнуть здесь? И вот вопрос: за что?..

* * *

- А сегодня холодно, - сказала Землячка. - Совсем зима... - И она сунула руки в рукава полушубка.

Старая большевичка, Розалия Самойловна Землячка была членом Реввоенсовета; она же возглавляла партийную работу в Шестой армии. Жизнь бросала эту женщину из края в край, и вот сейчас качались за окном скорбные ели, тянулась вдаль проселочная дорога, а ей было никак не согреться в этой холодной лесной сторожке...

Самокин поковырял вилкой картошку в котелке.

- Кажется, готова, - сказал он, голодный.

Землячка села за стол, громко позвала:

- Гершвин! Товарищ Иосиф... ну где ж ты?

В комнату, пригибаясь под низкой притолокой, вошел... сержант американской армии и потер здоровенные рыжеватые кулаки.

- О! - сказал он. - Давно не ел картошки в русском мундире.

Теперь сидели за столом трое. Каждый чистил для себя.

- Товарищ Гершвин, - объяснила Землячка Самокину, - родился в

Одессе, но еще мальчиком родители вывезли его в Америку... Сегодня утром он перешел фронт.

- Сдался? - глянул Самокин в сторону американца.

- Зачем? - обиделся сержант. - У меня есть полк, есть твоя родина. Я прибыл совсем за другим. По делу!

- А как вы отнеслись к миру?

- Мы не видим его, этого мира. Консул прислал нам в полк поздравление с окончанием войны. Но он же сообщил, что мы остаемся здесь до самого конца...

- А какой будет конец? - спросил Самокин.

- Вот и мы в полку удивлены: что же является для нас концом? Архангельское кладбище многим уже знакомо...

Гершвин толково, без тени смущения, рассказал о многом. Англичане, говорил сержант, устроились в этой войне лучше всех. Когда наступление они прикрывают наступающих. Когда же отступление - им не надобно поворачиваться: они и без того первые, а остальные лишь прикрывают их бегство. О белой армии, которая сейчас создается в Архангельске, и говорить не приходится: куда ни пошлют - за все спасибо.

- Но мы англичанам не спускаем, - похвастал Гершвин. - Особенно когда выпьем да встретимся, так мы их лупим где только можно. Мы же народ деловой и за дело умирать умеем. Но здесь у нас нет дела, и вот парни попросили меня сходить к вам, чтобы кое-что выяснить...

Землячка дополнила рассказ сержанта:

- Там есть один американский полковник, и он желает лично переговорить с кем-либо из видных большевиков... Ты не откажешься?

- Это на каком участке?

- Там, где Уборевич командует.

- А-а, я эти места знаю. Ну что ж, схожу. Переговорю...

В котелке осталась последняя картошина, и две вилки - вилка Землячки и вилка Гершвина - застыли в неловкости над нею. Только сейчас оба заметили, что эта картошина - последняя.

- Бери уж ты, - засмеялась женщина. - Ты молодой, такой большой, тебе больше меня надо.

- Возьму, - сказал Гершвин, - на дорожку...

...Вот и поздний вечер; сегодня французы сдают позицию американским стрелкам. Пока солдаты варят горячий глинтвейн, инженерная служба быстро углубляет "ленивые" французские капониры, возводит накат блокгаузов, ставит рельсы для подвоза боеприпасов, - американцы осмотрительны, и строить они умеют. Они же, эти

американцы, и оказались самыми ненадежными в армии интервентов... Еще не успели допить глинтвейн, как один из них выскочил на самый бруствер траншеи, замахал руками:

- Э, русска! Не надо стреляй... А где книжки?

По ходам сообщения, среди красных бойцов, ползет шепот:

- Опять книжек просят! Давай книжек...

Пошли веселые перезвоны между штабами Шестой армии:

- Противник снова требует партийной литературы...

Москва и Петроград принимают из Котласа и Вологды сверхсрочные телеграммы: "Высылайте литературу на английском языке. О русской революции, о Ленине, о том, что такое Советская власть..." Даже бумагу стараются подобрать получше. Срочно печатают. На далеком севере, где-то между Емцой и Вагой, наступает затишье. Шестая армия стойко выдерживает эту тишину: никто не стреляет. В боях нет ненависти к врагу, - враг обманут.

А время от времени - над этой тишиной - возглас:

- Э, русска! Пуль-пуль не надо! Книжки давай...

- Потерпи, милой! - несется ответное. - За ними поехали.

- Эй, русска! Давай скорее, а то уйдем... Нам холодно!

Наконец литература прибыла, и ее пачками, словно гремучие гранаты, перебрасывают на сторону противника. Проходит день, два, три... До чего же тихо - даже не верится. Только шумит лес.

Боец поднимает голову, вглядывается в рассветную синь.

- Чисто, - говорит он, вставая в рост. - Пошли, ребята, скорее. Пока беляки не нагрянули. Те нашим книжкам не верят...

И верно: недавно открытые капониры пусты, на рельсах еще стоят тележки с бомбометами. Американцы ушли, бросив фронт, - они ушли в Архангельск, и там их в глаза называют "дезертирами". Но ссориться с ними тоже нельзя: у них - техника, самая лучшая, у них - обувь, самая выносливая, у них - денег хоть завались. Американцы очень нужны в этой войне...

Самокин собрался выехать на передовую, и Землячка напутственно сказала ему на прощание:

- Ты ведь понимаешь, что пуля - дура: убьет, и нет человека. А слово, оставляя врага живым, делает из него друга. Не только воспитать своего бойца, но надо и перевоспитать солдата противной нам стороны, - именно так и ставится задача! И я уже чувствую, что лучшими агитаторами за окончание интервенции будут сами же интервенты!

- Это очень заманчиво, Розалия Самойловна: победить интервенцию ее

же солдатами, - ответил Самокин. - Но я как-то плохо верю в братание. С немцами тоже братались изрядно, только мы, как последние дураки, после братания втыкали штык в землю, а немец тут же с великой радостью пер на нас дальше...

Встреча с американским полковником была назначена на поздний вечер. Сиреневые тени легли на землю. И без бинокля было видно, как вышел из деревни одинокий человек. В мятой фетровой шляпе, в макинтоше штатского покроя, на ногах - обмотки, как у солдата, а тонкие ноги ступали при этом очень уверенно.

Остановились - один напротив другого, шагов за пять.

Разговор начал американский полковник:

- Почему вы стреляете в нашу сторону? Мы ведь не враги. А война окончена.

- Однако, - возразил Самокин, - не мы же пришли к вам в Америку, - это вы сейчас на нашей земле.

- Верно подметили, - захохотал полковник. - Я и сам не знаю, как мы сюда закатились. Сначала нам внушали союзные чувства к русскому народу, теперь говорят о стратегических соображениях. Но какой нам смысл разрушать русские деревни, и без того несчастные? Мои солдаты спрашивают у меня, а я многого сам не понимаю... Но так продолжаться далее не может!

- К сожалению, так продолжается слишком долго!

- Но разве нам это нужно? Я и мои, солдаты, мы полностью признаем мистера Ленина, мы уважаем его и против большевиков сражаться не намерены. Что же касается англичан, наших союзников, то в британских войсках тоже заметно брожение...

Самокин спросил о белой армии и получил резкий ответ:

- С этой белогвардейской сволочью мы, честные американцы, ничего общего не имеем. Разбирайтесь с ними сами! А я от имени своих солдат выражаю вам восхищение стойкостью вашей армии...

Полковник подошел к Самокину ближе, долго расспрашивал его о системе нового Советского государства. Литературу он взял охотно. Расстались они довольные друг другом. А рано утром на этом участке фронта разгорелся жестокий бой. Оказывается, ночью американцев сменили русские офицеры. Сменили умышленно, ибо американский полк, проникнувшись большевистскими настроениями, замыслил восстание на январь 1919 года. Однако не удалось: многих солдат полка арестовали...

За океаном госдепартамент САСШ осенью получил сообщение: только арест "большевистских агитаторов" предотвратил вооруженный мятеж в

войсках...

* * *

Генерал Марушевский был столь маленького роста, что когда он сидел, то ноги свешивались, не доставая пола. От этого в армии его заспинно называли: "Володинька..." А перед Володинькой массивной глыбой возвышался Эдмунд Айронсайд. Отлично выбритый с утра (и вечером опять побреется), с голубыми глазами, совсем еще молодой парень. Это был человек, предвосхитивший поэзию империализма Редьярда Киплинга: мальчиком он убежал из пансиона, зашагав в рядах колониальных войск по знойной Африке:

Только - пыль, пыль, пыль

От шагающих сапог...

Когда наступление генерала Пуля на Вологду с треском провалилось, в Англии сочли, что лучше "молодчаги Айронсайда" не найти. Ему дали временное звание генерала{25}, чтобы он чувствовал себя уверенней, и - вперед, во славу Англии... Пора уже пожать руку Колчака в Котласе, у слияния трехречья!

Марушевский невольно задумался перед этой глыбой. Уже само назначение в командуящие молодого сорванца с временным генеральством свидетельствовало, что Англия придает войне на севере характер экспедиции в дикую, малокультурную страну. Марушевского это коробило. Но было уже совсем непонятно, зачем, вызывая его, Володиньку Марушевского, из Стокгольма, старый Чайковский вызвал в Архангельск и генерала Миллера.

Два командуящих - при армии, которой еще не существует. О создании этой армии Марушевский и беседовал сейчас с Айронсайдом, который настаивал на скорейшем образовании русских полков. Нисколько не стесняясь, он утверждал, что русский офицер плох, но зато благонадежен, а русский солдат прекрасен, но совсем уже не благонадежен. На это Марушевский ответил Айронсайду, что любую армию, прежде чем ее пустить в дело, надобно выдержать какой-то срок в казарме, дабы воспитать ее... Айронсайд подумал над этим и сказал:

- Хорошо! Мы пробудем здесь ровно столько, сколько вам понадобится для организации и обучения этой армии... - Казалось, дал понять точно: не уйдут!

В низу лестницы Марушевского встретили два русских полковника: Сергей Констанди, потомок балаклавских контрабандистов, и князь Мурузи в чине английского лейтенанта. Обеспокоенно они спросили своего генерала:

- Ну, что там слышно от англичан, Владимир Владимирович?

Марушевский пожал плечами, дольше обычного натягивал перчатку, - он был взволнован и даже... оскорблен.

- Я не ошибусь, - ответил, - если скажу так: политика союзников здесь колониальная. Именно такая, какую они применяют в отношении цветных народов. Господа! В русском человеке очень развито инстинктивное чувство. И вот заметьте, с каким недоверием относятся в Архангельске к англичанам... Но у нас, господа, нет иного сейчас выхода: мы вынуждены принять помощь даже от явных колонизаторов. Давайте будем для начала наводить порядок...

Порядка не было. Сверкая огнями, празднично украшенный, стоял посреди Двины французский пароход-магазин "Тор", и оттуда наплывала на город беззаботная музыка. Сновали катера с покупателями - колониальная лавка работала вовсю. "Тор" был загружен исключительно предметами парижской роскоши: дамские лифчики и корсеты новейших фасонов, духи от самого Коти, парфюмерия, сладости, вина, ажурные чулки, воздушные туфельки... И все это можно купить, только имей деньги!

Не было порядка, но не было и денег. В городе усилился ночной грабеж; стреляли так лихо, словно щелкали семечки. По низам Архангельска околачивались темные, подозрительные люди - без документов. Кто они? На призыв Чайковского к населению вступать в ряды армии откликнулись два-три гимназиста. Повторялась та же история, что и с большевиками: рабочий Архангельска в белую армию не шел. Но, кажется, призови его теперь в Красную Армию - он взял бы винтовку с радостью. Большевиков уже стали называть: наши...

Маймакса, Бакарица, Соломбала снова были впереди, протестующие: эти пригороды играли в Архангельске такую же роль, как и крейсер "Аскольд" когда-то в Мурманске, - их боялись интервенты. А что мужик в северной деревне? Не он ли бунтовал против Советской власти? Не деревня ли идет на поводу у эсеров?..

Ну, так пусть сами эсеры и расскажут нам об этом: "Трудно передать деревенские настроения... Тут и злоба на богачей, которые остаются в деревне, и зависть ко всякому, кто может спокойно сидеть дома, и надо всем этим - упорное нежелание воевать. Жутко становится, когда слушаешь их речи. Одни ни за что не пойдут на войну, пусть лучше их убьют в деревне, другие - пойдут, но при первом же случае перебегут к большевикам, чтобы опять восстановить власть народа, власть бедноты..."

Вот в таких-то условиях и стали ковать белую армию на севере. Начал Марушевский, как и положено убежденному монархисту, с введения погон.

Боже! Что тут началось: старые боевые офицеры бились в истерике - что угодно, только не погоны. Погон боялись после февраля и октября 1917 года как чумы. Таких трусов Марушевский сажал на гауптвахту. Кокарды, погоны, ордена, именное оружие - Володинька обвешивал офицеров заново... Удалось!

Правда, заходить в пивные офицеры теперь боялись: там сидели за кружками солдаты и спарывали погоны каждому. А отправка на гауптвахту встречалась истерией - весьма показательной:

- Господа! Прощайте, меня уводят на расстрел...

Князь Леонид Гагарин обходил архангельских букинистов:

- Нет ли у вас устава внутреннего и дисциплинарного?

- Что вы, молодой человек! Революция их давно уничтожила...

Нашли экземпляр как библиографическую редкость.

- Двадцать пять рублей, - загнул букинист.

- Велено купить, сколько бы ни стоило...

Отпечатали в типографии Архангельска - с ятями. Читали вслух, с выражением, как забытые вирши. Кое-как армию собрали.

Теперь ее ранжировали, одевали, вооружали - под наблюдением англичан. Первым делом вояки неслись в "Солдатский клуб", где дружно скупали все бутерброды и весь табак. Вечером приходили в клуб иностранцы: шалишь, лавки уже пусты - здесь побывали русские.

- Русские слишком нахальны, - говорили тогда. - Надо выделить для них отдельный стол... Ну их к черту!

Вмешался в это дело Союз христианской молодежи в Америке: он откупил большую посудную лавку, устроил в ней клуб для русских; в руки американских идеологов попали не только желудки, но и головы русских солдат - они их дурили в этой лавке как могли. Однако бутерброды здесь были куда как жирнее, нежели скромные английские сэндвичи и засохшие пудинги. В благодарность за это Союз христианской молодежи выкачивал из русских лесов меха лисиц, белок и горностаев... О'кэй!

- А теперь, - объявил генерал Марушевский, - пора создать клуб георгиевских кавалеров. Именно отсюда, из "Георгиевского зала", перенесенного из Москвы в Архангельск, мы и станем черпать сливки доблестного русского офицерства... Кстати, господа, еще раз прошу вас всех: перестаньте танцевать!

Ох, сколько было танцев в Архангельске... Куда ни придешь - везде танцуют. И везде пьют. А напившись, калечат один другого кулаками, стульями, пулями и шашками. Винный угар носился в морозном воздухе... Офицеры по утрам жевали чай, корицу, всякую дрянь, чтобы не пахло.

Стоит человек, лыка не вяжет, колеблется, но понюхай его - нет, ничего не пил, не пахнет...

Дело теперь прошлое - можно посочувствовать и Марушевскому: ему было трудненько. Казалось, что из Стокгольма генерал заехал прямо в царство мертвых душ - и очень боялся оказаться Чичиковым. Какие-то тени прошлого окружали его. Вот появился вдруг тихий, весь в черном, Терещенко, министр Временного правительства, и, никому ничего не сказав, скрылся незаметно. Приходил в губернское управление американский профессор Арчибальд Кулидж от военной промышленности Штатов - и, послушав, о чем говорит Чайковский и его окружение, вдруг серьезно заболел - с трудом доставили профессора на родину... "Впрочем, - размышлял Марушевский, - я здесь калиф на час: приедет генерал Миллер, и пусть он расхлебывает..."

Фронт застыл, уже подмороженный. "Пробки" интервентов, засунутые в горло реки и в колено дороги, сидели крепко, закрывая Архангельск от натиска большевиков. Колчак, свергнув власть Директории, рванулся через Урал... Он уже близок: сани с солдатами едут по горным отрогам; впереди Екатеринбург, Пермь, Вятка. Адмирал объявил себя верховным правителем, и все остальные правители (в том числе и архангельские) должны ему подчиняться.

- Это возмутительно! - ругался старый Чайковский. - Колчак поступил с Директорией так же, как этот хулиган второго ранга Чаплин-Томсон со мною в Архангельске... Признав заговорщика Колчака, я должен тогда признать и правоту заговорщика Чаплина?..

Это случилось, когда из Ливерпуля - на помощь армии Колчака - уже вышел ледокол "Соловей Будимирович"; ледокол явно опаздывал, и массивы арктических льдов вот-вот готовы были сомкнуться за Диксоном, закрывая пути в устья великих сибирских рек. Все в Архангельске были радостно возбуждены: крах большевизму ощущался близко, как никогда...

В один из этих дней к Марушевскому проник губернский комиссар (точнее - вице-губернатор) Архангельска, лидер партии народных социалистов Игнатьев.

- А знаете, генерал, - сказал он, - пока тут французы торгуют чулками и пудрой, практичные англичане покупают у нас Кольский полуостров с его богатствами и бухтами.

- Как? - подскочил Марушевский. - Весь Мурман?

- Весь.

- Это... грабеж.

- Но Чайковский продаст. Куделя с паклей до сих пор сидят у него в

печенках, и он должен как-то компенсировать убытки.

- А кто купит? - спросил Марушевский.

- Покупатель вполне почтенный... сам Шеклтон!

И тут завихрило, закружило... началось.

Лютый мороз обрушился неожиданно, как удар меча.

Вот и зима - стой, реки; стой, корабли; стой, солдат.

- Вперед, бойцы Шестой героической... вперед - по снегам!

* * *

- А разве вы этого не знаете? Это же трава сеннеграс, она кладется в башмак солдата, чтобы впитывать потную влагу. На куртки пойдет медвежий мех. Рукавицы - лучше всего из собачьего. Обувь "финеско" шить следует из шкуры самца, снятой с головы оленя, и обязательно мехом наружу... Зима началась, и я получил работу по сердцу: поездки на санях и, снаряжение полярных экспедиций. Отсюда я вижу свою звезду - она сверкает мне, как драгоценный камень: одинокая и непостижимая. Господи, только помощи Архангельску победить Москву!

Человека, говорившего так, звали Эрнст-Генри Шеклтон. Известный полярник, теперь он имел чин майора. Он прибыл на север России как советник генерала Мейнарда, командовавшего британскими войсками на Мурмане. Шеклтон имел определенную задачу: подготовку и снаряжение карательных экспедиций против большевиков. В первую очередь - против отрядов чекиста Спиридонова, ведущих зачастую борьбу партизанскую - на лыжах, лесными тропами, среди скал и полярного безлюдья. Сани, собаки, рацион, упряжь, одежда, вооружение - все это входило в рассмотрение Шеклтона...

Шеклтон был очень интересным и мужественным человеком, он много сделал для науки, и мы не будем оскорблять его памяти. Мы будем говорить только о майоре Шеклтоне. Вот он! - типичный англичанин, с сочными губами; приятный склад лица, редкая улыбка, крепкие мышцы следопыта... Одна только деталь в нем необычна: в петлице френча - русский орден святой Анны. Да, никто из полярников не пожинал столько лавров, как этот человек. Шеклтон был так популярен в мире, что с почестями проник ко дворам древних династий Европы - к Гогенцоллернам в Берлине, к Габсбургам в Вене, к Романовым в Петербурге (кстати, все эти три династии лежали теперь в развалинах и прахе)... Россия же обласкала Шеклтона словами приветствий еще Шокальского и Семенова-Тян-Шанского; тогда как раз был расцвет русско-британского альянса, и Николай Второй дал Шеклtonу двухчасовую (это очень много!) аудиенцию, в конце которой приколот орден Анны на смокинг "великого британца". И

вот он снова в гостеприимной России...

Язык Шеклтона - это язык колонизатора.

- Интересы Британской империи, - делился он вечерами с генералом Мейнардом, - всегда были близки мне. Понятие империи наполнено для меня реальным содержанием. Королевство представляется мне сокровищницей громадной ценности. Увеличение же этих ценностей есть моя основная обязанность... Я ищу, везде ищу и буду искать ничейные земли для короны!

И величественный Мурман показался ему "ничейной" землей. К себе его! Под британскую корону! Скорее!

Обходил на корабле уютные тихие бухты, лежавшие в застывшем покое, ловил рыбу на крючок, даже без наживки, ласкал пышные меха с глубоким подшерстком, крошил молотком кристаллы горных пород, видел, как убегает от него в глубь земли жила никеля. А вокруг - ширь, ширь, ширь, и в морозном паре гремели могучие мурманские водопады... Шеклтон задыхался - от миллионов, которые валялись у него под ногами. Вторая Аляска лежала перед ним, почти покорная...

Вот что он говорил в эти дни:

- Отсюда, из бараков Мурманска, мне уже мерещится золотое будущее. Я смолodu верил, что мне предопределено судьбою и богом иметь миллионы, и я нашел свою золотую жилу... здесь! Одним ударом я разрешу все свои затруднения, добуду колоссальное состояние, которое я просто призван иметь как англичанин... Только бы Архангельский Совет сумел победить Совет Московский!

Генерал Мейнард, более практичный, придерживал его пыл:

- А если здесь не удастся?..

- Тогда, - отвечал Шеклтон, загораясь снова, - я проломлюсь через льды в море Бофорта... Меня уже зовут манящие голоса эльфов, все очарование тайны неведомой Чукотки, - Чукотка тоже земля ничейная. Я вижу свою звезду. Одинокaя и непостижимая, она сверкает мне из полярных льдов, как драгоценный камень... Не спорьте, генерал! Только бы Совет Архангельский победил Совет Московский, и тогда моя судьба решена...

Бедный Шеклтон! При полной политической безграмотности, ему казалось, что в России были два "Совета" - Архангельский и Московский, и вот они не ладили, и на этом можно теперь хорошо нагреть руки... Я еще раз говорю: имя Шеклтона слишком уважаемо в нашей стране, и мы не будем оскорблять его светлой и достойной памяти. Но из песни слова не выкинешь, и вот что пишет советский биограф Шеклтона - Никита

Болотников: "Нельзя оправдывать заведомую подлость только потому, что человек, совершивший ее, благородно вел себя в других условиях... В то время как другой полярный исследователь, "великий норвежец" Фритъоф Нансен, всячески способствовал тому, чтобы спасти советских людей от голодной смерти, - прославленный полярник Эрнст Шеклтон голодом и силой оружия пытался сломить их волю..."

Что ж, будем знать о "великом британце" и это! Мурман был продан, и этот эпизод, пожалуй, самый мрачный из всей истории интервенции в России.

Глава пятнадцатая

Аркадий Константинович Небольсин принял от бабы-поварихи тарелку с гороховым супом, поверх которого плавал жареный лук, и долго озирался, выискивая свободное место. Был как раз обеденный час, и столовая Мурманска - распаренная, промерзлая, провонявшая грубой пищей - трещала от наплыва голодных людей.

Нашел место - возле печника дяди Васи, и тот сказал ему:

- Кистинтиныч! А меня опять за холку тянут...

- Куда?

- В "тридцатку", чтоб она горела.

- За что?

- Да я вить, Кистинтиныч, паспорт потерял.

- Дядя Вася, - сказал Небольсин, - ты помалкивай.

- Я и то молчу... Передние-то зубы мне в прошлый раз выбили. Жую-то пишию во как: боковушками. А ну как и эти выскоблят? Совсем без клещей останусь...

Печник ушел, а Небольсин взялся за ложку. Вот уж никто бы не догадался, что эти дни были наполнены для инженера гордостью. Небольсина просто разрывало от счастья! А что причиной тому? Причина для гордости каждого русского человека была очень основательная: постановлением ВЦИК был уничтожен позорный, грабительский Брест-Литовск договор с немцами. И надо было душевно перестрадать этот позор, чтобы теперь так озолоченно и возвышенно радоваться! Именно с этого дня Небольсин, средний русский инженер, искренне поверил в проницательность Ленина и признал его вождем русского народа... Мало того! Когда в руки инженера попал текст постановления, он его аккуратно вырезал ножницами и спрятал в тайнике своего желтого американского бюро. Ему казалось тогда, что этот акт имеет прямое отношение и к судьбе дороги, громыхающей пустынными перегонами...

- Инженерна-ай, - слышался грубый голос, - иди сюды-тко.

Это подзывал его отец Ионафан, настоятель Печенгской обители. Аркадий Константинович переставил свою тарелку, поздоровался с монахом. Рядом сидел французский солдат и, расправляя лазоревые бумажки франков, что-то подсчитывал, шевеля губами.

- По делу приехали, отец Ионафан? - спросил Небольсин.

- Да вишь ты, - ответил игумен, хитро поблескивая глазками, - силов моих боле не стало на арестантов смотреть.

- Выходит, и правду говорят, что у вас там тюрьма?

- Еще какая! Вырыли с осени яму в земле, сверху досок наклали, а людишек туда - "прыгай", говорят. Для охраны же юнкерят прислали. Тех, кои еще Зимний дворец берегли... Сопливый народ, а фанаберии - тоже хоть отбавляй. Комендантом - англичанин. Непьющий. Только курящий. По фамилии Смолл, вроде смола, я так и запомнил для удобства жизни... И липнет он ко мне, и липнет! Юрьева-то нету, - продолжал отец Ионафан. - Никого не стало тут из старых. Все новые! А я вот приехал новому губернатору: давайте, мол, таким макаром - или тюрьма, или монастырь, место божие, что-либо одно. Тюрьма, тады и монастыря не надо...

- А финны не шалят? - спросил Небольсин, жадно глотая с ложки горячий супчик.

- Всяко бывает. Печенге - каюк пришел. Уйди английские корабли с Мурман, финны придут в Печенгу. Ежели, конечно, наши не поспеют... Да где нашим поспеть-то! Хоть башкой в море суйся - пропала Печенга. А ведь райское место, скажу я тебе... Слышь-ка, - поманил его к себе пальцем монах, - большевики что, разве финнам Петрозаводск да Мурман отдали?

- С чего бы это, отец Ионафан? Нет, пока все наше.

- А финны на картах уже как свои земли метят. Видать, какая-то закавыка в дипломатии вышла. Без драки не разберешься... А ты, инженер, сдал. Сильно сдал, - присмотрелся монах к Небольсину. - Чего так? Молодой, а лицом быстро состарился.

- У меня, отец Ионафан, много жизненных осложнений.

- Это бывает... Ты горох-то вкушай, инженерна-ай, вкушай его. От гороха человек мужества набирается. Это харч достойный! - отец Ионафан удалился.

Под носом француза, считавшего деньги, висела прозрачная капля, и эта капля испортила аппетит Небольсину - он размашисто отодвинул тарелку. И так неосторожно, что гороховый суп плеснул через край - прямо на франки, поверх которых лежали британские фунты, русские екатеринки и керенки. Француз очень спокойно взял Небольсина за ворот полушубка и ударом кулака отбросил от стола. Но не на такого напал: Аркадий

Константинович тут же перевернул на француза весь стол вместе с посудой и франками. По русскому обычаю, не удержался, чтобы не поддать еще ногою в бок.

- На! - сказал. - Гнида!

Тут его схватили сзади за шею - грохнули спиною на грязный пол. Кто-то перепрыгнул через инженера, и взлетел высокий голос:

- Наших бьют! Ребята, доколе же терпеть? Бей...

Когда Небольсин поднялся, драка уже началась. Англичане плотной и дружной стенкой проламывались к дверям, работая кулаками. Русские дорожки метелили их стульями. Французы дрались с подлецей - осколками от бутылок. Когда прибыл патруль, всех союзников сразу выпустили из столовой, но русских задержали. И к ним вошел генерал-губернатор Ермолаев. Небольсин его ни разу еще не видел: Ермолаев прибыл совсем недавно на Мурман...

- Кто первый начал? - спросил губернатор.

- Очевидно, это я... - сознался Небольсин, вытирая кровь с подбородка.

- Но знали бы вы, генерал, до чего же гнусно устроен ныне российский мир! Союзники, спасибо им, что орехи еще на наших головах не колют... Терпеть далее невозможно!

Ермолаев был в кожаной куртке (под авиатора), с погонами генерала, а фуражка - бывшего министерства внутренних дел; в общем, одет был - с бору по сосенке. Заложив руки за спину, он покачался перед людьми на носках ярко начищенных кавалерийских сапог, отвороты которых были обтянуты серой замшей.

- А ты кто здесь такой? - заорал он вдруг на Небольсина.

- Вы мне не тыкайте... Я все-таки начальник дистанции, и еще не хватало, чтобы генерал-губернатор Мурмана разговаривал со мною, как с пьяным сцепщиком.

- Простите, - сказал Ермолаев, срывая с руки перчатку. - Мне вас еще не представили. А это... это ваши рабочие? - спросил уже совсем любезно, здороваясь.

- Да. У нас как раз обеденный перерыв.

- Ваш чин? - поинтересовался Ермолаев.

- Был коллежский советник... когда-то.

- Никто у вас прежнего чина и не отнимал. Я попрошу, господин Небольсин, зайти в управление... У меня к вам есть неотложный разговор. Касаемо дороги и прочего.

Вскинув руку к министерской фуражке, генерал-губернатор Мурмана удалился, скользя новенькими сапогами по осклизлым от талого снега

половицам. Небольсин печально посмотрел на рабочих, растерзанных после драки с союзниками.

- Перекусили? - спросил. - Ну и все. Пора на станцию... На станции их ждала новость: Колчак вошел в Пермь!

* * *

- Видите, как все удачно складывается, - начал Ермолаев. - Не пройдет и недели, как мы будем в Котласе... Дорогой Аркадий Константинович, помимо приятного знакомства, позвольте сделать нашу встречу еще и деловой...

Под локтем Ермолаева лежала новенькая карта, и Небольсин рассматривал ее сетку поначалу равнодушно. Потом его зрение заострилось, и он вдруг в ужасе заметил, что Мурман закрашен под цвет британских колоний.

- Где издано? - спросил, вытягиваясь через стол.

- Ах вот что вас удивило! - догадался Ермолаев. - Так это же вполне естественно. Однако на этот раз мы будем умнее и не повторим ошибки с Аляской...

Отец Ионафан говорил, что финны закрашивают Мурман под свой фон, англичане тушуют тоже под свой - ярко-колониальный. Только сейчас Небольсин понял всем нутром, насколько ему дорог стал этот край, проклятый и мерзлый, где он столько раз бывал несчастлив и... "Нет, - подумал, - я был и счастлив здесь тоже!"

- Продаем? - спросил с вызовом, словно обращался к лавочнику.

- Не совсем так, - возразил Ермолаев. - Существуют некоторые неувязки. Я недавно заверил французского посла Нуланса, что мы согласны уступить им Мурман в аренду, уже почти договорились, - на девяносто девять лет. Но тут я узнаю, что майор Шеклтон начал столбить Мурман... тоже на девяносто девять лет.

- А что правительство? - похолодел Небольсин. - Я уж молчу о московском, не имею в виду Совнаркома Ленина... А - Чайковский?

- Чайковский отбывает в Париж, а вместо него прочат генерала Миллера. И он, конечно же, уступит англичанам. Да и что жалеть, Аркадий Константинович! Мы ведь люди свои, можем быть откровенны: здесь, на Мурмане, ничего нет - голое место. А табак, а сапоги, а горючее, а патроны будут нужны всегда. Шеклтон - романтик! Я читал его проект. Так, ерунда! Камешки там разные, водопады, пороги, рыбка... С этого не разбогатеешь.

- Жаль, - ответил Аркадий Константинович, - что мы с вами не романтики. И мы еще не знаем Мурман - так же, как не знали до конца и Аляску, когда глупо пробарышничали ее американцам.

- То Аляска, - отмахнулся Ермолаев. - Но история с Аляской не должна повториться... Что англичане, что французы - один черт. Вот, господа, девяносто девять лет аренды и - баста! Потом убирайтесь прочь... Остальное наше. А сапоги-то, господин Небольсин, изношены! А табак-то скурен! А патрончик-то выстрелил! Этими сапогами, покуривая да постреливая, мы, глядишь, уже и до Москвы-матушки дотопали. А союзники пусть у водопадов себе прохлаждаются... Надо быть политичнее!

Небольсин почувствовал, как у него опустились руки. "Для чего работать?" Ермолаев вызвал его для дела. Но вот делать-то он как раз ничего и не хотел. "Для кого делать... для Шеклтона?" Впрочем, и никто на Мурмане не желал палец о палец ударить в пользу интервентов... Именно с этого и начал Ермолаев:

- Вот так, никто даже палец о палец не ударит. Обленились все и духом обнищали... Отныне я, властью генерал-губернатора, ввожу закон о принудительном труде. Для всех! Для мужчин и для женщин. Каждый, от шестнадцати до пятидесяти пяти лет, обязан трудиться в поте лица своего... За отказ, - и Ермолаев повернулся к окнам, из которых открывался рейд, вон стоит "Чесма"; там борта промерзли насквозь, и они насидятся в железных ледниках... Далее! - продолжал Ермолаев упоенно. - Союзники, конечно же, с весны начнут наступление на Спиридонова вдоль магистрали. Для этого надо чинить мосты, взорванные большевиками. Дорогу возродить заново! Я не Юрьев и не допущу разгильдяйства... Мы уже договорились с Марушевским в Архангельске... Зачем расстреливать? Мы поступаем проще: ах ты не хочешь жить и работать в Мурманске? Тебе, видите ли, англичане не нравятся? Хорошо. Вот тебе вагон. Садись и поезжай... к своим большевикам! Всё!

Небольсин не пикнул. Он слушал, что говорит ему Ермолаев, и думал: "А ведь ты - романтик... романтик диктатуры!"

- Аркадий Константинович, - велел Ермолаев уже тоном приказа, - два вагона приготовьте до Сороки.

- Для?..

- Для тех, кто не желает жить и трудиться с нами воедино с союзниками, на благо нашего несчастного отечества.

- Два? - поднялся Небольсин.

- Хорошо. Хоть десять...

Разговор закончился. Инженер вел себя так, что Ермолаев не мог составить о нем правильного мнения. Инженер - и все тут. Молчок! Это была тактика побежденного, который надеется со временем стать победителем. Был бы жив сейчас бедняга Петя Ронек, он бы эту тактику

Небольсина, наверное, одобрил...

Мурманск был украшен громадными лозунгами: "Не пьянствуй!", "Будь бережлив!", "Не воруй!". Однако, несмотря на эти призывы, город, не успевший расцвести, уже погибал в грабеже и разрушении. Вокруг "тридцатки" вырос целый городок бараков-тюрем - громадный концлагерь, а в нем: русские, латыши, немцы, мадьяры, финны, чехи, карелы, поляки... Полный интернационал людей, не желавших сражаться против Советов!

Встретясь с Элленом на улице, Небольсин остановился.

- Кажется, - сказал, - в вашей биографии это как раз то акмэ, выше которого вам уже не подняться...

Эллен был достаточно умен, чтобы не обидеться.

- Да как сказать, - ответил раздумчиво. - Наверное, кто-нибудь лишний и попался. К сожалению, каждому в душу не заглянешь: что он там думает? А винить-то будут только меня! Глупо...

Эллен взял предложенную Небольсиным сигарету из пачки.

- Аркадий, я понимаю, это тоже глупо, но... Предупреждаю по дружбе: купив сигареты у англичан, их следует сразу же, не мешкая, переложить из пачки в портсигар. Хорошо, я свой человек, мне на это наплевать! А случись, увидят из британской комендатуры, могут выйти большие неприятности...

- Вот это здорово! Да при чем здесь пачка? Или... портсигар?

- Жителям Мурманска, ты же сам знаешь, отныне запрещено вступать в какие бы то ни было сношения с союзниками. Зараза большевизма - ведь не поймешь, как она переползает? Вошь - ту хоть видно, что она ползет...

Небольсин, возмущенный, замахал руками:

- Абсурд! Бред! Маниаки! Да вы же ненормальные люди! Ведь еще недавно мы всем табором валили на "Глорию" хлестать виски! В консульствах крутились как у себя дома. Прекрасная Мари бегала ночевать то ко мне в вагон, то на эсминец "Лейтенант Юрасовский". А теперь нельзя иметь даже пачку английских сигарет? Да вы все умалишенные... Вас в бедлам надо упрятать!

Эллен отвечал с покорной улыбкой:

- Сам вижу, что глупее трудно придумать. Но, поверь, не я ведь пишу эти приказы... Обо всем этом ты можешь кричать своим бывшим друзьям из консульства: ты больше моего пил с ними!

Небольсин пошагал прочь, снова вернулся:

- Севочка! Один вопрос: а куда вы дели Комлева?

- Чепуха, - ответил Эллен. - Мы его посадили в вагон и отправили честь честью в его совдепию... А разве Ермолаев не говорил, что этим же

путем мы отправим и всех других, кто нежелателен здесь, на Мурмане?

- Говорил. Я только что от него.

- И вагоны готовы? - спросил Эллен.

- Готовы. Я жду, когда американцы починят мосты...

Американцы умели работать быстро, и скоро мосты до самой Сороки были поставлены на быки: плавно тронулись вагоны, и качались на каждом из них по две пломбы: одну поставил поручик Эллен, другую граф Люберсак - из союзного контроля. Под этими пломбами скрывались так называемые приверженцы большевизма.

* * *

Долго стояли на путях. Двери покатались в сторону.

- Вылезай!..

Дядя Вася прыгнул под насыпь. Это была станция Лоухи, печник узнал ее сразу - он тут не раз перекладывал печи. За время пути в замороженном вагоне печник так заостенел, что, когда его поставили на ноги, он стоял скрюченный. Из вагона выгнали всех, пересчитали.

- Сорок восемь... Где еще шестеро?

- Загляни, - сказал дядя Вася.

Шесть трупов бросили в снег и проверили списки.

- Господин поручик, все налицо...

Здесь работала другая контрразведка - кемская (филиал мурманской), и здесь привыкли расправляться открыто: место глухое - тундра! Один матрос с эсминцев, зябко дрожа в своем бушлатике, подрезанном с краев для пущей лихости, сказал:

- Кажется, труба, дядя Вася... Последний денек околеваем!

Старый печник в ответ выколотил дробь:

- Чего каркаешь? Молодой ишо... сопляк! Не загадывай судьбу.

В этой первой группе, предназначенной к отправке на сторону большевиков, были и иностранцы: мадьяры, один поляк, два латыша. Лучше всех держался на морозе поляк - гибкий и худущий; оскал его рта, изъеденного цингой, был страшен.

- Вы! - сказал он с презрением. - Вы еще ничего не знаете. Вам еще не пришлось супу из морской воды похлебать...

- Это где же такой суп-то? - спросил его дядя Вася.

Поляк раскрыл рот - пустой, как могила.

- В Иоканьге... - ответил. - Там служба налажена. Даже комиссар при тюрьме имеется, некий сэр Тим Харченко.

Вглядываясь в просторы тундры, матрос плясал на морозе.

- Ничего, - решил вдруг похвастать, - на "Чесме" тоже лафа была

сидеть: аж пальцы к железу примерзали. Одначе не привык!

- Тронулись! - скомандовал поручик, и люди пошли.

Не пошли, а побежали по шпалам, стараясь согреться, и конвоиры, путаясь ногами в длиннополых шинелях, нагоняли их. Так они пробежали версты две-три, когда вдруг - команда:

- Налево! Сходи со шпал... Быстро, быстро!

Матрос сказал:

- А я что говорил? Конечно, шлепнут... "Налево!"

- И в Мурманске могли бы шлепнуть, - возразил дядя Вася, настроенный оптимистично. - На кой хрен им было возить нас?

Изю ртов людей морозно парило. Тихий треск слышался в воздухе. Дорога вела в сторону, и вот наконец показались вдали лопарские вежи, дымки, путаница оленьих рогов. Здесь уже все было приготовлено. "Приверженцев большевизма" рассадили по нартам, узким-узким, как лодочки, и олени сразу налегли на гужи. Теперь ветер пронизывал насквозь, летели вихри снега из-под копыт. Один мадьяр столбиком свалился с нарт и остался лежать на снегу. Замерз. Гнали дальше. Не оглядываясь. Вперед.

- Хорк, хорк, хорк! - покрикивали каюры.

- Жми да нажимай! - орали конвоиры: им эта езда только в радость; морды у них красные, как бураки, пахнет от них самогонкой...

Поручик был одет в добротную бекешу с галунами.

- Стой! - задержал он бег каравана и, когда люди сошли с нарт, велел лопарям отъехать в сторону и ждать.

- Шлепнут, - колотило матроса. - Как есть, последнюю минутку живем... Ну, ты! - гаркнул он на офицера. - Кончай уж сразу...

Поручик вскинул на него серые мальчишеские глаза.

- Не имею на то приказа, - ответил. - Вы же хотели жить в совдепии? Вот туда и отправляйтесь... А казенное имущество снять! Снимай! - И, подойдя к матросу, он потянул с него бушлат.

Под бушлатом - форменка, темно-синяя.

- Снимай тоже, - сказал поручик. - А вы чего ждете? - прикрикнул на остальных. - Шинели вам - не пальто, чтобы форсить с девочками! Шапки воинского образца вам не папа с мамой купили...

Людей раздели - безжалостно. На морозе. И одежду покидали на нарты. Сверху с гоготом расселись солдаты и помахали ручкой:

- Прощайте! Можете идти теперича в свое царство свободы. У большаков всего много, они вас приоденут...

Уехали. Тишина. А вокруг - снега, холмы, гибель.

- У кого есть спички? - заговорил находчивый поляк.

- У меня были, - сказал матрос. - В бушлате были... Но уже далеко уехал его бушлат со спичками.

- Кто знает это место? - спросил поляк.

Дядя Вася выдрал одну ногу из сугроба, сразу же рухнул до пояса в другой, вытер лицо от снега.

- Лоухи, - ответил печник, - святая из здешних мест. Так умные люди сказывали. Тундряная ведьма! А тундры тута зовутся Волчьими. Потому как людей не сыщешь, а только волки рыскают. Да песец кой-когда попадетсся... Тоже - шакал хороший!

- Все понятно, - сказал поляк черной впадиной рта. - Человека три из нас выберется. Остальные - лягут... Можете в последний раз полюбоваться на свои уши и руки - скоро их у нас не будет. Пошли!

Никто не оборачивался. Два латыша легли в снег и запели:

Дзинь-дзиринь, дзинь-дзиринь,
дзинь-дзиринь...

- Ну их к черту! - сказал поляк. - Не поднимайте! Каждый умирает, как ему нравится. А эти умирают со своим гимном на устах... Я сказал: к черту слабых! Вперед, сильные...

Шли. Падали. Снова шли. К морю. К деревням.

Матрос прищурил глаза, вглядываясь в заснеженные холмы.

- Едут! - закричал. - Гляди-ка... едут!

Маленькие точки скользили по увалам тундры. Где-то скрылись за гиблым леском, и вот уже, закинув головы назад, олени домчали нарты. Спрыгнул с них тот же поручик с серыми глаза-ми мальчишки - озорными глазами.

- Недалеко же вы ушли, ребята! - сказал он, садясь на нарты. - Ну вот, даю минуту на размышление... Кто хочет в нашу армию? Англичане велели сказать, что они ждут тоже... только час!

- Я, - сказал один, отбегая в сторону.

Матрос глянул на свои помертвевшие пальцы.

- И я, - сказал он, весь в ужасе от холода тундры.

Замерзшие отбегали к нартам, и офицер тыкал им в рот флягу с коньяком, словно заботливая нянька соску своим младенцам.

- Все? - спросил он потом.

На снегу остались два человека: дядя Вася и поляк.

- А вы? Особого приглашения ждете?

- Для армии твоей, - ответил дядя Вася, - староват уже буду: я вить с тышша восемьсот шестидеся...

И не досказал, увидев, что поручик поднимает револьвер. Щелк! Это

не выстрел, это тикнул курок: ледяной мороз сковал в оружии даже оленье сало.

- Ну, а ты? - развернулся револьвер на поляка.

- А чего ты мне там показываешь? Что я, револьвера не видел?

Щелк! Опять нет выстрела, и тогда поручик спрятал оружие.

- Ничего, подохнете и так... Трогай! - велел он каюрам, и нарты понеслись вдаль - обратно на станцию Лоухи. Только... что это?

- Бежим, - заторопился дядя Вася. - Поднимем... милостыньку!

Уехавшие стали швырять с нарт свою одежду. Помогали оставшимся в тундре чем могли. Дядя Вася поднял и бушлат того матроса с эсминцев. А в кармане бушлата брякнули надеждою спички.

- Живем, - сказал дядя Вася, и заплакал, и засмеялся...

Прибывших на станцию взяли в обработку англичане. Каждого обмерили, сняли отпечатки пальцев, сфотографировали. Была вкусная еда, была жаркая печка, были теплые шинели без вшей и спирт. Не было только одного Советской власти, против которой их сегодня разом повернули. А тундровая ведьма Лоухи - со сказочными белыми волосами - с визгом неслась над крышей барака, а синий спирт в термометре на станции показывал уже двадцать девять ниже нуля. А к вечеру, говорят, Лоухи еще добавит мороза... "Как-то там те двое?"

Две тени скользили по тундре в темени ночи.

- Каждый умирает, как ему нравится, - хрипел поляк.

Дядя Вася повернул к нему свое черное лицо:

- И живет каждый... как ему по душе. Рази не так?

- Топай, топай, черт старый. Ты мне нравишься!

* * *

Полковник Сыромятев скинул с койки ноги в американских фетровых ботах, сказал:

- Кто там? Дерните на себя посильнее...

Дернули посильнее, и, весь в клубе морозного пара, разматывая хрустящий, заледеневший башлык, ввалился поручик:

- Добрый вечер, господин полковник!

- А-а, это вы, Маклаков... прошу! - И снова лег, упираясь ботами в спинку походной кровати. - Откуда вы? - спросил потом.

- Мурманск выслал два вагона... О-о, печка! - обрадовался поручик Маклаков, грея руки. - Один вагон я разгрузил на станции Лоухи, малость припугнул людишек, и англичане их уже прибрали. А второй велено пригнать к фронту и... отпустить.

- Лихо стали мы жить, поручик! - сказал Сыромятев.

- Лихо, господин полковник. Так лихо, что в кемском клубе офицеры устроили вечер танцев, пригласили местных дам и барышень. Но печки были слишком натоплены, и было жарко... Господа офицеры сняли штаны и танцевали в одних кальсонах... Конечно, лихо!

Рука Сыромятева опустилась, словно рухнув. Под койкой он нащупал бутылку, выдернул из нее зубами пробку.

- Поручик, - сказал, тянув через плечо, - а ведь это уже распад. Все так начинается: сначала неуважение к женщине, потом насилие над нею, потом... Что потом? - Приникнув к горлышку, он пил теплую самогонку, и серый кадык, заросший жирком, дергался над воротником мундира. - Хотите? предложил Сыромятев.

- Благодарю, - согласился поручик и, отпив, спросил: - Так как же, господин полковник, с этим вторым вагоном?

- А вы заглядывали в него, поручик?

- Он запломбирован еще мурманской контрразведкой.

- Так что вы меня спрашиваете, поручик? В лесу звон стоит от мороза, а вагон... Какой хоть вагон?

- Теплушка.

- Откройте. Там уже - звонкие и ломкие. Как сосульки.

- Но русский человек вынослив, господин полковник.

- Это правда. Наше счастье или... несчастье? Черт его там разберет! Но с некоторых пор я перестал гордиться тем, что я русский офицер. Выпустите людей из вагона, распалите костры. Пусть оживут... если, конечно, они еще живы. А утром отправим по шпалам - через фронт... прямо на Спиридонова!

Яркое пламя вспыхнуло в ночи, и красные отсветы блуждали по стенам барака. Темные лохматые тени плясали возле костров, и было в этой картине что-то жуткое - непередаваемое.

Ермолаев среди ночи вызвал Сыромятева на прямой провод.

- Вагон прибыл? - спросил генерал-губернатор.

- Так точно.

- Отправьте завтра к большевикам только женщин...

- Увы, господин генерал-губернатор, женщины не вынесли тяжести этого пути. Во всяком случае, - и Сыромятев выглянул в окно, где светилось пламя костров, - я, - сказал он, - не вижу ни одной женщины... Что прикажете далее?

- Но мужчин нельзя отпускать к большевикам безнаказанно, - приказал из Мурманска Ермолаев. - Мы очень снисходительны. Вы придумайте, пожалуйста, что-нибудь сами. Очень энергичное! И не жалеите: это очень

плохие люди, канительщики и саботажники.

- Постараюсь исполнить, - ответил Сыромятев. Накинув бекешу, он спустился во двор. Скрипя по снегу, жесткому, словно сахарный песок, подошел к одному костру.

- Ты за что? - спросил наугад.

- Паспорт потерял...

- Аты?

- Украли.

- Что украли?

- Вестимо, что воруют, - паспорта!

- Ну, а ты?

- Да жена куда-то сунула. А тут повестка пришла, чтобы мобилизоваться. Искали-искали, все перерыли - не нашли...

- Паспорт? - спросил Сыромятев четвертого.

- Ага, он самый. Ну вот ко мне и прицепились{26}...

Оттирая замерзшие уши, Сыромятев вернулся в барак. Поручик Маклаков, качаясь, дремал над печкой, тыкаясь лбом в горячие кирпичи. Сыромятев взял молодого человека за локти, оторвал от табуретки, бросил его на мягкую кровать, и Маклаков сразу уснул, свернувшись в собачий калачик.

- Сосунок сопливый, - сказал полковник, не то жалея поручика, не то глубоко его презирая...

На рассвете Сыромятев отправил толпу арестантов по шпалам и решил сам сопровождать их до передовых постов. С той стороны уже, видать, ждали перебежчиков - дымилась для обогрева походная кухня. Среди красноармейцев, плохо и скудно одетых, полковник разглядел и рослую фигуру Спиридонова. Подумав, он шагнул вперед и слышал, как Спиридонов сказал своим пулеметчикам, чтобы они не вздумали стрелять.

Они встретились - шагов десять, не больше, разделяло их сейчас, а вокруг шумел заснеженный лес.

- Что же вы там делаете? - спросил Спиридонов почти со стоном. Неужели вам не стыдно вызывать людей на провокацию, чтобы потом погубить их в тундре?

- Конечно, - ответил Сыромятев, - теперь на меня вы все шишки валить будете... А вы сильно похудели, товарищ Спиридонов. Сколько получаете сейчас пайку?

- Четыре фунта, - сказал Спиридонов.

- Зачем вы мне врете? Я ведь знаю, что у вас нет мыла совсем, нет табаку. А хлеба вы получаете три четверти фунта. Причем одну четверть из

этой пайки отдаете в пользу голодающих в Петрограде... Разве не так?

- Так, - согласился Спиридонов. - А вот вы, полковник, здорово поправились. Развезло вас, как борова.

- Распух, а не поправился... Всего хорошего!

- Гуд бай, - сказал ему Спиридонов.

Сыромятев понял, какой это был "гуд бай", и взорвался:

- Послушайте, вы... как вас там? Я привел для вас пополнение. Завтра эти беспаспортные уже откроют огонь против меня и моих солдат. А вы даже не сказали мне спасибо! Мне это надоело... В следующий раз я не буду таким гуманным. Перестреляю всех!

- Не надо кричать, полковник, - издали ответил ему Спиридонов. Здесь фронт, и надо уважать тишину на фронте...

Они разошлись. В лесу с треском разъехалось от стужи корявое старое дерево.

...Еще ничего не было решено.

* * *

Две тени разгребли снег у порога рыбацкой хижины. Моря не было видно все скрылось в пелене мороза. Черная впадина цинготного рта раскрылась.

- Пше прошу, пане, - сказал поляк.

Дядя Вася так и посунулся в растворенные сенцы.

- Хосподи, - простонал, - вот спасибо тебе... Удружил!

За его спиной хлопнула дверь, плотно закрытая поляком.

- Где мы?

- Теперь и мне невдомек... Далече, видать, от станции!

В ладонях поляка вспыхнула спичка.

- На всякий случай, - сказал он. - у меня было когда-то имя, и запомнить его нетрудно: Казимеж Очеповский...

- Кто ты? - спросил его дядя Вася и потрогал печку: каменка.

- Из корпуса Довбор-Мусницкого... попал прямо в Иоканьгу!

- Сидел там, что ли?

- Нет. Я фельдшер. Лечил мертвецов на краю могилы. И даже привелось принимать роды у одной толстой дуры... Клади дрова!

- Кладу. А ты чиркни еще разок спичкой... вот так.

Здесь тоже еще ничего не было решено.

Очерк второй.

Преддверие

Дорога пятая

Сельский милиционер Матти Соколов сказал своей лошади:

- Ти-ти-ти-та! - И она, умница, побежала быстрее.

Мелькнули огни в доме десятского, запахло самогонкой от дома сотского, свежим хлебом резануло по ноздрям - вкусно... Вот и Ухта уже, разброд хуторов и деревенок по берегам Куйтисаари. А там, подальше, за Суомисалми, бушуют в метелях пьяные свадьбы плотовщиков, забивших деньгу на сплаве, и туда - уже за границу - текут и текут без конца провода. Всё телефоны да телефончики, звоночки да разговорчики...

Матти вспомнил последний анекдот о скупердях и рассмеялся во тьме, навстречу морозному ветру. Скоро приедет он домой и еще с порога крикнет жене, чтобы не пугалась: "Матти тулее!" (это значит: он, ее Матти, идет), А потом и анекдот расскажет...

- Матти тулее! - крикнул милиционер, распахивая двери.

- Тебя-то мы и ждем, Матти, - сказали ему из избы.

Качнулось пламя в керосиновой лампе. Сидели за столом учитель Микка, бежавший с Мурманки, и капитан Таккинен в немецком мундире, а поодаль монтер со сплава и один незнакомый, в пьексах.

- Брось винтовку, сволочь красная! - крикнул учитель, и оружие брякнулось у порога, дребезжа разбитым прицелом.

- Хувья пяйвя, Матти, - сказал Таккинен, поворачиваясь на венском стуле, ужасно скрипучем. - Миттен войте?

- Да ничего живу, - ответил Матти с перепугу по-русски. - Живу, как и все живут... Почти дома не вижу.

- Пусть он сядет, - велел незнакомец по-шведски.

И в грязный стакан, булькая, рванулась из горлышка пахучая самогонка, которую Матти же и наварил к празднику. "Пей" - сказали ему, и, закрыв глаза, милиционер выпил, готовясь к смерти. Монтер вынул острый нож и долго блуждал этим пуукко над столом, пока не поддел хрумкий огурчик русского засола (с укропом).

- Чего знаешь, Матти? - спросил. - А вот посмотри на майстера (и показал на человека в пьексах). Это магистр из Або, он будет твоим карельским министром...

Магистр спросил по-русски:

- Давно ли был в Кандалакше? А что там с этим батальоном под оранжевым знаменем... знаешь?

Матти рассказал: батальон кормят и одевают англичане, но карелы из-под влияния англичан вышли. Оружия не сдают. И считают себя по-прежнему большевиками. Англичане и рады бы не кормить, но тогда батальон уйдет к Спиридонову на прорыв. Рады бы послать против Спиридонова, но батальон никогда не пойдет против...

- Вот это здорово! - захохотал Таккинен. - Англичане крепко вляпались. Как в коровий блин наступили! Но мы этот батальон вырежем, - сказал капитан рассудительно. - А комиссара Юсси Иваайнена повесим... Чего скрывать? повернулся он к милиционеру. - Ты сам знаешь: эти большевики с трилистником крепко всыпали нам в августе... Такие вещи не забываются. Садись, Матти, с нами рядом, ты же здесь - хозяин...

Матти присел. И тишина в доме, тишина. Не выходит жена навстречу. А от плеча Таккинена, словно золотая нить от рождественской елки, тянется огненно-рыжий волос жены... Его жены! Матти жены.

- Ну, рассказывай, что слышал, - велели ему.

- Хороший анекдот слышал, - сказал Матти и хлебнул из миски густой простокваши.

- Ну-ну, - подзадорил его из потемок магистр из Або.

- Встретились двое скупердяев из Лайхия и Исю-кюра. "Чего сидеть без дела? - сказал лайхинец. - Давай посоревнуемся: кто из нас скупее?" "Давай, - согласился исюкюрский и остановил свои часы. - Зачем, - сказал, - им ходить напрасно!" "Это дело,--ответил ему лайхинец и задул на столе лампу. - К чему тогда нам расходовать керосин?" "А тогда я, - сказал ему исюкюрский, - снимаю штаны. Ты все равно ничего в темноте не видишь, а сукно протирать не к чему: оно ведь денег стоит..."

Билась пурга за окнами. Яркой нитью горел волос жены на германском мундире бандита белофинна. И стало еще тише.

- Хороший анекдот, - сказал Таккинен и повернулся к учителю: - Микка! Ты сидишь ближе... Ну-ка, отрежь ему ухо!

Ухо милиционера лежало на столе, посреди мисок и посуды.

- Где Паасу Риита? - спросил монтер. - Ты же знаешь ее хорошо, она тоже большевичка... Ну, чего уставился как баран?

Матти не шевельнулся, только горячая кровь стекала за воротник русской гимнастерки. Это было только начало, и милиционер думал - что дальше? Наверное, - глаза...

- Оставьте его, - поморщился магистр из Або. - А ты, Микка, все-таки учитель... Что простительно капитану, то тебе делать не следует. Это же ясно и так: кобель свою суку не выдаст. Отправьте Матти на курсы счетоводов, и тогда он сам поймет великую финскую истину... И уберите ухо со стола, как вам не противно самим?

- Тебе повезло, - сказал учитель, смахнув ухо на пол. - Ты везучая стерва... Запрягай лошадь снова, Матти!

Магистр поднял брошенную у порога винтовку милиционера, ловко провернул затвор, из-под щеколды упруго выскочила обойма.

- Шесть в магазине, один в канале, - сказал гость из Або, а Таккинен, довольный, улыбнулся.

- Выходит, - сказал, - ты боишься нас, Матти?

- Да, вас можно... можно бояться! Вас вся Карелия боится!

- Хочешь ничего не бояться, Матти? - спросил монтер. - Тогда мы пришьём тебе ухо... - И все засмеялись.

- Пора, херра, - заметил учитель магистру. - Одевайтесь! Всю дорогу, пока бежали лошади, Матти держался рукой за голову, кровь свисала из-под шапки сосульками, и пальцы заledenели. В редколесье соснового мяннисто стояла старая школа, и здесь бандиты оставили Матти, чтобы он учился на "счетовода". А сами резво поехали далее... Тайно они приехали в Кемь и вручили своему гонцу палку с ярким петушиным пером; к ней была привязана и монета, и эта палка пошла гулять по окрестностям: от кулака к кулаку, от хутора к хутору. Перо означало, что собираться надо скорее птицы; монета намекала на то, чтобы приходили с деньгами.

Тайно от англичан (и тайно от белогвардейцев) "всекарельский съезд" начал свою работу. Делегаты, между прочим, исправно ходили обедать в английскую столовую.

Завечерело, и при свете керосиновой лампы капитан Таккинен произнес речь.

- Мы одиноки! - сказал он. - Наш верный друг Германия разбита, и западный мир сам скалит зубы на Карелию. Отнимая ее у большевиков, он отнимает ее у нас! Мы пойдем своим путем. Надеяться на помощь белой гвардии мы тоже не можем, ибо она сейчас вся подчинена Колчаку, а этот подлый адмирал выступает против великой финляндской идеи. И пусть эстонцы, когда Юденич пойдет весною на Петроград, красят своей глупой кровью поля Псковщины, - нет, мы не дураки: мы озабочены только своей идеей. Эта идея простирается сейчас от Мурмана до Петрозаводска, и мы возьмем это себе!

- Слушайте, слушайте, слушайте, - возвестил потом магистр из Або. Мир большевизма должен вздрогнуть от ужаса. Нас, финнов и карелов, очень мало. А подлых москалей много.

Оттого-то, друзья мои, мы должны быть жестоки. Черный лебедь царства Туонеллы уже машет крылом над каждым из нас, чтобы лететь далеко... Мы отплывем в озера, полные тайн и волшебного очарования. Гранитные камни, за которыми скрывается неземная Туонелла, окрашены в извечный цвет крови, и над каждым из нас будет рыдать мать Лемминакайнена... Ужас! Только ужас мы оставим после себя большевикам...

Капитан Таккинен вышел прогуляться по кемским улицам. Мимо проходил британский солдат с русской девицей под ручку.

- Дай прикурить, - сказал ему Таккинен; прикуривая от зажигалки британца, капитан намекнул: - Ты, дружище, не туда забрался!

- Ты кто, большевик, чтобы учить меня?

- Нет, - пояснил Таккинен. - Тебе, олуху, наверное, кажется, что ты в России... Ты крепко ошибся адресом. Здесь тебе не Россия, и скоро в Карелии не будет ни вас, ни русских!

Англичанин спрятал зажигалку и отпустил барышню от себя.

- Я ведь не пьяный, приятель! - сказал, наседая грудью. - И приехал по точному адресу... Где переспать - всегда знаю! На всякий случай, предупреждаю: ты не сильно брыкайся, когда я тебя в своем кулаке буду нести до нашей комендатуры... А ну, пошли!

Удар острого пуукко, и британец лег на землю. Без звука.

- Ой! - сказала барышня, закрывая в страхе лицо.

- Русская? - И капитан Таккинен уложил ее рядом с британцем.

Вечером они отправили эстафету в Финляндию: "Нас встретили с ужасом, и этот ужас мы будем всемерно поддерживать. Съезд принял единогласное решение об отделении Карелии от России и создании великого Карельского государства... Старый добрый Вяйнямейнен снова встал на лыжи..."

* * *

Матти Соколов встал на лыжи и - полетел.

"Трах!" - брызнуло огнем из его винтовки, и мишень, наряженная в шинель красноармейца, кувыркнулась. "Трах! Трах!.." - и пули рванули еще две шинели - британскую и белогвардейскую.

Описав круг на лыжах, он подкатил к судейскому столу.

- Очки ты выбил, - сказал судья. - Не опоздай на лекцию...

Вдали от мира, среди лесов и снегов, готовили "счетоводов" от каждой волости. Тишина, волчий вой по ночам, и бегут телефонные провода - прямо от школы, прямо в чащу леса, прямо через границу. Лекторы из Финляндии читали о международном положении и политэкономии севера; изучались карты нового государства, которое должно граничить на юге с рекой Свирью и Ладогой; на востоке его будет омывать Белое море, на севере - Ледовитый океан; весь Кольский полуостров, уже запроданный англичанам, тоже входил в состав задуманного всекарельского единения.

- А нашей столицей, пока временной, - говорили на лекциях эрудиты барона Маннергейма, - назначается деревня Ухта (юмором они не обладали). Что же касается столицы всех революций - Петрограда, таящего

особую угрозу нашей великой идее, то его надо стереть с лица земли...

Правительство было уже составлено и жило в деревнях Ухты, бражничая и свадебничая. По весне, когда пойдут вдоль Мурманки англичане, должны выступить и финно-карелы, чтобы успеть выхватить Петрозаводск у большевиков из-под носа англичан. Матти Соколову выдали зачетный лист, где были проставлены отметки за бухгалтерию, за счетоводство, за товароведение, и он встал на лыжи, как добрый Вайнямейнен, чтобы уехать в "исполком" нового великого "всекарельского государства".

- Езжай, - напутствовали его. - Ты лучший ученик был у нас...

Через несколько дней бойцы доставили к Спиридонову черного, словно обожженного человека, с лицом в саже и гусином масле. Он шатался от голода, а вместо уха была темная дырка...

- Матти? - удивился Спиридонов. - Ты еще жив?

- Готовься, - прохрипел милиционер из Ухты. - Я узнал все. Я прошел на лыжах от Юшкосалми прямо на запад... Я, наверное, умру. Слушай: весною они пойдут на Петрозаводск... А там, - показал Матти рукой за окно, - там уже начался ужас. И они пойдут на тебя тогда же, когда двинутся на тебя и англичане с Мурманана...

Спиридонов долго молчал, словно осмысливая всю глубину подвига этого простого парня из Ухты.

- Спасибо тебе, Матти. - сказал наконец. - Но ты опоздал. Мы еще вчера узнали обо всем, и мы - готовы... Не умирай, Матти! Нам еще воевать и воевать. Карелия не Суоми, и она останется с нами... Все вы здесь - Матти, но вы же все - Соколовы! Вместе с нами, дорогой Матти! Только так, товарищ Соколов!

Глава первая

Ледокол, облепленный мокрым снегом, вибрируя корпусом, долго взбирался на крутую волну. Выбрался на гребень ее и, словно самоубийца, кинулся в самую пропасть... Вщшшшхх!

Распалась под днищем вода - и хлынула через палубу. Мутные потоки неслись над мостиком, ломая хрупкие сосульки льда. Ветер оглушительно стучал сорванным со шлюпок брезентом. Повалив ледокол в затяжном крене, море несло его на сверкающий гребень другой волны. И этот гребень кивал издали - шипящий; он, словно головка змеи, еще издали покачиваясь, грозил кораблю белым слепящим жалом...

Небольсин встал - бросило в сторону Хватаясь за пиллерсы, бегущие от подволока, пробирался к трапу. Командный отсек был наполнен спертым воздухом; в синем ночном свете лица офицеров казались ликами

мертвецов. И всюду, куда ни ступишь, ноги скользили в противной блевотине. А в этой дряни ползали с борга на борт чьи-то сапоги, полотенца, зубные щетки, куски мыла, носовые платки.

Небольсин толкнул железную дверь. Под напором ветра она швырнула его обратно. Толкнул еще раз, отжимая ее от себя сколько хватало сил. Под ногами, завиваясь в свистящие водовороты, колобродила вода океана. Палуба то больно упиралась в пятки, поднимая Небольсина кверху, то вдруг рушилась под ним куда-то к черту. И тогда часть души, казалось, остается наверху, повисая в какой-то неизбежности, а тело нагоняет уходящую палубу...

Так он пробрался в нос корабля, невольно зараженный и восхищенный этим буйством природы. Какое это чудо - разгул шторма! Только тогда и чувствуешь себя человеком-бойцом! Все клеточки твоего организма обновлены в борьбе. Дыхание очищено, продутое насквозь океанскими ветрами, и легкая бодрость в теле. Хорошо!

"Соловей Будимирович" шел к Колчаку.

"Колчаку-колчаку-колчаку-колчаку" - стучали машины...

В носовой палубе Небольсин снова вступил в борьбу с дверями. Железная станина не поддавалась. Но потом открылась, и уже никак нельзя было притянуть ее обратно. Небольсин измучился: ветер высекал из глаз слезы, вода мочила мундир, во рту было и солоно и горько. Это были счастливейшие минуты его жизни!

Наконец дверь захлопнулась сама - громко, будто выстрелила пушка. Он отбросил с лица мокрые волосы. Шагнул по коридору, и его кинуло вправо. Еще шаг - влево, как пьяного. Ровно жужжали вентиляторы, полоскались шторы, и мягкий резиновый коврик пружинил - приятно. Вот и каюта, к которой он так стремился. Вошел без стука (сейчас шторм, вежливость ни к чему), и его толкнуло вперед. Потом отцепило от стола - полетел обратно, хватаясь цепкими пальцами за коечные шторы, побежавшие на кольцах по штоку. Наконец отдышался и сел в ногах койки: конец пути...

- Соня, - позвал он, - это я... Небольсин! Говорят, восемь баллов. Это еще чепуха! А как вы себя чувствуете?

Девушка лежала под солдатской шинелью, измученная качкой.

- Плохо... - прошептала она.

В каюте вдруг ослепительной желтизной вспыхнул лимон. И резкий запах его так приятно вступил в духоту! Сразу вспомнилось старое: тихая дачная жизнь, вечерняя зелень садов Подмосковья, лампа на столе, окруженная мотыльками, и прекрасный чай в кругу своих... с таким вот

лимоном!

Проделав еще ряд акробатических номеров, Небольсин достал от рукотомки стакан, лил туда тяжелую черную жидкость.

- Пейте, - сказал. - Раздобыл в буфете специально для вас.

- Что это?

- Коньяк... пейте. Все пройдет.

- Я не могу... никогда не пила.

- Глупости! - возразил Небольсин повелительно, приподнимая ее голову от подушки; пальцы молодого полковника держали влажный горячий затылок Сони, и мягкие завитки волос были как шелк; она выпила, он разрезал лимон. - Теперь ешьте, прямо с кожурой. Уверю: станет легче.

- А вы? - спросила она.

- Я не укачиваюсь. До войны у нас с братом была в Петербурге яхта, и мы ходили на ней далеко-далеко... до самого Гогланда! Сейчас вам, Соня, станет легче.

- Вы думаете, полковник?

- Конечно. А завтра оживете совсем. Говорят, будем заходить на бункеровку в Тромсе, к норвежцам.

Соня тронула его руку:

- Спасибо. Вы... добрый.

- О нет! Сударыня, - засмеялся Небольсин, - вы ошиблись: я совсем не добрый. Я сам не узнаю себя... с вами!

Единожды вызвавшись добровольно, Небольсин вскоре так и остался при арестованных. Ощущать себя в роли тюремного надзирателя, конечно, всегда неловко, но Небольсин делал это деликатно, даже грубого Свищова не задевая своим присутствием. А Соня Листопад вообще не относилась к нему как к охраннику - скорее как к вечернему собеседнику, причем собеседнику интересному. Офицеры, правда, потихоньку над Небольсиным издевались, но, в общем, они были довольны, что нашли одного дурака-добровольца...

Зато теперь Небольсин наслаждался местью.

- Господа! - объявил, когда качка стала стихать. - Подходим к Тромсе, никто убирать за вами не будет, здесь слуг нету... Беритесь за швабры, смелее!

- А ты?

- Я, пардон, не травил так гнусно, как вы...

Именно тут, в Тромсе, они узнали, что Колчак взял Пермь, и поспешно, с разговорами и восхищениями, убрали травлю. Потом, естественно, возникло желание и Тромсе посмотреть, и чтобы Тромсе на

них тоже полубовалось.

- Вах! - сказал пламенный сотник Джашвили. - Я напьюсь как последняя русская свинья.

- Господа, - предупредил обстоятельный генерал Скобельцын, - надо показаться культурной Норвегии во всем великороссийском блеске. Такое событие, как взятие Перми, следует отметить, и основательно отметить. Но... культурно!

Отдраили иллюминаторы, и внутрь потянуло свежим ветерком. Понемногу офицеры стали очухиваться, приводить себя в порядок. На приступке трапа чистили сапоги - с ожесточением.

- Ну и напьемся же! - предвкушали.

После хороших известий от Колчака они подобрели.

- А не взять ли нам, - сказали, - и эту скотину? Полковника Свищова? Может, бутылочка-другая и вправит ему мозги?..

Взяли за компанию и "большевика" (весьма сомнительного). От такой неожиданной чести Свищов чуть не заплакал.

- Вы так великодушны... Ей-ей, видит бог, ну какой же я большевик? Ляпнул что-то сгоряча... износился душой и телом!

Вот и красные крыши Тромсе, низкорослые рябины еще хранят брызжущие мерзлым соком ягоды. Вокруг все чистенько, уютно, добротно. Фонари и масса огней побеждают сумерки полярной ночи. Было что-то удивительно устойчивое во всем этом мире красных крыш, в спокойной развалке норвежцев, в играх детей, одетых легко и скромно, в упряжках оленей с лопарями, заменявшими здесь, на краю ночи, европейские такси. На офицеров белой армии, гордо выпячивавших грудь колесом, норвежцы, казалось, не обращали никакого внимания...

- Зайдем, - предложил кто-то, разглядев кабачок, и они расселись на китовых позвонках, заменявших стулья. - Тузи таг, фрекен! - сказали хором девушке за стойкой, и эта фраза была единственной, которую офицеры успели выучить по-норвежски.

Далее на пальцах они показали, что им следует выпить:

- Много! Масса! Колоссаль бутылок!

Бутылок было "колоссаль". На все лады обсуждали за выпивкой успехи армии Колчака и говорили об адмирале с уважением:

- Александр Василич... Александр, дай бог, Четвертый!

Полковник Свищов рыдал над стаканом, его утешали:

- Перестаньте... Ну, выяснится! Ну, даже осудят, но не повесят же. Кровью искупите... Пейте!

В таверну вошел пожилой норвежец. Без пальто. В штанах из оленьей

шкур. Без шапки, несмотря на трескучий мороз. Выпил у стойки джина, не присаживаясь.

- Добрый вечер, - сказал он потом, оглядывая хмельную компанию. - Нет, спасибо, - ответил на бурные приглашения "дернуть", "драбалызнуть", "качнуть", "тяпнуть" и "врезать".

Его спросили, откуда он так хорошо знает русский язык, и норвежец с достоинством ответил:

- За юг своей страны не ручаюсь. Но здесь, в северной Норве, рождается очень мало женщин, и мы испокон веков ездим за невестами в Россию. Мы их берем в Мезени и в Архангельске, а лучше - из поморских деревень. Вот моя бабка была из Сороки, моя мать - из Пинег, а сам я женат на онежской. И вот что я вам скажу, господа: нам, норвежцам, не нравится, что творится сейчас на русском севере... Я догадываюсь, кто вы такие, и заранее говорю, что ваше дело - плохо!

- Почему же плохо? - удивились вокруг.

- А мы вам угля не дадим.

- Кусаешься? - засмеялся сотник Джашвили.

Норвежец обвел офицеров взглядом голубых спокойных глаз.

Он держался сейчас, как викинг на ладье, бороздящей океаны, - прямо, нерушимо, с уверенностью глядя вдаль.

- У нас еще с войны, - сказал он, - осталось много сахара. Каждый мешок в шесть пудов, и стоит дешево - всего семьдесят одна крона... Мы его бережем, этот сахар! Когда большевики прогонят англичан, мы этот сахар пошлем русским рабочим. Мы его пошлем даром, а вам куса угля не бросим в бункер. Можете встать и убираться отсюда, к чертовой матери!

- Это что же такое? - поднялся Скобельцын. - Ради вашей пресловутой "пролетарской солидарности"?..

- Вы меня хотели оскорбить, генерал? Но у вас это не получилось... Да! Именно ради этой пролетарской солидарности...

И, сунув руки в карманы оленьих штанов, норвежец круто вышагнул на трескучий мороз.

Белоснежная фрекен заговорила, показывая на часы. Ее не понимали, и тогда она распахнула дверь, добавив по-немецки:

- Раус! Раус! (Вон! Вон!)

Как побитые собаки, поплелись в гавань. Хуже нет, когда русский человек вознамерится выпить и... не допьет. Небольсин был абсолютно трезв; слова норвежца и это гневное "Раус!", произнесенное фрекен, осели на дно души, погрузив ее в гадливые потемки.

Издалека уже трубил "Соловей Будимирович" (имя-то разбойничье),

призывая на борт пассажиров: ледокол спешно покидал Тромсе, ибо угля здесь не давали. Капитан сообщил, что, очевидно, бункеровка будет в Барде - это уже Варангерфиорде, неподалеку от Мурманска. Медленно вытянулись за бетонный волнолом, и все началось сначала. Опять синий свет и синие мертвые лица, снова ноги скользили в гадкой блевотине, а в кругляках иллюминаторов опадала, зеленея таинственной глубиной, бешеная вода океана.

"Колчаку-колчаку-колчаку-колчаку!" - стучали машины...

Перед сном Небольсин решил навестить Соню в ее каюте.

Едва он ступил в коридор, как сдавленный женский вскрик напряг его мускулы. Небольсин кошкой прыгнул вперед, рванул дверь, и... белизна беззащитного женского тела резанула его по глазам - почти болезненно! Свищов отскочил в сторону, весь красный, а лицо - в царапинах.

- Скажи на милость... - пробормотал. - Еще ломается... А ты пришел не вовремя!

- Вовремя! - ответил Небольсин и, схватив полковника за ворот мундира, одним рывком вытащил его в коридор.

Ледокол бросило на правый борт, и первый удар кулака (совмещенный с броском крена) так и вклеил Свищова в стальную переборку. Небольсин бил полковника - люто и озверело. Так бьются только бандиты над добычей, нечестно продуваненной. Неистово работали кулаки, квася в кровь одутловатое лицо старого человека, имевшего уже внуков...

- Вовремя! - приговаривал Небольсин между ударами. - Я пришел вовремя... вовремя... На тебе еще! Вовремя...

Ледокол дрожал и ухал, рушась с высоты волн. Передвигалась на качке мебель, летела посуда, гроыхали двери. А Небольсин все бил и бил Свищова, пока тот не обмяк и не рухнул навзничь вдоль длинного узкого коридора.

Небольсин тогда прошел к Соне; стыдась, она плакала.

- Как хорошо, что вы... именно вы! Но какая мерзость... какая это гадость! И вы? Вы тоже пьяны! Боже, что за скоты...

Небольсин ладонью вытер в углах рта накипь сладкого бешенства.

- Сударыня, - произнес вежливо, - прошу вас не смешивать меня с этими скотами. Я не таков! И теперь я вдвойне ответствен перед вами... Надеюсь, вы не станете возражать, если я буду отныне запираю вас на ключ и этот ключ будет при мне?

- Запирайте, - сказала девушка. - Бог с вами...

Он так и сделал. Свищова в коридоре уже не было: опомнился и уполз к себе. Небольсин дернул на себя двери, сказал от самого комингса, не

входя в каюту:

- Подлец! Но какой же ты подлец...

Свищов ответил ему - с наигранной улыбкой:

- Брось, Небольсин! Ты такой же подлец, как и я... Чего ты пожалел? Ее все равно придушат в Сибири, как пить дать...

- Нет! - выкрикнул Небольсин. - Я сделаю все, чтобы придушили тебя. Но про нее ты... молчи! Каждый, кто отныне посмеет сказать о ней дурно, будет иметь дело со мною. А что я такое - вы все отлично знаете: я любого из вас пущу на тот свет. Помнишь наш разговор в Салониках? Мы говорили, как убийцы. Убийство вокруг и в нас самих. Я уже не могу без этого... Но ее я не дам убить... Ты слышал?

- Кричи об этом громче, - ответил Свищов. - Пусть и она слышит, какой ты благородный, и подмахнет тебе за это, пусть!

Проходя мимо дверей Сониной каюты, Небольсин еще раз провернул ключ в замке, сказал:

- Я здесь, и вы ничего теперь не бойтесь...

В Варде пришли глубокой ночью, берега было не видеть. Только светились окна пятого этажа гостиницы. За Нордкапом уже царила настоящая полярная тьма, и лишь сполохи, бегущие по небесам, едва-едва освещали ряды заснеженных скал. К ледоколу подошел консульский мотобот, и чья-то рука злорадно швырнула в кубрик к офицерам пачку свежих английских газет. То, что узнали они из этих газет, потрясло... Потрясло!

Колчака остановили большевики, а 25 января Шестая армия отбила у англичан обратно город Шенкурск. В газетах перечислялись трофеи, доставшиеся Красной Армии: богатейшие воинские склады, одного лишь обмундирования на три тысячи человек. Запасы продовольствия достались большевикам неслыханные: на целых четыре месяца из расчета на пять тысяч британских солдат...

Парламент Англии, судя по газетам, был настроен панически; парламент открыто признавал удивительную гибкость стратегии большевиков, выдержку и боеспособность красных бойцов. С уважением писали о мастерстве молодого большевистского полководца Иеронима Уборевича, подчеркивалось умелое планирование всех операций бывшим царским генералом генштаба А. А. Самойловым... В довершение всего заокеанский Вашингтон издал суровый приказ: более никогда не ставить американских солдат в передовую линию (доверять им только охрану складов и патрулирование, не больше).

Под мертвым синим светом, сочившимся в глубину отсека, было

жутковато, как в морге, и никому не хотелось говорить. Льды уже сомкнулись за Диксоном, и к Колчаку им не пройти. Архангельск прислал на ледокол радиogramму - от имени генерала Миллера: всех офицеров, плывущих из Англии, отправить в село Шугор на Печоре, где действует отряд князя Вяземского (отряд князя Вяземского на Печоре принадлежал уже к составу колчаковской армии)...

Из отдельной каюты раздавался вой - это рыдала Машка Бочкарева: ей очень хотелось быть амазонкой у Колчака, а вместо этого какое-то село Шугор... Куда же теперь деваться знаменитой Машке?

- Сходи утешь ее, - сказали Джиашвили. - Твоя баба...

- Что же это вы? - поднялся сотник. - Александр Василич, вы нам здорово подгадили...

В глубине черного ковша Варангер-фиорда утонула древняя русская Печенга; ледокол, отряхивая с палубы тяжелую воду, медленно обогнул полуостров Рыбачий; блеснула вдали желтая искорка "мигалки", - это светил маяк на Цып-Наволоке. И вот взревела труба ледокола, потишали за бортом его волны, ленивые и сонные, - прямо с просторов Кильдинского плеса корабль входил в теснину Кольского залива...

Небольсин заранее вышел на палубу, чтобы приветствовать появление родимой земли, от которой он отвык и печаль которой была очень близка его романтическому сердцу. С грохотом обрушились из клюзов якоря с развернутыми для зацепа лапами, и Небольсин - вздрогнул:

- Неужели пришли? А где же Мурманск?

Пригляделся... Да, пришли. Вот и огни барачных, и луч прожектора пробежал над путями вокзала, и пьяная песня рванулась над заливом - как отрывок измученной русской души:

Ах, живем мы как узники,

Плохо кормят союзники,

Курса денег падение,

Из квартир выселение,

А в "тридцатке" рыдания

Да зубов вышибание...

- Пришли, - вздохнул Небольсин. - Боже мой, - прослезился он сладко, неужели я дома? Неужели опять в моей России?..

Издали заторкал катер, приближаясь к ледоколу.

* * *

Прежде чем катер подошел к ледоколу, отливное течение поднесло к борту "тузик", а на дне этой крохотной, почти округленной шлюпочки копошилась какая-то тень. И оттуда - голос:

- Весла давай, весла... Колбаса есть! Чего тянешь? Ты не тяни... давай весла, и - прямо в рай! В колбасный рай!

Становилось забавно. Пьяный, что ли? Но с другого борта подоспел к ледоколу катер, и Небольсину представился поручик Эллен, поскрипывающий во тьме кожаной портупеей.

- Сколько их там? - спросил порывисто.

- Не понимаю, поручик, о ком вы меня спрашиваете.

- Я говорю о большевиках... Сколько их?

- Двое. Одна женщина.

- Выходит, трое?

- Нет, двое.

Эллен повернулся и крикнул через борт на катер:

- Эй, Хасмадуллин! Готовь два мешка... Два!

И снизу, от взлохмаченной черной воды, донеслось ответное:

- Понял: два мешка... два мешка!

Небольсин проглотил тягучую слюну:

- Простите, поручик, но... Что вы собираетесь делать?

Эллен, подтянув на руках перчатки, ответил:

- Видите ли, полковник... если в темноте не ошибся?

- Да, полковник.

- Англичане - остолопы и всегда боятся грязной работы. Зачем ввозить в Россию большевиков? У нас и своих достаточно. И у нас порядок такой: в мешок и - в воду... Гигиенично?

- Вполне, - ответил Небольсин. - Но, повторяю, там ведь женщина! Совсем молоденькая... Нельзя же так, без суда, без следствия. Александр Васильевич Колчак...

- Что вы! - перебил его Эллен. - До этого ли Колчаку сейчас? Это уж наша забота пропускать всех прибывающих в Россию через обработку водою. Простите, полковник, не знаю вашей фамилии...

- Полковник Небольсин!

- Как вы сказали? - вытянулся Эллен.

Небольсин повторил свою фамилию, и Эллен спросил:

- Послушайте, на местной дороге есть инженер Небольсин, он не брат ли вам?

Непонятно почему (в силу какой-то животной интуиции, как это бывает с людьми, не раз встречавшими смертельную опасность), Виктор Константинович ответил - совершенно спокойно:

- Инженер? Нет, у нас в семье инженеров не водится...

И вдруг вспыхнул в руке поручика фонарик.

- Говорите, не было?.. Однако вы очень похожи.

Небольсин отвел руку с фонарем в сторону.

- Па-аручик! Не забывайте, что с вами говорит полковник.

Эллен ответил:

- А вы, полковник, не забывайте, что с вами говорит контрразведка...
Надо будет, так мы вас и прожектором осветим. Мазгут! - снова подскочил он к борту. - Ты чего там копаешься?

И - снизу:

- Да мешок один куда-то запропастился... ищу!

Только сейчас Небольсин осознал весь ужас того, что сейчас должно произойти, и твердо решил: надо спасать! Круглый "тузик" со странным гребцом еще крутился под талями, и Небольсин, перегнувшись через леера, сказал во тьму громким шепотом:

- Не смей уходить. Сейчас все будет. И колбаса. И весла! Одним рывком проскочил под срез полубака. Ключ в руке долго не мог нащупать отверстия. Рванул дверь на себя, схватил шинель Сони, кинул ее на плечи девушки. И сразу взял за руку, властно потащил за собой - во мрак палубы:

- Ради бога, молчите... скорее... так нужно!

Из-под парусины шлюпок на рострах полковник выдернул два тяжелых весла, бросил их в "тузик". Отстегнуть штормтрап от крепления было делом одной секунды. Ветер устрашающе вытягивал над пропастью борта шаткие веревочные балясины.

- Вперед! - велел Небольсин. - Быстро. Вниз. Молча. Разом.

И едва они спустились на днище шлюпочки, полковник сразу оттолкнулся от борта ледокола, - их понесло в сторону океана могучим отливным течением. Подозрительный человек, приплывший к ледоколу без весел, разводил вокруг себя руками и бормотал что-то о колбасе. Небольсин тут же начал шарить ладонями вдоль планшира, но уключин не было. А их - несло, кружило течением, как горошину... Во мрак, в стужу, в океан!

- Где уключины? - яростным шепотом спросил Небольсин.

- Ой, - отшатнулась Соня, - от него чем-то пахнет...

- Возьми да разрежь ее кружочками... аккуратными! - сказал человек, лица которого было не разглядеть в темноте.

- Не дури, черт бы тебя побрал! - И, встав на шатком днище в рост, Небольсин попробовал грести по-индейски. "Тузик" болтало, вертело и несло, несло, несло...

Кажется, на камни. На острые камни, обнаженные отливом. Второе весло вдруг плюхнулось за борт.

- Он его выбросил! - вскрикнула Соня.

Небольсин приник к лицу неизвестного ему человека. Безумные глаза излучали свет, как у кошки. А само лицо было ужасно, искажено гримасой безумия. Выяснить, кто он - пьяный или ненормальный, - сейчас было некогда.

- Некогда! - сказал он, продолжая грести к городскому берегу, где вдруг прокричал паровоз - обнадеживающе. И тогда сумасшедший, хихикая, стал топить "тузик", раскачивая его своим телом. А рука его при этом царапала по днищу, выискивая пробку. Он ее нашел, и в "тузик" сразу фонтаном хлынула забортная вода. А их несло, все еще несло... И вокруг - мрак.

- Соня! - позван Небольсин в отчаянии. - Найди дырку... закрой... хоть чем-нибудь!

Вынул пистолет из кармана. Треснул рукоятью прямо в висок. Человек даже не охнул. Небольсин перекинул его через борт и обернулся на ледокол: нет, кажется, их пока не заметили.

- Соня! - позвал снова.

- Что?

- Ты... вы, Соня, закрыли течь?

- Да, я держу рукой. Вода очень холодная... Вы его убили?

- А как вы думали?

- Человек...

- Глупости! Людей развелось в этом мире больше, чем собак. Молчите, прошу вас... молчите. Все скажете потом...

Не дай бог никому выгребать одним веслом без уключин на вертком "тузике", сопротивляясь течению. Только моряк может понять, какой это каторжный труд. Ветер сорвал с головы фуражку, но Небольсин даже не заметил этого. Он греб и греб, стиснув зубы, стеной, вкладывая в каждый рывок весла все свои нервы, уже издерганные. Камни прошли стороной (слава богу), но их - несло, несло, несло...

- Держитесь! - крикнул Небольсин и снова напруг свои силы, когда мимо них поплыл черный частокот причальных свай.

Соня просунула в отверстие днища варежку и встала.

- Держусь! - И девушка обхватила осклизлую от водорослей сваю, которая мрачной колонной уходила до грунта залива.

Над ними проступало сейчас чистое звездное небо, четко ограниченное горизонталью причала.

- Что вы там ищете, Виктор? - спросила Соня.

- Скобы... чтобы нам подняться по свае.

Но скоб нигде не было, и руки полковника каждый раз противно

погружались в рыхлые гнилые водоросли. Тогда он сказал:

- Придется лезть так... Прошу! Вы первая, я буду вас подсаживать снизу. Другого выхода нет...

Мокрые полы Сониной шинели хлестали его по лицу. Они медленно приближались к верху.

- Хватайтесь, - прохрипел он снизу, - да хватайтесь же!..

Соня уже вцепилась в край причала; потом она помогла и Небольсину; ее тонкая рука без варежки, скользкая от водорослей, словно смазанная маслом, не выпустила, однако, руки полковника. Оба они легли на причале, долго не могли отдышаться. Видели, как "тузик" относилось течением дальше - прямо в пропасть залива. И вдруг на ледоколе вспыхнул прожектор. Голубой шлагбаум опустился перед покинутой шлюпкой. Возглас команды, и - пулеметная дробь. "Тузик" моментально затонул. Много ли ему надо?

А потом над заливом раздался вопль - почти звериный.

- Не на-а-адааа... - кричал Свищов. - Я не большевик... Я клян-у-у-у... а-а-а-а!

И глухо всплеснула вода в отдалении. Небольсин повернул к Соне худое лицо:

- Надеюсь, вам не жаль этого негодяя?

- Нет. Не жаль.

- Пошли, - сказал Небольсин, поднимаясь. - Нас будут искать...

Они тронулись прочь от берега, долго выпутывались из колючей проволоки. Спотыкаясь в темноте, Небольсин говорил:

- Вот и рельсы... Да это рельсы! Вся беда наша в том, что - куда нам? Вам нужны ваши товарищи большевики, а я терпеть не могу этих людей. И для меня лучше всего подошла бы сейчас английская комендатура. Но и туда я уже не хожу, ибо сделал все, что мог, чтобы отрезать себе пути к возвращению...

В одном месте мелькнула тень человека.

- Эй, приятель! - остановил его Небольсин. - Где тут...

В ответ - быстрая скороговорка китайца:

- Васики мой, Васики... китайси не понимай!

- А, чтоб тебя! - выругался Небольсин, и они пошли далее. Снова тень: вдоль забора ходил британский солдат с оружием.

- Соня, - сказал Небольсин, - вы в своих подозрительных для женщин штанах лучше спрячьтесь.

На мне все-таки шинель английского покроя и я... Я не боюсь, Соня!

Соня встала за вагон, а он зашагал прямо на англичанина.

- Хэлло, феллоу! - прокричал издали.

- Хэлло, братишка, - ответил "англичанин". - Тебе какого рожна здесь надобно?

Небольсин удивился:

- Русский? Ну и приодели же тебя, парень...

- Суконце ноское, - согласился часовой, радуясь случаю поболтать с прохожим. - Опять же у наших кровососов разве сапог кады допросишься? А в легионе у нас порядок: англичане не воруют...

Небольсин выспросил у солдата, как пройти на станцию, и тот охотно показал вдоль рельсовых путей, освещенных звездами:

- А вот эдак шпарь, никуда не свертывая, и - придешь... Им встретился пыхтящий на путях паровоз. Из будки несло жаром. Струились из-под колосников золотые огни. Машинист - на вопрос Небольсина - долго молчал, недоверчивый, потом рассказал:

- Небольсин-то? Знаю такого... Только тут вагонная жисть. Может, его и перегнали куда. Лучше на сортировочную горку пройдите, там "башмачник" скажет... "Башмачники" всё знают!

Соню знобило под ветром. Мокрые ноги ее заледенели. Шинели обоих колом стояли ото льда. На сортировочной горке, просвеченной прожектором от станции, работал одинокий "башмачник". Небольсин присел с ним рядом. По рельсам гудели тяжкие "американки".

- С чем это они? - спросил Небольсин.

- Снаряды, - ответил "башмачник". - Утром эшелон собьют на Сороку, опять большевиков будут мучить артиллерией...

Рука путейца вдруг легла между бегущих колес. Казалось, еще мгновение - и от руки его останется кровавая смятка. Но завизжала сталь "башмака", косо вонзался во мрак пучок голубых искр. На полном разбеге тяжесть вагона была задержана рабочей рукой. Тогда Небольсин спросил "башмачника" о своем брате.

- А как же, - ответил тот, вставая с земли. - Господин веселый... Вот ступайте вдоль этого пути, никуды - только прямо и прямо. Пульман. Что еще? Да там на вагоне написано.

- Спасибо, друг! - И, объятый небывалым волнением, Виктор Константинович долго тряс руку "башмачнику", сожженную резкими железными искрами...

* * *

Аркадий Константинович уже раздевался, готовясь к ночи. Зевая, он почему-то вспомнил тот далекий день, когда бежал из Главнамура, возмущенный отказом Ветлинского вывозить русских из Франции. Помнится, в бешенстве он тогда заскочил в буфет при станции, и ему

встретились там два летчика-аса. Один - капитан Кузякин... кажется, Коля! А другой, если не изменяет память, юнкер Постельников... кажется, Ваня! "Забавные были ребята, - подумал Небольсин, снова зевая. - Любопытно, куда юс теперь швырнула судьба?"

В дверь глухо забарабанили кулаком - стучали настырно. Небольсин сунул ноги в валенки, прошел в тамбур.

- Кого черт несет? Перестаньте колотить...

- Это я... Виктор. Пусти, брат!

Закусив губу, чтобы не расплакаться, Аркадий рванул дверь на себя:

- Виктор! Виктор... ты?

- Прими, - ответил брат и поставил в тамбур маленького человека в шинели и солдатских обмотках с погонами прапорщика; инженер не сразу догадался, что это - женщина.

Одним прыжком Виктор Небольсин запрыгнул в тамбур.

- Не ждал? - спросил он, и они целовались - очень долго, Потом Виктор Небольсин снова подтолкнул женщину.

- Прими, - повторил. - И можешь, брат Аркадий, поцеловать ее тоже. Кажется, это та самая женщина, которую я полюбил!

Глава вторая

В коридоре петрозаводской гостиницы - пыльные, обтерханные пальмы с неизбежными окурками в кадках, а при входе на лестницу старый, облезлый медведь протягивает каждому входящему поднос. Когда-то на этот поднос кидали деньги заезжим цыганам, а теперь скучно лежат кверху лапками дохлые еще с осени мухи...

Французский консул Фуасси приподнял над головой котелок:

- Добрый вечер, товарищ Спиридонов.

- Привет и вам, господин консул, - ответил Иван Дмитриевич и спросил потом у швейцара: - Монтер у меня был?

- Был. Починили...

Вчера какая-то сволочь обрезала в номере Спиридонова провода. В Петрозаводске было неспокойно: так и жди, что подстрелят из-за угла. А консул вежлив, он смотрит на Спиридонова всегда с улыбочкой, словно что-то выведал о нем - потаенное...

У себя в номере Иван Дмитриевич жевал над картою свою пайку. Конечно, Фуасси не дурак, что улыбается. Ему улыбаться можно. А вот ему, Спиридонову, хоть плачь! Петроград рядом, но оттуда уже выкачали все, что можно; Питер не даст теперь ни единого патрона. А у него... армия, смешно сказать: три тысячи штыков (почти без штыков винтовки!), а со стороны дороги стоят пять белогвардейских полков, и одних англичан

пятнадцать тысяч... Спиридоновцев жрут вши, они не имеют мыла; часовые стоят два часа на посту, потом падают в снег... от голода!

- Спать, - сказал он себе и погасил свет. Не раздеваясь, рухнул на койку. Уже лежа, скинул сапоги. В потемках забросил портянки поближе к печке. Глядя в потолок, лежал без движения, словно мертвец. Он устал и сейчас думал о Матти - о Матти Соколове, который забрал у него сорок человек и увел их в леса на лыжах. Там открывается новый фронт против белофиннов, и, конечно, они пойдут с двух сторон. Они - это финны и русские, это англичане и французы, - и они будут жать и плющить его отряд, словно под двумя наковальнями сразу... "Выстоим ли? - думалось Спиридонову. - Хорошо бы мне заснуть". И тут тихонько скрипнула дверца платяного шкафа.

Иван Дмитриевич не шевельнулся, когда из шкафа вышел человек.

На цыпчоках подобрался к постели. И, сдерживая дыхание, он наклонился. Спиридонов сузил глаза и видел над собою лицо - молодое, с усиками. Убедившись, что чекист спит, человек потянул из-за пояса нож. Щелкнул, раскрывая его...

- Положи на стол! - сказал Спиридонов, вскакивая, и нож, быстро перехваченный, распорол ему ладонь, попав лезвием между пальцами. Началась борьба...

Чекист пяткой ударил врага в грудь, и тот отлетел к стенке. Снова наскочил. В липкой от крови руке крутилось узкое запястье; в пальцах недруга, белых при лунном свете, заполнявшем комнату, холодно блеснул пистолет.

- Ты не стреляй, - кричал Спиридонов в жестокой схватке. - Ты людей не буди, собака. Тихо пришел и тихо уйдешь...

Грянул выстрел над ухом. Ловчась, Спиридонов сунул руку себе под подушку. Успел взять свой наган. Но теперь у него была только одна рука свободной. Еще выстрел, еще...

- На! - сказал Спиридонов, грохнув из нагана в живот. Враг скорчился. Словно вприсядку прошелся по комнате кругом, задев стулья и обрушив тумбочку. Спиридонов нащупал выключатель, - брызнул жиденький свет. И наступил ногою на брошенный пистолет. Кинул свой наган на развороченную кровать.

- Ты кто? - спросил.

- Не все ли равно... - прохрипел тот.

Гостиница пробуждалась, в дверях появился швейцар:

- Быдто монтер... свет чинил! Свистал все из музыки...

- Кто тебя послал ко мне? - крикнул Спиридонов.

- Дай воды, - попросил раненый и жадно выхлебал целый графин; потеряв сознание, он умер, не обретя его снова.

Пока прислуга убирала следы погрома и подтирала кровь с пола, Спиридонов вышел в коридор. Ему очень хотелось взять из пальмовой кадки окурки - большой, в ноготь! - и затянуться хоть разок. Просто мутило - так хотелось ему курнуть.

Но из соседнего номера выбрался, разбуженный выстрелами, консул Фуасси, и подбирать окурки при нем было неудобно. Попыхивая сигарой, консул подошел к чекисту, придерживая полы своего теплого стеганого халата с меховой выпушкой на рукавах.

- Позвольте выразить вам свое соболезнование...

- А чего это вы, господин консул, вдруг соболезновать стали? Раньше вы протестовали против "зверств большевизма". Ведь, не скрою, этого молокососа-то я сейчас прихлопнул.

- Бандит! - поморщился консул. - Он вас грабил?

- Что у нас грабить-то? Была пайка с вечера, да и ту съел, не удержался... Это бандит из вашей музыки, и таких свистунов полно в Петрозаводске. Едят они сыр голландский, курят табак гаванский... Откуда бы это, как вы думаете, господин консул?

- Это уже не мы, - ответил Фуасси. - Красный Крест не французский, а американский...

- То-то! Коли вы записку дадите: такому-то господину поручику выдать... Аудиенция наша окончена. Час поздний. Коридор советский. А консул - враг Советской власти. И выкинуть из Петрозаводска я, к сожалению, этого консула не имею права...

Иван Дмитриевич спустился в швейцарскую:

- Дед! Хоть ты облегчи душу. Дай курнуть!

- А эвона, - сказал швейцар, открывая ящик стола, где копил все примечательные окурки. - Бери какой приглянется...

Здесь, в одиночестве холодного вестибюля, Спиридонов накурился. С концев пальцев его стекала на половики кровь; между указательным и средним пальцами была глубокая резаная рана. Больше ему спать в эту ночь не пришлось - интервенты повели наступление вдоль полотна железной дороги...

Рассвет застал Спиридонова на передовой - узенькой, как клинок. Всё по шпалам, всё по рельсам, - такова уж здесь война, ибо магистраль - главное; за нее и драться. Английская гаубица на гусеничном ходу ползала невдалеке от разъезда, взметывая вихри пушистого снега. Иногда замирала, и тогда шарахала пушка. Раненый штаб-трубач, печально закрыв глаза,

поднял к небу звонкую медь и проиграл сигнал...

- Отход, - сказал Спиридонов и спрягал подбородок в воротник.

Два французских бронепоезда напомнили ему умильную улыбочку консула Фуасси. Громящие бронеплощадки настигали отступающих спиридоновцев. По шпалам не разгуляешься: через одну ступать мелко, через две - тяжело, голодному и слабому. Отряд белых партизан, составленный из местных богатеев, обошел станцию Сегежа с тыла... На станции царила паника. Два "максима" застыли от мороза и не стреляли. Боец в раздутой ветром гимнастерке с матюгами колот дрова. В снегу дымили походные кухни: нужен был кипяток, чтобы отогреть пулеметы.

Вода еще не успела закипеть, как побежали отступающие.

Спиридонов с маузером в руке остановил одного из них.

- Стой! - кричал. - Кто курить хочет - стой! Курящие, стой! Некурящие, беги дальше... хрен с вами!

Все остановились, и он выгреб из кармана окурки: махорочные чинарики вперемешку с толстыми окурками дорогой "гаваны".

- Чего бежите? - спросил потом, чиркая зажигалкой то одному бойцу, то другому.

- А ты выгляни... посмотри! - сказали ему.

Этот день запомнился Спиридонову как черный день...

Перебежками он выбрался под насыпью на линию огня. Раненые бойцы лежали в снегу, и это были уже не жильцы на белом свете. В одного из них попало сразу пять пуль. Полосою, вдоль живота. - Ты выгляни... попробуй, стонали раненые. Спиридонов поднял голову и увидел перед собой солдат белой армии. Простые русские лица под меховыми английскими шапками. Но держали они в руках не винтовки, нет! - тупорылые тяжелые железяки с короткими прикладами. Заметив Спиридонова, один из них поднял "железяку" до груди и, не целясь, провел по кустам длинной затяжной очередью, только прыгали из-под локтя патроны.

Так Спиридонов узнал, что англичане вооружили белую армию на Мурмане автоматическим оружием. С автоматами белые становились сильнее в десять раз, и на каждый выстрел красноармейца отвечали лавиной огня и терзающей тело стали...

Спиридоновцы в этот день оставили за собой Сегежу.

За спинами отступающих дробно лаяли автоматы.

* * *

Вернулся из Петрограда Павел Безменов, шмякнул на стол рысый малахай и сообщил, что десять ящиков патронов - и все. Больше Питер

ничего дать не может.

- Если что найдется, - добавил Безменов, - вышлют...

- Мы же отступаем! Отступаем!

- Там знают про это.

- Смотри сюда! - горячился Спиридонов, раскатав карту-десятиверстку.

Я не могу держать Медвежью Гору, а финны скоро попрут на Петрозаводск... Американцы завезли в Карелию четыреста тысяч пудов хлеба, и бандиты раздают его тем, кто примыкает к восстанию. У них, паразитов, винтовки образца 1891 года, но патронов хоть завались. И лупят метко! У англичан бронепоезда и самолеты, о которых мы и мечтать не смеем, а у нас - кукиш, да и тот без масла... Сухенький!

- Там, - повторил Безменов, - знают об этом. Но все силы брошены на Колчака. Колчак - самое страшное сейчас!

Спиридонов с руганью скатал карту.

- Слушай! Я нашего Буланова с вокзала стрелять буду...

- Чего так?

- Контра! У него какая-то лавочка с Фуасси, и ждать удара в спину нечего... Расстреляю, и дело с концом! Будет хуже, если англичане нажмут с севера, финны от границы, а нас будут пырять ножиками здесь, в Петрозаводске... Видишь! - показал он свои перевязанные пальцы. - Меня уже резали...

Потом они стали говорить о мобилизации англичанами пленных красноармейцев, о том, что интервенты скоро проведут поголовную мобилизацию по Кеми и Сороке, по всему Терскому побережью.

- Ну и пусть, - сказал Спиридонов. - Они их оденут, они их вооружат, но это кадры для нашей армии. Все вернутся к нам с оружием, развернутым строем. Так будет, я верю, и Сыромятев колеблется, я его видел недавно. Мужик запутался, а мужик крепкий. До сих пор жалко и обидно, что он не с нами... Да не одного бы нам Сыромятева, а вместе с полком! Всех!

- Иван Митрич, - неожиданно предложил Безменов, - а что, ежели я на Мурманск подамся? Хотя меня поручик Эллен однажды уже на карточку снял и даже подошвы ног измерил, обведя их по бумажке, - всё едино: Мурманск без большевиков пропадет... А?

- А много ты там один навоюешь?

- Зачем один? Песошников - свой человек, слесарь Цуканов, что на плавмастерской "Ксении", - это два... Доктор Рабин, большевик явный, - три! Да наберется народ.

- Оно, может, и так. Но сейчас повремени с этой мыслью. Тут,

понимаешь, дело такое. На нас стал активно работать Небольсин в Мурманске... и скоро вышлет целый вагон рабочих. Это же бойцы! Под ружье! И слух такой до меня дошел, что где-то работяга продуктов наворовали и - тоже к нам! Понимаешь?

- Я знаю Небольсина, - ответил Безменов, - он неплохой мужик, дружил с покойным Ронек, а Ронек был человек честный.

- Это марка! - сказал Спиридонов.

Безменов подумал.

- Однако боюсь я... за этого Небольсина.

- А чего боишься?

- Да он, может, и от души будет помогать нам. Но сгоряча! Он такой, я его знаю, он все сгоряча ломает, как медведь...

- Не дурак же! - возразил ему Спиридонов. - Ведь не в мячик играет. Помогая нам, свою башку в руках подкидывает. Тут оплошки нельзя допускать. Контрразведка на Мурмане самая сильная. Эллен уж на что сволочь непроезжая, а все-таки похвалю его: через стенку, подлец, газету тебе прочитает...

Иван Дмитриевич перепоясал тужурку ремнем с маузером, надвинул на глаза фуражку со звездочкой. Варежки сунул в карман. Вышел, и уши сразу щипнул морозец. Кричали вороны на деревьях. На вокзале - пусто, только храпят на лавках мешочники. Мимоходом Спиридонов общупал их мешки. В одном - что-то жесткое.

- Эй, дяденька! Царство небесное проспал... очухайся!

От лавки оторвалась голова с узенькими щелками глаз. Черные ершистые волосы выбились из-под шапки, а по вороту шинели, пугаясь в пушистом ворсе, с трудом, словно через густой лес, ползла крупная серая вошь...

- Чего транспортируешь? - спросил Спиридонов.

- Науку, - хмуро пояснил мешочник.

- Науку, брат, в башке таскают, а не в мешке... Развяжи! В мешке оказались фотокассеты, заряженные, и десять новеньких магнето: каждое в такие времена - на вес золота.

- Ты у меня ученый, - согласился Спиридонов, быстро выхватывая из кармана мешочника браунинг. - А ну, встань! Повернись спинкой! А ты, баба, чего разлуку воешь? Ты не вой...

- Да он муж мне ридный, супостат ты треклятый!

С лавок поднимались мешочники, держа руки в карманах - подозрительно. Спиридонов два пальца в рот - свистнул с перрона охрану, сказал:

- Лежать! - А когда прибежали бойцы, велел им: - Всех в Чека. Бабу тоже, чтобы с мужем не разлучалась...

После чего прошел в кабинет к Буланову; старый путеец попытался приветливо улыбнуться, но улыбка получилась у него кислой.

- Плохо зубы показываешь, Буланов! - сказал Спиридонов. - Как же это Фуасси тебя улыбаться не научил? Вот консул улыбается мне так, что любо-дорого посмотреть...

- Товарищ Спиридонов, - вздохнул Буланов бледнея, - мне ваши намеки и ваше остроумие, прямо скажем, уже поднадоели.

- Прямой ты человек, Буланов! Пора тебя согнуть. В гробу, даст бог, снова распрямишься. И расстреляю я тебя, Буланов, в самую сласть... Пошли!

Он помог начальнику вокзала продеть руки в рукава путевой шинели. Надвинул ему на голову фуражку с молоточками.

- Куда? - прошептал Буланов.

- Пока прямо, - ответил Спиридонов. - На горку... Уже вечерело, и плавали по сугробам синие густые тени. Впереди - Буланов, позади Спиридонов. Между вагонов, прыгая через рельсы, один вел другого.

- Стой! - сказал Спиридонов, и Буланов остановился, смотря в красную стенку вагона-теплушки; и была там стертая надпись: "0375-бис, СПб. Варшава" (еще старый вагон, застрял здесь)...

- Руки! - И руки, выдернувшись из обшлагов, вздернулись, царапая красные доски; спина старого инженера содрогнулась, и он вяло опустился на снег, потеряв сознание...

Спиридонов долго тер ему снегом уши.

- Иди домой! - сказал, как щенку. - Дурак ты старый! И скажи своему Фаусси, что я все знаю... Сегодня ночью будут расстреляны двадцать офицеров, завтра еще столько же! Да вели приготовить вагон для меня, я уезжаю.

Буланов сказал:

- Спасибо... Я этого не забуду.

Вечером Спиридонов снова выехал на передовую и думал: "Забудет..." Но сердце не камень, и в последний момент палец вдруг ослабил курок. Спина старого инженера напомнила Ивану Дмитриевичу спину его отца, когда он сидел за костылем сапожника, заколачивая в каблук короткие деревянные гвозди.

* * *

Два "ньюпора" летели кругами, едва не задевая лыжами верхушки снежного леса. Черепа с костями были нарисованы на фюзеляжах, а под

крыльями виднелись броские надписи по-французски: "Vieil ami" ("Старый друг").

- Вперед! - звал Спиридонов. - Они снижаются... Бойцы выбежали на поляну, когда "нюпоры" уже примерзли лыжами к насту. Два пилота в хрустящих комбинезонах, лениво покуривая, глядели из-под замшевых шлемов на подбегавших бойцов.

Вот спиридоновцы окружили самолеты:

- Руки вверх! Эй, камрад, как тебя? Давай лапки кверху...

Летчик постарше сплюнул с крыла на снег и ответил:

- Я тебе не собачка, чтобы лапки кверху! Тоже мне, разбежались с берданками... Иди к черту! Своих не узнаешь?

Оружие опустилось в смятении: сидели на крыльях два пилота (один пожилой, другой юный), а на крыльях французские слова, а на фюзеляжах черепа с костями, а красных звезд не было, - поди догадайся, кто они такие?..

- Кто такие? - спросил Спиридонов. И старший пилот, вручив ему пакет с документами, вскинул руку к шлему:

- Я военлет Кузякин, бывший капитан... А это военлет Постельников, бывший юнкер. Присланы из Питера. - И спрыгнул с крыла на снег. - Ну, что тут, командир? Обстановка так себе, а?

Документы подтверждали, что направляются в распоряжение охраны Мурманской железной дороги два красных военлета - Кузякин и Постельников.

- Ваня, - сказал Кузякин младшему летчику, - ты чехлы на моторы набрось-ка.

- Хорошо, Коля, - покорно ответил юнкер.

- Товарищи! - обратился к ним Спиридонов, воодушевленный. - Разрешите мы покачаем вас? Бойцы Мурманского фронта приветствуют красных пилотов...

- Не надо! - остановил Кузякин бойцов. - Не надо, ребята, выше облаков вы нас все равно не качнете. А мы и так устали. И жрать охота...

Самолеты перетянули на лыжах поближе к разъезду. Сидели возле костра, и Спиридонов между прочим заметил:

- А здесь Красная Армия, и черепа с костями надо замазать и нарисовать звезды. Слова французские - тоже похерить.

Капитан Кузякин хлопнул Спиридонова по коленке:

- Вот что, малый! Ты самолетов и не ждал - верно? А мы свалились тебе как снег на голову, и ты сразу свои порядки наводить хочешь... Это, брат, нехорошо. Мы люди тертые, свое дело знаем. И будем летать во славу

божию на страх врагам Советской власти... Звезды - ладно: чтобы свои же нас не сбили, мы тебе намалюем. А ни черепушки, ни "Старого друга" я тебе не отдам! Я, брат, с четырнадцатого года свою черепушку под облаками таскаю. И ты мне не перечь, а то сейчас контакт дадим и оторвемся отсюда к едреней матери...

Конечно, такого подарка из Петрограда Спиридонов не ожидал. И понимал, что летчики народ особый, - с ними надо повежливей. Послал бойцов в деревню соседнюю, велел принести творогу. Пусть лопают! Для них сейчас - всё...

Летчики ели творог, пили самогонку и говорили так:

- Дай-ка ножик, Ваня.

- Держи, Коля...

Иногда прорывалось забытое: "господин капитан", "а ты, юнкер, сыт?". Звезд на крыльях не было, и две серебристые машины с пулеметами в острых клювах стояли под соснами, укрытые брезентом. Бойцы их сейчас обхаживали, нежно глядя.

- Спасибо питерским, прислали... не забывают!

- Теперь воевать можно: и у нас есть - не все у англичан...

Вот летчики поели, натянули шлемы.

- Командир, - спросил Кузякин, - а что делать надо? У нас на путях в Олонце целый вагон с бомбами стоит. Пулеметы заряжены... Скажи, куда-нибудь лететь надо?

Спиридонов поразмыслил:

- Сейчас тихо. Ежели слетать - так чтобы высмотреть, куда французские бронепоезда ушли. Они нас здорово беспокоят.

- Ну, - решил капитан Кузякин, - это дело для такого аса, как я, спичечное... Ваня! - позвал он юнкера. - Ты моложе меня, давай смотайся до англичан и обратно. А я уж по-стариковски тебя у огонька подожду.

- Хорошо, Коля, - ответил Постельников, готовно вскакивая от костра. Только помоги мне мотор провернуть...

Бойцы обрадованно обтапывали валенками взлетную дорожку. Юнкер Постельников сидел в кабине, и лишь круглая голова его торчала наружу.

Кузякин завел мотор пропеллером.

- Контакт?

- Есть контакт! - И сизая птица, переваливаясь через сугробы, плавно покатила вдоль поляны с режущим уши свистом.

- Уррраааа-а! - кричали бойцы, разбегаясь перед машиной. Плавный взлет - уверенная рука юнкера. Спиридонов стоял возле борта второй машины, и Кузякин с гордостью сказал ему:

- Видал, как свечкой пошел? Это мой ученик... Туз что надо!

Постельников дал круг над поляной. Задрал головы, смотрели красноармейцы за разворотом машины. И вдруг...

Тра-та-та-та - пулеметная очередь с неба.

Ярко вспыхивали в клюве "ньюпора" вспышки огня. Постельников прошелся над людьми, кося под собой все живое. Снег окрасился в красное, разбегались бойцы, ползли раненые.

- Что ты делаешь, сволочь худая?! - кричал в небо Кузякин.

На прощание бомба рванула землю, и "ньюпор", качнув еще раз плоскостями крыльев, полетел прямо на север - к белым...

Стало тихо. Вставали упавшие. И вдруг один боец, нацепив штык на винтовку, с разбегу ударил капитана Кузякина в бок. Летчик сломался пополам - рухнул возле своего самолета в снег.

Шатаясь после стрельбы, Спиридонов шагнул в избу.

Долго не мог опомниться... Зачерпнул ковшиком ледяной воды из ведра пил, пил, пил. Потом сел к столу, сцепив пальцы. Вскрыл пакет с характеристикой капитана Кузякина и посмотрел в окно. Кузякин пластом лежал на снегу, а над ним тихонько покачивались серебристые крылья. Предатель улетел, а этот - второй... "Жаль, - подумалось, - такого человека погубили!" Было там сказано, что Кузякин добровольно пошел на службу советской армии, учился в авиашколе Шартре, окончил высшую школу воздушного боя в По, с отличием прошел курсы стрельбы истребителей в Казо. На его боевом счету тринадцать только официальных побед!

- Жаль... Ах как жаль! - переживал Спиридонов, и за печкою шуршали в тепле деревенские тараканы...

Хлопнула с размаху дверь, и на пороге вдруг выросла согнутая от боли фигура Кузякина; длинные волосы падали на лицо из-под шлема, почти закрывая ему глаза. Пальцами авиатор придерживал рану внизу живота, и по комбинезону струилась кровь.

- Восьмая, - сказал. - От своих... Кто меня?

- Тебя ударил боец Евсюков... Садись!

Кузякин плюхнулся на лавку:

- Дай мне этого мерзавца... Дай!

- Зачем?

Мне лететь...

- Куда?

- А ты что? Хочешь, чтобы я здесь тебе и подох? Нет, я должен лететь в госпиталь... в Петрозаводск!

Человек, которого ждет гибель под облаками, не желал умирать на

земле.

- Дай мне этого сукина сына Евсюкова, - требовал Кузякин. - Если угроблюсь, так с ним. Пусть знает, почем фунт лиха!

Посидел на лавке и вдруг лег. Вытянулся.

- Куда же тебе лететь такому? Лежи. Дрезину пошлем за врачом.

- Пошел ты... Он мне дрезину пошлет! Да я на своем "Старом друге" за четверть часа там буду. - И, плотно закрыв глаза, он сказал: - Вот ведь история-то какая... Говорили мне: мол, война гражданская... мол, такая она, сякая. А я не верил. А она, выходит, и вправду - гражданская. Жестокая...

- Куда ты встаешь? Лежи, - говорил Спиридонов.

- Нет, я полечу, - твердо ответил Кузякин. - Скажи, Иван Дмитриевич, разве кто-нибудь, кроме меня, собьет его?

- Кого?

- Да этого... Ваньку! Моего же ученика! Никто его не собьет. Я его выучил - я его и угроблю. Носом в землю. Пик! - и всё...

Снова прошлись бойцы по опушке леса, трамбуя ногами снег. Сам Спиридонов теперь накручивал пропеллер. Лежа грудью на штурвале, Кузякин поднял лицо - навстречу ветру, навстречу скорости.

- Есть контакт... Отбеги в сторонку, Дмитрич!

Лопасті винта изрубили воздух, словно сабли. С ревом ушел "ньюпор", задевая желтым брюхом верхушки сосен, на юг, - и две головы торчали из кабины. Последний раз мелькнули за лесом череп с костями, но красных звезд еще не было...

Вечером Спиридонов созвонился с Петрозаводском; ему было боязно спросить: а вдруг и этот?..

- Прилетел ли кто?

- Да Отвезли в госпиталь. Выживет. Крепкий.

- Замечательно, - сказал Спиридонов, просияв при мысли, что во втором не ошиблись.

Его спросили, что делать с прибывшим на самолете красноармейцем, и лицо Спиридонова сразу замкнулось в суровых морщинах.

- Под суд! - гаркнул он в трубку. - Отведите его в ревтрибунал, и пусть его судят за самочинство... Время анархии кончилось, и карать могут только органы власти!

Глава третья

На архангельском аэродроме - снег, ветер, безлюдье.

Блестящий "хэвиленд" вышел на старт - одинокий.

Уилки был весь в рысьем меху, и мех заиндевел возле рта. Взревел мотор, лейтенант положил руку на плечо капитана Суинтона:

- Дружище, итак, договорились. Все радиостанции перевести на один ключ. Чтобы, когда мы начнем жать на красных, ни одна кобылка не засбоила. На любую ставь смело!

- Кому это ты внушаешь? - обиделся Суинтон. - Я ведь первый "клоподав" его королевского величества... У меня не засбоит!

- Я думаю, - продолжил Уилки, - ты закончи облет радиостанций так, чтобы нам встретиться в Онеге. Идет?

- Идет, - согласился Суинтон.

Пилот выключил мотор, и в сияющем на морозном солнце вихре обозначился пропеллер, плавно замедленный.

- Вы долго еще там будете трепаться? - спросил он недовольно.

- Сейчас! - махнул ему Уилки и тронул фляжку, висевшую на боку капитана связи. - У тебя с чем она, Суинтон?

- "Ямайка".

- Возьми мою. Коньяк на морозе лучше...

Обменялись флягами, и, подкинув мешок, Суинтон поднялся на крыло. Залез в кабину, и пропеллер сразу потерялся в вихре вращения. Покатилась назад земля. Уилки долго махал ему шапкой...

Как всегда, Суинтон не заметил момента отрыва от земли.

Он откинулся на тук с парашютом, мешок с вещами держал под ногами. Прямо перед собой он видел спину пилота, и когда тот оборачивался, то из-под очков глядело на капитана молодое лицо.

- С чем у тебя? - спросил пилот для знакомства.

- Коньяк.

- Меняемся не глядя?

- Давай...

Они передали один другому свои фляги, и Суинтон хлебнул из баклаги летчика; это была русская водка, - что ж, совсем неплохо на русском морозе... Белая, ослепительная лента Северной Двины тянулась вдаль, под крылом самолета стелился лес, почти пропали русские деревеньки, и только дымы, вертикально бегущие к небу, обозначали их место.

- Хочешь, - прокричал пилот, - я покажу тебе нечто новенькое? Такое, что ты обалдеешь, парень?

- Валяй, - ответил Суинтон, кивнув для верности.

С грохотом вырвалась из винта боевая очередь, в разноцветные ленты огня потянулись к земле - красные, синие, желтые, зеленые.

И все это дымчато переливалось на солнце.

- Ночью еще красивее! - крикнул пилот, вновь оборачиваясь.

- А что это такое? - спросил его Суинтон.

- Трассирующие пули! Их совсем недавно изобрели наши ученые. Очень удобно проверять наведение по цели. У большевиков, конечно, такого нет и быть не может... Ты лапти когда-нибудь видел?

- Нет, не видел.

- А я видел... Это так смешно! Я тебе не мешаю?

- Нет. Разговаривай.

- Я с удовольствием... Потому что летать скучно!

Под болтовню пилота, развернув карту, Суинтон обдумывал свой маршрут. Его радиоинспекция охватывала оба крыла фронта - по Северной Двине и участок боев на железной дороге (две "пробки" плюс Онега). Как запутать ему зайцем по фронту, чтобы закончить маршрут в Онеге, где его будет ждать Уилки... А что в Онеге? Да там, говорят, партизаны, и потому-то Уилки туда и сорвался...

Суинтон сунул карту в планшет, похлопал пилота по кожаной спине:

- Когда будет фронт - предупреди.

- Уже! - крикнул летчик. - Разве ты не заметил?

Все тот же лес, перечеркнутый просеками и руслами рек. Первая шрапнель разорвалась далеко от "хэвиленда", и дымное облако вспышки было тоже очень красиво, будто его нарисовали.

- Не бойся, - ободрил летчик. - У них зениток нет. Они бьют по нам с колеса телеги, эти скифы...

Брызнуло огнем рядом, ледяной поток воздуха бил теперь прямо в лицо. Холодом сковало ногу, Суинтон глянул вниз, а там - в свежих пробоинах фюзеляжа - мелькали елки, избы, лошаденки на дороге. И вдруг все это стало стремительно расти, приближаясь.

- Нам не повезло, парень! - заорал пилот. - Ты можешь еще выпрыгнуть. А я потяну машину дальше...

- Благодарю, - ответил Суинтон, ставя мягкий мешок к себе на колени. Ты меня тяни тоже...

- Поздно прыгать!.. Закрой рот, приятель... раздвинь колени, ослабь позвоночник... Соберись в скобку, как спящая собака... Ах, как нам не повезло!

Земля с ревом надвигалась на падающий "хэвиленд". И вот - будто железной метлой провели по днищу фюзеляжа: задели макушку высокой сосны. Суинтон быстро-быстро, отчаянной скороговоркой, читал молитву...

И вдруг деревья леса, словно гигантские хлысты, разогнулись. Всем своим могучим частоколом они, казалось, хлопыстнули по корпусу "хэвиленда". В тонкой, как пудра, снежной пыли и в скрежете раздираемого металла запахло бензином и чудесной смолой.

Это было последнее, что он почувствовал: без боли сознание покинуло его тело.

Это тело, вместе с обломками, летело сейчас вниз, с хрустом ломая сучья деревьев, пока не рухнуло в пышный сугроб.

* * *

"Пых!" - взметнулся снег над Суинтоном. Ему здорово не повезло.

Первое, что он увидел, был разбитый сапог, из которого торчали, обернутые грязной портянкой, серые пальцы. Это были не его пальцы. И тогда Суинтон поднял глаза выше. А выше ветер парусом раздувал шинель, полы которой обгорели у костров. Капитан связи перевел взгляд еще выше и увидел лицо человека, заросшее бородой... Казалось, прямо из волос смотрели на британца глаза, над которыми - красная звезда красноармейца...

Тут же, возле походного костра, его "разделили". Первым ушел от Суинтона мешок с нательным бельем, потом, обступив капитана, щупали его шинель и велели показать ботинки. Шапку сняли, а взамен водрузили на голову вытертый малахай. Вместо ботинок бросили те самые сапоги, которые он увидел, очнувшись, и теперь уже Суинтон рассматривал свои же пальцы, торчавшие из грязной портянки.

Буквально через минуту он стал похож на этих людей.

Осталась еще фляга; Суинтон хлебнул водки, глубоко и жадно, как воздух, и отбросил флягу на снег... "Все кончено!"

Шатаясь, он брел по сугробам и еще раз увидел обломки "хэвиленда", в которых копались уже русские бабы, набежавшие из деревень. А тело летчика тряпкой болталось на широком суку дерева.

В землянке, куда ему велели спуститься, Суинтона встретил капеллан Роджерсон из королевско-шотландского полка. Благородная седина на висках; краешек белого воротничка смят и загрязнен; поверх сутаны - походный крест из авиационного алюминия.

- Сын мой, - сказал патер, - нам осталось молиться. Уже слышны мне шаги божьи...

Но как ни старался Суинтон, молитва его не была сейчас горячее той, которую он посвятил всевышнему в кабине "хэвилевда", когда земля текла навстречу, ершистая и дымная. И тогда капитан радиосвязи заплакал. Будет мир, будут полыхать над ним дивные рассветы, отцветет жасмин в палисаднике старого отца, проблема электронной трубки разрешится уже без него - без Суинтона...

- Боже! - рыдал Суинтон. - За что? За что? За что?

- Пошлем проклятие подлым варварам-большевикам, - сказал

Роджерсон, и, когда за ним пришли, капеллан выпрямился, и белизна заполнила его небритые щеки...

Обратно в землянку он ворвался, как мина из бомбомета.

- Слава большевикам и богу! - орал он в диком, непонятном исступлении. - До конца дней моих буду молить его только за большевиков... Сын мой, молитесь и вы за них!

- Патер, - ответил Суинтон, отступая, - вы могли бы сойти с ума и дома! Совсем незачем было ехать ради этого в Россию...

Вызвали и Суинтона - провели его в низкую теплую землянку и оставили там одного. Быстрыми шагами, крепко ставя ногу, вошел к нему низенький, кряжистый человек. Кровью были налиты его глаза, обведенные нездоровыми потеками усталости и бессонья. Но эти глаза светились добром...

На чистом английском языке этот человек сказал:

- Я генерал бывшей царской армии Самойлов, ныне служу в Красной Армии... Сэр! - И Суинтон подскочил, посмотрев на свои раскоряченные пальцы в портянках. - Вы попали в расположение Камышинской бригады, которая прибыла к нам недавно и еще не прониклась добрыми традициями Шестой армии. А потому советское командование, в моем лице, просило передать вам извинения... Сейчас, - сказал Самойлов, - мы вас оденем снова!

Его тут же одели с иголочки, во все новенькое (это были знаменитые шенкурские трофеи). В мешок Суинтона щедро натискали запасы продуктов: корнбиф, сгущенку, консервы-компоты. Большевики снаряжали Суинтона так же, как когда-то в Англии, - перед походом в Россию.

- Какое вино пьете? - спрашивали его. - Какой табак предпочитаете? Не стесняйтесь. - говорили, - у нас все есть...

Растерянный, волоча мешок по снегу, Суинтон вернулся в землянку. Капеллан уже накинул поверх сутаны шинель красноармейца, которую ему выдали для тепла, и собирался уходить из плена.

- Меня они отпускают, - говорил, сияя. - А вас?

- Со мною гораздо сложнее, - ответил Суинтон мрачно. - Я имел дело с военным эфиром, а это куда как ответственнее, нежели иметь дело с господом богом...

Вечером он был уже в Вологде, куда его доставили сразу на вокзал (почему-то именно на вокзал). За морозными окнами кричали паровозы, бухали в доски перрона матросские отряды. Суинтон набил трубку "кэптенон", сел на мешок и ждал, что будет далее. Никто не появлялся. Только один раз приоткрылась дверь, заглянула баба с тряпкой в руке и,

распустив подоткнутый подол, сказала:

- Спаси нас и помилуй, царица небесная! - и убралась.

Потом навестил Суинтона высокий жилистый человек с острыми усами, несколько старомодными, и сказал на скверном английском языке, но душевно:

- Когда я плавал, то не раз бывал на вашей родине. Англия - страна хорошая, и мне у вас всегда нравилось.

Суинтон, растроганный, расстегнул рукав и снял с запястья массивную золотую браслетку, на которой были выгравированы его имя, принадлежность к полку и домашний адрес.

- Очень прошу: отправьте этот браслет на родину. Пусть родные знают, что со мною все кончено.

- Не имею права, тем более - золото. Браслеты такого рода, насколько мне известно, пересылают на родину только с руки мертвецов, а ведь вы умирать не собираетесь?

- Я уже наполовину мертвец... Куда меня сейчас?

- Одно могу сказать: вы не будете одиноки, капитан... Тем же вечером его посадили в поезд, и он поехал в неизвестность. Суинтон давно не ездил на такой бешеной скорости. Много было разговоров в Архангельске, что у большевиков полностью разрушен транспорт и паровозы двигаются как черепахи. Как черепахи, может быть, где-нибудь и двигались, но только не на этой магистрали: Вологда - Центр; дым из трубы паровоза лентой оттягивало назад. На поворотах Суинтон боковым зрением видел локомотив, и часто-часто дергались локти его шатунов - все в раскаленном паре, все в золотых искрах огня. Вагоны трясло и мотало. Города, деревни, шлагбаумы, реки, переезды все слилось в одну неясную, сумбурную полосу, и все это называлось Россией...

Потом замелькали за окнами дачные местечки, поплыли трубы заводов, и шумный перрон оглушил и смял Суинтона. Сопровождающий чекист вытянул его из лавки на улицы и сказал по-русски:

- Ну вот, приятель, ты и в Москве побывал...

В громадном холодном доме Суинтон долго поднимался по высоченной лестнице. У столика с баком для кипятка стоял британский полковник и заваривал себе чай с клюквой.

- Откуда? - спросил небрежно.

- Из Архангельска.

- О! А я из Одессы...

Суинтона сразу обступили англичане и американцы, французы и греки, австралийцы и бельгийцы - вся пленная Антанта была в сборе. Кого

взяли на Кавказе, кого в Екатеринбурге, кого в донских степях. Ему представили красивую казачку.

- Ты разве видел таких женщин? - похвастал американский офицер. Женись - и будешь в плену дважды: у большевиков и женщин!

Заглянув в пролет лестницы, полковник вдруг выплеснул чай:

- Пора спасаться! К нам идут палачи чекисты...

И всех не стало. С хохотом убежали и закрылись изнутри.

Суинтон устало присел на мешок возле бака с кипятком и дождался, когда наверх поднялся хмурый чекист. Дернул ручку двери, убедился, что закрыто, и стал дубасить по филенкам ногами:

- Эй! Народы мира... откройте... Да не бойтесь.

Из-за дверей - смех, злорадный. Чекист почесал за ухом.

- Оно, конечно, - сказал задумчиво. - Вчера Нежданова, потом Собинов... Ошалеть можно! - И вдруг уставился на Суинтона выпуклыми глазами: - Ага, новичок... Когда прибыл?

- Сегодня.

Из-под тужурки чекист достал пачку билетов, один из них протянул Суинтону:

- Царская ложа. Первый ряд. Начало в восемь.

- Куда? - растерянно спросил Суинтон, вставая с мешка.

- Как куда? Шаляпин петь будет. Нешто же можно: в Москве побывать и Шаляпина Федю не послушать?.. Не опоздай смотри!

В полутемном холодном зале пел Шаляпин... "Когда это было? - думал Суинтон, сидя в царской ложе. - Год? Или три года тому назад?" Могучий голос русского титана наполнял его душу. Нет, это было только вчера: отчаянный рев "хэвиленда" над архангельским лесом, трассы пуль, устремленные к земле, и запах... этот мучительный запах гибели, перемешанный с бензином, смолой и дымом. А на суку дерева - тень пилота...

Суинтону снова хотелось плакать.

* * *

Через несколько дней Суинтон уже сам кричал:

- Спасайтесь! Чека идет и несет билеты...

Напрасно стучали в дверь, предлагая пленным единственное, что могла предложить Москва в эти трудные годы, - театр, знаменитый русский театр. Билеты - в первом ряду. Пожалуйста, наслаждайся. Но даже любители музыки отказывались: музыка, казалось, уже лезла у них из ушей, словно они облопались ею.

В театре однажды Суинтон познакомился с очаровательной русской

барышней и, чтобы время пленения не прошло напрасно, уже всерьез подумывал о женитьбе. Русская - это и дико, и экзотично, и экстравагантно. Женитьба на русской женщине откроет ему на родине двери любого дома...

Но жестокий локомотив, летящий обратно на север, разорвал нежные узы Гименея, осыпанные в 1919 году не розами, а ледяным инеем. И опять бешеная скорость. На редких остановках Суинтон был поражен громадными толпами мужчин и женщин, одинаково одетых в солдатские шинели. Все они яростно ломились в вагоны. Это были мешочники. Когда же Суинтон спросил об этих людях, берущих эшелоны с боем, у сопровождавшего его чекиста, то получил ответ - весьма характерный:

- Кто такие? Добровольцы, которые едут на фронт, чтобы драться с вами... с интервентами!{27}

...Генерал Самойлов при встрече сказал Суинтону откровенно:

- Вы нам понадобились, сэр. Генерал Айронсайд недавно предложил нам переговоры об обмене пленными. Но один член нашего Реввоенсовета, не согласовав дела с Москвой, отправил Айронсайду грубое письмо с предложением повесить кавторанга Чаплина и генерала Миллера, прибывшего на смену Марушевскому. Таким образом, переговоры сорваны. Мы предлагаем вам отправиться в Архангельск для улаживания этого вопроса, столь необходимо важного для обеих противных сторон... Суинтон спросил:

- Вы отпускаете меня, не боясь, что я очень многое успел пронаблюдать на вашей стороне?

Самойлов захохотал.

- Милый Суинтон, - сказал он сипло, - наше командование и не ставило себе такой цели, чтобы оградить вас от наблюдения за всем, что происходит на советской территории. Мы ничего не скрываем! Мы бедны, мы раздеты, мы голодны, - все это так. Но это не главное, и вы, как неглупый человек, сами можете разгадать главное сейчас в русском народе...

- Каковы же условия, на которых вы меня отпускаете?

- На три дня. Под честное слово офицера.

- Я джентльмен, можете не сомневаться, - заверил Суинтон.

Самойлов дружелюбно протянул ему руку:

- Мы будем ждать вас на тракте между деревнями Сельцо и Ломоухово, от нуля до нуля десять минут. Стрельба на этом участке фронта будет в это время прекращена... Желаю вам удачи!

Через три дня, в лунном свете, на глухом тракте выросла во весь рост фигура Суинтона.

- Русска! Ноу стреляй!.. Я пришел, у мой офицер есть честна слово... Джентльмен!

Свою задачу он выполнил, оставшись заложником при штабе Шестой армии. Айронсайду он высказал при неизбежном свидании прямо в лицо все, что видел, все, что передумал. На этот раз Суинтона не стали баловать, а посадили на паек рядового красноармейца. Суинтон съедал в день три четверти фунта хлеба, и он понял то главное, что определяло сейчас настроение русского человека, - победить во что бы то ни стало...

- Теперь, - сказали ему, когда обмен пленными состоялся, - вы, капитан Суинтон, можете нас покинуть.

- И вы, - спросил он, - не берете с меня расписки, что я не стану более воевать, против вас?

- Нет. Никаких расписок не берем. Если вам так уж это нравится, можете воевать с нами и дальше... Пожалуйста!

* * *

Ему встретился в Архангельске капеллан Роджерсон и сказал:

- Увы, я более не патер. Меня высылают как большевистского агитатора... Почему вы даже не хихикнете, Суинтон?

Суинтон набил табаком трубку.

- Дорогой патер, я хихикаю теперь над Айронсайдом...

В незаметной пивной на окраине Архангельска Суинтон дал нечто вроде пресс-конференции корреспондентам союзных армий. Ему задавали много вопросов и называли даже фамилии "жертв большевизма" - из числа тех, которых он узнал в Москве.

- Это ложь, - отвечал Суинтон, - с полковником Гоуденом, который, по вашему утверждению, замучен в застенке, я перед самым отъездом пил водку под аркой Казанского вокзала. Могу сказать даже, чем мы закусывали!

- Чем?

- Мы утерлись рукавом и подышали морозом... Я более прошу не задавать мне вопросов об этих мнимых зверствах, ибо эта ложь порождена в застенках белогвардейских контрразведок.

Его спрашивали, и настойчиво, о разрухе на транспорте.

- Очень грязно на вокзалах и станциях, - отвечал Суинтон. - Повальной же любви русских к щелканью подсолнечных семечек я не понимаю. Буфеты и рестораны не работают. Но я дважды проехал в международном вагоне первого класса, с прислужгой и ванной. Поезда, насколько я мог заметить, ходят со скоростью не менее сорока миль в час. Население одето в солдатские шинели и осаждает поезда, идущие на север, чтобы воевать с

нами...

Суинтона отвели в гостиницу "Франсуаза" и посадили под домашний арест.

С высоты третьего этажа он наблюдал, как ползает дряхлый трамвайчик по улице, как бойскауты учатся маршировать.

Был уже поздний час и пора было спать, когда в окно к нему постучали...

В окно? Не в дверь?

Да, стучали в замерзлое стекло. Суинтон увидел женское лицо, а сама женщина, прилипнув спиной к стене дома, стояла на узеньком обледенелом карнизе. А под нею - пропасть улицы... Кроша в пальцах сухую замазку, Суинтон рванул на себя зимнюю раму, втянул женщину в номер.

- Это весело, правда? - спросила женщина, оправляя волосы. - Но вас, черт возьми, так здорово внизу охраняют, что другого пути, как через окно, у меня не было... Увы, - пригляделась она к капитану, - вы мне нравитесь, Суинтон! Правда, это свидание не любовное, а всего лишь политическое интервью. Я корреспондентка американской газеты, и мне чертовски повезло: я встретила вас... Повторяю: это пока не любовное наше свидание!

Она и слова не давала сказать Суинтону - говорила сама.

- Ты думаешь так же, как думаю и я... Эту войну пора кончать. Вы, англичане, слишком упрямы. Но у нас за океаном в Мэдиссон-сквер-гарден уже давно кричат на митингах: "Позор!" Сенат призвал добровольцев, желающих сражаться здесь с большевиками... И ты знаешь, сколько они собрали?

- Сколько?

- Четырнадцать человек... Тогда Лига социальной пропаганды тоже бросила клич к желающим ехать в Россию, чтобы сражаться, но уже в рядах Красной Армии... И знаешь, сколько вызвалось?

- Сколько?

- Сотни! Сотни американцев пожелали служить в Красной Армии. Об этом у нас не любят говорить... тем более - здесь, в самой России. Но я-то хорошо знаю, что творится за океаном...

Она повертелась перед зеркалом, снова взбила волосы:

- А я тебе нравлюсь? Ну конечно же... что я спрашиваю такие глупости, конечно же, ты от меня без ума.

- Наконец-то, - ответил Суинтон, - раздался первый вопрос, обращенный ко мне, как и положено при интервью...

- Важно, что я тебя увидела, дурачок. Теперь закрой окна, милый, и ложись спать спокойно. Я не полезу в окно, а спущусь по лестнице. Вот

будет потеха внизу, когда твои церберы меня увидят. Они меня сочтут за ведьму...

Через несколько дней Суинтона и капеллана Роджерсона спроводили из Архангельска на родину; выслали как неугодную и американскую корреспондентку. Заодно с ними, ругаясь на хорошем матерном языке, покидали Россию и около сотни американских солдат, отказавшихся не только воевать, но и вообще служить в армии. Всех этих людей отправили лесным трактом - на лошадях, в санях - до Онеги, потом - через Кемь - в Финляндию. Там на оленях, быстро-быстро, они проскочили до Ботники, где ступили на палубу шведского ледокола.

В древней Упсале, дорогой на родину, Суинтон обвинен в американизме; это была отличная пара. И за Суинтона нам не обидно: он хоть недаром провел время в России и нашел там жену - верного друга на всю свою долгую жизнь. Теперь он снял с запястья браслет (памятку о смерти) и надел на палец обручальное кольцо (памятку о счастье). Отныне Суинтон мог вернуться к облюбованной им проблеме электронной трубки, чтобы человек мог не только слышать, но и видеть на расстоянии.

Видеть: из Англии - Россию, из России - Англию.

Посмотрев в молодости Россию своими глазами, Суинтон на склоне лет увидел ее - преображенную - на голубых экранах телевизоров. И в маститой старости он очень любил вспоминать молодость.

- Мне здорово повезло! - заканчивал он свой рассказ.

* * *

Лейтенант Уилки, весь в рысьем меху, напрасно поджидал Суинтона в Онеге: телеграф принес известие о его гибели. Вокруг Онеги, по дремучим буреломам, словно медведи, хрустя валежником, бродили русские косматые партизаны. Штабеля досок желтели на причалах: вывозить, вывозить, вывозить! Вот оно, благословенное русское золото - древесина; до чего же благородны очертания его слоев, словно на мраморе из Каррары, какие могучие стволы рушатся в сугробы, словно подкошенные великаны-рыцари...

Именно здесь, в Онеге, вдыхая запахи смол, Уилки получил сообщение, что и на Тверском берегу Кольского полуострова появились партизаны. Бежал из своего батальона, покинув его оранжевое знамя, комиссар Юсси Иваайнен тоже стал партизаном...

- Кто там командует? - спросил Уилки.

- Известный. Скрывается под псевдонимом "Дядя Вася". Уилки тут же, на клочке бумаги, произвел вычисление по курсу британской

эмиссионной кассы из расчета: один фунт за сорок четыре "чайковки" Архангельского правительства.

- Вот эту сумму, - сказал, - в стерлингах или в русских кредитках - за его голову. Объявите по волостям, по станциям, по дорогам... Такие деньги на земле не валяются!

Глава четвертая

Начинали работать по старинке. Как в царские времена. Еще с осени собирались на квартире Карла Теснанова, председателя путейских профсоюзов. На столе - бутылки с водкой, шипело прогорклое пиво в мутных стаканах. Теснанов уже не молод, женат, и две девочки в розовых платицах выходят к гостям, делая книксен. Склонив к гармонии голову, задумчиво играет Миша Боев.

Все это - для конспирации... Пора браться за работу.

- А я уже работаю, - говорил Иванов, радиотелеграфист с дивизиона траления. - С того самого дня, как англичане пришли, каждый вечер рубку закрою и стучу в Вологду, пусть знают, что у нас тут творится... Опять же и поручик Николай Александрович Дрейер. Его вот здесь нет, и очень жаль. Ледоколы-то - за ним, а тральщики бы их завсегда поддерживали...

Аня Матисон и Клава Блезина достали из сумочек наганы. Славные конторские барышни, они положили их на стол, а там, в сумочках, осталось интимное - платочки, зеркальца, помады.

- Мы давно готовы... - сказали девушки, пунцово покрасневшись. Нужен беспощадный террор, как в старые времена. Убить Чаплина, его надо убить в первую очередь, потом - Айронсайда, Марушевского, генерала Миллера. И наконец, есть еще очень опасные для нашей Шестой армии люди: полковник Констанди и капитан Орлов...

Решимость девушек была такова, что мужчинам отступить было просто стыдно. И тут жалобно всхлипнула гармонь - Миша Боев перестал играть.

- Девушки, - сказал он нежно, - эти вот драндулеты, - и показал на оружие, - вы, милые, спрячьте и никому не показывайте. Вижу я вот там у вас всякие помады, чтобы краситься... Это хорошо, это мне даже нравится. А наганы - нет, не надобны оне. Нужна работа иная. В пригородах. На запанях. В доках. Да по казармам. Станок есть. Надо печатать.

- Что печатать? - спросили его. - Ты знаешь?

- Да хоть - деньги... - ответил Миша, и все засмеялись.

- Это верно, - поддержал его Карл Теснанов. - Денег у нас нет. А деньги нужны. И для работы. И для помощи арестованным товарищам... Разве не так? Может, с того и начнем, что попробуем тиснуть на станке

"моржовки", а?..

Все с этим предложением согласились.

- А надо мной-то чего смеялись? - спросил Миша Боев и снова заиграл, прикрывая вальсом "Дунайские волны" всю тайну собрания.

Худо ли, бедно ли - стали работать. Разрозненные ячейки объединили. Теперь коммунистов (активных) было сорок человек. Взвод!

Попытка печатать на станке "моржовки" и "чайковки" не удалась: краска расплывалась, не было совмещения в сетке. Но зато листовки получались хорошо. Даже отлично! Прогнали первый тираж в январе - пятьсот экземпляров, как пробный. Никаких задач поначалу не ставили, только рассказывали: об ужасах тюрем Иоканьги и Мудьюга, о расправах в селах с беднотой и прочее.

Главной ошибкой подпольщиков была их ставка на низы города. На самые глухие и нищие окраины они перенесли типографию, явки, склады, - а ведь именно беднота была под самым зорким надзором контрразведки и Союзного контроля. Полковник Торнхилл, прибывший с Мурмана в Архангельск, отлично владевший русским языком, плавал и здесь как рыба в воде...

Мишу Боева снарядили под возчика, заложили ему росшивни сунули за армячишко фальшивый паспорт и наказали:

- Гона прямо на Вологду, к товарищу Кедрову. Доложи, что мы тут время даром не тратим. Пусть знают и пусть помогут...

По городу, в окружении мотоциклистов, разъезжал генерал Миллер, чем-то похожий на того моржа, который вылезал из проруби на кредитках Северного правительства (рисовал моржей хороший художник Чехонин). Постепенно Архангельск пустел от дипломатических миссий, и теперь англичане окончательно забрали все дела интервенции в свои хваткие руки. Нуланс уехал не один: он увез в Париж и "премьера" Чайковского. Не сумев разобраться в Архангельске с куделью и паклей, отныне Николай Васильевич за границей становился неоспоримым авторитетом по знаменитому "русскому вопросу"...

Оставшееся в Архангельске правительство потеряло своего последнего "социалиста": кадеты и монархисты взяли верх. Начиналась диктатура двух людей - Айронсайда (со стороны англичан) и Миллера (со стороны белой армии).

В один из дней, когда подпольщики собрались неподалеку от Мхов, в бедной хижине рабочего с запаней, вошли к ним три человека, и дверь за собою - дверь вела в сени - оставили открытой.

- Здравствуйте, - сказали они, снимая котелки.

Это были видные меньшевики Архангельска: Ключев, Цейтлин и Наволочный, вслед за ними шагнул мастеровой Бечин. Держались меньшевики пасмурно и виновато. Сели рядом на стульях вдоль стены. Разговор начал Бечин - как посредник.

- Я могу считать себя беспартийным пока, - начал он. - Но вот мои товарищи, меньшевики, они в оппозиции к Советской власти. Получилось скверно! Товарищи Цейтлин, Наволочный и Ключев попросили меня примирить их с вами.

- Да, - сказал Наволочный, - волею интервенции получилось так, что мы предали и дело революции, и дело рабочего класса. За это, как видите, мы работаем в Архангельске легально. У нас - помещения, печать, союзы, паек. У вас же ничего этого нет, и в перспективе - расстрел на Мхах, неподалеку от этой квартиры. Однако мы заявляем о своей готовности порвать с прошлым и примкнуть к вам...

Карл Теснанов ответил:

- Примкнуть к нам - значит уйти в подполье и закончить свою жизнь в лучшем ее варианте - на "Финляндке"!

- Не забывайте, - отозвались меньшевики, - что мы, в отличие от вас, имеем возможность действовать легально. О том, что мы стали большевиками, будете знать только вы. Сейчас близится годовщина Февральской революции, и надобно использовать возможность легального воздействия на массы...

Карл Теснанов показал на раскрытые двери:

- А кто там еще... за вами?

Из темноты сеней блеснули золотые зубы архангельского врача Борьки Соколова. Он шагнул к свету, присел рядом с меньшевиками:

- Вы знаете, что я эсер, и не последний в этой партии. Понимаю: в одном котле не сварить сладкий шербет и луковую похлебку. Дело рабочего класса предано... сам вижу! Если угодно - виноват. Но сейчас я, пожалуй, заодно с вами. Может, когда вы победите, вы меня к стеночке и прислоните... Может быть! Потому что борьбы с вами я не прекращу. Но я все продумал и пришел к выводу, что сейчас - при интервенции - я с вами, ребята...

Дрейеру тоже было предложено выступить на митингах.

- Я отказываюсь, - ответил Дрейер. - Я - большевик и не буду приветствовать годовщину революции буржуазной...

Уговаривать его пришли девушки - Клава Блезина и Аня Матисон, тайно влюбленные (тайно и безнадежно) в курчавого поручика.

- Ты... несчастный ортодокс! - сказала Клава.

- И ты не понимаешь всей сложности политической обстановки, - добавила Аня Матисон.

Дрейер уговорам не поддавался:

- Я ее очень хорошо понимаю, эту обстановку. И я согласен выступить. Да! Но только в годовщину революции Октябрьской.

- До октября, - был ответ, - мы вряд ли доживем!

- А для этого, - заметил Дрейер, - нужна конспирация не такая, как у вас, мои милые. Почему Борька Соколов пришел к вам на явку, как на именины? Точно по адресу? Точно вовремя?.. Я не дорожу своей шкурой, но о жизни, о ее полезном продолжении нам, большевикам, думать следует! И не совать башку в петлю, когда можно носить галстук...

Все это время интервенции Дрейер вел себя стойко. Открыто называл себя большевиком, и об этом знали многие в Архангельске - кому надо и кому не надо. Поручик Адмиралтейства продолжал службу на "Святогоре", поднятом англичанами с грунта, общался с радиотелеграфистом Ивановым - другом Миши Боева. Были у Дрейера какие-то еще подпольные связи, которые он умело затаил ото всех. Связь с аванпортом Экономия, с сухими и мокрыми доками при соломбальских эллингах. Была у поручика еще одна связь, законспирированная столь глубоко, что о ней даже никто не догадывался...

К подъему флага на ледоколе - в минуту восхода солнца над миром штурман Николай Александрович Дрейер появлялся на палубе, никогда не опаздывая. Шинель с погонами - опрятная; на фуражке - ни кокарды, ни звездочки. Пели, разрывая рассвет, печальные горны, и, приветствуя флаг, скользящий по фалам навстречу солнцу, рука Дрейера привычно вскидывалась к виску - честь!

- В эту бы руку, - заметил однажды адмирал Виккорст, - да еще бы пистолет, наполненный водою... Поручик Дрейер, я просто удивляюсь вам! Неужели вы не желаете добровольно уйти от своего позора?

- Я не опозорен, ваше превосходительство, - отвечал Дрейер. - Я остаюсь при своем. И не доставлю вам удовольствия видеть меня покончившим с собою, как забеременевшая курсистка!

* * *

Генерал Евгений Карлович Миллер был пьяницей особой формации, еще гусарской: он имел флягу, которая по форме своей как раз подходила к кобуре револьвера. Охранять его - это дело охраны, а его дело - выпить и закусить, когда хочется. Иногда фляга совалась за голенище, тогда, в кобуре носилась легкая закуска.

Миллер был всегда начеку: выпил и закусил... Хорошо!

В прошлом начальник кавалерийского училища, потом военный атташе России при итальянской армии, он был горд своим предком - известным историком Сибири Гергардом Миллером, в давние времена выехавшим на Русь из Вестфалии. Дело прошлое! Вернемся к незабвенному Евгению Карловичу, похожему на моржа...

Вопрос: был ли Евгений Карлович когда-либо бит?

Ответ: да, был! Евгений Карлович Миллер был избит своими солдатами в дни февраля 1917 года, и вот теперь годовщину его славного избиения собирались праздновать рабочие Архангельска.

- К чему такая честь? - вздыхал Миллер, не охотник до юбилеев. - Надо бы запретить праздновать годовщины февраля...

Марушевский был гораздо умнее Миллера.

- Евгений Карлович, - ответил он, - необходимо проявлять максимум гибкости. Терпите же вы на посту вице-губернатора губернского комиссара Игнатьева? Так потерпите, ежели городская дума устами меньшевиков и эсеров проведет славный юбилей революции, которая имеет право называться "великой и бескровной".

- Вы, любезный Владимир Владимирович, сидели тогда при "великом" Керенском, и потому она стала для вас "бескровной". А вот для других генералов... Эх! - крикнул Миллер, вспоминая, и распахнул кобуру, чтобы выпить и закусить...

- Не беспокойтесь, - утешил его Марушевский. - Я уже отдал приказ: каждому офицеру в дни юбилея иметь при себе винтовку. Даже отправляясь в бардак к девкам, офицер понесет с собою винтовку с двумя запасными обоймами...

"Володинька" свел разговор к шутке, но это было правдой: накануне юбилея "великой и бескровной" все готовились к пролитию великой крови. Даже спали в обнимку с оружием. По городу ползали броневики с пулеметами. А однажды с визгом, пугая прохожих, проскакала странная конница. На лошадях ехали женщины. В несуразных плащах и в театральных масках. Длинные маузеры в руках барышень стучали пулями...

- Это еще что за новость? - удивился Марушевский.

Ему доложили, что прибыла из Англии знаменитая Машка Бочкарева и уже создала отряд архангельских амазонок для борьбы с большевизмом. Марушевский понимал: чичиковщины было уже достаточно (просто удивительно, как англичане, неглупые люди, сами не сознавали того, что имеют дело с комиками из провинции).

От очередной глупости Марушевскому тоже захотелось сейчас и выпить и закусить; он просто осатанел от ярости:

- Эту стерву Машку... ко мне! Живо!

Ох, сколько мяса закатилось к нему в кабинет! Четыре креста на высокой груди не висели, а лежали - как на подносе. А из-за плеча доблестной Машки торчала голова пламенного любовника Джашвили (вот уж кто хорошо устроился, так это он, бывший сотник конвоя).

- Сударыня, - вежливо произнес Марушевский, - объясните нам, пожалуйста, кто вам давал право носить штаны и погоны?

- Я - Бочкарева! - был ответ.

- Хорошо, мадемуазель Бочкарева, но я еще раз спрашиваю вас: почему вы в штанах, черт побери?

- Я - Бочкарева! - был ответ.

- Вы... мужчина?

- Нет... девушка.

Тогда Марушевский набросился на Джашвили.

- А вы? - спросил с ядом. - На что существуете?

Джашвили твердолюбо отрапортовал:

- Адъютант командира героического ударного женского батальона смерти, бывший сотник конвоя его императорского...

- Стойте! Я не о том вас спрашиваю: вы... тоже девушка?

- Я мужчина, - сказал Джашвили, посмотрев на Машку.

- Мужчина, - подтвердила она.

- Кру... хом! На фронт, рядовым, шагом... арш!

С мужчиной было покончено. Дело теперь за Машкой, которая вдруг завyla в голос, как деревенская баба (ее можно понять - всегда неприятно, когда разлучают с любовником).

- Вот теперь, - сказал Марушевский, - слыша ваш прелестный вой, я убедился, что вы действительно слабого пола... Князь Леонид, войдите сюда! (явился адъютант - князь Гагарин). Вы, - спросил его генерал, когда-нибудь видели такое чудо?

Через стеклышко монокля князь обозрел великолепные телеса.

- Симпампончик! - сказал князь Леонид, не лишенный юмора.

- Вам когда-нибудь приходилось раздевать женщин?

- Еще бы! Но с тяжелоатлетами я дела не имел.

- Ничего. Что тонкие, что толстые - все раздеваются одинаково. Вот вам объект и - приступайте...

- Я - Бочкарева!! - орала "ударница".

- Вы слышали, князь? Так, наверное, Бонапарт говорил о себе: "Я Наполеон!" Приведите ее в божеский вид, predetermined для женщин матерью-природой.

Гагарин намотал на палец шнурок от монокля.

- Историческая личность в России, прошу вас проследовать со мною в отдельный кабинет, где мы пребудем наедине...

Машка Бочкарева - уже в юбке! - сумела прорваться к Колчаку, благо армия адмирала была недалеко; там она, проклиная архангельскую диктатуру, снова надела штаны. Колчак был рядом: две армии тянулись и тянулись одна к другой, казалось временами, что еще немного, еще одно напряжение фронтов и сомкнутся руки Миллера и Колчака. Но... коснулись один другого только кончиками пальцев: пожать рук помешала Шестая армия!

Архангельск переживал смятенные дни. Непокойно было. Многие из числа интеллигенции и буржуазии, уже пройдя через "Ревизию М. С. Кедрова", примирились с Советской властью, когда грянула вдруг интервенция. Она застала их врасплох. Она усугубляла вину людей перед Советами, она отрывала многих навсегда от России. Теперь, снова запутавшись в паутине контрреволюции, эти люди видели исход в одном: бежать! И потому местная интеллигенция и буржуазия были кровно заинтересованы только в одном: обратить все, что поддавалось продаже, в иностранную валюту, чтобы обеспечить себя для жизни в эмиграции. В устойчивость белого режима никто не верил, царило полное равнодушие - и слева, и справа - к делам "правительства"...

И вдруг взбурлили предместья митингами, - юбилей!

Все выступления были большевистскими: говорили в эти дни товарищи Теснанов, Бечин, Цейтлин, Наволочный - и были тут же арестованы. Начался судебный процесс, весьма громкий, вершившийся по законам старой Российской империи.

- Сводка погоды, - доложил в эти дни Марушевский генералу Миллеру, просто отвратительная...

Миллер еще не совсем освоился с местными условиями.

- Но при чем здесь погода? - спросил он, недоумевая.

- Укрепляется снежный наст, - ответил Марушевский. - А это грозит нам новыми осложнениями...

- Наст? Но при чем здесь наст?

Марушевский объяснил это Миллеру, а теперь мы объясним тебе, наш читатель...

Чуть появится февральское солнышко, глубокие толщи снежного покрова, до этого почти непроходимые, легонько подтаяв, укрепляются морозными утренниками, - и тогда получается корка льда над снегами, по которой можно бежать куда угодно, как по гладкому шоссе.

Большевики тоже внимательно следили за погодой. Неуловимые партизаны-зыряне шныряли по тылам интервентов и, закинув ружье за спину, укрепляли на деревьях листовки. В самое логово противника - в Архангельск посылали большевиков, знающих иностранные языки. Они поступали на службу к интервентам. Они носили форму Славяно-Британского и Иностранного легионов. Они ели за одним столом с противником, вместе пили и пели. Они смотрели в глаза своим врагам, как друзья, - и в этот рискованный момент они действительно были друзьями. Каждый боец Шестой армии, идя в атаку, был обязан оставить на стороне противника хоть одну листовку... Вот что такое наст!

* * *

...По этому насту, цыкая на утомленную лошаденку, вернулся в Архангельск и Миша Боев.

- Скройся, - говорили ему. - Тебя ищут.

- Во! - отвечал Миша и показывал колыт.

Как раз в это время Миллер стал сколачивать крепкое ополчение. На рукавах - трехцветные повязки, а на шапке - крест, ополченцев так и называли для удобства - "крестики" (пришлите, говорили, сорок "крестиков"). И снова встал вопрос о призыве в армию рабочих...

Миша Боев привез из Вологды от товарища Кедрова две тысячи рублей. Теперь их надо было перевести на валюту. Окольными путями - через Иванова деньги перешли к поручику Дрейеру.

- Я согласен их обменять, - сказал он. - Но при одном железном условии: вы никогда не должны меня спрашивать, как и через кого я это сделаю...

Его не спрашивали. Дрейер сделал - добыл валюту. Теперь можно было помочь заключённым товарищам, закупили бумаги и красок. Появилась новая прокламация, подписанная так: "Архангельский исполнительный комитет коммунистической партии большевиков". В этой прокламации дали четкий наказ всем рабочим Архангельска:

1. В белогвардейскую армию вступить.
2. Оружие для борьбы брать.
3. Момент для восстания выжидать.

Каждодневно арестовывали все новых людей. Вокруг Миши Боева уже почти никого не осталось. Взяли и девушек - Аню Матисон и Клаву Блезину; приговор один - на Мхи темной ночью. Приговорили к пуле и Теснанова! Меньшевикам, выступившим на юбилее с большевистскими речами, дали по пятнадцати лет Иоканьгской каторги (а там и пятнадцать дней с трудом выживали)...

- Скройся, - говорили Мише. - Дурак! Ведь тебя ищут.

- Во! - И Миша показывал кольт.

Ночью на тральщике с боем брали радиорубку. Иванов отстреливался. Когда его вели к трапу, уже связанного, он заплакал:

- Ну, братцы, прощайте. Я свое отстучал как мог... славно! Связь подпольщиков с советской Россией была потеряна после ареста этого ладного парня...

В эти тревожные дни для укрепления своей армии Айронсайд вызвал с Мурмана пехотный Йоркширский полк. Британские солдаты шли через Онегу, потом сели в сани - поехали трактом на Обозерскую. Вот и деревня Чекуево; здесь они собрали митинг. "Долой войну!" - долетело от Чекуева до Архангельска, и Айронсайд был оглушен...

Кто будет усмирять? Французы? Американцы? Канадцы? Сербь?

- Мне очень неловко, - признался Айронсайд, - но ничего больше не остается, как обратиться к помощи-русских...

Йоркширский полк усмирляли русскими пулеметами.

А кто виноват? Виноват снежный наст...

Мишу Боева взяли на улице и отвели в комендатуру.

- Сиди здесь. - И показали на лавку.

Он сел. Прямо на улицу вел длинный коридор. В сенях стояли дворницкая метла и скребок. Миша посидел-посидел. Миша подумал-подумал... Взял метлу, в другую руку скребок и преспокойно вышел на улицу. Его выпустили из ворот комендатуры как... дворника.

Ему встретился Гриша Щетинин - свой парень.

- Ты откуда?

- Прямо из британской комендатуры.

- Врешь! - не поверил Гриша Щетинин.

- Что мне, креститься? А ты... куда?

- Через фронт. Тикаем вместе. Здесь нам - крышка.

- Во! - показал ему свой кольт Миша Боев.

На следующий же день он попал в облаву.

- Эй вы! Собаки... "крестики", не подходи! У меня - во!

Кольт бил наотмашь. Варежку он отбросил. В глазах темно от ненависти. Погибать так погибать...

- Бросай, дурак! - кричали "крестики". - Себе хуже сделаешь!

- Мне хуже вашего не будет, - отвечал Миша.

Вот и последняя обойма. Затиснул. Взвел курок. Холодно студило руку железо. Ну, теперь бы только себя не забыть...

Первая пуля - пошла... вторая - пошла... четвертая!

И прознобило спину ужасом: "Оставил ли?"

Миша Боев всхлипнул как-то по-детски, словно его обидели.

Мушка пистолета царапнула висок... Грохот!

"Оставил", - мелькнула последняя мысль.

Когда к нему подбежали, он был уже мертв. Офицер ополчения - "крестик" - заглянул в магазин оружия.

- Ну и ну! - восхитился невольно и снял шапку. - Последняя! Магазин пуст...

Глава пятая

А на Терском берегу Мурмана началось все это просто. Даже слишком просто...

* * *

Был ранний час, когда они робко вошли в деревню Колицы, побуждаемые к риску голодом. Поморское селение глядело на морской припай льдов маленькими окошками.

- Пе-ечи класть! - выпевал дядя Вася. - Стек-лы-ы вставлять!

Поморы спросили его, показав на поляка Казимежа Очеповского:

- А эвтот твой что умеет?

Дядя Вася стал расхваливать своего товарища:

- Он фельшер военный был, поляк короля Хранца-Осипа. Ежели какая баба стыда не имеет, он тую самую бабу возьмет и вежливо осмотрит. Потом в самой точности скажет: какая ей болезнь вышла и от чего она помирает. Берет за врачевание хлебцем. Ну, и рыбку от вас возьмет - не погнушается... Так, Казя?

- Примерно так, - согласился Казимеж Очеповский.

- Хорош гусь! - загалдели мужики, смеясь. - Он наших баб оглядит так на так, а мы ему за это еще и хлебца давай... Поляки, они страсть как хитрушшие!

Очеповский шагнул вперед:

- А будь и ты хитрым, кто тебе мешает? Впрочем, - добавил, - могу и швейную машинку починить. Пулеметы... тоже чиню! Если, конечно, ваши бабы на пулеметах шить умеют.

Поморы одобрительно потешались.

- Хитрый, - говорили, - по глазам видать. Да и зубов нехватка... Видать, откеда-то убег, а зубы свои на память оставил.

В фуражке почтового ведомства к беглецам подошел богатей Подурников и покачал на цепке золотыми часами:

- Третий год как стоят... Очинишь?

- Могу, - сказал Казимеж, а самого мотнуло от голода к избяной стенке.

- Отчего не попробовать?

- А я и не дам. - ответил ему Подурников, пряча часы обратно в карман жилетки. - Три года не ходили, и еще потерпеть можно. Мы не астрономы, слава богу, чтобы звезды рассчитывать. А часы - при нашей особе состоят непременно... Проба имеется!

- Дурак ты, - откровенно сказал ему Очеповский.

- А это как понимать! - И Подурников важно покрасовался перед мужиками. - При дворе короля твоего Франца-Осипа, наверное, и затеряюсь среди камергеров, а здесь, в родимой деревне, меня в поленнице дров искать не надо - всегда сам на виду... Ты кто таков?

- Поляк из Вены, в шестнадцатом перешел на сторону русских. Попал в корпус Довбор-Мусницкого. А когда поляками в Архангельске стал командовать француз Жантиль, я...

- Чего якнул и остановился? - спросил Подурников.

- А для тебя и этого хватит, - ответил ему Казимеж.

Тут поморы вступились за беглецов:

- Оставь ты их, смола худая! Нешто не видишь, что их голодуха шатает? У них борода горит, а ты, Подурников, у той горящей бороды руки погреть хочешь... Пошли с нами, - сказали мужики.

В избах у них - чистота, порядок; вышивки и занавески. Много нарядов в сундуках, много жемчугу на уборах жёнок; в каждом доме граммофон и швейный "зингер", - поморы жили богато. Помимо книг духовных читают и "светское": Пушкина, Шеллера-Михайлова, Зарина, Загоскина и графа Салиаса. А имена-то какие у мужиков здешних: Никодим да Сосипатр, Африкан да Серафим, бабы всё больше - Анфисы да Степаниды...

Посадили беглецов за стол, потчевали от души. Размах у них был сатанинский. Началось кормление с чашки огуречного рассола с крошеным хлебом, и Казимеж толкнул дядю Васю: мол, небогато... Но тут уже поставили котел с кашей - да такой котел, что не каждая собака его перепрыгнет. Потом пошли бабы (Анфисы да Степаниды) швырять на стол тарелки с разным - и раз от разу всё жирнее, всё уваристее, всё погуще...

- Умираю, - сказал Казимеж, осоловев от сытости.

- Похороним! - отвечали поморы, довольные. - Тока перед смертным своим часом кусни-ка вот яишенки с оленинкой... Во тебе огузочек пожирнее! А коли невмочь, так, эвон, на дворе чурбачок лежит. Выйди, ляг на него пузом да покатайся. Оно тогда полегшает, и в тебя, мил человек, больше пиши и влезет...

На дворе действительно лежал древний чурбан, обкатанный животами

поморов еще с XVIII столетия на пирах в масленую неделю да в разные там мясоеды и разговления.

- Мы - поморы! - говорили мужики гордо. - Нрав у нас особый, от Господина Великого Новгорода корень свой производим. Мы царя Ваньку Грозного, уж на что лют был зверь, и того не признали. Здеша вот затаились мы спокон веку. Сторона-то наша, чего греха таить, задвённая. Близко морюшка сели, земляца не родит. Что в море упроемыслим, то и наше. Ликуй и радуйся, человек божий!.. А ныне стало не совладать нам с нервами...

- Могу вам бром выписать, - пошутил Казимеж.

- Мы уж и бром и ром - всяко пробовали. Не совладать!

- А что случилось, люди добрые? - спросил дядя Вася, вкушая пищу.

- Приезжали тут чины земские. Комиссия, яти иху мать всех! И нам, свободным людям, самого Ваньки Грозного не пужавшимся, говорят так чтобы мужик снимал шапку, а бабам нашим велено при начальстве кланяться таким маниром... Эй, Степанидуш-ка, покажь добрым гостям, как тебе велено ныне кланяться! Баба оставила ухват, встала посередь избы и отвесила дяде Васе и Казимежу глубокий поясной поклон; руки женщины, сильные и мужественные, покорно лежали на животе.

- Тьфу! - сказала баба и выдернула из печи громадную сковородку. Яишня пошла, - объявила. - Разевай рты, мужики...

Брякнули колокольцы с тракта, что тянулся на Колицы от самой Кандалакши. Очеповский глянул в окно и вдруг побледнел.

- Что увидел? - спросил его дядя Вася.

- Сэр Тим Харченко, - ответил поляк. - Комиссар его величества короля Англии прибыл в Колицы... дело грязное!

* * *

Остановившись в избе Подурникова, сэр Харченко объявил:

- Ломай собрание: всех с 1889 года рождения будем стричь под одну гребенку. Отечество в опасности, его спасать надо...

Олени, привезшие его в Колицы, мотали рогами под окнами избы. Из-под копыт их летел в пути снег, этот снег проник под шубу Харченки, и все сигареты были всмятку. Подурников дал ему своего табачку, а газетки не было... за газеткой надо в Кандалакшу ехать.

- Вот тебе книжка, - сказал Подурников. - Дочка моя все глаза в нее проглядела. Рви, сэр, смело... Дочка восемь раз прочитала!

Харченко оторвал первую страницу, читанул сначала:

- "Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему..." Ты что-нибудь понял из этого,

Подурников?

- Да чепуха какая-то, - отозвался Подурников.

- Добро бы так, - сказал Харченко, - а то ведь они за такие книжки деньги получают. Такая гонорария им перепадает, что... Ну, миллионщики прямо эти вот самые писатели. Они ерунду напишут, денежки получают, а мы, как дураки, читать их обязаны.

- Ну? - удивился Подурников.

Харченко стал вертеть сигарку. Громадный браслет из краденых ложек крутился на запястье бывшего аскольдовского машиниста. Ничего не скажешь: вырос Харченко, джентльменом стал, а теорему Гаккеля, кажется, уже позабыл. А может, еще и помнит: у таких баранов прекрасная память... Сигарка получилась длинная, и, раскуривая ее, он вычитал на одной ее стороне продолжение:

- "Все смешалось в доме Облонских..." Ну и пусть смешалось. Нам дела до них нету! Как бы вот мобилизацию провести...

Мужиков деревни Колицы собрали у крыльца волостной избы, и Харченко зачитал им приказ мурманского генерал-губернатора Ермолаева о новом призыве в армию. С неба сеял маленький снежок, от моря малость подрастеплело, лед пошел вдалеке темными разводьями. Все было хорошо, бабы топили печи, война громыхла где-то далеко, начиная от Кандалакши, и мужики почесывались.

- Мы что? - говорили они невнятно. - Мы люди вольные. Как бабы нам скажут - так тому и быть. Без баб мы голосу не имеем! На бабах все хозяйство держится, они и детей наших подымают, пока мы в море болтаемся. Они и дому голова, а мы - грешные - так себе, только вольные мужики... Нам твоего одного Ермолаева мало, нам надобно, чтобы от баб наших такой указ вышел!

А бабы, стоя в сторонке, кричали на Харченку слова обидные:

- Из-под какого ты хвоста выпал?.. Мужики, ежели што, так не приведи бог, домой не пустим. А усю вашу самогонку на снег выпустим... и будете ходить тверезые... Стойте накрепко! Не идите!

И вдруг с конца деревни послышалась песня:

Deutschlang hat nur
marmelade,
marmelade,
marmelade...{28}

Появился местный герой, трижды георгиевский кавалер Антипка Губарев. Ног у него не было: две культы, обмотанные в тряпки, привязывал он по утрам к лыжам. Инвалиды такого рода обычно катаются на

колесиках. Но здесь тебе не панель, а деревня, и Антипка приспособил под свое уродство пару лыж, укороченных для удобства. Отталкивался он от снега руками, обязательно без варежек, ибо руки у него никогда не мерзли.

Вот подкатил он к сходке, грудь нараспашку, звенел бант Георгиев, а пять английских бомб - рубчатых, как ананасы, - устрашающе качались возле пояса калеки.

- Что за шум? - спросил строго. - Почему драки нету? Увидев бомбы возле пояса пьяного, Харченко передвинул кобуру на живот; между прочим (вроде от снега), накиннул на шапку американскую каскетку - широченную, плоскую. В толпе баб снова послышался смех - опять обидный.

- Смотри, люди, шляпа кака! Даже со спины кроет. Видать, и со спины его дела плохи бывают...

Тут Антипка бросил на снег свою шапчонку и воскликнул:

- Вся жизнь - трагедия, как в театрах... На алтарь отечества приношу себя вместе с яйцами (и покачал на поясе бомбы). Яйца при мне, а ног, комиссар, нету... Пиши! Я и есть с 1889 года рождения, а все остальные, скажу тебе по правде, не пойдут в твою армию. Потому как бабы, сам слышал, завсегда против!

И вдруг Харченко заметил в толпе Очеповского. Поляк встал на крыльце рядом с комиссаром и цинготным, ужасным ртом выкрикнул на мороз:

- Я знаю этого человека! Мужики, вы ему не верьте: он выдает себя за комиссара. Но он не тот комиссар, какие бывают у большевиков... Он палач-душегуб, и в концлагере на Иоканьге заодно с капитаном Судаковым мучил и убивал людей...

- Большевик! - испуганно сказал Подурников.

- Нет, я не большевик, - ответил ему поляк и, резко нагнувшись, отцепил от пояса калеки одну бомбу. - Я только поляк и сейчас пробираюсь на родину. Но путь мой лежит через большевистскую Россию. Так что я сейчас с вами - с русскими...

- Мы тебя арестуем, - сказал Харченко. - Мужики, не верьте! Это каторжник, он бежал из Иоканьги...

Антипка с радостным хохотом срывал с пояса бомбы. Он был весел, как никогда: сейчас будет хорошая драка.

- Неправда! - возразил Очеповский и дал Харченке бомбой по морде. - Я разве бежал, собака ты поганая?.. Меня отпустил ты - ты сам и отпустил меня. Судаков бы не отпустил никого из Иоканьги! Ты отпустил! А за что - я сейчас расскажу этим людям...

Харченко бессильно отступил. Два солдата, прибывшие с ним, засели в

избе Подурникова и наверняка сосали самогон. А он один, совсем один перед толпой, и этот черный рот поляка...

- Стой! - заорал он. - Не надо говорить. Я сам скажу...

Дядя Вася вывернул Харченке руку и отнял револьвер.

Мужики повернулись к своим женкам.

- Бабы, как быть? - спрашивали. - Уйти нам али как?

- Стойте накрепко, - отвечали бабы. - Эй, родименький! Говори как есть всю правду, не таись...

- У этого человека, - показал Очеповский на Харченку, - была жена, он привез ее из Колы в Иоканыу уже на сносках. Однажды ночью меня вызвали из барака, как фельдшера. Его жена должна была родить. Я принял роды... Так? спросил он у Харченки.

- Ну так... мертвенького принял!

- И когда женщина родила, живого и здорового, этот негодяй взял ребенка и выбросил на мороз... прямо в снег!

Толпа ахнула, бабы остервенело кинулись на Харченку:

- Дитятю-то? Ирод ты... Мужики, бейте его! Душеньку невинную погубил... Антипка! Где ты? Начинай яйца свои кидать...

Инвалид и кавалер раскатился на лыжах в сторону:

- Сторонись, толпа, разбегайся, народы... Сейчас жахну!

Все горохом сыпанули по улице. Калека плюнул в руку, подкинул в ладони кругляш граненой бомбы и ловко шваркнул ее в крыльцо волостной избы.

- Ложись! - крикнул, сунувшись носом в утоптаный снег.. Когда дым рассеялся, все увидели искореженное взрывом крыльцо, черные пробоины в окнах, но Харченко успел мотнуться в сторону. Упряжка оленей покатила его прочь из Колиц, а два пьяных солдата, забыв у Подурникова винтовки, безуспешно пытались нагнать быстроногих оленей, увозивших от них "комиссара".

Дядя Вася выскочил из подурниковской избы, в руках - винторез. Грянул выстрелом. Мимо - солдаты удирали.

- Это надо уметь, - сказал Очеповский. - Смотри, вот так... Два четких выстрела раскололи тишину, и две тени легли вдали.

Не люди, уже тени... Так закончилась мобилизация в деревне Колицы, и скоро надо было ждать карателей. Поморы, уже не таясь, спросили у дяди Васи, где они остановились.

- Да шут его знае, - ответил печник. - Избенка такая недалеко, на бережку, под камнем большим...

- А-а, - сразу догадались мужики. - Так это, милый мой, вы на речку

Лувеньгу забрались. Эту избу мы знаем. Тамотко, ежели подале пройти, еще избы стоят, - в них дезертиры жительствоуют.

Очеповский вскинул винтовку на плечо:

- Ну, кто из вас баб не боится, пошли до лясу!

- Мы люди особого нраву, - отвечали поморы, - мы люди вольные. Советская власть, оно, конечно, и ничего. Но тут вить аглицкие люди поспели... Как бабы скажут - так и мы решим...

Бабы им сказали:

- Мужики, на чужих людей нам, вольным людям, не равняться. Будем свою власть заводить... Сбирайтесь - до лесу!

Деревня Колицы вступила в партизанский отряд, вся, как один человек (не посмел отказаться даже Подурников). А когда подходили к тупе на Лувеньге, то увидели, что печка дымит, а на снегу солдат в расхлястанной британской шинели колет дрова.

Залегли для начала. Освоились. Встали:

- Бросай топор... Руки вверх!

Оказалось, что это дезертиры из финнов и карелов, которыми командовал комиссар большевик Юсси Иваайнен; батальон его, созданный когда-то Спиридоновым, совершенно вышел из-под влияния англичан и теперь разбрелся по лесам, хорошо вооруженный...

Ломая на колене сучья, Юсси топил печку и рассказывал:

- Фосем солтат с я, тевятый... Сачем на шинель смотрел? Корошая шинель. Мой репята - короший репята!

Хорошие ребята утащили в партизанские скитания восемь автоматов новейшего выпуска. И когда дали пробную очередь по кустам, то кустов - как не бывало.

- Эта пуля "тум-тум", - сказал Иваайнен. - В листик терева пуля - тык, и всрывался она... эта пуля "тум-тум"!

В лесу долго не высидели - потянуло обратно к избяному теплу, к бабам. И всем табором двинулись на Колицы. Дядя Вася в избе волостного правления поправил печку, развороченную взрывом, вставил стекла. Подняли красный флаг над крыльцом. Из лесной тундры приплелись к ним страшные, вшивые, заросшие волосами до плеч дезертиры-белогвардейцы. Это были "крестики" первого ермолаевского набора, и все они имели оружие.

- Где здесь красные? Мы к ним... простите?

- Простим, - ответил им дядя Вася, - когда вшей вытрясите да в баньку сходите... Почему не простить нам вас, чистеньких-то?

Шли долгие споры, кого назначить старшим. Все мужики и бабы горой

стояли за поляка.

- Он хитрый, - говорили, - с таким не пропадешь...

- Нет! - возразил Очеповский. - Революция русская, и командир должен быть русским. Лучше дяди Васи не найти! Он тоже хитрый. А я обещаю всем бабам бесплатно машинки швейные починить. Починю их и почищу!

Дядя Вася долго отнекивался от такой чести:

- Мы ж - печники. Мы, рязанские, по найму... Печку вам какую хочешь скидаю запросто. Даже голландки можем. Только, товарищи, со всей серьезностью заявляю: нынеча кирпич худой пошел, его обжигать торопятся. А вот раньше, мне ишо дед сказывал...

Первый налет партизаны из Колиц сделали на селение Княжья Губа, где расположились склады с боеприпасами. Обзаводясь оружием, они стали силой.

Первый эшелон рванули на пустынной станции. Еще вагоны взрывались на путях, горящие крыши теплушек несло над лесом, когда партизаны пробились на станцию; восемь автоматов в руках финнов разогнали охрану. И тут, стоя возле барака станции, дядя Вася прочел объявление о награде за его голову.

- Господи! - огорчился старый печник. - Всю-то жизнь руки отматывал кирпичами - и едва на хлебец себе добывал. А тут ни хрена не уработался, а такие деньги за мою голову - бешеные. Вот и сподобился на старости лет: узнал себе настоящую цену... Вот когда верная цена мне пошла!

* * *

На передовую прибыла почта.

- Полковник Букингэм, вам - "Таймс".

- Давайте, - сказал полковник Букингэм.

- Полковник Сыромятев, вам - "Мурманский вестник".

- Давайте, - сказал полковник Сыромятев.

И долго потом в тишине шелестели страницы. Два полковника, русский и британский, оба в одинаковых шинелях, но с разными погонами, листали разные листы: один - широкие "Таймса", другой - узенькие "Мурманского вестника", который трижды в неделю издавал Ванька Кладов (негодяй известный)...

- Давайте, - сказал полковник Сыромятев.

- Кого? - спросил Букингэм.

- Издателя... Вы послушайте, что он пишет. Ленин бежал в Уфу (почему именно в Уфу - не понимаю), остальные наркомы бежали в Стокгольм (почему в Стокгольм - сам Ванька, наверное, не знает).

Красноармейцы тоже разбегаются, причем со слезами умоляют наших офицеров принять их в белую армию...

Посмеявшись, Букингэм ответил:

- А у меня вот неправды нет. Мой благородный "Таймс" отдает должное стойкости Красной Армии. Айронсайда ругают так же, как ругали и Пуля раньше. Но зато хвалят большевистских полководцев. Однако по настроению парламентских речей можно сделать вывод, что готовится эвакуация нашей армии из России. Черчилль заявил, что для эвакуации нужны свежие силы, безопасность эвакуации возможна только при наличии сильного удара по Шестой армии большевиков.

- Мы расстанемся, Букингэм, - вздохнул Сыромятев. - Жаль!

- Да, я тоже успел полюбить вас, полковник. Но расстаться нам придется... Пожалуйста, посмешите меня еще вашей газеткой!

- С удовольствием, - согласился Сыромятев. - Вот здесь передовица самого издателя. Значит, так... В связи с национализацией женщин в совдепии установлена при Совнаркоме новая должность - "комиссара свободной любви", этим комиссаром назначена развратная Коллонтай! А вот еще сенсация: в Тамбове большевики воздвигли памятник... Кому бы вы думали, Букингэм?

- От большевиков, - ответил Букингэм, - можно всего ожидать.

- Это верно. Но от Ваньки Кладова можно ожидать даже большего, нежели от большевиков. Фантазия этого негодяя просто неисчерпаема... Вот он здесь пишет черным по белому, что в Тамбове, при насильно собранном митинге, был торжественно открыт большевиками памятник Иуде Искарйоту. Ну разве можно верить в это?

- Все может быть... - ответил Букингэм. - Мы в Англии охотно верим этому...

Ермолаев вызвал Сыромятева на прямой провод. Полковник долго выслушивал генерал-губернатора Мурмана. Ответил ему так:

- Возглавлять карательную экспедицию на Колицкий район я не стану...

В трубке телефона перекатывался говорок Ермолаева:

- Но почему же, полковник? Вы... больны?

- Мне просто не хочется... Вас устроит такое объяснение?

- Полковник, я вам приказываю!

- Этого приказа я не могу исполнить. Ибо выполнение его грозит снова обернуться казнями. А мне это уже надоело. Я здоровый человек, и мне противно совать людей в петли!

- Я не ожидал от вас, полковник, подобных упадочнических

настроений. Вы мне всегда казались человеком честным...

- В этом вы абсолютно правы, господин губернатор. Я офицер честной русской армии, - и отказываюсь вешать русских людей.

- Ну, хорошо, - ответил Ермолаев, - я переключаю провод на генерала Мейнарда. Кто из англичан сейчас рядом с вами?

- Рядом со мною находится полковник Букингэм.

- Передайте ему, пожалуйста, аппарат. С ним будет говорить командующий союзными войсками на Мурмане - генерал Мейнард...

Сыромятев протянул трубку англичанину:

- Букингэм, ваша очередь... вешать!

Глава шестая

Аркадий Константинович Небольсин дошагал до сортировочной. На путях стоял под парами паровоз, и машинист его поджидал.

- Достал, Песошников? - спросил Небольсин, замирая сердцем.

- Один, - ответил машинист, с оглядкой по сторонам передав в руку инженера бумажку, сложенную, как пакетик для лекарства.

Аркадий Константинович вернулся к себе в вагон.

- Виктор, я достал... какое это счастье! Смотри - вот он... Брат с недоверием развернул бумажку с типографским текстом.

ПРОПУСК

на право вхождения

в Советскую Рабоче-Крестьянскую Россию.

Действителен на одно лицо и на целую воинскую часть до дивизии включительно.

- Это для меня, - сказал полковник. - А вот... вот и моя дивизия! - И он показал на притихшую Соню. - Как быть с нею?

- Мне пропуска не надобно, - ответила девушка. - А тебе, мой дорогой, этот пропуск сохранит жизнь.

- Вы так думаете? - хмуро спросил брат и замолк.

Между братьями за эти дни не установилось добрых отношений, как раньше. Они были кровно рады встрече, однако нечто незримое, но явственно осязаемое расцепляло их братские пожатия. За тонкой стенкой вагона звучали ласковые слова брата, которые он щедро раздаривал по ночам женщине, спасенной им от ужасной смерти. И она отвечала ему в ночной тишине - тоже словами ласки. Но наступало холодное утро, и опять начинались мучительные разговоры... "Куда? Куда идти русскому человеку? Где сейчас место русского офицера?"

Пропуск на право появления в пределах советской России, для него новой и непонятной, Виктор взял, но потом признался:

- Аркадий! Пойми: я проделал такой страшный путь не для того, чтобы оказаться в стане большевиков. Я приехал, напротив, чтобы драться с ними... Нещадно! Кроваво!

Небольсин-младший ответил ему на это:

- Как тебе не стыдно? Сукин ты сын... Я же все слышу: ты принимаешь ласки от молодой женщины и... Нещадно, говоришь? Кроваво, говоришь? Так начинай тогда с нее - с этой женщины! Она же мыслит не так, как ты...

Удар пощечины оглушил Аркадия Константиновича.

Страшная обида резанула по сердцу. Но слез не было. Он только сидел на стуле и качался, качался, качался.

- За что ты меня ударил? За что ты меня ударил? За что ты меня ударил? - Прости! - кратко.

- Уж не за то ли, что я так ждал тебя все эти годы?

- Прости! - опять кратко.

- Как ты мог меня ударить?!

Виктор Константинович резко остановился, взял брата за голову и сочно поцеловал в лоб.

- Прости! - повторил снова. - Ты непонятен для меня. А я, наверное, для тебя... Я иногда думаю: неужели это ты? Где ты?..

- Да, я - это я, и я здесь, - ответил ему младший брат. - Ты говоришь мне, что проделал страшный путь, который привел тебя (и я верю - привел искренне!) в стан белых. Но ты еще ни разу не спросил меня о моем пути. Поверь, этот путь тоже не был устлан шелками. И мне никто не кидал здесь цветов под ноги. Но этот путь - мой путь! - привел меня (и верь - привел искренне!) как раз в другой лагерь - в лагерь большевиков...

- И ты - большевик?

- Нет. У большевиков два градуса партийности. Есть члены партии и есть сочувствующие советской политике. Так вот, я - сочувствующий. У меня нет на руках даже бумажки, подтверждающей это. Знаю только, что в Петрозаводске я внесен в список сочувствующих партии Ленина... И это мое право, брат, выбирать пути!

- Все это очень странно, - вздохнул полковник, снова разглядывая пропуск. - Откуда у тебя это?

- Привезли с линии. В Мурманске такой пропуск достать очень трудно. Но там, южнее и ближе к фронту, такие пропуска висят на деревьях и белки заворачивают в них орехи на зиму.

- Я вижу - ты меня простил и уже шутишь, Аркашка! А мне вот не до шуток: вот уж никогда не думал, что я, русский офицер, и вдруг стану подлым дезертиром...

Из соседнего купе пришла Соня, потерла розовые ладошки.

- Можно? - спросила. - Я вам не помешаю?

- Растолкуйте, Соня, этому олуху. А я устал.

- Я не олух! - вспыхнул Небольсин-старший. - Я четко воспринимаю взаимосвязь всех событий...

Соня коснулась ладошкой его головы, пригладила волосы, и был на голове полковника пробор - тонкий и четкий, как у английского клерка, очень внимательного к своей службе.

- Уступить жестокой правде, уступить обстоятельствам, - сказала Соня тихо, словно произносила слова любви (ночные слова), - это ведь качество сильного человека. Слабый человек, - внушала она полковнику, - способен только отступить, но он никогда не может уступить. Дорогой Виктор, я ведь знаю вас за сильного человека... Вы это доказали! И не раз! Вы же очень и очень сильный человек.

- Псих! - сказал младший брат раздраженно. - И дубина! Это просто нервная дубина. Вы его, Сонечка, не очень-то замасливайте ласковыми словами!

В тамбуре, улучив минуту, Соня спросила инженера, когда же они смогут покинуть Мурманск. Небольсин ответил, что выезд из Мурманска очень сложен: надо быть терпеливой.

И снова заговорил о брате:

- Путаница в его башке (прилизанной столь отвратно) потому, что он долгие годы был оторван от России. Издалека он не смог, конечно, сложить правильное представление обо всем происходящем здесь. Я уверен, что, если бы его сунуть на денек-другой во всю здешнюю мерзость, он бы прозрел...

- Мне очень трудно говорить о нем, - ответила Соня. - Я чувствую в нем много хорошего. Но все это хорошее искажено, изломано, отравлено...

В тамбур неожиданно шагнул Небольсин-старший.

- Соня! - сказал он. - В лучшие годы моей жизни четыре женщины травились из-за меня, а двое оскорбленных мужей стреляли в меня. Я был арлекин... Сейчас все изменилось. Вот тебе моя рука, и говорю тебе в присутствии брата: ладно, я поеду в советскую Россию... ради тебя! Ты доволен? - спросил он брата.

- Не кокетничай, - ответил ему младший Небольсин. - Ты давно не в театре. Здесь проходит дорога. Дорога между жизнью и смертью. А я - ваш Харон... с молоточками на скромной путевой фуражке. Уже немало душ я отправил через железный Стикс, но не в царство мертвых, а в царство живых. Доверьтесь же и вы мне! Идите в вагон, а то дует сквозняк. А я

пошел - у меня много дел. И вы у меня не одни!

* * *

Это была сушая правда: помимо брата и этой женщины были еще двадцать три человеческие жизни, которые надо спасти. Двадцать три! И в каждом сердце, слабое или сильное, нежное или грубое; но, какое бы оно ни было, тонкое шильце пули пробивает любое сердце насквозь...

"Вагон, - думал Небольсин, - самое главное - вагон!"

В конторе его ждал приказ генерала Чарльза Мейнарда, под которым ему велели расписаться. Только потом инженер его прочитал. Мейnard писал, что "имеется немалое число русских людей, особенно среди железнодорожных служащих, главной задачей которых является создание беспорядков... Караулам отдан приказ: стрелять без предупреждения...".

В кабинет вошел машинист Песошников, выждал с минуту.

- Они, - сообщил шепотом, - уже в вагоне.

"Они" - это двадцать три человека, которых надо сберечь от мурманской контрразведки; "они" - это кадры для спиридоновских отрядов.

И путеец-инженер сказал путейцу-машинисту:

- Вагон, который долго стоит на одном месте, обязательно привлечет внимание. Надо гонять его с места на место! Понял? Пусть маневровщики не дают ему покоя. Даже в Колу! На мыс Дровяное! Куда угодно, только бы он не стоял на месте...

- А когда будут сбивать эшелон, Аркадий Константиныч?

- Собираем. Сейчас я уже не удельный князь на магистрали: что скажут англичане - то и делаю... Кстати, не читал приказ Мейнарда? Вот прочти: огонь открывают без предупреждения!

Они расстались. Машинист Песошников, курсируя от Мурманска до линии фронта, имел, естественно, тесную связь с большевиками Петрозаводска. Небольсин его никогда об этом не спрашивал, но догадывался, что связь прочная, и от этого сам Небольсин чувствовал себя уверенней.

...Небольсин весь день провел в конторе, пропуская мимо своего стола дела и делишки, но мысли его были неотступно связаны с этим вагоном, который гоняют сейчас по путям, и цифра "23" все время преследовала его... "Двадцать три плюс брат с Соней, итого - двадцать пять!"

Тут его навестил месье Каратыгин с приветом от Зиночки, которая, если верить слухам, стала любовницей Ермолаева.

- Аркадий Константинович, - сказал делец, - его высокопревосходительство одобрил один список желающих выехать в советскую Россию, требуется только указать, что я, мол, "приверженец

большевизма"... Не желаете?

- Что не желаю?

- Да в этот список попасть...

Аркадий Константинович выгнул плечи за столом:

- А вы господину Брамсону тоже предлагали?

- Ну какой же он "приверженец большевизма"?

- А почему вы меня сочли... этим "приверженцем"?

Каратыгин покраснел:

- Так, значит, не желаете? - и спохватился вдруг уходить.

- С чего вы это взяли? Конечно, не желаю...

Каратыгин выкатился. Всего же по Мурманску блуждало из рук в руки восемнадцать списков. Ермолаев пока играл в демократа.

- Пожалуйста, - говорил щедро, - мы никого не держим. А слухи о расправе с выезжающими возле линии фронта, где целые эшелоны пропадали в тундре бесследно, - эти слухи казались настолько ужасными, что мурманчане даже не верили в них. Списки проворно наполнялись именами - все новыми. И каждый наивно вписывал напротив своей фамилии, что он "приверженец большевизма" (иначе - без этих слов - не выпускали). Шли дни, недели... Списки росли: тысяча, вторая, третья...

- ...всего восемь с половиной тысяч, - отметил Брамсон в своем докладе на совещании у губернатора; здесь же присутствовал и Небольсин; путеец спросил у старого юриста:

- Повторите, пожалуйста... Я не ослышался?

- Восемь с половиной тысяч "приверженцев большевизма"!

За столом губернатора послышался тяжелый вздох; Ермолаев повернулся к поручику Эллену:

- Что скажете, поручик?

- Это невысказано... С каждого надо снять две фотокарточки, измерить ступни ног. Наконец, англичане не пожелают, чтобы валюта уплыла от них из Мурманска, - значит, перед отправкой всех надобно обыскать. А вы, Аркадий Константинович, - спросил Эллен, - ручаетесь за эшелонирование этой массы "приверженцев"?

- Нет, - ответил Небольсин, хотя мог бы сказать и "да"...

- Пусть они составляют эти списки и далее, - желчно заметил Брамсон. Не будем мешать каждому выявить свое истинное лицо. По сути дела, составляя списки, производят работу, которую должен был проводить поручик Эллен, выискивающий подозрительных элементов в крае. Списки еще пригодятся... для проведения нами разумных репрессалий!

- Необходим строгий отбор выезжающих, - сказал Ермолаев. -

Болтунов и бездельников можно смело отправлять через фронт. Пьяниц тоже - к большевикам! А лиц, явно склонных к большевизму, следует отделять... для сидения на "Чесме"!

Небольсин не имел отношения к этим спискам, чтоб они горели! Но зато он имел прямое отношение к отправке эшелонов.

Списки продолжали расти. И вот в один из дней по улицам Мурманска четким строем продефилировал взвод милиции. Дошагал до штаба и остановился под окнами генерал-губернатора.

Ермолаев в своей тужурке авиатора вышел на крыльцо:

- Здорово, молодцы!

- Здрав-жрам, ваше пры-выс-ха-ди-тел-ства!

- Спасибо, ребята! - расчувствовался Ермолаев.

- Рррады старррраться!

- В чем дело у вас? - спросил он их.

Милиция подала коллективное заявление: все они состоят из "приверженцев большевизма" и желают скорейшей отправки в советскую Россию. Ермолаев глянул в список и понял, что переиграл: теперь машину надо крутить назад, иначе власть на Мурмане останется совсем без людей.

- Кру-у... ом! - скомандовал губернатор. - В лабораторию за Шанхай-городом... ша-а-агом арш!

Это была "лаборатория", где властвовал поручик Эллен.

- Разувайтесь, - сказал он милиционерам, и у каждого обвели карандашиком по бумажке рисунок ступни; с каждого сняли по две фотографии и... отпустили по домам. Милиция осталась в Мурманске, активно занимаясь сечением алкоголиков (при Ермолаеве был такой порядок: заметили тебя пьяным - получи, голубчик, двадцать пять розог в отделении милиции)...

Наконец из комендатуры раздался звонок: завтра на рассвете отправить эшелон за линию фронта. Аркадий Константинович сразу вспотел - вот он, этот момент, настал-таки! Те двадцать три человека, запертые в вагоне, доедают уже сухари, их мотает какой уже день по путям. И брат изнервничался, и Соня тоже устала ждать... "Итак, пора!" Песошников вошел к нему неслышно, они затворили двери и тихо переговаривались.

- Этот вагон на сцепке, - советовал Небольсин, - надобно загнать куда-нибудь в середину эшелона, чтобы он не привлекал внимания. По опыту знаю, что глаза невольно задерживаются на первом вагоне от паровоза и на последнем вагоне с фонарем.

- Хорошо, - отвечал Песошников, - там на сцепке у меня свои, сделают.

Только бы пломбы не стали рвать!

Небольсин спросил его:

- Песошников, ты объясни мне, как все это произойдет?

- А так... Довозим до Кандалакши, один перегон. Там в депо есть свои ребята, не всех еще повыбили. Когда стемнеет, пломбы они сорвут. И всех людей из вагона выведут. К морю. На Капицы!

- На Колицы?

- Да. Там наши партизаны, - объяснил Песошников. - Ну, а из Колиц будут выводить, очевидно, лесом... Через фронт!

Небольсин еще раз все взвесил и потянулся к пальто.

- Где мне своих сажать? - спросил.

- Часиков так в двенадцать, когда будет потише, можете привести их на шестую стрелку. В это время вагон будет там... Аркадий Константиныч, сказал Песошников, - не мешало бы и вам до Кандалакши прокатиться. Все-таки - вернее.

- Конечно! - ответил Небольсин, берясь за шапку. - Я так и рассчитывал - поехать. Наконец, мне надо и с братом попрощаться как следует. Теперь мы не скоро увидимся...

Придя домой, Небольсин сообщил, чтобы готовились.

- И не брейся, - сказал он брату. - Так естественней...

Полковник со злостью хлопал дверями вагона:

- Черт бы побрал эту жизнь! Соня, простите за грубость.

- Что делать? - вздохнула женщина.

Томительно тянулось время. Щелкал будильник на столике. Аркадий Небольсин кидал в мешок белье, еду, табак.

- Воду, - говорил. - Надо не забыть воду...

Он вдруг с особой нежностью, остро резанувшей его по сердцу, посмотрел на молодую женщину в штанах и гимнастике.

- Соня! - сказал. - Бедная моя Сонечка... Прибило вас к нашему берегу, и стали вы родной. Вы еще будете очень счастливы, Соня. У вас такое славное лицо... Дай бог!

- А тебя нам ждать? - отрывисто спросил брат. - Когда?

Аркадий Константинович ответил ему:

- Виктор, меня убьют здесь... сволочи!

- С чего ты это взял?

- У меня дурное предчувствие. Такое же, как было однажды в Петрозаводске, когда меня убивали в Обществе спасения на водах. Правда, это было давно.

- А кто тебя там убивал?

- Один белогвардейский тип. Вроде тебя, мой миленький брат. Только у него был один глаз... А второй стеклянный - голубой-голубой! Но он, наверное, не был почетным членом, как я, нашего Общества, и потому не он меня, а я его, кажется, утопил..

- Странно! - заметил старший, брат.

- Присядем на дорожку, - предложила Соня...

Потом они шли по ночному городу, среди путей и стрелок. Вагон стоял на месте. Из темноты выступил "башмачник", спросил:

- Клещи-у вас? Работайте. А я постою на матовихере...

Три раза (и четвертый отдельно) ударил Небольсин в стенку вагона, чтобы люди не пугались: свои. Клещами сорвал пломбы, сказал брату: "Помоги!" - и откатили в сторону тяжелую дверь на роликах. Изнутри пахло человеческим теплом. Двадцать три приговоренных жили в этом вагоне уже давно.

- Пополнение, - сказал Небольсин во мрак. - Примите.

Первой они подсадили Соню. Полковник задержался в дверях:

- Целоваться не будем... Еще увидимся?

- Да, в Кандалакше найдем способ. Может, еще и выпьем там!

Лязгнула дверь. В темноте, на ощупь, Небольсин закрепил щипцами свежие пломбы. "Башмачник" пошел в одну сторону, а инженер в другую... "Итак, двадцать три плюс еще двое!" За брата он не ручался, но двадцать четыре человека станут бойцами.

* * *

С утра надел фетровые валенки, накинуд полушубок, чтобы не мерзнуть в дороге, взял в руку трость. Отправился на станцию. Возле перрона, готовый к отходу, стоял эшелон. Он был сбит из вагонов разного калибра и назначения. Первым шел международный пульман - для англичан и служащих, потом краснели, как сырое мясо, "американки" с боеприпасами; среди них, совсем незаметный, затерялся и этот вагон.

Вдоль перрона, несмотря на ранний час, уже прохаживался поручик Эллен в черных наушниках от холода.

- Добрый день, Севочка, - сказал ему Небольсин.

- Тоже едешь, Аркашка?

- Да, груз ответственный. Не мешает и проветриться иногда.

- Сколько всего потянете?

- Двадцать три, - сказал Небольсин и похолодел. - Что я говорю чепуху? Раз, два, три... - качалась в руке его трость, пробегая вдоль эшелона. Всего восемнадцать, Севочка!

- То-то же, - ответил Эллен. - В семь?

- Да, в семь. Немножко запоздаем...

С опозданием, около восьми, эшелон тронулся. Тяжелые платформы сотрясались над высоким обрывом скалы, под которой затаились скважины горных озер. А за древней Колой уже пошли постреливать в окна милые елочки, все в снегу, такие приятные...

В пульмане ехали и мурманские: Каратыгин с Ванькой Кладовым (оба по делам). Каратыгин, разбогатев на спекуляциях, теперь скупал, где можно, катера и шхуны, а Ванька Кладов...

- Ванька Каин, - спросил Небольсин, - тебе зачем ехать-то?

- Лекцию в Кандалакше прочту. В Мурманске ничего прошла.

- О чем лекцию?

- Да разное... - заскромничал Ванька Кладов. - Например, такая: "Есть ли большевизм носитель экономического благосостояния?" Или: "Отношение большевиков к русскому духу". Ничего, слушают. Я их, эти лекции, потом в Архангельске у эсеров книжкой напечатаю. Гонорарию платят, а чего еще надо?..

- Слушай, а что там Юрьев сейчас?

- Да видел я его, еще осенью. Сидит в предбаннике и бумажки скрепочкой подшивает. Материт англичан... Мелкий чинуша!

- Ну, так ему, собаке, и надо... А - Басалаго?

- Тоже не фордыбачится. Там своих таких хватает...

- А не метнуть ли нам по маленькой? - предложил Каратыгин. - Хотя, Ванька, про тебя и говорят, что ты шулерничаешь, но у тебя денег много... Черт с тобой, хоть облопайся!

- Про тебя тоже говорят, что ты из блохи жир вытопишь.

- Это что! - засмеялся Каратыгин, довольный похвалой. - Я и со змеи мех стричь умею... Инженер, составите нам компанию?

Кажется, все шло блестяще. Поезд наращивал скорость, уже проскочили Лопарскую, скоро Тайбола, затем станция Оленья. А там и Кандалакша недалеко. Небольсин, довольный, потер руки.

- Давай, - сказал. - Кто сдает первым?

Играли с разговорами, обсуждая последние расстрелы.

- Мы что! - говорил Кладов, расправляя картишки веерочком. - Мы ничего... А вот японцы во Владивостоке - поэты, не чета нашему Эллену. Убьют большевика, а в газете "Владиво-Ниппе" на следующий день так пишут... У кого тройка?

- Что пишут-то? - спросил Каратыгин. - У меня валет.

Ванька Кладов хлопбыстнул картой по чемодану:

- Пишут поэты так: "Неизвестный, влекомый заманчивой прелестью

дальних сопок, ушел из этого мира в неизвестные дали, где цветут райские мимозы..." Чья карта пошла?

- Поэты, - презрительно сказал Небольсин и загреб весь куш себе: сразу много денег, - он играл азартно, широко.

- Вот это здорово! - обалдел Ванька. - Кто же тут шулер?..

Летела за окнами, пропадая в метелях, запурженная земля Мурмана, и где-то там, в середине эшелона, мотался вагон под пломбами. Все складывалось отлично. Небольсин кучей свалил на чемодан рубли, фунты, франки, выдвинул их на банк.

- Мечи! - сказал и закурил, прищуривая глаз.

И опять выигрыш: в этот день ему везло, просто везло.

- Ванька Каин! - хохотал Небольсин. - Ты не журишь. Ты себе на одних лекциях дом построишь. Про Каратыгина я не говорю: он жулик старый, скоро англичан нагишом по миру пустит...

- Да, - обиделся Каратыгин, - ихпустишь! Гляди, как бы они нас не пустили. Привезут на копейку - увезут на рубль...

За игрою время летело незаметно. Забыли поесть - азартно шлепали карту на карту. Небольсину везло как никогда: карманы его полушубка торчали раздутые от выигрыша.

И вот уже затемнели трепетные дали: вечер...

- Где мы сейчас? - спросил Ванька Кладов.

Небольсин выглянул в окно: бежал пустынный перегон.

В этот самый момент в последнем вагоне рука в кожаной перчатке крепко взялась за рукоять стоп-крана и рванула его на себя. Игроки сунулись лбами в стенку купе, деньги и карты полетели на пол. У Небольсина екнуло сердце. Мимо пульмана пробежал какой-то прапор.

- Инженера дистанции! - кричал он. - Просим выйти...

- Я сейчас... - сказал Небольсин и пошел к выходу.

Паровоз звонко дышал паром. Белела тундра, чернел кочкарник. Аркадий Константинович бессильно прислонился к ступеням площадки, когда увидел, что сбивают пломбы с его вагона.

- Вперед! - велел ему прапор, а из вагона солдаты прикладами уже выгоняли под насыпь людей; издали было видно, как брат подал Соне руку и она спрыгнула в его объятия. - Вставай сюда! - показали Небольсину.

Он стал спиной к вагону, лицом к тундре. Солдаты Славяно-Британского легиона вдруг скатились под насыпь. Стали утаптывать под собой снег. Все казалось дурным сном, бредом. И вдруг - по чьему-то приказу - над тундрой заревел паровоз: ревел неустанно, хрипло, все заглушая...

Первый залп грянул - прямо в лицо. Упала женщина.

- Что вы делаете? - закричал Небольсин навстречу выстрелам.

Второй залп рванул щепу вагонов над головой.

Люди падали и мешками сползали под насыпь... Желтые языки огня выхлестывали из винтовок - горячо и с треском. Когда Небольсин опомнился от ужаса, он стоял один. А вокруг него лежали убитые. И он увидел своего брата, худого, небритого, без погон, в английской шинели. А на груди брата рассыпались золотые волосы Сони, и на плече девушки коробился погон русской армии - великой и многострадальной русской армии...

Небольсин шагнул и разглядел в окне последнего вагона лицо Эллена; рука выкинула трость - со звоном брызнули стекла.

- Ты будешь мертвым тоже! - закричал Небольсин. - Я клянусь: ты будешь мертвым... Ты будешь мертвым! Тебя убьют тоже...

* * *

С этого дня инженер Небольсин исчез, словно в воду канул.

Больше никто и никогда не видел его в Мурманске. Контрразведка поручика Эллена сработала на этот раз очень точно...

А эшелон двинулся дальше, сотрясая на поворотах тяжеленные платформы с боеприпасами. Трупы двадцати пяти убитых, застыв на морозе, остались в тундре.

Они будут здесь встречать весну, солнце и ветры...

Глава седьмая

- А к товарищу Самокину нельзя, - остановили Вальронда.

- А что с ним, доктор?

- Он очень тяжело ранен. Случайно его расстреляли, и случайно он выжил. Думаю, что скоро поправится товарищ Самокин...

...Шестая армия постоянно ощущала угрозу с правого фланга, - со стороны Печоры. Нельзя допустить стыка двух вражеских армий. Надо парализовать усилия Колчака и интервентов, чтобы они не сомкнули свои ряды на Печоре и под Чердынью. Из Центра прислали на подмогу отряд товарища Мандельбаума - отряд, который отличался (по характеристике знавших его) "большой подвижностью и чувствительностью". Тогда еще не догадывались в штабах, что эти "подвижность и чувствительность" станут для героической Шестой армии почти роковыми...

Самокин, еще в самые лютые морозы, пошел с этим отрядом на Печору, как партийный работник, чтобы установить - вслед за отрядом - Советскую власть в том районе, где давно хозяйничал князь Вяземский - рыжебородый. Партизанская шайка-лейка князя, составленная из

зырянских кулаков и белочехов, заброшенных на Печору еще послом Нулансом, подчинялась непосредственно адмиралу Колчаку, и князь Вяземский был врагом опасным.

В таежной глухомани можно было ехать верст сто и более - никого не встретишь. Только на редких зимовьях встречали бойцов косматые, как лешие, отшельники; протянет руку и промычит:

- Мmmm... хлиба! Мmmm... кинь хлиба!

А ближе к Шугору уже пошли стучать кулацкие обрезы, встречали в деревнях словно волки, только что не кусались. Самокин был уже не мальчик повидал всякого - и войны не боялся. Но волосы у него дыбом вставали на Печоре, в этой приполярной глуши... Что там творилось! Интервенция внесла в этот край, когда-то раскольничий, такое зверство и такое осатанение, что было тут не до белых и красных. Голод и нищета, полное отсутствие газетных вестей и хлеба лишь усиливали звериные инстинкты. Не раз стоял Самокин в искристых льдах, над прорубью, и оттуда, из черной глубины речной, торчали синие ноги убитых. "Кто они?" - думал.

В редких селениях Самокин пробовал организовывать митинги, говорил, что такое Советская власть, но словами - что горохом об стенку. Пришлось начинать бой с кулацкими бандами.

- Стрелять - не разговаривать, - утверждал товарищ Мандельбаум. - По опыту знаю: стрельба убедительнее слов...

Мандельбаум был человеком, настроенным анархически: бей, круши, ломай и ставь к стенке. "К стенке!" - эти слова произносились в отряде часто (даже слишком часто). Самокин многих спас от расстрела. Однако тысячи заснеженных верст отделяли отряд от войск Шестой армии, и пошла вскоре лихая партизанщина. Самокин понимал, что в таких условиях людей в струнку тянуть глупо. Но тут все струны были сорваны: отряд Мандельбаума постепенно превращался в банду... В банду! И это было очень опасно.

- Пойми ты, - доказывал Самокин Мандельбауму, - твой отряд - это первая горсточка бойцов Красной Армии, которая появилась здесь. Именно по их поведению будут судить о всей нашей армии. Вообще - о Советской власти! Грош цена моим призывам на защиту этой власти, если твой боец ведет себя хуже одесского хулигана. Стрелять надо за такие вещи!

- А я - что тебе? - отвечал Мандельбаум. - Разве я запрещаю тебе стрелять? Стреляй, сам говорю: пуля слов убедительнее.

- Я хотел бы и тебя переубедить.

- Попробуй, - нахмурился Мандельбаум. - Ты здесь один, а нас много.

И комиссаров мои орлы не жалуют...

Отряд двигался на Березов, о котором многие знали только по картине Сурикова "Князь Меншиков в Березове". Шли и ехали на подводах. На редких станках-зимовьях Самокин пальцами выковыривал из лошадиных ноздрей окровавленные сосульки. На лыжах никто ходить не умел (или не хотели - черт их разберет!). Это был каторжный поход. Нижнее белье пришлось снять, прямо на голое тело надевали верхнее платье, а поверх штанов и полушубков натягивали кальсоны и рубашку. Балахонов-то не было, а маскировать себя на снегу как-то надобно...

Так и шли. Пока не напоролись на самого князя Вяземского.

Рыжебородого даже видели: он сидел на раскидном стульчике на околице деревни и махал рукою в громадной рукавице.

- Давай, давай, краснозадые, подтягивайся! - орал князь.

Подтянулись. Мандельбаум выхватил маузер:

- За мной... уррра!

- Урраа-а!.. - закричал отряд и побежал, только... в другую сторону.

Колчаковцы лупцевали мандельбаумцев, как щенят. Самокин осип от ругани, пробовал остановить бегущих. В него (как будто случайно) уже начали постукивать из наганов. Стреляли подло - в спину!

И бежали при этом так, что сто верст мало показалось.

Припустили еще на сотню - князь Вяземский не отстает.

Дали еще сто верст и тогда подсчитали свои успехи:

- Триста верст драпака... Ничего себе! Ай да молодцы мы!

И, поняв, что очутились в безопасности, всю стали мародерничать, грабить, насиловать. Самокин проснулся однажды от женского вопля, схватил на ощупь оружие, сунул ноги в валенки.

- Стой! - выскочил из избы. - Остановись, сволочь такая...

И вот она, нелепая пуля - от руки мародера и насильника.

...Мандельбаум с вечера как следует нарезался самогонки, а когда проснулся, то лежал в сани, уже связанный по рукам и ногам, а две лошаденки, все в морозном паре, тянули сани по лесной дороге, и одинокая ворона летела над дебрями прямо, как стрела, никуда не сворачивая... Мандельбаум рывком поднялся в сани и увидел, что рядом с ним, на ворохе сена, - Самокин.

- Ты? - удивился Мандельбаум. - Постой, но тебя же...

- Верно! Меня - того... Только не до конца.

- А кто посмел связать меня? Куда везут?

- Не рыпайся... - простонал Самокин. - Связали крепко, не вырвешься.

Были и честные люди в твоём отряде. Теперь ты у нас далеко поедешь...

Будем переубеждать тебя - пулей!

Уже в предсмертном бреду Самокин все-таки добрался до частей Шестой армии и сдал арестованного афериста под ревтрибунал. На далекую Печору срочно сбросили легкие подвижные отряды лыжников. Положение на фланге было спасено. Самокин болел тяжело: пуля загнала в глубину его тела ворс грязного полушубка, начиналось сильное загноение...

- Вы что-нибудь хотите ему передать? - спросил доктор. Женька достал из-под кителя кусок пасхального кулича.

- Конечно, - сказал, - товарищ Самокин не станет справлять пасху, но... Передайте ему, пожалуйста. И скажите, что я навещу его, когда он поправится...

* * *

Архангельск пек куличи. Было решено поднять дух армии торжественным разговеньем, и даже отпустили из "министерств" большие суммы на приготовление куличей и пасхи. Куличи крестил по казармам сам архангельский епископ Павел, заутреня проходила в соборе стройно и печально...

Поздней ночью на бронепоезде "Адмирал Колчак", вооруженном могучей корабельной артиллерией, снятой с крейсера "Аскольд", вернулся в Архангельск с фронта генерал Айронсайд. Его ждали с нетерпением. Он снял меховую шапку, долго стегал голиком по ботам, сметая снег. Отбросив голик, выпрямился.

- Вот мы и не взяли Больших Озерок, - сказал Айронсайд.

Сказал очень спокойно - так, словно выронил пенс из кармана: не стоит и слов тратить, тем более - нагибаться. Но русские были обескуражены. Шестая армия крепла - ее теперь было не узнать. Большевики с боем ворвались в Большие Озерки, откуда им уже кричали поезда со станции Обозерская; фактически - можно считать - они фронт белой армии прорвали. А генерал Айронсайд, лично на себя взявший эту операцию, вернулся ни с чем и спокойно говорит: "Вот мы и не взяли Больших Озерок..."

Потом Марушевский с Миллером всю ночь беседовали.

- Я его не узнаю, - говорил Марушевский. - Куда делся весь пыл британского конкистадора? Айронсайд очень изменился за последнее время. Он воюет спустя рукава... А вы заметили, Евгений Карлович, что наша армия сейчас почти выровнялась по силе с армией Айронсайда?.. Если бы нам еще самостоятельность!

- Кажется, они покидают нас, - задумался Миллер. - Мы получим от них на прощание самостоятельность и... веревку, чтобы вешаться.

Владимир Владимирович, будем смотреть правде в глаза: как бы ни выросла наша армия, но без помощи союзников мы не продержимся здесь и часу...

Итак, все надежды - на интервентов! Но какие слабые эти надежды... Отовсюду - поездом, санями и лыжными тропами - сходились к Архангельску американцы; иные бросали оружие еще на передовой, шли налегке, все проклиная на свете. Скученная жизнь в избах с русскими крестьянами, полная заброшенность в этих гигантских просторах России, от которой, казалось, можно сойти с ума ("нас забыли за океаном!"), - все это, вместе взятое, делало свое дело.

- Домой! - говорили американцы.

И никогда еще правительство САСШ не слышало столько солдатской брани по своему адресу, как в эти дни. Произошло нечто удивительное: американские войска в России революционизировались^{29}. Теперь американцы таскали по улицам Архангельска тяжелые скамейки с бульваров, ставили их перед началом сеанса возле кинематографов и, путая матерные слова с английскими, агитировали своих союзников по несчастью за прекращение войны.

"Домой!" они произносили отчетливо (даже без акцента).

Потом итальянцы отказались подчиняться англичанам. Они тоже бежали с фронта, отогревались после снегов в теплых прокуренных пивных Архангельска и пели жалостливые песни под русские мандолины и гармошки. Они были ребята ничего и нравились барышням, только носы и уши у них всегда шелушились обмороженные.

А в апреле, когда потянуло сладкой прелью над лесными полянами, зашевелились и французы. Вспомнили они весну на родине - ликующую и бурную, всю в цветении - и тоже стали сниматься с позиций. Храбрецы пуалю брели сейчас окопами, по колено в талой воде, подкидывая на спинах тощие ранцы. "Бог мой! - думалось им, наверное. - Как далеко отсюда, от станции Обозерская, до милых сердцу подснежников Франции..."

В скользком предрассветном тумане британские - союзные! - пулеметы положили отступавших французов тут же: вам не видать подснежников, храбрецы! Это был момент очень острый для интервенции - момент разложения и распада, и генерал Айронсайд в эти дни посоветовал русским между прочим:

- А разве так уж плох барон Маннергейм? Не мешало бы Колчаку помириться с ним... ради общей идеи!

Это была трудная задача для заправил Архангельска: помириться с

бароном Маннергеймом, которому адмирал Колчак махал кулаком из далекой Сибири. Колчак придерживался старой ориентации - Россия "едина и неделима". Колчак не признавал и того, что признали большевики, - самой независимости Финляндии, и потому-то сделать из Маннергейма своего партнера было очень трудно генералу Миллеру, который подчинялся, как и все, тому же адмиралу Колчаку... Об этом они и говорили.

- Англичане, - горячился Марушевский, - опустили перед нами завесу непроницаемости. Мы совершенно не знаем, что творится в России и за границей. Но давно ходят слухи, что у Юденича собрана в Эстонии громадная армия. Мне кажется, Евгений Карлович, что мы - по секрету от Колчака должны договориться с Маннергеймом: когда барон возьмет весною Петрозаводск - пусть он не дурит со своей идеей и отдаст его нам.

- Верить ли в Юденича? - сомневался Миллер. - Я ведь хорошо знаю его. Он очень выразительно читает вслух французские романы. И любит поесть! Но... Маннергейм! Этот выскочка из русского манежа, где он дрессировал лошадей, выводит меня из себя... Однако нам ничего не остается, как ехать к нему на поклон! Может, возьмете на себя это поручение?

- Об этом никто не должен знать, - ответил Марушевский. - Абсолютно никто... Не дай бог, если это дойдет до адмирала Колчака!..

* * *

Для разговенья солдат на пасху были составлены длинные столы, заваленные доверху куличами, жареным мясом, британскими окороками; кипели ведерные самовары; монашенки бойко разливали вино и кофе. Конечно, были и пьяные, были и плясуны, были и драки, - без этого на Руси никто не разговлялся...

В приделе собора к Марушевскому подошла, вся в черном, княгиня Вадбольская с девочкой.

- Христос воскрес, - сказала она.

- Воистину воскрес! - ответил Марушевский красавице и с удовольствием ее поцеловал, при этом Вадбольская откинула с лица мушковую вуаль.

- Вы скоро повидаете свою супругу? - спросила княгиня. Марушевский был удивлен:

- Да, она сейчас в порту Варде. Но... Глафира Петровна, откуда вам стало известно, что я собираюсь...

- Ну, милый генерал, - ответила Вадбольская, снова опуская вуаль, как забрало, только сверкали из-под сетки ее глаза, - об этом же все говорят.

Ваш путь лежит в страну Суоми.

- Совершенно так, - согласился Марушевский. - В Гельсингфорс, или, как теперь его называют, Хельсинки!

- Вас что-то смущает, генерал, в этой загадочной поездке?

- Да. Мне как-то странно будет оказаться среди русских подданных, которые сделались вдруг иностранцами...

Княгиня Вадбольская умела слушать: она всегда давала собеседнику возможность договорить до конца. Только девочке слушать генерала было неинтересно, и она, ускользнув от матери, подошла к пьяному солдату, который выдыхался на земле, и потрогала пальчиком на его груди "Военный крест" Французской республики.

- Христос воскрес! - слышалось повсюду...

* * *

- А коммунист воскрес? - засмеялся Вальронд, входя.

- Воистину воскрес, - ответил ему Самокин. - Рад видеть. Садись. Рассказывай, как жил. Что ел, что пил...

Вальронд, между прочим, не пролил крови в эту боевую зиму. Вот клопы его здорово пососали, - это верно. С окончанием навигации на реках, когда было поработало изрядно, его плавучая батарея вмерзла в лед возле Котласа. Мичмана оставили при зимующих батареях, вроде образованного сторожа: охраняй и властвуй! И началась деревенская жизнь - ни шатко ни валко... Все книжки на сто верст в округе были прочитаны. Утром он просыпался, глядел в заиндевелое оконце и чесался - сердито.

- Спятить можно! - говорил он.

Но уже задувало от Вятки ростепельным ветерком, и это дуновение весны было для него как зуд.

- Мне скоро двадцать восемь лет, - сообщил Вальронд.

- Это ты к чему? На подарок напрашиваешься?

- Я вшивый и распух от долголежания. В мои годы валяться по грязным полатам просто стыдно. Я совсем не нанимался к большевикам, чтобы меня в коробку с ватой укладывали...

- Стыдно. Верю, - согласился Самокин. - Дождись навигации.

- Ха! - сказал ему Вальронд. - На Двине все еще с осени заброшено английскими минами. И есть новинка - мины магнитного действия. Ты думаешь, мы из Котласа высунемся? Да мы так и сгнием тут на приколах. Магнитные мины без якорей всплывают с грунта прямо под днище корабля, который имеет несчастье проходить над миной. Фук - и ты уже в дамках! Нужны особые приборы, которых мы еще не изобрели. Так вот, Самокин, по-товарищески прошу тебя, как аскольдовец аскольдовца, - отправь ты

меня куда-нибудь... А?

- Вот что, - сказал Самокин. - Иди сейчас в баню, потом я выпишу тебе паек на дорогу, и убирайся прямо на Онежское озеро. Ты птица водоплавающая, и на Онеге тебе будет пошире, чем здесь, на Двинематушке! И воевать будут крепко. И с финнами. И с англичанами. Ну, и с нашими русопятыми... Поедешь?

- Где баня? - спросил Вальронд.

Но случилось иначе.

Паек был съеден за время пути, а на Онежской флотилии, созданной большевиками, оказался большой запас военморов - целая рота.

- Товарищ, - сказали Вальронду, - у нас кормить тебя нечем: каждый лишний рот в тягость. Езжай до Петрозаводска, там артиллеристы нужнее.

Опять судьба-злодейка отпихивала мичмана от воды - на рельсы, на шпалы. Злой и голодный, Вальронд очутился в Петрозаводске, когда финны уже стали просачиваться по лесам. Спиридонова в городе не было, он воевал у станции Масельгской, где шли упорные бои. Вальронду сообщили, что в отряде имеется одна бесхозная пушка, и велели выезжать - сразу же. В том же направлении - к фронту - летел один "ньюпор".

- Найдите военлета Кузякина, - подсказали Вальронду. Военлет Кузякин смотрел на мичмана таким манером: левый глаз почти закрыт, правая бровь вздернута, и через лоб кверху от переносья бежит суровая морщина. Вальронда покорило.

- Что ты так смотришь, будто прицеливаешься в меня?

Кузякин, тяжело вздохнув, пытался разгладить морщину.

- На кой ты мне сдался, чтобы в тебя целиться? Я на земле еще никого не угробил... Однако вот французы не правы, что морщины бывают от улыбок. У меня дело другое: как в четырнадцатом году прицелился - так с тех пор и целюсь. Так что не пугайся!

Кузякин летел на фронт прямо из госпиталя. Он не мог нагибаться и потому заставил Вальронда таскать в самолет тяжелые контейнеры с листовками и стрелами.

- Как нагнись - режет. Сижу - ничего.

- А где тебя ранило?

- Да сволочь тут одна... Штыком меня пырнул! Говорят, что в ревтрибунале его к стенке приставили. Только - напрасно, ежели так. Дураков надо пороть. Из дураков надо составлять особые колонии и там учить их уму-разуму... Садись, морской, полетим!

Под ногами Вальронда елозил по днищу фюзеляжа тяжелый ящик со стрелами, откованными рабочими на Онежском заводе. Мичман подержал

одну стрелу и пустил ее за борт. Тонко зыкнув, стрела пошла планировать над лесом, быстро пропадая вдаль.

- Эй, рыцарь! - похлопал Вальронд пилота по спине. - А ты не примитивничаешь ли со стрелами?

- Лучше бомб действует! - прокричал Кузякин на ветер. - Ежели особенно тучей их выпустить... на пехоту! А сила такая, что всадника пробивает насквозь и стрела вылезает из пуза лошади... Лучше бомб, говорю тебе!

Они летели низко над лесом: круглые блюдца белых озер, первая моховая зелень; тянулись за крылом косяки птиц - на север, на север... Вальронд следил за тенью "ньюпора", летящей по земле далеко внизу, и ему вспоминались яркие тропики, дурман Сингапура и знойная Палестина, где их душило хамсинами, - но все это было не то, как-то не так ласкало и тешило душу. А здесь, на севере, чудный воздух! Роскошный климат! Недаром Петр Первый открыл первый курорт в России именно в этих местах, над которыми они пролетают сейчас. Женьке Вальронду очень хотелось связать свою дальнейшую жизнь и службу на флоте именно с русским севером...

Кузякин молча вел "ньюпор", и серебристый нос машины плотно прессовал перед собой воздух и пространство. Но вот аэроплан круче пошел вниз, со свистом натянулись под напором ветра растяжки плоскостей. Плавно наплывала земля, вдалеке блеснули рельсы Мурманки, и Вальронд спросил:

- Уже?

- А как ты думал? Уже...

На земле их встретил Спиридонов, измученный, с повязками на руке и на голове. Его шатало от потери крови и голода. Однако он нашел в себе силы, чтобы улыбнуться - и Вальронду, и Кузякину.

- Тиф? - спросили они его.

- Нет. Вши есть, а тифа нету... Кузякин, - сказал он пилоту, - ты не ломайся: слова эти о "Старом друге", даже черепушку с костями - черт с ними, оставь. Пускай тебя англичане боятся! Но красные звезды нарисуй на крыльях. Иначе я не ручаюсь, что мы тебя не подстрелим...

Кузякин согласился: на крыльях появились красные звезды. Но эти яркие звезды плохо вязались с черепом и костями! Тоща, печально вздохнув, пилот замазал мрачные атрибуты смерти.

- А "Старого друга" не трону! - заявил упрямо. - Машину можно называть как хочешь. Пускай ко мне не цепляются! Я буду воевать, как мне нравится: в небесах начальства нету...

Спиридонов вдруг обрушился на Вальронда:

- Флотский! А ты чего разлегся здесь кверху пузом?

Вальронд скинул с лежанки распухшие ноги:

- Товарищ Спиридонов! Ведь я все-таки природный артиллерист. А что мне здесь показали? Пушку, у которой затерян ударник. Я могу стрелять из нее всю жизнь - и ни разу не выстрелю! Ибо боек, как вам известно, разбивает капсюль, и происходит от этого выстрел. Чем же я его буду пробивать? Пальцем?..

- Незадача, - сказал Спиридонов. - Но другой у нас нет. Валяйся тогда. Может, с бою добудем тебе артиллерию исправную...

С улицы шагнул в избу капитан Кузякин, сказал:

- Спиридонов, я у тебя мичмана забираю.

- Куда?

- В деревню.

- Зачем?

- Самогонку варить будем. Ведер десять... для начала!

Спиридонов даже растерялся, а Вальронд обрадовался:

- Это как понимать, Кузякин?

- А так и понимай. Бензина-то нет! Полечу на самогонке...

В соседней карельской деревне, сидя в амбаре, до утра варили из картофельной барды крепчайший самогон. Над лесом просветлело солнечно и радостно, запели птицы, когда пошел первач - горячий и прозрачный.

- Давай тяпнем по первой, - предложил Кузякин. - А потом я газOLIном все разведу, тогда уж пить нельзя{30}.

Они вернулись в отряд только вечером, неся полные бидоны звериной "казанской смеси". Успели и выспаться в деревне.

- Никак трезвые? - удивился Спиридонов. - Ай да молодцы! А я было уже крест на вас до субботы поставил...

Залив бензобаки горючим, Кузякин попросил Спиридонова показать ему на карте, где находятся англичане, где французы, где русские. Вальронд помог военлету разобраться с тюками иностранной литературы.

- Вот это на английском, - сказал. - Не спутай!

- Ясно. Ну, а французский-то малость отличаю...

- Не ошибись, - вмешался Спиридонов, - да не сбрось французам по-английски, а британцам - наоборот. Тогда все это дело на подтирку пойдет... А для наших бандитов возьмешь чтение?

Кузякин пихнул ногой ящик со стрелами:

- Во... том первый! Эй, морской! Хочешь, вместе слетаем?

- Нет. Я тебя боюсь. Ты мужчина слишком злой.
- Это верно, - ухмыльнулся Кузякин и пошел к своему "Старому другу", поджидавшему его на поляне.
- Спиридонов. - крикнул он издали. - А я этого сопляка собью, я ему этого не прощу. И кроме меня, сбить его больше некому!
- О ком ты там? - не понял Спиридонов.
- Да все о нем... о моем ученике, Постельникове! Из-за этой гниды мне пузо зашили гнилыми нитками. Нагибаться больно...
Он ушел над лесом - на север, на север, на север.
Ниже самолета летели гуси - тоже на север...

Глава восьмая

Еще зима над древней Печенгой - зима, и воет в колодце фиорда ветер, задувающий с океана. Здесь параллель шестьдесят девятая, и весной даже не пахнет, лишь посерел лед в ущельях.

Над раскрытым гробом сладко и умильно поют монахи.

Холодное солнце, в дымном венчике, нависает над миром.

- Ныне, хосподи, отпускаеши раба божия...

Теперь что ни день, то покойник: узники Печенгской тюрьмы вымирают. Их держат в ямах бункеров, и только мертвые способны оттуда выбраться. Юнкера охраны вытягивают мертвецов на веревках: "Раз-два - взяли! Еще - взяли!.."

В согласное пение монахов вступает сам настоятель тихой полярной обители, подхватывая могучим басом:

- ...и раба божия Игнатия Власьева-ааа... что был допреж сего, в миру здешнем, машинистом дела минного-ооо... А-а-а!

Волосатая пасть игумена жадно заглатывает сырой морозец.

А на покойнике - поверх тельняшки - форменка-голландка. На груди бескозырка, на которой гвардейская ленточка Сибирской флотилии с вытертым золотом на восьми звонких буквах - "АСКОЛЬД".

Длинными шагами, выкидывая впереди себя стек, подходит к братии капитан Смолл (комендант концлагеря); за ним - переводчик. Монахи, как-то сразу поникнув, с тихим шелестом разбредаются от гроба. Англичанин долго и пристально рассматривает покойника. Минута... две... Резкий шаг в сторону отца Ионафана - и взметнулся стек, упираясь в панагию, надетую поверх старого, засаленного тулупа.

- Большевик?

- Что вы, сэр? Я... боцман. Боцман с бригады крейсеров.

- Он говорит, - сказал переводчик коменданту, - что он не большевик.

- Ну да! Был боцманом. А большевиком - николи...

- Настоятель, - продолжал переводчик, - категорически отрицает свою принадлежность к партии злодеев-коммунистов.

Отец Ионафан широко перекрестил матроса в гробу.

- Мы, монахи, - пробурчал он, - должны терпеливо нести крест свой. Но... pardon, уже поднадоело. Не взыщите, сэр, ежели мы этот крест где-нибудь и свалим ненароком...

- Что он бормочет, этот старик? - спросил Смолл. - Настоятель сказал, что ему последнее время все труднее и труднее соблюдать свою святость.

- Передайте ему, - велел Смолл, - что я знаю все его шашни!

- Комендант лагеря говорит вам, - сказал переводчик, - что он знает, к сожалению, все ваши похождения.

- Эка хватил! - нахмурился отец Ионафан. - Все мои похождения сам господь бог не ведает. Пуцай не липнет, смола несчастная!

- Что он сказал сейчас?

- Настоятель говорит, что вы напрасно ему не доверяете. Он торжественно заявляет о своей полной лояльности...

Отец Ионафан повернулся и пошагал прочь от англичан.

Смолл с переводчиком остались одни возле гроба.

- Что будем делать, сэр? - растерянно осведомился переводчик.

Смолл упорно разглядывал мертвеца.

- Скажите этому покойнику, - произнес комендант, - чтобы он не дурил и встал! Мороз усиливается... Скажите ему, что я обещаю не сердиться на него, если он встанет!

Склонясь к белому уху мертвеца, переводчик добросовестно перевел приказ коменданта. Но "покойник" - ни гугу: умер!

- Может, сэр, он действительно умер? И мы пристаем к нему совершенно напрасно?

- Да нет же! - ответил Смолл. - Видите, как у него трясется веко правого глаза. И снежинки растаяли на лице...

- Они тают, сэр, - удивился переводчик.

Смолл схватил покойника за плечи, посадил в гробу.

- Ты долго будешь притворяться? - кричал ему по-английски. - Встань, и я приму все за милую русскую шутку... Переведите!

- Комендант лагеря - ваш большой друг. Он говорит, что и сам любит пошутить. Но сейчас шутить неуместно.

Смолл отпустил руки, и покойник, медленно разгибаясь застывшим телом, словно тягучий воск, опять плавно улегся на свое ложе.

- Ладно! - отчаялся Смолл. - Все русские не дураки выпить. Спросите его, не хочет ли он выпить.

Переводчик взял флягу с коньяком, тыкал ее в синие губы:

- Эй, приятель! Хватит... ты же замерз. Выпей... Смолистый коньяк струился по лицу, но губы минного машиниста Власьева не дрогнули и не разомкнулись.

- Скажите ему, - велел Смолл, - что я умываю руки. Если он умер, то он для меня умер навсегда. Я его закопаю!..

Переводчик пошатнулся от страха и сказал кратко:

- Встань!

И покойник все понял: когда его понесли на кладбище, веки глаз затрепетали - вот-вот откроются. Но длинные гвозди уже пробили крышку гроба. Юнкера подхватили гроб, бросили его в яму и поспешно закопали.

Ночью за околицей монастыря тишком собрались монахи с лопатами и вырыли гроб из земли. Но аскольдовец Власьев, поседевший как лунь, - он лежал уже на боку - был мертв. Он задохнулся или замерз, или просто не вынес ужаса могилы.

Но Власьев никого не выдал. И его снова зарыли.

Отец Ионафан выпил в келье самогонки и заплакал:

- Хосподи, доколе табанить?

* * *

Ефим Лычевский (писарь с дивизиона эсминцев) залез пальцами себе в рот, вынул из десны зуб и, дурно дыша, сказал сипло:

- Гляди, инженер! Восьмой пошел... Я туга с осени самой.

Небольсин схватил полено, погнался в глубину ямы. Трах поленом! - и вышел на божий свет, держа за хвост крупную мышь.

- Есть одна, - обрадовался, как ребенок. - Я говорил, что сейчас, по весне, лемминги пробудятся от спячки и будут падать через щели к нам в яму...

Отовсюду, с высоких нар, строенных по краям глубокого бункера, пошли хлестать плевки, раздались возгласы отвращения:

- Брось! Что ты крыс таскаешь? Нешто сожрешь?

- Какая же это крыса? - возмутился Небольсин. - Это лемминг, полярный сурок. Крысу и я бы жрать не стал, я вам не ходя-ходя из Шанхай-города. А лемминг корешками да травинками кормится, он чистенький...

В этот день они узнали, что Власьева, по приказу коменданта, закопали живым. В яме бункера царила подавленная тишина. Значит, этот путь к бегству отрезан. Четверо уже, с согласия отца Ионафана, проскочили удачно. Монахи несли их на кладбище, где закапывали пустой гроб, а сам "покойник" скрывался. В бункере даже был составлен жеребьевый список:

кому в какой очереди "умирать". И вот, совсем неожиданно, их разоблачили...

Небольсин варил суп из леммингов, когда подошел баталер-анархист с "Купавы", сосланный в Печенгу за большую глотку, и ногою перевернул кипящую кастрюлю.

- Хватит! - сказал. - Лучше околей у меня на груди, только не могу я видеть, как ты крысу трескать начнешь...

Небольсин был последним, присланным с воли в бункера Печенги, и зубы у него пока были целы. А здоровый организм, приученный к обилию пищи, настоятельно требовал еды. Впрочем, надо отдать ему должное: инженер не обиделся на грубую выходку моряка. Вымыл кастрюльку и сказал:

- Ладно. Буду подыхать так... Но еще раз говорю вам, олухи: это не крыса, а полярный лемминг. Он - чистенький!

- Ученый! - ответили. - Ученость на том свете показывай...

Небольсин завалился на нары и думал о том, что русский интеллигент способен слопать все то, чего никогда не будет есть русское простонародье. Умрет, но никогда не притронется!

Медленно накалялась под сводами бункера электрическая лампочка, ярко вспыхнула и разом потухла. Откинулся люк, и юнкера загорланили:

- Эй, глисты в обмороке! А механики у вас водятся?

- Есть... один шевелится.

- Дуй к отцу дизелисту, ему опять машины не завести.

Наверх из бункера полез машинный кондуктор с тральщиков, и Небольсин подергал его снизу за штанину клеша:

- Можно и я с тобой?

- А мне-то что? Пошли, механисьен...

Было одно место в Печенге, проходить мимо которого Аркадий Константинович боялся - отворачивался... Там, на крутом взгорье, высился крест, а на нем висел, уже высохший, человек с искаженным лицом. Ветер с океана просолил ему кожу, превратив ее в пергамент; волос за волосом - день за днем - уносились в тундру с облысевшего черепа. Оскал лица трупа был ужасен. Небольсин, как и многие узники в Печенге, хорошо знал, кто висит на кресте.

Это был Комлев!{31} И, обнажив головы, они прошли мимо креста, направляясь в "машинную келью"...

Скоро на окраине монастыря зачихал дизелек и стойко наполнился светом лампы тюрьмы и обители. Отец дизелист был мечтателем в промасленном подряснике. "Если бы мне на заводы угодить, - печалился

он. - В Петрозаводск бы... А здесь пропаду я!" И передал в бункер подарки: пяток шанежек с начинкой из тресковой печенки, еще теплых, половину махорки и две спички...

- Живем! - радовались подаркам узники.

А потом весна надвинулась на Варангер-фиорд, и сверху в бункер потекло. Таяли снега, яму заливало. Люди сидели на нарах, поджав ноги, а сверху лились струи ледяной воды. Двух мертвецов - настоящих! - пришлось тянуть юнкерам на веревках.

- Фальшивых не берем... - смеялись молодые люди при этом.

- Тяни! - отвечали им снизу. - Эти крепко умерли...

Юнкера в Печенге были большею частью те самые, что когда-то охраняли Зимний дворец с правительством Керенского; держались они подло по отношению к заключенным и с очень капризным достоинством внутри своего отряда. Они гордо носили ореол "мучеников", а чтобы они не очень "мучились", юнкеров запрятали подальше от мирской суеты, на охрану печенгских узников... Теперь эти узники стояли по колено в стылой воде.

- Эй, молодежь! - кричали они юнкерам, задирая головы. - Доложи англичанам, что мы затоплены... Мы же подыхаем здесь!

- Нас не щадили, - отвечали юнкера, - вас тоже щадить не стоит. Плавайте дальше, красные лебеди!

- Ну какой же ты гад! - орал Небольсин. - Такой молодой, такой красивый и такой... гад! Небось папа с мамой тебя этому не учили... Вот бы мне сюда твоих папу с мамой!

В него хамски плюнули сверху, как на собаку, и он утерся.

Комендант Смолл наконец-то велел ликвидировать бункер и развести всех узников по избам монастыря-тюрьмы. Небольсин попал в матросскую команду.

Матросы хотя и грызлись между собою, но в трудную минуту забывали партийные разногласия и дружно сбивались в плотную стенку, которую из пушки не прошибешь. Да и частая помощь отцу дизелисту честно окупалась: дары всегда делили поровну. Этот монах окончил машинную школу при флотилии Соловецкого монастыря, но движок в Печенге был никудышный, и стартер барахлил. Отца дизелиста тянуло к матросам - они в моторах смыслили. А по вечерам избы монастыря обходили черноризные монахи с черепами и костями на облачении, какие рисуются на ящиках трансформаторов высокого напряжения. Скорбные лики схимников взирали на узников - пронзительно и остро. Схимники сыпали по углам порошок от клопов, спрашивали матросов:

- Чего дальше-то будет? Знаешь... Социал-демократы удержатся ли?

Опять же аграрная политика - это мы создаем. А вот мужик на деревне - поддержит ли он большевиков?..

Юнкера, карауля узников, до утра шлепали картишками, а сенях шуршали деньги, молодые петушиные голоса ссорились, мирились, произносили ненужные грубые слова.

В один из дней, под вечерок, дежурный юнкер вошел в "келью" матросской команды:

- Инженер Небольсин... здесь ли? Идите к настоятелю...

В спину путейца горячо шептали матросы:

- Курева... курева-то свистни! Что плохо лежит - тащи к нам!

* * *

Чайки сидели на воде по-ночному. Владыка стоял на крыльце, поджидая гостя, и не был он похож на всех других настоятелей, виденных Аркадием Константиновичем ранее. Сухой и мускулистый, кулаки - две тыквы, глаза глядели из-под мохнатой шапки внимательно, быстро все замечая... В келье у него пахло квасом, свежим хлебом и было уютно от тараканьих шорохов невольно клонило в сладкий сон.

- Ты что? - цыкнул отец Ионафан недовольно. - Спать пришел?

- Да нет. Я так... ослаб.

- С чего бы это? Ты ведь недавно сидишь. Раненько слабеть начал... Пить со мной будешь? Я юнкера-то отошлю к бесу, чтобы не слушал нас. Все едино - бежать некуда... - И с удовольствием выговорил: - Помнишь, инженерна-ай, как я тебе однажды в поезде баранку питерскую предлагал скушать?

- Помню, - вздохнул Небольсин.

- А ты нос воротил: не хочу, мол, баранку твою кушать. И в ресторан кандибобером поперся... Чего ты хоть ел там?

- Не помню. Что-то ел, наверное. Еда забывается, как и женщины... Человеку помнится совсем другое.

- Это верно. А теперь небось дай я тебе баранку такую, так ты и дырку от нее свертишь. Хватил тебя гусь жареный в это самое, что у тебя и у меня пока имеется?

- Хватил, ваше преподобие. Мне кажется, что я прожил длинную-длинную жизнь. Столько утрат, столько горя... - И он заплакал.

Отец Ионафан вытянул из-под стола бутылку.

- Ну-ну, поплачь. Дело житейское... А хлипкий народ пошел нонеча, как я погляжу. Вот и матросы - слабее стали. Раньше их пороли, пороли. И хоть бы што тебе! Орлы! Красавцы! А теперь ему юнкерство кубаря разасунет, а сдачи давать уже остерегаются... С чего бы это?

- Они голодные, отец Ионафан, - вступился Небольсин. Настоятель приник к уху, сказал - как бы между прочим:

- А комендант Смолл налип на меня. Быдто пиявка худа! Более "помирать" вам таким маниром не предвидется. Одного "покойничка" вашего в порту Владимире сцапали, он и разболтал... был слаб!

Они выпили: Небольсин - совсем немножко, отец Ионафан как следует выпил. Сбросив клобук с головы и пригладив чистенькую лысинку, в беленьких лишаях, отец Ионафан мечтательно, выдавая приступы старости, начал вдруг грезить о былой молодости.

- То ли раньше бывало? - говорил. - Как вспомню - душа замирает... Я тогда, последний год на крейсере "Россия" плавал. Пришли мы в Англию на коронацию короля. Визит дружбы! А там уже полно в Портсмуте коробок разных - и французы, и американцы, и японцы, и немчура. Адмирал Русин решил на фертоинг вставать посреди самого рейда. Ну и вставали мы... сутки! Смеялись над нами японцы, щерились американцы. Англичане - те народ деликатный: буксиры нам свои предлагали. Мы отвергли, гордые и независимые! Крутились, крутились на рейде, цепи расклепали, два якоря утопили... А все же встали на фертоинг! Ты слушаешь?

- Да, отец Ионафан, слушаю вас.

- Дале! Надо эскадру пускать на берег. Построили всех на шкафуте. Адмирал Русин (он аж синий стал от позора, что фертоинг подвел) и говорит... "Матросы! - говорит адмирал Русин, - не забывайте, что была Цусима, что Порт-Артур у нас отняли..." Ну, намек нам сделан: люди толковы. Не по первому году служат. Дело свое знают. Вышли на берег. Идем. Для начала выпили. Ну, в городе, вестимо, и японцы. Оно понятно: визит дружбы! И давай мы их метелить. В лоск! Вызвали англичане насосы - водой, как собак, разлили... Слушаешь?

- Да.

Настоятель плеснул себе еще самогонки и продолжал упоенно:

- На след день строит адмирал Русин опять команду. Держит такую речь: "Ах, в такую вашу мать! Мне, что ли, за вас драться идти? Бей в хлебало любого, чтобы не скалился! Бей так, чтобы после нашей эскадры по всей Англии зубы собирать не успевали!" Это была хорошая речь, и мы кричали "ура" адмиралу. На этот день мы японцев победили. Такой Порт-Артур получился, что куда там!.. Глядим: французы. Ага, думаем: они в Севастополе были, они Нахимова с Корниловым угробили... Лупим Францию на все корки. Тут и немецкие моряки подвернулись. Ах, думаем, кайзер наш русский хлеб жрет! Сейчас отрыгнуть заставим... Тут англичане

опять вступились с насосами. Им, видать, неудобно было: все-таки что ни говори, а визит дружбы называется. Сошлись, чтобы короля ихнего чествовать. Ну, дали мы тогда и англичанам! Не посмотрели, что они - хозяева, а мы - ихние гости. Так дали, что король Георг потом в нашу сторону не глядел. Обиделся, видать... Всю Антанту к такой матери расколошматили и вернулись в Кронштадт героями. Каждому адмирал Русин на весь поход по две чарки давал. А про фертоинг стыдно вспомнить... Оно верно: и мне, как боцману, стыдно было. Да кто ж их знал, что у них там течения кривые? На картах не обозначено...

И закончил свой рассказ отец Ионафан словами:

- Вот что такое русский матрос! Честь ему и слава! А не сидеть ему в английской яме...

- Это вы к чему говорите мне, отец Ионафан?

- А к тому, инженерна-ай, что мне капитан Смолл в зубах навяз. Хлебало ему набить не могу, ибо ныне в святости пребываю. Но я не прощу, что он в мои духовные дела с палкой да сигарой лезет. Я его, сукина сына, на такой фертоинг поставлю...

Небольсин догадался, что отец настоятель вызвал его неспроста. Все эти байки про баранки и фертоинги - для отвода глаз. Только для "прилику". Но главное он скажет сейчас:

- Вот таки дела, инженерна-ай, - качнул головой отец Ионафан. Русского матроса, красный он там или зеленый, я в обиду не дам. Тридцать лет плавал и честь флота своего беречь всегда стану. А тебя позвал как человека среднего, вроде посла великой морской и железнодорожной державы... Давай тяпнем еще маленькую!

И потом прямо в лицо Небольсину выложил:

- Мешок со жратвой отец-дизелист в снег возле крыльца вашего сунет. Там и карта будет. А что касаясь юнкеров - дело ваше. Хоть солите их, хоть маринуйте: мне этих говнюков не жалко...

Вот это и было самое главное. Завернул в газету пирог с рыбкой, сунул его под локоть Небольсину и на прощание сказал - словно убил:

- А ты, милый, бежать не можешь.

- Как? - удивился Небольсин.

- Не маленький, сам понимать должен... Ты ведь у меня был? Был. Значит, ты теперь на подозрении. А я чистым должен быть. Дай слово, что останешься.

- Ну что ж! Ладно. Останусь.

Было уже совсем темно в обители. Небольсин без конвоя добрался до своей команды, заспанный юнкер втолкнул его в избу, лязгнул запором. На

ощупь дотянулся инженер до нар, скинул с ног валенки. Было скверно ему от самогона - совсем отвык выпивать. Затешил лампу и разрезал пирог на части.

- Джентльмены! - объявил. - Полуночный ленч... Прошу!

Все пробудились, жадно ели пирог. Небольсин рассказал, что завтра мешок будет лежать в снегу. Карта! Команда сразу раскололась: одни говорили - надо идти на юг, к Петрозаводску, другие тянули в близкую Норвегию (там можно отсидеться). Победили люди активного настроения, желающие бороться, и решено было идти тундрами и лесами прямо на юг - в сторону большевиков.

Небольсин думал, засыпая: что делать ему? Слово отцу настоятелю, что бежать не станет, он дал. Но попробуй сказать об этом матросам - и сразу его заподозрят. Ах, такой-сякой, нас подначиваешь, а сам - в кусты? Может, скажут, ты со Смоллом склеился? Под мушку нашего брата подводишь?. Ему и без того не раз говорили: "Мы тебя по Мурманску знаем; ты, молоток, по разным консулам шлялся, с Элленом под ручку, словно с барышней, гулял по перронам..."

- Бегу, - сказал Небольсин.

Поднялась с нар взлохмаченная голова и спросила:

- Чего?

- Дрыхни. Это я так - сам с собой.

- Спятил ты, что ли?

Небольсин потом думал: "Сколько мне лет?" - и никак не мог вспомнить. Крутилась в голове яркая цифра "23". Заснул, мучаясь, весь в поту. Приходила во сне к нему Ядвига, и был у нее на пальце длинный крашеный ноготь. И она этим ногтем подзывала его к себе. Он подошел - под ливень поцелуев, влажных и грубых. Но потом Ядвига обернулась Дуняшкой с крепким, оттопыренным задом. А вагон привычно трясло и мотало на поворотах... Тут его разбудили: в окошки уже сочился рассвет. И он сразу вспомнил: "Сегодня - день побега. Плевать на отца Ионафана, старик хитрый, как-нибудь выкрутится. Не подыхать же мне здесь, а в Петрозаводске я могу быть еще полезен..."

- Слушайте! - неожиданно объявил он матросам. - Если хоть один из вас посмеет упрекнуть меня за шашни с англичанами или за то, что я с Элленом гулял, так знайте... буду в морду бить!

- Что ты? - спросили его. - Взбесился с утра пораньше? Дуй за кипятком во славу трудового народа... Остынь на ветерке!

Весь день работали: разгребали снег, чистили монастырский коровник. Даже молоко, которым угостили их под конец дня монахи, никого не

радовало. Возвращаясь в тюрьму, каждый невольно вглядывался в снежный сугроб возле крыльца: закопан мешок или нет? Все были взволнованы, нервны. А перед отбоем Лычевский дождался смены караула, выглянул в сенцы:

- Двое... сосуны гороховые! Крышка...

Стемнело. Перестали скрипеть калитки. Заработал движок на окраине. Собирались. Мыли ноги, обертывали их бумагой. Одевались поплотнее. Было немного жутковато. Но в компании матросни Небольсин чувствовал себя уверенней. Люди - не тряпки, прошли немало и кровь уже видели. Бросили жребий - кому кидаться?

Выпало двум и... Небольсину.

- Я не могу, - сказал он. - Никогда не убивал... увольте.

- Дерьмо! - обозлился Лычевский и отобрал у него жребий.

Вынули из печки кирпичи, еще теплые. Цепко ставя ноги, словно на корабле в шторм, матросы выпрыгнули в сенцы. Что-то треснуло дважды, будто расколотили пустые горшки, и матросы вернулись обратно, не подымая глаз. Зашвырнули кирпичи в угол.

- Готово, - сказали. - Винторезы ихние берем с собою...

Вышли. С океана задувал ветер. Блистали снега, как алмазы. Небольсин метнулся к сугробу.

- Есть! - сказал он, вскидывая мешок на плечи. Задворками, таясь вдоль заборов, матросы пробирались через ломкие от морозов кустарники. В приделе храма еще горел свет, и, пробегая мимо, видели в окне скорбный лик Христа, глядевшего с иконы на просторы гиблой Лапландии... И вдруг из темноты рванулась чья-то тень.

- И я с вами... И я с вами!

Их догнал отец дизелист - в тулупе, накинута поверх ряски. Монашеский клобук затерся среди бескозырок и шапок. Лычевский пощупал тулуп на монахе и сказал:

- С шубой, брат? Это дело: будем греться по очереди.

Небольсин перекинул мешок на плечи монаху:

- Тащи! Ты здоровее нас...

Отец дизелист оглянулся еще разок на смутные огни Печенги, а где-то уже далеко дочихивал последние часы его движок.

- Ну, все равно, - всхлипнул монах. - Стартер кикснулся. Не жалко... найдем получше!

* * *

Древняя земля Лапландии - страна колдовская, будто из подслушанной дедовской сказки. Эти скалы и снега, эти реки и водопады таят

губительные чары, как в пустыне. Чудятся путнику волшебные города, висящие над садами, слышится голос одинокой женщины, что поет и тоскует под звуки струн, и колеблются ночные тени, словно кто-то (тихий и нездешний) крадется рядом с тобою.

Мешок с едой давно был пуст, и его выбросили. Карта была самодельной, расписана химическим карандашом, и... верить ли ей? Шли по солнышку, что в полдень уже пригревало - так отрадно. Тащить ноги из грязи, прыгать через топкие завалы, проваливаться под лед, а потом, лязгая зубами, плясать "Камаринскую" у жалкого костерка - работа, конечно, нелегкая... Каторжная! А вокруг такое безлюдье - хоть обвейся на луну; только-изредка попадется заброшенное кладбище. Носки старой вязки снимали матросы с ветхозаветных покойников и шли в них дальше: это выручало. Иногда встречались древние каменоломни. Здесь когда-то трудились разбойники-варяги, добывая для себя серебро, или московские рудознатцы искали слюды для боярских окошек. Проснувшись после зимней спячки, возле своих норок, сложив на животиках лапки, словно хозяева на завалинках, дремали полярные лемминги.

- Инженер! - решились матросы. - Давай крысу твою попробуем.

Стали есть леммингов: ничего, даже нравилось.

- На кролика похоже, - говорили. - Только кролик побольше...

Так и шли. День за днем падало багровое солнце. Вставляли над ними знаки звезд, как вехи. Выпрямлялись из-под снега прибитые зимними буранами ветви. Плыли миражи - страшные, как привидения. Качаясь, шагали люди через Лапландию, жаждая видеть людей и боясь людей... О, время! О, год девятнадцатый!

Небольсина все время безотчетно тянуло на восток - в сторону дороги, где кричат поезда, и матросы отобрали у него карту.

- Иди к черту! - сказали ему. - Еще заведешь сдуру...

- Да поймите, - толковал Небольсин, - не все же там англичане и французы, наверняка есть и наши, русские.

- Ну да! - отвечали ему. - Свои-то еще чужих похуже!

Понемногу - с каждым днем - вырастали карликовые ивушки, вот они уже достигли плеча, выпрямились, и вот уже зазвенели на скалах первые сосны. Был день, и люди уже не шли - тащились...

Отец дизелист отпрянул вдруг в страхе, начал креститься:

- Господи, с нами сила твоя...

Из-за камней глядели на беглецов... гномы. Да, да!

Небольсин провел рукой по глазам - гномы. Сами маленькие, на головах колпаки с кисточками, в зубах коротенькие трубки, лица добрые и

румяные. Не хватало только молоточков и блеска алмазов в этих маленьких ручках.

- Ура... - хрипло выдавил из себя Небольсин и дал знак всем остановиться: - Стойте, чтобы не испугать... Мы спасены!

И, раскрыв рот в улыбке, шагнул вперед, еще издали протягивая руку для пожатия.

- Здравствуйте, добрые лопари, - сказал он. - Мир вам. Вашим погостам. И вашим олешкам... Ну, здравствуйте же!

Лопари косо посматривали на винтовки в руках матросов.

- Не бойтесь нас, - говорили беглецы, приближаясь. - Мы вам худа не сделаем, не обидим никого... Нам бы пожрать тока!

Лопари сразу - в круг: голова к голове. Качались кисточки на их колпаках, ветер раздувал легонькие серые куртки и шарфики. По снегу бойко переступали башмаки с острыми загнутыми носками. Говорили все разом быстро-быстро. Долетали из круга голов слова лопарские, вперемежку с русскими, финскими, норвежскими, шведскими... Закончили переговоры - и круг сразу разомкнулся.

Повернулись, и вдруг один - который постарше - выговорил:

- Товарищ... - Это было так неожиданно - здесь, в лапландской глуши, услышать слово "товарищ"...

За каменистым увалом открылось озеро, за озером лесок.

На берегу - лопарский погост; зимние тупы, обложенные мохом, уступили место летним вежам-кувакам, крытым древесной корой. Старая бабка с хорошим добрым лицом месила на камне тесто, ее красивые тонкие руки (руки природной аристократки) ловко кидали комков теста, и он звучно шлепался обратно на камень. Вышли еще женщины (все, как одна, беременные) в русских платках и сарафанах (а с озера дул ледяной ветер). И опять Небольсин поразился тому, как прекрасны и благородны были очертания их изящных рук. Этими руками женщины плавно зазывали.

- Городской, - говорили они, - ступай в вежу...

При входе в вежу сидела кошка и желтыми глазами глядела на беглецов. Вся-то вежа - две сажени; на вытертых шкурах проходит короткая жизнь лопаря. Новое поколение рождается на этих шкурах, и здесь же дети наблюдают последнюю агонию умирающего. А когда расселись, то ахнули при виде обильной еды. Лежали горкой куски оленьего мяса, ломтями сочно оплывали в жире форель, семга и озерные хариусы. Отец дизелист поскорее благословил трапезу и кинулся, как волк, на кусок пошире. Небольсин с полным ртом еще умудрялся разговаривать с лопарями. Они всегда кочевали по странам и платили налог то в России, то в Швеции, то в

Норвегии - привыкли быть троеданниками. А теперь печалились:

- Плохо, городской... Еще две штуки платим.

- Кому же?

- Финн стал олешков просить, генерал Ермолай совсем заграбил. Надо бежать дальше, где нас не найдут... Везде солдат обижают.

Матросы ели так, что сами диву давались. Лычевский выбегал из вежи, совал два пальца в рот - его несло - и опять садился на шкуры, вновь принимаясь за еду. Оленей у лопарей не было: с первым же возгласом гусей они отпускали стада на волю, чтобы сгуртовать их только с началом зимы...

В эту ночь беглецы хорошо выспались в дымной веже, а с рассветом добрые тундровые люди снабдили каждого берестяной кережкой, что вешалась удобно за спину; туда наложили рыбы, свежей и вяленой. Пошли дальше. Через несколько дней Небольсин увидел в дрожащем воздухе шапки гор, покрытые вечными снегами, и закричал:

- Стойте! О, черт возьми, вы меня тянули прочь от дороги, а куда завели? Это же Хибины, Имандра, Луяврутт...

От злости матросы тут же скурили карту отца Ионафана.

В леску стояли идолы заброшенного чудского капища. Деревянные и каменные болваны были увешаны лентами, истлевшими тряпочками и кабалистическими узелками; громадные рты идолов, все в пуху гагар и лебедей, были выпачканы оленьей кровью, - кто-то недавно молился здесь перед дальним путешествием. А под ногами матросов похрустывали куски аметистов и кварцев, - и Небольсин снова вспомнил Шеклтона: "Он не дурак, этот англичанин..."

С робостью они вышли на шпалы - дорога была пустынна. Где-то там Петрозаводск, красный, а где-то там - Мурманск, белый. И заковыляли по шпалам на юг. Звонко дрожали под ними рельсы, расшатанные за годы войны и разрухи. Небольсин не был сентиментален, но сейчас поймал себя на мысли, что ему хотелось бы нагнуться и поцеловать этот ржавый рельс.

Неожиданно с ревом выскочила дрезина под бронеколпаком. Без предупреждения открыла пулеметный огонь. Успели скатиться под насыпь, затерялись в кустах.

- Вот вам и дорога... свои! - делились матросы.

Решили углубиться в леса: в лесах, казалось им, безопаснее.

Глава девятая

Первая гусятинная травка пошла стрелять вдоль гнилых заборов, и весна была самым трудным временем для Спиридонова и его полка. Петрозаводск никогда не забудет этой весны 1919 года.

Обыватель еще доедал засохшие пасхальные куличи с липовым чаем,

когда красную столицу Олонии взяли в жестокую осаду. С севера по шпалам двинулись отряды Миллера и Мейнарда; со стороны финской границы, вызывая всеобщий ужас, пошагали по трупам финно-карельские банды; а внутри самой Олонии, словно нарывы, вызрели в кулацкой тишине и сытости безудержные бунты - от Шуньги до Толвуя все полыхало...

Опять ревел гудок Онежского завода. Строились коммунисты и красноармейцы, комиссары и совслужащие... Спиридонов сказал:

- Кому за сорок пять - шаг вперед! Вы можете идти домой...

В больницах рвали на бинты уже тюль занавесок. Отовсюду тянулись, шарпая колесами по песку, подводы, а на них - раненые, гангренозные, изувеченные. "Ужас!" - говорили те, кто возвращался из мест, захваченных белофиннами. Борьба была жестокой - на грани звериной лютости. Страшно, когда русский сходитя в нещадной битве с русским. Но, пожалуй, еще страшнее, когда финн встает против финна, - это самые свирепые в мире противники, и красные финны приняли на себя первые удары белых финнов.

Три фронта в Олонии, а четвертый - в самом Петрозаводске, и Спиридонов метался между этими фронтами. Кусок хлеба, прожеванный на ходу, глоток воды у колодца - и снова в бой... Белые с ходу заняли Видлицу и вступили уже в Олонец; и здесь и там были госпитали - всех раненых они вырезали; телеграф со стороны Лодейного Поля не отвечал. Гнали скот, даже молодняк; через тихие улицы Петрозаводска, в реве коров и бляные коз, прошли гонимые войною стада - отощавшие, давно недоенные. Отовсюду пылили брички, а в них - выше головы - связки бумаг: архивы местных исполкомов. Детей, наспех закутанных и поцелованных, вывозили в Вытегру - подальше от битвы. Семьям коммунаров грозило беспощадное уничтожение, и надо было эвакуировать их подальше. Грохочущие составы вывезли женщин и семьи коммунистов далеко. Даже слишком далеко от Петрозаводска - в Курскую губернию...

В один из дней Матти Соколов, отступая из бандитских лесов со своим разбитым отрядом, привел в ВЧК пленного - проводника. На допросе он не сразу, но все же сознался, что весь этот ужас нашествия возглавляет с финской стороны офицер германского вермахта по фамилии фон Херцен. "Опять немец! - поморщился Иван Дмитриевич Спиридонов. - Сейчас-то уж какого им рожна надобно?" При обыске у проводника были найдены адреса Юденича и барона Маннергейма.

- Значит, спелись, - был вывод Спиридонова. - Теперь жди, когда наши из Архангельска на поклон в Хельсинки побегут...

Цель Юденича и белофиннов одна - Петроград, но подступы к нему лежали не только в разливах Луги и Нарвы, - здесь, в болотах Карелии, на окраинах Петрозаводска, также решалась сейчас судьба этого вечного города, и каждый боец понимал, как он ответствен перед революцией. Рельсы, рельсы, рельсы проклятые эти рельсы: по ним уже катятся с севера бронепоезда интервентов. Вконец разбиты о шпалы, вдрызг размочалены об острый гравий последние лапти бойцов красной Олонии... Штанов уже не было. Мы не оскорбим чести и мужества спиридоновцев, если скажем здесь правду: они воевали уже в кальсонах.

Сейчас они отступают. Отступают. Отступают.

Не так уж все страшно: они не отступят!..

- Милиционеров, - велел Спиридонов, - тоже на фронт... А где это музыка наяривает? - спросил, прислушиваясь к мазуркам.

Ему ответили, что на вокзале, воодушевляя бойцов, идущих на передовую, уже второй день играют гарнизонный оркестр.

- Пусть доиграют и - на фронт!

Музыканты сложили блестящие трубы и зашагали босиком по грязи. Им выдали учебные винтовки - с дыркой в канале ствола, и при каждом выстреле лица музыкантам обжигало выхлопом раскаленных пороховых газов. Их легко было узнать среди бойцов, этих музыкантов: вся правая часть лица у них почернела... Среди ночи доложили:

- Они уже рядом. В шести километрах от города...

Новая задача для Спиридонова: эвакуировать буржуазию. Губернские учреждения катят на Вытегру - там все-таки спокойнее. Кажется, из города выжали все, что можно, - все закрыто, пусто на улицах, ревком оставил на весь Петрозаводск только шесть коммунаров... Шесть человек на всю столицу Олонии! Остальные уже там, под Сулаж-горою, они - в бою. И оттуда доносится:

Это есть наш последний

И решительный...

По ночной станции Петрозаводск процокал конный разъезд. Было тихо среди путей, и лошади, высоко вскидывая тонкие ноги, робко переступали через рельсы. Отряд всадников медленно ехал вдоль путей, вдоль эшелонов, пустых и одичалых. Усталые кони, мотая гривами, старались хватить губами первую весеннюю травку. Разъезд как разъезд - удивляться тут нечему. Но при свете луны вдруг блеснули на плечах всадников офицерские погоны...

- Белые! - началась паника. - На станции уже белые! Спиридонов выбил окно, выставил на подоконник пулемет.

Длинная очередь трясла и трясла его плечи... И семнадцать часов подряд - с ночи до ночи - Петрозаводск был оглушен ревом снарядов, криками близких штыковых схваток. Семнадцать часов, в крови и грязи, стояли Спиридоновцы и рабочие. Колонна за колонной, нещадно поливая все живое огнем, лезли на проволоку враги. Тут уже все перемешалось, - и в русскую речь вплетались слова финна, карелы кричали по-русски, а русские горланили по-фински:

- Такайсин... пошел прочь! Тааксепяйн... назад!

На рассвете никто не верил в тишину. Но тишина стояла над городом и окраинами. Тишина - вязкая, пахучая, дремотная. И пахло ландышами. Враг был отбит, и только трупы лежали по холмам, поросшим свежей гусиной травкой.

- Пить... - сказал Спиридонов; подцепил из колодца ведро; задрал его над головою, он пил, пил, пил... - Вот что, - сказал потом Спиридонов, - мы напрасно погорячились... Всех губкомовских из Вытегры вернуть. Семьи коммунаров тоже пусть едут обратно. Мы Петрозаводск отстояли, и не хрена им там болтаться по Курской губернии...

Прямо из боя к нему подошел комиссар фронта Лучин-Чумбаров.

- Дай и мне... - сказал хрипло.

Был он брезглив, долго глядел в глубину ведра - нет ли там какой гадости. А напившись, сообщил:

- Некогда было сказать раньше... Дело тут такое: тебя, Иван Дмитриевич, к ордену Красного Знамени, - получи и гордись!

- К черту! - ответил ему Спиридонов, всматриваясь в лица мертвецов. Или всему полку, или никому. Один я ордена не приму!

И пошел прочь от колодца, задевая плечом косые заборы. Ему очень хочется спать... спать... спать...

* * *

На станции Масельгская - тоска, и зябнет под дырявым чехлом нестреляющая пушка; ударника нет как нет, и пальцем его не заменишь... От этого еще тоскливее кажется жизнь: не веселят ее вечерние танцы на перроне с барышнями уездного значения под комариные скрипки. И шумит лес за станцией. Тишина, тишина... Близкий фронт постукивает винтовками, хлопает вдалеке граната, и снова - тихо. Время от времени появляется над поляной "Старый друг", шины его колес долго мнут нежные ландыши. Кузякин, еще не остывший после полета, садится на крыло, держась за живот.

- Французы куда-то провалились! - кричит он хрипло. - Давай, только на английском. Пулемет надо зарядить, все ленты расчихвостил... А гада

Постельникова еще не встретил...

"Дался ему этот Постельников; спит теперь - и во сне его видит... Однако, - размышляет Вальронд, - небо, как и море, широкое: попробуй, товарищ Кузякин, найди..." Чтобы не есть даром паек, мичман вызвался чинить оружие спиридоновцев. Пулеметы были разных систем: кольты и "шоши", "манлихеры" и "виккерсы", а чаще всего - "максимы", уже изношенные, заедающие при стрельбе. Как-то попался британский "пом-пом", и Женька разобрал его с наслаждением. Вспомнился "Аскольд" - там были такие, против авиации...

Он сидел в избе, где разместил свою мастерскую, и держал в руке новенький английский автомат. Русская армия до автоматов так и не довоевала. Правда, появились одиночные - Федорова и Токарева, но ввести в производство их не успели: началась революция. Оружие хорошее, и стало Женьке опять тоскливо. "Черт возьми, - подумал, - когда оправится Россия от разрухи?" Шумел и шумел лес. Рукою, испачканной в масле, Вальронд подцепил с края стола драгоценный окурок. Над притолокою избы был вколочен гвоздь, чтобы вешать фуражку, и вспомнился ему тут Чехов: " - Вот и гвоздик... Хорошо бы не повеситься!"

Мощным ревом рвануло над лесом, - это опять возвращался Кузякин. На этот раз не один... Сверкающий "ньюпор" красного военлета гнал над рельсами машину британского "хэвиленда". За небесной схваткой следили бойцы; с тряпкой в руке выскочил и Вальронд. Стояли, задрав головы, слушали, как стучат в облаках пулеметы - стрекочут, будто две швейные машинки: шьют да пошивают!

"Хэвиленд" тянуло в лес, но Кузякин простреливал врага с бортов. Он не давал ему воли: вот тебе рельсы Мурманки, и здесь ты угробишься. А в лес я тебя не выпущу, нечего тебе там делать... И два шмеля, обозленно воющих один на другого, порхали над магистралью. Конец врага наступил внезапно. "Хэвиленд" вдруг резко отвернул в сторону и врезался носом в насыпь... Всё!

Кузякин посадил своего "Старого друга" на травку, шагал от самолета к избе, мрачный и суровый.

- Постельников? - спросил его Вальронд еще издали.

- Ну да! - ответил Кузякин. - Станет тебе мой ученик таким козелком летать... Нет, это англичанин, кажется. Он мне что-то орал в воздухе, да я не понял... Хочешь посмотреть?

- Нет. Там лепешка от человека.

- Все будем в лепешку... Где тут лопата?

Кузякин был человеком благородным. Не поленился - саморучно

отрыл под насыпью могилу поглубже. Бережно перенес в нее останки британского пилота, которого, как выяснилось из наручного браслета, звали Джеймс Фицрой; этому парню было всего двадцать три года. Какая большая жизнь улыбалась ему каждое утро...

- Жалко мне тебя, сопляка! - сказал Кузякин над могилой. И поставил крест с такой надписью:

Здесь лежит английский пилот
ФИЦРОЙ

Ему было 23 года

Могилу просим не разрушать

Фицрой был обманут

Свежий холм земли окружили бойцы, притихшие.

- Кто же обманул его, товарищ Кузякин?

- А что ты за дурак такой? Все мне тебе объяснять надо... Не беспокойся, - сказал Кузякин, - ты его не обманывал. Я тоже без обмана и подлости сбил в честном бою... Фицроя обманули еще на родине, и ты, пентюх валдайский, сними шапку. Фицроя мне жаль!

В тот же день он слетал в Петрозаводск, доставил оттуда трясущегося от страха фотографа с треногой. Велел сделать снимок могилы, и, когда отпечаток был готов, Кузякин сказал Вальронду.

- Морской, ты английский знаешь... Пиши: "Ваш юный пилот Фицрой храбро дрался, и мне было трудно его сбить. Посылаю фотоснимок с его могилы и возвращаю документы покойного..." Что там еще надо добавить? Как ты думаешь?

- Добавь, - посоветовал Вальронд. - "Выражаю глубокое соболезнование семье покойного".

- Идет... - согласился Кузякин.

И долго потом гладил на лбу морщину. Фотографию могилы, заодно с письмом, Кузякин вложил в карман вымпела, а вымпел сбросил над расположением британских позиций: пусть знают{32}...

Вальронд потом как-то при случае заметил военлету:

- У нас на флоте такого порядка не было: топили друг друга без любезностей. Конечно, я тебе смерти не желаю. Но вот, случись, тебя собьют белые, неужели они поступят так же?

- Не мне ломать старый обычай, - сказал Кузякин... - Так уж повелось среди летунов всего мира. А сбить меня здесь, на севере, может только один человек... Только один!

- Кто?

- Есть такой полковник-ас... Сашка Казаков. Мы с ним приятели были.

У него семнадцать побед на счету. Но, говорят, крепко стал зашибать водочку. Сейчас он в Архангельске... краса и гордость авиации Миллера! Но сначала, закончил Кузякин тихо, - я грохну Постельникова... Как нагнусь - так режет!

* * *

Лапти носить надо уметь. Эту истину Вальронд понял совсем случайно, во время отступления. Два греческих мула (их отбили вчера у англичан), звякая уздечками, тянули через колдобины пушку без ударника. И фуражку мичман вешал теперь не на гвоздик, как было у станции Масельгская, а на сучок дерева.

Нетрудно догадаться: Масельгскую они сдали.

Вальронд сносил две пары лаптей, отступая...

Третьи натерли ему ноги, и тогда он пошел босиком.

Для лихого мичмана с крейсера "Аскольд" - это уж слишком. Но, очевидно, так надо: путь был избран... вместе с народом и до конца! И никто его не толкал в загривок на этот путь - он сам ступил на него. Так что не пищать! А путь нелегкий - особенно вот в таком отступлении, когда между пальцами босых ног выдавливается черная торфяная жижа, ледяно режущая ноги.

- Ретирада что надо! - говорил Вальронд...

Разъезд No 12 - ни души, и провода оборваны, смотаны в катушки, лежат на перроне: Одинокая козочка щиплет травку. Конечно, козочку они эту съели, - прощай, разъезд No 12!

Разъезд No 11 - тут они встретили бойцов, занимавших позицию. Полураздетые, иные в грязных кальсонах, заросшие бородами и охрипшие, они шатались от голода. Здесь съели, после долгих дебатов, двух греческих мулов, а пушку погрузили на платформу. Конечно, эту бесполезную пушку лучше всего в отступлении было бы "потерять", но совесть артиллериста не позволяла Вальронду это сделать. Берег, тащил за собой и... проклинал ее!

Спиридоновцев обходили англичане, и бронепоезд шпарил через лес осколочными. Осколки разили белок на деревьях, к ногам бойцов однажды упала куропатка. Белые заняли Повенец, и к отряду Спиридонова, отступавшему далее, примкнула пожарная команда из Повенца, возглавляемая аптекарем одноглазым бойким малым. Из леса вышли три брата Пашковы, партизанящие в округе, попросили патронов (в долг!) и снова скрылись в дебряной чаще. Вальронд не переставал удивляться народной выдержке: их бьют, их лупят, они отступают, но воля народа крепнет. Это было удивительно и наводило Вальронда на всякие ассоциации из русской истории: так, наверное, было при Мамае, такой же

дух поднимал мужика в двенадцатом... Что-то незримо ожесточалось в душе каждого - даже в отступлении.

На окраине Медвежьей Горы они укрепились, прибыл и товарищ Спиридонов; жестко совал руку бойцам, без улыбки, без слов. Заметив пушку, залепленную грязью, спросил Вальронда:

Дотащил?

- Допер.

- Дело!

Вот и весь разговор...

В этот день рядом с ними упал вражеский снаряд. Он тяжело шлепнулся на землю и не взорвался. Бешено крутятся, словно суппорт гигантского станка, снаряд медленно переползал через лужу, и грязные брызги залепляли лицо Вальронду и Спиридонову. Два человека смотрели один на другого, ожидая мгновенной смерти, пока наконец снаряд не успокоился в луже - еще дымясь... весь в накале вращательной скорости полета...

- Так как это все называется? - перевел дух Вальронд.

- Это называется - повезло. Долго жить будем!

- Спиридонов! - И Вальронд шагнул к нему через лужу. - Я хочу с тобой поговорить. Просто так. По-человечески. Не против?

- Давай говори.

- Что дальше будет? Мы же драпаем, Спиридонов.

- Верно. У нас просто аховое положение. Но тифа еще нет!

- Правда, - согласился Вальронд, - черт знает почему, но вши кусают нас не тифозные... А что же дальше?

- Дальше будет как в сказке: мы победим, флотский! Но сначала сдадим, видать, и разъезд десятый. И... эту Медвежку сдадим тоже. Нам здесь не устоять.

- Трудно... - вздохнул Вальронд.

- Еще как! Ты бы посмотрел, что под Петрозаводском было: Там перекалечило столько народу... Детишек жаль - натерпелись. А мы с тобой бугаи здоровые!

Отошли оба в сторону, и за их спинами взорвался снаряд, присмиривший в луже. Фонтаном жидкой грязи сочно плеснуло поверху.

- А я что говорил? - захохотал Спиридонов. - Везет?

- Везет... Только, если меня накроет, прошу не писать на моей могиле: "Здесь лежит военспец такой-то..." "Военспец" отдает канцелярией! А я все-таки не чиновник. Напиши: мичман!

- Трепло ты, мичман, - добродушно сказал Спиридонов. А на станции

полно вагонов, несет от них запахом навоза и карболки. Вовсю работает жаркая вошебойня, по улицам ходят бойцы, напрашиваясь на ужин к хозяевам. А поужинав, кладут под горшок деньги. Это закон для всех спиридоновцев (жестокый закон: поел - заплати). Вальронд со своими ребятами, двумя приبلудными артиллеристами, загнал калеку пушку во двор избы. В потемках горницы нащупал гвоздик - повесил фуражку.

Отвечеряли рано. Лежа потом на печи, при свете керосиновой лампы, допоздна читал белогвардейский "Мурманский вестник", издаваемый Ванькой Кладовым. Читал, встречая знакомые имена: Харченко, Брамсон, Эллен... Думал о них: "Вот дерьмо собачье!" И, задрав ногу, почесал босую пятку. Фукнул на лампу, уснул спокойный. И крепко спал - здоровым сном здорового человека.

Утром его разбудил истошный вопль.

- Танька-а-а!... - надрывались под окнами. - Танька идет!

Вальронд соскочил с печи: он любил всяких Танек и Манек...

- Где Танька? - высунулся в окно.

Но издалека доносился неясный гул. Артиллеристы уже впрягали пушку в лошадей, чтобы удирать подальше. Раздвинув на окне герани, Вальронд спросил:

- Что там грохочет? "Бепо"?

- Нет, танки... - внятно объяснили бойцы.

Вальронд сорвал с гвоздя фуражку. Разлетелся в сени избы.

Хлопнул себя по лбу - заскочил обратно в горницу.

- Гвоздь! - заорал он, вне себя от восторга.

И, вцепившись в гвоздь, стал вырывать его из стены.

Вырвал! И, зажав в потном кулаке, кинулся на двор...

- Разворачивай! - приказал. Пегие лошади рванули трехдюймовку в распахнутые ворота.

Был серый день, моросил мелкий дождь. Избы серые, поля серые, дым серый, и он увидел английские танки (тоже серые). Две машины на гусеницах, облепленных травой и глиной, елозили невдалеке от позиций. Ветер доносил оттуда, помимо грохота, и острый запах газа, могуче отработанного моторами в выхлопы.

Это было нечто новенькое в войне, и бойцы Спиридонова невольно пятились назад. Понукаемые кнутами, лошади домчали пушку до передовой линии, развернули ее. Из снарядной двуколки достали первый снаряд, и он был тоже серый, как и весь этот денек.

- Заряжай! Чего вылупились на меня? Заряжай, говорю...

Желтый затылок унитарного патрона ядовито зеленел капсюлем.

Чавкнула челюсть замка, намертво захлопывая канал. Вальронд сам наводил оружие и в скрещении панорамы видел, как плавно карабкается через валуны железная машина фирмы "Рено".

Вставил гвоздь - вместо ударника.

- Топор! - кричал, прыгая. - Давай топор!..

Из окопов - голоса бойцов:

- Да что он? Пушку рубить собрался?

- Давай без разговоров... Я держу его на прицеле!

Дали топор. Он откинулся назад всем телом:

- Разбегайся! Я один в ответе... - И треснул обухом по гвоздю, словно заколачивая его в пушку. Чудо свершилось: гвоздь пробил капсюль, и пушка, давно молчавшая, вдруг откатилась назад в четком залпе. Земля вздыбилась перед танком, и танк на минуту замер...

- Гвоздей! Готовь гвоздей мне, а снарядов - хватит!

Сразу изменилась обстановка. Бойцы, раскусив секрет, дружно ломали заборы, выдирая оттуда гвозди - поновее.

Выстрел за выстрелом! Острая струя газов выкидывала гвозди обратно, как пули: "Рено" вдруг дрогнул и осел набок. Второй танк начал поспешно разворачиваться, удирая... Вальронд, весь в неумном бешенстве, скакал возле пушки, и серый денек вдруг расцветился для него, как день рождения радостный день.

В поддень его оружие - уже по праву - заняло боевую позицию. Англичане сидели вдоль полотна дороги, посылая в атаки то белых, то сербов. Снаряды противника, вылетая откуда-то из-за моста, дробили гранит, выкорчевывали вековые сосны. Потом разрывы сделались приглушеннее, словно хлопки в ладоши. Что бы это значило? Вальронд, озадаченный, поднялся во весь рост.

- Спиридонов, - позвал он, - ты ничего не замечаешь?

- Нет. А что? - подбежал к нему Иван Дмитриевич.

- А ты... понюхай! - сказал Вальронд.

Резедой или фиалками запахло вдруг над развороченной землей. Спиридонов закашлялся, в горле свистело и клокотало.

- Газы, - хрипели бойцы в окопе, удушаемые сладким ароматом; глаза их были сведены острой болью, они тужились раздвинуть веки пальцами, чтобы видеть... Ногтями драли затылки, скребли за ушами; кожу съедало; казалось, горит само тело.

- Отходи! - велел Спиридонов и, вытянув руки, как слепец, с зажмуренными, полными слез глазами, пошел назад...

23 мая отравленные газами бойцы Спиридонова оставили Медвежью

Гору и отошли на новые позиции, на восемнадцать километров от Повенца, - впереди лежала станция Кяписельга, и ее надо было держать. А в захваченной Медвежьей Горе англичане сразу приготовили плуги и стали пахать на лошадях громадное поле мужицких пустошей - под аэродромы для своих бомбардировщиков.

Когда стемнело, Спиридонов вдруг повернул своих бойцов - в штыковую атаку. На четверть часа ему удалось отбить разъезд Но 10. Только на пятнадцать минут, не больше: бронепоезд врага уже наседал на разъезд блиндированной мощью огня.

С разъезда приволокли британского офицера, и Спиридонов сказал:

- Эй, флотский! Ну-ка, поговори с ним так на так...

Пленный англичанин был техником аэродромной службы; карманы его френча были нашпигованы листовками - для чтения; примусными иголками - для спекуляции.

- Переведи ему, Максимыч: как им не стыдно? Против голодных людей, борющихся за свободу, бросать баллоны с газом...

Пленный в ответ твердил одно и то же:

- Это крайность... да, газы - крайность. Но у нас больше ничего не осталось. Англия - единственная страна в мире, которая никогда не знала поражений... Это крайность!

- Есть еще одна крайность, - заметил Вальронд от себя, - это сесть на транспорта и... Пора уже вам побыть немного дома!

Англичанин долго топтался в своих громадных бутсах, вздыхал.

- Вы правы, - согласился он. - Мы делали запрос в парламент. И будем делать еще. Мы тоже не всегда понимаем, зачем нас здесь держат. Тем более что президент Вильсон уже отзывает всех янки за океан. Готовятся выехать французы, итальянцы, румыны...

Это была хорошая новость.

- Однако мы, - закончил пленный, - мы остаемся. Без нас белая армия генерала Миллера погибнет...

* * *

Над прекрасной землей Олонии текли газы, и белые лебеди, отравленные ими, рушились с высоты, бессильно сложив крылья.

Глава десятая

Поручик Адмиралтейства ужинал в офицерской столовой флотского полуэкипажа. За окнами тянулись к небу мачты поморских шхун, дымили трубы ледоколов "Кузьма Минин", "Иван Сусанин" и "Канада". Через форточки дул свежак, раздувая веселые занавески. Тяжелая серебряная ложка с монограммами Беломорской флотилии черпала густой суп из

английских концентратов.

Дрейер хорошо понимал, что конец близок и за ним придут. Кто придет? Только не матросы, только не солдаты: нет, он слишком известен в гарнизоне, и эта известность сохранила Дрейера до весны 1919 года... Его не тронули. Парадоксально, но факт: большевик Николай Александрович Дрейер сидел за столом офицерского камбуза флотского полуэкипажа. Держал в руке серебряную ложку, а на плечах его серебрились погоны поручика по Адмиралтейству. Все офицеры от него отшатнулись; за столом было пусто: никто не желал сидеть рядом с большевиком... "Пусть! Да, пусть!"

Скоро взломает лед на Двине, и тяжкий форштевень "Святогора" разворотит скованный фарватер. На столе штурманской рубки раскинут карты и проведут линию курса - далеко: может, за Диксон. Но уйдет ледокол уже без него: "За мною придут... Кто?"

Легкая тень упала из-за спины, и рядом с Дрейером уселся лейтенант Басалаго; поправил манжеты и аккуратно стряхнул пепел, упавший с папиросы на скатерть.

- Какой суп сегодня, Николаша? - спросил он.

- Не понять, но вкусно...

Помолчали, - оба настороженные.

- Весна, весна! - с глубоким надрывом сказал Басалаго, и ноздри его носа раздулись, жадно вдыхая увлажненный воздух.

- Да, весна, - кивнул Дрейер.

- Как все идиотски устроено! - снова заговорил бывший диктатор Мурман. - Я дышу прелестью этой весны, я жажду любви красивой и бесподобной женщины, которую случайно встретил в Архангельске, и я знаю...

- Что ты знаешь? - И Дрейер отстранил от себя тарелку.

Басалаго ответил:

- Знаю, что непременно погибну... Глупо, верно?

Дрейер хмыкнул под нос:

- Смотря за что погибнуть... Дай прикурить!

Через стол протянулась рука Басалаго, щелкнула зажигалка.

- Я пришел за тобой, - сказал лейтенант.

Дрейер скосил глаз от огня его зажигалки.

- А что, - спросил, - никого другого прислать не могли?

- Мы товарищи по корпусу. Как товарищ товарища...

Дрейер разглядел в окне мачты своего "Святогора".

- Знаешь, Мишка, - сказал он, - ты не издевайся... Тебе не удастся

вывести меня из терпения. Я если и погибну, так погибну за свободу. За нечто лучшее. А ты заговорил о смерти неспроста: твой конец тоже близок. Но за что ты погибнешь?

Басалаго нервно рассмеялся:

- Ты, Николаша, к месту помянул свободу. Я действительно знаю, что рано или поздно буду убит... вами! И тоже за свободу. Свобода - такая подлая штука, что каждый ее понимает по-своему. Черт с тобой, погибай за свою "свободу", как ее понимают большевики. Но я ценю свою свободу, и она меня устраивает...

Он опустил голову и вдруг тихо произнес:

- Американцы уходят... - Сунул руку во внутренний карман кителя, долго там шарил, вынул и положил на стол паспорт. - Поздравь, Николаша, - сказал почти дружески, - я гражданин самой свободной страны на свете, гражданин Американских Штатов.

- Ты... комик, - ответил Дрейер. - Ты бы хоть сейчас не смешил людей. Американец, говоришь? Ну так и убирайся вместе с американским эшелонном... Что ты сидишь здесь, мудря лукаво?

- В том-то и сущность моей оригинальной натуры, - возразил ему Басалаго, - что я никуда не уйду. Паспорт - это зацепка, просто человеку нужна пристань под старость. Но я остаюсь здесь до конца. Или до победы, или... до поражения.

Дрейер докурил папиросу и встал:

- Куда меня сейчас?

- В тюрьму...

- Ну ладно, Мишка! Когда меня станут вешать, ты приди посмотреть...

- Это же противно! - ответил Басалаго. - Я не обещаю.

- Нет, ты приди. Коли не постыдился прийти арестовать как "товарищ товарища", так, будь любезен, приди и повесь как "товарищ товарища" по корпусу.

- Ты так хочешь, Николаша?

- Да. Приди. Я тебе покажу, как мы умеем умирать...

Но сначала Дрейеру показали, как будут умирать его товарищи. Партийная группа Карла Теснанова, арестованная, была еще жива{33}. Как военного человека, Дрейера от нее отделили. И возили его, из ночи в ночь, на казни. Его тоже не раз прислоняли на тюремной барже к броневому щиту, возле которого расстреливали людей, и сплюснутые броней пули отскакивали горячими лепешками. Он немало повидал за эти дни, даже слишком много для одного человека. Этот могучий великан, с раскатистым голосом и пышной шевелюрой, похудел, спал с голоса, а волосы его стали

белыми, как крыло чайки... Ему было предъявлено потом обвинение: "1. Принадлежность к преступной партии коммунистов-большевиков, стремящейся к ниспровержению законных правительств.

2. Агитация на публичных митингах Архангельска и Соломбалы против наших союзников, которые вели вместе с нами войну против центральных держав, и

3. Попытка оставить Архангельск в руках большевиков, а также затопление судов на фарватере с целью препятствовать проникновению кораблей союзного нам флота".

- Ни один пункт не отрицаю, - подписался Дрейер под приговором. - Все было именно так... И каждым пунктом вашего обвинения - горжусь!

В застенке ломали его волю. Враги знали, что Дрейер был, лучшим оратором в полуэкипаже, что его любили и любят архангельцы, и теперь надо было показать Дрейера в ином виде, сломленным.

Как одуряюще пахло весной, которая сочилась даже в каземат...

Скоро черемуха вскинет упругие ветви, они дотянутся сюда - до окошка его камеры. А его уже не будет. Часто звякал в двери глазок: Дрейера изучали, даже дамы приходили смотреть на поручика, ставшего большевиком. О, эти прекрасные женские глаза, глядящие в круглую железку тюремной двери... "Как вам не стыдно!" - хотелось сказать им. А во дворе тюрьмы всю тарахтело разбитое фортепьяно, и чистый голос выводил под Вертинского.

Ваши пальцы пахнут ладаном,

И в ресницах спит печаль,

Ничего теперь не надо вам,

Никого теперь не жаль...

"И много надо, - размышлял Дрейер, - и всех жаль!"

А внутри двора гуськом вдоль стены блуждали женские тени: был час женской прогулки, и он стал его последним часом. Дрейера вывели во двор, арестанток оттиснули на край, а посреди двора, прямо на камнях, с помощью керосина, развели костер...

Собрались приглашенные - как в театр. Были союзники, были чиновники, представители прессы, были и женщины. Слава богу, не догадались привести детей. И не пришел лейтенант Басалаго ("Трус", - думал о нем Николай Александрович).

- Читайте, - сказал он. - В сотый раз... уже надоело!

В глубине тюремного колодца, сложенного из камня, еще раз зачитали для гостей! - конфирмацию суда, составленную на основании законов империи, которой уже не существовало. Потом подошел полковник

Дилакторский, сорвал с плеч Дрейера погоны, отцепил от пояса кортик и снял ордена. Все это полетело в костер. Но перед этим Дилакторский долго ломал кортик - символ дворянского достоинства. Ломал долго и безуспешно - крепкая сталь не поддавалась, и полковнику было стыдно перед дамами.

- Позвольте, я попробую, - сказал ему Дрейер.

Взял кортик, переломил на колене, отшвырнул в костер:

- Пожалуйста... Вот так надо!

Дрейера спросили здесь же - не отрекается ли он?

- Нет, - ответил поручик. - Я не отрекаюсь.

И тогда во дворе тюрьмы появился Басалаго.

- Я, - сказал он, - только что разговаривал с его превосходительством Евгением Карловичем о тебе, Николаша! Согласись, что твое положение глупо: потомственный тверской дворянин, окончил Морской корпус его величества... Ну да! Евгений Карлович так и понял: увлечение молодости, и оно простительно...

- Что тебе от меня сейчас надо? - спросил Дрейер. - Коли уж ты явился, так встань в сторону и веди себя скромно.

- Нам ничего не надо, это тебе надо, - ответил Басалаго. - Публично откажись от своих убеждений, к чему тебе этот марксизм? Мы уже переговорили с генералом Айронсайдом, и в батальоне имени Дайера есть и не такие отпетые головы, как твоя. Еще можно искупить вину кровью.

- Отстань... я не отрекаюсь! - повторил Дрейер.

Дилакторский шагнул к нему:

- Тогда приготовьтесь к казни...

Дрейера увели в камеру, там ему связали руки и сделали глубокий укол в спину. Он чувствовал, как входит в тело игла и разливается по крови что-то жуткое и бедовое. Они хотели его видеть сломленным, и этот укол вызвал паралич воли. Дрейер вздрогнул и... заплакал.

Свежий ветер летел над Двиной, косо взмывали чайки, ветви черемух трясло над тюремной оградой. И бурные приступы рыданий колотили истощенное тело. Вот тогда его вывели: пусть все видят, как он плачет. Кто-то засмеялся (уж не Басалаго ли?):

- Так покажи, Николаша, как вы умеете умирать?

Сквозь рыдания Дрейер ответил в толпу "гостей":

- Ты умрешь хуже собаки... А я все равно - человеком...

И вдоль стен плакали женщины - тихо, тихо. Кусая платочки.

Николая Александровича поставили на краю ямы.

- Бывший поручик Дрейер, - заорал на него Дилакторский, - долго ли нам еще возиться с вами?! Покайтесь, черт побери!..

Рыщающие губы дрогнули, но воля была еще жива.

- Я - большевик, полковник. А вы меня с кем-то путаете... Мне ли каяться?

Так погиб Николай Александрович Дрейер.

* * *

Мечта Чайковского, запропавшего на парижском житии, о собственных архангельских миллионах, кажется, близка к осуществлению. Пробный оттиск кредиток лежал сейчас на столе, и лейтенант Уилки стянул с руки перчатку. "Вот оно - почти гамлетовское: быть или не быть?.."

Вынул из пачки одну кредитку. Вынул и ахнул: двуглавый орел, цепляясь когтями за державу и скипетр, подобрал под себя гербы всех покоренных народов, - даже Финляндию, заодно с бароном Маннергеймом! Медлить было нельзя: скандал грозил обернуться склокой в союзном лагере... Могло сорваться наступление Юденича на Петроград из-за такой ерунды, как архангельские деньги. Ведь столько было приложено стараний, чтобы Маннергейм не особенно-то дулся на Колчака, и вот... Русский орел, возрожденный в Архангельске, снова вцепился в финляндский герб.

Уилки предстал перед Айронсайдом.

- Генерал! Вы видите русскую кредитку?.. Здесь сказано: "имеют хождение по всей империи". Империи, генерал! Но кто же сейчас из русских пойдет воевать за империю? Наконец, здесь прямо написано, что кредитки размениваются на наши фунты, имея равное с ними хождение... С чего они взяли, русские шалопаи, что эти бумажки могут равняться по нашему великому бронебойному фунту?

- В самом деле, - присмотрелся Айронсайд к рисунку денег, - к чему Миллеру такая помпезность? Деньги - это... только деньги, их носят в кармане, а не вешают по стенкам! Вы правы, Уилки: дай русским волю, и один кавторанг Чаплин пропьет нас за одну ночь с потрохами вместе! Что вы советуете, Уилки?

- Самое главное, мой генерал, - орла надо ощипать...

"Щипать" пришлось самому Миллеру, - эта работа тонкая. И карандаш тонко заточен, как скальпель хирурга перед операцией. С головы орла первой упала корона, вырваны из лап регалии власти - державу и скипетр. Хоть плач, до чего жалко! Что же останется от России? Наконец, дело за гербами...

- Англичане сами ненормальные, - злобно пыхтел Миллер, занимаясь страшными ампутациями. - Что они хотят видеть на наших деньгах? Корочку хлеба? Или одного архангела Гавриила? Боже мой, остался от орла один хвост... Что делать с хвостом? Выдернуть нельзя, ибо на хвосте

андреевский крест... Я запутался!

Миллер в отчаянии отбросил карандаш. А когда тиснули следующий тираж, то весь орел был забит черной краской. Кто это сделал - так и не дознались (наверное, англичане). А за окном бурлила, вся белая от пены, Северная Двина, в зное первого жаркого дня скользили паруса. Город был украшен союзными флагами - готовилось парадное чествование дня рождения английского короля.

Марушевский велел остановить автомобиль возле тюрьмы.

- Что тут происходит? - недоумевал он.

Толпа зевак топталась вдоль сквера. Ворота тюрьмы были распахнуты, на бульвар вывели из камер арестантов, посадили их, как школьников, по скамейкам, а генерал Айронсайд похаживал под деревьями, лично выбирая пополнение в Дайеровский батальон.

- Дичь! - говорил он внушительно. - Вы когда-нибудь видели, чтобы солдат получал на завтрак куропатку и десяток новозеландских яиц?

Конечно, никто такого не видел.

- Вот! А в Дайеровском батальоне вы будете это иметь... Один рослый детина поднялся со скамейки и стал гулять нога в ногу с генералом Айронсайдом. Нахальное поведение арестанта поразило британского полководца.

- Зачем вы встали? - спросил он.

- Я устал сидеть, - ответил арестант по-английски.

- Вы большевик?

- Да.

- Кем были?

- Комиссаром...

- Желаете ли служить в Дайеровском батальоне?

- Желаю. Комиссаром!

- Вы мне нравитесь, - сказал Айронсайд.

- Вы мне тоже, генерал.

- Что собираетесь делать после войны?

- Я, генерал, недоучился в школе Ашбе в Мюнхене, и хотелось бы продолжить художественное образование.

- Отлично! За чем дело стало?

Комиссар заложил два пальца в рот и свистнул.

- Братва, - сказал, - прошу не чикаться. Не ждите второго приглашения в Дайеровский батальон... Стройтесь сразу!

Айронсайд забрался в машину Марушевского, поехали вместе.

- Поздравьте: батальон капитана Дайера отныне можно смело назвать

полком, а тюрьма очищена для новых постояльцев... Что скажете на это?

Марушевский сказал - обескураженно:

- А вы заметили, какое лицо у этого комиссара?

- У него лицо художника. Артиста!

- Верно. Может, вы заметили, что он подмигивал?

Айронсайд весело рассмеялся.

- Это вы заметили, - сказал он. - Но вы не заметили, что я ему тоже подмигивал... А вы, - заговорил совсем о другом и уже серьезно, - все-таки решились на путешествие в Хельсинки?

- Да. Хорошо, что успели замазать финский герб на кредитках.

- Но зачем вам ехать в Хельсинки? - стал отговаривать его Айронсайд. Все, что вам необходимо узнать о положении в армии Юденича, вы можете узнать из Лондона... через меня!

"Чего он боится? - размышлял Марушевский. - Потерять самостоятельность в войне на севере? Или им не хочется, чтобы мы узнали правду о близкой катастрофе? В любом случае Айронсайд ведет себя неискренне: он же - уходит, уходит, уходит..."

Но Айронсайд заговорил далее, опровергая размышления генерала Марушевского:

- Вы, может, думаете, что мы уходим? Вы ошибаетесь. Нас ждут великие события. Две бригады из метрополии идут к нам в Архангельск. Направление Котлас, назначение - прежнее: связь с армией Колчака... Генерал Юденич еще лопнет от зависти!

И повел себя Айронсайд далее очень и очень странно: везде, где нужно и не нужно, он кричал о предстоящем наступлении. Он открыто трубил, что будет это наступление на котласском направлении. Силами двух британских бригад. А цель - такая-то... Ну, скажите мне, пожалуйста, какой полководец выдает свои планы?

Мало того, Айронсайд в эти дни выпустил даже обращение к советским воинам, озаглавленное почти как у Льва Толстого: ВОЙНА или МИР?

Солдаты Красной Армии!

Прочтите и помните. Сдавайтесь, переходите к нам, пока не поздно. Лед прошел. Наши корабли идут на север, чтобы еще раз вступить в бой за истинную свободу. Они везут свежие войска и все то мощное военное снаряжение, при помощи которого Германия разбита на полях Франции и Бельгии. Теперь Германия продолжает с нами войну на полях России. Ваши комиссары - их наймиты. На германские деньги они опутали вас всякой ложью, разорили страну, передали Германии русское золото, русские

товары, русский хлеб, а вас гонят на убой.

У вас не может быть надежд на победу. Переходите в стан победителей. Становитесь в ряды борцов за правое дело, за освобождение России!

В армии Миллера было беспокойно. Особенно когда стали ездить по войскам фининспекторы. Они отбирали у солдат все деньги на перфорацию: искали среди них фальшивые и советские, остальные же пробивали на машинке компостера. И выплачивали жалованье новыми. А новые деньги торопились печатать, и потому они были только в таких купюрах - пятьсот и тысяча рублей. На четырех солдат дадут одну бумажку, вот и дели ее как знаешь. А ведь в лесу у кулика не разменяешь. Что делать? "Буржуи! - говорили солдаты. - Это же - буржуйские деньги..."

Командование несколько успокоил праздник в честь рождения английского короля. Парад был блестящий. Красой и надеждой армии выступил Дайеровский батальон. Четыре бравых молодца держали за углы флаг батальона трехцветный флаг, на котором был изображен боевой меч, увитый лаврами доблести. Под замедленные звуки "Старого Егерского" марша, похожего в своем тягучем *ritenuto* почти на похоронную музыку, флаг пронесли перед Миллером.... Айронсайд был вне себя от восторга. А среди зрителей стояли молодые верзилы - все, как один, в мятых фетровых шляпах - и лихо щелкали семечки. Это были американские солдаты, для которых война уже закончилась.

- Все это дерьмо, пиво лучше! - сказали они, посмотрев на парад, и дружно зашагали в пивную...

Вскоре после праздника Марушевский прощался с Миллером перед отъездом в Хельсинки.

- Я такого мнения, - говорил он, - что в северном вопросе не столько важна сила, сколько наличие иноземного мундира. Солдат видит за мундиром британца всю мощь иностранной державы. Один англичанин обеспечивает свободу действия нашим офицерам, хотя бы охраняя их жизнь от солдатских покушений. Но, очевидно, англичане замышляют что-то недоброе.

- Ах! - вздохнул Миллер, расстегивая кобуру и доставая оттуда фляжку.
- Большевики-то их лупят. Им, этим лордам, это не нравится. Мы-то терпим, и они бы привыкли... Владимир Владимирович, хочу вам сообщить одну вещь, под большим секретом. Будем знать мы, Айронсайд и... Черчилль.

- Говорите.

- Англичане тоже уйдут. Еще до конца навигации. Преступная Англия

бросает нас, как щенков. А мне, - неожиданно закончил Миллер, - мне мешает... Колчак! Если бы не Колчак, упершийся, словно баран в новые ворота, в эту "единую и неделимую", то я бы, взамен англичан, уже давно перетянул к себе Маннергейма. Барон, конечно, жулик, и он потребует от нас компенсации. Но зато он согласен выставить сто тысяч штыков...

- Откуда? - спросил Марушевский, грустно улыбнувшись. Миллер задумался. Как бывший обер-квартирмейстер русской армии, он знал боевые возможности бывшего Великого Княжества Финляндского и теперь размышлял: откуда сто тысяч штыков? Впрочем, думать долго ему надоело.

- Не знаю, - сказал он честно. - Но штыки у него есть... Голубчик Владимир Владимирович, - обратился Миллер поласковее, - я желаю, чтобы Петроград достался нам, то есть пусть он подчинится Архангельску, как только у нас установится с ним связь через Званку... Хотя Маннергейм и отпирается, не признавая того, что бандиты в Карелии - это его бандиты, но все же попробуйте уговорить барона: пусть карельские отряды подчинятся в оперативном отношении нам! Если же, не дай бог, Маннергейм заведет с вами речь о независимости Финляндии, то вы, Владимир Владимирович, как-нибудь золотой наивной рыбкой увильните в сторону: ни да, ни нет...

- Он еще попросит у меня Печенгу, - вставил Марушевский.

- Черт с ней, с этой Печенгой, пускай Маннергейм сам разбирается там с нашими монахами. А пока вы будете в Хельсинки, я стану писать Черчиллю, я буду писать Колчаку, мы снова бросим клич к населению... Ружье - в руку, икону - на грудь, крест - на шапку - и вперед за отечество!

* * *

Над архангельским кладбищем - тишина, тишина, тишина.

Редко залетит сюда одинокая чайка, и крикнет над могилами: "Чьи вы? Чьи вы?.." - и улетит обратно, в простор Двины.

Вот лежат французы; вот пристроились особнячком посланцы из далекой страны кенгуру и эму; вот кресты над могилами итальянцев, а там, подалее чеканные ряды американцев...

Собрались живые и мертвые. Мертвые лежат под землей, и взметнулся над ними громадный флаг их страны - синее небо в золотых звездах штатов. А живые пришли сегодня сюда, чтобы проститься с мертвыми. И над рядами мертвых ряды живых преклонили колена.

Царила минута торжественного молчания... Ни звука.

"Чьи вы? Чьи вы?" - покрикивала сверху чайка.

Наконец раздалась команда:

- Шляпы надеть! Встать!

Встали янки и построились фронтом - лицом к кладбищу.

Молоденький горнист, почти мальчик, вдруг оторвался от рядов - пошел плача, закрыв глаза... Пошел прямой на могилы.

И вот блеснула медь, вскинута к солнцу.

Нота, две, три. Больше не надо. Но этими тремя нотами горнист-мальчик сказал что-то очень печальное всем усопшим.

Это было "последнее прости". И тогда американцы заплакали.

Они уходили сейчас. Мертвых они не могли забрать с собою. Мертвых они оставляли в России. Они уходили, разбитые в этой войне с большевиками не пулями, а идейно.

И прямо от кладбища повернули к тюрьме, где сидели их товарищи. Освободили и тогда направились к пристаням - на корабли.

Сброшены сходни.

Прощай, Россия! Прощай, мужик, подметающий за нами пристань. Прощай и ты, русская баба в переднике, торгующая квасом...

А на палубах, среди серых курток солдат, цвели яркие разводы женских платков и шалей; сверкал поморский жемчуг на бабушкиных кокошниках, самоварами расфуфырились старинные сарафаны. Да, это так: многие янки уезжали на родину женатыми. Им нравились русские поморки, эти статные волоокские красавицы с сильными мышцами рук и ног, с высокой грудью. И взлетали шляпы, металась платки.

Прощай, прощай... Городу Архангельску - слава!

Далеко в океане им встретились два громадных левиафана, - это плыли из Англии два русских корабля "Царь" и "Царица", под палубами которых разместились сразу две британские бригады; они шли на Архангельск, откуда должны прорваться на Котлас, и...

Верить ли в это? Нет, уже не следует верить!

Глава одиннадцатая

Рыдали за околицами писклявые гармоники:

Ох ты да ух ты!

Ехал парень с Ухты...

Ехали ухтинские парни: сапоги в гармошку, губы отвисли, пьяные, и роняли с телег егерские фураньки. Винтовки у них русские, ружья ижевские, автоматы английские, пистолеты германские, гранаты французские. Зато самогонка - своя, карельская. Ох и злющая самогонка: как хватил стакан так сразу брысь в канаву!

- Ти-ти-ти-ти! - настегивали лошадей, и кони неслись, все в бешеном кислом мыле...

Ухта - столица "великого всекарельского государства"!

Топятся бани над озером, голые бабы, распаренные докрасна, бегут по

душистым тропкам, с визгом кидаясь в воду. А за ними - егеря, тоже голые. Пищат бабы, когда их щупают в мутной воде.

В крайней избе, под петушком резным, правительство и господа министры. Вроде - сенат! В сенцах - бутылки с коньяком шведским. Иногда в разговоре нет-нет да и собьются по старой памяти на русский язык: болтают на русском, ибо финский им внове. Со стенки, из дешевого багета, скорбными глазами мученика взирает на "сенат" чахоточный Алексис Киви, - вот уж никогда не думал этот святой человек что попадегв такую грязную компанию. Впрочем, это закон истории любое движение, самое подлое, всегда пытается связать себя с именами, которые дороги в народе. Выискивают фразы, листают желтые интимные письма - хотя бы слово, похожее на то, что говорят сейчас за бутылкою шведского живодера.

- Карьеля, Муурмани, Аркангели, Канталаhti, Пиетари... Куда ни ступишь, везде найдешь следы финских племен. И не там ли, где бушует Кивач, жил добрый Вяйнямейнен, а в Ухте его матушка?

В округе Ухты - деревни и хутора, лесосплавни и делянки; всюду люд, и пекут блины из белой американской крупчатки{34}. На стенах изб, в сенцах и на заборах висят листовки, отпечатанные в Сердоболе - там, в этом крохотном городке, идейный центр всекарельского движения, и "Сивистус Сеура" ("Общество просвещения") просвещает Карелию ножом и пулей... Только в этом краю учителя и врачи были убийцами. Непонятно, как это сложилось исторически - то ли виновато "Сивистус Сеура", то ли сама лесная дичь делает из человека зверя, - но именно в эти годы здесь самые дикие хулиганы были из числа учителей и сельских врачей...

Ладно поют гармошки в руках бандитов. Пир и веселье в доме на краю лесной деревеньки. Вокруг - глушь, мох, ох, вздох банного лешего. Далеко до железной дороги, далеко от большевиков, сам сатана в эти края не доплюнет. В сенях лежат, сваленные грудой, рубахи-нансеновки, мешки с мукой, цинковые ящики с патронами. Учитель Микка, бежавший с Мурманки, пьет первач и заедает огонь спирта прошлогоднею клюквой.

* * *

Вот в эту деревеньку и зашли, попав, словно кур в ошип, беглецы из Печенгского лагеря. Две винтовки, еще юнкерские, торопливо расстреляли обоймы и замолкли. Пленных для начала избили до полусмерти и велели бежать на колокольню русской церквушки. Снизу захлопнули люк, поставили у дверей часового, и тогда учитель Микка сказал:

- Наливай! Эй, Хуотги, рвани любимую...

Растопырив пальцы босых ног, хорошо запел монтер Хуотти - про то, как топят бани над озером, как плещется в сетях сонная рыба, как сладко

пахнет сеном на карельских покосах, как скачут золотые белки на елках... Хорошо пел, подлец! Будто и не был бандитом. Вставала в его песне Карелия прекрасная страна с прекрасным народом. Эх, если бы не этот монтер Хуотти! Эх, если бы не этот учитель Микка!..

Церквушку просвистывало ветром, дующим над лесами. Болталась веревка от языка колокола, а сам колокол был старенький, уже треснутый, и по краю его шла старинная надпись. Завод Петрозаводский, волею божьею, еще при Петре Первом отлил этот колокол из пушечных отходов... И виделись с этой колоколенки дымы баталий, и шагали петровские гренадеры в красных чулках, а круглые гранаты дымились зажженными для боя фитилями.

"Хорошо бы, - подумал Небольсин, - этих гренадеров сюда... с одного конца впустить в деревню, а из другого выпустить: места бы живого здесь не осталось!.."

Откинулся люк. На две ступеньки поднялся в колокольню часовой, присел на пол. Оглядел всех и поманил пальцем отца дизелиста:

- Иди, наараскойра! С тебя и начнем, - добавил по-русски.

Было видно с высоты колокольни, как часовой внизу ткнул монаха прикладом и велел бежать до избы с начальством. Его никто даже не сопровождал: бегущий от колокольни отец дизелист служил хорошей мишенью...

Ветер раскачивал, язык колокола над головами людей. Что думалось тут каждому? Многие, - ведь Россия страна большая, и один помнил разливы Оки, другой отроги Урала, степи донские, хутора полтавские, яблоки псковские, меды муромские... У каждого ведь было свое, детское, молочное, первое - все то, что навеки связывало его с этим гигантским простором от океана до океана, и все это было для каждого просто Россия!..

Грянул выстрел, и Лычевский, корчась лицом, всплакнул:

- Прикончили нашего долгогривого... Безобидный мужик был, все о стартере молот мне, будто нищий о своей торбе!

Еще выстрел, еще... Рвануло потом сразу - пачкой.

- Да что он? - удивлялись на колокольне. - Железный, что ли? Эка, сколько пуль на одного ухаидакали...

И было видно, как вышибли отца дизелиста из избы, с воем монашек бежал обратно к храму. Вот уже и шаги его по витой лестнице, скрипнул люк. Он поднялся и показал свою руку. Вместо пальцев - лохмотья кожи и костей, на серые доски капала кровь.

- Сломали руку... - простонал отец дизелист. - Правую... Родименькие, ведь мне больно-то как! Ах, господи... За что?

- Терпи, батька. Чего стреляли-то там?

- Для острастки. Да лучше бы убили, чем без руки... Велели следующему идти. Любому, кто пожелает!

Да, после такого трудно решиться. Бросили жребий, и выпало идти Лычевскому (писарю с дивизиона эсминцев). Матрос поцеловал тех, кто ближе к нему стоял, и спрыгнул в люк. Ушел. Выстрелов не было, но Ефима Лычевского больше никто не увидел: тихо ушел человек из этого мира, еще недавно объятого им с высоты старинной колокольни... Часовой крикнул снизу:

- Эй, москали! Инженерного давай, што ли...

Отец дизелист хватал Небольсина здоровой рукой:

- Ты вот что... не перечь им, не надо. Это не люди - звери!

- Что хоть спрашивают-то? - подавленно спросил Небольсин.

- Да тамотко один в сенцах на гармошке играет, а второй... Он мне, второй-то, и говорит: "Красный?" "Нет, - отвечаю, - бог миловал". "Белый?" - пытается. "И не белый", - говорю. "Ну тогда, выходит, ты красный", - и палку просунул меж пальцев и пошел ломать на столе... Больно-то как, господи!

- Чего там канителите? - выкрикнул часовой, поторапливая.

Небольсин прошел через всю деревню, - с ненавистью глядели на него узкие окошки. Босые пятки так приятно баламутили пыль. И думалось: "Идешь, а куда идешь? До чего же хорошо просто вот так идти!" Он шагнул в сенцы прохладные. Гармониста уже не было здесь. Постучал в двери горницы.

- Входите, - раздалось. - Смелее...

Он переступил через высокий порог, и первое, что увидел, это кровавый след - будто красным веником провели по чистой половице от стола до порога. А в углу валялась бескозырка Лычевского, и на ней золотом: "Лейтенант Юрасовский". За столом сидел молодой человек в белой рубашке, опоясанный ремнем: на шее его был развязан галстук, чтобы дышать было легче...

Быстрый взгляд из-под белесых подвижных бровей.

- Здравствуйте, - первым сказал учитель.

- Здравствуйте, - вежливо отозвался Небольсин.

- Садитесь. В ногах правды нету... Так, кажется?

- Так. - Стараясь не наступать на кровь, инженер-путеец прошел до стола, сел; мутно просвечивала в бутылки самогонка, сбоку блестел револьвер - оружие лежало под локтем учителя спокойно, надежно: никто не возьмет.

- Вы меня не узнаете?
- Нет, - ответил Небольсин, и страх сковал его члены под спокойным и жестким взглядом незнакомца.
- Карандашики... тетрадки... Не помните?
- Нет. Я ничего не помню.
- Этот ваш монах сказал, что вы бежали из Петсамо?
- Да. К чему скрывать? Мы бежали из Печенги.
- От англичан? - улыбнулся учитель.
- Да. От англичан.
- Вы не бойтесь, - сказал учитель. - Англичанам мы вас не выдадим. Они хотя и в одном строю с нами, но топчут сейчас священную карельскую землю. Белогвардейцам мы вас тоже не выдадим. Они претендуют на Петербург и на Петрозаводск, а эти города наши и уже включены в финно-карельскую систему... Вы, может быть, думаете, что мы отпустим вас к красным?

Учитель выждал с минуту, отпил самогонки.

- Не хотите? - предложил.

- Нет, - сказал Небольсин.

Рука лахтаря шлепнула сверху по пробке.

- К большевикам, - сказал, кидая в рот горсть клюквы, - мы вас тоже не пропустим. Они наши злейшие враги. - Скривился (наверно, от клюквы) и добавил: - Запомните это место: деревня Мехреньга Ухтинской волости, здесь вы останетесь... Еще раз, по старой дружбе, предлагаю: хочешь выпить?

- Между нами я не помню никакой дружбы и совсем не понимаю, чем вызвано все это... кровь, пальцы... Зачем вы изуродовали монаха? Он не большевик, не белый, не англичанин. Страсть к технике, желание добраться до заводов - вот единственное, что толкнуло его на путешествие с нами.

Учитель встал и подошел к стене, где висела карта.

- Ваш партизанский отряд нарушил границу великого карельского государства. - И показал карандашиком, где именно они нарушили "границу". Что полагается, - спросил, - за вооруженный переход границы в военное время - ты знаешь?

- Не знаю, - ответил Небольсин.

- Тебя и твоих бандитов поймали на нашей священной земле.

- Неправда! Нас, русских, поймали на русской же земле!

- Это было раньше, - сказал учитель и подтянул ремешок на поясе. Сейчас совсем другое дело. Ты не выкручивайся! Выходит, ты не признаешь законного Ухтинского правительства?

- Мне кажется, насколько я понимаю в политике, правительство существует законно только то, которое находится в Москве.

- Но в Москве - Ленин! - выкрикнул учитель, берясь за палку.

Небольсин сразу стал бояться этой палки.

- А я, - ответил он, - не виноват, что именно Ленин стоит во главе России... И мы шли по русской земле, и русские избы вокруг, и русские церкви, и русские петухи поют по утрам...

Жестокий удар сапогом в живот обрушил его на пол.

- Ох и подлец! - сказал Небольсин, поднимаясь. - Ты прав, я тебя вспомнил. Ты был учителем на разъезде... Школа твоя была в вагоне! Ты, сукин сын, еще значок русского университета носил на пиджаке. Я тебе тетрадки и карандашики по конторам стрелял, чтобы ты мог детишек учить. И ты говорил мне: спасибо! Что же ты сейчас делаешь, сволочь худая? Какая там Ухта? Какое там правительство? С ума ты сошел, что ли?

- Дай руку... правую! - велел учитель, и под взглядом его спокойных глаз Небольсин потерял волю - протянул ему правую руку.

Палка прошла между пальцев; один палец сверху, другой снизу, получились костоломные клещи. Рука инженера легла на край стола, - сейчас затрещат его кости. Лоб Небольсина заливало холодным потом.

- Послушайте, - спросил он, - но почему вы так спокойны?

Учитель приветливо улыбнулся:

- А почему мне надо быть взволнованным?

- Погодите... - сказал Небольсин. - Вы сейчас будете уродовать мое тело. Мне будет больно. Я живой человек, и я буду кричать. Неужели даже мой животный вопль боли не станет для вас противен? Я бы вот так... не смог! Я бы лучше убил!

Учитель весело рассмеялся, ослабив палку в пальцах.

- Теперь ты послушай, - сказал он. - Мы воспитываем в людях новую форму государственного влияния - ужас. Нас мало, а вас, москалей, много. И потому мы должны быть жестоки. Это наше историческое право, и никто нас не упрекнет за это... Правая рука всех, кто не служит нам, должна быть раздроблена, чтобы ты никогда уже не смог выстрелить в нашу сторону!

От резкой боли Небольсин дико заорал.

- Не кричи, - сказал учитель. - Тебе же лучше: с раздробленной рукой я тебя выпущу отсюда живым. А не как матроса...

- Я... левша, - неожиданно для себя произнес Небольсин.

- Левша? - не поверил учитель. - Если не врешь, то возьми коробок спичек и чиркни спичкой...

Коробок лежал рядом с револьвером.

Небольсин левой рукой взялся за... револьвер.

Выстрел!..

И долго стоял, пораженный тем, что сделал. Было тихо в деревне, видать, к выстрелам здесь привыкли (тем более в этой избе). Голова учителя лежала в миске с клюквой, и красный сок раздавленных ягод мешался с кровью и мозгами. Небольсин жадно притянул к себе бутылку и налил полный стакан самогонки. Жадно выглотал. Как воду. И - вышел... Спокойно, сам дивясь своей смелости, он прошел опять через всю деревню; возле церкви часовой встретил его словами:

- Живой, кажись?

- Жив.

- Вот видишь, - засмеялся лахтарь. - А ты, дурак, боялся... Кого следующего-то гнать?

- Тебе велели прийти.

- Мне?

- Ну да... Иди.

Он поднялся наверх. Все вглядывались в его руки.

- Нет, - сказал Небольсин, - бог миловал, - и показал матросам револьвер. - Я его убил, и теперь... Мне страшно, товарищи!

Унтер с "Чесмы" цепко выхватил револьвер:

- Отдай, шляпа... Братцы, за мной... Тихо, без шухера...

Из этой деревни, чтоб она горела, вырвались. Это было чудом, и все внимание маленького отряда теперь сосредоточилось на осторожности. Древняя земля русской Карелии вдруг обернулась для них чужой и враждебной территорией. И очень нежно все заботились о руке отца дизелиста; бедняга, как ему было больно, как он баюкал ее по ночам, словно младенца, как убивался от горя...

- Думал, механику знать буду... Православные, куда же мне теперича без руки? Даже перекреститься - и то не смогу боле!

Шли с большой опаской. До чего же страшное было время - год девятнадцатый, год братоубийственный!

* * *

В черных сетках, опущенных с касок на лица, люди выглядят странно. Ничто не спасает от комаров. Гнус! - самое страшное на севере. И дым костра не поможет, и напрасно полковник Букингэм берет на палец мазь из баночки с особым антимоскитным кремом, что прислан ему недавно женою из далекой Шотландии.

- Так на чем же мы остановились? - спросил Букингэм.

- Мы говорили, - сказал Сыромятев - о самой страшной форме борьбы

в мире, когда брат встает на брата. Я плохо знаю историю Англии, все, что когда-то учил в гимназии, позабыл. Но помнится, что вы, англичане, тоже не можете похвастать безмятежным спокойствием. Хотя бы кромвелевские войны, потом драки с левеллерами в парламенте... По-моему, не было еще народа, который не вписал бы в книгу своей истории войны гражданской - самой свирепой. И вот сейчас дописываются последние ее страницы в моей любимой и несчастной России!

Намазав лицо, Букингэм протянул баночку Сыромятеву.

- Полковник, не будете?

- Нет, спасибо. Тут от костерка небольшой дымок. Да я от них веткой, веткой... Это ужасно, полковник, - заговорил Сыромятев далее, всматриваясь в сизые сумерки ночи. - Когда мой поручик Маклаков стреляет пленных красноармейцев, я думаю: а какая у него будет старость? Что он вспомнит в последние свои часы? Как можно смотреть в глаза народу, если ты убивал свой же народ?

Сыромятев озлобленно стал хлестать себя веткой ольхи.

- Пойдемте в баню, полковник, - предложил, вставая от костра - Там хоть можно запереть двери и убивать этих паразитов поодиночке. Костер, видать, не спасет, а ночь только начинается.

В дымной, горьковато пахнущей ветхой баньке стол накрыт газетами. Лежат карты. Светится лампа-пятилинейка. Издалека неустанно бьет артиллерия: это британские гаубицы, недавно прибывшие на Мурман, проводят тренировки ночных стрельб, уже третий день расстреливая скалы над озером. А в крохотном окошке, величиною с книжку, колышутся темные, лохматые, как медвежьи лапы, сочные еловые ветви.

- С вашего разрешения, - сказал Букингэм, заваливаясь на банный полук, - я прилягу... Не возражаете, полковник?

- Пожалуйста. Вам завтра уходить?

- Да, - задумался Букингэм. - Я, впрочем, мыслю несколько иначе, сказал он в продолжение разговора. - Вот вы завели речь о войне братоубийственной: русский против русского. Я не представляю себе, как я, англичанин, убивал бы англичан... Для меня здесь все чужое, и мы не собираемся тут задерживаться. Королевство Островов потерпело поражение, это пора признать. Но вот на днях я пойду на Колицкий район, против партизан! А какое мне дело до русских партизан? И мне все чаще мыслится: вот вы, полковник, очень милый человек, с вами приятно беседовать, но почему так случилось, что мы сидим не дома, а в этой бане? Кто мы такие с вами, полковник?

- Букингэм, не ходите на Колицы, - неожиданно сказал Сыромятев.

- Приказ, - тихо ответил ему британец.
- Вас убьют там.
- Возможно.
- Вы еще не знаете, что русский человек природный партизан. Он всегда партизан лучше, нежели солдат. Вы будете разбиты!
- Приказ... - прошептал Букингэм, закрывая глаза. Кулак Сыромятева с треском опустился на доски стола.
- Не надо! - сказал он. - Не все же приказы исполнимы. Мне труднее, нежели вам, и то я нашел в себе силы отказаться...
С далекой платформы, затерянной в глуши, гугукнул паровоз.
"Ах, - подумалось, - где же те вечера на даче в Лигове? И рядом жена и дети, так же светила лампа под абажуром, и далекий гудок отзывался в сердце тревогой и радостью... желтые пятна вагонов - будто искры в темной листве, и все проносится вдаль - к голубым и заманчивым морям..."
- Где этот мир? - глухо произнес Сыромятев.
- Я русского языка еще не знаю, - засмеялся Букингэм.
- Ах, извините, полковник! - встряхнулся Сыромятев. - Я немного задумался... Так, кое о чем! О своем.
Шевельнулись за окошком ветви, и в баньку, согнувшись, шагнул поручик Маклаков, перетянутый ремнем в осиной талии.
- Сволочи! - И шлепнул на лавку фуражку.
- Что с вами, поручик? Вы ранены?
- Ну да... в самое мясо!
- Что случилось?
- Какая-то банда шляется здесь... Сейчас мы их взяли. Двух шлепнули в перестрелке. И меня, вот видите, прямо в мясо. Хорошо - не по костям!
- Вот вам, - повернулся Сыромятев к англичанину, - продолжение той же истории... Куда их деть? Сколько там, поручик?
- Восемнадцать, господин полковник.
- Откуда они, вы их спрашивали?
- Молчат, как бараны. Жрать стали просить, я не дал!
Сыромятев потянулся к лампе, прикуривая.
- Поручик, - сказал, пыхтя дымом, - вы ведь еще молоды, учились в благородном заведении... Откуда у вас такое сердце?
- У меня сердце железное, господин полковник.
- Это очень плохо, господин поручик, что сердце у вас железное...
Дайте. Дайте им пожрать, что ли!
- Ладно, дам, - ответил Маклаков. - А куда их потом? На строительство аэродрома или сразу шлепнуть?

- Погодите. Они еще не опомнились после боя с вами. А вы уже загоняете их аэродром строить...

Сыромятев перевел эту фразу для Букингэма на английский, и Букингэм долго смеялся, прыгая спиной на черном банном полке.

- Идите, поручик. Утро вечера всегда мудренее...

Маклаков ушел. Букингэм уснул. Сыромятев, взяв ольховую ветку, покинул баньку. В раздумьях он добрал до раздвижного ангара, в котором временно разместили арестованных.

- Открой, - велел часовому и шагнул внутрь...

Было темно. Включил фонарик. Узкий луч побежал по спинам людей. Они поднимали головы от земли, загорались от света ладонями.

- О! - замер вдруг луч фонаря. - Отец дизелист! Здравствуй, святой человек... Я полковник Сыромятев, разве ты меня не помнишь? Я не раз бывал в гостях у отца Ионафана, когда командовал погранрайоном на Пазреке... Что у тебя с рукою?

- Финны, - простонал отец дизелист.

Сыромятев осветил фонарем почерневшую руку монаха, - гангрена!

- Да, брат, ныне по лесам ягоды собирать опасно... Видишь, вон в отдалении огонек? Беги по тропке, там англичане. Протяни им свою несчастную лапу и назови только мое имя: "Сыромятев!" - они тебе сделают всё. Там их врачи... хорошие врачи. И станут пилить руку - не возражай. Они не со зла, они просто врачи, и ты им подчинишься...

Монашек, скуля, убежал по темной тропке к лазарету.

- Так вы, ребята, судя по всему, из Печенги? - спросил Сыромятев. Тогда вы - герои... Прошли сотни верст, где только волки да олени шныряют. Хорошо, ничего не скажешь, здорово вы прошагали через Лапландию... А-а-а, удивился полковник, - вот и вы, Небольсин... Очень рррад!

Фонарь сразу погас, и в полной темноте Сыромятев сказал:

- Небольсин, завтра я желаю вас видеть. Мне нужно кое-что сообщить... Отдыхайте, ребята. И не бойтесь. Вам здорово повезло! Спокойной ночи...

Утром Небольсин был проведен в баню, стол уже был накрыт к его приходу, и полковник Сыромятев велел ему:

- Ешьте...

Небольсин ел. Сыромятев, согнувшись, мерил узенький проход между каменкой и полком. Зеленый свет леса сочился через окно.

- Как мне начать? - остановился полковник. - Пожалуй, так... У меня кончилась злорада, ее хватило ненадолго. Я остановился и озираюсь. Вокруг

лес и кровь. Тупик! - сказал он, и Небольсин вздрогнул (он вспомнил Петю Ронека). - Из тупика надо выходить, - продолжал полковник. - Пока не поздно. Иначе я буду осужден навсегда застрять в тупике. Но я не поручик Маклаков, мне, слава богу, уже пятьдесят, и надо выправлять то, что сломалось. Совесть - вот!.. А почему вы не едите, Небольсин?

- Я растерян. Не понимаю, для чего вы мне это говорите?

- Дайте руку... правую, - сказал Сыромятев. - Что с нею?

- То же, что и у отца дизелиста. Только не успели доломать..

- Сейчас одни безумцы, вроде большевиков, рискуют заходить в эти леса, - сказал Сыромятев. - Мало того, большевики умудряются вести ответную контрпропаганду среди бандитов... Кемский комендант, барон Тизенгаузен, был отправлен англичанами против Ухты и пропал без вести со всем отрядом{35}.

Сыромятев сел напротив инженера и спросил:

- Вы большевик? Тайный? Только не отрицайте этого сейчас...

- Я был сочувствующим большевикам, - ответил Небольсин. - Но после всего, что довелось пережить, я стану большевиком...

- Вы им станете! - сказал Сыромятев, тряхнув головой. - Я отпущу вас к Спиридонову. Но только вас! Остальные останутся у меня. Как заложники. Скажите Спиридонову, что я прошу о встрече с ним. Если он согласится на встречу, я отпущу заложников... Почему вы не едите?

- Я не могу, черт возьми. Вы мне задаете какие-то загадки.

- Вот масло, - придвинул тарелку Сыромятев. - Намажьте погуще. Вы масла давно не видели и, попав к большевикам, долго не увидите. И вы слабый человек, Небольсин; не обижайтесь, что я говорю вам это. Но вы еще окрепнете, вы молоды... Скажите Спиридонову, что от свидания его со мною зависит судьба не только моя, но и многих людей, одетых в такую же, как у меня, шинель Славяно-Британского легиона...

Вытянул руку и положил ее на плечо инженера:

- Небольсин, вы сделаете это?

- Я теперь все сделаю, - ответил ему путеец.

Полковник вынул из кармана пропуск - точно такой же, какой Аркадий Константинович когда-то доставал в Мурманске для своего покойного брата. Это был пропуск "на право вхождения в Советскую Рабоче-Крестьянскую Россию".

- Спрячьте его поглубже, - посоветовал Сыромятев. - На нашей стороне вас проводит мой верный человек, а это пригодится на всякий случай, во избежание недоразумений на стороне большевистской. Вас с этой бумажкой никто пальцем не тронет!

Небольсин поднялся, стукнувшись о низкий потолок.

- Полковник, зачем все-таки вы меня позвали?

- Только за этим.

- Только за этим?

- Да. Ну, и притом никогда не вредно начинать долгий опасный день с хорошего английского завтрака. Итак, я жду ответа от товарища Спиридонова. Или пан или пропал! Прощайте...

Дорога через фронт оказалась совсем нетрудной: в поддень Небольсин уже ступил на улицы Петрозаводска...

* * *

Спиридонов говорил так:

- Измазался в нашей крови, а теперь... Я ведь знаю, чего он хочет от меня добиться: чтобы мы его приняли обратно в нашу армию. И совесть, видать, пошаливает... Впрочем, - спросил Иван Дмитриевич, - как он хоть, дьявол, выглядит?

- Хорошо.

- Ему, сукину сыну, конечно, хорошо...

- Он говорит, что время злобы прошло.

- И началось отчаяние? Я его понимаю. Как же! Пошел он... просто материться не хочется. Теперь мы сами с усами. И без него справимся...

- Иван Дмитриевич, - возразил Небольсин, - не надо забывать, что семнадцать человек, прошедших через каторгу, будут ждать. И - мучиться! Они же твои бойцы, ты их не оставишь...

Спиридонов горько улыбнулся:

- Вот видишь, инженер, какой он хитрый, этот бес Сыромятев! Ведь он знает, что ради своих я с самим чертом пойду на любовное свидание. Да, поддел он меня на крючок... Ну до чего же ловкий мужик!

За окнами зеленел Петрозаводск, весь в цветении садов, и было так отрадно ощущать покой бытия. Всё! Теперь он дома. В этот день они многое обговорили, о многом переспорили. Это был хороший день - для Небольсина, и для Спиридонова - тоже. Аркадий Константинович уяснил свое положение на стороне большевиков, Спиридонов же получил инженера на магистрали, который его никогда не подведет... И магистраль знает отлично!

- А куда мне теперь? - спросил Небольсин.

- Нам от тебя, - отвечал Спиридонов, - не требуется ни стрельбы, ни пафоса. Езжай на депо, там рабочие складывают бронепоезд. Инженеры там больше саботажники. Тянут! Спецов мало... Но есть слесаря, сормовские и обуховские, которые давно из Мурманска, еще при

Ветлинском, удрали. Они тебя знают. Вот ты с ними сцепись в одну шестеренку и - давай, Константиныч, давай как можно скорее... Нам "бепо" во как, позарез, нужны!

Потом, когда прощались, Спиридонов задержал Небольсина.

- Я понимаю, - сказал он, потупясь, - тебе после Печенги и подкормиться бы не мешало. Да уж ты извини, брат, у нас ничего нету... Вот погоди до осени. Картошка вырастет, опять же сады уберут... Как-нибудь выкрутимся - не подохнем!

Небольсин пожал ему руку:

- Знаешь, Спиридонов, не городи ерунды. Мне ведь известно, что у вас ничего нет. И не за хлебом я пришел к вам...

Он стал налаживать на заводе бронирование платформ, годных для установки орудий. Пришлось кое-что почитать: не все было ему знакомо. Он вспоминал французский бронепоезд, который прорывался по Мурманке до самой Званки. Эдакая лавина брони и литых колпаков, не знающих преград... Красный "бепо" получался неказистым, но хотелось придать ему особую мощь и жизнестойкость.

Потекли дни - трудные. В грохоте, в голоде, в огне.

Он не узнавал сам себя: Небольсин сильно изменился.

Глава двенадцатая

В канцелярии Миллера было пусто, только несчастный Юрьев американской бритвой точил карандаши для его превосходительства. Евгению Карловичу очень нравилось, как точит карандаши бывший председатель Мурманского совдепа. Юрьев был мрачен: это все, что ему осталось, - точить карандаши да подшивать входящие-исходящие с астрономическими номерами.

"Да, - признался он себе, - было же времечко... Только что портретов наших на улице не вешали, а так... Все было".

Вошел лейтенант Басалаго, вертя ключик на пальце.

- Здравствуй, Лешка! А тебе привет от Брамсона.

- Пошел он со своими приветами, монархист кривобокий... А впрочем, как он там поживает?

- Да ничего... Пишет, что с Ермолаевым служить можно. Не жалуется. Сейчас в Мурманске ведь тихо, а все начальство в Кеми, поближе к фронту. Знаешь, что я тебе скажу: может, это и хорошо, что мы из Мурманска удрали...

- Боишься, скнипа? - спросил Юрьев, язвительный.

- Я немного знаком с церковнославянским, - ответил Басалаго. - И за то, что ты меня окрестил гнидой, можешь получить оплеуху... Я не

посмотрю, что ты где-то там боксировал!

Лейтенант воткнул ключ в несгораемый шкаф, тонко пропели внутри потаенные пружины. Открылась бронированная дверь, и Басалаго вынул оттуда святая святых - списки белогвардейцев и их семей, которые, в случае натиска большевиков, должны быть эвакуированы с севера в первую очередь.

- Не будем ссориться, Лешка, - сказал примирительно. - Нас с тобой большевики на одном сучке вешать будут.

- Ты меня плохо ценишь, - с гордостью возразил Юрьев. - Меня Ленин сам Ленин! - поставил вне закона. Меня повесят на верхнем сучке, а тебя где-нибудь в низу елки. И ты будешь задевать землю ногами, обутыми в лакированные американские "джимми".

- Хороший у тебя юмор, Юрьев, - ответил Басалаго, садясь со списками к столу. - Просто душа радуется, как слушаешь.

Замолчали. Юрьев чинил карандаши. Басалаго листал списки беженцев, помеченные грифом "Секретно, для служ. пользования". Проснулась за окном муха и стала жужжать.

- Смотри-ка ты, а? - удивился Басалаго. - Ванька Кладов тоже в эти списки, подлец, затесался. Кому-то, видать, крепко в лапу сунул, чтобы обеспечить себя каюткой до Европы...

- Вычеркни его, - хмуро подсказал Юрьев. - Пусть и он на нашей праздничной елке болтается. Шкура поганая!

- Вычеркиваю, - рассудил Басалаго. - В самом деле, по Ваньке давно веревка плачет... даже английская!

Внезапно кровь отхлынула от смуглого лица Басалаго, он закусил коричневую губу и откинулся на спинку стула. Юрьев заметил волнение лейтенанта и подошел к нему.

- Не лезь! - крикнул Басалаго, закрывая списки ладонью. - Тебя это не касается... Иди чини карандаши свои!

Но дошлый Юрьев все-таки успел заметить, что красными чернилами лейтенант уже вычеркнул из списков княгиню Глафиру Вадбольскую с ее маленькой дочерью.

- Ты не имеешь права этого делать, - заметил Юрьев, возвращаясь за свой стол и берясь за бритву.

- Имею... я имею, - нервно произнес Басалаго.

- По какому же праву?

- По праву... любви! - отозвался Басалаго. - Лешка! Поверь, я люблю эту женщину... С первого взгляда! Навеки...

- Ты ненормальный, - сказал ему Юрьев. - Эта дамочка тебя и на порог

не пустит. Говорят, у нее муж был крупная шишка в армии Краснова, и теперь она овдовела. И найдет для себя кобеля получше тебя... Что ей взять-то с лейтенанта?

- Лешка, ты циник... Заткнись!

- Хорошо. Я буду молчать.

- Ты меня плохо еще знаешь, - снова заговорил Басалаго. - Я пришел на Мурман, где все качалось. Я выправил положение громадного края и повернул его.

- Повернул я! - сказал Юрьев.

- Врешь! Именно я повернул Мурман в сторону союзнической ориентации. Я могу сделать все, что пожелаю. И этой бесподобной женщины я добьюсь, чего бы мне это ни стоило.

- Валяй, - ответил Юрьев спокойно. - Только, по-моему, это подло: вычеркнуть имя любимой женщины из списков, чтобы ее сожрали потом большевики. Хороша у тебя любовь, лейтенант!

- Я имею право на это. А как ты думал? Она уедет, а я останусь? Потом ищи ветра в поле... мир широк! Нет, она уедет отсюда с последним эшелонам. Только так. И не в Европу, где от русских скоро тошно станет, а в Америку... туда что-то немного я вижу охотников: далековато от России!

Прошло несколько минут, и - под тонкое жужжание мухи - Юрьев подбавил яду:

- Кстати вот, помнишь, у тебя был такой дружок, мичман Вальронд, который ныне у большевиков славно ренегатствует...

- Ну?

- Так вот, милый, говорят, что у твоей княгини были шуры-муры с этим мичманком... Мичманец - хоть куда! Красивый парень!..

...Вечерами особенно хорошо в Архангельске: устало покрикивают с реки пароходы, загораются уютные огни на клотиках парусников, приплывших издалека - тихо и величаво. Царственная река могуче выносит в море радужные наплывы нефти, река очищается к ночи, и течет - плавно и неслышно, качая на своих пологих волнах мирно уснувших чаек.

А в Немецкой слободе, возле красного домика с белеными наличниками, стрекочет машинка неустанной швеи, и растекается над задремавшей слободой ее печальный голос:

Зачем я встретила с тобою,

Зачем узнала я тебя,

Зачем назначено судьбою

Далеко ехать от тебя?..

Басалаго стоял в тени забора, и душный шиповник цеплялся за его

мундир. Все было тихо. Но вот с набережной завернул открытый автомобиль, и лейтенант поспешно затоптал папиросу. Машина остановилась. Басалаго узнал за ее рулем полковника Констанди, героя боев с красными на Двине, и аса русской авиации полковника Сашку Казакова, - это были громкие имена в армии Миллера. Два неизвестных английских офицера дополняли общество княгини Вадбольской... Прощаясь, они о чем-то договаривались с нею: завтра катером... куда-то ехать... пикник...

Басалаго, стоя под забором, вдруг ощутил себя таким маленьким. Таким сереньким. Таким жалким. Конечно, она каждый вечер кутит "У Лаваля" в окружении самых видных людей фронта. Блеск орденов, звон оружия, шальные деньги, уверенные взгляды... "И что ей я? - думал отчаянно. - Кому теперь известен лейтенант Басалаго, бывший народный вождь Мурман?.."

Автомобиль отъехал. Легкая и стройная, княгиня Вадбольская застучала каблучками по мосткам. Рукою в высокой перчатке она уже взялась за калитку, и тогда Басалаго шагнул из тени навстречу.

- Я вас так долго жду, - заявил покорно.

Вадбольская откинула с лица вуаль, громадная шляпа с цветами венцом охватывала ее пышные золотистые волосы.

- Это опять вы? - спросила рассеянно.

Опустив голову, лейтенант заговорил о любви.

- Если я не отыщу отклика в вашей душе на свою страсть, - закончил Басалаго, - я... Я не знаю, что сделаю!

В мягком сумраке светилась белая блузка княгини, и в этом сиреневом свете, пропитанном приятной речной сыростью, он увидел ее прекрасное лицо с капризными губами. Помадой и вином пахли эти удивительные губы.

- Вы что-то сделаете? - переспросила она со смехом. - Но вы ведь уже сделали, - сказала Вадбольская. - Мне известно, лейтенант, что вы уже вычеркнули мое скромное имя из списков на эвакуацию... Не так ли?

- Я сгораю, - мрачно изрек Басалаго, вспыхивая глазами.

- Не говорите пошлостей... Наконец, это мальчишество, - продолжала княгиня спокойно. - Когда я пойду перед отъездом в эмиссионную кассу менять свои сбережения на британские фунты, то ложь непременно всплывет, лейтенант. А директор кассы, доктор Белиловский, мой большой поклонник, и его даже прочтут в министры промышленности при здешнем правительстве... Для вас могут быть неприятности. Зачем вы это сделали? - строго спросила женщина.

- Я не могу отпустить вас... Вот так! Я люблю вас, вы это знаете сами. Мне больно видеть всех ваших поклонников. От большевика Вальронда до монархиста Белиловского... Я буду любить вас! Я буду любить и вашу дочь. Как свою дочь...

- Но вы будете наказаны за подлог.

- Вами?

- Нет, вашим начальством. Однако не буду скрывать: мне, как женщине, даже нравится ваша настойчивость... А если бы я вернулась сегодня позже? Вы бы тоже стояли здесь?

- Стоял бы!

- И завтра будете стоять?

- Буду...

Калитка скрипнула в ночи. Колючие когти шиповника долго цеплялись за мундир. Вот вспыхнул огонь в верхнем окне, а швея все пела и пела, и ее песня плавно лилась вдоль тихой вечерней улицы:

Пойду на берег морской,

Сяду под кусточек.

Пароход идет с треской,

Подает свисточек...

Раздавленный и жалкий, Басалаго уходил прочь, раздумывая: "Если бы мы встретились на Мурмане, где я был в зените славы, все было бы проще. Но меня она плохо знает: я умею настоять на своем, чего бы мне это ни стоило..."

Это верно: лейтенант Басалаго был человеком очень упрямым.

* * *

- Благодарю, ваше превосходительство, на хересе. Но Александр Васильевич воспитали меня на мадере...

Лейтенант Гамильтон выпалил все это и снова выпрямился позади Марушевского (такой молодой и такой щеголеватый).

- Александр Васильевич - это... Колчак?

- Так точно. Я служил на минзагах, когда мы с ним вышли из Моонзунда для постановок против германских крейсеров.

- Вы - Гамильтон... Хомутов? - спросил Марушевский.

- Так точно. Мы, Хомутовы, пришли на Русь при царе Алексее Михайловиче из Англии как Гамильтоны... Можете звать меня как угодно: Хомутов или Гамильтон, - это одна и та же фамилия, хрен редьки не слаще, ваше превосходительство...

Номерной миноносец - под британским флагом, но с русской командой шпарил на шестнадцати узлах среди каменистых луд Поморья. По левому

траверзу блеснули купола Соловецкого монастыря, вдали - прямо по курсу уже обозначился Кемской берег. На полубаке эсминца, под самым мостиком, в глубоком кресле, наслаждаясь пейзажем, сидел Марушевский, спешащий на свидание с Маннергеймом. Лейтенант Гамильтон (по-русски - Хомутов) сопровождал генерала как военно-морской советник...

Тонкий нос эсминца со звоном рассыпал впереди себя подталые льдины последние льдины в этом году. Дни стояли уже жаркие, лето установилось замечательное. С мостика стучали выстрелы, - офицеры забавлялись стрельбою по тюленям. На корме красовался автомобиль генерала, на котором Марушевский должен пробраться по лесам Карелии до Хельсинки. А из кабины автомобиля с неудовольствием обозревал природу шофер генерала Палкин, потомок славных на Руси трактирщиков...

Прибыли. Швартовались скверно: трах! - форштевнем в причал; даже сваи, подмытые работой винтов, всплыли наверх, вырубленные из фунта. А, чего тут жалеть, коли война!

Вдоль путей Кемской станции - ряды новеньких бараков, в них жило мурманское начальство. Начались визиты: в вагон к генерал-губернатору Ермолаеву, в барак к генералу Мейнард, в палатку к генералу Скобелевцу. Шампанское кипело в бокалах, лаяли на Марушевского поджарые британские доги. Мейнард, предупрежденный Айронсайдом, отговаривал Марушевского от дальнейшего путешествия. Не удалось! Тогда Марушевскому придали соглядатая из англичан - полковника Монк-Мэссона.

От такой союзной внимательности к делам русских Марушевский просто заболел. Долго блуждал в одиночестве по Коми, которая из богатой русской деревни превратилась в военный лагерь. Вышел к берегу моря, раскурил сигару. Уже вечерело над далями. Какой-то унылый бродяга ловил с пристани рыбку на удочку.

Этим бродягой был... Звегинцев.

- Николай Иванович, простите, но... Что вы тут делаете?

- Нетрудно догадаться, Владимир Владимирович.

- Ах, понимаю. Вы любите ловить рыбу.

- Нет, я совсем не люблю ловить рыбу, - злобно ответил генерал генералу. - Но я, как и большинство нас, грешных, люблю хотя бы раз в день пообедать... Вот и сижу как дурак!

Марушевский присел с ним рядом, свесив ноги над водою, а там, в темной прохладе глубины, резкими зигзагами металась рыбины. Какая тут удочка! Клюнь такая на удочку, так уведет за собой на дно и Звегинцева -

вместе с его обидами...

- У меня отобрали даже вагон, - сказал он, вытерев набежавшую слезу. Подлец Басалаго впутал меня в мурманские делишки. Сидел бы я сейчас в Питере, может быть, со временем большевики меня бы и в кавалерию взяли. Говорят, Ленин клич такой бросил: "Пролетарий, на коня!" Конечно, мне бы не коня, а стул дали... Сидел бы в штабе. Мне много теперь не надо... А вместо этого меня здесь произвели в пособники большевизма. Вернись я в Питер, там большевики произведут в пособники капитала... Вот и ловлю себе рыбку! Да черт ее знает, как ее люди ловят! Вон мальчишки, видите, одну за другой таскают... Плюнут и тащат. А я ведь и червяков копал. Старался. Тоже плюю...

Марушевский вернулся на станцию. Вдоль перрона гулял генерал Мейнард. И стояли на рельсах платформы, крытые брезентом, а вокруг похаживали в противомосkitных сетках британские часовые.

- Что у вас на платформах, Мейнард?

- Не знаю. Мука, наверное. Еще от американцев.

Но ветер ударил с моря, загнул край брезента, и Марушевский увидел уложенные в ряд баллоны с газом.

Мейнард смутился:

- Это только удушающие... слезоточивые. Не смертельные!

В этот момент Марушевский подумал, что большевики тоже ведь русские люди, и ему стало жаль большевиков. Снова перед ним встал мучительный вопрос - о колонизации русского народа... Он немного пришел в себя только на станции Медвежья Гора, которую не так давно отбили от большевиков. Какие прекрасные места! Вековой сосновый бор, изумрудные поляны, а в глубине просек яркой синькой плещутся онежские воды...

- Поехали, - сказал он Гамильтону и Монк-Мэссону. Над ними плыл "ньюпор", и на крыльях его сначала прочли надпись: "Vieil ami", а потом разглядели и красные звезды, размашисто наведенные несмываемым суриком. Владимир Владимирович долгим взглядом проводил большевистский самолет.

- Надо бы нам не поленился, - сказал, - и позвонить из комендатуры в Архангельск, чтобы полковник Казаков не пьянствовал, а прилетел бы сюда да сбил этого старого друга.

Палкин - потомок трактирщиков - нажал на клаксон.

- Едем, - сказал, включая скорость. - Не стоит терять времени: когда еще до Хельсинки доберемся...

Под облаками нет сейчас газов - чистота и ветер.

Внизу проплыла Медвежья Гора... "Старый друг" плевался с высоты горячими брызгами касторки. Самолет вел ярославский мужик, который своим мужеством и упрямством "вылетал" себя в асы русской авиации, - ему ничего не страшно под облаками.

Кузякин болел. Штыковая рана, плохо зашитая, гноилась. Было трудно ему нагибаться, со стоном залезал он в кабину "ньюпора"... Десять пудов бомб под крыльями, четыре пуда партийной литературы на английском и французском языках да еще для своих - два ящика стрел, - "ньюпор" тянет груз хорошо. Струится внизу, как река, железная дорога: прямая нить, связавшая Петроград с Мурманом, - плохая дорога, кровавая...

Полет нормальный. Рука оставила штурвал, и "ньюпор" режет пространство, предоставленный сам себе. Кузякин, по-мужицки деловито, достает из-под ног купеческую гирию фунтов в пять весом, вяжет ее к длинной веревке. Дергает узел, - крепко. И складывает гирию с веревкой к ногам. Пусть лежит. Может, пригодится!

Отогнув наушник на шлеме, Кузякин прослушал мотор. Восьмидесятисильный "гном" послушно тянул самолет. Альтиметр показывал под тысячу метров. Над Мурманкой пилот сбавил обороты и бросил вниз бомбу: легла на насыпь. Взяв вторую в ладонь, он разжал пальцы, и бомба рванула точно на рельсах, теперь пусть чинят.

За Медвежьей Горой он разглядел ряды построек, над которыми колыхался британский флаг, и с шорохом высыпал целый ящик листовок. Чтобы не возиться с тарой, отправил на землю и ящик. Описывая красивую дугу, тот опускался. Было видно, как разбегаются по земле фигурки людей: им казалось, что брошена тяжелая бомба.

Кружа над аэродромом, Кузякин высматривал самолет юнкера Постельникова; заметил на взлетной линейке один "депердюссен", - на нем тоже летали русские. Дерьмо машина! Кузякин открыл ширмы на часах: пора возвращаться. И тут над головой пилота пропела одинокая пуля. Так могут стрелять только с земли. Или...

Ручку сектора газа - назад. Аппарат пошел на разворот к бою. Высоко над собой Кузякин увидел "моран", блестящий от желтого лака. Ну, этого выстрела он "морану" не простит... Летчики не бандиты, чтобы стрелять из-за угла. Лоб в лоб! Полный газ, руль высоты на себя, и теперь серебристый "ньюпор" режет голубизну неба. Все выше и выше задирается нос, осиянный венчиком винта.

Есть! - готово: высота, нужная для боя, набрана...

В прицеле пулемета дрожит желтое брюхо "морана". Ничего машина, добротная, на такой летал и Нестеров... Первая очередь - пробная. Все в

порядке. Можно начинать.

И он покачал крыльями, вызывая на поединок.

"Моран" пролетел рядом, тоже качнув плоскостями.

Некоторое время парили рядом, и Кузякин увидел, как юнкер Постельников (это был он!) машет ему рукою в громадной перчатке и что-то кричит, кричит, кричит. Вниз показывает - на британский аэродром. Мол, садись! Не слопают же тебя! Садись!

- ...и выпьем, Коля... - прорвалось сквозь рев моторов. Острая боль резанула живот. Так, словно штык опять вошел в тело. Сейчас учитель будет лупцевать своего ученика. По всем правилам рыцарской чести..

Кузякин повалил свой аппарат набок элеронами, и струя огня потянулась к желтому "морану". Юнкер захлопнул щиток кабины и принял бой. Но неуверенно, ибо знал, что он только ученик. Быстрый, как мысль, маневр - и Кузякин уже молотит по фюзеляжу Постельникова словно пневматическим молотком. Ему видно, как отскакивают куски дерева, сминается пулями мягкий металл...

В голубом небе мечется юнкер - хочет оторваться.

- На! - сказал Кузякин, снова открывая огонь...

Под стеклом плавно спешит по кругу стрелка альтиметра. Ладно поют восемьдесят лошадиных сил, упрятанных в кулак мотора:

...тысяча сто...

.. .тысяча двести...

...тысяча триста...

Выше, выше!

И сверху - коршуном: тра-та-та... та-та! "Это хорошо!"

Постельников был ученик толковый - это он же его и выучил, капитан Кузякин, - и теперь с удовольствием пронаблюдал, как тот уходил от него плавной спиралью. "Молодец!" - похвалил его Кузякин, и свежая очередь снова крошит обшивку...

Палец жмет гашетку залпа - тишина.

- О черт!

Пулемет пуст - коробка с патронами кончилась...

"Моран" скороподъемен и верток. Он мечется над лесом, стараясь прорваться к своим аэродромам. "Нет, нет! Тебе не уйти, сынок... Я тебя породил - я тебя и прихлопну сейчас".

Гиря в пять фунтов выкинута за борт, болтаясь на веревке.

Опять сектор газа - до упора. "Казанская смесь" чадит на выхлопе спиртом. "Вернусь - выпью", - думает Кузякин, настигая врага. Опытной рукой ас поднимает давление. Он висит над юнкером, над самой его

кабиной, и юнкер в отчаянии, отбросил щиток, палит в него из револьвера...

Точно-точно, как в аптеке, Кузякин опускает гирю в винт. Прямо в сабельный блеск пропеллера!

Пропеллер разлетается на куски, и трусливая спираль переходит в безудержный штопор. "Неужели выкрутится?" - думает Кузякин, хорошо видя, как дергаются элероны на "моране".

Поздно! Что-то рухнуло в лес... Выпал юнкер?

Нет, это оторвался мотор. Конец. Самолет рухнул...

Кузякин вернулся из полета - как раз к обеду. Ему выдали целых триста граммов хлеба.

- Чего так много? - спросил он.

- За два дня сразу. Вчера-то совсем не получали...

- А чай будет?

Чаю не было. Кузякин сжевал свой хлеб, сказал:

- А я, Спиридонов, того сопляка все-таки угробил.

- Где?

- За Масельгской. Он у меня всю коробку патронов забрал.

- Поздравляю с победой, - произнес Спиридонов.

- Да погоди ты с победой... И в бумаги ничего мне не вписывай. Это же не победа, а только расплата. Дал в ухо - получи в нос... Такой уж у нас порядок!

Вальронд с ехидцей спросил:

- Ну, воздушный, будем составлять депешу для вымпела? Кузякин, по-крестьянски бережливо, ссыпал в рот с руки хлебные крошки. Держась за живот, встал:

- Человек человеку рознь. Фицрой был обманут, и мне его жаль. А этот меня обманул и пусть гниет, как собака. Юнкер Постельников не имел в душе самого главного - чести!

И, сказав так, Кузякин ушел... Он был человеком чести.

Глава тринадцатая

О, доблестный капитан британской армии Дайер! Вы, убитый большевиками на станции Исакогорка, мирно опочили в земле.

Какая волшебная ночь пролетает над миром. Какая тишина вокруг вас, и как сыро вам, как темно...

Капитан Дайер! Эта глава посвящается вам.

* * *

Покуривая трубку, Уилки читал, что пишет американский посол в Стокгольме. "Наилучшим местом для военных действий против большевиков всегда будут Прибалтийские провинции и Финляндия. Их

выдвинутое географическое положение, их порты и железные дороги, близость к Петрограду... - все говорит в пользу подобных операций... Важно помнить, что Красная Армия, вырастая численно, улучшается также и качественно, следовательно, борьба против большевиков позднее будет более сложной, нежели сейчас..."

Уилки посмотрел на дату: телеграмма отправлена за океан из Стокгольма еще в декабре 1918 года. Хлебнув виски, Уилки вызвал шифровальщика:

- Приятель! К чему мне эти прошлогодние цветы?

- У американцев слишком сложный шифр. Удалось расшифровать депешу только сегодня.

- Не стоило и возиться, - заметил Уилки. - С тех пор как писались эти строки, большевики успели вырасти численно и улучшили свою армию качественно. Нам придется уйти! До осени. Если навигация нас задержит, большевики не станут ждать. Они вышибут нас прямо на полярный лед, где мы съедим ремешки от своих часов.

Шифровальщик - опытный секретный волк - спросил:

- Но, сэр, неужели у нас так плохо на фронте?

- У нас как раз хорошо на фронте, - ответил ему Уилки. - У большевиков как раз плохо на фронте... Но надо же уметь предугадывать события. Всегда лучше уйти, нежели убежать. Я согласен, что в любом случае армии короля будет стыдно. Но позор станет несмыслаем для Англии, если мы дадим большевикам разбить нас. А потому - лучше уйти, неслышно затворив за собой двери. Пусть думают в мире, что мы вполне приличные гости... И не засиживаемся!

По ночам обостреннее текут мысли, точнее - обобщения. И потому лейтенант Уилки любил ночную работу. За окном уснул чужой русский мир. Только искрят антенны корабельных радиостанций. Только перебегают фронты и границы шпионы. Только целуются где-то влюбленные... Ах, как это приятно отгородиться от мира стеной молчания и тьмы, чтобы остаться одному и думать...

Уилки вспенил виски в стакане, велел разбудить секретаршу.

- Прости, дорогая, - сказал он ей, - ты даже спросонок очаровательна... Мне захотелось узнать, сколько сейчас сидит народу в концлагерях... Печенга, Мудьюг, "Чесма", Александровск, Иоканьга, Мурманск, Архангельск... Ну, и прочие лагеря!

Потом Уилки внимательно изучал сводку:

- Это здорово! Вино перелито нами через край...

Сводка наполнила его душу тревогой. Семнадцать процентов жителей

русского севера было арестовано. Семнадцать процентов - одна шестая часть всего населения края. Когда каждый третий или четвертый пройдет через тюрьму или лагерь - это становится очень опасно...

- Да, - сказал себе Уилки под утро, - эвакуацию, пожалуй, надо сворачивать уже к августу... Именно так! И пора вызывать из метрополии генерала Роулиссона... Да, пора!

Кто такой генерал Роулиссон, знали тогда немногие.

Рано утром Уилки выехал на фронт поездом - для инспектирования Дайеровского батальона. На одном глухом полустанке в вагон к нему вбежал с бутылкой рома кавторанг Чаплин, ныне полностью амнистированный и даже командовавший полком. Полк этот был составлен из чаплинцев (приверженцев военной диктатура), из офицеров Ледовитой флотилии и отпетых хулиганов, с которыми Георгий Ермолаевич удивительно умел находить общий язык...

Чаплин стукнул бутылкой перед носом Уилки:

- Бродяга! Ах ты, старый бродяга... Мы готовы!

- Выпить?

- Не только выпить, но и закусить в Архангельске, куда мы готовы ворваться с боем и свернуть шею правительству... Хочешь?

- Выпить, - отвечал Уилки. - Но не больше того. Они наспех выпили, и Уилки придержал пыл кавторанга.

- Джордж! - сказал он ему радушно. - Боюсь, что время военной диктатуры не настало. Это будет последняя карта в игре. И тогда ты понадобишься. Но уже не нам, а Миллеру! Если, конечно, Миллер не догадается закончить игру вместе с нами.

- Значит, - побледнел Чаплин, - это правда? И вы сознательно замазывали нам глаза двумя бригадами, которые брошены под Котлас? Вы уходите? То, что простительно американцам, этим липовым демократам, что простительно и болтунам французам, то совсем нельзя простить вам - деловым людям... Где же, черт побери, ваше хваленое джентльменство?

- Оно при нас... Ударил гонг, Джордж, а ты уже не молод, и прыгать на ходу в твои годы рискованно. Прощай!

Стоя на подножке вагона, наращивающего скорость вдоль лесной поляны, Чаплин прокричал Уилки - последнее:

- Я могу и другое!.. Я ворвусь со своим полком в Архангельск, и силою оружия мы заставим вас остаться с нами до конца...

А на фронте, в расположении позиций Дайеровского батальона, было тихо. Высоко вскинулись жирные травы, и в покосах бойко стрекотали кузнечики... Здесь лейтенанта Уилки встречали.

Русские офицеры, знающие русский язык.

И английские офицеры, знающие русский язык.

Это была боевая компания, скрепленная кровью и опасностью.

- Как настроение в батальоне? - спросил Уилки для начала.

- Отличное. Правда, доля излишнего ухарства существует.

- Так и должно быть в славном Дайеровском батальоне...

Поздний вечер. Из-за леса приходит ночь, очаровательная, как и минувший день. Хорошо дышится. С пастьбы возвращается стадо коров, бренча колокольчиками. Вкусно пахнет парным молоком, что звонко брызжет сейчас в пустые цинковые ведра... Уилки чувствовал себя превосходно, пребывание в русской деревне напомнило ему детство, проведенное на ферме у дедушки.

На столе - бутылки; под лавками - ящики с гранатами.

- Я не буду пить, - отказался Уилки. - Сегодня это ни к чему. Впереди нас ждет ночь, полная волшебного очарования...

Офицеры же были настроены не так романтично: они как следует накатались и улеглись спать. А лейтенант Уилки побывал в окопах, куда лезла синяя гоноболь. И давилась под каблуками сочная морoshка... До чего же тихо на фронте, даже не верится. Да, можно быть абсолютно спокойным, если позицию держит героический Дайеровский батальон...

Он спустился к реке, разулся и сел на берегу. В таинственных кустарниках, где что-то загадочно белело, кричала злобная одинокая птица. Уилки долго пытался угадать - что же это за птица? И никак не мог. в Англии таких не было, - птица русская, а он, лейтенант Уилки, находится в России, и течет перед ним в русское море русская же речка. И плещется в камышовых заводях русская гульливая рыба.

Птица вскрикивала в ночи - резко и пронзительно, словно в загадочных кустах тупою пилой разрезали сырую доску... Когда Уилки вернулся в избу, то как-то не сразу все сообразил.

Лежали перед ним офицеры...

Шесть офицеров русских, знающих английский язык.

И четыре офицера британских, знающих русский язык.

Все они лежали спокойно, будто спали.

А рядом с ними - отдельно - лежали их головы.

До чего же тихо на фронте, даже не верится...

- Монк! Бэрд! Харди! Хьюгги! - звал он.

Тронул одну голову, и она покатилась...

- Вот он! - заорали в дверях.

Выросла тень человека, провела вдоль избы очередью.

Добротная русская печь (еще теплая) спасла Уилки. Рукою, сбивая со стола пустые бутылки, нащупал гранату. И стоял, весь сжавшись. Пальцем проверил - здесь ли запал? Слава всевышнему, граната была с запалом. Вырвал чеку, как вырывают из тела занозу, и со стоном швырнул бомбу в двери...

Уилки был единственным, кто остался цел...

Восстание! Восстание! Восстание!

Помните, люди, Дайеровский батальон.

С треском обрушилась тишина на фронте, когда батальон пошел на прорыв. Через фронт. Обратно. К своим.

- Мы не суки! - кричали солдаты. - Жрите сами вашу тушенку!

Через село Троицы, дрямо на Топсу, расстреливая все живое, рванулся через фронт Дайеровский батальон. И забыт в избе штаба флаг с мечом, увитым лавровыми венками. Снова вспыхнули на каскетках, заранее припрятанные, звездочки Красной Армии.

- Вперед! - звали их комиссары...

Двенадцать пулеметов и британские "пом-помы", ухающие в ночи, словно филины, работали вдоль полотна дороги. Отборные солдаты, молодцы, - разве их остановишь? Железная грудь батальона разрывала, как бумагу, все укрепления, неслась вперед, только вперед... к своим!

Через полосу огня, надо рвами блокгаузов, мимо бронепоездов.

- Вперед!..

Уилки вернулся в Архангельск; настроение высшего командования было здесь подавленным. И наоборот, восстание Дайеровского батальона высоко подняло настроение в британских войсках. Всегда было очень "далеко до Типерерри", но теперь сразу Типерерри приблизилось к каждому.

Уилки места себе не находил:

- Скорее! Скорее сюда Роулиссона из метрополии!

Когда его спрашивали потом, как все это было, он отвечал:

- Ну что вы спрашиваете? Это был... кошмар. Фронта у нас уже нет. Дайеровцы проделали в нем такую дыру, что большевики сразу воткнули туда свой кулак и нам его показывают.

- Показывают, но... чего же не бьют?

- Они слишком сейчас заняты. Колчаком и угрозой Юденича. К тому же пал Царицын, этот русский Верден, и большевики за него будут драться. Но кулак уже здесь - мы его нюхаем...

Из метрополии сообщили, что генерал Роулиссон выезжает. Спешно!

- И очень хорошо, - сказал Уилки, сразу успокоившись. Кто же такой

этот генерал Роулиссон? Знать об этом пока не обязательно даже английским солдатам.

Одно можно сказать: генерал Айронсайд и в подметки не годился генералу Роулиссону.

Роулиссон был молодчага! Парень что надо!

Кстати, этот парень был лордом...

* * *

Капитан Дайер, как жаль, что ваша могила не сохранилась на архангельском кладбище!

Ее не мешало бы оставить.

Для истории!

Очерк третий.

Мой океан

Дорога шестая

Онега и Поморье - самые чистые бриллианты в короне русского севера. И тянется древний тракт - мимо рек, что беснуются в порогах, то затихая в лесной тиши, то взрываясь бурными падунами; мимо деревень, усопших вековым сном в комариных дебрях: мимо лебединых ставок озер и синеватых зыбей трясин.

Прямо в море срываются сваи рыбацких амбаров, бьется ветер в окна поморских изб, пружиня белые занавески. Придавлены камнем на глубине рыбацкие мережи, а там спешит по дну жирная минога, рвется пучеглазый окунь в сетях, бьет хвостом на отливе красноватая семга. А ленивая волна нет-нет да и выплеснет на берег драгоценный янтарь "морского ладана"...

До чего же былинно и красочно раскинуты эти края!

Еще со времен тишайшего царя Алексея стоят в непролазных дебрях шатровые церкви, как великолепные кубки. И ни одного гвоздика не найдешь ты в срубе. Только топорик, только глазок, только расчет русского разума. А в тонком золотистом зное, обступив дорогу в лесу, звучно стонут на ветру столетние сосны... Красные, смоляные, пахучие!

Глухо на тракте, ведущем от Поморья до станции Обозерской. Изредка пройдут, тихо переговариваясь, англичане. Огненная рысь, прыгнув с дерева, перемахнет через тракт и снова взвьется на дерево. Одинокая волчица, высунув язык и волоча по земле тяжело отвислые сосцы, бежит куда-то по своим лютым, волчьим делам. Грузовичок "фиат", ведомый поручиком белой армии, рывкнет на волчицу клаксоном. Зверюга оскалит желтые зубы и нехотя не сразу! - свернет с дороги, уступая машине.

Везли когда-то этим трактом дань московским царям: белых кречетов и слюду прозрачную, рассыпчатый кемский жемчуг и серебро кийское,

зеленый камень от Печенги и тайноудовые кости самцов-моржей, из коих делали потом царям да боярам торжественные посохи. С этими посохами, влача роскошные бармы, принимали московские государи иноземных послов... Как давно это было!

Теперь проехал по этому тракту "посол" Архангельского правительства Марушевский, возвращаясь от барона Маннергейма. В кармане его френча шуршал свежий выпуск "Мурманского вестника", а в газете черным по белому сказано было следующее: "Финляндское Правительство охотно идет навстречу многим начинаниям русской государственной власти. Генерал В. В. Марушевский свиделся с генералом Юденичем и имел с ним продолжительные беседы... удалось установить полный контакт между Северной областью, Финляндией и Северо-Западным фронтом. Вообще генерал В. В. Марушевский вернулся из своей официальной поездки в очень бодром настроении".

Может, оно и так. Но от бодрого настроения не осталось и следа, едва Владимир Владимирович выехал на пустынный поморский тракт. Этот тракт его напугал... Да и было отчего испугаться: на всем пути - от Онеги до Обозерской - Марушевский прокатился, как по выставке. Большевики разукрасили белогвардейский тракт такими лозунгами, такими плакатами, что хоть глаза не открывай. В пыли дороги лежали прокламации для французов (уже отбывших во Францию), а к белым солдатам обращались даже скалы... И всюду деньги, деньги, деньги! Просто пачками лежали деньги: керенки, "моржовки", "шпалы", "чайковки"... "В кого ты стреляешь?" - прочел генерал на выступе горы. - Бросай винтовку и иди к нам; мы будем вместе бороться за свободу..."

Марушевский проехал через тракт, и... всё! Больше уже никто здесь не проехал. Случилось невероятное.

* * *

Лучше всего сушить солдату портянки на рогах у коровы.

Стоят белые солдаты в деревне Чекуево, - это в Онежье. Тут густые травы на пожнях, вкусен тут воздух, как масленный, и брызжет малинник в окна, и пахнет парным молоком и анисом.

Мычат, затяжелев, коровы; шатаются солдаты от первача, от краткой фронтовой любви на задворках. Кружит головы онежская ярь, зыкает молоко в траву теплой парною струей... С ума можно сойти в такие дни! И - сходили: сушат портянки на коровьих рогах... А по реке, кувыряясь через камни, текут молевые бревна. Где-то там, у города Онеги, вот уже вторую сотню лет жадно хватают эти балансы, англичане и грузят на свои корабли. Звонко кричат пилы, разрезая балансы на стандарты - ровные пахучие

доски... Вовсю работает британская компания "Wood".

А здесь, в Чекуеве, рота солдат вторая - полка пятого:

Славен выпивкой и пляской,

С расшшеперенным ротком,

Полк выходит залихватско-ой,

Про него мы и споем...

Полк как полк. Но вот в полночь ползет по катушкам телеграфная лента, а в конце ее - примечание весьма грозное: ".. .эту ленту вырви из аппарата, унеси с собой или уничтожь".

Унтер-офицер Щетинин рвет ленту на куски.

- Пошли, - говорит он.

...На площади села - митинг (первый митинг за эти годы).

Сообща решено: взять Онегу и отдать город Красной Армии.

- Тады простят!.. - голоса.

И начался марш - беспримерный марш суворовских времен. Отсюда до Онеги сто двадцать пять верст. Это по кочкам да через гати. А время не ждет: надо успеть, пока англичане не опомнились.

Потонули за лесом крыши Чекуева - одну версту отмахали с песнями.

Воевал войну германску,

На японской был войне,

А за власть свою крестьянску

Повоюю я вдвойне.

- Веселее, ребята! - орет Щетинин...

Эх, яблочко,

Да ты хрустальное,

Революция

Да социальная.

Эх, яблочко...

Да наливается,

Пролетарии всех стран

Соединяются...

Лес, лес, лес... Пять верст - чепуха. Впереди - Клещово; батарея макленобских пушек глядит из-за плетней на подходящих. Но унтер-офицер Щетинин спокоен: в кармане лента, подписанная Сергеем Подлясовым. Вот он Сережка, милый друг, уже машет:

- У нас порядок. Идем с вами!

В следующей деревне к ним пристали пулеметчики. Люди давно скинули сапоги, распахнули мундиры. Жарко. День к закату, а впереди еще долгий путь. Сколько они прошли? Это еще неясно, а вокруг одно: лес, лес,

лес...

Песен уже не поют. Устали. Проклятое комарье облаком виснет над колонной восставших. Про голод забыли, клонит в сон.

Хоть бы прилечь. Но - нельзя: марш, марш, солдат!

Молча шагают люди. Широко раскрытые рты жадно пьют медвяный запах сосны. А на губах - гнус. В ушах - стон от комариного нытья. Винтовка тянет вниз, к земле: приляг, солдат... Нельзя!

- Марш! Марш! Марш!

Кажется, прошли сорок верст. Громадный тетерев сорвался с ели, пролетел в ночи, оцарапав крылом лицо трубачу. Ночная паутина облепляет лица солдат... И вот - рассвет.

- Марш, марш!

Ночь - прочь. До Онеги - еще шестьдесят. Через кочки и корневища катятся пушки Маклена, тарахтят по камням трескучие "кольты". Люди уже шатаются, как тени, но всё идут, идут. День горит над ними пожаром. Трещит сухой мох на полянах. Только бы не сесть, только бы не упасть.

- Не отставай! - распухшим ртом кричит Щетинин; глаза унтера обводят колонну. - Марш, марш, марш - вперед!

Еще вчера они трепались с девками, сушили портянки на рогах коровы. Еще вчера полковой священник заводил для них граммофон, выставляя в окно избы трубу, грохочущую басом Шаляпина:

...а мы, кто стал кусать-ся,

Тотчас - давай! - ду-шить!..

Потно, кисло сейчас и сермяжно, по-русски табачно и хмарно в эшелоне усталых солдатских тел. Ряд за рядом, взвод за взводом, - вперед, на Онегу! Даешь город!..

Когда отмахали сотню верст, стали падать. Падали, взмахнув руками, как вещицы птицы крыльями, И рушились на теплые мхи с плотно закрытыми глазами. Остальные шли мимо - слепо и глухо, словно чужие. Ибо знали: не поднять. Пусть: выпянутся и нагонят.

До Онеги - пятнадцать верст. Сто десять осталось позади.

- Ну же, солдат! Давай, давай...

Уже потянуло беломорским шалоником от Соловков, солью и рыбой задышали солдатские ноздри.

Падали, падали, падали... на марше, на марше, на марше.

Тут из лесу вышли к ним красные партизаны и, ничего не спрашивая, примкнули к восставшим. Пошли рядом.

- Товарищи! - голос из головы колонны. - Море!..

Щетинин упал и снова встал.

- Сережка, - сказал Подлясову, - у тебя часы... глянь!
- Сутки, - прохрипел тот, - сутки, как вышли из Чекуева...

За одни только сутки - сто двадцать пять верст: это по-суворовски.

С ходу, не задерживаясь, взяли лесопильный завод британской компании. Тихий мир провинции разбудили выстрелы. Вдоль Соборного проспекта шагали белые солдаты с красным знаменем. Из буфета городской читальни, попивая пиво, на них обалдело глядел английский комендант города...

Здесь они захватили трофеи:

6 орудий, 110 пулеметов, 8 самолетов, 3 парохода, 15000 винтовок и 6000000 патронов, - все это они отдавали в дар Красной Армии как искупление...

Пройденные версты остались за спиной, и солдаты уже спали - там, где застал их сон...

Разбросав черные пятки посреди дороги, уснул Подлясов.

Щетинин нашел в себе силы добраться до телеграфа.

- Кто из красных против Онеги? - спросил он.

- Товарищ Уборевич, - подсказал телеграфист.

Голова падала на грудь, Щетинин диктовал шепотом:

- ...мы, восставшие солдаты белого полка... Мы клянемся, что вместе с вами доведем до конца начатое дело... Да здравствует социализм... да здрав...

- Кто подписал? - спросил телеграфист.

Щетинин не ответил: он спал, лежа грудью на конторке.

* * *

Когда-то генерал Скобелев говорил своим солдатам-рыцарям в белых рубахах:

- Запомните: тридцать верст - только приятно, шестьдесят - уже неприятно, девяносто - это тяжело, а сто двадцать - крайность!

Они прошли сто двадцать пять верст, - это была крайность, вызванная революцией...

Теперь армия Миллера, после захвата красными войсками Онеги, теряла сухопутную связь с Мурманом.

Шестая армия - через Онегу - открыла новый фронт.

Фронт, открывающий Архангельск!

...Онега и Поморье - места прекрасные.

Глава первая

Павел Безменов прибыл в Мурманск - и не узнал города: все загажено, разворовано, захаркано.

Мурманск и раньше не блистал чистотой: кочевая жизнь по вагонам и "чайным домикам", неуютная житуха на чемоданах и лавках... Но то, что Безменов увидел сейчас, ошеломило парня.

Особенно поразила его какая-то апатия в людях: опущенные руки, хмурые взгляды, неряшливый, запьянцовский вид; многие шли на работу с похмелью и тут же, натошак, уже распивали шкалики. В порту было пустынно, зашлакованные причалы разрушились. Дымили еще в отдалении русские корабли, но вооружение с них было снято, лишь эсминец "Лейтенант Юрасовский" грозил рассвету сверкающей артиллерией. По заржавленным путям и скособоченным стрелкам, визжавшим на перестыках, ползал одинокий маневровый, безжалостно расталкивая шатучие вагоны.

Над Мурманском витала тень полковника Дилакторского, одно имя которого леденило кровь в жилах у мурманчан. Дилакторский - гроза дезертиров! пользовался среди англичан таким колоссальным уважением, что они, если надо, посылали за ним самолет, - теперь же интервенты доверили ему самый ответственный пост - военного коменданта Мурманска...

- Стой! - вдруг окликнули Безменова. - Кажи бумагу. Большевика обступил патруль из "крестиков", возглавляемый сербским офицером. Павел спокойно показал свои петрозаводские документы: бывший член Совжелдора, бывший прораб и прочее...

- А как же ты здесь оказался? - удивились солдаты.

- Бежал... Жрать захочешь, так убежишь.

- Ну-ну, - ответили "крестики" со смехом. - Здесь подкормишься, потом и дале бежать можно... до самого Парижу!

Документы вернули. Маневровый паровозик, двигая на бегу горячими локтями, катился с горки на станцию. Безменов в расстегнутом пальто, прихлопнув на голове кепчонку, пробежал несколько шагов рядом с локомотивом. Ухватился за скользкий поручень, рывком поднялся в будку машиниста.

- Семьсот сорок девятый? - сказал. - Здорово, Песошников!

Песошников посмотрел на него спокойно.

- Когда? - спросил деловито.

- С ночным. Я так и думал, что ты на старом своем номере...

Щелкали под ногами пластины металла, ерзал под потолком пузатый чайник с отбитым носиком. Песошников, бросая взгляды в смотровое окошко, рассказывал. Он говорил сейчас о том, что Безменов, пожалуй, знал и без него (в Петрозаводске многое знали). Говорил, что без

руководства большевиков ничего не выйдет, хоть в лепешку разбейся. Работу надобно начинать с самого начала. Скажи "а", потом "б"...

- Все начинать здесь с восемнадцатого года, чтобы, дай бог, в двадцатом году разобраться... А у тебя "липа"? - спросил.

- Нет. Я без "липы". Как бежавший.

- Ну, это и лучше. Меньше врать придется...

- Вечером еще потолкуем, - сказал Безменов и спустился на подножку мчащегося паровоза. - Не сбавляй пар, - сказал на прощание. - я и так спрыгну...

Маневровый ушел на Колу, а Безменов направился... прямо к Каратыгину (рискованный этот шаг был заранее обдуман со Спиридоновым, еще в Петрозаводске). Бывший контрагент занимал теперь избу, в которой жил когда-то лейтенант Басалаго. Неподалеку колыхался флаг британского консульства, одичало глядели на фиорд окошки покинутой французской миссии.

- Не прогоните, господин Каратыгин? - сказал Безменов, входя...

Каратыгин, еще неглиже, брился возле зеркала. Намывала ему гостей дымчатая беременная кошка. Через открытую дверь виднелась воздушная постель; под атласным одеялом, вся в кружевах и бумажных папильотках, валялась в ней зевающая мадам Каратыгина, просматривая свежую газету.

Бритва опустилась в руке Каратыгина, и он даже отступил:

- Что за привидение? Ты?.. Откуда ты свалился?

- Прямо от большевиков. А что? Напугал?

- Зиночка! - заорал Каратыгин, не сразу все поняв. - Ты посмотри, дорогая, большевики-то деру дают... Ну, садись! Сейчас я тебя, как последнего сукина сына, который немало мне крови испортил, напою в стельку... "Арманык" пил когда-нибудь?

- Нет. Пить еще раненько. А вот перекусить - согласен.

- Зиночка, - взмолился Каратыгин, - да встань же ты наконец! Ну, смотри, сколько времени: уже одиннадцатый...

Вышла в пунцовом халате мадам Каратыгина, скребя шпилькою в голове, зевнула еще раз хорошеньким ротиком (теперь эта особа состояла при молодом генерал-губернаторе Ермолаеве, и в Петрозаводске об этом тоже знали - все было учтено!).

- Чего это вы... в валенках? - спросила недовольно. - Приперло вас ни свет ни заря. Могли бы по телефону позвонить, как положено среди приличных людей... И сразу - к нам?

- А куда же еще податься? - понуро ответил Безменов. - Ладно уж, что было, то было... Опять же время давнее: быльем поросло. А вашего супруга

все-таки издавна знаю...

- Молодец! - похвалил его Каратыгин. - Молодец, что прямо ко мне. У меня с работягами знаешь какие братские отношения? Когда я им устрою что-либо, когда они мне подкинут. Ну, а ты, Павлуха, скажи - опять на дорогу?

- Да ну ее к бесу! Надоело. Сейчас все устраиваются. А я что - рыжий? Полегче бы что-нибудь, чтоб не били лежачего...

За столом они все ж выпили, и Каратыгин расчувствовался.

- Зиночка, - сказал, - ты не слушай... Дело мужское. - И прильнул к Безменову ближе. - Мне, - намекнул шепотком. - нужен свой человек на складе Красного Креста. Американцы понавезли туда всякого. Рубахи-нансеновки, сапоги и аспирин даром раздают. Вот ежели ты проскочишь на склад, так мы, брат, такие дела завернем... Ого! На всю жизнь себя обеспечим... во как! И провел рукой по белому гладкому горлу. - На всю жизнь, - повторил убежденно.

- Ну что ж! Можно и к американцам, - скромно согласился Безменов. Только, скажите честно, господин Каратыгин: вы меня случаем под статью не подведете? Или... под расстрел?

- Шалишь! - захохотал Каратыгин, разливая душистый "арманьяк". - Да ты пойми, дурья башка, что в компании с нами сам старый Брамсон будет состоять... Негласно, но - так!

- Ну-у? - поразился Безменов.

- А ты думал, что один я смогу тебя устроить на склад? Нет, брат. Туда попасть трудно. Только через Брамсона и можно... По рукам?

И ударили по рукам. Зиночка эти руки развела.

- Чур, - заявила, - меня не забывают. Мне нужна норковая шубка. Как у этой Брамсихи, что живет с негодяем Ванькой Кладовым, и об этом все знают... А я? - строго спросила она мужа. - Неужели не заслужила? Разве обо мне ты слово худое когда слышал? Попробуй найди еще на Мурмане такую, какая я тебе, дураку, досталась... Да ты не стоишь меня!

* * *

Рейсовый катерок в поддень обходил причалы, шныряя между кораблями, подбирал гуляющих матросов, рабочих и торговков. Безменов отплыл на нем в сторону плавмастерской "Ксения"; ржавый борт корабля, пришедшего когда-то с Тихого океана, медленно наплывал на катер. Жиденький трап свисал со спардека, и Безменов долго лез на палубу.

В слесарном отсеке открыты иллюминаторы; станки задержаны промасленными чехлами. Только возле одного качается обод абажура над лысой головой пожилого матроса. По виду матрос - работяга, старый

заводской пролетарий, каких немало на Руси; и даже очки в жестяной оправе, как у старого мастерового. Совсем не вяжутся с передником и станком матросская роба и бескозырка на голове, облысевшей на флотской службе.

Безменов подошел со спины, сказал тихонько:

- Привет от Спиридонова...

Заглох станок, смиряя вращение вала, и на этом вале вдруг проступил артиллерийский стакан, из которого вырезалась мастером кокетливая винная рюмочка. Матрос-рабочий повернулся.

- Спасибо, - ответил, поднимая очки на лоб. - А ты часом ли, не ошибся, раздавая чужие приветы?

- Вряд ли ошибся. Тебя ведь зовут Цукановым - так?

- Ну, что с того, что я Цуканов?

- Говорят, большевик ты, - прямо ответил Безменов.

- Это где же такие болтуны нашлись?

- Так тебя все считают... в Петрозаводске.

Мастер задвинул в тумбочку бутылку с маслом и улыбнулся, уже отходчивый.

- Есть немножечко, - сказал приветливо. - Да один в поле не воин... И в одиночку я помалкивал...

Они стали разговаривать, с опаской посматривая на входной трап в палубу. Но в цехе было пусто, как в гробовине. Свежий ветерок носился над станками корабельного цеха, качал обода жестяных абажуров. Цуканов снова полез в свою тумбочку, достал оттуда целый ворох английских газет.

- Какие языки знаешь? - спросил придирчиво.

- Все, кроме русского, - засмеялся Безменов.

- Ну и дурак... Хвалиться тут нечем! - Цуканов развернул перед собой широкие листы. - А я вот, - сказал, - недаром времечко провел в интервенции. Изучил ихний... И балакаю, и читаю по малости. Это мне политически помогает. Вы в Петрозаводске когда еще узнаете, что в парламенте говорят... А я прямо с языка лордов все новости схватываю...

- А что пишут? - поинтересовался Безменов.

- Они хорошо здесь пишут... Видишь? - потряс Цуканов газетами. - Здесь тебе не кузькина мать на патоке! Ллойд Джордж прямо заявил в парламенте, что немедленно выведет войска... Чуешь? А они - народ такой, эти англичане. Я к ним присмотрелся: мух ноздрями зря ловить не будут... Крепко пришли крепко уйдут!

Когда Безменов очередным катером вернулся на берег, к нему подошел человек (по виду портовый докер), тронул за руку:

- Контрразведка... Спокойно... Оружие есть?

Его провели в предбанник лютой "тридцатки", велели сидеть. И руки держать на коленях. Напротив, перед букетом увядающей полярной черемухи, расположилась секретарша Эллена - поджарая, словно кобылица. Смотрела на Безменова она равнодушно. Только один раз спросила - с презрением:

- Чего это вы в валенках?

- Обносился, - ответил Безменов. - Ничего больше нету...

Эллен просмотрел его документы. Велел вызвать весь наряд дежурных по городу филеров. Явились.

- Вот что, господа хорошие, - сказал им Эллен, - этот ренегат прибыл поездом в восемь сорок. А сейчас на моих уже половина третьего. Можете вы мне точно сказать, что делал все эти шесть часов Безменов и с кем встречался?

- Можем, - ответили филеры. - Первым делом он зашел к Каратыгину, потом они долго трепались у Брамсона, после чего задержанный отправился на "Ксению"...

- На "Ксению"? - удивился Эллен. - Вот тут-то он и попался. Ну-ка спросите, что ему было нужно на плавмастерской?

Филер принес от Безменова из "бокса" набор миниатюрных рюмочек, выточенных с большим вкусом из латуни снарядных стаканов.

- Задержанный утверждает, что... вот! За этим, мол, и ездил.

- Врет! - сказал Эллен. - Сам без порток явился, еще не успел отожраться, а сразу рюмочки понадобились... Врет!

- Не совсем так, господин поручик. Тип этот теперь на складе Красного Креста будет работать. Оно же и понятно: воровать и пьянствовать будут...

Эллен долго думал, стуча линейкой по голенищу сапога.

- Установить наблюдение, - приказал. - Можете идти. Рюмки оставьте. Да пусть он войдет ко мне, этот Безменов...

Поручик вернул Безменову документы и сказал:

- Сейчас вам выпишут новые. Только у меня порядок такой - железный: что без меня сделано, то облагается налогом... Мне нужны два ящика американского шоколаду и хотя бы ящик "вирджинии"... Договорились?

- Господин поручик, - испугался Безменов, - да человек-то я здесь новый. Первый день всего. Что обо мне подумают?

- Важно, что я о тебе подумаю, - ответил Эллен без тени улыбки, глядя пронзительно. - И не сегодня я от тебя требую. Освоишься и - плати! А

если что, - пригрозил на прощание, - так я тебе Красный Крест на деревянный переделаю... Осознал?

Безменов очень скоро "освоился" и припер в контрразведку все, что просили. Воровать не жалко: не свое, чай. Щелкнув себя по шее, Павлуха вытянул из-под полы бутылку.

- Давай, поручик, - захихикал Безменов, - дернем, и я тебе такое о большевиках расскажу, что ты свалишься.

- Не надо, - строго ответил Эллен. - Я об этой сволочи больше твоего, милейший, знаю. Поставь на стол и иди!..

Нет. На панибратство он не шел. Наблюдение было установлено. Безменов ощущал его всей шкурой своей. А как он думал? Конечно, наблюдение будет, и об этом в Петрозаводске они тогда тоже говорили со Спиридоновым... Будет наблюдение!

* * *

Большая вошь, а над нею занесен окованный железом добротный сапог красноармейца; ниже начертано: "Дави ее". Спиридонов долго и задумчиво смотрел на агитплакат... Там, где бушует смерть, там ползает вошь. Это почти закон войны, и сейчас Иван Дмитриевич размышлял, почему так получилось: по всей стране тиф, а на Мурманском и Архангельском фронтах тифа нет.

К нему подошел комиссар Лучин-Чумбаров, спросил:

- Чего изучаешь, Митрич?

- Да вот смотрю на картинку... До чего же хороша! И вошь - прямо как настоящая. Талант у художника, сразу видать. Одно вот плохо: вши у вас есть, а вот таких сапог, как здесь намалевано, нету... Ну, что? Поехали, комиссар?

- Поехали, - ответил Лучин-Чумбаров.

...Теперь они получали по триста граммов хлеба и... отступали!

Они отступали! А хлеб съедали - голодные постоянно.

Голодные, босые или в лаптях, вшивые и больные, они отступали... Какой уже день!

За ними гудели по рельсам бронеплатформы, по ночам рыкали из-за валунов английские танки, пушки Кане и Маклена сеяли шрапнель над лесом, тяжелые траншейные мортиры перекидывали из деревни в деревню ухающие фугаски И... текли газы.

Газы., газы... газы...

Потому они отступали; генерал Мейнард уже засел на станции Кяписельга; отсюда недалеко Петрозаводск, а за тихую Званкой всего сто четырнадцать верст рельсового пути, - и бронепоезда врага ворвутся на

окраины Петрограда... Спиридоновцы отчаянно держали Кожозерский монастырь; за вековыми стенами древней обители они спасались от снарядов, рушились на них купола храмов, на зубах бойцов хрустела известка. Тогда англичане подвезли к монастырю сразу триста баллонов с текучим газом, и бойцы, отравленные, сдали эту позицию...

Это было очень трудное время для спиридоновцев. Очень!

- ...кажется, здесь, - сказал Спиридонов, спрыгивая с вагона под насыпь; подал руку комиссару Лучину-Чумбарову, и они вдвоем резво сбежали по тропке под глубокий откос.

Было знойно и тихо в полуденном лесу. Куковала кукушка. Лучин-Чумбаров спросил:

- А ты уверен, что именно здесь?

- Да черт его знает: вроде бы по карте и тут...

В зарослях лесного шиповника открылась полянка, огражденная забором. На длинном шесте качался пустовавший скворечник.

- Хорошее местечко выбрал, собака... - прошептал Спиридонов. - Я тебе уже говорил, комиссар: он человек хитрый и осторожный.

Толкнули гнилую дверь - никого, пустые лавки лесорубов, расставленные вдоль бревенчатых стен, пустой очаг, пустой стол, на котором даже не тронута пыль. Было немного жутковато в этой тишине, и оба передвинули маузеры на животы.

- Что ж, - сказал Лучин-Чумбаров, - подождем... Резко скрипнула за их спинами дверь в боковушку.

Оба разом обернулись - перед ними стоял полковник Сыромятев.

- Я здесь, - произнес он, шагая к столу (но руки деликатно не подал). - Я слышал ваши шаги и спрятался. - Помолчал и добавил: - Я спрятался на всякий случай... от греха подальше.

- Садитесь, - сказал ему Спиридонов, отводя глаза. Сыромятев достал английские сигареты, бросил их на стол:

- Курите... Я ведь знаю: у вас с табаком плохо.

Два большевика стояли перед ним, и полковник напряженно смотрел на их расстегнутые кобуры. Закурил и сам, жадно затягиваясь. Потом вытянул из-за пояса страшный, но безобидный пистолет системы Верри, заряженный толстым зеленым фальшфейером. Брякнул его перед собой на лавку.

- У меня, - признался, - больше ничего нет.

- А зачем вам ракета? - спросил его Спиридонов.

- На всякий случай... Извините, но с некоторых пор я все делаю только так: на всякий случай.

Сели и Спиридонов с Лучиным-Чумбаровым.

- Это комиссар нашего фронта, - сказал Спиридонов. - Прошу любить его и жаловать, как говорится.

В ответ - легкий кивок массивной головы полковника.

- Очень приятно, - сказал Сыромятев без иронии: он был неглупый человек и понимал, что ирония здесь неуместна.

"С чего начать?" - думал каждый из них сейчас.

- Господин полковник, - начал Лучин-Чумбаров, - итак, мы получили от вас предложение такого рода: вы предлагаете нам свои знания опытного кадрового офицера и обращаетесь к Советской власти с просьбой, чтобы она... Как бы это выразиться? Чтобы она на вас не слишком дулась, так, что ли? Впрочем, это безразлично. Мы вас, кажется, правильно поняли?

- Да. Примерно так.

- Минутку! - вмешался Спиридонов. - Это ваш полк, господин полковник, сейчас жмет нас на все корки?

- Мой.

- Неплохо нажимаете, - заметил комиссар.

- Мне это легко, - ответил Сыромятев. - У меня техника, какая вам и не снилась. К газовым атакам я непричастен, но мне совсем нетрудно давить вас... У вас же ничего нет! На последнем совещании у Мейнарда все удивлялись: сколько можно держаться? И в мужестве вам никто не отказывает...

Лучин-Чумбаров раскрыл "верри", заглянул внутрь дула.

- В мужестве мы не отказываем и вам, полковник. - И, сказав так, он громко защелкнул ракетницу. - Нам известно, что в Кеми вы участвовали в расстреле трех наших партийных работников. И вот вы сидите перед нами... безоружный. Мало того, даже предлагаете нам свои услуги. Чем это объяснить? Ведь не мы вас гоним, - это вы нас гоните!

Сыромятев грузно встал. Половицы трещали под тяжестью его плотного тела. Остановился возле оконца, затянутого лесными пауками, и разом вдруг сорвал паутину.

- Вот так, - сказал, вытирая руку о полу мундира. - Вы отступаете... Трудно вам, верю. Хотите услышать мой разумный совет? Вы отступайте сейчас и дальше. Чтобы не тратить напрасно сил. Вы будете отступать, я это знаю. У вас плохо - здесь. Но есть еще Юденич, еще силен Колчак, еще Деникин на юге, - там вы отступаете тоже...

- Вот нам и непонятно, - вставил комиссар, - почему же вы, наступающий, вдруг приходите к нам, к отступающим?

Легкая улыбка тронула темные, словно старинная медь, губы

полковника.

- Помимо чисто стратегических соображений, комиссар, у меня существуют и моральные принципы. Эти принципы преобладают над соображениями стратегическими. Точно так же, как и вы, большевики, иногда терпя поражение в стратегии, одерживаете победу на моральном фронте... Вы поняли меня, надеюсь?

Они его очень хорошо поняли.

- Вы здесь один? - спросил Спиридонов.

Сыромятев запустил руку в карман английского френча:

- Мой денщик с лошадьми неподалеку. Я один... На всякий случай!.. Ах! Опять это проклятое "на всякий случай". Вот. - И полковник вынул из кармана пропуск на "право вхождения". - С этой бумажкой, великодушно прошу прощения, вы меня можете пленить, но, пардон, прошу более не ставить в вертикальной плоскости... Я, как видите, человек предусмотрительный!

- Не надо, полковник, - отвел от себя руку с пропуском Лучин-Чумбаров. - Не будем мы вас пленить, не будем стрелять у стенки. Мы ведь не звери, а люди и понимаем ваши добрые намерения. Товарищ Спиридонов говорил мне о вас. Не однажды! Вы совсем неплохо начали у нас службу...

- Ого! Мне помогли ее отлично у вас закончить.

- Тоже знаем... Что же касается ваших стратегических соображений, то о них мы сейчас говорить не станем. Вы наступаете - мы отступаем; тут стратегия детская: бьют - так беги...

Сыромятев поднял руку, требуя внимания.

- Еще месяц-два, - заговорил он поспешно, - и вы пойдете вперед - до самого океана! А я, ваш покорный слуга, побегу от вас по шпалам... Куда? Миллер в Архангельске, Скобелцын с Ермолаевым тоже сидят на берегу моря: они уже на пристани. А вот мы, грешные солдатики, в густом лесу... Океан не по нам! Один путь - через лес, к Маннергейму, да еще неясно, как он нас примет. Вас-то мы бьем - ему это нравится, но, между прочим, и его егерям от нас перепадает...

Спиридонов, не дослушав, стиснул челюсти, опустил голову, чтобы скрыть глаза. Он всегда верил в дорогу на океан, но было сейчас так отрадно, так сладко узнать от врага, что эта дорога скоро откроется перед ним и его бойцами.

На океан! (Верить ли?)

Комиссар фронта заговорил:

- Относительно же ваших моральных принципов...

Но тут Сыромятев снова вздернул руку, прерывая комиссара.

- Чего вы от меня хотите? - спросил грубовато. - Чтобы я покаянно бил себя кулаком в грудь и плакал: ах, простите... Увольте меня от этого. Лучше уж тогда расстреляйте сразу. - И он мелко порвал пропуск на "право вхождения". - Вот так, - сказал, - так у вас руки развязаны. А мне не хотелось бы вспоминать о многом. Вам это будет тоже не совсем приятно...

И вдруг заговорил - с жаром, напористо:

- Единственное, что я могу привести в свое оправдание, так это то, что я на стороне белых воевал не слишком-то энергично. Умею воевать и покрепче! И пришел к вам искренне, а ушел от вас вынужденно... - Совсем неожиданно Сыромятев расстегнул френч и похлопал себя по животу. - Видите? - спросил. - Видите, какое пузо я наел, с вами воюя? Спиридонов с комиссаром невольно расхохотались.

- Ну ладно, - поднялся Лучин-Чумбаров, - нам нужно обсудить ваше предложение... Подождете, полковник?

Сыромятев шарил по пуговицам, застегивая френч.

- Долго ждал. Подожду и сейчас.

Иван Дмитриевич с комиссаром вышли из делянки, присели на рассыпанных бревнах, сшибали с себя муравьев.

- Что скажешь, комиссар? - спросил Спиридонов.

Лучин-Чумбаров долго не думал.

- Понимаешь... - начал он и вдруг остановился. - Черт! А мы его там одного с ракетницей оставили.

- Плевать. Если уж явился, то не удерет.

- Так вот, понимаешь, Митрич, в этом белом полковнике есть что-то подкупающее. И даже как он честно показал нам свое пузо, отращенное на британских харчах, - даже этим он мне как-то понравился... Мне кажется, что он не врет.

Они вернулись в делянку не скоро, но Сыромятев сидел в той же позе, в какой его оставили, - было видно, что ему нелегко далось это ожидание. Глаза его впились в лица большевиков, словно он хотел прочесть на них свою судьбу.

Снова уселись, - пыли на столе уже не было: обтерли локтями.

- Так вот, господин полковник, - начал комиссар, - лично вы не представляете интереса для Красной Армии...

Глаза Сыромятева слегка прикрылись воспаленными веками.

- Ближе к делу! - резко произнес он.

- Вы приходите к нам, когда наша армия уже наполнилась силой, чтобы бить вас...

- Неправда! - выкрикнул Сыромятев. - Вот сидит Спиридонов, и он не даст соврать: я пришел к вам на Мурманку, когда у вас кукиш голый был в тряпочку завернут. И вы этим кукишем англичанам грозили! Я тогда пришел... тогда! Именно тогда!

Он схватил ракетницу и сунул ее за пазуху.

- Дальше! - рявкнул полковник, теряя самообладание.

- Вы приходите к нам, когда у нас уже выросли молодые советские полководцы...

- Ну, махнули! Конечно, я вам не Суворов!

- Согласны ли вы, - продолжал комиссар, - перейти на нашу сторону вместе с полком? Вместе с техникой? И чтобы полный комплект боеприпасов? Как?

- Как? А вот так...

Сыромятев выбил ногою трухлявую дверь делянки, и в небо с шипением вытянулась зеленая ракета.

- С этого и надо было начинать, - сказал он, светлея лицом. - И пусть в полку знают, что условия приняты....

Договор был заключен, и только теперь, когда ракета мира сгорела в небе, Сыромятев деликатно протянул руку для пожатия.

Этот белогвардейский полк не стали держать на Мурманском фронте, а в полном снаряжении - уже под красными звездами - развернули с ходу против Юденича, нажимавшего на Петроград. Полковник генштаба Сыромятев навсегда затерялся в лагере красных командиров. Он - да! - не был Суворовым, но зато был человеком мужества и разума... Дальновидный и умный, он сделал то, что другие офицеры боялись сделать, и потому-то они или сложили свои головы, или закончили жизнь вдали от родины.

* * *

Бои шли уже возле гремящего водопада Кивач, и там, прыгая на залпах среди валунов, стреляла с помощью гвоздя одинокая пушка. Заросший бородой, пострашневший, Женька Вальронд стучал топором по пушке, выколачивая из нее редкие, но точные выстрелы. Мичман осатанел за эти дни непрерывных боев и маршей - этих постыдных маршей назад...

В самый разгар отступления спиридоновцев наградили орденом Красного Знамени{36}; награда пришла как раз кстати - не в наступлении, а именно в отступлении, стойкость которого Москва признала победоносной. Многие бойцы (особенно старые - закаленные) получили подарки: часы, портсигары, пакеты с бумагой для писем, по пачке махорки (тогда это были подарки драгоценные).

А в Петрозаводске по этому случаю состоялся торжественный митинг. После митинга Спиридонов сразу выехал на реку Суну, где шли бои. Вечером он забрел на опушку леса, распалил высокий костер до верхушек сосен и долго сидел в одиночестве...

К нему из лесной чащи вышел очумелый Вальронд, попросил закурить. И, распалив сигарку от костра, сказал:

- Я тебя понимаю - переживаешь.

- Переживаю.

Гугукнул филин в ночном лесу. Жутко.

Вальронд зябко передернул плечами, вынул занозу из пятки.

- Ну, ладно. Переживай. Я не буду тебе мешать... У этого костра они виделись в последний раз.

Глава вторая

Казимеж Очеповский лежал на пышной кровати в доме богатея Подурникова и дул в берестяную дудочку-самоделку.

Дядя Вася пускал дым к потолку - колечками: пых, пых, пых.

- Про што песня твоя? - спросил между прочим.

- О прекрасной Польше, о прекрасных женщинах... Сойдет?

- Это хорошо, - рассудил дядя Вася. - О дамах твоей Польши я много слышан. Не дай бог с ними схлестнуться!

Вихрем ворвался в избу Юсси Иваайнен, сказал поляку:

- Свистел, бессупая сатана? А ты, кирпич старая, труп сепе - склеил, тым итёт, а не знал тела наши...

- Казимеж, - засмеялся печник, - ты что-нибудь понял?

Очеповский скинул ноги с подурниковской кровати:

- Понял. Наша Колицкая республика, кажется, в опасности.

- Опасность! - кричал Юсси. - Потурников вители в Канталахти, теповские товарищ мальчик присылал... Мальчик плакал у мой круди самой, коворил, что плывут каратель сюта!

- Стой, стой, сатана перкеле! - заговорил дядя Вася. - Куды плывут и кто плывет... Какой мальчик плакал?

- Миноносец с паркасами... Каси сыкарку, потом токуривал!

На огородах сочно пучилась из земли репка, такая вкусная. За Лувеньгой синели горы, темные от леса. Дядя Вася поймал за холку гнедую кобылу, сбил с ног ее путы.

- Иэ-э-эх, родимая!.. - и поскакал.

Что всегда покоряло рязанского мужика на севере, так это обилие пустующей земли. Больше на рыбку надеялись, а так - лучок да репка, а хлеба тебе - шиш: покупали в Норвегии.

Однако земли много; ежели коров тут завести, думалось, то велик будет доход от мяса да молока, а убытку не станется...

Первый пост на берегу.

- Живы? - спросил дядя Вася. - Чего делаете?

- Ущицу варим... садись, кирпичный. Ложка есть?

- Нету. Да и некогда. Нас давить англичане едут, за дело передаю. Готовься, братцы, и следи за морем...

В заброшенном скиту за Лувеньгой постоянно обретались дезертиры из местных: здесь они хоронились издавна, закосматев до самых плеч. Они были мужики добрые и старательные, и только харчей у сельчан просили. А так у них все свое было, от англичан с дороги натасканное...

Выслушав дядю Васю, дезертиры спросили:

- Кто наклал в наши души?

- Подурников в Кандалакше, так деповские сказывают.

- Ну, ему первая пуля. Будь здоров...

Так дядя Вася обскакал на гнедой все посты, расставленные вдоль побережья. Лошадка притомилась - выступала шагом. Он ее берег по-мужицки, тем более не своя кобыла, чужая. Вершины дальних сопок покрывали мшистые тундры. Пахуче благоухало разогретым вереском. Под копытом коняги давилась янтарная морошка...

Прошел день, второй. Постов не снимали. Только в ночь с четвертого на пятое августа каратели подошли под Колицы: четыре моторных катера медленно стучали выхлопами среди каменных луд, среди проплешин островов, мимо янтарных заплесков. Все серебрилось с берега при луне, и луна здорово помогала колицким партизанам, глядя на карателей в упор - со стороны берега...

Гимназистка, накинув шинель, выбежала на доски старенькой деревенской пристани; тоненькая, перегнулась над водою.

- Папа-а... - крикнула в море. - Папочка! Не надо...

На носу переднего катера выросла фигура человека, и при свете луны ярко блеснула цепка его часов, три года стоявших.

- Дома-то как? - донесся голос Подурникова. - Чай, без меня и коровы кой день не доены...

- Сам увидишь... - затряслась от рыданий девочка и медленно побрела по тропке в гору, где темнели ее родные Колицы.

Ракета обрызгала небо искрами, и сразу всплеснула вода, навеки смыкаясь над Подурниковым... Разом вздрогнули на камнях пулеметы. Восемь автоматов в руках финнов прыгали, как большие черные рыбыны, извергающие огонь. Сухой винтовочный треск раскалывал тишину на

неровные куски.

Этого - именно этого! - враги не ожидали. Что угодно: ну, разбегутся, ну, постреляют, ну, покричат, ну, поплачут, но...

Четыре баркаса врезались на полном ходу в берег. И затихла стрельба. Только волны качали трупы. Моторы на катерах еще работали, и баркасы, стуча по камням винтами, еще долго ползли на гальковые пляжи, пока не рухнули набок. Все! Здесь и конец.

Партизаны поднимались с земли, поняв, что они победили.

Дядя Вася вглядывался в чистый морской простор.

- Эй, Юсси! А иде миноносец твой?.. Не видать!

Утром в бурунах прибоя колотило тело британского офицера. Волна бешено взрывалась в откосах, длинные водоросли морской капусты перепутались с волосами полковника Букингэма, и рот его был полон беломорской воды... Тело оттолкнули багром подальше, - отлив, бегущий от Кандалакши, подхватил офицера, унося его в нестерпимый блеск полуденного моря. Там он и пропал, раздутый и страшный.

А ведь была жизнь... С надеждами, с любовью!

Почему, полковник, вы не послушались тогда Сыромятева?

Ведь он говорил вам по дружбе, чтобы вы не ходили на Колицы. Ведь он предупреждал вас, что русские партизаны опаснее русских солдат. Прощайте навсегда, полковник! Генерал Роулиссон уже на пути в Архангельск, но вы больше никогда не увидите своей зеленой туманной Шотландии. Теперь сверху вас, прожаренного солнцем, расклюют жадные чайки, а снизу, из темной глубины, будет подплывать хищная навага, растаскивая по кускам ваше разбухшее тело. Не человеком, а обезображенным трупом вас вынесет через Горло в просторы океана, как выносило не раз этим же извечным путем древних разбойников-викингов...

Древним путем викингов - не парусом, а турбиной! - вошел в тишину заплесков британский эсминец и бросил якоря как раз напротив деревни Колицы.

Было очень спокойно в дивной природе; хрупкая репка вызрела на огородах; бабы спешили убрать сенцо; мяукали по утрам кошки, бегая за хозяйками, от рук которых - добрых, сильных и работающих - пахло на рассветах сытным парным молоком.

Стопора на полном разбеге задержали разгон якорей-цепей.

Сэр Тим Харченко опустил бинокль, громадный фурункул на шее комиссара сбывил его голову, и смотрел он на берег - тяжело, от самого низу, будто поднимал взором тяжелую гирю.

- Как раз отсель удобно вжарить, - сказал он, обращаясь к переводчику.

- Ну-ка пересобачь, приятель, чтобы командер не спутал. Энтот домишко на горушке - мистера Подурникова коттэджа будет, остальные холлы пусть треплет он за милую душу... Я им тогда говорил по-людски, как товарищ товарищам, что с 1889 года всех загребу. Не послушались, теперь забреем деревню аж с самого 1870-го, - пусть они плакаются себе в шинельку!

* * *

В оптике наводки - качание и плеск берега. Бравый ирландец О'Шелли разгонял штурвал прицела.

- Они неплохо живут, эти большевики. Почти как в моей Ирландии: и такие же зелененькие холмы, и церковь на опушке, вот только коровы у них совсем другой масти...

Над "русской Ирландией" гнусаво промычал ревун залпа, и пальцы орудий нетерпеливо проткнули голубизну неба. Треснуло, будто под облаками распорили гигантский кусок парусины. Старинную церковь - без единого гвоздя! - разбросало по бревнышку. Комендоры дернули на себя замки, и желтые унитары, дымно воняя, стукнулись в палубу эсминца - патроны, яростно выжженные изнутри пироксилином. Тук! - из-под настила палубы выставилась узкая крысиная мордочка свежего снаряда: зажигательный. Молодцеватый гардемарин берет снаряд за морду клещами, тянет кверху. Снимают стакан, и теперь эту морду не тронь - взорвется...

В пламени и в дыму, задрав хвосты, метались коровы совсем не той масти, какая привычна для идиллического пейзажа Ирландии (не за это ли их судят сейчас осколочными?). В кают-компании эсминца дрожат от пальбы на полках графины, полные казенного королевского портвейна. По борту, отчаянно лая, бегают приبلудная собачонка из Мурманска: она ошалела от выстрелов и лает на русский берег... Что взять с собаки?

В мембранах - голос командера:

- Русский комиссар советует перенести огонь на дорогу!

О'Шелли круто разгоняет дальномер по журчащему, как весенний ручей, кругу подшипников барбета. Рыжеватые глаза ирландца выискивают сейчас в скрещении оптики хотя бы подобие дороги - .хотя бы намек на то, что принято в Европе считать дорогой.

И, ничего не найдя, он откачивается в пружинящее кресло.

- Может, русский комиссар пьян? - передает он по телефону на мостик. Разве в России есть дороги?.. Куда наводить?

Дорога, конечно, плохая: что взять с нашей убогости?

Дорога - едва притоптан мох, едва настланы гати, едва прибита трава. По этой колее тащился скарб плачущих баб, блестел самовар, спасенный из пламени, прочь из Колиц уходили сейчас партизаны. Они оборачивались

назад, чтобы посмотреть еще раз, как сгорает, корчась в огне, уютная деревня. Бабам особенно было тошнехонько. Только баба поймет, сколько труда вложено в родимое хозяйство, в эти занавески и вышивки, которые порохом сгорали сейчас на окнах. Сколько ночей, в бахилах до пояса, пропадал мужик в море, гарпуня белуху, чтобы сколотить деньжонок на машинку "зингер"; в распяленных пожаром окнах поморской деревни коробятся брошенные граммофоны; дует ветер с моря, распуская над берегом потрескивающий шлейф огня и дыма...

Да, когда-то здесь были Колицы!

Карательную экспедицию вдоль Терского побережья возглавлял человек, жесточе которого было трудно найти, - сам капитан Судаков, бывший начальник Нерчинской каторги, ныне комендант Иоканьгского лагеря смерти. Было сожжено на лукоморье еще одно партизанское гнездо - в Княжьей Губе, где всех большевиков перестреляли у церкви. А тех, кто остался в разгромленных англичанами Колицах, Судаков вывез в Мурманск, оттуда их - морем отправили далее, на Новую Землю, где белые горы касаются черного неба; там, на Новой Земле, завелось новое место ссылки - самое ужасное...

Для жителей "Колицкой республики" началась иная жизнь - кочевая, по холмам и лесам, с островка на луду, подальше от англичан и карателей. Когда немного поутихло вокруг после похода зверя Судакова, дядя Вася сказал:

- Ну, мужики, пора им за это тарарам хороший устроить... Тарарам устроили на станции Охто-Канду. просто взяли эту станцию и там сидели. Ни взад ни вперед - никому не давали проезда. Дядя Вася велел телеграфисту соединить себя с генерал-губернатором Мурмана.

- Ермолаев у аппарата, - раздался приятный голос.

- Вот тебя-то, собаку, мне и надо, - сказал дядя Вася. Молчание. Шепоты. Трески.

- Але! Але! - кричал дядя Вася. - Ты чего там, в штаны себе наклал? Здоровкайся, коли с тобой люди разговаривают...

- Кто там смеет хулиганить? - возмутился генерал-губернатор.

- Не хулиганят, а партизанят. Хулиганы - это у вас в Мурманске сидят, а здесь честные красные партизаны...

На другом конце Кольского полуострова взорвался его владыка:

- Кто осмеливается дерзить мне?

- Да я осмеливаюсь... дядя Вася! Слышал такого?

- Какой еще дядя Вася! Алло... алло...

- Слушай, Ермолаич, - сказал дядя Вася, - ты вот тут на станциях

фишки разные клеишь. По пять тыщ за мою башку на бочку кладешь. Дешево, брат, ценишь... Я вот сейчас на станции Охто-Канду сижу, и в окно вид - просто загляденье! Туды посмотрю - рельсы, сюды гляну - они, проклятые! И боле, пока я тут, тебе сидеть дома и никуда по гостям не ездить...

- Мурманск закончил, - раздался голосок барышни.

- Ух ты, язва такая! - И Дядя Вася вернул трубку телеграфисту. Держи, парень. Техника у тебя в полной исправности. Благодарю за службу! Однако губернатор у вас шибко обидчивый. - ни хрена шуток моих не понимает...

За окном взлетела к небу водокачка, и железную трубу шланга мотало над тундрой минуты три пока она не рухнула с поднебесья обратно на землю.

- Хорошо кувыркалась, - причмокнул дядя Вася, довольный зрелищем. Эвон, на станции печка: сам, своими руками, склал. Заложи-ка, Казимеж, туда фунтиков десять, да проверим - крепко сложил или нахалтурил?

Запахали, для плотности взрыва, пакеты в печку.

Рвануло так, что даже рельсы бантиком завернулись.

- Кирпич не тот, - оправдывался дядя Вася, задетый за живое. - В старину ведь как? Мне шло дед сказывал: кирпич, ево, брат, на яишных белках замешивали. Яиц на это дело не жалели! Такой кирпич из пушки не возьмешь. А этот на соплях... тьфу его!

От Охто-Канду финны с автоматами отделились от колицких, чтобы попартизанить на магистрали. В одной из стычек Юсси Иваайнен попал в руки карателей, и капитан Судаков даже пальцем его не тронул.

- Для тебя будет исключение, - сказал ему Судаков. - Я отдам тебя живьем финнам в Ухту, там из тебя такой рольмопс свернут, что ты о капитане Судакове будешь вспоминать с нежностью.

Финского комиссара-коммуниста выдали на расправу белофиннам...

Но колицкие об этом тогда ничего не знали. Всем табором они вернулись на пожарище Колиц; еще издали выбежали их встречать собаки и кошки, терлись в темноте об ноги, такие ласковые. Разбухшие, словно бочки, лежали посреди улицы убитые коровы. А напротив сельсовета висел в петле не успевший уйти калека Антипка Губарев... Полный бант Георгиев обгорел на груди несчастного и буйного инвалида...

Да, когда-то здесь стояли Колицы!

Утихли наконец причитания, и бабы решили так:

- Мужики, эдак даром им не пройдет. Дома мы и сами управимся, мы работы не боимся, а лорды эти усю вашу самогонку без нас выжрали. Так

што, родимые, на погорелище сидеть вам не след. Ступайте далее и без армии не возвращайтесь...

На общем собрании мужики рассудили:

- Един выходит путь - на Онегу, поближе к своим. Там, даст бог, на Спиридонова выскочим. А здесь всё уже исползали...

Покидая Колицы, интервенты прорубили днище всех рыбацких посудин в деревне. Два дня ушло на починку и просмолку. Помогли мужики и бабам своим между делом, после чего отплыли, вооруженные до зубов. Дул ветерок, полоская паруса, плыли мимо партизан луды - каменные. Блестя голыми спинами, помогали они парусам веслами. А песни пели такие вот. - местные:

Экипажецка рубашка,
Да норвежский вороток,
Окол шеечки платок,
Будто маковый цветок.
До Гандвига плавал,
К норвегам ходил,
Корабликом правил
И вахты тужил...

Соловецкие монахи чуть не спятили, когда в бухту Благополучия, под самые стены обители, подплыли красные партизаны и потребовали сорок лучших номеров в Преображенской гостинице. Остановились с шиком, как богатые богомольцы. Служки им хлеба напекли, квасов наварили. В доке как раз стоял архангельский буксир на ремонте (ему отцы слесаря трубки в котлах меняли), этот буксир дядя Вася реквизирует для партизанских нужд.

- Не шуметь! - сказал. - Расписку пишу по всей грамотности генералу Миллеру, чтобы он знал: вы этот буксир по шалманам не пропили, а передали революции самым честным образом...

Глубокой ночью, таясь своих товарищей, дядя Вася проник до Троицких святынь и затеплил восемьдесят четыре свечи (как раз по числу своих партизан) перед мощами святых соловецких угодников Зосимы и Савватия. Здесь им неплохо жилось, в этой удобной гостинице на берегу бухты Благополучия, только опасливо было: как бы англичане ненароком сюда не заскочили. И на всякий случай, чтобы судьбу не испытывать, приладили на буксир свои шняки и потянулись прямо в Онегу.

Дядя Вася глянул еще раз на золоченые купола обители и покрестил себя мельенько.

- Слава-то хосподи, - сказал. - Уж на старости лет сподобился святых

угодников отблагодарить. Не будь в партизанах - шиш бы повидал: много денег надо, чтобы до Соловков добраться...

Переход морем был недолог. За Кий-островом, в каменистом устье реки, открылась взорам колицких партизан убогая Онега; мокли под сеянцем штабеля досок; желтели огнями окна клуба-читальни, над которою реял красный флаг; по набережной и возле собора торчали пушки, развернутые в сторону моря.

Здесь колицкие узнали, что интервенты уже взяли станцию Кивач и насаждают на Петрозаводск. Решили всем гуртом идти лесами к Спиридонову: на помощь... И - тронулись.

* * *

Спиридонову принесли вымпел, сброшенный с чужого самолета над позициями. Пакет был обмотан изоляционной лентой. Нервничая и волнуясь, Иван Дмитриевич сорвал ленту, вскрыл пакет.

Хотя и ждал этого, но только сейчас до конца поверил...

Было что-то издевательское в этом послании, но традиция пилотов не нарушена: приложили и фотографию. На снимке был виден "Старый друг" Кузякина, разбросанный от удара об землю. В грудке обломков едва угадывался сам пилот, с головою, вошедшей глубоко в плечи при падении. Труп сильно обгорел, и с трудом можно было узнать, что это - Кузякин, честный рыцарь олонецких небес... Спиридонову волком выть захотелось. От жалости.

В эти дни, когда он переживал гибель Кузякина, случилось на фронте несчастье. Как раз там, где его меньше всего ожидали. Белая банда в двести штыков, возглавленная опытными проводниками, просочилась между редкими отрядами Спиридонова и вышла сразу на станцию Суна. Вырезав все живое, бандиты рванули два моста - шоссе и железнодорожный, захватили пулеметы, телеграф и пошли шататься по красным тылам Олонии. Когда Иван Дмитриевич кинулся на этот участок, бандиты уже пятнали кровью окраины Петрозаводска. Тогда же англичане нажали с севера, и начались бои у знаменитого Кивача...

Кивач гремел в четыре каскада, - какую уже тысячу лет он гремел в теснине порожистой Суны! - и брызги водопада освежали лица усталых бойцов. Женька Вальронд не удержался: ступая босыми пятками по влажным диоритовым камням, он подошел к обрыву и заглянул вниз... дух захватило. Красота!

Невольно вспомнилось ему старое - державинское:

Алмазна сыплется гора

С высот четырех скалами,

Жемчугу бездна и серебра

Кипит внизу...

- Кто знает, как дальше? - Никто не знал. - Вот и я, - сознался Вальронд, - не могу вспомнить. Перезабыл все, чему учили меня в тверской гимназии добрые наставники моей беспутной младости! Но что наставники? Для них только стихи о Киваче, а для меня - Кивач... греми, плещи, ликуй!

На эту вот красоту бронепоезд интервентов, стрелявший от станции Суна, обрушил химические снаряды. Женька Вальронд успел все же сделать несколько выстрелов, после чего, отравленный, полег возле пушки. Товарищи вытащили его из газовой зоны. Англичанам осталась пушка, умевшая воевать без бойка; и пусть теперь удивляются, почему она стреляла, - до архимедова гвоздя им наверняка не додуматься...

На станции дежурила санитарная дрезина под флагом Красного Креста, и военфельдшер развел руками при виде Вальронда.

- Только скорость, - сказал он бойцам. - Надо носить противогазы. Но... понимаю, понимаю: их у нас нет.

Только скорость - и рельсы звенели под дрезиной: как можно скорее в Петрозаводск! Женька Вальронд еще нашел в себе силы, чтобы пошутить:

- Адмирал приказывает дать "фуль-спит". Не бойтесь, если полетят заклепки... скоро на капитальный ремонт!

Фельдшер не снимал пальцев с пульса Вальронда. Мичман лежал на дрожащем полу дрезины, и его несло зеленой дрянью. Он и сам был зеленый, как лес за окном, как эти борта камуфлированной дрезины. В мутном зеленом свете все скользило сейчас перед ним, а в зеленых окошках качалось зеленое небо.

Вальронд все чаще терял сознание, уходя в беспамятство так глубоко, словно в пучину безбрежного океана, и когда приходил в себя, то запах фуксина - именно фуксина, будь он неладен! - ножиками врезался ему в окровавленные ноздри.

- Кажется, кончается, - произнес фельдшер.

Руки Вальронда срывали пуговицы, он мучился, одежда на нем тоже разила фуксином. Зеленый фельдшер склонялся над ним, роняя слова, которые тоже казались зелеными... Левая рука лекаря лежала на пульсе, правая полезла в карман за часами; фельдшер нажал кнопку - крышка часов отскочила, обнажая старенький циферблат и стрелку, быстро скачущую вслед отжитым секундам.

Фельдшер тихо повторил:

- Он кончается...

А через минуту:

- Он умер...

Бойцы обнажили головы. С воем сирена разрезала лесную тишь. Темнело уже. Был включен путевой прожектор, и ночь пробило светом насквозь - до глубины конца. До самого конца этой ночи, этой его последней ночи...

...А в лучезарные моря выходили сияющие, как жизнь, эскадренные миноносцы. Лихо заломлены их трубы и склонены от скорости мачты. Ах, какой волшебный мир лежал перед ним! Ах, какие славные всё имена! Эсминцы вспарывают волну острыми скулами, а на скулах - золотом - надписи: "Свирепый", "Ревностный", "Сокрушительный", "Неистовый", "Достойный", "Разъяренный", "Гневный", "Неотразимый".

...Виден дым по горизонту. Тяжело выплывают в океан титаны русского флота: "Ретвизан" и "Паллада", "Ослябя" и "Гангут", - вот они, славные витязи России, закованные в кольчуги пугиловской брони, с прищуренными линзами вместо глаз, глядят на мир из-под шлемов орудийных башен.

...Кого там выбросил океан в вихрях пены? Это спешит на врага доблестная "Пантера", за нею режет глуби "Кайман", рыскает героическая "Касатка", крадется из пучины свирепый "Ягуар" - славные русские субмарины, узкие рыбины с людьми отваги и мужества в душных отсеках...

Кто сказал, что больше нет флота в России?

И пусть я подышаю здесь, на полу этой дрезины, и пусть зеленый лес шумит за окном, а не море в иллюминаторе, но разве же это - главное?.. Море! О море! И на золотых пляжах - красивые женщины, которые солнечно сбегут в соленые брызги и уплывут навсегда, взмахивая длинными руками... Море! Боже ты мой, море... море... Зеленое море!

Один из бойцов тронул фельдшера за рукав серенького халата:

- Смотрите, у него открылись глаза...

- Это бывает... от тряски! Но в Петрозаводске ему их закроют. И челюсть подвяжут как надо. Мы всех павших хороним очень аккуратно... Махра есть, ребята?

Когда бойцы еще раз оглянулись, Вальронд сидел, прислонясь к борту дрезины. Его рука - слабая, дрожащая - вдруг стала подниматься, показывая на фельдшера.

- Выбросьте его за борт! - велел он. - На полных оборотах! И чтоб я больше никогда этого пророка не видел...

Рассыпая махорку, фельдшер кинулся к Вальронду.

- Ожил? - закричал он.

- А твое какое дело?.. Ко мне близко не подходи. Иначе я тебе еще до Петрозаводска глаза закрою. И челюсть подвяжу как надо. Чтобы не отвисала от глупости. И похороним мы тебя очень аккуратно... Где мы сейчас?

Уже блеснули из зеленой мглы веселые огни.

- Петрозаводск!

- Это хорошо, - сказал Вальронд. - Не мешает иногда молодому человеку показаться из леса в городе...

А дальше была тоска. Потянулась жизнь через госпитальные коридоры: Петрозаводск, Вологда и - Котлас... Долго еще мир колебался в зеленом свете, словно мичман взирает на него из прохладной морской глубины. Немного оправившись, Женька Вальронд пошел на Двину тралить магнитные мины. Никто не знал тогда, как их надо тралить. Вальронд тоже не знал, но... тралил. Калечились на Двине в этом году крепко - и корабли и люди. Но главные события на фронтах прошли мимо Вальронда: отравление газом долго еще давало себя чувствовать, несмотря на его железное здоровье!

И долго еще мучил его запах фуксина. И часто шла кровь - носом и горлом... "Выживем?.. Конечно, выживем!"

* * *

На пристани в Архангельске, как раз напротив собора, высадился генерал Роулиссон, которого с нетерпением ждали англичане, и - особенно - лейтенант Уилки.

Кто же был этот пожилой энергичный генерал?..

Роулиссон называл себя так:

- Специалист английской армии по скорейшей эвакуации этой армии...

Век живи - век учись; оказывается, бывали и такие специалисты - по смазыванию пяток салом, чтобы удирать было удобней.

Генералу Роулиссону армия большевиков предоставила все возможности, чтобы он с блеском продемонстрировал свои незаурядные способности...

Итак, внимание, читатель: сейчас заканчивается интервенция и начинается миллеровщина.

Глава третья

С фронта сходились к Архангельску отпетые чаплинцы.

- Что? - удивлялись. - Эти подлюги англичане уходят? Шею свернем... Отнять у них пароходы! Оцепить британские казармы! Мы должны удержать их на позициях пулеметами, как они держали французов, сербов и итальянцев. Пусть только попробуют уйти!

Но фронт разваливался, и англичане считали уже абсурдом выправлять его и удерживать. Однако генерал Роулиссон приехал не с пустыми руками: чтобы обеспечить прикрытие эвакуации, он привез с Западного фронта в Архангельск пять мощных танков и батальоны испытанных в войне добровольцев.

Никогда еще британская армия не была так сильна на севере России, как в этот момент. Королевские стрелки Гемпширского полка, пехота легкого марша - Оксфордская и Венская, прославленная в войнах! "Каждый отряд, расхваливал подкрепления "Мурманский вестник", - сам по себе представляет законченную отдельную часть всех родов оружия, включая превосходно обученную артиллерию, инженерные войска, пулеметные команды, батареи траншейных мортир, королевский медицинский персонал и персонал тыловой службы королевской армии..." Громадная сила выросла перед армией - Шестой героической, которая была ослаблена и обескровлена, которая лучших своих бойцов отдала на другие фронты республики. Среди белогвардейцев лишь немногие знали о предстоящей эвакуации англичан, - остальные по дурости снова рассчитывали на грандиозное наступление.

Но Лондон упрекал Айронсайда как раз в том, что он засиделся в Архангельске и не вывел свою армию из России гораздо раньше. Теперь эвакуация грозила обернуться постыдным драпанием, а этого англичане всегда боялись: для них престиж значил много! Требовалось уйти с помпой - при развернутых знаменах, чтобы пели торжественные фанфары, чтобы гроыхали парадные барабаны, чтобы архангельцы стояли шпалерами вдоль улиц и плакали бы от жалости, что англичане их покидают... За тем-то и прибыл генерал Роулиссон, чтобы стыдное бегство выглядело достойной и приличной эвакуацией. Громадная эскадра транспортов уже спешила из метрополии, задымливая горизонты, дабы снять в Архангельске армию... Целую армию, это не шутка!

На прямой вопрос Миллера:

- Что же будет с областью, когда вы уйдете? - Айронсайд честно ответил:

- Нетрудно догадаться, что вслед за нами, наступая нам на пятки, сюда придут большевики...

- Это предательство! - выпалил горячий полковник Констанди.

Айронсайда громкие фразы смолodu не смущали.

- Где вы видите предательство? Во избежание лишних жертв, правительство моего короля предлагает всей вашей армии покинуть север с нашей армией... Вы еще пригодитесь на юге России!

- Сколько вы можете выделить нам тоннажа? - спросил генерал Марушевский, уже готовый сорваться с места.

- Свободных кораблей нет, - отвечал Айронсайд. - Но мы вас в беде не покинем. Вызовем транспорта даже из Австралии! Даже из Индии! Четырнадцать тысяч тонн мы вам твердо обещаем...

Прослышав об этом, фронтовое офицерство с воодушевлением заговорило об отъезде. Но, как всегда и бывает, мнение штабистов победило мнение офицеров фронта. Миллер и его окружение были в это время загипнотизированы успехами армии Деникина и решили борьбу продолжать... без англичан!

Как раз прибыло и подкрепление из Англии: большой пароход полдня выгружал на пристань русских офицеров. Где их набрали англичане для Миллера, трудно ответить точно: кого из Дании, кого из плена, кого из Германии, - как бы то ни было, но, прекрасно обмундированные, сытые и снаряженные, офицеры выгрузились на причалы. Выгрузились - и сели на доски, как беженцы. Издали бивуак выглядел воинственно. Но подойди ближе - и заметишь другое: лица измучены, в глазах смятение и тоска...

Хлопнул первый выстрел. Никто даже не пошевелился. Второй выстрел. Нехотя встали, вскинули на плечи мешки с вещами и тихо, без слов, тронулись на ночлег. А на досках причалов остались лежать два трупа. Эти двое самоубийц уже давно ни во что не верили, как не верили и те, кто шагал сейчас с мешками по темным улицам. Только этим двум - совсем еще юным острее вошла боль в сердце при виде родины, и эту боль они заглушили пулями... Их накрыли шинелями и быстро унесли. Да, офицеры белой армии 1919 года были уже не те, что в 1918 году!

А на пальце у генерала Миллера образовалась мозоль от пера: в последнее время северный владыка много писал. Отсюда, из канцелярии правителя, под окнами которого стоял лысенький Ломоносов с цимбалами, расходилась корреспонденция по всему миру. От Лондона - до Иркутска, от Новороссийска - до Хельсинки!

Он еще раз потрогал мозоль на пальце и стал писать.

Миллер писал Черчиллю, который в парламенте хвалил его в таких выражениях: "Смотрите, как здорово там управляется этот Миллер!..." Поначалу Евгений Карлович просил Черчилля вообще оставить британские войска на севере, потом умолял оставить хотя бы еще на недельку. Ладно, писал в третий раз, пусть останутся только добровольцы; сейчас же, по прибытии Роулиссона, он уже мирился с тем, чтобы англичане ушли, но пусть они только не трогают своих гигантских складов...

Недавно кровавой метлой прошла семьсот верст рейдовая конница

Мамонтова, - осталось еще немного, и Мамонтов был бы в Москве; на Петроград наседали Юденич; Колчак, отброшенный за Урал, еще держался в Сибири. Казалось бы, зачем уходить англичанам? Разве они не видят сами, что условия борьбы не так уж плохи, как им кажется из далекого Лондона?

Но генерал Роулиссон при встрече с Миллером сказал:

- Большевики - тоже русские, а я знаю русских! Я их очень хорошо знаю: они слишком долго запрягают, но зато быстро ездят. Нам надо спешить, чтобы в сентябре нас уже здесь не было...

И они пошли в свое последнее наступление. Шестая армия отшатнулась назад перед натиском, дрогнула и... выпрямилась. Пятнадцать дней шла молотба орудий на станциях, моряки Северо-Двинской флотилии прогнали мониторы англичан до Ваги, выбили их оттуда и захватили Важское устье. Эта неожиданная победа краевых войск круто изменила все британские планы.

- Они уже запрягли! - волновался Роулиссон. - И сейчас понесутся вскачь... Мы уходим. Немедленно.

Генерал Айронсайд снова навестил Миллера.

- Дружище! - сказал он ему. - Еще раз предлагаю уехать вместе с нами... к Деникину! Мы берем на себя все расходы по перегонке вашей армии водою из Архангельска в Новороссийск, вокруг всей Европы. Это будет замечательное путешествие, и отдохнувшие в пути солдаты пойдут в бой уже с юга России...

Миллер сомневался. Последний удар нанес ему умный генерал Нокс, который из Сибири, из ставки Колчака, телеграфировал в Лондон категорически:

ЕСЛИ 150 МИЛЛИОНОВ РУССКИХ НЕ ХОТЯТ БЕЛЫХ, А ХОТЯТ КРАСНЫХ, ТО БЕСЦЕЛЬНО ПОМОГАТЬ БЕЛЫМ...

За окнами текла просторная Северная Двина, свежий ветер гонял чаек, не давая им садиться на воду. Пахло дымком: что-то горело в городе, но - что, ни у кого не дознаешься. Генерал Миллер объявил:

- Господа, чуется мое сердце, что пора открывать эмиссионные кассы для обмена денег по курсу на фунты...

Одновременно с этим, засучив рукава, рванулся вперед генерал от эвакуации Генри Роулиссон.

- Парни! Начинай! - вот его исторические слова.

Как только он произнес эти слова, так сразу и началось.

Русские тоже начали... панику.

* * *

Паника началась с одной бумажонки, неосторожно опубликованной

Айронсайдом; в ней жителям города предлагалось покинуть Архангельск (точнее - покинуть родину) и особо указывалось, что британское командование отныне снимает с себя всякую ответственность за безопасность населения.

Сразу стали вязаться чемоданы. В стане Миллера одно совещание сменяло другое. Четырнадцать тысяч тонн водоизмещения - хватит ли?.. Никто не мог решить точно: уходить или оставаться?

- Я бы остался, - бубнил Евгений Карлович. - Останемся?..

Протоиерея Лелюхина снарядили в далекий путь к "его высокопреосвященству митрополиту Англии, архиепископу Кентерберийскому". Архангельское духовенство выражало надежду, что "английские христиане, проникнутые желанием помочь своим братьям, скажут своему правительству, что теперь еще преждевременно лишать братской помощи Северную область". Лелюхин собрал дочерей, велел им, коли не будет дождя, поливать редиску на огороде и, помолясь, отбыл со слезницей в Англию...

И вот тут-то (именно сейчас!) в штабе Миллера, вспомнили об оппозиции... Не чаплинской оппозиции, а - эсеровской.

- Вернуть! Призвать! - распорядился Миллер. - Будем создавать единый антибольшевистский фронт...

Эсеры снова заходили в именинниках. Торжественно открылось земско-городское собрание. Трибуна к услугам эсеров: хочешь говорить говори, никто за холку тебя не схватит. Эсеры даром хлеба не ели и полностью поддержали генерала Миллера, желавшего бороться с большевиками далее - уже без англичан. Склепали тут же, на этом совещании, новое, правительство - "правительство обороны". Эсеры выпустили обращение к солдатам на фронте:

"...держат крепко винтовку в своих руках, не поддаваться слухам и большевистской лжи, верить своим начальникам и исполнять их боевые приказы..."

- А они совсем не плохие ребята, эти эсеры, - радовался Миллер, - с ними, оказывается, можно налегать в одном хомуте...

Газетчики писали так: "Правительства у нас, слава боту, нет, зато у нас есть главнокомандующий".

- Что они там заврались? - обижался Миллер. - У нас есть правительство... даже с тремя эсерами в составе кабинета!

Евгению Карловичу в "правительстве обороны" достались по-прежнему два портфеля, самых весомых - иностранных и военных дел. Три эсера были приданы как "заложники демократии". Но пока они делили

портфели, докеры в порту отказались грузить баржу со снарядами, которых с нетерпением ждали на фронте. Забастовку гасили арестами и казнями. Но теперь у Евгения Карловича руки были чисты; никто не посмел бы упрекнуть его в диктатуре, ибо забастовку гасили заодно с ним и эсеры.

- Нет, ей-богу, - восхищался Миллер, - мне эти эсеры положительно нравятся! В них что-то есть, как в чужой жене: боишься подойти - все-таки жена чужая, а когда обнимешься первый раз, то так приятно... И хочется обниматься далее... только с чужою женою!

Между тем генерал Владимир Владимирович Марушевский, вконец отчаясь, еще раз оглядел чичиковщину Архангельска и твердо убедился в полной невозможности продолжать борьбу. Ни с англичанами! Ни без них! Конец один эмиграция... По собственным подсчетам, он удостоверился, что четырнадцать тысяч тоннажа вполне хватало для бегства, ибо армия дала бы от силы десять тысяч офицеров, а число жителей Архангельска, которым стоило опасаться Советской власти, достигло бы никак не более четырех тысяч человек. Итого, на каждого эмигранта приходилось бы по целой тонне водоизмещения. Этого тоннажа хватило бы даже на вывоз мебели!

Марушевский собрал у себя на квартире частное совещание из офицеров-фронтовиков, которые его знали и уважали.

- Я, - заявил им генерал, - не верю в эсеровский ложно-патриотический пафос, не верю в силу лозунгов наших демократов... Тридцать лет жизни я отдал русской армии, и "щи с кашей" кажутся мне гораздо важнее в борьбе, нежели пустые слова. Давайте, господа, раз и навсегда решим четко: или уходим, или - остаемся. Мое мнение таково: без англичан нам здесь делать нечего, в борьбе с большевизмом мы потерпели поражение.

Фронтовики были согласны закончить борьбу с большевиками (в этом вопросе они дали фору даже эсерам) и сообща договорились, что надо высказать свое мнение главнокомандующему. Но генерал Миллер, как ни колебался, все-таки не был свободен в своем окончательном решении.

- Поймите, - отвечал он делегации офицеров, - мы с вами не одни. Наша северная армия не является отдельным, самостоятельным организмом. Мы - лишь звено в длинной цепи железных фронтов, охвативших совдепию. Бросив оружие под Архангельском, мы предадим Деникина, идущего на Курск, мы подведем Юденича, который снова зашевелился под Ямбургом, а сам адмирал Колчак уповает на Деникина в такой степени, что советует мне держаться и после ухода англичан...

Марушевский, до этого молчавший, вдруг, расстегнул кобуру и достал оттуда револьвер. Резко провернул барабан.

- А если оставаться, - заявил решительно, - так пошли к англичанам с оружием и заставим их силой остаться с нами до конца. Нас сейчас в четыре раза больше британцев. Наша армия (пора сказать правду) ненавидит англичан, и можно уже оставить в разговорах с британцами тон бедных просителей...

Вся ватага офицеров дружно направилась к Роулиссону, который (как писал впоследствии сам Марушевский) "принял нас как какой-нибудь вице-король принял бы негритянскую делегацию...". От этого чванства Марушевскому стало так тошно на родимой земле, что он даже не стал совать револьвер в лицо британскому лорду, а повернул от самых дверей прочь...

И потаенно заблуждали опасные слухи о том, что на фронте зреет заговор переворота. Не чаплинского, нет! Кандидатом в главнокомандующие выставляли полковника Констанди, самого толкового и умного офицера-фронтовика, который должен сложить оружие армии перед большевиками и вывести армию... Куда ее вывести? Не в лес, конечно. Наверное, за океан.

Жене своей Марушевский говорил:

- Если эсеры перестали представлять оппозицию по отношению к Евгению Карловичу, то теперь я, невольно поставленный во главе эвакуационных настроений армии, стою во главе оппозиции. Мое положение ложно и может только стеснять командующего...

Повидавшись с Миллером, он прямо так и заявил:

- Пока в моей лояльности никто не сомневается, мне следует уехать. Сами обстоятельства таковы, что скоро я буду поставлен силою обстоятельств - против вас!..

Перед отдачею сходней на борт уходящего корабля порывисто взбежал Миллер и, всхлипнув, крепко обнял Марушевского:

- Прощайте! Навсегда!., Как я рад, что хоть вы останетесь живы... А мы остаемся погибать. Еще раз - прощайте!

Завернувшись в шинель, Миллер уселся в автомобиль, извлек из кобуры фляжку с ромом. Машина неслась по колдобинам переулков, а на перекрестках толпился народ, читая свежее объявление властей: "Предупреждаю всех, имеющих претензии к союзному командованию, о необходимости поспешить с их предъявлением в Союзную Комиссию (Банковский переулок, дом № 14), так как с 10 сентября с. г. прием претензий Комиссией уже прекращается..."

А над пристанями Архангельска разносился клич Роулиссона:

- Парни! Продолжай!

И - продолжалось.

* * *

О читатель, ты не знаешь, что такое цемент!

Еще вчера эти мониторы бросали на двинском фарватере страшные магнитные мины. А сейчас корабли стоят за Мудьюгом - одни опустошенные остовы корпусов, - и в распахнутые люки мониторов жидкой лавой течет серый цемент... Команды сняты, карты и документы уничтожены заранее.

Генерал Роулиссон - специалист опытный и грязной работы не боится: его мундир забрызган серыми кляксами цемента.

- Черт! - говорит он. - Усиьте же еще давление.

Помпы воют - тяжелая лава затопляет машины, кубрики команды; все иллюминаторы настежь открыты, и через них уже выдавливаются наружу толстые серые колбасы. Это цемент, который успел подзастыть.

Роулиссон говорит:

- Кажется, сейчас наступит критическая точка...

Верно: корабли уже задыхаются, их борта лишь чуть-чуть возвышаются над морем, и разом, словно камни, мониторы уходят на глубину. Всё! - теперь большевики никогда не смогут поднять их. Да и поднимать бесцельно: внутри кораблей все так зацементировано - борта и машины, - что не отковырнешь даже отбойным молотком...

- Что они там творят? - хватались за голову в русских штабах, когда узнали, какая судьба постигла боевые корабли.

Роулиссон прибыл на аэродром.

- С авиацией возни меньше, - авторитетно заявлял генерал. До чего же здорово горят самолеты! Аэроплан пшикнет разом и потом пылает, охваченный бойким пламенем. С треском рвется парусина обтяжек, с воем сгорают сверкающие "хэвиленды".

Вздыбливая землю, взлетают к небу артиллерийские склады, - долго оседает потом эта земля на крыши окрестных деревень. Широко размахнувшись, британские солдаты забрасывают винтовки и автоматы в реку. Шоферы выводят машины на пристань, включают моторы, и автомобили - без шоферов! - на полной скорости летят через причал...

Труднее с пушками, но генерал Роулиссон от артиллерии не оставит и духу. Замки пушек топят в болоте - подальше от самих пушек, чтобы никто не нашел; топорами солдаты сшибают панорамы прицелов, хрустят под обухами нежные, хрупкие линзы.

- К черту всё! - говорят они, вытирая пот; солдаты устали, но эта работа им не в тягость - войне конец...

Когда возмущенный Миллер потребовал от Роулиссона объяснения, тот ответил ему:

- Большевикам не остается ничего!
- Вы, как союзники, всё должны оставить нам... нам.
- Передать оружие вам - это значит, что большевики скоро отберут его от вас. Приказ таков: ничего не оставлять...

На палубы транспортов настелили накат из бревен, и танки с ревом поползли с берега. Наконец в таможне Роулиссон разглядел шесть тракторов велел и трактора грузить на свои корабли.

Миллер рвал и метал - в полной панике:

- Что вы делаете, генерал? Уж трактора - ладно, землю нам здесь не пахать, но за каждый танк мы платили из своего кармана по пять тысяч фунтов.

- Уже поздно, - отвечал Роулиссон.
- Вернуть чужое, генерал, никогда не поздно.
- Согласен. Но только не в этом случае. Мы погрузили танки на самое днище кораблей, как балласт, и сверху они завалены военным имуществом. Поднимать их обратно из трюмов - это работа, которая задержит отход наших войск на несколько дней. А мы более не можем ждать: большевики гонятся за нами по пятам. У вас еще осталось два танка - можете передать их от моего имени большевикам на память!

Баржа за баржей выплывала через дельту реки в открытое море. Там открывались днища, и на грунт горохом сыпались консервные банки... Сколько их? Миллионы.

Вот он, славный английский корнбиф, вот душистая ветчина с горошком, вот нежная мармеладная паста. Джеммы летят в море - смородиновые, клубничные и, конечно же, яблочные - без них англичане ни шагу! Теперь все это топится самым безжалостным образом. Табак тоже летит за борт, кипы табаку плывут по реке. Отравляя воду, течет Двиною бензин, нефть, мазут... Страшно подойти к воде: она лиловая от жира. В этот жир сыпят муку и сахар!

Надо отдать справедливость генералу Роулиссону: после него оставалась пустыня. Он хорошо знал русских: запряг - поскакал. Настроение генерала передалось и британским войскам. То, чего в Лондоне так боялись, случилось: "томми" не стали отступать с песнями и фанфарами, - нет, английская армия побежала с позиций. Архангельск вдруг оказался в полной власти англичан, и только тут стало понятно, как их много было на севере.

В спешке интервентам все время казалось, что большевики рядом, что

красноармейцы Шестой армии уже дышат им в затылок. И это настроение англичане, в свою очередь, передали Белой армии. Вокруг царило смятение, на улицах трещали костры бивуаков, хлопали двери пивных, звенели стекла, ржали лошади. Уже никто не понимал, что происходит.

И вдруг...

Был поздний час, и непривычная тишина в городе всех ошеломила. Обыватели осторожно выглядывали на улицы. Что случилось? Над опустевшими причалами ветер гонял клочья сена. Ни души! На кнехтах пристаней болтались обрывки английских швартовых. Принюхиваясь к сену, бродила одинокая лошадь. Волочились брошенные поводья, съехало набок седло... Лошадь косит кровавым глазом на воду и вдруг устало заваливается прямо на причале. Вытянув на нефтяных досках длинную шею, лошадь спит.

И ни одного англичанина в городе - ушли. Все. Как один.

Роулиссон обманул Миллера на целый час... На целый час ранее назначенного срока он обнажил британские посты, и брошенное оружие англичан целый час валялось бесхозно. За этот час кое-кто успел вооружить себя... Роулиссон обманул Миллера на целый час, уйдя раньше срока, и с англичанами даже никто не попрощался. Это было великолепно сделано!

Потрясающе внезапным было исчезновение англичан, и каждому запомнился этот день... Ни одного интервента в Архангельске!

Англичане втирались на русский север - годами.

Годы! Годы понадобились им, чтобы проникнуть на север.

Но убрались они в одну ночь...

Честь и слава генералу Роулиссону, черт его побери!

Вот что значит генерал Роулиссон - настоящий молодчага!

Я же говорил, что Айронсайд и в подметки ему не годился...

Впрочем, хвалить его еще рано. Из Архангельска Роулиссон, конечно, завернул и в Мурманск... Специалист по скорейшей эвакуации оказался и специалистом по экспроприации.

Экспроприатор - в переводе на общедоступный русский язык - означает: вор! С русского севера Роулиссон увел все, что плохо лежало, - и первыми потащились за ним русские корабли, которые не принадлежали ни Англии, ни Миллеру, а принадлежали русскому народу... Гуд бай, Роулиссон! Прощайте, союзники!

* * *

Интервенция закончилась - слава богу.

Началась миллеровщина - не дай бог.

Глава четвертая

Миллеровщина началась странно...

Именно с того, что прохожие (скромно пожелавшие остаться неизвестными) видели над Архангельском богородицу, пролетающую мимо таможни с младенцем Христом на руках. Явление богородицы, по авторитетному мнению "Епархиальных ведомостей", предвещало режиму генерала Миллера вечную незыблемость и надежность белого дела на севере.

Перед нами не детективный роман, в котором надобно усиленно скрывать от читателей, что произойдет далее, а потому сразу раскроем карты: режим Миллера (без помощи англичан) просуществовал всего пять месяцев. Пять месяцев, осиянные небесным знаменiem свыше, миллеровцы еще скоморошничали и дудели как могли.

Потом, естественно, разбежались.

Но летописец должен бесстрастно следовать по ступеням событий, беря пример с легендарного Пимена..

* * *

Длинный хвост очереди из переулка тянется в сторону дома, над крыльцом которого - доска с надписью:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭМИССИОННАЯ КАССА
АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Здесь меняют "моржовки", "чайковки" и лазоревые "шпалы" на фунты британских стерлингов. Меняют подло: с англичан не разживешься. Сначала давали за сорок рублей один фунт, с весны вздули курс до шестидесяти четырех рублей, а теперь фунт идет за целых восемьдесят рублей... Очередь волнуется в нетерпении: ходят слухи, что Лондон скоро опять повысит курс своего фунта, ибо - как говорил Роулиссон! - курс в восемьдесят рублей за фунт не поддержан вывозом русского леса из Архангельска...

Днями и ночами простаивают люди, готовые отплыть в чужие края. Жалеть ли их нам? Я думаю, что жалеть их надо. Они сбиты сейчас с панталыку, они смятены, они охвачены массовым психозом - самым страшным психозом: стадным. А среди них - дети, которые уж никак ни в чем не повинны перед Советской властью. И за что их лишают родины папа с мамой - этого они пока не понимают. А когда вырастут и поймут, то будет уже поздно. И тогда в глухой эмиграции родится новая поэзия на русском великом языке - поэзия ностальгии, тоски по России, по черному хлебу, по березке на опушке, по ельнику да можжевельнику...

Россия! Печальное слово,

Потерянное навсегда

В скитаньях напрасно суровых,
В пустых и ненужных годах.
Туда никогда не поеду,
А жить без нее не могу,
И снова настойчивым бредом
Сверлит в разъяренном мозгу:
- Зачем меня девочкой глупой
От страшной родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли?...

Взгляды людей в очереди уже отчуждены, всё чаще вплетаются в их речь иностранные слова и целые фразы (привыкают). День за днем тянется хвост беженцев, и где-то в самом конце стоит последним несчастный учитель гимназии. А в другом конце этой очереди, за роскошным столом, восседает главноуполномоченный по обмену денег доктор Белиловский.

Это большой поклонник княгини Вадбольской...

В середине дня очередь вдруг застряла: ни взад, ни вперед. От этого в нервной, возбужденной толпе выкрики:

- Что они там? Почему не двигаемся?
- Эдак-то, сударь мой, пока они там копаются, большевики с хвоста будут в очередь становиться.
- А у вас, простите, сколько, мадам?
- Увы, последние пятьсот.
- В каких бумагах?
- Увы, керенками...
- Миленькая! Да вам за них и фунта не дадут.
- Что делать! Ну хоть с пенса надо же начинать новую жизнь.

Нетерпение растёт, очередь волнуется. Наконец выясняется причина: задержка произошла из-за прелестной княгини Вадбольской - она меняет свои сбережения. У нее не только "моржовки", но масса и старых денег екатеринками; все это надо свести к единому расчетному знаменателю. Княгиня сидит теперь с Белиловским как барыня, и доктор послал в ресторан за пирожными. Они будут пить чай...

- Да что у нее там? - волнение. - Будто миллионы меняет!
- Оно и есть, сударь, миллионы...
- С чего бы это? Приехала сюда нагишом...
- А вы заметили, с кем она путалась? То-то же!

Наконец пробку прорывает. Придерживая поля шляпы, с улыбкой выходит из кассы княгиня, а за нею, в роли прихлебателя-адъютанта,

лейтенант Басалаго несет до коляски два кожаных баула, натисканных деньгами. Уже обмененными на фунты.

- Ничего себе, - говорит несчастный учитель латыни. - Вот это я понимаю - нахапалась! Такой и заграница нипочем!

Провожаемая нелестными замечаниями относительно нравственности, Вадбольская легко запрыгивает в коляску, Басалаго примащивается с нею рядом и толкает кучера в спину:

- Пошел... в слободу!

Глядя на эту очередь, что нудно тянулась под окнами, генерал Миллер вспомнил, как вчера офицеры-фронтовики приехали с передовой и в крепкой русской потасовке в кровь избили офицеров его штаба... Именно за то, что штаб желал оставаться. Конечно, ему в окопах не сидеть. А фронтовики хотели или уехать, или сложить оружие перед большевиками. Но воюют-то не штабные крысы, а вот такие фронтовики, как полковник Констанди и капитан Орлов, командовавший белыми шенкурятами-партизанами... С мнением фронтовых офицеров надо считаться, и, посматривая в окно на очередь перед эмиссионной кассой, Евгений Карлович открыл экстренное совещание кадровых офицеров флота и армии. Вопрос - прежний, уже набивший оскомину: уходить или оставаться? Этот вопрос для многих лежал между жизнью и смертью...

- Уходить! - решительно вскинулся Констанди, потомок греческих контрабандистов. - Но если оставаться, то следует ударить по большевикам... Ударить, сколько возможно!

- Остаться, - поддержал его одноглазый Орлов.

- Уйти! - неожиданно отрубил кавторанг Чаплин. - Господа, я сделал более вас всех для борьбы с большевизмом, но сейчас я понимаю: белое движение выдохлось... Надо уйти!

- И чем скорее, тем лучше, - добавил адмирал Виккорст. - Ибо синоптическая служба пророчит нам суровую зиму, и, окруженные льдами, мы здесь погибнем. Ледоколам не пробить льда!

- Уйти! Уйти! Уйти... - голоса.

Не считаться с этими голосами было нельзя.

- Хорошо, - согласился Миллер, устало и подавленно. - Черт с ним, с этим Архангельском, мы уходим... в Мурманск и оттуда будем продолжать борьбу. У ворот незамерзающего порта мы будем вне досягаемости большевиков! Вы меня поняли...

И, распустив собрание, он отдал приказ поджигать лесопильные заводы на Маймаксе, на Рикасихе, в Соломбале. Опыт генерала Роулиссона повлиял на него: ничего не оставлять большевикам... От станции

Исакогорка натужно крикнул паровоз - прибыл новый эшелон с ранеными. У крыльца штаба шел спор извозчика с седоком. Зараженный всеобщим поветрием, извозчик уже не берет "моржовками", а требует фунтами... За Полицейским переулком, в здании думы, открыт ломбард, и туда с утра тянется еще одна гигантская очередь: эмигранты сдают вещи, прощаясь с ними навеки, чтобы выручку тут же обменять по курсу. А вещи - да гори они тут!..

Пока что горят лесопилки. Ветер относит дым к морю.

Вечером подошел к причалу первый пароход, началась посадка первой партии. Ну, тут всякого насмотрелись! В давке были даже преждевременные роды. Родился человек, и было непонятно, куда его деть: оставить в России или катить дальше по волнам. Толпа, неистовая в своей ярости, сломав цепи заграждения, ломала по трапам так, будто большевики уже вошли в Архангельск.

Из Троицкого собора вышел архиепископ Павел, за ним вынесли крест с мощами, принадлежавшие издревле Алексашке Меншикову, и ветхую плащаницу легендарного князя Пожарского. В последний раз грянули русские трубы: "Коль славен наш господь в Сионе..." Зарыдала толпа на палубах, но рыдания тут же заглушил рев отходящего корабля. И тянулись руки, осеняя пропадающий в сумерках берег России... Потом вышел причальный дворник и долго мел загаженную пристань, во всю глотку распевая:

Дайте мне на руль с полтиной
Женщину с огнем!..

После чего вскинул метлу на плечо и браво зашагал в пивную, под чудесным названием "Ясный месяц". Этого дворника и сам черт не брал: мел улицы при царе-батюшке, мел при Керенском, мел при англичанах, метет при Миллере, согласен мести и при большевиках... Он - обыватель: ему плевать на все!

На следующий день отправили морем еще две партии беженцев. В Архангельске заметно поубавилось знати и местной буржуазии, офицеры, распроставшись с семьями, больше прежнего стали пить по кабакам... "Ни тревожное состояние, - свидетельствует очевидец-эсер, - ни дурные вести с фронта - ничто не могло нарушить угарной жизни Архангельска. Люди словно хотели взять от жизни то немного, что она им давала: вино и снова вино! Офицерское собрание и немало других ресторанов были свидетелями скандалов, безобразных и диких, участниками которых являлись офицеры. И чем грознее становилось положение в области, тем безудержнее жил военный тыл..."

"У Лавалья", как всегда, было не протолкнуться. Здесь собиралась головка белой армии, сливки общества, - тоже пили, хотя и меньше, нежели в иных заведениях. И постоянно здесь было полно новостей, самых свежих, и офицеры флотилии каждый раз радостно приветствовали появление княгини Вадбольской: "Вот истинно русская женщина! Презрев опасности, она уедет с последним эшелонem... вместе с нами, господа. Ваше здоровье, княгиня..."

В один из дней полковник Констанди, сумрачный и сосредоточенный, подсел к княгине Вадбольской, сообщил таинственно:

- Боюсь, как бы эти транспорта с беженцами не пришлось возвращать обратно из Англии... Во всяком случае, княгиня, вы не уезжайте. Скоро все изменится - к лучшему!

- Вы так уверены? - удивилась Вадбольская.

- Впервые за эти годы я говорю твердо: не уезжайте. Именно сейчас наступил момент, когда мы способны остановить большевиков. Последняя мобилизация в области, взяла всех, кого можно, вплоть до пятидесятидвухлетнего возраста. Мы сейчас сильны как никогда! Армия же большевиков сейчас ослабела до предела, до крайности, до абсурда, - ее силы оттянуты на Деникина и на Юденича. Перед нами не фронт, а редкий заборчик, который не надо обрушивать, можно просто перешагнуть через него... Поверьте, мы справимся. И мне даже нравится, что англичане ушли. Вот теперь, - мстительно-ненавистно заключил Констанди, - пусть в Лондоне почувствуют, что без них мы гораздо ловчее и энергичнее.

- Помогай вам бог, - ответила Вадбольская.

Миллер в эти дни велел на Троицком проспекте - главном в городе вывесить громадную карту фронтов, и каждодневно дежурный офицер штаба перемещал по ней белые флажки. Возле этой карты, рисующей отчаянное положение Советской власти, постоянно толпились люди...

Юденич стремительно шагал на Питер: 4 октября - занял Белые Струги, 11-го - Ямбург, 16-го - он был уже в Луге... Казалось, красный Петроград доживает последние часы. А на Москву давил Деникин. Революция снова была в осаде.

Спасибо Черчиллю! Он никак не оставлял Миллера вниманием и после эвакуации армии. Черчилль в это время рвал толику боеприпасов даже от Деникина, чтобы помочь Миллеру, к которому он испытывал какую-то нежную слабость. Между Лондоном и Архангельском циркулировала переписка... Сейчас Евгении Карлович кланчил оружие и писал жалобу на генерала Роулиссона. В раздражении генерал ломал хрупкие карандаши:

- О черт! Ни одного заточенного... Где же этот подонок?
Басалаго предстал перед ним, держа в руке какую-то бумагу.
- Вы имеете в виду Юрьева, ваше превосходительство?
- Да его. Где он? Никто не может заточить мне карандаш...
- О том, где сейчас Юрьев, - ответил Басалаго, - надо спросить лейтенанта Уилки, который тайком устроил Юрьева на транспортах, когда армия Айронсайда нас покидала. - И положил на стол радиограмму, в которой было сказано:

ПЕТРОГРАД ВЗЯТ, ВЛАСТЬ СОВЕТОВ СВЕРГНУТА, ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ ПЕТРОГРАДА НАЗНАЧЕН ГЕНЕРАЛ ГЛАЗЕНАП...

Никто не знал, кто такой Глазенап, но все сказанное было похоже на правду. Полковник Констанди с пеной у рта доказывал Миллеру, что необходимо срочное наступление от Архангельска:

- Сейчас! Именно сейчас... При чем здесь Глазенап? Генерал-губернатором Петрограда, генерал, должны быть вы! Ходят слухи, что Митька Рубинштейн уже открывает на Невском Русско-британский банк. Нет, англичане не ушли - они с нами по-прежнему... Ну же, генерал! Решайтесь! Одно ваше слово, и я сегодня же вечером разверну Шестую армию большевиков пятками вперед...

Медленно раскрылись парадные двери, и генерал Миллер величаво предстал перед собранием "правительства обороны".

- Вопрос решен, - объявил глухо. - Решен окончательно и бесповоротно. Мы остаемся...

* * *

Частокол красных штыков сменился вдруг полным безлюдьем.

Громадные прорехи разрывали фронт, и полковник Констанди ударил по большевикам - со всем остервенением воинственного пыла. По лесным тропам, с последним патроном в обойме, блуждали бойцы красной Шестой армии. Двигаясь марш-маршем вдоль полотна дороги на Вологду, Констанди отправил Миллеру такую эстафету:

КРАСНАЯ АРМИЯ РАСПАЛАСЬ, БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПОЛКИ РАЗБЕЖАЛИСЬ ПО ЛЕСАМ... ИДУ ВПЕРЕД!

С боем Констанди вступил на станцию Плесецкая, - здесь был завязан стратегический узелок. Полковник генштаба, опытный воин, Констанди бросил своих солдат на захват Онеги; дугой он охватывал Шестую армию, наступая на нее умело, настойчиво, с энергичным жаром и последовательностью.

Партизаны-шенкурята капитана Орлова теснили красноармейцев в верховьях Пинеги, Мезени и Печоры. Белые шенкурята отбили от

красноармейцев города Яренск и Усгь-Сысольск на реке Вычегде; наконец Шестая армия не выдержала натиска и отдала белым обратно город Онегу, - войска Миллера снова сомкнулись с армией Мурманского фронта...

Казалось, что невозможное возможно...

Вот когда наступило ликование в штабе Миллера. "Моржовки" опять обретали силу, таяла очередь возле дверей эмиссионной кассы, офицеры ходили, как в былые времена, гордо выставив грудь; вприпрыжку семенили штабные барышни.

- Как хорошо, что мы не ушли с англичанами! - говорили "У Лавалья".

- Действительно, голубчик лейтенант, - сказал Миллер Басалаго, - какие мы молодцы, что остались. Что бы мы делали сейчас вдали от родины?.. Распорядитесь: пусть типография земства приготовит выпуск особой карты-прокламации. Чтобы эта карта отразила наши потрясающие успехи. Четыреста тысяч квадратных километров, взятых нашими доблестными войсками всего за несколько дней... Вот пусть теперь в Англии узнают, что их хваленый Айронсайд был сущий младенец перед нами. Англичане наверняка и рады бы снова вернуться, но мы их обратно не пустим...

Поздним вечером к штабу Миллера подъехал фронтовой грузовик, обложенный еловыми ветками. Солдаты вытащили из кузова офицера, положили его на снег и сняли шапки. Черная повязка пересекала глаз мертвеца. Открытый рот его был ощерен в предсмертном оскале, а ровные зубы убитого были окрашены кровью. Меленький снежок приятно и неслышно сыпал с темного неба.

Генерал Миллер, что-то наспех дожевывая, в одном мундире, выскочил из штаба на морозец - первый морозец в этом году.

- Орлов? Орлов? - закричал он.

Солдаты надели шапки, отдали Миллеру честь:

- Ён самый, ваше превосходительство. Большаки-то повернули. Опять гонят нас за милую душу!

- Как?!

* * *

Вот так.

Когда река и дороги сочленены в один узел, тогда наступление по берегу зависит от реки, а движение флотилии гибнет, если нет поддержки с берега. Это истина, которую никто не оспаривал.

Шестая армия нашла в себе силы, чтобы ударить по отрядам Констанди, и кубарем покатались белые шенкурята по своим деревенькам. Красные бойцы рвались вперед, но... Флотилия, отстав от армии, ничем не

могла помочь бойцам: водолазы совсем недавно, рискуя жизнью, вытащили наверх одну магнитную мину. Специалисты (так наивно назывались смелые люди) ходили вокруг да около. Щупали, трогали. Нашелся один спец и клещами водопроводчика, вспотев от ужаса, раскусил контакты... Ничего! Не взлетели на воздуси. Теперь можно изучать. Мину изучали как могли. Уже вели себя с нею без вежливости: ворочали, перекидывали, ссорились над нею, мирились...

Армия шла, но флотилия еще стояла за перекатом. А по реке, с противным шорохом, уже скользит опасная шуга: скоро грянет мороз, и ледостав тогда скует корабли в метровый панцирь...

Женька Вальронд, завернувшись в шинель, сидел на днище баржи, переделанной в монитор, и грелся возле печурки, когда явился пожилой крестьянин из деревни Сольцы.

- Вы главным будете? - спросил он мичмана.

- Стараюсь быть главным, отец. Да у меня это как-то плохо получается... А что тебе надо?

Мужик обстоятельно поведал:

- Слых такой на деревне, что вы тут минами шибко озабочены. Оно верно: англичанка тыкала их куда хотела. А тока вам, сударик, по фарватеру не пройти... Вот ежели бы коса под водой не мешала, ваши кораблики, кубыть, за перекат бы и выкатились. Одначе косу эту срыть - землечерпатель нужен, а у вас таких кораблей, кажись, не водится - все у Миллера...

Об этой косе, заграждавшей путь на фарватер, узнали как раз в те дни, когда десять матросов-большевиков, презрев смерть, вызвались пройти на тральщике "Перебор" прямо по минам. Да! - по минам, по минам, по минам... Решили так пройти, чтобы своей смертью открыть дорогу флотилии и помочь армии. Но смелым всегда чертовски везет. Эти десять человек прошли как по маслу, куря всю сажень цигарки, - они не взорвались. Мало того! Играя со смертью в жмурки, матросы завернули еще по цигарке и с песнями прокатились назад. Но этим героям просто повезло. А когда за ними тронулись другие корабли, мины сработали точно: контакт, всплытие мины под днище, вспышка пламени, трупы на волнах... Стариков тут не было - гибли молодые парни!

- Спасибо тебе, отец, - отвечал Вальронд крестьянину, - мы это дело обсудим. Ты пришел кстати. А я здесь далеко не главный.

В ледяной воде, бултыхаясь в ней синими телами, глотая самогонку как воду, и уже не хмелея, моряки флотилии стали убирать песчаную косу, что крылась на глубине реки. Они прокладывали новый фарватер. Это был

труд, на который в добрые времена и каторжников бы не послали. А большевики вызвались добровольно. И они проложили новый фарватер.

Корабли снова пошли вперед, снова открыли огонь.

Но зима уже хватала их в свои цепкие заломы льда. Уже обрубали по уграм пешнями лед вдоль бортов. Армия укрепила позиции и стала выжидать своего часа.

Все ждали, что принесет зима стране - голодной, истощенной в сражениях, обложенной врагами. И до самого последнего момента, уже выдираясь петардами из льда, еще ползали по Северной Двине красные тральщики, бесстрашно выуживая из глубины магнитные мины.

Всего выгребли и обезвредили сто двенадцать штук. Когда снимешь с мины крышку, то получается неплохой котел, даже луженный изнутри. В английских минах варилась каша - жиденьякая, конечно.

Глава пятая

Пронеслись перелетные птицы, пожухли, свернувшись в трубочку, листья, и только скрежетали по ночам острые, как сабли, перья осоки по берегам озер и болот. И пешком бежали по кочкам в далекую Индию дергачи - пешком, пешком, пешком... как-нибудь доберутся до теплого юга! Доброго тебе пути, дергач, - птица мужества и отвага!..

Из-под Лижмы приехал в Петрозаводск Спиридонов, чтобы присутствовать на митинге бойцов и рабочих... Собрались на площади перед собором. Построились. Комиссар Лучин-Чумбаров зачитал открытое письмо Ленина.

- "...наступил, - неслось над площадью, - один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции!.."

Прямо с площади войска развернулись к вокзалу; часть спиридоновцев уходила с севера на борьбу с Юденичем и Деникиным, - это был риск. Революционный риск. Необходимый риск... Петрозаводск снова опустел. Можно было ожидать, что контрреволюция снова поднимет голову в опустошенной столице Олонии.

Возвращаясь с митинга, Спиридонов заметил путейца Небольсина и окликнул его. Аркадий Константинович, сунув мерзлые руки в рукава шинели, подождал командира.

- Иван Дмитриевич, - спросил Небольсин еще издали, - что же это будет дальше... а?

- Будет так: мы в масло собьемся, а они скиснут... Как у тебя-то? "Бепо" нам позарез нужен, ладится ли дело?

Небольсин показал ему свои синие руки:

- Мерзнуть стали... И денег нет. Ни копейки!.

- Это у тебя-то нет?

- Ни у кого нет денег. И работают под расписку, что потом получат в случае победы... Вот я и спрашиваю тебя: как дальше будет?

- А что мне сказать на это? Я тебе из кармана не выну, сам на подножном корме пасусь. Ты только, инженер, мне "Бепо" давай! Тогда и денег достану. Да заходи ко мне, чего ко мне никогда не заходишь?

- Да ведь тебя никогда и не бывает в Петрозаводске.

- Оно верно: сидя в штабе, водить пальцем по картам не люблю. Лучше своими глазами все видеть. И болтаюсь, как незабудка в проруби... Ну, заходи! - предложил еще раз на прощание...

В цеху, где собирался "Бепо", треснула капитальная стена; с хряском и скрежетом работали краны, готовые каждую минуту рухнуть на голову. Трансмиссии уже срывало, не раз бешеными змеями они хлестали разбежавшихся рабочих. Посреди цехов коптили жаровни, в них пережигали для тепла кокс, а чаще - просто дровишки; как могли - грелись...

Кладбище "кукушек" лежало перед депо, а вместо ладного инструмента повсюду валялись груды ржавого лома, из которого, обдирая в кровь руки, мастера выуживали подходящие к работе детали. Так собирался с миру по нитке этот бронепоезд, которому было суждено идти на отвоевание Мурманска. Жизнь Небольсина отныне заключалась в правильном треугольнике: конторка цеха с чертежами - гостиница с продырявленной кроватью - заводская столовая с тарелкой похлебки. В этом треугольнике он и мотался с утра до вечера. Вид у инженера был зачумленный; плохо выбритый, не очень чистый, полуголодный, он, однако, трудился. Трудился в полном одиночестве, если не считать рабочих, окружавших его и его создание - бронепоезд. Коллеги-инженеры отшатнулись от "красного" Небольсина, как от прокаженного. В глаза смеялись над сооружением, что стояло сейчас в цеху на рельсах, называя будущий "Бепо" "чудовищем большевизма".

Оно и верно - чудовище, да еще какое! Скатали массивные платформы, обшили вагоны котельным железом. Пустые пространства засыпали песком. Выстроили площадки для установки трофейных гаубиц (их еще надо отбить у врага, эти гаубицы). Пулеметные гнезда бронировали... В хаосе бревен и железа угадывалась мощь - почти первобытная, как в сокрушающей палице доисторического человека.

Сегодня после митинга он снова созвал рабочих - еще сормовских; они прибыли в Мурманск по контракту в четырнадцатом, бежали в

Петрозаводск в семнадцатом да так и остались здесь с семьями до девятнадцатого. Помотало этих людей крепко!

- Ребята, - сказал им Небольсин, - блинды над колесами надо отковать наискосок. Чтобы они, в случае попадания, давали снаряду рикошет... Колеса, колеса! Понимаете? Их нужно особенно беречь от попадания...

Именно в этот день Небольсина навестил Буланов. Старый путеец осмотрел сооружение на рельсах, потом поднялся в конторку к Небольсину. Аркадий Константинович заметил, что Буланов необычайно взволнован, пальцы его слегка вздрагивали. Под глазами - мешочки от недосыпа, передряг, хвороб...

- Господин Небольсин, - суховато спросил старый инженер, - а вы уверены в том, что делаете все правильно?

Аркадий Константинович подумал:

- Это будет неказисто, но устойчиво. Я уверен, что по своей мощи наш бронепоезд не уступит вражеским...

И, ответив в такой форме, он вдруг понял: Буланов спрашивает его совсем о другом. Правильно ли он сделал, что служит большевикам, - вот смысл булановского вопроса. Но решил дальше не уточнять - выждать, что последует за этим. Буланов же, в свою очередь, подхватил ответ Небольсина:

- И когда вы думаете выпустить его на пути?

- Скоро, - ответил ему Небольсин...

С гулом прошел кран под сводами, перетаскивая на станину парового молота броневые блинды для колес.

- Так, - сказал Буланов, начиная застегивать шубу. - Надеюсь, - и он задвинул стул на прежнее место, - что большевики еще не вытравили из вас понятия о прежней чести?

Аркадий Константинович хмыкнул:

- Вот вы о чем... Нет. Честь всегда при мне.

Буланов перегнулся через стол и влепил ему пощечину. Это было так неожиданно, что Небольсин растерялся.

- Вы помните, - сказал Буланов, - тот день в Совжелдоре, когда вы... коснулись моей щеки и неосторожно бросили вызов? Так вот, милостивый государь, ваш вызов я принимаю теперь... Извольте не отступаться. Ни в коем случае.

Небольсин встал, и тихой грустью наполнилось сердце.

- Я к вашим услугам, - сказал он, кивнув для верности.

* * *

Спиридонов пригласил Небольсина к себе. На столе лежал большой

олений окорок, прокопченный возле костра; дал инженеру ножик и сказал:

- Режь и ешь... От пуза ешь, сколько влезет!

Подобрев от обильной еды, Небольсин рассказал, как к нему приходил сегодня Буланов и прочее...

- Понимаешь, - говорил он спокойно, - я сейчас не тот человек, чтобы дуэлировать. Это глупо, я отдаю себе отчет в этом. Но пойми и ты: я не мог отказаться. Называй это как тебе хочется: барство, дурость, традиции... Но я должен стреляться! Нельзя же прощать такие вещи. Есть положения, которые невозможно выносить на суд, ибо любой суд лишь усугубляет оскорбление. В таких случаях спор может разрешить только оружие...

- Где назначено? - перебил его Спиридонов серьезно.

- За Еловней, возле мостика... знаешь, там такая полянка?

- Хорошо знаю. А - когда?

- Завтра, в шесть утра... Ты молодец, что не смеешься. Сейчас, когда людей убивают, словно клопов, и вдруг... Вдруг почти по Пушкину: "Приятно целить в бледный лоб..."

- Дурак твой Пушкин! - сказал Спиридонов. - В лоб или в задницу - все едино: в живого человека стрелять всегда погано. Уж я-то знаю. Сколько на тот свет отправил, а все равно... Не привыкнешь! Слушай, - спросил потом, а кто же в секундантах?

- Буланов, - ответил Небольсин, - хорошо понимает, что за такие вещи не погладят. Обещал только врача привести. Остальное - между нами. С глазу на глаз! Ты, - повторил путеец, - молодец, что не смеешься надо мною. Ты понял меня, да?

Спиридонов ничего не ответил и, отойдя к окну, долго стоял, оборотись спиной. Наконец повернулся к путейцу, лицо его было в лукавой усмешке.

- И без секундантов, говоришь? - спросил он Небольсина.

- Без свидетелей.

- Ну, это он врет. Как же можно в таком благородном деле, как дуэль, обойтись без секундантов? Мы ведь тоже романы читали... знаем, как это делается.

- Однако так, - заключил Небольсин, играя с ножиком.

Спиридонов расхаживал перед ним: руки назад, голова опущена, метался вдоль одной половицы как маятник. Резко остановился:

- В шесть часов... за Еловней. Ну, а - ты?

- Что я?

- Как ты решил, инженер?

- Пойду и прострелю ему ляжку.

- Знаешь, - ответил Спиридонов, - это, конечно, глупо, но... Я тебя понимаю: ты же у нас барин... А? - И перекинул Небольсину хорошенький браунинг. - Дарю! - сказал. - Иди, черт с тобой, и пролупи ему ляжку. Буланов давно того стоит... На прощание отрезал инженеру кусок оленины и, проводив до дверей, напомнил: - Смотри не проспай... ровно в шесть!

Ровно в шесть, как и было условлено, Небольсин сбежал по узенькой тропке в заросли елочек, но на поляне еще никого не было. Скоро послышались приглушенные голоса: два голоса... три! Вмешался четвертый, раздражительный.

Небольсин пережил большой страх, когда увидел, что следом за Булановым выходят на поляну еще трое незнакомцев, весьма подозрительных.

- Яков Петрович, - крикнул Небольсин, - что это значит?!

- Это идут твои судьи, - ответил ему Буланов.

Небольсина окружили люди, которых он не знал. Длинные шинели, мятые фуражки, рваные перчатки. Но чистые воротнички виднелись на шеях, фуражки были заломлены с лихостью, а перчатки они подтягивали таким гвардейским жестом, что ошибиться в профессии этих людей было трудно...

Но даже не это было страшно для Небольсина сейчас. У одного из офицеров вдруг голубым светом полыхнул глаз - искусственный, стеклянный. И сразу вспомнилось собрание в Совжелдоре, Петя Ронек, Общество спасания на водах и все, что было дальше... Все, вплоть до поездки на катере по тихой Лососинке, и потом это противное нутряное "эк" и всплеск воды за бортом. Выходит, топил, да не до конца утопил. И этот человек с голубым глазом теперь хватко берет Небольсина снова за глотку.

- Узнал? - спросил с улыбкой.

Вырываясь, Небольсин обращался к Буланову:

- Как вам не стыдно? Да защитите же меня, наконец...

Но Буланов и сам вцепился в Небольсина, крича в лицо ему.

- Предатель! О, подлая рептилия... Ты думаешь, мы тебя застрелим? Ты ошибаешься: таких негодяев, которые продались большевикам, мы вешаем, вешаем, вешаем...

Ощупав карманы Небольсина, извлекли браунинг, подаренный Спиридоновым. Дали по зубам - столь крепко, что кувырнулся. Снова поставили перед собой. Лица "судей" были замкнуты, сосредоточенны, движения деловиты, взгляды пронизательны и остры... Аркадий Константинович и сам не заметил, как на шею ему накинута веревка -

узенькую, впившуюся в горло.

- Может, помолишься? - спросил голубоглазый.

Его поволокли к дереву, и ноги согнулись, словно ватные. Два офицера поддерживали путейца под локти. Сорвало с ноги старую галошину. Буланов в ярости схватил Небольсина за волосы и палачески (откуда в нем это?!) притянул лицом к самой земле.

Небольсин увидел, как маленький жучок мастерит себе хатку на зиму тащит соломинку, надрываясь... Это было расставание с жизнью, и оно было так ужасно ("Вот и жучок переживет зиму, встретит весну"), что Небольсин не выдержал и, потеряв сознание, рухнул кулем.

И потому он не слышал, как затрещали вокруг кустарники, как выскочили на поляну чекисты, а Спиридонов гаркнул:

- Только двинься - угроблю в патоке!

А когда Небольсин очнулся, то увидел, что чекисты выворачивают карманы арестованных, сам же Иван Дмитриевич в бешенстве жестоко лупит Буланова прямо по тусклой морде его.

- Я тебя уже ставил к стенке! - орал он. - Я тебя ставил... Пожалел гниду! Мне твоя спина вот... (и сам согнулся крючком, показывая). Думал - в отцы мне годишься! Думал, ты - человек... Семья, дети, мать твою растак! Ты вот так предо мною стоял... Помнишь? И спина тряслась... Ты мне клялся!

К нему подбежал боец и доложил:

- Путейский-то наш очухался...

Мутными глазами Спиридонов глянул на инженера - мельком.

- Привет, - сказал и резко сдернул с шеи Небольсина веревку.

Снова пошел мимо арестованных, вглядываясь в каждого.

- А-а, вот и ты! - сказал одному.

- О тебе тоже, - сказал второму, - немало наслышаны.

- Ну, а тебя я давно искал! - крикнул он человеку с голубым стеклянным глазом. - Ты мне давно уже светишь. Теперь, Контра, крышка вот с такими гвоздями вышла..

И снова посмотрел на Небольсина.

- Да поднимите же его! - велел.

Подожли два чекиста, взяли за локти. Вздернули от земли:

- Стоишь, молоток со шпалой?

- Стою, - по-детски улыбнулся Небольсин и снова сел.

- Ну пусть посидит... не мешайте ему, - велел Спиридонов. Потом, когда возвращались они с этой проклятой поляны, Иван Дмитриевич сказал:

- Ну, Константиныч, понял теперь, каково быть в нашей шкуре? Ты думал небось так: ладно, мол, стану большевиком... Вот и стал им! Еще "мама" сказать не успел, как тебя в галстук продели и завязали... То-то, брат!

- Спасибо вам, - прошептал Небольсин, еще слабый от пережитого на поляне ужаса.

- Погоди благодарить, - продолжал Спиридонов мечтательно, - возьмем Мурманск, посадим тебя обратно в конторе на дистанции, оденем, накормим, жалованье получишь, меня на выпивку позовешь, вот тогда и скажешь: спасибо! А сейчас... за что же спасибо-то говорить? - И взял за руку. Константиныч, - попросил мягко, - ты уж не сердись, что я тебя такою приманкой на щуку выпустил. Я сразу, как ты мне вчера сказал, подумал: тут дело нечистое. И решил, что тебя надо спасать... С хорошим человеком - и я хороший, а со сволочью - я и сам первая сволочь! - Нагнулся и поднял галошу: - Твое колесо?

- Мое...

- Чего же ты? Раскидался тут... Своих вещей не бережешь!

* * *

Песошников выглянул в окно паровозной будки. Тулома кидалась в камнях, вся белая от пены; вдалеке уже разливалось, тягуче и серебристо, словно ртуть, стекло Кольского залива. Гугукнув трижды, машинист сбавил ход, и на подножку будки вскочил Безменов.

- Порядок, - сказал он.

- Под углем в тендере, - показал ему Песошников. - Когда соскакивать будешь?

- На седьмой версте.

- Ладно.

Павел вытянул из тендера чемодан, грязный от угля.

- Сколько здесь? - спросил.

- Не считал. Так передали. Прямо из Питера.

- Тяжелый. Кажется, много. Подозрительно выйдет.

- Извернись. Стань вором. Все воруют здесь. Будешь честным - сочтут за большевика и посадят...

Именно так и понял Безменова проходимец Брамсон, возглавлявший на Мурмане отделение Архангельской эмиссионной кассы.

- Ого! - удивился он, меняя рухлядь старых денег на фунты стерлингов. - Обзавелся ты крепко... Смотри, Безменов, как бы до Эллена не дошло: он тебя налогом обложит!

Уложив фунты в чемодан, Павел вечером, когда стемнело, вышел

далеко в тундру - за кладбище. Выкопал там яму, зарыл деньги и отметил это место камушком, а сверху надломил ветку. Он не спрашивал никого - зачем это делается? Приказано из Центра обменять на фунты - он обменял. Точно по курсу! Но Безменов догадывался, что скоро экономическую блокаду республики прорвет, надо будет торговать, надо посылать за границу первые дипломатические миссии, а валюта для этого уже имеется...

В подполье Мурманска (где еще не выветрился из бараков дух Ветлинского, Юрьева и Басалаго) вдруг заговорили о восстании.

Как заговорили? Ну, конечно же, не на митингах.

Люди были теперь ученые, слов даром не бросали, чтобы ветер не унес их в даль Кольского залива, как унес он немало громких фраз в году семнадцатом и позже: все они растаяли над океаном. Теперь собирались тайком, с опаской, по условному паролю, по стуку в двери - особому. И людей отбирали, как ювелир камешки: увидели тебя хоть раз пьяным - все, отвались в сторону, ты уже для партии не нужен. Дело тут такое: ходили по самому лезвию, у каждого только два глаза, а вокруг - сотни глаз. Теперь, когда англичане ушли с Мурманска, можно подумать и о восстании...

Пора! И сообща решили: декабрь! Всё в декабре!

А за Шанхай-городом всеми красками, словно ярмарка, расцветилась шумливая, нетрезвая барахолка. Те, на ком рубашка горела, давно упаковались. А чего не увезти с собой - продавали по дешевке. Каратыгин тщетно сбывал свой катер; можно было даже паровоз купить с вагонами; какой-то каперанг предлагал из-под полы корабельное оружие; пулемет стоил так дешево, что не верилось, - всего пять рублей; патроны просто под ногами валялись... Безменов заметил, что на толкучке совсем не было книг. Ни одной книжки! Книги - это нечто устойчивое, приходящее только с миром, когда уют и покой в домах, когда человек сыт и спокоен, - вот тогда он вечером садится возле огня, гладит кошку и с любовью раскрывает книгу. Это волшебные минуты!

Да какие там, к черту, книги на Мурмане! Прожрать, пропить, в лучшем случае тряпку на себя новую повесить - вот и вся забота. Даже газет не скопилось на Мурмане, хотя Ванька Кладов три раза в неделю клеил по заборам свой "Мурманский вестник"...

Ванька Кладов, конечно, тут же вертелся в толпе, словно угорь. Погоны мичмана - золотистые - уныло висли на его покатых плечах. Заметил Безменова и разлетелся с улыбкой.

- Здорово, - сказал приятельски. - Ты чего это, говорят, красную звезду на красный крест переделал?

- Заходи, - ответил Безменов, а сердце уже екнуло. - Новая партия подштанников прибыла.. Хочешь? Полотняные.

- А чем возьмешь? - спросил Кладов.

- Иди ты... С тобою дело опасно иметь... Прощевай!

Через полчаса, спрятав выручку, Ванька Кладов побрел с горы в сторону залива. За бараклом флотской роты, где выгребались городские помойки со дня основания города и где прятались в норах от Дилакторского местные дезертиры, - именно там Ваньку схватили за ворот шинели и забросили в пустой барак. Возле своей переносицы он увидел глазок револьвера, а выше...

Выше на него глядели строгие глаза Безменова.

- Тихо! - предупредил его Павел и показал в темноту барака. - Видишь? - спросил. - Вот он, видать, шумел, вроде тебя...

Там лежал труп, уже покрытый зеленью плесени: человек был убит еще с осени. Барак флотской роты славился на весь Мурманск - тут убивали и сюда же подкидывали покойников.

- Чего надо? - спросил Ванька, сразу осипнув. - Говори, я тебе все достану...

- Ты на что намекал? - ответил Безменов.

- О чем ты?

- На майдане... только что. Выкладывай, Ванька, как я красную звезду на красный крест переделал?

- Да отпусти ты меня, господи! - взмолился Ванька Кладов. - Язык мой враг мой, ляпну, бывает, что-либо не подумав.

- Не крутись! - И Безменов ткнул его револьвером в лоб.

Ванька со страху выложил все, что знал. Оказывается, через трубу вентиляции на посыльной "Соколище" лейтенант Милевский (приятель Ваньки) подслушал собрание матросов в жилой палубе.

- О чем собрание? - спросил Безменов.

- О восстании.

- Когда восстание?

- В декабре...

Все было точно: восстание запланировано на декабрь.

Грянул выстрел. Всего один - достаточно...

Из норы помойной, откуда тепло парило от гниения отбросов, глядел на Безменова пожилой бородатый дезертир.

- Чего людей будишь? - прохрипел он неласково. - Или тебе полковник Дилакторский нипочем? Смотри, брат, дошумишься...

Безменов сунул револьвер в карман, огляделся:

- Извини, брат. Дело тут... из-за бабы одной сцепились.
- Чистил? - спросил дезертир.
- Нет. Можешь чистить. Деньги у него в левом кармане...

Вечером Безменов играл в карты у Каратыгиных, были гости, он засиделся до часу, потом отправился домой. Никто бы не догадался, что, понтируя, он перекинул доктору Якову Рахмаиловичу Рабину записку: "Товсь!" Доктор Рабин знал, что делать дальше: завтра товарищи будут предупреждены...

Поручик Эллен в эту ночь спать не ложился. Выведав о случайно подслушанном разговоре матросов, контрразведка разом обрушилась на "Соколицу". Команду подняли спящей - арестовали. Начался опрос командиров всех кораблей - кто подозрителен? "Лейтенант Юрасовский" (которым и командовал лейтенант Юрасовский) указал только одного: взяли. "Т-24" (тральщик) указал двоих: взяли... Осталась плавмастерская "Ксения", но командир ее сослался на то, что всех подозрительных выгребли еще при англичанах, - за команду он спокоен. Так матрос слесарь Цуканов остался вне подозрения.

В сопровождении полковника Дилакторского поручик Эллен теперь блуждал по городу и кораблям, выискивая связи с подпольем. Губернатор Ермолаев заранее подписал приказ: "Заговорщиков схватить и уничтожить путем утопления в заливе". По городу ходили неясные слухи: кто говорил, что арестованных матросов зашили в мешки и утопили в бухте Ваенга, кто утверждал, что они высажены на безлюдную скалу Торос-острова. Большой транспорт с крестьянами Кемского и Александровского уездов, заподозренными в большевизме, среди ночи ушел на Новую Землю - на гибель...

Безменов утром проснулся, глянул в окно: ни одного корабля на бочках, только дымила (как самая надежная) плав-мастерская "Ксения"; все остальные корабли перегнали в город Александровск, на пустой рейд Екатерининской гавани, - подальше от рабочих, подальше от дороги и оружия. Это был удар крепкий. До чего же крепко бьет всегда поручик Эллен, хватка у него мертвая!

Прыгая босыми ногами по холодному полу, Безменов одевался. Сунул в печурку, еще не остывшую, два полена посуше, - затрещал огонь. Заварил себе чудесный бразильский кофе. Пил кофе, посматривая в окно. И - на часы. Ровно в восемь раздался гудок - прошел на горку маневровый, и Песошников помахал из будки успокаивающе: мол, я здесь, все в порядке, не волнуйся... Нет, все-таки плохо ударил Эллен на этот раз: главные руководители ячейки на Мурмане остались целы. Восстания в декабре не

будет - это факт... Восстание будет позже - это факт...

Длинно тянется дорога в тундру - на кладбище. Пусто и одичало стоят кресты, заметаемые снегом. В глубине могилы серебрится лед, и матросы комендантского взвода, косясь на Дилакторского, опускают в землю гроб с телом Ваньки Кладова. После похорон Павел Безменов натягивает на замерзшие уши шапку, деликатно берет под руку Зиночку Каратыгину:

- Мадам, у меня есть такая муфта... Только для вас!

Зиночка Каратыгина - в новой норковой шубке. мех очень идет ей. Она расспрашивает Безменова о муфте.

Всё о муфте! Какая она? Дорого ли? Зиночка уже приготовилась бежать за границу и теперь желает показать себя Европе во всем блеске и великолепии...

* * *

В эти дни из цехов Олонецкого депо выползло на пути бронированное чудовище, прощупывая даль рыльцами пулеметов (новый "Бепо" называли "Красным Мурманчанином"), а со стороны станции Званка, с тихим воем, уже подкатывал из Питера овеванный славой бронепоезд "Гандзя" и встал рядом, - два близнеца!..

Все напряглось и замерло. Под снегом, под снегом.

Броня покрывалась льдистым инеем и сверкала при свете луны. Рьяно, брызжуще, с вызовом...

Когда?

Глава шестая

Генерал Миллер поднялся над столом - словно морж выбрался из проруби и оглядел собрание местных демократов.

- Хорошо! - выкрикнул он в зал. - Черт с вами, я согласен... Я согласен на установление по всей Северной области восьмичасового рабочего дня, как этого требуют интересы социализма...

* * *

Охваченные отчаянием, напролом валили к последнему морю колчаковские эшелоны. В середине января, ровно в полночь, на станции Иркутск в ярко освещенный вагон Колчака рванулись мятежные тени. Вдоль коридора пробежала стройная сестра милосердия:

- Сани! Боже, это за тобою... - и припала на грудь адмирала. Холодные искры глаз и блеск вороненых стволов.

- Вы адмирал Колчак?

- Да. Я - адмирал Колчак...

Через лед Ангары, завернувшись в шубу, навсегда уходил "верховный", а над головою адмирала, прочеркивая темноту сибирской

ночи, рушились с неба полыхающие звезды...

А в унылой ревельской гостинице "Коммерс" сидел в халате генерал Юденич и читал своей жене очередной французский роман. Хорошо читал - с выражением, как учили его еще в гимназии. Совсем недавно Юденич распустил свою армию, разгромленную под Петроградом... Дверь в номер - на самом интересном месте романа - вдруг открылась, и во главе с бандитом Булак-Балаховичем ворвались к нему офицеры - ничего не прощавшие.

- Вы генерал Юденич?

- А что вам угодно, господа?

- Вы арестованы... как преступник, ибо, разглядывая Петроград с Пулкова, могли бы и взять его!..

А по заснеженным степям Южной России с песнями катилась к морю надежд и прощания трижды разбитая армия Деникина... Деникин во всем обвинял наглеца барона Врангеля... Он его сожрет, он его перекусит, он его... выслал за границу! Скоро он его простит, вернет обратно и вручит Врангелю свою армию; Деникин сам скоро уйдет в отставку и уедет за границу...

И вот теперь, когда "верховного" не стало, когда каждый сам по себе, генерал Миллер почувствовал, что руки у него развязаны. Своим штабным умом он понимал, что все кончено. Уехать никак нельзя: корабли вросли в лед, а в лесу снега выше пояса... Казалось бы, единый фронт антибольшевизма надо укреплять. Работать и работать! Рука об руку! А вместо этого члены его правительства, ссылаясь на "чрезмерное переутомление", сложили свои портфели к его ногам... А вокруг - лед, снега, мороз!

- ...хорошо, - повторил Миллер, сатанея от ярости, - я уже сказал и еще раз говорю вам: я согласен теперь на введение восьмичасового рабочего дня... Чего вы еще от меня хотите?

Зал шумел... Ах, какой это был чудесный зал! Когда-то здесь строились выпускники Технического училища Петра Великого; буйно выплясывали в конфетти и серпантине купеческие банкеты; губернаторы давали здесь в старину балы заезжим великим князьям и знатным ревизорам из сената, - и тогда женские плечи нестерпимо сверкали под сиянием люстр... А теперь бедный генерал Миллер стоит лицом в этот галдящий зал, битком набитый земцами и эсерами, и, кажется, трибуну его тоже окружает лед. Наклонив голову, Евгений Карлович слушает гул голосов. Хотя бы выяснить - какое крыло оппозиции сейчас его критикует: левое или правое? Одно ясно: его диктатуру порицают. За что бы вы думали? Ужасно порицают за "отрыв от

народных масс". Конечно, обвинение серьезное. Евгению Карловичу будет трудно оправдать себя...

- Тихо! - гаркнул Миллер. - Есть еще два портфеля для эсеров.

- Какие?

- Первый - в кабинете народного просвещения.

- А второй?

- Агитации и пропаганды! Ваше красноречие не пропадет даром!

Поднялся над залом матерый эсерище, весь в коже.

- Не брать портфелей у диктатора Миллера! - заорал свирепо. - Кто возьмет - того прихлопну именем партии. Входя в правительство, мы тем самым делаемся ответственными за все то, что творилось на севере за годы интервенции и диктатуры... Вашей диктатуры, генерал Миллер!

- Одну минутку, - сказал Миллер. - Я сейчас... одну минутку!

Он проскочил за сцену, налил в стакан коньяку, выпил его без закуски и вылетел обратно на трибуну.

- Итак, - сказал Миллер, освеженный, - я вас слушаю... В чем вы, господа, смеете меня обвинять?

- Мы требуем...

- Чего? - рявкнул сверху Миллер. - Разве я поступил с вами неблагородно? Разве не я предоставил три корабля для ваших семей? Разве не я открыл эмиссионные кассы? Чего вы можете требовать от меня, когда армия по пояс в снегу, корабли во льду до ватерлинии, а большевики уже стучатся в Плесецкую? Я знаю: если бы я побеждал армию большевиков, вы бы меня не обвиняли тогда в диктатуре... Впрочем, одну минутку, я сейчас!...

Миллер опять ненадолго выскочил за сцену.

- Лейтенант Басалаго, - велел он, отхлебывая коньяку, - пока я там лаюсь с этими господами демократами, срочно собирайте сюда офицеров чаплинского вероисповедания... Я остаюсь папой по-прежнему, и этому святому собору мы свернем шею!

Закусив как следует, он снова рванулся на трибуну.

- В чем вы можете упрекать меня, если я не царь, не бог и не земский начальник? Сейчас, когда даже прославленные в битвах шенкурята разбегаются по своим бабам, когда все колеблется... Вы! Знаю я ваши лжепатриотические потуги: критикуя меня, вы вколачиваете клин между мною и народом. Вы на критике власти желаете приобрести себе политический капитал? Не выйдет, товарищи!..

Генерал Миллер давал последнее свое сражение. Честь ему и слава: он удержал за собой позицию власти, пока не прибыло подкрепление.

Собирались офицеры-чаплинцы, мрачные. Недавно они насквозь прострелили одного "министра" области и сейчас снова расстегивают кобуры, - решительные люди... Глядя на них, Евгений Карлович тоже тянется к кобуре, но рука генерала (пардон) нащупывает мяконькую туалетную бумажку. Хорошо, что не успел вынуть, вот была бы потеха!..

- Уберем оружие, братья и сестры, - говорит он миролюбиво, - теперь я буду требовать... теперь я буду обвинять... Да, я обвиняю вас в преступном разгильдяйстве, лжедемократии и плутократии. Или вы разбираете портфели министерских кабинетов подобра-поздорову, или...

Тут от самых дверей раздался истошный выкрик:

- Восстал третий полк!

Стало тихо-тихо... Земцы быстро сотворили молитву.

- Доболтались? - просипел Миллер...

Нет худа без добра. Вот теперь, когда восстал третий полк, теперь договорились, и эсеры дружно приняли резолюцию, которая осуждала "революционные методы борьбы". Евгений Карлович тоже не стал выламываться и согласился кое-кого из тюрьмы выпустить, чтобы амнистированные тут же (трезво и смело) включились в общую работу по укреплению единого фронта.

- А в общем-то, - заявил Миллер, - я не вижу повода для особенных волнений. Зайдите ко мне в штаб и потолкуйте с моими штабистами: они никогда не сомневаются в нашей победе...

Взамен "правительства обороны" было избрано "Правительство спасения". Евгений Карлович по-прежнему обрел в нем портфели военного министра и управляющего иностранными делами; сверкая золотыми зубами, архангельский врач Борька Соколов взял себе портфель народного просвещения... Ну, и еще кое-кто из эсеров уселся за один стол с главнокомандующим.

Вот собрались они для работы (трезво и смело), и сразу возник первый насущный вопрос: эвакуация... Каким путем бежать?

- Бежать некуда, - говорил Миллер, - бежать надо было осенью. Лед, господа, лед. Да и нужного тоннажа у нас не сыщется. В случае чего, только если лесами... через Онегу - на Мурман...

На стол - перед правительством - легла радиограмма.

- От кого? - спросил Миллер опасливо.

- Вам! От реввоенсовета большевистской Шестой армии.

- Не может быть.

- Прочитайте, ваше превосходительство...

Большевики предлагали Миллеру мирную ликвидацию фронта. Не дай

бог, если содержание радиogramмы дойдет до офицеров фронта... и Миллер тут же порвал ее в клочья. Но - по секрету от эсеров - как министр иностранных дел, он развил в эти будни бурную деятельность. Миллер вступил в тайную переписку с реввоенсоветом, но одновременно обратился в Англию - к лорду Керзону, чтобы тот стал посредником в его переговорах с большевиками...

Полки белой армии - как сырые дрова: они долго-долго разгорались, но потом пошли трещать разом, буйно и весело. Что ни день - то новое сообщение: перешли к красным... перекинулись... укатили и пушки... взбунтовались... разбежались! И не успел Миллер опомниться, как все главные оперативные направления фронта оказались раскупоренными. Те самые пробки, которые воткнули в реку и в дорогу когда-то еще англичане с генералом Пулем во главе, - теперь эти пробки вылетали из фронта, как из бутылки шампанского... Перед Шестой армией совершенно обнажились пути на Архангельск и на Онегу!

Мороз подкатил под тридцать восемь градусов. Дни стояли солнечные, все в искристом серебре, дыхание людей потрескивало в воздухе, смерзаясь в колючий инеек.

- У нас осталась последняя надежда, - сказал Миллер, не теряя, однако, присущего ему оптимизма. - А именно: красноармейцы одеты в лохмотья, и они не выдержат лютости этих морозов. Подумайте сами, в такие холода, в глухом лесу, среди сугробов!

14 февраля 1920 года особым приказом Миллер заверил население, что порядок незыблем, ничего угрожающего нет и... "спешить особенно некуда!" (это его слова). На следующий день уже стали жечь архивы и паковали деньги в плотные пакеты. Евгений Карлович особым приказом велел всем "особенно поспешить" (это тоже его слова) и заверил свою армию, что ее он никогда не покинет, будет счастлив и так далее... В общем, он сказал все то, что говорится в таких случаях - по-наполеоновски, по-благородному.

- Я связал свою судьбу с вами, мои доблестные товарищи! Сейчас он эти слова блистательно подтвердит.

* * *

Мороз был такой, что напротив губернаторского присутствия с треском рвануло градусник - только ртутные брызги полетели, словно мизерная шрапнель осыпала сугробы.

Адмирал Виккорст греет свои длани об изразцовые печи.

- Взлетят они там или не взлетят? - говорит раздраженно. На морозном аэродроме поочередно пытались разогреть пять аппаратов - "рено",

"ферри", "сальмсон", "шорт", "ансальдо". Десять ведер воды, бурно кипящей, живили мотор ненадолго: масло быстро белело, пробитое насквозь инеем, и винт было никак не провернуть.

Адмирал Виккорст своими звонками надоел на аэродроме так, что его костили служащие на чем свет стоит.

- Сыщите полковника Казакова, - приказывал адмирал. - Этот человек найдет способ взлететь.

Известного аса русской авиации нашли в кабаке. Он был пьян вдрабадан, лыка не вязал, и какая-то смазливая девка чистила его карманы, набитые деньгами. Узнав, что надо лететь, Казаков с упрямством истинно пьяного русского человека решил, что он полетит... Непременно полетит! И не когда-нибудь, а сейчас...

- Хоть к черту на рога! - орал он, отбиваясь от девки. Кстати, девка и помогла.

- Отвернитесь все! - велела она.

Из-за чулка достала пакетик, вытрясла на ладонь какой-то серый порошок и сыпанула его в лицо полковнику.

- Ой, стерва., ой, какая же ты стерва! - заругался Казаков, но малость очухался.

На улице пьяный ас, шатаясь, тер лицо снегом. Его привезли на аэродром. Из английского ангара вывели под обогрев блестящий желтобокий "ньюпор".

- Назад! - велел Казаков. - У него маслобаки под струею винта, это не машина для такого мороза... Загоняйте обратно!

Полковник решил лететь на своем истребителе "спад" постройки московского авиазавода "Дукс" (мотор в сто пятьдесят лошадиных сил фирмы "Испано-Суиза"). Пьяный летчик треснул ногою в плоскость и захохотал, увидев, что от мороза все планы самолета были перекошены, а крепления вытянуты стужей в струну.

- К черту на рога! - говорил он, пока его протрезвляли содовой, лимонами, кофе и оплеухами. - Оленье сало! - вдруг вспомнил Казаков, и густым оленьим салом были смазаны мотор самолета, лицо и руки летчика-истребителя.

Казаков забрался в кабину, выкинул руку над крылом.

- Один глоток, - попросил, - ей-ей, мне полегчает...

Ему дали флягу с коньяком, он высосал половину ее и хрипло пропел, берясь за штурвал:

Наливай, разливай кругговые ччарры!

Марш вперед - смерть иддет,

Черрные гуссарр-ы...

От самой взлетной линейки был включен плановый фотоавтомат. Виккорсту позвонили:

- Полковник Казаков взлетел и направился к кромке.
- А как он? - спросил адмирал. - В себе или не в себе?
- Конечно, - ответили с аэродрома, - костей не соберем...

Но случилось иначе. Казаков, даже во хмелю, оправдал звание аса, - он вернулся. Длинной лентой тянулся вихрь снежной пыли за истребителем, который лыжами уже коснулся линейки. За ним бежали сломя голову, хватая воздух из-под башлыков, служащие аэродрома. Но... что это? Полковник Казаков снова взвился в небо и, отчаянно пикируя, врезался в землю. Когда люди добежали до разбитого "спада", полковник Казаков был уже мертв{37}...

Доложили Виккорсту:

- Полковник Казаков разбился на посадке...
- Аппарат! - требовал Виккорст. - Скорее выньте аппарат!

Вынули из-под крыла истребителя фотоавтомат, к счастью, целехонький. Виккорст неустанно названивал, чтобы пленку немедленно сдали в лабораторию... О мертвом асе как-то сразу все позабыли, и он остался лежать среди обломков, быстро заостенев в хаосе алюминия, красного дерева, фанеры, проводов и стекла.

Он свое дело сделал - пленку уже проявляли лаборанты.

Ни одна страна в мире не имела тогда такой прекрасной техники аэрофотосъемки, какую имела Россия, смело брошенная в небо первым асом Нестеровым! Союзники до конца войны, словно дети малые, так и пробаловались с пластинками, которые давали лишь одиночные снимки. Зато русские инженеры создали фотокамеры, записывавшие на пленку целые маршруты полета.

Но... подвела французская пленка!

Лейтенант Басалаго, взволнованный более обычного, ворвался в прожаренный кабинет старого адмирала Виккорста.

- Пленка оборвалась, треснув от мороза! - доложил он.

Виккорст жадно схватил разорванную пленку.

- Неужели она треснула раньше, нежели полковник успел долететь до кромки? И есть ли вообще кромка льда?.. О боже!

Через сильную лупу, подойдя к окну, за которым умирал серенький денек, Они разглядывали фотомаршрут пьяного Казакова. Вот мелькнули под крылом его истребителя раскидистые окраины Архангельска, вот угадывался остров Мудьюг с бараками концлагеря, где сидели большевики,

вот он полетел дальше. Он смело полетел в безлюдное ледяное море!

- Летит! - сказал Басалаго, пропуская длинную пленку между своих пальцев, и все вокруг него шуршало. - Летит, летит...

Черная, черная пленка - белый, белый лед. И сжимались сердца в тревоге - неужели всюду лед, лед, лед? "О боже..."

- Есть! - выкрикнул Виккорст, бессильно опускаясь на стул. - Вы видите, лейтенант, все-таки пленка оборвалась счастливо...

Да. Лейтенант Басалаго видел, как под крылом самолета образовались темные (на пленке - белые) пятна разводий. Значит, море еще не все замерзло и припай возле берега можно разрушить... Дальше мороз хрустнул пленку пополам, катушка автомата двигалась уже вхолостую, аппарат продолжал снимать полет Казакова, ставший совсем бесполезным и ненужным...

- Чем вы, адмирал, думаете разрушить припай?

Виккорст, не отвечая на этот вопрос, потянулся к гарнизонному телефону, просил соединить его с генералом Миллером.

- Мы спасены, - сказал адмирал тихо. - Если ледокол сумеет разрушить припай возле береговой черты, мы сумеем прорваться в Горло... А там стоянка в Мурманске. Тромсе даст уголь, и - Англия... мы спасены!.. А где сейчас большевики?

И, закрыв трубку ладонью, адмирал сообщил Басалаго:

- Боже мой, они уже врываются в Холмогоры... Да, да, генерал. Я вас слушаю... Ни в коем случае! - закричал Виккорст. - Чего еще ждать? Откуда у вас этот неисправимый оптимизм? Нет, нет, нет - не слушайте своих штабистов и эсеров... - И адмирал раздраженно бросил трубку на рычаг. Оказывается, с утра весь наш фронт взломан красными. Как это случилось? Вы меня еще спрашиваете, лейтенант... Полки бунтуют и сдаются большевикам так дружно, словно их там медом всех будут мазать. Михаил Герасимович, ступайте на ледокол "Кузьма Минин" (я его знаю как самый мощный на флотилии) и передайте по секрету командиру, чтобы ставил котлы на походный подогрев. Эта волынка надоела... Уходя, есть лишь один способ уйти - это встать и уйти! Другого способа пока не придумано...

- И генерал Миллер... с нами?

- Да. Каюта для него уже бронирована. Он просил ближе к мидель-шпангоуту, где меньше будет трясти на ломке льда.

- Наконец... армия? - спросил Басалаго.

- Армия разложилась и не стоит наших забот о ней.

- Но, - дополнил Басалаго, - в городе немало людей, которые за сотрудничество с союзниками будут подвергнуты большевиками

различным жестоким карам...

Длинные бледные пальцы Виккорста с розовыми ногтями чистых рук отбили нервную дробь.

- Я думаю, - ответил он, поразмыслив, - что во многих наших бедах повинна... Англия! Потому-то парламент этой страны морально обязан выступить против Красной Армии с дипломатическим демаршем... Вам же, лейтенант, тоже будет отведена каюта! Я сказал, кажется, все. Можете идти!

Но Басалаго не уходил.

- Торопитесь на "Минина", лейтенант, - напомнил адмирал.

- Мне, - ответил Басалаго, - необходимы две каюты.

- Это слишком роскошно... Для кого?

- Но вы ведь знаете, что я не один. Я полон надежд, и княгиня Вадбольская с дочерью... Я не могу один! Я уже однажды вычеркнул, имя этой женщины из списков, она осталась, и теперь... Я требую для себя две каюты...

Адмирал прошел через кабинет, поправил в печи полено вычурной старинной кочергой.

- Таковую женщину (он сказал "шеншину"), вы правы, мой друг, никак нельзя оставлять большевикам... Хорошо, пусть будет так. Две каюты... И всё - тайно, никто не должен знать, что мы уходим. Иначе нас сомнут... Лейтенант! - вдруг выпрямился Виккорст на фоне печных изразцов.

- Есть!

- Душевным слабостям сейчас не место, - наставлял его адмирал. - Людей много хороших, но всех не забрать. Вы должны ожесточить свое сердце. Не проговоритесь. Только княгиня! Только ее маленькая княжна! Только в виде исключения к вам и к вашим заслугам на Мурмане... Теперь - не мешкайте!

Слишком много знал лейтенант Басалаго, чтобы его можно было оставить в Архангельске; потому-то он будет спасен. Вместе с ним отбудут в счастливое изгнание за океан красивая женщина с красивой девочкой. И там, вдали от родины, он сумеет наступить на жестокое сердце - он вырвет с кровью любовь для себя.

"Было время, - размышлял Басалаго, направляясь на "Минин", - и я покорил весь Мурман... Неужели же теперь не смогу покорить одинокую женщину с ребенком на руках?"

- О-о, это отчаяние! - И он поднялся по сходне на ледакол.

* * *

В полном отчаянии "правительство спасения" стало искать преемников власти. Это был момент, когда власть хотели спихнуть кому угодно - хоть

дворнику, хоть трубочисту...

Увы, добровольцев на это дело не находилась! Никто теперь в Архангельске не желал хоть один денек побыть министром!

Кажется, доля завидная? Был министром - это звучит весомо. Так и будешь до старости писать в анкетах: "был министром". Но вот как раз сейчас никто и не желал пачкать свою анкету...

Тогда эсер Борька Соколов предложил:

- Есть же люди, которые в славную годовщину "великой и бескровной" революции выступали с большевистскими речами? За это вы, Евгений Карлович, необоснованно закатали их на пятнадцать лет каторги... Помните такой грех за собою?

- Я же их недавно и освободил! - надулся Миллер.

- Вот эти люди, - продолжал Соколов, - как настроенные пробольшевистски, ближе всего подходят к настоящей ситуации. Они работники профсоюзов, и потому власть в области следует передать профсоюзам...

- На этом и порешили: быть по сему - вся власть профсоюзам!

Профсоюзы Архангельска брали власть при условии, что никто из их состава не будет (по старинке) арестован Миллером, что они проведут в городе митинги с призывом к мирному поведению.

- А мы, кажется, уходим, - сознался Миллер. - Это неудобно говорить, но обстоятельства сложились непредвиденные...

- Ваш уход меняет все дело, - ответили работники профсоюза. - Тогда мы просим, чтобы главнокомандующим в городе оставался полковник Констанди, как самый авторитетный, в армии человек...

Евгений Карлович чуть не упал на колени перед полковником:

- Сергей Петрович... спасите!

- Кого?

- Правительство!

- Пошло оно к черту, это правительство.

- Армию, Сергей Петрович... армию спасите!

Констанди понял: его оставляют заложником.

- Ладно, - нервно ответил он. - Я остаюсь...

...Буксирные ледоколы, отчаянно дымя, с грохотом обламывали звонкий панцирь вокруг бортов тяжелого, будто уснувшего "Кузьмы Минина". Рвались петарды, забитые в глубину льда сверлами, легкие трескучие взрывы освобождали винты и рули. Скоро "Минин" задымил, и вот он, качнувшись, уже окантован черной чистой водой. Никто ничего не знал толком. Все было тихо и мирно. Команде сказали: пойдут обколоть лед

на запани Маймаксы и вернутся обратно.

По Архангельску, словно вымершему, ходили одинокие люди, в пивных они грелись, делясь шепотком:

- Седьмой полк, краса и гордость, сдался тоже...
- Красные уже в Емце, мой кум ездил с рыбой, так видел их!
- А где же наши бронепоезда? "Колчак"? "Деникин"?
- Э-э, вспомнил когда... У них - "Зенитка"!
- Зенитка? Это как понимать, Сидор Карпыч?
- Такой "Бепо" у красных, пришел из Питера, по названию своему "Зенитка". Три наших "Бепо" взял в плен, сам с ними сцепился буксами на Плесецкой, и теперь, люди рассказывают, кила получилась - с версту длиной. Вот он и шпарит по Холмогорам...

- Неужто сдадут?
- Чего уж там! Почитай, давно сдали...
- Кубыть, сразу не повесят? - опасались некоторые.
- Чека ихняя - ой, не приведи бог! Живьем жарит.
- Да нам-то кой хрен, Пантелеич, с Чеки ихней? Мы с тобой, друг сердешный, как ловили сельдя ране, так и ныне словим... Посуди сам: рази без нас большаки обойдутся? Да ни в жись! Где им! Мы же сельдя ловим...

* * *

Лейтенант Басалаго, одетый в полушубок с погонями флотского офицера, приехал в Немецкую слободу на извозчике. Поднялся по скрипучей лесенке на второй этаж чистенького домика с мезонином. Как хорошо пахло самоварной лучиной, как сквозило Русью, сладостной Русью, через гардины окошек - прямо в снег, прямо в блеск, прямо в изморозь... Хорошо! И стало печально: "Россия! Неужто же сказать тебе - прощай, и - навсегда прощай?" А за стеною стрекотала, как всегда, швейная машинка, и пела одинокая швея, которой никто никогда не видел.

Пела, плакала, убивалась:

Почто меня не любите,

Почто иных щадите,

Невесту юну губите,

Других с добра дарите?

На пороге комнаты Басалаго показал на часы:

- Княгиня! До отхода ледокола осталось совсем немного времени. А вы, я вижу, еще не начали собираться... За четверть часа до отплытия "Минин" даст условную сирену. Пора, пора!

Вадбольская сидела за столом в белой блузке, высокий воротник "медици" подпирали ее пухлый, надменный подбородок. Она кормила

девочку, размачивая в сладком чае зачерстневший имбирный пряник.

- Садитесь, Мишель, - произнесла спокойно. - Право, не думала я, что все произойдет так стремительно. Вы все-таки поступили тогда весьма неразумно, вычеркнув мое имя из списков... Я была бы теперь очень далеко от вас!

- Потому-то и вычеркнул, - дерзко ответил Басалаго, расцепляя ремень на полушубке и садясь возле печки. - А теперь у вас отдельная каюта со всеми удобствами. Ледокол вооружен артиллерией, минами, команда военная. Нет паники, все налажено, первая бункеровка в Мурманске, потом Тромсе и... океан!

- Дядя Мишель, - спросил ребенок, - а медведи будут?

- Вот медведей-то как раз и не будет. Они остаются в России!

- Клавдия, - сказала Вадбольская дочери, - если ты будешь баловаться, я оставлю тебя здесь... с медведями. Ешь скорее!

- Княгиня, - заметил Басалаго, снова посмотрев на часы в нетерпении, еще никогда так быстро не летело время, как сейчас. Мы доживаем последние минуты в России, дорога предстоит очень дальняя, и перед нею мы посидим, но... потом! А сейчас, умоляю вас, давайте же собираться.

- Ну, хорошо, - сказала Вадбольская, поднимаясь. - С чего начать? Просто руки опускаются. Я ведь тут обжилась, вещей много...

Басалаго решительно скинул полушубок возле порога:

- Я совсем забыл, что женщины, даже такие прекрасные, как вы, все равно остаются женщинами, с присущими им недостатками. И конечно же, нельзя доверять женщинам того, что связано с исполнением во времени!

Одних баулов было восемнадцать, и в каждый из них Басалаго, ползая по полу, пихал и пихал имущество княгини. Вперемешку летело, прессуясь под коленом лейтенанта, все подряд: платья, какие-то сумки, деньги, книжки, бумаги, письма (он их прочтет потом, чтобы узнать - нет ли соперника?).

Совсем неожиданно прозвучал вопрос Вадбольской:

- А куда делась голова Наполеона? Она стояла вот тут...

- Я, кажется, сгоряча сунул ее в баул. Она тяжелая, и я решил, что внутри ее деньги... Разве не так?

- Это не моя вещь, а хозяйки дома. Выньте ее!

- Но как же я могу вспомнить, в каком она чемодане?

- Но что подумает обо мне хозяйка дома?

- Не все ли равно, живя в Монреале, знать, что именно думает о нас хозяйка дома в Архангельске? Ах, стоит ли беспокоиться теперь о голове Наполеона, когда своя голова трещит... Княгиня, еще раз взываю: одевайте

ребенка... Ведь я с утра предупредил вас, чтобы вы были готовы.

- Но я никак не предполагала, что все будет так срочно!

- Да. Нашлись предатели в Архангельске, которые уже напекли караваев и выехали в Холмогоры с хлебом и солью - встречать большевиков... Наши "Бепо" разбиты, и красные вот-вот могут ворваться в город со стороны Исакогорки. Торопитесь!

Издалека - с Двины - взревела мощная сирена корабля, и лейтенант Басалаго, смертельно побледнев, вскочил с пола.

- "Минин"? - испугалась и княгиня.

- Кажется... Нет, нет, - заговорил Басалаго, - не может быть. Наверное, это гудит "Канада". Или "Сусанин"? Давайте не будем гадать... быстро, быстро!

- Всегда ты копаешься, - сказала Вадбольская дочери. - Я тебе столько раз говорила, что сначала пальто, а потом шарф... Господи, где твой второй валенок, Клавдия? Клавдия, - повысила голос княгиня, - я с кем сейчас разговариваю? Почему ты не отвечаешь матери?

- О-о-о, - простонал Басалаго. - Вы можете, княгиня, проникнуться сознанием значимости этого момента?.. Мы уходим! Не в театр! Мы уходим из России. Вы понимаете - мы уходим. Мы никогда не вернемся. Россия потеряна для нас... Навсегда. Прошу вас еще раз - поторопитесь...

Вадбольская оглядела ряды баулов, подняла воротник шубки дочери, накинула на ее головку мохнатый шарф.

- В чем вы меня упрекаете, Мишель?.. Я давно готова!

- Я тоже... - засмеялась девочка.

- Тогда присядем, - сказал Басалаго. - Помолчим...

Все трое присели перед дальней дорогой: прочь из России... Вцепившись пальцами в черные жесткие волосы, Басалаго мотался на стуле как пьяный. Виделись ему блески гавани Севастополя, ярость прорыва в Дарданеллы, труп Ветлинского, замеченный снегом на мурманском безлюдье, и многое-многое другое...

- Встали! - сказал резко, берясь сразу за два баула. И, радуясь путешествию, прыгала девочка.

- Надо бы позвать извозчика с улицы, чтобы помог...

- Извозчи-и-ик! - позвали через форточку.

Дверь с треском разлетелась перед Басалаго, и два баула с грохотом покатались по лестнице. В проеме дверей стояли люди с красными повязками на руках.

- Спокойно, - приказали они. - Не двигаться... руки!

Выстрелив наотмашь, Басалаго ударил ногою в окно. Брызнули стекла.

Жестко и люто, влетел мороз с улицы.

Еще выстрел, и Басалаго кубарем выскочил на улицу - в снег...

Вадбольская вздернула подбородок, и бриллианты яростно вспыхнули в мочках ее ушей, ярких от гнева.

- Надеюсь, - заявила она с вызовом, - это необязательно, чтобы я, княгиня Вадбольская, стояла перед вами с поднятыми руками?..

Басалаго рухнул в снег, что-то хрустнуло в ноге, и, быстро вскочив, он поскакал по тропке среди высоких сугробов в сторону спасительной калитки. Дернул ее на себя, и его ударили кулаком прямо в лицо. Чья-то рука вырвала из пальцев револьвер.

- Стой, - сказали, - не надо бегать тебе... лежи!

Пожилой рабочий из Соломбалы стоял над ним, широко расставив ноги в высоких фетровых валенках. Трещал мороз, осыпались инеем тонкие ветки, а на рабочем была фуражка, и ярко алели на стуже щеки его. Басалаго локтями оттолкнулся от твердого наста тропинки, рухнул спиной в пышный сугроб. Над ним - небо, облака...

- Ну, стреляй, - сказал он. - Чего тянешь?

Рабочий сунул револьвер в карман.

- Не за тем, - ответил, - мы за тобою от самого Мурманска охотились, чтобы здесь пристрелить... Нет, лейтенант! Суд будет. А я тебе - не судья, я только свидетель этому времени...

Издалека наплывал от Двины могучий рев на слободу, что притихла в синеватых сугробах.

- Не "Минин" ли? - прислушался рабочий, сразу посуровев.

Вот тогда Басалаго заплакал и поднял лицо кверху. Его глаза рыскали по окнам, отыскивая в последний раз лицо прекрасной женщины, которая уже никогда не будет ему принадлежать.

Но... что это? Чьи-то руки высунулись на мороз и деловито стали затыкать подушкой выбитое окно. Подушка была такая яркая, такая пестрая, словно - ее украли в цыганском таборе.

* * *

Я представляю себе всю глубину отчаяния лейтенанта Басалаго, если бы он тогда, лежа на снегу, вдруг узнал правду.

Эта правда была такая: ледокол "Минин", когда Басалаго арестовали рабочие, еще не ушел из Архангельска. Под напором пара в котлах он был уже готов вломиться в ледяные толщи фарватера.

Глава седьмая

Растеплело. Посыпало мягким снежком набережные и пристани. Сиреневая мгла зимнего вечера надвинулась на город, и золотым огнем

вспыхнули окна, глядящие на Двину, задымленную кораблями.

Очевидец пишет:

"Какая-то тревога нависла над городом... Гремят лебедки, слышны слова команды, сверкают огни бортовых прожекторов. К пристани то и дело подъезжают автомобили и высаживают самую разнообразную, но хорошо одетую публику. Тут и офицеры в британском обмундировании, и нарядные дамы в мехах, и дети, и какие-то упитанные штатские в дорогих шубах и зимних пальто. У всех на руках - дорожные чемоданы, корзины и баулы".

Шла посадка. Эвакуацией руководил британский подданный Томсон (он же Георгий Ермолаевич Чаплин). Раненых не брали.

Каждый, ступив на трап, тщательно проверялся по спискам, после чего, получив ключ от каюты, вычеркивался из списка.

- Кажется, все! - заметал Чаплин-Томсон. - Даже больше, чем надо. Кое-кто проскочил за деньги, но эта вина не моя, а - ледокольной команды. Не явился на борт еще генерал Миллер, оставить которого здесь было бы просто смешно. И... куда-то пропал американский гражданин Мишель Басалаго, черт бы побрал этого Мишку!

- Американцы всегда опаздывают, - заметили кавторангу с ядом. - Вы же знаете, что их никогда не дожدهшься...

На автомобилях, на пролетках, на ломовых извозчиках, на мотоциклах, пешком или бегом, с вещами или без оных, - все стремятся к набережной. Как ни пытались засекретить свое бегство, весть об этом все-таки прорвалась наружу и поселила в сердцах многих отчаяние, близкое к ужасу. Скоро пристань перед ледоколом оказалась забитой людьми, которые требовали:

- Откройте трюмы... Не надо кают - мы согласны в трюмах!

Чаплин-Томсон тихо велел командиру ледокола:

- Разверните пулеметы на берег. Держите их на прицеле...

Тогда офицеры - те, которых бросали сейчас на произвол судьбы в Архангельске, - куда-то сбегали и приволокли на своих плечах пулеметы. Тонконогие "кольты" и "льюисы" выстроились на берегу, уставившись рыльцами на ледокол... Обстановка накалена была до предела, так и жди, как бы не полоснули затяжной!

- Где же Миллер? - бесился Чаплин. - Он губит сам себя...

Среди белогвардейских офицеров уже замелькали красные бантики в петлицах пальто рабочих. Рабочие вооружены тоже, - это видно хотя бы по тому, как они держат руки в карманах, поглядывая на ледокол - с ненавистью. Вдалеке дымит "Ярославна", до самого днища утисканная

беглецами и тоже готовая сорваться в путь - по фарватеру, который пробьет во льдах "Кузьма Минин". А еще дальше вовсю дымят, набирая пары, "Сусанин" и "Канада" (ледоколы, вооруженные артиллерией, но настроенные большевистски)...

- Дело плохо! - определил обстановку Чаплин-Томсон.

И вдруг лязгом рвануло с Троицкого проспекта. В окружении двух танков и верных преторианцев-датчан, составлявших личный конвой генерала Миллера, показался автомобиль его превосходительства.

Евгений Карлович продирался через толпу офицеров и на все требования отвечал только одно:

- Я здесь никто... частное лицо, не больше. За меня полковник Констанди... Каютами я не ведаю - Чаплин, только он!

Напротив имени Миллера тоже проставлена жирная птичка.

- Можно отходить. Ваша каюта возле мидель-шпангоута, как вы того и желали. Там вас меньше будет трясти во льдах...

"Минин" берет "Ярославну" на буксир. Тут лукавый попугал Евгения Карловича на прощание с Россией, - наверное, вспомнился ему энергичный Роулиссон, и тень этого союзного генерала от эвакуации снова завитала над мачтами и крышами Архангельска.

- Ну-ка, - сказал Миллер, - отстучите на "Сусанина" и на "Канаду", чтобы пристраивались в кильватер. Нечего им тут оставаться с большевиками. Корабли хорошие, еще пригодятся на черный день...

Не получив ответа, Миллер велел распушить их снарядами.

Стреляли - здорово, сразу видать мастеров своего дела.

Целились по ледоколам, а попали прямо в пристань.

Так и врезали по пристани, где толпились офицеры Миллера!

Со второго залпа разнесли по кирпичику жилые дома вдоль набережной... Крики, дым, кровь на снегу! Возле причального кнехта ползал раненый в живот поручик; между красных его пальцев студенисто и противно просачивались кишки.

- Какой я дурак, - говорил он, - ну какой же я дурак... Зачем мне все это? Господа, ради чего мы сражались? Они же нас, они нас... меня, меня! Отомстите!

Констанди тоже был на причале, провожая уходящих.

- Теперь, - сказал он, увидев раненых, - давайте, господа, покажем им, как надо стрелять точно...

И офицеры ("мои доблестные товарищи", как называл их Миллер в приказах) показали Миллеру, как надо стрелять. Веером прошли очереди над Двиною, коснулись палуб "Минина" и "Ярославны", - с мостика

кораблей смело все командование.

Полковник Констанди распорядился:

- Бегите кто-нибудь на "Канаду" и передайте команде, чтобы они даром времени не теряли. Скажите, что я прошу их следовать вдогонку за Миллером и вступить с ним в бой!

Тяжело сотрясая речные льды, пасмурно и мрачно, протекла черным бортом "Канада". Но еще до боя с нею Миллеру пришлось пережить немало трудных минут... Едва "Минин" вломился в заторы льда за Соломбалой, как его стали обстреливать рабочие. Теперь положение было просто аховое: с одного берега по ним палили рабочие предместья, а с другого - поливали огнем свои же офицеры.

Артиллерийская дуэль закончилась тем, что "Канада", более слабо вооруженная, отошла. Сизая мгла сомкнулась над черной водой, в которой плавали рыхлые куски битого дробленого льда.

Ушли...

А фронт, стоявший против Шестой армии большевиков, побежал.

Бежали лесами - на запад, в Финляндию, в Европу, на Мурман.

Над растерянными профсоюзами Архангельска выросла фигура полковника генштаба Сергея Петровича Констанди...

Очевидец свидетельствует:

"В домах Троицкого проспекта и благоустроенных домах Немецкой слободы в эти дни царили страх, молчание, тишина. Еще недавно сияющие огнями, ликующие и оживленные, они теперь словно вымерли. Шторы на окнах были задернуты наглухо, и жуткое молчание царило в затихших комнатах. Но зато в небольших домишках и бараках лесопильных заводов и бедных районах города гремели революционные песни..."

Итак, дело за Шестой армией...

Где же ты, Шестая? Тебя как ждут!

* * *

Звонок по телефону. Констанди попросили к аппарату:

- С вами будет сейчас говорить станция Плесецкая...

Сергей Петрович медленно поднялся из-за стола. "Плесецкая? Нет ли ошибки?" Ведь на станции Плесецкая, полковник знал это точно, стояли три бронепоезда большевиков.

- Нет, именно вас!

Он подошел:

- У аппарата полковник Констанди.

В ответ - голос:

- С вами говорит комиссар армии и работник ВЧК Самокин... Именем

Советской власти приказываем: прибыть срочно на станцию Плесецкая!

- Слушаюсь, - по-военному четко ответил Констанди. А отойдя от аппарата, вытер пот - предсмертный.

- Неужели вы поедете? - спросили его.

Констанци чуть не дал пощечину за подобный вопрос.

- А неужели не поеду? - ответил он. - Как вы смеете думать, что полковник Констанди трус? Поеду...

Он попрощался с женой, с детьми.

- Сережа, - убивалась жена, - умоляю... лесом, лесом! Еще можно за деньги достать сани. Наши дети... подумай!

- Вот ради наших детей и поеду...

Шумом и гамом оглушила его Плесецкая - боевой лагерь Шестой армии. Скромный состав из Архангельска вклинился в бестолочь станционных путей, в неразбериху военных теплушек.

Полковник Констанди - в офицерской бекеше, с мерлушковой папахой на голове - долго крутился по перрону.

- Как мне найти товарища Самокина? - спрашивал.

Его провели к Самокину.

- День добрый, Констанди, я вас жду. Садитесь, пожалуйста... Рассказывайте, что там у вас в Архангельске?

- Здравствуйте, - ответил Констанди и долго рассказывал.

Самокин все внимательно выслушал.

- Ну-с, - сказал, - теперь дело за вами...

Констанди рванул с пояса кобуру, швырнул оружие на стол.

- Я понимаю, - ответил. - И я... готов!

Самокин спрятал оружие в стол.

- Это замечательно, что вы готовы...

- Куда идти? - спросил его полковник.

- Вы... о чем?

- Я же понимаю: меня сейчас - под насыпь!

- Вы ошиблись, - возразил Самокин даже с какой-то заметной обидой в голосе. - Мы вас под насыпь не бросим. Мы имеем приказ... Строгий приказ из Центра, от нашей партии.

- И что же в этом приказе, если не секрет?

- Секрета нет... А приказ таков: не мстить.

И тогда Констанди рухнул как сноп. Он не выдержал...

Когда же пришел в себя - сказал:

- Извините за слабость... Но ведь вам, наверное, известно, что именно я, полковник Констанди, возглавил недавнее наступление на вашу Шестую!

И вы бежали... бежали от меня!

- Так что с того? - ответил ему Самокин. - Вы же - солдат. Вы были одним из самых опасных наших врагов. Но вы только... солдат! Вы не предавали русский народ, вы не участвовали в заговорах против Советской власти. Вы только воевали с нами. За это мстить вам мы не станем! ВЧК покарает тех, кто вел себя преступно по отношению к народу... У вас семья?

- Да. Семья.

- Можете позвонить от меня жене. Она, конечно, волнуется, я ее хорошо понимаю, - сказал Самокин.

Констанди подключили на архангельский провод.

- Это я, - выговорил он. - Дорогая, я тебя обнимаю. Обними и наших детей. Я здесь... Нет, нет, это я... это я!

И передал в растерянности трубку Самокину:

- Она не верит, что я жив... Убедите ее сами!

Самокин перенял трубку:

- Полковник, назовите мне ваше любимое блюдо... к ужину!

- Пилав... еще по службе в Ташкенте привык.

- Алло! - произнес в трубку Самокин. - Мадам Констанди, с вами говорят из ВЧК... Нам желательно, чтобы к вечеру, к возвращению вашего супруга, вы приготовили ему ташкентский пилав, как это вы одна только умеете... До завтра, мадам!

После чего Самокин отдал Констанди распоряжение:

- Сейчас вернетесь в Архангельск и приготовите все к приходу частей Красной Армии. То есть: оружие должно быть собрано, проверено, смазано, отремонтировано. Составьте опись всех воинских чинов. Каждый солдат и офицер бывшей армии Миллера обязан осознать свое прошлое... Нет, мы, повторяю, мстить никому не будем. Так и передайте вашим людям.

- Что же будет с нами далее?

- Будете работать. По восстановлению всего, что разрушено за годы войны. Если же вас не устроит жизнь в новой России, можете покинуть ее. Насильно держать в стране социализма мы никого не станем...

Констанди долго стоял с опущенной головой:

- Если бы мы знали... Если бы мы только знали все, что вы мне сейчас сказали. Поверьте! Мы бы не держали свой фронт так упорно все эти проклятые годы, в крови и вшах!

- Теперь об этом говорить уже поздно, - ответил ему Самокин. - Вы этот фронт держали, вы этот фронт и сдали. Исторически этот проклятый вопрос сложился именно так...

Констанди повернулся к дверям, но Самокин вдруг задержал его:

- Впрочем, постойте... Вам предстоит работа ответственная, со стороны своих же людей вы можете встретить и сопротивление. Я понимаю, что оружие вам сейчас пригодится. Возьмите его! А когда мы придем в Архангельск, вы его сдадите. Вместе со всеми. По списку. Уже вычищенным. Как и положено...

Полковник вернулся в Архангельск, шатаясь от сознания того, что он жив. Не сон ли это?.. И пожалуй, еще никогда Констанди не исполнял так ретиво приказа - приказа большевиков.

Оружие было собрано. Войска построены. Все ждали...

Члены Архангельского правительства, между прочим, рассылали по миру поспешные радиogramмы, обвиняя Миллера в диктатуре, алчности, кровожадности и прочих грехах.

* * *

Радиостанция ледокола "Минин" все эти вопли перехватывала своими антеннами, и генерал Миллер внимательно изучал проклятья, посылаемые ему вдогонку из Архангельска.

- Но это нечестно! - возмущался Евгений Карлович. - Я обязательно выступлю в печати с мемуарами и опровергну все эти подлые выдумки. Этот номер им не пройдет! Я буду апеллировать к генералу Пулю и Айронсайду... к послам Линдлею, Нулансу, маркизу Мамура, Спалайковичу и Френсису. Я не расстреливал никого, - это они, сукины дети, расстреливали!! А если бы я победил большевиков, так они бы меня благословляли... Я знаю эту компанию!

Наконец пришла радиogramма, обвинявшая генерала в ограблении кассы трудящихся.

- Каких трудящихся? - удивился Миллер. - Что с них взять-то, с этих трудящихся! Сами же их обчистили, а на меня сваливают. - И он расстегнул свой кошелек. - Передайте открытым клером в эфир, пусть весь земной шар знает, что у меня в кошельке пять долларов, два фунта британских, три франка и один золотой имперский - как амулет моей маменьки... Всё!

И кошелек закрылся (все надежды на гонорар с мемуаров).

"Ярославна" дала течь: борта ее не выдержали натиска острых торосов, расколотых впереди ледоколом. Что делать? Там были беглецы, просили поселить их хоть в трюмы "Кузьмы Минина".

- У нас и без того негде повернуться... - волновался Чаплин. - Куда я их дену? В каютах спят на головах друг у друга...

Течь усиливалась - яхта жгла фейерверки, прося о помощи.

- Ладно, - решил Миллер, - будем принимать на борт только тех, кто

сможет обеспечить свое существование в эмиграции...

Принимали по кошельку: у кого много - садись, у кого жидко - оставайся на "Ярославне", которая вернется в Архангельск. Много разыгралось трагедий на морском льду, много было слез и вечных разлук... На лед неожиданно прыгнул эсер и экс-министр народного просвещения Борька Соколов.

- Куда? - закричал ему Чаплин.
- На "Ярославну"... как-нибудь выкручусь.
- Постой! - звали его с ледокола.
- Ты же был секретарем и другом Керенского...
- Плевать, - несло со льда.
- Ты издавал в Париже "Бюллетень" против большевиков...
- Плевать, - уже тише.
- Тебя не помилуют, как нашего министра...
- ...а-ать! - и все затихло.

Сгорбив плечи и сунув руки в карманы пальто, уходил в сторону "Ярославны" экс-министр Борька Соколов. С ледокола прыгнула еще какая-то тень и быстро побежала по льду - прочь...

- Пристрелить бы их, пока не поздно, - сказал Чаплин. - Но теперь это ни к чему: пусть посидят в казематах Чека.

Корабли разошлись - навсегда...

Миллера занимала сейчас позиция лорда Керзона:

- Будет демарш с его стороны или не будет? О чем думают там эти англичане?

На подходах к Горлу ледокол перехватил радиogramму, уже советскую: на всем Севере отменялась смертная казнь, реввоенсовет Шестой армии призывал офицеров и солдат армии Миллера бросить оружие и включиться в общую борьбу с жестоким врагом No 1 - разрухой, голодом, холодом...

Ледокол грузно ломал льды - впереди лежала мгла, которую было не разрушить форштевнем. Ветер, тоска, коньяк, смятение...

* * *

Ах, Россия! Как высоко замело тебя снегами, снегами, снегами.

Свистят провода над сугробами, а по ним, тонким и стылым, - выкрики борьбы, возгласы побед и стоны поражений; все это слушает сейчас мир по проводам. А выше - бездонная прорва неба, черная или багровая, и там уже царствует новое детище Человечества - эфир...

20 февраля отзвуки победы ликуют в промерзлой меди, что стелется над мостами и паднями, течет в лесу - через медвежий бурелом, ухлестывает напролом - в беличью снеговую синь.

Послушаем и мы, коснувшись провода:

"Катя родила, а Ваню повесили. Целую".

"Губисполком просит к открытию съезда десять пачек курительных папирос "Мечта" для товарищей делегатов".

"Третий путь свободен, воды нет, замерзла".

"Срочно высылайте пулеметы, кулаков расстрелять".

"Шенкурск покорно признает власть Советов и просит мыла"...

Все это - не то, не то, и радиотелеграфист задерживает сумбурный поток. Сейчас провод свободен для главного. Течет весть - благая весть! - в потоке электронов через Вологду, она рвет все препоны, бежит над крышами подмосковных дач, добираясь до стен Кремля... И весть эта ложится на стол в кабинете Ленина. "Сегодня в час 154-й Красный полк вступил на посрамление мировой буржуазии, на радость международному пролетариату в советский Архангельск. Население встретило восторженно - хлебом-солью... большие склады военного снаряжения и продовольствия находятся в полном порядке... Б городе порядок образцовый. Мезень - Пинега, куда сообщили по радио, что введена Советская власть в Архангельске, восторженно приветствуют советские войска за освобождение от гнета насильников..."

Один из фронтов войны за Советскую власть - самый недоступный, самый жестокий, самый сложный - был торжественно закрыт под Архангельском. Оставив гарнизоны в кулацких селах и лесных городишках, войска Шестой армии быстро шли на переформирование, чтобы, отдохнув и обновив оружие, рвануться на другие фронты.

А на площади Архангельска остался стоять английский танк.

Он так и стоит - до сих пор. Его берегут.

Его берегут музейные работники. Это история.

А историю всегда надобно уважать.

Глава восьмая

Ночной мрак был разбросан, вместе со льдом, впереди по курсу. Снаряды из носовой пушки, склоненной к борту, рвали ледяной пласт. Ледокол с грохотом влезал косым штевнем на лед, сизая толщь, не выдержав тяжести корабля, шумно трещала под его днищем, и машины рвали "Минин" опять на лед.

И так раз за разом - скрежет днища, треск льда, покачивание, снова удар и наплзание на лед. Все содрогалось на "Минине", объятom ночью, и по каюте катались бутылки из-под коньяка. Генерал Миллер велел пробить эту ночь позывными мощной радиостанции: когда же, черт возьми, англичане раскachaются с демаршем?

Да, лорд Керзон, уступая просьбам Миллера, обратился к Наркоминделу РСФСР с дипломатическим демаршем - весьма странным. "Вы легко поймете, сообщалось в ноте, - что, ввиду того, что правительство Его Величества больше года в широкой степени ответственно за питание (?) и общее благосостояние (?) населения Северной области, в Англии создалось бы особенно тяжелое впечатление, если бы Советская власть прибегнула к суровым репрессиям против населения..."

Евгений Карлович Миллер сразу успокоился.

Он перехватил бутылку, ползавшую по столу, налил коньяку:

- Запросите Мурманск: готовы ли там принять нас?

* * *

Мурманск был готов. И принять и поставить Миллера к стенке.

На громадном просторе, почти от самого Петрозаводска до древней избушестой Колы, раскинулась белая армия, уже не имевшая вождя. Мурманск последняя отдушина, через которую еще можно бежать до Лондона, Парижа и дальше - вплоть до прерий Австралии, даже в сельвы Бразилии...

Чесменская радиостанция на Горелой Горке денно и ночью держала связь с ледоколом "Минин", на борту которого собрались люди - не чета Ермолаеву. Но Ермолаев не бежал, и его резолюция: "Схватить заговорщиков и уничтожить их путем утопления!", - эта резолюция для мурманских подпольщиков еще оставалась в силе. Ермолаев велел лейтенанту Юрасовскому приготовить орудия своего эсминца к огню.

- Так... на всякий случай, - сказал генерал-губернатор, вдруг ощутив себя самым главным на русском севере.

20 февраля, едва дошла до Мурманска весть о падении Архангельска, собрались в вагоне у Безменова мурманские большевики; здесь же был и Цуканов с "Ксении"; покуривал, весь настороже, машинист Песошников: он был старше всех по возрасту, многое повидал...

- Точка! - подал он голос в конце собрания. - Павел, ты пока помолчи, я скажу сейчас... Они, - он кивнул на дверь, - тоже не пальцем деланы, соображают... А что, если завтра? - И повторил: - Завтра!..

В ночь на двадцать первое ударили в окно казармы пленных красноармейцев, работавших в порту на разгрузке. Вскинулась белая тень за окном, припала к стеклу, продышав изморозь толстыми губами.

- Завтра, - сказали. - В полдень, по сигналу. Как выстрелит пушка на "Юрасовском" - так и начинай...

Завтра... завтра! День вставал над океаном, текли ветры вдоль каменного коридора залива. Отбили склянки на "Юрасовском", долго и

нудно звенела на морозе чугунная рельса, призывая рабочий люд по местам. Расходились, согнутые от холода; под локтем каждого зажаты обернутые в газетку плоские завтраки - хлеб с маслом, конфетка к чаю. Казалось, день как день, он не сулит тревог особых - случайных. Рывкали, как всегда, маневровые, толкая через стрелки опостылевшие вагоны, которые расшатанно мотало на ослабленных стыках.

В полдень - четыре двойных динь-дона: склянки. И опять гудела рельса, зовущая на обед. Но выстрела с "Юрасовского" не было (почему?). Такелажники в порту с кровью сдирают с ладоней брезентовые рукавицы. Тросы - дрянь, старье, в кольшках и ржави, немало докеров уже потеряло себе руки на этом деле. Замирают в ковше гавани паровозы, дружными ватагами ломит люд в пропаренные, как баня, столовки, тошниловки и харчевни. Многие пьют водку, - эти еще ничего не знают (пусть пьют).

Пленные красноармейцы, заломив шапки на ухо, разнесли по столам тарелки с супешником. Не присев, будто сорвались с голодного острова, быстро работали ложками, скоро черпая одну лишь гущу.

- Давай, - говорили, - размазывай. Успеть бы только горячего навернуть. Чтобы не с холодным пузом в драку залазить...

- Эй, ребятушки! - звала их повариха. - Вам картоплю?

- Некогда, мамашка... вечером доедим. - И пленные, толпясь в дверях, выскочили.

Выстрела не было (почему?). На смену пленным заталкивались в столовку, развозя валенками грязь по полу, портовики и солдаты гарнизона. Со звоном, с матюгами разбирали мятые миски, рвали у судомоек жирные мокрые ложки, выskalзывавшие из рук, словно рыбки, только что пойманные.

- Двигайся! - орали в очереди. - Чего, дурак, в "меньку" сунулся? Нешто барин такой, будто в ресторан пришел... Еще читает!

Эти тоже ничего не знали. Час - выстрела нет (почему?). Те, у кого нервы послабее, уже перебежали в одиночку на "Ксению" - под защиту высоких стальных бортов.

Как раз в этот час, когда Мурманск еще обедал (когда и Ермолаев обедал тоже), машинист Песошников решил выстрела не ждать. Шагнул прямо в казарму комендантской команды. Оглядел лица солдат и подмигнул.

- Не дрейфь, - сказал. - Убытку не будет, завертим дело... По улицам комендантские шагали врозь, неся оружие. К ним уже привыкли (с ними и сам Дилакторский не мог справиться), а разброд строя не привлекал внимания. От Шанхай-города к ним примкнула колонна пленных

красноармейцев, и в руках блеснули автоматы, купленные на проклятой толкучке мурманской барахолки! Пять рублей - не деньги на Мурмане: а кому жаль пятерки на такое великое дело?..

- А вот теперь, - рассудил Песошников, - теперь стройся!

Строем развернулись на столовку, подошли колонной, а там посреди взбаламученных столов, уже митинговал Павлуха Безменов.

- Решайтесь! - говорил он. - Кто не верит - в окно посмотри. Вот комендантская команда - она с нами! Вот ваши товарищи красноармейцы - они с оружием тоже! Или сегодня же власть Советов на Мурмане, или... беги вслед за Миллером!

Его смяло напором тел - все полезли в двери.

- Постой, милоч! - орали. - Чего ране молчали? Дай до барака досигать, там у меня все есть, что надо...

От барakov и от вагонов сыпали обратно, уже вооруженные.

Приказ "Схватить заговорщиков и уничтожить их путем утопления", - этот приказ еще оставался в силе... Ну и пусть!

- Пошли!

Тремя отрядами, подняв красные флаги, повстанцы взяли склады с оружием. Пошли щелкать выстрелы - сначала пробные. Себе на радость. Вроде играли! Навстречу им была брошена милиция Мурманска... Но уже заливались за сопками колокольцы пожарных машин: с крючьями и топорами пожарные спешили на выручку восставшим, и милиция сразу сдалась.

Кругами расходилось восстание - шире, шире, шире...

Славяно-Британский легион отстреливался, уходя в сопки на санях. В бой вступило ополчение ("крестики"). Палили с хохотом - как-то весело, и даже кровь на снегу, первая кровь, не страшила людей. Это настроение передавалось и белым солдатам: они высаживали пулю за пулей в небо, - мимо, мимо, мимо...

- Эй, - орали, - кончай трепаться... Чего делать-то нам?

- Подымай руки, паразит, будто сам не знаешь, что делать!

И руки поднялись... опять с хохотом.

Вот это было здорово!

* * *

Василий Васильевич Ермолаев затолкал за ворот мундира хрусткую салфетку, когда раздались первые выстрелы. Он к ним привык (на то и Мурманск, чтобы в нем стреляли) и спокойно почерпнул ложкой янтарную уху из свежей рыбы.

- Конечно, Борис Михайлович, - сказал он Брамсону, - женщины

вносят слишком много осложнений в мужскую жизнь...

- А стреляют уже пачками, - заметил Брамсон, и его большое ухо, сиреневое от холода, было повернуто в сторону окна.

- Не обращайтесь внимания, - посоветовал генерал-губернатор, с аппетитом поглощая уху. - Эти Эллен и Дилакторский, словно малые дети, всегда стреляют не вовремя...

Брамсон оставил ложку и, сказав:

- Прошу прощения... - стремительно вышел.

Он вышел, даже не накинув пальто, огляделся и быстрыми шагами делового человека - прямо на борт парохода "Строитель". Здесь, кажется, было спокойно, и он вежливо попросил капитана:

- Милейший, добросьте-ка меня до Александровска...

Где-то там стреляли, где-то там осталась Матильда Ивановна (усатая Брамсиха, подло ему изменявшая), а впереди лежал фиорд, как всегда широкий, и - Александровск... Дальше, за Кильдинским плесом, следовал разгул океана - Европа!

Об этом знал и Ермолаев, оставшийся над тарелкой с ухой, которую он не доел. Эта уха была его последней в жизни...

- Алло! - кричал он в трубку телефона. - Это вы, поручик?

Эллен ответил ему.

- "Строитель" ушел с подлецом Брамсоном... только что!

- Как ушел? Куда? Только что сидел у меня за столом...

- Пробивайтесь с оружием в сторону "Ломоносова"! - кричал Эллен. - Я прикрою вас из окна "тридцатки" своими пулеметами!

- Где Дилакторский?

- Не знаю...

- Что происходит в Мурманске?

- Не знаю. Но, кажется, уже произошло...

- Да перестаньте! - ответил Ермолаев и велел соединить себя береговым проводом с "Юрасовским".

Вот точный ответ военного дисциплинированного человека:

- Лейтенант Юрасовский, командир эскадренного миноносца "Лейтенант Юрасовский", у аппарата.

- Расшибайте Мурманск из главного калибра, чтобы тут камня на камне не оставалось... Слышите, лейтенант? Разбейте все бараки, разнесите вагоны на путях - эту заразу большевизма!

- Так точно, слышу. Я вас понял.

- Повторите!

- Есть развернуть главный калибр на город.

- Вы отвечаете головой.
- Есть отвечаю головой...

Хрустящая салфетка еще торчала из-под ворота мундира, а Ермолаев спешно надевал галоши, тянул на себя тужурку авиатора, повязывал шею шарфом (а салфетку вырвать забыл).

К нему пробилась Зиночка Каратыгина, преданно и нежно поцеловала ему руку.

- Я с вами, - сказала, - я согласна... на "Ломоносов"!
- О чем вы, сударыня?
- "Строитель" ушел, - лепетала Зиночка хорошеньким ротиком. - Остался один "Ломоносов", и я с вами... на всю жизнь. Вы просили меня на коленях, и я... я согласна... ради вас. Оцените!

- Ценю, - сказал Ермолаев, снова срывая трубку. - Это контрразведка? Эллен, это вы?

- Контрразведка слушает, - ответили ему.
- Слава богу... Кто у аппарата? Хасмадуллин?
- У аппарата большевик Павел Безменов... чего надо?
- Где поручик Эллен? - растерялся Ермолаев.
- Где подлец Брамсон? - заорал на него Безменов. - Ты нам своей башкой ответишь, если Брамсон уйдет от нас...

И грохнули трубкой - не стали разговаривать дальше.

Ермолаев повернулся на каблуках, сунул руки в карманы.

- Сударыня, - произнес он, слушая, как трещат выстрелы, - надо же быть благоразумной... Вы еще молоды, а я уже стар для вас. Ты убереешься отсюда или нет? - заорал вдруг, теряя терпение...

В окружении офицеров пробивался к штабу Дилакторский. Его убили на пороге крыльца - штыками. Бросая перед собой гранаты системы Новицкого, сотрясавшие землю, офицеры уходили - задворками - в тундру! Ермолаев видел все из окна и...

- Вы еще не ушли? - спросил он, поворачиваясь.
 - Подлец... все мужчины подлецы! - заплакала Зиночка.
- Ермолаев достал револьвер, царапнул им себя по виску.

Но в этот момент он заметил, как дрогнули орудия на "Лейтенанте Юрасовском", поползли вдоль гавани, нащупывая бараки и бестолочь вагонов.

Условного выстрела с эсминца в полдень не было (почему?).

Раздался выстрел - с борта "Ксении", и лейтенант Юрасовский, командир эсминца его имени, полег замертво у телеграфа, хватаясь стынувшей рукой за боевой манипулятор. Орудия миноносца вернулись в

диаметральную плоскость. Они встали снова на "нуль", как и положено им стоять в мирное время...

Ермолаев резко повернулся к распахнутым дверям.

- Только не стреляйте, - быстро заговорил он, - только не надо стрелять. Поверьте, это совсем ни к чему!

- Да не суетись, - ответил ему машинист Песошников и показал бумагу, обтерханную по краям, которую он извлек из-за голенища своего сапога. Видишь? - спросил. - Закон?

- Что это? Не понимаю...

- Мандат, - ответил Песошников. - ВЧК!

- Позвольте, - стал пятиться Ермолаев, - позвольте... К чему эта комедия! Ведь вы меня не раз на паровозе возили!

- Прощу! - показал Песошников на двери. - Повезем дальше...

Его вели по улицам, салфетка торчала из-под мундира, облитая янтарным жиром вкусной ушлицы, а он все твердил прохожим:

- Спокойно, только не надо стрелять, не нужно стрелять... Зиночка Каратыгина с воем ворвалась к себе в избу, рухнула на постель - в атлас, в пух, в негу. Она рыдала и не сразу сообразила, что мужа ее давно нет. А вместе с Петей Каратыгиным - чтоб он потоп, проклятый! - исчезли и все капиталы...

Надо отдать должное мурманским дельцам: они умели уходить тютелька в тютельку. Женщины их мало волновали!

На Ростинской пристани, что немного севернее Мурманска, Эллен с наслаждением раскурил папиросу. Хасмадуллин пропал, а вместе с палачом исчез и чемодан Эллена, стоявший всегда под кроватью поручика. Хорош Хасмадуллин! Ну, попадись он теперь... Мимо Росты, разводя пары, спешно проваливал на север - в сторону эмиграции - пароходишко "Ломоносов", и на палубе его толпа людей суматошно палила в небо, рассылая салюты.

- Эй, на "Ломоносове"! - звал их Эллен. - Подойдите к пирсу, я жду... Эй! Вы что, не слышите, сволочи?..

Все прекрасно слышали. Но подходить не стали. Драпали.

Откуда-то с горы, раздерганный, потный, в шинели без хлястика, скатился на пристань сэр Тим Харченко. Тащил он на своем горбу такой громадный куль имущества, какой в пору тащить бы волу... Свалил пожитки на доски причала, перевел дух.

- Это как понимать? - заявил он Эллену. - На што же мы вас кормили, одевали, обували? Контрразведка такие тышши от народа трудового имела... и прохлопала?

- Не ори, - ответил Эллен, - а то пришлепну тебя как жабу. Не ори, повторил с угрозой, опираясь на стек (поручик почти не волновался: он трезво обдумывал положение).

- У тебя, комиссарчик, - спросил небрежно, - деньжата есть?

- Деньги? - пыхтел над своим узлом Харченко, передвигая его с места на место. - С чего у нас деньги? Только было стал разживаться, только в тело вошел... А вы профукали все завоевания нашей революции!

Эллен усмехнулся. Ногою в ярком сапоге, слушая далекие выстрелы, он разворошил громадный узел Харченки. В цветистом шелковом одеяле был увязан набор казенных простыней с метками Кольской роты, которой Харченко когда-то командовал; лежали тут серебряные ложки, где-то краденные, еще какая-то ерунда... Все это было мелочь, чепуха!

- Это и есть твои "завоевания революции"? - спросил Эллен равнодушно. - Жидко пляшешь, Харченко: алчность в тебе имеется, а вот вкуса к жизни нет... Это, брат, наследственное!

И ногою, как футболист, врезал поручик по узлу Харченки, - барахло закачалось на волнах, намокнув и быстро утопая.

- Не надо выть, - сказал Эллен комиссару. - Я думал, ты в человека здесь превратишься, а ты - крохобор несчастный...

К ним, затаенно крадучись, приближался Каратыгин.

- А где "Ломоносов"? - спросил еще издали.

- Вас ждал, - ответил Эллен. - Надоело ждать, и - ушел. Каратыгин опустил на доски тяжелый чемодан и внимательно посмотрел на плачущего Харченку; потом сказал поручику:

- Торговали - веселились, подсчитали - прослезились. Слушай, комиссар, а ты чего ревешь как корова?

- Тряпки жалеет, - небрежно ответил Эллен, зорко озираясь по сторонам. - У него тут одеяло было одно хорошее, ложки с офицерского табльдота, краденые... Еще что-то!

- Кому что дорого, - трагически отвечал Тим Харченко. - Мы не какие-нибудь, чтобы... Мы свое, кровное!

Каратыгин, прислушиваясь к спору, присел на чемодан.

- Чего расселся? - вдруг звонко выкрикнул Эллен, и Каратыгин вскочил, пальцы его тряслись. - Два шага вперед... арш!

Безотчетно повинувшись этому окрику, Каратыгин сделал два шага вперед. Третьего ему уже не пришлось делать никогда в жизни. Нога поручика вскинулась и ударила его в спину, - всплеснула вода под пирсом. Три четких выстрела, - конец!

Каратыгина не стало. Харченко даже рот раскрыл...

- Спокойно, - сказал Эллен, наведя на него браунинг.

- Я спокойно... - отвечал тот.

- Открой чемодан.

Харченко, косясь на браунинг, открыл каратыгинский чемодан и ахнул: плотно лежали там пачки английских фунтов.

- Закрой! - велел ему Эллен, на глаз определив ценность. - Сразу видно, что покойник, помимо алчности, имел вкус...

Харченко торопливо застегнул чемодан и выпрямился.

- Теперь - вскинь рундук на плечо и шагай смело.

Чемодан взлетел на погон "химического" прапорщика.

- Куды следовать? - спросил Харченко страшась.

- Куда я тебе скажу...

- До Александровска бы!

- Не ерунди. Пока бредем по берегу, пока фиорд пересечем, большевики будут уже в Александровске... Вперед!

Харченко шагнул, и его мотнуло от тяжести чемодана справа налево, потом слева направо. Эллен помог ему приобрести равновесие, добродетельно ткнув браунингом в спину - между лопаток.

- Не путайся, мой комиссарчик, - сказал он, впадая в мажор. - Ни писать, ни думать тебе больше не придется. Вдохновлять массы в твоём лице буду отныне я!.. Мне просто нужна грубая гужевая сила, представленная здесь твоим пролетарско-крестьянским происхождением... Откуда ты сам-то будешь?

- Из-псд Полтавы, - прохрипел Харченко, изнемогая.

- Прекрасные места... Что у тебя там было?

- Хуторок был.

- Оно и видно... Хохлы проклятые! Без хуторка не можете. Небось и здесь хозяйством успел обзавестись?

- Было... домик был, - снова всплакнул Харченко. - Все как у людей. Мы в важные не лезем. Нам бы по-людски только. Как люди, так и мы... Такая уж моя философия!

С опаской они перемахнули дорогу, ведущую из Мурманска к бухте Ваенга, и пошли, утопая по пояс в рыхлом снегу.

- Армия не гарнизон, - сказал Эллен. - Армию не разбить так скоро. Она еще постоит за себя... Как думаешь?

- Как вы, - отвечал Харченко. - Наше дело - сторона.

- С умом отвечаешь, комиссар! Молодец...

Эллен рассмеялся и спрятал браунинг в карман своей длиннополой шинели.

Темнело над кладбищем, в стороне горели огни Мурманска, там катались вагоны - в музыке, в вихрях метели, в гармошечных визгах..

* * *

Успели уйти только два замызганных парохода - "Строитель" и "Ломоносов". Большевики подсчитывали трофеи: два эскадренных миноносца, ледоколы "Пожарский" и "Седов", посыльная "Соколица", плавмастерская "Ксения", десять рыболовных траулеров, две яхты, пять катеров, пароходные цистерны, мотоботы, пятьсот тысяч пудов муки, боезапасы, оружие и, самое главное, - город.

Город, порт, конечный узел великой магистрали!

Восстание было проведено с такой отвагой, с такой решимостью, что белая власть разбежалась. Гарнизон Мурманска не был разгромлен восставшими - гарнизон просто перешел на сторону восставших, и он-то и составил главную основу 1-го стрелкового Мурманского полка Красной Армии; в этот полк, стихийно выросший на скалах, вступали и рабочие. Это были бурные дни!

Люди вдруг поверили в себя: "Мы всё можем!" А верить было крайне необходимо: спиридоновцы держали фронт возле далекого Петрозаводска, между ними и Мурманском, засев на станциях, в городишках и на разъездах, еще жила, вооруженная до зубов, армия. Армия под командованием генерала Скобелевца! И еще никто не знал, куда она повернет? А вдруг, озлобясь, Скобелевца рванет всю эту ораву прямо на север, прямо на Мурманск? Чтобы подавить восстание! Чтобы пробиться к пристаням! Чтобы вырваться за границу - в эмиграцию...

Ладно, это еще вопрос будущего. А пока власть в Мурманске захватили... Честно говоря, писать об этом даже как-то неудобно. Но все же, читатель, ты знай правду: власть в Мурманске, после переворота, захватили опять Шверченки и Мишки Ляуданские, освобожденные восстанием из тюрем. Но теперь они пришли к власти в ореоле нимба мучеников, "узников капитала". И они потянули местный Совет, воссозданный на руинах интервенции, обратно, потянули Мурман вспять, в год восемнадцатый, причем следует признать, что эти люди очень цепко хватались за власть...

Песошников сказал Ляуданскому:

- Ну, что, Мишка? Старое-то еще тянет тебя за ноги?
- У меня старое во какое... голова, вишь, как поседела.
- Вижу, поседела. Лучше бы она у тебя поумнела! Покаторжничал ты изрядно - второй раз сажать тебя неудобно. А стоило бы...

Но все отлично понимали, что это уже последний вздох проклятого

"краевого прошлого" Мурмана. Между Мурманском и Спиридоновым бурлила белая армия, потерявшая выход к океану, она металась на дрезинах и бронепоездах и вдруг выкинула черное знамя с надписью: "Волчья сотня!" - это отчаяние... Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗВЕСТИЯ МУРМАНСКОГО СОВЕТА

Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов No 1

Понедельник, 23 февраля 1920 г.

Товарищи!

В 3 часа дня 21 февраля в Мурманске пала власть гнилой буржуазии. Настала пора нашей общей, коллективной работы. Власть, захваченную нами и принадлежащую нам, необходимо закрепить так, чтобы снова не сбиться с прямой дороги (!)...

Революционная волна, всколыхнувшая нас, должна пробудить в нас самосознание, должна не только дать нам частичный тактический успех, но обновить нас и придать нам энергии и воодушевления...

Трезвость, спокойствие, порядок, усиленная работоспособность, дисциплина - пусть будут нашим девизом в эти дни. Бесчинства, грабежи, самоуправство, пьянство - пусть отпадут безвозвратно. От этого проклятого наследства буржуазного воспитания нам пора отказаться..."

Шла запись в партию большевиков. Желающих было немало, и машинист Песошников читал на собрании условия.

- Первое! - говорил он в толпу. - Желающие вступить в ряды нашей партии приносят с собой рекомендацию двух членов партии.

Из зала выкрики:

- Ишь ты, да где их взять-то, членов этих?

- Большаков у нас, верно, раз, два и обчелся!

- Песошников, к тебе же и пойдем все за рекомендацией...

Машинист поднял руку.

- Чего психуете? - сказал. - Я еще не закончил чтения...

- Валяй, - одобрили, и стало тихо.

Песошников встряхнул в руке бумагу - белую в черной руке.

- Случай далее. Мы знаем, что членов партии у нас на Мурмане ничтожно мало. И мы учли это. А потому желающий стать большевиком может принести просто отзыв о себе. Отзыв от группы товарищей с работы своей. Но уже не от лица двух человек, а от лица пятнадцати человек... Ясно?

- Ясно! Катай далее.

- А дальше так, - говорил Песошников, посверкивая глазами. - Отзыв этот должен быть написан в таком плане, чтобы сообщили о прежнем и

нынешнем отношении твоём к Советской власти. А также о порядочности и человеческой честности... Жуликов нам не надо!

Тут многие приуныли: насчёт порядочности да честности за время интервенции было туговато. Песошников это понимал, но щадить никого не стал.

- Повторяю! - выкрикнул. - Человеческая честность и благородство души - главные условия для большевика... Всех остальных - не нужно! Алкоголиков тоже просим не беспокоиться: им дорога в партию, говорю это прямо, навсегда закрыта!..

От стола президиума метнулся к дверям Безменов, на ходу клея на макушку свою шапочку. Это все заметили - с весельем.

- Эх, сорвался! Видать, вспомнил, что выпить пора пришла..

- Павлуха! - остановил его машинист. - Ты куда?

- Постой, я сейчас вернусь. Мы тут одно забыли... "И как же могли забыть?" - переживал Безменов, расхрустывая снег валенками. Быстро дошагал до барачных флотской роты. В темных помойках, зловеще и мрачно, проступали норы дезертиров. Вынул пистолет и палил в небо, пока не вылезла наружу заросшая сивым волосом голова - словно чумовой показался.

- Ты кто? - прохрипел дяденька. - Чего людей будишь?

- Я большевик, - сказал Безменов. - А тебе, дяденька, не скушно ли там сидеть в кожуре от картошки? Выкладывай по чести: какой годик тамо-тко дремлешь?

- Кажись, на второй перебросило... А ты не шуми, - сказал дезертир, вертя башкой по сторонам. - Эдак-то власть придёт... и заломят тебе пятки к затылку!

- Вылезай! - И Безменов подал дезертиру руку. - Ты своё отвоевал. А власть, которой ты так боишься, давно кончилась... Третий день уже власть новая, понял?

Но не так-то легко было уговорить: народец тут жил пуганый.

- Эй, браток, - сказал дезертир, - мы бы и вылезли. Да ты, видать, плохо знаешь полковника Дилакторского... Он тебе пропишет по числу перьвое, будешь бегать да в зад себе заглядывать!

- Нет больше полковника Дилакторского.

- Эва! - причмокнул дезертир. - А живуч был человек. Мы его ево стреляли по ночам, да пули мимо отскакивали.

- Гробанули его штыками... штык взял его! Вылезай...

Дезертир сунулся обратно в нору, откуда тяжело и зловонно парило гниением пищевых отходов. И слышался из земли его голос:

- Гаврики, слышь, большак-то что сказывает? Не тока власть новая, но даже, бает, Дилакторке ноги вытянули...

Безменов встал на корточки, сунул голову в нору:

- Да вылезай, мать вашу... Вам-то, сукиным детям, тепло там сидеть, а каково мне на морозе вас уговаривать!

- Будем. Дай руку. Да отойди подале - мы богато завшивели...

Глава девятая

Всему личному составу белой армии Миллера, при условии добровольной сдачи, Москва гарантировала жизнь: всем ответственным лицам так называемого Северного правительства, а также высшему офицерству Москва разрешала: сложив оружие, свободно выехать из пределов советской России.

Таков был гуманный ответ Москвы на демарш лорда Керзона...

Но, таясь по лесам и разъездам, не вся армия Миллера сложила оружие. И тогда красноармейцы пошли вперед - на Мурманск. Взломанный ударами бронепоездов "Карл Маркс", "Гандзя", "Советская Латвия", фронт белых затрещал, колеблясь, словно рвали старую жесть, и - лопнул... 2 марта бойцы Мурмана, качая штыками, вошли в старинную Сороку, - впереди лежал город Кемь. Там их встретили гордые женщины Поморья словами, сказанными нараспев:

- Почти праздник-о-от тебе!..

Почти праздничное настроение было в красных войсках. Все, что когда-то сдавалось в крови и столах, теперь возвращалось обратно - лихо и весело, с шутками и переплясом...

9 марта бронелетучка "Красный Мурманчанин" миновала Кандалакшу, разбрасывая под откосами технику "волчьей сотни", и потянулась дальше - на север, мимо Имандры, мимо Хибин, - туда, откуда уже потягивало гигантским сквозняком полярного океана. И всю ночь Спиридонов блуждал по вагонам, переступая через спящих бойцов, сосал махорку - до ярости, до тошноты, до зелени в глазах.

Два паровоза, включенных в середину бронесостава, мощно толкали в ночь блиндированную грудь "Мурманчанина", и время от времени, подвывая сиренами, "Бепо" рвал перед собой мрак лучом прожектора. Мело за бортом вихрями, и казалось - это не бронепоезд, а корабль в ненастье, а там, за бортом, волны, суета, хлябь, все то прошлое, сумятное и беспокойное, что еще тужится накренить и обрушить. Сурово прощупывали пространство и время четыре пушки "канэ"; в люках, укрытые чехлами, покойно дремали остроносые настороженные пулеметы...

А Спиридонов все ходил и ходил по вагонам, слушал ночь, свистящую за броней - одиноко-тундряно; всюду храпели бойцы, лежащие вповалку, словно побитые. Ружья, приклады, штыки, мешки, ноги, руки, волосы, шапки - все это словно завязано в крепкие узлы и разбросано по вагонам - как попало, где попало.

Вот и рассвет - неласковый и хмурый...

Небольсин, зевая в ладошку, подошел к Спиридонову.

- Так и промучился? - спросил.

- Мучусь, - ответил Спиридонов - Переживаю... Ведь я никогда не видел этого Мурманска. Два года - чего только не было! - дрался я за этот город с ребятами. И даже не знаю - какой он? Вы вот тут все дрыхли, а я закрою глаза - и чудится: море, солнце, пристани, чайки, бабы с корзинами, а в корзинах тех - рыба, так и бьется, еще живая... Все это - как Севастополь! Расскажи, инженер, хоть ты, как там. Похоже?

Небольсин ответил ему:

- Совсем не похоже. Там очень плохо. Вагоны, бараки, рельсы, проводка, банки ржавые в снегу, все загажено и разворовано. Там все надо строить зарово. Города еще нет, совсем нет!

- Утешил... А что же там есть?

- Фундамент.

- Шутишь?

- Нет. Правду говорю. Отличный фундамент под город. Гигантская гранитная подушка под мхом. Мох сорви, и можно ставить город... Широкий, удобный, красивый. Овчинка будет стоять любой выделки: это же такое окно в мир! Сюда, к сим диким берегам, все гости мира будут к нам... Вот увидишь, Спиридонов!

Иван Дмитриевич рассмеялся - невесело:

- Да уж побывали... гости. Не хватит ли?

- Я говорю о гостях других. Гость - такое хорошее слово. Гость приходил с товаром еще на Древнюю Русь, у стен новгородского детинца были разложены дары всего мира. Я об этих гостях говорю!

- Выше башки не прыгнешь... Мы - в блокаде...

- А как может существовать мир (весь мир), не торгуя с нами? Они не выдержат сами. Они придут, прорывая блокаду. Придут и разложат свои товары. Мы разложим свои. Так будет, и тогда Мурманск никто не посмеет назвать "дырой"...

- Хорошо говоришь, Константиныч... Ах, как здорово!

Небольсин даже обиделся, будто ему не поверили.

- Ты это как сейчас... с насмешкой?

- Да что ты? Какая тут насмешка! Я себя слушаю - как мед пью. Бараки, вагоны, грязь, проволока... Романтик ты, видать, вроде меня, грешного. Я тоже люблю помечтать когда...

Небольсин стрельнул у него табачку.

- Мои глаза, - сказал, отплевывая махорку, попавшую в рот, - так устали видеть разрушение, что руки давно тянутся к созиданию. Во мне все-таки душа инженера. Уже по самой сути своей профессии я имею право впадать в романтику...

Просыпались, звякая кружками, бойцы, тащили с хвоста эшелона фыркающие чайники. Спиридонов тронул Небольсина за плечо:

- Ну, ладно, путейский. Пройдусь...

- Стой... - прошептал Небольсин, не отрываясь от окна.

Взметнулась его рука, пальцы стиснули рычаг, и Небольсин рванул на себя стоп-кран. На полном разгоне затихала скорость.

- Константиныч, куда?... - крикнул Спиридонов.

Взвилась шинель - инженер спрыгнул под насыпь, рухнул в сугроб; из окон вагонов пялились бойцы, дивясь остановке среди тундры. Летела вдаль пыль облаков, жестко торчали черные, словно обгорелые, сучья кочкарника.

Тоска... ветер... безлюдье...

Закрыв ладонями лицо, Небольсин заплакал, и это видели все.

Спиридонов тоже спрыгнул под насыпь: он сразу все понял. Ему не хотелось сейчас смотреть на то, что разрыл Небольсин среди сугробов. Но взгляд упал искоса, невольный, - и увидел чекист... Он увидел всю неприглядность людского праха: истлевший погон прапорщика на шинели, ключья нетленных рыжих волос, облипавших оскаленный череп.

- Это... Соня! - сказал ему Небольсин. - А он вот тут, где-то рядом с нею... Остальные тоже здесь, двадцать три человека...

Схватив инженера в обнимку, Спиридонов потянул его в вагон.

- Пойдем, пойдем. Не мучь себя, Константиныч, ей-ей, ничем не поможешь. Таких-то могил, ежели у каждой нам остановки делать, так мы и до Мурманска не доберемся...

И, сказав так, махнул в сторону паровоза:

- Машинные! Крути далее. Остановка была по частному поводу и боевого значения не имеет!

От переднего вагона, где размещались партизаны Колицкого отряда дяди Васи, пробежал вдоль всего эшелона боец.

- Впереди дрезина! - кричал он. - Эй, Спиридонов, где он?

Иван Дмитриевич уже шагал в головной боевагон, крепко ставя ноги

на площадках переходов, лязгающих и воющих под ним. Осатанело неслись мимо шпалы, в ряби и грохоте, выли рельсы, стелясь.

Телефонист прижимал трубку зуммера к вспотевшему уху.

- Что сказать на паровозы? - спросил.

- Скажите: пусть едут, как ехали...

С площадки, где торчал одинокий пулемет "шоша", уже открывалась дорога - дорога, до самого океана. Спиридонов и без бинокля отчетливо видел, как ползет впереди жучок дрезины с бронеколпаком. Напором ветра прижимают к стене, высекались из глаз ледяные слезы, но ветер был чист - без единой соринки, как и положено в зимней тундре.

"Мурманчанин" нагонял дрезину: два локомотива терлись локтями - в яростном паре, в масле и горячности неустанного бега. Но, видать, на дрезине были не простаки: бронеколпак развернулся, сыпанув по составу затяжной очередью (патронов не пожалели).

Спиридонов захлопнул за собой блиндированную дверь.

- Пусть нажмут! - крикнул телефонисту, и тот передал:

- Машинные, клади березу... оставь осину!

Удиравшие на дрезине попали впросак: теперь им не было смысла останавливаться - их бы расплющило натиском брони, прежде чем беглецы успели бы махнуть под насыпь. Разрывные пули крепко и больно стегали по блиндам переднего вагона.

- Приготовься, товарищи, - тихо приказал Спиридонов.

Бойцы заталкивали в оружие свежие обоймы, снимали шинели, чтобы быть налегке для боя. Спиридонов, стережась пуль, искоса выглянул в окно. Ага! Дрезина мчалась уже под самыми буксами вагона, в прорези бронеколпака, над самым прицелом, Иван Дмитриевич увидел узкие от бешенства щелки чьих-то глаз... Две пары глаз!

Удар! И сразу завизжали тормоза, бронепоезд вздрогнул, осаживая назад, - это машинисты дали контрпар.

- Вперед! - И распахнули настежь двери...

Дрезину ударом букс отбросило в сторону, два человека улепетывали прочь, цепляясь за кусты, они тонули в сугробах.

Их, конечно, взяли сразу - взяли обоих. Живыми, теплыми.

Это были поручик Эллен и "комиссар" Тим Харченко...

- Можете опустить руки, - распорядился Спиридонов и затолкал обратно в кобуру свой тяжелый и длинный маузер. - Кому я сказал: бросай оружие!

Бросили в снег оружие, и Эллен сунул руки в карманы шинели (на это тогда, в горячке, не обратили внимания).

- Товарищи... ридные, - заговорил вдруг Харченко.
- Цыц! - велели ему. - Не роднись!
Довели до вагонов. Вскрыли чемодан, набитый фунтами.
- Унести под расписку начфина...
Каратыгинский чемодан утащили бойцы.
- Ну, ты, - сказал Спиридонов поручику Эллену, - ты отойди в сторонку. С тобой разговор будет особый. И не со мною, а займутся тобой другие люди... повыше меня да поумнее!
Эллен, усмехнувшись, покорно и молча отошел от Харченко.
- А с тобою, Харченко, - сказал Спиридонов, - разговора вообще у нас не будет. Шлепнем - и всё! Хотя и не видались мы с тобой никогда, но я о такой суке, как ты, немало наслышан...
Харченко затравленно озирался:
- Граждане... вышла ошибка! Все силы свои до последнего издыхания согласен угробить на народ... А может, я нарочно стал комиссаром, чтобы вам помогать? Ну, кто из вас теорему товарища Гаккеля знает?
Никто, увы, не знал теоремы Гаккеля (даже Небольсин).
- Не разводи баланду, и без того тошно, - сказал Спиридонов, поворачиваясь к вагону. - Умей помереть, Харченко, чтобы мы тут с тобой не возжались... У нас нет времени!
- Товарищи! - зарыдал Харченко. - Кого стрелять будете? Комиссара стрелять, да? Да я ж сын народа... кровью своей... Ежели не верите, любого с "Аскольда" спросите.
- А где "Аскольд"?
- Увели его проклятые интервенты... увели союзники!
- Союзники... - грубо выругался Спиридонов. - Какой ты для нас комиссар? Ты - шлюха продажная, тебя кто хотел, тот и ставил раком на любом перекрестке.
- Послушайте, уважаемый! - раздался голос Эллена. - А мне что, так и стоять тут, выслушивая эту ахинею?
Грянул выстрел.
Это Небольсин выстрелил в Эллена - в упор.
- Брось! - гаркнул Спиридонов.
Эллен стоял - как ни в чем не бывало, только синева обозначилась под его глазами - резко-резко.
- Плохо стреляешь, Аркашка! - сказал он с язвой.
Спиридонов вырвал из пальцев Небольсина браунинг, когда-то подаренный на дружбу; рука уже вздернулась, чтобы дать (опять-таки по дружбе) хорошего леща.

- Ну, Константиныч, - сказал в гневе, - другому я такого самоуправства не простил бы... Только из уважения к тебе. Уйди от греха. И никогда не лезь в мое дело, как я в твое не совался!

Небольсин, качаясь, поднялся в вагон. Остановившись на площадке, он злобно выкрикнул в сторону поручика Эллена:

- Правда - на моей стороне! А я тебе предрек: ты будешь мертвым... ты будешь мертвым, подлец! За всех тех мертвых, которые сейчас лежат вдоль дороги...

На снегу совсем замирал Харченко: трусил.

- Харченко, умеи помереть, - повторил ему Спиридонов. Харченко не умел помереть. Дело даже не в пуле. Пуля - дура, это верно. Дело в том, как ты встречаешь свою последнюю пулю. Харченко слопал ее, стоя на коленях...

- Готов? - спросил Спиридонов. - Проверьте.

- Готов, - ответил боец, заглянув в лицо убитого.

- Ну и порядок. - Спиридонов стал подниматься в вагон. В этот момент Эллен спросил у охранявших его:

- Этот, который вами командует... такой молодой, такой красивый... Это и есть знаменитый товарищ Спиридонов?

- Да, - ответили ему, - это и есть товарищ Спиридонов.

- Ну, хорошо... - И лицо Эллена скривилось, как от боли.

Спиридонов уже ступил на последнюю подножку.

- Получай! - выкрикнул Эллен.

Из кармана его шинели взметнулось пламя и веселой змейкой пробежало поверху, до самого воротника, обжигая ворс ткани. Иван Дмитриевич охнул, пальцы его сорвались с поручней, и чекист рухнул обратно - спиной в снег. Он был жив, глаза его глядели осмысленно. Он пытался сесть и вдруг закричал от боли.

- Нет, нет! - говорил он бойцам, подбегавшим отовсюду. - Не бойтесь: я жив... Но... Где он? Не убивайте его, это не наше дело... Я живой! Я буду жить...

Элленовская пуля разорвала ему седалищный нерв{38}. Его внесли в вагон на руках, уже истомленного борьбой с болью, которую было никак не унять... Тронулись! Плавно.

- Не вздумайте останавливаться из-за меня, - говорил Иван Дмитриевич, кусая губы. - Только вперед, нас ждет Мурманск!

Фельдшер окровавленным корнцангом доставал пулю из тела.

- Дело плохо. Только Петрозаводск, только Петроград...

- Только Мурманск! - отвечал Спиридонов.

Под колесами бронелетучки громыхали последние версты.

- Поднесите меня к окну, - просил Иван Дмитриевич. - Я так хочу увидеть этот город... Два года... болота... голод...

Вдалеке - за сопками - сверкнула желтая искорка.

- Что это? - спросил он.

- Кола, - ответил ему Небольсин. - Лежи, это - Кола...

Разом взревели паровозы, защелкали за окном вагоны. Аркадий Константинович пальцем смахнул набежавшую слезу.

- Чего плачешь, инженер? Я-то ведь не плачу...

- Можешь заплакать и ты. Мы... в Мурманске!

* * *

Но еще долго катили через пересечку путей, над стыками стрелок, дружески переводимых на свободную линию. Толпились бойцы на площадках и переходах, чтобы первыми, первыми, первыми... Вдоль перрона бежали люди, кричащие буйно, восторженно.

И вот - остановились...

На "фундамент" будущего Мурманска, крытый мохом и снегом, высаживались бойцы Спиридонова. С эсминца "Лейтенант Юрасовский" шарахнула носовая, салютуя бронепоезду, как корабль кораблю, приплывшему издалека. Флаги текли в раскачке шагов, ломили люди через рельсы, мимо барakov, топча колючие букеты проволоки.

Стихийный митинг возник как-то сразу, кого-то качали с распущенными обмотками, и длинные обмотки крутил ветер. Шапки, фуражки, бескозырки порхали над белизной, под синевой. Выше, выше!

Небольсин побыл на митинге, его даже заставили выступить.

- У меня нет сегодня настроения говорить, - сказал он, узнавая в толпе знакомые лица. - Я буду краток: воссоздавать разрушенное теперь не имеет смысла. Не говорите мне больше: тупик. Тупик навсегда кончился - рельсы обрываются в океан, и корабли подхватывают то, что доставили паровозы... Мы с вами стоим сейчас на самом краю потрясенной России. Наше плечо - правое плечо всей России. А воссоздавать разрушенное не следует... Надо строить все заново, - закончил Небольсин. - Именно с таким настроением я и прибыл сюда. Как представитель самой древней в мире профессии - профессии строителя! Время барakov и вагонов - к черту! Пусть будут дома с широкими окнами... Почему? Да потому, что надо ловить солнечный свет в этом темном краю!

И спрыгнул с трибуны...

Его вдруг властно потянуло в контору дистанции. Мимо барakov бывших консульств, где столько было пито, мимо здания "тридцатки", где

раскинули теперь походный лазарет, мимо зарешеченных окон комендатуры, где сидели сейчас арестованные белогвардейцы, не чающие надежд на спасение, - шел Небольсин, сгибаясь под ветром. Толкнул перед собой расшатанную дверь, пусто...

Контора была в разгроме и хаосе. Начальник дистанции (самой ответственной на Мурмане) прошел в свой кабинет. Ветер с океана задувал через выбитые стекла, на полу лежал горкой снег, а на снегу - ни одного человеческого следа; видать, давно сюда никто не заглядывал. Аркадий Константинович похлопал себя по карманам, надеясь отыскать курево. Безднадежно, курева не было. Он осмотрел туманный рейд: зябнули, падая с высоты на черную воду, чайки. Где-то крикнул паровоз - ему ответила корабельная сирена.

- Нет, не умерли, - сказал он себе. - Живем... оживаем! Он вспомнил Спиридонова. "Бедняга!" - подумал. И вдруг блеснуло в глаза солнцем и белизной, почудились аркады и маяки, что слепят в ночи мореходов круглыми совиными глазами; легкая птица мечты, пролетев над Мурманом, задела его своим туманным крылом... Стало на миг так хорошо, так отрадно!

- Курнуть бы... - сказал Небольсин.

Увы. Он стоял сейчас в самом конце дорога.

А над причалами клубилась, ворочалась, словно тесто, теплая мгла и влага Гольфстрима. "Скоро! - думалось ему. - Скоро оторвутся от пирсов корабли, эти извечные бродяги, и уйдут, колобродя, темные воды, в лучезарные страны. Что откроется им с высоких продутых мостиков? Развернется ли дымная Темза, блеснет ли в зное и плеске белый камень Сан-Франциско, Кейптаун или камни Аляски, - многое видится теперь отсюда, через окна этой конторы... Какой большой мир!.."

- А вот курить совсем нечего, - вздохнул Небольсин.

И вдруг вспомнил, что ведь у него в столе был потайной ящик. Сорвал крышку американского бюро, - слава богу, коллекция его цела. А в тайнике лежали сигареты, еще со старых времен, уже хваченные плесенью, и - письмо. Аркадий Константинович развернул бумагу, - это было письмо, отправленное братом еще с позиций Мурмелон-ле-Гран, перед самой отправкой его в Салоники...

Небольсин пробежал глазами только конец: "...распахнется окровавленный занавес этой кошмарной трагедии мира, и самые красивые женщины выйдут навстречу к нам с печальными цветами воскресшей весны. Именно - к нам, ибо мы, русские, останемся победителями..."

- Лучшие женщины мира, - опять вздохнул Небольсин. - Где же вы?..

Тихо скрипнула дверь конторы.

Вошла неряшливая старуха с седыми ключьями волос, что торчали из-под грязного платка. Небольсин не сразу узнал, что это была Дуняшка, а стоптанные валенки бабы не решались ступить далее порога. Молча стояла, словно выискивая для себя жалости...

Небольсин решил ни о чем ее не расспрашивать.

- Здравствуй, Дуняшка, - сказал равнодушно. - Вот и ты...

И, сказав так, удивился своему равнодушию. Тяжело опустив руки вдоль бедер, Дуняшка спросила:

- Что делать-то? Делать-то ничего не надо ли?

- Нет, надо, Дуняшка... надо!

Снова посмотрел на рейд, перевел взгляд на комнату:

- Уборщицей при конторе... хочешь?

- С чего отказываться нам? Хочу.

- Ну, вот и начинай все с самого начала... работы много.

Кусая угол платка, Дуняшка с поклоном удалилась.

А с лестницы простуженно и хрипло гудел дядя Вася:

- Начальство-то тут? Можно показаться?

- Входи, дядя Вася... Ну, чем там митинг закончился?

- Да потехой, - сказал печник, доставая кисет. - Будешь сосать мою "фениксу"?

- Спасибо. Уже курю.

- Печенга прислала в Мурманск радиво; мол, давайте скорее к нам... Освобождайте их, значит! Ну, и кликнули добровольцев. Так будто на праздник народец кинулся в запись. Меня, как старого, отшибли. Пуговицу оторвали... Така хороша была пуговка, кой годик служила... На тебе, потерял ее! Вот и заглянул к тебе, по старой памяти.

Кинув шапку на желтое бюро, дядя Вася склеил сигарку.

- Эх, загадили-то! - сказал, озираясь по стенам. - Может, сразу и браться? Дело-то уж такое мое - печки.

- Берись, - ответил Небольсин. - Клади печки, стекла вот тоже вставь... Ну, тебя учить не нужно, старый работник.

Дядя Вася был настроен раздумчиво.

- Яти ее мать, эту печку! - рассуждал он. - Печка, до чего ж великое дело в государстве Российском... Особливо, ежели ишо здесь - на севере. По опыту знаю, что без печки человек хуже собаки становится. Так и рычит, так и рычит... Холод куда как хуже голода! От печки же и происходит весь смак нашей человеческой жизни. У печки - любовь. У печки - мир. У печки согласие. Только, скажу тебе по чести, Константиныч,

хоть не хоть, а из-за кирпича беспокойно живется... Хреновый ныне кирпич пошел! То ли вот ране бывало... Я туя эпоху, когда кирпич хорош был, еще застал в своей цветущей молодости...

На столе тихонечко, словно боязливо, звякнул вдруг телефон.

- Чудеса, - сказал Небольсин, не веря своим ушам.

- Сымай... звонит ведь, - кивнул дядя Вася.

- Да нет, не может быть.

Но телефон уже звонил - в полный голос. Он звал, требовал, надрывался в настойчивом призыве.

- Да, - сказал Небольсин, срывая трубку, всю в пыли. В ответ - звонкий голос барышни:

- Из Петрограда - курьерский, "14-бис". Прошел станцию Лопарская, на подходе Тайбола... Приготовьте пути. Мурманск, Мурманск! Почему молчите? Кто принял?

"Кто принял?" - подумал Небольсин и ответил:

- Как всегда - начальник дистанции... Соедините с Колой.

- Закрутилось, - гыгыкнул дядя Вася, дымя.

- Кола, Кола, - звал Небольсин. - Кола, из Петрограда - курьерский, "14-бис", первый курьерский на Мурманск... Освободите свои пути, пропустите на Мурманск!

Он повесил трубку и улыбнулся:

- А чего же тут удивляться, дядя Вася? Дорога всегда есть дорога. И на то она создана, чтобы люди по ней спешили..

* * *

Люди спешили, задумываясь над счастьем.

Надо было готовить пути - под бегущее мимо окон счастье.

В добрый час!

Глава десятая

В снежном завале за Печенгой бойцы отыскивали пограничный столб. Сбили с него орла, размахнувшего крылья над полярной теменью, и развернули красную звезду на запад. Так был возвращен народу громадный Северный край - на грани ночи, над обрывом в океан.

640 000 квадратных верст с населением тоже в 640 000 человек. Восхитительно точно на каждую душу по целой версте. До чего же широко и просторно живет человек в этом краю!

Шумит над крышею звонкий лес под Шенкурском, стреляет по елкам красная белка, проходит медведь, вытряхивая из-под снега белую куропатку; а в реке плещется красноперая рыба.

Тогда мы еще не ведали, как подспудно богат русский север. Затаенно

лежали, издревле храня свои тайны, нетронутые дикие земли Тогда - в эти первые годы - мы черпали богатства только поверху, что бросалось в глаза то и орали. Рыбу - сетями и мережами, белку - пулею в глаз, молевое бревно крутилось в порогах, и его хватали баграми дюжие дядьки на весенних запанях.

Северная красавица стыдлива: прошло немало лет, прежде чем нам до конца открылось ее лицо.

Это прекрасное лицо - лицо моей первой любви.

Я ничего не знаю прекраснее русского севера!

Глава одиннадцатая

Год 1920-й - год больших надежд и пламенных мечтаний.

Год холодный, голодный - замечательный год.

Люди оглядели друг друга и задумались о любви.

"Теперь - можно!"

* * *

- Что вы отворачиваетесь? - сказал Женька Вальронд. - Я вам говорю о деле... Теперь можно подумать о технике, пришло время. Флот разорен, и его надо создавать заново...

Молодой комдив ходил по тесной каюте сторожевика, а перед ним навтыжку стоял дивизионный механик.

- Вам, наверное, кажется, - продолжал Вальронд, - что если война закончилась, то подшипник гребного вала пускай купается в манной каше, а не в тавоте... Кстати, вы дутье Гоудена опробовали?

- Забыл, - слабенько оправдался механик.

- Вот видите... А из машины у вас тянет виндзейль, стационары же холостят. Так дальше нельзя! - произнес Вальронд. - Флот у нас пока маленький, и каждый вымпел этого флота, особенно здесь - на севере, должен быть начеку... И наконец, последнее, - заметил Вальронд строго. - Все мы, моряки, никогда не были в дураках по части выпивки и закуски... Вы разве сомневаетесь?

- Да нет, не сомневаюсь, - охотно согласился механик.

- Но надо знать меру и время. Вот скажите по чести, стармех, вы меня когда-либо видели выпившим?

- Нет, товарищ комдив, никогда не видел.

- А я ведь тоже... не дурак, далеко не дурак! Ладно, - отпустил Женька механика на покаяние. - На первый раз я делаю вам выговор. А потом поставлю вопрос о списании вас с флота. Это как раз тот случай, когда brave специалисты валяются на улице без работы, и мы подберем на дивизион механика более расторопного... Осознайте весь ужас своего

равнодушия - и можете идти!

Продрав механика с песком и мылом, комдив стал бриться - с песком и с мылом. Буквально так, ибо в куске мыла, который он разводил на блюдечке самодельной паклевой кисточкой, попадался мелкий речной песок... Под чьими-то пальцами напористо дребезжала дверь каюты: дру-дру-дру.

- Войдите! - разрешил Вальронд, и в каюту к нему вошел мрачного вида мужчина в штатском пальто; пучки седых волос торчали из ноздрей.

- Я техник с завода... Ваш дивизион вызывал меня. Сверка артиллерийских прицелов на панораме... Так?

- Так точно, - ответил Вальронд. - Садитесь, товарищ.

Заводской техник долго приглядывался к Вальронду:

- А вы меня, комдив, никак не хотите узнать?

- Нет. Помилуй бог - не узнаю.

- Да, - призадумался техник.

- Тогда ведь было темно... в августе восемнадцатого! Да и вы с Павлухиным сидели под капотом. Было нам не до милых, разговоров... Однако "ямайку" вы расхряпали и даже спасибо мне не сказали... Помните?

- Так это вы?! - воскликнул Вальронд.

- Я. Катеришко-то у меня свой. Когда и семгу поймает. Когда и так: семью посадишь в воскресенье - и в море! За ягодами также, за грибами... Катер иметь - дело хорошее, особенно здесь.

Вальронд наспех вытер лицо мокрым полотенцем.

- Послушайте, - сказал, - у меня к вам один вопрос. Весьма конспиративного свойства. Здесь, в Архангельске, при интервентах была такая княгиня Вадбольская, она-то и устроила нам спасение с помощью вас и вашего катера...

Техник удивленно пожал плечами:

- Поверьте, я не знаю никакой княгини.

- Но, помилуйте, дорогой товарищ, кто же в таком случае просил вас спасти меня и Павлухину?

Техник поднялся, построжал лицом.

- Николай Александрович Дрейер, вечная ему память.

- Николаша Дрейер? - удивился Вальронд.

- Да. Мы состояли с ним в одной партийной ячейке.

Вальронд куснул в раздумье пухлую губу.

- Опять я запутался... Если это так, то каким же образом сюда могла затесаться княгиня? Большевик Дрейер и... княгиня?

- Я тоже ума не приложу, о какой княгине вы говорите...

Они сообща проверили схему стрельбы, после чего Вальронд получил у начфина дивизиона жалование (теперь оно стало называться зарплатой). Под флагами Советской страны вмерзли в лед до весны три сторожевика его дивизиона: "Заряд", "Патрон" и "Запал". Как командир этих кораблей, Женька получил сегодня приличное вознаграждение - в миллионах. Реформа еще не была проведена в стране после разрухи, и все исчислялось гигантски - миллионами, причем в ход шли наряду с совзнаками и екатеринки, и керенки, и даже облигации займа Свободы. Один номер газеты "Правда" стоил тогда две тысячи пятьсот рублей, одна почтовая марка обходилась в триста двадцать рублей... Это было время, когда пели:

Залетаю я в буфет

Ни копейки денег нет:

- Разме-еняйте

сорок миллионов!..

Перейдя Северную Двину по льду от самой Соломбалы, Вальронд прыгнул на ходу на подножку трамвая, который дотащил его, тарахтя и названивая, до губисполкома.

Самокин встретил его дружески:

- Садись, морской. Потолкуем...

Странно прозвучал первый вопрос:

- Ты против Советской власти, Максимыч, не возражаешь?

Вальронд подмигнул Самокину:

- А возможно и такое?.. Чего это ты, Самокин, посадил меня под лампой и рассматриваешь? Возражаю - не возражаю...

Самокин сказал ему:

- Я тебе, Вальронд, хочу посоветовать, чтобы ты подумал о вступлении в партию. Тебя знают на флоте как хорошего товарища. Оборона Мудьюга в августе - отлично! Прошлые - чистые...

Вальронд ответил:

- Самокин, ты же знаешь: я окончил перед войной Морской корпус его величества. Там великолепно давали навигацию, тактику, историю флота, языки, артиллерию, минное дело, гальванное, пороховое и прочее. Но - вот беда! - там не давали нам Маркса...

- А своя голова у тебя на што? - спросил Самокин.

- В том-то и дело, дорогой товарищ Самокин, в этой башке есть все, от навигации до тактики, но вот Маркса... увы, не содержится! Я ведь не поручик Николаша Дрейер, который на лекциях по такелажу Карла Маркса штудировал. Мне давали брамшкотовый узел - вязал брамшкотовый, давали выбленочный - пожалуйста, я тебе и сейчас с закрытыми глазами свяжу. Но

Карла Маркса при этом я под партою не держал. И скажу тебе честно, Самокин: быть в партии только по билету, чтобы ушами хлопать, я не желаю. Дайте мне Маркса, как раньше давали курс артиллерии, - тогда дело другое. Советской власти трудно - я ей от души сочувствую. И вы меня занесли в число сочувствующих. А в партию, прости, Самокин, рановато мне... Дай осмотреться. Поразмыслить.

- Знаешь, - ответил Самокин, - тяжело тебе будет командовать кораблями без знания той идеи, за которую страна боролась и еще будет много бороться.

- Я же... воевал! - обиделся Вальронд.

- Верно. И хорошо воевал. Но больше наскоком. Сгоряча Трах-пах-тарарах! - и ты победил. Не вдумываясь. Скажи, разве не так?

- Пожалуй, отчасти ты прав, Самокин. Очень мне не понравилось тогда на Мурмане. Бежал куда глаза глядят...

- Вот видишь, - поймал его Самокин. - Куда глаза глядят!

- Но поглядел-то я в вашу сторону, - вывернулся Вальронд. Самокин крепко хлопнул его по плечу:

- Ладно. Может, ты и прав, что не спешишь. Партии ведь тоже не нужны лишние. Учись, мозгуй сам. Придет время - и явишься к нам... Здоровье ничего?

И вдруг Вальронд ответил:

- Не поверишь ты мне - плохо! Задыхаюсь временами.

- Брось курить. Сосешь всякую отраву.

- Надо. Сам понимаю.

- Обедал? - спросил его Самокин.

- Нет, не успел.

- Ну, пошли в нашу столовку...

* * *

С разговорами о магнитных минах, которые еще не все вытралены после англичан, они обедали в шумной столовой Архангельского губисполкома. Самокин между делом, потягивая кисель, спросил:

- Максимыч, ты как теперь насчет этого... не закидываешь? Я ведь не забыл, как тебя на Цейлоне нагишом на крейсер доставили.

Вальронд ответил ему - без улыбки:

- А я вот, знаешь, часто вспоминаю о своей маме...

- О маме?

- Да. Она была умная женщина. И вот она говорила, помню, так: если человек до тридцати лет не женится и продлевает грехи молодости - то этот человек уже пропащий.

- Умная у тебя мама, - согласился Самокин.

- Еще бы! - восторженно подхватил Вальронд. - А если к сорока годам человек не разбогатеет, то ему уже никогда не разбогатеть. Но я сегодня как раз получил за месяц службы полтора миллиона, и будущее меня отныне уже не страшит.

Самокин улыбнулся:

- А сколько тебе сейчас, Максимыч?

- Сейчас двадцать девять... Пора исполнить святой завет моей мамы: остепениться и, остепенясь, жениться.

- Это хорошо, - похвалил его Самокин. - Только дам совет не женись ты никогда на дуре. Лучше пусть старше тебя, пусть уroda косая, - только бы умная. А с дурой - наплачешься...

В этот момент Женька заметил женщину. Она была в тужурке чекиста, а под локтем держала остроконечную буденовку. В руке, поднятой над столиками, она несла стакан с чаем. И растерянно озиралась, выискивая свободное место. Это была... княгиня Вадбольская! Вальронд спокойно (он умел быть спокойным) сказал:

- Погляди, Самокин, какая красивая женщина... правда? Кстати, ты не знаешь ли - дура она или не дура?

- Дашу Коноплицкую дурой не назовешь, - ответил Самокин.

- Кто, кто это? - удивился Вальронд.

- Даша Коноплицкая, наш работник... Она оставалась тут при англичанах, и через нее мы знали все, что делается в стане врага... Хочешь, познакомлю? - спросил Самокин.

Женька Вальронд придержал частое дыхание.

- Ну что ж, - сказал, - давай...

- Даша! - позвал Самокин. - Иди сюда, Даша!

Рядом с Вальрондом опустилась рука, поставив на стол чайный стакан. Командир дивизиона поднял голову и встал. Даша сразу вспомнила его:

- Мы уже знакомы... княгиня Вадбольская.

Вальронд отчетливо приударил каблуками:

- В таком случае - граф Калиостро, принц Сен-Жерменский... Прошу, ваше сиятельство! - И пододвинул женщине табуретку.

- А вы оба... красивые, - сказал Самокин. - Да вроде бы и не дураки. Ну, ладно, ребята. Я пойду. Побеседуйте...

Они остались одни. Долго молчали.

- А вы все там же? - спросил Вальронд. - В слободе?

- Да. Привыкла... хозяева оказались хорошими. А знаете, - неожиданно призналась Даша, - ведь я стала тогда княгиней совсем нечаянно. С вашей

легкой руки! Вы случайно обмолвились на вокзале в Вологде, оказывали мне всю дорогу такое внимание... Вы шутили, я понимаю. Но ваша шутка подсказала мне все дальнейшее. И я, кажется, удачно развила ваш случайный экспромт.

- А вы, - подхватил Вальронд, - тогда помогли мне с отметкой командировки у адмирала Виккорста. Вы помните, Даша, как все попадали в обморок при виде вас в штабе? А я только успевал складывать в штабеля трупы влюбленных в вас!

- А когда вы сидели на Гороховой, два, - продолжила Даша, - в здании ВЧК, и писали отчет, я его уже тогда читала. В одном поезде с вами (вы не знали этого) я выехала из Петрограда и всю дорогу мучилась... Как? И вдруг - вы: с вами под руку я вошла в Архангельск, как с паспортом. Наша встреча была случайной...

- Сегодня - тоже, - сказал ей Вальронд. - Завтра мы встретимся опять случайно. И я желаю, чтобы каждый день мы встречались с вами... случайно!

Вальронд уже не отпускал Дашу от себя, и женщина все поняла превосходно. Она была постарше Вальронда, опытнее его в жизни, она многое умела читать по глазам. А в глазах моряка плакали тоска, смятение. Женька готов был раздрать себя на сто кусков - только бы она никуда теперь не делась...

- Куда? - спросила его Даша на улице.

- У меня, - похвастал Вальронд, - полтора миллиона в кармане.

- О!

- И если я не истрачу их сегодня - я не успокоюсь.

- Ты всегда так делаешь, командир?

- Неуклонно. Деньги у меня существуют только один день. Иногда, честно признаюсь, мне даже не хватает их до вечера.

Даша сказала:

- Представь! У меня точно такое же положение... Только то, что я мать, у меня на руках ребенок, это еще немного меня сдерживает. Я готова пустить по ветру все деньги. И мне всегда что-нибудь нравится... Так хочется купить! И... нету денег.

- А я совсем не спросил... как ваша дочь? Твоя дочь?

- Ничего. Спасибо. Понемножку занимается домашним разбоем. Уходя на работу, я закрываю, ее. - Даша показала Вальронду ключ. - И никогда не знаю, что меня ждет дома, Евгений.

Это "Евгений" прозвучало так неожиданно, что Женька Вальронд даже отшатнулся.

- Но меня так никто не зовет - Евгением, я - Женька... Самый чистокровный и неподдельный Женька! Бывший мичман и командир носового плутонга крейсера первого ранга "Аскольд"... Где-то он, бедняга, сейчас?

- Крейсер? - спросила Даша.

- Да, - загрустил Вальронд. - Наверное, стоит в доках Девонпорта. И, в лучшем случае, англичане режут его на куски автогеном. Он был очень старенький, этот крейсер! Такой старенький, что когда мы давали на нем фуль-спит, то на корме пулями вылетали заклепки... Боже, как давно все это было!

Кинематограф был еще закрыт, и они направились к цирку-шапито, недавно раскинутому на набережной. Заплатив сто тысяч, Вальронд приобрел места в первом ряду. Он любил цирк, и Даша, как выяснилось, любила тоже.

Два старых льва, подгоняемые стуком бича, лениво вышли на арену. Один лев пережил в Архангельске интервенцию, бока у него ввалились, грива свалилась, - много было переживаний у льва. Своего дрессировщика звери слушались очень плохо и больше зевали, словно не выпалились. Один из них уселся на барьер тощим задом, и хвост его просунулся между прутьев решетки. Как раз возле колен Дашы, на что Вальронд заметил:

- А что? Совсем неплохая кисточка для бритья... В полумраке шапито блеснули озорные женские глаза.

- Наверное, она очень мягкая, - шепнула Даша. - Приятно провести по лицу этой кисточкой... Что вы делаете? - вскрикнула.

- Как что? - ответил Вальронд, беря льва за хвост. - Мне будет приятно исполнить ваше желание. За льва не волнуйтесь: мы с ним старые приятели...

Лев вдруг глухо провыл, скаля зубы на дрессировщика.

- Держите его... ради бога! Держите, - говорила Даша. Лев видел только одну причину плохой жизни - в своем же дрессировщике. И когда его взяли сзади за хвост, он напрягся всем телом, готовый сорваться в стремительном прыжке. Вальронд понял, что шутки плохи и теперь надо спасти дрессировщика.

Упершись ногами в барьер, он схватился за хвост двумя руками. Прямо перед ним металось лицо несчастного укротителя, которого лев готов был сожрать на месте.

- Теперь держите крепко, - велела Даша.

- Он в моих руках... не стоит волноваться!

Вальронд дождался, когда дрессировщик скроется, и разжал пальцы.

Лев пулей вылетел на середину арены. Шапито наполнился светом, и Даша взялась за свою буденовку:

- Ну вот и доигрались. К нам уже идет милиция...

Милиционер еще издали нацелился на Вальронда взглядом:

- Товарищ командир, пройдемте... до отделения!

Следом за Вальрондом тронулась и Даша.

- Придумай хоть оправдание, - шепнула она.

- Уже придумал: лев напал на тебя, а я вступился...

Даша простояла на улице, пока Вальронда не выпустили из милиции.

По лицу его она поняла все.

- Чист, командир?

- Аки голубь. Обработали. До конца месяца... А ведь еще сегодня утром у меня было полтора миллиона!

- Теперь моя очередь тратиться, - сказала Даша.

- Что ж, начинай теперь ты...

- Но вот беда: у меня давно ничего нет.

Безденежные и молодые, они стояли на снегу. Вдалеке виднелся частокол мачтовых штыков, словно вздетых для боя. Над Соломбалой дымно несло из труб, изгарь доков оседала на льду реки, а здание флотского полуэкипажа приветливо светилось огнями: там ужинали матросы.

Даша застегнула ему воротник шинели, и по тому, как неудачно были пришиты крючки, она догадалась, что здесь не было женской руки, - моряк молод, и женщины у него нету.

- Не будем стоять, командир. Хочешь, пойдем ко мне и будем пить чай...

- Еще бы не хотеть! - подпрыгнул Вальронд. - Если уж признаться по чести, то я только и жду, чтобы меня пригласили...

* * *

Та же улочка Немецкой слободы, замеченные пышным снегом заборы, тишина переулков и скрип снега под ногами. Все тот же старый дом с палисадником, и светятся в глубине двора зеленые абажуры.

- Прошу. - Он пропустил Дашу впереди себя на крыльцо. Даша долго не могла попасть ключом в скважину замка.

- Всегда с ужасом открываю, - говорила она. - Прошу не пугаться, если для начала я займусь домашней уборкой. Удивительный запас энергии у моей дочери...

В комнатах было тепло, так приятно было сложить перчатки перед зеркалом. Навстречу матери выбежала девочка - со словами:

- Мама, ты не ругайся сегодня - я уже все убрала.

- Тем хуже для меня...

А за стеною журчала швейная машинка и бедная швея пела:

Вкупе брак, вкупе гроб,

Вкупе кляч, вкупе смех.

Вкупе жизнь без хвороб,

Непохожая на всех...

Вальронд заметил, что девочка сильно выросла, и нежно провел ладонью по ее льняным волосам.

- Тебя, если не ошибаюсь, раньше называли Клавой?

- Да. Клава!

- Вот видишь, какое у тебя чудесное имя... А как прикажешь называть тебя по батюшке?

- Евгеньевна, - ответила девочка, и Женька Вальронд чуть не отдернул руку от ее головенки, как от огня.

Прищурившись, он стоял, прислонясь к косяку двери, и следил, задумчивый, как Даша накрывает на стол к чаепитию. Потом сказал - громко, со смыслом:

- Это неплохо твоя мама придумала. Твоя мама умница: она умеет предугадывать события в своей жизни заранее... А что, если, Клавочка, ты будешь называться так Клавдия Евгеньевна Вальронд? Скажи, девочка, тебе это нравится?

- Очень, - ответил ребенок.

- Мне тоже нравится. Это неплохо звучит... - И он с удовольствием повторил: - Клавдия Евгеньевна Вальронд! В этом действительно что-то есть... У меня с тобой, Клавочка, будет на эту тему разговор особый.

Лицо Даши оставалось непроницаемым, словно она не понимала всех этих намеков. Поведя рукой над столом, женщина сказала:

- Садись, командир. Что есть - то есть, в магазин не побегу.

Потом, уже после чая, когда стрелка часов подбегала к полуночи, а утомленная дневным разбоем Клавочка крепко спала на диване, румяной щекой на подушке, Даша сказала:

- Я тебя провожу, командир. До набережной.

Вальронд распетушился, - на всю морскую мощь:

- Я не тот мужчина, который позволит женщине провожать себя!

Но Даша уже сунула в пальто браунинг:

- А я не та женщина, которую провожают мужчины...

...Сыпал мягкий снежок. Обоим было очень хорошо. Лысенький Ломоносов, весь в снегу, стоял перед исполкомом, величаво играя на

классических цимбалах.

- До чего же мне не нравится этот Ломоносов!

- Он никому не нравится, - ответила Даша. - Но зато классика. Работы Мартоса... Для музея - хорошо, для Архангельска - плохо!

- Мне нравится Ломоносов иной, - сказал Вальронд.

- Какой же?

- Без цимбал. С дубиной в руке он догоняет академика Шумахера, чтобы побольней лупануть немца по хребту.

- Ты очень буйный, командир. Тебя слушаешь, так одни калибры, дюймы, пороха и дубины... Тебя надо пригладить! Чтобы ты стал нежный и каждый вечер играл на цимбалах!..

Наступила пора прощаться - на снегу, на ветру. Даша разглядывала рванный палец своей перчатки и ждала, что он ей скажет...

- Я считаю, Даша, - .сказал Вальронд, не откладывая дела в долгий ящик, - что лучше меня вам никого не найти... Пожалуйста, я тебя очень прошу: подумай обо мне сегодня...

Резко повернувшись, она пошла прочь от него. "Обиделась?" Нет, не обиделась... Обернулась и помахала рукой.

- Я подумаю! - ответила издали и убежала (как девочка)...

Вальронд вытер лицо снегом и пошел на корабль в Соломбалу. Прямо через лед реки - прямо на дивизион.

А она пусть думает. Пусть она думает теперь всю ночь...

Пусть она не спит до утра - и думает. Все равно - лучше ей ничего не придумать!

* * *

Женька Вальронд оказался на редкость хорошим мужем. Он вошел в семейную жизнь отличным хозяином и отцом. Они прожили вместе только четыре года - четыре года, как один день, как один вздох, как один ликующий возглас...

Комдив Е. М. Вальронд умер от лютой астмы, которая развилась как следствие отравления газами у водопада Кивач.

Алмазна сыплется гора

С высот четыремя скалами,

Жемчугу бездна и серебра

Кипит внизу...

Вечный водопад прошумел и затих навсегда. Его похоронили на скромном соломбальском кладбище, неподалеку от могилы известного полярного морехода Пахтусова.

С могилы комдива открывался чудесный вид: качались мачты

кораблей, а по вечерам на тонких ряях загорались огни, такие уютные и такие зовущие всё вдаль, в моря, в туманы...

После него остался единственный сын.

Тоже Евгений - тоже Женька Вальронд!

Тоже офицер флота, - пусть всегда качаются палубы, пусть всегда ревут, просвистанные штормами, просторы моего океана.

"И твердо серые утесы выносят волн напор, над морем стоя..."

Комментарии

Практически каждая книга Валентина Пикуля вынашивалась и рождалась с осложнениями. Так было и с романом "Из тупика".

К 50-летию Октябрьской революции Лениздат планировал выпуск книги В. С. Пикуля "Юнкера", о чем с автором и был заключен соответствующий договор. Осветить события Октябрьского вооруженного восстания и штурм Зимнего Валентин Саввич хотел не стандартно, а именно: показать революционный переворот не столько со стороны парадного фасада, сколько с противоположной стороны, где находились защитники Зимнего - юнкера, так и не понявшие (как поется в популярной песне), в чем же их вина.

Автор со всей серьезностью отнесся к сложному замыслу. Он досконально изучил все доступные материалы, сопоставляя мнения и свидетельства различных противостоящих сил, стараясь судить о них непредвзято. В результате кропотливой работы над источниками он пришел к выводу, что в деформированной истории господствуют фальсифицированные утверждения о ходе революции, начиная с количества погибших при штурме Зимнего и кончая вещами... куда более серьезными. Валентин Саввич кривить душой не мог.

Исторические документы, которые он изучил, не вписывались в официально принятую схему.

Что же делать? Расторгать договор?

Но аванс уже получен и израсходован. ТУПИК! Надо искать выход...

Тема революции и гражданской войны уже захватила его целиком, и писатель решил рассказать правду о революционной ситуации, только уже не в Петрограде, а на Севере, как он ее понимал.

Замысел романа "Юнкера" был отложен и написана заявка на новый роман "Из тупика".

Договор на книгу был подписан в августе 1966 года с директором Лениздата Поповым Леонидом Васильевичем, а первое издание романа вышло в 1968 году, объемом 55 авторских листов и небольшим тиражом в 65 тысяч экземпляров. Первоначально издательство планировало

выпустить роман в двух томах, но по каким-то техническим причинам он вышел в одном томе, неуклюжий и тяжелый, как кирпич.

С этим романом связан личный, если можно так выразиться, писательский рекорд. Валентин Пикуль собрал все материалы, написал, перепечатал, вычитал, внес исправления и сдал в редакцию рукопись за полгода. ПОЛГОДА. Это всего сто восемьдесят дней и ночей! А рукопись составила тысячу сорок три страницы машинописного текста! Автор работал как бы на одном дыхании, и удивительная работоспособность объясняется лишь одним - Валентин Саввич был "в своей стихии", ведь он описывал хорошо известный ему и обожаемый им Север.

В этом произведении писатель впервые обратился к жанру романа-хроники, а это значит, что он должен был строго следовать жесткой логике исторических событий. Конечно, вымысел в романе-хронике возможен, но он должен реализовываться на основе исторических фактов и подтверждаться документами эпохи.

Роман "Из тупика" многопланов, густо населен героями. География произведения весьма обширна: действия в нем переносятся то в Романовна-Мурмане, то в Архангельск, то в Тулон и Марсель, то в Салоники, то в Кандалакшу и на Онегу. События, освещенные в романе, связаны с установлением советской власти на Севере, в местах, где в годы второй мировой войны воевал автор. Видимо, это обстоятельство придает персонажам повествования рельефность, почти осязаемость.

Простой, доверчивый главный герой Женька Вальронд, как можно заметить, он "унаследовал" некоторые черты характера от самого автора.

Многие страницы романа посвящены крейсеру "Аскольд", который в те трудные для нашей Отчизны времена перешел на сторону революции.

Валентин Саввич считал роман "Из тупика" одной из своих писательских удач. Но официальная оценка романа не была столь однозначной и благожелательной.

Напротив, после выхода книги имя автора на продолжительное время исчезло со страниц печати и было категорически неупоминаемо.

В очерке о Валентине Пикуле, написанном в 1969 году критиком Р. Мессер, справедливо отмечалось: "О нем нет критических статей, существуют лишь краткие рецензии на его первую книгу. А между тем им опубликованы уже пять произведений, четыре из которых - исторические романы".

Что же произошло?

Имя Пикуля со страниц прессы перекочевало в кулуары писательских организаций, на трибуны конференций, в кабинеты обкомов и даже

значительно выше.

Эпицентром словесного фехтования был адмирал Кетлинский, выведенный в романе под фамилией Ветлинский, однако безоговорочно и безошибочно опознанный всеми военморами периода гражданской войны.

Сколько упреков и обвинений посыпалось на голову Валентина Пикуля. Как сейчас говорят, и слева и справа.

В своих, в общем доброжелательных, консультационных замечаниях В. Тарасов, к тому времени около тридцати лет занимавшийся исследованием интервенции и гражданской войны на Севере России, пишет: "Вы, Валентин Саввич, допускаете в книге ряд противоречий в оценке Кетлинского. Правильно показываете его в период службы царю и Временному правительству как сатрапа, а при Советской власти он у Вас выглядит как лояльный новой власти человек. Но этот человек был душой заговора против Советской власти, он создал контрреволюционный штаб Главнамура, в котором все - от писаря до генерала - были белогвардейцами. А он у Вас или в тени, или даже лояльный человек".

Так кто же такой К. Ф. Кетлинский? Сатрап с "Аскольда" или дисциплинированный офицер, прогрессивная личность? Удивительно, но факт. Роман Валентина Пикуля стал поводом к тому, чтобы по этому вопросу спустя полвека в схватку вступили потомки враждующих сторон.

Первую точку зрения отстаивали и академик Кедров, автор книги "От Тулона до Мурмана", и ряд историков и литераторов, но, главное, те, кто знал Кетлинского по Мурману. К. Козловский писал: "Их свидетельство прочно и незыблемо, что в деятельности Кетлинского в Мурманске есть много скрытых, закулисных и темных сторон". В другом письме участника гражданской войны читаем: "Еще живы те, которые знают, кто фактически виновен в расстреле четырех матросов в Тулоне - фигура командира крейсера Кетлинского, сменившего Иванова 6-го, была достаточно известна как махрового монархиста" Матрос-аскольдовец Седнев спустя сорок лет после смерти Кетлинского скажет "Он был душой заговора против Советской власти"

Флагманом оппозиции выступала дочь адмирала, писательница Вера Казимировна Кетлинская, приложившая немало сил, чтобы подкрасить портрет отца в "красный" революционный цвет. Кетлинская защищала родовую честь так, как она это понимала. А все шишки злой критики сыпались на голову Валентина Пикуля.

Но не будем, как это становится сейчас модным, смаковать "негатив" Негативное надо уметь дозировать. Сплошное охаивание убивает ВЕРУ, жизнь без которой не имеет смысла. Это твердо усвоил Валентин Саввич.

И жизнь расставила все на свои места.

22 марта 1988 года в Рижском окружном Доме офицеров состоялось торжественное вручение литературной премии Министерства обороны СССР за 1987 год писателю Валентину Пикулью. Этой награды, как отмечалось в указе, писатель удостоен за активную разработку в своем творчестве военно-патриотической тематики, за пропаганду героико-революционных и боевых традиций российского флота в романе "Из тупика" Награду вручал начальник военного издательства МО СССР генерал-лейтенант В. С. Рябов.

В ответном слове Валентин Пикуль сказал, что он уже 40 лет работает в литературе, но никогда еще не слышал сразу столько добрых слов в свой адрес. "Отрадно, - сказал писатель, - что премии удостоен роман, написанный 20 лет назад, и поэтому невольно приходишь к мысли, что раньше я писал лучше..."

Денежное вознаграждение Валентин Саввич передал в фонд госпиталя Прибалтийского военного округа на нужды находящихся на излечении воинов-интернационалистов.

Примечания

{1} Кондуктор - звание в царском флоте, примерно равное званию мичмана в советском флоте; кондукторы комплектовались из образованных унтер-офицеров, сдавших специальные экзамены. (Здесь и далее прим. автора.)

{2} Появление матросов с крейсера "Аскольд" послужило причиной серьезных раздоров среди различных политэмигрантских кругов в Париже: каждой партии хотелось привлечь боевых моряков, еще не тронутых пропагандой, на свою сторону. К сожалению, нельзя определить точно, какая же партия победила в этой "борьбе".

{3} Приставку "под" военные в царской армии не употребляли: подполковник в разговоре становился полковником, подпрапорщик - прапорщиком (но это только в личном обращении).

{4} Обстановка в русском корпусе во Франции, сложившаяся к описываемому нами времени, прекрасно обрисована в книге "50 лет в строю" А. А. Игнатьева (тогда военного агента в Париже).

{5} Все эти аскольдовцы в дни февраля 1917 года были освобождены восставшим народом из тюрем и штрафных рот, после чего, оставаясь на Балтике, приняли активное участие в Великой Октябрьской революции.

{6} В описываемое время Р. Макдональд представлял собой видную фигуру в международном социализме. Октябрьская революция впоследствии отбросила Макдональда в ряды правых, и позже,

исключенный из рядов лейбористской партии, он стал одним из вожаков движения, направленного против Советского Союза.

{7}Гор. Александровск - ныне гор. Полярный в Мурманской области, на побережье Кольского залива, в сорока километрах от Мурманска.

{8}СНиС - служба наблюдения и связи; посты СНиС, размещенные по берегам вокруг флотских баз, круглосуточно поддерживают связь кораблей с береговыми управлениями.

{9}Лорд Френч был подкуплен германской разведкой и взялся за строительство железной дороги на Мурмане с одной только целью - сорвать его.

{10}Немецкие линкоры "Гебен" и "Бреслау" при очень подозрительных обстоятельствах были пропущены английскими крейсерами в Черное море. Будучи включенными в состав турецкого флота, эти корабли создавали угрозу Черноморскому побережью России.

{11}В начале 1915 года был проложен подводный кабель из Александровска в Англию, поэтому англичане на Мурмане узнавали обо всем происходящем в Петрограде раньше русских.

{12}Главнамур - главное начальствование Мурманского района; в тех случаях, когда этим словом называют начальника Главнамюра, оно пишется с маленькой буквы.

{13} - Эй, немецкая сволочь! Топи нас торпедой... Пусть я пойду на дно, но заодно с этой большевистской бандой. (нем.)

{14}ВЧК была создана за несколько дней до этого совещания.

{15}Это здорово! (фр.)

{16}Увидеться в Архангельске не пришлось: капитан I ранга Кромби был убит в перестрелке с чекистами после раскрытия так называемого заговора Локкарта. Господин Массино - одна из кличек известного шпиона Сиднея Георгиевича Рейли (он же Релинский).

{17}Под этой научной вывеской укрывалась в 1918 году контрреволюционная организация, группировавшая силы белых для борьбы против Советской власти именно на севере России.

{18}Именно под таким названием - "словесное" - это соглашение и вошло в историю интервенции и в историю нашего государства.

{19}Этот гибнущий пароход с детьми и женщинами, о котором здесь говорится, отомстил германским пиратам самым неожиданным образом. Тяжелый паровоз, стоявший на его палубе, при взрыве был сброшен вверх и, рушась с высоты, упал прямо на немецкую подлодку, которая тут же и затонула со всей своей командой.

{20}Из документов видно, что все это время "Аскольд" выдерживал

постоянную четырехчасовую готовность к боевому походу. Такое напряжение может выдерживать длительное время только спаянная команда, скрепленная хорошей дисциплиной и дружбой.

{21}Сведения об этом человеке, сыгравшем черную роль в тулонской трагедии, теряются в Бразилии, где бывший старший офицер "Аскольда" влачил жалкое существование эмигранта на должности мелкого клерка британского страхового общества.

{22}Этот документ приводится нами в сильном сокращении.

{23}Подобное же обращение распространялось всюду, где высаживались интервенты: в Сибири и на юге России; текст обращения приводится в незначительном сокращении.

{24}Позднее, убедившись в подлинных мотивах отступления членов архангельского губисполкома, Виноградов решительно выступил на их защиту.

{25}По законам английской армии, любое звание могло быть временным, после чего его отбирали. Сам же генерал Айронсайд в свою очередь тоже раздавал временные чины. От этого царила полная неразбериха, и британские солдаты зачастую командовали русскими полковниками.

{26}Стихийная "утеря" паспортов на Мурмане являлась пассивным сопротивлением интервентам, срывая мобилизацию белой армии; почти каждый мурманчанин считал своим гражданским долгом хоть единожды "потерять" паспорт.

{27}По свидетельству современников, это была, пожалуй, единственная "святая ложь", допущенная в отношении британского капитана связи Вильсона, который выведен у автора под именем Суинтона; но эта ложь целиком на совести сопровождавшего его чекиста.

{28}"В Германии есть только мармелад, мармелад, мармелад..." - песня русских солдат, бывших в германском плену, где им вместо масла давали мармелад, приготовленный из кормовой свеклы.

{29}Процесс революционизирования американского солдата того времени впервые отображен в художественной литературе Элтоном Синклером в романе "Джимми Хитгинс".

{30}В пору гражданской войны молодая советская авиация, испытывая острую нужду в бензине, летала на так называемой "казанской смеси"; это примитивное горючее готовилось из самогонки.

{31}В концлагере Печенги интервентами практиковалось подвешивание узников, которые так и умирали, не касаясь земли; Комлев был видным представителем Советской власти на Мурмане, и потому-то

интервенты побоялись убить его в Мурманске. Чекист-большевик Комлев был замучен ими в Печенге, вдали от людей, побоями и пыткой подвешивания.

{32}Молодая авиация имела тогда много кастовых традиций. Даже во время гражданской войны, будучи врагами, летчики белой и Красной армий продолжали обмениваться такими "вымпелами" (повестками о гибели), и советское командование не нарушало этих рыцарских традиций, сложившихся в трудной профессии авиатора.

{33}Большевистская ячейка К. Теснанова была расстреляна в июне 1919 года. По сути дела, с арестом Н. А. Дрейера большевистское подполье Архангельска уже не возобновляло своей работы.

{34}Правительство США, отведя свои войска с русского севера, оставило армии Миллера всю боевую технику, а палачам-белофиннам подарило от имени Красного Креста четыреста тысяч пудов хлеба и восемь миллионов пятьсот тысяч долларов.

{35}На примере этого отряда барона Тизенгаузена, составленного из белогвардейцев и попавшего в плен к белофиннам; видно, что белофинны щадили своих коллег; отряд кемского коменданта был распущен ими на все четыре стороны 20 ноября 1920 года вместе с командиром-бароном.

{36}К этому времени полк спиридоновцев получил официальное наименование "41-й Уросозерский полк": награждение полка орденом Красного Знамени состоялось 26 июня 1919 года.

{37}Среди очевидцев этой катастрофы осталось убеждение, что полковник Казаков намеренно разбился при посадке, не желая покидать Россию вместе с армией Миллера.

{38}И. Д. Спиридонов, так много сделавший в борьбе с интервенцией, три года подряд пролежал в ленинградской больнице, прикованный к постели, перенес десять сложных операций. Вот что писал в начале 30-х гг. один его боевой товарищ: "Недавно я встретил его на улице. Жизнерадостный красавец Спиридонов превратился в иссохшего старика, которым командует его неизменная палка-костыль. Но в сердце еще не умер живой пыл, с воодушевлением он вспоминает славное былое..."